

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

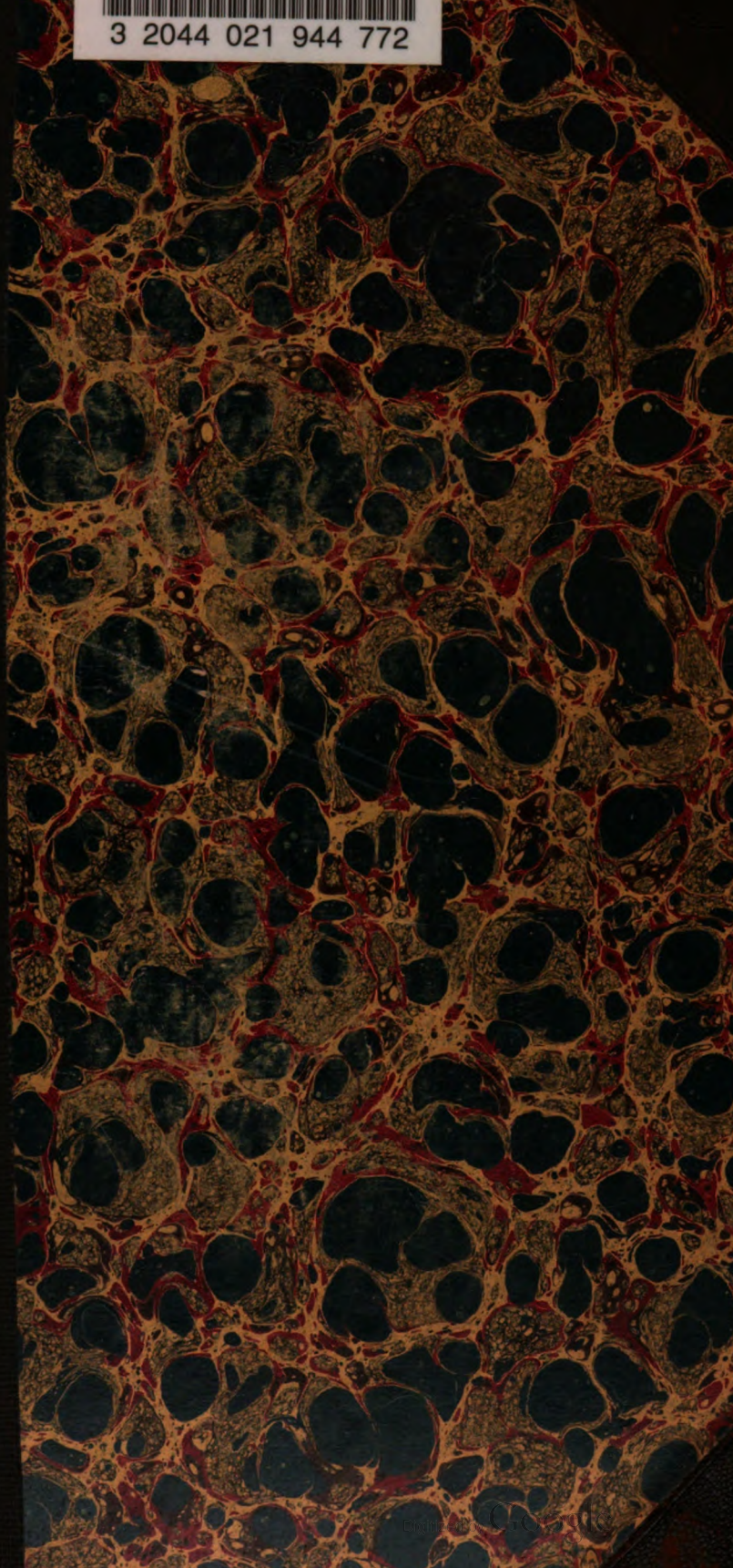
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 021 944 772

L Soc
398

Harvard College Library.

FROM THE

LUCY OSGOOD LEGACY.

“To purchase such books as shall be most
needed for the College Library, so as
best to promote the objects
of the College.”

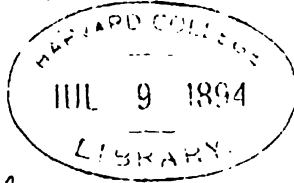
Received.....*9 Jul. 1894*.....

~~131.11~~

~~Slav 203~~

L Soc 3983.17

Lucy Wedgood fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1893 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ СЕМИДЕСЯТАГО ТОМА.

	СТРАН.
О сочиненіи г. Пономарева «Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, отъ начала государства до настоящаго времени. Спб., 1888», представленномъ для соисканія преміи графа Д. А. Толстаго въ 1889 году. Отзывъ П. А. Костычева.	1—7
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ, сентябрь и октябрь 1892 года:	
Общее Собраніе.....	8—12
Физико-Математическое Отдѣленіе.....	12—25
Историко-Филологическое Отдѣленіе.....	25—36
Алфавитный указатель къ LXX-му тому Записокъ Академіи Наукъ.....	37—43

Приложенія :

№ 1. Къ фаунѣ Rhopalosaga Тверской губерніи. В. Біанки.	1—17
№ 2. Отчетъ о четвертомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго.	1—170
№ 3. Отчетъ о тридцати третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова.....	1—366
№ 4. По вопросу объ источникахъ хроникъ Георгія монаха (Амартола). (IV книга хроники). С. Шестакова.	1—58
№ 5. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1891 г., представленный Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ директоромъ Г. И. Вильдомъ.....	1—121
№ 6. Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 года.	1—33

	СТРАН.
№ 7. Объ осадкахъ въ Павловскѣ и въ особенности о проливныхъ дождяхъ. Статья К. Годмана. (Съ таблицею кривыхъ).....	1—35
№ 8. Магнитныя наблюденія, произведенныя въ 1890 году въ Восточно-Сибирской Приморской области, и примѣчанія о вѣковыхъ перемѣнахъ тамъ въ элементахъ земного магнетизма. Э. Штеллинга.....	1—29
№ 9. Къ вопросу о вліяніи осушенія Пинскихъ болотъ на осадки сосѣднихъ мѣстностей. Е. Гейнца.....	1—27

**О СОЧИНЕНИИ Г. ПОНОМАРЕВА «ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ МЪРОПРІЯТІЙ КЪ РАЗВИТІЮ СЕЛЬ-
СКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ, ОТЪ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВА
ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ. СПБ., 1888»,**

ПРЕДСТАВЛЕННОМЪ ДЛЯ СОИСКАНІЯ ПРЕМІИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТАГО
ВЪ 1889 ГОДУ.

Отзывъ П. А. Костычева, доцента Лѣснаго Института.

Приступая къ изданію своей книги, г. Пономаревъ имѣлъ цѣлю не только представить сводъ правительственныхъ мѣропріятій по сельскому хозяйству, но вмѣстѣ съ тѣмъ дать и оцѣнку этихъ мѣропріятій. «Такое изслѣдованіе», говоритъ авторъ про свою книгу въ предисловіи, «покажетъ съ одной стороны, что многія безспорно серьезныя и важныя правительственныя мѣропріятія, въ силу ихъ несвоевременнаго проведенія въ жизнь, не имѣли успѣха. Съ другой стороны, историческіе факты, какъ извѣстно, помогаютъ, хотя и не всегда, конечно, избѣгать повторенія сдѣланныхъ прежде ошибокъ, столь роковыхъ въ дѣлахъ предмета такой важности, какъ народное хозяйство вообще и сельское въ частности».

Для выполненія намѣченной такимъ образомъ цѣли необходимо разсмотрѣніе правительственныхъ мѣропріятій въ связи съ развитіемъ отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства и его общаго состоянія, и авторъ, повидимому, имѣлъ въ виду это требованіе. «Въ связи съ изложеніемъ правительственныхъ мѣропріятій по развитію сельской промышленности», у него изложена, какъ говоритъ онъ, «по скольку нашлось къ тому матеріаловъ,

и исторія нашего сельскаго хозяйства въ его главнѣйшихъ моментахъ». Кроме того авторъ старался дать свѣдѣнія о дѣятельности нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ обществъ и даже частныхъ лицъ. «Такимъ образомъ предлагаемая книга, говоритъ авторъ, представляетъ, такъ сказать, *компендіумъ вѣснъ мѣръ*, направившихся, въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія государства, къ развитію сельскаго хозяйства Россіи».

Ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія столь обширной задачи при полномъ отсутствіи предварительныхъ работъ положительно невозможно, и потому даже безъ разсмотрѣнія книги автора можно заранѣе сказать, что работа автора навѣрное стоитъ ниже указываемаго имъ уровня. Въ этомъ не трудно еще болѣе убѣдиться при бѣгломъ просмотрѣ книги: въ началѣ ея авторомъ указаны многія сочиненія, которыми онъ пользовался при составленіи книги; при ея просмотрѣ мы повсюду встрѣчаемъ ссылки только на официальные правительственныя изданія. Подробное разсмотрѣніе книги приводитъ къ окончательному убѣжденію въ томъ, что она представляетъ почти только хронологическій перечень правительственныхъ мѣропріятій по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства съ краткимъ изложеніемъ сущности этихъ мѣропріятій.

Чтобы доказать справедливость такого отзыва, достаточно остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ. Для примѣра возьмемъ вторую главу второго отдѣла книги, въ которой излагаются общія мѣропріятія по развитію сельскохозяйственной промышленности съ царствованія Петра до реформы 19-го февраля 1861 г.

Въ числѣ другихъ мѣръ здѣсь разсматривается «основаніе иностранныхъ земледѣльческихъ колоній». По этому весьма интересному и важному предмету мы находимъ у автора слѣдующія указанія.

Сперва излагаются правительственныя распоряженія объ устройствѣ колоній и правахъ колонистовъ, улучшенное хозяйство которыхъ должно было служить образцемъ для подражанія русскимъ неумѣлымъ хозяевамъ. «Надежды эти, говоритъ ав-

торъ, далеко не оправдались: среди полудикаго закрѣпощеннаго народа хотя и появилось культурное дѣятельное населеніе, заселившее пустынные степи и, мѣстами, превратившее ихъ въ цвѣтущіе оазисы, но рядомъ съ ними продолжало существовать наше обыкновенное убогое хозяйство почти безъ всякаго воздѣйствія на него примѣра болѣе просвѣщенныхъ колонистовъ». Только въ этихъ словахъ автора мы находимъ указаніе на то, въ какой мѣрѣ оправдались предположенія правительства относительно устройства колоній. Нѣтъ сомнѣнія, что эта оцѣнка совсѣмъ неполна по своей односторонности: не одна только дикость и закрѣпощенность народа мѣшала ему заимствовать хозяйственные порядки у колонистовъ, но и другія причины и между прочимъ то обстоятельство, что хозяйство самихъ колонистовъ во многомъ не соответствовало климатическимъ и почвеннымъ условіямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они были поселены; въ настоящее время многіе колонисты, переселяющіеся къ намъ вновь, послѣ неудачныхъ попытокъ вести хозяйство по свѣому, напротивъ во многомъ передѣлываютъ его по примѣру русскаго населенія.

Впрочемъ самъ авторъ не удовлетворяется указанною выше оцѣнкою значенія колонистскаго хозяйства и отсылаетъ читателя къ IV главѣ, гдѣ, по его словамъ, дѣятельность колонистовъ рассматривается подробно. Но здѣсь (стр. 95—96) указано только, что правительство считало необходимою регламентаціею хозяйства колонистовъ: имъ предписывался опредѣленный хозяйственный строй; указано кромѣ того, что, судя по правительственнымъ распоряженіямъ, многіе колонисты оказались не радивыми и неисправными до такой степени, что у нихъ предписывалось отбирать землю. За тѣмъ ничего другаго, выходящаго за предѣлы правительственныхъ распоряженій, мы относительно колонистовъ не находимъ въ книгѣ автора. Связь правительственныхъ распоряженій съ потребностями русскаго сельскаго хозяйства по этому вопросу остается такимъ образомъ несколько не разъясненною.

Въ той же второй главѣ второго отдѣла у г. Пономарева излагаются правительственныя мѣры по развитію сельскохозяйственной литературы. Для этой цѣли назначались темы сочиненій, изданіе которыхъ считалось желательнымъ, и за лучшія изъ представленныхъ сочиненій авторамъ выдавались преміи. Въ книгѣ г. Пономарева перечислены темы, указываются заглавія важнѣйшихъ представленныхъ сочиненій и отмѣчаются тѣ изъ нихъ, которыя удостоены премій, — но при этомъ все, сказанное авторомъ, основано только на свѣдѣніяхъ официальныхъ, а потому надлежащаго понятія о результатахъ правительственной дѣятельности по этому предмету книга г. Пономарева не даетъ. Представимъ примѣръ для доказательства этого. Въ концѣ 40-хъ годовъ дана была слѣдующая тема:

«Составить *простонародное* изложеніе правилъ сельскаго хозяйства, примѣннаго къ условіямъ крестьянскаго быта въ какомъ-либо краѣ Россіи».

О судьбѣ этой темы у г. Пономарева мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Задача была разрѣшена самымъ успѣшнымъ образомъ извѣстнымъ въ то время въ Новороссійскомъ краѣ агрономомъ Рейдемейстеромъ, представившимъ *на нѣмецкомъ языкѣ* полное руководство по земледѣлію, скотоводству, винодѣлію и шелководству для южной Россіи. Сочиненіе это, прекрасно написанное, было удостоено большой золотой медали» (стр. 71).

Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ сочиненіи нѣтъ. У читателя невольно остается предположеніе, что это *простонародное* руководство, написанное *по нѣмецки*, было переведено на русскій языкъ и издано. Но предположеніе это было бы ошибочно. Г. Рейдемейстеръ, получивши премію, не считалъ, вѣроятно, выгоднымъ изданіе своей книги въ то время, и она появилась на свѣтъ только въ началѣ 70-хъ годовъ, когда явился спросъ на книги по сельскому хозяйству. Оно появилось безъ всякихъ измѣненій въ безграмотнѣйшемъ русскомъ переводѣ и оказалось нисколько не приспособленнымъ къ русскому крестьян-

скому быту. Такъ какъ на изданіи указано было, что книга получила премію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, то въ журналѣ Министерства было заявлено, что книга одобрена тридцать лѣтъ тому назадъ въ видѣ нѣмецкой рукописи. У г. Пономарева нѣтъ этихъ свѣдѣній, потому что ихъ нѣтъ въ официальныхъ изданіяхъ.

О другихъ сочиненіяхъ такого же рода у г. Пономарева имѣются указанія въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ правительственныхъ распоряженіяхъ есть указанія о дальнѣйшей судьбѣ сочиненій. Въ виду указаннаго мною примѣра очевидно, что относительно результатовъ дѣятельности правительственныхъ учреждений по развитію сельскохозяйственной литературы въ книгѣ г. Пономарева мы не можемъ найти надлежащихъ свѣдѣній по той причинѣ, что авторъ при составленіи своей книги пользовался только тѣмъ, что находилъ въ официальныхъ изданіяхъ правительственныхъ учреждений.

Для лучшаго выясненія характера книги г. Пономарева можно остановиться еще на времени, ближайшемъ къ намъ,—на періодѣ со времени освобожденія крестьямъ.

Въ третьей части книги, гдѣ разсматриваются правительственныя мѣропріятія за этотъ именно періодъ, глава о мѣрахъ къ развитію земледѣлія занимаетъ всего 4 страницы (стр. 301—304) и въ ней указаны положеніе о поправахъ, объ учрежденіи частныхъ страховыхъ обществъ отъ градобитія, и объ изслѣдованіи фосфорнокислыхъ удобреній въ Россіи. Очевидно, что все это ни мало не выражаетъ тѣхъ измѣненій въ земледѣліи, какія произошли въ немъ съ 1861 года по настоящее время, и точно также не видно, чтобы правительственныя распоряженія для развитія земледѣлія дѣйствительно соотвѣтствовали наиболѣе настоятельнымъ нуждамъ земледѣлія.

Вообще о размѣрахъ того переворота, который произошелъ въ сельскомъ хозяйствѣ у насъ послѣ освобожденія крестьянъ и постройки желѣзныхъ дорогъ, изъ книги г. Пономарева нельзя получить даже приблизительнаго представленія.

Все сказанное мною не должно однако считать умаленіемъ труда автора, а только выясненіемъ характера сочиненія: это не исторія сельскаго хозяйства, а только хронологическій перечень правительственныхъ распоряженій, основанный почти исключительно на официальныхъ свѣдѣніяхъ правительственныхъ учреждений. Въ предисловіи автора указано, что книга его «признана Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ весьма полезнымъ трудомъ, справочнаго характера, *по исторіи русскаго сельскаго хозяйства*». Съ такимъ отзывомъ можно согласиться только условно, прибавивши къ нему оговорку—«на сколько исторія русскаго сельскаго хозяйства выразилась въ правительственныхъ распоряженіяхъ, непосредственно относящихся къ этой области промышленности».

Если въ сочиненіи г. Пономарева мы не находимъ исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи, то отъ этого трудъ его не теряетъ своего значенія. Исторія русскаго сельскаго хозяйства вообще у насъ пока и не можетъ быть написана по отсутствію специальныхъ изслѣдованій, касающихся отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства и отдѣльныхъ эпохъ. Трудъ г. Пономарева имѣетъ въ виду болѣе узкую цѣль, и для будущаго историка сельскаго хозяйства въ Россіи можетъ служить цѣннымъ пособіемъ, такъ какъ правительственныя мѣропріятія по сельскому хозяйству указаны въ немъ, повидимому, безъ важныхъ пропусковъ. При разсмотрѣніи его книги я могъ замѣтить только одинъ серьезный пропускъ: въ главѣ VII второго отдѣла, гдѣ говорится о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по лѣсоводству за періодъ времени отъ Петра I до 1861 года, не указано время основанія степныхъ лѣсничествъ, имѣющихъ цѣлю разведеніе лѣса въ степяхъ (Великоанадольскаго и Бердянскаго въ 1843—1845 годахъ). Между тѣмъ г. Пономареву пришлось просмотрѣть и привести въ порядокъ огромную массу сыраго матеріала въ разнаго рода официальныхъ изданіяхъ и даже въ дѣлахъ департамента земледѣлія и сельской промышленности; въ результатѣ получилось сочиненіе, весьма удобное для справокъ и во

многихъ отношеніяхъ весьма полезное. Если имѣть въ виду строго научную сторону дѣла, то трудъ г. Пономарева представляетъ по меньшей мѣрѣ полную и обстоятельную библиографію литературы по одной отрасли исторической литературы по сельскому хозяйству.

На этомъ основаніи я считаю, что хотя сочиненіе г. Пономарева не можетъ быть удостоено денежной преміи графа Д. А. Толстаго, но тѣмъ не менѣе такой трудъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ награды, и я считаю возможнымъ присудить автору разсматриваемаго сочиненія золотую медаль въ 250 рублей.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 22 АВГУСТА 1892 ГОДА.

Доведено до свѣдѣнія Собранія о горестной утратѣ, понесенной Академіею, въ лицѣ почетнаго ея члена адмирала Сем. Ил. Зеленаго, скончавшагося въ С.-Петербургѣ 28 мая.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, по званію генералъ-фельдцейхмейстера, рескриптомъ отъ 28 м. мая на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи увѣдомляетъ о принятіи въ бібліотеку Артиллерійскаго Музея 50 историческихъ сочиненій (въ 200 кн.), пожертвованныхъ Академіею и проситъ принять Его сердечную благодарность за этотъ даръ.

Доведено до свѣдѣнія Собранія о томъ, что Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Михайловичу благоугодно было пожаловать Академіи въ даръ Т. VI *Mémoires sur les Lépidoptères*, издаваемыхъ подъ редакціею Его Высочества.

Департаментъ Внутреннихъ Сношеній, при отношеніяхъ отъ 16 и 23 юля, препроводилъ для Академической бібліотеки полученные дипломатическимъ путемъ: изъ юго-славянскихъ земель три сочиненія: *Letopis Matice Slovenske; Sgodovina Noveca Mesta* и *Sabavna Knjižnica* — и отъ Голландскаго правительства — *Отчетъ Нидерландскаго Ботаническаго Общества.*

Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи, отношеніемъ отъ 17 іюня, изъявляетъ Академіи Наукъ благодарность за пожертваніе для бібліотеки Академіи нѣкоторыхъ изданій.

Секретарь Смитсоновскаго Института въ Вашингтонѣ, письмомъ отъ 9 м. мая, увѣдомляетъ о высылкѣ по адресу Академіи нѣкоторыхъ изъ изданій Института и проситъ о пополненіи бібліотеки его неизданными тамъ отдѣльными выпусками академическихъ изданій. — Положено просьбу эту удовлетворить.

Доведено до свѣдѣнія Собранія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: 1) *Записки Академіи*. Томъ 69, книжка I. 2) *Отчетъ о тридцать вторыхъ присужденіи награды графа Уварова*. Приложение къ LXIX-му тому Записокъ Академіи.

Слѣдующія учрежденія и лица благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи: 1) Библіотека Упсальскаго Университета; 2) Секретарь Датской Королевской Академіи Наукъ (Det Kongelige Danske Videnskaberne Selskab); 3) Общество Землевѣдѣнія въ Берлинѣ (Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin); 4) Естественнo-историческій Музей въ Гамбургѣ (Naturhistorisches Museum zu Hamburg); 5) Президентъ Императорской Леопольдо-Каролинской Академіи въ Галлѣ; 6) Королевская Университетская Библіотека въ Гёттингенѣ; 7) Императорская Университетская и Провинціальная Библіотека (Kaiserliche Universitäts & Landesbibliothek) въ Страсбургѣ; 8) Королевское Общество въ Лондонѣ; 9) Кэмбриджское Философское Общество; 10) Музей Практической Геологій (Museum of Practical Geology) въ Лондонѣ; 11) Британскій Естественнo-историческій Музей (British Museum of Natural History) въ Лондонѣ; 12) Голландское Общество Наукъ (Société hollandaise des sciences) въ Гарлемѣ; 13) Королевская Академія Наукъ въ Амстердамѣ; 14) Библіотекаръ Лувенскаго Университета; 15) Королевская Обсерваторія въ Миланѣ; 16) Правительственный Астрономъ Сиднейской Обсерваторіи (Sydney Observatory); 17) Музей Тейлера; 18) Лѣсной Институтъ въ С.-Петербургѣ; 19) Карамзинская Библіотека въ Симбирскѣ; 20) Ректоръ Императорскаго Казанскаго Университета и 21) Попечительный Комитетъ Вятской Публичной Библіотеки.

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ разными учрежденіями и лицами. — Положено сдать означенныя сочиненія въ Библіотеку, а за доставленіе ихъ благодарить.

Представлены Собранію книги и другія изданія, доставленные

въ Академію, на основаніи цензурныхъ постановленій, при отношеніяхъ С.-Петербургскаго Комитета Цензуры Иностранной отъ 24 м. апрѣля за № 1143 и 25 м. іюля за № 2091.

засѣданіе 3 октября 1892 года.

При открытіи засѣданія Вице-Президентъ Академіи академикъ д. т. с. Я. К. Гротъ обратился къ Собранію слѣдующею рѣчью:

«Позвольте мнѣ выразить Вашему Императорскому Высочеству и Конференціи искреннѣйшую мою благодарность за лестный адресъ, которымъ меня почтила Академія по случаю моего 60-ти лѣтняго юбилея. Въ этомъ адресѣ меня особенно порадовала оцѣнка Словаря, издаваемого Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Если вышедшее въ концѣ прошлаго года начало этого труда дѣйствительно отвѣчаетъ его назначенію, то этимъ я обязанъ въ значительной степени дѣятельной помощи не только моихъ ближайшихъ сотоварищей, но и нѣкоторыхъ академикомъ перваго и третьяго Отдѣленій. Пользуюсь случаемъ принести имъ мою живѣйшую признательность и позволяю себѣ разсчитывать и впредь на ихъ сочувственное и дружное участіе въ этомъ общемъ академическомъ дѣлѣ, такъ какъ только при этомъ условіи возможенъ успѣхъ такого обширнаго и сложнаго предпріятія».

Доведено до свѣдѣнія Собранія объ утратѣ, понесенной академіею въ лицѣ ея почетнаго члена Высокопреосвященнаго Исидора, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго, скончавшагося 7 минувшаго сентября, на 93 году жизни.

Доведено до свѣдѣнія Собранія, что адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 8 текущаго сентября за № 9, утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ сей Академіи, по класической филологіи, съ 22 августа 1892 г. Присутствующіе почтили академика Никитина привѣтствіемъ.

Читано донесеніе Порфирьевской Комиссіи слѣдующаго содержания:

«Православное Палестинское Общество обратилось въ Комиссію по изданію трудовъ епископа Порфирія съ заявленіемъ своей готовности содѣйствовать скорѣйшему исполненію задачи, возложенной на Академію Наукъ завѣщаніемъ Преосвященнаго. Условія, при которыхъ это содѣйствіе могло бы состояться, изложены въ

письмѣ секретаря Общества В. Н. Хитрово на имя академика А. Ѳ. Бычкова. Они заключаются въ слѣдующемъ:»

«Въ числѣ трудовъ преосв. Порфирія имѣются его дневники съ 1841 г., заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о его заграничномъ пребываніи. Часть этихъ дневниковъ, касающаяся Синая и Аеона, была издана еще самимъ преосвященнымъ Порфиріемъ въ обработанномъ видѣ; другая половина, касающаяся преимущественно Сиріи, Палестины и Европейской Турціи, остается неизданною. Православное Палестинское Общество, почитая память перваго русскаго дѣятеля во Святой землѣ, желало бы видѣть поскорѣе отпечатанною именно ту часть его трудовъ, которая касается его дѣятельности во Святой землѣ. Ради этого, оно, въ случаѣ согласія Академіи, готово принять на себя печатаніе неизданной части дневниковъ (съ исключеніемъ того, что относится къ пребыванію на Синаѣ и Аеонѣ) — начиная съ 1841 года, когда они начинаются, по 1854 годъ, когда пребываніе Порфирія на Востокѣ было прервано Крымскою войною. Предполагается, что собственно дневники будутъ сопровождаться необходимыми приложеніями, заключающимися въ перепискѣ Порфирія и разнаго рода документахъ, на которые постоянно дѣлаются ссылки въ самомъ дневникѣ. Принимая на свой счетъ изданіе, издержки котораго, по всей вѣроятности, превзойдутъ 10 т. р., Палестинское Общество желало бы, чтобы Академія назначила съ своей стороны одного изъ академиковъ отвѣтственнымъ редакторомъ, но въ остальномъ предоставило бы все дѣло непосредственному завѣдыванію и усмотрѣнію Общества. При этомъ возможно было бы на заглавномъ листѣ напечатать: «изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества».

«Представляя о семъ Обществу Собранію, Комиссія съ своей стороны полагаетъ, что предложеніе Палестинскаго Общества не заключаетъ ничего, что бы противорѣчило смыслу завѣщанія преосв. Порфирія или интересамъ Академіи. Впрочемъ, для полнаго обезпеченія послѣднихъ Комиссія полагала бы присоединить къ вышеизложенному еще одно условіе, на которое Палестинское Общество, безъ сомнѣнія, согласится, — именно, чтобы по отпечатаніи каждаго тома дневниковъ извѣстное число экземпляровъ изданія было предоставлено въ пользу и распоряженіе Академіи — по мнѣнію Комиссіи желательно было бы получить въ распоряженіе Академіи *пятьсотъ* экземпляровъ». — Одобрено.

Представлены Академіи въ даръ выпуски 7—9 Матеріаловъ

по археологiи Россiи, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссiею. — Положено за доставленiе ихъ благодарить.

Доложены собранiю списки сочиненiй, представленныхъ на соисканiе Макарьевскихъ и Уваровскихъ наградъ. — Положено въ члены Уваровской конкурсной Комиссiи назначить академикомъ: В. Гр. Васильевского, Н. Ѳ. Дубровина, А. А. Куника и пребывающихъ въ С.-Петербургѣ членомъ II Отдѣленiя. Что касается Макарьевского конкурса, то, въ виду разнообразiя соискательныхъ сочиненiй, положено предварительное сужденiе о назначенiи членомъ Комиссiи имѣть въ каждомъ изъ Отдѣленiй особо.

Доведено до свѣдѣнiя собранiя, что со времени послѣдняго засѣданiя отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: 1) *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Nouvelle Série III (XXXV), № 1 (Feuilles 1—³/₈11)*. 2) *Отчетъ о четвертомъ присужденiи премii Макаря, митрополита Московскаго*. — Приложение къ LXX тому Записокъ Академiи. № 2. 3) *Отчетъ о тридцати третьемъ присужденiи наградъ графа Уварова*. Приложение къ LXX тому Записокъ Академiи.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

ЗАСѢДАНIЕ 26 АВГУСТА 1892 ГОДА.

Доведено до свѣдѣнiя Отдѣленiя объ утратѣ, понесенной Академiею, въ лицѣ ея члена-корреспондента по разряду биологическихъ наукъ директора Національнаго музея въ Буэносъ-Айресѣ пр. Бурмейстера, скончавшагося 2-го мая с. г. на 85 году жизни.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ *Отчетъ по Главной Физической Обсерваторiи за 1891 г.* и двѣ записки: одну Э. Штеллинга: *Магнитныя наблюденiя, произведенныя въ 1890 году въ Восточно-Сибирской Приморской области*, и другую К. Годмана: *Объ осадкахъ въ Павловскѣ и въ особенности о проливныхъ дождяхъ*. Положено напечатать ихъ въ III томѣ Метеорологическаго Сборника и въ Запискахъ Академiи.

Тотъ же академикъ представилъ записку директора Екатеринбургской Обсерваторiи г. Абельса, озаглавленную: *Beobachtungen der täglichen Periode der Temperatur im Schnee und Bestimmung des*

Wärmeleitungsvermögens des Schnees als Function seiner Dichtigkeit, для напечатанія въ *Repertorium für Meteorologie*.

Для разрѣшенія вопроса о зависимости теплопроводности снѣга отъ его плотности г. Абельсъ организовалъ въ зимы съ 1890 на 1891 годъ и съ 1891 на 1892 годъ при Екатеринбургской Обсерваторіи ежечасныя наблюденія надъ температурою различныхъ слоевъ снѣга, измѣряя ее въ подходящіе сроки на поверхности снѣга и на глубинахъ въ 5 и 10 сантиметровъ, причемъ одновременно дѣлались и частыя измѣренія плотности снѣга. Такъ какъ подобнаго рода наблюденія до настоящаго времени вовсе не производились, то г. Абельсъ въ своей запискѣ подробно ихъ описываетъ и критически разсматриваетъ. Существенные результаты, къ которымъ пришелъ авторъ записки, слѣдующіе: теплопроводность снѣга прямо пропорціональна квадрату его плотности, причемъ теплопроводность снѣга, средній удѣльный вѣсъ котораго равенъ 0,20, почти въ 20 разъ меньше теплопроводности плотнаго льда или мерзлой почвы. Но передача внѣшнихъ измѣненій температуры въ снѣгъ и мерзлой почвѣ не зависитъ единственно отъ ихъ теплопроводности, но и отъ теплоемности этихъ тѣлъ, вслѣдствіе чего снѣжный покровъ средней толщины предохраняетъ находящуюся подъ нимъ почву отъ внѣшнихъ измѣненій температуры лишь въ $4\frac{1}{2}$ раза лучше, чѣмъ сплошной ледъ или мерзлая почва такой-же толщины, и лишь въ $1\frac{1}{2}$ раза лучше, чѣмъ одинаковый слой сухой глинистой почвы. Затѣмъ г. Абельсъ на основаніи произведенныхъ имъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что солнечная теплота, особенно въ рыхлый снѣгъ, проникаетъ не только вслѣдствіе его теплопроводности, но и прямо лучи солнца проходятъ сквозь снѣгъ, такъ что послѣдній играетъ роль окна теплицы. Всѣ изслѣдователи безъ сомнѣнія согласятся съ выводомъ, къ которому приходитъ г. Абельсъ на основаніи своихъ изслѣдованій, что впредь при опредѣленіи теплопроводности не только снѣга, но и другихъ порошковидныхъ и вообще сжимаемыхъ тѣлъ слѣдуетъ всегда опредѣлять ихъ плотность.

Академикъ А. П. Карпинскій представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ Бюлетенѣ Академіи, записку Н. И. Андрусова *Sur l'état du bassin de la mer Noire pendant l'époque pliocène*, въ которой онъ излагаетъ вѣроятную исторію Чернаго моря отъ миоценоваго (сарматскаго) времени до нашихъ дней. Новѣйшія изслѣдованія глубинъ этого моря и его фауны, давшія, какъ извѣстно, совершенно неожиданные результаты, позволяютъ, въ связи съ

геологическими данными, прослѣдить постепенное развитіе разсматриваемаго своеобразнаго бассейна и намѣтить вопросы, разрѣшеніе которыхъ важно для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ указанномъ направленіи.

Академикъ А. А. Штраухъ представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ Бюлетенѣ, замѣтку ученаго хранителя Зоологическаго музея Е. А. Бихнера подъ заглавіемъ *Ueber eine neue Katzen-Art (Felis pallida n. sp.) aus China*. Въ этой статьѣ авторъ даетъ описаніе новаго вида изъ рода *Felis*, принадлежащаго къ такъ называемымъ камышевымъ котамъ. Видъ этотъ открытъ и доставленъ въ музей еще покойнымъ Н. М. Пржевальскимъ.

Членъ-корреспондентъ Академіи Бриоски представилъ свою записку *Sur l'équation différentielle Lamé-Hermite*. — Положено напечатать ее въ Бюлетенѣ.

Академикъ А. О. Ковалевскій представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ Мемуарахъ Академіи, изслѣдованіе кандидата С.-Петербургскаго университета В. Т. Шевякова, озаглавленное *Ueber die geographische Verbreitung der Süßwasser-Protozoen* (О географическомъ распространеніи прѣсноводныхъ простѣйшихъ). Трудъ г. Шевякова состоитъ изъ трехъ частей; въ первой излагается систематическій обзоръ найденныхъ авторомъ формъ прѣсноводныхъ простѣйшихъ; во второй — разбирается вопросъ о географическомъ ихъ распространеніи, а въ третьей — вопросъ о способахъ этого распространенія. Въ заключеніе-же авторъ высказываетъ мнѣніе, что повсемѣстное распространеніе *Protozoa* или, такъ сказать, ихъ космополитизмъ обусловливается несложностью ихъ существованія и тѣми пассивными средствами къ распространенію, которыми обладаютъ прѣсноводныя простѣйшія.

Департаментъ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ препроводилъ въ Академію: 1) при отношеніи отъ 10 м. іюня — экземпляръ протоколовъ засѣданій въ 1891 г. международнаго Комитета мѣръ и вѣсовъ, доставленный нашимъ Посольствомъ въ Парижѣ и 2) при отношеніи отъ 31 м. іюля — экземпляръ отчета состоявшагося въ Буда-Пештѣ въ 1891 г. Орнитологическаго конгресса, предназначенный Австро-Венгерскимъ Правительствомъ въ распоряженіе Академіи.

Управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, при запискѣ отъ 10 м. іюля, препроводилъ, для храненія въ библиотекѣ Академіи, экземпляръ отчета засѣданій Геодезической Конференціи въ Берлинѣ.

Вернеръ Сименсъ прислалъ изъ Берлина снимокъ (fac-simile) съ письма Гаусса, адресованнаго на имя Ольберса; въ письмѣ этомъ, отъ 20 ноября 1833 г., сообщаются свѣдѣнія объ установленіи впервые въ Гёттингенѣ электрическаго телеграфа. — Положено снимокъ съ письма Гаусса передать въ библіотечку, а жертвователя благодарить.

Проживающій въ Москвѣ Андрей Стариковъ прислалъ на разсмотрѣніе Академіи рукопись, озаглавленную *Новое ученіе о мірѣ*, въ которой, по словамъ автора, онъ излагаетъ особенные взгляды на природу и ея назначеніе. — Положено означенную рукопись передать для разсмотрѣнія академику А. С. Фаминцыну.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія:

1) А. Kowalewsky. *Ein Beitrag zur Kenntniss der Excretionsorgane der Pantopoden. Mit 1 Tafel.* — *Mémoires de l'Académie VII Série, Tome XXXVIII, № 12.*

2) П. А. Мюллеръ. *Къ вопросу объ испареніи снѣжнаго покрова.* — Приложение къ LXIX тому Записокъ Академіи.

3) Н. В. Бугаевъ. *Общая условія интегрируемости въ конечномъ видѣ эллиптическаго дифференціала.* — Приложение къ LXIX тому Записокъ Академіи.

4) Э. Лейстъ. *Объ опредѣленіи среднихъ температуръ по наблюденіямъ въ сроки: 8 ч. утра, 2 ч. и 8 ч. по полудни.* — Приложение къ LXIX тому Записокъ Академіи.

5) В. Біанки. *Къ фаунѣ Rhoralocera Тверской губерніи.* — Приложение къ LXX тому Записокъ Академіи.

засѣданіе 9 сентября 1892 года.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія объ утратѣ, понесенной Академіею въ лицѣ начальника экспедиціи, снаряженной ею для изслѣдованія Кольмскаго края — Черскаго, скончавшагося 25 іюня 1892 г. въ Омолонской ст.

Непрежѣнный Секретарь представилъ записку преподавателя Нѣжинскаго лицея Винклера, подъ заглавіемъ *Periodicität d. jährlichen Ganges d. Lufttemperatur.* — Положено передать для разсмотрѣнія академику Г. И. Вильду.

Непрежѣнный Секретарь заявилъ, что, къ сроку закрытія конкурсовъ на преміи Шуберта, Ломоносова и Рклицкаго, на первое

соисканіе сочиненій не поступило вовсе, — на соисканіе преміи Ломоносова поступило три сочиненія и на преміи Рклицкаго одно — Положено для разсмотрѣнія этихъ сочиненій по соисканію Ломоносовской преміи назначить комиссію изъ г.г. академиковъ, входящихъ въ составъ физико-химическаго разряда, а по соисканію преміи Рклицкаго — изъ г.г. академиковъ, принадлежащихъ къ біологическому разряду.

Академикъ Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ представилъ для бібліотеки Академіи 1—4 выпуски издаваемаго имъ въ новой переработкѣ курса органической химіи.

засѣданіе 23 сентября 1892 года.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и прочелъ записку слѣдующаго содержания: «Въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 10 апрѣля 1891 года я, съ сдѣлалъ соизволенія Августѣйшаго нашего Президента, предложеніе предпринять подъ покровительствомъ Академіи магнитную съемку Имперіи, причемъ заявилъ, что представляю подробный проектъ такой съемки, когда состоится имѣвшееся тогда въ виду международное соглашеніе по этому предмету. Но во время послѣдняго засѣданія Международной Полярной Комиссіи въ прошломъ году, въ Мюнхенѣ, всѣ участвовавшіе въ немъ ученые пришли къ заключенію, что международное соглашеніе по этому предмету является излишнимъ, въ виду выработанныхъ уже положительныхъ принциповъ такого рода наблюденій. Такимъ образомъ каждому государству надлежало озаботиться организованіемъ изслѣдованій въ этой области такимъ способомъ, какой оно само признаетъ лучшимъ».

«Если, въ виду такого международнаго постановленія, я медлилъ войти съ представленіемъ въ Конференцію Академіи, то лишь изъ желанія представить вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащіе инструменты для правильнаго производства предполагаемой съемки. Не предрѣшая вопроса, должна-ли магнитная съемка производиться единственно помощью инструмента, описаніе котораго я представляю Отдѣленію, и не предвидя препятствій къ выполненію означенной съемки, имѣю честь покорнѣйше просить Конференцію о назначеніи комиссіи, которой поручено было бы выработать подробный проектъ магнитной съемки Имперіи». — Положено комиссію образовать изъ академиковъ Г. И. Вильда, О. А. Баклунда, Ѳ. А. Бредихина, А. В. Гадолина и А. П. Карпинскаго.

Академикъ Г. И. Вильдъ сообщилъ Отдѣленію о томъ, что, достигнувъ въ послѣдніе годы въ Константиновской Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи въ г. Павловскѣ существенныхъ улучшеній въ способахъ опредѣленія какъ абсолютныхъ величинъ, такъ и измѣненій магнитныхъ элементовъ, онъ, въ виду предстоящей магнитной съемки Имперіи, занялся задачею устройства такихъ инструментовъ, которыми можно было-бы удобно и скоро опредѣлять означенные элементы во время путешествій. Представляя нынѣ описаніе такого инструмента, для напечатанія въ *Repertorium für Meteorologie*, г. Вильдъ объяснилъ, что инструментъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ магнитнаго теодолита для опредѣленія горизонтальнаго напряженія и склоненія, а также для астрономическихъ наблюденій, съ цѣлью опредѣленія географическаго положенія наблюдательнаго пункта и азимута мѣръ, которыми приходится пользоваться. Теодолитъ изготовленъ въ механической мастерской Главной Физической Обсерваторіи механикомъ г. Фрейбергомъ. Вторая часть прибора для опредѣленія абсолютнаго склоненія не состоитъ, какъ обыкновенно дѣлается, изъ инклинатора со стрѣлками, но представляетъ собою индуктивный инклинаторъ, гальванометръ котораго помѣщается на магнитномъ теодолитѣ. Это совершенно новое устройство заслуживаетъ, по мнѣнію академика Вильда, особаго вниманія; при этомъ способѣ не только самое опредѣленіе склоненія становится болѣе точнымъ ($\pm 0,2$), требуя вдвое меньшей затраты времени, чѣмъ при инклинаторѣ со стрѣлками, но и устраняются ломка и порча стрѣлокъ всегда возможныя во время путешествій. Эта часть инструмента изготовлена г. Эдельменомъ въ Мюнхенѣ, по указаніямъ акад. Вильда.

Кромѣ описанія чертежа и прибора, въ запискѣ приведены результаты наблюденій, произведенныхъ съ помощью этого инструмента гѣтомъ прошлаго года въ Константиновской Обсерваторіи.

Тотъ же академикъ представилъ, для помѣщенія въ Запискахъ Академіи и въ Метеорологическомъ Сборникѣ, переводъ записки Р. Р. Бергмана: *О распредѣленіи и дѣятельности метеорологическихъ станцій въ Россійской Имперіи съ начала ихъ возникновенія до 1889 года включительно.*

Академикъ О. А. Баклундъ представилъ и прочелъ записку слѣдующаго содержанія:

«При вычисленіи возмущеній кометы Энке за періодъ времени съ 1871—1891 г., представленномъ Академіи прошлою весною, воз-

мущенія отъ Земли и Венеры были строго опредѣлены для каждаго оборота кометы. Когда комета находится въ верхней части своей орбиты, возмущенія ея отъ этихъ планетъ, также какъ и отъ Меркурія, незначительны, хотя и не настолько, чтобъ ими можно было пренебречь. Поэтому представлялось желательнымъ имѣть общія выраженія для возмущеній кометы отъ помянутыхъ планетъ за время нахождения ея въ верхней части орбиты; при пособіи такихъ выраженій, дальнѣйшій трудъ вычисленія возмущеній значительно сокращается, ибо для каждаго оборота остается только опредѣлять нѣкоторыя постоянныя, но и это можетъ быть тоже облегчаемо употребленіемъ таблицъ. Съ этою цѣлью я въ теченіе лѣта, на основаніи принципа дѣленія орбитъ на части, предложеннаго Ганзеномъ, разработалъ и сопоставилъ формулы. По моему возвращенію, вычисленія по формуламъ выполнены въ вычислительной и вмѣстѣ съ формулами включены въ Мемуаръ, который я имѣю честь представить, и который составляетъ собою 5-й выпускъ работы *Calculs et recherches*; третій будетъ готовъ къ Рождеству, а 4-й въ теченіе зѣмы. Съ увѣренностью могу это обѣщать такъ какъ вычислительная располагаетъ отличными и частью новыми еще силами».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ могу заявить, что доведеніе вычисленій кометы Энке до конца обезпечено г. Нобелемъ, пожертвованною имъ на эту работу суммою въ 10000 руб. Желая воспользоваться всѣми возможными матеріалами и вычисленіями кометы Энке, я посѣтилъ Берлинскую Обсерваторію, чтобы ознакомиться съ вычисленіями самого Энке. Профессоръ Ферстеръ, директоръ Берлинской Обсерваторіи, съ полною готовностью представилъ въ мое распоряженіе всѣ рукописи, а съ разрѣшенія академика Э. А. Бредихина я получилъ и тѣ вычисленія Энке, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ хранились въ Пулковской Обсерваторіи. Такимъ образомъ въ нашей вычислительной собраны теперь всѣ рукописи, имѣющія значеніе для теоріи кометы Энке. Поѣздку въ Берлинъ я совершилъ на средства, предоставленныя для этого г. Нобелемъ. Изъ Берлина я заѣзжалъ на недѣлю въ Готу переговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ небесной механики съ директоромъ тамошней Обсерваторіи. Въ іюлѣ я посвятилъ въ Гельсингфорской Обсерваторіи двѣ недѣли на измѣреніе небесныхъ фотографій; особенное вниманіе я обратилъ на фотографіи спутниковъ Юпитера. Профессоръ Доннеръ, по моей просьбѣ, изготовилъ цѣлый рядъ этихъ фотографій, а я изслѣ-

довагь точность измѣренія ихъ. Результатъ получился весьма удовлетворительный и можно теперь съ увѣренностью сказать, что фотографія доставляетъ въ настоящее время наилучшій материалъ для опредѣленія движенія 4-хъ спутниковъ Юпитера. Вновь открытый, пятый, долгое еще время будетъ доступенъ только нѣкоторымъ избраннымъ. Профессоръ Доннеръ фотографируетъ правильно спутники Юпитера въ настоящее его противостояніе. Фотографія эти будутъ затѣмъ измѣрены здѣсь. Моей заграничной поѣздкой я воспользовался также, чтобы познакомиться съ различными приборами, служащими для измѣренія небесныхъ фотографій; съ этою цѣлью я посѣтилъ обсерваторіи въ Потсдамѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. При этомъ я, къ моей радости, убѣдился, что приборъ, пожертвованный Академіи г. Нобелемъ, превосходить всё мною видѣнные».

«Къ сему долгомъ считаю присовокупить еще слѣдующее:

«Премія Шуберта, оставшаяся неприсужденною въ 1891 году, согласно постановленію Академіи, выдается въ видѣ вознагражденія одному изъ вычислителей. Такъ какъ г. Нобель вполне обезпечилъ вычисленія кометы Энке, то я полагалъ бы вычислителя, получающаго вознагражденіе изъ суммы Шуберта, занять вычислениями малыхъ планетъ. Вопросъ о малыхъ планетахъ въ настоящее время весьма важенъ и сдѣлался международнымъ. Что касается ихъ наблюденій, то директоръ Пулковской Обсерваторіи положилъ уже начало имъ, но остается ихъ вычислять. Въ этомъ отношеніи болѣе сдѣлано въ Германіи, Франціи и Америкѣ. Такъ какъ Академія Наукъ имѣетъ теперь возможность располагать однимъ вычислителемъ для этой цѣли, то нужно надѣяться, что это послужитъ началомъ болѣе значительнаго участія со стороны Россіи въ этомъ важномъ вопросѣ».

«Будучи въ Берлинѣ, я подробно переговорилъ объ этомъ вопросѣ съ профессоромъ Титіенсомъ, директоромъ вычислительнаго бюро, и мы условились, чтобы малыя планеты, среднее движеніе которыхъ въ два раза болѣе средняго движенія Юпитера, вычислялись здѣсь. Способъ для этихъ вычисленій я указалъ въ Мемуарѣ, напечатанномъ Академіею въ этомъ году».

«Этими вычислениями будетъ заниматься г. Кондратьевъ, въ прошломъ году на дѣлѣ доказавшій блестящія къ этому способности; будучи ревностнымъ наблюдателемъ, г. Кондратьевъ въ то-же время занимается на Малой академической Обсерваторіи и наблюденіями».

Представленная академикомъ Баклундомъ записка *Calculs et Recherches sur la Comète d'Encke. V. Perturbations par les planètes Mercure, Venus et la Terre pendant le mouvement de la Comète dans la partie supérieure de son orbite*, будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ Ѡ. А. Бредихинъ сообщилъ, что новая звѣзда въ Возничемъ, о которой въ свое время онъ доводилъ до свѣдѣнія Академіи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ погасла или по крайней мѣрѣ стала невидимою даже для сильнѣйшихъ телескоповъ. Въ августѣ она снова появилась и представляется теперь со значительно измѣненными свойствами. Она окружена туманностью и ее можно назвать туманной звѣздой; спектръ ея рѣзко отличается отъ прежняго, а по блеску еѣ слѣдуетъ причислить къ звѣздамъ 9,5—10 величины. Астрофизикъ Бѣлопольскій производитъ тщательныя измѣренія линий ея спектра при помощи 30-дюймоваго рефрактора и спектрографа и успѣлъ собрать уже цѣнный матеріалъ для будущихъ теоретическихъ представленій этого важнаго и интереснаго явленія.

Преподаватель Нижегородскаго кадетскаго корпуса статскій совѣтникъ И. Долбня, при письмѣ отъ 15 сентября, представилъ записку *Объ интегрированіи дифференціала* $\frac{dx}{\sqrt{(x-a)(x-b)(x-c)}}$, дающую новый критерій интегрируемости въ логарифмахъ. — Положено передать для разсмотрѣнія академику А. А. Маркову.

Академикъ А. А. Штраухъ представилъ полученую имъ отъ врача А. ф. Шредера записку *Къ исторіи развитія лентца широкато*. Положено передать эту записку для разсмотрѣнія А. О. Ковалевскому.

Бр. Пляписы представили, при письмѣ отъ 17 сентября, на разсмотрѣніе Академіи замѣтку *О причинахъ силы тяжести*. — Положено передать ее для разсмотрѣнія академику А. В. Гадолину.

Директоръ Музея по Антропологии и Этнографіи академикъ Л. И. Шренкъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что нынѣ, когда вся этнографическая коллекція, составленная г. Миклухо-Маклаемъ и отчасти имъ самимъ пожертвованная Академіи Наукъ, окончательно выставлена въ Музеѣ по Антропологии и Этнографіи, профессоръ Академіи Художествъ К. Е. Маковскій принесъ музею въ даръ писанный имъ портретъ Миклухи-Маклая, въ рѣзной позолоченной рамѣ. — Положено выразить профессору Маковскому признательность Академіи за его пожертвованіе, а портретъ помѣстить въ музеѣ, вблизи составленной Миклухой-Маклаемъ коллекціи.

Академикъ А. А. Штраухъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Петръ Юліевичъ Шмидтъ доставилъ въ Зоологическій музей 30 экземпляровъ хорошо сохранныхъ рыбъ изъ озера Иссыкъ-Куля. Такъ какъ ни въ нашемъ, ни въ какомъ либо другомъ Музеѣ почти не имѣется рыбъ изъ этого замѣчательнаго озера, то коллекція г. Шмидта представляется важнымъ приобрѣтеніемъ. — Положено выразить благодарность жертвователю.

Генералъ А. А. Тилло представилъ для библіотеки Академіи отдѣльный изъ журнала Министерства Путей Сообщенія оттискъ своего сочиненія, озаглавленнаго *Сводъ нивеллировокъ рыкъ, ихъ паденіе и каталогъ абсолютныхъ высотъ уровнейъ водъ Европейской Россіи*. — Положено книгу передать въ библіотеку, а за доставленіе ея благодарить автора.

Астрономъ П. Гарцеръ прислалъ запечатанный конвертъ, который и просилъ помѣстить на храненіе въ архивъ Конференціи Академіи.

ЗАСѢДАНІЕ 7 Октября 1892 года.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ «*Repertorium für Meteorologie*» записку М. А. Рыкачева: *Суточный ходъ температуры воздуха между тропиками въ океанахъ*. Поводомъ къ этой работѣ послужили ежечасныя метеорологическія наблюденія, произведенныя на корветѣ «Витязь» въ 1889 году, на переходѣ отъ Сайгона до Коломбо, доставленныя г. Рыкачеву бывшимъ командиромъ корвета, флигель-адъютантомъ С. О. Макаровымъ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, авторъ подвелъ итоги наиболѣе полныхъ и точныхъ наблюденій надъ суточнымъ ходомъ температуры воздуха, произведенныхъ посреди океановъ, въ предѣлахъ тропиковъ, а равно воспользовался для этой цѣли наблюденіями, произведенными какъ нашими учеными: академикомъ Л. И. Шренкомъ и докторомъ Эд. Ленцемъ, такъ и учеными экспедиціями: австрійской на фрегатѣ «Новара» и англійской на корветѣ «Челенджеръ».

Наблюденія съ корвета «Витязь», какъ нигдѣ еще ненапечатанныя, помѣщены въ приложеніи во всей подробности; полныя выводы изъ нихъ по всѣмъ метеорологическимъ элементамъ даны въ текстѣ. Выбѣстъ съ тѣмъ изъ этихъ наблюденій г. Рыкачевъ вычислилъ и даетъ для каждой экспедиціи, для cadaго океана отдѣльно, въ

предѣлахъ тропиковъ, непосредственные средніе выводы суточного хода температуры воздуха, а равно и результаты, вычисленные по формулѣ Ламберта-Бесселя. Затѣмъ сдѣланы общіе выводы изъ всѣхъ рядовъ наблюдений, но для каждаго океана отдѣльно. Эти результаты изображены графически на чертежѣ, показывающемъ, что кривыя всѣхъ трехъ океановъ весьма сходственны между собою. Минимумъ наступаетъ за $1\frac{1}{2}$ часа до восхода солнца (въ Атлантическомъ океанѣ немного ранѣе, чѣмъ въ Тихомъ и Индѣйскомъ), а максимумъ вскорѣ послѣ полудня (въ Атлантическомъ за 3 минуты до полудня). Кривая круто подымается отъ восхода солнца до 11^ч утра, и опускается быстрѣе, чѣмъ въ другіе часы, отъ 3^ч дня до 7^ч вечера; послѣ того пониженіе идетъ весьма медленно и равномерно до помянутаго минимума. Амплитуда суточного хода температуры получилась въ среднемъ выводѣ весьма малая, а именно 1°6 Ц. — Характеръ кривой, раннее наступленіе максимума и малую амплитуду суточного хода температуры въ океанѣ авторъ сопоставляетъ съ ходомъ температуры воздуха на материкѣ. Приводя извѣстныя причины рѣзкаго различія между тѣми и другими кривыми, г. Рыкачевъ проводитъ мысль, что только надъ материками нагрѣваніе воздуха зависитъ главнымъ образомъ отъ нагрѣванія земной поверхности, а въ океанѣ нагрѣваніе воздуха днемъ происходитъ главнымъ образомъ отъ непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, и подтверждается это тѣмъ фактомъ, что амплитуды суточного хода температуры воды гораздо менѣе амплитудъ хода температуры воздуха въ тѣхъ же пунктахъ океана. Въ заключеніе авторъ сравниваетъ между собою результаты, полученные при разныхъ способахъ установки термометра, причемъ оказывается, что чѣмъ свободнѣе ставился термометръ, тѣмъ ранѣе получался максимумъ температуры.

Нельзя не согласиться съ пожеланіемъ автора, чтобы изслѣдованія надъ суточнымъ ходомъ температуры воздуха въ океанахъ были пополнены достаточно продолжительнымъ рядомъ ежечасныхъ наблюдений по термометрамъ, установленнымъ по новѣйшимъ способамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ акад. Г. И. Вильдомъ представленъ и переводъ означеннаго труда на русскомъ языкѣ для помѣщенія въ Запискахъ Академіи и въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Тотъ же академикъ представилъ Отдѣленію русской переводъ записки П. Мюллера: *Вѣтры въ Екатеринбургѣ за пятилѣтіе*

1887—1891 г.), напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ въ XV томѣ *Repertorium für Meteorologie*. Онъ появится въ Запискахъ Академіи и Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ Запискахъ Академіи и въ Метеорологическомъ Сборникѣ, переводъ записки Е. А. Гейнца: *Къ вопросу о вліяніи осушенія Пинскихъ болотъ на осадки соседнихъ мѣстностей*, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ въ XV томѣ *Repertorium für Meteorologie*.

Членъ-корреспондентъ Академіи В. П. Энгельгардтъ препроводилъ отъ имени проф. Л. Вейнеке, фотографію съ рисунка, сдѣланнаго г. Вейнеке и изображающаго лунный кратеръ *Vendelinus*. — Положено благодарить гг. Энгельгардта и Вейнеке.

Академикъ А. А. Штраухъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что за послѣднее время пожертвованы въ Зоологическій музей разныя цѣнныя коллекціи слѣдующими лицами и учрежденіями:

1) Обществомъ изученія Амурскаго края (во Владивостокѣ) — 3 шкуры дикаго сѣвернаго оленя изъ Камчатки и 8 череповъ крупныхъ млекопитающихъ оттуда-же;

2) Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ѡ. Ѡ. Буссе (во Владивостокѣ) — 2 черепа манджурскаго оленя, вида дотогѣ не имѣвагося въ нашемъ музеѣ;

3) Старшимъ ревизоромъ Управленія Каспійскими рыбными и тюленьими промыслами въ Астрахани, Н. А. Варпаховскимъ — богатая коллекція по естественной исторіи каспійскаго тюленя, состоящая изъ шкуръ, череповъ, скелетовъ и спиртовыхъ экземпляровъ этого рѣдкаго въ музеяхъ вида, а также довольно большая коллекція безпозвоночныхъ, собранная въ сѣверной части Каспійскаго моря;

4) Студентами Горнаго Института барономъ Евг. Алекс. Таубе и Платон. Борис. Риппасомъ — коллекція, собранная ими лѣтомъ настоящаго года въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской и состоящая изъ 18 экземпляровъ мелкихъ млекопитающихъ, значительнаго числа птицъ и пресмыкающихся, а также нѣсколькихъ сотъ бабочекъ и столько-же другихъ насѣкомыхъ и

5) Поручикомъ Алекс. Бор. Шелковниковымъ — коллекція, собранная въ Арешскомъ уѣздѣ Елисаветпольской губ. и состоящая изъ 7 мелкихъ млекопитающихъ, изъ 10 экземпляровъ пресмыкающихся и нѣкотораго числа пауковъ и фалангъ.

Такъ какъ всѣ перечисленныя пожертвованія представляютъ

болѣе или менѣе значительный интересъ для музея, то положено выразить жертвователямъ благодарность отъ имени Академіи.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія: 1) N. Sonin. *Sur l'intégrale* $\int_a^b F(x) \frac{dx}{x-x}$. *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. VII-e série. Tome XXXVIII, № 14 et dernier.* 2) *Mélanges biologiques, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome XIII, Livraison 2.*

засѣданіе 21 октября 1892 года.

Академикъ А. С. Фаминцынъ представилъ посмертную рукопись академика К. И. Максимовича, доставленную директоромъ Ботаническаго сада А. Ѳ. Баталинымъ. Рукопись эта служить продолженіемъ статей, которыя печатались въ Бюлетенѣ Академіи подъ общимъ заглавіемъ *Diagnoses plantarum novarum asiaticarum*. Въ виду того, что со времени выхода въ свѣтъ послѣдней седьмой части измѣнился форматъ Бюлетеня, акад. Фаминцынъ, предложилъ напечатать названную рукопись отдѣльной брошюрой въ форматѣ прежнихъ *Mélanges biologiques* и разослать ее всѣмъ лицамъ, получающимъ *Mélanges*. — Одобрено.

Архитекторъ Патрокль Кампанакі препроводилъ на разсмотрѣніе Академіи рукописный французскій переводъ своего изслѣдованія на ново-греческомъ языкѣ, съ приложеніемъ фотографій, гдѣ излагаются догадки объ исчезнувшемъ въ до-историческія времена материкѣ «Атлантидѣ», который служилъ будто-бы соединительнымъ звѣномъ между материками Америки и Африки. — Положено передать на разсмотрѣніе академика А. П. Карпинскаго.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1891 годъ часть I и II, съ поясненіемъ что ему впервые удалось въ нынѣшнемъ году окончить къ началу октября мѣсяца печатаніе обѣихъ частей Лѣтописей, вслѣдствіе чего метеорологическія станціи и разныя учрежденія получаютъ это изданіе до истеченія года.

Академикъ А. А. Штраухъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что магистрантъ Гавр. Ив. Танфильевъ привезъ изъ своего путешествія по восточной части Архангельской губерніи коллекцію рыбъ, собранную съ затратою немалого труда и довольно большихъ суммъ. Коллекція эта, представляющая большой интересъ какъ по

своему составу, такъ и по мѣстностямъ, гдѣ собрана, пожертвована г. Танфильевымъ Зоологическому музею. — Положено выразить благодарность жертвователю отъ имени Академіи.

Профессоръ А. Шмидтъ, въ Дерптѣ, препроводилъ Академіи въ даръ свое сочиненіе *Zur Blutlehre. Leipzig. 1892*. Положено книгу передать въ бібліотеку, а за доставленія ея благодарить автора.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 19 АВГУСТА 1892 ГОДА.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о горестной утратѣ, понесенной Академіею въ лицѣ ея дѣйствительнаго члена Августа Карловича Наука, скончавшагося 3 августа въ Терріокахъ на 70-мъ году жизни. Присутствующіе члены почтили память усопшаго товарища вставаніемъ; при семъ адъюнктъ П. В. Никитинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Продолжительная и въ высшей степени плодотворная ученая дѣятельность Августа Карловича Наука, доставившая ему первое мѣсто среди современныхъ представителей обширной и важной науки исполнѣ, конечно, заслуживаетъ подробнаго и точнаго изложенія. Но теперь еще не время для него, теперь можно только попытаться кратко намѣтити общія ея свойства и особенно тѣ ея черты, по которымъ память Наука должна быть мила и дорога не однимъ филологамъ а и каждому члену нашего ученаго сословія, каждому дѣятелю какой бы то ни было отрасли научнаго знанія.

А она должна быть дорога всѣмъ имъ не только потому, что онъ былъ такъ благожелателенъ къ своимъ собратьямъ по Академіи и по наукѣ, а и потому, что его отношеніе къ научной дѣятельности и его приемы научной работы могутъ быть, какъ намъ по крайней мѣрѣ кажется, идеаломъ для всякаго ученаго.

Всякому, кто любитъ свою науку, и понятна и дорога должна быть та беззавѣтная преданность, съ какою Августъ Карловичъ служилъ своей наукѣ. Около сорока пяти лѣтъ тому назадъ, угнетаемый нуждою, съ трудомъ добывая необходимыя научныя пособія, пользуясь каждой минутой досуга, какая оставалась послѣ уто-

нительной работы изъ-за куска хлѣба, написалъ онъ книгу, послужившую началомъ его ученой извѣстности. Тема сочиненія, повидимому, не особенно богата: это собраніе довольно малочисленныхъ остатковъ отъ трудовъ одного древняго греческаго грамматика; исполнена она съ такимъ мастерствомъ, съ ученостію такъ широко охватывающею предметъ, что эта книга, составленная при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, затрогивая массу самыхъ существенныхъ вопросовъ греческой филологіи, является какъ бы программю почти всей послѣдующей ученой дѣятельности автора. За этимъ трудомъ непрерывнымъ рядомъ слѣдуютъ другіе. Наука даетъ образцовое собраніе остатковъ богатѣйшей литературы греческой трагедіи, перестраиваетъ тексты Еврипида и Софокла, создаетъ особое, очень вліятельное направленіе въ области критики Гомеровскаго текста, подвергаетъ критической обработкѣ то цѣльные тексты, то отдѣльныя мѣста безконечнаго множества самыхъ различныхъ памятниковъ греческой письменности древней и средневѣковой, литературной и эпиграфической, поэтической и прозаической. Въ послѣдніе годы, когда и возрастъ, и обиліе трудовъ уже исполненныхъ и пріобрѣтенная ими слава первокласснаго ученаго давали бы, казалось, право на отдыхъ, Августъ Карловичъ все по прежнему, неустанно и упорно, изодня въ день, съ утра и до вечера работалъ для своей науки.

Всякіе другіе интересы подавлялись этимъ всепоглощающимъ стремленіемъ къ знанію и къ научному творчеству. Постоянно приготавливались новые труды, снова обдумывались, дополнялись и исправлялись прежніе. Самодовольство, всегда готовое почить на лаврахъ, успокоиться на разъ добытыхъ результатахъ противно было натурѣ нашего ученаго, какъ противно оно и духу самой науки, вѣчно развивающейся и совершенствующейся. Его изданіе отрывковъ трагиковъ въ первый разъ вышло въ свѣтъ въ 1856 году; черезъ пять лѣтъ одинъ нѣмецкій ученый предлагалъ самъ составить указатель къ изданію: Наука отклонила это предложеніе, совѣтуя подождать, пока его, Науковское изданіе будетъ замѣнено работою болѣе полною и удовлетворительною. Въ 1889 году онъ сдѣлалъ эту замѣну, выпустилъ второе изданіе отрывковъ, вслѣдствіе исправленій и дополненій на столько отличающееся отъ перваго, что почти могло бы считаться совсѣмъ новою книгою. Но вотъ проходитъ три года, и онъ уже пишетъ: «если бы теперь мнѣ пришлось сдѣлать третье изданіе, я кое что бы уничтожилъ, многое бы прибавилъ, очень многое измѣнилъ бы». Такъ высказывается

онъ въ предисловіи къ тому труду, который, къ сожалѣнію, приходится назвать посмертнымъ. Въ этомъ предисловіи, за послѣдней корректурой котораго, можно сказать, застала его смерть, семидесятилѣтній академикъ съ юношескимъ восторгомъ говоритъ о новыхъ приобрѣтеніяхъ своей науки, полный радостной готовности не только учиться, но и переучиваться. «Живая работа ключемъ кипитъ въ области греческой филологіи; намъ привелось увидѣть появленіе новыхъ остатковъ греческой поэзіи изъ тайниковъ библиотекъ и египетскихъ гробницъ; многому каждый день намъ приходится научиться и отъ многого отучиваться». Таковъ приблизительно смыслъ этихъ прекрасныхъ его словъ: *fervent Graecarum litterarum studia, nova poeseos fragmenta e bibliothecarum claustris et Aegyptiorum sepulcris protracta vidimus, multa in dies discenda nobis sunt et dediscenda.*

Точность ученой работы Наука, точность въ собираніи и самой подробной провѣркѣ матеріала не останавливалась ни предъ какими затрудненіями, ни предъ какой затратой силъ и времени. Счастливыи даръ памяти, сохранныи имъ во всей свѣжести до послѣднихъ дней жизни, позволялъ ему твердо удерживать и всегда имѣть наготовѣ результаты такой широкой начитанности, какой не располагаетъ, можетъ быть, никто другой изъ современныхъ эллинистовъ. Но самое точное и обильное собраніе матеріала не было для него цѣлью само по себѣ, наука начиналась для него тамъ, гдѣ изъ наблюденій надъ собранными данными слѣдовалъ строгій выводъ, гдѣ матерія фактовъ одухотворялась мыслью. Вся его научная дѣятельность проникнута такимъ уваженіемъ къ силамъ разума и такую вѣрою въ эти силы, которыя должны быть дороги каждому изъ людей науки. Уже первый свой крупный ученый трудъ онъ направляетъ противъ попытки поставить предѣлъ научному изслѣдованію въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ греческой филологіи, противъ теоріи, по которой современная критика Гомеровскаго текста должна остановиться на томъ, что 2000 лѣтъ тому назадъ было сдѣлано Аристархомъ. Пугавшая нѣкоторыхъ смѣлость конъектуральной критики Наука вытекала изъ твердой вѣры въ возможность поборотъ силами знанія, точнаго наблюденія и логическаго разсужденія слѣпыя силы случая, невѣжества и недомыслия, въ возможность возстановить разрушенныя этими темными силами смыслъ и красоту древнихъ памятниковъ письменности. Вдохновленная этою вѣрою критическая работа Наука исцѣлила множество поврежденныхъ мѣстъ на всемъ протяженіи греческой

словесности отъ Иліады и до византійцевъ. Но всего значительнѣе она, конечно, для Гомеровскихъ поэмъ и литературы греческой трагедіи. Всякій желающій точно, по подлинникамъ изучать эти произведенія неизбѣжно будетъ обращаться къ работамъ петербургскаго академика, какъ къ пособию первостепенной важности. Прочно связанное съ судьбами изученія безсмертныхъ созданій греческаго генія, имя Августа Наука не умретъ въ гѣтописяхъ науки и всегда будетъ украшеніемъ исторіи нашей Академіи».

Непрежнннй Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что имъ получена при письмѣ отъ Н. Ѳ. Катанова изъ Минусинска посылка, заключающая въ себѣ разные предметы, пріобрѣтенные г. Катановымъ въ Сибири и въ Китаѣ и приносимые имъ въ даръ частью Антропологическому, частью же Азіатскому музеямъ. — Положено передать предметы въ соотвѣтствующіе музеи, а жертвователя за доставленіе ихъ благодарить.

Академикъ А. А. Куникъ принесъ Академіи въ даръ принадлежащую ему рукопись академика Байера по восточной археологіи, которая и передана Академику К. Г. Залеману для помѣщенія въ Азіатскій музей.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія: В. В. Радловъ. *Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи.* — *Arbeiten der Orchon-Expedition. Atlas der Alterthümer der Mongolei.* В. В. Радловъ. *Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи.* I. Предварительный отчетъ... Съ приложеніями.

ЗАСѢДАНІЕ 2 СЕНТЯБРЯ 1892 ГОДА.

Академикъ А. А. Куникъ представилъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ замѣтку, разъясняющую время заключенія договора между великимъ княземъ Олегомъ и Византійскимъ императоромъ Львомъ.

Въ ноябрѣ прошлаго 1891 г. Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества постановило, по предложенію члена Общества, С. Ѳ. Ольденбурга, снестись съ русскимъ консуломъ въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскимъ, и просить его сообщить: не имѣются ли или не могутъ ли быть получены въ консульствѣ путемъ распросовъ свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ Кугѣ или иныхъ мѣстахъ Кангаріи. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Н. Ѳ. Петровскій прислалъ письмо, къ которому приложилъ пріобрѣ-

тенную имъ около двухъ лѣтъ тому назадъ отъ туземца рукопись ¹⁾ (одинъ листъ) на неизвѣстномъ языкѣ (санскритскомъ?). Имѣя въ виду то обстоятельство, что означенная рукопись есть нѣкоторымъ образомъ *pendant* къ возбуждившей не малую сенсацію въ ученномъ мѣрѣ индѣйской рукописи, которую вывезъ изъ Кашгаріи англійскій капитанъ Вонер, акад. баронъ Розенъ обращался къ Н. Ѳ. Петровскому съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ, въ видахъ сохраненія этого драгоцѣннаго памятника старины, уступить его Азіатскому музею Императорской Академіи Наукъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Н. Ѳ. Петровскій, письмомъ отъ 25 мая изъ Кашгара, просилъ барона Розена «представить Императорской Академіи Наукъ для присоединенія къ коллекціямъ восточныхъ рукописей ту рукопись на санскритскомъ языкѣ, которая была послана при письмѣ отъ 26 января сего года, за № 126».

Положено выразить Н. Ѳ. Петровскому благодарность Конференціи за цѣнное его приношеніе.

Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ представилъ Отдѣленію о томъ, что за смертью бывшаго директора Архива Министерства Юстиціи Н. А. Попова второй томъ *Актовъ Московскаго юсударства* оставался неоконченнымъ; поэтому въ апрѣлѣ настоящаго года Отдѣленіе поручало ему, акад. Дубровину, войти въ сношеніе съ вновь назначеннымъ директоромъ того Архива г. Самоквасовымъ и узнать, приметъ-ли онъ на себя дальнѣйшее веденіе дѣла по изданію *Актовъ*. Такъ какъ до настоящаго времени отвѣта на это не послѣдовало и г. Самоквасова въ Москвѣ еще нѣтъ, а между тѣмъ второй томъ остается неизданнымъ, хотя текстъ въ числѣ 42 листовъ отпечатанъ, оглавленіе набрано, но не отпечатано, и не составленъ лишь алфавитный указатель, то ак. Дубровинъ изъявилъ готовность принять на себя окончаніе этого тома, а составленіе подъ его наблюденіемъ указателя и чтеніе корректуръ поручить А. А. Гоздаво-Голомбіевскому. Что-же касается до дальнѣйшаго изданія *Актовъ*, то ак. Дубровинъ полагалъ бы вновь войти въ сношеніе съ г. Самоквасовымъ и узнать окончательное его мнѣніе по сему предмету. — Одобрено.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени его послѣдняго засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочиненіе: *Tra-*

¹⁾ См. замѣтку С. Ѳ. Ольденбурга «Кашгарская рукопись Н. Ѳ. Петровскаго» въ Запискахъ Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ. т. VII, стр. 81—82.

gicæ dictionis index spectans ad Tragicorum graecorum fragmenta ab Augusto Nauck edita.

ЗАСѢДАНІЕ 16 СЕНТЯБРЯ 1892 ГОДА.

Непрежѣнный Секретарь сообщилъ полученное имъ отъ вдовы академика Наука, М. А. Наукъ, письмо слѣдующаго содержанія: «Зная, какъ горячо мой покойный мужъ, принималъ къ сердцу интересы Императорской Академіи Наукъ, я имѣю намѣреніе принести въ даръ Академіи ту часть оставленнаго имъ мнѣ имущества, которою самъ онъ всего болѣе дорожилъ, именно—его филологическую библіотеку. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ мой даръ для тѣхъ, кто имъ будетъ пользоваться, служилъ напоминаніемъ о моемъ мужѣ, который такъ долго и такъ много трудился для Академіи. Поэтому, если Конференція Академіи соблаговолитъ принять мое пожертвованіе, я просила бы ее постановить, чтобы на нѣкоторыхъ изъ шкаповъ академической библіотеки, въ которыхъ будутъ помѣщены жертвуемыя мною книги, была сдѣлана надпись «Библіотека академика Нау́ка», а на самыхъ книгахъ было бы отмѣчено «изъ библіотеки академика Наука». Если Конференція затруднится принять мое пожертвованіе полностью и пожелаетъ поручить кому-либо выборъ того, что для академической библіотеки наиболѣе нужно и полезно, то чѣмъ скорѣе будетъ сдѣланъ такой выборъ, тѣмъ для меня будетъ удобнѣе».

Положено принять съ благодарностью отъ г-жи Наукъ часть библіотеки ея покойнаго мужа въ даръ, предоставивъ академику К. Г. Залеману разобрать книги и выбрать подлежащія помѣщенію въ Академической библіотекѣ.

Академикъ баронъ В. Р. Розенъ просилъ исходатайствовать установленнымъ порядкомъ присылку, срокомъ на три мѣсяца, въ Азіатскій музей, хранящейся въ Королевской библіотекѣ, въ Берлинѣ, арабско-турецкой рукописи, подъ шифромъ «Diez A. 4°. 132» [= № 60 печатнаго каталога «Verzeichniss der türkischen Handschriften der Kgl. Bibliothek zu Berlin von Wilhelm Pertsch, Berlin 1889, p. 100], въ которой ак. Розенъ встрѣчаетъ надобность при ученыхъ своихъ занятіяхъ. — Одобрено.

Академикъ К. Г. Залеманъ напомнилъ Отдѣленію, что въ засѣданіи 29-го апрѣля с. г. академикъ В. В. Радловъ предложилъ передать въ Азіатскій музей фотографіи, рисунки и снимки, сдѣланные имъ и его сотрудниками во время Орхонской экспедиціи

1891 г. и послужившіе оригиналами для изданнаго имъ нынѣшнимъ лѣтомъ атласа. Окончивъ нынѣ разборъ доставленныхъ оригиналовъ и опредѣливъ ихъ отношеніе къ таблицамъ атласа, ак. Залеманъ представилъ Отдѣленію подробный имъ списокъ.

Оказалось всего: А. Фотографій 15, и сверхъ того 5, въ атласъ не вошедшихъ, — итого 20 таблицъ. В. Рисунковъ С. М. Дудина 66 и 9 не изданныхъ, — итого 75 листовъ. С. Снимковъ съ надписей и орнаментовъ 109 и 11 не изданныхъ всего 120 снимковъ на 164 кускахъ коленкора, изъ которыхъ 27 кусковъ отчислены въ дублиеты,

засѣданіе 30 сентября 1892 года.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ 8 с. октября за № 9, адъюнктъ Академіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ по классической филологіи съ 22 августа с. г. По поводу этого назначенія присутствующіе почтили пр. Никитина вставаніемъ.

Академикъ В. В. Радловъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что, разборомъ привезенныхъ изъ Монголіи разнообразныхъ надписей, ему удалось опредѣлить порядокъ строкъ большихъ надписей около Кошо-Цайдама, и найти неоспоримыя доказательства этого порядка. Такъ какъ этотъ порядокъ не совпадаетъ съ данною въ атласъ нумераціею, то акад. Радловъ признаетъ необходимымъ опубликовать теперь же свое открытіе, дабы облегчить такимъ образомъ работу другимъ изслѣдователямъ надписей и разослать составленную имъ замѣтку къ ученымъ, интересующимся этими до сихъ поръ загадочными надписями. Поэтому акад. Радловъ просилъ Отдѣленіе разрѣшить отпечатать вышеозначенную замѣтку на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; русскій текстъ могъ бы быть отпечатанъ въ Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи, а нѣмецкій — въ Бюлетенѣ.

Читано отношеніе Финно-Угорскаго Общества въ Гельсингфорсѣ отъ 18 (30) сентября слѣдующаго содержанія:

«Въ незабвенной памяти остаются заслуги Императорской Академіи Наукъ въ области финно-угорскаго языковѣдѣнія. Заботами Академіи Наукъ была доставлена возможность Шёгрёну положить основаніе этой отрасли науки и Видеману продолжать его трудъ. Академія Наукъ также оказывала сильную поддержку Кастрену; она-же озаботилась о томъ, чтобы геніальныя изслѣдованія его были опубликованы и оцѣнены по достоинству».

«Императорская Академія Наукъ вполне оцѣнила важность и значеніе для этнографіи Россійской Имперіи и тѣхъ изслѣдованій, предметомъ которыхъ является языкъ и поэзія финно-угорскихъ народностей. Почти всѣ эти народы живутъ въ предѣлахъ Имперіи и находились во взаимныхъ отношеніяхъ какъ съ славянскими, такъ и съ другими народностями Россіи».

«Въ виду того сочувствія, съ которымъ Академія Наукъ относилась къ финно-угорскому языковѣдѣнію и этнографіи съ самого ихъ возникновенія, Финно-Угорское Общество осмѣливается обратиться къ Императорской Академіи Наукъ по вопросу, весьма важному для этой науки. Финно-Угорскому Обществу стало извѣстно что докторъ I. Гуртъ въ С.-Петербургѣ располагаетъ весьма значительнымъ и чрезвычайно рѣдкимъ собраніемъ произведеній Эстонской народной словесности. Въ этомъ собраніи содержатся данныя, проливающія совершенно новый свѣтъ на финно-угорскую мифологію, въ особенности по вопросу о мѣстѣ возникновенія Калевалы. Оно представляетъ не мало точекъ соприкосновенія также съ изученіемъ славянскихъ, литовско-латышскихъ и германскихъ народныхъ преданій. Въ интересахъ науки было-бы весьма желательно, чтобы означенное собраніе было издано въ ближайшемъ времени».

«Финно-Угорское общество считаетъ долгомъ обратиться именно къ Императорской Академіи Наукъ, уже по той причинѣ, что самая цѣнная часть собранія доктора Гурта, т. е. записанныя имъ самимъ пѣсни православныхъ эстонцевъ Псковской губерніи, были собраны на средства Академіи Наукъ. Поэтому Академія Наукъ имѣетъ преимущественное право на изданіе этого собранія».

«Въ случаѣ, если Императорская Академія Наукъ признаетъ желательнымъ, Финно-Угорское Общество охотно приметъ на себя печатаніе нѣкоторой части собранія доктора Гурта и окажетъ сильное содѣйствіе въ этомъ предпріятіи. Но средства частнаго общества, само собою разумѣется, недостаточны для покрытія расходовъ по изданію полнаго собранія. Къ тому же общество не можетъ доставить доктору Гурту возможность освободиться отъ служебныхъ занятій, чтобы привести свои записки въ требуемый для печати порядокъ. Нѣтъ надобности упомянуть, что докторъ Гуртъ въ настоящее время единственное лицо, вполне способное выполнить этотъ трудъ. Его познанія въ области эстонскихъ говоровъ доставили ему ту великую честь, что Академія Наукъ довѣрила ему опубликованіе исправленнаго изданія эстонско-нѣмецкаго

словаря Видемана. Кроме того онъ обладаетъ хорошими теоретическими познаніями въ финскомъ языкѣ, необходимыми для приведенія въ порядокъ и сравненія эстонскихъ пѣсенъ».

«Дѣятельность доктора Гурта по эстонской народной поэзіи обратила на себя вниманіе фолклористскихъ съѣздовъ въ Парижѣ и Лондонѣ въ 1889 и 1891 годахъ. Возможно, что также какое нибудь иностранное общество приняло бы участіе въ изданіи его работъ, но отъ этого, безъ сомнѣнія, произошло бы замедленіе, и успѣхъ этого труда не былъ бы обезпеченъ въ той же степени, какъ при выполненіи его подъ непосредственнымъ руководствомъ доктора Гурта. Во всякомъ случаѣ, для финно-угорской науки была бы чувствительная потеря, если бы рукописи на болѣе или менѣе продолжительное время препровождены были за границу, гдѣ онѣ оставались бы недоступными для нашихъ изслѣдователей».

«Въ виду всего вышезложеннаго Финно-Угорское Общество питаетъ надежду, что Императорская Академія Наукъ, которая и прежде всегда сочувственно относилась къ нуждамъ этой отрасли науки, приметъ этотъ вопросъ на благосклонное обсужденіе. Въстѣ съ тѣмъ Общество къ настоящему ходатайству прилагаетъ, для раздачи высокопочтимымъ членамъ Императорской Академіи Наукъ, составленный доцентомъ К. Крономъ и изданный Финляндскимъ Географическимъ Обществомъ обзоръ содержанія работъ доктора Гурта».

Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что проф. Самоквасовъ, ознакомившись ближе съ положеніемъ дѣла по изданію *Актовъ Московскаго Государства*, призналъ возможнымъ принять на себя редакцію сказаннаго изданія. Что касается программы и порядка изданія этихъ *Актовъ*, то проф. Самоквасовъ находитъ полезнымъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя частныя измѣненія, а именно:

1) *Въ порядокъ печатанія*. Первые томы изданія печатались постепенно, по мѣрѣ накопленія матеріала, который частями сдавался въ типографію, т. е. выборка документовъ и составленіе текста происходили одновременно съ печатаніемъ. Таковой порядокъ едва-ли можно признать удобнымъ. Если принять во вниманіе, что въ столбцахъ, часто разбитыхъ, позднѣйшихъ годовъ всегда могутъ встрѣтиться документы предшествующихъ лѣтъ, то было бы лучше приступать къ печатанію *не прежде, чѣмъ будетъ заготовленъ матеріалъ въ рукописи, приблизительно, для цѣлаго тома*. Тогда документъ, найденный даже при заканчиваніи всего матеріала под-

боркою, можетъ быть легко поставленъ на соотвѣтствующее мѣсто отъ чего пришлось бы отказаться, если бы въ это время большая часть тома была бы уже отпечатана. Наконецъ, возможность бросить общій взглядъ на весь собранный матеріалъ представляетъ выгоду: если бы оказалось, что при постепенномъ подборѣ незамѣтнымъ образомъ получилъ излишній перевѣсъ одинъ видъ документовъ, а другой бы представленъ былъ слишкомъ незначительно, тогда возстановить равновѣсіе было бы очень легко, удаливъ одни и прибавивъ другіе документы.

3) Въ отношеніи *необходимыхъ примѣчаній къ тексту*, не въ смыслѣ толкованія фактовъ или событій, а единственно, для большей полноты изданія. При составленіи текста *Актовъ Московскаго Государства* нѣтъ возможности печатать всѣхъ, безъ исключенія, документовъ и приходится ограничиваться или выборомъ наиболѣе важныхъ для извѣстнаго событія, по мнѣнію редакціи, или образцовъ того или другаго типа. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, къ одному и тому же событію относятся цѣлая группа документовъ, въ виду чего было бы возможнымъ, печатая цѣликомъ наиболѣе важные изъ нихъ, въ примѣчаніи къ подобнымъ документамъ дѣлать краткое указаніе (перечень) и всѣхъ другихъ, имѣющихся въ столбцахъ. Это было бы особенно полезно для изслѣдователей, которые бы пожелали заняться специально тѣмъ или другимъ вопросомъ; и дало бы имъ возможность судить, достаточно ли того матеріала, который напечатанъ въ *Актахъ* или необходимо обратиться къ подлиннымъ документамъ Архива Министерства Юстиціи для пополненія свѣдѣній и гдѣ ихъ найти. Такимъ образомъ, примѣчанія подобнаго характера, не внося ничего субъективнаго въ изданіе, значительно расширили бы его содержаніе.

Въ виду того, что проф. Самоквасовъ полагалъ бы — буде Академія приметъ его предложенія — ближайшее завѣдываніе изданіемъ *Актовъ Московскаго Государства* поручить старшему помощнику редактора Н. А. Арбашеву и приступить немедля къ собиранію матеріала для III тома, академикъ Н. О. Дубровинъ представилъ о семъ на благоусмотрѣніе Отдѣленія. — Положено предложенія проф. Самоквасова принять.

Преподаватель Императорскаго Александровскаго Лицея Венедиктъ Мякотинъ, занимаясь изслѣдованіемъ исторіи тѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, провелъ 1890/1 академическій годъ въ г. Кіевѣ, гдѣ работалъ надъ частью Румянцевской

Описи, а нынѣ ходатайствуетъ о допущеніи его къ занятіямъ надъ тою частью Румянцевской Описи, которая передана въ Императорскую Академію Наукъ.

Положено просьбу эту удовлетворить и разрѣшить бібліотекарю Перваго Отдѣленія Библіотеки выдавать г. Мякотину подъ росписки опись отдѣльными томами, для занятій на дому.

Академикъ К. Г. Залеманъ представилъ отъ имени Финно-Угорскаго Общества изданное этимъ послѣднимъ сочиненіе, озаглавленное *Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise en 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors 1892. Fol.* — Положено передать въ Библіотеку, а за доставленіе его благодарить Общество.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочиненіе академика В. В. Радлова *Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. 5-й выпускъ. — Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte Fünfte Lieferung.*

ЗАСѢДАНІЕ 14 ОКТЯБРЯ 1892 ГОДА.

Представленъ для напечатанія выпускъ II тома I составленнаго магистромъ Регелемъ сборника *Fontes rerum Byzantinarum.* — Положено приступить къ печатанію этого выпуска, возложивъ общее наблюденіе за изданіемъ на академика П. В. Никитина.

Академикъ В. В. Радловъ сообщилъ Отдѣленію полученную имъ отъ г. Клеменца телеграмму слѣдующаго содержанія: «Осмотрѣвъ развалины Тери Нора, Кираули, Коссоголь и Джину вернулся въ Кяхту», причемъ акад. Радловъ пояснилъ, что г. Клеменць такимъ образомъ осуществилъ въ полной мѣрѣ программу путешествія, намѣченную на 1892 годъ.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія списокъ сочиненій, поступившихъ къ 19 сентября на соисканіе премій митр. Макарія и просилъ для разсмотрѣнія ихъ назначить членовъ въ конкурсную Комиссію. — Положено назначить въ Комиссію по разсмотрѣнію сочиненій настоящаго Макаріевского конкурса В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника и Н. Ѳ. Дубровина.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго его засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія: 1) С. Шестаковъ *По вопросу объ источникахъ хроники Георгія монаха (Амартола)* (IV книга хроники) — Приложение къ

ЛХХ-му тому Записокъ Академіи № 4.—2) Н. Θ. Дубровинъ Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ V. Годъ 1715-й. Книга I (январь — іюнь).

засѣданія 28 октября 1892 года.

Сообщено Отдѣленію объ утратѣ, понесенной Академіею въ лицѣ ея члена-корреспондента по разряду историко-политическихъ наукъ Лёгера, скончавшагося въ Мюнхенѣ.

Академикъ К. С. Веселовскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на труды Ник. Мих. Лисовскаго по изданію спеціальнаго органа по Русской библіографіи. Безкорыстно жертвуя своимъ временемъ, трудомъ и значительными, для его ограниченнаго состоянія, денежными средствами, на безостановочное изданіе въ теченіе восьми уже лѣтъ, ежемѣсячнаго журнала «Библіографъ», онъ посвятилъ себя дѣлу, безъ сомнѣнія полезному для ученыхъ и для всѣхъ интересующихся наукою въ Россіи, но едва ли дающему соотвѣтственное той пользѣ матеріальное вознагражденіе. Признавая поэтому изданіе «Библіографа» достойнымъ сочувствія и поддержки со стороны Академіи, г. Веселовскій предложилъ высылать г. Лисовскому какъ Записки Академіи и Bulletin, такъ равно имѣющія выходить впредь томы «Протоколовъ и Приговоровъ Сената въ царствованіе Петра Великаго», «Актовъ Московскаго Государства» и другихъ подобныхъ изданій, выходящихъ особыми книгами, такъ какъ г. Лисовскій постоянно печатаетъ въ своемъ журналѣ извѣстія о выходящихъ въ печати трудахъ Академіи. — Одобрено, причемъ г. Вице-Президентъ академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что г. Лисовскому будутъ высылаемы и печатаемые по распоряженію Отдѣленія русскаго языка и словесности изданія, и въ особенности «Сборникъ Отдѣленія».

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени его послѣдняго засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Dr. A. Bielenstein. *Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. Beilage zu den Grenzen des Lettischen Volksstammes und der Lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ СЕМЬДЕСЯТОМУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМІИ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ЛXX ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

А

Абельсъ, см. Вильдъ.
Андрусовъ, см. Карпинскій.

Б

Баклундъ, О. А., акад. Записка о собранныхъ имъ материалахъ для вычисления возмущеній кометы Энке, 17—19.
— «Calculs et recherches sur la comète d'Encke. V. Perturbations par les planètes Mercure, Venus et la Terre pendant le mouvement de la comète dans la partie supérieure de son orbite», 20.
Бейльштейнъ, Ф. Ф., акад., представляетъ 1—4 выпуски издаваемого имъ курса органической химіи, 16.
Бергманъ, см. Вильдъ.
Бихверъ, см. Штраухъ.
Біанки, В. «Къ фаунѣ *Rhopalocera* Тверской губерніи». Приложение къ Запискамъ № 1.
Бредихинъ, Ф. А., акад., сообщеніе его о новой явздѣ въ Возничемъ и о производимыхъ г. Бѣлопольскимъ измѣреніяхъ ея спектра, 20.
— см. комисія.
Бріоски, членъ-кор. Академіи. «Sur l'équation différentielle Lamé-Hermite», 14.
Бурмейстеръ, проф. въ Буэносъ-Айресѣ, членъ-кор. Академіи. Сообщеніе о его смерти, 12.
Буссе, см. Штраухъ.
Бѣлопольскій, см. Бредихинъ.

В

Варнаховскій, см. Штраухъ.
Васильевскій, см. комисія.
Вейнеке, см. Энгельгардтъ.
Веселовскій, К. С., акад., предлагаетъ высылать издателю журнала «Библиографъ» Н. М. Лисовскому нѣкоторые изъ академическихъ изданій, 36.
Вильдъ, Г. И., акад., представляетъ «Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1891 г.» и записки 1) Э. Штеллинга—«Магнитныя наблюденія, произведенныя въ 1890 году въ Восточно-Сибирской Приморской области», и 2) К. Годмана—«Объ осадкахъ въ Павловскѣ, и въ особенности о проливныхъ дождяхъ», 12.
— представляетъ записку г. Абельса: «Beobachtungen der täglichen Periode der Temperatur im Schnee und Bestimmung des Wärmeleitungsvermögens des Schnees als Function seiner Dichtigkeit», 12—13.
— рассматриваетъ записку г. Винклера: «Periodicität d. jährlichen Ganges d. Lufttemperatur», 15.
— представляетъ его относительно предполагаемой магнитной съемки Ихперіи, 16.
— представляетъ описаніе придуманнаго имъ инструмента для опредѣленія абсолютныхъ величинъ и измѣненій магнитныхъ элементовъ, 17.
— представляетъ переводъ записки Р. Р. Бергмана: «О распредѣленіи и дѣятельности метеорологиче-

ских станцій въ Россійской Имперіи съ начала ихъ возникновенія до 1889 года включительно», 17.

Вильдъ, Г. И., акад., представляетъ записку М. А. Рыкачева подъ заглавіемъ: «Суточный ходъ температуры воздуха между тропиками въ океанахъ», 21—22.

— представляетъ русскій переводъ записки П. Мюллера: «Вѣтры въ Екатеринбургѣ за пятилѣтіе 1887—1891 г.», 22—23.

— представляетъ русскій переводъ записки Е. А. Гейнца: «Къ вопросу о вліяніи осушенія Пинскихъ болотъ на осадки сосѣднихъ мѣстностей», 23.

— представляетъ отпечатанный томъ «Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи за 1891 годъ», 24.

— «Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1891 г.». Приложение къ Запискамъ № 5.

см. комисія.

Винклеръ, см. Штраухъ.

Г

Гадолинъ, А. В., акад., разсматриваетъ замѣтку братьевъ Пляписъ «О причинахъ силы тяжести», 20.

см. комисія.

Гарперъ, П., астрономъ, доставляетъ запечатанный пакетъ, для храненія въ архивѣ Конференціи, 21.

Гауссъ, см. Сименсъ.

Гейницъ, Е. «Къ вопросу о вліяніи осушенія Пинскихъ болотъ на осадки сосѣднихъ мѣстностей». Приложение къ Запискамъ № 9.

см. Вильдъ.

Годманъ, К. «Объ осадкахъ въ Павловскѣ и въ особенности о проливныхъ дождяхъ». Приложение къ Запискамъ № 7.

см. Вильдъ.

Гротъ, Я. К., акад., вице-президентъ, благодаритъ за адресъ, поднесенный ему Академіею по случаю 60-ти-лѣтняго его юбилея, 10.

Гуртг., см. Финно-Угорское Общество въ Гельсингфорсѣ.

Д

Долбня, см. Марковъ.

Дубровинъ, Н. Ѳ., акад., предлагаетъ

войти въ сношеніе съ вновь назначеннымъ директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, г. Самокасовымъ, относительно дальнѣйшаго веденія дѣла по изданію «Актовъ Московскаго государства»; до полученія же отвѣта, принимаетъ на себя окончаніе 2-го тома, а составленіе указателя и чтеніе корректуръ предлагаетъ поручить А. А. Гоздаво-Голомбьевскому, 29.

Дубровинъ, Н. Ѳ., акад., сообщаетъ отзывъ проф. Самокасова, изъявившаго согласіе принять на себя редакцію «Актовъ Московскаго государства», 33—34.

см. комисія.

З

Залеманъ, К. Г., акад., представляетъ списокъ переданныхъ въ Азіатскій музей фотографій, рисунковъ и снимковъ, сдѣланныхъ академикомъ В. В. Радловымъ и его спутниками во время Орхонской экспедиціи, 30—31.

— представляетъ отъ имени Финно-Угорскаго Общества изданное послѣднимъ сочиненіе: «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise en 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne», 35.

Зеленый, С. И., адмиралъ, почетный членъ Академіи. Сообщение о его смерти, 8.

И

Изданія Академіи вышедшія въ свѣтъ: 9, 12, 15, 24, 28, 29—30, 35 и 36.

— доставляются въ библіотеку Артиллерійскаго музея, 8.

— доставленныя въ библіотеку Академіи на основаніи цензурныхъ постановленій, 10.

— полученныя въ даръ, 8, 9, 11—12, 14, 24, 25 и 35.

Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій, почетный членъ Академіи. Сообщение о его смерти, 10.

Б

Кампанакки, см. Карпинскій.

Карпинскій, А. П., акад., представляетъ записку Н. И. Андрусова:

«Sur l'état du bassin de la mer Noire pendant l'époque pliocène», 13—14.
 Карпинский, А. П., акад., рассматривает французский перевод исследования архитектора Патрокла Кампанаки обь «Атлантидъ», 24.

— см. комисія.

Катановъ, см. Штраухъ.

Клеменцъ, см. Радловъ.

Ковалевскій, А. О., акад., представляет исследование В. Т. Шевякова: «Ueber die geographische Verbreitung der Süßwasser-Protozoen», 14.

— рассматривает записку А. фонъ Шредера: «Къ исторіи развитія лентеца широкаго», 20.

Комисія Порфирьевская. Донесеніе о готовности Православнаго Палестинскаго Общества содѣйствовать скорѣйшему изданію трудовъ посвященнаго Порфирія, 10—11.

— изъ академикомъ В. Г. Васильевского, Н. Ф. Дубровина, А. А. Куника и пребывающихъ въ С.-Петербургѣ членомъ II Отдѣленія Академіи, для присужденія награды графа Уварова, 12.

— изъ академикомъ Г. И. Вильда, О. А. Баклунда, Ф. А. Бредихина, А. В. Гадолина и А. П. Карпинскаго, для рассмотрѣнія проекта магнитной съемки Имперіи, 16.

— изъ академикомъ В. Г. Васильевского, А. А. Куника и Н. Ф. Дубровина, для рассмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на Макаріевскій конкурсъ, 35.

Конкурсъ Макаріевскій, см. комисія.

— Уваровскій, см. комисія.

Костычевъ, П. А. «О сочиненіи г. Пономарева: «Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, отъ начала государства до настоящаго времени», 1—7.

Куникъ, А. А., акад., приноситъ въ даръ Академіи принадлежащую ему рукопись Байера по восточной археологіи, 28.

— представляетъ свою замѣтку, разъясняющую время заключенія договора между великимъ княземъ Олегомъ и византійскимъ императоромъ Львомъ, 28.

— см. комисія.

Л

Легеръ, въ Мюнхенѣ, членъ-кор. Академіи по разряду историко-полити-

ческихъ наукъ. Сообщение о его смерти, 36.

Лисовскій, см. К. С. Веселовскій.

М

Маковскій, К. Е., см. Шренкъ.

Максимовичъ, см. Фаминцынъ.

Марковъ, А. А., акад., рассматриваетъ записку г. Долбни: «Объ интегрировании дифференціала

$$\sqrt{(x-a)(x-b)(x-c)}^2, 20.$$

Миклухо-Маклай, см. Шренкъ.

Михайлъ Николаевичъ, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь, увѣдомляетъ о принятіи въ бібліотеку Артиллерійскаго музея изданій, пожертвованныхъ Академіею, 8.

Мюллеръ, см. Вильдъ.

Мякотинъ, В., ходатайствуетъ о допущеніи его къ занятіямъ надъ переданной въ Академію частью Румянцовской Описи, 34—35.

Н

Наукъ, А. К., акад. Сообщение о его смерти, 25.

Наукъ, М. А., вдова академика, см. Штраухъ.

Никитинъ, П. В., адъютантъ, утверждается экстраординарнымъ академикомъ по классической филологіи, 10 и 31.

— слово его въ память скончавшагося академика А. К. Наука, 25—28.

— наблюдаетъ за изданіемъ составленнаго магистромъ Регелемъ сборника «Fontes rerum Byzantinorum», 35.

О

Общество изученія Амурскаго края, см. Штраухъ.

Отношенія благодарственныя за доставленіе академическихъ изданій, 8 и 9.

«Отчетъ о четвертомъ присужденіи премій Макарія, митрополита Московскаго». Приложение къ Запискамъ № 2.

«Отчетъ о тридцатъ третьемъ присужденіи награды графа Уварова. Приложение къ Запискамъ № 3.

Отчетъ. «Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 года». Приложение къ Запискамъ № 6.

— о засѣданіяхъ Геодезической Конференціи въ Берлинѣ, 14.

— см. Вильдъ.

П

Палестинское Общество, см. комисія Порфирьевская.

Петровский, Н. О., русскій консулъ въ Кашгарѣ, доставляетъ рукопись на неизвѣстномъ языкѣ, 28—29.

Пляписы, братья, см. Гадолинъ.

Пономаревъ, см. Костычевъ.

Протоколы. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ, сентябрь и октябрь 1892 года:

— Общее Собраніе, 8—12.

— Физико-Математическое Отдѣленіе, 12—25.

— Историко-Филологическое Отдѣленіе, 25—36.

Р

Радловъ, В. В., акад., сообщаетъ объ опредѣленномъ имъ порядкѣ строкъ большихъ надписей около Кошо-Цайдама, 31.

— сообщаетъ полученную имъ отъ г. Клеменца телеграмму, изъ которой видно, что онъ осуществилъ вполнѣ программу своего путешествія на 1892 годъ, 35.

Регель, см. Никитинъ.

Риппастъ, см. Штраухъ.

Розень, баронъ В. Р., акад., проситъ объ исходатайствованіи ему, для временнаго пользованія, одной арабско-турецкой рукописи, хранящейся въ Королевской библиотекѣ въ Берлинѣ, 30.

Рыкачевъ, см. Вильдъ.

С

Самоквасовъ, см. Дубровинъ.

Сименсъ, Вернеръ, въ Берлинѣ, доставляетъ снимокъ съ письма Гаусса, содержащаго свѣдѣнія объ установлении впервые въ Геттингенѣ электрическаго телеграфа, 15.

Стариковъ, см. Фаминцынъ.

Т

Танфильевъ, см. Штраухъ.

Таубе, баронъ, см. Штраухъ.

Тилло, А. А., генералъ, доставляетъ отдѣльный оттискъ своего изслѣдованія: «Сводъ нивелировокъ рѣкъ, ихъ паденіе и каталогъ абсолютныхъ высотъ уровней водъ Европейской Россіи», 21.

Ф

Фаминцынъ, А. С., акад., разсматриваетъ рукопись г. Старикова, озаглавленную: «Новое ученіе о мірѣ», 15.

— представляетъ посмертную рукопись академика К. И. Максимова, составляющую продолженіе статей, печатанныхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum», 24.

Финно-Угорское Общество въ Гельсингфорсѣ ходатайствуетъ объ изданіи на счетъ Академіи собранныхъ д-ромъ Гуртомъ произведеній эстонской народной словесности, 31—33.

Ч

Черскій, начальникъ экспедиціи, снаряженной Академіею для изслѣдованія Колымскаго края. Сообщение о его смерти, 15.

Ш

Шевяковъ, см. Ковалевскій.

Шелковниковъ, см. Штраухъ.

Шестаковъ, С. «По вопросу объ источникахъ хроники Георгія монаха (Амартола). (IV книга хроники)». Приложение къ Запискамъ № 4.

Шмидтъ, А., проф. въ Дерптѣ, препровождаетъ въ даръ Академіи экземпляръ своего сочиненія: «Zur Blutlehre», 25.

Шмидтъ, П. Ю., см. Штраухъ.

Шредеръ, см. Ковалевскій.

— см. Штраухъ.

Шренкъ, Л. И., акад., сообщаетъ о принесеніи въ даръ музею по Антропологии и Этнографіи профессоромъ К. Е. Маковскимъ писаннаго имъ портрета Миклухи-Маклая, 20.

Штеллингъ, Э. «Магнитныя наблюденія, произведенныя въ 1890 году въ Восточно-Сибирской Приморской области, и примѣчанія о вѣковыхъ переиѣнахъ тамъ въ элементахъ земнаго магнетизма». Приложение къ Запискамъ № 8.

— см. Вильдъ.

Штраухъ, А. А., акад., непрѣмѣнный секретарь, представляетъ замѣтку Е. А. Бихнера: «Ueber eine neue Katzen-Art (*Felis pallida* n. sp.) aus China», 14.

— представляетъ записку преподавателя Нѣжинскаго лицея Винклера: «Periodicität d. jährlichen Ganges d. Lufttemperatur», 15.

— заявляетъ о сочиненіяхъ, поступившихъ на соисканіе премій Ломоносова и Рклицкаго, 15—16.

— представляетъ записку А. фонъ Шредера: «Къ исторіи развитія лентеца широкаго», 20.

— сообщаетъ о принесенной П. Ю. Шмидтомъ въ даръ Зоологическому музею Академіи коллекціи рыбъ изъ озера Иссыкъ-Куля, 21.

— сообщаетъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ Зоологическому музею Обществомъ изученія Амурскаго края, О. О. Буссе, Н. А. Варяховскихъ, барономъ Е. А. Таубе, П. Б.

Риппасомъ и А. Б. Шелковниковымъ, 23.

Штраухъ, А. А., акад., непрѣмѣнный секретарь, сообщаетъ о коллекціи рыбъ, собранной Г. И. Танфильевымъ въ восточной части Архангельской губерніи и принесенной имъ въ даръ Зоологическому музею Академіи, 24—25.

— заявляетъ о полученной отъ Н. О. Катанова изъ Минусинска посылкѣ съ предметами, приносимыми имъ въ даръ Антропологическому и Азіатскому музеямъ, 28.

— сообщаетъ письмо, полученное имъ отъ вдовы академика Наука, М. А. Наукъ, въ которомъ она предлагаетъ привести въ даръ библиотекѣ Академіи принадлежавшее ей покойному мужу собраніе книгъ по части филологіи, 30.

— сообщаетъ списокъ сочиненій, поступившихъ на соисканіе премій митрополита Макарія, 35.

Э

Энгельгардтъ, В. П., членъ-кор. Академіи, доставляетъ отъ имени Л. Вейнеке сдѣланную имъ фотографію луннаго кратера «Vendelinus», 23.

КЪ ФАУНЪ РНОРАЛОСЕРА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В. БІАНКИ.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 22-го апрѣля 1892 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггера и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюль 1892 года.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Лѣто 1891 года было посвящено мною энтомологическому сбору въ Ржевскомъ и Старицкомъ уѣздахъ Тверской губерніи. Къ сожалѣнію, снѣгъ и морозы во второй половинѣ мая и почти непрерывные дожди, начавшіеся со середины іюля, сильно повліяли въ неблагопріятномъ смыслѣ на жизнь насѣкомыхъ и позволили болѣе или менѣе полно собрать только дневныхъ бабочекъ, изъ которыхъ добыто, вѣроятно, нѣсколько болѣе половины всѣхъ возможныхъ для мѣстной фауны видовъ. Тѣмъ не менѣе, принимая въ расчетъ полное отсутствіе данныхъ о бабочкахъ названной губерніи, считаю умѣстнымъ опубликовать добытые мною результаты даже въ этомъ несовершенномъ видѣ. Собравши всю литературу по бабочкамъ Россійской Имперіи, я убѣдился въ крайней недостаточности нашихъ свѣдѣній особенно о центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и полагаю, что публикація даже неполныхъ списковъ является настоятельною необходимостью.

Во Ржевскомъ уѣздѣ я коллектировалъ въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Ржева, а въ Старицкомъ—въ окружности с. Бернова, гдѣ въ 1884 г. служилъ земскимъ врачомъ. Будь погода мало-мальски благопріятна, мнѣ удалось бы очень хорошо изслѣдовать послѣдній уѣздъ, такъ какъ, благодаря любезности помѣщиковъ¹⁾, въ моемъ распоряженіи всегда находились лошади для экскурсій; къ сожалѣнію какъ разъ съ 17-го іюля начались почти ежедневные дожди и о дальнихъ экскурсіяхъ нельзя было и думать.

¹⁾ Привожу тутъ мою благодарность Е. П. Вульфъ въ селѣ Соколовѣ и М. Н. Вульфъ въ селѣ Берновѣ.

Подо Ржевомъ я собиралъ съ 7 іюня по 15-ое іюля, у Бернова съ 17-го іюля по 18-ое августа.

Всего собрано 53 вида. Подъ Петербургомъ найдено 88 видовъ, изъ нихъ 8 либо сомнительны, либо пойманы всего по одному разу, такъ что всего встрѣчается около 80 видовъ. Подъ Москвой Albrecht'омъ перечислено 102 вида; если выключить сомнительныхъ и найденныхъ по одному разу, то окрестностямъ Москвы свойственны около 92 видовъ. Цифра несомнѣнно найденныхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ *Rhopalocera* достигаетъ по Petersen'у до 113 видовъ, но площадь наблюденія тутъ значительно обширнѣе окрестностей обѣихъ столицъ.

Такимъ образомъ, можно допустить, что мною всего собрано около 60% всѣхъ встрѣчающихся въ Тверской губерніи дневныхъ бабочекъ. При систематичности веденія и продолжительности экскурсій такую недостаточность сбора можно объяснить только тѣмъ, что, собственно говоря, удобное для лова время продолжалось всего одинъ мѣсяць — со середины іюня до 13 іюля; во вторую половину лѣта часто по нѣскольکو дней подрядъ нельзя было встрѣтить ни одной бабочки, а въ другіе дни онѣ показывались лишь на самое непродолжительное время, прячась отъ непрерывно лившаго дождя; только во второй трети августа было нѣскольکو ясныхъ дней, но и они были довольно прохладны. Нѣкоторые виды, въ этомъ году мною не найденные, помнятся мнѣ съ 1884 года, но ихъ я не включаю, не имѣя въ коллекціи. Особенно странно полное отсутствіе видовъ *Thecla* и нѣкоторыхъ изъ *Satyridae*, не смотря на то, что я ихъ усиленно искалъ.

Кромѣ случайно-залетной и не принадлежащей ни къ одной изъ вышеприведенныхъ трехъ фаунъ *Zegris eupheme*, всѣ остальные собранные мною виды встрѣчаются и подъ Москвой, и въ Остзейскихъ губерніяхъ. При сравненіи съ Петербургомъ, оказывается, что четыре вида (*Polyommatus alciphron*, *Limenitis sibylla*, *Argynnis dia* и *Thymelicus thaumas*) въ окрестностяхъ сѣверной столицы вовсе не встрѣчаются, а *Colias edusa* попала съ тутъ только однажды.

Подо Ржевомъ преобладаютъ открытыя мѣста, обширныхъ лѣсныхъ участковъ вовсе нѣтъ, въ Берновской волости ихъ значительно больше, также какъ и въ Рясненской. Въ упоминаемомъ ниже урочищѣ Бычино лиственные рощи чередуются съ пустошами, занятыми богатыми лужайками, а окрестности села Медвѣдева отличаются крайнимъ разнообразіемъ — отъ болотъ, полей и луговъ до высокоствольнаго лѣса.

Papilio machaon, L.

Этотъ видъ въ 1884 г. былъ очень обыкновененъ въ окрестностяхъ с. Бернова, но въ настоящее лѣто мнѣ удалось поймать всего четыре экземпляра и больше я вовсе его не видалъ.

13. VII мой сынъ добылъ двухъ гусеницъ — одну совершенно выросшую, которая окуклилась 17. VII, а другую въ половину нормальной величины; послѣдняя окуклилась 23. VII; ни изъ одной не вылупились бабочки. — 15. VII пойманъ сильно отрепанный экземпляръ близъ Ржева, а 1. VIII у Бернова почти совершенно свѣжій.

Послѣдній экземпляръ принадлежитъ къ формѣ *P. machaon*, var. *aurantiaca*, Spreyer.

Aporia crataegi (L).

Очень обыкновенна подо Ржевомъ и летала съ начала моего пріѣзда въ рощахъ и лѣсочкахъ, рѣже въ открытыхъ мѣстахъ. 15. VI было уже много отрепанныхъ, 6. VII ихъ было уже очень мало и всѣ отрепанныя, а 8. VII видалъ послѣднихъ.

Экземпляры собраны 12, 16, 20, 22, 25 и 27. VI.

Pieris brassicae (L).

Очень обыкновенна подо Ржевомъ, почти исключительно въ открытыхъ мѣстахъ. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчалась съ начала лова, къ концу іюня сдѣлалась значительно рѣже и въ началѣ іюля попадалась только отдѣльными экземплярами. Не-

многіе свѣжіе появились около 11. VII. Подъ Берновомъ я ихъ вовсе не видалъ.

Экземпляры собраны 12 и 24. VI.

Pieris garræ (L.).

Очень обыкновенна и у Ржева, и у Бернова, какъ въ открытыхъ, такъ и лѣсныхъ мѣстахъ. Индивиды первой генераціи къ половинѣ іюня уже порядочно истрепались и только въ послѣднія числа іюня и первыя іюля стали встрѣчаться свѣжіе экземпляры второй генераціи; 12. VII были одни только свѣжіе. Летала вплоть до моего отъѣзда 19-го августа.

Экземпляры собраны 12, 15, 16, 17, 18, 22. VI (первая генер.); 3. VII и 1. VIII (вторая ген.).

Pieris napi (L.).

Столь же обыкновенна и встрѣчается тамъ же, гдѣ и предыдущая, какъ у Ржева, такъ и у Бернова; летала до моего отъѣзда. До 28. VI попадались почти исключительно б. или м. отрепанные экземпляры первой генераціи, и только съ этого числа появилась вторая; переходъ одной генераціи въ другую слабо отдѣленъ хронологически.

Экземпляры собраны 12, 14, 16. VI (первая генер.); 28, 30. VI; 1, 6, 8, 9, 20, 31. VII; 5. VIII (вторая ген.).

Pieris daplidice (L.).

Рѣже трехъ предыдущихъ видовъ, но всеже часта. Видалъ только подо Ржевомъ и только вторую генерацію, первая очевидно отлетала ко второй трети іюня. Держится исключительно въ открытыхъ мѣстностяхъ, часто надъ хлѣбными полями.

Первый, только что вылупившійся экземпляръ (♂), добытъ 21. VI; второй, тоже совершенно свѣжій (♀) 24. VI; болѣе часто стала попадаться съ первыхъ чиселъ іюля, но уже къ 11. VII большинство экземпляровъ отрепалось и 13. VII нельзя было вы-

братъ свѣжихъ, такъ что летъ кончился, вѣроятно, уже къ третьей трети этого мѣсяца.

Экземпляры собраны 21, 24. VI; 5, 6, 7, 12. VII.

Zegris eupheme (Esp.).

Очевидно занесенный вѣтромъ по долину, съ низовьевъ Волги, единственный, сильно отрепанный экземпляръ пойманъ мною 13. VI на карнизѣ Волги, въ полуверстѣ вверхъ отъ желѣзно-дорожнаго моста, противъ дер. Ракитни. Какъ во время поимки, такъ и расправляя въ сумерки, я счелъ его за *P. daphidice* и только снявши съ расправилки, замѣтилъ свою ошибку.

Leucophasia sinapis (L.).

Мнѣ попался всего одинъ экземпляръ этого вида 19. VI въ урочищѣ Бычино, верстѣ 10 ото Ржева, въ осиновои роцѣ съ лужайками; онъ довольно свѣжій и принадлежитъ къ первой генераціи (*L. s. lathyri*, Hbst.); въ болѣе близкихъ окрестностяхъ Ржева отвѣчающихъ ему мѣстъ повидимому нѣтъ. Не видалъ и подъ Берновомъ.

Colias palaeno (L.).

Единственный экземпляръ пойманъ мною 27. VI за дер. Гришино на сыромъ, болотистомъ, покрытомъ высокою растительностью лугу вдоль опушки лѣса. Это довольно отрепанный самецъ.

Colias hyale (L.).

Очень обыкновенный видъ, держащійся исключительно по открытымъ мѣстамъ. Съ начала ловли попадались довольно часто, но въ сильно потертыхъ экземплярахъ, отличавшихся необыкновенною осторожностью, такъ что ловить ихъ было очень трудно. Последній экз. этой первой генераціи я видалъ и поймалъ 4. VII; съ 10 числа этого мѣсяца въ порядочномъ количествѣ появилась вторая генерація, и скоро эта бабочка стала

одною изъ самыхъ обыкновенныхъ, какъ подо Ржевомъ, такъ и въ окрестностяхъ Бернова по лугамъ и клевернымъ полямъ вплоть до моего отъѣзда, 18.VIII, когда я поймалъ единственную за все время самку.

Экземпляры собраны: 12, 28. VI; 1, 4, 10, 11, 12, 13, 18. VII; 15 и 18. VIII.

Collas edusa (F.).

Сравнительно съ предыдущимъ рѣдкій видъ, который я видалъ только подо Ржевомъ. Онъ держался на тощихъ выгонахъ долины Волги. Всего видалъ девять экземпляровъ, всѣ самцы, поймано четыре; появилась 2. VII.

Экземпляры: 2, 3 и 10. VII.

Rhodocera rhamni (L.).

Въ первой трети іюня перезимовавшихъ экземпляровъ я уже не встрѣтилъ, хотя и искалъ; они отлетали вѣроятно раньше, такъ что до 27. VI. этого вида не было.

Въ послѣдній день я нашелъ два, только что покинувшіе куколку, экземпляра, оба самца; первую самку добылъ 1. VII, а съ 4. VII эта бабочка стала необыкновенно часта, такъ что на одной квадратной сажени часто можно было наблюдать по десятку и болѣе. Держится какъ въ открытыхъ, такъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Одинаково часта какъ подо Ржевомъ, такъ и у Бернова до самаго моего отъѣзда.

Экземпляры добыты 27. VI; 1, 4, 6 VII.

Polyommatus virgaureae (L.).

Подо Ржевомъ я не видалъ этого вида. Въ первый разъ встрѣтилъ 8. VII за селомъ Медвѣдевымъ, верстъ десять ото Ржева, на покрытой высокой травянистой растительностію лядѣ два экземпляра довольно потертые. Чаше эта бабочка встрѣчалась въ Старицкомъ уѣздѣ. 24. VII подъ с. Рясней, въ 18 верстахъ отъ Бернова, я поймалъ совершенно свѣжую самку и

отрепаннаго самца и видагъ нѣсколько подобныхъ. Въ послѣдніе дни іюля попадались исключительно потертыя особи.

Экземпляры добыты 24 и 31. VII.

Polyommatus alciphron (Rott.).

Найдена только подо Ржевомъ, въ числѣ трехъ экземпляровъ, 4 и 6. VII; всѣ они сильно потерты. Держались на роскошномъ лугу вдоль рѣчки, окаймленной лѣсомъ.

Polyommatus phlaeas (L.).

Самая обыкновенная изъ видовъ своего рода; держится какъ на открытыхъ мѣстахъ, такъ и по лѣснымъ полянамъ; найдена и у Ржева, и подь Берновомъ, и близъ Рясни. Къ половинѣ іюня первая генерація уже отлетала, такъ что изъ нея удалось поймать (12. VI) всего одинъ сильно отрепанный экз. Съ 1. VII появились свѣжія особи второй генераціи; летала до самаго моего отъѣзда.

Кромѣ типичныхъ часто встрѣчаются меланистическіе экземпляры, у которыхъ черный цвѣтъ наружнаго края крыла б. или м. распространяется къ срединѣ крыла; такъ у экз., пойманнаго 4. VII, онъ доходитъ до крайняго ряда пятенъ, а у добытаго 12. VII почти ихъ достигаетъ; такимъ образомъ рѣзкость между чернымъ наружнымъ краемъ и красною серединою крыла исчезаетъ (var. *eleus*, F).

Экземпляры добыты 12. VI; 1, 4, 5, 10, 11, 12, 18. VII и 1. VIII.

Lysaena aegon (Schiff. & Denis).

Очень обыкновенный видъ въ первую половину лѣта, держащійся по лѣснымъ лужайкамъ, опушкамъ, лугамъ и дорогамъ. Съ начала ловли попадались какъ совершенно свѣжіе, такъ и обитые экземпляры. Къ срединѣ іюля встрѣчались лишь отрепанные и къ началу августа эта бабочка вовсе исчезла.

Экземпляры собраны 12, 13, 18, 21, 22, 24, 27. VI.

Lycaena astrarche (Berg.).

Найдена только подо Ржевомъ и сравнительно рѣдка.
Экземпляры собраны 21. VI; 11 и 13. VII.

Lycaena icarus (Rott.).

Вмѣстѣ съ предыдущимъ видомъ самая обыкновенная личина, встрѣчающаяся повсюду и въ теченіи всего лѣта. Съ начала ловли попадались экземпляры различной свѣжести, совершенно свѣжіе прибавились съ начала іюля и ловились до начала августа.

Типичная форма встрѣчалась значительно чаще чѣмъ var. *iscarinus*, Scriba.

Экземпляры добыты 12, 13, 14, 16, 18, 21, 22, 24, 27. VI; 4, 6, 8, 11, 19. VII и 6. VIII.

Lycaena eumedon (Esp.).

Довольно рѣдка, только подо Ржевомъ, на лугахъ по опушкѣ лѣсовъ и въ кустарникахъ. 22. VI одновременно добыты одинъ совершенно свѣжій, другой отрепанный.

Экземпляры пойманы 22. VI; 4 и 6. VII.

Принадлежать къ var. *fylgia*, Spangenberg.

Lycaena argiolus (L.).

Въ удобныхъ для нея мѣстахъ довольно обыкновенна. Придерживается смѣшанныхъ рощъ и перелѣсковъ и любитъ тѣнистыя долинки ручьевъ. Держится довольно высоко отъ земли, отличаясь своеобразнымъ и быстрымъ полетамъ, что при ея осторожности порядочно затрудняетъ ловъ. Несомнѣнно существующія двѣ генераціи, вѣроятно въ зависимости отъ неблагоприятной погоды, разграничены не рѣзко. 4. VII близъ Ржева (уроч. Хрѣнино и Алаево) я ловилъ совершенно свѣжіе экземпляры, а 8. VII за селомъ Медвѣдевымъ одинаково часто попадались въ листовномъ жерднякѣ какъ совершенно свѣжіи, такъ

и сильно отрепанныя особи. Послѣднихъ встрѣтилъ 15. VII, впрочемъ подѣ Берновомъ ихъ не нашелъ и конецъ лета опредѣлить не удалось.

Экземпляры пойманы 4, 8, 12 и 15. VII.

Luscaena semiargus (Rott.).

Обыкновенный видъ, но летаетъ только въ первой половинѣ лѣта. Уже съ начала ловли встрѣчались б. ч. лишь отрепанные экземпляры, а къ началу юля нельзя было найти ни одного маломальски сноснаго. Скоро затѣмъ она вовсе исчезла. Держится по лѣснымъ полянкамъ, опушкамъ, дорогамъ и т. п.

Экземпляры собраны 14, 17, 21, 24. VI.

Limenitis populi (L.).

Довольно рѣдокъ въ общемъ, даже въ любимыхъ имъ осиновыхъ рощахъ (Бычино), гдѣ послѣ полудня держится высоко надъ землею, кружась у верхушекъ деревъ. Быстро изнашивается, такъ что пойманный 14. VI былъ уже весь оборванъ. Послѣднихъ видалъ за селомъ Медвѣдевымъ 8. VII, сильно отрепанныхъ.

Limenitis sibylla (L.).

Летаетъ повидимому въ одно время съ предыдущимъ и врядъ ли рѣже его. Держится въ предлѣскахъ и листовенныхъ рощахъ, тоже довольно высоко отъ земли. Пойманные 4. VII Ржевѣ, ур. Алаево) и 8. VII (с. Медвѣдево) сильно потерты и оборваны. Послѣдняго замѣтилъ 12. VII.

Araschnia levana (L.).

Въ подходящихъ мѣстахъ вѣроятно далеко не рѣдка, но локализована и быстро, повидимому, отлетываетъ. Подо Ржевомъ я нашелъ ее только въ долинкѣ Алаевского ручья близъ дер. Шопорово; 6. VII ихъ тутъ положительно еще не было, 12-го по-

явилось порядочно, но экземпляры были уже не первой свѣжести; 13-го ихъ было очень много; 14-го весь день лилъ дождь, а 15-го я замѣтилъ всего нѣсколько экземпляровъ. Кромѣ тутъ пойманныхъ экз. я добылъ на дворѣ Берновской усадьбы одинъ индивидъ 19. VII.

Какъ большинство ванессы, онѣ не пугливы, часто садятся на землю, у воды, а то довольно высоко на деревья.

Экземпляры добыты 12, 13 и 19. VII.

Всѣ экземпляры принадлежать, понятно, второй генераціи—*V. levana* gen. II *prorsa* (L.).

Grapta c-album (L.).

Очень обыкновенный видъ, впервые появившійся 3. VII въ совершенно свѣжихъ экземплярахъ; впрочемъ 9. VII я поймалъ до невозможности оборванный экземпляръ, очевидно перезимовавший. Одинаково часта какъ подо Ржевомъ, такъ и у Бернова и летала повсюду до самага моего отъѣзда; въ іюлѣ попадались почти исключительно свѣжія особи, а въ августѣ б. или м. потертыя.

Рисунокъ нижней стороны крыльевъ варьируетъ значительно, да и по верхней сторонѣ можно отличить двѣ разности — свѣтлую и темную.

Экземпляры собраны 3, 4, 6, 10, 15, 18, 21, 31. VII; 1, 8 и 15. VIII.

Vanessa l-album (Esp.).

Довольно обыкновенна; подъ Берновомъ чаще, чѣмъ у Ржева; держится какъ въ открытыхъ мѣстахъ, такъ и въ опушкахъ лѣсовъ и рощъ. Появилась съ начала іюля, или въ послѣднихъ числахъ іюня, судя по сильно отрепаннымъ особямъ, пойманнымъ 10. VII. Весь іюль попадались б. или м. свѣжіе экземпляры, въ августѣ же б. ч. сильно потертыя и оборванные. Любитъ близость воды, часто садится на землю и иногда скопляется въ порядочномъ количествѣ на сочащихся стволахъ березъ. Такъ 14. VIII въ Анашкинскомъ лѣсу у Бернова

я нашелъ на такой березѣ нѣсколько десятковъ экз., относящихся къ этому виду и къ *V. c-album*, *V. antiopa* и *V. atalanta*.

Экземпляры добыты 4, 6, 10, 12, 13, 21. VII; 1, 14, 22. VIII.

Vanessa urticae (L.).

Тоже часта, но пожалуй рѣже *V. c-album*. Летаетъ повсюду, но въ августѣ положительно рѣже другихъ видовъ этого рода. Сильно отрепанныхъ перезимовавшихъ экземпляровъ я уже не засталъ: съ 12—18. VI ловились слегка потертые, но съ 14. VI появились совершенно свѣжіе. Съ 28. VI стали летать въ большомъ количествѣ и такъ продолжалось весь іюль.

Экземпляры собраны 12, 17, 18, 24, 28. VI; 11, 18. VII.

Vanessa antiopa (L.).

Вмѣстѣ съ *Pyrameis atalanta* появляется позже всѣхъ другихъ ванессъ. Первую свѣжую я замѣтилъ 11. VII, вторую 13. VII и только съ 20-го, уже подъ Берновомъ, она сдѣлалась б. или м. частою, въ августѣ же встрѣчалась на каждомъ шагу, обыкновенно по 5—6 штукъ вмѣстѣ, но уже сильно истасканною.

Экземпляры собраны 20, 22 и 31. VII.

Pyrameis atalanta (L.).

Появилась впервые 9. VII, но до 20 чиселъ іюля была рѣдка; въ августѣ у Бернова стала очень обыкновенною до самаго отъѣзда. Держится какъ въ рощахъ, такъ и въ открытыхъ мѣстахъ.

Экземпляры пойманы 11, 31. VII; 9, 12 и 15. VIII.

Pyrameis cardui (L.).

Очень обыкновенный видъ, придерживающійся преимущественно открытыхъ мѣстностей. Съ начала ловли, въ теченіи всего іюня и въ первой трети іюля попадались исключительно

сильно отрепанные экземпляры; особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи пойманный 9. VII: кромѣ самого основанія, вещество крыла удѣлѣло лишь вдоль жилокъ, такъ что всѣ крылья разщепились, чешуйки вовсе исчезли и бабочка стала однообразнаго грязно-сѣраго цвѣта. Съ начала второй трети іюля стали попадаться свѣжіе. Летала до моего отъѣзда.

Экземпляры добыты: 12, 24, 28. VI; 9, 12, 21. VII; 1, 8, 11. VIII.

Melitaea athalia (Rott.).

Положительно рѣдка: не смотря на постоянные поиски удалось добыть всего четыре экземпляра. Держится по лѣснымъ лужайкамъ. Довольно свѣжій экз. пойманъ 19. VI, болѣе отрепанный 27. VI и сильно потертый 8. VII.

Melitaea dictynna (Esp.).

Еще рѣже предыдущей. Пойманъ всего одинъ довольно отрепанный экз. за селомъ Медвѣдевымъ 8. VII.

Argynnis selene (Schiff. & Denis).

Самая частая изъ мелкихъ перламутряницъ и вообще очень обыкновенна. Держится исключительно по лѣснымъ лужайкамъ и прилегающимъ къ нимъ полянкамъ, вдали отъ лѣсовъ ея нѣтъ. Впервые я нашелъ ее 19. VI въ уроч. Бычинѣ въ громадномъ количествѣ, но летать она начала, вѣроятно, уже давно, такъ какъ между ними попадалось очень много потертыхъ. Въ теченіи іюня она была въ окрестностяхъ Ржева обыкновенна, къ половинѣ іюля стала много рѣже и подѣ Берновомъ я поймалъ лишь нѣсколько сильно отрепанныхъ особей; въ августѣ вовсе исчезла.

Экземпляры собраны: 19, 22, 27. VI; 4, 8. VII.

Между сотнями экземпляровъ этого вида я не нашелъ ни одной *A. euphrosyne* (L.).

Argynnis dia (L.).

Довольно рѣдка. Держится по лѣснымъ лужайкамъ и лугамъ близъ лѣса. Начала летать вѣроятно съ конца іюня, въ началѣ іюля попадались довольно свѣжіе экземпляры. Найдена и у Ржева, и у Бернова. Въ августѣ, не встрѣчалась.

Экземпляры добыты: 1, 4, 12, 13, 18 и 21. VII.

Argynnis ino (Esp.).

Рѣже *A. selene*, много чаще *A. dia*, но въ общемъ довольно часта. Придерживается тѣхъ же мѣстъ и летаетъ въ то же время, какъ *A. selene*. Въ началѣ послѣдней трети іюня и весь іюль летали б. ч. отрепанные экземпляры и только 8. VII среди таковыхъ попались два-три свѣжихъ. Въ августѣ болѣе не встрѣчалась. Найдена и подо Ржевомъ, и у Бернова.

Экземпляры собраны 22, 27. VI; 4, 6 и 8. VII.

Между десятками этого вида я не нашелъ ни одной *A. amathusia* (Esp.).

Argynnis lathonia (Esp.).

Обыкновенный видъ, главнымъ образомъ держащійся на открытыхъ мѣстахъ и не проникающій въ лѣса далѣе опушекъ; въ обонхъ уѣздахъ. До послѣдней трети іюня была очень рѣдка и попадались лишь совершенно отрепанные экземпляры; 28. VI пойманъ первый совершенно свѣжій и скоро эта бабочка стала встрѣчаться часто до самаго отъѣзда.

Самки очень рѣдки, поймана всего одна 12. VII.

Величина очень варьируетъ: правое крыло самаго малаго самца 18^м/_м, самаго крупнаго 23^м/_м, самки 27^м/_м.

Экземпляры добыты: 21, 24, 27, 28. VI; 1, 2, 3 и 12. VII.

Argynnis aglaja (L.).

Очень обыкновенна и встрѣчается повсюду. Появилась со

средины іюня и держалась до моего отъѣзда; со второй половины іюля и въ августѣ много отрепанныхъ.

Экземпляры ловлены: 16, 21, 22, 27. VI; 1 и 4. VII.

Argynnis niobe (L.).

Тоже очень обыкновенна, не разборчива относительно мѣста и летаетъ въ одно время съ предыдущей, но въ августѣ попадалась рѣже *A. aglaja*.

Var. *eris*, Meig. чуть ли не чаще типичной формы.

Экземпляры получены: а) типичная — 21, 24. VI; 3, 4, 8, 10. VII.

б) Var. *eris* — 18, 21, 22, 24, 27. VI; 1, 2, 3, 4 и 8. VII.

Argynnis adippe (L.).

Значительно рѣже чѣмъ *A. niobe*, но встрѣчается въ тѣхъ же условіяхъ и летаетъ въ то же время. Найдена и подъ Берновомъ.

Var. *cleodoxa*, Ochс. не рѣже типичной.

Экземпляры добыты: а) типичная форма 16. VI, 8 и 21. VII.

б) var. *cleodoxa* 18, 22. VI и 8. VII.

Argynnis laodice (Pall.).

Подо Ржевомъ вовсе не нашель; только 18. VII поймалъ подъ Берновомъ отрепанный и единственный экземпляръ; очевидно она тутъ летала раньше и я добылъ одну изъ послѣднихъ.

Argynnis raphia (L.).

Обыкновенный видъ какъ у Ржева, такъ и около Бернова. Держится всегда въ лѣсистыхъ мѣстахъ, на полянахъ, прогалинахъ и по опушкамъ. Появилась впервые съ 27. VI, когда пойманъ только что покинувшій куколку экземпляръ; но уже 8. VII за с. Медвѣдевымъ ихъ была масса и почти всѣ потеряты; въ

концѣ іюля и въ августѣ это самый частый видъ рода и держался до моего отъѣзда.

Аберг. ♀ *valesina* (Espr.) не рѣдка, а подѣ Берновомъ довольно часта.

Экземпляры сохранены отъ 27. VI, 8 и 13. VII; аберг. *valesina* 8, 12 и 21. VII.

Pararge maera (L.).

Встрѣтилъ всего два раза и только въ окрестностяхъ Ржева — въ Бычинѣ и за дерев. Гришино — во второй половинѣ іюня; оба экземпляра порядочно истрепаны и потерты. Это форма лѣсныхъ лужаекъ.

Экземпляры добыты 19 и 27. VI.

Epiperhele lycan (Kühn.).

Обыкновенный видъ, найденный въ обоихъ уѣздахъ и встрѣчающійся преимущественно по открытымъ мѣстамъ, въ кустарникахъ и по опушкѣ лѣсовъ. Появился съ начала іюля и леталъ до моего отъѣзда; особенно многочисленъ по каменистымъ склонамъ долины Волги.

Экземпляры собраны 2, 10, 11 и 21. VII.

Epiperhele janira (L.).

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ бабочекъ въ обоихъ уѣздахъ. Держится повсюду — въ открытыхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ и въ чащѣ кустарника. Появилась въ первой трети іюня и держалась до моего отъѣзда, но со второй половины іюля б. ч. попадались отрепанные экземпляры.

Экземпляры добыты: 13, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 27. VI; 1, 2, 3, 4, 7. VII.

Epiperhele hyperanthus (L.).

Тоже обыкновенная бабочка. Въ первой трети іюня было порядочно отрепанныхъ особей, такъ что появилась вѣроятно уже

въ концѣ мая; въ іюлѣ было не много, а со второй половины этого мѣсяца попадались исключительно сильно изношенные экземпляры; относительно августа у меня нѣтъ замѣтокъ въ дневникѣ. Придерживается опушекъ и лѣсныхъ полянокъ. Въ обоихъ уѣздахъ.

Экземпляры ловлены: 18, 19, 20, 22 и 27. VI; 1 и 10. VII.

Coenonympha lphis (Schiff. & Denis).

Обыкновенный видъ. Началъ летать по крайней мѣрѣ съ конца мая, такъ какъ къ началу ловли многіе уже успѣли отрепаться; къ половинѣ іюля стала рѣдка и потому подъ Берновомъ вовсе не найдена. Встрѣчается какъ въ открытыхъ мѣстахъ, такъ и въ лѣсахъ.

Экземпляры сохранены: 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20 и 22. VI; 6 и 7. VII.

Coenonympha pamphilus (L.).

Тоже часта и летаетъ въ то же время, какъ и предыдущая, но стала рѣдкою уже въ концѣ іюня. За то въ концѣ первой трети іюля появилась, повидимому, вторая генерація, число особей которой однако было очень ограничено: мнѣ удалось поймать совершенно свѣжіе экземпляры только 9 и 11. VII. Встрѣчается повсюду. Въ Старипкомъ уѣздѣ не наблюдалъ, вѣроятно потому, что уже отлетала.

Экземпляры собраны 12, 13, 14, 15 и 16. VI; 9 и 11. VII.

Thymelicus lineola (Ochs.).

Начала летать съ половины іюня и скоро стала очень обыкновенною; съ половины іюля попадались большею частью сильно потрепаные экземпляры. Встрѣчается повсюду и найдена въ обоихъ уѣздахъ. Относительно августа нѣтъ замѣтокъ.

Экземпляры сохранены: 21, 23, 24, 27, 28. VI; 1, 4, 10 и 11. VII.

Thymelicus thaumas (Hufn.).

Рѣже предыдущаго вида. Летать начала въ то же время, но слѣдалась рѣдкою уже въ половинѣ іюля и скоро затѣмъ исчезла, такъ что подъ Берновомъ я ее уже не наблюдалъ.

Экземпляры добыты: 19, 21, 22, 25, 26, 27, 28. VI и 11. VII.

Ramphila comta (L.).

Не очень обыкновенный видъ. Началъ летать съ начала іюля; придерживается опушекъ и лужаекъ лѣсовъ и кустарниковъ. Изъ Старицкаго уѣзда нѣтъ данныхъ.

Экземпляры добыты: 8, 11, 12 и 13. VII.

Ramphila sylvanus (Esp.).

Этотъ видъ летаетъ въ первой половинѣ лѣта; я встрѣтился съ нимъ впервые подъ селомъ Медвѣдевымъ, 8. VII, но это были уже послѣдніе, сильно изношенные экземпляры. Придерживается лѣсовъ.

Экземпляры добыты 8. VII.

Pyrgus alveus (Hüb.).

Вовсе не частъ. Летаетъ съ мая по начало іюля и придерживается близости лѣсныхъ участковъ.

Экземпляры добыты 10, 27. VI и 3. VII.

Pyrgus malvae (L.).

Подо Ржевомъ я поймалъ мой единственный экземпляръ 18. VI; очевидно, что бабочка уже отлетала.

ОТЧЕТЪ

0

ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМІЙ МАКАРІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книмеля, въ Ригѣ.

Цена 1 руб. 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1892 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о присужденіи Академіею Наукъ премій митрополита Макарія въ 1891 году, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1891 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ А. А. Штраухомъ	1— 33
Разборъ сочиненія Н. Тавилдарова «Химическая технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ», составленный ординарнымъ академикомъ Ф. Ф. Бейльштенемъ.	34— 38
Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семенова. Томъ II. Второй періодъ занятій. Рецензія заслуженнаго профессора А. В. Ромашовича-Славатипскаго.	39— 68
«Словарь болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати». Соч. А. Дювернуа. Москва 1885—1889 г., стр. 2622 + прилож. ок. 120. Рецензія профессора Харьковскаго университета М. С. Дринова.	69—125
Отзывъ о сочиненіи профессора Любовича подъ заглавіемъ «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ». Составилъ ординарный профессоръ Н. И. Барѣвъ.	126—148
Распределеніе атмосфернаго давленія на пространства Россійской имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 года. Критически обработалъ Алексѣй Тилло. Спб. 1890 г. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Томъ XXI). Рецензія профессора А. Кюссовскаго	149—170

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВЪ 1891 ГОДУ,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
19-го сентября 1891 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіею
А. А. Штраухомъ.

Согласно Высочайше утвержденному положенію для присужденія Академіею Наукъ премій Митрополита Макарія, въ одинъ конкурсъ можетъ быть выдаваемо не болѣе двухъ полныхъ премій (по 1500 р. каждая) и трехъ неполныхъ (по 1000 р. каждая). Такъ какъ раздробленіе премій вообще не допускается, а между тѣмъ настоящій конкурсъ оказался особенно многочисленнымъ и изобилуеалъ выдающимися трудами, то на долю комиссіи, назначенной, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ г.г. Академиковъ Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, В. Гр. Имшенецкаго, Ф. Ф. Бейльштейна, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ф. А. Бредихина и Н. Ф. Дубровина, выпала особенно трудная задача оцѣнить достоинства и значеніе соискательныхъ сочиненій, обнимающихъ всѣ почти области знанія.

Всего на соисканіе представлено 31 сочиненіе, въ томъ числѣ 3 рукописныхъ; по предварительномъ разсмотрѣніи трудовъ, подлежащихъ оцѣнкѣ, комиссія два изъ нихъ положила устранить изъ конкурса, какъ не отвѣчающія условіямъ положенія и правилъ о преміяхъ митрополита Макарія; кромѣ того два сочиненія, по желанію самихъ авторовъ, были изъяты изъ конкурса. Для оставшихся затѣмъ на состязаніи 27 сочиненій комиссія избрала спеціальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды академиковъ, частью же изъ постороннихъ Академіи ученыхъ, и пригласила рецензентовъ отзывы о переданныхъ на ихъ судъ сочиненіяхъ доставить къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока и полученіи рецензій на всѣ сочиненія, за исключеніемъ одного, — которое, поэтому, отложено до слѣдующаго Макаріевскаго конкурса, — комиссія, зрѣло взвѣсивъ сравнительное достоинство прочихъ трудовъ, и опираясь, притомъ, на заключенія о нихъ рецензентовъ, положила 2 сочиненія удостоить полныхъ и три сочиненія неполныхъ премій. Наконецъ одно сочиненіе, представляющее значительный интересъ и вносящее по изслѣдуемому вопросу много новаго, комиссія признала справедливымъ, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ей § 10 правилъ о преміяхъ Макарія, отложить также до слѣдующаго конкурса, съ тѣмъ, чтобы авторъ могъ пополнить свой трудъ новыми изслѣдованіями.

Первое увѣнчанное полною преміею сочиненіе озаглавлено:

Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Сочиненіе генералъ-маіора Масловскаго Томы I—III. Москва, 1886—90.

Разсмотрѣніемъ этого сочиненія занялся членъ комиссіи Академикъ Н. О. Дубровинъ. Въ рецензій, составленной по этому случаю, нашъ уважаемый товарищъ указываетъ на тотъ фактъ, что до послѣдняго времени свѣдѣнія о русской арміи XVII и первой половины XVIII вѣка черпались преимущественно изъ сказаній иноземцевъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ или же только жившихъ въ Россіи, а благодаря этому являлось совершенно ложное представленіе о развитіи русскаго военнаго искусства

и не сказывалась вовсе та струя самобытности, которая чрезъ него проходить. Объясняется это тѣмъ, что изучать событія по первоисточникамъ и документамъ, хранящимся въ архивахъ, несравненно труднѣе и копотливѣе, чѣмъ пользоваться печатными свидѣтельствами современниковъ. Подобныя свѣдѣнія однако-же, не проникая въ глубь событій, касаются преимущественно наружной формы строя, его частныхъ и не даютъ точнаго понятія о томъ внутреннемъ развитіи, которое не только ставило русскую армію въ уровень съ ея современниками, но и было причиною почти постоянныхъ и блестящихъ ея побѣдъ надъ лучшими войсками Европы. Эти успѣхи русскаго оружія ложно приписывались не самостоятельному и самобытному развитію военнаго искусства, а руководству иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, и способности русскаго человѣка заимствовать готовое отъ другихъ.

Въ ближайшее къ намъ время стали появляться отдѣльныя изслѣдованія по части русскаго военнаго искусства, основанныя на прочныхъ источникахъ, но въ большинствѣ они имѣютъ частный характеръ, и посвящены отдѣльнымъ спеціальнымъ военнымъ вопросамъ. Для полнаго уясненія развитія русскаго военнаго искусства въ позднѣйшія царствованія оказывалось необходимымъ детальное изученіе Семилѣтней войны, такъ какъ именно она дала новыя формы строя и измѣнила организацію многихъ частей войскъ и тактическую ихъ подготовку.

Семилѣтняя война имѣетъ для исторіи русскаго оружія особенно важное значеніе, во 1-хъ, потому, что мы боролись съ геніальнымъ королемъ-полководцемъ, а во 2-хъ, и потому, что мы дѣйствовали на такихъ театрахъ войны, которые остаются наиболее вѣроятными и въ будущихъ нашихъ войнахъ. Генералъ-маіоръ Масловскій и поставилъ себѣ цѣлью выяснить обстановку важнѣйшихъ происшествій этой эпохи, по возможности, во всѣхъ деталяхъ, дабы имѣть затѣмъ право дѣлать изъ нихъ прочныя и основательныя выводы. Полнота собранныхъ документовъ и тщательное ихъ изученіе, по отзыву почтеннаго рецензента, были

причиною того, что, съ выходомъ въ 1886 году 1-го выпуска разсматриваемаго сочиненія, г. Масловскій сразу приобрѣлъ себѣ извѣстность и выдающееся положеніе въ военной литературѣ какъ русской, такъ и иностранной.

Знакомясь съ Семилѣтней войною по описанію ген.-маіора Масловскаго, приходится отказываться отъ многихъ характеристикъ и выводовъ сложившихся подъ вліяніемъ невѣрныхъ данныхъ, до сихъ поръ не подвергавшихся исторической критикѣ, съ помощью архивныхъ документовъ. Трудъ генералъ-маіора Масловскаго, по мнѣнію академика Н. Ѳ. Дубровина, безспорно заслуживаетъ внимательнаго изученія и каждый дорожащій честью, славою и судьбою нашей арміи найдетъ въ немъ историческую правду. Подъ скромнымъ названіемъ «Русская армія въ Семилѣтнюю войну» авторъ даетъ здѣсь не одно, а два капитальныхъ изслѣдованія: 1) Детальное описаніе хода событій съ многочисленными планами, приложеніями и критическою оцѣнкою военныхъ дѣйствій и 2) Очеркъ, и притомъ единственный, постепеннаго развитія русскаго военнаго искусства отъ Петра I до Екатерины II. На этомъ послѣднемъ поприщѣ генералъ-маіоръ Масловскій, по словамъ нашего уважаемаго товарища, можетъ считать себя первымъ изслѣдователемъ, и ему принадлежитъ починъ въ разработкѣ этого важнаго отдѣла, касающагося блестящаго прошлаго русской арміи.

Въ заключеніе своей рецензіи, ак. Дубровинъ замѣчаетъ, что въ исторіи какой бы то ни было эпохи невозможно сказать послѣднее слово, и рецензентъ, смотрящій на событія съ своей точки зрѣнія, всегда имѣетъ возможность найти недостатки, повторенія и пожалуй несоотвѣтствіе планировки самаго сочиненія съ его взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, однакоже, безпристрастный критикъ скажетъ, что подобные недостатки сочиненія «Русская армія въ Семилѣтнюю войну» ничтожны по сравненію съ его достоинствами, почему акад. Н. Ѳ. Дубровинъ и считаетъ своимъ долгомъ просить Академію удостоить сочиненіе Масловскаго вышекю преміею митрополита Макарія.

Второе увѣнчанное полною премією сочиненіе имѣеть предметомъ химическую технологию, — это есть сочиненіе Н. И. Тавилдарова, озаглавленное «*Химическая Технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ*», въ двухъ томахъ съ атласомъ чертежей, и обнимающее производство крахмала, сахара, пива и спирта, т. е. обработку углеводовъ въ большихъ размѣрахъ.

Спеціальнымъ разборомъ этого сочиненія занимался членъ Конференціи академикъ Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ, который о книгѣ пр. Тавилдарова отозвался «какъ не о запискахъ по лекціямъ, не о простой компиляціи и не объ иностранномъ сочиненіи, переработанномъ для русскихъ техниковъ, но какъ о вполнѣ самостоятельномъ трудѣ, который, по самостоятельному изученію предмета, по своеобразной системѣ изложенія, обилію литературныхъ и заводскихъ данныхъ, выдѣляется изъ ряда учебниковъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ». Признавая за недостатокъ довольно большое число опечатокъ въ разсматриваемой книгѣ, ак. Бейльштейнъ въ заключительныхъ строкахъ своей рецензіи говоритъ: «Принимая во вниманіе бѣдность нашей отечественной литературы по прикладнымъ наукамъ, появленіе столь удачнаго труда, какъ сочиненіе Тавилдарова, безусловно заслуживаетъ поощренія, и оно вполнѣ достойно награжденія преміей. Сочиненіе Тавилдарова не служитъ только пособіемъ для студентовъ высшихъ техническихъ школъ, оно есть и вѣрная справочная книга для многочисленныхъ русскихъ заводчиковъ. Производство сахара, спирта и пива составляетъ одну изъ обширнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства; оно тѣсно связано съ земледѣліемъ. Книга Тавилдарова весьма полезна для служащихъ по акцизному вѣдомству, и наконецъ она можетъ способствовать къ установленію правильныхъ и точныхъ понятій въ средѣ русскихъ землевладѣльцевъ о техническомъ значеніи и обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, являясь чрезъ это средствомъ къ поднятію самой сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи вообще».

Несколыя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

1. Сенатору Н. П. Семенову за его капитальный трудъ «*Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II*». Томъ II. Второй періодъ занятій комиссіи по крестьянскому дѣлу. Спб. 1890.

Почтенный профессоръ университета Св. Владиміра Романовичъ-Славатинскій, отозвавшись съ предупредительною готовностью на обращенную къ нему просьбу комиссіи выразить свое мнѣніе объ этомъ обширномъ сочиненіи, въ своей рецензій окончателное мнѣніе о сочиненіи сенатора Н. П. Семенова сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Сочиненіе это посвящено любопытнѣйшему моменту въ исторіи освобожденія крестьянъ — моменту выработки Редакціонными комиссіями, въ ихъ общихъ присутствіяхъ, Положенія 19-го февраля 1861 года.

2) Оно представляетъ полную жизни и наглядности картину дѣятельности этихъ общихъ присутствій, со всѣми ихъ горячими преніями, со всѣми деталями и характерными чертами.

3) Въ немъ индивидуализируются и отчеканиваются фізіономіи и направленія выдающихся участниковъ великаго дѣла и заключается много матеріала для характеристики такихъ членовъ, какъ гр. Ростовцевъ, гр. Панинъ, Н. А. Милютинъ, кн. Черкасскій, Я. А. Соловьевъ, Ю. О. Самаринъ, Н. Хр. Бунге, Желтухинъ, Татаринъ, Позень, гр. Шуваловъ и др.

и 4) Вводя читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой вырабатывались отдѣльныя статьи Положенія 19 февраля 1861 г., оно можетъ служить ключемъ и комментариемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ.

Воспроизводя съ фотографической точностью достопамятный актъ выработки Положенія 19 февраля 1861 г., сочиненіе г. Семенова, по мнѣнію пр. Романовича-Славатинскаго, ко-

вечно, займетъ высокое мѣсто въ нашей исторической литературѣ: ученый рецензентъ утверждаетъ, что подобныя монументальныя работы рѣдки и въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ.

2. Пр. Ал. Льв. Дювернуа. *«Словарь болгарскаго языка»*. Москва, 1886—1889 г.

Представленный на соисканіе вдовою автора, трудъ этотъ, по специальному его характеру, былъ оцѣненъ съ большою подробностью, по просьбѣ Академіи, бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія княжества Болгарскаго, а нынѣ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго Университета Мар. Ст. Дриновымъ.

Приводимыя пр. Дриновымъ историко-библіографическія справки доказываютъ, что, несмотря на исходившія съ разныхъ сторонъ попытки составить сколько-нибудь полный словарь народнаго болгарскаго языка, цѣль эта оставалась недостигнутой въ теченіе многихъ лѣтъ до вмѣшательства въ это дѣло покойнаго А. Л. Дювернуа, который, безо всякой посторонней матеріальной помощи, въ 1880 г. совершилъ на свой счетъ поѣздку въ Болгарію, на мѣстѣ запасся болгарскими изданіями и усвоилъ себѣ живой болгарскій языкъ. Къ печатанію словаря г. Дювернуа приступилъ въ 1885 году, издавъ 1-й выпускъ, оканчивающійся словомъ «вратига», на 272 страницѣ. Желаніе выпустить въ свѣтъ начало словаря ко дню тысячелѣтія со времени кончины св. Меодія и было, повидимому, причиною того, что указанный 1-й выпускъ изданъ безъ предисловія и даже безъ объясненія употребляемыхъ въ немъ сокращенныхъ обозначеній источниковъ и т. п. Автору однако-же не суждено было дожить до выхода конца своего труда въ свѣтъ.

Вдова покойнаго, г. А. Дювернуа, глубоко чтя трудъ своего мужа, выросшій на ея глазахъ, рѣшила, не щадя своихъ средствъ, довести изданіе до конца. Выучившись болгарскому языку, она сама принимала дѣятельное участіе въ работѣ, главное веденіе которой взялъ на себя П. А. Лавровъ. Кромѣ вдовы покойнаго, г-ну Лаврову помогали въ этомъ дѣлѣ мо-

лодые слависты В. Н. Щепкинъ и Б. М. Ляпуновъ. За указаніями относительно словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго языка, г. Лавровъ обращался къ профессору Э. Е. Коршу, причѣмъ издателямъ удалось найти себѣ рѣдкаго помощника въ лицѣ молодаго болгарскаго писателя Т. Г. Влайкова, пріѣзжавшаго около того времени въ Москву для слушанія лекцій нѣкоторыхъ профессоровъ историко-филологическаго факультета и пользующагося въ новѣйшей болгарской письменности весьма почтенною извѣстностью.

Словарь А. Л. Дювернуа состоитъ изъ 2622 страницъ въ большую восьмушку, кромѣ прибавленій, занимающихъ въ общей сложности 116 страницъ. Онъ изданъ въ девяти выпускахъ, изъ коихъ 1-й вышелъ въ 1885 году, 9-й же и послѣдній въ 1889 г. По своему характеру и общему плану, разсматриваемый словарь, по отзыву пр. Дринова, подходит къ толковому словарю Даля, который нѣсколько и напоминаетъ способомъ расположенія словъ. Значительно уступая послѣднему въ полнотѣ, словарь Дювернуа превосходитъ его въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ документальностью. Въ словарѣ Дювернуа, можно сказать, нѣтъ слова, источникъ котораго не былъ бы указанъ, нѣтъ толкованія, не подтвержденнаго примѣрами, взятыми изъ извѣстныхъ изданій, на которыя всякій разъ и указывается. Приложенія, выходящія разновременно при нѣсколькихъ выпускахъ (2, 3, 4, 5 и 9-мъ), весьма существенны; такъ здѣсь находятся: 1) большіе списки собственныхъ именъ; 2) около 600 любопытныхъ словъ, не вошедшихъ въ основной текстъ словаря; 3) около 900 «дополнительныхъ сносокъ», т. е. діалектическихъ вариантовъ и производныхъ словъ, не указанныхъ на своемъ мѣстѣ въ азбучномъ порядкѣ словаря, и 4) общія указанія, которыми слѣдуетъ руководиться при подыскиваніи словъ въ словарѣ. Подъ нѣкоторыми рубриками приведены чрезвычайно важныя дополненія и поправки къ первымъ выпускамъ словаря, но, къ сожалѣнію, дополненія эти не всегда соотвѣтствуютъ заглавію рубрики, къ которой отнесены.

Въ заключеніе своей рецензіи пр. Дриновъ признаетъ разсмотрѣнный словарь за существенное восполненіе давно и живо дававшего себя чувствовать пробѣла въ пособіяхъ по славянскому языковѣдѣнію. Словарь, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ, но эти недостатки блѣднѣютъ передъ тѣми достоинствами, которыми отличается громадный трудъ покойнаго московскаго слависта. Тутъ впервые, можно сказать, сдѣлана попытка собрать воедино не только общеупотребительныя, но и областныя реченія болгарскаго языка, насколько, конечно, они выразились, главнымъ образомъ, въ памятникахъ народнаго творчества, изданныхъ до 80 годовъ нашего вѣка. Покойному Дювернуа принадлежитъ и починъ объясненія значенія словъ болгарскаго языка тѣми средствами, которыя даютъ сами памятники этого языка. И эта важная задача исполнена имъ блистательно. Поражающія своимъ обиліемъ и разнообразіемъ выписки, которыя авторъ съ указанной цѣлью приводитъ въ своемъ словарѣ изъ памятниковъ, записанныхъ въ разныхъ концахъ болгарской племенной области, заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ какъ вообще для изученія болгарскаго языка со стороны грамматическихъ его особенностей и со стороны бытового его содержанія, такъ и для дальнѣйшихъ лексикографическихъ работъ въ этой области.

Весьма удачное объясненіе многихъ темныхъ реченій, цѣныя указанія на заимствованія изъ чужихъ языковъ, обиліе вещественныхъ толкованій, тонкій анализъ значеній болгарскихъ частицъ, принимающій часто характеръ подробныхъ изслѣдованій по болгарскому синтаксису, придаютъ труду пр. Дювернуа важное научное значеніе и дѣлаютъ его, можно сказать, настольной книгой для всякаго занимающагося славянскою филологіей, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

3. Третье сочиненіе, увѣнчанное неполною Макаріевскою премією, составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію иностранныхъ вѣроисповѣданій одной изъ русскихъ окраинъ.

«Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ

Польша» представляется продолженіемъ вышедшей въ 1883 году «*Исторія реформаціи въ Польшу*», составленной профессоромъ Варшавскаго Университета Любовичемъ, какъ и новый трудъ по неизданнымъ источникамъ. Оцѣнка этого труда была для Академіи существенно облегчена пр. Ник. Ив. Карѣевымъ, который ранѣе порученія, даннаго ему отъ Академіи, имѣлъ уже случай отозваться о новомъ трудѣ г. Любовича въ библиографическомъ отдѣлѣ журн. «Русская Мысль» за 1890 г. Матеріаль для новой книги г. Любовичемъ собирался съ 1879 года въ архивахъ и бібліотекахъ Петербурга, Варшавы, Вильны, Слуцка, Данцига, Фрауэнберга, Кёнигсберга, Познани, Берлина, Гернгута, Бреславля, Кракова и Львова; тутъ изслѣдователь нашелъ главные источники для своего труда, для котораго кое-какой матеріаль въпрочемъ оказывался и въ прежде извѣстныхъ источникахъ по исторіи реформаціи на западѣ (въ извѣстномъ «*Corpus reformato-rum*», къ которому г. Любовичъ главнымъ образомъ обращался, чтобы прослѣдить сношенія польскихъ протестантовъ съ Кальвиномъ и другими реформаціонными богословами, и выяснить сторону дѣла, которую какъ-то игнорируютъ другіе историки реформаціи въ Польшѣ). Особенно важные и новые факты для книги г. Любовича дали акты протестантскихъ синодовъ, рисующіе внутреннюю жизнь реформированныхъ церквей въ Польшѣ. Цѣлый рядъ страницъ въ сочиненіи г. Любовича, по отзыву ученаго рецензента, обязанъ своимъ происхожденіемъ подобнымъ неизданнымъ источникамъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а «приложенія» къ книгѣ, т. е. то, что французы называютъ *pièces justificatives*, занимая около тридцати страницъ мелкой печати, состоятъ, главнымъ образомъ, въ выпискахъ изъ синодальныхъ протоколовъ. Что касается до основной точки зрѣнія профессора Любовича, то она, по мнѣнію пр. Карѣева, вполне вытекаетъ изъ фактовъ, представляемыхъ исторіей польскаго протестантизма. Именно пр. Любовичъ отмѣчаетъ слабость собственно религіознаго элемента въ реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ, и выдвигаетъ на первый планъ

политическія и экономическія причины борьбы шляхты съ духовенствомъ.

Если въ изслѣдованіи авторомъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ у него были предшественники, то въ исторіи католической реакціи г. Любовичъ пролагаетъ пути въ совершенно неизвѣданной области. Дѣло изученія католической реакціи въ Польшѣ, по отзыву рецензента, усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что источниковъ по этому предмету до сихъ поръ издано мало, и, приступая къ своему труду, профессоръ Любовичъ долженъ былъ обращаться по многимъ интересовавшимъ его вопросамъ непосредственно къ архивамъ различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ напр. чтобы выяснитъ себѣ роль Рима въ исторіи возрожденія католицизма въ Польшѣ, онъ работалъ въ тайномъ Ватиканскомъ архивѣ, въ бібліотекахъ: Ватиканской, Боргезе и многихъ другихъ римскихъ, а также въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ; чтобы собрать матеріалы относительно реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, въ изучаемую эпоху, онъ долженъ былъ пересмотрѣть переписку польскихъ нововѣрцевъ, хранящуюся въ архивахъ Швейцаріи, а въ особенности города Цюриха; затѣмъ, чтобы изучитъ движеніе, происходившее въ лонѣ польской католической церкви, ему пришлось дѣлать разысканія въ разныхъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ архивахъ. Въ виду приведеннаго рецензентъ отказывается перечислять всѣ отдѣльные факты, которые у профессора Любовича являются совершенно новыми или получаютъ новое освѣщеніе на основаніи архивнаго матеріала, и въ заключеніи своей рецензіи признаетъ, что и общія, приведенныя выше, соображенія оказываются вполне достаточными для того, чтобы заявленіе его, пр. Карѣева, о всѣхъ правахъ разсмотрѣнной книги на полученіе преміи не казались голословными.

Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ настоящемъ конкурсѣ, комиссія признала особенно достойнымъ преміи сочиненіе г. Тилло, но, за раздачею бывшихъ въ ея распоряженіи денеж-

ныхъ наградъ, комиссія на основаніи § XII правилъ присудила ему почетный отзывъ.

Сочиненіе это, посвященное разсмотрѣнію вопроса о распредѣленіи атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 г. (Спб. 1890, съ атласомъ изъ 69 картъ), по просьбѣ комиссіи, было разсмотрѣно проф. Новороссійскаго университета Ал. Ник. Клоссовскимъ, которому южная Россія столь обязана за его дѣятельность по расширенію сѣти метеорологическихъ наблюденій на южной окраинѣ нашего отечества.

Обширный и обстоятельный трудъ генерала Тилло даетъ, по отзыву рецензента, полную картину современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на огромномъ пространствѣ Европейской Россіи и Азіатскаго материка. Вопросъ, подвергнутый изслѣдованію, потребовалъ отъ автора цѣлой массы подготовительной работы и длиннаго ряда цифровыхъ данныхъ, и дѣйствительно книга г. Тилло составлена на основаніи огромнаго наблюдательнаго матеріала, обусловившаго неимоверныя усилія для его вычисленій и контроля. Матеріалъ этотъ разработанъ авторомъ крайне разносторонне. Въ сочиненіи г. Тилло не только изученъ самый вопросъ о распредѣленіи средняго давленія атмосферы, но значительное вниманіе удѣлено и изслѣдованію крайнихъ отклоненій. Законы распредѣленія давленія авторъ постепенно связываетъ съ законами распредѣленія температуры, пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ академика Вильда «О температурахъ Россійской имперіи», и дополняетъ недостающіе элементы цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ вычисленій. Съ цѣлью сдѣлать добытые выводы возможно болѣе наглядными, г. Тилло приложилъ къ книгѣ единственный въ своемъ родѣ, по богатству и разнообразію, атласъ чертежей и построеній, въ которомъ насчитывается 69 отдѣльныхъ картъ на 13 листахъ большаго формата.

Разсмотрѣніе книги ген. Тилло приводитъ пр. Клоссовскаго къ слѣдующимъ выводамъ о ея достоинствахъ:

Въ трудѣ г. Тилло усматривается:

1) Точное и обстоятельное изложеніе современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на основаніи работъ предшественниковъ г. Тилло.

2) Строгий контроль и крайне разносторонняя разработка обширнаго наблюдательнаго матеріала.

3) Разработка не только среднихъ, но и крайнихъ величинъ давленія.

4) Стремленіе связать изученіе давленія съ изслѣдованіями температуры.

5) Попытка опредѣлить перегибы въ годовомъ ходѣ давленія въ связи съ таковыми же точками для температуры.

6) Рѣдкое по богатству и разнообразію картографическое приложеніе въ формѣ атласа.

Что касается наиболѣе существенныхъ новыхъ фактовъ, внесенныхъ г. Тилло въ науку, то, по словамъ рецензента, въ этомъ отношеніи особенное вниманіе на себя обращаютъ:

I. Новыя, наиболѣе соотвѣтствующія дѣйствительному состоянію наблюдательнаго матеріала, карты изобаръ какъ годовыхъ, такъ и мѣсячныхъ.

II. Указаніе тѣхъ путей, по которымъ проходитъ постепенное перемѣщеніе такъ называемыхъ полугодовыхъ и мѣсячныхъ циклоновъ и антициклоновъ; опредѣленіе центровъ энергіи.

III. Изслѣдованіе хода и географическаго распредѣленія крайнихъ отклоненій давленія.

IV. Сопоставленіе, какъ для среднихъ, такъ и для крайнихъ, хода и географическаго распредѣленія давленія и температуры.

V. Констатировка и практическое примѣненіе факта о равномерномъ распредѣленіи давленія въ іюнѣ и іюль на пространствѣ Россійской имперіи.

Сопоставляя указанные достоинства книги г. Тилло съ немногочисленными ея недостатками, преимущественно редакціоннаго характера, проф. Кюссовскій приходитъ къ тому окончательному заключенію, что работа г. Тилло о распредѣленіи

давленія должна быть причислена къ выдающимся какъ по общирности плана, такъ и по исполненію. Мемуаромъ о распределеніи давленія г. Тилло, извѣстный уже ученому міру своими капитальными изслѣдованіями объ орографіи Россіи и земномъ магнетизмѣ, вноситъ новый, весьма цѣнный, вкладъ въ науку.

По присужденіи премій коммиссія положила выразить глубокую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, существенно способствовавшимъ къ правильному разрѣшенію самой задачи коммиссіи своими рецензіями, нерѣдко требовавшими самостоятельныхъ изысканій въ области предмета разсматривавшихся соискательныхъ сочиненій:

Почтенные ученые, оказавшіе намъ эту немаловажную услугу, суть:

Членъ-кор. Академіи Илар. Ал. Чистовичъ, членъ консультаціи Министерства Юстиціи Пав. Андр. Мулловъ, профессора Военно-Медицинской Академіи Алекс. Ив. Лебедевъ, Ник. Ив. Быстровъ и Вас. Алекс. Ратимовъ, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ник. Ив. Карѣевъ, профессоръ Лѣснаго Института Л. В. Ходскій, профессоръ С.-Петербургской консерваторіи Сакетти, профессоръ Императорскаго Московскаго университета Ром. Оед. Брандтъ, профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Алекс. Вас. Романовичъ-Славатинскій, профессора Императорскаго Харьковскаго университета Амф. Степ. Лебедевъ, Мар. Ст. Дриновъ, Конст. Алекс. Андреевъ и Вас. Карл. Надлеръ, профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Алекс. Вик. Клоссовскій и профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Ив. Порф. Филевичъ.

I.

РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ.

Сочиненіе генеральнаго штаба генералъ-маіора Масловскаго ординарнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Три тома. Москва, изд. 1886—1890 г.г.

(Рецензія академика Н. Ѳ. Дубровина).

Приступая къ оцѣнкѣ сочиненія генералъ-маіора Масловскаго: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», мы не можемъ пройти молчаніемъ другіе труды того же автора, имѣющіе непосредственную связь между собою и направленные на изученіе одного и того же вопроса — *постепеннаго и при томъ само-бытнаго развитія русскаго военнаго искусства.*

Еще такъ недавно свѣдѣнія о русской арміи XVII и первой половины XVIII вѣка почерпались преимущественно изъ сказаній иноземцевъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ или же только жившихъ въ Россіи. Причина тому понятна и каждому изъ моихъ сочленовъ извѣстно, что изучать событія по первоисточникамъ и документамъ, хранящимся въ архивахъ, гораздо труднѣе и копотливѣе, чѣмъ воспользоваться печатными свидѣтельствами очевидцевъ. — Къ сожалѣнію сообщаемыя ими свѣдѣнія не заглядываютъ въ глубину, касаются преимущественно наружной формы строя, его частныхъ и не даютъ точнаго понятія о томъ внутреннемъ развитіи, которое ставило русскую армію не только въ уровень съ ея современниками, но и было причиною почти постоянныхъ и блестящихъ побѣдъ надъ лучшими войсками Европы.

Эти успѣхи русскаго оружія приписывались не самостоятельному и самобытному развитію военнаго искусства, а руководству иноземцевъ, находившихся въ нашей службѣ, и способности будто-бы русскаго человѣка заимствовать готовое у другихъ.

Наша военно-историческая литература до сихъ поръ какъ бы подтверждала такое заявленіе иностранцевъ.

Отсутствіе стремленія къ изученію первоисточниковъ причиною тому, что даже и профессорскія диссертациі, темою для которыхъ избраны коренные русскіе вопросы, основаны преимущественно на иностранныхъ источникахъ. Касаясь напимѣръ историческаго развитія вооруженныхъ силъ въ Россіи или описанія Сѣверной войны 1700—1721, авторы приводили массу иностранныхъ, часто второстепенныхъ источниковъ, но не приводили ни одного архивнаго документа и по видимому не подозревали о существованіи Разрядныхъ книгъ¹⁾, писемъ Петра Великаго изданія академика А. Ѳ. Бычкова, Сборниковъ Императорскаго русскаго историческаго Общества, Архива кн. Воронцова и пр. пр.

Фактъ этотъ важенъ какъ выраженіе общаго направленія нашей военно-исторической науки; какъ свидѣтельство отсутствія критической разработки русскихъ кампаній, выражающееся въ томъ, что даже въ высшемъ военно-учебномъ заведеніи приходится въ теченіе десятковъ лѣтъ читать одну и ту же кампанію, потому что она лучше другихъ разработана²⁾.

Въ ближайшее къ намъ время стали появляться отдѣльныя изслѣдованія по части русскаго военнаго искусства, основанныя на прочныхъ источникахъ, но въ большинствѣ они имѣютъ част-

1) Въ этомъ отношеніи нѣмецъ Бриксъ былъ болѣе внимателенъ къ русскимъ первоисточникамъ и большую часть своего сочиненія о русской арміи основалъ на Разрядныхъ книгахъ.

2) Недостатокъ этотъ давно сознавался. По почину члена корреспондента Академіи и извѣстнаго ученаго нашего дѣятеля генералъ-лейтенанта Г. А. Леера, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринято, подъ его редакцію, изданіе «Обзора» русскихъ войнъ.

ный характеръ, такъ какъ касаются отдѣльныхъ спеціальныхъ военныхъ вопросовъ.—Въ общемъ же эпоха Петра I и до сихъ поръ остается еще не разработанною окончательно, а о времени Миниха и императрицы Елисаветы Петровны, до появленія труда генераль-маіора Масловскаго, почти ничего не было извѣстно. Въ виду этого авторъ началъ съ изученія строя, образа дѣйствій русскихъ войскъ въ бою и другихъ вопросовъ строевой и полевой службы отъ Петра I до Екатерины II. Результатомъ его работъ было изданіе въ 1883 году книги: *«Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра Великаго и императрицы Елисаветы»*. Это былъ первый фундаментъ, положенный въ основу того прочнаго зданія, которое предстоитъ еще соорудить путемъ изученія первоисточниковъ и богатаго архивнаго матеріала, до сихъ поръ нетронутаго.—Работая пока одинъ на этомъ поприщѣ, Д. О. Масловскій напечаталъ два выпуска «Материаловъ къ исторіи военнаго искусства въ Россіи»¹⁾. Первый выпускъ относится ко времени Петра Великаго, а во второмъ собраны документы, относящіеся до Турецкой войны Миниха, его Ставучанской операціи 1739 года и похода Реннина въ 1748 году.—Дополненіемъ къ этой эпохи служить напечатанная авторомъ въ 1888 году статья «Атака Гданска въ 1734 году»²⁾.

Продолжая свои занятія, генераль-маіоръ Масловскій пришелъ къ заключенію, что для полнаго уясненія развитія русскаго военнаго искусства въ позднѣйшія царствованія необходимо детальное изученіе Семилѣтней войны, давшей намъ новыя формы строя, измѣнившей организацію многихъ частей войскъ и тактическую ихъ подготовку. Чтобы уменьшить число приложений къ сочиненію и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлить наиболѣе важные политическіе документы и стратегическія соображенія, авторъ напечаталъ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ: а) «Русско-австрійскій

¹⁾ Читенія въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ 1888 г. Кн. III; 1890 г. Кн. II.

²⁾ Читенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1888 г. Кн. II.

союзъ 1759 года»¹⁾, б) «Реляціи генераль-поручика Фролова-Багрѣева»²⁾ и в) «Наставленіе для дѣйствія въ бою полевой артиллеріи и ея организація при Глѣбовѣ (1760 г.)»³⁾.

Приступая за тѣмъ къ описанію Семилѣтней войны, авторъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить обстановку важнѣйшихъ происшествій по возможности во всѣхъ деталяхъ, чтобы имѣть потомъ право сдѣлать изъ нихъ прочные и основательные выводы.

Семилѣтняя война имѣетъ для насъ весьма важное значеніе во-первыхъ потому, что мы боролись съ гениальнымъ королемъ-полководцемъ, а во-вторыхъ и потому, что мы дѣйствовали на такихъ театрахъ войны, которые остаются наиболѣе вѣроятными и въ будущихъ нашихъ войнахъ.

«Задача военной исторіи, говоритъ Д. Θ. Масловскій въ предисловіи къ первому выпуску своего сочиненія, до позднѣйшаго времени, ограничивалась болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ стратегическихъ и тактическихъ операцій. Элементъ военно-административный, подготовка вооруженной силы къ войнѣ, войскъ къ бою и вліяніе ихъ на результаты боевыхъ дѣйствій если и затрогивались, то въ самыхъ общихъ чертахъ.

«При современныхъ научныхъ требованіяхъ, законченный военно-историческій трудъ, кромѣ стратегическаго очерка хода кампаніи и описанія сраженій—обязательно долженъ заключать въ себѣ характеристику всѣхъ отдѣловъ военнаго искусства, прямо или косвенно вліявшихъ на общіе результаты боевыхъ дѣйствій. При подобномъ способѣ изслѣдованія всецѣло воссоздается бывшая обстановка, получаютъ всѣ данныя для оцѣнки событій и готовится, по разнымъ отдѣламъ военнаго искусства, масса однородныхъ фактовъ, важныхъ для вывода общихъ

¹⁾ Чтенія 1887 года. Кн. I. Особое значеніе войны 1759 года и важность напечатанныхъ документовъ были тотчасъ же замѣчены въ иностранной литературѣ и, въ слѣдующемъ 1888 году, матеріалы эти переведены извѣстнымъ нѣмецкимъ военнымъ писателемъ Тилло фонъ Трота, подъ заглавіемъ: «Zur Geschichte der Russisch-Österreichischen Kooperation im Feldzuge von 1759».

²⁾ Чтенія 1887 г. Кн. IV.

³⁾ Чтенія 1888 г. Кн. III.

научныхъ основъ, разъясняющихъ свойства крайне сложныхъ элементовъ военнаго дѣла и указывающихъ ихъ взаимное вліяніе».

Въ виду этого, прежде чѣмъ приступить къ описанію войны нашей съ Пруссією, Д. Ө. Масловскій, пользуясь изданными имъ предварительно матеріалами, дѣлаетъ краткій, но вполне обстоятельный очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи къ началу войны, т. е. къ концу царствованія императрицы Елисаветы Петровны.— Очеркъ этотъ необходимъ для указанія прямого или косвеннаго вліянія бывшихъ военно-административныхъ мѣръ на дѣйствія русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, которая, по словамъ автора, составляетъ большое мѣсто въ русской военной исторіи.

«Наиболѣе авторитетные историки (почти всѣ чуждые военному дѣлу) произнесли роковой приговоръ о внутреннемъ порядкѣ въ русской арміи во время Семилѣтней войны, о способностяхъ главнокомандующихъ, о современномъ состояніи военнаго искусства въ Россіи.— Армію Елисаветинскихъ временъ охарактеризовали *«толпою одержимою азійскою необузданностью»*; въ дѣйствіи русскихъ войскъ не находятъ *«и тѣни военнаго искусства»*; главнокомандующіе же — *«рядъ бездарностей»*.

Освободить армію отъ подобныхъ обвиненій, но не путемъ пристрастныхъ сужденій, а при помощи неопровержимыхъ данныхъ — вотъ задача историка этой войны, задача не особенно трудная, но копотливая потому, что для изученія Семилѣтней войны (1756—1762 г. г.) мы имѣемъ только массу архивныхъ матеріаловъ совершенно сырыхъ и не обработанныхъ. Писавшіе объ этомъ времени наши историки (Соловьевъ, Пекарскій и друг.) мало касались или вовсе не трогали протоколовъ и рескриптовъ тайной конференціи, бывшей при Елисаветѣ Петровнѣ, незнакомы были съ донесеніями главнокомандующихъ и перепискою ихъ съ разными лицами, не знали о существованіи журнала военныхъ дѣйствій, да и вообще дѣлъ военной Коллегіи.— Основывая свой рассказъ на перепискѣ и донесеніяхъ дипломатовъ, которымъ сообщенія главнокомандующаго и боевая обстановка

рѣдко бывають въ точности извѣстны, пользуясь свидѣтельствами иностранцевъ и записками Болотова, тогда молодаго офицера — наши историки, естественно, должны были предѣти къ ложнымъ заключеніямъ и рѣзкимъ приговорамъ о дѣйствіяхъ и достоинствахъ русской арміи.

«Окончательные выводы авторитетныхъ писателей, справедливо замѣчаетъ Д. Ѳ. Масловскій, усваиваются большинствомъ легко и прочно; а потому возстановленіе фактовъ въ настоящемъ ихъ видѣ (если это идетъ въ разрѣзъ съ установившимся взглядомъ) требуетъ усиленной работы по архивнымъ документамъ и крайней осторожности даже въ выраженіяхъ, ибо неточность послѣднихъ ставится въ вину автору въ смыслѣ его стремленія обѣлить дѣло».

«При такихъ условіяхъ возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ возможно лишь тогда, когда будутъ представлены не кое-какія выдержки изъ документовъ (признанныя однако достаточными для порицанія), а масса выписокъ изъ подлинниковъ, иногда съ излишними при другихъ обстоятельствахъ подробностями».

Всѣ эти соображенія заставили автора:

1) Составить описаніе Семилѣтней войны по русскимъ источникамъ въ такомъ видѣ, чтобы обстановка важнѣйшихъ фактовъ выяснилась во всѣхъ деталяхъ.

2) Во всѣхъ важныхъ случаяхъ не ограничиваться однѣми ссылками на документы или цитатами, а дать въ приложеніи самыя документы въ ихъ цѣломъ видѣ ¹⁾.

3) Указать на ту зависимость, въ которой находилась армія, помимо ея стратегической и тактической подготовки, отъ политической обстановки и административныхъ распоряженій правительства.

Всѣмъ извѣстно, какое громадное вліяніе оказываютъ административныя распоряженія на исходъ военныхъ дѣйствій; но

¹⁾ Такихъ документовъ во всѣхъ трехъ выпускахъ болѣе 300 номеровъ.

большинство военных писателей ограничивались до сих пор тщательным изучением только видов довольствия армии и ее госпитальной части. — Автор же рассматриваемаго нами сочинения не ограничился этим и счел необходимым подвергнуть тщательному анализу: организацію армии, систему комплектования и резервовъ, устройство военного управления и обоза, обучения войск (строевую и полевую службу до войны ¹⁾) и наконец дисциплину. — Касаясь политической обстановки, Д. О. Масловскій старается выяснить насколько политика облегчала или затрудняла специальную дѣятельность главнокомандующихъ и отражалась на военных дѣйствіяхъ.

Полнота собранныхъ документовъ и тщательное ихъ изучение были причиною того, что, съ выходомъ въ 1886 году 1-го выпуска, авторъ приобрѣлъ себѣ извѣстность и выдающееся положеніе въ военной литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной ²⁾.

Въ первомъ выпускѣ труда Д. О. Масловскаго помѣщенъ походъ Аираксина въ Восточную Пруссію (1756—1757 г.г.); во второмъ — походъ графа Фермора въ восточныя области

¹⁾ Для составленія очерка строевой и полевой службы, автору пришлось трудиться долго и много. — Наибольшее затрудненіе было въ отысканіи строевыхъ уставовъ отъ Петра I до Екатерины. — Уставы эти никогда напечатаны не были и прямыхъ указаній на существованіе ихъ въ архивахъ не имѣлось: ихъ можно было найти или случайно, или пересмотромъ множества связокъ и дѣлъ. — При извѣстной настойчивости и въ теченіе 8—10 лѣтънаго труда Д. О. Масловскому удалось возстановить наши уставы, привести ихъ въ порядокъ и напечатать въ слѣдующемъ видѣ: *Для пѣхоты* — 1) Краткое обученіе въ строеніи пѣшихъ полковъ 1702 г.; 2) Уставъ воинскій 1716 г.; 3) Прусскія Экзерциція Миниха; 4) Уставъ Ласси; 5) Уставъ 1755 года; 6) Уставъ Петра III, просуществовавшій весьма недолго и отмѣненный Екатериною II. — Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Екатерина II возстановила уставъ 1755 года. — *Для кавалеріи*: 1) Краткое положеніе въ строеніи драгунскихъ полковъ до 1706 года; 2) Кирасирскій уставъ Миниха и 3) Конная Экзерциція 1755 года.

²⁾ Выпускъ этотъ былъ немедленно переведенъ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Der Siebenjährige Krieg nach Russischer Dargestellung...» A. von Drygalski. Berlin 1888. Независимо отъ того въ газетѣ Heeres-Zeitung (1887 года, №№ 99 и 100) было сдѣлано обширное извлеченіе изъ первыхъ двухъ главъ.

Пруссіи (1757—1759 г.г.), и наконецъ въ третьемъ выпускѣ — походы графа Салтыкова 1-го и графа А. Б. Бутурлина, берлинская операція графа Захара Чернышова и осада Кольберга графомъ Румянцовымъ (1759—1762 г.г.).

Обширность труда полковника Масловскаго не позволяетъ намъ касаться подробно его содержанія; но мы должны сказать, что ему первому удалось поднять завѣсу и разсѣять мракъ, покрывавшій болѣе вѣка нашу армію, и опровергнуть ту ложную характеристику, которая была создана иностранцами и повторялась нашими историками.

Если передъ началомъ кампаніи командная и административная части находились въ неудовлетворительномъ состояніи, то личный составъ арміи не подлежалъ такому же упреку. — Корпусъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ считался знающимъ съ *«фундаментала солдатское дѣло»*; офицеры отличались единствомъ духа и товарищества, благодаря существовавшему тогда правиламъ производить въ офицеры по экзамену и непременно при условіи хорошей аттестаціи отъ офицеровъ своего полка и по баллотировкѣ.

Кавалерія находилась въ самомъ незавидномъ положеніи опять-таки не по личному составу, а по организаціи. — Хотя численность ея простиралась до 50,000 всадниковъ, но Апраксинъ въ 1757 году имѣлъ въ бою при Гросъ-Егерсдорфѣ не болѣе 7000 человекъ. — Причина тому заключалась въ несоответственномъ кавалерійской службѣ конскомъ составѣ, неправильномъ способѣ довольствія лошадей, въ неудовлетворительномъ порядкѣ ремонтірованія полковъ, назначеніи кавалеріи на несоответственную службу (вмѣсто пограничной стражи), обширной внутренней службѣ по водворенію порядка въ странѣ. — Трехъ-шереножный строй былъ неповоротливъ, а вооруженіе холоднымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ одной колющей шпаги, приносило мало пользы въ дѣлѣ. — Кромѣ регулярной кавалеріи были такъ называемыя *«нерегулярныя войска»*, состоявшія изъ гусаръ, донскихъ казаковъ, Чугуевского казачьяго полка, слободскихъ казачьихъ полковъ и разныхъ командъ (Калмыки, Ка-

занскіе татары, Мещерыки и Башкиры). — Нерегулярныя войска не отличались устройствомъ, имѣли плохую организацію, были мало дисциплинированы и офицеры ихъ были плохими руководителями въ бою.

Изъ всѣхъ родовъ оружія въ наибольшемъ порядкѣ была артиллерія, благодаря заботамъ ея генераль-фельдцейхмейстера графа Шувалова.

Управление арміею въ мирное и военное время было неудовлетворительно: ни войска не знали своихъ генераловъ, ни генералы своихъ полковъ. — Тактическою единицею былъ полкъ, бригады же и дивизіи являлись случайными и непостоянными соединеніями. Главнокомандующій не имѣлъ начальника штаба; при немъ не было ни интенданта, ни начальника артиллеріи, а были второстепенные чины, зависѣвшіе отъ своего начальства въ Петербургѣ. Такимъ образомъ главнокомандующій являлся лицомъ не самостоятельнымъ, а простымъ исполнителемъ распоряженій, присылаемыхъ изъ столицы.

Всѣ эти недостатки въ организаціи арміи обнаружались весьма скоро и въ октябрѣ 1757 года главнокомандующій графъ Ферморъ предложилъ конференціи рядъ мѣръ по преобразованію арміи. Онъ считалъ необходимымъ:

- 1) Положить основаніе постоянной организаціи бригадъ и дивизій.
- 2) Пополнить полки людьми до полнаго штата.
- 3) Ограничить самую крайнюю необходимостью откомандированіе строевыхъ офицеровъ отъ ихъ полковъ для занятій хозяйственныхъ должностей.
- 4) Преобразовать обозную часть.
- 5) Снабдить армію ручными жерновами.
- 6) Уменьшить солдатскую ношу; измѣнить форму обмундирования, и
- 7) Установить правиломъ, чтобы казаки были не о «дву-конь», а ограничить число вьючныхъ и заводныхъ лошадей нерегулярныхъ войскъ двумя лошадьми на десятокъ.

Конференція утвердила большую часть представлений Фермора и предоставила ему привести ихъ въ исполненіе.

Внутреннее положеніе арміи значительно улучшилось противъ прежняго: обмундированіе было вообще удовлетворительно и недостатокъ ощущался только въ обуви и годовыхъ вещахъ; денегъ въ распоряженіи главнокомандующаго было достаточно и продовольствіе значительно улучшено. Въ войскахъ наблюдалась строжайшая дисциплина и командовавший отдѣльною колонною графъ Румянцовъ поручилъ подчиненнымъ ему начальникамъ: а) заботиться о сбереженіи здоровья людей и лошадей; б) всѣмъ младшимъ офицерамъ своими разговорами поднимать духъ солдатъ и в) принимать всѣ мѣры осторожности противъ нечаяннаго нападенія непріятеля.

Биваки и лагеря охранялись отводными караулами, выставившими отъ себя цѣпь царныхъ постовъ. — Кромѣ того въ лагеряхъ были особые лагерные караулы, а для того, «чтобы познать можно было, что часовые должность свою исправляютъ осторожно», по пробитіи вечерней зори «непрестанно пускать словомъ сигналы». — При занятіи деревень и мѣстечекъ, гдѣ квартировали полки, приказано требовать, чтобы обыватели обносили своими телѣгами и оглоблями, связанными вмѣстѣ, тѣ мѣста, которыя не были застроены. — На обязанность офицеровъ возлагалось наблюдать, чтобы въ каждой квартирѣ люди могли скоро разобрать оружіе и имѣли при себѣ все необходимое для быстраго выхода по тревогѣ. — «Для сего во всякой квартирѣ, черезъ всю ночь, имѣть всегда огонь и одного неспящаго непремѣнно; то же наблюдать и при конскихъ уборахъ».

Для наблюденія за непріятелемъ высылались на разсвѣтѣ или при захожденіи солнца особые патрули, подъ командою оберъ и унтеръ-офицеровъ ежедневно и разными дорогами, такъ далеко, «какъ безопасность расположенія мѣста (дозволяетъ), чтобы оныя отрѣзаны не были и непріятелю не позволить развѣдывать».

По одной изъ диспозицій было приказано: «Посылать обыкновенные отъ легкихъ войскъ, дивизій и корпуса вокругъ арміи

раз'їзды и онымъ давать за печатью съ нумерами билеты, которыми и велѣтъ имъ, какъ одинъ съ другимъ встрѣтятся, размѣнивать и привозить и рапортовать въ генеральное дежурство, гдѣ черезъ то примѣчать будетъ возможно: подлинно-ль они до назначенныхъ мѣстъ доѣзжали».

Отъ высланныхъ раз'їздовъ не ожидали какихъ нибудь выдающихся подвиговъ, но требовали вѣрныхъ свѣдѣній о противникѣ. — При встрѣчѣ съ непріятелемъ раз'їздамъ предписывалось отступать какъ можно медленнѣе съ тѣмъ, чтобы точнѣе наблюдать силу и намѣреніе противника «и куда маршъ его будетъ». — Вдали отъ непріятеля сторожевая служба возлагалась исключительно на кавалерію, а вблизи — на пѣхоту.

Подъ вліяніемъ опыта и боевой обстановки, существовавшій прежде боевой порядокъ былъ видоизмѣненъ сообразно требованіямъ. — Построеніе войскъ изъ походнаго въ боевой порядокъ прикрывалось авангардомъ, впереди котораго находилась легкая кавалерія. Бой начинался артиллерійскимъ огнемъ; пѣхота должна была выдерживать огонь до возможной степени, не разстрѣливать патроны даромъ и помнить, что всякій бой долженъ закончиться штыковою контръ-атакою, съ барабаннымъ боемъ и музыкою.

Такимъ образомъ конецъ царствованія Елисаветы Петровны является эпохою возрожденія началъ русскаго военнаго дѣла, установленныхъ Петромъ Великимъ.

«Геніальный творецъ русской регулярной арміи, говоритъ авторъ, установилъ новые порядки не разомъ, а постепенно, въ продолженіе всего своего царствованія, значительно измѣненные Мянхоиъ». — Во все продолженіе Семилѣтней войны военные порядки, установленные Петромъ, постепенно развиваются по указаніямъ боеваго опыта и очищаются отъ иноземныхъ нововведеній. — Мало по малу развивается самобытное русское военное искусство, въ которомъ принимаютъ участіе Румянцовъ, Панинъ, Прозоровскій, Суворовъ и многіе другіе».

Во все время Семилѣтней войны формированіе новыхъ час-

тей признается не соответствующимъ основнымъ началамъ военной организаціи и пополненіе убыли въ арміи совершается комплектованіемъ частей уже существующихъ. Позади дѣйствующей образуется резервная армія, на обязанность которой возложена тыловая служба и окончательная подготовка рекрутъ для строя. По идеѣ Румянцова было приступлено къ организаціи легкой пѣхоты въ видѣ егерскихъ войскъ.

Единственнымъ видомъ для конницы признаны драгуны, особенности службы которыхъ вполне соответствовали національному характеру и средствамъ Россіи; подобно пѣхотѣ, признано полезнымъ имѣть и въ кавалеріи запасные эскадроны. Служба донскихъ казаковъ, принеся столько пользы арміи, получила въ эту войну болѣе опредѣленный характеръ. Боевой опытъ показалъ, что при назначеніи казаковъ въ отряды ихъ не слѣдуетъ дробить, а держать массою, «придавая имъ конницу драгунскаго типа (какъ было прежде); въ главныя руководители назначать лучшихъ изъ офицеровъ регулярныхъ войскъ, за неподготовкою къ тому донскихъ офицеровъ. Наконецъ, въ подкрѣпленіе этихъ отрядовъ назначать легкую пѣхоту драгунскаго типа. Этимъ воскрешается идея Петра I еще 1702 года... Служба казаковъ «о дву-конь» оказалась несоответственною по трудности довольствовать войска фуражемъ».

Семилѣтняя война указала на необходимость перемѣнить орудія на болѣе совершенныя, причѣмъ путемъ опыта выясняется значеніе картечнаго огня въ полевыхъ сраженіяхъ и навѣснаго—при отдѣльныхъ операціяхъ конницы съ конною артиллерією. Бывшія сраженія выяснили значеніе резервной артиллеріи какъ въ бою, такъ и при походныхъ движеніяхъ; парки получаютъ указаніе какъ относительно своего мѣста въ бою, такъ и питанія артиллерійскихъ частей зарядами и снарядами.

Ближайшее знакомство съ сочиненіемъ полковника Масловскаго даетъ намъ возможность указать на слѣдующее:

1) Существовавшее въ исторической литературѣ обвиненіе Апраксина въ позднемъ открытіи военныхъ дѣйствій въ 1757 году

и отступленіе за Нѣманъ — голословно; дѣйствія его были вызваны стратегическою и тактическою обстановками. — (Выпускъ I, стр. 332 и приложенія, стр. 12—49, 243—266).

2) Главною помѣхою и тормазомъ для всѣхъ операцій нашеѣ арміи была *конференція*. — Это особенно выражается: «*недодиспутованнымъ*» планомъ кампаніи 1757 г. (Вып. I, стр. 172), нерѣшительностью дѣйствій послѣ Цорндорфа (Вып. II, стр. 296), нерѣшительностью графа Салтыкова при свиданіи съ графомъ Дауномъ въ Губинѣ (Вып. III, стр. 155), безцѣльностью расположенія арміи на квартирахъ въ концѣ 1759 г. (Т. III, стр. 179), перемѣною операціонной линіи на Бреславль 1760 г. (Т. III, стр. 272), Бундельвицельскою операціею 1761 г. (Т. III, стр. 445). Только въ одномъ случаѣ конференція проявила полезное вліяніе — это настоявши предпринять зимній походъ въ восточную Пруссію, но къ несчастью и тутъ обнаружилась полная неспособность главнокомандующаго графа Фермора. — Стратегическія соображенія его были ниже всякой критики (Т. II, стр. 21, 23, 26), а между тѣмъ въ Петербургѣ сохраняли къ нему довѣріе въ теченіе долгаго времени.

Конференція, какъ высшее управленіе вооруженными силами государства, связывала руки главнокомандующимъ, парализовала ихъ стратегическія и военно-административныя распоряженія. Это стѣсненіе особенно отражалось на хозяйственныхъ операціяхъ арміи и Апраксинъ погибъ исключительно за то, что не справился съ довольствіемъ при наступленіи. Не смотря, однакоже, на отсутствіе полной самостоятельности главнокомандующихъ, имъ удалось видоизмѣнить многіе Миниховскіе порядки. Такъ, движеніе не иначе какъ въ боевомъ порядкѣ было оставлено и замѣнено дѣятельностью конницы впереди фронта арміи, введенъ главный авангардъ, частныя авангарды колоннъ и арьергардъ.

Вмѣшательство конференціи во всѣ дѣла заставило автора быть крайне осторожнымъ при характеристикѣ главнѣйшихъ дѣятелей этой кампаніи. Не поддаваясь обвинительнымъ словамъ

донесеній, ни хвалебнымъ ихъ рѣчамъ, генераль-маіоръ Масловскій черпалъ свою характеристику изъ восстановленнаго имъ по документамъ хода событій и соотвѣтствующихъ распоряженій.— Онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на операціяхъ Апраксина, графа Тотлебена, графа Румянцова, А. В. Суворова, тогда еще молодаго дѣятеля, и другихъ. Приговоръ исторіи надъ графомъ Тотлебенемъ основанъ на неопровержимыхъ данныхъ. Фактъ измѣны его изъ своекорыстныхъ цѣлей ясенъ вполнѣ. Слѣдя точно также за каждымъ шагомъ дѣятельности графа Румянцова, мы увидимъ, что онъ всюду является инициаторомъ военнаго дѣла и его нововведенія—прямое развитіе принциповъ и идей Петра Великаго.

Нравственныя достоинства арміи весьма важны и для политической исторіи, а потому авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ вопросѣ. При помощи документовъ онъ опровергаетъ тѣ нелѣпыя обвиненія иностранныхъ писателей, которые старались выставить русскую армію какъ нестройную толпу грабителей и сѣверныхъ варваровъ ¹⁾.

Переходя затѣмъ къ вопросамъ *военно-историческимъ*, генераль-маіоръ Масловскій дѣлаетъ совершенно новый очеркъ состоянія всѣхъ главныхъ отдѣловъ военнаго искусства до Семилѣтней войны (Выпускъ I, главы I и II), рассматриваетъ ихъ развитіе въ каждый годъ войны и въ концѣ своего труда дѣлаетъ общіе выводы. (Выпускъ III, стр. 551—567).

Въ частности отдѣлы военнаго искусства въ Семилѣтнюю войну выразились въ слѣдующей формѣ:

1) Комплектованіе арміи способствовало и привело насъ, наконецъ, къ образованію чисто національнаго состава арміи, чуждаго иностраннаго элемента (Вып. I, стр. 12—17; вып. II, приложенія №№ 71 — 75; выпускъ III, стр. 195, 557). Подъ

¹⁾ На выясненіе нравственнаго достоинства арміи г. Масловскій положилъ не мало труда. Онъ останавливается на немъ весьма часто, что и даетъ ему возможность обобщить свои выводы въ концѣ труда. (Выпускъ III, стр. 568—571).

вліяніємъ этого комплектованія вырабатываются основы организаціи въ духѣ современныхъ требованій и въ особенности выдѣляются: 1) устройство *резервовъ* или по тогдашнему выраженію запасныхъ частей и 2) первое устройство егерскихъ войскъ, какъ типа легкой пѣхоты. Въ арміи вводится военноконская повинность, весьма близкая по способамъ ея примѣненія къ современной, и совершенствуются строевые уставы.

Останавливаясь съ подробностію на организаціи пѣхоты, артиллеріи, инженерныхъ, гарнизонныхъ и ландмилицкихъ войскъ, авторъ даетъ намъ весьма точныя данныя о способахъ довольствія войскъ, фуражировкахъ, объ устройствѣ тыла и обозной части. — Обозъ былъ всегда бременемъ для арміи, но въ концѣ Семилѣтней войны фельдмаршалъ Бутурлинъ привелъ его въ новый порядокъ и точно опредѣлилъ перевозимый грузъ и распределеніе влад.

Касаясь вопроса о боевыхъ особенностяхъ русской арміи, Д. О. Масловскій останавливается на службѣ генеральнаго штаба въ Россіи отъ Петра I до Елисаветы Петровны, выясняетъ вопросъ относительно *инспекціи* войскъ въ военное время, знакомитъ читателя съ походными, строевыми и боевыми порядками, тогда принятыми.

«Стратегическія операціи русской арміи во время войны, говоритъ онъ, отличаются чрезмѣрною осторожностію, что обусловливалось неимовѣрнымъ влияніемъ конференціи на ходъ кампаніи, стѣснявшимъ главнокомандующихъ отчасти вслѣдствіе совершеннаго незнанія членами конференціи основъ военного искусства, но главнымъ образомъ вслѣдствіе полного подчиненія нашей политикѣ (послѣ Бестужева) австрійской дипломатіи. — При этихъ условіяхъ нельзя было и ожидать новыхъ, свѣжихъ идей въ развитіи стратегическаго искусства. — При всемъ томъ какъ Салтыковъ, такъ и Румянцовъ несомнѣнно даютъ намъ положительные образцы въ смыслѣ планосообразности всѣхъ дѣйствій».

Въ Семилѣтнюю войну воскресаютъ отдѣльныя стратегиче-

скія операціи массы легкой конницы впереди фронта арміи, приведенныя въ строгую систему Петромъ I.—«Независимость отъ тыла, быстрота налета отдѣльными партіями съ разными цѣлями, широкій фронтъ, въ нѣсколько разъ превосходящій фронтъ арміи и значительно выдвинутый впередъ раіонъ освѣщенія мѣстности конницею драгунскаго типа — вотъ отличительныя особенности этихъ самостоятельныхъ операцій русской легкой конницы».

Въ тактическомъ отношеніи были достигнуты весьма важные результаты. Пѣхота развиваетъ мѣткость стрѣльбы, быстроту заряженія и приводитъ въ систему питаніе патронами. Въ началѣ кампаніи дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ имѣетъ преобладающее значеніе, но потомъ, съ уничтоженіемъ рогатокъ, проявляется сознаніе въ боевомъ значеніи штыка. Кавалерія покидаетъ стрѣльбу съ коня, снабжается лучшимъ холоднымъ оружіемъ и своею энергическою атакою оказываетъ содѣйствіе прочимъ родамъ войскъ.

Въ началѣ кампаніи преслѣдованія послѣ боя почти не было, не по незнанію его значенія, а благодаря неудачному выбору начальствующихъ лицъ. Впослѣдствіи Бергъ и Суворовъ указали на важное значеніе преслѣдованія и не слѣдовали рутиннымъ правиламъ своихъ предшественниковъ.

На дѣятельность нашей конницы впереди фронта арміи, большими и малыми отрядами, подкрѣпляемыми пѣхотою, обращено авторомъ особое вниманіе и приведены цѣликомъ многіе важные документы. (См. выпускъ II, приложенія 8, 9, 45, 46, 47; выпускъ III, приложенія 70 и 118).

Артиллерія оказываетъ громадное содѣйствіе пѣхотѣ и кавалеріи, стрѣляетъ черезъ головы своихъ и иногда даже затмѣваетъ значеніе пѣхоты, какъ главнаго рода войскъ.

Одно изъ главныхъ неудобствъ линейнаго порядка—недостатокъ гибкости, неудобство взаимной выручки разныхъ частей общаго боеваго построенія, устраняется соотвѣтственными измѣненіями общаго типа линейнаго порядка въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Полевое инженерное дѣло получило большое развитіе, блокада и осада крѣпостей отличаются даже многими самостоятельными чертами.

Таковы были результаты Семилѣтней войны въ отношеніи развитія русскаго военнаго искусства, и намъ остается сказать нѣсколько словъ о заслугахъ генералъ-маіора Масловскаго по описанію собственно хода военныхъ дѣйствій.

Иностранная, а за нею и наша, военныя литературы всѣ свои выводы объ отсталости русскаго строя и образа дѣйствія войскъ въ бою до Екатерининскаго времени, главнымъ образомъ основывали на *чудовищномъ каре* въ Цорндорфскомъ бою. — Слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ сраженія и отыскавъ современный планъ (Выпускъ II, № 12) перехода изъ каре въ двѣ линіи, генералъ Масловскій доказалъ, что войска приняли бой не въ каре (построенномъ на ночь), а въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ. — Такимъ образомъ ясно, что прежніе выводы, усвоенные литературою, были основаны на ложныхъ данныхъ. Точно также автору пришлось положить много труда для возстановленія боя подъ *Пальциномъ* въ 1759 году. Какъ этотъ, такъ и Куннерсдорфскій бой свидѣтельствуютъ не объ отсталости русской арміи, какъ пишутъ иностранцы, а напротивъ о гибкости боеваго порядка русскаго войска и о вполнѣ соответствующихъ распоряженіяхъ главнокомандующаго по примѣненію къ мѣстности и боевой обстановкѣ.

Описывая операцію подъ Кольбергомъ графа Румянцова 1761 г., генералъ-маіоръ Масловскій не останавливается исключительно на осадѣ крѣпости, но разсматриваетъ операцію въ смыслѣ атаки укрѣпленнаго лагеря, блокады его и совмѣстнаго дѣйствія съ флотомъ. — Въ подробностяхъ изученія этой операціи находятся образцы самостоятельной дѣятельности будущаго фельдмаршала и выдающагося полководца нашей арміи.

«Русская армія въ Семилѣтнюю войну, говоритъ авторъ въ заключеніи своего труда, покрыла свои знамена прежнею славою

и предоставляла Екатерину II (случай), въ день ея коронаціи, вѣрно оцѣнить ея доблести.

«Преданность монарху, любовь къ своей родинѣ, выручка своихъ, гордое отношеніе къ боевой славѣ своихъ знаменъ, замѣчательная боевая выносливость, чисто русское упорство въ достиженіи просто и ясно указанной цѣли, человѣческое отношеніе къ мирнымъ жителямъ и плѣннымъ—всѣ эти историческія особенности русскаго войска всецѣло проявляются въ разсмотрѣнныхъ нами фактахъ войны съ Пруссіею».

Нужно-ли говорить о значеніи сочиненія генералъ-маіора Масловскаго для исторической науки? Послѣ всего сказаннаго нами полагаемъ, что заслуга автора ясна для каждаго. Познакомившись съ описаніемъ Семилѣтней войны, приходится отказаться отъ многихъ историческихъ указаній и характеристикъ, сложившихся подъ вліяніемъ невѣрныхъ данныхъ, до сихъ поръ не подвергавшихся исторической критикѣ, при помощи архивныхъ документовъ. Трудъ Д. О. Масловскаго безспорно заслуживаетъ внимательнаго изученія, и каждый дорожащій честью, славою и судьбою русской арміи, найдетъ въ немъ историческую правду. Подъ скромнымъ заглавіемъ: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну» авторъ даетъ намъ не одно, а два капитальныхъ изслѣдованія:

1) Детальное описаніе хода событій съ многочисленными планами, приложеніями и критическою оцѣнкою военныхъ дѣйствій, и

2) Очеркъ, и притомъ единственный, постепеннаго развитія русскаго военнаго искусства отъ Петра I до Екатерины II.—На этомъ послѣднемъ поприщѣ генералъ-маіоръ Масловскій можетъ считать себя первымъ изслѣдователемъ и ему принадлежитъ починъ въ разработкѣ этого важнаго отдѣла, касающагося блестящаго прошлаго нашей арміи.

Въ исторіи какой бы то ни было эпохи невозможно сказать послѣднее слово и рецензентъ, смотрящій на событія съ своей

точки зрѣнія, всегда имѣеть возможность найти недостатки, повторенія и, пожалуй, планъ самаго сочиненія не согласнымъ съ его взглядомъ. — Но вполне безпристрастный критикъ долженъ сказать, что подобные недостатки сочиненія «Русская армія въ Семилѣтнюю войну» ничтожны въ сравненіи съ его достоинствами, и я, обращая на это вниманіе Академіи, считаю долгомъ просить удостоить сочиненіе г. Масловскаго высшею премією митрополита Макарія.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Н. ТАВИЛДАРОВА „ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ПРОДУКТОВЪ“,

составленный ординарнымъ академикомъ Ф. Ф. Вейльштейномъ.

Профессоръ СПб. Технологическаго Института дѣйств. статск. сов. Ник. Ив. Тавилдаровъ представилъ въ Императорскую Академію Наукъ сочиненіе: «Химическая Технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ» на соисканіе преміи митрополита Макарія въ 1890—1891 г. Это сочиненіе, составляющее два тома и атласъ чертежей, обнимаетъ собою производства крахмала, сахара, пива и спирта, т. е. имѣетъ предметомъ обработку углеводовъ въ большихъ размѣрахъ. Авторъ избралъ вполне самостоятельный порядокъ изложенія и послѣдовательно провелъ его въ своемъ сочиненіи. Въ первой, вступительной части (стр. 1—136) сначала приведены всѣ ближайшимъ образомъ необходимыя свѣдѣнія о составѣ и свойствахъ *углеводовъ*, имѣющихъ значеніе въ дѣлаемыхъ производствахъ (стр. 1—47), затѣмъ слѣдуетъ общая характеристика *бѣлковыхъ веществъ*, которыя сопровождаютъ углеводы и присутствіе которыхъ часто опредѣляетъ техническіе приемы производства. Далѣе слѣдуетъ описаніе и характеристика неорганизованныхъ *ферментовъ*, причѣмъ съ особенною подробностью рассмотрѣны сахарифицирующіе энзимы, главнымъ образомъ *диастазъ* и превращенія крахмала подъ его вліяніемъ (стр. 57—71). Затѣмъ упомянуты пептони-

зирующие энзимы и условия превращенія бѣлковыхъ веществъ въ пептоны, съ указаніемъ сущности энзиматическихъ процессовъ (стр. 71—78). Вступительная часть заканчивается весьма обстоятельнымъ, но въ сжатой формѣ, описаніемъ процессовъ различныхъ видовъ броженія, причемъ сообщены всѣ характеристичныя свѣдѣнія о густотѣ, составѣ и расахъ микроорганизмовъ. Обзоръ процессовъ броженія оканчивается краткимъ изложеніемъ существующихъ теорій о способѣ воздѣйствія микроорганизмовъ на субстраты; при этомъ авторъ склоняется въ пользу растительно-физиологической теоріи Пастѣра. Богатая литература по предмету броженія обработана авторомъ съ большою тщательностью, такъ что статья эта, вмѣстѣ съ главой объ энзиматическихъ процессахъ, представляетъ трудъ, могущій имѣть значеніе, и независимо отъ всего сочиненія, какъ монографія этихъ двухъ весьма близкихъ между собой рядовъ явленій.

Описаніе превращеній углеводовъ и бѣлковыхъ веществъ во вступительной части сочиненія слѣдуетъ признать весьма удачнымъ приемомъ въ системѣ изложенія: этимъ облегчается описаніе технической части производствъ и устраняется необходимость отступленій и вводныхъ замѣчаній объ измѣненіяхъ, которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ подвергаться перерабатываемые матеріалы.

За общую часть слѣдуетъ спеціально-техническая (въ I-мъ томѣ): производство крахмала, переработка крахмала въ декстрины и виноградный сахаръ, а затѣмъ производство свекловичнаго сахара съ дополнительной статьей о полученіи рафинада. Во II-мъ томѣ изложены производства, основанныя на превращеніяхъ углеводовъ (крахмала и сахара), т. е. производства пива и спирта и дополнительная статья объ очищеніи спирта (сыраго), которое имѣетъ столь важное значеніе для народнаго здравія. При такомъ порядкѣ изложенія автору удалось дать довольно подробное описаніе каждаго производства и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать повтореній, что приемы и способы, описанные въ одномъ изъ предшествующихъ производствъ и примѣняемые въ другомъ, вторично не опи-

сываются, а дѣлается соотвѣтственная ссылка. Черезъ это вся книга получаетъ связность и имѣетъ характеръ одного трактата о способахъ переработки продуктовъ земледѣлія.

При описаніи технической части авторъ съ подробностью останавливается на химическомъ составѣ каждаго матеріала и, основываясь на этомъ, выводитъ заключенія о необходимости, цѣлесообразности или нераціональности того или другаго приема обработки, причемъ ссылками на предъидущую общую часть и многочисленными указаніями на новѣйшую литературу представляетъ не только современное состояніе техники даннаго производства, но указываетъ и наиболѣе вѣроятное направленіе ея въ будущемъ. Къ этому надо прибавить, что многочисленными данными, взятыми съ русскихъ заводовъ, относительно употребляемыхъ на нихъ способовъ и приборовъ, получаемыхъ выходовъ и т. д., авторъ даетъ ясное понятіе о современномъ состояніи описываемыхъ производствъ въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ отношеніи книга Н. И. Тавилдарова рѣшительно отличается отъ имѣющихся въ настоящее время на русскомъ языкѣ подобныхъ же сочиненій, которыя большею частью представляютъ собою переводы заграничныхъ учебниковъ, безъ всякихъ указаній на русскую промышленность.

Съ особенною обстоятельностью, на основаніи литературныхъ данныхъ и наблюденій на русскихъ заводахъ, обработаны, кромѣ упомянутыхъ во вступительной части, еще слѣдующіе вопросы: въ I-мъ томѣ: условія образованія декстрина изъ крахмала, подѣйствіемъ кислотъ (стр. 18—24, 221, 235—240), свойства и образованія сахаратовъ (стр. 37—43, 467, 499), химическій составъ бураковъ (стр. 247—252), установка работы дифузионной батареи и ея результаты (стр. 295—308), свойства и дѣйствія костянаго угля (стр. 347—352, 386—390), рѣже употребляемые средства для очищенія сахарнаго сока (стр. 390—398) и значеніе механической фильтраціи; условія дѣйствія выпарныхъ аппаратовъ (стр. 400—404), описаніе многокорпусныхъ аппаратовъ и приборовъ съ компрессорами (стр. 420—424);

отдѣленіе продуктовъ и сравненіе съ заграничными выходами сахара-песка (стр. 433—444).

Во II-мъ томѣ: Химическій составъ и свойства ячменя, воды и хмѣля (стр. 1—21), таблицы проращиванія русскихъ сортовъ ячменя (стр. 47—51), приборы для пневматическаго соложенія (стр. 58—62), химическій процессъ при высушиваніи солода, вліяніе температуры и об'ѣма воздуха (стр. 63—68, 79—83), выходы солода изъ разныхъ сортовъ русскаго ячменя, опредѣленіе достоинствъ солода (стр. 91—94), приготовленіе сусла на русскихъ заводахъ (стр. 111, 120—123, 125, 127), условія нормальнаго охлажденія сусла (стр. 157—159, 166), очищеніе дрожжей, дикія дрожжи, чистая культура по Ганзену, опредѣленіе чистоты дрожжей по Гольму и Паульсену (стр. 169—182), сохраненіе пива, ненормальныя явленія при броженіи и болѣзни пива (стр. 215—225); дѣйствіе возвышеннаго давленія пара на крахмалистыя матеріалы (стр. 234—237), приготовленіе искусственныхъ дрожжей (стр. 266—276), ходъ броженія винокуренныхъ заторовъ (стр. 282—288), основныя условія перегонки бражки (стр. 305—316), очищеніе сыраго спирта (стр. 438—379).

Къ тексту, состоящему изъ двухъ томовъ (томъ I-ый I—XXII и 542; II-ой I—VIII и 396), относится атласъ чертежей, исполненныхъ ксилографіей; всѣхъ фигуръ 442, изъ которыхъ многія введены въ руководство изъ журналовъ въ первый разъ а нынѣ составлены самостоятельно (напр. схематическое изображеніе «quadrangle-effet», фиг. 213; разрѣзы дымовой и воздушной сушильни фиг. 285, 291—293 и др.).

Сочиненіе г. Тавилдарова принадлежитъ не къ разряду *записокъ* по лекціямъ, это не есть простая компиляція и не какое-нибудь иностранное сочиненіе, обработанное для русскихъ слушателей. Это вполне оригинальный трудъ, который, по самостоятельному изученію предмета, по своеобразной системѣ изложенія, обилію литературныхъ и заводскихъ данныхъ, выдѣляется изъ ряда учебниковъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Какъ

на недостатокъ я долженъ указать на довольно большое число опечатокъ.

При бѣдности нашей отечественной литературы по прикладнымъ наукамъ, появленіе столь удачнаго труда, какъ сочиненіе г. Тавилдарова, заслуживаетъ всякаго поощренія и оно вполне достойно награжденія преміей. Сочиненіе это служитъ не только пособіемъ для студентовъ высшихъ техническихъ школъ, но и вѣрною справочною книгою для многочисленныхъ русскихъ заводчиковъ. Производства сахара, спирта и пива составляютъ одну изъ обширнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства; они тѣсно связаны съ земледѣліемъ. Книга г. Тавилдарова весьма полезна для служащихъ по акцизному вѣдомству и можетъ способствовать къ установленію правильныхъ и точныхъ понятій между русскими землевладѣльцами о техническомъ значеніи и обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и такимъ образомъ сдѣлаться средствомъ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи вообще.

На основаніи всего изложеннаго честь имѣю предложить присудить Н. И. Тавилдарову, за его оригинальное, прекрасное сочиненіе, одну изъ премій митрополита Макарія.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. ХРОНИКА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССІИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ. Н. П. СЕМЕНОВА. ТОМЪ II. ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ЗАНЯТІЙ.

Рецензія Заслуженнаго профессора А. В. Романовича-Славатинскаго.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II—важнѣйшій фактъ нашей внутренней исторіи. Понятно, какое значеніе должно имѣть каждое сочиненіе, относящееся къ исторіи этого великаго событія, особенно, если это сочиненіе написано не только очевидцемъ, но и крупнымъ дѣятелемъ совершавшейся отмѣны крѣпостнаго права.

Истинный экспертъ въ крестьянскомъ вопросѣ, Н. П. Семеновъ одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ героевъ великой реформы. Онъ уже обогатилъ историческую науку интересными трудами по исторіи отмѣны крѣпостнаго права, которые печатались въ Русскомъ Вѣстникѣ, Русскомъ Архивѣ и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Ему мы обязаны обнаруженіемъ такихъ матеріаловъ, какъ записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ланскаго — «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время» (въ августѣ 1859 г.), какъ работа незабвеннаго Я. А. Соловьева; какъ послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцева, составленная братомъ автора, П. П. Семеновымъ.

Многія части настоящаго сочиненія были уже обнародованы авторомъ и введены въ оцѣниваемый нами трудъ, большая часть котораго, однакожь, впервые появляется въ свѣтъ. Такъ въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1864 г. мы читали статью «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу» (№№ 10, 11 и 12); въ томъ же журналѣ: за 1866 г. «Болѣзнь и кончина генерала Я. И. Ростовцева» (№ 2); за 1868 г. «Вызовъ и приѣмъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу» (№ 19); за 1885 г. «Дѣятельность комиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ» (№№ 5, 6 7 и 8). Въ Русскомъ Архивѣ за 1887 г. мы читали превосходную статью «Графъ В. Н. Панинъ, характеристическій очеркъ, по рассказамъ, моимъ запискамъ и воспоминавіямъ» (№ 12), съ которой мы встрѣтились и въ настоящемъ трудѣ. Помѣщались также работы и въ другихъ журналахъ: въ Зарѣ и Русской Старинѣ, такъ, что настоящее сочиненіе можетъ быть названо сводомъ всего того, что написано авторомъ по крестьянскому вопросу.

Сочиненіе носитъ двойное заглавіе: 1) Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II и 2) Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Намъ кажется, однакожь, что такое заглавіе сочиненія болѣе широко, чѣмъ самое его содержаніе. Оно не обнимаетъ именно всѣхъ моментовъ великаго акта освобожденія крестьянъ. Какъ видно изъ книги нашего автора, этотъ актъ разрабатывался учрежденіями 7-ми категорій, которыя, повторяя его выраженіе «въ совокупности представляли тотъ механизмъ, въ которомъ каждое изъ нихъ служило, какъ въ машинѣ колесо» (стр. 8, т. I). Изъ этихъ учрежденій важнѣйшая роль принадлежала Губернскимъ комитетамъ, которые были главною ареной борьбы страстей и интересовъ крѣпостниковъ и аболиціонистовъ. Губернскіе комитеты—достойный сюжетъ для отдѣльной монографіи, которая пролила бы много свѣта на исторію отмѣны крѣпостнаго права.

Такимъ образомъ, исторія освобожденія крестьянъ должна

бы обнять дѣятельность всѣхъ тѣхъ учреждений, которыя работали крестьянскій вопросъ. Она должна бы захватить даже тѣ учрежденія, которыя приводили реформу въ исполненіе—мировыхъ посредниковъ, съ уѣздными мировыми съѣздами и губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Между прочимъ, сочиненіе сенатора Н. П. Семенова не обнимаетъ собою всѣхъ моментовъ великаго акта освобожденія крестьянъ. Оно посвящено только одному изъ тѣхъ многихъ учреждений, которыя служили колесомъ въ механизмѣ, разрѣшавшемъ крестьянскій вопросъ.

Второе заглавіе сочиненія, такимъ образомъ, болѣе соотвѣтствуетъ его содержанию. Да и то не вполне: въ сочиненіе вошли только записки *общихъ присутствій*, но не введенъ отчетъ о *засѣданіяхъ отдѣленій*, изъ которыхъ въ хозяйственномъ, краткія меморіи котораго составлялись по мысли Н. А. Милютина, разрѣшались важнѣйшіе вопросы и велись самыя оживленныя пренія. Хозяйственное отдѣленіе названо было Ростовцевымъ гигантомъ, въ сравненіи съ которымъ юридическое отдѣленіе было пигмеемъ (Т. I, стр. 207). А. Татариновъ однажды, шутя, предлагалъ общее присутствіе назвать хозяйственнымъ отдѣленіемъ, а хозяйственное отдѣленіе — общимъ присутствіемъ (стр. 458). Какъ обширна была вообще дѣятельность отдѣленій видно изъ того, что въ теченіе обоихъ періодовъ комиссіи имѣли 92 засѣданія общаго присутствія и около 170 засѣданій отдѣленій (Т. II, стр. 1004). Полная исторія Редакціонныхъ комиссій должна поэтому обнять дѣятельность всѣхъ ихъ отдѣленій.

Въ рассматриваемое нами сочиненіе не введенъ также обзоръ разныхъ частныхъ проектовъ освобожденія крестьянъ, надъ которыми работали нѣкоторые члены Редакціонныхъ комиссій, и между прочимъ П. А. Булгаковъ «безъ взятокъ, а просто такъ, безкорыстно», какъ выражался Ростовцевъ (Т. II, стр. 26). А проекты эти иногда были весьма интересны, характеризую уровень развитія общества, изъ среды членовъ котораго они исходили.

Примѣры нѣкоторыхъ проектовъ мы встрѣчаемъ у нашего

автора: одинъ изъ нихъ предлагалъ цѣлую градацію орденскихъ знаковъ за безвозмездную уступку крестьянамъ надѣловъ, другой проектировалъ надбавку цѣны на карты для образованія суммы, потребной на выкупъ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ; статсъ-секретарь Поповъ «тайный совѣтникъ, въ трудахъ посѣдѣлый» совѣтовалъ усилить сборъ рекрутъ по 5 съ тысячи, и тотчасъ-же отпускать ихъ въ безсрочный отпускъ за вносимую за это плату, а образованную изъ нея сумму обращать на выкупъ крестьянъ (16). Подобныхъ рукописныхъ проектовъ было 331 (стр. 143, Т. I), а по словамъ Соловьева даже больше (390).

Всего этого мы не встрѣчаемъ въ разбираемомъ нами трудѣ, такъ какъ онъ скорѣе долженъ быть названъ *хроникой общицъ присутствій*, а не *хроникой дѣятельности комиссій*.

Какъ бы то ни было, сочиненіе относится къ учрежденію, игравшему, несомнѣнно, выдававшуюся роль въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Императора Александра II. Въ этомъ учрежденіи предсѣдатель его «окружилъ себя сотрудниками, которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендаціи» (слова некролога Ростовцева, написаннаго Н. Ф. Павловымъ). Большинство изъ нихъ — $\frac{2}{3}$, по словамъ Я. А. Соловьева — сочувствовали отиѣнѣ крѣпостнаго права. Правда, между ними мы не встрѣчаемъ ни К. Д. Кавелина, напечатывшаго въ 1858 г. свою извѣстную записку о крестьянскомъ вопросѣ, ни братьевъ Аксаковыхъ, но за то видимъ: Н. А. Милютину, сначала уклонявшагося отъ крестьянскаго дѣла по незнанію крестьянскаго быта, но потомъ сдѣлавшагося главнымъ его дѣятелемъ; солидарно съ нимъ связаннаго Я. А. Соловьева, самаго консеквентнаго и дѣловаго сторонника отиѣны крѣпостнаго права, «горячія мечты объ освобожденіи крестьянъ лелявшаго чуть не съ дѣтства»; блестящаго діалектика, всегда готоваго на компромисы, кн. Черкаскаго; глубокаго поклонника народныхъ бытовыхъ основъ и противника бюрократіи Ю. Ѳ. Самарина; Н. Х. Бунге, отдавшаго свой развитый

умъ, свое благородное сердце и рѣдкую экономическую эрудицію крестьянскому дѣлу¹⁾; братьевъ Семеновыхъ, бывшихъ правой рукой главнаго героя отиѣны крѣпостнаго права, Я. И. Ростовцева, всегда отличавшихся трезвымъ объективнымъ отношеніемъ къ вопросу; Галагана и Тарновскаго—просвѣщенныхъ представителей малороссійскаго дворянства, искреннихъ сторонниковъ освобожденія, и мн. др. Цвѣтъ русской интеллигенціи, воспитавшіеся на гуманнхъ и либеральныхъ началахъ сороковыхъ годовъ, эти члены Редакціонныхъ комиссій выработывали Положеніе 19 февраля 1861 г., которое должно было разсѣчь вѣками завязывавшійся гордіевъ узелъ крѣпостнаго права и установить компромисъ, который возможно бы примирилъ интересы двухъ основныхъ сословій въ государствѣ—дворянъ и крестьянъ. Но развѣ легко было установить этотъ компромисъ? Но развѣ легко было однимъ взмахомъ разсѣчь вѣковой узелъ? Особенно «среди тѣхъ праздныхъ сплетенъ, злобныхъ толковъ, порицанья и клеветъ», которыми была обставлена достославная дѣятельность Редакціонныхъ комиссій. Но какъ бы ни были велики ихъ ошибки, неизбежныя въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ, онѣ возможно удовлетворительно разрѣшили крестьянскій вопросъ, и исторія этого разрѣшенія вполнѣ выяснится только тогда, когда будетъ раскрыта, во всей полнотѣ и подробностяхъ, энергическая дѣятельность комиссій.

Между прочимъ, наша историческая литература была крайне бѣдна работами, посвященными этому капитальному вопросу. Кромѣ сочиненія, приписываемаго товарищу Министра Государственныхъ Имуществъ Киселева—Д. П. Хрущеву, («Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи»), да любопытныхъ записокъ сенатора Я. А. Соловьева, главнѣйшимъ пособіемъ для изученія дѣятельности комиссій служилъ капитальный трудъ Скребицкаго «Крестьянское дѣло въ царствова-

¹⁾ Н. Х. Бунге первый заявилъ объ анахронизмѣ подушной подати по отиѣнѣ крѣпостнаго права, котораго она была прямымъ послѣдствіемъ (см. Т. I, стр. 820).

ніе Императора Александра II, увѣянный Академіей Наукъ Уваровскою преміей въ 1871 г., на основаніи рецензіи нашего автора. Но въ основаніе этого труда положены были только официальные матеріалы. Они были сообщены Я. И. Ростовцевымъ барону Гакстгаузену, думавшему написать исторію отъѣны крѣпостнаго права. Матерьялы эти были изданы, преимущественно, подъ редакціей Н. А. Милютина. Сочиненіе Скребицнаго вполне правильно названо его рецензентомъ переработанымъ сводомъ этихъ матерьяловъ. Оно очень полезно для того, чтобы ориентироваться въ массѣ этихъ матерьяловъ, составляющихъ 18 томовъ, съ 14 томами приложений. Но живая, органическая сторона дѣла не вошла сюда. Физіономіи и направленіе членовъ Редакціонныхъ комиссій совершенно ступшевыаются; ихъ мнѣнія и дѣятельность обезличиваются.

Не таково сочиненіе Н. П. Семенова: оно воспроизводитъ ходъ и развитіе великаго дѣла во всей его бытовой животрепещущей обстановкѣ. Читая живыя страницы его книги, вы какъ будто присутствуете то въ залѣ перваго кадетскаго корпуса, то въ шатрѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ собирались общія присутствія комиссій. Вы какъ будто слышите рѣчи, какъ будто видите физіономіи славныхъ дѣятелей Редакціон. комиссій, разрѣшавшихъ великій русскій вопросъ. Они воскресаютъ, индивидуализируются предъ вами, во всѣхъ своихъ характерныхъ чертахъ, во всѣхъ своихъ искреннихъ мнѣніяхъ. Читая живую книгу Н. П. Семенова, вы вновь переживаете 1859—1861 г. А какое свѣтлое это время! а какіе славные эти люди-члены Редакціон. комиссій, полные оптимистическихъ надеждъ и упованій, въ большинствѣ случаевъ не сбывшихся! А сколько цивизма, а сколько самоотверженія въ ихъ служеніи родной землѣ! Большинство изъ нихъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за свой тяжелый и долгій трудъ, начавшійся 4 марта 1859 г. и прерванный 10 октября 1860 г. А трудъ былъ по истинѣ тяжкій: почти каждый день работа то въ отдѣленіи, то въ общемъ присутствіи, засѣданія котораго продолжались по 3—4 часа; кромѣ того

масса работы домашней. Редакціонныя комиссіи не имѣли канцеляріи въ собственномъ значеніи этого слова, и вся работа въ нихъ лежала на самихъ членахъ, которые не только не уклонялись отъ нея, но усердно ея искали. Самые результаты работы свидѣтельствуютъ о силѣ затраченнаго труда: выработанный комиссіями проектъ 19 февраля заключалъ въ себѣ 1089 статей на 374 страницахъ.

Авторъ объясняетъ поводы, побудившіе его приняться за свой трудъ. Открывая редакціонныя комиссіи, Я. И. Ростовцевъ, поручилъ ему вести дневникъ всему тому, что говорилось и дѣлалось въ комиссіяхъ, «чтобы намъ не возвращаться, какъ выражался онъ, къ старому, о чемъ было говорено, и чтобы у насъ остались слѣды для исторіи». Исполняя это порученіе, нашъ авторъ во все продолженіе дѣятельности комиссій — за исключеніемъ времени отъ 3-го по 28-е октября 1859 г., когда тифъ задерживалъ его въ постели (отчеты о засѣданіяхъ за это время были имъ записаны по рассказамъ его брата П. П. Семенова, завѣдывавшаго дѣлами комиссій) — во все продолженіе дѣятельности комиссій, говоримъ, засѣданіе за засѣданіемъ онъ вносилъ въ свой дневникъ все, что дѣлалось и говорилось въ общихъ присутствіяхъ. Въ настоящемъ сочиненіи этотъ дневникъ переработанъ и представляетъ собою систематизированную хронику общихъ присутствій. Да и какую хронику! Рѣдко когда историческое событіе находило такого талантливаго и трудолюбиваго хроникера, который бы такъ тщательно заносилъ въ свою лѣтопись каждую черту, каждый моментъ событія, о которомъ онъ повѣствуетъ. Въ книгѣ нашего автора это событіе отражается, какъ въ зеркалѣ, сфотографировавшись во всѣхъ своихъ деталяхъ и характерныхъ чертахъ. Подобныя труды, конечно, имѣютъ неоцѣненное историческое значеніе: живемъ, во-очію, созерцаешь въ нихъ всѣ акты и перипетіи развертывающейся исторической драмы. Такой трудъ — доблестный гражданскій подвигъ, передающій въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ великое дѣло отцѣны крѣпостнаго права, въ его животрепещущихъ чертахъ.

Какъ извѣстно, работы Редакціонныхъ комиссій были распределены ихъ организаторомъ, Я. И. Ростовцевымъ, на три періода. Сообразно тому, нашъ авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на три тома, изъ которыхъ каждый долженъ обнять работы одного періода. Между этими томами, конечно, тѣсная органическая связь: они пополняютъ другъ друга. Для оцѣнки втораго тома, напримеръ, мы должны были пройти томъ первый. Полная и окончательная оцѣнка сочиненія, поэтому, можетъ быть сдѣлана только тогда, когда будетъ изданъ третій томъ. Тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ представляетъ нѣчто цѣльное и замкнутое, и о каждомъ изъ нихъ мы можемъ произнести отдѣльное сужденіе.

Въ первомъ томѣ, который былъ изданъ еще въ 1889 г., изложены работы перваго періода занятій. Этотъ первый періодъ представлялъ два момента: первый — съ открытія комиссій 4-го марта по 30-е мая 1859 г. — *вступительный*, моментъ предварительныхъ занятій, когда, какъ выражался Я. И. Ростовцевъ, на своемъ фигурномъ языкѣ, члены комиссій спѣвались, т. е. опредѣляли ходъ и организацію работъ, ознакомливаясь другъ съ другомъ и съ крестьянскимъ вопросомъ. Второй моментъ перваго періода посвященъ былъ черновой разработкѣ положеній, когда проэктъ, какъ выражался Я. И. Ростовцевъ, *оболванивали*.

Ходъ работъ былъ такой. Комиссія, какъ извѣстно, были раздѣлены на три отдѣленія: юридическое, административное и хозяйственное, къ которымъ потомъ, на особомъ положеніи, была присоединена финансовая комиссія. Прозекты губернскихъ комитетовъ, въ которыхъ всегда заключалась главная тема, на которую комиссія варіировали, съ особыми мнѣніями меньшинства, съ отзывами начальниковъ губерній и др. справками, распределялись по отдѣленіямъ, сообразно ихъ предметамъ. Во главѣ каждаго отдѣленія состоялъ предсѣдатель, хотя и неофициально утвержденный — обыкновенно старшій по службѣ (Н. А. Милютинъ въ хоз., Булгаковъ въ адм., Жуковскій въ юрид.). Составленіе доклада въ отдѣленіяхъ возлагалось на того члена, который принималъ на себя обязанности редактора. Редакторъ,

обыкновенно изъ болѣ авторитетныхъ членовъ отдѣленія, имѣль вліяніе на направленіе доклада и на постановку вопросовъ. По обсужденіи доклада въ отдѣленіи, онъ передавался предсѣдателю комиссій, который вносилъ его въ общее присутствіе. Здѣсь происходили иногда оживленные дебаты, вслѣдствіе которыхъ докладъ поправлялся, или возвращался въ отдѣленіе. Важнѣйшую часть доклада составляли *заключенія*, изъ которыхъ кодифицировались статьи проектируемаго Положенія 19 февраля. Слѣдуя этому порядку, во второй моментъ перваго періода были составлены въ отдѣленіяхъ и обсужены въ общемъ присутствіи доклады, каждый подъ отдѣльнымъ номеромъ, которому соответствовала нумерація дополнительныхъ докладовъ втораго періода. Этихъ докладовъ было: 8 по административному, 11 по юридическому, 17 по хозяйственному, да отъ двухъ послѣднихъ докладъ «объ устройствѣ дворовыхъ людей». Обсужденіе этихъ докладовъ въ общихъ присутствіяхъ началось 30-го мая 1859 года, когда былъ внесенъ докладъ административнаго отдѣленія № 1 «объ общихъ основаніяхъ сельскихъ обществъ» — а окончилось 5-го сентября того же года. Въ основаніи этихъ докладовъ обыкновенно лежали проекты 22 Губернскихъ комитетовъ, систематическій сводъ которыхъ былъ составленъ членами комиссій.

Затѣмъ слѣдуютъ работы втораго періода, составляющія содержаніе II-го тома, разсмотрѣніе котораго Академія поручила мнѣ.

Работы эти состояли въ слѣдующемъ: составленъ былъ систематическій сводъ тѣхъ губернскихъ проектовъ, которые еще не поступили въ первомъ періодѣ (16 губернскихъ комитетовъ и 2 общихъ комиссій — Кіевской и Виленской); а затѣмъ онѣ состояли: въ совѣщаніи съ депутатами перваго приглашенія; въ пересмотрѣ и новомъ обсужденіи докладовъ перваго періода, какъ по соображеніи ихъ съ новыми губернскими проектами, такъ и по выслушаніи устныхъ и прочтеніи письменныхъ заявленій депутатовъ перваго приглашенія; въ дополненіи трудовъ перваго періода составленіемъ мѣстныхъ положеній и въ

разработкѣ проекта учрежденій крестьянскаго самоуправленія. Кроме того, въ хозяйственномъ отдѣленіи былъ составленъ новый докладъ (№ 18) «о фабричныхъ и заводскихъ людяхъ» да въ финансовой комиссіи Н. Х. Бунге изготавилъ записку «о содѣйствіи правительства крестьянамъ въ выкупѣ ихъ поземельныхъ надѣловъ». Всѣ эти работы обсуждались въ 42-хъ общихъ присутствіяхъ, изъ которыхъ первое было 16 сентября 1859 г., а послѣднее 15-го марта 1860 г. Хроника всѣхъ этихъ общихъ присутствій, прерываемая нѣкоторыми вводными эпизодами, составляетъ содержаніе 2-го тома, представленнаго на соисканіе Макарьевской преміи.

Прежде, чѣмъ произнести окончательный приговоръ объ этомъ томѣ, я считаю цѣлесообразнымъ шагъ за шагомъ прослѣдить его содержаніе, выписывая цѣликомъ инциденты, которые мнѣ показались наиболѣе характерными. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій перваго періода, 25 августа, приглашены были депутаты перваго приглашенія, въ числѣ 32 человекъ. Имъ была прочтена инструкція 11 августа 1859 г., составленная Н. А. Милютинимъ и крайне ограничивавшая ихъ роль. Естественно ихъ недовольство Редакціонными комиссіями и ихъ предсѣдателемъ. Чтобы смягчить это недовольство и примирить депутатовъ съ членами комиссіи, Ростовцевъ, съ дозволенія Государя, устроилъ обѣдъ депутатамъ. Описаніемъ этого обѣда открывается 2-ой томъ. Но этотъ обѣдъ не привелъ ни къ чему: депутаты съ комиссіями примириться не могли, вслѣдствіе рѣзкаго отличія точекъ зрѣнія на вопросъ. Это вполне обнаружилось изъ совѣщаній съ ними, которыя начались съ 30 сентября. Въ комиссіи приглашались тѣ депутаты, которые этого пожелали. Сначала вопросы были возбуждаемы и предлагаемы депутатами, а съ 14 октября вопросы стали предлагать члены комиссіи. Какъ ни старался Ростовцевъ смягчать и сглаживать несогласія, столкновенія получали иногда острую и рѣзкую форму. Главнѣйшая тема депутатскихъ протестовъ — оставленіе неприкосновенными существующихъ надѣловъ, которые

депутаты всячески старались уменьшить ¹⁾, и низкая норма оброка, которую они всячески старались возвысить ²⁾.

Между тѣмъ, оставленіе неприкосновеннымъ существовавшего крестьянскаго надѣла, который, по словамъ Ю. О. Самарина, «не есть случайность, а фактъ историческій, имѣющій огромное значеніе въ жизни русскаго крестьянина» (Т. II, стр. 296) и точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ котораго былъ такъ озабоченъ Я. А. Соловьевъ ³⁾, составляло, по мнѣнію Редакц. ком., основной принципъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Этотъ пунктъ подалъ поводъ къ столкновенію Галагана, вообще не послѣдовательнаго въ крестьянскомъ вопросѣ, съ Милютинимъ, Черкасскимъ и Соловьевымъ, крестьянская доктрина которыхъ была рѣшавшею вопросъ, такъ какъ ей совершенно подчинился Ростовцевъ, поддавшійся вліянію этихъ трехъ талантливѣйшихъ членовъ комиссій.

Разногласіе Галагана состояло въ слѣдующемъ: онъ требовалъ, чтобы были поставлены крайнія цифры, которыми долженъ опредѣлиться максимумъ и минимумъ надѣла, и чтобы существовавшій надѣлъ могъ сохраниться только тогда, когда онъ попадетъ между этими двумя цифрами. По мнѣнію же Милютина, это поколебало бы всю сущность предположеній комиссій (стр.

¹⁾ Такъ напримѣръ въ засѣданіи 10 октября Соловьевъ заявилъ, что свѣдѣнія сѣверныхъ уѣздовъ Тамбовской губ. нельзя назвать правильными, потому что луговые и пастбищныя земли совершенно и *намеренно* пропущены (стр. 67). «Всѣ комитеты», утверждалъ онъ въ другой разъ, «уменьшаютъ болѣе или менѣе настоящій размѣръ крестьянскихъ земель» (Т. II, стр. 285).

Какая разница между надѣлами, по мнѣнію комиссій и по требованію депутатовъ, можно видѣть изъ того, что въ Воронежской губ., напримѣръ, крестьянамъ было нарѣзано 570 тысячъ дес., а комитетъ показывалъ 240 тысячъ; въ Саратовской 834 тысячи, а комитетъ — 600 тысячъ (Т. II, стр. 123, 126).

²⁾ Нормальный оброкъ, по словамъ ярославскаго депутата 14 руб. 25 коп., а не 10 руб., какъ предполагали комиссій (стр. 44).

³⁾ «Количество земли», утверждалъ онъ, «для крестьянъ очень дорого, и потому согласиться на отрѣзку вообще я не могу ни въ какомъ случаѣ» (Т. II, стр. 293). Ему вторилъ Ростовцевъ: «отрѣзывая землю у крестьянъ» говорилъ онъ, «мы зарѣжемъ Россію» (Т. II, стр. 301).

241, 243). Споръ поступилъ на разрѣшеніе Ростовцева, который сталъ на сторону Милютина (своей «шимфы Эгеріи», какъ онъ однажды сказалъ), заявивъ необходимость оставить неприкосновеннымъ существующій надѣлъ, который долженъ бы только точно опредѣлиться. Для этого опредѣленія онъ предложилъ членамъ распределить между собою губерніи, для провѣрки, соотвѣтствуютъ-ли показанные комитетами надѣлы дѣйствительнымъ. Отметимъ сказанныя имъ по этому поводу слова:

«Одинъ памфлетистъ изъ аристократическаго круга», говорилъ онъ, «и лучшаго тона сочинилъ обо мнѣ, что якобы я написалъ дворянству: «если хотите сберечь ваши головы, то отдайте землю». Могъ ли я это сдѣлать, и куда мнѣ было писать. Выкупъ отдѣльная статья отъ пользованія. Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ, или, если считать крестьянъ обоюго пола, 22 мил. душъ — это другое дѣло. Я увѣренъ, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать землю, будетъ пугачевщина, и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ и страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію. Вотъ почему въ заглавіи, какъ вывѣску, мы должны поставить основаніе существующаго надѣла. Не надо колебать этого, ради Бога оставьте это» (стр. 238).

Этотъ взглядъ совершенно расходился съ мнѣніемъ большинства депутатовъ, которые требовали или уменьшенія существующихъ надѣловъ, или даже освобожденія безземельнаго. Тамбовскій депутатъ, напримѣръ, заявилъ: «дать крестьянамъ землю въ излишкѣ, значить помѣстить ее въ непродуцательныя руки и уничтожить ея улучшеніе» (стр. 67). Черниговскій депутатъ (Маркевичъ) пошелъ еще дальше, — онъ протестовалъ противъ оставленія за крестьянами существовавшихъ надѣловъ. Уменьшеніе надѣловъ, увѣрялъ онъ, не можетъ быть вредно для крестьянъ: съ ихъ уменьшеніемъ уменьшится работная повинность, и крестьянинъ пріобрѣтетъ свободное время, которое дороже всего. Трудъ же есть главный капиталъ человѣка и можетъ обезпечить крестьянина не менѣе, чѣмъ пользованіе землей

(стр. 83). Подобныя воззрѣнія слышались и отъ другихъ депутатовъ. Нижегородскій, между прочимъ, заявилъ, что удержаніемъ существующихъ надѣловъ закрѣпятся въ мертвомъ общинномъ владѣніи обширныя пространства помѣщичьихъ земель, въ ущербъ полной и самостоятельной личной собственности (стр. 78).

При такихъ различныхъ воззрѣніяхъ, понятно, какія горячія и подчасъ колкія (Милютинъ съ воронежскимъ кн. Гагаринымъ, однимъ изъ самыхъ упрямыхъ противниковъ реформы и врагомъ Редакц. комиссій, которыя, по его словамъ, «вводили административнымъ путемъ начало коммунизма» (стр. 121) пренія вели члены комиссій съ депутатами. Въ этихъ преніяхъ выступали то кн. Черкасскій, то Соловьевъ. Особенно горячъ и не воздерженъ бывалъ Милютинъ. За него, поэтому, не рѣдко спорилъ П. П. Семеновъ.

Пренія эти бывали иногда очень характерны, нерѣдко оканчиваясь взаимными рѣзкостями. Напримѣръ: въ засѣданіи 3-го октября ярославскому депутату Васильеву возражали Милютинъ и Соловьевъ, почти всегда солидарные въ своихъ мнѣніяхъ. Возраженія эти очень оскорбили депутата: «если, сказалъ онъ, избраннымъ дворянствомъ, т. е. цѣлому комитету изъ 23-хъ человекъ приписываютъ желаніе ограбить крестьянъ, то присутствіе его въ комиссіяхъ и дальнѣйшее объясненіе ни къ чему послужить не могутъ и онъ предпочитаетъ оставить собраніе», изъ котораго онъ вслѣдъ затѣмъ и удалился (стр. 45).

Съ 3—28 октября, какъ мы видѣли, Н. П. Семеновъ въ засѣданіяхъ не присутствовалъ; о ходѣ ихъ ему было сообщено его братомъ. Хроника этихъ засѣданій гораздо кратче.

Въ то время, когда шли горячія пренія съ депутатами, началась роковая болѣзнь Я. И. Ростовцева, сведшая его въ могилу. Послѣ засѣданія 14 октября онъ уже былъ боленъ настолько, что по 30 октября не могъ участвовать въ общихъ присутствіяхъ, на которыхъ за него предсѣдательствовалъ членъ-экспертъ Булгаковъ. Совѣщанія съ депутатами продолжаются,

видоизмѣнившись въ своемъ характерѣ, такъ какъ починъ вопросовъ члены комиссій берутъ на себя.

А болѣзнь Ростовцева все усиливается.

Въ октябрѣ 1859 г. Государь возвращается изъ своего путешествія въ южную Россію. Собравшись съ силами, Ростовцевъ представляетъ ему письмо, въ которомъ разсмотрѣны различныя мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ, ходившія тогда въ обществѣ. Этотъ замѣчательный историческій документъ помещенъ въ 4-мъ приложеніи ко 2-му тому (стр. 928).

«Главное противорѣчіе (между комиссіями и депутатами)», читаемъ мы здѣсь, «состоитъ въ томъ, что у комиссій и у нѣкоторыхъ депутатовъ различныя точки исхода: у комиссій государственная необходимость и *госуд. право*; у нихъ право *гражданское* и интересы частные. Они правы съ своей точки зрѣнія, мы правы съ своей. Смотря съ точки гражд. права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушение правъ частной собственности; но какъ необходимость государственная, и на основаніи госуд. права, реформа эта законна, священна и необходима» (стр. 929).

Возвращеніемъ Государя захотѣли воспользоваться и депутаты, недовольные комиссіями и ихъ предсѣдателемъ. Недовольство это они высказали во всеподданнѣйшихъ адресахъ, которые были напечатаны Позеномъ въ Лейпцигѣ и сведены нашимъ авторомъ въ 5-мъ приложеніи къ разсматриваемому нами тому (стр. 933). Адресы эти — живая страница изъ исторіи этого интереснаго времени. На Государя они произвели тяжкое впечатлѣніе. Препровождая ихъ Ростовцеву, онъ писалъ: «Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они очень ошибаются. Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святаго дѣла, чтобы кто либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго».

Около того же времени представлена была Государю записка камергера Безобразова. Она заключала въ себѣ рѣзкую, безпощадную критику дѣятельности Редакціон. комиссій, которыя

«обличаютъ де вредныя начала, могущія служить къ разрушенію государствен. устройства».

Эта интересная записка, поля которой испещрены гнѣвными и горячими репликами Государя, составляетъ 6-е приложеніе къ разсматриваемому нами тому (стр. 940—954).

Между прочимъ, совѣщанія съ депутатами продолжались. Послѣднее имѣло мѣсто 30 октября, когда присутствовалъ и нашъ авторъ. Съ этого времени хроника ведется живѣе и обстоятельнѣе. Въ засѣданіи рѣчь шла о правѣ крестьянъ пользоваться топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ. Псковскій депутатъ Волковъ горячо возразилъ: «мы въ уголь обратимъ наши лѣса, если намъ скажутъ, чтобы мы отдали ихъ въ пользованіе крестьянамъ» (стр. 149). Затѣмъ разговоръ перешелъ къ благосостоянію крестьянъ въ Псковской губер.: «Это благосостояніе можно провѣрить, говорилъ депутатъ. Во Псковской губ. у нихъ больше двухэтажныхъ, чѣмъ одноэтажныхъ домовъ. Жуковскій: Позвольте, гдѣ же это? Я часто бывалъ въ Псковской губер. и ее знаю. Любоцинскій: можетъ быть двухэтажные дома потому, что въ нихъ живетъ скоть (стр. 152).

Между тѣмъ, на основаніи новыхъ свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ вновь поступавшихъ губернскихъ прозектовъ, депутатскихъ указаній и другихъ справокъ, отдѣленія комиссій пополняли и исправляли свои прежніе доклады. Составлялись, такимъ образомъ, *доклады дополнительные*, нумерація которыхъ соответствовала первоначальнымъ. Съ засѣданія 4 ноября 1859 г. началось разсмотрѣніе въ общихъ присутствіяхъ этихъ дополнительныхъ докладовъ. Въ этомъ засѣданіи разсматривался дополнительный докладъ юридическаго отдѣленія, въ которомъ ничего не было сказано объ отдачѣ имѣній въ аренду евреямъ. Считаемо не безъ интереснымъ выписать цѣликомъ разсужденія объ этомъ горячемъ вопросѣ, свидѣтельствующія о томъ, какъ смотрѣли на него такіе люди, какъ Ростовцевъ, кн. Черкасскій, Татариновъ и др.

Дѣло было начато членомъ минскаго комитета, Залѣскимъ.

«Нельзя бы допускать, сказалъ онъ, отдачу въ аренду евреямъ цѣлыхъ имѣній, это было бы худо для крестьянъ. Кн. Черкасскій: конечно, барщинныхъ я согласенъ, но признаюсь, не вижу, почему бы не отдать еврею, напримѣръ, мельницу въ аренду.

Разговоръ перешелъ на евреевъ вообще. Разсуждали, что если еврей почитается въ Западномъ краѣ не вредными, то отчего имъ не дозволять пребываніе и въ другихъ губерніяхъ.

Татариновъ: если они вредны тамъ, надо ихъ выгнать и оттуда, если же нѣтъ, то пустить ихъ вездѣ; надобно чтобы какаянибудь была логика. Тогда они не будутъ вредны. Они можетъ быть тамъ и вредны потому, что скучены въ одномъ мѣстѣ. Разговоръ съ Домонтовичемъ, который раздѣлялъ его мнѣніе.

Предсѣдатель: Еврей—кровопійца, вотъ что худо для мужика. Кн. Черкасскій: Нѣтъ, кровопійца капиталъ, и надо, чтобы это было. Пусть лучше пустить немного крови, чтобы сохранить остальное. Ему и Татаринovu возражали, что евреи всегда и вездѣ были вредны ихъ ученіемъ и отношеніемъ къ крестьянамъ, что прежде всего надо вчитаться въ талмудъ, чтобы рѣшить, насколько они могутъ быть вредны и полезны въ крестьянскомъ обществѣ. Что капиталъ есть могущественное орудіе въ ихъ рукахъ, чтобы опутать всякаго... Они будутъ всячески надувать и обирать крестьянъ. Кн. Черкасскій: Ну, я думаю, что русскій мужикъ надуеъ и двухъ евреевъ (стр. 180—182).

При обсужденіи 14 ноября дополнительныхъ докладовъ юридическаго отдѣленія нѣкоторыми членами было заявлено, что срокъ военной службы долженъ быть сокращенъ до 8-ми или 5-ти лѣтъ.

Желтухинъ: Нельзя-ли намъ заявить объ этомъ?

Предсѣдатель: Какое мы имѣемъ право заявлять? какъ мы можемъ сказать Государю, что должно сократить срокъ военной службы. Можемъ-ли мы давать ему уроки?

Желтухинъ: А можно-ли подать мнѣніе объ этомъ?

Предсѣдатель: Но если вы напишете постановленіе, я его

отричу. Я не могу, не имѣю права его принять. Что-жь, вы хотите палату перовъ и палату депутатовъ у насъ устроить? Я уже говорилъ Государю: «Сила обстоятельствъ приведетъ васъ къ сокращенію службы» Государь былъ совершенно противнаго мнѣнія. Онъ говорилъ мнѣ: «Чего вы хотите — разстроить армию? Это будетъ какъ въ Пруссіи». Я сказалъ ему: «будетъ также — обстоятельства къ тому приведутъ». Государь отвергъ мое мнѣніе. . . (223).

Между прочимъ, болѣзнь Ростовцева все усиливалась. Съ 16 декабря онъ пересталъ принимать участіе въ работахъ комиссій, передавъ окончательно предсѣдательство въ нихъ Булгакову. 5-го января сдѣлана была Ростовцеву первая операція. Навѣстившій его Государь думалъ было узнать, кого бы больной назвалъ своимъ преемникомъ по званію предсѣдателя комиссій, но побоялся обезпокоить больного.

Въ засѣданіи 26 января обсуждался дополнительный докладъ юридическаго отдѣленія о сервитутахъ на помѣщичьихъ угодьяхъ. Возбудили вопросъ о правѣ крестьянъ пользоваться помѣщичьими водами для рыбной ловли, которое члены допускали въ широкихъ размѣрахъ. По этому поводу случился довольно игривый инцидентъ. Залѣскій, по просьбѣ Желѣзнава, нарисовалъ на особомъ листочкѣ прудъ, окруженный сидящими и стоящими на берегахъ его крестьянами, опустившими въ воду несмѣтное количество удочекъ, подписавъ внизу «помѣщичій прудъ». Мастерская картинка обошла всѣхъ, и вызвала веселое расположеніе духа. Татариновъ предложилъ приложить рисунокъ къ докладу, въ видѣ мнѣнія, а П. П. Семеновъ подписалъ подъ нимъ «мнѣніе одного члена». Такія игривыя сцены и остроумныя выходы, которыми особенно отличался Булгаковъ ¹⁾, случались нерѣдко.

¹⁾ Въ засѣданіи 18 янв. Булгаковъ сообщилъ, что кн. Голицынъ прислалъ ему докладъ Администр. отд. № 8, прибавивъ: «это незаконный плодъ соединенія русскаго князя съ нѣмецкимъ пасторомъ Гирсомъ. Прошу васъ его окрестить, но не предать обрѣзанію» (стр. 458).

Въ томъ же засѣданіи 26 января 1860 г., шла, рѣчь о вопросѣ весьма серьезномъ—о правѣ наказанія крестьянъ, отправляющихъ барщинную повинность. Серьезный вопросъ вызвалъ очень горячія пренія. Всегда краснорѣчивый, Ю. О. Самаринъ говорилъ очень долго о необходимости предоставить помѣщикамъ право требовать наказанія съ виновныхъ крестьянъ. Слова его убѣдительно подѣйствовали на Милютину, но вызвали горячій протестъ всегда вѣрнаго себѣ Я. А. Соловьева. Н. Х. Бунге, не менѣе консеквентный въ крестьянскомъ вопросѣ, также протестовалъ противъ права помѣщиковъ наказывать крестьянъ. Пошли на голоса. Большинство, къ которому, долго колеблясь, присоединился и Н. А. Милютинъ, было за положительное рѣшеніе вопроса. Но Милютинъ тотчасъ же предложилъ рѣшить, какой отвѣтственности долженъ подлежать помѣщикъ, если жалоба на несправедливость наказанія подтвердится (548—550).

Этотъ вопросъ, связанный съ щекотливыми традиціями крѣпостнаго права, произвелъ агитацію среди членовъ Редакц. комиссій. Тарновскій, видя розги предметомъ доклада въ засѣданіи 26 янв., не поѣхалъ въ него, чтобы избѣжать участія въ преніяхъ, при неизвѣстности, какая сторона возьметъ верхъ. Разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ положительномъ произвело большое впечатлѣніе на петербургское общество. Розга сдѣлалась вопросомъ дня. Говорили, что даже тогдашній Петербургскій губернаторъ Смирновъ, любитель энергической расправы, былъ противъ такихъ отголосковъ крѣпостнаго права; изумлялись, что Милютинъ, котораго называли краснымъ, подалъ голосъ въ пользу розогъ; прибавляли, что въ комиссіяхъ-де обнаруживаются люди еще краснѣе, которые опередили и его (стр. 561).

Въ засѣданіи 30 янв. обсуждались дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія о крестьянскихъ повинностяхъ. Отмѣтимъ горячія, патріотическія слова Н. Х. Бунге, энергически отстаивавшаго неизмѣнность крестьянской повинности. «При правѣ помѣщика на переоброчку повинности», говорилъ онъ, можетъ выйдти то, что крестьянинъ будетъ принужденъ платить,

сколько съ него потребуютъ. Я бы согласился на измѣняемость повинности, если бы былъ убѣжденъ, что крестьяне могли бы всегда платить, безъ разстройства, а то мы можемъ дойти когда нибудь до положенія Ирландіи—крестьянинъ сдѣлается нищимъ: у насъ колонисты выселятъ славянское населеніе; тогда какъ въ противномъ случаѣ, при обогащеніи народа, при обезпеченіи его роста и развитія, славяне все будутъ расширять свои владѣнія. При этомъ положеніи они одолѣли бы у насъ всѣхъ колонистовъ, всѣхъ нѣмцевъ, всѣхъ иноплеменныхъ народовъ и заняли бы всю землю, славянскому племени по правамъ принадлежащую. Вотъ къ чему мы должны стремиться, вотъ чего я горячо желаю, будучи славяниномъ, будучи русскимъ (574).

Безнадежно большой Ростовцевъ озабоченъ былъ составленіемъ записки, въ которой онъ желалъ представить Государю о всѣхъ заключеніяхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, передавъ ему всѣ свои завѣтныя мысли, свой *profession de foi* по крестьянскому вопросу.

Еще въ декабрѣ 1859 г. онъ продиктовалъ своему секретарю Ѳ. П. Еленеву програму этой записки, поручивъ составленіе ея П. П. Семенову. Около 10 января записка была готова. Ростовцевъ особенно желалъ ознакомить съ нею кн. Черкаскаго, мнѣніемъ котораго онъ особенно дорожилъ¹⁾ и съ которымъ свидѣлся 1 февраля 1860 г., когда записка была прочтена.

6-го февраля Ростовцевъ скончался. П. П. Семеновъ представилъ Государю предсмертную записку покойнаго, которая напечатана въ 10 приложеніи къ разсматриваемому тому (стр. 968—997).

Государь спросилъ П. П. Семенова, кого бы покойный назначилъ себѣ въ преемники? На стр. 633-й весьма интересно изложеніе мнѣній покойнаго Ростовцева о разныхъ сановни-

¹⁾ По словамъ автора, кн. Черкасскій былъ человекъ блестящій, производившій обаяніе на другихъ... Если онъ и не подчинилъ вполне своему вліянію Ростовцева, то послѣдній находился все-таки, до нѣкоторой степени, подъ его обаяніемъ... (Томъ II, стр. 914).

кахъ, насколько бы они могли замѣнить его въ Редакціонныхъ комиссіяхъ.

Въ первомъ засѣданіи по кончипѣ Ростовцева, 7 февраля, обсуждался дополнительный докладъ хозяйственнаго отдѣленія о правѣ пользованія крестьянъ отводными имъ надѣлами. Одно изъ заключеній доклада гласило, что надѣлы эти передаются изъ рода въ родъ по волѣ завѣщателя. Произошелъ интересный споръ М. Н. Любощинскаго съ кн. Черкасскимъ. «Да оставьте вовсе вашу теорію наслѣдства и не говорите о завѣщаніи», сказалъ первый послѣднему. «Дайте полный просторъ обычаю. Завѣщаніе предполагаетъ грамотность. Устной памяти нельзя при этомъ допустить. Это породило бы много злоупотребленій, стали бы дѣлаться подлоги. Не лучше ли просто умолчать о завѣщаніяхъ».

Кн. Черкасскій. Вы испугались Римскаго права.

Любощинскій. Знаменитый Бенгамъ поздравлялъ Императора Александра I съ тѣмъ, что въ предѣлахъ его государства нѣтъ Римскаго права.

П. П. Семеновъ: онъ завидовалъ и находилъ положеніе Россіи счастливымъ тѣмъ, что ей не нужно забывать Римскаго права... (654), которое въ настоящее время сдѣлалось преобладающимъ предметомъ въ русскихъ юридическихъ факультетахъ.

На другой день послѣ похоронъ Ростовцева случился эпизодъ, о которомъ нашъ авторъ сообщаетъ во второмъ приложеніи къ разсматриваемому нами тому (стр. 914—921). Эпизодъ этотъ очень интересенъ, живо характеризуя публицистическую дѣятельность покойнаго М. Н. Каткова, съ одинаковою страстью и фанатизмомъ проповѣдывавшаго различные принципы—то парламентаризмъ, то абсолютизмъ; то фритредерство, то протекціонизмъ. Въ эпоху работъ Редакціонныхъ комиссій въ Петербургъ прибылъ Бельгійскій экономистъ Молинали, никогда, скажемъ мимоходомъ, не пользовавшійся авторитетомъ въ экономической наукѣ. Но Молинали былъ крайнимъ защитникомъ экономической свободы, горячимъ проповѣдникомъ которой былъ тогда Катковъ. На страницахъ Русскаго Вѣстника

Бельгійській економістъ началъ свою проповѣдь—неограниченной свободы торговли, которая, какъ замѣчаетъ нашъ авторъ, оказалась «вредною для Россіи, а полезною развѣ для Бельгіи и Англіи». Въ честь этого друга Россіи, русскіе экономисты 10 февраля 1860 г. дали въ ресторанѣ Донона обѣдъ. Говорили за-стольныя рѣчи о неограниченной свободѣ промышленности. Шли оживленныя пренія о томъ, возможно-ли, ограничиваясь личнымъ освобожденіемъ крестьянъ, предоставить установленіе поземельныхъ отношеній между ними и ихъ помѣщиками исключительно свободнымъ договорамъ, безъ всякой регламентаціи правительствомъ. Молинару стоялъ вообще за безусловную свободу во всѣхъ экономическихъ явленіяхъ, какъ представлявшую послѣднее слово въ наукѣ. Кн. Черкасскій не былъ увлеченъ общимъ потокомъ: онъ старался доказать, что какъ бы ни былъ вѣренъ принципъ науки, въ примѣненіи его нельзя не считаться съ условіями мѣста и времени, зависящими отъ развитія исторической жизни государства и народа. Вслѣдствіе этого, онъ отстаивалъ необходимость регулировать закономъ поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами и невозможность въ данную минуту отказаться отъ всѣхъ охранительныхъ пошлинъ, во имя безусловной свободы всѣхъ экономическихъ явленій. При этомъ онъ сказалъ слово въ оправданіе и защиту *исторической школы*.

Слова кн. Черкаскаго вызвали въ февральской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1860 г. характерную статью «Нѣсколько словъ объ уступкахъ». Въ статьѣ этой читаемъ: «Принципъ свободной торговли не допускаетъ никакихъ уступокъ, и напрасно корыстные голоса надѣются разными доводами ограничить смыслъ ея требованій» (стр. 919). Интересно бы сопоставить эти слова съ не менѣ крайними мнѣніями о протекціонизмѣ, которыя высказывалъ тотъ же нашъ публицистъ въ послѣдній періодъ своей журнальной дѣятельности.

По кончинѣ Ростовцева, въ столицѣ усилились слухи, что Государь предлагалъ мѣсто предсѣдателя комиссій С. Г. Строганову, который уклонился отъ него, другіе указывали на Чев-

лина, друга покойнаго Ростовцева; нѣкоторые утверждали, что это мѣсто хотѣлъ занять М. Н. Муравьевъ, рѣшительный противникъ освобожденія крестьянъ; иные говорили о назначеніи Ланскаго, для котораго прокладывалъ пути Н. А. Милютинъ.

Эти слухи разрѣшились 11 февраля 1860 г., когда узнали о назначеніи гр. В. Н. Панина. Личность его сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ.

Слѣдуетъ тонкая психологическая характеристика новаго предсѣдателя Редакціонныхъ комиссій (стр. 655—695). Нашъ авторъ, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, имѣлъ доступъ къ замкнутому, недоступному графу, и получилъ возможность близко изучить его личность. Что за оригинальная, что за эксцентричная фигура, болѣе похожая на англійскаго эксцентрика-лорда, чѣмъ на русскаго боярина! Это былъ, по словамъ нашего автора, «недоступный аристократъ, дѣлавшійся все болѣе и болѣе нелюдимымъ, такъ что сношенія съ нимъ тѣхъ, кои по рожденію не принадлежали къ аристократическому кругу, дѣлались почти невозможными. Гордость происхожденія заставляла его считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ принималъ за существа другаго порядка творенія».

Нелюдимость гр. Панина и отчужденность сдѣлали изъ него *отвлеченнаго человека*, не вѣдавшаго ни русской жизни, ни русскаго народа. По истинѣ это былъ какой-то аристократъ-автоматъ, окаменѣлый въ своихъ кастовыхъ предразсудкахъ.

Назначеніе такого лица—явнаго противника реформы—предсѣдателемъ Редакціонныхъ комиссій не могло быть встрѣчено сочувственно. Но это назначеніе не означало охлажденія Государя къ «святому дѣлу», какъ онъ постоянно выражался, говоря объ освобожденіи крестьянъ.

Принимая 21 февраля 1860 г. депутатовъ втораго приглашенія, Государь приказалъ новому предсѣдателю «не оттягивать дѣла и не откладывать его въ долгій ящикъ».

Нашъ авторъ излагаетъ тѣ основанія, которыя оправдываютъ назначеніе графа предсѣдателемъ. Назначеніе это, дѣй-

ствительно, было политично: имъ утомленный крѣпостническою оппозиціей Государь дѣлалъ какъ бы уступку этой партіи, поставивъ во главѣ столь ненавистныхъ ей Редакціонныхъ комиссій ея вожака, на полную лойальность котораго и безпрекословное исполненіе своей верховной воли онъ разсчитывалъ. Такимъ образомъ и сѣно было дѣло и овцы были сыты. Не даромъ столь заботливо относившійся къ вопросу В. Кн. Константинъ Николаевичъ успокаивалъ членовъ комиссій, усматривавшихъ въ назначеніи графа Панина погибель завѣтнаго дѣла. Когда 22 февр. графу представлялись депутаты втораго приглашенія, въ сказанныхъ имъ словахъ слышалось обѣщаніе слѣдовать Ростовцеву. Эта рѣчь была сообщена Герцену, который неустанно преслѣдовалъ «трехполѣннаго графа» своими насмѣшками; съ значительными вариантами она появилась въ Колоколѣ.

24 февраля 1860 г. было первое общее присутствіе, подъ предсѣдательствомъ графа. Оно началось съ представленія ему Булгаковымъ членовъ комиссій. Это характерное представленіе живыми чертами изображено у нашего автора. Обращеніе графа съ членами было самое разнообразное: къ однимъ онъ отнесся учтиво и привѣтливо, протянувъ имъ руку, другимъ холодно поклонился, а на третьихъ вовсе не обратилъ вниманія. Полная противоположность съ Я. И. Ростовцевымъ, старавшимся со всѣми обращаться ровно. Иначе велъ себя его преемникъ: Милютину, на примѣръ, онъ вѣжливо подалъ руку, но не скрывалъ своей холодности, точно такъ же, какъ и Милютинъ, отказавшійся явиться на приглашеніе графа, не скрывалъ своего несочувствія. Кн. Черкасскому графъ раскланялся, но руки не подалъ. На Соловьева — важнѣйшаго дѣятеля въ крестьянскомъ вопросѣ — онъ не обратилъ никакого вниманія. Напротивъ, Самарина и Галагана, Бунге и Желтухина онъ встрѣтилъ очень привѣтливо (стр. 703).

За представленіемъ слѣдовало открытіе засѣданія. Графъ прочелъ по запискѣ рѣчь: въ ней онъ обѣщалъ сохранять неприкосновенными принятыя комиссіями основанія, которымъ въ душѣ

онъ, конечно, не сочувствовалъ. Но, ловкій царедворецъ, онъ хотѣлъ угодить Царю, затаявъ оппозицію реформѣ. Первый докладъ въ присутствіи графа былъ дополнительный докладъ хозяйственнаго отдѣленія, прочитанный Соловьевымъ. Первымъ оппонентомъ выступилъ Желтухинъ. Извѣстный своимъ даромъ слова, гр. Панинъ въ преніяхъ принималъ самое дѣятельное участіе, можетъ быть болѣе дѣятельное и многорѣчивое, чѣмъ покойный Ростовцевъ. Обращеніе съ членами было весьма неравное: однихъ называлъ по именамъ и отчествамъ, другихъ по фамиліямъ; однихъ встрѣчалъ привѣтливо и рукопожатіемъ, другихъ кивкомъ головы, а третьихъ — оловянными глазами. Особенно ему были немилы три главные дѣятеля крестьянской реформы — Милютинъ, кн. Черкасскій и Соловьевъ, но обращеніе съ каждымъ изъ нихъ обусловливалось его общественнымъ положеніемъ; болѣе пренебрежительно оно было съ Соловьевымъ.

Въ засѣданіи 1 марта П. П. Семеновъ читалъ дополнительный докладъ хозяйственнаго отдѣленія о нормальномъ размѣрѣ повинностей. Гр. Панинъ принималъ дѣятельное участіе въ дебатахъ, упомянувъ о какой-то полученной запискѣ Юзефовича. Желтухинъ заявилъ, что нѣкоторыя цифры доклада ни на чемъ не основаны. «Но это уже возраженіе противъ системы» оборвалъ его графъ. «Хороша она или нѣтъ, я ничего не могу сдѣлать. Я умѣю вполне отдать справедливость этому труду, огромному и весьма сложному, въ какой-бы онъ ни былъ представленъ системѣ. Тутъ, безъ сомнѣнія, встрѣтятся многіе случаи, гдѣ разрубается узелъ. Что же дѣлать. Критика легка, но я въ такомъ случаѣ не принимаю возраженій, потому что возражающій долженъ представить свою новую систему. Отвергая одно, надобно представить другое, лучшее».

Это привело въ восторгъ нѣкоторыхъ членовъ. Раздался легкій взрывъ удовольствія; изъ группы, гдѣ сзади А. К. Гирса сидѣлъ А. П. Заблоцкій, вырвалось слово «молодецъ».

При дальнѣйшихъ преніяхъ графъ замѣтилъ: «мы должны

во всѣхъ случаяхъ имѣть постоянно въ виду, что цѣль правительства есть доставить крестьянамъ существенное облегченіе».

Желтухинъ: «Позвольте сказать и еще—мнѣ кажется, что если дѣйствовать единственно въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, то лучше отдать имъ всю землю даромъ, а надо главное не разорить помѣщиковъ и не оголодить Россію — вотъ чего отдѣленіе не хочетъ принять въ соображеніе».

Гр. Панинъ: «я далъ полную свободу мнѣніямъ. Ваши слова заключаютъ укоръ тѣмъ, которые дѣлали. Это можно бы оставить—можно имѣть свой взглядъ, но я прошу покорнѣйше ограничиваться собственно предметами, относящимися къ дѣлу» (стр. 720).

Къ засѣданію 5 марта относится еще болѣе интересный инцидентъ. Онъ на столько характеризуетъ кн. Черкаскаго, что я считаю не лишнимъ выписать его цѣликомъ.

Продолжали обсуждать дополнительный доклад хозяйственного отдѣленія объ устройствѣ дворовыхъ людей. Кн. Черкасскій (графу): Ваше предположеніе установить круглую сумму, которую вносилъ бы за себя дворовый.

Гр. Панинъ: Вы, князь, подозреваете и приписываете мнѣ то, что я не говорилъ. Мы, кажется, держимся здѣсь правила отвѣчать на то, что слышимъ. Я полагаю, что могутъ быть признаки безпорочной службы, на примѣръ, если полиція человѣка никогда не наказывала. Я желалъ бы только, чтобы эти признаки были отличаемы проще, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, но я не предполагалъ, чтобы помѣщику предоставить произволь. Я хотѣлъ сказать одно, что мой взглядъ не лишень, мнѣ кажется, справедливости и не во вредъ дворовымъ людямъ. Кн. Черкасскій: Что касается, до замѣчанія сдѣланнаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ, то не могу его принять, какъ человѣкъ довольно благовоспитанный, какъ и мы всѣ, я полагаю, избранные и созванные высшимъ правительствомъ. Ужъ съ этой стороны я не желалъ и не считалъ бы себя въ правѣ приписывать умышленно кому бы то ни было того, что онъ не говорилъ, и кажется, я даже самъ

сказалъ, что первой части соображеній вашего сіятельства я себѣ не усвоилъ; что жъ касается до другаго предмета, противъ котораго я имѣлъ честь вамъ возражать, то я понимаю такъ, что каждый говоритъ по мѣрѣ тѣхъ способностей, которыми одаренъ отъ природы, и если я не уразумѣлъ одного обстоятельства, то нельзя бы, кажется, и никто не имѣетъ права ставить мнѣ этого въ вину. Гр. Панинъ: Я и не ставлю вамъ въ вину, но желалъ бы, чтобы меня понимали, и не присвоивали бы мнѣ того, что я не говорилъ (стр. 808).

Въ томъ же засѣданіи графъ рѣзко оборвалъ Соловьева. «Если смотрѣть именно съ юридической точки зрѣнія, сказалъ послѣдній, то по началамъ отвлеченной моральной справедливости крѣпостное право не должно было никогда существовать; оно и не было законно, потому именно, что законъ его не устанавливалъ у насъ»...

Гр. Панинъ: Но имѣете ли вы ясное представленіе о томъ, что такое юридическая точка зрѣнія? Это есть извлеченіе изъ закона нравственнаго и примѣненіе къ нему общаго духа законодательства; ваше возраженіе съ этой точки зрѣнія не согласуется. Если и принять, что не было у насъ закона объ установленіи крѣпостнаго права, то все-таки оно вошло въ духъ всего нашего законодательства. Мы этого духа въ прошедшемъ измѣнить не можемъ (стр. 811).

Соловьевъ перенесъ рѣзкое замѣчаніе графа болѣе терпѣливо. Но за то графъ передъ нимъ не извинился, какъ это сдѣлалъ онъ относительно кн. Черкаскаго. Гр. Панинъ (князю Черкасскому): мнѣ очень совѣстно предъ вами, князь. Я сюда попалъ какъ на Оснабрюкскій конгрессъ, я здѣсь человѣкъ новый, такъ можно имѣть снисхожденіе. Не сѣтуйте на мое нетерпѣніе, высказывающееся иногда. Скучно слышать повторенія. Это какъ репетиція пьесъ. Кн. Черкаскій: Помилуйте, могу ли я сѣтовать. Но что дѣлать, избѣжать повторенія иногда невозможно. Я вспоминаю пословицу — *repetitio est mater studiorum* (стр. 822).

Послѣ присутствія, нѣсколько членовъ комиссіи: Булгаковъ, Галаганъ и нѣкоторые другіе окружили князя Черкаскаго и стали хвалить его, что онъ задалъ тонъ графу Панину. Князь Черкасскій (видимо довольный): Вы слышали и замѣтили, какъ онъ послѣ со мной заигрывалъ.

Булгаковъ: хорошо, по крайней мѣрѣ онъ будетъ знать, что имѣетъ дѣло не съ чиновниками, а съ людьми.

Галаганъ (обратившись къ Николаю Семенову): оно очень, хорошо—это значить, что два большіе господина показали немножко другъ другу зубы и вѣжливо другъ отъ друга отошли—больше ничего. Это имъ здорово. Есть малороссійская пословица, очень мѣткая: громада великій чоловікъ (стр. 824)¹⁾.

Въ засѣданіи 12 марта обсуждался вопросъ, когда работы комиссіи могутъ быть окончены. Записка объ этомъ была составлена Черкасскимъ, по мнѣнію котораго всѣ работы могутъ быть завершены и представлены къ 1 іюля 1860 г. лишь при крайне усиленномъ трудѣ, если не представится непредвидимыхъ обстоятельствъ. Не смотря на предположеніе гр. Панина, что срокъ этотъ очень продолжителенъ, такъ какъ нѣтъ работы, которая не могла бы кончиться въ двѣ недѣли, комиссіи работали до 10 октября 1860 г., когда ихъ занятія были прерваны. Послѣднее засѣданіе втораго періода было 15 марта, когда рѣшенъ былъ вопросъ о порядкѣ приглашенія въ комиссіи депутатовъ втораго призыва.

Для третьаго періода дѣятельности Редакціонныхъ комиссій остались слѣдующія работы:

1) Совѣщаніе съ депутатами втораго призыва.

¹⁾ Галаганъ вообще любилъ употреблять въ докладахъ и преніяхъ комиссій малорусскія слова—батьковщина, панщина, громада и т. п., надъ которыми подсмѣивались члены-великоруссы. Любоцинскій, напримѣръ, всегда съ улыбкой слушалъ медлительную рѣчь В. В. Тарновскаго, преисполненную малорусскихъ оборотовъ.

Въ засѣданіи 3 февраля, напр., Галаганъ читалъ составленный имъ дополнительный докладъ «О порядкѣ исполненія натуральныхъ повинностей». Вмѣсто на *барщину* онъ произнесъ на *панщину*. Нѣкоторые члены засмѣялись. «Что-жь, сказалъ онъ, барщина у насъ помалоруски также смѣшно выходитъ».

2) Разрѣшеніе нѣкоторыхъ не рѣшенныхъ специальныхъ вопросовъ.

3) Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣній, отзывовъ и повѣрочныхъ работъ.

4) Работы кодификаціонныя (Калачовъ, Любощинскій и Поповъ).

Все это составитъ содержаніе третьяго тома, которымъ и завершится монументальное сочиненіе Н. П. Семенова.

Мы изложили богатое содержаніе втораго тома въ самыхъ общихъ чертахъ, далеко не исчерпавъ его. Мы привели въ примѣръ нѣкоторые инциденты въ дѣятельности Редакціонныхъ комиссій, дабы лучше познакомить съ этимъ содержаніемъ, пропустивъ, можетъ быть, еще болѣе характерныя.

Что касается точности хроники, то мы были лишены всякихъ средствъ ее провѣрить. Оставляя ее на отвѣтственности автора, мы не имѣемъ основаній въ ней сомнѣваться.

Позволимъ только себѣ повторить замѣчаніе покойнаго Я. А. Соловьева.

Н. П. Семеновъ въ своей статьѣ «Дѣятельность Я. И. Ростовцева» сообщаетъ, что въ одномъ изъ засѣданій комиссій управляющей Земскимъ отдѣломъ доложилъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приказалъ присоединить Земскій отдѣлъ къ Редакц. к., и что отчеты о его занятіяхъ представляли ихъ председателю. Я. А. Соловьевъ, которому приписывается такое заявленіе, находилъ его неточнымъ. Неточность заключается въ томъ, что земскій отдѣлъ не былъ и не могъ быть присоединенъ къ комиссіямъ, такъ какъ имѣлъ самостоятельную сферу дѣятельности; что онъ предложилъ только содѣйствіе отдѣла въ работахъ комиссій, и что отчетъ могъ представляться не вообще, но единственно относительно этого содѣйствія. Не смотря на это, прежняя неточность повторена на нѣсколькихъ страницахъ 1-го тома (стр. 12, 26 и 39).

Нашъ окончательный выводъ о сочиненіи сенатора Н. П. Семенова можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Сочиненіе это посвящено любопытнѣйшему моменту въ исторіи освобожденія крестьянъ — моменту выработки Редакц. комиссіями, въ ихъ общихъ присутствіяхъ, Положенія 19 февраля 1861 г.

2) Оно представляетъ полную жизни и наглядности картину дѣятельности этихъ общихъ присутствій, со всѣми ихъ горячими преніями, со всѣми деталями и характерными чертами.

3) Въ немъ индивидуализируются и отчеканиваются фізіономіи и направленія выдающихся участниковъ великаго дѣла и заключается много матеріала для характеристики такихъ членовъ, какъ Ростовцевъ, гр. Панинъ, Н. А. Милютинъ ¹⁾, кн. Черкасскій ²⁾, Я. А. Соловьевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. Х.

¹⁾ Приведемъ для примѣра слова, сказанныя П. П. Семеновымъ Н. А. Милютину: «когда вамъ нужно провести какуюнибудь вашу мысль, въ одномъ случаѣ вы ссылаетесь на законъ, если онъ подходитъ, а въ другой разъ, если онъ не подходитъ, вы берете фактъ» (стр. 505). Къ характеристикѣ мнѣній Н. А. Милютина приведемъ слѣдующее: въ засѣданіи 11 ноября разсматривался допол. докл. Адм. отд. «О порядкѣ распредѣленія крестьянъ на сельскія общества». Это распредѣленіе возлагалось на особую уѣздную комиссію, члены которой должны были назначаться начальникомъ губ. Татариновъ предложилъ нѣсколько стѣснить произволь губернатора тѣмъ, чтобъ назначаемый въ составъ комиссій notable, какъ онъ выразился, былъ отъ дворянъ. Милютинъ горячо возражалъ: «я думаю, что правительству должна быть всегда предоставляема особая власть и, такъ сказать, во всемъ инициатива, иначе оно будетъ лишено своего достоинства, а этого допустить я никакъ не могу и ни въ какомъ случаѣ не дамъ своего согласія на ослабленіе его силы... Пусть дворянство выбираетъ, но надо утвержденіе правительства. Дворянство не представляетъ вовсе гарантій. Я не говорю, чтобы и правительство было безукоризненно, но все-таки въ немъ болѣе обезпеченія» (стр. 211).

²⁾ Кн. Черкасскій написалъ докладъ Хоз. отд. № 1 «Основаніе и разгѣръ позем. надѣла» — съ такой замѣчательной діалектикой, что когда его читаешь, то сначала убѣждаешься въ необходимости измененія существующаго у крестьянъ надѣла и соглашаешься вполне съ противниками воззрѣній самого князя, а потомъ, читая далѣе, встрѣчаешь еще сильнѣйшіе доводы въ пользу его мнѣнія за оставленіе существующаго надѣла, и всякое въ этомъ сомнѣніе разсѣивается совершенно» (слова П. П. Семенова нашему автору; т. I, стр. 205). Кн. Черкасскій не считалъ, въ противоположность Самарину, общиннаго владѣнія вѣчнымъ, такъ какъ въ будущемъ распаденіе общиннаго владѣнія неизбежно (т. II, стр. 215). Противоположность съ Самаринимъ высказалась также рѣзко при обсужденіи доклада Админ. отд. № 6 «О крестьянскихъ должностныхъ лицахъ» (стр. 345). Интересно также сопоставить воззрѣнія

Бунге, Желтухинъ, Татариновъ, Позень, гр. Шуваловъ и др.

4) Вводя читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой выработывались отдѣльныя статьи Положенія 19 февраля 1861 г., оно можетъ служить ключемъ и комментариемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Укажемъ для примѣра на 2134 ст. II т. (44 ст. Положенія 19 февраля) о соответствіи волости съ приходомъ. Формула этой статьи — компромисъ мнѣній кн. Черкаскаго, считавшаго «приходъ нравственною единицею, которая предпочтительнѣе той, которую можетъ создать правительство или помѣщикъ» (стр. 201), и Ростовцева, полагавшаго, напротивъ, что приходъ «невозможно принять безусловно»¹⁾.

Воспроизведя съ фотографическою точностію достопамятный актъ выработки Положенія 19 февраля 1861 г., оцѣниваемое нами сочиненіе, конечно, займетъ высокое мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Мы даже думаемъ, что подобныхъ монументальныхъ работъ мало и въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ.

Удостоенное высокою честью быть посвященнымъ Государю Императору Александру Александровичу, оно вполне заслуживаетъ полной Макарьевской преміи, такъ какъ представляетъ собою «самостоятельный трудъ, и при томъ такой, который существенно обогащаетъ науку, внося въ нее новые факты, наблюденія и воззрѣнія».

кн. Черкаскаго и Соловьева по вопросу о способѣ взыванія денежныхъ повинностей помѣщику и пренія между ними: два различные типа! (стр. 428). Еще слова кн. Черкаскаго «при уничтоженіи власти помѣщика, я считаю необходимою строгость суда въ наказаніяхъ, для усиленія той власти, которая должна замѣнить уничтожающуюся власть» (стр. 475).

¹⁾ Какъ изъ идеальной точки сдѣлать центръ соединенія общества? мы не въ Германіи — тамъ пасторъ полицеймейстеръ. Тамъ это очень удобно, а у насъ во многихъ мѣстахъ священникъ, позвольте сказать, попросту попъ, извините меня, будетъ куралесить» (208).

«СЛОВАРЬ БОЛГАРСКАГО ЯЗЫКА ПО ПАМЯТНИКАМЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯМЪ НОВѢЙШЕЙ ПЕЧАТИ».

Соч. А. Дювернуа. Москва 1885—1889 г., стр. 2622 — прилож. ок. 120.

Рецензія профессора Харьковскаго университета М. С. Дринова.

I.

Ровно 120 лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ впервые въ Nordische Geschichte Шлецера была высказана мысль о необходимости составленія болгарской грамматики и словаря. Выражая такое желаніе, Шлецеръ не зналъ, да и не могъ, конечно, знать, что за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода въ свѣтъ названной его книги уже былъ обнародованъ небольшой болгарскій словарикъ, появившійся въ составленномъ по образцу Japuae linguarum Коменскаго четверо-язычномъ лексиконѣ Греко-Албано-Влахо-Болгарскомъ, изданномъ въ 1770 году, въ Москополѣ, заолустномъ городкѣ южной Албаніи. Болгарскій отдѣлъ этого *лексикона*, какъ и всѣ остальные части его, писанъ греческимъ алфавитомъ. Это не помѣшало однако его составителю вѣрно передать особенности того болгарскаго говора, изъ котораго онъ почерпнулъ свой прекрасно-подобраный лексическій матеріалъ и который, несомнѣнно, былъ однимъ изъ говоровъ западной Македоніи, по нашему мнѣнію, Битольскій. Москопольскій *тетралоссъ*, которымъ еще въ 1774 году пользовался шведскій историкъ Тунманнъ въ своихъ *Untersuchungen über die Geschichte der Oestlich-Europäischen Völker*,

долгое время ускользалъ отъ вниманія славянскихъ историковъ и филологовъ¹⁾, которымъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ничего почти не было извѣстно о современномъ болгарскомъ языкѣ. Славянскихъ ученыхъ впервые познакомили съ этою книжкою Вукъ Караджичъ, который на основаніи ея и нѣсколькихъ другихъ имъ собранныхъ болгарскихъ фрагментовъ составилъ первый опытъ характеристики болгарскаго языка, помѣщенный въ его «Додаткѣ къ Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчицима свију језика». Въна 1821—22 г. Кроме краткой болгарской грамматики и кое-какихъ образцовъ болгарскаго народнаго языка (27 народныхъ пѣсенъ и двухъ большихъ евангельскихъ отрывковъ, притчи о Самарянинѣ и блудномъ сынѣ), Караджичъ тутъ обнаруживалъ и небольшой болгарскій словарикъ изъ 273 словъ.

Додатак Вука Караджича, дававшій *первое свѣдѣніе* о болгарскомъ языкѣ, обнаружилъ несостоятельность высказаннаго передъ тѣмъ Добровскимъ мнѣнія о томъ, что языку этому не слѣдуетъ отводить отдѣльнаго мѣста въ классификаціи славянскихъ нарѣчій и что онъ долженъ быть принимаемъ какъ говоръ сербскаго нарѣчія. *De bulgarica tamen dialecto deponere tuum praejudicium, quod Vuk docet esse falsum* писалъ въ 1824 году Добровскому Копитаръ²⁾, который въ болгарскихъ матеріалахъ Вука подмѣтилъ черты, дѣлающія болгарскій языкъ болѣе близкимъ къ словенскому, чѣмъ къ сербскому³⁾. Считаемъ не лиш-

¹⁾ И это тѣмъ удивительнѣе, что Москоп. *тетралогія* въ нач. нынѣшняго столѣтія былъ переиздаваемъ два раза: въ 1802 г. въ Венеціи и въ 1814 (съ небольшими сокращеніями) въ Лондонѣ, въ извѣстной книгѣ Марти на Лика *Researches in Greece*. Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что болг. и греч. отдѣлы этого лексикона съ переводомъ на турецкій языкъ переизданы въ 1841 г. въ Солуни подъ заглавіемъ: «Книга за наученіе трихъ языковъ, славяно-болгарскіи и греческыи и карамалицкой». См. дополненіе А. О. Бычкова къ библіографіи Ундольскаго, ст. 354.

²⁾ См. изданныя акад. Ягичемъ «Письма Добровскаго и Копитара», стр. 508.

³⁾ Копитаръ, имѣвшій возможность ознакомиться съ болгарскими матеріалами Вука до выхода ихъ въ свѣтъ, еще въ 1818 году пришелъ къ тому мнѣнію, которое онъ потомъ подробно развилъ въ своей *Glagolita Clusianus*. Письма Добр. и Коп. 437 стр.

нимъ привести здѣсь и отзывъ Востокова объ этой книжкѣ Караджича, помѣщенный въ томъ самомъ письмѣ его (отъ 1-го мая 1822 года), въ которомъ онъ сообщалъ графу Румянцеву и свой отзывъ о только что появившихся тогда *Institutiones linguae slavicae* Добровскаго. Высказавъ свое мнѣніе объ этихъ *плодахъ многолѣтнихъ розысканій* «перваго въ иностранныхъ земляхъ знатока славянскаго языка», Востоковъ продолжаетъ: «Другое новое и важное пособіе, какъ для Грамматики, такъ и для Словаря Словенскаго, есть изданное въ нынѣшнемъ же году Вукомъ Стефановичемъ въ Вѣнѣ дополненіе къ сравнительнымъ Словарямъ Екатерины II, содержащее въ себѣ поправленныя Вукомъ Сербскія и Иллирійскія слова означенныхъ Словарей, а также вновь привосокупленныя къ этому слова *Болгарскаго діалекта*, доселѣ никѣмъ еще неописаннаго, и — что еще важнѣе, небольшую Грамматику сего послѣдняго діалекта, который, довольно отличаясь отъ Сербскаго, сохранилъ большія сходства съ Церковнославянскимъ, что и подкрѣпляетъ догадку мою о тождествѣ Церковнославянскаго языка съ древнимъ Словеноболгарскимъ»¹⁾

Додатак Вука, усугубляя интересъ къ болгарскому языку, естественно, побуждалъ къ дальнѣйшимъ изученіямъ его, къ каковымъ тогдашніе представители и покровители славяновѣдѣнія и поощряли Караджича. Достаточно указать, что въ 1826 году Келпепъ, извѣщая Копитара, отъ имени Шипкова, о сочувственномъ отношеніи въ Петербургѣ къ его (Копитара) мысли объ ученой командировкѣ Вука Стефановича въ южнославянскія земли, указывалъ на изученіе болгарскаго языка, какъ на одну изъ главныхъ задачъ этой командировки²⁾, которая, къ сожалѣнію, почему-то не состоялась, несмотря на то, что Императорская Россійская Академія обѣщала оказать этому дѣлу свою матеріальную поддержку³⁾.

¹⁾ См. переписку Востокова, стр. 29, срав. и стр. 408.

²⁾ См. Письма Добр. и Копит. 690—700 стр.

³⁾ Кочубинскій: Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія, 234 с.

Тѣмъ съ большею готовностью принято въ 1829 году Академіею предложеніе Венелина совершить ученое путешествіе въ «страну, классическую для филологовъ и историковъ славянскихъ», чтобы тамъ, между прочимъ, изучить на мѣстѣ болгарскій языкъ, собрать его образцы и составить потомъ словарь и грамматику. Планъ путешествія Венелина, составленный въ то время, когда армія Дибича стояла у Адрианополя, пришлось осуществлять при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сдѣлавшихъ его исполненіе невозможнымъ. Прибывъ въ Болгарію въ іюнь 1830 года, «когда русскія войска уже удалялись оттуда, болгарскій народъ находился въ разбродѣ, а рыскавшія по странѣ разныя мѣстныя выголодавшіяся ватаги и Арнауты Скодра-паши дѣлали путешествіе по ней крайне опаснымъ¹⁾, Венелинъ былъ вынужденъ сократить планъ своего маршрута. вмѣсто цѣлаго года, онъ пробылъ въ Болгаріи около двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ объѣхать, да и то очень поспѣшно, только окрестности Варны и часть Добруджи. Такое путешествіе могло дать ему лишь около 50-ти народныхъ пѣсень, изданныхъ впоследствии профессоромъ Безсоновымъ, да еще кое-какой другой лексикографическій и грамматическій матеріалъ, о количествѣ и достоинствѣ котораго мы теперь не можемъ судить, такъ какъ ему не суждено было и до сихъ поръ увидѣть свѣта. Не много подвинули впередъ знакомство съ болгарскимъ языкомъ и Влахо-Болгарскія грамоты, отысканныя Венелинымъ въ Валахіи, куда онъ направилъ свои поиски послѣ неудачной попытки своей проникнуть въ глубь «классической для филологовъ и историковъ славянской страны». Влахо-Болгарскія грамоты Венелина, изданныя Императорскою Академіею Наукъ въ 1840 году, содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для болгарскаго словаря и исторической грамматики, но этого матеріала,

¹⁾ См. обнаруженное недавно письмо Венелина къ Априлову въ «Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина». Софія 1889 г. Т. I, ст. 176 сл.

къ сожалѣнію, слависты мало еще касались ¹⁾, быть можетъ потому, что научное критическое пользованіе имъ требуетъ такихъ знаній, какими славянская наука и въ настоящее время не можетъ еще похвалиться. Дѣятельность Венелина по приведенію въ извѣстность болгарскаго языка и его памятниковъ не ограничилась, однако, лишь его личными, на мѣстѣ, поисками, не совсѣмъ, какъ мы видѣли, удачными. Онъ оказалъ этому дѣлу и другую весьма важную услугу, привлекая къ нему новыхъ работниковъ изъ среды самихъ болгаръ.

Во время своего путешествія, при встрѣчѣ со сколько-нибудь развитыми болгарами, Венелинъ побуждалъ ихъ заниматься собираніемъ народныхъ пѣсень и другихъ памятниковъ языка. То же онъ дѣлалъ и потомъ, по возвращеніи въ Москву, откуда для этого входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми Букарештскими, Болградскими, Кишиневскими и, наконецъ, Одесскими болгарами, между которыми были Априловъ и Палаузовъ, усердно взявшіеся пропагандировать мысли «болгарскаго историографа» среди тогдашнихъ болгарскихъ писателей и учителей ²⁾. Результаты этой агитаціи Венелина вскорѣ начали сказываться. Еще въ 1836 г. извѣстный Анастасъ Стояновичъ Кипиловскій, учитель Пѣшкова, автора одъ въ честь и память Венелина, напечаталъ въ *Будителѣ*, гдѣ въ то время главнымъ образомъ издавались болгарскія книги, «объявленіе за изданіе на лексиконъ (рѣчникъ) славено-россійскій, преведенъ на славено-болгарскій и греческій языкъ». На изданіе такого лексикона, какъ увидимъ далѣе, смотрѣли тогда, какъ на самый удобный путь къ скорѣйшему собранію матеріаловъ для составленія болгарскаго словаря. Около того же времени, другой болгаринъ Василій Неновичъ замышлялъ составить «лексиконъ болгаро-влахо-русски». Обѣ эти попытки однако, насколько намъ извѣстно, остались лишь въ области благихъ намѣреній ³⁾.

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, ими, кромѣ Миклошича, серьезно занимался лишь Билярскій въ своемъ изслѣдованіи о Реймскомъ евангеліи, но изучалъ ихъ главнымъ образомъ со стороны правописанія.

²⁾ См. вышеуказанное письмо Венелина къ Априлову.

³⁾ Болгарскій писатель Миларовъ, издавшій недавно біографію Апри-

Гораздо серьезнѣе отнесся къ мысли о болгарскомъ словарѣ самый видный изъ тогдашнихъ болгарскихъ учителей, извѣстный Неофитъ Рыльскій. Обнародованная недавно часть переписки Неофита показываетъ, что его лексикографическіе труды восходятъ своимъ началомъ къ указанной дѣятельности Венелина. Въ этомъ, кажется, не оставляютъ сомнѣнія нѣкоторыя мѣста изъ этой переписки. Въ 1837 и 1838 годахъ Априловъ и Палазовъ неоднократно обращались къ Неофиту и отъ себя и отъ имени Венелина съ разными предложеніями и порученіями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, отъ 24 апрѣля 1838 г., они писали ему: «признавая самымъ необходимымъ въ настоящее время дѣломъ скорѣйшее составленіе болгарскаго словаря или, по крайней мѣрѣ, переводъ словаря россійской академіи на болгарскій языкъ, мы просимъ васъ приняться» и т. д. ¹⁾ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, именно, 7-го ноября 1838 г., Неофитъ уже пишетъ одному своему пріятелю (Райну Поповичу): «относительно лексикона я остаюсь *колеблющимся стмо и овамо мысляю* и никакого пути (плана) не могу признать правильнымъ» ²⁾. — *Колѣбанія стмо и овамо* продолжались однако недолго. Въ 1845 г. Григоровичъ уже засталъ Неофита въ Рыльскомъ монастырѣ за работою надъ словаремъ, о которой онъ такъ отзывается въ своемъ «Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи»: «Еще важнѣе (другихъ трудовъ О. Неофита) настоящее его предпріятіе, на которое желалъ бы я обратить вниманіе своихъ соотечественниковъ, предпріятіе — издать словарь болгарскаго языка. Какъ отличный знатокъ своего отечества, онъ собралъ въ своемъ словарѣ всѣ отгѣнки діалектовъ въ формахъ, словахъ и оборотахъ

лова (Одесса, 1888 г.) увѣряетъ (на стр. 33), что словари Кипиловскаго и Неновича были изданы, не указывая однако, гдѣ и когда. Мы имѣемъ основаніе думать, что г. Миларовъ принялъ тутъ намѣренія за совершившіеся факты. Вѣроятно, слухи объ этихъ неудавшихся попыткахъ дали поводъ Погдину писать въ 1837 г. Востокову: «Знаете-ли вы, что въ Болгаріи выходитъ лексиконъ?» (Переписка Востокова, 334 стр.).

¹⁾ Период. списание Болгар. книжев. друж., кн. 25—26, 1888 г., 33 стр.

²⁾ Тамъ же, 59 стр.

выраженій, а также включилъ сюда пословицы и поговорки. Сочиненіе это будетъ состоять изъ двухъ частей, греко-болгарскаго и болгаро-греческаго словаря. Первая часть уже готова и частію переписана, для второй видѣлъ я въ большомъ количествѣ собранные матеріалы».

Нѣсколько позднѣе Неофитъ раздумалъ издавать греко-болгарскую часть и рѣшилъ ограничиться лишь болгаро-греческою, надъ которою онъ и продолжалъ усердно работать съ значительными однако перерывами, позволившими приступить къ печатанію лишь въ 1875 году, въ Константинополѣ. Но наступившія тогда событія, приведшія къ послѣдней русско-турецкой войнѣ, приостановили печатаніе, которое болѣе уже не возобновлялось. Оно остановилось на 64-ой страницѣ. Такимъ образомъ этой крупной работѣ по болгарской лексикографіи, надъ которой Неофитъ продолжалъ работать до самой кончины († 4 января 1881 г.) и которая въ теченіе 50 лѣтъ съ интересомъ ожидалась славистами, не суждено было увидѣть свѣта. Напечатанное въ 1875 году начало ея не поступало въ продажу. Достояніемъ публики остаются пока тѣ небольшія выдержки изъ нея, которыя были обнародованы въ Константинопольскомъ журналѣ «Български книжници» за декабрь 1859 г. и январь 1860 г. По смерти Неофита, при разсмотрѣніи его рукописей оказалось, что словарь его приготовленъ и переписанъ начисто только до буквы *О* (до слова *осца*). Дальнѣйшая же часть его осталась въ черновомъ видѣ¹⁾.

Не лучше шла, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, и другая болѣе серьезная работа по составленію и изданію болгарскаго словаря. Мы тутъ разумѣемъ словарь Герова, отъ котораго остается обнародованнымъ лишь его начало, до слова *слѣжж*, изданное еще въ 1855 г. Императорскою Академіею Наукъ въ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики».

Довольно полный на видъ болгаро-французскій *рѣчникъ*, из-

¹⁾ См. статью Иречка въ Период. спис. Болг. книж. дружества, кн., II 1888 г., стр. 131—138.

данъ въ 1871 году извѣстнымъ ветераномъ болгарской письменности Богоровымъ. Составленный наскоро и, кажется, при пособіи русской части параллельныхъ словарей Рейфа, этотъ *рѣчникъ* переполненъ иностранными реченіями, встрѣчающимися, да и то весьма рѣдко, лишь въ книжномъ языкѣ болгаръ. Народныхъ словъ въ немъ сравнительно мало, да и въ переводѣ ихъ принимались во вниманіе лишь обыденныя значенія. Издавая этотъ *рѣчникъ*, Богоровъ помѣстилъ въ немъ извѣщеніе о томъ, что приступаетъ къ печатанію большого толковаго болгарскаго словаря въ 1000 приблизительно страницъ и т. д. Къ исполненію этого обѣщанія онъ однако приступилъ лишь черезъ десять лѣтъ, выпустивъ небольшую брошюру въ 64 страницы подъ слѣдующимъ претенціознымъ заглавіемъ: «Български рѣчникъ. Събрание *сичкитъ* наши думи, посрѣщнати съ френски и истълкувани дълго и широко български». Кн. първа А—Г. Русе 1881 г., стр. 64. Въ этой брошюрѣ Богоровъ помѣстилъ съ своими весьма оригинальными объясненіями 1117 словъ на *а, б, в* и отчасти *г*, въ увѣренности, что въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ другихъ реченій, начинающихся съ этихъ буквъ. Несерьезность этого предпріятія была выяснена тогда же молодымъ болгарскимъ филологомъ Тодоровымъ, насчитавшимъ въ названной брошюрѣ Богорова довольно много сомнительныхъ или скованныхъ самимъ авторомъ словъ, но не нашедшимъ въ ней до 700 очень употребительныхъ болгарскихъ реченій. (См. Филиппоп, жур. «Наука», I, №№ 9, 12).

До рѣшенія покойнаго А. А. Дювернуа — приняться за составленіе и изданіе словаря болгарскаго языка, кромѣ вышеуказанныхъ попытокъ этого рода, не достигшихъ цѣли, появлялись лишь небольшіе болгарскіе словарики, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія словарики: Цанковыхъ, при ихъ грамматикѣ 1852 г.; проф. Безсонова, при его сборникѣ 1855 г.; Морса, при его учебникѣ болгарскаго языка, составленномъ для англичанъ и сѣверо-американцевъ 1859—1860 г.; Верковича, при его сборникѣ пѣсень Македонскихъ болгаръ 1861 г.; Каравелова, при его

«Памятникахъ народнаго быта болгаръ» 1861 г.; пр. Ламанскаго при описаніи Люблянскои рукописи, 1869 г., и Дозона, при его сборникахъ болгарскихъ пѣсень 1875 г. — Къ означеннымъ тутъ словарикамъ ¹⁾ можно прибавить еще слѣдующіе, имѣющіе болѣе специальное содержаніе: Михаила Павлова «Рѣчникъ на думи турски и гърци въ языка българскій». Букурештъ 1855 г., стр. 63—XII; Хрулева «Краткъ рѣчникъ за чуждестранни рѣчи въ б. языкъ». Браила. 1863 г., стр. 26, а также Пулевскаго. Сравнительные речники (большою частію діалоги) Македоно-албано-греко-турецкіе, Бѣлградъ 1873, 1875 г.

Изъ словарныхъ работъ, появившихся въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, когда разсматриваемый словарь уже печатался или готовился къ печати, здѣсь заслуживаетъ упоминанія *Рѣчникъ* Тодора Коджева, содержащій 4000 иностранныхъ словъ, употребляющихся въ болгарскомъ языкѣ, и составленный по русскимъ словарямъ этого рода (Софія 1860 — 1862 г.); небольшою болгарско-нѣмецкій словарь; словарики при сборникахъ: Качановскаго (1882 г.) и Илиева (1889 г.); словарь, составленный Драгановымъ и содержащій около 300 реченій, которыя составитель невѣрно принималъ за малоизвѣстныя слова, свойственныя будто-бы лишь двумъ македонскимъ говорамъ. (Слав. Изв. за 1888 г., № 8, 9). Большая половина ихъ встрѣчается въ словарѣ Дювернуа, куда они внесены изъ давно извѣстныхъ памятниковъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ обнародованный Веженовымъ въ Филиппопольскомъ журналѣ «Наука» (за 1883—1884 г., стр. 309—325) списокъ болгарскихъ названій главнѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ растений. Этимъ спискомъ Ве-

¹⁾ Въ ихъ списокъ мы не включали словарика, составленнаго Миклошичемъ на основаніи изданныхъ имъ (въ 1856 г.) памятниковъ языка седмиградскихъ болгаръ, такъ какъ эти памятники, число которыхъ въ послѣднее время увеличилось открытіями д-ра Амлахера, имѣютъ скорѣе значеніе для историческаго болгарскаго словаря. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ выселеніе седмиградскихъ болгаръ съ Балканскаго полуострова совершилось не позже 14-го вѣка. См. брошюру проф. Пича и д-ра Амлахера «Die Dacischen Slaven und Særgeder Bulgaren. Prag 1888 г. (Особый оттискъ изъ записокъ Чешскаго ученаго общества).

женова положено начало спеціальному ботаническому словарю. Хорошій матеріалъ для такого словаря обнародованъ въ самое послѣднее время Лазаровымъ въ «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», т. I. Софія 1889 г. и, особенно, Тошевымъ въ статьѣ «Къмъ терминологията на българската флора», напечатанной въ журналѣ «Периодическо списание болг. книжевн. друж., кн. XXXV, Софія 1890 г.¹⁾ Въ самое послѣднее время стали появляться и матеріалы для зоологическаго словаря. Починъ изданія ихъ принадлежитъ Г. Христовичу, который обнародовалъ во 2-омъ томѣ названнаго «Сборника за народни умотворения» и пр. (Софія 1890 г.) списокъ болгарскихъ названій многихъ птицъ. Отмѣтимъ еще издаваемый нынѣ въ Солунскихъ «Книжницахъ» матеріалъ для областнаго болгарскаго словаря, прекрасно подобранный и сгруппированный молодымъ болгарскихъ славистомъ Матовымъ.

Вышеизложенныя историко-библиографическія справки показываютъ, что, не смотря на исходившія съ разныхъ сторонъ попытки составить сколько нибудь полный словарь народнаго болгарскаго языка, дѣлъ оставалась недостигнутою въ теченіе многихъ лѣтъ до вмѣшательства въ это дѣло покойнаго А. Дювернуа. Только ему удалось, и притомъ безъ всякой посторонней матеріальной помощи, дать намъ вполне законченный и весьма объемистый (въ 170 печатныхъ листовъ) словарь болгарскаго языка. Уже это одно обстоятельство придаетъ труду покойнаго московскаго слависта особую важность.

II.

Словарь А. Дювернуа состоитъ изъ 2622 страницъ въ большую восьмушку, кромѣ прибавленій, занимающихъ въ общей сложности 116 страницъ. Онъ изданъ въ девяти выпускахъ, изъ коихъ 1-ый вышелъ въ 1885 году, девятый же и послѣдній въ

¹⁾ См. и въ Солунскомъ журналѣ «Книжници за прочитъ», 1890 г., кн. IV, статью Матова и Тошева «Къмъ български рѣчникъ».

1889 г.—По своему характеру и общему плану рассматриваемый словарь подходит къ Толковому словарю Даля, который, как увидим далѣе, онъ нѣсколько напоминаетъ и способомъ расположенія словъ. Значительно уступая послѣдному въ полнотѣ, нашъ словарь превосходитъ его однако въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ документальностію. Въ словарѣ Дювернуа, можно сказать, нѣтъ слова, источникъ котораго не былъ бы указанъ, нѣтъ толкованія, неподтвержденнаго примѣрами, взятыми изъ извѣстныхъ изданій, на которыя всякій разъ и указывается. Приложенія, выходявшія разновременно при нѣсколькихъ выпускахъ (2-мъ, 3, 4, 5 и 9-мъ), заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться здѣсь подробнѣе. Въ приложеніи къ 9-му выпуску мы находимъ весьма важныя дополненія къ словарю, именно: 1) довольно большіе списки собственныхъ именъ; 2) около 600 любопытныхъ словъ, невошедшихъ въ основной текстъ словаря; 3) около 900 «дополнительныхъ сносокъ», т. е., діалектическихъ вариантовъ и производныхъ словъ, неуказанныхъ на своемъ мѣстѣ въ азбучномъ порядкѣ словаря; 4) общія указанія, которыми слѣдуетъ руководиться при подъскіиваніи словъ въ словарѣ. Эти общія указанія напечатаны на отдѣльномъ листкѣ, чтобы приобретающіе словарь могли приобрести ихъ, гдѣ признаютъ болѣе удобнымъ для себя. Далѣе въ приложеніяхъ къ этому же выпуску (9-му) помѣщены и печатки, но лишь такія, которыя замѣчены въ послѣднихъ четырехъ выпускахъ (6, 7, 8 и 9). Печатки 5-го выпуска помѣщены въ концѣ послѣдняго, гдѣ мы находимъ и кое-какія поправки, а также дополненія къ *тексту* этого выпуска. То же самое сдѣлано и для печатокъ и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей, вкравшихся въ 4-ый вып. Въ 3-мъ выпускѣ, кромѣ поправокъ, относящихся къ нему, помѣщены и два прибавленія къ первымъ двумъ выпускамъ, озаглавленные такъ: «Списокъ словъ I и II вв. съ выставленными на нихъ удареніями» и «Перечень словъ, попавшихъ въ I и II вып. по недосмотру». Подъ означенными рубриками приведены чрезвычайно важныя дополненія и

поправки къ первымъ двумъ выпускамъ словаря. Но къ сожалѣнію дополненія эти не всегда соотвѣтствуютъ заглавію той рубрики, къ которой они отнесены. Въ первой рубрикѣ, т. е. въ списокѣ словъ съ выставленными на нихъ удареніями, мы совершенно неожиданно встрѣтили такія поправки и дополненія, которыхъ пользующійся словаремъ никоимъ образомъ не догадается разыскивать тамъ ¹⁾. Они настолько существенны и важны, что заслуживали болѣе внимательнаго отношенія къ нимъ со стороны издателя. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что они не объединены въ одномъ общемъ списокѣ вмѣстѣ съ другими, такого же рода дополненіями и поправками, разбросанными по разнымъ выпускамъ. То же самое позволимъ себѣ сказать и объ опечаткахъ. Для указаннаго объединенія тѣхъ и другихъ пришлось бы прибавить въ концѣ словаря не болѣе одного печатнаго листа, что потребовало бы небольшой сравнительно затраты времени и пр., а между тѣмъ отъ этого словарь значительно бы выигралъ.

Остальныя приложенія состоятъ: а) изъ *Введенія*, изданнаго при второмъ выпускѣ,—оно содержитъ въ себѣ «обзоръ гласныхъ болгарскаго языка» и *списокъ источниковъ*, легшихъ въ основаніе словаря (изложенныя въ введеніи наблюденія автора надъ болгарскимъ вокализмомъ намъ придется затрогивать далѣе въ настоящей рецензіи); б) изъ *Предисловія* къ 3-му выпуску, составленнаго и подписаннаго П. А. Лавровымъ, ученикомъ А. Л. Дювернуа. Въ этомъ предисловіи излагается исторія составленія и изданія разсматриваемаго словаря, настолько важная для правильной оцѣнки послѣдняго, что мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь вкратцѣ ея содержаніе.

Покойный Дювернуа серьезно принялся за составленіе разсматриваемаго труда въ 1878 году. Къ этому труду онъ былъ побужденъ неполнотою однихъ и неудовлетворительностію

¹⁾ Въ предисл. къ 3-му выпуску сказано, правда, что подъ этой рубрикой помѣщены и другія поправки и дополненія, но такое указаніе врядъ-ли поможетъ дѣлу.

другихъ словарныхъ работъ по языку болгарскому. Начавши дѣло при скудныхъ средствахъ, какими можно было располагать въ Москвѣ, онъ въ 1880 году совершилъ на свой счетъ поѣздку въ Болгарію, чтобы тамъ на мѣстѣ заготовить разными болгарскими изданіями и прислушаться къ живому болгарскому языку. Приобрѣтенныя имъ во время этой поѣздки болгарскія книги и легли главнымъ образомъ въ основу труда, которому покойный всецѣло посвятилъ себя, не щадя силъ и здоровья. Послѣ шестилѣтней усиленной работы надъ собираніемъ и обработкой матеріала онъ подвинулъ свой трудъ настолько, что могъ уже приступить къ напечатанію его въ 1885 году, когда имъ и былъ изданъ 1-ый выпускъ, оканчивающійся словомъ *вратина*, на 272-ой стр. Желаніе выпустить въ свѣтъ начало словаря ко дню тысячелѣтія со времени кончины св. Меѳодія было причиною, повидимому, того, что указанный 1-ый выпускъ изданъ безъ предисловія и даже безъ объясненія употребляемыхъ въ немъ сокращенныхъ обозначеній источниковъ и т. п. Послѣ изданія 1-го выпуска немедленно было приступлено къ печатанію 2-го. Но автору не суждено было дожить до выхода его въ свѣтъ. Онъ скончался 16-го Марта 1886 года, во время печатанія послѣдняго листа этого выпуска, оканчивающагося словомъ *дъбъ*, на 512-ой стр. Незадолго до своей кончины покойный Дювернуа, сознавая всё неудобство изданія словаря живого языка только по книгамъ, безъ помощи природныхъ знатоковъ его, и не имѣя возможности приобрести такихъ помощниковъ въ Москвѣ, замышлялъ по окончаніи университетской службы отправиться въ Болгарію, чтобы тамъ продолжать печатаніе своего труда. При разсмотрѣніи оставшихся по смерти покойнаго матеріаловъ, заготовленныхъ для дальнѣйшихъ выпусковъ, оказалось, что и они были собраны съ такою же полнотою, какъ матеріалы уже напечатанной при его жизни части словаря. Вдова покойнаго, Г. А. Дювернуа, «глубоко чтя трудъ своего мужа, выросшій на ея глазахъ, рѣшила не щадя своихъ средствъ, довести изданіе до конца» (3 в., IX с.) Выучившись болгарскому

языку, она сама принимала дѣятельное участіе въ работѣ, главное веденіе которой взялъ на себя П. А. Лавровъ. Кромѣ вдовы покойнаго, г-ну Лаврову помогали въ этомъ дѣлѣ молодые слависты В. Н. Щепкинъ и Б. М. Ляпуновъ. За указаніями относительно словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго языка, г. Лавровъ обращался къ профессору Э. Е. Коршу, благодаря содѣйствію котораго словарь обогатился очень цѣнными объясненіями. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Издателямъ оставшихся по смерти покойнаго А. Л. Дювернуа матеріаловъ при разборкѣ и приготовленіи послѣднихъ къ печати посчастливилось найти себѣ рѣдкаго помощника въ лицѣ молодого болгарскаго писателя Т. Г. Влайкова, пріѣзжавшаго около того времени въ Москву для слушанія лекцій нѣкоторыхъ профессоровъ историко-филологическаго факультета. Въ новѣйшей болгарской письменности г. Влайковъ пользуется весьма почтенною извѣстностію, которую онъ приобрѣлъ нѣсколькими своими разказами на сюжеты изъ народной жизни болгаръ. Первый изъ его разказовъ, подъ псевдонимомъ Веселина, появился еще въ 1885 г., до поѣздки въ Москву¹⁾. Особенное вниманіе обратила на себя его прекрасная повѣсть «За дядовата Славчова унука», изданная имъ (подъ тѣмъ же псевдонимомъ) вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы²⁾. Редакція издаваемаго съ недавнихъ поръ болгарскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія «Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина» помѣстила во II-омъ томѣ своего изданія подробный разборъ этой повѣсти, въ которой рецензентъ весьма справедливо указываетъ немало такихъ прекрасныхъ страницъ, написанныхъ чисто-народнымъ языкомъ, какія до сихъ поръ не появлялись въ болгарской литературѣ (см. стр. 233, 241). Участіе этого молодого болгарскаго писателя въ изданіи разсматриваемаго словаря отразилось на немъ

¹⁾ (Разказъ на една бабичка» въ Период. спис. болг. книж. друж. 1885 г., кн. XVII.

²⁾ Тамъ же, кн. XXVIII—XXX, 1889 г.

весьма благопріятно. Ему принадлежит разстановка ударенія, которымъ продолжатели изданія рѣшили снабдить трудъ покойнаго А. Л. Дювернуа, исполнивъ этимъ одно изъ завѣтныхъ его желаній. Съ этой важной, но и чрезвычайно трудной задачей г. Влайковъ справился, можно сказать, весьма удачно. Разставленное имъ удареніе можно назвать типичнымъ и самымъ распространеннымъ въ болгарскихъ говорахъ. Оно встрѣчается не только въ Софійской области, на родинѣ Влайкова, но съ незначительными видоизмѣненіями и въ Придунайской Болгаріи, въ Оракійскихъ болгарскихъ областяхъ, въ говорахъ родопскихъ, равно какъ и въ большинствѣ говоровъ Македоніи, главнымъ образомъ восточной и южной ¹⁾. Существенныя отклоненія отъ этого типа представляютъ лишь говоры западной Македоніи, именно западной части Скопской области и округовъ: Велесскаго, Прилѣпскаго, Охридскаго, Костурскаго и Дебрскаго. Но ударенія этихъ областей не отличаются такою гибкостью и такимъ разнообразіемъ, какъ въ остальныхъ краяхъ, строго подчиняясь извѣстнымъ законамъ, которые только недавно, въ прошломъ году, были подмѣчены молодымъ болгарскимъ славистомъ, Велесскимъ уроженцемъ, Матовымъ ²⁾. По наблюденіямъ г. Матова, въ указанныхъ мѣстностяхъ западной Македоніи, за исключеніемъ Костурскаго округа, двусложныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ, а многосложныя на третьемъ отъ конца, напр. *вѣда*, *стѹдена*. Съ указанныхъ слоговъ удареніе можетъ подвигаться впередъ, къ концу, только въ тѣхъ слу-

¹⁾ Въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія обнародованные въ самое послѣднее время образцы говоровъ всѣхъ указанныхъ тутъ областей, образцы, снабженные удареніями; см. Периодическо списаніе болгарскаго книжевнаго друшества, Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжинна, «Сборникъ отъ народни умотворенія, обычаи и др.» А. Илиева, Софія, 1889 г., Солунскія «Книжници и проч.» см. также статью Ворачка и Стойнава объ удареніи въ Сливенск. говорѣ. Наука III ч. 11, 12 кн.

²⁾ См. Отчетъ Солунской гимназіи за 1889 г., стр. 29 и въ Солунскихъ «Книжницахъ», кн. III, стр. 55 въ примѣчаніи къ пословицамъ и поговоркамъ, записаннымъ въ Прилѣкѣ; сравн. и кн. II, стр. 48 въ характеристикѣ говора Солунскаго села Киречь-кой (Позвантово).

чаяхъ, когда къ двусложному или многосложному слову примыкаетъ какая-нибудь энклитика, въ роли которой являются не только разныя частицы и мѣстоименія, но и существительныя имена (*студена* и *студенá вода*). Въ Костурскомъ же говорѣ преобладаетъ акцентовка втораго слога. При такомъ однообразіи и строгой опредѣленности западно-македонскаго ударенія, разстановка его въ разсматриваемомъ словарѣ была бы, по нашему мнѣнію, совершенно излишней.

Кромѣ разстановки ударенія, г. Влайковъ оказалъ и другую не менѣ существенную услугу продолжателямъ изданія. При помощи его они могли подвергнуть тщательному пересмотру весь оставшійся по смерти покойнаго А. Л. Дювернуа матеріаль и устранить замѣченныя въ немъ неисправности. (Предисловіе VIII—IX и дополн. къ 9-му вып. 35 стр.). Такія же поправки сдѣланы при помощи г. Влайкова и въ изданныхъ при жизни покойнаго первыхъ двухъ выпускахъ. Поправки эти касались главнымъ образомъ значеній и основныхъ формъ помѣщенныхъ тутъ словъ, перечень которыхъ, съ разставленными на нихъ удареніями, продолжатели изданія, какъ мы уже говорили выше, сочли нужнымъ приложить къ 3-му выпуску. Далѣе участіе г. Влайкова позволило продолжателямъ изданія «оживить до нѣкоторой степени матеріаль, собранный составителемъ словаря. Это было достигнуто (начиная съ IV, выпуска, съ буквы *к*) прибавленіемъ примѣровъ (безъ цитатъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ недоставало для первоначальнаго значенія слова, или же, когда примѣръ былъ нуженъ для уясненія уже имѣвшихся» (см. Дополненіе къ IX вып.). Наконецъ, Влайкову издатели, по ихъ собственному признанію, «много были обязаны и уясненіемъ словъ и темныхъ выраженій, нуждающихся въ бытовыхъ объясненіяхъ» (см. тамъ же 35 стр.). Издатели позволяли себѣ дѣлать и другія подобнаго рода дополненія, заимствуя ихъ изъ разныхъ книгъ, которыми составитель словаря не могъ пользоваться. Кромѣ того, они «въ интересахъ полноты прибавляли несомнѣнно чисто-болгарскія народныя слова и безъ примѣровъ изъ словарей Цанкова, Богорова

и Морса», которыми покойный очень мало пользовался. Благодаря всему этому, вторая большая часть разсматриваемаго словаря вышла не только исправнѣе, но и сравнительно полнѣе 1-ой, т. е. первыхъ двухъ выпусковъ.

III.

О словарѣ Дювернуа, на сколько мы знаемъ, до сихъ поръ въ печати появлялись лишь краткіе отзывы, вызывавшіеся выходомъ въ свѣтъ отдѣльныхъ его выпусковъ, особенно первыхъ. Между этими отзывами большей частью сочувственными, мы находимъ и одинъ суровый приговоръ, напечатанный на страницахъ «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина» (I, 25 стр.). Это—тотъ самый Сборникъ, во 2-омъ томѣ котораго, какъ мы говорили выше, помѣщена статья съ извѣстнымъ отзывомъ объ одномъ изъ главныхъ участниковъ въ изданіи разсматриваемаго словаря, именно, о г. Влайковѣ, какъ о выдающемся болгарскомъ писателѣ и отличномъ знатокѣ болгарскаго народнаго языка. Авторъ этого приговора, писаннаго, нужно замѣтить, въ 1889 г., когда изданіе словаря было уже окончено, зналъ лишь о первомъ выпускѣ; но это не помѣшало ему высказаться въ слѣдующихъ выраженіяхъ обо всемъ изданіи: «Къ сожалѣнію, Дювернуа обманулъ наши ожиданія. Его словарь переполненъ ошибками и для насъ болгаръ едва-ли имѣетъ какое-либо значеніе. Вѣроятно, уважаемый филологъ раздѣлялъ мнѣніе Безсонова, который еще въ 1855 г. радовался, что при пособіи приложеннаго къ его сборнику небольшого словарика, затѣмъ съ помощью словарика при грамматикѣ Цанковыхъ и «Карманной книжки для русскихъ воиновъ» С. В. Филаретова можно будетъ составить словарь болгарскаго языка». — Этотъ приговоръ, въ искаженномъ видѣ передающій и слова Безсонова, настолько несерьезенъ, что мы бы и не остановились на немъ, если бы онъ не былъ перепечатанъ недавно безъ всякихъ оговорокъ въ одномъ очень почтенномъ русскомъ журналѣ. Последнее обстоятельство

заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на ошибкахъ разсматриваемаго словаря и на источникахъ, по которымъ онъ составленъ. Объ ошибкахъ будетъ еще рѣчь впереди, здѣсь же остановимся на источникахъ.

Перечисленными въ началѣ нашей рецензіи словарными работами очень мало пользовался составитель словаря. Нѣкоторыя изъ нихъ по своей недоступности остались ему совершенно неизвѣстными, каковы: Москопольскій словарикъ, обнародованныя въ «Болгарскихъ книжицахъ» небольшія извлеченія изъ словаря Неофита и спеціальныя словарики Михаила Павлова и Хрулева. Въ изданный Императорской Академіей Наукъ отрывокъ изъ словаря Герова покойный А. Л. Дювернуа, несомнѣнно, имѣвшій его въ своихъ рукахъ, почему-то и не заглядывалъ. Очень рѣдко онъ заглядывалъ и въ словарь Богорова, а также и въ словарики Цанковыхъ, Морса и др., несомнѣнно, бывшіе у него подъ руками. Этими словариками пользовались только продолжатели изданія, начиная съ 3-го выпуска. Нельзя не пожалѣть о такомъ отношеніи автора къ работамъ его предшественниковъ. Правда, онѣ прибавили бы къ собранному имъ лексическому матеріалу не болѣе сотни употребительныхъ въ болгарскомъ народномъ языкѣ словъ, но и такими крупницами не слѣдовало бы пренебрегать, тѣмъ болѣе что между ними встрѣчаются нѣсколько любопытныхъ реченій, каковы:

— *бълецъ* (въ слов. Богорова) — un Séculier, frère lai, ср. др.-сл. *бъльць* — laicus. См. и въ словарѣ Герова.

— *беседимъ* (говорю) — въ словарѣ Неофита, по которому слово это сохранилось въ западной Македоніи (Драгановъ считаетъ его принадлежностью только говора Бандовцевъ), Срав. *бесяда*, *бесяди* въ языкѣ семиградскихъ болгаръ.

— *бигоръ*, по объясненію Неофита значитъ: 1) какой-то мягкій, пористый камень, 2) нѣчто солёное, горькое. Приблизительно такъ же объяснено это слово и у Герова.

— *бочникъ*, у Неофита и Герова — боковая складка женскаго платья.

— *вабимъ* и *вабѣж*, у Неофита и Герова — приманиваю, ваблю.

— *вагарецъ* —, у Неофита (у Герова и *вжарецъ*) — какое-то паразитное животное.

— *варзилка* и *варзило*, у Герова — красное дерево, которымъ красять яйца къ Пасхѣ; сандалъ (слово это, какъ намъ извѣстно, встрѣчается и въ формѣ *вардзія*).

— *варякамъ*, у Герова — плакать съ крикомъ, вопить.

— *верверица*, у Богорова — бѣлка.

— *веревъ*, по объясненію Герова употребляется въ такихъ выраженіяхъ, какъ «рѣжж на веревъ» — рѣжу наискось.

— *вириж*, у Герова и Морса — поднимаю вверхъ.

— *влака*, у Герова — родъ, порода, племя.

— *жидъ*, у Богорова — великанъ.

Повидимому у автора былъ строго-обдуманнѣйшій планъ, основать свой трудъ исключительно на памятникахъ народнаго языка и новѣйшей письменности болгаръ, другими словами, вносить въ словарь лишь такой лексикографическій матеріалъ, который встрѣчается въ этихъ памятникахъ. Такихъ памятниковъ въ то время, когда обдумывался планъ разсматриваемаго словаря, было уже довольно много. Ново-болгарская письменность, которая въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія представлялась 3—4 книжками, въ 70-хъ годахъ насчитывала уже до 1000 разныхъ изданій, въ числѣ которыхъ находилось и довольно много памятниковъ народнаго языка, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Воспользоваться всѣми этими изданіями было, конечно, не по силамъ, да и не по средствамъ одного человѣка. Нужно было дѣлать выборъ между ними. Посмотримъ, какъ справился нашъ авторъ съ этой задачей.

Списокъ книгъ, по которымъ началось собираніе матеріала для разсматриваемаго словаря, изданъ въ прибавленіи ко 2-му выпуску послѣдняго, сейчасъ послѣ «Введенія» на страницахъ XXV—XXVI. Въ немъ перечислено около 30 болгарскихъ изданій, въ томъ числѣ *Льтоструй* Данова, состоящій изъ восьми

книгъ, и «Периодическое списание болгарскаго книжевнаго дру- жества», 12 кн. Брайльскои серіи и 12 кн. Срѣдецкой, или Со- фійской. Разсматривая означенный списокъ источниковъ, мы за- мѣчаемъ, что между послѣдними находятся всѣ изданные до на- чала 80-хъ годовъ этнографическіе сборники, содержащіе бога- тый матеріалъ для словаря народнаго языка. Кромѣ сборника Безсонова, въ которомъ объединены почти всѣ появившіеся до 1855 года памятники народнаго творчества болгаръ, мы нахо- димъ тутъ богатѣйшіе содержаніемъ сборники Миладиновыхъ, Чолакова, Верковича (Песне Македонски Бугара 1860), Ка- равелова, Дозона, а также Показалець Раковскаго. Кромѣ того, мы находимъ тутъ и нѣкоторыя періодическія изданія, въ которыхъ помѣщенъ значительный запасъ памятниковъ народнаго языка и быта болгаръ, именно: Периодическо списание болгар. кн. дружества, «Знаніе» (журналъ Каравелова), «Болгарская старина» Раковскаго. — Въ этомъ списокѣ, можно сказать, не значатся только два изданія, въ которыхъ содержатся болѣе или менѣе интересныя памятники народнаго творчества, изданные до начала составленія словаря. Это, во-первыхъ, обнародованныя въ *Извѣстіяхъ* Императорской Академіи Наукъ и въ *Приложеніяхъ* къ нимъ (1852—1856 г.) болгарскія пѣсни и пословицы. (Впрочемъ значительная часть этихъ пословицъ переиздава въ сборникахъ Каравелова и Чолакова, которыми пользовался составитель словаря). Во-вторыхъ, издававшійся въ Константи- нополѣ (1858—1862 г.) журналъ «Български книжици», въ которомъ, кромѣ пѣсень, записанныхъ въ разныхъ краяхъ Бол- гаріи и довольно большого собранія пословицъ изъ сборника Славейкова, помѣщены и тѣ выдержки изъ словаря Неофита, о которыхъ мы говорили выше. Пренебрегать этимъ журналомъ, правда, весьма рѣдко теперь встрѣчающимся, не слѣдовало уже и потому, что въ немъ помѣщались труды лучшихъ болгарскихъ писателей 60-хъ годовъ. — Богатый лексикографическій мате- ріалъ, заключающійся въ перечисленныхъ выше памятникахъ народнаго языка, былъ, повидимому, причиною того, что соста-

витель словаря не особенно гонялся за «произведеніями новѣйшей печати». Впрочемъ и самый выборъ такихъ *произведенийъ* является дѣломъ весьма труднымъ. Болгарская письменность до 80-хъ годовъ состояла главнымъ образомъ изъ учебниковъ для народныхъ школъ, да изъ переводныхъ книгъ поучительнаго и беллетристическаго содержанія. Периодическая печать, за исключеніемъ пяти, шести журнальковъ учено-литературнаго или педагогическаго характера, состояла изъ газетъ. Самостоятельныхъ литературныхъ произведеній и притомъ такихъ, которыя занимались бы художественнымъ воспроизведеніемъ народного быта болгаръ и отъ которыхъ только и могъ бы ожидать поживы составитель болгарскаго словаря, было очень мало. Болѣе извѣстныя изъ нихъ и значатся въ рассматриваемомъ спискѣ источниковъ, именно: «Горскій пѣтникъ» Раковскаго, повѣсть Друмева (митрополита Климента) «Нещастна фамилия» (которая сначала появилась въ Болгарскихъ книжницахъ, а потомъ издана отдѣльно въ Руссе); нѣкоторые рассказы и повѣсти Любена Каравелова, изданные въ его журналѣ «Знаніе»; повѣсть Ил. Блъскова «Злочеста Кръстинка»; драма Кира Петрова «Сиромыхъ Танчо». Къ самостоятельнымъ произведеніямъ болгарской печати, внесеннымъ въ рассматриваемый списокъ, можно отнести и книжки «Лѣтоструя» Данова, пользовавшіяся въ 70-хъ годахъ громадною популярностью среди болгаръ. Что бы ни говорили о нѣкоторой неряшливости этого изданія, но оно своимъ «нестрымъ содержаніемъ» захватываетъ разныя стороны народнаго быта и содержитъ въ себѣ богатый лексикографическій матеріалъ. Въ виду этого мы находимъ внесеніе «Лѣтоструя» въ число источниковъ рассматриваемаго словаря весьма удачнымъ. Удачнымъ считаемъ также и выборъ «Готварской книги» или «наставленія за всѣкакви гостбы».—Говоря объ оригинальныхъ произведеніяхъ болгарской письменности, мы позволимъ себѣ выразить сожалѣніе, что составитель словаря не воспользовался и такими же сочиненіями Славейкова, особенно сатирическими, именно: его юмористическими

календарями и газетой «Гайда». — Изъ переводныхъ произведеній въ разсматриваемомъ списокѣ значатся нѣкоторые переводы лучшихъ болгарскихъ писателей: Славейкова (Робинзонъ, Эзоповы басни и пр.), Михайловскаго (Телемахъ), Бончева (Разбойники Шиллера, Тарасъ Бульба) и др. менѣе извѣстныхъ. При опредѣленіи значеній турецкихъ словъ А. Л. Дювернуа пользовался турецко-франц. словаремъ Киффера и Бьянки, который также помѣщенъ въ списокѣ.

Въ послѣднемъ однако отмѣчены далеко не всѣ источники словаря. Продолжатели изданія дополняли первоначально-собранный матеріалъ, какъ было замѣчено выше, пользуясь и другими источниками не только давно вышедшими, каковы, напр. Букварь Беровича, Библия и др., но и такими, которые появлялись въ самое послѣднее время, каковы, напр., богатый запасомъ народныхъ словъ изданія Блѣскова, Бончева (нар. пѣсни), Илиева (Сборн. пѣсень), Качановскаго (Сборн. п.), Любенова (Баба-ега), Маринова (загадки), Шапкарева (сказки). Далѣе, они пользовались спискомъ словъ съ ринезмомъ, изд. въ Макед. сборникѣ Офейкова, а также словарикомъ Драганова. Кромѣ того они пользовались нѣкоторыми новѣйшими произведеніями болгарскаго поэта Вазова, а также сочиненіями Ботева и вышедшимъ недавно Полнымъ собраніемъ сочиненій Каравелова. Въ послѣдней части словаря мы встрѣчали также ссылки на нѣкоторые изъ новѣйшихъ болгарскихъ журналовъ, каковы: Наука, Трудъ, «Книжици за прочитъ». Вообще мы можемъ сказать, что составитель и издатели словаря имѣли въ своихъ рукахъ удачно выбранные источники, довольно значительные по количеству и разнообразны по своему содержанію. Спрашивается, какъ воспользовались они своими источниками и на сколько ихъ исчерпали.

IV.

Источники, легшіе въ основаніе словаря, изобилуютъ многими типографическими погрѣшностями, какія до недавняго вре-

мени были обыкновеннымъ явленіемъ въ болгарскихъ изданіяхъ. Кромѣ того, памятники народнаго языка не свободны и отъ другого рода ошибокъ, допущенныхъ собирателями, которые не всегда вѣрно передавали нѣкоторыя своеобразныя черты болгарской народной рѣчи. Такихъ идиотизмовъ, естественно, должно быть очень много въ языкѣ, развивавшемся въ теченіе вѣковъ при отсутствіи какой-нибудь національной литературной школы и подѣ влияніемъ разныхъ языковъ: турецкаго, греческаго, албанскаго, румынскаго, сербскаго и др. Памятники языка письменнаго, обработка котораго началась лишь съ недавняго времени, представляютъ и другія затрудненія для пользующихся ими съ лексикографической цѣлью. Писатели болгарскіе, не связанные какими-нибудь прочно-установившимися литературными традиціями или требованіями какой-нибудь школы, пользовались безграничной свободой въ выборѣ словъ для выраженія своихъ мыслей. Сочиненія ихъ изобилуютъ многими словами и формами, безъ разбору заимствованными изъ того или другого языка, или неудачно скованными вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ свойствъ народнаго языка и уже по одному этому недолговѣчными.

Само собою разумѣется, что пользованіе такого рода памятниками съ лексикографической цѣлью должно сопровождаться строгою критикой, для каковой необходимо, конечно, основательное знаніе языка, не только теоретическое, какимъ въ настоящее время и невозможно запастись въ достаточной степени при отсутствіи сколько-нибудь пригодныхъ для этого пособій, но главнымъ образомъ и практическое, охватывающее притомъ главнѣйшіе, по крайней мѣрѣ, болгарскіе говоры. Такого знанія, которымъ, кстати замѣтимъ, въ настоящее время не могутъ похвалиться и записные, такъ сказать, болгарскіе филологи, невозможно было ожидать и отъ покойнаго А. Л. Дювернуа. Путешествіе по Болгаріи, несомнѣнно, обогатило его многими свѣдѣніями по болгарской діалектологіи, познакомило со многими тонкостями болгарской рѣчи, какъ свидѣтельствуеть представ-

ленный имъ въ Введеніи къ словарю «Обзоръ болгарскихъ гласныхъ», гдѣ мы находимъ не мало такихъ наблюдений надъ нѣкоторыми особенностями болгарской фонетики, которыя раньше не были никѣмъ замѣчены. Къ сожалѣнію однако это путешествіе было не продолжительно и могло коснуться лишь одной части болгарской земли. Тотъ же «Обзоръ болгарскихъ гласныхъ» нѣкоторыми неудачными, по нашему мнѣнію, обобщеніями и принятымъ безъ всякой критики мнѣніемъ Кавица о томъ, что Калоферскій говоръ есть самый типичный представитель болгарскаго языка, показываетъ, что практическое знакомство автора съ послѣднимъ было нѣсколько одностороннимъ. Это хорошо сознавалъ и самъ онъ, если послѣ выпуска въ свѣтъ начала своего труда сталъ серьезно помышлять, какъ мы видѣли, о перенесеніи изданія въ Болгарію. Къ чести покойнаго нужно однако сказать, что онъ осторожно пользовался своими источниками и удачно преодолѣлъ тысячи затрудненій, встрѣчавшихся ему при извлеченіи изъ нихъ необходимаго матеріала, равно какъ и при разработкѣ послѣдняго. Съ нѣкоторыми же трудностями онъ не могъ справиться, вслѣдствіе чего при подборѣ словъ и объяснительныхъ къ нимъ примѣровъ иногда впадалъ въ погрѣшности. Такія неисправности встрѣчаются и въ предлагаемыхъ имъ толкованіяхъ нѣкоторыхъ словъ. О промахахъ послѣдняго рода мы будемъ говорить далѣе, здѣсь же остановимся на ошибкахъ, допущенныхъ при подборѣ, сортировкѣ и внѣшней вообще разработкѣ матеріала. Разсмотрѣніе этого рода ошибокъ дастъ намъ возможность наглядно ознакомиться съ отношеніемъ автора къ источникамъ и со свойствомъ тѣхъ трудностей, которыя ему приходилось преодолевать при пользованіи послѣдними. Нужно замѣтить, что ошибки, которыя мы здѣсь имѣемъ въ виду, встрѣчаются главнымъ образомъ въ первыхъ двухъ выпускахъ, приготовленныхъ къ печати и обнародованныхъ, какъ мы уже знаемъ, исключительно трудомъ А. Л. Дювернуа безъ всякой посторонней помощи. Нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ исправлены въ прибавленіяхъ къ дальнѣйшимъ выпускамъ продолжателями

изданія, имѣвшими возможность пользоваться содѣйствіемъ г. Влайкова, но кой-какія остались незамѣченными. На нихъ-то мы и остановимся главнымъ образомъ.

Одинъ изъ діалектическихъ вариантовъ удвоеннаго предлога *sz* (въвъ), именно вариантъ *asz* (отъ *vasz*) въ прекрасномъ по содержанію Сборникѣ македонскихъ пѣсень Верковича очень часто пишется, какъ двѣ отдѣльныя частицы *a* и *sz*. Эта ошибка издателя названнаго сборника, не понятае авторомъ словаря, дала ему поводъ приписать и такое значеніе болг. частицѣ *a*, котораго она въ дѣйствительности не имѣетъ. По его толкованію, *a* есть, между прочимъ, «слагающая и предупреждающая разныя члены предложенія частица, употребляющаяся въ эпическомъ строѣ рѣчи». Эти слова автора, равно какъ и приведенные къ нимъ объяснительные примѣры изъ сборника Верковича — совершенно неумѣстны.

Подъ словомъ *айлякз* (тур.) — мѣсячное содержаніе, приведенъ примѣръ съ словомъ *айлякз*, которое авторъ принялъ за тождественное съ первымъ, тогда какъ оно отличается отъ него, какъ по производству, такъ и по значенію и заслуживаетъ особаго мѣста въ азбучномъ порядкѣ¹⁾. Если бы авторъ заглянулъ въ словарь Герова, гдѣ слово *айлякз* значитъ на своемъ мѣстѣ и гдѣ оно переведено совершенно правильно (незанятый), то онъ бы уберегся отъ такой ошибки.

Въ объясненіяхъ къ словамъ *бабо*, *бабойко* — отецъ, встрѣчаемъ примѣръ съ словомъ *баби*, дат. п. отъ *баба* (бабушка), невѣрно принятымъ за ласкательную форму объясняемаго тутъ слова *бабо*. Въ подборѣ объяснительныхъ примѣровъ къ этому слову встрѣчается и другая неисправность, на которой мы не будемъ останавливаться, такъ какъ пользующіеся словаремъ легко могутъ устранить ее сами.

Слово *барз* — (по крайней мѣрѣ), хорошо объясненное подѣ

¹⁾ Слово *айлякз* внесено въ «Списокъ словъ съ удареніями», гдѣ и переведено правильно. При этомъ однако не указано на тотъ промахъ, который мы здѣсь отмѣчаемъ.

тожественнымъ съ нимъ *баре*, выставлено и на своемъ мѣстѣ, гдѣ авторъ тщетно пытался произвести отъ него и такимъ образомъ объяснить два очень темныхъ, дѣйствительно, слова, именно: *бара*, встрѣчающагося въ апострофическомъ выраженіи «о мой бара!» въ сборн. Милад., и *баренз* въ *локуціи* «шарени барени, като детелина», употребленной въ Лѣтоструѣ Данова для обозначенія нравственной пестроты или разношерстности болгарскаго общества. По нашему мнѣнію, первое изъ этихъ словъ, именно *бара* въ выраженіи «о мой бара!» слѣдуетъ сопоставлять съ серб. *бора*, употребленнымъ въ подобныхъ же выраженіяхъ вмѣсто слова *Богъ*:

Не умри, сынокъ, за бора!¹⁾.

О бора ти, драги господару!

Что касается второго изъ занимающихъ насъ здѣсь словъ, т. е. *барени*, то, по всей вѣроятности, оно происходитъ отъ *багрити* — красить багрецомъ, какъ и *шарени* отъ *шарити* — рисовать, расписывать. Такимъ образомъ Дановская локуція «шарени, барени, като детелина», по нашему мнѣнію, значитъ: расписаны и раскрашены, какъ цвѣтокъ клевера. Тутъ намъ невольно приходится на умъ выраженіе *Томовой Палеи*: «такъ же бо зарям свѣтлѣющимся и багром шареющимся».

Бълмушигиз. Такъ обозначено въ словарѣ названіе кушанья, «отмѣченнаго Каницемъ въ Троянскомъ перевалѣ Балканъ орфографіей *Velmoißs*». Авторъ словаря не понялъ, что Каницъ неточно передалъ такую орфографію названіе очень извѣстнаго болгарскаго кушанья *бълмжи*, *бълмжжси* (уменьш.) или *бълмажси*.

Подъ турец. словомъ *бѣля*, правильнѣе *беля* (бѣдствіе, бѣда), находимъ одинъ примѣръ, показывающій, что авторъ смѣшалъ съ нимъ слово *бѣлю* (зват. пад. отъ *бѣлз*), употребленное какъ кличка бѣлой собаки. Авторъ невѣрно понялъ и другой изъ при-

¹⁾ См. въ словарѣ Караджича подъ словомъ *бора*.

веденныхъ имъ тутъ примѣровъ, изъ коего вывелъ особое значеніе этого слова—*прорѣха*, какого оно не имѣеть.

Глаголь *блѣж* въ болг. языкѣ значитъ не только «бѣлю, мою» и т. п., но еще и снимаю кору, облупляю кожу (переносно — *обдираю*). Последнее значеніе, указанное въ словарѣ Неофита и Герова, упущено изъ виду авторомъ, который тутъ создалъ особый, не существующій глаголь *блѣж* (отъ вышеозначеннаго тур. слова *беля*) со значеніемъ *дѣлаю несчастнымъ*¹⁾.

Въ журналѣ Каравелова «Знаніе» встрѣчается странное выраженіе: *блѣжтъ буника* (*hyosciamus niger*). — Составитель словаря вѣрно понялъ, что тутъ Каравеловымъ употреблено серб. слово *буника* для названія *белены* (см. въ словарѣ подъ словомъ *буника*). Что касается слова *блѣжтъ*, которое, очевидно, напечатано такъ вмѣсто *лѣжтъ* (лекарство), то относительно его нашъ авторъ, не понявъ, что имѣеть тутъ дѣло съ опечаткой, сообразилъ, что слово это есть болг. названіе *белены* и внесъ его въ этомъ видѣ въ словарь. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что вслѣдъ за этимъ словомъ мы находимъ въ последнемъ *блено биле* — зеліе, бредъ наводящее, чарующее; а нѣсколько дальше встрѣчаемъ и настоящее болгарское названіе *белены*, именно—*блѣж*, но авторъ указалъ подъ нимъ лишь переносное значеніе его: мечта, воображеніе, иллюзія.

Глаголь *боравѣж*—длиться, бывать, заниматься, выставленъ два раза въ азбучномъ порядкѣ, причемъ одинъ разъ съ возвр. мѣст. *са*, съ какимъ онъ никогда не встрѣчается.

Подъ словомъ *борѣ*—сосна, встрѣчаемъ одинъ, неудачно отнесенный сюда, примѣръ съ выраженіемъ *борѣ юнацы*, въ которомъ слово *борѣ* = отборъ вмѣсто эпитета *отборные*.

Буренецъ, уменшит. отъ *буренъ* (бурьянъ), принято за уменшит. отъ *буре* (боченокъ).

¹⁾ Въ «Спискѣ словъ съ удареніями», помѣщенномъ въ 8-мъ выпускѣ, правильно показаны оба значенія глагола *блѣж*, но не исправлена и та ошибка, о которой мы здѣсь говоримъ.

Слово *буче*, встрѣчающееся, насколько намъ извѣстно, лишь въ одной прибауткѣ, авторъ сблизилъ съ сербскимъ словомъ *буче* (индѣйскій пѣтухъ), хотя прибаутка, которую онъ здѣсь приводитъ, дѣлаетъ такое сближеніе невозможнымъ. При этомъ имъ не принято во вниманіе толкованіе Каравелова, который видитъ въ этомъ словѣ уменьш. отъ *букъ*¹⁾.

Подъ словомъ *вижъ* указано сл. *вика*, какъ діалектическое (македонское) видоизмѣненіе перваго. Но изъ объяснительнаго примѣра къ сл. *вика* видно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ глаг. формой, наст. вр. ед. ч. 3-го лица отъ *викамъ* — зову, кричу.

Подъ словомъ *вадж* предпоследній объяснительный примѣръ «да си вадятъ очитѣ» неправильно отнесенъ къ 6-му значенію этого глагола (орошаю); его мѣсто подъ 2-мъ значеніемъ (вынимаю) или подъ 3-мъ (выцарапываю).

Подъ глаголомъ *вратжъ* приведенъ примѣръ, въ которомъ встрѣчается слово *вратъ*, невѣрно принятое за повелит. наклон. отъ этого глагола, такъ какъ мы, несомнѣнно, имѣемъ въ немъ форму наст. вр. мн. ч. 3-го лица отъ глагола *връжъ* киплю.

Врачешъ, встрѣчающееся у Каница названіе извѣстнаго села у одного изъ балканскихъ переваловъ (Араба-конаккаго), авторъ принялъ за нарицательное имя *воротца*.

Подъ *вржжъ* — возвращу, верну, некстати приведенъ примѣръ изъ Верковича: «когда я Яна турчиха, жежки камня врнеха», ибо тутъ *врнеха* значитъ падали съ неба, какъ дождь; срав. въ сборн. Илиева (134): «до три години дош (дождь) не миврна». См. и въ словарѣ Герова *варни* (вост.-болг. вариантъ вл. врѣне) = дождь идетъ, дождитъ. Съ такимъ же точно значеніемъ мы находимъ это слово (врѣни) въ спискѣ, яко бы исключительно—Бандовскихъ словъ Драганова²⁾.

¹⁾ Мы думаемъ, что слово *буче*, происходящее, несомнѣнно, отъ *букъ*, употреблено въ указанной прибауткѣ, какъ названіе какой-то мѣстности. Такія мѣстныя названія встрѣчаются и у сербовъ. См. въ словарѣ Даничича подъ словомъ *виѣје*

²⁾ Подобнаго рода смѣшенія мы замѣтили еще подъ словами: *ала* (къ которому невѣрно отнесены *ала* и *алалет*); *бижъ*—бью, съ нѣкоторыми формами

Глаголь *врѣчѣ* въ Лѣтоструѣ Данова является ореографическимъ вариантомъ, быть можетъ, и болѣе правильнымъ этимологически, весьма распространеннаго у болгаръ глагола *врѣчѣ*, *врѣкамъ* или *врѣчѣж*, *врѣкамъ*—летаю. Авторъ не понявъ этого и, принявъ *врѣчѣ* за особый глаголь, приписалъ ему не существующее значеніе—грохочу, шумлю, щебечу. Указывая послѣднее изъ этихъ значеній т. е. *щебечу*, онъ, повидимому, мысленно сближалъ глаголь *врѣчѣж* съ др.-слав. *врѣкати*. Такое сближеніе и намъ кажется возможнымъ въ этимологическомъ отношеніи, но остюда еще не слѣдуетъ заключать о нынѣшнемъ значеніи болг. *врѣчѣж*.

Слово *кастанджи* отъ *кастанъ* (кафтанъ) невѣрно принято за видоизмѣненіе *кайтанджи* (бахромщикъ) отъ *кайтанъ*.

Въ сборн. Милад. (стр. 527—8) говорится, что недалеко отъ Охриды на горѣ Гжбовци находится небольшой монастырь во имя св. Герасма. Такъ, т. е. съ придыханіемъ *з*, нѣкоторые болгаре произносятъ имя св. Седмичисленника Еразма (Горазда). Ср. въ сборн. Милад. *язз* вм. *язъ*, *язребица* вм. *яребица* и пр., срав. также др.-слав. *яеноуарь* при *кмуарь* = *ianuarius*. Упустивъ изъ виду эту діалектическую особенность болгарскаго языка, довольно часто встрѣчающуюся и въ объяснительныхъ примѣрахъ разсматриваемаго словаря, авторъ послѣдняго понявъ, что въ указанной замѣткѣ Миладиновыхъ рѣчь идетъ о св. Герасимѣ, имя котораго онъ при этомъ обозначилъ въ красной строкѣ въ формѣ *Герасъмъ*.

Подъ глаголомъ *даджѣ*, *дадж*, *дамъ*, *давамъ* невѣрно принято (на стр. 445) за форму повел. накл. этого глагола междометіе *дейди* (*дейиди*, см. подъ сл. *иди*). Въ послѣднемъ изъ объяснительныхъ примѣровъ къ этому же глаголу (на стр. 458) также невѣрно принято за повел. накл. отъ него *дай*, въ которомъ мы

котораго смѣшаны формы глагола *быти*; *бѣдемъ*—будущій, къ которому отнесено *будни*, *будемъ*—правильно впрочемъ переведенное на своемъ мѣстѣ—*бодрый внимательный*.

имѣемъ сокращенное, слитное написаніе двухъ отдѣльныхъ словъ *да е* (да есть).

Глаголь *деверувамъ* принять за уменьшит. отъ сущ. *деверъ*.

Подъ словомъ *джебъ* — карманъ, въ послѣднемъ изъ объяснительныхъ къ нему примѣровъ встрѣчаемъ любопытное слово *джунче*, невѣрно принятое за уменьшительную форму отъ *джебъ*. Мы не сомнѣваемся, что *джунче* есть чрезвычайно любопытный въ фонетическомъ отношеніи діалектической вариантъ уменьшит. *еюнче* отъ *еюнтинъ* (цыганъ). Сравн. древн.-слав. *Елюнтъ*, *еюнтънинъ*, въ которыхъ нѣкоторые глаголическіе памятники, какъ Сборникъ Клоцовъ, Синайская псалтырь и пр., пишутъ вмѣсто з известную глаголическую букву.

Къ вышеозначеннымъ неисправностямъ относятся еще слѣдующія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не находилъ въ источникахъ начальной формы намѣченныхъ имъ для внесенія въ словарь реченій, онъ долженъ былъ самъ отгадывать ее и, надо отдать ему справедливость, вообще удачно справлялся съ этой нелегкой задачей. Иногда впрочемъ и тутъ онъ впадалъ въ ошибки. Такъ слово *акжла* (въ выраженіи «болѣло го глава отъ акжла му»), въ которомъ имѣемъ членную форму отъ *акжлъ*—умъ, разумъ (акжлтъ, акжлатъ, съ отпаденіемъ члена=акжла), выставлено у него въ азбучномъ порядкѣ съ окончаніемъ *а*, какъ сущ. женск. рода, причемъ и переведено невѣрно—многояденіе.

Такой же промахъ находимъ и подъ междометіемъ *ахъ*, гдѣ приведенъ примѣръ съ словомъ *ахту* (усѣченная членная форма отъ турец. слова *ахтъ*—жажда мести), принятымъ за какое-то діалектическое видоизмѣненіе этого междометія.

Слово *врукъ*, въ выраженіи *врукъ леба* — горячій хлѣбъ, нашъ авторъ совершенно вѣрно считаетъ причастіемъ, перешедшимъ въ македонскій говоръ изъ сербскаго языка; но при этомъ онъ создалъ для него основную форму *вруштъ*, невозможную ни въ сербскомъ, ни въ болгарскомъ.

Какъ основную форму слова *лавоболити*, встрѣчающагося въ объяснительномъ примѣрѣ только во множ. ч. съ значеніемъ—

хлопоты, авторъ выставилъ въ красной строкѣ — *лавоболемъ* м. р. вмѣсто *лавоболмца* ж. р. Точно также неправильно выставляются имъ, какъ основныя формы: *муцера* вм. *муцеръ*; *жила*, *жема* вм. *жежъ*. При множ. числѣ *коски* (діалект. вм. кости) показана, какъ единств. число форма *коска* вм. *коскъ*.

Нѣкоторыя имена существ., употребляемыя лишь во множ. числѣ съ окончаніемъ *овци*: *бейовци*, *господиновци*, *готовановци*, *градовци*, *грошовци*, *дебеловци* и пр., выставлены въ единств. числѣ съ окончаніемъ *овецъ*: бейовець, господиновець, готовановець, градовець и т. д., съ каковымъ они не встрѣчаются.

Слово *бесѣж* (бѣсѣж) показано въ красной строкѣ, какъ глаголъ соверш. вида — повѣшу, между тѣмъ, какъ видно и изъ объяснительнаго къ нему примѣра, онъ въ этой формѣ употребителенъ съ значеніемъ — *вѣшаю*, нес. в.

Подъ *блѣвамъ* — испытываю тошноту, изрыгаю, показанъ какъ учащательная форма его, гл. *блѣкамъ*, въ которомъ однако мы имѣемъ несовер. видъ совсѣмъ другого глагола *бликнѣ* — польюсь, хлыну.

Таковы болѣе существенныя изъ ошибокъ, сдѣланныхъ авторомъ разсматриваемаго словаря при подборѣ и внѣшней обработкѣ лексикографическаго матеріала. Принимая во вниманіе громадность послѣдняго, наполняющаго собою болѣе двухъ съ половиной тысячъ страницъ, мы находимъ, что количество этихъ промаховъ — не очень значительно. Нѣкоторые изъ нихъ можно объяснять простымъ недосмотромъ.

Относительно подбора словъ должно сказать еще слѣдующее. При пользованіи источниками, авторъ неохотно бралъ изъ нихъ для внесенія въ свой словарь такія иностранныя слова, которыя онъ встрѣчалъ въ произведеніяхъ новѣйшей болгарской печати, но не находилъ и въ памятникахъ народнаго языка. Поэтому въ его трудѣ мы и не встрѣчаемъ такихъ словъ, какъ — *арханелскій*, *арханелъ*, *архидіаконскій*, *архиепископскій*, *архиепископство*, *архиепископъ*, *архиерей*, *архиерейскій*, *архиерейство*, *архимандритскій*, *архимандритство*, *архимандритъ* и т. д. и т. д. и т. д.,

для каждаго изъ которыхъ Геровъ отводитъ въ азбучномъ порядкѣ своего словаря особое мѣсто. Точно также мы не находимъ въ нашемъ словарѣ и такихъ словъ, которыми переполненъ болгарско-французскій речникъ Богорова, каковы напр.: *магнитенъ*, *магнитъ*, *магъ* (жрецъ), *мадера*, *мадонна*, *мадригаленъ*, *мадригалъ*, *макаронически*, *макаронъ* ед. ч., *макароны* мн. ч. и т. п. или такихъ, какъ — *влиянiе*, *влиятеленъ*, *значенiе*, *значителенъ*, *значительно*, *значительность*, *относителенъ*, *относительно*, *относительность*, *собственность*, *собственъ* и проч. и проч. Невнесеніе такихъ словъ въ разсматриваемый словарь можно поставить только въ заслугу автору. Умѣстныя въ болгарско-французскомъ речникѣ Богорова, подобныя реченія составили бы излишній балластъ въ болгарско-русскомъ словарѣ, каковъ — разсматриваемый, тѣмъ болѣе, что они, какъ легко можетъ замѣтить читатель, перешли въ новую болгарскую письменность большею частію изъ русской литературы. Но поступивъ такимъ образомъ съ подобнаго рода словами, изъ коихъ многія, нужно сказать, получили уже право гражданства въ ново-болгарской письменности, авторъ слишкомъ снисходительно отнёсся къ кое-какимъ измышленіямъ болгарскихъ авторовъ, произведеніями которыхъ онъ пользовался. Онъ отлично зналъ, напр., что сочиненія Раковскаго и нѣкоторыхъ другихъ переполнены словами выдуманными, несуществующими въ народной рѣчи, встрѣчающимися только въ произведеніяхъ ихъ авторовъ (см. его введеніе къ словарю, с. XVII). Тѣмъ не менѣе онъ внесъ кое-какія изъ нихъ и въ свой словарь, какъ, напр., изъ сочиненій Раковскаго: *Бъдай-богъ*, *бъсовище*, *бюмище*, *бракосчисленіе* (бракосочетаніе), *дѣвичина вечеря* (дѣвичникъ), *пльняжникъ* (банкиръ), *храбренъ* (храбръ), *жзмища* *жзмище*; изъ славянской Веды Верковича: *Дожда-Бога*, богъ плодородія; изъ Лѣтоструя Данова: *найвоевода* — ерцгерцогъ и проч.

Переходя къ вопросу о томъ, насколько исчерпаны источники, мы считаемъ нужнымъ напомнить, что при разсмотрѣніи этого вопроса нужно дѣлать разницу между первоначальными

источниками, указанными въ приложенномъ ко 2-му выпуску списокѣ, и источниками дополнительными, привлеченными къ дѣлу позднѣе (начиная съ 4-го выпуска) продолжателями изданія. При той поспѣшности, съ какою велось изданіе, продолжатели его не могли, конечно, воспользоваться всѣмъ тѣмъ новымъ лексическимъ матеріаломъ, который находится въ дополнительныхъ источникахъ. Такъ, ни въ основномъ текстѣ словаря, ни въ дополненіяхъ къ нему мы не нашли нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ словъ, встрѣчающихся въ сказкахъ Шапкарева и въ сборн. Илиева, напр.: *ожашенъ* — ужаснувшійся (Шапк. 109); *оджашиле се* — ужаснулись (Ш. 114); *волменица* — шерстяная одежда, исподняя (Ш. 120); *горсть* — горсть (Ш. 94); *зуба* — *долна* и *зуба горна* — нижняя и верхняя часть слоенаго пирога (Ш. 57); *дыханія* ж. р., во мн. ч. *дыханни* — звѣри и хищныя птицы (Ш. 16, 141); *иманье* — домашнія животныя, скоть (Ш. 119, 120. Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что слово это съ такимъ же значеніемъ встрѣчается и въ Москопольскомъ словарикѣ); *лялякъ* — летучая мышь (Ш. 10); *окрув*, названіе обрядоваго хлѣба, которымъ мѣняются сосватанные ¹⁾, см. въ сборникѣ Илиева 147 с. Тутъ мы, несомнѣнно, имѣемъ др.-сл. оукроухъ, съ обычнымъ переходомъ *x* въ *e*, *y* въ *o*. Дагѣ: *руцъж*, *рускамъ* — хрущу (у Ил. 380 с. «като ти рускат полите»); *рутишча* у Шап. 22 ст. Господь..... се сторилъ чо'екъ, старецъ со долга бела брада и облеченъ во бели рutiшча (рубища?); *столя* сущ. мн. ч. у Илиева 171 ст., при описаніи дерева:

Столято му сребарени
Клонято му позлатени
Вжршане му ситен бисер.

Повидимому, это слово тождественно съ русскимъ *стволъ*, (ср. болг. *доръ* отъ дворъ, *сторъж* отъ *сътвориж*).

¹⁾ Въ этомъ сборникѣ по ошибкѣ, кажется, напечатано *именен* *окруе* вм. *и менен* *окруе*.

Нельзя сказать, чтобы и первоначальные источники, легшіе въ основу словаря, были исчерпаны съ абсолютной полнотой. Мы не нашли въ немъ кое-какихъ интересныхъ реченій, имѣющихся въ сборн. Каравелова, Миладинова, Верковича и Чолакова, напр. *безтрага* нар. безслѣдно (Кар. 51); *сирж*, глаголь, поднимаю вверхъ (Чол. 144): «градъ бѣе козжтж, а тя си вири опашката»); *мухъ* или *муоъ* уменьшит. *муфче*—мышь (Милад.); *карамула*, встрѣчается въ сборн. Верковича, который невѣрно принялъ его за собственное имя какого-то турка. Слово это находится въ самомъ заглавіи одной изъ македонскихъ пѣсень Верковича, начинающейся слѣдующими стихами (стр. 95):

Юй Стое Стое!
Юй мала моме!
Кавга е *карамула*
На новата махала
До троица ергени
За Стоя са карать.

Въ буквальный переводъ это значитъ: «гой, Стоя Стоя, молодая дѣвица! ссора и *карамула* въ новой махалѣ (части города): трое молодцевъ изъ-за Стои спорять». Нѣтъ сомнѣнія, что въ словѣ *карамула* мы здѣсь имѣемъ известное *крамола*, довольно распространенное въ болгарскомъ языкѣ¹⁾, внесенное и въ рассматриваемый словарь, но безъ указанія на эту любопытную его форму. Укажемъ еще на слово *пулати* = палаты (ср. др.-сл. полата), встрѣчающееся въ сборникѣ Верковича, 147 с., но также не внесенное въ словарь. Впрочемъ такихъ важныхъ упущеній, сдѣланныхъ при пользованіи основными источниками, весьма не много. Всѣ болѣе существенное въ нихъ,

1) Срав. въ словарикѣ проф. Ламанскаго къ Люблинской рукописи, писанной чистымъ народнымъ болгарскимъ языкомъ; см. и «жена крамольница» въ выпискѣ Срезневскаго изъ другого подобнаго же болг. сборника. «Сказанія о антихристѣ и пр.», стр. 64.

можно сказать, извлечено авторомъ. А такъ какъ этихъ источниковъ немало и въ нихъ, какъ мы уже говорили, заключается весьма богатый лексикографическій матеріалъ, то и словарь, основанный на нихъ, вышелъ довольно полнымъ и полнымъ именно общеупотребительными словами, или, хотя и рѣдкими, но весьма интересными въ томъ или другомъ отношеніи, областными реченіями. Мы, думаемъ, не ошибемся, если скажемъ, что рассматриваемый словарь по количеству собранныхъ въ немъ такого рода словъ немногимъ уступаетъ сербскому рѣчнику Караджича (разумѣемъ первое его изданіе).

V.

Къ сожалѣнію, однако, приискиваніе громаднаго количества словъ, имѣющихся въ словарѣ, сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, особенно чувствительными для лицъ, мало знакомыхъ съ особенностями болгарскаго языка. Затрудненія эти зависятъ: 1) отъ расположенія словъ, 2) отъ отношенія автора къ діалектическимъ ихъ видоизмѣненіямъ и 3) отъ отсутствія строгой послѣдовательности въ его орфографіи.

а) Глаголамъ производнымъ не отведено особаго мѣста въ азбучномъ порядкѣ: они, за весьма немногими исключеніями, обыкновенно указываются и объясняются подъ первообразными или, лучше сказать, подъ относительно первообразными¹⁾. Такой приемъ имѣетъ, конечно, свои удобства относительно такихъ, напр., глаголовъ, какъ—*вработъ, вработъ, вработувамъ, вработвамъ; избавотъ, избавотамъ, избавотвамъ, избавотувамъ; капотъ (капаю, каплю), капотамъ, капотвамъ; клепотъ, клепотамъ (бую, ударяю, трещу); осмотамъ (отъ *осмотамъ* см. *осмотамъ*), осмотувамъ и т. п.* Но въ примѣненіи къ такимъ глагольнымъ деривативамъ, образованіе которыхъ сопровождается болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіемъ коренныхъ звуковъ и каковыхъ очень много въ болгарскомъ языкѣ,

¹⁾ Отдѣльно показаны: *откочкамъ* (втыкаю) и *откочкотамъ* (воткну); *кажотамъ* и *кажотувамъ*; *клеткочкамъ* (сичу на корточкахъ) и *клеткочкочкамъ, клеткочкочкочкамъ*; *лечотамъ* и *лечотувамъ*, и еще нѣкоторые другіе.

особенно въ глаголахъ предложныхъ, указанная система автора оказывается крайне-неудобною для начинающихъ изучать болгарскій языкъ. Мы думаемъ, что весьма немногіе изъ пользующихся словаремъ легко догадаются, что, напр., *влячамъ* и *вльчкамъ* нужно отыскивать подъ *вльчж*; *врьскамъ* и *врьснж* подъ *врьштж*; *износж*, *изнисямъ*, *изнасамъ*, *изнасамъ* подъ *изнесж*; *нарочамъ* подъ *наречж*; *наряждамъ*, *наревамъ* подъ *наредж*; *промычамъ* подъ *промъкнж*; *сзираамъ* подъ *сзърж* и т. п.

Иногда подъ нѣкоторыми относительно первообразными глаголами приводятся и такіе, которые сходны съ ними лишь по значенію, но не и по своему происхожденію. Такъ, отъименные *заходж*, *захождамъ* (отъ *ходъ*) показаны подъ *зайдж*; *дохождамъ* — подъ *додж*, *дойдж*; *исцърж*, *исцъривамъ* подъ *исцърмж*. Авторъ, по-видимому, думалъ, что *църж* образовалось отъ *църмж* вслѣдствіе замѣны *л* черезъ *р*, что едва-ли вѣрно. Встрѣчающаяся два раза въ одной болгарской рукописи 13-го вѣка форма *църодъциз* вм. *чародъциз* (см. это слово въ словарѣ Миклошича) не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что очень распространенное теперь у болгаръ съ значеніемъ лекарства существ. *църж* или *църъ*, *царъ* (ср. цѣна и цана) есть діалектическій вариантъ слова *чаръ*—чарованіе, нерѣдко употребляемаго въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ значеніи лѣкарства. Таково, по нашему мнѣнію, и происхожденіе глагола *църж*.

Точно также и производнымъ существительнымъ (уменш. и отглагол.) и прилагательнымъ рѣдко отводятся отдѣльныя мѣста въ алфавитномъ порядкѣ. Весьма часто они указываются подъ своими первообразами¹⁾, иногда очень отдаленными и потому отличающимися отъ нихъ по звуковому составу корней, напр. *гжши*—гусиный, показано подъ *гжска* — гусь; *границе*—подъ *границж*; *клане* (рѣзня) — подъ *колж*; *подаяне* — подъ *подож*; *отгаяне* (откармливаніе) — подъ *отгояж*; *снашица*—подъ *снаха* (сноха) и т. д.

¹⁾ Иногда впрочемъ и наоборотъ, напр. *тетка* и *тетя* показаны подъ *тетинъ*.

Къ этому прибавимъ еще, что многія производныя имена, встрѣчающіяся въ объяснительныхъ примѣрахъ къ разнымъ словамъ, напр. *берене*, *бране*—сборъ; *возене*, *возитба*—перевозка; *ергшене* (молотьба и пр.); *ивацане*—жеваніе; *медане*—глядѣніе; *драскане*, *драсканица*—царапаніе, царапина и пр. не только не указываются въ азбучномъ порядкѣ, но и не отмѣчаются крупнымъ шрифтомъ при своихъ первообразахъ. Очень рѣдко указываются и причастія страдат. залога прош. времени, часто встрѣчающіяся въ объяснительныхъ примѣрахъ, да притомъ въ роли прилагательныхъ именъ. Авторъ, повидимому, полагалъ, что пользующіеся его словаремъ и сами легко догадаются, къ какимъ глаголамъ нужно обращаться за разъясненіемъ значенія такихъ причастій. Но такой расчетъ его тѣмъ неосновательнѣе, что авторъ въ красной строкѣ обозначаетъ глаголы лишь въ формѣ настоящаго времени, основа котораго не всегда совпадаетъ съ инфинитивной основой, отъ которой образуются такія причастія. Нужно быть хорошо знакомымъ съ болгарскимъ языкомъ, чтобы догадаться, напр., что ключъ къ объясненію слова *небрано* въ такихъ выраженіяхъ, какъ *небрано лозе*, нужно отыскивать въ объясненіяхъ къ глаголу *бериж*, а объясненіе слова *ивацана* въ выраженіи *ивацана дума* нужно отыскивать въ объясненіяхъ къ глаголу *ивачж* (жую) и пр.

Авторъ отлично сознавалъ необходимость внесенія въ азбучный порядокъ падежныхъ формъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, и тщательно отмѣчалъ таковыя, какъ: *блазъ* (отъ благъ), *дому*, *зимъ*, *лтъъ*, *снощи* и т. д. Но кое-что изъ этого разряда словъ онъ оставилъ подъ спудомъ, помѣстивъ только въ объясненіяхъ къ другимъ реченіямъ, напр. «очень распространенное во всѣхъ почти болгарскихъ говорахъ нарѣчіе *вездень* (впродолженіе цѣлаго дня) мы находимъ въ объясненіяхъ къ слову *день* и проч.; *памтивѣтка* въ выраженіи «отъ памтивѣтка» (съ незапамятныхъ временъ) встрѣчаемъ въ примѣрахъ подъ словомъ *оце*; *насънь* (во время сна)—подъ словомъ *сънь*; *яцъ* (очень, сильно, отъ *якъ*—сильный) подъ слов. *каматенъ* (красивый) и пр.

Точно также, выставляя въ азбучномъ порядкѣ нѣкоторыя формы звательнаго падежа, какъ напр. *буле* отъ *буля* (невѣста или, правильнѣе, молодая замужняя женщина), *тене* вм. *тейно*, тейко (отецъ), *маме* въ обращеніи къ матери, авторъ не помѣстилъ однако тамъ же и такой любопытный зват. падежъ, какъ *дгити*, который мы находимъ въ объяснительныхъ примѣрахъ.

б) Затрудненія, подобныя вышеуказаннымъ, возникаютъ и отъ отношенія автора словаря къ діалектическимъ видоизмѣненіямъ словъ, очень разнообразнымъ и сложнымъ въ болгарскомъ языкѣ. Въ словарѣ, составленномъ главнымъ образомъ по памятникамъ народнаго языка, записаннымъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, всякій, думаемъ, въ правѣ ожидать указанія не только той формы слова, которую авторъ считаетъ почему-либо нормальною, но и видоизмѣненія ея по говорамъ, на сколько, по крайней мѣрѣ, они отразились въ источникахъ. Если возникновеніе такихъ діалектическихъ вариантовъ сопровождается значительнымъ измѣненіемъ коренныхъ звуковъ слова, то отдѣльное обозначеніе ихъ въ азбучномъ порядкѣ намъ кажется обязательнымъ для составителя такого словаря. Нашъ авторъ отлично сознавалъ эту свою обязанность и старался оправдать возбуждаемая заглавіемъ его словаря ожиданія, но сдѣлалъ это лишь относительно весьма ограниченнаго сравнительно числа діалектическихъ вариантовъ. Въ его источникахъ, напр., слово *бъчва* встрѣчается въ слѣдующихъ разновидностяхъ: *бъчва*, *бачва*, *бочва* и *бочка*. Первые двѣ показаны, отдѣльно каждая, въ азбучномъ порядкѣ основного текста; третью—*бочва* мы находимъ въ дополненіяхъ къ словарю. Что же касается четвертаго болѣе сложнаго варианта *бочка*, то ему не отведено самостоятельное мѣсто въ алфавитѣ: онъ указанъ подъ *бъчва*, гдѣ врядъ-ли кто догадается его отыскивать. Точно также слово *дъждъ* и одинъ изъ вариантовъ его *даждъ* показаны отдѣльно, но другой вар. *дождъ* (дожъ или дош, мн. ч. *дожеи*) мы встрѣчаемъ лишь въ объяснительныхъ примѣрахъ къ слову *дъждъ* и нѣкоторымъ другимъ.

Отдѣльно на своихъ мѣстахъ показаны: *вече* (болѣе, уже),

вечь и *веке*; *жетва* (др.-сл. жатва) и *жэтва* (средне-болг. жжтва), *жетварь* (жнецъ) и *жэтарь*; *жеденъ*, и *жэденъ* *кжнина* (ежевика) и *капина* ¹⁾; *коливо* и *колюво*; *мзники* (отъ мзниц) и *маненки*; *между* и *мею*; *чуждина*, *чужина*, *чуждина* и *тулина*; *дяволщина* и *яволщина*; *дякъ* и *яче*; *кжца* и *куя*; *тетива* и *тютюва*; *цълъ* и *цалъ*; *цъна* и *цана* и пр. Но огромное количество такихъ же, а иногда и болѣе сложныхъ діалектическихъ вариантовъ вовсе не значатся въ красной строкѣ, хотя и часто встрѣчаются въ объяснительныхъ примѣрахъ. Таковы: *яволъ* отъ *дяволъ*; *жювина* отъ *живина*; *мажъ*, *можъ*, *моажъ*, *мзжъ* отъ *мжжъ*; *раамъ* отъ *раждамъ*; *сѣжя* отъ *сѣшитъ*; *стръжя* отъ *сръца* (встрѣча); *фала* отъ *хвала*; *фатж* отъ *хватж*; *юме* отъ *име* и т. д.

Предлогъ *съ* подвергается слѣдующимъ видоизмѣненіямъ въ болгарскихъ говорахъ: 1) *съ*, *со*, *са*; 2) *съсъ*, *сосъ*, *сасъ* (съ удвоеніемъ); 3) *фъфъ*, *фюфъ*, *фяфъ*; 4) *авъ* и *афъ* (съ отпаденіемъ начального *с* или *ф*), *у-съ* отъ *съ* (съ переходомъ *о* въ *у*). На нѣкоторыхъ другихъ видоизмѣненіяхъ этого слова, каковы, напр. *уфъ* — дальнѣйшее видоизмѣненіе *усъ*, *вжсъ*, — орфографическій вариантъ, мы не будемъ останавливаться. Изъ указанныхъ тутъ 12-ти видоизмѣненій занимающаго насъ предлога, въ азбучномъ порядкѣ разсматриваемаго словаря поставлена только форма *съ*, вслѣдъ за которой, на той же строкѣ, обозначены крупнымъ шрифтомъ еще формы *съсъ* и *уфъ*, а нѣсколько ниже, въ примѣрахъ, такимъ же шрифтомъ отмѣчено и *съсъ*. Что же касается другихъ вариантовъ, большинство которыхъ также встрѣчается въ объяснительныхъ примѣрахъ (*со*, *вжсъ*, *фяфъ*, *афъ*, *авъ*), то они остались лишь въ послѣднихъ, шрифтомъ которыхъ и напечатаны. Сказанное тутъ о предлогѣ *съ* относится и къ предлогу *съ*, отдѣльно отъ котораго помѣщенъ въ азбучномъ порядкѣ на своемъ мѣстѣ лишь его вариантъ *са*; остальные же варианты

¹⁾ Въ дополнительныхъ источникахъ встрѣчается и *капина* см. въ франц. сборникѣ Офейкова «La Macédoine», ст. 146 и въ Солунскихъ «Книжцахъ» I, 21.

сгъзъ, со, сосъ, сасъ мы нашли только въ объяснительныхъ примѣрахъ.

Глухой звукъ *з* въ сочетаніи *лз* между двумя согласными въ настоящее время только въ весьма немногихъ болгар. говорахъ слышенъ послѣ *л*. Обыкновенно онъ теперь слышится передъ *л*, причѣмъ въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ *о*. Такъ слово *лзлнз* произносится: *плънъ* (очень рѣдко), *лзлнз* (въ большей части говоровъ) *полнз* и *поалнз* (тоже довольно распространены). Въ азбучномъ порядкѣ разсматриваемаго словаря выставляется и весьма послѣдовательно лишь первая форма такихъ словъ, *лзлнз*, при которой никогда не приводятся остальные, хотя и часто встрѣчающіяся въ объяснительныхъ примѣрахъ. Даже народное имя *болмаръ* показано лишь въ формѣ «*блзгаринз*», встрѣчающейся лишь въ весьма немногихъ говорахъ, какъ видно изъ приведенныхъ въ словарь примѣровъ, въ которыхъ несравненно чаще встрѣчаются формы *блзмаринз*, *бамаринз*, *болмаринз*, *богаринз*, *бугаринз*. Послѣдовательность составителя словаря въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что онъ не обозначаетъ такихъ вариантовъ даже и тогда, когда въ нихъ, кромѣ перемѣны мѣста и измѣненія физиологическаго свойства *ъ-ра*, имѣются измѣненія и нѣкоторыхъ другихъ звуковыхъ элементовъ корня. Напримѣръ, въ объясненіяхъ къ слову *блзха* (= *блзха*) мы, кромѣ формы *блзха*, находимъ такія сложные видоизмѣненія этого слова, какъ *болва*, *болфа*, которыя читатель напрасно будетъ искать на ихъ мѣстахъ въ азбучномъ порядкѣ. Точно также мы напрасно будемъ искать тамъ и такіе любопытные діалектическіе варианты, какъ *сълнце*, *слонце*, *сонце*, *сжнце*, *сончице*, часто встрѣчающіеся въ объяснительныхъ примѣрахъ къ *слзнице*. Въ примѣрахъ подъ словомъ *жлзтъ* встрѣчаются такія измѣненія этого слова: *желтъ* («зимали желти желтици»); *жолтъ* («жолта дуня», «две жолти свеке» = двѣ жолтыя свѣчи); *жалтъ* («извади жалти жалтици»); они тоже остались напечатанными только въ примѣрахъ, и шрифтомъ послѣднихъ.

Къ вышеизложеннымъ замѣткамъ объ отношеніи автора къ

діалектичскимъ видоизмѣненіямъ словъ считаемъ нелишнимъ прибавить еще одну. Въ примѣрахъ подъ словомъ *дебелъ*—толстый, встрѣчается слово *добелъ*, принятое за простой діалектической вариантъ перваго. Но противъ такого пониманія дѣла говоритъ, кажется, то, что оба эти слова встрѣчаются въ пѣсняхъ, записанныхъ Верковичемъ со словъ одной и той же пѣвицы (извѣстной Дафины). При этомъ они тутъ нѣсколько отличаются одно отъ другого и по значенію: *дебелъ*, какъ вообще у болгаръ, употреблено въ значеніи—толстый, густой, а *добелъ*, какъ эпитетъ камня, бросаніемъ котораго молодцы измѣряютъ свои силы (Верков. № 150):

Премлатъ Стоянъ назатъ стои!

Ка си юзе *добелъ* камень,

Ка си микна *добелъ* камень,

Натф'рльи го *добелъ* камень.

Весьма возможно, что *добелъ* тутъ=др.-слав. *добль*. Но какъ бы то ни было, его во всякомъ случаѣ слѣдовало выставить отдѣльно.

Здѣсь мимоходомъ скажемъ нѣсколько словъ по поводу встрѣченныхъ нами при нѣкоторыхъ словахъ и формахъ указаній на принадлежность ихъ къ той или другой мѣстности. По нашему мнѣнію сколько нибудь точное географическое распредѣленіе областныхъ словъ и діалектическихъ особенностей болгарскаго языка въ настоящее время является весьма труднымъ дѣломъ.

Въ подтвержденіе этого мы могли бы указать на нѣсколько крайне неудачныхъ попытокъ такого рода, сдѣланныхъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ и притомъ людьми, имѣвшими, кажется, возможность и достаточно времени собирать свѣдѣнія по сему предмету на мѣстѣ. Не удивительно, что и занимающія насъ здѣсь указанія автора разсматриваемаго словаря не всегда вѣрны. Такъ, онъ обозначаетъ, какъ употребительныя только въ Македоніи, слова *вранъ*, *врани* (вороной), *олавиж се* (помолвлюсь),

чинж, тогда какъ они на самомъ дѣлѣ встрѣчаются и въ восточныхъ болг. говорахъ. Это явствуетъ и изъ объяснительныхъ къ нимъ примѣровъ, взятыхъ для сл. *оранж* и *чинж* отчасти, а для *оглавж се* исключительно изъ восточно-болгарскихъ источниковъ ¹⁾ Слово *понуда* (гостинцы больному, особенно родильницѣ) авторъ считаетъ македонскимъ вариантомъ отъ *понжда*, а между тѣмъ приведенные подъ этимъ словомъ въ большемъ количествѣ объяснительные примѣры говорятъ совсѣмъ другое, а именно, что *понуда* болѣе распространено въ восточныхъ говорахъ, чѣмъ въ македонскихъ, гдѣ рядомъ съ нею употребляется еще *понада*, совсѣмъ, кажется, не встрѣчающееся на востокѣ ²⁾. Далѣе, принявъ за правило обозначать въ красной строкѣ глаголы (за исключеніемъ 6-го класса и 1-ой группы 5-го, по дѣленію Миклошича) въ той формѣ 1-го лица ед. ч. наст. времени, какая принята теперь большинствомъ болгарскихъ писателей, т. е. съ окончаніемъ *ж* (=глухому или чистому *a*), авторъ иногда при ней выставляетъ и діалектическую форму на *мз*, на которую указываетъ, какъ намакедонскую, напр. *крадж*, мак *крадамз*; *родж*, макед. *родамз*. Указаніе это оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ, ибо въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что во многихъ македонскихъ говорахъ такіе глаголы не употребляются съ окончаніемъ *мз*, которое наоборотъ встрѣчается въ кое-какихъ восточныхъ говорахъ. Впрочемъ такого рода указанія очень рѣдко встрѣчаются въ словарѣ, въ которомъ однако, нужно замѣтить, собранъ громадный запасъ весьма цѣнныхъ фактовъ и по затронутому нами тутъ вопросу.

в) Переходя къ ареографіи, мы прежде всего укажемъ, что авторъ тщательно заботился о сохраненіи въ примѣрахъ правописанія источниковъ, но относительно «заголовковъ словъ» былъ

¹⁾ Подъ *оглавж се* приведенъ собственно лишь одинъ примѣръ, который взятъ изъ пѣсни, записанной въ мѣстечкѣ *Малко Търново*, находящемся въ восточной Фракіи, не такъ далеко отъ Чернаго моря.

²⁾ Впрочемъ *понада* и *понуда*, тождественныя теперь по значенію, врядъ-ли, какъ думаетъ авторъ, восходятъ къ одному корню. Срав. малорус. *понада*—приманка, прикормъ и т. п.

вынужденъ стремиться къ установленію какого-нибудь однообразія въ этомъ отношеніи, ибо иначе, при существующемъ въ источникахъ орфографическомъ хаосѣ, нужно было выписывать въ азбучномъ порядкѣ по нѣсколько разъ одно и то-же слово собственно ради такого или иного написанія его въ произведеніяхъ того или другого писателя, или въ разныхъ собраніяхъ памятниковъ народнаго творчества. Такое стремленіе въ данномъ случаѣ весьма естественно, но тѣ приемы, которые были выбраны авторомъ для выхода изъ указанныхъ затрудненій, намъ представляются не особенно удобными. Иногда, какъ мы уже видѣли, говоря о словахъ съ сочетаніемъ *ъ* между двумя согласными, онъ прибѣгалъ, и безъ особенной надобности, къ этимологическому, или, правильнѣе сказать, историческому правописанію и, систематически придерживаясь его, принѣсъ ему въ жертву множество чрезвычайно любопытныхъ діалектическихъ вариантовъ. Но въ другихъ случаяхъ, гдѣ этимологическое правописаніе можно было бы употребить съ большимъ удобствомъ, онъ не очень придерживался его. Такъ напримѣръ, удержавъ *ъ*, который въ однихъ болг. говорахъ произносится какъ *я*¹⁾, въ другихъ какъ *е*, онъ позволилъ себѣ слишкомъ большую вольность въ употребленіи его и его замѣнъ. Слова съ *ъ* онъ очень часто обозначаетъ въ алфавитѣ или только черезъ *е*: *среща* (встрѣча), *трескъ* (др.-сл. трѣскъ) *трескъ*, *трѣскамъ* и проч., хотя въ примѣрахъ они чаще встрѣчаются съ *я* и съ *ъ*; или только черезъ *я*: *вряскъ* (крикъ), *вряскамъ* (въ примѣрахъ — только съ *е*); или черезъ *ъ*: *пльнъ* (въ примѣрахъ только *пленъ* и *плянъ*).

Далѣе, поддавшись влиянію нѣкоторыхъ болгарскихъ писателей, очень часто, по невѣдѣнію, пишущихъ *ъ* и тамъ, гдѣ онъ не требуется ни произношеніемъ, ни этимологіей, авторъ вносилъ въ азбучный порядокъ лишь съ написаніемъ *ъ* и такія слова, какъ:

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ говорахъ и какъ *ea*. Но это произношеніе *ѣ*, открытое въ самое послѣднее время, не могло быть, конечно, извѣстно автору словаря. См. Солунскія «Книжицы» 1889 г. № 2, 46 стр. въ составленной Матовымъ характеристикѣ одного изъ говоровъ Солунскаго округа.

ерѣдѣж — (заслуживаю, имѣю цѣну, буквально — становлюсь въ рядъ), *мѣдка* (взоръ, взглядъ), *мѣдѣ* (зрѣніе, видъ), *юрѣщина* (жаръ), гдѣ *ѣ* у него, какъ и въ нѣкоторыхъ книжныхъ его источникахъ, совсѣмъ некстати является на мѣстѣ малаго юса, ни въ одномъ болгарскомъ говорѣ не переходящаго въ тотъ звукъ, для котораго въ нынѣшней болгарской графикѣ удержана буква *ѣ*. Звукъ этотъ теперь слышится на мѣстѣ *а* лишь въ кратныхъ глаголахъ, какъ напр.: *нарѣждамѣ* (произносится *нарѣждамѣ* и *нарѣждамѣ*) отъ *нарѣдѣж* (ср. др.-сл. *нарадѣти*, *нараждѣти*). Но онъ тутъ является не простымъ діалектическимъ вариантомъ малаго юса, а этимологическимъ измѣненіемъ его замѣны — *е*, другими словами, удлиненіемъ — *е*. Срав. др.-сл. *нестѣ* — *оунѣтѣти*, *плестѣ* — *плѣтѣти* и т. п. Нашъ авторъ, какъ видно изъ его «Введенія», отлично зналъ это свойство болгарской фонетики. Тѣмъ страннѣе видѣть, что онъ такіе кратные глаголы выставляетъ въ азбучномъ порядкѣ иногда лишь съ *я* (*нарѣждамѣ* при *нарѣдѣж*, *отпрѣгамѣ* при *отпрѣмѣж*, ср. др.-сл. *прашти*, *прагѣ* и т. д.), иногда только съ *ѣ* (*кѣтамѣ* при *кѣчѣж*, др.-сл. *кѣчѣж* — *inclinagē* и т. д.). При употребленіи большого юса авторъ, повидимому, старался придерживаться этимологіи, которой мѣстами однако измѣнялъ. Такъ, слово *ѣба* — грибъ, онъ обозначаетъ въ своемъ алфавитѣ только черезъ *з*, хотя въ примѣрахъ чаще встрѣчается *ѣба*, этимологически совершенно правильное. Къ этому прибавимъ, что форма *ѣба* у него также выставлена на своемъ мѣстѣ, но лишь въ значеніи — губка, вслѣдствіе чего подыскиваніе въ словарѣ болгарскаго названія гриба можетъ повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. — *Бѣдни вечерѣ*, *бѣдникѣ* онъ пишетъ лишь черезъ *ж*, хотя при этомъ же совершенно основательно указываетъ, что слова эти происходятъ отъ корня глагола *бѣдѣти* (*vigilare*) и что *бѣдни вечерѣ* есть этимологическій синонимъ латинскихъ *vigiliae*. Наоборотъ, слова *ѣрѣди* (др.-сл. *грѣди*) *трѣтѣж*, *трѣшнѣж*, (др.-сл. *трѣтъ*, *русск.* *трутѣть*) пишетъ только черезъ *з*, несмотря на то, что въ объяснительныхъ примѣрахъ девять разъ встрѣчается *ѣрѣди* и только одинъ разъ *ѣрѣди*.

При написаніи *връди* и *тврѣж* только черезъ з авторъ имѣлъ въ виду одно, хорошо подмѣченное имъ свойство болгарской фонетики, о которомъ онъ въ своемъ «Обзорѣ болг. гласныхъ» выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ большинствѣ областей болгарскаго языка *liquida sonans* сербскаго языка предупреждается гласнымъ предударомъ, который лишаетъ слѣдующую за нимъ плавную ея гласнаго слогового значенія. Такое произношеніе, предваряемое гласнымъ предударомъ, распространяется на обѣ ликвиды *p l*: *бърдо, нърви, бълха, стълба*, или *сълба, хлъцамъ* (всхлывиваю, икаю)» и пр. Нѣсколько ниже въ этомъ же «Обзорѣ болгар. гласныхъ» читаемъ: «Плавныя съ глухимъ предударомъ замѣняютъ собою фонетическія явленія, весьма разнообразныя: *ръшето — ршесто... врѣтено — врѣтено, врждъ — врждитъ, страна — стрѣна, нърлича* (приличествуетъ) и пр.» (стр. XIII). Приведенныя тутъ замѣчанія, за исключеніемъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ *мухой предударъ* поставленъ послѣ плавной—совершенно вѣрны. Но, пиша по требованію указаннаго тутъ фонетическаго свойства, лишь *връди, тврѣж*, еще *вълма* (въ примѣрахъ и *валма*, такъ и въ словарѣ Неофита и Герова) и пр., авторъ въ нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, принимая въ расчетъ и этимологию, пишетъ отдѣльно *врѣтено* и *врѣтено, грамада* и *връмада, приличенъ* и *нърличенъ, страна* и *стрѣна* и проч. Иныя же изъ относящихся сюда словъ онъ пишетъ только по требованію этимологіи: *врата* (а въ примѣрахъ *върта* = *вѣрта*), *тврѣба* (въ примѣрахъ и *тврѣба*) и проч.

Отсюда видно, что авторъ въ своей орфографіи не придерживался строго какого-нибудь одного начала. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ и отношеніе его къ буквѣ *ы*, которую онъ счелъ нужнымъ удержать въ своей графикѣ, несмотря на то, что произношеніе ея, за исключеніемъ весьма немногихъ говоровъ, ничѣмъ не отличается отъ *и*. Слово *быва*—(бываетъ, слѣдуетъ, возможно, прилично) онъ приводитъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ азбучнаго порядка съ *ы* и съ *и*, а слово *бикъ* обозначаетъ только одинъ разъ

(съ *ы*), замѣчая при этомъ, что такъ оно пишется по орфографической традиціи вмѣсто *быкъ* (въ примѣрахъ—*быкъ* чаще, чѣмъ *быкѣ*). Слова *дымъ*, *дыня* и пр. онъ пишетъ только черезъ *ы* (въ примѣрахъ и съ *и*), а *дыхамъ*, *дышамъ* (нюхаю дышу) только черезъ *и*.

Изъ изложенныхъ въ настоящемъ отдѣлѣ нашего разбора замѣтокъ читатель легко, думаемъ, пойметъ, какого рода затрудненія встрѣчаются при подыскиваніи громаднаго числа словъ, имѣющихся въ разсматриваемомъ словарѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій устраняются: 1) помѣщеннымъ въ приложеніи къ 9-му выпуску «указателѣ дополнительныхъ сносокъ», 2) «общими указаніями, которыми слѣдуетъ пользоваться при подыскиваніи словъ». Но въ *указатель*, заключающемъ въ себѣ около 900 дополнительныхъ сносокъ, отмѣчена незначительная сравнительно часть тѣхъ діалектическихъ вариантовъ и производныхъ словъ, которымъ не отведено въ азбучномъ порядкѣ словаря особаго мѣста. Что касается «общихъ указаній», весьма толково, нужно сказать, составленныхъ, то и въ нихъ отмѣчено далеко не всё то, что читатель вправѣ тамъ искать. Въ этихъ *указаніяхъ*, напримѣръ, ничего не сказано о замѣнахъ *ъ*-ти, малаго юса и *ы*; о діалектическихъ *к* вм. *щ*, *г* вм. *жд*, *в* и *ф* вм. *х*, *ф* вм. *хв* и проч. Ничего не сказано также объ этимологическихъ измѣненіяхъ болгарскихъ гласныхъ, хотя на нихъ необходимо нужно было указать въ виду принятаго въ словарѣ способа распредѣленія словъ. Впрочемъ неудобства, о которыхъ мы тутъ говоримъ, не будутъ особенно затруднительными для лицъ сколько-нибудь знакомыхъ съ особенностями болгарскаго языка и желающихъ пользоваться словаремъ съ какими-нибудь учеными цѣлями. Затрудненія будутъ испытывать лишь начинающіе знакомиться съ болгарскимъ языкомъ, хотя и они при нѣкоторой доброй волѣ легко могутъ приобрести извѣстный навыкъ для преодоленія встрѣченныхъ ими на первыхъ порахъ препятствій.

VI.

Переходимъ къ толкованіямъ и объясненіямъ словъ. Въ объяснительной части словаря, въ основномъ его текстѣ мы могли насчитать около сотни разныхъ несправностей и пробѣловъ. Нѣкоторые изъ нихъ устранены въ приложеніяхъ къ разнымъ выпускамъ, но иные остались незатронутыми въ этихъ дополненіяхъ. На болѣе существенныхъ изъ нихъ мы и считаемъ нужнымъ прежде всего здѣсь остановиться.

Слово *Гагаузинъ* авторъ принимаетъ за «племенное названіе арнаутское», придерживаясь, кажется, одного изъ предположеній, высказанныхъ Лежаномъ. Предположеніе это однако — совершенно неосновательно¹⁾. Названіе *Гагаузовъ* носитъ небольшой христіанскій народецъ, считающій турецкій языкъ своимъ роднымъ языкомъ и обитающій по побережью Чернаго моря между Дунаемъ и Варной и отчасти въ южной Бессарабіи. Происхождение Гагаузовъ остается и до сихъ поръ темнымъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что они никакого отношенія къ албанскому племени не имѣютъ. По всей вѣроятности Гагаузы — потомки средневѣковыхъ *Узовъ* или *Оузовъ* — Половцевъ (предположеніе Славейкова и Иречка).

Слово *галатенъ* въ одной самодивской пѣснѣ — «тая са вода не пие, тая е вода галатна» (Период. спис. болг. кн. друж. Браила, кн. XI—XII) авторъ считаетъ какимъ-то причастіемъ отъ глагола *галж* — нѣжу, ласкаю, балую. Такое объясненіе намъ представляется неосновательнымъ и въ грамматическомъ отношеніи, и въ лексикологическомъ. Слово *галатенъ*, по нашему мнѣнію, находится въ тѣснѣйшей связи съ словомъ *галатинъ*, или *галатъ*, что доказывается между прочимъ и слѣдующими

¹⁾ Въ приложеніи къ 3-му выпуску, въ списокъ словъ съ удареніями, мимоходомъ замѣчено, что Гагаузинъ есть названіе грековъ, населяющихъ Варненскій округъ. Замѣтку эту, взятую, кажется, изъ извѣстнаго сочиненія Каница о Придунайской Болгаріи, мы тоже считаемъ невѣрною.

стихами одной пѣсни, изданной въ «Болгарской Старинѣ» Раковскаго, стр. 182:

Не пий, Драганке, тѣсъ водѣ
Тази вода е *Галатска*
Галатска іоще мрѣтвешка!
Сношти *Галати* минахѣ
Мъртво *Галатче* носѣхѣ
Въ тѣзи го водѣ кѣпахѣ ¹⁾...

Раковскій по своему обыкновенію видитъ въ подобныхъ пѣсняхъ воспоминаніе о столкновеніи предковъ болгаръ въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х. съ гальскими полчищами Бренна и т. п. Но дѣло объясняется гораздо проще, если припомнимъ, что названіе Галловъ у позднѣйшихъ Грековъ (*Γαλάτης*) употреблялось въ значеніи волхва, колдуна и т. п. Съ такимъ значеніемъ это слово очень рано, путемъ книжнымъ, проникло къ болгарамъ, какъ видно изъ одного, имѣющагося у насъ, рукописнаго сказанія, переведеннаго, несомнѣнно, съ греческаго языка. Въ этомъ сказаніи между прочимъ читаемъ: «въ послѣднѣ лѣта встанѣтъ магесници, обадници, митоемци, ненавистници въ братигахъ, *галате*, поповы не почитаѣще, кѣбосници, тие вси вражи воие нарекѣтѣхѣ». На основаніи вышесказаннаго мы полагаемъ, что занимающее насъ слово *галатенъ* происходитъ отъ *галатъ*, *галатѣ* и значить — околдованный, испорченный волшебствомъ и т. п.

Глушево меше, встрѣчающееся въ одной шутиливой пѣснѣ Миладиновыхъ, невѣрно переведено — *мышокъ изъ мышины*. Приведенный тутъ объяснительный примѣръ изъ названной пѣсни не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ ней рѣчь идетъ о мышечкѣ, шпитомъ изъ шкурки мыши. Срав. и подъ словомъ *луфче*

¹⁾ Новый вариантъ этой пѣсни издавъ въ Сборн. Ник. Бончева (Варна, 1884 г.), № 126. Въ немъ мы находимъ *галари*, *галарска* вмѣсто *галати*, *галатска*, правильно сохранившихся и въ нѣкоторыхъ другихъ болгарскихъ пѣсняхъ, кромѣ вышеприведенныхъ.

выраженіе «отъ глуфче меше». (Слово *музъ* или *муфъ* въ нѣкоторыхъ говорахъ есть названіе мыши: Съ такимъ значеніемъ оно часто встрѣчается въ сборникѣ Миладиновыхъ и въ «Сказкахъ» Шапкарева).

Куна, оставленное авторомъ безъ перевода, встрѣчается въ одной Миладиновской пѣснѣ № 517, гдѣ дѣвушка выражаетъ желаніе получить такого жениха, «що не піеть вино и ракія... що му игратъ *куна* на колена». Намъ извѣстна другая подобная болг. пѣсня, въ которой вмѣсто *куна* является *видра*: «Що не піе вино ни ракія, що му седи видра на коляно» («Братски трудъ», Москва, 1860 г. № 3, стр. 8). Срав. и въ словарь подъ словомъ *видра*). Сопоставленіе этихъ двухъ пѣсень не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что занимающее насъ слово *куна* есть ничто иное, какъ *куница*, употребленное въ Миладиновской пѣснѣ, какъ символъ дѣвицы, *неотсты* (срав. въ соч. проф. Потебни «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсень, II т., 357 стр.). Къ сказанному не лишнимъ считаемъ прибавить, что въ помѣщенныхъ въ дополненіи къ разсматриваемому словарю спискахъ личныхъ болгарскихъ именъ встрѣчается женское имя Куна (стр. 2 и 6), которое Каравеловъ невѣрно производилъ отъ *икона* — образъ.

Ластагарка, оставленное также безъ перевода, означаетъ длинную дубину, употребляемую при навьючиваніи лошадей: ею подпирается навьюченная уже сторона, пока налаживаютъ вьюкъ съ другой стороны. Дубина эта имѣетъ у болгаръ еще слѣдующія названія: *товарникъ*, *индивакъ*, *помагалка*¹⁾ и проч. (См. изданные Матовымъ матеріалы для болгарскаго словаря въ Солунскихъ «Книжницахъ» 1889 г. I., 27 стр.).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слово *мисиръ*, также оставленное подъ вопросомъ. Авторъ встрѣтилъ его въ одной пѣснѣ Верковича, гдѣ молодой парень проситъ у дѣвушки

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что слово *помагалка* въ разсм. словарѣ невѣрно переведено — ружье.

букета цвѣтовъ, обѣщая ей днемъ носить его на головѣ, а на ночь класть въ *мисиръ* съ водою, чтобы не завялъ. Очевидно, тутъ *мисиръ* означаетъ какую-то посуду. Въ обнародованномъ въ Филиппопольскомъ журналѣ «Наука» (1882 г. № 2) небольшомъ списокѣ болгарскихъ областныхъ словъ, которыми А. Л. Дювернуа не могъ пользоваться, мы встрѣчаемъ *мисуръ* = блюдо. Это, несомнѣнно, то же самое, что и *мисиръ* съ небольшимъ видоизмѣненіемъ суффикса *иръ* въ *уръ*. Суффиксъ этотъ тутъ намъ представляется позднѣйшимъ наростомъ, отбросивъ который, мы получаемъ слово, совершенно тождественное и по звуковому составу и по значенію съ словомъ *миса*, встрѣчающимся въ самыхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ въ значеніи блюда. Срав. выраженіе «на мистъ», употребляемое въ Маринскомъ евангеліи и др. тамъ, гдѣ въ Зограф. Ассем., Остромъ находимъ «на блудъ».

Благодаря любезности директора Солунской гимназіи Н. А. Начева, къ которому мы обращались за нѣкоторыми справками относительно занимающаго насъ здѣсь слова, *мисиръ* или *мисуръ*, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что слово это очень распространено въ македонскихъ говорахъ и, кромѣ *блюда*, означаетъ еще *суповую чашку* и т. п. Ср. русск. *миска*. Вмѣстѣ съ симъ мы узнали отъ г-на Начева, усердно занимающагося собираніемъ матеріаловъ для областного болгарскаго словаря, что въ Радовшитскомъ округѣ въ сѣверо-восточной Македоніи сохранилось занимающее насъ слово въ древнѣйшемъ своемъ видѣ (безъ наставки *ир*, *ур*) *миса*. Мы сочли нужнымъ привести здѣсь собранныя нами свѣдѣнія относительно этого слова въ виду того, что приверженцы паннонской теоріи происхожденія первоначальнаго перевода (славянскаго) евангелія отрицаютъ существованіе такого слова въ болгарскомъ языкѣ. Не лишнимъ считаемъ тутъ указать, что въ разсматриваемомъ словарѣ мы встрѣтили довольно много и другихъ такихъ же мнимыхъ паннонизмовъ.

Молитва по толкованію автора: «родъ кутьи». Слово это взято изъ одной болгарской пѣсни Миладиновыхъ, которые и

сами не понимали его значенія, какъ видно изъ поставленнаго при немъ вопросительнаго знака. Въ пѣснѣ говорится, что молодая женщина, задумавъ съ извѣстною цѣлью справлять поминки по мнимо-умершемъ свекрѣ, напекла девять печей хлѣба, наварила девять большихъ котловъ *молиты*, да еще девять такихъ же котловъ жита (зернового хлѣба, въ данномъ случаѣ пшеничнаго). Намъ кажется, что изъ приведеннаго примѣра, въ которомъ вареное жито прямо противопоставляется *молиты*, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что послѣднее слово означаетъ кутью. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, *молитва* у болгаръ значить—кушанье изъ жертвенныхъ животныхъ, другими словами, кровная жертва. Съ такимъ значеніемъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ употребляется это слово жителями Габровскаго Балкана, которыхъ касаются наши свѣдѣнія.

Слово *невѣстулка* авторъ переводить—сусликъъ, находя для этого опору въ прекрасно-переведенной Бончевымъ повѣсти «Тарась Бульба». Но рядомъ съ примѣромъ, взятымъ изъ этого источника, онъ приводитъ и слова Каравелова, который говоритъ, что такъ называется звѣрекъ, похожій на крысу, истребляющій мышей» и т. п. и, слѣдовательно, имѣющій мало общаго съ сусликомъ-грызуномъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, словомъ *невѣстулка* болгаре называютъ *ласочку*, *ласку*.

Паламарка — не рукоятка серпа, какъ переведено въ словарѣ, а деревянная полуперчатка (съ извѣстными приспособленіями), которую жницы во время жатвы надѣваютъ на лѣвую руку.

Плѣтникъ, *плѣтници* — не шнурокъ, который вплетаютъ женщины въ волосы, а косички, сплетенныя пряди волосъ, какъ и въ нѣкоторыхъ др.-слав. памятникахъ — *пленица*, *плѣница*.

Пообадвамъ са только въ переносномъ смыслѣ значить — почитываю; буквальное значеніе см. подъ *обадѣж*, *обаждамъ*.

Темничаринъ — не темничный стражъ, а посаженный въ

тюрьму, арестантъ, узникъ, въ чемъ не оставляютъ сомнѣнія приведенные здѣсь объяснительные примѣры ¹⁾).

Таковы—главнѣйшіе изъ замѣченныхъ нами въ объяснительной части словаря неточностей и пропусковъ, оставшихся неустраненными въ приложеніяхъ. Они, какъ могъ замѣтить читатель, касаются большею частію словъ, хотя и любопытныхъ, но малоизвѣстныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ мы видѣли, были непонятны и довольно извѣстнымъ болгарскимъ писателямъ и этнографамъ. Къ этому нужно прибавить, что многія неисправности въ толкованіи словъ легко устраняются, благодаря объяснительнымъ примѣрамъ.

На подборъ и выписку объяснительныхъ примѣровъ нашъ авторъ не щадилъ труда. Онъ внимательно слѣдилъ за видовизмѣненіемъ значеній словъ, тщательно подбирая всѣ оттѣнки, насколько, конечно, они обрисовывались въ его источникахъ, и старался объяснять каждое изъ нихъ въ его историко-психологической послѣдовательности. При этомъ каждое подмѣченное имъ значеніе подтверждается и разъясняется примѣрами, иногда очень многочисленными. Для иллюстраціи здѣсь сказаннаго, считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько сопоставленій.

Слову *вече* (варианты *вечь* и *веке*) Геровъ приписываетъ лишь одно значеніе—*уже*, приводя въ подтвержденіе этого одинъ только примѣръ, придуманную имъ самимъ фразу: «азъ съмъ вече старъ»—*я уже старъ*. Въ словарь же Дювернуа кромѣ этого значенія показано и другое—*болше*, поставленное при томъ на первомъ мѣстѣ и подтвержденное такими примѣрами, которые ясно показываютъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ др.-слав. *ваще*.

¹⁾ Укажемъ еще на слѣдующія неисправности: слово *видовенъ* въ выраженіи «да ти е видовно» употреблено не въ смыслѣ закліятія, а благопожеланія *Взрече*—не эпитетъ вина, а боченокъ. *Гевирлия*—не голубятня, а каменная стѣна, сводъ. *Дабонъ*—барабанъ. *Давранъ*, въ приведенномъ къ нему объяснительномъ примѣрѣ «Давранъ, прна арапина, давранъ да се обидиме!» значитъ *держись!*—*Дятелина* употребляется лишь съ значеніемъ клевера, но не и дятла. *Калешъ* не пестрый, а красивый (*καλός*). *Келчо*—не пльшивый, а скорѣе паршивый, отъ *келъ*—сыпь, струция.

Приведемъ эти примѣры съ нѣкоторыми сокращеніями: «старъ сѣмъ, вече не мога», Милад. 99 (я старъ, не могу болѣе). «Марко Дафиня говори: щж да те, либе, напустиж, че вече не си хубава», Дозонъ. 45 (я разведусь съ тобой, ибо ты болѣе не красива). «Прощавайте, чърни очи, че нема веке да ся приказвама», Доз. № 75 («Прощайте, черныя очи, мы болѣе не встрѣтимся», говоритъ парень своей возлюбленной). Далѣе показано, что *веке* въ сочетаніи съ мѣстоименіемъ *що* значитъ — *болше чѣмъ*; въ подтвержденіе этого приведенъ слѣдующій примѣръ изъ сборника Миладиновыхъ, № 64: «Ето ти тежко имане, *веке* *що* можеш да носишь» (вотъ тебѣ добра, богатства, больше, чѣмъ ты въ состояніи понести!).—Для второго, болѣе отдаленнаго значенія этого слова, т. е. для значенія *уже*, приведено около двадцати примѣровъ, и они по нашему мнѣнію совсѣмъ нелишни, ибо не только уясняютъ ходъ развитія значенія *уже* изъ *болше*, но могутъ оказать важную услугу и тому, кто бы поинтересовался узнать, въ какихъ мѣстностяхъ употребляются діалектическія разновидности занимающаго насъ слова (*вече* и *веке*).

Глаголь *ювъж* въ словарѣ Богорова приведенъ съ однимъ только значеніемъ — *поцусь*. У Дювернуа это значеніе также показано, но оно у него стоитъ на второмъ мѣстѣ. На первомъ же мѣстѣ тутъ указаны другія значенія: выражаю почтеніе молчаніемъ, держу себя учтиво, кланяюсь (ср. др.-слав. говѣти, говѣзнь и пр.). Въ подтвержденіе этихъ болѣе первоначальныхъ значеній въ разсматриваемомъ словарѣ помѣщены не только примѣры изъ разныхъ народныхъ пѣсень, но и довольно подробное описаніе весьма распространеннаго у болгаръ обычая — *ювънія новобрачной* ¹⁾. Говѣніе это заключается въ томъ, что молодая женщина въ теченіе извѣстнаго періода времени соблюдаетъ нѣкотораго рода обѣтъ молчанія по отношенію къ родственникамъ мужа.

¹⁾ Одна приведенная здѣсь замѣтка изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 517, не совсѣмъ правильно понята авторомъ.

При глаголь *карамъ*—«привожу въ движеніе» только для одного действительнаго залога показано въ разсматриваемомъ словарѣ девять значеній. У Богорова же упущено изъ виду болѣе половины этихъ значеній, въ томъ числѣ и весьма любопытныя, именно: *заставляю*, *принуждаю* («кара ме да му готвѣж обѣда» = заставляетъ меня готовить ему обѣдъ) и *наставляю*, *руководжу*: «учи ме, майко, карай ме, какъ да Бояна пограбамъ» = научи меня, матушка, наставь, какъ мнѣ похитить Бояну (дѣвушку).

Слово *мса* у Богорова приведено лишь съ однимъ значеніемъ *le râtelier* — рѣшетка въ конюшнѣ. Въ разсматриваемомъ же словарѣ выставлено четыре значенія: 1) переносный плетень, употребляемый для овечьяго полевого хлѣва, для ловли рыбы, для шелковичныхъ червей; 2) плетеная изъ прутьевъ настилка, рѣшетка; 3) плотъ и, 4) прическа дѣвиць и молодыхъ женщинъ, представляющая какъ-бы рѣшетку или сѣтку изъ тонко-сплетенныхъ косичекъ. Каждое изъ этихъ значеній, само собою разумѣется, подтверждается рядомъ примѣровъ.

Особенное вниманіе авторъ разсматриваемаго словаря обращалъ на предлоги и нѣкоторыя другія частицы, на которыхъ прежніе лексикографы мало останавливались, но которые играютъ весьма важную роль въ болгарскомъ языкѣ, утратившемъ, какъ извѣстно, свое склоненіе. На объясненіе такихъ частиць и на объяснительные къ нимъ примѣры онъ иногда удѣлялъ по нѣсколько страницъ, какъ, на примѣръ, предлогу *въ*—около 3-хъ, союзу *да*—7, предлогу *за*—5 ст., предлогу *на* 6 стр. и т. д.

Съ такимъ же вниманіемъ авторъ отнёсся и къ словамъ болѣе или менѣе интереснымъ въ бытовомъ отношеніи, каковы, на примѣръ, названія народныхъ праздниковъ, обрядовъ, обычаевъ, повѣрій и т. п. Такими цѣнными реальными объясненіями словарь не менѣе богатъ, чѣмъ *рѣчникъ* Вука Караджича. Благодаря этому, онъ является полезною книгой не только для интересующихся языкомъ, но и для этнографовъ.

Наконецъ считаемъ своею обязанностью указать, что раз-

сма­три­вае­мый сло­варь да­етъ бо­лѣе то­го, что мож­но бы­ло ожи­дать, су­дя по его за­гла­вію. Въ объ­ясне­ніи сло­въ ав­торъ вно­ситъ ино­гда чрез­вы­чай­но ин­те­рес­ный срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­с­кій эле­ментъ. Такъ, при объ­ясне­ніи сло­ва *викиа*, ча­сто встрѣ­чаю­ща­го­ся въ бол­гар­скихъ на­род­ныхъ пѣс­няхъ въ зна­че­ніи *вин­ной по­су­дины*, онъ ука­зы­ва­етъ, что то же са­мое сло­во съ та­кимъ же зна­че­ніемъ встрѣ­ча­ет­ся въ жи­тіи св. Тео­до­сія Печер­ска­го, и со­по­став­ля­етъ его съ но­во­гре­ч. βύκιον.

Подъ сло­вомъ *врѣча*, встрѣ­чаю­щим­ся въ сбор­никъ Вер­ковича въ зна­че­ніи *бочки*, ав­торъ ука­зы­ва­етъ на др.-сл. *врѣчва*. Подъ сло­вомъ *вбелъ* или *вжбелъ*—ко­ло­дязь, весь­ма рас­про­стра­нен­нымъ въ бол­гар­скомъ язы­кѣ, ука­зано на црк.-слав. *оуболъ*, *жболъ*, упо­тре­би­тель­ное въ Па­терикъ Си­най­скомъ XII в. Сдѣ­лан­ныя ав­то­ромъ со­по­став­ле­нія нѣ­ко­рыхъ мѣ­стъ этой ру­ко­писи съ греч. под­лин­никомъ ясно по­ка­зы­ва­ютъ, что мы тутъ имѣ­емъ дѣ­ло съ греч. ἔμβολον, оче­нь дав­но, слѣ­до­ва­тель­но, во­шед­шимъ въ бол­г. язы­къ¹⁾. *Грубѣж*—у­щерб­лю, пор­чу, иска­жаю, въ пѣ­сен­ныхъ вы­ра­же­ніяхъ: «лице­то да си по­гру­би­шь»... или «лице­ гру­бить пи­ле да го ранитъ» да­етъ по­водъ ав­то­ру при­по­мнить от­глаголь­ное су­ществитель­ное *грюб­леникъ*, встрѣ­чаю­щее­ся у Иоан­на Экзар­ха въ зна­че­ніи *μείωσις*—у­мень­ше­ніе, у­ма­ле­ніе.— Подъ сло­вомъ *при­на­дѣж*—при­ба­вляю, при­ла­гаю, при­шиваю, при­ве­денъ гла­голь *при­на­дѣти*, *при­на­ждѣти* изъ *сборн.* 1073 го­да (въ зна­че­ніи—*при­ба­вить*). Далѣе, при сло­вѣ *врѣва*—шумъ, мол­ва, при­ве­дены *польск.* wrzawa, *словен.* verwa, vreva; при *взвнѣжъ*—нав­зничъ, ука­зано *чешск.* vzna­ку, pavz­па­ку; при сл. *дѣ­те­лина*—ка­шка, кле­веръ,—*словен.* dėtela, *серб.* djetelina, *словац.* d'atelina и jatelina, *чеш.* dėtelina и jetelina, *поль* dzie­cielina. *Марой*, *мара*, *марокъ* (на­зва­ніе сказоч­на­го стра­ши­лица) весь­ма уда­чно со­по­став­лено съ *русск.* *марá*, *морокъ*. Та­ко­го ро­да срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­с­кія объ­ясне­нія встрѣ­ча­ют­ся въ раз­сма­три­вае­момъ сло­варѣ до­воль­но ча­сто.

¹⁾ Не­дав­но сдѣ­ла­лось из­вѣ­ст­нымъ, что это сло­во съ ри­нез­момъ *вбелъ* и те­перь су­щест­ву­етъ въ Ко­стур­скомъ го­во­рѣ (см. Со­лун. «Кни­жица» I, 19).

При объясненіи турецкихъ словъ, вошедшихъ въ болгарскій языкъ, авторъ выписываетъ ихъ и въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ турецкомъ словарѣ Бьянки. Такія выписки очень важны, такъ какъ онѣ позволяютъ намъ судить о фонетическомъ видоизмѣненіи турецкихъ словъ на болгарской почвѣ.

Точно также и съ такою же пользою для дѣла авторъ поступалъ и съ словами, заимствованными изъ другихъ языковъ, главнымъ образомъ, изъ греческаго и румынскаго, напр: *еня*—безпокойство, забота—*ἐννοια*; *клонз*, вѣтвь—*κλών*, *хлонос*; *периволя*, *пилеворъ*, садъ, *περιβόλι*; *малакз*, *макз*, *малаче*, *маче*, буйволъ и проч., *румын.* *шаласи*.

Въ этомъ отдѣлѣ разсматриваемаго словаря мы встрѣтили весьма удачныя объясненія нѣкоторыхъ очень темныхъ реченій, между прочимъ и такихъ, смыслъ которыхъ оставался непонятнымъ и для одного изъ лучшихъ нынѣшнихъ болгарскихъ филологовъ, г-на Тодорова. Такъ, слово *Арвентино*, встрѣчающееся въ пѣснѣ Милад. № 144, въ стихѣ «преку море дури Арвентино», г-нъ Тодоровъ принималъ, не такъ давно еще ¹⁾, за названіе какого-то моря. Въ словарѣ же указано, что это слово происходитъ отъ турецкаго названія р. Тигра *Ergvend*—и значить—Месопотамія. Такое объясненіе вполне подтверждается смысломъ пѣсни. Столь же удачнымъ мы считаемъ встрѣченное нами тутъ сопоставленіе слова *вилла*—подзорная труба (Милад., № 156), съ новогреч. *ἡ βήγλα, βιγλίζω*—*vigiliae, vigiliās ago*. Это сопоставленіе дѣлаетъ совершенно излишнимъ предположеніе г-на Тодорова, видѣвшаго здѣсь опечатку и предлагавшаго читать *видла* вм. *вилла* ²⁾.

Разсматриваемый словарь восполняетъ собою весьма существенный и давно дававший себя живо чувствовать пробѣлъ въ пособіяхъ по славянскому языкознанію. Онъ несвободенъ отъ недостатковъ, но эти недостаки блѣднѣютъ предъ тѣми достоин-

¹⁾ «Наука» I, кн. 3, стр. 712.

²⁾ Тамъ же, стр. 713.

ствами, которыми отличается громадный труд покойнаго московскаго слависта. Тутъ впервые, можно сказать, сдѣлана попытка собрать во-едино не только общеупотребительныя, но и областныя реченія болгарскаго языка, насколько, конечно, они выразились, главнымъ образомъ, въ памятникахъ народнаго творчества, изданныхъ до 80-хъ годовъ нашего вѣка. Покойному автору принадлежитъ и починъ объясненія значеній словъ болгарскаго языка тѣми средствами, которыя даютъ сами памятники этого языка. И эта важная задача исполнена имъ блистательно. Поражающія своимъ обиліемъ и разнообразіемъ выписки, которыя онъ съ указанною цѣлью приводитъ въ своемъ словарѣ изъ памятниковъ, записанныхъ въ разныхъ концахъ болгарской племенной области, заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для изученія болгарскаго языка и со стороны грамматическихъ его особенностей, а также и со стороны бытового его содержанія.

Весьма удачное объясненіе многихъ тѣмныхъ реченій, цѣпныя указанія на заимствованія изъ чужихъ языковъ, обиліе вещественныхъ толкованій, тонкій анализъ значеній болгарскихъ частицъ, принимающій часто характеръ довольно подробныхъ изслѣдованій по болгарскому синтаксису, придаютъ этому труду весьма важное научное значеніе и дѣлаютъ его, можно сказать, настольною книгой для всякаго занимающагося славянскою филологіей, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Считаемъ излишнимъ распространяться о значеніи, какое трудъ этотъ будетъ имѣть для дальнѣйшихъ лексикографическихъ работъ по болгарскому языку; замѣтимъ только, что послѣдующіе работники въ этой области найдутъ въ немъ важное пособіе. Словарь А. Л. Дювернуа представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ славянскую науку, и мы считаемъ его вполне заслуживающимъ *полной преміи* митрополита Макарія.

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНИИ ПРОФЕСОРА ЛЮБОВИЧА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ «НАЧАЛО КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ И УПАДОКЪ РЕФОРМАЦИИ ВЪ ПОЛЬШѢ».

Составилъ ординарный професоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета **Н. И. Карѣевъ**.

Когда Академія Наукъ сдѣлала мнѣ честь, обратившись ко мнѣ съ предложеніемъ разобратъ трудъ проф. Варшавскаго университета Н. Н. Любовича о католической реакціи къ Польшѣ, представленный на соисканіе премій Митрополита Макарія, я безъ малѣйшаго колебанія и съ большимъ удовольствіемъ взялъ на себя эту работу. Книга почтеннаго собрата была мною уже прочитана, и я уже сдѣлалъ о ней печатный отзывъ ¹⁾, такъ что мнѣ не предстояло братья за совершенно новую книгу. Съ другой стороны, первую мысль моею было, что изслѣдованіе проф. Любовича вполне заслуживаетъ высшей награды, какою только въ данномъ случаѣ располагаетъ Академія, и мнѣ, какъ человѣку, тоже занимавшемуся религіознымъ движеніемъ въ Польшѣ XVI в., было пріятно получить возможность содѣйствовать съ своей стороны правильной оцѣнкѣ научнаго труда, который будучи вполне «самостоятельнымъ», «существенно обогащаетъ науку, внося въ нее новые факты, наблюденія, воззрѣнія» ²⁾. — «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ» представляетъ изъ

¹⁾ Въ библиографическомъ отдѣлѣ «Русской Мысли» за 1890 г. кн. IV, (стр. 158—160). Помѣщаемыя въ этотъ отдѣлѣ рецензіи обыкновенно никогда не подписываются.

²⁾ Ср. § 2 Положенія о преміяхъ Митрополита Макарія.

себя продолженіе вышедшей въ 1883 г. «Исторіи реформаціи въ Польшѣ», написанной, какъ и новый трудъ, по неизданнымъ источникамъ. Такъ какъ обѣ книги стоятъ въ тѣсной связи, то я позволю себѣ указать на общее значеніе и первой изъ нихъ. «Книга г. Любовича, писали мы раньше въ посвященной ей библиографической замѣткѣ¹⁾, вноситъ новый цѣнный вкладъ въ историческую литературу» и съ точки зрѣнія массы совершенно новаго матеріала, и съ точки зрѣнія выраженнаго въ книгѣ общаго взгляда на польскую реформацію. «Матеріаль, о которомъ мы говоримъ, собирался г. Любовичемъ съ 1879 года въ архивахъ и библіотекахъ Петербурга, Варшавы, Вильны, Слуцка, Данцига, Фрауенберга, Кенигсберга, Познани, Берлина, Гернгута, Бреславля, Кракова, Львова²⁾; тутъ нашелъ онъ главные источники для своего труда, для котораго онъ пользовался, понятное дѣло, и изданнымъ матеріаломъ, обращаясь и къ источникамъ по исторіи реформаціи на Западѣ (извѣстный *Corpus reformatorum*), главнымъ образомъ, чтобы прослѣдить сношенія польскихъ протестантовъ съ Кальвиномъ и другими реформаціонными богословами, — сторона дѣла, которую какъ-то игнорируютъ другіе историки реформаціи въ Польшѣ. Особенно важнымъ и новымъ источникомъ въ книгѣ г. Любовича являются акты протестантскихъ синодовъ, которые рисуютъ намъ внутреннюю жизнь реформированныхъ церквей въ Польшѣ. Цѣлый рядъ страницъ въ сочиненіи г. Любовича обязанъ своимъ происхожденіемъ подобнымъ неизданнымъ источникамъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а «приложенія» къ книгѣ, т. е. то, что французы называютъ *pièces justificatives*, занимающія около тридцати страницъ мелкой печати, состоятъ главнымъ образомъ въ выпискахъ изъ синодальныхъ протоколовъ». Что касается основной точки зрѣнія проф. Любовича,

¹⁾ Русская Мысль, 1884, VIII, стр. 23—33. Эта статья наша также не была подписана.

²⁾ См. отчеты г. Любовича о командировкахъ въ Кіевскихъ и Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1879 и 1882 г.г.

то она вполне вытекаетъ изъ фактовъ, представляемыхъ исторіей польскаго протестантизма. Именно онъ отмѣчаетъ слабость собственно религіознаго элемента въ реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ, выдвигая на первый планъ политическія и экономическія причины борьбы шляхты съ духовенствомъ. «Реформаціонное движеніе въ Польшѣ, писали мы въ упомянутой рецензій, дѣйствительно, черезъ-чуръ было проникнуто такимъ именно характеромъ, на какой указываетъ авторъ. Въ городахъ, гдѣ не было иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ элементовъ, особенно въ массѣ сельскаго населенія протестантизмъ не нашелъ въ Польшѣ послѣдователей; къ реформаціи особую склонность оказывали только паны да шляхта, а оба эти класса гораздо болѣе сначала симпатизировали итальянскому, чѣмъ нѣмецкому гуманизму, т. е. направленію къ религіи индифферентному, ибо вообще гуманистическія занятія въ Польшѣ не были въ то время обращены на религіозныя цѣли, какъ это замѣчается въ Германіи. Отсутствіемъ живаго религіознаго чувства авторъ справедливо объясняетъ то, что въ польскомъ реформаціонномъ движеніи не было такого фанатизма, какой сопровождалъ обыкновенно эти движенія въ иныхъ странахъ, и въ этомъ же обстоятельствѣ онъ усматриваетъ причину вялости дѣйствія протестантской партіи. Съ другой стороны мы видимъ, что въ Польшѣ уже до начала реформаціоннаго движенія возникла борьба шляхты съ духовенствомъ за чисто политическое и экономическое преобладаніе. Наконецъ, сама исторія польскаго протестантизма показываетъ, какъ мало заботилась шляхта о дѣйствительномъ реформированіи церквей въ своихъ владѣніяхъ, объ изданіи религіозныхъ книгъ съ цѣлью пропаганды, объ устройствѣ школъ и какъ много хлопотала она о томъ, чтобы играть первенствующую роль и распоряжаться по своему на протестантскихъ синодахъ. Сочиненіе г. Любовича еще не доведено до начала католической реакціи въ Польшѣ съ послѣднихъ годовъ Сигизмунда Августа, но уже въ блистящій періодъ польскаго протестантизма въ началѣ шестидесятихъ годовъ XVI вѣка, на которыхъ пока останавливается авторъ, можно

видѣть, какъ мало сдѣлано было реформаціей для своего упроченія, и что вообще шумъ, произведенный реформаціоннымъ движеніемъ въ Польшѣ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ успѣхамъ его. Прочтите, напр., въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, вторую половину десятой главы. И вообще вся книга своими матеріалами, старыми и новыми, доказываетъ, что въ основѣ польскаго протестантизма лежала, главнымъ образомъ, извѣстная доля свободомыслія въ дѣлахъ вѣры при крайне незначительномъ религіозномъ одушевленіи и антагонизмѣ шляхты съ духовенствомъ». Мысль о важности борьбы шляхты съ духовенствомъ для исторіи Польскаго протестантизма не новая: ее высказалъ еще въ 1870 г. проф. Закржевскій въ своей книгѣ о началѣ реформаціи въ Польшѣ¹⁾, но проф. Любавичъ имѣлъ право упрекнуть польскихъ историковъ за то, что они мало обращали вниманія на борьбу, начавшуюся еще за полтора вѣка до реформаціонной эпохи, и его заслуга здѣсь въ томъ, что онъ и изслѣдовалъ здѣсь причины этой борьбы.

Переходимъ теперь къ новому труду проф. Любавича. Онъ примыкаетъ къ первой работѣ автора, но если въ изслѣдованіи имъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ у него были предшественники²⁾, то въ исторіи католической реакціи онъ пролагаетъ пути уже въ совершенно неизвѣданной области. «Въ научной исторической литературѣ, говоритъ онъ самъ въ предисловіи, до сихъ поръ не было ни одной монографіи, посвященной всестороннему изученію развитія въ Польшѣ католической реакціи, а потому мое изслѣдованіе является первою попыткою въ данномъ отношеніи».

Професоръ Любавичъ имѣетъ полное право написать эти строки. Въ одной историографической работѣ по вопросу о религіозной реформаціи въ Польшѣ я уже указалъ на то, что исторія

¹⁾ См. также нашу статью «Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины XVI в.» (Юридич. Вѣстн. 1881 г.).

²⁾ См. статью нашу «Вопросъ о религіозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой въ польской историографіи» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, ноябрь).

католической реакціи въ Рѣчи Посполитой «сама по себѣ во всемъ своемъ объемѣ никогда еще не дѣлалась предметомъ особаго изслѣдованія»¹⁾, такъ что эта исторія, прибавлено было тамъ, еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Пишущій эти строки особенно чувствовалъ недостаточную разработанность этого предмета, когда писалъ свой «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ», имѣвшій задачею подведеніе итоговъ подъ всѣмъ, что по исторіи реформаціи въ Польшѣ сдѣлано было польскими и иноземными изслѣдователями. То-же самое повторилъ и проф. Варшавскаго университета О. Ф. Вержбовскій въ своей брошюрѣ «Начала католической реакціи въ Польшѣ»²⁾. «Весьма важная заслуга новѣйшей польской исторіографіи, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что она надлежащимъ образомъ указала на то значеніе, какое имѣло въ исторіи Польши XVI столѣтіе, какъ время высшаго культурнаго развитія страны и на ряду съ этимъ какъ время, въ которомъ слѣдуетъ искать зародышей ея политическаго паденія. Взглядъ этотъ явился результатомъ новѣйшихъ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ изученію главнымъ образомъ двухъ выдающихся явленій XVI вѣка: реформаціи и междуцарствій. Послѣднія обслѣдованы, можно сказать, до подробностей, хотя при этомъ нельзя не замѣтить, что ученые допустили крупную ошибку, не начавъ своихъ работъ съ оцѣнки тѣхъ иноземныхъ вѣяній, которыя сказались въ названныхъ явленіяхъ. Такъ какъ въ настоящее время третье изъ самыхъ интересныхъ явленій XVI столѣтія—католическая реакція въ Польшѣ—ждетъ еще своихъ изслѣдователей, то было бы желательно, чтобы при изученіи ея не была повторена указанная ошибка и чтобы ученые начали изученіе вопроса съ исторіи отмѣченныхъ мною трехъ важнѣйшихъ, принесенныхъ извнѣ, факто-

¹⁾ См. стр. 38 и слѣд. только что указанной статьи. Ср. мой «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ». Москва, 1886, стр. 20—24.

²⁾ Варшава, 1887. См. стр. 12—13. Эта брошюра представляетъ собою отискъ изъ Варш. Университетскихъ Извѣстій за 1887 г.

ровъ, а именно: политики римской куріи, орудіемъ которой были нунціи; дѣятельности іезуитовъ, которою руководили иностранцы; наконецъ, стремленій королей, принесшихъ съ собою въ Польшу новыя идеи о королевской власти. Этимъ путемъ можно будетъ дойти до точнаго и подробнаго познанія элементовъ, условій и первоначальной исторіи названнаго явленія, что для науки крайне важно, такъ какъ католическая реакція въ два послѣдующія столѣтія очень глубоко пустила корни, такъ какъ сопряженные съ нею факты и послѣдствія въ ряду причинъ политическаго паденія Польши имѣютъ не маловажное значеніе и такъ какъ, наконецъ, слѣды ея видны, быть можетъ, еще и въ современномъ обществѣ». Эти слова принадлежатъ знатоку польскаго XVI вѣка, обогатившему свою отечественную историографію цѣлымъ рядомъ изданій, заключающихъ, между прочимъ, матеріалы и для исторіи католической реакціи въ Польшѣ¹⁾).

Дѣло изученія католической реакціи въ Польшѣ усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что источниковъ по этому предмету до сихъ поръ издано мало. Вслѣдствіе этого, приступая къ своему труду, проф. Любавичъ долженъ былъ обратиться по многимъ интересовавшимъ его вопросамъ къ архивамъ различныхъ европейскихъ государствъ. Чтобы выяснитъ себѣ роль Рима въ исторіи возрожденія католицизма въ Польшѣ, онъ работалъ въ тайномъ Ватиканскомъ архивѣ, въ библіотекахъ: Ватиканской, Боргезе и многихъ другихъ римскихъ, а также въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ. Чтобы собрать какіе-либо матеріалы относительно реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, въ изучаемую имъ эпоху, онъ долженъ былъ обратиться къ перепискѣ польскихъ нововѣрцевъ, хранящейся въ архивахъ Швейцаріи, а въ особенности города Цюриха. Затѣмъ, чтобы изучитъ движеніе, происходившее въ лонѣ самой польской католической церкви, ему пришлось дѣлать розысканія въ разныхъ русскихъ, ав-

¹⁾ См. нашу рецензію о его трудѣ «Двѣ кандидатуры на польскій престолъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1889, декабрь, гдѣ намъ тоже пришлось отмѣтить фактъ неразработанности исторіи католической реакціи въ Польшѣ, стр. 540.

стрійскихъ и прусскихъ архивахъ. Между прочимъ, въ Цюрихѣ онъ нашелъ весьма важную корреспонденцію польскихъ реформаторовъ съ швейцарскими богословами, особенно въ Зимлеровскомъ собраніи, которымъ онъ первый пользуется для исторіи польской реформаціи¹⁾, а въ Ватиканскомъ архивѣ ему пришлось натолкнуться на весьма важный матеріалъ по исторіи іезуитовъ и въ русскихъ земляхъ Рѣчи Посполитой²⁾. Вообще же вотъ списокъ главнѣйшихъ архивовъ, въ коихъ онъ работалъ: 1) Ватиканскій тайный архивъ, 2) Ватиканская бібліотека, 3) бібліотека Боргезе, 4) бібліотека Киджи, 5) бібліотека Барберини, 6) Венеціанскій тайный архивъ, 7) Вѣнскій государственный архивъ, 8) бібліотека Чарторыйскихъ, 9) бібліотека Ягеллонскаго университета, 10) архивъ Краковскаго Капитула, 11) бібліотека Рачинскихъ въ Познани, 12) Городская бібліотека въ Бреславлѣ, 13) Городская бібліотека въ Цюрихѣ, 14) Цюрихскій государственный архивъ. Весьма естественно, что плодомъ этихъ разысканій должна была явиться совершенно самостоятельная работа, обогащающая науку новыми фактами и взглядами. Это оцѣнила прежде всего польская критика, уже успѣвшая высказаться о трудѣ проф. Любовича съ самой лучшей стороны. Въ солидномъ и вліятельномъ польскомъ «Историческомъ Трехмѣсячникѣ»³⁾ за подписью W. Z. о книгѣ проф. Любовича далъ довольно обстоятельный отчетъ проф. Краковскаго университета Викентій Закржевскій, который своею книгою «Возникновеніе и развитіе реформаціи въ Польшѣ»⁴⁾, вышедшей двадцать лѣтъ тому назадъ, положилъ начало новому направленію въ изученіи судебъ польскаго протестантизма. Понятное дѣло, что приговоръ такого спеціалиста долженъ считаться

¹⁾ О «Зимлеровскомъ собраніи рукописей» проф. Любовичъ въ 1886 г. напечаталъ особую статью въ «Варш. Унив. Извѣстіяхъ», которая вышла въ свѣтъ и отдѣльной брошюрой.

²⁾ См. объ этомъ особую брошюру проф. Любовича подъ заглавіемъ «Къ исторіи Іезуитовъ въ Литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ.» Варшава. 1898 года.

³⁾ *Kwartalnik historyczny*. 1890. IV.

⁴⁾ *W. Zakrzewski*. *Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce*. 1870.

въ высшей степени авторитетнымъ. Первый трудъ проф. Любавича рецензентъ называетъ «безконечно важнымъ и цѣннымъ», прибавляя, что авторъ разсмотрѣлъ «Исторію реформаціи въ Польшѣ *съ такою подробностью и обстоятельностью, а главное, на основаніи столь широкихъ изысканій по источникамъ, что другой такой книги о томъ же предметѣ не было еще ни на одномъ языкѣ*». Совершенно правильно видя въ новой книгѣ проф. Любавича какъ-бы второй томъ прежняго труда, проф. Закржевскій отмѣчалъ въ немъ тѣ же «драгоценныя качества», а именно «основательное и глубокое приготовленіе автора къ труду, широкія изслѣдованія въ области источниковъ и архивныя разысканія. Съ полнымъ правомъ, продолжаетъ онъ, проф. Любавичъ могъ отмѣтить на заглавномъ листѣ, что книга его основывается на неизданныхъ источникахъ, такъ какъ онъ дѣйствительно собралъ неизданнаго матеріала громадное количество. Понятное дѣло, что имъ не упущено ни одного общедоступнаго источника, бывшаго въ печати: такіе источники онъ знаетъ, пожалуй, всѣ, даже и такіе, которые вслѣдствіе своей рѣдкости и не могутъ на самомъ дѣлѣ считаться доступными всѣмъ, хотя прежде и бывали издаваемы. Авторъ разыскивалъ ихъ старательно, нашелъ много и изслѣдовалъ въ подробности. Очевидно знаетъ онъ и литературу своего предмета. Но преимущественно почерпаетъ онъ свой матеріалъ изъ рукописей, въ библіотекахъ и архивахъ, въ значительной степени расширивъ кругъ своихъ архивныхъ поисковъ, который былъ уже весьма широкъ и въ первой его работѣ». Съ другой стороны, рецензентъ ставитъ въ заслугу автору и его отношеніе къ собранному матеріалу: «проф. Любавичъ, говоритъ онъ, принимаетъ въ расчетъ всѣ извѣстія, не упуская изъ виду ни одного изъ нихъ, и проявляетъ безконечную пристальность и внимательность при ихъ сопоставленіи». Наконецъ, проф. Закржевскій ставитъ на видъ «безпристрастіе, объективность и спокойный тонъ» автора, а также и то, что онъ въ своемъ трудѣ «последовательно проводитъ одну руководящую идею, никогда не забываетъ основной точки зрѣнія своей на всю исторію ре-

формаціи въ Польшѣ, на ея значеніе и силу въ этой странѣ». Разбирая отдѣльныя главы труда, проф. Закржевскій также имѣетъ весьма часто поводъ говорить о «безконечномъ множествѣ новыхъ извѣстій, собранныхъ *такъ тщательно и въ такомъ обиліи, какъ нидѣ болѣе*», объ «обширномъ архивномъ матеріалѣ», объ «источникахъ, которые прежде не были извѣстны или изслѣдованы». Въ общемъ заключеніи проф. Закржевскій повторяетъ, что подобной книги о польской реформаціи не существуетъ ни въ одной литературѣ. Рецензенту пришлось отмѣчать и слабыя стороны труда, но «ихъ, по его общему приговору, превышаютъ во много разъ хорошія качества», и кто, прибавляетъ онъ, хочетъ изучать эту эпоху, долженъ основательно познакомиться съ трудомъ проф. Любовича.

Весьма сочувственный отзывъ о книгѣ проф. Любовича со стороны польской науки сдѣланъ былъ и профессоромъ Варшавскаго университета А. П. Павинскимъ, сославшимся въ небольшомъ «обзорѣ современнаго состоянія польской исторіографіи»¹⁾ на трудъ г. Любовича, какъ на примѣръ того, съ какими трудностями соединено отыскиваніе новаго матеріала для польской исторіи съ XVI-го вѣка. «Это послѣднее обстоятельство, говоритъ онъ, такъ легко оцѣнить, когда читатель разсматриваетъ *прекрасное сочиненіе* профессора Любовича по исторіи реформаціи въ Польшѣ. Сколько труда пришлось положить на то, чтобы выяснитъ «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», какъ это сдѣлалъ профессоръ Любовичъ для названнаго только-что своего сочиненія, явившагося въ печати нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Авторъ, продолжаетъ онъ, долженъ былъ изучать предметъ и не только въ мѣстныхъ, но и въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Швейцаріи, въ Голландіи, въ Италіи, особенно же въ Ватиканѣ. На основаніи *весьма тщательно собраннаго матеріала*

¹⁾ Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1890 г., стр. 214.

представлена історія виникнення католицескої реакції въ Польщі, починаючи съ 1564 г., и постепенное ея усиленіе до 1577 г., когда, вслѣдствіе принятія на петроковскомъ синодѣ тридентскихъ постановленій, сила реформаціоннаго движенія была сломлена. Трудъ проф. Любовича можно считать *весьма важнымъ вкладомъ въ сокровищницу исторической литературы. Богатство новыхъ результатовъ, правильное освѣщеніе предмета, всестороннее его изслѣдованіе составляютъ достоинства замѣчательнаго изслѣдованія*, о которомъ польская критика въ лицѣ самаго компетентнаго спеціалиста, профессора Закржевскаго, высказалась съ заслуженною вполне похвалою». Весьма сочувственный отзывъ о книгѣ проф. Любовича сдѣланъ былъ и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ ей посвятилъ замѣтку польскій ученый, спеціально занимавшійся исторіей XVI вѣка, г. Пташицкій¹⁾. «Въ Исторіи реформаціи», говоритъ онъ, «авторъ выяснилъ, что реформаціонное движеніе было весьма поверхностно, не имѣло корней и не произвело никакого серьезнаго переворота ни въ общественной, ни въ умственной, ни въ политической жизни польскаго народа. Внутренняя слабость этого движенія было таково, что оно не успѣло даже обезпечить своимъ адептамъ свободу совѣсти. Поэтому неудачи протестантизма при давленіи со стороны Рима способствовали быстрому возрожденію католицизма. Разсмотрѣніемъ этихъ неудачъ реформаціоннаго движенія и ролью Рима занимается авторъ въ новой своей книгѣ. Изслѣдованіе профессора Любовича основано на новыхъ матеріалахъ, отчасти впервые имъ же открытыхъ. Для своего труда авторъ извлекъ матеріалы изъ различныхъ европейскихъ архивовъ и библіотекъ. Въ этомъ отношеніи трудъ его является весьма цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу» Г. Пташицкій отмѣчаетъ новые матеріалы проф. Любовича и при обзорѣ отдѣльныхъ главъ. «Для исторіи начала возрожденія католицизма, гово-

¹⁾ 1890 г., май, стр. 164—172.

рить онъ, до сихъ поръ мало было издано источниковъ, и г. Любавичъ воспользовался для этого многими имъ впервые открытыми документами». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ трудъ профессора Любавича для эпохи возрожденія католицизма «единственнымъ пособіемъ». Общій приговоръ г. Пташицкаго таковъ: «Вся книга г. Любавича, какъ основанная на изученіи источниковъ первой важности, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу польской исторіи. Въ ней окончательно установленъ весь ходъ развитія протестантизма въ Польшѣ и вѣрно намѣчены начало его упадка, причины, вызывавшія быстрое ослабленіе реформаціоннаго движенія и скорое возрожденіе католицизма. При этомъ г. Любавичу первому удалось указать на то слабое значеніе, какое имѣло протестантское движеніе въ Польшѣ даже въ эпоху своего разцвѣта».

Таковы отзывы польскихъ критиковъ о значеніи труда проф. Любавича. Этотъ единственный приговоръ свидѣлствуетъ о томъ, что въ его книгѣ дѣйствительно много совершенно новаго и по части фактическаго матеріала, и по части его освѣщенія и общихъ изъ него выводовъ. Чтобы отмѣтить все, заслуживающее вниманія въ этомъ трудѣ, пришлось бы слѣдить за изложеніемъ изъ главы въ главу, изъ страницы въ страницу. Быть можетъ, кое съ чѣмъво взглядахъ профессора Любавича мы и не согласились бы, но это относилось бы уже къ области ученаго спора, а не къ оцѣнкѣ книги, какъ научной работы, заслуживающей большой похвалы.—Въ сочиненіи профессора Любавича 8 главъ. Въ первой онъ разсматриваетъ состояніе католической церкви въ Польшѣ въ моментъ разгара реформаціоннаго движенія. Вторая глава посвящена изображенію дѣятельности папскаго нунція Коммендоне въ Польшѣ. Въ главахъ III и IV авторъ сообщаетъ любопытныя подробности о развитіи антитринитаризма въ Польшѣ и разсматриваетъ быстрый ходъ возрожденія католицизма въ Рѣчи Посполитой въ концѣ шестидесятихъ годовъ XVI в. О сандомирскомъ соглашеніи 1570 г. говорится въ главѣ V, о варшавской конфедераціи

1573 г. въ главѣ VI, о козняхъ Рима въ эпоху перваго безкоролья и при Генрихѣ Валуа — въ главѣ VII. Сочиненіе оканчивается главой о раззореніи Брога и петроковскомъ синодѣ 1577 г. — Такъ какъ авторъ держится строго хронологическаго порядка изложенія, то многія главы его втораго труда примыкаютъ непосредственно къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ главамъ перваго. Такъ, глава о состояніи католической церкви въ Польшѣ въ моментъ разгара реформаціи составляетъ естественное продолженіе первой главы прежней книги, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи церкви и духовенства въ Польшѣ до появленія въ ней протестантизма; главу «Коммендоне» можно поставить въ связь съ главой (V) о Липпоманѣ и Вергеріи; о началѣ антитринитарскаго движенія, разсмотрѣннаго въ главахъ III и IV новаго труда, говорится въ главахъ X и XII старой работы. Поэтому, быть можетъ, проф. Любовичъ поступилъ бы рациональнѣе, если бы озаглавилъ весь свой трудъ, какъ исторію реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ, обозначивъ обѣ книги, какъ первый и второй томы одного труда. Изъ черезъ-чуръ строго проведеннаго хронологическаго принципа вытекаетъ въ сочиненіи профессора Любовича и другое неудобство. Уже раньше, разсматривая его «Исторію реформаціи въ Польшѣ», мы указывали на то, что принятый авторомъ строго-хронологическій порядокъ не позволилъ ему собирать вмѣстѣ однородные факты для обобщеній и характеристикъ, хотя и отмѣтили хорошую сторону этого порядка, дававшего автору возможность шагъ за шагомъ слѣдить за ростомъ реформаціи въ связи съ политической борьбой, происходившей на сеймахъ, и другими событиями эпохи¹⁾. То же можно повторить и о новомъ трудѣ проф. Любовича²⁾, и критики, на которыхъ я уже ссылался, повидному считали возможнымъ передать основныя мысли автора

¹⁾ Русская Мысль, 1884, VIII.

²⁾ Проф. Захрежевскій находитъ даже, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книга проф. Любовича имѣетъ видъ скорѣе хроники очень старательной, но сухой, чѣмъ исторіи.

только слѣдя шагъ за шагомъ за его изложеніемъ. Не беря на себя труда послѣдовательной передачи содержанія книги проф. Любовича, я отмѣчу только наиболѣе важные ея результаты.

Во первыхъ, авторъ и въ своемъ первомъ трудѣ, и въ новомъ сочиненіи доказалъ, что польскій протестантизмъ не пошелъ въ глубь, и что о размѣрахъ всего реформаціоннаго движенія въ исторической литературѣ составилось представленіе, которое слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. «Въ нашемъ изслѣдованіи о развитіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ до 1564 г., говоритъ онъ самъ (стр. 27—28), т. е. до эпохи, которая представляетъ кульминаціонный его пунктъ, мы показали, что движеніе это было крайне поверхностно, не имѣло корней и не произвело никакого серьезнаго переворота ни въ общественной, ни въ умственной, ни въ политической жизни польскаго народа. Протестанты не сумѣли взять въ руки школьное дѣло, не сумѣли также захватить руководство и другими отраслями общественной жизни, находившимися въ рукахъ католическаго духовенства. Училищъ, университетовъ, больницъ, госпиталей, страннопріемныхъ домовъ, убѣжищъ, которые могли бы дать пріютъ женщинамъ, нуждавшимся въ общественной опекѣ, — всего этого не было вовсе создано польскими протестантами, а что и было сдѣлано въ этомъ отношеніи, то въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что не могло удовлетворить насущныхъ потребностей. Внутренняя слабость реформаціоннаго движенія было такова, что оно не успѣло даже обезпечить своимъ адептамъ свободы совѣсти; а то мнимое поражение, нанесенное на Петроковскомъ сеймѣ 1562—1563 г. католицизму, по поводу котораго такъ торжествовали протестанты, заключалось лишь въ томъ, что на нѣкоторое время запрещено было свѣтской власти приводить въ исполненіе приговоры духовныхъ судовъ. Такимъ путемъ узаконялась безнаказанность нарушенія правъ католической церкви, и у нея отнималась возможность преслѣдованія за это. Но самыя права церкви никакимъ государственнымъ актомъ не

были уничтожены, а тѣмъ менѣе ея органы, учрежденія и матеріальныя силы. Она продолжала существовать со всѣми своими правами и привилегіями, никакихъ нарушеній ихъ не признавала, не допускала и постоянно публично опротестовывала сеймовыя постановленія и другія мѣропріятія, направленные противъ нея. Поступала она такъ почти обыкновенно съ соизволенія короля. Подчасъ государственная власть представляла изъ себя двуликаго Януса: съ одной стороны, она утверждала и санкціонировала требованія протестантовъ, клонившіяся къ нанесенію ущерба католицизму, а съ другой, немедленно признавала законнымъ отказъ духовенства повиноваться враждебнымъ ему постановленіямъ. При такомъ положеніи дѣлъ нужно было только нѣсколько измѣниться общественному настроенію, и духовенство тотчасъ получало полную возможность перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и разбить своего врага на-голову, потому что нечѣмъ было защищаться. Этотъ общій выводъ вполне подтверждается и первой главой новой книги, гдѣ разсматривается состояніе католической церкви въ Польшѣ во время наибольшей силы протестантизма: указывая здѣсь на причины разлюженія польскаго католицизма, проф. Любовичъ подчеркиваетъ однако то важное обстоятельство, что самое зданіе католической церкви въ Польшѣ не было низвергнуто, и потому, говоритъ онъ, нужно было только приложеніе нѣкоторой энергіи, чтобы его привести въ должный порядокъ. Отмѣтивъ печальное положеніе духовенства, онъ продолжаетъ такимъ образомъ: «Такая распущенность и крайне низкій уровень нравственнаго развитія католическаго духовенства, такой хаосъ и беспорядокъ, царствовавшіе въ церквахъ, невольны должны были приводить современниковъ къ мысли, что дѣло католицизма проиграно въ Польшѣ. Въ виду распространившагося по всей странѣ протестантизма, эти католическія церкви, находившіяся въ такомъ безотрадномъ положеніи, казалось, должны были стать несомнѣнно добычею его. Но, въ дѣйствительности дѣло католицизма въ Польшѣ было далеко не въ такомъ отчаян-

номъ положеніи. Не слѣдуетъ забывать, что такой безпорядокъ въ церкви происходилъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что высшее духовенство смотрѣло сквозь пальцы на все, происходившее вокругъ него, и относилось спустя рукава къ дѣламъ церкви, оставивъ ее безъ всякой опеки и надзора; а, во-вторыхъ, по винѣ всеильной шляхты, которая по различнымъ побужденіямъ вызывала и поддерживала эти безпорядки¹⁾. Проф. Любавичъ указываетъ въ своей книгѣ, какъ высшее духовенство само поняло необходимость иной политики по отношенію къ нововѣрію. Разказавъ о столкновеніи, происшедшемъ между еп. Уханскимъ (позднѣе примасомъ) и куріей, онъ совершенно вѣрно указываетъ на то, что эпизодъ этотъ не только можетъ служить иллюстраціей расшатанности католической церкви въ то время, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ отчасти ключъ къ пониманію, почему дѣло католицизма не было проиграно въ Польшѣ. «Мы видимъ, говоритъ онъ, что въ моментъ наивысшаго развитія силъ реформаціоннаго движенія очень популярная и распространенная либеральная католическая партія, шедшая часто рука объ руку съ протестантами, вмѣсто того, чтобы, какъ можно было ожидать, воспользоваться дѣломъ Уханскаго или для предпріятія какихъ-либо энергичныхъ преобразованій въ духѣ своей программы, или, наконецъ, для перехода на сторону протестантизма, — эта партія вмѣсто всего этого въ рѣшительную минуту робѣетъ и считаетъ болѣе удобнымъ устроить примиреніе съ Римомъ своего представителя. Съ другой стороны, апатія епископовъ, не принявшихъ энергичнаго участія въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ они могли бы только еще болѣе раздражить свѣтское сословіе, спасла польскую церковь отъ болѣе сильныхъ замѣшательствъ. Такимъ образомъ, хотя реформаціонное движеніе подкопало католицизмъ, но не имѣло достаточно силъ, чтобы ниспровергнуть его окончательно, а остальные общественные элементы, хотя будто и симпатизировали протестантизму, но бо-

¹⁾ Ibid., стр. 5—6.

ялись протянуть ему руку» ¹⁾). Стоило только выступить энергичнѣе, и можно было съ успѣхомъ остановить проявленія непокорности къ церкви. «Какъ въ эту эпоху, говоритъ авторъ, нѣсколько затраченной энергіи на борьбу съ новаторствомъ могло принести результаты, доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что серьезный отпоръ, данный священникомъ даже шляхтичу, былъ иногда въ состояніи удержать послѣдняго отъ рвенія ввести протестантское ученіе въ своемъ имѣніи. Въ деревнѣ Гнойно (въ Сандомирскомъ воеводствѣ), Пржецлавъ Войсикъ (Przeclaus Woysik), помѣщикъ, сталъ требовать отъ священника вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими прихожанами, чтобы онъ давалъ имъ причастіе подъ обоими видами. Получивъ отъ него рѣшительный отказъ согласиться на исполненіе своего приказанія, Войсикъ вызвалъ изъ сосѣдняго мѣстечка Хмѣльника въ Гнойно нѣкоего протестантскаго проповѣдника Мартина для отправленія тамъ богослуженія. Однако мѣстный католическій священникъ не допустилъ реформированія своей церкви по протестантскому обряду» ²⁾). Вся эта сторона дѣла имѣетъ отношеніе не только къ характеристикѣ протестантскаго движенія въ Польшѣ, коимъ проф. Любовичъ былъ занятъ въ первомъ своемъ трудѣ, но и къ выясненію причинъ реакціи, составляющей предметъ новаго его изслѣдованія.

Вторымъ важнымъ результатомъ его труда мы и считаемъ тотъ выводъ, что возникновеніе католической реакціи въ Польшѣ не нужно объяснять движеніемъ на Польшу внѣшнихъ силъ: католическая реакція въ Рѣчи Посполитой вышла изъ нѣдръ самого общества. Проф. Любовичъ въ высшей степени обстоятельно и добросовѣстно прослѣдилъ дѣятельность въ Польшѣ папскихъ нунціевъ и выяснилъ при этомъ ихъ роль въ возрожденіи католицизма, внесши въ изслѣдованіе свое немало новаго

¹⁾ Ibid., 18. Замѣчу кстати, что проф. Любовичемъ очень хорошо разработана вопросъ о созывѣ національнаго собора въ Польшѣ, стр. 59 и слѣд.

²⁾ Ibid., 9—10.

фактическаго матеріала, главнымъ образомъ изъ документовъ Ватиканскаго архива. Дѣятельность папскихъ нунціевъ въ Польшѣ и раньше была извѣстна въ общихъ чертахъ, но впервые проф. Любовичъ указалъ на источники реакціи въ самомъ обществѣ польскомъ. Говоря объ успѣхахъ Коммендоне, онъ замѣчаетъ, что ими папскій нунцій «былъ обязанъ главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что среди духовенства и въ самомъ обществѣ появились теперь зачатки реакціи противъ реформаціоннаго движенія. Коммендоне умѣлъ ими пользоваться и давать имъ должное направленіе. Въ настоящее время капитулы стали уже проявлять много усердія къ дѣлу защиты интересовъ церкви. Достаточно вспомнить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали они собранія провинціального синода, на которомъ должны были быть изысканы средства къ ея умиротворенію. На церковныхъ кафедрахъ появились теперь талантливые проповѣдники; костелы наполнялись молящимися. На проповѣди въ Познани ученаго и фанатичнаго доминиканца Мельхіора Мосницкаго, духовника короля, стекалось въ 1564 году много народа; но не меньшимъ успѣхомъ пользовались въ 1565 году и слѣдующихъ годахъ въ этомъ городѣ два другіе проповѣдника Бенедиктъ Гербестъ и Станиславъ Варшевицкій, будущіе іезуиты. Поученія ихъ, по отзыву одного изъ современниковъ, стали привлекать нѣкоторыхъ протестантскихъ пановъ, и много лицъ, какъ изъ шляхты, такъ изъ мѣщанъ, перешло въ католицизмъ. Но Гербестъ не довольствовался дѣятельностью только проповѣдника и священника; онъ считалъ необходимымъ въ интересахъ успѣха католической религіи бороться съ протестантизмомъ и перомъ. До сихъ поръ рѣдко появлялись изъ лагера польскихъ католическихъ писателей богословско-полемическія сочиненія, направленные противъ протестантовъ; они принадлежали обыкновенно перу Гозія или Кромера или, наконецъ, Оржеховскаго; теперь и на этой почвѣ оживаетъ борьба католицизма съ протестантизмомъ»¹⁾. Не одни только капитулы и низ-

¹⁾ Ibid., 100—101.

шее духовенство играютъ роль въ этомъ возрожденіи католицизма, но и епископы, которые съ конца шестидесятихъ годовъ обращаютъ больше, чѣмъ прежде, вниманія и на свою паству, и на духовенство. Ссылаемся въ этомъ отношеніи на стр., 170 и слѣд. книги проф. Любовича, гдѣ собраны факты, указывающіе на это. Такимъ образомъ не іезуиты, придавшіе впоследствии свой отпечатокъ католической реакціи въ Польшѣ, были ея родоначальниками, но само польское духовенство. Авторъ доказываетъ весьма убѣдительно, что въ царствованіе Сигизмунда Августа и въ первыя два безкорольевья іезуиты не могли имѣть вліянія на реакцію¹⁾. Мало того: реакція возникла въ нѣдрахъ самого шляхетскаго общества, и то, что проф. Любовичъ прослѣдилъ ея возникновеніе среди шляхты, составляетъ весьма важную его заслугу. Вотъ что говоритъ онъ, напр., о серединѣ шестидесятихъ годовъ XVI вѣка: «Случаи отпаденія отъ протестантизма и перехода въ католицизмъ не представляютъ въ настоящее время явленія исключительнаго или рѣдкаго. Въ средѣ болѣе мелкой шляхты и мѣщанъ стремленіе къ возвращенію на лоно Римской церкви становится весьма замѣтнымъ»²⁾. То-же самое говоритъ онъ и о концѣ того же десятилѣтія³⁾. Правда,

¹⁾ Ibid., 102, особенно 351 и слѣд. Объ этомъ проф. Любовичъ говоритъ слѣдующее: «Что касается дѣятельности іезуитовъ въ эпоху двухъ первыхъ безкорольевъ, то она была еще мало замѣтна. Они избѣгали всякаго открытаго вмѣшательства въ политическія дѣла Польши, чтобы не скомпрометировать свой орденъ и не навлечь на себя общественнаго неудовольствія, въ случаѣ какихъ-либо неудачъ на поприщѣ политики».

«Что іезуиты въ указанную нами эпоху не могли еще играть главной роли въ борьбѣ съ протестантизмомъ, и что имъ не могло еще принадлежать выдающееся мѣсто въ реакціонномъ движеніи, это станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, что въ цѣломъ польскомъ королевствѣ, включая сюда Литву, русскія земли и королевскую Пруссію, находилось всего лишь пять іезуитскихъ коллегій (въ Браунсбергѣ, Пултускѣ, Познани, Вильнѣ и Ярославѣ). Число іезуитовъ въ Польшѣ было еще слишкомъ недостаточно въ данное время для цѣлей утвержденія католицизма въ ней, и на это жалуется нунціи. Польша даже составляла только часть Австрійской провинціи іезуитскаго ордена и изъ нея была образована самостоятельная провинція въ 1576 году».

²⁾ Ibid., 101.

³⁾ Ibid., 176.

соотвѣтственные факты были извѣстны раньше, но у проф. Любовича они получаютъ новое значеніе, благодаря сопоставленію ихъ съ тѣмъ, что происходило на тогдашнихъ сеймахъ. Автору даже пришлось возстановлять ихъ исторію на основаніи архивнаго матеріала, такъ какъ для большей ихъ части нѣтъ такъ называемыхъ діаріевъ, т. е. дневниковъ ¹⁾).

Въ-третьихъ, проф. Любовичъ, выясняя причины неуспѣха польскаго протестантизма и освѣщая зарожденіе католической реакціи въ Польшѣ, и то и другое ставитъ въ связь съ политической и общественной исторіей Польши. Такая постановка дѣла не можетъ быть названа новостью въ изслѣдованіи исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, но тѣмъ не менѣе и тутъ проф. Любовичъ даетъ массу новаго. «Нельзя, писали мы въ упомянутой своей замѣткѣ о новомъ трудѣ проф. Любовича,— нельзя не указать еще и на то, что взятая авторомъ эпоха совпадаетъ съ первыми двумя междуцарствіями по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, и такъ какъ почтенному исторіку приходится говорить и объ этихъ «безкорольвахъ», пользуясь равнымъ образомъ неизданными источниками, то трудъ его получаетъ значеніе и для политической исторіи Польши». Вся глава VI въ книгѣ представляетъ изъ себя совершенно новое освѣщеніе протестантскаго дѣла въ эпоху перваго безкорольвья. Отмѣчу прежде всего отрицаніе проф. Любовичемъ существованія протестантской и католической партій въ строгомъ смыслѣ въ это время. «Экономическія соображенія, говоритъ проф. Любовичъ, соображенія, сплотившія протестантизмъ въ царствованіе Сигизмунда Августа, потеряли въ эпоху междуцарствія свою силу. Та же сильная протестантская партія, которая была прежде въ сеймѣ, не была представительницею такой же партіи въ государствѣ. Сила протестантовъ въ сеймѣ была до нѣкоторой степени дѣломъ случайности. Въ эпоху Сигизмунда Августа, въ эпоху оживленной политической дѣятельности, вы-

¹⁾ См. стр. 144 и слѣд. (сеймъ 1566 г.), стр. 194 (сеймъ 1570 г.) и 204 (сеймъ 1572 г.).

бирали въ земскіе послы людей образованныхъ, обладающихъ даромъ слова и энергичныхъ. Всѣ эти качества вмѣстѣ были по большей части достояніемъ протестантовъ, окончившихъ свое воспитаніе въ заграничныхъ университетахъ. Вслѣдствіе этого выборъ въ земскіе послы падалъ на нововѣрцевъ не всегда только за сочувствіе ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, и когда въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа среди католиковъ стали выдвигаться личности, достойныя избранія въ земскіе послы, то ихъ не мало появилось тогда въ посольской избѣ. Такимъ образомъ было бы заблужденіемъ допускать существованіе политической протестантской партіи въ Польшѣ въ виду того, что такая была въ сеймѣ» ¹⁾. Нельзя не признать вѣрность и основательность этихъ словъ автора, а отсюда и возникло то явленіе, о которомъ говоритъ проф. Любовичъ въ другомъ мѣстѣ той же главы: «Не смотря на всѣ старанія Коммендоне образовать сильную католическую партію, это ему не удавалось. Вѣроисповѣдная точка зрѣнія не раздѣлила Польши на два непримиримые лагеря въ эпоху междуцарствія. Партіи группировались, главнымъ образомъ, въ силу различныхъ расчетовъ и интересовъ пановъ и шляхты» ²⁾.

Четвертая категория общихъ выводовъ проф. Любовича относится къ причинамъ полнаго фіаско польскаго протестантизма, къ числу коихъ относятся, между прочими причинами, прекрасно изслѣдованными въ первомъ трудѣ автора, раздоры сектъ и въ особенности появленіе антитринитаріевъ. Страницы, посвященныя исторіи антитринитаризма, представляютъ собою весьма важную сторону книги проф. Любовича. Онѣ начинаются еще, собственно говоря, въ предыдущемъ трудѣ, гдѣ онѣ, къ сожалѣнію, разбиты между отдѣльными главами вслѣдствіе строго-хронологическаго порядка изложенія. Отмѣчая ихъ еще въ первомъ томѣ, мы выразили надежду, что проф. Любовичъ «продолжить свой трудъ и разсмотритъ въ немъ развитіе

¹⁾ Ibid., 211.

²⁾ Ibid., 216.

социніанізма въ Польшѣ; тогда, вѣроятно, ему придется найти въ польскихъ религиозныхъ движеніяхъ XVI вѣка и такія стороны, которыя не объясняются всецѣло одними политико-экономическими стремленіями шляхты. Успѣхи антитринитарства въ ущербъ кальвинизму, которые уже отмѣчены въ концѣ сочиненія г. Любовича, требуютъ спеціальнаго объясненія, котораго мы въ правѣ ожидать отъ автора книги, такъ добросовѣстно и въ такомъ количествѣ собравшаго интересный матеріалъ для исторіи польской реформаціи¹⁾. Къ сожалѣнію, хронологическіе предѣлы сочиненія не позволили автору заняться въ немъ исторіей социніанізма, такъ какъ останавливается проф. Любовичъ на 1577 г., тогда какъ Социнъ началъ дѣйствовать въ Польшѣ только съ 1579 г. Но и безъ этого онъ могъ бы обратить больше вниманія на эволюцію антитринитарской мысли въ Польшѣ до пріѣзда Социна: въ книгѣ подробно разсказывается о синодахъ, собиравшихся для прекращенія раздора между антитринитаріями и кальвинистами, о ихъ диспутахъ, о раздѣленіяхъ среди самихъ антитринитаріевъ, но почти ничего не дается для уясненія различій, существовавшихъ между самими антитринитарскими сектами²⁾. Отмѣчая этотъ пробѣлъ, я однако вовсе не думаю умалять важныхъ заслугъ проф. Любовича: главы III и IV, посвященныя антитринитаризму, составлены исключительно на основаніи архивнаго матеріала (преимущественно швейцарскаго, въ частности цюрихскаго); къ тому же предмету, т. е. къ исторіи взаимныхъ отношеній между отдѣльными исповѣданіями относится и анализъ Сандомирскаго соглашенія 1570 г., состоявшагося между кальвинистами, лютеранами и братьями чешскими. Проф. Любовичъ вполне правильно оцѣниваетъ его значеніе, нѣсколько (и иногда даже через-чуръ) преувеличивавшееся прежде. «Радость, говоритъ онъ, выражавшаяся членами Сандомирскаго съѣзда по поводу достигнутыхъ имъ результатовъ, не имѣла, собственно говоря, ни-

¹⁾ Русская Мысль, 1884, VIII.

²⁾ Cf. Kwart. histor., 1890, IV, 784.

какого основанія. Только что подписанный актъ Сандомирскаго соглашенія, при внимательномъ его чтеніи, долженъ былъ бы значительно охладить эту радость. Онъ ясно свидѣтельствовалъ о томъ, что имѣвшася въ виду сліянія трехъ сектъ въ одну или образованія между ними самой тѣсной уніи не послѣдовало. Устанавливая тотъ фактъ, что всѣ три протестантскія вѣроученія, существующія въ Польшѣ, въ основныхъ догматахъ не разнятся между собою, актъ Сандомирскаго соглашенія представлялъ каждой изъ этихъ церквей право сохранить свои особые обряды и церемоніи. Гарантируя имъ, такимъ образомъ, ихъ прежнюю самостоятельность, онъ требовалъ только, чтобы онѣ жили въ братскомъ согласіи и оставили прежнія распри и раздоры. Въ будущемъ предполагалось собраться вмѣстѣ, чтобы извлечь изъ исповѣданій вѣры всѣхъ трехъ вѣтвей польскаго протестантизма сущность ихъ вѣроученія и издать его отъ имени реформированныхъ польскихъ и литовскихъ церквей. Но этотъ планъ никогда не былъ осуществленъ, и польскіе протестанты даже совершенно забыли о принятомъ ими рѣшеніи собраться въ Варшавѣ на Троицынъ день для выработки общаго исповѣданія вѣры. Не безъ основанія подсмѣивались католики надъ Сандомирскимъ соглашеніемъ. Для всѣхъ было ясно, что, какъ прежде не существовало почти никакого единенія между различными протестантскими церквями, такъ и теперь было мало надежды на установленіе его. Расчеты протестантовъ, что имъ удастся импонировать католикамъ своею силою, благодаря происшедшему между ними соглашенію, не могли оправдаться, такъ какъ, въ дѣйствительности, они не приобрѣли никакихъ силъ, да и не откуда было черпать ихъ: договоръ лютеранъ, кальвинистовъ и братьевъ чешскихъ жить во взаимномъ мирѣ и согласіи не могъ еще связать ихъ для общей, серьезной работы надъ насажденіемъ и укрѣпленіемъ протестантизма въ Польшѣ¹⁾).

Я отказываюсь перечислять всѣ отдѣльные факты, которые

¹⁾ Ibid., 188—189.

у проф. Любовича являются совершенно новыми или получаютъ новое освѣщеніе на основаніи архивнаго матеріала. Такъ какъ мнѣ до сихъ поръ не приходилось касаться предметовъ, разсматриваемыхъ въ двухъ послѣднихъ главахъ разбираемаго труда, и такъ какъ именно эти главы особенно изобилуютъ новымъ матеріаломъ и новою постановкою частныхъ вопросовъ, то я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ, показывающихъ книгу проф. Любовича съ этой стороны. Недавно проф. Вержбовскій издалъ депеши папскаго нунція Викентія Лаурео, и тѣмъ не менѣе проф. Любовичъ извлекъ изъ архивовъ новыя депеши, которыя проф. Вержбовскимъ изданы не были¹⁾. О Пётроковскомъ синодѣ 1577 г. есть специальное изслѣдованіе проф. Павинскаго, но и тутъ проф. Любовичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи новыя данныя. (Кстати: авторъ окончательно выяснилъ, что на Парчовскомъ сеймѣ 1564 г. не были приняты тридентскія постановленія, принятыя на упомянутомъ синодѣ духовенствомъ, см. стр. 52). Изъ фактовъ, о которыхъ проф. Любовичъ говоритъ почти исключительно на основаніи архивнаго матеріала, отмѣтимъ происки Рима, чтобы Генрихъ Анжуйскій не утверждалъ Варшавской конфедераціи, подробности о его коронаціи, поведеніе Фирлея и т. д.

Не буду продолжать: пришлось бы повторяться. Тѣмъ болѣе считаю возможнымъ на этомъ остановиться, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы мое заявленіе о всѣхъ правахъ книги проф. Любовича на *полученіе полной преміи митрополита Макарія* не было голословнымъ.

¹⁾ Ibid., 295 и 297.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ АТМОСФЕРНАГО ДАВЛЕНІЯ НА ПРОСТРАНСТВО РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ И АЗИАТСКАГО МАТЕРИКА НА ОСНОВАНІИ НАБЛЮДЕНІЙ СЪ 1836 ПО 1885 ГОДА. КРИТИЧЕСКИ ОБРАБОТАЛЪ АЛЕКСѢЙ ТИЛЛО. СПБ. 1890 Г.

(Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Т. XXI).

Рецензія профессора А. Клоссовскаго.

Обширный и обстоятельный трудъ автора даетъ полную картину современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на огромномъ пространствѣ Европейской Россіи и Азіатскаго материка. Вопросъ, подвергнутый изслѣдованію, требовалъ цѣлой массы подготовительной работы и длиннаго ряда цифровыхъ данныхъ. Книга составлена на основаніи огромнаго наблюдательнаго матеріала, потребовавшаго неимоверныхъ усилій для его вычисленій и контроля¹⁾. Матеріалъ этотъ разработанъ авторомъ крайне разносторонне. Въ сочиненіи г. Тилло находимъ не только изученіе вопроса о распредѣленіи *средняго* давленія атмосферы. Значительное вниманіе удѣлено изслѣдованію крайнихъ отклоненій. Законы распредѣленія давленія авторъ постепенно связываетъ съ законами распредѣленія температуры, пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ академика Вильда «О температурахъ Россій-

¹⁾ Первенствующимъ и основнымъ матеріаломъ явились образцовыя изданія Главной Физической Обсерваторіи.

ской Имперіи» и дополняя недостающіе элементы цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ вычисленій. Съ цѣлью сдѣлать добытые выводы возможно болѣе наглядными, авторъ приложилъ къ своей книгѣ единственный въ своемъ родѣ, по богатству и разнообразію, атласъ чертежей и построеній, въ которомъ насчитывается 69 отдѣльныхъ картъ на 13 листахъ большаго формата.

По замыслу и общему плану, книга г. Тилло сходна съ извѣстной работой Хана (*Die Vertheilung des Luftdruckes über Mittel- und Süd-Europa*). Но, во-первыхъ, многія вычисленія г. Тилло были уже закончены ко времени выхода сочиненія Хана; во-вторыхъ, мемуаръ г. Тилло затрогиваетъ стороны, вовсе неразработанныя Ханомъ (напр., изученіе крайнихъ отклоненій, опредѣленіе центровъ энергіи, изслѣдованіе мѣсячныхъ перемѣщеній циклоновъ, антициклоновъ и т. п.). Сходство плана доказываетъ только, что оба почтенные автора одинаково стоятъ на высотѣ научнаго уровня и что та, а не другая разработка матеріала естественно вытекаетъ изъ современнаго состоянія метеорологіи. Вообще, по справедливому замѣчанію г. Брюкнера, работа г. Тилло заключаетъ собою циклъ капитальныхъ работъ Вильда о температурѣ и осадкахъ Россійской Имперіи¹⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, позволю себѣ перейти къ детальному обзорѣ труда г. Тилло. Первые двѣ главы (I и II) посвящены обзору литературы предмета, причемъ авторъ намѣчаетъ кратко тѣ существенныя черты, которыя внесены въ изучаемый вопросъ его предшественниками, и отчасти указываетъ ихъ слабыя стороны. Очеркъ начинается съ извѣстной работы Бэкана, составившей эпоху въ метеорологіи, и заканчивается указаннымъ выше сочиненіемъ Хана. Изъ этого краткаго очерка ясно видно, что вопросъ о распредѣленіи давленія надъ материкомъ Азіи необходимо было подвергнуть пересмотру и перевычисленію, особенно въ виду новыхъ данныхъ о высотахъ нѣкоторыхъ Сибирскихъ станцій. Не только общій

¹⁾ Petermann's Mittheilungen, XII, 1890, S. 185.

ходъ изобаръ, но и количественная ихъ оцѣнка далеко не тождественны у различныхъ изслѣдователей (Бэканъ, Воейковъ, Штеллингъ, Вильдъ).

Особенно подробно авторъ останавливается на двухъ работахъ Хана: 1) на изобарахъ и текстѣ въ атласѣ Justus'a Perthes'a и 2) Die Vertheilung des Luftdruckes über Mittel- und Süd-Europa Wien 1887. Въ сжатой, но совершенно строгой формѣ, г. Тилло излагаетъ не только существенныя черты въ высшей степени богатой содержаніемъ книги Хана, но даже приводитъ нѣкоторыя чисто практическія приемы ¹⁾. Особенность этого изложенія заключается въ томъ, что авторъ постепенно вводитъ читателя въ кругъ поправокъ и погрѣшностей, могущихъ вліять на результатъ; вслѣдствіе этого, монографія г. Тилло получаетъ характеръ не только строго научнаго трактата, но, въ то-же время, полезнаго пособія въ рукахъ людей, желающихъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ ученія о распредѣленіи давленія.

Въ главѣ III сдѣлано общее обозрѣніе источниковъ, поправокъ, приборовъ и методовъ наблюдений, а также указаны тѣ основанія, которыми руководился авторъ при обработкѣ сыраго матеріала. Главныя принципы, служившіе руководствомъ при выполненіи настоящаго изслѣдованія, въ общемъ, сходны съ соответственными принципами и методами Хана. Въ обширную программу Хана авторъ внесъ слѣдующія дополненія: 1) обработалъ, какъ выше упомянуто, не только среднія, но и крайнія значенія давленія, 2) установилъ законы перемѣщенія такъ называемыхъ полугодовыхъ и мѣсячныхъ циклоновъ Азіатскаго материка и отмѣтилъ центры энергіи давленія и температуры, 3) попытался связать изслѣдованіе давленія съ изслѣдованіемъ температуры, 4) обратилъ вниманіе на нѣкоторыя черты въ распредѣленіи давленія, могущія имѣть значеніе въ практическомъ отношеніи, напр., равномерность распредѣленія давленія въ іюнѣ и іюль на пространствѣ Европейской и Азіатской Россіи. Такимъ образомъ, книга г. Тилло, по замыслу автора, должна была

¹⁾ Напр., упрощенный способъ приведенія въ уровню моря.

явиться не только распространіемъ работы Хана на всю Европейскую Россію и Азіатскій материкъ, но, въ то-же время, и дальнѣйшимъ ея развитіемъ и дополненіемъ, исчерпывающимъ вопросъ полнѣе и многостороннѣе.

По поводу поправокъ позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Несомнѣнно, что полнота изданія имѣетъ громадное значеніе въ капитальныхъ работахъ, въ родѣ изслѣдованія г. Тилло. Для контроля выводовъ автора, а также исправленія случайныхъ погрѣшностей и опечатокъ крайне желательно, чтобы въ книгѣ можно было найти всѣ необходимыя для этого элементы, не обращая всякій разъ къ первоисточникамъ. Къ такого рода элементамъ въ данномъ изслѣдованіи относятся, во-первыхъ, ряды поправокъ. На стр. 44 авторъ говоритъ, что, пользуясь предисловіями «Лѣтописей», онъ вездѣ ввелъ тѣ поправки барометровъ, которыя наиболѣе вѣроятны. Несомнѣнно, что для полноты трактата было-бы весьма важно привести *in extenso* величины поправокъ для всего періода наблюденій. Подобную таблицу поправокъ можно было-бы соединить съ данными о высотахъ, напечатанными на стр. 172—198. Поправки эти крайне желательны, во-первыхъ, для повѣрки основныхъ выводовъ автора; во-вторыхъ, онѣ необходимы въ томъ случаѣ, если-бы штудирующій книгу г. Тилло пожелалъ произвести нѣкоторыя дополнительныя вычисленія, для извѣстной части періода; въ-третьихъ, величина поправокъ могла-бы служить *критеріумомъ качества* матеріала и того вѣса, который слѣдуетъ придавать наблюденіямъ отдѣльныхъ пунктовъ. Правда, что на стр. 274—79 даны величины поправокъ, но только для меньшаго числа пунктовъ. Изъ этой таблицы можно видѣть, что для нѣкоторыхъ пунктовъ поправки весьма велики. При подобной величинѣ поправокъ постоянство ихъ въ теченіе года крайне сомнительно; съ другой стороны, станціи съ подобными поправками (Архангельскъ, Луганъ) только съ крайней осторожностью могутъ быть допущены какъ основныя при построеніи изобаръ.

Поправка отъ суточного хода, вслѣдствіе ея незначительности и непостоянства, вовсе не вводилась авторомъ.

Огромное значеніе имѣетъ приведеніе къ многолѣтнему періоду. Приведеніемъ этимъ авторъ, какъ сказано на стр. 47, пользовался въ широкихъ размѣрахъ. Приведеніе это сдѣлано на основаніи закона, подтвержденнаго Ханомъ, что разности между соответствующими давленіями двухъ пунктовъ гораздо постояннѣе, чѣмъ величина самыхъ среднихъ въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, основной вопросъ этотъ, столь обстоятельно разработанный Ханомъ въ главѣ VII его классической работы (стр. 84—91), крайне сжато изложенъ авторомъ разбираемаго сочиненія на стр. 47—48, а затѣмъ въ § 4 главы V (стр. 149—150). Не желателенъ также и другой пробѣлъ редакціоннаго характера. Хотя на стр. 280—281 напечатанъ списокъ станцій, по которымъ дѣлалось приведеніе къ многолѣтнему періоду, но не указаны величины поправокъ; неудобство, крайне чувствительное при пользованіи таблицами А и В, о которыхъ мы скажемъ ниже. Замѣчу также, что, по моему мнѣнію, приведеніе къ многолѣтнему періоду доведено слишкомъ далеко: напр. Кіевъ приведенъ по Варшавѣ и Лугани, а затѣмъ Городище исправляется по Кіеву. То-же, хотя отчасти, сдѣлано для Казани. Приведеніе къ уровню моря производилось при помощи графическихъ таблицъ Фоглера и чиселъ, взятыхъ изъ сочиненія Вильда о температурахъ. Данныя о высотахъ, а также географическія координаты помѣщены на стр. 172—198.

Всѣ среднія поправлены отъ тяжести и приведены къ 45° широты. Таблица приведеній къ уровню моря и къ 45° широты напечатана на стр. 50—53. Но поправки для приведенія къ уровню моря даны только для января, іюля и года, а не для всѣхъ мѣсяцевъ. Кромѣ того, въ таблицѣ этой встрѣчаются нѣкоторыя неясности. Такъ, для Гаммерфеста поправка отъ *тяжести дана 0,0*. Поправка для приведенія къ уровню моря равна 0,0 для Баку и Владивостока, что, безъ особаго поясненія, не вполне соответствуетъ напечатанному на стр. 191

и 192, гдѣ даны высоты: для Баку — 11, + 3, — 17, а для Владивостока 17.

Огромныя усилія употреблены авторомъ для повѣрки и контроля наблюденій. Для этой цѣли служили сличенія разнаго рода не исключая, конечно, и графическихъ, но главнымъ образомъ всѣ наблюденія были проконтролированы:

1) сличеніемъ отклоненій, для чего составленъ былъ синоптической сводъ всѣхъ отклоненій, и 2) помощью синоптическихъ таблицъ всѣхъ величинъ среднихъ мѣсячныхъ, приведенныхъ къ уровню моря (табл. Е и Ж). Графическій методъ повѣрки мнѣ представляется наиболѣе надежнымъ; можно воспользоваться имъ различнымъ образомъ:

1) составляя карты мѣсячныхъ среднихъ или крайнихъ изобаръ для каждаго года отдѣльно или 2) нанося повышенія или пониженія давленія, происходящія при переходѣ отъ одного періода къ другому. Несомнѣнно, что контроль столь обширнаго наблюдательнаго матеріала крайне труденъ; возможно, поэтому, что нѣкоторыя сомнительныя наблюденія проскользнули въ таблицы; такъ напр., крайне сомнительными мнѣ кажутся среднія для Кемь и Архангельска въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1868 года ¹⁾. Числа эти ненадежны какъ вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ измѣненій отъ одного года къ другому:

	іюнь 1867	1868	Измѣненіе.
Кемь	58,2	65,7	+ 7,5
Архангельскъ	59,2	56,0	— 3,2

такъ и по приведеніи ихъ къ уровню моря

	1867	1868
Кемь	760,6	768,1
Архангельскъ	760,9	757,7

Въ главѣ III, вслѣдъ за общимъ обзорѣніемъ поправокъ, помѣщено краткое разсмотрѣніе системъ барометровъ и инструк-

¹⁾ Стр. 230—234.

цій, издававшихся въ разное время для русскихъ станцій. Глава заканчивается весьма важными и, можно сказать, основными таблицами А, Б и В.

Въ таблицахъ А даны среднія мѣсячныя и среднія годовыя (отдѣльно по годамъ) для 6 главнѣйшихъ основныхъ пунктовъ. Въ таблицахъ Б напечатаны среднія мѣсячныя и среднія максима и минима для 136 пунктовъ *по люстрамъ*; числа обѣихъ таблицъ напечатаны безъ приведеній, а только исправлены отъ постоянныхъ погрѣшностей приборовъ. Замѣчу, что книга, какъ справочная, выиграла бы, если-бы авторъ, по примѣру Хана, привелъ данныя не только по люстрамъ, но въ то-же время по годамъ. Данныя по годамъ могутъ понадобиться для разнообразныхъ работъ, напр., для одновременнаго изученія распределенія давленія въ извѣстномъ періодѣ, для изслѣдованія измѣненій средняго годоваго давленія отъ одного года къ другому. Помѣщеніе подобной таблицы облегчило бы вообще работу изслѣдователя, который бы желалъ развить или дополнить нѣкоторые выводы г. Тилло. Этотъ пробѣлъ только отчасти пополняется таблицами на стр. 222—246, гдѣ приводятся данныя по мѣсяцамъ для 41, а годовыя только для 13 пунктовъ, въ числѣ которыхъ есть пункты, лежащіе внѣ предѣловъ Россіи. Авторъ настоящей рецензіи, желая ближе изучить непрерывныя измѣненія давленія при переходѣ отъ одного года къ другому, принужденъ былъ потратить не мало времени на выборку необходимыхъ цифръ для Россіи изъ Лѣтописей, тогда какъ книга Хана на стр. 181—220 дала непосредственно необходимый матеріалъ для запада Европы. Кромѣ того, таблица В является совершенно самостоятельной и не служитъ естественнымъ контролемъ таблицъ А и Б, какъ-бы это могло быть, если-бы даны были величины поправокъ, служащихъ для приведенія къ многолѣтнему періоду, или, въ крайности, среднія барометрическія высоты отдѣльно по годамъ, а не по люстрамъ.

Въ главѣ IV разсматривается годовою ходъ давленія. При этомъ авторъ не ограничивается изученіемъ хода *среднихъ* мѣсяч-

ныхъ, а подвергаетъ анализу 9 отдѣльныхъ кривыхъ (наибольшія, среднія и наименьшія значенія для максимумовъ, среднихъ и минимумовъ). Подобное широкое распространеніе изслѣдованія на крайнія отклоненія составляетъ, какъ мы уже замѣтили, специальную особенность работы г. Тилло. Изучая эту главу, впервые приходится обратиться къ богатому картографическому матеріалу. Какъ видно изъ листа III, иллюстрирующаго эту главу, кривыя *максимумовъ* вездѣ почти имѣютъ совершенно опредѣленную наклонность къ пониженію въ лѣтніе мѣсяцы; нѣкоторыя аномаліи встрѣчаются въ кривыхъ минимаксимумовъ. Кривыя *среднихъ* мѣсячныхъ, — волнистыя въ западныхъ частяхъ Россіи, — дѣлаются болѣе и болѣе правильными по мѣрѣ перемѣщенія къ востоку, наибольшей правильности достигаютъ въ Барнауль, Нерчинскѣ и Пекинѣ, гдѣ пониженіе падаетъ на лѣтніе мѣсяцы. Кривая *среднихъ* минимумовъ на западѣ и сѣверѣ Россіи имѣетъ довольно ясно выраженный подъемъ въ лѣтніе мѣсяцы; по мѣрѣ перемѣщенія къ востоку и къ югу она переходитъ въ волнистую; въ Сибири она дѣлается параллельной остальнымъ системамъ кривыхъ съ максимумомъ въ январѣ.

Въ Сибири, слѣдовательно, годовой ходъ измѣненій давленія подчиненъ наибольшей правильности: высокія зимнія давленія вполне уступаютъ мѣсто низкимъ въ лѣтніе мѣсяцы. Вслѣдствіе подобнаго расположенія кривыхъ вытекаетъ общая особенность: предѣлы, въ которыхъ колеблется барометръ между крайними максимальными и крайними минимальными показаніями, вездѣ лѣтомъ меньше, чѣмъ зимою. Кромѣ того, предѣлы эти убываютъ отъ сѣверо-запада къ югу и къ внутренней Сибири.

Ближайшей характеристикой годоваго хода, по отношенію къ его географическому распредѣленію, могутъ служить амплитуды, т. е. разности между крайними мѣсячными давленіями. На стр. 130 вычислены амплитуды (январь-іюль) для среднихъ мѣсячныхъ, среднихъ максимумовъ и среднихъ минимумовъ (29 пунктовъ) и результаты графически представлены на листѣ II въ формѣ 5 таблицъ изоамплитудъ. Всѣ кривыя, за исключеніемъ

минима-минимумъ, которыя недостаточно опредѣлены, представляютъ системы замкнутыхъ контуровъ. Центры ихъ находятся въ Азіи. Для минима-минимумъ центръ этотъ лежитъ въ сѣверномъ Тибетѣ, гдѣ амплитуда приблизительно равна 15 мм. Переходя постепенно къ среднимъ минимума, среднимъ мѣсячнымъ и т. д., замѣчаемъ послѣдовательное перемѣщеніе центра кривыхъ къ Иркутску (а въ максима-максимумъ къ Барнаулу) и постепенное повышеніе абсолютной величины амплитуды до 30 мм. въ системѣ максима-максимумъ. На тѣхъ же картахъ построены также изоамплитуды среднихъ мѣсячныхъ температуръ, заимствованныя у академика Вильда, и изоамплитуды четырехъ крайнихъ отклоненій температуры, вычисленныя авторомъ разбираемой книги. На всѣхъ пяти картахъ, центры температурныхъ кривыхъ (съ амплитудой въ 60°) находятся къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ центровъ барометрическихъ кривыхъ.

Чрезвычайно важны и поучительны карты постепенныхъ измѣненій давленія при переходѣ отъ одного мѣсяца къ другому, въ связи съ соотвѣтствующими измѣненіями температуры (листы IV и V). На картахъ этихъ можно прослѣдить какъ зарождаются и развиваются области постепеннаго паденія барометра повышенія температуры при переходѣ отъ января къ весеннимъ и лѣтнимъ мѣсяцамъ и области повышенія давленія пониженія температуры отъ лѣта къ зимѣ. Форма азиатскаго материка имѣетъ несомнѣнное вліяніе на видъ изоамплитудъ. Всѣ кривыя представляютъ замкнутые контуры, центры которыхъ расположены между 40 и 50° с. ш. для давленія и надъ нижнимъ теченіемъ Лены (50—70° с. ш.) для температуръ. Авторъ прибавляетъ, что центральную Азію отъ Балкаша до Нерчинска можно назвать *центромъ наибольшей энергіи атмосфернаго давленія*, а теченіе Лены представляется *центромъ наибольшей энергіи температуры*. Съ цѣлью еще далѣе подвинуть параллельное изученіе давленія и температуры, авторъ дѣлаетъ попытку опредѣленія точекъ перелома давленія въ годовомъ его

ходѣ по сравненію съ таковыми же точками для температуры. Вычисленія свои г. Тилло ограничиваетъ двумя пунктами: Петербургомъ и Барнауломъ. Въ виду того, что 20 лѣтній періодъ не сглаживаетъ неправильностей въ ходѣ давленія по днямъ и даже пентадамъ, приходится ограничиться десятидневными періодами. Оказывается, что наибольшее давленіе въ Петербургѣ наступаетъ 31 января, а въ Барнаулѣ около 10—11 января; наименьшее какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Барнаулѣ около 20—21 іюля. Максимумъ же температуры, по изслѣдованіямъ Валлена, наступаетъ:

въ Петербургѣ 22—23 іюля,

» Барнаулѣ 20 іюля.

Минимумъ температуры:

въ Петербургѣ 24 января,

» Барнаулѣ . . 21 »

т. е. максимумъ температуры въ Петербургѣ и въ Барнаулѣ совпадаетъ почти съ днемъ минимума давленій, минимумъ же температуры въ Петербургѣ предшествуетъ на 7 дней, а въ Барнаулѣ запаздываетъ на 10 дней по отношенію къ максимуму давленія.

Глава V трактуетъ объ измѣнчивости давленія и температуры. *Абсолютная* измѣнчивость мѣсячныхъ среднихъ (§ 1) достигаетъ наибольшей величины въ Петербургѣ въ январѣ (29, 7 мм.) и падаетъ до 2 мм. въ Тифлисъ (въ іюлѣ). Она вообще наибольшая въ зимніе мѣсяцы и уменьшается въ лѣтніе. Значительное уменьшеніе ея замѣтно къ Сибири и на юго-востокѣ Россіи (Лугань, Тифлисъ). Географическое распределеніе абсолютныхъ измѣнчивостей давленія и температуры въ январѣ и іюлѣ изображено на листахъ VI и VII, изъ которыхъ можно видѣть, что въ общемъ кривыя одинаковой абсолютной измѣнчивости давленія и температуры имѣютъ значительное сходство.

Въ § 2 главы V разсматривается *средняя* измѣнчивость мѣсячныхъ среднихъ какъ для отдѣльныхъ годовъ, такъ и для люстровъ. Годовой ходъ средней измѣнчивости тотъ же, что и абсо-

лютной; съ другой стороны, кривыя равной средней измѣнчивости имѣють почти то-же теченіе, которое найдено для абсолютной измѣнчивости. Въ виду тѣсной зависимости, существующей между ходомъ кривыхъ средней измѣнчивости давленія и температуры, авторъ опредѣляетъ даже число миллиметровъ измѣнчивости давленія на 1° Ц. измѣнчивости температуры; число это отъ 1,6 (въ Петербургѣ) понижается до 0,7 (въ Нерчинскѣ). Для средней измѣнчивости максимумовъ и минимумовъ (§ 3) г. Тилло ограничивается только пятилѣтіями.

Весьма малое развитіе имѣеть у г. Тилло § 4 главы V, посвященный изученію *разностей* давленія двухъ сосѣднихъ пунктовъ, о чемъ мы имѣли уже случай говорить выше.

Столь-же кратко трактуется вопросъ о переменахъ давленія отъ одного года къ послѣдующему (§ 5 главы V). На стр. 151 помѣщены годовыя измѣненія давленія для 5 пунктовъ (Стихисгольмъ, Петербургъ, Екатеринбургъ, Барнауль и Нерчинскъ), а на стр. 152 даны немногія числа для нѣсколькихъ годовъ, отличавшихся особенно большими повышеніями или пониженіями давленія (1837—36, 1854—53, 1860—59, 1861—60). Изъ чиселъ этихъ видно, что ни разу одноименное измѣненіе не охватывало всего пространства отъ Исландіи до Восточной Сибири. Оставляя за собою право подробно разсмотрѣть въ особой статьѣ вопросъ о годовыхъ измѣненіяхъ давленія, позволю себѣ здѣсь сказать лишь нѣсколько словъ о географическомъ *ихъ* распредѣленіи въ Европѣ. На основаніи таблицъ Хана и «Лѣтописей» Главной Физической Обсерваторіи, составлена мною таблица годовыхъ измѣненій давленія за 15 лѣтъ (1871—1885). Числа этой таблицы графически представлены на особыхъ картахъ (1—15). Фиолетовыми кривыми соединены точки одинаковыхъ годовыхъ повышеній; красныя линіи проходятъ черезъ точки одинаковыхъ годовыхъ пониженій давленія. Изъ картъ видно, что области одноименныхъ годовыхъ измѣненій давленія охватываютъ болѣе или менѣе значительныя пространства. Области положительныхъ и отрицательныхъ измѣненій отдѣлены

другъ отъ друга нулевой линіей, т. е. кривой, вдоль которой годовое измѣненіе высоты барометра равно нулю. Иногда онѣ окаймлены замкнутыми контурами, но чаще области повышеній имѣютъ форму барометрическаго гребня, къ которому примыкаетъ своего рода барометрическая долина (годы 1872, 1873, 1880, 1881, 1882). Области эти, вообще говоря, перемѣщаются какъ-бы въ формѣ волнъ, распространяющихся съ извѣстной скоростью. Карты годовыхъ измѣненій давленія могутъ служить также прекраснымъ контролемъ точности наблюдений. Такъ, при составленіи этихъ картъ обнаружились въ «Лѣтописяхъ» нѣкоторыя недоразумѣнія относительно годовыхъ высотъ барометра. Напр., годовое измѣненіе давленія равно:

	1875	1876	1877
Одесса	—1,1	+0,4	—0,1
Николаевъ	—0,6	+0,2	—0,4
Керчь	—1,0	+1,2	—0,1
Севастополь	+1,5	—1,7	—2,2

Въ 1882 году Москва находилась въ той области, гдѣ годовое измѣненіе колебалось отъ 0 до—0,5; между тѣмъ въ Москвѣ (Констант. Межев. Институтъ) годовое измѣненіе равно +0,5 мм.

Въ 1885 году въ Лугани годовое измѣненіе равнялось +2,5 мм., тогда какъ во всей окружающей мѣстности оно заключалось между 0 и +0,5.

Въ 1882 году годовое измѣненіе въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ равнялось +0,5 мм., а въ Петровской Разумовской Академіи—0,8 мм.

Въ главѣ VI разсматриваются отклоненія люстровъ.

На основаніи таблицъ, содержащихъ эти отклоненія (стр. 155—158), авторъ вычисляетъ отклоненія люстровыхъ давленій отъ многолѣтнихъ на всемъ пространствѣ Россіи. На полученные результаты г. Тилло смотритъ какъ на попытку изслѣдованія вѣковыхъ измѣненій давленія на пятой части земнаго

шара. Конечно, эти результаты не могут имѣть, какъ это и видно изъ словъ автора, абсолютнаго значенія.

Ханъ въ своей классической работѣ изслѣдуетъ вопросъ о соотношеніи между аномаліями температуры и давленія (стр. 56—63). Оказалось, что, вообще говоря, отклоненія температуръ и давленія не находятся въ Европѣ въ какомъ-либо опредѣленномъ соотношеніи; только лѣтомъ обнаруживается, что при высокой температурѣ, въ большинствѣ случаевъ, давленіе тоже высоко.

Соотвѣствующему же вопросу посвящена глава VII работы г. Тилло. Авторъ сличилъ для 11 пунктовъ отклоненія среднихъ мѣсячныхъ давленій и температуръ отъ многолѣтнихъ среднихъ. Для этого, продолживъ таблицы температуръ по «Лѣтописямъ» до 1885 года, г. Тилло нашелъ въ процентахъ число случаевъ, когда $\frac{\text{повышенію}}{\text{пониженію}}$ барометра соотвѣствовало $\frac{\text{пониженіе}}{\text{повышеніе}}$ температуры. Конечно, въ годовомъ среднемъ не существуетъ и не можетъ существовать закономерности, такъ какъ соотношенія высокихъ и низкихъ давленій съ температурой въ лѣтніе и зимніе мѣсяцы далеко не одинаковы. Но по временамъ года это соотношеніе выступаетъ довольно ясно, особенно въ мѣстахъ съ чисто континентальнымъ климатомъ: высокое давленіе зимой сопровождается болѣе низкой, а лѣтомъ болѣе высокой температурой. Колебанія въ результатѣ могутъ быть объяснены тѣмъ, что, по всей вѣроятности, метеорологическія условія барометрическихъ областей зависятъ отъ ихъ географическаго положенія. Напр., температурныя условія, приносимыя барометрическимъ максимумомъ въ какомъ нибудь пунктѣ Европейской Россіи, будутъ, какъ мнѣ кажется, весьма различны, смотря по тому надвигается-ли онъ изъ высшихъ или изъ низшихъ широтъ, составляетъ-ли онъ рукавъ Сибирскаго антициклона или принадлежитъ высокому давленію Азорскихъ острововъ. Вообще вопросъ о зависимости давленія и температуры необходимо разчленивъ по барометрическимъ областямъ и географическому ихъ происхожденію. Суммарное же его изученіе не можетъ, какъ мнѣ кажется, привести къ опредѣленнымъ результатамъ.

Для Петербурга предпринято было особое сопоставленіе за 40 лѣтъ (1841—1880 г.), а для этого найдены были метеорологическіе элементы среднихъ максимумовъ и среднихъ минимумовъ. Оказалось, что въ зимніе мѣсяцы до апрѣля включительно средніе максимумы холоднѣе, чѣмъ средніе минимумы; разность эта въ маѣ уменьшается до нуля, а въ іюнь-августѣ мѣняется знакъ, т. е. средніе максимумы теплѣе, чѣмъ средніе минимумы, а въ сентябрѣ опять возобновляется характеръ зимнихъ мѣсяцевъ. Разности эти имѣютъ правильный годовой ходъ съ максимумомъ въ іюль (+2,6) и минимумомъ въ февралѣ (—9,6).

Глава VIII разсматриваетъ амплитуды среднихъ мѣсячныхъ колебаній.

Но особенный интересъ имѣютъ главы IX и X, посвященные построению и изученію годовыхъ и мѣсячныхъ изобаръ Европейской Россіи и материка Азіи.

Для построенія годовыхъ изобаръ взяты лишь тѣ пункты, для которыхъ извѣстны поправки барометра и высота его надъ уровнемъ моря (всего 74 пункта). Въ Европейской Россіи (17 приморскихъ и 35 сухопутныхъ пунктовъ) недостатковъ данныхъ, по словамъ автора, чувствуется для области, лежащей къ сѣверо-востоку отъ линіи, соединяющей Архангельскъ съ Вологдой и Богословскомъ. Въ Азіатской Россіи основныхъ пунктовъ весьма немного, и тѣ лежатъ на окраинахъ (на Уралѣ, два въ бассейнѣ Аральскаго моря, два пункта на берегахъ Тихаго Океана). Внутри материка есть только два пункта, для которыхъ высота опредѣлена (Иркутскъ и Томскъ). Къ этимъ пунктамъ прибавлена Кармакулы и Сагастыръ, не имѣющіе даже одного люстра. При черченіи изобаръ пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторымъ гипотезамъ, а именно: 1) допущена, весьма впрочемъ вѣроятная, равномерность измѣненія давленія на значительныхъ иногда разстояніяхъ (Иркутскъ — Пекинъ, Петро-Александровскъ — Сагастыръ, Архангельскъ — Тихій Океанъ; 2) допущена изобара 760,2 мм. у Берингова пролива.

Годовыя изобары проведены въ Европейской Россіи черезъ каждыя $\frac{1}{3}$ мм., а въ Азіатской черезъ 1 мм. Прекрасно исполненная карта годовыхъ изобаръ составляетъ первый листъ атласа г. Тилло. Сдѣлаемъ нѣкоторыя сопоставленія. Во-первыхъ, годовыя давленія г. Тилло, приведенныя къ 50-лѣтнему періоду, нѣсколько отличаются отъ таковыхъ же Хана, приведенныхъ къ 30-ти лѣтнему періоду.

	Тилло.	Ханъ.	Разность.
Петербургъ.	758,5	758,3	0,2
Краковъ.	742,3	742,6	—0,3
Варшава.	750,0	750,0	0,0
Парижъ.	755,9	756,0	—0,1
Тифлисъ.	730,2	730,2	0,0

На стр. 186—189 напечатана таблица, въ которой дѣлается сличеніе *наблюденныхъ* величинъ (75 пунктовъ) съ отсчетами по *картамъ* Хана и Тилло. Изъ обозрѣнія этой таблицы оказывается, что отклоненія наблюденій отъ картъ, по абсолютной своей величинѣ, располагаются слѣдующимъ образомъ:

Отклоненіе 0,0 мм. въ 27 случаяхъ

»	0,1	»	»	14	»
»	0,2	»	»	9	»
»	0,3	»	»	8	»
»	0,4	»	»	3	»
»	0,5	»	»	3	»
»	0,6	»	»	1	»
»	0,7	»	»	2	»
»	0,8	»	»	4	»
»	0,9	»	»	—	»
»	1,0	»	»	3	»
»	1,6	»	»	1	»

Новороссійскъ, Новая
Александ., Тифлисъ.
Александровка на Са-
халинѣ.

Съ знакомъ минусъ отклоненія въ 22 случаяхъ, а съ знакомъ плюсъ въ 25 случаяхъ. Среднее разногласіе равно $-0,25$ мм. Мы нашли также отклоненія наблюденій отъ картъ Хана для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ отклоненія отъ картъ Тилло достигаютъ 0,5 мм. и болѣе:

	Отклоненіе	
	по Тилло,	по Хану.
Гохландскій маякъ	0,8	0,8
Александровка на Сахалинѣ	1,6	2,9
Петрозаводскъ.....	0,8	0,7
Повѣнецъ	0,7	0,3
Виндава.....	0,8	0,7
Новгородъ	0,5	0,4
Вологда	-0,5	0,8
Тарханкутскій маякъ	0,5	0,7
Даховскій постъ	-0,7	0,8
Владикавказъ	-0,6	-0,5
Тифлисъ	1,0	1,1
Камышинъ	-0,8	-1,1
Новая Александрія.....	-1,0	-1,4
Для Томска и Иркутска отклоненія по		
Тилло	0,0	0,0
Хану	1,0	1,1
Для другихъ пунктовъ:		
Москва	0,2	-0,3
Казань.....	0,0	-0,3
Варшава.....	0,0	-0,6
Пинскъ ¹⁾	0,1	-0,6
Пекинъ	-0,1	-1,1
Кіевъ.....	0,0	-0,7
Курскъ	0,0	-0,6

¹⁾ Въ текстѣ г. Тилло для Пинска опечатка: напечатано 761,0 вмѣсто 762,0.

	по Тилло,	по Хану.
Гулынки	—0,1	—0,3
Козловъ	0,3	0,0
Симбирскъ	0,6 ¹⁾	0,3
Елисаветградъ	—0,3	—0,3
Баку	0,0	+0,4
Астрахань	0,0	+0,6
Нукусъ	—0,2	+0,3
Петро-Александровскъ	0,0	+0,7

Сумма отклоненій для этихъ 15 пунктовъ отъ наблюденій (по абсолютной величинѣ) составляетъ:

	по Тилло,	по Хану.
общая сумма.....	1,9	7,4
на 1 пунктъ	0,1	0,5

Эти сличенія наглядно показываютъ, какой громадный шагъ въ дѣлѣ изученія истиннаго распредѣленія давленія вносить въ науку работа г. Тилло.

Обнаруженные несогласія между наблюденіями и картой г. Тилло объясняетъ частью неточной поправкой, частью неточной высотой. Но, по мнѣнію г. Тилло, остается 3 пункта, гдѣ разности не могутъ быть объяснены вышеуказанными причинами:

Повѣнецъ, гдѣ разность	—0,7
Дерптъ » »	—0,7
Тифлисъ » »	—1,0

Г. Тилло склоняется къ тому, что разногласіе можетъ быть объяснено нѣкоторыми аномаліями въ распредѣленія давленія, что мнѣ представляется крайне сомнительнымъ.

Глава IX заканчивается спискомъ станцій съ указаніемъ ихъ географическихъ координатъ (широта и долгота) и окончательно принятыхъ г. Тилло высотъ. Не менѣе важное научное значеніе имѣетъ глава X, посвященная *мѣсячнымъ* изобарамъ. Для построенія мѣсячныхъ изобаръ имѣется болѣе обильный ма-

¹⁾ У г. Тилло опечатка: нужно 0,6 вмѣсто 0,3.

теріалъ: въ Европейской Россіи 105 пунктовъ и въ Азіатской 26 (съ люстрами). Кромѣ того, введены 12 пунктовъ, не имѣющихъ полнаго люстра. Для Европейской Россіи изобары проведены черезъ 1 мм., а для всей Азіи черезъ 5 мм. Интересно прослѣдить, вмѣстѣ съ авторомъ, послѣдовательный переходъ давленія отъ одного мѣсяца къ другому. Центръ антициклона въ январѣ находится въ мѣстности, окружающей Байкальское озеро, и окаймленъ замкнутой изобарой 775 мм. Съ теченіемъ времени, давленіе въ центральной части постепенно ослабѣваетъ и въ апрѣлѣ уменьшается до 765 мм.; вмѣстѣ съ тѣмъ вся область перемѣщается къ сѣверо-западу, къ Карскому морю, и въ іюлѣ вполнѣ вытѣсняется. Въ сентябрѣ начинается обратное движеніе антициклона отъ сѣверо-запада и его усиленіе до 775 мм. въ декабрѣ. Въ апрѣлѣ зарождается на берегахъ Бенгальскаго залива центръ низкаго давленія (755 мм.). Въ маѣ изобара 755 расширяется до подножія Гималая. Въ іюнѣ и іюлѣ 750 захватываетъ Персидскій заливъ, большую часть Индіи и Тибетъ. Затѣмъ, начинается обратное движеніе изобаръ и въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мы видимъ 757 уже въ Индійскомъ океанѣ. Укажемъ, съ своей стороны, что сибирскій полюсъ холода перемѣщается точно такъ-же, оставаясь все время къ сѣверо-западу отъ центра антициклона. Конечно, разности между мѣсячными давленіями у Тилло и у Хана болѣе значительны, чѣмъ въ годовыхъ среднихъ. Приведемъ для сравненія прежніе 4 пункта.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	Годъ.
Петербургъ. Тилло.	59,9	58,5	58,1	59,2	59,2	57,4	56,7	57,8	59,2	59,2	58,7	58,5	58,50
» Ханъ.	60,2	59,0	58,2	58,3	58,6	58,1	56,7	57,6	58,1	59,2	58,7	57,3	58,34
» Разность.	-0,3	-0,5	-0,1	+0,9	+0,6	-0,7	0,0	+0,2	+1,1	0,0	0,0	+1,2	+0,16
Краковъ. Тилло.	44,1	42,5	40,8	40,6	41,3	41,8	41,8	42,3	43,5	43,1	42,5	43,6	42,30
» Ханъ.	44,5	43,0	40,9	41,2	41,4	42,1	42,0	42,3	43,9	43,6	42,6	43,3	42,57
» Разность.	-0,4	-0,5	-0,1	-0,6	-0,1	-0,3	-0,2	0,0	-0,4	-0,5	-0,1	+0,3	-0,27
Варшава. Тилло.	51,7	50,2	48,8	48,8	49,3	49,2	49,0	49,7	51,0	50,8	50,2	50,1	50,00
» Ханъ.	51,9	50,5	48,6	48,9	49,2	49,6	49,0	49,6	51,2	51,3	50,3	50,5	50,04
» Разность.	-0,2	-0,3	+0,2	-0,1	+0,1	-0,4	0,0	+0,1	-0,2	-0,5	-0,1	-0,4	-0,04
Парижъ. Тилло.	56,9	56,7	55,2	54,2	55,1	56,3	56,5	56,2	56,2	55,1	55,0	57,2	55,90
» Ханъ.	56,9	57,1	54,9	55,0	55,1	56,5	56,5	56,2	56,8	55,1	55,4	56,9	56,04
» Разность.	0,0	-0,4	+0,3	-0,8	0,0	-0,2	0,0	0,0	-0,6	0,0	+0,4	+0,3	-0,14

При сличеніяхъ таблицъ Хана съ таблицами г. Тилло рѣзко бросается въ глаза разница для Тифлиса. Среднее годовое давленіе въ Тифлисѣ въ 1856 году показано:

у Хана 727,42 мм. (стр. 191).
 » Тилло 727,9 » (стр. 84).
 Разность 0,48 мм.

Разница эта явилась результатомъ еще болѣе крупной разности, обнаруженной въ январѣ того же года:

у Хана 723,1 мм. (стр. 191).
 » Тилло 728,8 »
 Разность 5,7 мм.

По приведеніи къ уровню океана получается:

у Хана 760,8 мм.
 » Тилло 766,5 »

Число Тилло лучше согласуется съ сосѣдней станціей Баку и съ общимъ распредѣленіемъ изобаръ въ январѣ 1856 года.

Авторъ не ограничивается изученіемъ средняго мѣсячнаго распредѣленія давленія и его перехода отъ одного мѣсяца къ другому. Особыя двѣ главы посвящены изобарамъ среднихъ мѣсячныхъ максимума и минимума (гл. XI), а также максимума-максиморумъ и минимума-миниморумъ (гл. XII). Полученные выводы графически представлены на листахъ XII и XIII. Изъ картъ можно видѣть, что средніе максимумы надвигаются съ сѣверо-запада на юго-востокъ, т. е. отъ сѣверныхъ предѣловъ Норвегіи къ Иркутску, постепенно усиливаясь до 785 мм. Средніе минимумы тоже отступаютъ отъ зимы къ лѣту, на западъ, къ Персидскому заливу (іюнь-августъ); въ сентябрѣ они вытѣсняются къ востоку, а въ ноябрѣ образуютъ замкнутыя кривыя (760 мм.) надъ Тибетомъ.

Максимумы и минимумы выбирались изъ 3-часовыхъ наблюденій. Въ виду этого, г. Тилло произвелъ особое вычисленіе для

сравненія съ тѣми величинами, которыя получаются изъ ежечасныхъ наблюденій. Оказывается, что 3-часовыя наблюденія даютъ:

- 1) максимумы на 0,3 мм. ниже,
- 2) минимумы на 0,6 выше дѣйствительныхъ, слѣдовательно, для точнаго опредѣленія минимумовъ нужны болѣе частыя наблюденія.

Въ заключеніе приведемъ числа для наибольшихъ крайнихъ колебаній барометра. Наибольшее абсолютное поднятіе барометра на уровнѣ моря равно 802,2 (Барнаулъ), а наибольшее паденіе 710,7 мм. ¹⁾; слѣдовательно, въ послѣдніе 35—50 лѣтъ барометръ колебался въ предѣлахъ около $\frac{1}{8}$ или 12% средняго давленія.

Чтобы показать связь между надвиганіемъ высокаго давленія и низкой температуры, г. Тилло представилъ на особой картѣ послѣдовательное перемѣщеніе изотермы 0° и изобары 790 мм. (листь VII).

Въ послѣдней, XIII главѣ авторъ обращаетъ вниманіе читателя на равномерное распредѣленіе давленія въ іюнѣ и іюлѣ на пространствѣ Россійской Имперіи. Если построить карты изобаръ для этихъ мѣсяцевъ, допуская равномерное распредѣленіе давленія между отдаленными пунктами, и опредѣлить по этой картѣ давленія, а слѣдовательно и высоты, промежуточныхъ пунктовъ, то результаты получаются весьма близкіе къ дѣйствительности. Это приводитъ къ весьма важному практическому выводу: наравнѣ съ существующимъ обыкновеніемъ пользоваться равномернымъ распредѣленіемъ годовыхъ изобаръ, для опредѣленія высотъ можно вводить въ Азіи еще контролъ при помощи среднихъ іюня и іюля. Уклоны среднихъ мѣсячныхъ іюня и іюля направлены отъ запада къ востоку. Пользованіе мѣсячными іюня и іюля имѣетъ еще одно преимущество. Въ ходѣ годовыхъ изобаръ существуетъ гдѣ-то въ центрѣ Азіи

¹⁾ Стр. 209.

своего рода барометрическая гора, положеніе которой еще съ точностью не опредѣлено. Въ ходѣ іюньскаго распредѣленія, такой горы (или впадины) нѣтъ, ибо наименьшее давленіе въ это время лежитъ южнѣе. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство это заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя бы для контроля.

Глава XIV заключаетъ въ себѣ синоптическія таблицы средних мѣсячныхъ и средних годовыхъ на уровнѣ моря и при 45° широты (таблица Е) и наибольшія и наименьшія величины давленія на уровнѣ моря и при 45° ш. (таблица Ж). Книга заканчивается исправленіями и дополненіями (стр. 274—279), указаніемъ станцій, по которымъ сдѣлано приведеніе (стр. 280—281), краткимъ резюме на французскомъ языкѣ (282—290), оглавленіемъ атласа (стр. 291—292) и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ (стр. 293—304) и, наконецъ, алфавитнымъ указателемъ содержанія (стр. 305—308). Къ сочиненію приложенъ атласъ, содержащій на XIII листахъ большаго формата 69 художественно исполненныхъ картъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы шагъ за шагомъ прослѣдили богатый содержаніемъ мемуаръ А. А. Тилло. Въ заключеніе подведемъ итоги и, въ видѣ краткихъ, окончательныхъ положеній, перечислимъ достоинства книги, а также новые факты, вводимые въ науку работой г. Тилло.

А. Достоинства.

1) Точное и обстоятельное изложеніе современнаго состоянія ученія о распредѣленіи давленія на основаніи работъ, предшествовавшихъ работѣ г. Тилло.

2) Строгій контроль и крайне разносторонняя разработка обширнаго наблюдательнаго матеріала.

3) Разработка не только среднихъ, но и крайнихъ величинъ давленія.

4) Стремленіе связать изученіе давленія съ изслѣдованіями температуры.

5) Попытка опредѣлить перегибы въ годовомъ ходѣ давленія въ связи съ таковыми же точками для температуры.

6) Рѣдкое по богатству и разнообразію картографическое приложение въ формѣ атласа.

В) Наиболе важные новые факты, внесенные въ науку г. Тилло.

1) Новыя, наиболее соответствующія дѣйствительному состоянію наблюдательнаго матеріала, карты изобаръ какъ годовыхъ, такъ и мѣсячныхъ.

2) Указаніе тѣхъ путей, по которымъ происходитъ постепенное перемѣщеніе такъ называемыхъ полугодовыхъ и мѣсячныхъ циклоновъ и антициклоновъ. Опредѣленіе центровъ энергій.

3) Изслѣдованіе хода и географическаго распредѣленія крайнихъ отклоненій давленія.

4) Сопоставленіе, какъ для среднихъ, такъ и для крайнихъ, хода и географическаго распредѣленія давленія и температуры.

5) Констатировка и практическое примѣненіе факта о равномерномъ распредѣленіи давленія въ іюнѣ и іюль на пространствѣ Россійской Имперіи.

Если сопоставимъ указанныя достоинства книги г. Тилло съ тѣми немногочисленными недостатками, которые имѣютъ почти исключительно редакціонный характеръ, то естественно прійдемъ къ тому заключенію, что работа г. Тилло «О распредѣленіи давленія» должна быть причислена къ выдающимся какъ по обширности плана, такъ и по исполненію. Мемуаромъ «О распредѣленіи давленія» г. Тилло, извѣстный ученому міру своими капитальными изслѣдованіями объ орографіи Россіи и земномъ магнетизмѣ, вноситъ новый, весьма цѣнный, вкладъ въ науку.

Присужденіе полной Макарьевской преміи автору разбираемаго труда было бы, по моему мнѣнію, вполне справедливымъ актомъ признанія заслугъ г. Тилло со стороны первенствующаго ученаго учрежденія Россіи.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-^м ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 2 руб. 35 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1892 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1892 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.....	1—19
I. Организация прямаго обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразования. Исслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1890 г. Рецензія П. Н. Милюкова.....	20—202
II. Власть московскихъ государей. Очеркъ изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до XVI вѣка. М. Дьяконова. С.-Петербургъ, 1889 г. Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскаго.....	203—241
III. Изъ исторіи Угрии и славянства въ XII вѣкѣ. Константина Грота. Варшава, 1889. Рецензія академика В. Гр. Васильевскаго.....	242—248
IV. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва 1888. Рецензія академика И. В. Ягича.....	249—275
V. Разборъ исслѣдованія г. Чечулина: «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», составленный профессоромъ В. О. Ключевскимъ.....	276—315
VI. И. М. Каманинъ, Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.). Рецензія академика К. С. Веселовскаго.....	316—324
VII. С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). И. Чистовича. Спб. 1889. Рецензія профессора, протоіерея М. И. Горчакова.....	325—366

ОТЧЕТЪ

о

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1891 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.

Въ настоящемъ году въ соисканіи наградъ гр. Уварова приняли участіе 8 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и постановленія о нихъ приговора, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, Конференціею Академіи была назначена, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, Комиссія, въ составъ которой вошли гг. Академики: А. Ф. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, В. Г. Васильевскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. А. Куникъ, Л. Н. Майковъ и Н. Ф. Дубровинъ.

Ознакомившись съ переданными на ея оцѣнку сочиненіями, Комиссія для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ сочиненій къ установленному для сего сроку.

По истеченіи срока Комиссія оказалась вынужденною одно сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензіи отъ лица, принявшаго на себя его разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, присудила пятерымъ изъ нихъ малыя преміи, въ 500 р. каждая.

I.

Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго.

По приглашенію Академіи, сочиненіе это разсмотрѣно доцентомъ Императорскаго Московскаго Университета П. Н. Милюковымъ въ интересной и обширной рецензій, опирающейся на самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго, по отзыву ученаго рецензента, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени и основана на обильномъ и важномъ, доселѣ почти не тронутомъ матеріалѣ.

Дѣйствительно исторія русскаго государственнаго хозяйства до настоящаго времени мало еще изучена, а небольшое число работъ, появившихся въ этой области, во-первыхъ преслѣдуютъ преимущественно спеціально-техническія задачи, во-вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ-третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы авторъ разбираемой книги не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними считались всѣ наиболѣе крупныя работы по исторіи учреждений, ибо эту послѣднюю всего болѣе и интересовались лучше изъ нашихъ изслѣдователей послѣдняго тридцатилѣтія; мало того, выдающіеся историки-юристы, въ родѣ г.г. Чичерина, Градовскаго, подготовили путь къ самой разработкѣ русской финансовой исторіи. Но, по словамъ г. Милюкова, заслуга, неотъемлемо принадлежащая г. Лаппо-Данилевскому, заключается въ томъ, что вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси являются у него центральнымъ предметомъ изученія; въ книгѣ его финансовая исторія Россіи разсматривается въ связи съ *общей* государственною жизнью нашего отечества: эта черта и составляетъ особенность темы г. Лаппо-Данилевскаго по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, а съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально финансоваго характера.

Финансовый строй XVII в. автору рисуется какъ «особо типичная система устойчивыхъ взаимоотношеній», но, по мнѣнію рецензента, заглавіе книги далеко не совпадаетъ съ ея содержаніемъ:

объясняется это тѣмъ, что авторъ отнюдь не ограничился организаціею обложенія, но представилъ также социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что содержимое въ книгѣ не подходитъ и подъ терминъ «прямого обложенія»; хотя авторъ, повидимому, и пытался ограничить свою задачу изученіемъ такъ называемыхъ одѣлочныхъ налоговъ, но рамками послѣднихъ особенно не стѣснялся и зачастую касался такихъ финансовыхъ явленій, которыя едва ли могутъ быть подводимы подъ понятіе налоговъ вообще.

Изучая систему «устойчивыхъ взаимоотношеній» со стороны формальной и ея организацію, г. Лаппо-Данилевскій, по словамъ г. Милюкова, даетъ въ книгѣ «не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, — не процессъ, но устройство»; эта попытка сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функціонированія финансового строя, по отзыву рецензента, не вполне удалась автору, прежде всего по невозможности умѣстить въ поставленныя имъ себѣ рамки собранный запасъ данныхъ. Такъ совѣмъ за порогомъ предначертаннаго плана оказалась глава о податныхъ классахъ, имѣющая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава болѣе отвѣчаетъ плану, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функціонированія: раскладка податей, что въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно составленіе переписей и опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которою будетъ измѣряться податная способность субъекта; поэтому здѣсь едва ли умѣста описаніе составленія отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: этотъ моментъ несравненно удобнѣе было бы рассмотреть какъ заключительный, которымъ завершается финансовый круговоротъ. Въ той же главѣ очерченъ и моментъ *исполнительный*, заключающійся въ мірской раскладкѣ податей въ предѣлахъ окладныхъ единицъ, установленныхъ правительствомъ. Третья глава сочиненія посвящена взиманію податей; здѣсь излагается дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія. Отсюда естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично впадаетъ въ нарушеніе плана, вводя сюда главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ авторъ возвращается къ своей системѣ и останавливается на заключительномъ моментѣ функціонированія,

т. е. на распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ.

Изъ приведеннаго перечня содержанія изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго видно, какъ неудачно выбранъ самый планъ сочиненія: автору пришлось различныя части функционирующаго механизма изображать попутно, и притомъ только какъ бы по поводу ихъ функционирования; благодаря этому, изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи. Раздробивъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ въ концѣ концовъ оказался вынужденнымъ нарушить органической планъ и ввести въ сочиненіе главу 4-ю, трактующую, какъ мы имѣли случай указать, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ.

За всѣмъ тѣмъ, если архитектоника изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго и представляется рецензенту далеко не удавшеюся, онъ ни мало не отрицаетъ у автора и большихъ заслугъ.

Къ разработкѣ своей темы А. С. Лаппо-Данилевскій, по отзыву рецензента, приступилъ съ весьма солидною подготовкою. Какъ видно изъ книги, авторъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Въ особенную же заслугу доц. Милюковъ ставитъ автору, преимущественное передъ его предшественниками, обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ Московскихъ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ; только на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ и могли быть разработаны цѣлыя отдѣлы и притомъ самыя цѣнные въ разсматриваемой книгѣ.

Такимъ образомъ авторъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если, не смотря на это, результаты работы, по отзыву г. Милюкова, подтверждаемому рядомъ специальныхъ доказательствъ, не всегда оказываются безупречными, то причинъ слѣдуетъ искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія.

Указываемые недостатки, впрочемъ, самъ рецензентъ признаетъ второстепенными, такъ какъ они имѣютъ главнымъ образомъ методическое свойство, а въ заключеніе своего обстоятельнаго разбора онъ заявляетъ, что «изслѣдованіе А. С. Лаппо-Да-

нилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова».

II.

Власть Московскихъ государей. Соч. М. Дьяконова.

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на него къ извѣстному знатоку исторіи русскаго права, директору Ярославскаго юридическаго Лицея, проф. С. М. Шпилевскому, который, составленнымъ подробнымъ отзывомъ, существенно способствовалъ разъясненію значенія книги г. Дьяконова.

Г. Дьяконовъ задачею своего труда поставилъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла ознакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ она заимствовала.

Этой работы авторъ впрочемъ далеко не исчерпываетъ, не обладая спеціальною для того подготовкою византиниста, и ставитъ себѣ болѣе скромную задачу «дать этимъ трудомъ только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ».

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV в. послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти себѣ объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой. Во второй главѣ дѣлается сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древне-русской письменности до половины XV в. Въ этихъ главахъ авторъ задается

цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣчается попытокъ къ проведению самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго русскаго самосознанія съ половины XV вѣка. Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, — а именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей. Наконецъ послѣднія двѣ главы указываютъ на нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій и являются какъ бы дополненіемъ къ основной темѣ изслѣдованія о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей.

По словамъ проф. Шпилевскаго, авторъ въ своей задачѣ имѣлъ бы право остановиться на четвертой главѣ; тогда бы и самое изслѣдованіе получило надлежащую цѣльность и законченность; присоединеніе же къ изслѣдованію двухъ дополнительныхъ главъ, которыя лишь указываютъ «нѣкоторыя», по выраженію автора, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаютъ всей работѣ видъ неоконченности и естественно заставляютъ читателя ожидать, что вслѣдъ за указаніемъ измѣненія въ отношеніяхъ московскихъ государей къ ихъ слугамъ, авторомъ будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ.

По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, замѣчаетъ ученый рецензентъ, нельзя не имѣть въ виду весьма существеннаго факта, упущеннаго авторомъ изъ вниманія: въ развитіи идеи самодержавія могучимъ факторомъ было именно то, что московское государство явилось осуществителемъ исконнаго чаянія русскаго народа — единства русскаго народа — единства русской земли. На это указалъ впервые, по поводу книги г. Дьяконова, нашъ почтенный товарищъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; подобное же говорить и И. Е. Забѣлинъ — онъ признаетъ, что развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди, жить за одинъ, послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. Наконецъ

историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Словатинскій, говорить, «что усиливать значеніе татарщины для развитія московскаго единодержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру г. Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа». Подобныя указанія на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, весьма, разумѣется, цѣнны, но, по мнѣнію проф. Шпилевскаго, было бы несправедливо умалять достоинства изслѣдованія г. Дьяконова на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи.

Переходя къ оцѣнкѣ того новаго, что внесено авторомъ въ разсматриваемые имъ вопросы, путемъ разбора и повѣрки по первоначальнымъ источникамъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ, профессоръ Шпилевскій признаетъ, что авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной исторіи, и что выполненіе этой задачи у г. Дьяконова выразилось въ ученомъ трудѣ, соответствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ къ уясненію предмета, насколько то возможно при наличности имѣющихся источниковъ.

Авторъ, по отзыву почтеннаго рецензента, помимо всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по данному вопросу, воспользовался и новыми рукописными, а самое отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ—«авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ».

Находя, что въ лицѣ автора изслѣдованія «Власть московскихъ государей» наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго можно ожидать дальнѣйшихъ существенныхъ вкладовъ въ науку, пр. Шпилевскій признаетъ вполне справедливымъ поощрить молодого ученаго удостоеніемъ его изслѣдованія награды графа Уварова.

III.

Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в. Сочиненіе К. Я. Грота.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя нашъ почтенный товарищъ, извѣстный византинистъ В. Гр. Васильевскій. Въ представленной имъ рецензіи ак. Васильевскій характеризуетъ значеніе названнаго сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: «Авторъ, говоритъ онъ, — одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, — давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью, руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ *Моравія и Мадьяры* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи Мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ — въ старинной Панноніи — въ началѣ X вѣка. Минуя два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ срединѣ XII вѣка, избравъ задачею своей новой работы изученіе 30-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что такой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторіею Угріи, но напрасно было бы упрекать за это ученаго, который можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ то г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византийскихъ, славянскихъ и, въ частности, русскихъ отношеній».

По миѣнію рецензента, «вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться. Авторъ стремился къ установленію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ пле-

мень русскаго и румынскаго, то К. Я. Гротъ попутно занимается и вопросами исторической географіи. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ: обзорѣнію ихъ посвящено пространное приложеніе, гдѣ притомъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной Угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ».

«Въ слишкомъ отчетливыхъ чертахъ, по словамъ ак. Васильевскаго, рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сферы, особой народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то есть полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнической политикѣ того или другаго короля».

Хотя объ этой партіи и много говорится въ сочиненіи, но ак. Васильевскій признается, что какъ составъ, такъ и органическія связи этой партіи съ народными массами остались для него неясными и проблематичными—можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не даетъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. . . . Наконецъ недостаткомъ не только изложенія, но и метода, по мнѣнію ученаго рецензента, нужно считать у г. Грота «особаго рода сложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетичными соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ». . . .

Въ заключеніе рецензентъ, основываясь на общихъ достоинствахъ книги и близкомъ отношеніи ея содержанія къ славянской и русской исторіи, признаетъ справедливымъ присудить пр. К. Я. Гроту малую Уваровскую награду.

IV.

Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.
Соч. проф. М. Соколова.

Разборъ этого сочиненія составленъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи И. В. Ягичемъ.

Значеніе разсматриваемаго труда нашъ почтенный товарищъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обогащенія новыми текстами не появлялись въ Россіи уже столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самаго содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію памятниковъ народнаго творчества, приняли какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляють чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва ли нужно напоминать, что передовымъ здѣсь дѣятелемъ является нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную эрудицію по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его являются для всѣхъ современныхъ изслѣдователей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія».

«Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области примкнулъ въ послѣднее время и авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на соисканіе Уваровскихъ наградъ, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россією. Но сочиненіе профессора Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ, уже самъ по себѣ, достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается тутъ же научное изслѣдованіе предмета, содержаемаго въ напечатанныхъ памятникахъ».

Главнымъ матеріаломъ для разбираемаго труда проф. Соколову послужилъ старинный рукописный сборникъ, принадлежащій профессору Великой школы въ Бѣлградѣ Панкѣ С. Сречковичу.

Займствованные изъ этого сборника тексты напечатаны у профессора Соколова *in extenso*, и, по удостовѣренію академика Ягича, имѣвшаго подлинникъ въ своихъ рукахъ, сдѣлано это — строка въ строку, буква въ букву — съ палеографическою аккуратностью, оправдываемою сравнительною древностью рукописи. Что касается историко-литературнаго разбора текстовъ, сосредоточивающагося главнымъ образомъ около сказанія о крестномъ древѣ по той редакціи, какая присвоивается попу Іереміи, то, по мнѣнію академика Ягича, авторъ здѣсь очутился въ лично для себя невыгодномъ положеніи, такъ какъ большая часть затрогиваемыхъ текстами предметовъ уже разработана предыдущими изслѣдователями и между ними болѣе всего Академикомъ А. Н. Веселовскимъ; поэтому г. Соколову оставалось отыскивать такія стороны подлежащихъ обсужденію вопросовъ, какія раньше или совсѣмъ не были затронуты, или не были объяснены достаточно удовлетворительно.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія профессора Соколова приводитъ рецензента къ тому заключенію, что «богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ каждаго изъ нихъ, и въ особенности остроумныя соображенія о происхожденіи апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною изъ премій, находящихся въ распоряженіи Академіи».

V.

Города Московскаго государства въ XVI в. Сочиненіе Н. Д. Чечулина.

Членъ-корреспондентъ Академіи, профессоръ московскаго университета В. И. Ключевскій, принявшій на себя съ предупредительною готовностью трудъ составленія рецензіи на изслѣдованіе г. Чечулина, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуетъ, что оно представляетъ двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй въ его матеріалѣ.

По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, трудъ его можно назвать изслѣдованіемъ о социальномъ экономическомъ положеніи городовъ въ московскомъ государствѣ XVI в. Основнымъ источникомъ для этого послужили автору *писцо-*

ея книги. Соціально-экономическое положеніе городского населенія, по отзыву почтеннаго рецензента, едва-ли не наименѣе изученный вопросъ въ исторіи древне-русскаго города, и потому задача автора сама по себѣ—независимо отъ постановки, какая дана ей въ книгѣ—можетъ быть признана очень удачной, какъ разсчитанная на восполненіе замѣтнаго пробѣла въ русской исторической литературѣ. Писцовыя книги, по характеру своему, требуютъ особыхъ приѣмовъ изученія, и отъ удачнаго выбора этихъ приѣмовъ существенно зависитъ самый успѣхъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые онѣ даютъ отвѣтъ. Между тѣмъ въ изученіи этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приѣмы, хотя и имѣются такіе удачные опыты обработки отдѣльныхъ вопросовъ по названнымъ источникамъ, какъ извѣстные труды гг. Перетятковича и Соколовскаго. Поэтому, говорить В. И. Ключевскій, «слѣдя за любопытными данными, извлеченными г. Чечулинымъ изъ этого источника, невольно присматриваешься и къ тому, какъ онъ это сдѣлалъ; его методика не остается безъ вліянія на дальнѣйшую разработку писцовыхъ книгъ. Самъ авторъ такъ ставитъ и такъ разрѣшаетъ свою задачу, что методологическій интересъ его труда выдвигается даже на первый планъ:— авторъ подвергаетъ матеріалъ, заключающійся въ писцовыхъ книгахъ, подробному разбору, группируетъ, сопоставляетъ и истолковываетъ ихъ данныя и какъ бы заставляетъ читателя присутствовать при этой работѣ; благодаря этимъ же приѣмамъ его изслѣдованіе о городахъ по писцовымъ книгамъ можно назвать и изслѣдованіемъ о писцовыхъ книгахъ, насколько онѣ касаются городовъ».

Не касаясь изложенія замѣчаній проф. Ключевскаго объ отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, я здѣсь остановлю ваше, милостивые государи, вниманіе лишь на общемъ сужденіи, высказанномъ рецензентомъ о рассмотрѣнной имъ книгѣ. Проф. Ключевскій вполне соглашается съ убѣжденіемъ автора въ возможности и полезности изслѣдованія, перерабатывающаго только данныя писцовыхъ книгъ о городахъ XVI в.; при этомъ однако-же необходимо избѣгнуть, сознаваемой впрочемъ и самимъ авторомъ, опасности поставить изслѣдованіе въ излишнюю зависимость отъ одного источника. Для г. Чечулина въ частности эта опасность заключалась въ трудности установить отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ писцовыми книгами городовъ, но не рѣшаемымъ ихъ указаніями. Чтобы избѣгнуть этого затрудненія, нужно было

помощью критическаго изученія источника соразмѣрить постановку задачи со средствами, какія почерпаются изъ него для ея рѣшенія. Но такъ какъ г. Чечулинъ въ своей книгѣ ставитъ себѣ цѣлью разъяснить положеніе городовъ, какъ культурныхъ центровъ, и воспроизводитъ со всею возможною подробностью условія жизни городского жителя, то ему оказывается трудно уже найти такую сторону городской жизни, обойти которую позволяла бы задача, такъ широко и неясно опредѣленная. Автору приходилось рассмотреть жизнь городовъ, во всей полнотѣ ихъ интересовъ и отношеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ касаются писцовыя книги, а книги эти далеко не разъясняютъ всего, чего касаются, и не представляютъ достаточно данныхъ для столь сложнаго и многосторонняго изображенія предмета. Такъ, напримѣръ, описывая церкви, древнерусскіе писцы пересчитывали и книги, въ нихъ находившіяся; но точному «опредѣленію тогдашняго уровня умственнаго развитія и знанія» едва-ли много поможетъ то, что въ церквахъ нѣкоторыхъ городовъ г. Чечулинъ этимъ путемъ открылъ по описанію не менѣе 2000 книгъ (стр. 312). Побуждаемый широкими требованіями задачи, авторъ нерѣдко ставитъ вопросы, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не находится однако-же достаточно данныхъ ни въ самомъ источникѣ, ни въ распоряженіи автора. Между тѣмъ среди опредѣленій задачи, какія у г. Чечулина встрѣчаются въ предисловіи и введеніи, есть одно, по отзыву рецензента, наиболѣе соответствующее и свойству его основнаго источника, и самому плану его труда. «Наше изслѣдованіе, пишетъ г. Чечулинъ (стр. 12), есть главнымъ образомъ собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами». Въ зависимости отъ этого, нѣкоторые вопросы г. Чечулинъ и общааетъ разобрать весьма подробно, другіе по недостатку свѣдѣній менѣе подробно, а третьихъ, — можно было бы прибавить, — и вовсе не касаться, какъ не входящихъ въ составъ задачи, такъ поставленной.

Положительные результаты, которыхъ добился авторъ и которые придають научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ именно на эту задачу; эти результаты, тѣсно связанные съ планомъ изслѣдованія, рецензентъ характеризуетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ пис-

цовыхъ книгъ XVI в. далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые ими города полосами по направленію съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Авторъ разсматриваетъ сначала новгородскіе пригороды и г. Торопецъ вмѣстѣ съ Устюжной, потомъ пригороды псковскіе, торгъ и промысловыя заведенія г. Пскова, далѣе города, ближайшіе къ Москвѣ, и наконецъ города по южной и юго-восточной окраинѣ государства. Неожиданныя сочетанія въ группировкѣ въ родѣ того, что Муромъ оказывается, напримѣръ, въ группѣ городовъ, ближайшихъ къ Москвѣ, а города, какъ Зарайскъ, Тула, Рязань, ближе лежащіе къ Москвѣ, относятся къ крайней группѣ, не вредятъ перспективѣ изслѣдованія. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, г. Чечулинъ, по отзыву рецензента, не только тщательно выбираетъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдитъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, а равно дѣлаетъ и попытку объяснить происхожденіе этихъ различій. Такъ помощью подробныхъ, иногда микроскопическихъ наблюденій постепенно обозначились въ изслѣдованіи г. Чечулина мѣстные типы городовъ. Итоги отдѣльныхъ наблюденій надъ социальнымъ составомъ, экономическимъ положеніемъ и мѣстными особенностями городовъ сведены въ заключительной главѣ сочиненія, которая представляетъ общій очеркъ положенія городовъ въ московскомъ государствѣ XVI в.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія г. Чечулина приводитъ проф. Ключевскаго къ тому заключенію, что разобранное имъ изслѣдованіе—трудъ добросовѣстный, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ его трудностями и большой черновой работы надъ нимъ, дающій читателю не мало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ фактовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе. «Думаемъ, говоритъ ученый рецензентъ въ заключеніи своего отзыва, что эти качества изслѣдованія, не смотря на нѣкоторое несоотвѣтствіе его задачи средствамъ и на признаки нѣсколько поспѣшнаго его изданія, даютъ достаточное основаніе удостоить книгу г. Чечулина искомой преміи».

Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе премій, Комиссія принуждена была ограничиться удостоеніемъ лишь вышеозначенныхъ пяти сочиненій: гг. Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Грота, Соколова и Чечулина, но въ то-же время, усматривая немаловажныя достоинства за двумя еще сочиненіями, гг. Каманина и Чистовича, признала справедливымъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей по пункту I, § 16 Положенія о наградахъ графа Уварова, и присудила этимъ двумъ сочиненіямъ почетныя отзывы, по недостатку суммъ для награжденія ихъ денежными преміями.

1.

Статистическія данныя о Евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.) И. Каманина.

Разсмотрѣніе этого сочиненія, помѣщеннаго во второмъ томѣ пятой части Архива Юго-Западной Россіи изд. въ 1890 г., Комиссія поручала академику К. С. Веселовскому.

Въ озаглавленномъ выше трудѣ г. Каманинъ даетъ въ подлинникѣ, насколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія юго-западнаго края въ 1765—1791 годахъ, извлеченныя авторомъ изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центрального архива. Эти переписи, занимающія 729 страницъ, съ приложеннымъ къ нимъ весьма полнымъ и подробнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся (въ 316 страницъ), составляютъ, по отзыву нашего почтеннаго товарища и рецензента, историческій документъ чрезвычайной важности для изученія быта того края за сто лѣтъ предъ симъ, а въ особенности для разъясненія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ спеціальнаго населенія, до котораго эти переписи относятся. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе И. М. Каманина, помѣщенное передъ переписями, въ началѣ перваго тома, и занимающее 239 страницъ. Этотъ самостоятельный и, по своевременности своего появленія, заслуживающій особаго вниманія историческій трудъ, какъ замѣчаетъ академикъ К. С. Веселовскій, вполне соответствуетъ условіямъ Уваровскаго конкурса.

Изложенію выводовъ изъ собранныхъ статистическихъ матеріаловъ г. Каманинъ предпосылаетъ интересный историческій обзоръ еврейскихъ переписей въ польскомъ государствѣ и показываетъ, какъ постепенно развивались и совершенствовались пріемы

и способы статистической регистраціи, приче́мъ объясняются причины и условия, вызывавшія потребность въ переписяхъ и обусловившія большую или меньшую ихъ успѣшность.

Полученныя изъ актовыхъ книгъ статистическія данныя о Евреяхъ въ юго-западномъ краѣ за тридцатилѣтіе 1764—1791 авторъ подвергаетъ подробному и внимательному разбору и извлекаетъ весьма интересные и поучительные выводы изъ нихъ, что и даетъ ему фактическое основаніе для сужденія объ экономическомъ бытѣ Евреевъ въ юго-западномъ краѣ, и о вліяніи ихъ на христіанское населеніе.

Обращаясь къ вопросу, вытекающему изъ факта представленія труда г. Каманина на соисканіе награды графа Уварова, рецензентъ признаетъ изслѣдованіе г. Каманина, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, нелегкими архивными разысканіями автора, вполне заслуживающимъ Уваровской награды, такъ какъ трудъ этотъ, составляя существенный вкладъ въ русскую науку, обращаетъ на себя вниманіе не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ, своими разносторонними и учеными комментаріями, сдѣлалъ краснорѣчивыми сухія статистическія данныя, и разъяснилъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и современнаго вопроса — каковъ еврейскій.

2.

Второе сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва, принадлежитъ члену-корреспонденту Академіи И. А. Чистовичу и, составляя продолженіе многолѣтнихъ его изысканій о судьбахъ здѣшней Духовной Академіи, носитъ заглавіе:

С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 и.).

По приглашенію Академіи разборъ этого сочиненія составленъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета о. М. И. Горчаковымъ, что и послужило Комиссіи основаніемъ для ея приговора объ изслѣдованіи, которымъ г. Чистовичъ вновь обогатилъ нашу церковно-историческую литературу.

Сочиненіе г. Чистовича не снабжено предисловіемъ, гдѣ обыкновенно объясняются цѣль и задача сочиненія, но начинается краткимъ обозначеніемъ плана построенія. Планъ опредѣляется хронологіею и важнѣйшими событіями въ жизни Академіи, совершившимися за время, о которомъ говорится въ книгѣ. Въ теченіе

этого времени С.-Петербургская Духовная Академія жила подѣ дѣйствіемъ трехъ, преемственно смѣнявшихся уставовъ.

Соотвѣтственно тому, что въ теченіе 30 лѣтъ Академія дѣйствовала подѣ вліяніемъ трехъ уставовъ, и судьба ея въ книгѣ г. Чистовича изображается въ трехъ отдѣлахъ: въ первомъ описывается состояніе Академіи за время 1858—1869 гг., когда дѣйствовалъ уставъ 1814 г.; во второмъ изображаются ходъ преобразованія Академіи по уставу 1869 г. и состояніе ея въ 15-ти лѣтній періодъ (1869—1884) дѣйствія въ ней этого устава; въ третьемъ отдѣлѣ, имѣющемъ заглавіе: «Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 г.», сообщаются свѣдѣнія о переиѣнахъ и состояніи Академіи за четыре года новѣйшей ея жизни (1884—1888 гг.).

Въ каждомъ изъ трехъ отдѣловъ, по параграфамъ и рубрикамъ, излагаются событія, имѣвшія общее значеніе въ жизни Академіи, — отмѣчаются отличительныя особенности въ ея устройствѣ, перечисляются переиѣны въ строѣ ея управленія и учебной части, въ распредѣленіи кафедръ и въ личномъ составѣ преподавателей съ указаніемъ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, — сообщаются свѣдѣнія о студентахъ: о порядкѣ приема ихъ въ Академію, о ходѣ и предметахъ ихъ занятій, о производствѣ имъ экзаменовъ, о способахъ ихъ содержанія, приобрѣтеніи ими ученыхъ степеней и о назначеніи ихъ на мѣста. Сверхъ того, въ первомъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ, которыми Академія располагала съ 1869 г. для содержанія преподавателей и студентовъ, о состоявшемъ при Академіи цензурномъ комитетѣ и объ академической библиотекѣ; а въ третьемъ — о библиотекѣ, церковно-исторической ея коллекціи и о торжественныхъ, бывшихъ въ Академіи, собраніяхъ. Въ концѣ книги помѣщенъ именной списокъ студентовъ двадцати трехъ курсовъ Академіи (1853—1888 гг.), съ краткимъ указаніемъ ихъ судьбы въ жизни и печатныхъ трудовъ, ими изданныхъ. Таково содержаніе и построеніе разсматриваемой книги.

Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе г. Чистовича по отзыву рецензента, отличается тѣми общими качествами, какія свойственны этого рода литературнымъ произведеніямъ, хорошо составленнымъ: опредѣленностью содержанія, ясностью изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ собранныхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностью повѣствованія, обду-

манностью въ порядкѣ его расположенія и осмотрительною осторожностью въ передачѣ фактовъ.

Сочиненіе г. Чистовича впервые изображаетъ состояніе С.-Петербургской Духовной Академіи въ ближайшую къ намъ эпоху (1856—1888 гг.) и, по словамъ о. Горчакова, составлено весьма полно, объективно и ясно, написано съ любовью къ учрежденію, послѣ предварительнаго изученія всей предшествующей его исторіи, и исполнѣ самостоятельно. Трудъ этотъ, несомнѣнно, принесетъ пользу лицамъ, которыя имѣютъ надобность или желаютъ ознакомиться съ состояніемъ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія ея существованія; равнымъ образомъ онъ можетъ служить примѣромъ и пособіемъ для составленія историко-статистическихъ описаній и другихъ духовно-учебныхъ заведеній—академій и семинарій за новѣйшее время,—описаній, необходимыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма полезныхъ для выясненія ихъ исторіи и дѣятельности. Трудъ г. Чистовича, содержащій въ себѣ не мало свѣдѣній и указаній о лицахъ, принадлежавшихъ Академіи и объ ихъ печатныхъ трудахъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма цѣннымъ библиографическимъ пособіемъ для ознакомленія съ богословскою литературою новѣйшаго времени и со степенью участія въ ней дѣятелей и питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ виду достоинствъ сочиненія г. Чистовича, почтенный рецензентъ въ заключеніи своей рецензіи предложилъ присудить ему половинную Уваровскую премію сколько въ награду за самый трудъ, представленный на соисканіе премій, столько же и въ поощреніе автора, посвятившаго свои способности разработкѣ исторіи русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, заслуживающей глубокаго уваженія и признательности.

Каждое изъ присужденій Уваровскихъ наградъ даетъ Академіи случай удостовѣряться, съ какою предупредительною готовностью выдающіеся ученые, большею частью обремененные преподаваніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, откликаются на ея призывъ раздѣлить съ нею труды по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій. Такъ и по настоящему конкурсу долгъ справедливости обязываетъ Академію, выразить искреннюю ея признательность тѣмъ почтеннымъ ученымъ, которые составленіемъ подробныхъ и обстоятельныхъ рецензій облегчили Уваровской Комиссіи испол-

неніе лежавшей на ней обязанности, нерѣдко затрудняемой многочисленностію соискательныхъ сочиненій.

Во изъявленіе своей благодарности за такое, оказанное ей содѣйствіе Комиссія и въ текущемъ году положила назначить установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: директору Ярославскаго юридическаго лица, заслуженному профессору Серг. Мих. Шпилевскому, профессору Императорскаго Московскаго университета Вас. Ос. Ключевскому, приватъ-доценту того же университета Павлу Никол. Милюкову и профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета о. Мих. Ив. Горчакову.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
СО ВРЕМЕНЪ СМУТЫ ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ. ИЗСЛѢДОВАНІЕ
А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАГО. Слб. 1890 года.

Рецензія П. Н. Милюкова.

Не смотря на недавнее свое появленіе, книга А. С. Лаппо-Данилевскаго уже вызвала рядъ печатныхъ критическихъ отзывовъ, и ея положеніе въ ученой литературѣ можно считать до нѣкоторой степени выясненнымъ¹⁾. Какъ кажется, всѣ рецензенты были согласны въ томъ, что изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго представляетъ достоинства, которыя не часто приходится встрѣчать въ нашей ученой литературѣ. Единогласно признана была выдающаяся начитанность автора и его солидное знакомство съ европейской исторической, историко-юридической и историко-экономической литературой. Указано было и связанное съ этимъ широкимъ историческимъ образованіемъ умѣнье автора выбрать тему-отвѣчающую наиболѣе современнымъ интересамъ и потребностямъ исторической науки. Столь-же единодушно было признано, наконецъ, что для осуществленія поставленной задачи авторъ собралъ огромное количество матеріала, какъ печатнаго, въ полнотѣ знакомства съ которымъ автору могъ бы позавидовать любой библіографъ,—такъ и рукописнаго, не только впервые изученнаго, но въ

¹⁾ Мнѣ извѣстны: рецензія М. А. Дьяконова въ Журн. Мин. Нар. Пр.; рецензія В. Н. Сторожева въ Юрид. Вѣстникъ 1890, ноябрь, стр. 462—474, статья Н. Н. Чечулина въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1891, мартъ, стр. 20. Историч. Вѣстникъ, 1890, августъ, 449—454. Книжный Вѣстникъ 1890, № 5, стр. 199—200. Возраженія на диспутъ официальныхъ оппонентовъ, Н. И. Карѣева и С. Ѳ. Платонова изложены, къ сожалѣнію, черезчуръ кратко, въ Историческомъ обозрѣніи. Т. I, стр. 292—294.

значительной степени даже и впервые найденнаго авторомъ. Что касается возраженій, сдѣланныхъ автору, то само собою разумѣется, что, при такой обширной темѣ, при необъятномъ количествѣ относящагося къ ней сыраго матеріала, при новости разработки многихъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ, въ этихъ возраженіяхъ не могло быть недостатка; еще болѣе справедливо это относительно дополненій, которыя будутъ долго еще представляться по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія архивныхъ источниковъ. Возможность тѣхъ возраженій и дополненій, которыя отчасти уже сдѣланы раньше, отчасти предлагаются въ послѣдующихъ замѣчаніяхъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ достоинства разбираемаго изслѣдованія, а только доказываетъ необходимость дальнѣйшей коллективной работы въ томъ же направленіи. Предложить свою посильную долю этой коллективной работы имѣеть главнымъ образомъ въ виду и настоящая рецензія.

Выборъ темы. Распределение матеріала. Приемы изложенія. Выборъ всякой специальной темы есть до нѣкоторой степени случайность, и всякое выдѣленіе темы изъ непрерывнаго контекста историческаго процесса будетъ въ нѣкоторой степени искусственнымъ. Дѣло изслѣдователя, конечно, постараться, чтобы этой случайности и искусственности въ его выборѣ было какъ можно меньше. Тема, выбранная А. С. Лаппо-Данилевскимъ, и по теоретическимъ основаніямъ, какъ въ высшей степени соотвѣтствующая современнымъ вопросамъ нашей науки, и по практическимъ соображеніямъ, какъ опирающаяся на весьма обильный и важный, но почти до сихъ поръ не затронутый матеріалъ, представляется намъ вполне своевременною и наименѣе случайною. Но автору этого, по-видимому, недостаточно. Онъ доказываетъ, что его тема есть единственно возможная, что начинающій русский историкъ долженъ заняться прежде всего XVII вѣкомъ, и въ XVII вѣкѣ — государственнымъ хозяйствомъ. Специалистъ по исторіи отдѣльнаго народа долженъ изучать въ его исторіи преимущественно *специфическія* явленія, свойственныя національному типу, а не черты, общія ему съ другими народностями, — такова первая послышка автора, сама по себѣ далеко не безспорная. Вторая послышка не менѣе сомнительна: *наиболѣе специфическимъ* явленіемъ русской національной исторіи, утверждаетъ авторъ, является Московское государство XVII в. Такимъ образомъ, первый выводъ построенъ; второй мы приведемъ *водными* словами автора. «За этотъ періодъ времени (XVII в.), говоритъ онъ, развитіе великорусской національности было довольно

одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственной исторіей. Въ этой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ которомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ изученію перваго изъ нихъ». Итакъ, въ финансовой исторіи XVII в. находится разгадка специфическихъ особенностей русской національной исторіи. Изучивъ ее обстоятельнѣе всѣхъ предыдущихъ изслѣдователей, авторъ, слѣдовательно, наиболѣе приблизится къ пониманію этихъ особенностей и объяснитъ намъ ихъ съ помощью финансовой исторіи. Поспѣшимъ же воспользоваться окончательнымъ выводомъ автора; отъ предисловія перейдемъ къ заключенію; вотъ нашъ искомый выводъ: «въ исторіи организаціи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в. ярко сказываются характерныя черты русской государственной жизни въ это время. Таковы: постепенное поглощеніе частныхъ интересовъ государственными, усиленіе централизаціи и милитаризма». Какъ видимъ, «характерныя черты» русской исторіи даже въ этой формулировкѣ автора не объясняются, а сами употребляются для объясненія особенностей нашей финансовой исторіи. Въ окончательномъ выводѣ авторъ не ушелъ дагѣе своего исходнаго пункта. Мы не разбираемъ здѣсь, впрочемъ, философіи исторіи автора и предпочли бы вовсе не упоминать объ его мотивировкѣ выбора темы, еслибы изложенная аргументація имѣла смыслъ простаго литературнаго приема. Но авторъ смотритъ на нее совершенно серьезно и по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи его воззрѣнія несомнѣнно имѣли значительное вліяніе на содержаніе его историческихъ представленій о выбранномъ періодѣ. Онъ, дѣйствительно, вѣритъ въ XVII-й вѣкъ, какъ въ какой-то предустановленный «типъ» русскаго историческаго развитія; прошлое по отношенію къ этому типу представляется ему подготовленіемъ, послѣдующее время—вырожденіемъ типа. «Въ XIV—XV в. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI в. обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ болѣе или менѣе устойчиваго взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ

западно-европейской цивилизаціи». Это преимущественное сосредоточеніе вниманія на заранѣ составленной идеѣ «типа» само по себѣ не предвѣщаетъ ничего хорошаго: преувеливая «устойчивость» явленій, изслѣдователь рискуетъ утратить необходимую гибкость мысли и остроту зрѣнія; слѣдя за единствомъ типа, историкъ рискуетъ пропустить главное, что подлежитъ историческому изученію разнообразію, сложности и подвижности историческаго процесса.

Въ вопросѣ о финансовомъ строѣ XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій также выбралъ одинъ отдѣлъ, обозначаемый въ заглавіи: организацію прямаго обложенія. Сопоставляя это заглавіе съ содержаніемъ книги, мы найдемъ, что оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ послѣднему. (Спѣшимъ оговориться, впрочемъ, что мы хотимъ возразить здѣсь не противъ заглавія). Вопервыхъ, авторъ далеко не ограничивается организаціей обложенія, но изучаетъ также, въ цѣлой главѣ (первой) социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Вовторыхъ, врядъ-ли все содержимое книги подойдетъ подъ терминъ «прямаго» обложенія. Этимъ терминомъ авторъ, повидимому, хотѣлъ исключить «косвенное» обложеніе, т. е. налоги на потребление, и ограничить задачу изученіемъ такъ-называемыхъ одѣночныхъ налоговъ. Но, съ другой стороны, рамками послѣднихъ онъ вовсе не стѣсняется и изучаетъ такого рода финансовыя явленія, которыя не могутъ быть отнесены даже вообще къ разряду налоговъ. Напр. *оброкъ* въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ не есть налогъ, а доходъ съ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ, рядъ натуральныхъ и личныхъ повинностей, которымъ посвящена опять цѣлая глава (IV), также врядъ-ли можетъ разсматриваться подъ рубрикой «прямаго обложенія». Разъ авторъ, такимъ образомъ, въ $\frac{2}{3}$ своей книги (215 стр. изъ 550) выходитъ вовсе изъ рамокъ «обложенія», мы вправѣ пожалѣть, что самую область обложенія онъ произвольно ссузилъ, выкинувъ косвенные налоги. Конечно, организація ихъ взиманія иная, чѣмъ прямаго обложенія; но вѣдь и организація отбыванія повинностей, и организація обложенія (договорнымъ) оброкомъ и нѣкоторыми спеціальными сборами, напр. процентными, — тоже иная, что не помѣшало автору включить все это въ сферу своего изслѣдованія. Между тѣмъ, исключивъ косвенные налоги, авторъ этимъ подвергъ себя весьма серьезнымъ неудобствамъ. Такъ, онъ лишилъ себя возможности представить въ цѣломъ систему центральной финансовой администраціи и отмѣтить нѣкоторые моменты въ ея развитіи, важные вообще для финан-

совой исторіи XVII в.; долженъ былъ обойти молчаніемъ нѣкоторые самые характерныя приемы финансовой политики Московскаго государства; но что особенно важно, онъ потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность изучать количественныя отношенія податной системы XVII в., безъ знакомства съ которыми невозможно никакое сужденіе о финансовомъ значеніи отдѣльныхъ налоговъ, о сравнительной ихъ тяжести для страны и важности для государственнаго бюджета. Безъ выясненія же этихъ обстоятельствъ и сужденіе о любомъ финансовомъ мѣропріятіи XVII в. должно было сдѣлаться затруднительнымъ. Очевидно, авторъ самъ сознавалъ эти послѣдствія своего самоограниченія, такъ какъ оговорился въ предисловіи, что ставитъ своей задачей рассмотреть входящія въ его тему вопросы не «съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія», а «съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности»; — т. е. очевидно, не съ точки зрѣнія матеріальной, а съ точки зрѣнія формальной. По нашему крайнему разумѣнію, такая точка зрѣнія въ спеціальномъ сочиненіи по финансовой исторіи составляетъ существенный недостатокъ.

Зная теперь, что финансовый строй XVII в. авторъ будетъ описывать, какъ особо-типичную систему «устойчивыхъ взаимоотношеній», и что систему эту онъ изучаетъ со стороны ея формальной организаціи, мы уже должны быть готовы къ тому, чтобы встрѣтить въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, не процессъ, а устройство. Поэтому, намъ нѣсколько удивитъ послѣ всего этого замѣчаніе автора, что «въ этихъ общихъ рамкахъ онъ стремился изобразить изучаемыя имъ явленія не въ статическомъ положеніи, а въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною, однообразною схемою, а въ видѣ живой, развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древне-русской жизни». Чтобы понять смыслъ этого замѣчанія, кажется, надо сопоставить его съ тѣмъ планомъ расположенія матеріала, котораго придерживался авторъ въ своей книгѣ.

Изучая финансовый строй со стороны формальной, авторъ могъ избрать двоякій планъ изложенія: или въ порядкѣ систематическаго описанія различныхъ составныхъ частей функционирующаго механизма, или въ порядкѣ послѣдовательныхъ моментовъ его функционирования. Если уже считать оба порядка несовмѣстимыми, — болѣе удобнымъ и послѣдовательнымъ намъ казалось бы остановиться на первомъ планѣ, такъ какъ изученіе функционирования механизма предполагаетъ уже предварительное знакомство съ его устрой-

ствомъ. Авторъ выбралъ второй планъ. Чтобы объяснить этотъ выборъ, мы и должны вспомнить только-что приведенную фразу: вѣроятно, ему казалось, что, изучая механизмъ въ его функционированіи, онъ этимъ становится на «динамическую» точку зрѣнія и вводитъ жизнь въ отвлеченную схему. Такъ какъ подъ динамикой историческаго процесса мы привыкли однакоже понимать именно процессъ, а не функционированіе установившейся системы, то мы и не можемъ согласиться здѣсь съ авторомъ. Дробить живыя явленія между моментами такого функционированія, какъ намъ кажется, значить гораздо болѣе насиловать ихъ, чѣмъ нужно для изображенія «отвлеченной схемы» дѣйствующаго механизма. А такъ какъ авторъ не только даетъ цитированное обѣщаніе, но и старается дѣйствительно его исполнить, то можно только пожалѣть, что онъ не былъ послѣдовательнѣе разъ принятой формальной точкѣ зрѣнія и не ограничился изображеніемъ «отвлеченной, однообразной схемы».

Предположенный планъ — сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функционирования финансоваго строя,—однако, тоже не выполняетъ авторомъ вполне, прежде всего по невозможности умѣстить въ немъ весь собранный запасъ данныхъ. Такъ, совсѣмъ за порогомъ этого плана осталась глава о податныхъ классахъ, получившая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава выдерживаетъ планъ, за однимъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функционирования: *раскладка* податей; онъ въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно 1) составленіе переписей, 2) опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которой будетъ измѣряться податная способность субъекта; сюда же напрасно отнесено 3) составленіе отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: какъ кажется, этотъ моментъ удобнѣе разсматривать какъ заключительный, которымъ кончается финансовый круговоротъ. Второй моментъ, исполнительный, состоитъ въ мірской раскладкѣ податей внутри установленныхъ правительствомъ окладныхъ единицъ. Слѣдующему моменту функционирования, *взиманію* податей, посвящена третья глава сочиненія: здѣсь излагается конкурирующая дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ «движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія». Отсюда—естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично нарушаетъ свой планъ, вводя главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ ав-

торъ возвращается къ своей системѣ и изучаетъ заключительный моментъ функционирования: «распредѣленіе поступлений по центральнымъ учрежденіямъ». Сюда же удобнѣе было бы отнести и отдѣлъ о финансовой отчетности.

Какъ видимъ, этотъ планъ изложенія, которому нельзя отказать въ стройности, не оказываетъ, однако, автору единственной услуги, которая могла бы еще до нѣкоторой степени оправдать его прирѣченіе: онъ не сообщаетъ книгѣ единства дѣленія. Между тѣмъ, онъ сопровождается весьма серьезными неудобствами. Различныя части функционирующаго механизма изображаются лишь попутно, и притомъ какъ бы по поводу своего функционирования. Отсюда изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи; воевода фигурируетъ чуть-ли не во всѣхъ стадіяхъ функционирования и по всѣмъ отдѣламъ приходится разбрасывать характеристику его дѣятельности. Еще неудобнѣе оказывается—описывать центральную администрацію по поводу распредѣленія поступлений между разными учрежденіями. Но всего важнѣе то неудобство, что цѣлый отдѣлъ о податной системѣ при этомъ порядкѣ изложенія вовсе не находитъ себѣ мѣста, и авторъ размѣщаетъ необходимыя ему свѣдѣнія, гдѣ случится. Разбросавъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ все-таки вынужденъ былъ нарушить планъ для введенія аналогичной главы 4-ой.

Итакъ, въ результатѣ,—архитектоника изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удавшеюся. Это обстоятельство освобождаетъ насъ отъ обязанности въ своихъ замѣчаніяхъ слѣдовать порядку изложенія автора.

Кончая эти общія замѣчанія, не можемъ не указать теперь же еще на одно обстоятельство, вмѣстѣ съ предыдущимъ значительно затрудняющее изученіе книги А. С. Лаппо-Данилевскаго. Обстоятельство это связано съ указаннымъ выше колебаніемъ автора между изображеніемъ порядка,—«однообразной схемы»,—и изображеніемъ наполняющей схему «живой ткани соотношеній». При изображеніи схемы непригодны индивидуальныя факты и случайныя черты. При изображеніи жизни все это нужно, но по жизни нельзя судить о схемѣ. Авторъ недостаточно оцѣнилъ, какъ намъ кажется, несовмѣстимость этихъ условій; слишкомъ часто онъ клеитъ свою картину порядка изъ единичныхъ исключеній, понятныхъ только на своемъ мѣстѣ; отрывая ихъ отъ этого мѣста, онъ лишаетъ ихъ ихъ индивидуальнаго смысла, но не можетъ часто найти въ нихъ

и смысла общаго; забывая, что ихъ не слѣдовало сопоставлять безъ дальнѣйшихъ объясненій для характеристики общаго порядка, онъ считаетъ ихъ все-таки пригодными для такой характеристики и, въ результатѣ, слишкомъ часто приходитъ къ заключенію, что искомый имъ порядокъ заключался въ полномъ беспорядкѣ, а описываемыя имъ формы сводились къ полной безформенности. Нужно ли говорить, что во многихъ подобныхъ случаяхъ виновата не жизнь, а нѣсколько неосторожное введеніе этой жизни въ рамки «отвлеченной, однообразной схемы».

Одинъ изъ критиковъ сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго, М. А. Дьяконовъ, не разъ принужденъ былъ отмѣчать «невыгоду положенія автора, которому приходилось оперировать надъ матеріаломъ XVII в., не имѣя подготовленной почвы въ изслѣдованіяхъ о предшествующихъ эпохахъ». (стр. 377). Въ дѣйствительности, эта невыгода станетъ еще яснѣе, если согласимся, что XVII в. вовсе не представляетъ того неизмѣннаго устойчиваго типа, какимъ отчасти склоненъ представлять его авторъ; первая половина этого вѣка, можетъ быть, во многихъ отношеніяхъ окажется въ концѣ концовъ тѣснѣе связанной со второй половиной XVI-го, чѣмъ со второй половиной XVII-го вѣка. Конечно, и самъ авторъ хорошо чувствовалъ эту связь, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги онъ счелъ нужнымъ сдѣлать экскурсы во время, предшествующее XVII в. На этихъ экскурсахъ мы и позволимъ себѣ прежде всего остановиться съ большей подробностью, чѣмъ это вызывается прямыми задачами рецензіи. Непропорціональность эта отчасти оправдывается тѣми выводами, которые мы получимъ возможность сдѣлать и относительно взглядовъ автора на XVII вѣкъ; до нѣкоторой степени она оправдывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что по XVII в. намъ уже пришлось посчитаться съ взглядами автора въ нашей собственной работѣ («Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго»), и для дальнѣйшей критики труда А. С. Лаппо-Данилевскаго мы воспользуемся полученными тамъ выводами.

I. Время предшествующее XVII вѣку. 1. Податная система. Въ самомъ началѣ своего изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскій вводитъ отдѣлъ, имѣющій содержаніемъ «происхожденіе и развитіе прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII в.» (1—18). Развитіе русской податной системы представляется здѣсь въ слѣдующей схемѣ. Система прямыхъ налоговъ сложилась изъ трехъ элементовъ: налоги, происшедшіе изъ дворцоваго хозяйства,

изъ военныхъ потребностей и изъ татарскаго завоеванія. Первый и, кажется, по мысли автора, древнѣйшій отдѣлъ податной системы складывается въ то время, когда «личныя потребности сѣверно-русскаго князя и его двора, вѣроятно, удовлетворялись не столько путемъ сборовъ съ крестьянъ, селившихся на черныхъ земляхъ, сколько наличными силами и средствами его частнаго хозяйства». Другими словами, древнѣйшіе прямые налоги—частно-хозяйственнаго происхожденія. Сюда именно авторъ относитъ *оброкъ* и *кормы* администраторамъ-дружинникамъ князя (1—8). Ко второму податному слою, вызванному потребностями внѣшней защиты, относится образованіе *стрѣлцкой подати*, повинностей *городоваго дѣла* и *ратной службы* («*посошной*»): «податныя обязанности, вызванныя потребностями государственной защиты, сложились довольно поздно» (именно, послѣ середины XIII в.?). Наконецъ, третье наслоеніе прямыхъ податей авторъ выводитъ изъ отношеній къ татарамъ: сюда относятся *дань*, *ямскія* и *поломяничная* деньги.

Идея частно-хозяйственнаго происхожденія государственныхъ отношеній Московскаго княжества принесла, безспорно, большую пользу нашей наукѣ. Тѣмъ не менѣе въ наше время, кажется, роль этой идеи слѣдуетъ считать сыгранной. Рамки ея оказались слишкомъ узкими. Старая идея не только оживаетъ однако въ употребленіи автора, но оживаетъ еще въ болѣе узкомъ смыслѣ. Не довольствуясь выводомъ древнѣйшихъ финансовыхъ отношеній изъ дворцоваго хозяйства, онъ старается вывести ихъ изъ предполагаемой имъ основной ячейки этого хозяйства, изъ эксплуатаціи въ дворцовомъ хозяйствѣ рабскаго труда.

Въ рецензіяхъ гг. Дьяконова и Сторожева уже было отмѣчено произвольное употребленіе авторомъ термина XVII в. («задворные» холопы) въ приложеніи къ XII—XIV вѣку (стр. 1, 3, 9, 12) и ошибочное принятіе имъ людей дворцовой службы (находящихся «подъ дворскимъ») — за дворовыхъ холоповъ. Авторъ пытается даже установить фактъ постепеннаго перерожденія «задворныхъ холоповъ» въ тяглое населеніе (крестьянъ), а «дворовыхъ» — въ служилое (9). Изъ 9 цитатъ приведенныхъ (стр. 2, прим. 2) въ доказательство перваго положенія, ни одна не касается, однакоже, предполагаемаго авторомъ перехода «задворныхъ холоповъ» въ крестьяне: это все жалованныя грамоты рыболовамъ, сокольникамъ, бобровникамъ, т. е. дѣйствительно тѣмъ людямъ, которые въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ означаются какъ люди «подъ дворскимъ», но которые и въ этихъ грамотахъ вовсе не означаютъ хо-

лоповъ, хотя холопы между ними и попадаются ¹⁾. Переходъ ихъ въ крестьяне, по мысли автора, долженъ былъ совершиться тогда, когда измѣнился характеръ ихъ повинностей; именно, по его предположенію, «людскія деревни и слободы доставляли первоначально во дворецъ всё требуемые сборы натурой», а потомъ ростъ княжескаго хозяйства и измѣненіе характера дворцовыхъ слободъ (т. е. изъ земледѣльческихъ въ промышленныя) «повели къ переложенію ненужной части натуральныхъ сборовъ на денежный оброкъ» — въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. И опять приводимыя авторомъ (тѣ же) мѣста нисколько не оправдываютъ этого схематическаго построения автора; въ одномъ только изъ нихъ есть прямая замѣна натурального дворцоваго сбора не оброкомъ, а тягломъ, и не въ XV—XVI в., а въ 1668 г. ²⁾; изъ всѣхъ же вообще мѣстъ видно, что 1) это не «людскія» (т. е. холопскія) деревни; 2) оброкъ въ нихъ не замѣняетъ натуральныхъ платежей, а существуетъ параллельно; иногда же извѣстное угодье прямо и отдается на оброкъ, а не для натуральныхъ поставокъ ³⁾. Въ отличіе отъ тяглаго волостнаго населенія эта общественная группа носитъ въ древнихъ источникахъ и названіе «оброчниковъ»; положеніе ихъ иное, чѣмъ крестьянъ, но не потому, что они — холопы, а потому, что они «служать службу великаго князя»; позднѣе эта группа входитъ въ составъ дворцовыхъ крестьянъ, хотя нѣкоторымъ членамъ ея и удалось пробраться въ «помѣщики».

Врядъ-ли можно считать удавшеюся и попытку автора объяснить происхожденіе служилаго сословія изъ сліянія «высшаго слоя царскихъ дворцовыхъ холоповъ съ низшимъ слоемъ вольныхъ слугъ». (9). Авторъ основывается при этомъ на нерѣдкомъ упоминаніи въ XIII—XV в. «двора» государева въ смыслѣ военнаго отряда. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ «дворъ» и есть вольные слуги, — они же дѣти боярскія. Люди дворцовой службы, конечно, могли примыкать къ этому отряду, хотя вообще ихъ служба была другая, хозяйственная; весьма вѣроятно, дагѣе, что и зародыши помѣстной системы сложились въ обстановкѣ дворцовой службы, прежде чѣмъ были примѣнены къ служилой организаціи. Но дворцовая служба не есть непременно служба холопская; врядъ-ли число холоповъ на дворцовой службѣ было настолько значительно,

¹⁾ Ср. напр. С. Г. и Д. I, № 40, стр. 74—75.

²⁾ А. Э. IV, № 210.

³⁾ Напр. А. Э. I, 142, 143.

чтобы образовать цѣлый «слой», да еще перешедшій изъ сферы хозяйственной въ сферу военной службы. Не отрицая возможности того, что холопъ великаго князя могъ сдѣлаться «помѣщикомъ» и служилымъ человѣкомъ, мы однако полагаемъ, что такіе случаи были довольно рѣдкими ¹⁾).

Еще затруднительнѣе оказывается положеніе автора, когда изъ этихъ основъ дворцоваго хозяйства съ несвободнымъ контингентомъ дворцовыхъ слугъ онъ начинаетъ выводить древнѣйшіе налоги. Собственно говоря, изъ дворцовыхъ потребностей нельзя, какъ мы думаемъ, вывести никакихъ сборовъ, кромѣ чисто дворцовыхъ. Мы готовы согласиться съ авторомъ, что именно такое частно-хозяйственное происхожденіе имѣютъ нѣкоторые виды оброка. Но *главные* виды оброка происходятъ, во всякомъ случаѣ, не изъ дворцовыхъ потребностей. М. А. Дьяконовъ замѣтилъ уже, что такимъ образомъ не можетъ быть объяснено происхожденіе оброка, замѣняющаго тягло; кажется, что и оброкъ въ смыслѣ аренднаго сбора съ государственныхъ имуществъ не долженъ быть выводимъ изъ отношеній дворцоваго хозяйства; есть основанія думать, что бортный, бобровый, рыбный промыслы уже въ то время считались регаліями и различались отъ непосредственнаго дворцоваго имущества ²⁾).

Во всякомъ случаѣ, къ нѣкоторымъ видамъ оброка и сводятся всѣ подати дворцоваго характера. Уже совсѣмъ неудачно пытается авторъ вывести изъ дворцоваго хозяйства рядъ налоговъ на содержаніе администраціи. Для этого онъ предполагаетъ, что дворцовымъ чиновникамъ (опять: «бывшимъ первоначально дворовыми холопами вел. кн.») приходилось наблюдать за выполненіемъ недворцовымъ населеніемъ нѣкоторыхъ дворцовыхъ повинностей и во время этого наблюденія они получали отъ населенія содержаніе натурой; затѣмъ, несовсѣмъ яснымъ образомъ, это содержаніе было переведено на деньги и, еще менѣ понятнымъ образомъ, превратилось въ этомъ видѣ въ казначеевы, дьячьи и подъячьи пошлыны. Насильствен-

¹⁾ Въ Переяславскомъ уѣздѣ среди селъ и деревень великаго князя, числящихся «за помѣщиками», мы нашли въ 1520 году деревню въ 3 двора, записанную въ писцовой книгѣ «за холопомъ великой княгини», — вѣроятно, не служилымъ человѣкомъ. (Рум. Муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 29 и слѣд.). Другихъ случаевъ пока не знаемъ, если не упоминать о чрезвычайной мѣрѣ, поврстаніи, по извѣстію Бекетовской разрядной, дворовыхъ людей разныхъ частныхъ лицъ въ новгородскіе помѣщики.

²⁾ См. впрочемъ Боярскую Думу В. О. Ключевскаго, изд. 2-е, стр. 112.

нось этого вывода бросается въ глаза. При тогдашней простотѣ центральной администраціи, конечно, дворцовые чиновники являлись и вообще администраторами, не ограничиваясь дѣлами по дворцовому хозяйству. Недворцовое населеніе, рядомъ съ общими податями и повинностями, дѣйствительно, несло и нѣкоторыя спеціально дворцовыя; но большая часть послѣднихъ именно и вызывалась временнымъ присутствіемъ въ-его средѣ великаго князя, его бояръ, «бѣдоковъ и посланниковъ»; это было наше *droit de gîte*. Итакъ, никакой надобности наблюдать за отправленіемъ этихъ *дворцовыхъ* повинностей черезъ особыхъ чиновниковъ не было; если же дворцовые чиновники и получали съ недворцоваго населенія содержаніе, постоянное или временное, то они получали его не въ качествѣ руководителей дворцоваго хозяйства, а именно въ качествѣ чиновниковъ.

Намѣстничьи и волостелины *корми* авторъ ставитъ въ связь съ дворцовымъ хозяйствомъ другимъ способомъ. Звеномъ, связывающимъ одно съ другимъ, является здѣсь идея *кормленія*. Кормленіе авторъ опредѣляетъ, какъ «передачу государственныхъ правъ, принадлежащихъ князю, въ частное временное пользованіе служиому человѣку» (5). Если согласимся съ этимъ опредѣленіемъ, если даже допустимъ *частный* характеръ *кормленій* вообще, то все же этимъ ничего не рѣшается въ частности относительно *корма*. Въ кормленіе можно было пожаловать любую должность, любую отрасль государственнаго дохода. Но одна эта передача, конечно, не могла создать новаго государственнаго дохода, и поэтому врядъ-ли можно говорить о «переходѣ кормленія въ государственный налогъ» (512). Кормленіе не есть налогъ, а только одинъ изъ способовъ употребленія государственнаго налога. *Корма* же намѣстника и волостеля и *поборъ* ихъ доводчиковъ и праветчиковъ есть спеціальныи государственный налогъ на содержаніе мѣстной администраціи. При рудиментарности государственныхъ учреждений, взиманіе его поручается самой администраціи; но одно это измѣненіе *формы взиманія* само по себѣ не дѣлаетъ чиновника — частнымъ лицомъ, а его жалованья — частнымъ доходомъ. Форма взиманія *корма* (натурой и деньгами) представляется безразличной въ самыхъ документахъ; разнѣръ его, насколько мы можемъ слѣдить по источникамъ, въ самомъ началѣ является точно опредѣленнымъ; слѣдовательно, говорить о томъ, какъ «прежніе неопредѣленные натуральные кормы превращаются въ болѣе точные денежные доходы», можно только предположительно; но даже и въ томъ случаѣ, если такой хронологическій

переходъ дѣйствительно существовалъ, съ нимъ нельзя связывать никакого «измѣненія самаго характера сборовъ», и, конечно, нельзя выводить, что, именно благодаря этому превращенію — «изъ частнаго дохода, вознаграждавшаго заслуги служиваго человѣка, они (сборы) становятся мало по малу государственнымъ налогомъ»¹⁾. Будучи государственнымъ налогомъ съ самаго начала, кормъ никогда не былъ «частнымъ доходомъ», а составной частью казеннаго жалованья; кормленіе же дѣйствительно могло быть передачей государственнаго налога въ частное пользованіе (если давалось частному лицу, а не чиновнику); но оно не создавало никакого новаго налога. Въ этомъ и послѣдующихъ разсужденіяхъ авторъ постоянно смѣшиваетъ видъ съ родомъ, *кормъ* съ *кормленіемъ*; но различныя по существу, оба явленія имѣли и различную судьбу: съ уничтоженіемъ кормленій вовсе не уничтожился кормъ; его обращеніе въ казну послѣ введенія губныхъ учреждений было продолженіемъ той-же обычной практики, какая дѣйствовала обыкновенно при всякомъ освобожденіи и упраздненіи мѣста, дотированнаго этимъ содержаніемъ; намѣстничъ кормъ обращался въ казну, «чтобы тѣмъ *нашимъ* доходомъ истери не было», какъ выражается одна грамота²⁾. Но обращеніе намѣстнича корма въ казну не сопровождалось переводомъ администраціи на казенное содержаніе и установленіемъ денежныхъ штатовъ: воевода XVII в. получалъ свои кормы совершенно на томъ же основаніи, какъ и намѣстникъ XVI в. (Гос. Хоз., стр. 90, 122); дальнѣйшее изслѣдованіе должно только разъяснить, была-ли тутъ преемственная связь и въ какихъ случаяхъ воеводскій кормъ явился новымъ налогомъ помимо намѣстнича.

1) Необходимо здѣсь напомнить, что, помимо намѣстнича корма, существовалъ еще «посошный кормъ», часто упоминаемый грамотами рядомъ съ первымъ и бывшій, повидимому, уже прямо сборомъ въ княжескую казну. Авторъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ налогѣ.

2) Доп. къ А. И. I, № 86, 109. Ср. Арх. Мин. Юст. Переясл. у. № 8808, грамота 1530 г. авг. 12: «въ Гулятино и Мишутино прикащику нашему:—присылаю къ намъ бити челомъ Троицкаго монастыря игумень Іоасафъ... что деи ихъ деревни монастырскіе есть въ Мишутинѣ, а кормомъ тянутъ изстари къ Переяславию—къ намѣстникомъ; и ты деи на ихъ хрестьянехъ тѣхъ деревень правишь кормы на меня на вел. князя, и ты бы съ тѣхъ монастырскихъ деревень... кормовъ не правиль,... кормъ на нихъ емлють наши намѣстники переяславскіе». Въ Новгород. писцов. кн. т. IV, 227 (1498) находимъ слѣдующую замѣтку: «а что кладенъ намѣстничъ кормъ и волостелинъ на вел. князя волости и на деревни въ старыхъ кормленьяхъ и въ новомъ кормленьи, и тѣхъ кормовъ на вел. князя не имати, а емлють тѣ кормы намѣстники и волостели».

Надо думать, что различаемымъ имъ слоямъ податной системы авторъ не придаетъ строго хронологическаго значенія. Ему, конечно, хорошо извѣстно, что оброкъ и кормъ не суть единственныя составныя части древнѣйшей податной системы; черезъ нѣсколько страницъ, напр., мы узнаемъ, хотя и мимоходомъ, что князья съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ вѣзали въ свою пользу *дань*. Одного этого упоминанія достаточно, чтобы древней податной системѣ не придавать характера исключительно дворцовой.

Авторъ переходитъ затѣмъ ко второй своей группѣ: къ налогамъ, образовавшимся изъ потребностей государственной защиты (9—13). Эти податныя обязанности, по его мнѣнью, «сложились довольно поздно, да и могли сложиться лишь тогда, когда нѣсколько окрѣпла государственная власть и опредѣленнѣе обрисовались главнѣйшія черты общественнаго строя. Ни того, ни другаго еще не существовало въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIII вѣка». Первый изъ объясняемыхъ имъ военныхъ налоговъ этой группы, *стрѣльцкая подать*, ставится въ связь съ происхожденіемъ стрѣлецкаго войска опять изъ отряда дворцовыхъ холопей. Если мы не могли согласиться съ первою ступенью доказательства автора, съ отождествленіемъ «двора» государева съ дворцовыми холопами, то еще менѣе можемъ согласиться со второю—съ выведеніемъ стрѣльцовъ отъ двора государева. Дворъ государевъ есть московская гвардія дѣтей боярскихъ ¹⁾; называются они «дворомъ» (или «дворовыми дѣтьми боярскими») уже въ XV в.—въ противоположность дѣтямъ боярскимъ «изъ городовъ» или городовымъ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ документы говорятъ о «стрѣльцахъ и казакахъ государева двора» (Вивл. XIV, 351, 1578 г.); это мѣсто, цитируемое авторомъ (вслѣдъ за Сергѣевичемъ, Наблюд. 1887, № 1) въ доказательство его теоріи, такъ же мало связываетъ съ дворцовой службой стрѣльцовъ и казаковъ, какъ и предъидущія цитаты—дѣтей боярскихъ; этимъ просто обозначаются стрѣльцы и казаки *московскіе*, въ отличіе отъ *городовыхъ* (Вивл. XIV, стр. 352). Съ тѣхъ поръ, какъ переселена была подъ Москву въ 1550 г. тысяча выборныхъ дѣтей боярскихъ, дѣти боярскія «двора государева» получили окончательно

¹⁾ Они же вольные слуги, см. Сергѣевича Юрид. Древн. I, 324—327.

²⁾ Мѣста изъ Воскрес. лѣтописи 1449 г. (ср. также 1446: «дѣти боярскіе дворовые»), 1469; см. у Сергѣевича о. с. 357; вмѣсто «изъ всѣхъ уѣздовъ» Накиновская ставитъ въ послѣднемъ случаѣ «изъ всѣхъ градовъ». Ср. также въ издаваемой мною разрядной кн. (Чт. Общ. Ист. и Др.), стр. 42, подъ 1509 г. «дѣти боярскія изъ двора и изъ городовъ».

названіе «дворянъ», оставивъ терминъ дѣтей боярскихъ (дворовыхъ и городовыхъ) провинціальному служилому сословію. Такимъ образомъ, это была лучшая, *выборная* часть русской служилой конницы. Между тѣмъ стрѣльцы, также какъ ихъ предшественники въ первой половинѣ XVI в., «пищальники» ¹⁾, суть представители повсемѣстно вводившагося тогда въ Европѣ наемнаго пѣхотнаго войска, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. Дѣйствительно, это было первое наше регулярное войско, получавшее и первое регулярное содержаніе,—но какъ разъ въ противоположность дворянской конницѣ дѣтей боярскихъ, обезпеченныхъ помѣстьями, а не кормомъ и денежнымъ жалованьемъ, которое они получали въ нѣсколько лѣтъ разъ. Что стрѣльцы (московскіе) получали въ началѣ XVII в. хлѣбъ изъ Дворца, это, конечно, объясняется не ихъ дворцовымъ происхожденіемъ, а тѣмъ, что только Дворецъ и собиралъ тогда натуральный сборъ хлѣбомъ (на «житномъ дворѣ»). Хлѣбный кормъ стрѣльцамъ и другимъ лицамъ дается изъ Дворца по той же причинѣ, по какой денежный кормъ выдается изъ Бол. Прихода и изъ четей, а питье и съѣстные припасы изъ того же Дворца (вино еще изъ Новой чети) ²⁾.

Связавъ происхожденіе стрѣльцовъ съ «дворомъ» государевымъ, авторъ не могъ и не пытался опредѣлить время происхожденія регулярной стрѣлецкой подати. То и другое, какъ мы думаемъ, относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ какое можно вывести изъ изложенія автора. Одно изъ самыхъ раннихъ упоминаній о «стрѣльцахъ» говоритъ о *новомъ* наборѣ ихъ въ Новгородѣ въ 1555 г.; содержаніе имъ въ этомъ случаѣ идетъ изъ старыхъ сборовъ ³⁾; въ полюцкомъ походѣ 1563 г. въ кадрахъ арміи упоминаются только «пищальники» и «казаки», при чемъ одинъ разъ послѣдніе прямо названы «черкасскими» ⁴⁾; но на мѣстѣ дѣйствій оказываются и стрѣльцы, хотя, повидимому, въ небольшомъ числѣ ⁵⁾. Только въ ливонскомъ походѣ 1577 г. стрѣльцы «московскіе» и «городовые»

¹⁾ Пищальники наряжаются съ городовъ вмѣстѣ съ «посошными» въ 1509 г., см. ту же разрядную, стр. 41. Болѣе раннихъ упоминаній я не знаю. Иллюстрацію къ подобному «наряду» можетъ дать грамота 1545 г. А. Э. I, № 205.

²⁾ Множество примѣровъ см. въ Р. Ист. Библ. IX, записная книга Моск. стола 1616—27 г. *Временникъ*, IV.

³⁾ Доп. къ А. И. I, 68; они же и «казаки», *ib.* № 80.

⁴⁾ Сапуновъ, Витебск. Старина, IV, 38.

⁵⁾ *Ib.* 58, 66, 69.

составляютъ (независимо отъ 1206 казаковъ) значительную цифру 6.741 ¹⁾. Постоянная же стрѣлцкая денежная подать появилась только послѣ Смутнаго времени. Она имѣла, однакоже, свои прецеденты и въ XVI в., но о послѣднихъ авторъ совсѣмъ не упоминаетъ. Новыми военными податями, введенными одновременно съ организаціею отряда, снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, были «пищальные деньги» и «емчужныя» (на расходъ по варенію селитры для приготовленія пороха). Упомянутія объ обѣихъ, сколько намъ приходилось замѣчать, встрѣчаются только со второй половины XVI вѣка; вмѣстѣ съ ними появляются налоги на «городовое и засѣчное дѣло», т. е., какъ можно догадываться, на инженерныя и фортификаціонныя работы по укрѣпленію границъ, преимущественно южныхъ ²⁾.

Кромѣ стрѣлцкой, авторъ выводитъ изъ потребностей государственной защиты еще двѣ повинности: городовое дѣло и посошную повинность. Трудно сомнѣваться въ томъ, что обѣ повинности возникли раньше, чѣмъ «окрѣпла центральная власть», и принадлежатъ періоду племенной жизни, составляя обще-славянскую, и даже не только славянскую, черту. Въ формѣ «посохи», т. е. поставки опредѣленнаго количества ратныхъ людей съ сохи, послѣдняя изъ

¹⁾ При общемъ количествѣ 16,871, а съ посошными 29,595 человекъ. *Vgl. Gesch. d. Heereseinrichtungen, Beilage I.*

²⁾ Изъ документовъ Новгородской приказной избы мы узнаемъ, что съ 1552 г. сряду четыре года взымался со всѣхъ пяти пятинъ цѣлый рядъ новыхъ сборовъ военного характера: емчужное дѣло по окладу 1 р. 30 к. съ сохи; за посошныхъ людей и за всякія городовыя дѣла — по 1 р. 20 к. съ сохи. (Доп. А. И. I, № 94 bis); изъ другаго документа еще видно, что это сборы *новые*; именно, еще въ 1555 г., пропустивъ сроки, новгородскія власти отговаривались тѣмъ, что еще не разосланы платежныя книги, по которымъ слѣдуетъ производить взиманіе (№ 94). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли въ данномъ случаѣ новыя самыя подати или только оклады ихъ и способы ихъ взиманія; позднѣе мы увидимъ, что какъ разъ въ это время дѣйствительно должны были вводиться новыя сошныя оклады. *Пищальные* деньги взымаются въ 1556 г. (Доп. къ А. И. I, № 89); упоминаются въ сотной выписи съ двинскихъ писцовыхъ книгъ 1554 г. (Арх. Мин. Юст. грам. Двин. у. № 4125—въ описи 4126), въ уставной Важской грамотѣ 1553 г. (А. А. Э. I, № 234). Болѣе раннихъ извѣстій намъ не случалось встрѣчать. Относя происхожденіе стрѣлцкой подати ко времени образованія стрѣлцкаго войска, авторъ имѣлъ предшественника — Кури (Юрид. Сборн. Мейера, 130—1, 133); въ другомъ мѣстѣ онъ однако замѣтилъ и исправилъ непонятную ошибку послѣдняго, отнесшаго свидѣтельство о «стрѣлцкомъ хлѣбѣ» 7126 года (1618) къ 1540-му и заключившаго отсюда, что «впервые она (стрѣл. подать) встрѣчается въ царствованіе Іоанна IV, которымъ, кажется, и установлена» (см. стр. 402, пр. 1).

нихъ извѣстна, правда, только въ XIV в.; но нова тутъ только форма разложенія повинности на сохи, общая, впрочемъ этой повинности съ другими; врядъ-ли даже терминъ «посоха» можно относить только къ ратной посохѣ; документы упоминають о «ямской посохѣ» и о посохахъ въ множественномъ числѣ, въ смыслѣ, равносильномъ вообще «повинностямъ»¹⁾.

Что касается перевода этихъ повинностей на деньги, авторъ замѣчаетъ, что городовое дѣло «рѣдко перелагалось на денежные платежи», а о замѣнѣ денежнымъ платежемъ посошной повинности вовсе не говоритъ до XVII в., хотя случаи такой замѣны бывали²⁾. Хронологическаго единства этотъ отдѣлъ совсѣмъ не имѣетъ, такъ какъ стрѣльцкую подать приходится отодвинуть въ болѣе позднее время, а обѣ повинности — въ болѣе раннее.

А между тѣмъ, если сопоставимъ естественно входящія въ этотъ отдѣлъ пищальные, емчужныя, за городовое дѣло и засѣчныя—денеги, если отмѣтимъ приблизительно время происхожденія этихъ военныхъ податей (половина XVI в.), если припомнимъ кстати и то, что какъ разъ во второй половинѣ XVI в. жалованныя грамоты начинаютъ вводить оговорки, по которымъ тарханщики перестаютъ освобождаться отъ военныхъ повинностей (городоваго дѣла и посошной службы), что вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются случаи перевода посошной ратной службы на деньги и что, наконецъ, какъ разъ въ то же время появляется въ значительномъ количествѣ первая регулярная пѣхота,—то сопоставленіемъ всѣхъ этихъ фактовъ самъ собою намѣтится весьма важный моментъ въ исторіи русской податной системы и военнаго дѣла.

Слѣдуетъ третья категория—податей, вызванныхъ татарскимъ завоеваніемъ. Вслѣдъ за другими изслѣдователями, авторъ ведетъ отсюда прежде всего происхожденіе *дани*. Такъ какъ дань, конечно, существовала и до татаръ, что очень хорошо извѣстно автору, то изслѣдователю предстоитъ здѣсь выяснить, что именно новаго внесено было татарскимъ завоеваніемъ въ исторію этой подати: явилась-ли новая татарская дань просто механическою прибавкой къ прежней, сливалась-ли съ нею или собиралась отдѣльно, оказала какое-либо вліяніе на измѣненіе способа взиманія и т. д.? Время паралелизма старой и новой дани по источникамъ прослѣдить,

¹⁾ Арх. М. Юст. Мон. гр. Бѣлозер. у. № 849, жалов. грам. 1577 г.: «наши всякія подати и посохи»... «посошныхъ людей ни въ которыя посохи не даютъ».

²⁾ Напр. А. А. Э. I, № 288.

кажется, довольно трудно; если же авторъ говорить, что «въ XIV—XV вв. вѣзлась, *помимо* татарской дани, *особая* дань, направлявшаяся прямо въ княжескую казну», то согласиться съ этимъ выводомъ можно только въ томъ смыслѣ, что по источникамъ со второй половины XIV в. вся *дань*, безъ различенія ея частей, шла въ княжескую казну; а часть ея (иногда специально вѣзавшаяся, «ордынское серебро») изъ княжеской казны направлялась въ регулярный ордынский выходъ. Этотъ смыслъ имѣютъ и цитируемыя авторомъ мѣста источниковъ (стр. 14, прим. 1; лучше было бы сослаться на Доп. къ А. И. I, № 9). Поглотивъ старую дань, татарская дань ввела важныя новости въ нашемъ финансовомъ строѣ. Первою такою новостью была всѣмъ извѣстная двукратная перепись, «число», установившее размѣры дани въ обязательномъ для князей окладѣ. Большинство изслѣдователей считаетъ перепись и вѣзавшуюся по ней дань — поголовною; такого же мнѣнія держится и авторъ. Между тѣмъ Татищевъ сохранилъ намъ важное извѣстіе, что въ 1275 г. вел. князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полугривнѣ съ сохи, состоявшей изъ двухъ работниковъ. Ханъ остался недоволенъ общимъ количествомъ дани, подозрѣвая, что князь «не отъ всѣхъ (людей земли своей) даетъ»; когда же великій князь сослался на «число» первой переписи («баскаковъ прежнихъ»), ханъ велѣлъ произвести вторую перепись¹⁾.

Мы не колеблемся заключить отсюда вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что *соха* въ составѣ двухъ работниковъ и была единицею обложения уже первой татарской переписи²⁾. Напомнимъ, что въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ въ срединѣ XV в. соха опредѣляется какъ «два коня да третье припряжь»³⁾, а при взятіи Иваномъ III Новгорода, «кто на трехъ лошадахъ самъ третьей оретъ—ино то соха»; слѣдовательно, во всѣхъ трехъ случаяхъ 2—3 работника составляютъ соху. И размѣръ дани остается тотъ же до конца XV в.; она равняется полугривнѣ въ 1275 году, гривнѣ *новой* въ срединѣ

1) Татищ. IV, 47: «принесе дань урочную со всея земли по полугривнѣ съ сохи, а въ сохѣ числиша два мужи работники,... и ханъ рече: «ясакъ малъ есть, а люди многи въ землѣ твоей, почто не отъ всѣхъ даеши?» Князь же великій отымался числомъ баскаковъ прежнихъ, и ханъ повелѣ послати новы численники во всю землю русскую, съ великими грады (? угрозы?), да не утаятъ люди».

2) Ср. разборъ Бѣляевымъ сочиненія Осокина «О понятіи промысловаго налога» въ XXVI присужденіи Демидовскихъ наградъ, стр. 219.

3) А. Э. I, № 32.

XV в. (что слѣдуетъ сопоставить съ фактомъ уменьшенія въ вѣсѣ «денегъ» времени Василія Темнаго съ 17 долей до 9)¹⁾ и опять полугривнѣ въ концѣ XV в. (когда вѣсъ былъ возстановленъ старый)²⁾.

Это обстоятельство, связь «дани», «числа» и «сохп» при татарской переписи, даетъ намъ возможность возводить къ тому же времени явленія, которыя по нашимъ источникамъ становятся доступны наблюденію лишь столѣтіемъ позже, со второй половины XIV в. Данщикъ становится главнымъ финансовымъ чиновникомъ, собирающимъ иногда на ряду съ данью и другіе сборы³⁾; неразлучнымъ его товарищемъ является «писецъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и объектъ дѣятельности обоихъ: люди *данние* и *письменные*, первые наши крѣпостные крестьяне, удерживаемые на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель—принимать ихъ къ себѣ; князья крѣпко держатся за это населеніе, связывая его данною раскладкой и развивая такимъ образомъ идею *тлама*. Термины людей тяглыхъ, данскихъ, письменныхъ становятся синонимами. Правда, эти явленія отдѣляются отъ татарскихъ переписей столѣтнимъ промежуткомъ; но этотъ промежутокъ восполняютъ намъ ханскіе ярлыки; изъ нихъ мы видимъ, что прежде чѣмъ «писцы» и «данщики» становятся органами княжеской финансовой администраціи, они уже являются въ качествѣ вмѣстѣ и княжескихъ и ханскихъ чиновниковъ: въ ярлыкѣ Менгу-Тимура (1266—7 по Григорьеву) упоминаются «княжіе писцы и *полужницы*»; въ ярлыкѣ Узбека (1313): «наши (т. е. ханскіе) данщики и писцы». Отъ 1361—5 мы имѣемъ свѣдѣнія о княжескихъ писцахъ и данникахъ уже изъ нашихъ грамотъ⁴⁾.

1) М. П. Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ др. Россіи, 46—7.

2) *Ib.* 48.

3) Напр. дмитровскій данщикъ удѣльнаго князя Юрія Ивановича собираетъ съ году на годъ на Рождество Христово за дань и за ямъ и за приметь съ села и деревень Троицк. монастыря. Арх. Юст. Дмитр. у. № 3734, грамота 7021 г. апрѣля 15.

4) А. А. Э. I, № 5. Кромѣ известныхъ мѣстъ этого рода (Бѣляевъ въ разборѣ Осокина, стр. 223; Горбуновъ, Льготныя грамоты etc. въ Арх. ист. и практ. свѣдѣній Калачова 1860—61, кн. V, стр. 46; Чечулинъ, Начало въ Россіи переписей etc. въ Библиографѣ 1889, № 2, стр. 44), вотъ нѣсколько другихъ изъ неизданныхъ грамотъ.

1449: «а писцы мои и данщики тѣхъ людей [въ мою д]ань не пишутъ, ни даня на нихъ не емлютъ»... а они «моихъ людей письменныхъ тутошнихъ не принимаютъ» (Арх. Мин. Юст. Сузд. у. № 11.780, жал. гр. в. к. Вас. Вас.).

Если такимъ образомъ татарская дань способствовала закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго населенія и выработкѣ органовъ и пріемовъ княжеской финансової администраціи, то установленіе той же дани сопровождалось, повидимому, и новою финансовою организаціей самого населенія.

Авторъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 283, прим. 3) свидѣтельство Никоновской лѣтописи, что при первой переписи татары поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ¹⁾. Конечно, эти должности не чужды и до-татарской Руси, но едва ли не отъ этой татарской организаціи придется вести «сотскаго» или «сотника», древнѣйшаго представителя тяглої общины сѣверо-восточной Русп. Авторъ полагаетъ, что «первоначально они могли быть начальниками небольшихъ отрядовъ земскаго ополченія и сохранить въ мирное время власть, пріобрѣтенную на войнѣ» (ibid.),

1451: «и коли веля своему писцу писати Соль и села, а данцику своему дань брати и тогда писецъ мой монастырскихъ варницъ и села и деревень не пишеть, а данцикъ дани не емлетъ въ ту 5 лѣтъ» (Арх. Юст. Гал. у. № 3331, жал. гр. Вас. Вас.).

1451: «а писцы мои тѣхъ ихъ земля и людей и варницъ не пишутъ» (ib. Костр. у. № 4969, жал. гр. вел. кн. Софьи).

1455: «а тяглыхъ моихъ людей данскихъ въ тѣ села къ себѣ непріимати» (Рум. муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 104 об.—105, жал. гр. Вас. Яросл. въ Звенигор. у.).

1464: «а письменныхъ ему моихъ людей и данскихъ къ себѣ не пріимати» (ib. л. 95 об., жал. гр. кн. Юрія Ив. въ Дмитр. у.).

1464: «людей моихъ письменныхъ изъ моихъ селъ не пріимати» (ib. л. 264, жал. гр. Вас. Вас.).

1473: «кто... иметь жити людей, ино тѣмъ его людемъ не надобѣ моя дань до описи, доколѣ мой писецъ проѣдетъ... а людей моихъ тяглыхъ письменныхъ не пріимати» (ib. л. 105 об., жал. гр. Андрея Васил. въ Звенигор. у.).

1483 «а письменныхъ людей и тяглыхъ на тѣ земли и къ варницамъ не пріимати, а писцы мои ихъ земель и людей и варницъ не пишутъ» (Арх. Юст. Костр. у. № 4972, жал. гр. в. кн. Марьи по грамотѣ матери в. к. Софьи; см. выше).

Н. Д. Чечулинъ (Библиографъ, № 2, 1889, 45) вслѣдъ за Неволинимъ и Бѣляевымъ видитъ между прочимъ въ «писчей бѣлкѣ»—вознагражденіе писца, производившимъ описи. О такой платѣ дѣйствительно говорится въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ (А. Э. I, № 32); но черный боръ — подать единовременная и съ чужаго населенія; въ другихъ случаяхъ писчая бѣлка скорѣе должна считаться актовой пошлиной. Ср. А. Э. I, № 175 и Оед. Чех. I, 99, грамота 7041 г.: «и лошади у нихъ пятенщики пятнать, а отъ пятна у нихъ не емлютъ ничего, и въ книги пишутъ, а писцие деньги не емлютъ же».

¹⁾ Ср. обращеніе ярлыка Тайдулы митр. Алексію (1356): «къ темнимъ и къ тысячнымъ княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ».

но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что волостная «сотня» имѣла финансовое происхождение, именно была группою селеній, *тянувшихъ* въ дань къ одному сотскому¹⁾. Эта платежная связь членовъ волостной сотни сохранилась въ любопытномъ названіи, которое носилъ отрывокъ изъ «данской (позднѣ писцовой) книги»²⁾, обвинявшій описаніе всѣхъ тянувшихъ къ одному сотскому хозяйствъ. Отрывокъ этотъ назывался «сотницей», позднѣ «сотной выписью». Во многихъ актахъ находимъ указаніе на эту связь «сотницы» съ «сотней» и «сотскимъ»; иногда «сотней» называется и самая сотная выпись³⁾. Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда и связь «сотни» съ «данью» сохранилась въ наименованіи послѣдней «сотной данью»⁴⁾. Такимъ образомъ, въ раскладкѣ татарской дани мы склонны видѣть зародышъ и волостной тяглою организаци и репартиціонной системы сѣверо-восточной Руси.

Отъ татарщины, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, вывести А. С. Лаппо-Данилевскій и *ямскую повинность*. Едва ли основательно, однако, онъ отступаетъ отъ прежнихъ мнѣній въ томъ отношеніи, что не просто считаетъ татарскіе порядки—образцомъ

¹⁾ Авторъ объясняетъ понятіе *тяла* несомнѣнно понятнымъ для насъ образомъ (42): «физическое или юридическое лицо, подлежащее тяглу, въ силу самаго факта обложенія послѣднимъ, должно было предварительно владѣть извѣстнымъ хозяйствомъ, а это хозяйство естественно распадалось на главный центръ и второстепенныя части, которыя тянули къ этому центру и поэтому въ переносномъ смыслѣ назывались тяглыми». Но тянула не часть хозяйства къ другой части того же хозяйства, а тянуть плательщикъ къ группѣ, съ которой былъ связанъ общей раскладкой, — или къ административному центру этой группы.

²⁾ Этотъ терминъ см. въ А. о. до Ю. Б. I, стр. 110.

³⁾ А. Ю. № 5: *сотскій* съ товарищами, городскими людьми, свидѣтельствуеъ, что писцы, писавшіе Бѣлоозеро около 1485 г., «тѣ дворяне и люди въ тѣхъ дворахъ придали къ городу, къ намъ съ тяло, да и въ сотницу изъ юродную къ намъ написали». Акты Фед. Чеховскаго I, 117: въ судномъ дѣлѣ 1562 г. отвѣтчикъ ссылается на «монастырскую сотную», что спорное село «въ сотню написано за монастыремъ» и на двѣ «волостныхъ сотныя», Пелшемскую и Замошскую; судъ приказываетъ крестьянамъ этихъ волостей представить свои сотныя. Ibid. стр. 186: «Минивской волости сотникъ передъ судьей Городецкую сотную положилъ». Ibid. 216: «положилъ сотцкой Данилко да Суморокъ Ростовцовъ балахонскую сотную... и въ Балахонской сотне (sic; выше сотной) къ городу Балахнѣ сѣна не написано». Въ А. Ю. № 229, сотная 1566 г. нѣсколько разъ называется «писцовой сотней», стр. 249, 251.

⁴⁾ Сборн. Муханова, 2 изд. 568—9, жал. гр. 1538 г.: «къ сотцкимъ нашимъ и къ десятцкимъ и съ тяглыми людьми не тянуть... и государя великаго князя дани сотные не даютъ».

для русскихъ, какъ напр. Бржозовскій¹⁾, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Древнѣйшее упоминаніе о «ямѣ» въ ярлыкѣ Менгу-Темира (1266—7) не говоритъ о немъ, какъ о специально ханской повинности. Трудно было бы представить себѣ, какое отношеніе къ ханскимъ сборщикамъ имѣютъ затѣмъ упоминаемые и авторомъ сборы подводъ и кормовъ съ Двинскихъ погостовъ въ самомъ концѣ XIII в.²⁾: туда уже навѣрное не попадали ханскіе сборщики; и данный документъ говоритъ о кормахъ и подводкахъ великокняжескимъ промышленникамъ. Позднѣе «татарскій ямъ» оговаривается въ группѣ грамотъ 1462—67 г., какъ исключеніе изъ общаго яма³⁾, но кромѣ этихъ, очевидно, вызванныхъ какимъ-нибудь специальнымъ поводомъ распоряженій, мы о татарской ямской повинности ничего и не знаемъ; тѣмъ рискованнѣе ставить различіе княжескаго и татарскаго яма XV в. въ паралель съ большими ямскими и малой ямщиной XVII в. (стр. 15). Къ этой паралели, впрочемъ, вернемся дагѣе.

Другой вопросъ, нуждающійся въ разъясненіи, но не поставленный авторомъ, заключается въ томъ, когда именно ямская *повинность* повела къ *денежнымъ сборамъ* на содержаніе казенныхъ ямщиковъ. Устройство казенныхъ ямовъ, т. е. почтовыхъ станцій, становится несомнѣннымъ ко времени Ивана III⁴⁾; но время появленія постоянного налога, долженствовавшаго обезпечить содержаніе этихъ станцій, остается невыясненнымъ. «Ямъ» древнѣйшихъ документовъ, большею частью жалованныхъ грамотъ, стоитъ обыкновенно рядомъ съ «подводами» и, вѣроятно, означаетъ повинность, а не налогъ.

Однако, уже въ первой половинѣ XV в. мы встрѣчаемъ случаи, что «ямъ» несомнѣнно означаетъ денежный сборъ⁵⁾. Но появленіе регулярной ямской подати, кажется, слѣдуетъ относить къ тому моменту когда и въ терминологіи грамотъ «ямъ» замѣняется «ям-

¹⁾ Юрид. Сбор. Мейера, 345—346.

²⁾ А. А. Э. I, № 1.

³⁾ Акты до Юр. Б. I, стр. 103—108: «не надобѣ ямъ (ни подвода) опричь татарскаго яма». Арх. Мин. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4980: «а яму не даютъ ихъ люди опричь татарскаго яму». А. И. I, № 74: «ни коня моего не ставятъ, опричь татарскаго яму». Рум. муз. Бѣлев. № 1620, л. 139 об.—140: «ни коня моего не коржити, опричь татарскаго коня».

⁴⁾ Бржозовскій, 348, 349.

⁵⁾ Горбуновъ, о. с. 77.

скими деньгами». Древнѣйшее намъ извѣстное упоминаніе ямскихъ денегъ встрѣчается въ грамотѣ 1500 г. ¹⁾, въ жалованной грамотѣ кн. Ѡ. Борис. Волоцкаго; всѣ другія упоминанія относятся къ нѣскольکو позднѣйшему времени, не ранѣе 1518 г. ²⁾. Рядомъ съ этимъ терминомъ продолжаетъ держаться и старый «ямъ», но уже почти всегда въ смыслѣ денежнаго сбора; въ томъ же случаѣ, когда грамоты хотять отмѣтить ямъ въ смыслѣ повинности, употребляется иногда рядомъ съ «ямомъ» особое выраженіе «ни подводамъ на яму не стоять» ³⁾. Ямская повинность сохранялась во всякомъ случаѣ независимо отъ ямскаго налога ⁴⁾; съ другой стороны, послѣдній и во второй половинѣ XVI в. еще не вошелъ въ опредѣленный окладъ и раскладывался ежегодно по особому расчету ⁵⁾.

Третьею въ ряду податей, связанныхъ съ татарщиной, авторъ разсматриваетъ «полоняничныя деньги». Здѣсь, какъ и относительно ямскихъ, важно опредѣлить моментъ, когда эта подать стала регулярнымъ налогомъ.

Моментъ этотъ указанъ еще Бѣляевымъ ⁶⁾ и напомненъ автору М. А. Дьяконовымъ: именно рѣшеніе Стоглава 1551 г. «сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли». Съ этихъ

¹⁾ А. Э. I, 136, списокъ XVII в.

²⁾ Вотъ наиболѣе древнія изъ встрѣтившихся намъ указаній: 7026 г. Арх. М. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4999; 7030 г.—Акты Оед. Чех. I, 102—103; 7034—Арх. Юст. Переясл. у. № 8772; 7035—ib. № 8799; 7041—Акты Оед. Чех. I, 99 и А. А. Э. I, № 175; 7045—Арх. Юст. Верейск. у. № 2331; 7046—Дмитров. у. № 3766.

³⁾ Употребленіе «яма» въ смыслѣ денежнаго сбора (преимущественно въ удѣльныхъ грамотахъ) см. напр. Арх. Ю. Дмитр. у. № 3784 (7021 г.); *ibid.* № 3786 (7024); Рум. муз. Бѣляев. № 1620, л. 99 (7025. Дмитр. у.); *ibid.* л. 100 (7030. Дмитр. у.), л. 123 об. (7034, *ibid.*); Арх. Ю. Кашинск. у. № 6712 (7035); *ib.* № 6714 (7038). Параллельное упоминаніе «яма» и «подводамъ на яму не стояти» см. Арх. Ю. Звенигор. у. № 4683; Кашич.—6716; срав. Оед. Чех. I, 98 (7007 г.).

⁴⁾ Самое полное ея описаніе см. въ грамотѣ 7085, 11 марта, Арх. М. Юст. Бѣлозер. у. № 849: «ни ямскихъ дворовъ не дѣлаютъ и съ подводами на ямѣхъ не стоять и охотниковъ на ямъ не выбираютъ».

⁵⁾ Ар. Ю. Бѣлозер. у. №№ 814 и 823 (7072, апр. 10 и 7077, апр.): «платити ямскія деньги и приметъ по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ государь велитъ». Пошех. № 9703 (7094): «а ямскія деньги платити имъ въ государеву казну въ приказъ Бол. Дворца по разводу, какъ въ которомъ году государь велитъ». Ср. Временникъ Общ. И. и. Др. Р. VI.

⁶⁾ Рецензія на Осокина, 227.

поръ, кажется, и является названіе ихъ «полоняничными деньгами». Какъ видно изъ рѣшенія Стоглава, окладъ ихъ долженъ былъ соотвѣтствовать дѣйствительному расходу каждаго года. Дѣйствительно, судя по отписямъ конца вѣка, этотъ окладъ далеко не установился: на 1581 г. съ одного монастырскаго имѣнія они берутся (въ три приѣма) въ размѣрѣ 18 руб. 39 коп. съ сохи; на 1582 годъ съ того же имѣнія 13 р. 46 к., а съ другаго 13 р. 63 к. съ сохи; на 1588—1589 съ двухъ разныхъ владѣній поровну по 2 р. съ сохи¹⁾.

Наконецъ, «изъ церковныхъ десятиныхъ или татарскаго ига» авторъ выводитъ происхожденіе процентныхъ (пятинныхъ и т. п.) сборовъ съ имущества. Такъ какъ рядомъ съ этими двумя возможностями авторъ предлагаетъ еще третью, можетъ-быть, наиболѣе вѣроятную, именно, что эти сборы «самостоятельно развились на русской почвѣ» подъ влияніемъ войнъ XVI в., то мы и не будемъ останавливаться на разборѣ этихъ предположеній.

2. *Волостная финансовая организація.* Отъ податной системы переходимъ къ общественной организаціи, поскольку послѣдняя имѣла отношеніе къ финансамъ. При раскладочномъ характерѣ древней финансовой системы связь эта была особенно тѣсна, и понятно, что изученіе общественныхъ группъ, между которыми совершалась раскладка, должно предшествовать изученію самого раскладочнаго механизма.

На основаніи данныхъ XVII в. авторъ приходитъ къ весьма важному выводу, что на сѣверѣ Россіи такою общественною единицею, служившею основаніемъ податной раскладки, была *волость*, въ срединной Россіи—*сотчина*, а на крайнемъ югѣ—часто даже *отдѣльный хозяинъ*. Авторъ не удовлетворился однако изложеніемъ этого вывода: онъ счелъ нужнымъ прослѣдить происхожденіе указанныхъ общественныхъ группъ и для этой цѣли долженъ былъ опять сдѣлать экскурсъ въ исторію предыдущихъ столѣтій. Въ основѣ всѣхъ разновидностей лежитъ, по его мнѣнію, одна основная историческая форма—крестьянская община. На сѣверѣ она вплоть сохранилась въ самой широкой формѣ, въ формѣ волости: «волость была, вѣроятно, древнимъ общиннымъ дѣленіемъ»; ее можно опредѣлить, «какъ крестьянскую общину съ ея управленіемъ» (83). Въ средней полосѣ «волостное дѣленіе превратилось скорѣе въ адми-

¹⁾ А Юр. № 211, I и II, № 209, V и VI.

нистративное и уже не совпадало съ общиннымъ, а размѣры тяглой общины стали отождествляться съ сельскимъ округомъ» (89). Но и послѣдній «видоизмѣнялся и дробился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго дѣленія», (бывшаго послѣдствіемъ «дробленія крупной поземельной собственности»),—«безъ особеннаго вниманія къ мѣстному, общинному дѣленію» (91); въ концѣ концовъ, размѣры общины сокращались такимъ образомъ до размѣровъ владѣльческой вотчины (92), хотя все-же внутри послѣдней «сохранились общинные распорядки» (95). Наконецъ, — подобно тому, какъ «черная волость» «вымирала въ средней полосѣ», такъ «сельская община» «вымирала въ южной» (96): однодворческое населеніе юга «правительство не рассматривало какъ цѣльную окладную единицу, подобную черной волости или помѣстью и вотчинѣ центральной полосы съ ея налогоспособнымъ населеніемъ, но окладывало каждого изъ такихъ помѣщиковъ порознь» (98). Такова генеалогія трехъ формъ по системѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Переходя къ разбору ея, мы остановимся прежде всего на значеніи самого термина «община» въ употребленіи автора. Въ знаменитомъ спорѣ Чичерина и Бѣляева значительная доля обоюдныхъ недоразумѣній имѣла, какъ намъ кажется, именно терминологическое происхожденіе. Понятіе «общины» у обоихъ противниковъ имѣло смыслъ не одинаковый: у послѣдняго—слишкомъ широкій и неопредѣленный, у перваго, можетъ-быть, черезчуръ узкій. Чичеринъ разумѣлъ подъ общиною — общинное *землевладѣніе*, и въ этомъ смыслѣ отрицалъ въ извѣстномъ періодѣ существованіе общины. Бѣляевъ, напротивъ, видѣлъ въ исторической формѣ общины не только хозяйственно-экономическую группу, но также, — и притомъ главнымъ образомъ — областную самоуправляющуюся единицу съ судебно-полицейскими и финансовыми полномочіями. А. С. Лаппо-Данилевскій, какъ видно, очень хорошо понимаетъ необходимость болѣе точнаго словоупотребленія и начинаетъ съ того, что формулируетъ свой взглядъ на всѣ перечисленные элементы общинной организаціи. Онъ полагаетъ, что общность *экономическихъ* интересовъ, т. е. существованіе общинной собственности (происшедшей, по его мнѣнію, изъ разложенія родовой), есть основная связь, создавшая общину. Но онъ признаетъ также, что эта связь сама по себѣ «была слишкомъ слаба для того, чтобы *за предѣлами одного или немногихъ поселеній* образовать болѣе сложные общественные союзы (76—8)», т. е. что связь экономическая, общинное землевладѣніе, могла связать лишь членовъ «одного или немногихъ поселеній». Образованіе

же болѣе широкой группы («волости»?) «осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой зависимости отъ государства». Повидимому, отсюда слѣдовало бы, что *волость* есть именно судебно-полицейская и финансовая, но не хозяйственная единица. Тутъ встрѣчаемъ, однакоже, у автора нѣкоторую неясность, поддерживаемую и терминологіей: эту болѣе широкую группу онъ тоже называетъ «общиной» (78) и, несомнѣнно, склоненъ надѣлать ее, кромѣ судебно-полицейскихъ и финансовыхъ, также и хозяйственными функціями. Очевидно, здѣсь онъ находится подъ вліяніемъ болѣе поздняго ученія объ общинѣ, бывшаго въ нашей наукѣ отголоскомъ Мауреровской школы и представленнаго у насъ П. А. Соколовскимъ. Уже самая характеристика общиннаго землевладѣнія на стр. 77 отзывается признаками германской *марки*; въ видѣ марки, повидимому, и продолжаетъ представлять свою волость А. С. Лаппо-Данилевскій. Какъ извѣстно, и среди германистовъ Мауреровская схема давно уже вызываетъ серьезную реакцію; въ нашей наукѣ ея примѣненіе оказывается точно также не совсѣмъ удобнымъ. Весьма характерно, что со времени ея господства перестали у насъ пониматься нѣкоторыя явленія, которыя до тѣхъ поръ офѣнчивались совершенно правильно. Въ спорѣ съ Чичеринымъ Бѣляевъ соглашался съ своимъ противникомъ, что въ землевладѣніи русскаго сѣвера, — которое Чичеринъ справедливо считаетъ типичнымъ землевладѣніемъ черныхъ волостей вообще, — наблюдается распространеніе *частнаго*, а не *общиннаго* владѣнія¹⁾. Послѣ того же, какъ сторонники Мауреровской схемы стали искать на дальнемъ сѣверѣ, среди бывшихъ черносошныхъ, паралелей германской марки, — эта область черныхъ волостей почему-то стала считаться классическою страной древней русской общины. Несомнѣнно, что здѣсь дѣйствительно отыскивалась болѣе крупная единица крестьянскаго самоуправленія, *волость*; но перенесеніе этой волости въ отдаленное русское прошлое вмѣстѣ съ чертами общиннаго хозяйства — было, несомнѣнно, историческою ошибкой. Замѣчательный по своей убѣдительности протестъ противъ этой ошибки

¹⁾ «Акты сіи, возражаетъ онъ Чичерину, какъ и многіе другіе имъ подобныя, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не съ примѣръ другимъ краямъ русской земли, и гдѣ таковой порядокъ сохранился до позднѣйшаго времени». Рус. Бесѣда 1856, I, 118. Ср. отвѣтъ Чичерина въ «Опытахъ по исторіи рус. права», 101—3.

находимъ въ работѣ г-жи А. Ефименко, къ главнѣйшимъ выводамъ которой мы вполне присоединяемся¹⁾.

Сѣверная русская волость была прежде всего единицею фискальной, потомъ судебно-полицейскою, а хозяйственною лишь постольку, поскольку это вытекало изъ ея финансовыхъ обязанностей и поскольку это шло въ правамъ ея отдѣльныхъ членовъ. Правда,— какъ опять (послѣ Бѣляева) указываетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, — «въ Двинскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчаются извѣстія о томъ, что пустою землею бывшаго дворовладѣльца владѣютъ міромъ, что ее пахутъ и что она насѣяна міромъ»; въ доказательство имъ приводятся здѣсь факты изъ переписныхъ книгъ XVII столѣтія (77, прим. 1). Но авторъ не отмѣчаетъ здѣсь одного обстоятельства, ему не безъизвѣстнаго (стр. 107—108): волость, дѣйствительно, распоряжалась подобными участками *помевою*, такъ какъ она была обязана уплачивать лежавшія на нихъ подати и, конечно, должна была заботиться, чтобы земли не пустовали; но она распоряжалась ими только «до вотчинника», т. е. до возвращенія добровольно покинувшаго свою землю хозяина. Существовала цѣлая сложная регламентація, какъ ликвидировать отношенія новаго временнаго хозяина, посаженнаго міромъ, къ старому, если тотъ захочетъ вернуться на брошенный участокъ, и въ какихъ случаяхъ у новыхъ жильцовъ данныхъ имъ земель отнимать не слѣдуетъ²⁾. Полная свобода распоряженія участками, засвидѣтельствованная актами этихъ областей, уже сама по себѣ предполагаетъ, какъ замѣтилъ еще Чичеринъ, частное владѣніе. При продажѣ участковъ очень часто они выходили изъ крестьянскихъ рукъ, и переходили къ посадскимъ или къ монастырю; но казнѣ до середины XVII в. до этого не было дѣла, да и волости также, лишь бы перешедшія къ другимъ лицамъ земли *тннули* по-прежнему съ волостью, съ волостными черными людьми³⁾. Такой характеръ вла-

1) «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ «Исслѣдованіяхъ народной жизни». М. 1884. Ср. нашу статью «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» въ Русск. Мысли 1890, май.

2) Р. Ист. Библ. XII, 207—211; 213—217.

3) Р. И. Б. XII, 198—199, 202 (1637): «Устюжской чети городовъ въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель четвертная пашня съ нашими черными деревнями (написана) вмѣстѣ, и не особно, потому что за монастыри въ вотчинахъ нашихъ черныхъ волостей деревни тяглые, а наши данные и оброчные и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и въ ямскіе отпуски деньги платить съ нашими черными деревнями вмѣстѣ, какъ въ поморскихъ городѣхъ изстари повелось». То же видимъ и въ городѣ: ср. Отписки

дѣнія самъ посебѣ предполагаетъ далѣе и отсутствіе передѣловъ. Передѣлы, несомнѣнно, существуютъ насѣверѣ ¹⁾, но вопервыхъ, только въ предѣлахъ *одной деревни*, вовторыхъ при такихъ обстоятельствахъ, которыми они и объясняются ближайшимъ образомъ: или какъ родовой раздѣлъ, или какъ выполненіе условія, оговореннаго при компанейской покупкѣ земли «складниками», во всякомъ случаѣ «по крѣпостямъ» ²⁾, т. е. по письменному договору между контрагентами. Волостныхъ передѣловъ мы не знаемъ. Этого заключенія не могутъ измѣнить и существующія свѣдѣнія о «мірской волостной ровности» ³⁾. «Ровность» эта, устанавливаемая «веревкой», вервленіемъ, была не передѣломъ земель, а податною ровностью, т. е. опредѣленіемъ пропорціональной доли платежей каждаго лица ⁴⁾. Въ результатѣ волостнаго уравниенія измѣнялись не размѣры и положеніе участка, а количество «веревокъ», которыми онъ былъ измѣриваемъ для податныхъ цѣлей ⁵⁾. Это значеніе «вервленія» извѣстно, впрочемъ, и А. С. Лаппо-Данилевскому (291—2).

У автора есть еще одно отрицательное доказательство общиннаго характера волости. «Опредѣленные границы» между группами селеній, объединенныхъ судомъ и данью, «не могли, говорить авторъ, исходить изъ административнаго дѣленія, такъ какъ правительство было еще слишкомъ слабымъ для такихъ предпріятій не только въ XIII, но и въ XIV в. *Поэтому*, границы эти основаны были не на административномъ дѣленіи, а на внутренней организациіи самого населенія, на общинномъ строѣ его жизни» (82). Авторъ какъ бы не признаетъ, что волостное дѣленіе могло не быть ни дѣломъ центральнаго правительства, ни дѣломъ внутренней

Гарелина въ Рум. муз. 1606 г. іюня 1: «се язъ Глинскаго посаду сотской... взялъ еси Прилуцкаго монастыря у спасскихъ старцевъ... со 6 дворищъ, что они покупали на Глинскомъ посадѣ двory тяглые,... за государеву дань и за оброкъ и за всѣ государевы подати и за всякіе черныя разметы за ось нынѣшній 114 г. 2 рубля денегъ». Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 154—155.

¹⁾ Ср. у Ефименко о. с. 218, 221.

²⁾ Ibid. 227—228.

³⁾ Лаппо-Данилевскій, 101.

⁴⁾ Ефименко, 212—17, 239, 244—49.

⁵⁾ Ср. Собр. ист. юрид. актовъ Бѣляева, Д. Лебедева, стр. 37 (№ 197 въ Рум. муз.): при продажѣ дворища и огородца на Матигорахъ «царя и в. к. земли, а своего владѣнья» «по купчей и дѣльной отца своего» ставится условіе: «государевы подати и всякіе земскіе разметы платити съ того огородца по веревной кнѣгѣ съ 2-хъ сажень до мірской ровности, а *посля ровности, во что изъ сверяеть*». Огородъ при этомъ, конечно, остается прежній.

организаціи населенія, а напр. результатомъ столкновенія нѣсколькихъ такихъ организаціи, извѣстныхъ условій колонизаціи и другихъ «мѣстныхъ условій», какъ осторожнѣе выражается самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (85). Замѣтимъ, однако, что въ числѣ этихъ условій все-же правительственной дѣятельности принадлежить болѣе активная роль, чѣмъ думаетъ авторъ: напомнимъ только объ упомянутой выше организаціи податныхъ «сотенъ».

Такимъ образомъ, мы не можемъ вполне согласиться и съ выводомъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «волостное дѣленіе имѣло первоначально общинное, мѣстное значеніе и стало съ теченіемъ времени превращаться или замѣняться административнымъ» (85)¹⁾. Въ подкрѣпленіе этого вывода авторъ приводитъ нѣсколько наблюдений Бѣляева и своихъ собственныхъ надъ явленіемъ дѣйствительно любопытнымъ: нѣкоторыя области, извѣстныя подъ названіемъ «волостей» въ XIV в., въ XV являются подъ названіемъ «становъ»; послѣднимъ авторъ и усвоиваетъ значеніе административныхъ дѣленій, замѣнившихъ общинныя—волостныя. Считая волостныя дѣленія тоже административными, мы не можемъ видѣть въ такой замѣнѣ терминовъ никакой *коренной* перемены, тѣмъ болѣе, что замѣна эта является далеко не повсемѣстною: волости и станы существуютъ параллельно; самъ авторъ приводитъ списокъ 76 уѣздовъ XVII в. (изъ 173; стр. 85, прим. 4), въ составѣ которыхъ встрѣчаются волости, и въ числѣ ихъ, хотя немного, но есть уѣзды, впервые заселенные въ концѣ XVI и въ XVII в. (Бѣлгородскій, Орловскій, Казанскій, Симбирскій). Что касается появленія «становъ» на мѣстѣ «волостей»,—эта перемена, несомнѣнно, весьма характерна; очень вѣроятно и то, что смыслъ ея заключается въ усиленіи централизаціи: но изъ усиленія этого элемента нельзя еще заключить о его отсутствіи въ предъидущемъ устройствѣ.

Связавъ волость съ общиннымъ строемъ на сѣверѣ, авторъ уже прямо объясняетъ ея отсутствіе въ срединной Россіи разрушеніемъ общиннаго строя (81, 89). Отсюда и является довольно искусственное объясненіе «землевлдѣльческаго дѣленія», какъ результата подчиненія *сельской общины* землевлдѣльцу. Исходную точку этого процесса авторъ представляетъ какъ подчиненіе общины въ ея старомъ, цѣльномъ видѣ, въ «древне-волостномъ» составѣ,—одному землевлдѣльцу; затѣмъ «размноженіе служилыхъ

¹⁾ Тотъ же выводъ, но въ болѣе осторожной формѣ, встрѣчаемъ также и у Чичерина. Обл. учр. 63: «если волости были остатками древняго общиннаго быта, то станы были, напротивъ, чисто административнымъ дѣленіемъ».

людей при отсутствіи майората повело къ дробленію крупной поземельной собственности, которое производилось безъ особеннаго вниманія къ иѣстному общинному дѣленію» (91). Врядъ-ли нужно говорить, насколько гипотетиченъ такой взглядъ, предполагающій, 1) что въ средней Россіи существовала древне-волостная организація съ общиннымъ характеромъ; 2) что существовала «крупная поземельная собственность» служилыхъ людей, къ которымъ перешли эти древневолостные комплексы; 3) что извѣстное намъ позднѣе служилое землевладѣніе произошло изъ этого крупнаго, путемъ дробленія; 4) что въ результатѣ дробленія разрушилась старая поземельная община. Ни одного изъ этихъ положеній нельзя доказать по источникамъ, а то, что извѣстно изъ источниковъ, приводитъ, какъ мы думаемъ, къ нѣскольکو иному взгляду. Чѣмъ доказываетъ авторъ существованіе предположеннаго имъ процесса? Единственное обстоятельство, приводимое имъ въ пользу своихъ утвержденій, — это «слѣды нѣкотораго единства общины и вѣдъ предѣловъ вотчины и помѣстья» (92, 110). «Слѣды» эти состоятъ въ томъ, что иногда поручителями за крестьянина одной вотчины являлись крестьяне, жившіе въ другихъ вотчинахъ (той же волости?). Авторъ заключаетъ (молчаливо) изъ этого, что такія вотчины принадлежали къ одной общинѣ, «такъ какъ поручителями были крестьяне той же общины». Конечно, если вообще поручителями были крестьяне одной общины, то доказательство автора годится; но вѣдь именно это и слѣдуетъ еще доказать; а авторъ не только не берется за такое доказательство, но на той же страницѣ указываетъ «тотъ любопытный фактъ, что иногда поручителями являются вольные люди, т. е. лица, вовсе не причастныя общинѣ» (110).

Позволимъ себѣ теперь прибавить нѣсколько соображеній относительно тѣхъ явленій, которыя дѣйствительно можно наблюдать по данному вопросу на основаніи существующихъ документовъ. Въ моментъ, когда такія наблюденія становятся возможными, мы находимъ населеніе размѣстившимся между владѣльческими и черными землями. Искать, какой изъ этихъ типовъ предшествовалъ, мы считаемъ безнадежнымъ и до нѣкоторой степени празднымъ, при полной неизвѣстности для насъ исходныхъ точекъ ихъ образованія и при полной возможности и даже вѣроятности ихъ параллельнаго возникновенія. Во владѣльческихъ вотчинахъ на нашихъ глазахъ населеніе составляется путемъ отдѣльныхъ договоровъ пришлыхъ крестьянъ съ владѣльцемъ земли; поскольку составъ

населенія таково, постольку оно юридически не можетъ предшествовать появленію вотчинника. Но этимъ однимъ элементомъ «порядившагося» въ крестьянство населенія составъ его въ дѣйствительности вовсе не исчерпывается. Рядомъ съ этимъ подвижнымъ контингентомъ мы вездѣ видимъ на владѣльческихъ земляхъ «старожильцевъ», живущихъ пол-вѣка или цѣлый вѣкъ на той же землѣ, на ней родившихся, съ ней перешедшихъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Въ 1578 г. встрѣчаемъ одну грамоту¹⁾ о невывозѣ монастырскихъ крестьянъ въ дворцовыя села, *потому что* они, старожилы, и «тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны». Несравненно чаще и раньше это запрещеніе «принимать» крестьянъ—преимущественно съ княжескихъ, но иногда и съ владѣльческихъ земель—связывается съ фактомъ записки ихъ въ книги и въ тягло (въ выти). Итакъ, фактическое пребываніе въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, вступленіе въ тяглую организацію, закрѣпленное книгами, — становится основаніемъ своего рода *крѣпости*, на ряду съ частными договорами. Но въ томъ и другомъ случаѣ—совѣстнаго жительства по отдѣльнымъ контрактамъ или старинной тяглою связи—становится-ли группа крестьянъ-сосѣдей цѣльной хозяйственной единицей, получаетъ-ли хозяйственную организацію, и когда именно? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ выводу, діаметрально противоположному тому, который дѣлаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій. По мнѣнію нашего автора и нѣкоторыхъ его предшественниковъ исконная русская община сохранилась на сѣверѣ въ черныхъ волостяхъ и разрушилась въ центрѣ Россіи—во владѣльческихъ. По нашему представленію, хозяйственной общины въ черныхъ волостяхъ (за исключеніемъ родственной — долевой и компанейской) въ древней Руси не существовало, а явилась она впервые именно въ центрѣ Россіи на владѣльческихъ земляхъ. На примѣрѣ черныхъ волостей сѣвера мы только можемъ видѣть, что податной связи самой по себѣ было недостаточно, чтобъ превратить тяглую общину въ хозяйственную; на владѣльческихъ земляхъ центра прибавляется новый—рѣшающій элементъ: единство хозяйственнаго управленія.

Любопытно, что во время полемики съ Чичеринымъ Бѣляевъ нашелъ только одно свидѣтельство о настоящемъ передѣлѣ, и этотъ единственный примѣръ, какъ замѣтилъ тогда же Чичеринъ, дока-

¹⁾ Арх. Ю. Можайск. у. № 7700.

зываетъ какъ разъ противоположное тому, что нужно было Бѣляеву: доказывалъ именно владѣльческое вліяніе на передѣл¹⁾. Понятая въ этомъ смыслѣ, грамота митр. Симона вовсе не составляетъ единственнаго свидѣтельства; напротивъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ же, дѣлающихъ фактъ владѣльческаго распоряженія землей совершенно несомнѣннымъ²⁾. И самые размѣры надѣла, указываемые въ нашей грамотѣ, — 5 десятинъ и 6-я на владѣльца — представляютъ тоже весьма обычный размѣръ частновладѣльческой «выти» — какъ на монастырскихъ, такъ и на дворцовыхъ земляхъ³⁾.

¹⁾ Весьма интересная грамота эта была приведена Бѣляевымъ (Рус. Бесѣда 1856, I, 118) безъ указанія источника; въ «Крестьянахъ на Руси» онъ о ней уже вовсе не упоминаетъ. Мы нашли ее въ Сб. Бѣл. № 1620 (л. 250 об.—251); приводимъ здѣсь весь текстъ ея, съ опущеннымъ у Бѣляева началомъ. «Отъ Симона митрополита Юркѣ Масленицкому. Билъ ми челомъ Константино-Еленскаго моего монастыря архимандритъ Матвѣй, а сказываетъ, что ихъ монастырскіе крестьяне Сураломцы и Добросельцы пашутъ пашни на себя много, а монастырскіе де пашутъ пашни мало. И ты бѣ въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ полгѣхъ переимѣрили, да дагъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по тому же пахалъ и монастырскую пашню — шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню». Тотъ же игуменъ Матвѣй упоминается въ грамотахъ 7007, 7008 г.; Симонъ былъ митрополитомъ въ 1496—1510 гг.

²⁾ Ср. напр. Арх. Юст. Мон. гр. Волок. у. № 2432, сотная 1544 г., дворцовое хозяйство: «а вытей... 134 выти, а на выть хрестьянскіе пашни по шти десятинъ въ полгѣ, а пахати имъ на великаго князя... 134 десятины, съ выти по десятинѣ; а мѣра десятинѣ въ длину 80 сажень, а поперегъ 30 сажень, а сѣяти имъ на десятину по 2 четверти ржи, а овса вдвое; а навозъ имъ возить на в. к. пашню съ своихъ дворовъ по 30 колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперегъ четыре пяди, а вверхъ 2 пяди...; да хрестьяномъ же деревенщикомъ придано угоде въ Черницахъ на раздѣл, у которыхъ хрестьянъ на выти сѣна мало». Калачовъ, Писц. XVI в. I, 2, 298—4 (1580 г.): «и дано на выть хрестьяномъ худые земли по 8 десятинъ, и съ тѣми десятинами, что дано хрестьяномъ для посоннаго хлѣба;... а землями, и луги, и лѣсомъ и всякими угоди верстатися хрестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами, на всякую выть поровну». Ср. ib. 402. Фед. Чех. I, 144 (1599): «а черная де отхожая пашня... нашихъ дворцовыхъ деревень недѣльная изстари, — пахали съ одново — повытно». Ср. также Неволина, о пятинахъ, прил. V, стр. 131.

³⁾ Размѣръ выти по извѣстнымъ намъ даннымъ равнялся (звѣздочкой обозначены тѣ цифры, при которыхъ въ документахъ не указано качество земли.

Есть, однакоже, одно обстоятельство, которое въ значительной степени осложняетъ наши представленія и затрудняетъ выводъ. Мы говорили выше о владѣльческихъ — монастырскихъ, дворцовыхъ и вотчинныхъ земляхъ. Но изображеніе автора предполагаетъ ихъ происхождение изъ свободныхъ черныхъ земель. Что мы знаемъ о роли этихъ черныхъ земель въ центральной Россіи? Правъ-ли былъ Бѣляевъ, усвоивая имъ характеръ первоначально свободныхъ неприкосновенныхъ государственныхъ земель; или правъ былъ Чичеринъ, считая ихъ принадлежащими князю, какъ частному собственнику, наравнѣ съ другими землями удѣла? Съ нѣкоторыми поправками авторъ въ сущности возвращается къ Бѣляевскому взгляду¹⁾. Не имѣя намѣренія защищать Чичеринскій въ его цѣломъ, — особенно въ его теоретическомъ обоснованіи, — мы однако считаемъ возможнымъ защищать два тезиса. Во-первыхъ, черная

Послѣдняя изъ числа указанныхъ десятинъ постоянно дается для посоннаго хлѣба, т. е. для ховяйской запашки):

	Доброй земли.	Средней.	Хулой.
около 1500 Моск. у. монаст. (Бѣл. Сб. № 1620, л. 250 об. — 251).....	6*	»	»
» 1503 Вологод. у. дворц. (ibid. л. 208).....	6*	»	»
» 1544 Волок. у. дворц. (Арх. Ю. № 2432).....	6*	»	»
» 1555 Владим. у. дворц. (Өед. Чех. I, 233).....	6*	»	»
» 1561 Колом. у. дворц. (Бѣляев. Акты въ Рум. муз. № 117).....	»	7—7 ¹ / ₂	8—9
» 1561 Бѣлозер. у. дворц. (Арх. Ю. № 814, 817, 819, 823).....	»	7	8
» 1571 Веневск. у. дворц. (Калач. I, 2, 1541).....	6 ¹ / ₂	»	»
» 1580 Твер. у. дворц. (Калач. I, 2, 301, 312 etc.)...	»	7	8
» » ibid. въ Шезскомъ стану и въ Кушалинск. волости дворц. (ibid. 360—402).....	»	9	10
до 1585 Бѣлозер. у. дворц. (А. Ю. № 230).....	»	»	9—10
» 1585 ibid. (ibid.).....	»	»	7
» 1586 Пошех. у. монаст. (Арх. Ю. № 9703).....	»	»	8

Въ 1571 г. изъ указанныхъ 6¹/₂ десятинъ — 1¹/₂ десятины дано пахать на вел. князя. Общій характеръ перечисленныхъ здѣсь и въ предъидущемъ примѣчаніи частныхъ случаевъ подчеркивается слѣдующимъ замѣчаніемъ книги сошнаго писыма (Имп. Публ. Библ. Q, II, № 42): «а въ государевыхъ дворцовыхъ селѣхъ и въ помѣстныхъ земляхъ въ выть доброй земли по 5 десятинъ, а середніе земли по 6 десятинъ, а худые земли по 7 десятинъ, а на посонной хлѣбъ надавати на выть по десятинѣ».

¹⁾ Временникъ XI.

волостная община въ древнѣйшихъ нашихъ свѣдѣнiяхъ о ней является «тяглою» общиной «численныхъ людей», «данныхъ» и «письменныхъ»: соединяющая ее основная связь есть фискальная; изъ этой связи вытекаютъ ея судебно-полицейскiя и хозяйственныя функцiи; послѣднiя не дѣлаютъ ее однако цѣльнымъ хозяйственнымъ организмомъ. Во-вторыхъ, раньше, чѣмъ считалъ возможнымъ утверждать Чичеринъ, происходитъ «окняженiе» центральныхъ черныхъ волостей и уже послѣ этого «окняженiя» начинается «обояренiе» нѣкоторой доли послѣднихъ. Мы не знаемъ, что было раньше, но навѣрное знаемъ, что въ XV и XVI в. черная волость центра становится дворцовой волостью князя, — раньше чѣмъ является самый терминъ «дворцовый». Въ это время, по крайней мѣрѣ, князь свободно даритъ, продаетъ, мѣняетъ черныя волости ¹⁾; скоро мы узнаемъ, что онъ въ нихъ и хозяйничаетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся замѣтны въ черной волости центра и нѣкоторые признаки хозяйственной связи, подобные указаннымъ выше на владѣльческихъ земляхъ ²⁾. Эти признаки, какъ мы думаемъ, — вторичнаго происхожденiя: являясь *послѣдствiемъ* «окняженiя» черныхъ волостей центра, они только подтверждаютъ нашъ выводъ о частновладѣльческомъ происхожденiи хозяйственной организацiи крестьянской общины.

¹⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. 1470 и Звениг. у. № 4676: «промѣнилъ» кн. Андрей Васильевичъ «свои деревни черныя тяглыя» на монастырскiя. Ок. 1481 и. Можайск. у. № 7606, жалов. гр. на «черныя деревни и съ судомъ и съ данью и съ оброкомъ и съ хлѣбомъ, что въ землѣ». 1517 и. Вологод. у. № 2574: упоминается о взятiи на оброкъ «закозовъ черныхъ, что были ихъ обоярилъ Мих. Баралевъ». 1525 и. Рузск. у. № 10. 247: кн. Юрiй Ивановичъ далъ въ монастырь черныя волости. 1530 и. Вологод. у. № 2578, грамота городовому приказу: «что еси писалъ и мѣрилъ мои вел. государя деревни черныя, и ты бы... тѣ мои деревни... отдалъ Кириловскому игумену, а въ тѣхъ деревень мѣсто взялъ бы еси на меня... деревни монастырскiя на Тошиѣ». 1550 и. Костром. у. № 5017: 4 деревни черныя... Кулишскiе волости чашича пути... жалуются въ Коршнлеву пустынь. 1563 и. Переясл. у. № 8927: «Благовѣщенскаго монастыря деревни, что были черныя деревни Ортемьевскаго стану, а пожаловалъ царь и в. к. etc. 1566 и. Бѣлозер. у. № 818: государь разрѣшаетъ мѣну черныхъ деревень на монастырскiя. Другiя мѣста см. у Чичерина, Опыты, 22—3; А. до Ю. В. I, стр. 80. Ср. также Чичерина Обл. Учр. 569.

²⁾ Такъ напр. въ актахъ Бѣляева (Рум. муз. № 117) находимъ согную черныхъ деревень Коломенск. у. 1561 г., по которой земля этихъ деревень распределена на *смыи*, по 14—15 четвертей средней земли, по 16—18 четвертой въ выти; съ вытей идетъ оброкъ по 1 р.; въ одной отхожей пожнѣ лѣсъ «сѣкутъ всею волостью». Ср. также «черныя деревни Высокой волости» въ 1554 г. *ib.* № 102.

3. Техника податнаго обложенія. а) Окладная единица (соха).

По вопросу о податной системѣ и о податныхъ общественныхъ группахъ до XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій все-таки имѣлъ нѣкоторыя предшествующія работы въ ученой литературѣ. Напротивъ, вопросъ о древнѣйшей техникѣ податнаго обложенія до сихъ поръ остается едва затронутымъ. Между тѣмъ нельзя не признать, что при изученіи «организациіи прямаго обложенія» вопросъ этотъ имѣетъ центральное значеніе. Самъ авторъ заключаетъ въ результатѣ своей работы, что сущность этой организациіи сводится къ репартиціонной системѣ. А такъ какъ соха была древнѣйшей окладной единицей этой системы, то исторія сошнаго письма является въ значительной степени и исторіей самой системы. Оба эти обстоятельства, т. е. неизученность вопроса и важность его для темы автора, заставляютъ насъ сосредоточить на немъ особенное вниманіе.

Въ исторіи сошнаго письма до XVII в. авторъ мало прибавилъ къ тому немногому, что мы имѣли до него. На стр. 219—221 онъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сохѣ до XVII в. и въ приложеніи V-мъ (о «податныхъ единицахъ», 520—524) нѣкоторыя данныя относятся къ этому времени; но во всемъ этомъ не встрѣчаемъ ничего цѣльнаго. Авторъ замѣчаетъ, что «соха, какъ извѣстно, начинаетъ служить податной единицей уже съ половины XV в.», но въ примѣчаніи находимъ болѣе точное указаніе, что «извѣстія о сохѣ, какъ податной единицѣ, встрѣчаются уже въ XIII в.». Далѣе, онъ говоритъ объ измѣненіи значенія сохи: въ XV в. размѣры сохи опредѣлялись количествомъ *труда*, нужнаго для обработки, затѣмъ они стали выражаться количествомъ *посѣва*, а съ XVI—XVII в. «она приобрѣтаетъ значеніе простой *геометрической плоскости*». Въ этомъ опредѣленіи возбуждаетъ сомнѣнія прежде всего второй изъ указанныхъ моментовъ: опредѣленіе сохи количествомъ посѣва, какъ *независимое* отъ опредѣленія ея количествомъ труда или геометрическимъ измѣреніемъ, — какъ особый хронологическій періодъ въ ея исторіи. Всѣ существовавшія опредѣленія сохи сводятся или къ количеству труда, или къ размѣру земельной площади; размѣры же посѣва принимаются въ расчетъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Что касается, въ частности, опредѣленія сохи количествомъ труда, мы уже знаемъ, что такое опредѣленіе современно татарскимъ переписямъ, и самый размѣръ сохи мало измѣняется съ послѣдней четверти XIII до послѣдней четверти XV в. Выражае-

мая въ единицахъ рабочей силы, эта соха можетъ быть переводима и на единицы засѣянной площади пашни, съ тѣми колебаніями, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ рабочей силы. Всего отчетливѣе мы можемъ прослѣдить этотъ параллелизмъ въ Новгородѣ. Послѣ того, какъ новгородцы опредѣлили Ивану III свою «обжу», какъ единицу труда одного коннаго рабочаго («обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади ореть»), въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1490-хъ — 1500-хъ гг. мы встрѣчаемъ ту же обжу выраженной въ единицахъ посѣва, *коробьяхъ* (коробья = 2 чети = десятина); но одно нисколько не мѣшаетъ другому: коробка всегда представляетъ опредѣленную площадь посѣва; а обжа, окладная единица продолжая означать единицу рабочей силы, приравнивается постоянно колеблющемуся количеству этихъ единицъ посѣва: въ Деревской пятинѣ на обжу кладется $2\frac{1}{8}$ до $2\frac{3}{4}$, рѣдко 3-хъ коробей; въ Шелонской 3—5 коробей, но иногда и 2, а иногда 6, въ многосемейныхъ дворахъ даже 7 коробей ¹⁾; въ Водьской пятинѣ ²⁾ та же обжа состоитъ обыкновенно изъ 3—4 коробей, но иногда изъ $2\frac{1}{2}$, а иногда даже изъ 5—6 коробей. Такимъ образомъ, если бы мы пожелали приравнять обжу опредѣленной площади посѣва, то получили бы постоянно различныя величины этой площади, въ предѣлахъ отъ 2 до 7 десятинъ, т. е. отъ 6 до 21 десятины на сошку (= 3 обжи). Авторъ, очевидно, не обратилъ достаточнаго вниманія на такой характеръ древней новгородской обжи и сошки; въ приложеніи онъ приравниваетъ ихъ постоянной площади посѣва — 10 и 30 четвертямъ въ полѣ; но постоянный размѣръ въ 10 четвертей обжа получила вслѣдствіе распоряженій московскаго правительства, значительно позднѣе; еще въ срединѣ XVI в. ея размѣръ продолжаетъ колебаться ³⁾; только въ писцовыхъ 1581 и слѣд. гг. обжа является фиксированной — въ 10 четвертей ⁴⁾. Это нововведеніе отражаетъ въ себѣ, какъ увидимъ, переломъ въ судьбѣ самой московской сохи.

Изложенныя наблюденія надъ новгородской обжей и сошкой показываютъ, что и къ опредѣленію площади посѣва древнѣйшей московской сохи надо относиться осторожно. Переходя теперь къ ея исторіи, мы должны прежде всего устранить то препятствіе, которое продолжаетъ ставить новѣйшимъ изслѣдователямъ старая

¹⁾ Напр. Новг. писц. кн., т. IV, 79.

²⁾ Временникъ, XI.

³⁾ Новг. писц. кн., т. IV; Доп. къ А. И. I, стр. 90.

⁴⁾ Временникъ, VI и Неволія о пятинахъ, приложенія.

постановка вопроса у Бѣляева. Задавшись опредѣленіемъ размѣровъ сохи въ количествѣ четвертей пашни, Бѣляевъ этимъ самымъ переносилъ на древнюю соху черты позднѣйшей и предрѣшалъ главный вопросъ, подлежащій разрѣшенію: имѣла-ли вообще соха въ древнѣйшее время значеніе извѣстной земельной площади? Не получивъ опредѣленнаго отвѣта на невѣрно поставленный вопросъ, онъ заключилъ отсюда, что соха вообще не имѣла опредѣленной величины. Дѣло еще усложнилось тѣмъ, что самые факты, собранные имъ для отвѣта, были или совсѣмъ невѣрны, или невѣрно истолкованы. Это обстоятельство мы прежде всего и постараемся констатировать.

Рядъ этихъ фактовъ, сопоставленныхъ Бѣляевымъ ¹⁾, начинается съ данныхъ о новгородскихъ обжахъ и сопкахъ. Невѣрно во всѣхъ этихъ данныхъ утвержденіе, что на обжу клялось опредѣленное количество коробей; какъ мы видѣли, это количество постоянно колебалось въ одной и той же книгѣ. Затѣмъ невѣрно также показаніе Бѣляева, что въ новгородской писцовой книгѣ 1500 г. ²⁾ «въ соху помѣстной земли было положено 21 обжа». Во всѣхъ намъ извѣстныхъ случаяхъ составъ новгородской сохи очень постояненъ—3 обжи; составъ обжи становится постояннымъ съ 1581 г.—10 четвертей. Затѣмъ и показаніе о тверской дворцовой сохѣ первой половины XVI в. небывалаго размѣра — въ 1300 четв. доброй земли — оказывается чистымъ недоразумѣніемъ. Во-первыхъ, источникъ, изъ котораго взято это показаніе, совсѣмъ не относится къ первой половинѣ XVI в., а къ XVII-му (см. далѣе); во-вторыхъ, Бѣляевъ прочелъ «доброй» земли вмѣсто «дobre-худой» (въ одномъ мѣстѣ рукописи: «доброй худой»). Далѣе слѣдуютъ двѣ столь же неудачныя ссылки на тверскія писцовыя 1540 и 1588 гг.; въ первыхъ приходится будто бы по 416, а во вторыхъ по 400 четв. на соху: тоже размѣры исключительные. Эти писцовыя книги теперь напечатаны ³⁾. Вторая изъ нихъ отнесена Бѣляевымъ къ 1588 г. (а Калачовымъ къ концу XVI в.), очевидно, на томъ основаніи, что въ нихъ трижды упоминаются грамоты 7094 и 7096 гг. ⁴⁾. Но всѣ

¹⁾ Временникъ, XI, 52—54.

²⁾ Арх. М. Ин. Д. № 4? Мы видѣли эту книгу въ археографической комиссіи и можемъ удостовѣрить, что *и въ ней соха состоитъ тоже изъ трехъ обжаей*, см. л. 34 об. — 35, л. 55 об., л. 74, л. 88. (Съ л. 91 идетъ книга 7059 года, см. на л. 202 об. 203: «старыя обжа писаны и положено въ нихъ пашни въ обжу по 3 коробы и по 2¹/₂ коробы и по 2 — по старому жу»).

³⁾ Калачовъ, I, 2 стр. 40—140, 141—290.

⁴⁾ Стр. 162, 202, 239.

три раза эти даты оказываются простыми ошибками писца вмѣсто 6994 и 6996, какъ видно изъ того, что грамоты принадлежать вел. кн. Ивану Васильевичу (III) и в. к. Ивану Ивановичу (его сыну). Въ дѣйствительности, книга эта относится ко времени послѣ 1547 г., такъ какъ въ ней упоминаются грамоты декабря этого года ¹⁾ и до 1556, такъ какъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій, умершій въ этомъ году ²⁾, считается въ ней еще живымъ. Мы полагаемъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г., такъ какъ въ ней говорится, что— «какъ татарове приходили воевать» къ Рязани, — «тому 3 года минуло Рождество Христово» (стр. 281); думаемъ, что здѣсь разумѣется нападеніе ногайцевъ на мещерскія мѣста и старую Рязань въ 1551 г., пришедшее дѣйствительно на Рожд. Хр. ³⁾. Затѣмъ эта книга не есть писцовая, а приправочная (стр. 98, 272) и, какъ таковая, содержитъ въ себѣ только краткія указанія на количество стараго *сошнаго письма* въ каждомъ владѣніи по писцовой 1540 г. (т. е. предыдущей, стр. 40—140) и на *новое* количество *четвертей*, оказавшееся въ томъ же владѣніи при приправкѣ въ 1555 г. Такъ какъ послѣднее не переведено въ книгѣ на *новое* сошное письмо, то по ней никакъ нельзя опредѣлить, сколько въ 1555 г. клялось четвертей на соху. Но можно, правда, старое сошное письмо этой книги, должствующее соответствовать состоянію 1540 г., сопоставить съ количествомъ четвертей самой книги 1540 г., въ которой, наоборотъ, только и показаны четверти, безъ перевода на сохи. Въ результатъ такого сравненія мы получимъ совершенно тотъ же выводъ, какой получили при вычисленіи числа коробей въ новгородской обжѣ, т. е. во всякомъ новомъ имѣніи мы получимъ и новый результатъ, напр. той же самой $\frac{1}{6}$ долей сохи измѣряются три имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 141 четъ пашни въ полѣ, въ другомъ 110, въ третьемъ 91; или одинаково положены въ $\frac{1}{12}$ сохи три другія имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 37 четей, въ другомъ 53, а въ третьемъ 66 и т. д. Если бы высчитывать по каждому изъ этихъ случаевъ предлагаемые размѣры сохи, то мы получили бы изъ шести случаевъ шесть разныхъ сохъ для Тверскаго уѣзда: въ 888, 660 и 546 четв. или 792, 636 и 444 четв. Другими словами, окажется, что между четвертями пашни и сошнымъ письмомъ не существовало ни-

¹⁾ Стр. 201, 202, 221.

²⁾ Микулинская лѣтопись. М. 1854, 36—38.

³⁾ 26 декабря. Царств. книга, 160; ср. Разрядная книга, издаваемая мною въ Чт. О. Ист. и Др. Р., стр. 148.

какого прямаго соотвѣтствія; не нормы сохи варьировались, а соха нормировалась въ Тверскомъ у. 1540 г. не по количеству четвертей, а по какому-нибудь другому принципу.

«Неодинаковость мѣры сохъ» доказывается у Бѣляева еще одной грамотой, въ которой говорится, что прежде жители платили съ монастырской вотчины подати съ 12 четей, а новый писецъ написалъ ее «въ сошное письмо тяжело—174 чети». Повидимому, Бѣляевъ выводилъ отсюда, что соха равнялась въ первомъ случаѣ 12-ти, а во второмъ 174-мъ четямъ. Но здѣсь ничего не говорится о размѣрахъ цѣлой сохи, въ которую были положены прежде 12 четвертей, а потомъ 174; тяжесть новаго письма состояла тутъ, очевидно, лишь, въ томъ, что новыя четверти, прежде «въ сохи не положенныя», можетъ-быть недавно распаханныя или находившіяся на особой льготѣ, теперь были введены вмѣстѣ съ прежними въ сошный окладъ.

Это отступленіе было необходимо сдѣлать въ виду того, что авторитетъ Бѣляева опредѣлилъ взгляды послѣдующихъ изслѣдователей; П. А. Соколовскій попытался ошибочнымъ цыфрамъ Бѣляева дать рациональное объясненіе ¹⁾; А. С. Лаппо-Данилевскій просто принялъ эти цыфры и сдѣлалъ изъ нихъ дальнѣйшій выводъ: «сильныя колебанія реальныхъ размѣровъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые получаютъ наименованіе сохъ въ XVI в., показываютъ, быть-можетъ, что соха даже въ XVI в. еще окончательно не установилась» (228, примѣч.). Положеніе изслѣдователя становится особенно затруднительнымъ, если вспомнимъ, что нѣсколькими страницами ранѣе (220) авторъ принужденъ былъ признать, что съ первой третью XVII в. сошное обложеніе уже «отживало свой вѣкъ». Невольно является вопросъ, когда же въ такомъ случаѣ оно успѣло сложиться въ окончательномъ видѣ, — когда соха сдѣлалась опредѣленной геометрической плоскостью?

Замѣтимъ прежде всего, что и тутъ необходимо устранить принятый авторомъ особый періодъ опредѣленія сохи посредствомъ количества посѣва. Совершенно вѣрно, что древняя «четверть» есть «четверть сѣву» ²⁾; но это не мѣшаетъ ей, подобно новгородской коробѣ и византійской литрѣ, въ то же время соотвѣтствовать извѣстной, точно опредѣленной площади; здѣсь, какъ въ нов-

¹⁾ Экономическій бытъ, 45—6.

²⁾ Въ древнихъ текстахъ очень часто употребляется выраженіе «земли на столько-то четвертей» вмѣсто позднѣйшаго «столько-то четвертей земли».

городской обжѣ, извѣстное количество единиц посѣва можетъ приравниваться единицѣ рабочей силы; но пока соха измѣряется послѣдней, до тѣхъ поръ и здѣсь, и тамъ количество это будетъ колебаться. Напротивъ, какъ только размѣръ сохи будетъ прямо опредѣленъ извѣстнымъ количествомъ единиц посѣва («четвертей») такъ сама собою соха превратится въ геометрическую площадь извѣстнаго размѣра. Не признавая, что «четверть сѣва» уже сама по себѣ есть вполне опредѣленная геометрическая площадь, авторъ ставитъ въ связь геометрическое измѣреніе сохи съ появленіемъ «новой поземельной мѣры подѣланной наименованіемъ десятины, равной двумъ четвертямъ; она становится извѣстной со второй половины XVI в. и официально утверждена сошною книгой при Уложеніи» (221). Дѣйствительно, десятина употребляется въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ тогда, когда дѣло идетъ о измѣреніи земель геометрическимъ способомъ, и когда измѣреніе ихъ количествомъ посѣва оказывается почему-либо неудобнымъ (напр. при отведеніи вновь надѣла подѣ посѣвъ, почему выги постоянно измѣряются десятинами въ дворовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ, — при отводѣ земли подѣ ямъ; наконецъ, когда измѣряется не пашенная земля, а лугъ или дворъ). Но, во-первыхъ, эта мѣра упоминается значительно ранѣе, чѣмъ полагаетъ авторъ, именно уже въ XIV в. ¹⁾ и, уже въ извѣстїи 1503 года, приравнивается двумъ четвертямъ посѣва; а во-вторыхъ, уже поэтому ясно, что нельзя искать никакой спеціальной связи между введеніемъ десятиннаго измѣренія и превращеніемъ сохи въ опредѣленную геометрическую площадь.

¹⁾ А. А. Э. I, № 11. Грамота митр. Кипріяна 6900 (1391 г.) октября 21, индикта 15 (въ Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 246 об. таже грамота датирована 6906 г.): по жалобѣ монастырскихъ «сиротъ» на игумена Константиновскаго монастыря Ефрема, что онъ наряжаетъ намъ дѣло не по пошлинѣ, чего при первыхъ игуменахъ не бывало» (Цареконстантиновскій монастырь во Владим. у. основанъ около 1362 г.; ср. Ист. іер. VI. 648; Ратшинъ, 43), назначено слѣдствіе, и предыдущій игумень Царко свидѣтельствуеть о «старой пошлинѣ», «какъ монастырскимъ людямъ дѣло дѣлати»; они должны между прочимъ «сѣно косити десятинами». Ср. А. И. I. № 100 (1490 г.). А. до Ю. Б. II, стр. 565 (1498—99 г.). Арх. М. Ю. Мон. гр. Переясл. у. № 8816: кн. в. Иванъ Васильевичъ (III) посылая «смотреть и мѣрити, сколько троицкіе земли за рѣчкою за Карповкою, и тое земли съ мѣру девяносто и шесть десятинь»... Затѣмъ кн. в. вторично послалъ «а велѣтъ тое земли троицкіе отмыреть съ мѣру къ яму 30 десятинь пашные земли, да на 30 копенъ пожни, какъ и по инымъ ямамъ». Писцов. кн. Вологод. у. 1503 г.: «сѣяли на десятинь по 2 четверти ржи, а яри вдвое». (См. ниже стр.).

Фактъ такого превращенія остается однакоже несомнѣннымъ. Намъ извѣстна исходная точка этого превращенія — соха какъ единица рабочей силы, и извѣстенъ его результатъ — соха какъ опредѣленное количество четвертей пашни. Остается разъяснить ближайшія обстоятельства и время, когда именно произошла эта перемѣна.

Естественно, что за разрѣшеніемъ мы должны обратиться къ самымъ документамъ, имѣвшимъ цѣлью податное обложеніе, — къ писцовымъ книгамъ древнѣйшаго времени. Правда, только скудные остатки писцовыхъ книгъ этого времени сохранились до насъ; но собравъ возможно большее количество этихъ остатковъ, преимущественно «сотныхъ выписей», мы все же можемъ извлечь изъ нихъ немаловажныя для нашего вопроса указанія ¹⁾.

Прежде всего, подобранныя нами сотныя выписи XVI в. сами собою распадаются на два различныхъ типа съ легко уловимыми отличительными признаками. Первый типъ, болѣе древній, обыкновенно сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ мужскомъ рабочемъ населеніи и о количествѣ сошного письма, но никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни переводится на соотвѣтствующее количество сошного письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни, почти всегда характеризуетъ и ея качество (добрая, середняя, худая) и большей частью совершаетъ переводъ ея на сошное письмо по опредѣленной нормѣ. Уже изъ этой общей характеристики нельзя не видѣть, что смѣна двухъ типовъ соотвѣтствуетъ искомой перемѣнѣ въ значеніи окладной единицы. Перейдемъ теперь къ ближайшему изученію каждаго типа.

Вотъ образецъ тѣхъ свѣдѣній, которыя можно заимствовать изъ выписей перваго типа ²⁾ (Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 29 слѣд. по Переясл. у., 1520 г., волость великаго князя):

¹⁾ Довольно значительное количество сотныхъ выписей намъ удалось подобрать по монастырскимъ грамотамъ Арх. М. Юст. Указанія этихъ же грамотъ положены въ основаніе списка писцовыхъ книгъ XVI в., предлагаемаго въ приложеніи I.

²⁾ Приводимъ списокъ извѣстныхъ намъ по архивнымъ источникамъ выписей перваго типа. 7000 г. Звенигор. у. Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 25. 7006 г. Юрьева Польскаго у. *ibid* л. 196 об. 7007 г. Владим. у. *ibid*. л. 199. Москов. у. *ib*. л. 48. 7009 г. Ростов. у. *ib*. л. 9—15. 7010 г. Костр. у. л. 195. 7011 г. Вологод. у. *ib*.: л. 208. 7028 г. Переясл. у. *ib*. л. 29. 7035 г. Арх. Мин. Юстиціи. Монаст. гр. Кашинск. у. № 6712. 7041 г. *ib*. Галиц. у. № 3346. 7046 г. Дмитров. у. №№ 3767, 3764—65; Звенигород. у. № 4686. 7050 г. Пошехон. у. № 9. 681.

дворовъ 11,	пашни $\frac{1}{3}$	сохи (на соху дворовъ 33)
» 20	» $\frac{1}{3}$	» (» » » 60)
» 2	» $\frac{1}{6}$	» (» » » 12)
» 9	» $\frac{1}{8}$	» (» » » 72)
» 10	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 120)
» 4	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 48)
» 2	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 24)
» 3	» $\frac{1}{16}$	» (» » » 48)
» 4	» $\frac{1}{16}$	» (» » » 64)

Какъ видимъ, число дворовъ не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ сошнаго письма. Выраженная въ количествѣ дворовъ, соха колебалась бы въ предѣлахъ 1:10. Приведемъ другой примѣръ, гдѣ, кромѣ числа дворовъ, можно видѣть и число людей въ нихъ (Арх. Мин. Ю. Мон. гр. Вологод. у. № 2586, 1544 г.; монастырскія деревни):

дворовъ 11,	человѣкъ 12,	пашни $\frac{1}{6}$	сохи (на соху дворовъ 66,	человѣкъ 72)
» 25	» 26	» $\frac{1}{6}$	» (» » » 150	» 156)
» 3	» 3	» $\frac{1}{4}$	» (» » » 12	» 12)
» 46	» 47	» $\frac{7}{12}$	» (» » » 79	» 81)
» 139	» 217	» $2\frac{1}{3}$	» (» » » 60	» 93)

Выводъ опять-таки приходится сдѣлать тотъ же самый. Что касается свѣдѣній о количествѣ четвертей, онѣ, вѣроятно, находились въ самыхъ писцовыхъ разсматриваемаго типа; но въ выписяхъ встрѣчаются весьма рѣдко. Въ одномъ документѣ 1533 г. мы находимъ сопоставленіе количества четвертей по письму одного писца съ количествомъ сохъ по письму другаго; сопоставленіе это даетъ слѣдующіе выводы (Арх. Ю. Гал. у. № 3346; ср. Сборн. грамотъ Троицк. мон. № 532 по Галичу грамота):

Въ одномъ помѣстьи Галиц. у. 246 четв. = $\frac{1}{4}$ сохи; соха = 984 четв.
въ немъ же 90 » = $\frac{1}{12}$ » » = 1080 »
Въ другомъ помѣстьи Костр. у. 240 » = $\frac{1}{3}$ » » = 720 »
въ немъ же 105 » = $\frac{1}{6}$ » » = 630 »

Совершенно подобныя колебанія количества четвертей на соху мы видѣли и выше при сравненіи данныхъ Тверской писцовой 1540 и приправочной 1555 г. Общій выводъ получается, такимъ

7052 г. Переясл. у. №№ 8850 и 8861; Бѣлозер. у. № 790; Владим. у. № 1796
 Волоколам. у. № 2432; Верейск. у. №№ 2335—2336, Вологод. у. №№ 2585, 2586.
 7053 г. Костром. у. № 5007.

образомъ, вполне отрицательный: соха не измѣрялась—ни количествомъ дворовъ, ни количествомъ людей, ни количествомъ четвертей. Чѣмъ она въ дѣйствительности измѣрялась, объ этомъ выпиши нашего типа хранить глубокое молчаніе. Тѣмъ важнѣе отмѣтить одно встрѣтившееся намъ указаніе, какъ бы случайно оброненное сотной выписью 1544 г. и до сихъ поръ совершенно одиночное. Послѣ перечисленія обычнымъ образомъ дворовъ и количества сошнаго письма въ монастырскихъ деревняхъ ¹⁾ въ самомъ концѣ находимъ замѣтку: «деревня Кучино со княземъ Александромъ Друцкимъ въ спорѣ; а пашеть ее кн. Александръ, а съ соху положена одноколюзомъ пол-пол-пол-четы сохъ». Надо полагать, что «одноколюецъ» есть владѣлецъ одной «колышки» или «телѣги», къ которой первая приравнивается въ параллельныхъ текстахъ ²⁾. Замѣтимъ далѣе, что $\frac{1}{32}$ сохи есть наименьшая дробь, на которую можетъ подраздѣляться соха по обычнымъ приемамъ сошнаго счета. Итакъ, наша цитата имѣетъ слѣдующій смыслъ: деревня Кучино въ платежномъ отношеніи сочтена за «одного одноколюца» и приравнена по этому счету къ $\frac{1}{32}$ части сохи. Слѣдовательно, соха въ данномъ случаѣ состоитъ изъ 32-хъ одноколюцевъ: «одноколюецъ» является той недѣлимой единицей рабочей силы, на которой строится соха. Если можно считать его за одного коннаго работника, тогда мы можемъ сравнивать наблюдаемую здѣсь соху съ сохой XV в. Одному конному рабочему равняется, какъ мы знаемъ, и новгородская обжа; далѣе, по грамотѣ 1437 г. можно установить такую градацію рабочихъ и окладныхъ единицъ: $\frac{1}{2}$ плуга = сохѣ = двумъ конямъ съ припряжкой = двумъ половникамъ = четыремъ пѣшшимъ работникамъ ³⁾; или 1 конный работникъ = 2-мъ

¹⁾ Арх. М. Ю. Влад. у. № 1796. По этому перечисленію размѣры сохи колеблются, какъ всегда въ этомъ типѣ выписей: такъ, одной и той же величинѣ—сохѣ безъ трети приравнены одинъ разъ 27 дворовъ, другой разъ 21 дворъ, третій разъ—18 дв., четвертый разъ—11 дв., т. е. вычисленная по этимъ цифрамъ соха равнялась бы $40\frac{1}{2}$, $31\frac{1}{2}$, 27 и $16\frac{1}{2}$ дворамъ; тутъ же встрѣчается случай, когда 64 двора приравнены $\frac{1}{2}$ сохи (т. е. 108 дворовъ на соху); къ $\frac{1}{32}$ долѣ сохи приравненъ одинъ разъ 1 дворъ, другой разъ пашня, распаханная изъ другаго поселка «наѣздомъ».

²⁾ Ср. выше цитату на стр. 51, пр. 2 съ изданіемъ «Счетной Мудрости» Общ. Люб. Др. Письм. л. 120: «а навозъ возять на выть по 60 *теламъ*, а телѣга въ длину 7 пядей, вверху 4 пяди етс...».

³⁾ Кажется, такой смыслъ должны имѣть «4 пѣшци за соху» грамоты 1437 г. Ср. въ грам. Кириана 1891 г. (А. А. Э. I, № 11), «а пшешходцомъ изъ селя къ празднику рожь молотити и хлѣбы печи» и т. д.

гѣшимъ = $\frac{1}{2}$ сохи = $\frac{1}{4}$ плуга. Соха нашего документа, состоящая изъ 32-хъ конныхъ рабочихъ, въ 8 разъ больше древняго плуга и въ 16 разъ болѣе древней сохи, если считать въ послѣдней два конныхъ работника; если же по новгородскому счету принимать въ древней сохѣ три конныхъ работника (что можно оправдать и грамотой 1437 г. «два коня, а третье припряжь»), то такихъ сохъ будетъ въ нашей сохѣ $10\frac{2}{3}$. И дѣйствительно, уже въ 1555 г. встрѣчаемъ распоряженіе, которымъ московская соха приравнивается десяти новгородскимъ ¹⁾. Это приравненіе не мѣшаетъ земельной площади новгородской сохи колебаться вплоть до 1581 г.; точно также колеблется и площадь московской сохи. Однако, и при этихъ колебаніяхъ, все же можно уловить между земельными размѣрами этихъ сохъ ту же связь и, кажется, то же преемство, какое мы замѣтили относительно составлявшаго ихъ количества конной рабочей силы. Если вѣрны наши наблюденія надъ послѣднимъ, то и земельные размѣры древней московской сохи должны были въ болѣе древнее время стоять близко къ размѣрамъ новгородской, а затѣмъ превысить ихъ до 10 разъ. Уже Кури воспользовался для опредѣленія размѣровъ древней сохи статьей Русской Правды по Карамзинскому списку (58): «а въ селѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ» — по 4 четверти въ кади = 64 четв. ²⁾; А. С. Лапко-Данилевскій повторилъ этотъ же расчетъ (523), и оба не замѣтили, что 64 четв. составляютъ въ цитированной статьѣ не одинъ, а два плуга; слѣдовательно, на плугъ приходится 32 четв. Если плугъ равнялся и въ то время, когда производился этотъ расчетъ (т. е., вѣроятно, въ XIII в.), двумъ сохамъ, то на соху придется 16 четвертей. Размѣрамъ новгородской сошки, колебавшейся въ концѣ XV в. между 12 и 42 четв., эти цифры не противорѣчатъ. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ выписяхъ также встрѣчаемъ малые размѣры сохи; напр. по выписи 1503 г. въ Вологодскомъ у. въ одномъ дворцовомъ сельцѣ приходилось на соху $4\frac{1}{2}$ двора, $5\frac{1}{2}$ человекъ и 65 четв. пашни; въ другомъ 4 двора и человекъ и $28\frac{1}{2}$ четв. (впрочемъ, не считая великокняжеской запашки, съ которой выходитъ 78 и $37\frac{3}{4}$ четверти на соху ³⁾); но уже въ то время встрѣчаются сохи несомнѣнно большаго размѣра, напр. въ Ростовскомъ у. 1501 г. въ одной и той же волости на соху

¹⁾ Доп. къ А. И. I, № 78.

²⁾ Сборн. Мейера, 113.

³⁾ Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 208 слѣд.

приходится по 28 и по 45 дворовъ ¹⁾; въ Звенигородскомъ у. въ 1492 г. по 13¹/₂ и по 45 дворовъ ²⁾;—однимъ словомъ, тѣ же болѣе крупныя и весьма непостоянныя размѣры, какіе мы видѣли въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Когда и при какихъ условіяхъ совершилось это увеличеніе размѣровъ древней сохи, для насъ самихъ пока составляетъ загадку; несомнѣннымъ кажется намъ только одно, что и увеличившись въ размѣрѣ, соха продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы.

За немногими исключеніями, рассмотрѣнный типъ сотныхъ выписей перестаетъ встрѣчаться съ середины столѣтія и съ того же времени появляется другой типъ. Переходя къ его рассмотрѣнію, мы сразу чувствуемъ себя на болѣе твердой почвѣ. Какъ сказано выше, особенности этого типа заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что въ немъ начинается различаться *качество* земли (доброй, средней и худой), во-вторыхъ, въ томъ, что каждаго качества земли кладется на соху точно опредѣленное количество, и соха получаетъ постоянный размѣръ. Общій принципъ, проводимый при этомъ, заключается въ томъ, что недостатокъ въ качествѣ земли вознаграждается или прибавкой ея количества или приравненіемъ ея меньшему количеству земли высшаго сорта; техническій терминъ для перваго способа есть «наддача», для втораго «одобриваніе»; впрочемъ, какъ видно уже изъ указанной сущности обоихъ способовъ, различіе между ними только относительное: наддачу можно всегда выразить въ терминахъ одобриванія, а одобриваніе въ терминахъ наддачи. Иллюстрируемъ эту связь древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ случаемъ одобриванія и наддачи. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ въ 1552 году черной земли на монастырскую, экспропрированную у монастыря подъ слободу ³⁾: естественно, что для сохраненія равенства въ обмѣнѣ необходимо было здѣсь привести земли разнаго качества, такъ сказать, къ одному знаменателю, выразить ихъ въ терминахъ земли лучшаго качества. Всего отведено монастырю «добрыя земли 80 четв., среднія земли 86 четв., да худыя земли 46 четв. да перелогу 40 четв.». Для сведенія втораго сорта къ первому «учинено въ средней землѣ добрую землю 69 четвертей, а наддано на среднюю землю 17 четв.», т. е. 86 четв. средней земли приравнены 69 четв. доброй,—слѣдовательно, одобрены,—а

¹⁾ Ibid. г. 9—15.

²⁾ Ibid. г. 25 слѣд.

³⁾ Арх. М. Ю. Переясл. у. № 8886.

остальныя 17 четв. сочтены «наддачей», или каждая четверть средней приравнена $\frac{4}{5}$ четв. доброй (слѣд. 1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ средней). Далѣе, «въ худой землѣ учинено доброю землею $30\frac{1}{2}$ четв., а наддано на худую землю $15\frac{1}{2}$ четв.», т. е. изъ 46 четвертей худой земли сочтено въ качествѣ доброй $30\frac{1}{2}$ четв. (по пропорціи: 1 четв. доброй = $1\frac{1}{2}$ четв. худой). «А въ переложной землѣ учинено доброй земли 20 четв., а наддано 20 же четвертей», т. е. принята въ счетъ доброй земли половина дѣйствительнаго количества, по пропорціи: 1 четв. доброй = 2 четв. перелога¹⁾. Получившіяся фиктивные цифры «доброй земли» (безъ наддачъ) затѣмъ сложены: «и всего дано добрыя земли и въ средней и въ худой землѣ и въ перелогу учинено за добрую землю $199\frac{1}{2}$ четв.», т. е. фиктивный же итогъ вмѣсто дѣйствительнаго 252 четв. Наддача и одобриваніе, какъ видимъ, неразрывно связаны въ этомъ случаѣ; такая же связь существуетъ обыкновенно при отводѣ служилыхъ надѣловъ по извѣстному окладу, опредѣленному въ единицахъ доброй земли: напр. служилый человекъ Н. Н., окладъ его 350 четей; владѣеть онъ $204\frac{1}{2}$ четв. средней земли; изъ этого числа сочтено доброй землей $163\frac{1}{2}$ четв.; не дошло въ его окладъ $350 - 163\frac{1}{2} = 186\frac{1}{2}$ четв.²⁾

Опредѣленіе размѣровъ сохъ разнаго качества стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изображенной операціей одобриванія; по нашему мнѣнію, это не богѣе, какъ частное приложеніе того же общаго принципа къ сферѣ податнаго обложенія. Исходной точкой этого опредѣленія служить фиксированіе размѣровъ дворцовой и помѣстной сохи въ 800 четв. Весьма возможно, что эта цифра была первой установившейся нормой сохи въ ея новомъ значеніи, и что въ этой нормировкѣ главная роль принадлежала именно дворцовому хозяйству: мы знаемъ, что въ дворцовомъ хозяйствѣ уже въ первой половинѣ вѣка *отъ* является вполне опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ: въ одной сотной выписи древняго типа мы встрѣтили (въ 1544 г.) и соху, соответствующую именно 800 четв. пашни³⁾. Любопытно отмѣтить, что какъ выть въ 6 десятинъ, такъ и эта соха въ 800 четв. являются безъ различенія качества пашни въ первую половину вѣка; а со второй половины, когда такое раз-

¹⁾ Тотъ же расчетъ см. Арх. Ю. Влад. у. № 1839, грам. 1572 г.

²⁾ Желаемое количество отдѣльныхъ случаевъ см. въ Писц. кн. Калач. I, 1, Коком. у. 2, Вязем. у. 567—831.

³⁾ Арх. Юст. Волоколамск. у. № 2432.

личеніе появляется, объ единицы становятся нормами для высшаго качества ея.

Принявъ за основу разсчета соху въ 800 четв. доброй земли, мы, по извѣстному уже намъ принципу одоброванія (1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ четв. средней = $1\frac{1}{2}$ худой), получимъ для средней земли соху въ 1000 четв., для худой въ 1200 четв. Вѣроятно, уже чисто финансовыя соображенія — желаніе обложить монастырскія земли тяжелѣе, сохраняя номинально одинъ и тотъ же окладъ подати на соху — заставили для этой категоріи земель принять за исходный пунктъ иную норму — соху въ 600 четвертей доброй земли. По тому же разсчету одоброванія слѣдовало бы принять въ такомъ случаѣ соху средней земли въ 750 четв., а соху худой въ 900 четв. Такой размѣръ и встрѣчается ¹⁾, но болѣе употребителенъ другой разсчетъ, явившійся, вѣроятно, послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ же финансовыхъ соображеній: не только вообще обложить тяжелѣе монастырскія сохи, но и уменьшить податную льготу для сохъ низшихъ сортовъ путемъ уменьшенія разницы ихъ размѣровъ съ сохой доброй земли. Такимъ образомъ, приняты были размѣры 700 четв. для сохи средвей земли (вмѣсто 750) и 800 четв. для худой (вмѣсто 900).

Мы показали раньше, что предыдущіе изслѣдователи напрасно искали въ сохѣ первой половины XVI вѣка опредѣленныхъ земельныхъ размѣровъ. Теперь мы видимъ, что они напрасно отчаялись найти эти размѣры для второй половины ²⁾. По сотнымъ выписямъ второй половины XVI в. соха несомнѣнно является земельной площадью, и величина этой площади оказывается столь же устойчивой для сохъ разныхъ категорій и разныхъ качествъ земли, какъ и въ XVII в. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что если мы будемъ заключать о величинѣ сохи по той долѣ ея, къ какой приравненъ каждый отдѣльный участокъ, то встрѣтимся опять съ постоянными колебаніями; но на этотъ разъ колебанія зависятъ уже не отъ неопредѣленности земельныхъ размѣровъ сохъ, а отъ несовершенства техническихъ приѣмовъ сошнаго счета или, точнѣе говоря, отъ по-

¹⁾ Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 521.

²⁾ Кромѣ указанныхъ выше мнѣній Бѣляева, Лаппо-Данилевскаго, ср. еще мнѣніе Н. Н. Чечулина (Библиогр. 1889, № 2, стр. 43): «относительно разсчетовъ Бѣляева считаемъ необходимымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, невозможно не только точное опредѣленіе, сколько какой земли полагалось на соху, но даже указаніе постоянного отношенія числа четвертей доброй, средней и худой земли на соху, — ибо все это мѣнялось по времени и мѣсту».

стояннаго игнорированія мелкихъ несоотвѣтствій между наличнымъ количествомъ четвертной пашни и тѣмъ выраженіемъ этого количества, которое было возможно при тогдашней ариметикѣ сошныхъ дробей (четь, треть; пол-чети, пол-трети; пол-пол-чети, пол-пол-трети; пол-пол-пол-чети, пол-пол-пол-трети — и только; иныхъ дробей сошныи счетъ не знаетъ). Колебанія этого рода ничего не имѣютъ общаго съ отрицательными въ первой половинѣ вѣка; предѣлы ихъ незначительны, и, тяготя къ одной центральной нормѣ, они взаимно уничтожаются. Впрочемъ, и сами писцовыя книги хорошо знаютъ неточность своего сошнаго счета, и когда хотятъ быть точными всегда прибавляютъ при переводѣ четвертей на сохи: «и перешло за сошнымъ письмомъ» столько-то четей; «и не дошло въ сошное письмо» столько-то. Послѣ этой оговорки мы можемъ прямо представить списокъ извѣстныхъ намъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было вывести размѣры сохъ разныхъ разрядовъ и разныхъ качествъ.

1. Монастырская соха.

Годъ.	Уѣздъ.	Размѣры въ четвертяхъ земли:			
		добрый.	средней.	худой.	добрый-худой.
1557.	Бѣлозерскій (А. Ю. № 228).....	»	»	»	900?
1559.	Звенигородскій (Калач. I, 688, 725).....	»	700	800	»
1562.	Костромской (Арх. Ю. 5043—4, 5046, 5048, 5049).	600	700	800	»
1562.	Дмитровскій (ib. 3808).....	»	»	800	»
1563.	Переяславля Запѣскаго (ib. 8926—7, 8929—32)	»	700	800	900
1564.	Боровскій (ib. 819).....	»	700	800	пере- логъ
1568.	Переяславля Рязанскаго (ib. 9828).....	600	700	800	1200
1569.	Рузскій (ib. 10.326).....	»	700	800	»
1578.	Рязанскій (Пискаревъ, Гр. Ряз. края, 87—42)..	»	»	800	»
1574.	Бѣжецкій верхъ (Арх. Ю. 1301).....	»	»	800	»
1584—88.	Московскій (Калачов. I, 2, 54—95, 85).....	600	700	800	»
1585.	Вологодскій (Арх. Ю. 2619).....	»	700	»	»
1585—86.	Московскій (Калач. I, 2, 263, 265).....	600	700	800	»
1588.	Старицкій (Калач. I, 2, 405, 408—9).....	»	700	»	»
1588.	Дмитровскій (Кал. I, 1, 730—736).....	»	700	800	»
1593—4.	Ярославскій (ib. I, 2, 1—8, 9—23).....	»	700	800	»
1593—4.	Звенигородскій (ib. I, 1, 660—730).....	»	700	800	»
1593—4.	Угличскій (ib. I, 2, 24—35).	»	700	»	»
1593—4.	Московскій (ib. I, 1, 277—290).....	600	700	800	»
1593—4.	Коломенскій (ib. 608—611).....	»	700	800	»
1593—4.	Рузскій (ib. 655—659).....	»	»	800	»

Годъ.	Уѣздъ.	Размѣры въ четвертяхъ земли:			
		добр.	худ.	средн.	добр.-худ.
1598—4.	Владимірскій (ib. 787—809).....	600	700	800	1200
1598—4.	Старицкій (ib. I, 2, 405—410).....	»	700	»	»
1598—4.	Бѣлозерскій (ib. 420).....	»	»	800	»
1598—4.	Малоярославецкій (Арх. Ю. Боровск. у. 608).....	»	»	800	»
1598—4.	Переяславскій (Кал. I, 1, 810—850)....	»	700	800	»
1598—4.	Юрьева Польскаго (ib. 851—856).....	600	700	»	»
1598—4.	Суздальскій (ib. 857—872).....	600	700	800	»
1598—4.	Муромскій (ib. 873—892).....	»	700	800	»
1598—4.	Костромской (ib. 893—919).....	600	700	800	»
1598—4.	Соли Галицкой (ib. 920—924).....	»	700	800	»
1598—8.	Можайскій и Верейскій (Арх. Ю. Мож. у. 7621).....	»	»	800	»
1598.	Переяславля Рязанск. (ib. 9833—35) ..	600	700	800	»

2. ДВОРЦОВАЯ СОХА.

1544.	Волоколамскій (Арх. Ю. 2432).....	800	»	»	»
1555.	Владимірскій (Акты Оед. Чех. I, 233)..	800	»	»	»
1572.	Веневскій (Калач. I, 2, 1541—49).....	800	»	»	»
1580.	Тверской (ib. 291—403, 293).....	»	1000	1200	»
1585.	Бѣлозерскій (черн.? ib. 415).....	»	700	800	»

3. ПОМѢСТНАЯ И ВОТЧИННАЯ СОХА.

1571.	Юрьева Польскаго (Арх. Ю. 14.580)...	600—800?	»	»	»
1572.	Полоцкій (Калач. I, 2, 565—66, 519—55, 547).....	»	1000	»	»
1572.	Веневскій (ibid. 1550—1581).....	800	»	»	»
1572.	Епифанскій (ibid. 1582—1595, 1584)...	800	»	»	»
1574.	Московскій (ibid. I, 1, 11—39).....	800	1000	1200	»
1577—78.	Московскій (ib. 39—53).....	800	1000	»	»
1578.	Коломенскій (ib. 335, 502—3).....	800	1000	1200	»
1578—79.	Каширскій (ib. I, 2, 1299—1537).....	800	1000	»	»
1585—86.	Московскій (ib. I, 1, 96—277).....	800	1000	1200	»
1588—89.	Тульскій (ib. I, 2, 1073—1260).....	800	»	»	»
1588—89.	Дѣдловскій (ib. 1261—1299).....	800	»	»	»
1594—95.	Вяземскій (ib. 567—831, 570).....	800	1000	1200	»
1594—95.	Орловскій (ib. 853—61, 956—69, 995—1004).....	800	»	»	»

Итакъ, если бы даже мы не имѣли никакого другаго матеріала, кромѣ собранныхъ здѣсь показаній писцовыхъ книгъ и сотныхъ выписей изъ нихъ, то и изъ однихъ этихъ данныхъ мы должны были бы съ несомнѣнностью заключить, что въ началѣ второй половины XVI в. въ исторіи сошнаго письма произошелъ переворотъ, смыслъ котораго заключается въ опредѣленіи сохи, какъ единицы распаханной пашни, и въ установленіи ея размѣровъ обратно пропорціонально качеству земель и степени участія разныхъ сословій въ платежѣ государственныхъ податей. Нѣкоторыя дальнѣйшія разъясненія, касающіяся этого переворота, можетъ дать намъ исторія составленія писцовыхъ книгъ въ XVI столѣтіи.

Мы не знаемъ, съ какой степенью регулярности объѣзжали писцы «данныя» земли великихъ и удѣльныхъ князей XV в. Что касается *общихъ переписей*, уже Неволинъ замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ одна такая перепись была предположена завѣщаніемъ Василія Темнаго, но еще и въ 1481 г. не была выполнена ¹⁾. Въ ближайшіе слѣдующіе годы сильный толчекъ къ составленію писцовыхъ книгъ даетъ быстрый ходъ собранія Руси Иваномъ III; немедленно по присоединеніи посылаются писцы на Бѣлоозеро, въ Тверь и ея удѣлы — Старицу, Зубцовъ, Клинь, Холмъ, Кашинъ, — въ Звенигородъ, въ Бѣжецкій верхъ: «новое» великокняжеское письмо упраздняетъ вездѣ писцовыя книги удѣльныхъ князей; можно догадываться, что оно именно и вводитъ повсюду большую московскую соху. Въ послѣдующее время описанія подновляются непрерывно, но никакихъ явленій общаго характера мы не замѣчаемъ въ исторіи писцоваго дѣла вплоть до смерти Василія III или даже до смерти Елены. Съ началомъ боярскаго правленія начинается, повидимому, общая перепись: въ разные уѣзды Московскаго государства являются «большіе писцы» и пишутъ «большое письмо». Самое это названіе «большихъ писцовъ» носятъ въ документахъ: Ром. Игн. Образцовъ, писавшій Владимірскій уѣздъ съ 1539 по 1544, Ѳ. Ѳ. Хидырщиковъ, писавшій въ 1541—1544 г. Бѣлоозеро, Рычко Ив. Плещеевъ и кн. Дм. Дашковъ, писавшіе въ тѣ же годы Бѣжецкій верхъ и Кашинъ; но несомнѣнно такими же

¹⁾ Сочиненія VI, стр. 451, 454. Къ этой предполагавшейся описи относится, вѣроятно, указаніе въ грамотѣ 1473 г., напечатанной у В. И. Холмогорова, Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Вып. II, 55: «до опися, докоѣ мой писецъ поѣдетъ». Для дальнѣйшихъ наблюденій см. списокъ писцовыхъ книгъ XVI в., напечатанный въ прилож. I къ настоящей рецензії.

«большими писцами» слѣдуетъ считать и всѣхъ другихъ писцовъ носившихъ въ эти годы названія по мѣстности, которую описывали: Тверскаго и Клинскаго (И. П. Заболоцкаго), Романовскаго и Пошехонскаго (Андр. С. Караулова), Вологодскаго (Тим. Андр. Карамышева), Костромскаго (Поярка Ильича Квашнина), а также и тѣхъ, книги которыхъ носятъ въ тѣ же годы названіе «новыхъ книгъ» (или «книгъ новаго письма»): Костромскихъ, Верейскихъ, Вышегородскихъ.

Къ 1547 г., началу правленія Ивана IV, дѣятельность этихъ «большихъ писцовъ», повидимому, уже заканчивается; вѣроятно, не вполне случайно то обстоятельство, что послѣ ряда этихъ новыхъ описаній мы за трехлѣтіе 1548—1550 г. не узнаемъ ни объ одной новой писцовой книгѣ. На ближайшіе слѣдующіе затѣмъ годы мы обращаемъ особенное вниманіе. Съ начала 50-хъ годовъ въ грамотахъ (преимущественно ввозныхъ и послушныхъ) начинаютъ встрѣчаться постоянныя ссылки на новыхъ «большихъ писцовъ и мѣрщиковъ», ожидаемыхъ по этимъ ссылкамъ въ непродолжительномъ времени то въ той, то въ другой мѣстности: такъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1552 г. велѣно ждаты, «доколѣ въ тѣхъ деревняхъ пашню велю измѣрити большимъ мѣрщикомъ»¹⁾, и то же упоминаніе повторяется въ 1554 г. Въ 1562 г. двѣ послушныя грамоты опять ссылаются на «писцовъ нашихъ и (или) большихъ мѣрщиковъ», которые «опишутъ и измѣряютъ земли Суздальскаго уѣзда»²⁾; то же повторяется въ 1567 г. относительно Бѣлозерскаго уѣзда³⁾, въ 1568 г. относительно Московскаго⁴⁾ и еще въ 1586 г. относительно Вологодскаго у.⁵⁾ И такъ, въ недавно описанныхъ «большими писцами» 1538—1547 годовъ областяхъ — ожидаются въ 1552—1586 гг. новые «писцы и большіе мѣрщики». Возвращаясь къ нашему списку писцовыхъ XVI в., мы теперь поймемъ, что значить появленіе въ немъ съ 1555—6 гг. послѣ книгъ «новаго письма» — новой категоріи книгъ «письма и мѣры». Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ новой генеральной переписью, предпринятою на такомъ короткомъ промежуткѣ времени послѣ предъидущей — вслѣдствіе существеннаго измѣненія въ самыхъ приемахъ переписи.

¹⁾ Арх. Юст. 8986.

²⁾ Арх. Ю. 11. 819 и 11. 821: послѣдняя грамота напечатана въ А. И. I, № 167.

³⁾ Арх. Ю. 818.

⁴⁾ Ibid. 7164.

⁵⁾ Ibid. 2622.

Новое содержаніе второй генеральной переписи XVI в. намъ уже извѣстно: она, дѣйствительно, вводитъ кромѣ сошнаго «письма» и сошную «мѣру» — измѣреніе сохи опредѣленнымъ количествомъ четвертей: она создаетъ нашъ второй типъ писцовыхъ.

Приведенныя даты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наблюденная нами реформа сошнаго письма восходитъ къ 1551 году и что она должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ. Не упоминаемый Стоглавомъ, проектъ этотъ сохранился для насъ въ спискѣ царскихъ вопросовъ, напечатанномъ И. Ждановымъ¹⁾; проектировалось именно: «писцовъ послати во всю землю писати и смѣтити мой, царя великаго князя, и митрополичи и владычни и монастырскыя и церковныя земли, и княжескія, и боярскыя и вотчинныя и помѣстныя и черныя и оброчныя и починки и пустоши и селища и земецкія земли всякіе, чѣмъ ни буди, а *мѣриту* пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ, и всякія угоды смѣчати и писати—рѣки и озера и пруды и оброчныя ловли и колы и сѣжи и борти и перевѣсы и мыта и мосты и перевозы и радки и торговща и погостъцкая земля и церковная и дворы и огороды и въ книгахъ то все поставити».

Исполненіе этого проекта началось, какъ мы видѣли, со второй половины 50-хъ годовъ и тянулось не менѣе тридцати лѣтъ. Связавъ теперь проектъ съ исполненіемъ, мы должны разыскать еще одно промежуточное звено между обоими; мы еще не знаемъ того правительственнаго распоряженія, которымъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе и тѣхъ новыхъ правилъ сошнаго письма, которыя, какъ мы видѣли, практиковались при составленіи книгъ «письма и мѣры». Намъ предстоитъ теперь поискать, не осталось-ли какихъ-либо слѣдовъ этого распоряженія и этой регламентаціи новаго типа сошнаго письма.

b. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»).*

Такъ называемыя «книги сошнаго письма», кажется, впервые сдѣлались предметомъ ученаго изслѣдованія въ трудѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Авторъ собралъ значительное количество указаній на рукописи сошныхъ книгъ и изложилъ обычное ихъ содержаніе (196—198); въ приложеніи VII онъ подробно остановился на

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, стр. 64.

нѣкоторыхъ особенностяхъ, представляемыхъ книгой сошнаго письма Бѣляевского собранія ¹⁾. Но онъ вовсе не коснулся вопроса о происхожденіи сошныхъ книгъ, если не считать отрывочныхъ данныхъ, собранныхъ въ примѣчаніи 2 на стр. 196; и исторія этого документа осталась у него неизслѣдованной; предложенная имъ въ примѣчаніи 3-мъ классификація текстовъ сошной книги на официальные и частные, несомнѣнно, основана на черезчуръ внѣшнихъ признакахъ. Между тѣмъ внимательное изученіе текстовъ сошнаго руководства можетъ, какъ намъ кажется, дать немаловажныя указанія для исторіи самого сошнаго обложенія.

Книга сошнаго письма имѣетъ довольно длинную исторію, такъ какъ она употреблялась въ писцовой практикѣ еще въ началѣ XVIII ст. Извѣстные намъ списки ея и относятся большей частью къ тѣмъ годамъ, когда она становилась особенно нужна: именно, когда производились генеральныя переписи 1620-хъ годовъ, 1646—48 гг., 1684, 1709. Приспосабливаясь къ писцовой практикѣ, сошная книга сама не разъ передѣлывалась въ теченіе этого времени; общее направленіе этихъ передѣлокъ состоитъ въ томъ, что изложеніе основныхъ принциповъ сошнаго счета, становившихся съ теченіемъ времени общеизвѣстными, отодвигалось на второй планъ, а первое мѣсто все болѣе и болѣе занимали разныя практическія приспособленія, облегчавшія писцамъ примѣненіе этихъ принциповъ въ частныхъ случаяхъ: для такого облегченія всѣ ариметическія выкладки, которыя могли понадобиться писцамъ, все съ большей подробностью производились самой книгой, сводились въ таблицы, сопровождалась, наконецъ, графическими изображеніями. Эта прикладная часть сошнаго руководства особенно отодвигаетъ принципиальную со времени Уложенія. Естественно, что списки этого типа имѣютъ сравнительно менѣе значенія при рѣшеніи вопроса о происхожденіи и о древнѣйшемъ со ставѣ сошнаго руководства ²⁾.

¹⁾ № 1573, въ Рум. муз.

²⁾ Сюда относится «Роспись полевой мѣрѣ» 1709, напечатанная во Врем. О. И. и Др. Р. (XVII, 66—90) по рукописи Ундольскаго № 834 въ Рум. муз. Другіе списки того же текста см. въ рк. Публ. Библ. Ф. II, № 44. (XVIII в.); въ рук. Публ. Библ. Q, XVII, 87, списокъ 1680—1683 гг. (такъ какъ означенное на л. 64 вѣдомство Стрѣлецкаго приказа можетъ относиться только къ этимъ годамъ), л. 24 об. — 29 и опять сначала л. 30—59. Та же передѣлка въ значительномъ сокращеніи прилагалась къ писцовому наказу 1684 г. (см. Унд. № 1095 въ Рум. муз.); въ этой же связи съ писцовымъ наказомъ 1684 г. стоитъ землемѣрная книга Рум. муз. № 2631 (Готье, № 28) сходной редакціи.

Списковъ ранѣе XVII в. мы, однако же, вовсе не имѣемъ. Бѣляевъ, правда, ссылался на книгу сошнаго письма *первой половины XVI в.*¹⁾; но не нужно имѣть особенной опытности въ палеографіи, чтобъ отнести цитированный имъ списокъ²⁾ къ XVII ст. (какъ и сдѣлалъ Ундольскій въ ркп. каталогѣ рукописей библиотеки Архива), «Показаніе Татищева, что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ наказъ Іоанна Вас. 20 сент. 1555 г. съ приложеннымъ руководствомъ для землемѣровъ», было бы очень важно, если бы Татищевъ дѣйствительно далъ такое показаніе, какъ утверждаютъ Ивановъ³⁾ и издатели «Счетной мудрости» въ Общ. Люб. Др. Письм. (стр. 8); но, къ сожалѣнію, Татищевъ высказалъ только ученую конъектуру о принадлежности этому времени нашего документа. Итакъ, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи книги сошнаго письма въ XVI в. и должны искать косвенныхъ. Все, что мы можемъ заключать объ исторіи этого документа въ XVI ст., должно основываться на анализѣ содержанія списковъ XVII вѣка.

Приступая къ такому анализу, мы пользуемся для него слѣдующими списками: 1) Напечатанной во Временникѣ, XVII, 33—65, «книгой сошнаго письма 7137 года» — самый ранній въ данномъ случаѣ датированный списокъ⁴⁾; 2) двумя текстами въ изданіи «Счетной мудрости» Общ. Люб. Др. Письм., т. I, стр. 210—221 и 108—120; 3) рукописью Арх. Мин. Ин. Д. № ⁵⁴⁰/₁₀₄₃; хотя она и не относится къ XVI в., какъ полагалъ Бѣляевъ, но тѣмъ не менѣе даетъ очень интересный текстъ, или точнѣе говоря, рядъ текстовъ книги сошнаго письма. Рукопись дѣлится на двѣ половины; вторая сходна съ спискомъ при Уложеніи и съ спискомъ 1709, напечат. во Временникѣ XVII. Первая половина содержитъ книгу сошнаго письма, раздѣленную на 40 главъ, съ особымъ предисловіемъ, оглавленіемъ и введе-

Книгу сошнаго письма, приложенную къ Уложенію, см. въ Изв. Имп. Археол. Общ., т. V; Роспись полевой мѣрѣ XVII в. сообщ. П. С. Вороновымъ, стр. 58—63.

¹⁾ Временникъ XI, 53.

²⁾ Арх. Мин. Ин. Д. № ⁵⁴⁰/₁₀₄₃.

³⁾ Ивановъ, Оп. исг. межеванія, 19.

⁴⁾ Точная копія середины нынѣшняго вѣка въ Публ. Библ. Q, II, № 61; см. также рукопись XVIII в., можетъ быть послужившую оригиналомъ предъидущаго списка и печатнаго текста, *ibid.* Q, XVII, № 135, т. 91—126.

ніемъ ¹⁾). Текстъ сильно испорченъ при перепискѣ; конецъ переписанъ съ перепутанныхъ листовъ; начала главъ перепутаны и отнесены часто не къ надлежащему мѣсту. Составитель механически слилъ въ одно цѣлое *два размаха* книги сошного письма съ параллельнымъ содержаніемъ. Первая занимаетъ главы 1—13-ю; вторая 14—40-ю; она и начинается особымъ заглавіемъ ²⁾). Рукопись Публ. Библ. Q, XVII, 66 (библ. гр. Ѳ. А. Толстаго II, 168) содержитъ на лл. 171—190 об. этотъ же текстъ сорокоглавнаго руководства, притомъ въ болѣе исправномъ видѣ, и безъ раздѣленія на главы. Болѣе подробное описаніе этой важной рукописи см. ниже. 4) Рум. муз. рук. Ундольскаго, № 833, на лл. 1—10, 31 об.—33, представляетъ *отдѣльно вторую* сошную книгу сорокоглавнаго руководства Арх. М. Ин. Д.; на л. 11—31 идетъ длинная вставка о исчисленіи дробныхъ (т. е. квадратныхъ) сажень по количеству длинниковъ и поперечниковъ; съ л. 33 об. начинается новая «книга сошному письму и вытной четвертной и золотой кладѣ землемѣрнымъ десятинамъ».

Начинаемъ разборъ содержанія сошной книги съ отдѣла, который идетъ первымъ въ ркп. Арх. Мин. Ин. Д. и въ изд. Врем. XVII. Передъ этимъ отдѣломъ непосредственно стоитъ заглавіе, въ обоихъ спискахъ почти буквально сходное, только первыя слова заглавія сохранены въ рк. А. И. Д., кажется, въ болѣе первоначальномъ видѣ. Вотъ это заглавіе ³⁾:

¹⁾ Л. 1. «Предисловіе книга сеа». Нач.: «о добродѣтели искатеіе, чимъ васъ восхвалю и вашу желательную ревность како словеса и доброхваленію вознесу».

На обор. л. 1: «сказаніе, сія рѣчь изъявленіе краткими писмены о вешехъ, яже обрѣтаются въ книзѣ сей».

Л. 3 об. Нач.: «сія книга въ четьредесятихъ главахъ составися отъ премудрости разумныхъ и съ школахъ ученыхъ въ Россійскомъ народѣ въ породной натурѣ съ породнаго разуму съцывующаго (sic) высокаго во главе трезвого изъ чистоты ума».

²⁾ «Смѣта мудрымъ людемъ о землемѣрїи, наука писцомъ и мѣрщикомъ и указъ сошному письму и вытному добре и середніе и худые земли помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ и дворцовымъ и чернымъ волостямъ и владычнымъ и монастырскимъ землямъ и всякому шету къ сошному письму и какъ гдѣ лучится быти писцу — писати посадскихъ людей, и по сколько человекъ въ соху положить добрыхъ и середнихъ и молодшихъ людей и того объявляетъ каяждо глава и учинено о томъ въ сей книзе». Текстъ проверенъ съ рк. Публ. Библ. Толст.

³⁾ Въ Публ. Толстовск. рк. этого заглавія нѣтъ.

«Книга сошному письму десятинной и четвертной пашни [и землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и] помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ земель, болшаго числа и до мелкихъ дробей.

И сводъ сошному [и вытному] письму и полевой четверти и хлѣбной кладѣ окладъ, росписано противъ денежнаго числа въ мелкіе дробѣ.

И верстѣ мѣрной тысячи сажень смѣта длинникомъ и поперешиникомъ росписано въ десятинную и четвертную пашню порознь по статьямъ».

Заглавіе это для насъ особенно важно потому, что текстъ 1629 г., напечатанный во Врем., ему уже не соотвѣтствуетъ: слѣдовательно, оно должно относиться къ составу книги сошнаго письма до передѣлки ея для переписи этихъ годовъ. Замѣтимъ дагѣ, что за то содержанію *первой* части сорокоглавнаго руководства рк. Арх. И. Д. это заглавіе соотвѣтствуетъ вполне. Одно это сопоставленіе заглавія съ содержаніемъ обоеихъ списковъ уже отодвигаетъ, слѣдовательно, текстъ первыхъ 13-ти главъ рк. А. И. Д. во время предшествующее Михаилу Федоровичу и, слѣдовательно, предшествующее смутѣ.

Въ составѣ оглаваемой части само это заглавіе выдѣляетъ три отдѣла: 1) Роспись сошному письму. 2) Сложеніе частей сохи и четверти. 3) Составъ квадратной версты въ десятинахъ и четвертяхъ. «Землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ» мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Сравнивая «*роспись сошному письму*» по спискамъ Врем., Арх. И. Д. и двумъ текстамъ Об. Л. Др. П., мы сразу замѣчаемъ, что это — основная часть памятника: это и есть та самая регламентація размѣра сохъ разныхъ сословій и качествъ земли, которая, какъ мы видѣли, должна была быть введена въ 1551 г. Въ первомъ текстѣ О. Л. Др. П. мы находимъ для этого отдѣла и заглавіе, напоминающее о моментѣ появленія нашей регламентаціи: «царево уложеніе помѣстнымъ землямъ»¹⁾. Припомнимъ, что Иванъ IV является въ терминологіи памятниковъ «царемъ» по преимуществу нашей исторіи. Замѣтимъ дагѣ, что распоряженія собора о переписи стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ именно *помѣстнаго* владѣнія²⁾. Негишнимъ наконецъ будетъ отмѣтить, что, браня впо-

1) Въ важномъ текстѣ Публ. Толстовск. рк. также отмѣченъ въ заглавіи характеръ земель: «роспись сошному письму *помѣстныхъ* земель».

2) Ниже мы вернемся еще къ этой связи.

слѣдствіи Сильвестра и Адашева и намекая именно на ихъ мѣры (этого самаго времени) въ пользу служиваго землевладѣнія, самъ Иванъ выразился въ отвѣтъ Курбскому¹⁾, что они «дѣла нашего уложеніе разрушили». Такимъ образомъ, по самой терминологіи это заглавіе слѣдуетъ, кажется, считать древнѣйшимъ. Самое содержаніе «царева уложенія» очень несложно и всего кратче выражено именно въ первомъ спискѣ О. Л. Др. П.:

«Добрые земли соха 800 четей сѣвннхъ, полсохи 400 чети» и т. д. до пол-пол-пол-чети (=25 четв.), треть сохи $266\frac{2}{3}$ и т. д. до пол-пол-пол-трети (= $33\frac{1}{3}$ чети).

«Средніе земли помѣстные соха 1000 чети, полсохи 500 чети» и т. д. до той же доли, треть $333\frac{1}{3}$ чети и т. д. до той же доли.

«Помѣстные худые земли, соха 1200 чети, полсохи пойдетъ по тому жъ числу разсчитывай».

«Монастырскихъ земель добрыхъ кладется въ соху 600 чети, средніе земли 700 чети, худые 800 чети [слѣдуетъ вставка, см. ниже], «а плохой земли положено въ соху 1200 четей, и ты по тому ж числу разсчитай полсохи и трети и чети».

«А будетъ земля добре худа и безъугодна — учинено и положено въ соху — 1300 четей».

Какъ видимъ, «уложеніе», приведя разсчетъ долей сохи доброй и средней помѣстной земли, предоставляетъ сдѣлать этотъ разсчетъ самому писцу относительно худой помѣстной и всѣхъ сортовъ монастырской. И въ этомъ отношеніи мы склонны считать первый текстъ О. Л. Др. И. первоначальнымъ: второй текстъ О. Л. Др. П., ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. уже развиваютъ эти части текста, вставляя полные разсчеты долей, какъ для худой помѣстной, такъ и для монастырской всѣхъ качествъ. Текстъ Врем. занимаетъ промежуточное мѣсто: онъ вставляетъ разсчетъ долей для худой помѣстной и для перваго сорта монастырской, но относительно остальныхъ двухъ сортовъ послѣдней ограничивается общимъ указаніемъ: «тѣхъ же монастырскихъ вотчинъ по мѣрѣ положить въ соху средніе земли 700 четв. и худые земли 800 четв.» (стр. 35).

Для полноты регламентаціи недостаетъ въ приведенномъ выше текстѣ «царева уложенія» — упоминанія о сохахъ дворцовыхъ и черныхъ волостей. Предполагая, что это уложеніе предназначалось

¹⁾ Устрял. 164. Ср. Доп. стат. къ Судебнику А. И. I, стр. 260, 276. Максимовичъ, Указ. зак. I, 71—72; Судебн. Татищ. № 105.

первоначально для *владѣльческихъ* земель и считая очень вѣроятнымъ, что размѣры дворцовой сохи именно и послужили первообразомъ помѣстной, мы и въ этомъ умолчаніи найдемъ опять новый признакъ большей древности перваго текста О. Л. Др. П. Второй текстъ и ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. пополняютъ этотъ пробѣлъ немедленно послѣ расчета долей монастырскихъ сохъ: (передъ ломаными скобками вышеприведенной цитаты) «а государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей сохи добрые и средніе и худы земли — *тожъ что и помѣстныхъ земля*». Вслѣдъ за этой дополнительной фразой въ тѣхъ же, какъ предполагаемъ, болѣе позднихъ текстахъ слѣдуетъ: «а въ которыхъ государевыхъ дворцовыхъ селехъ и въ черныхъ волостяхъ земли добре худы и безъудобны, и тѣ земли класть — соха 1300 чети полсохи 650» и т. д. О дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ древнѣйшій текстъ могъ вовсе не упоминать и на этотъ разъ, но о размѣрѣ сохи этого послѣдняго качества — *добре худой* земли онъ долженъ былъ упомянуть. И дѣйствительно, послѣ длиннаго перерыва¹⁾ и послѣ фразы о размѣрахъ сохи плохой земли, находимъ въ предполагаемомъ древнѣйшемъ текстѣ эту нужную намъ фразу: «а будетъ земля добръ худа и безъудобна — учинено и положено въ соху 1300 четей». Къ этому перерыву въ древнѣйшемъ текстѣ «царева уложенія» мы сейчасъ вернемся; теперь же замѣтимъ, что съ этой добавкой мы имѣемъ въ «уложеніи» полную реставрацію того распоряженія, существенное содержаніе котораго намъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. Вѣроятно, соборное уложеніе само не занялось вычисленіемъ долей установленныхъ имъ разноразрядныхъ и развокачественныхъ сохъ; въ такомъ случаѣ это вычисленіе было сдѣлано послѣ — сперва для помѣстныхъ, потомъ и для монастырскихъ сохъ, и, такимъ образомъ, текстъ соборнаго приговора легъ въ основу руководства для писцовъ и составилъ первую и главную часть этого руководства. Но мы предполагали, что регламентация 1551 г., вводя разные размѣры сохъ, этимъ самымъ приняла и опредѣленные пропорціи «одобриванія» земель. Нельзя навѣрное утверждать, что эти пропорціи были особо оговорены въ текстѣ соборнаго приговора; въ первый текстъ О. Л. Др. П. онѣ попали только въ видѣ обрывка въ концѣ отмѣченной вставки; ни въ

¹⁾ Отъ словъ: «помѣстныя земли добрыя на выть положено» стр. 215, 2-й столб. до словъ: «а плохой земли... рассчитай полсохи и трети и чети», стр. 221.

заглавіи реставрируемаго сошнаго руководства, ни въ соотвѣтствующихъ ему 13 статьяхъ сорокоглавнаго руководства Арх. И. Д. ихъ тоже нѣтъ.

Переходимъ ко *второй* части разсматриваемаго сошнаго руководства. Она состояла изъ «свода сошному письму» (мы умышленно опускаемъ «вытное»), или полнѣе, изъ «росписи сошному письму, какъ которая кость съ которой сводится», а также изъ «росписи четвертной пашнѣ и мелкому своду». Обѣ эти статьи въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. и въ ркп. А. И. Д. Изъ этихъ текстовъ видно, что подъ первымъ заглавіемъ помѣщена была таблица сложенія долей сохи, а подъ вторымъ 1) перечень долей четверти, 2) вычисленіе количества четвертной пашни, заключающагося въ доляхъ десятины, 3) таблица сложенія мелкихъ долей четверти. Въ рук. А. И. Д. ¹⁾ вторая статья сопровождается двумя прибавленіями: одно изъ нихъ состоитъ въ оговоркѣ, что на практикѣ таблица мелкихъ долей четверти не имѣетъ значенія, а помѣщена только для упражненія «навыкателю» и «ради свѣдома»; на дѣлѣ же мелкія дроби выражаются приблизительно, — цѣлыми числами. Затѣмъ, какъ болѣе простой и практичный способъ сложенія дробей, предлагается такъ называемый «денежный счетъ»: смыслъ его заключается въ томъ, что подлежащая дробленію единица приравнивается извѣстной цыфрѣ денегъ, удобной для дѣленія на тѣ-же доли, т. е. состоящей изъ производителей 2. 2. 2. 2. 2. 3; затѣмъ любая изъ употребительныхъ долей этой единицы ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$; $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$) выражается въ цѣломъ числѣ денегъ такимъ образомъ, сложеніе дробей замѣняется сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. «Соха или выть, или полевая четверть, или хлѣбная (т. е. вообще любая единица) — окладъ тому 32 алтына; пол-сохи, или пол-выти, или полевая осмина, или осмина-жъ хлѣбная — 16 алтынъ»; по тому же разсчету $\frac{1}{3} = 10$ алт. 4 д.; $\frac{1}{4} = 8$ алт. и т. д.

Третья часть сошнаго руководства есть вычисленіе, сколько верста въ 1000 сажень содержитъ въ себѣ десятины (считая въ десятины 80 × 30 сажень) и четвертей, и сколько изъ этого количества придется на одно поле при трехпольной системѣ. Эта часть важна для насъ въ томъ отношеніи, что связываетъ разсматриваемое сошное руководство съ однимъ документомъ, который, какъ скоро увидимъ, вскрываетъ самыя побужденія, вызвавшія реформу 1555 года. Прежде чѣмъ остановиться на этомъ документѣ, про-

¹⁾ Также и въ Публ. Толстовск.

слѣдимъ дальнѣйшую исторію нашего сошнаго руководства, съ первой редакціей котораго мы только что познакомились.

Отнеся по заглавію это руководство къ XVI в., мы нашли въ основной, первой его части «царево уложеніе» 1551 г. Вторая и третья части, содержа лишь пособіе для писцовой практики, могли, конечно, появиться и позже; но что всѣ три части все же довольно рано соединились въ одно цѣлое, въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что сошнымъ текстамъ въ предѣлахъ того же XVI в. предстояло еще пройти довольно длинную исторію.

Прежде всего, разсмотрѣнное руководство представляло весьма существенные пробѣлы. Одинъ изъ нихъ мы указали уже: отсутствіе въ немъ правилъ для одобриванія. Другой пробѣлъ состоялъ въ томъ, что въ него не входило и вычисленіе *вытей* и ихъ отношеній къ сохѣ. Соотвѣтственные прибавки къ основной статьѣ, къ «цареву уложенію», создаютъ новыя варіаціи сошной книги.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ текстовъ расчетъ одобриванія былъ прямо прибавленъ къ древнѣйшему тексту «уложенія». Такъ, во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ слѣдуетъ непосредственно за опредѣленіемъ размѣровъ добре худой сохи¹⁾. Говорится при этомъ только объ одобриваніи *средней* земли; «а учинить та земля доброю землею въ 800 четьи: наддавай на 100 четьи по 25 (ошиб. 75) четьи, станетъ та же добрая земля». Въ первый текстъ О. Л. Др. П. эта короткая замѣтка попала уже въ нѣсколько распространенномъ видѣ: именно, съ прибавкой расчета, сколько слѣдуетъ наддавать на 50, 10 и 5 четей (стр. 221, столб. 1); притомъ, она оказывается здѣсь не на мѣстѣ и разрываетъ текстъ «царева уложенія». Наконецъ, въ передѣлкѣ 1629 года расчетъ еще болѣе подробенъ (на 100, 50, 25, 12, 6 и 3 четв.); кромѣ него прибавленъ такой же расчетъ наддачи на *худую* землю (на 100, 50, 25, 10, 8, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$) и оба расчета приложены не въ концѣ «уложенія», а къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ его — къ расчету сохи средней и худой пошѣстной земли²⁾.

Къ подобнымъ же прибавкамъ повело и отсутствіе *вытмаго* расчета въ «царевомъ уложеніи». Такъ какъ нормальные размѣры выти (въ 12, 14 и 16 четв.) были, какъ мы видѣли, уже давно

¹⁾ Въ Ундольск. № 833, л. 36 и въ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 12 видимъ ту же связь, но какъ разъ на мѣстѣ связи — пропускъ: «а которая земля добре худа и безъгодна ||, и учинити среднюю землею съ наддачею, а наддавати на 100 четв. по 25 четв.» и т. д.

²⁾ Врем. XVII, 34—35.

фиксированы въ дворцовомъ и монастырскомъ хозяйствѣ, то съ опредѣленіемъ размѣровъ сохи отношеніе ея къ выти опредѣлялось само собой и не было надобности дѣлать его предметомъ особаго «уложенія». Но для практики расчетъ этотъ необходимо было сдѣлать; одинъ изъ случаевъ, когда онъ могъ понадобиться, указываетъ само сошное руководство: «гдѣ лучится *изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей* (измѣряемыхъ обыкновенно вытями) давати въ помѣстья (окладъ которыхъ опредѣлялся количествомъ четвертей). Въ подобныхъ случаяхъ выти необходимо было перевести на сохи. Въ короткомъ видѣ этотъ расчетъ, сколько вытей придется на соху доброй, средней и худой *помѣстной* земли — также прибавлялся, вмѣстѣ съ короткимъ расчетомъ одобриванья средней земли, — непосредственно къ тексту «царева уложенія»; во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ приписанъ опять къ концу, послѣ абзаца объ одобриваніи; въ 1-мъ текстѣ опять не у мѣста, прерывая фразу о монастырскихъ сохахъ и начиная собою тотъ перерывъ въ текстѣ «уложенія», который кончается вставкой объ «одобриваніи»¹⁾. Но такія вставки были недостаточны для пракческаго употребленія; поэтому въ дальнѣйшей исторіи сошной книги въ ея текстъ вводятся болѣе подробные вытныя расчеты. Первую попытку такого расчета мы встрѣчаемъ въ томъ же 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.; здѣсь она непосредственно слѣдуетъ за упомянутымъ короткимъ расчетомъ и составляетъ наибольшую часть вставки, начатой послѣднимъ. Эта новая вставка во вставку носить особое заглавіе: «Роспись вытному тяглу, сколки на выть положено десятинь и сѣвныхъ четей и сажень, и по тому сошному письму колки положено въ соху выти». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено опредѣленіе квадратнаго содержанія выти (трехъ сортовъ земли) и ея долей въ саженьяхъ; затѣмъ содержаніе десятины и ея долей въ четвертяхъ пашни и саженьяхъ; наконецъ, содержаніе сохи трехъ сортовъ и ея долей — въ четяхъ, вытяхъ и саженьяхъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ расчетовъ «вытнаго письма» — этотъ есть наиболѣе ранній; заключаемъ объ этомъ, во 1-хъ, потому, что здѣсь расчетъ вытей

¹⁾ Въ Публ. Библ. Q, XVII, 87 л. 13—16 вытныя расчеты тоже приписаны къ концу и составляетъ вторую прибавку послѣ одобриванія; но здѣсь онъ уже значительно развитъ: именно указано количество вытей, соответствующее $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ сохи и содержащееся въ этихъ доляхъ количество десятинь и четвертной пашни; а также количество четвертей, содержащееся въ 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$, и $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ выти. Тотъ же расчетъ повторенъ и для выти и сохи средней и худой земли. Ср. ниже, прим.

дѣлать специально по отношенію къ той категоріи земель, на которой правительству и раньше «царева уложенія» приходилось считаться съ вытнымъ счетомъ, — именно относительно «дворцовыхъ» земель¹⁾; во всѣхъ позднѣйшихъ текстахъ вытнй расчетъ дѣлается уже для всѣхъ категорій земель. Во вторыхъ, въ расчетѣ квадратнаго содержанія вытей, долей десятины и сохи составитель дѣлаетъ элементарную ошибку, которая устранена въ позднѣйшихъ расчетахъ²⁾.

Всѣ эти отдѣльные попытки ввести въ текстъ сошнаго руководства расчетъ одобриванія и вытнй расчетъ разрѣшаются, наконецъ, составленіемъ *второго сошнаго руководства*, болѣе полнаго и сложнаго по составу, чѣмъ рассмотрѣнное выше руководство изъ трехъ отдѣловъ, сохраненное въ 13-ти главахъ рук. Арх. И. Д. Новое руководство помѣщено подъ особымъ заглавіемъ въ 14—40 главахъ той же рукописи; но оно существовало, несомнѣнно, и въ отдѣльномъ видѣ, какъ свидѣтельствуеетъ рук. Ундольскаго № 833 (Рум. муз.), гдѣ оно занимаетъ начало (л. 1—10, 31). Несмотря на испорченный текстъ, основное содержаніе этого руководства легко

1) Напомнимъ, что въ самомъ первомъ текстѣ О. Л. Др. II. о дворцовыхъ земляхъ вовсе не говорится, и даже нѣтъ позднѣйшей оговорки, что дворцовая и черная сохи тождественны съ помѣстной.

2) Поясняемъ эту ошибку примѣрами: «дворцовыя добрыя земли выть—6 десятинь, а мѣрою въ длину 480 сажень, а поперегъ 180 сажень»; другими словами, составитель опредѣляетъ квадратное содержаніе шести десятинь шестью линейными длинниками и шестью линейными поперечниками, не замѣчая, что при этомъ получается не 6, а 36 десятинь. Та же ошибка повторяется при опредѣленіи долей десятины въ саженьяхъ: зная, что десятина имѣетъ 80 X 30 саж., составитель полагаетъ, что $\frac{1}{2}$ десятины будетъ 40 X 15 саж., т. е. получаетъ вмѣсто половины четверть и т. д. Точно также и соху=400 десятинь составитель измѣряетъ четырьмя стами длинниками и столькими же поперечниками одной десятины: «десятинь 400, а сажень въ тѣхъ десятинахъ въ длину 82.000, а поперегъ 12.000 саж.», т. е. получается вмѣсто одной сохи — четыреста. Такую же ошибку встрѣчаемъ въ текстахъ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 18—24 и Q II, № 42; вообще эти тексты представляютъ переходъ отъ первой редакціи сошнаго руководства ко второй; правила одобриванія и вытнй расчетъ здѣсь введены, но тоже въ видѣ прибавки (и не всегда у мѣста), а не въ видѣ систематическаго дополненія текста, какъ во второй редакціи. *Вторая часть* («сводъ сошному и вытному письму, коя кость съ которою слагается» и денежный счетъ—съ приравненіемъ сохи къ 40 алтынамъ) здѣсь также имѣетъ нѣкоторыя особенности. Наконецъ, однаковъ со второй редакціей у этихъ текстовъ—расчетъ окладовъ отдѣльныхъ податей на соху (см. ниже стр. 84), и золотая кладъ.

возстанавливается ¹⁾. При сравненіи его съ первымъ руководствомъ мы приходимъ къ заключенію, что въ основу главной части новой редакціи положено старое «уложеніе», но усложненное при каждой статьѣ во 1-хъ вытнмъ разсчетомъ, во 2-хъ разсчетомъ одобриванія. Сравнивая же текстъ рук. А. И. Д. и рук. Ундольскаго между собой, мы замѣтимъ, что послѣдній представляетъ эту новую редакцію въ болѣе простомъ видѣ: именно онъ приводитъ разсчетъ количества четвертей въ выти каждого сорта и въ ея доляхъ и разсчетъ наддачи на извѣстное количество четей, начиная со 100; но онъ не дѣлаетъ разсчета количества вытей и наддачи *на соху* и на ея части.

Въ слѣдующей схемѣ основное содержаніе «царева уложенія» представлено разрядкой, прибавки же свойственныя одному тексту рук. А. И. Д. и Публ. Толстовск. заключены въ ломаныя скобки. Схема восстанавливаетъ порядокъ, не всегда выдерживаемый списками

І. ДОВОРОЙ ЗЕМЛИ СОХА 800 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: добрыя земли выть 12 чети, полвыти—6 чети и т. д.

[b: добрыя жъ земли вытей: въ сохѣ 67 безъ $\frac{1}{3}$ выти, въ полсохѣ и т. д.].

ІІ. СЕРЕДНЕЙ ЗЕМЛИ СОХА 1000 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: середнія земли выть 7 десятинъ, полвыти и т. д.

[b: середнія жъ земли вытей: въ сохѣ $71\frac{1}{2}$, въ полсохѣ и т. д.].

прибавл. 2. а: одобриванье середнія земли: учинить середнія земли доброю землею съ наддачею, гдѣ доведца на 100 чети — наддачи 25 чети, на 50 чети — наддачи $12\frac{1}{2}$ и т. д. на всѣ десятки, единицы и на обычныя дроби.

[b: указъ середнія земли: соха 1000, а доброю землею съ наддачею 800; полсохи и т. д.].

[c: середнія жъ земли четверть, а доброю землею съ наддачею четь безъ $\frac{1}{4}$ + $\frac{1}{32}$; середнія жъ земли осмина, а доброю землею и т. д.].

¹⁾ Напомнимъ что болѣе исправный списокъ того же текста содержится въ Публ. Толстовск. рк.

III. Худой земли соха 1200 четв., полсохи и т. д.

прибавл. 1. а: а выть худыя земли 16 чети, полвыти 8 чети и т. д.,

а десятинь худыя земли на выть 8, на полвыти 4 и т. д.

[b: худые жъ земли класть вытная кость: соха 75 вытей, полсохи и т. д.].

прибавл. 2. а: указъ, худыя земли какъ добрить: на 1000 чети наддачи 500 чети, на 500 и т. д.

[b: указъ, какъ худыя земли добрить и учинить доброю землею съ наддачею: соха 1200 четв., а доброю землею съ наддачею — 800, полсохи и т. д.].

Далѣе слѣдуетъ «указъ сошному письму о владычннхъ и о монастырскихъ земляхъ» — по той же схемѣ, какъ приведенная схема помѣстнаго сошнаго письма, но безъ 2-го прибавленія — объ одобряваніи, а въ Унд. 833 и безъ перваго прибавленія ¹⁾).

Сколько можно судить по испорченнымъ текстамъ, — за этой главной частью вторая редакція сошнаго руководства помѣщала таблицу долей сохи и ихъ сложенія («роспись меньшимъ костямъ, какъ двѣ кости положить въ одну кость»). Эта часть, очевидно, соответствовала второй части перваго руководства (именно, первому отдѣлу 2-ой части). Второй отдѣлъ второй части перваго руководства (роспись мелкому своду) также имѣетъ во второмъ руководствѣ свою параллель: въ самомъ концѣ послѣдняго (гл. 37—40) находимъ руководство къ сложенію мелкихъ долей четверти «по деньгамъ или безъ денегъ».

Совершенно новы во 2-ой редакціи сошнаго руководства главы 28—36. Здѣсь содержатся 1) разверстка на доли сохи важнѣйшихъ податей XVI в. (гл. 28 — 30); 2) «указъ, какъ гдѣ лучится писать въ сошное письмо тяглыхъ людей дворы посадскихъ и слободскихъ» (гл. 31 — 34); 3) «Золотая кладь» и неконченное вычисленіе «окружныхъ сажень въ двухъ четяхъ сѣву, въ чети, осминѣ» (гл. 35—36). Въ спискѣ 1629 г. въ той же связи помѣщена и 3-я часть первой редакціи: вычисленіе квадр. содержанія мѣрной версты и раздѣленіе ея на три поля ²⁾).

¹⁾ Въ рукописи А. И. Д. эта часть текста совершенно перепутана (л. 26 об.— 27, л. 31): указъ о монастырскихъ земляхъ повторенъ два раза, причемъ только второй разъ выписанъ вполне (гл. 25—26), а первый разъ прерванъ на самомъ случайномъ мѣстѣ.

²⁾ Врем. XVII, 48.

Изъ этихъ частей для насъ особенный интересъ представляетъ разверстка податей на доли сохи. Эта разверстка убѣждаетъ насъ въ томъ, что и вторая редакція сошнаго руководства составлена въ XVI в. Разсчетъ разверстки сдѣланъ здѣсь для трехъ податей: намѣстнича корма по окладу 42 алт. 4 д. съ сохи; ямскихъ денегъ— по окладу 17 р. съ сохи, и кормовыхъ денегъ— по окладу 44 а. 4 д. съ сохи ¹⁾. Окладъ намѣстнича корма принадлежитъ XVI в.; окладъ ямскихъ денегъ также занимаетъ середину между извѣстными намъ окладами XVI в. ²⁾. Въ XVII в. оклады XVI вѣка, правда, продолжали существовать, но, какъ скоро увидимъ, — потеряли всякое финансовое значеніе; въ частности, ямская подать совершенно преобразовалась, такъ что заносить старый окладъ ея въ сошное руководство, составляемое въ XVII в., было бы совершеннымъ анахронизмомъ.

Слѣдя за исторіей книгъ сошнаго письма въ XVI в., мы до сихъ поръ совершенно оставляли въ сторонѣ одну составную часть ихъ, именно руководство къ геодезіи. Руководство это, впрочемъ, не столько входило въ составъ сошнаго руководства, сколько служило

¹⁾ Унд. № 833 и таблица у Иванова, Опытъ ист. меж.: 44 алт.

²⁾ Окладъ намѣстнича корма въ 42 а. 4 д. см. въ Доп. къ А. И. I, № 78, Холм. у. 1555 г.: здѣсь онъ названъ «бѣлымъ», потому что собирается съ бѣлыхъ сохъ. Въ жал. гр. Бориса Феод. 1602 г. упоминается о сборѣ посошнаго корма на нынѣшній и прошлые годы съ сохи по 42 а. 4 д. въ Бѣлоз. у. съ патриаршей вотчины (Рум. муз. Бѣляев. об. № 1620, л. 402). Тотъ же окладъ остается и въ 1607 г. (Рум. муз. отписки Гарелина, грамота 7115 г., марта 27). Въ дворцовыхъ владѣніяхъ вѣдался, повидимому, половинный окладъ 20 а. 8 д., см. Акты Фед. Чех. I, 233; Арх. Юст. Бѣлозер. у. № 814 и 823, грамоты 1564 и 1569 гг.; въ Пошехон. у. № 9703, грамота 1586 г., тотъ же окладъ берется съ *монастырскихъ* деревень, но передъ этимъ онъ были одно время отписаны на государя. Въ Волок. у. № 2432, грам. 1544, мы можемъ прослѣдить и происхожденіе этого размѣра: съ дворцовой выти берется по 2 денги; вытегъ здѣсь сочтено въ сохѣ по 67 (и ихъ пашни 6X67=402 десятины); посошнаго корма выходитъ 134 денги или 22 а. 2 д., т. е. только на 1 алт. больше обыкновеннаго размѣра. О размѣрахъ кормовыхъ денегъ XVI в. мы не имѣемъ свѣдѣній. Что касается ямскихъ, мы видѣли, что окладъ ихъ не установился окончательно; но по отпискамъ можно замѣтить, что онъ вѣдался по окладу 20 или 10 р. съ сохи (А. Ю. № 209, V, VI (1588); № 214, II—VI—1589—1598); въ послѣднемъ окладѣ онъ перешли и въ XVII в. Въ Писц. кн. Калач. I, 2, 294, 329, 342 упоминается о платежѣ ямскихъ денегъ «по государеву уложенью» т. е., можетъ быть, по окладу, установленному оффиціальной сошной книгой? Въ текстахъ Публ. библ. Q, II, № 42 и Q, XVII, 87, л. 20 об. — 21, разверстаемые оклады приняты: 1) для *данныхъ* денегъ — 20 р. съ сохи; 2) для *половинныхъ* — 2 р. съ сохи; 3) для *ямскихъ* — 10 рублей.

приложеніемъ къ нему; оно имѣеть, такимъ образомъ, свою собственную, независимую отъ сошной книги исторію. Геодезическое руководство предпослано уже древнѣйшему тексту «парева уложенія» (въ 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.). Обѣ редакціи сошнаго руководства не ввели его въ свой составъ (хотя первая и ввела, повидимому, въ заглавіе); въ рк. А. И. Д. оно находится послѣ сорокоглавной книги сошнаго письма, въ концѣ «росписи полевой мѣрѣ», подъ особымъ заглавіемъ: «о земляномъ верстанѣ, какъ земля верстать» (л. 53 об.). Любопытно, что и здѣсь оно сохраняетъ связь съ «уложеніемъ» въ древнѣйшей формѣ и въ этой связи остается и въ позднѣйшее время, какъ бы составляя особый цѣльный трактатъ ¹⁾. Во всѣхъ текстахъ, кромѣ 1-го текста О. Л. Др. П., «уложеніе» вошло уже въ самый текстъ геодезическаго руководства, разорвавъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вставками первоначальную связь изложенія.

Вопросъ о происхожденіи руководства къ землемѣрью представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ вопросъ о происхожденіи сошной книги. Рядъ соображеній ведетъ къ выводу, что геодезическое руководство составилось независимо отъ сошной книги, для совершенно самостоятельныхъ цѣлей. Прежде всего, собственно о сошномъ письмѣ въ немъ нѣтъ ни одного слова. Рѣчь идетъ объ измѣреніи полей въ десятинахъ, четвертяхъ и саженьяхъ. Линейной единицей этого измѣренія является вервь въ 40 саж. Квадратной единицей служитъ площадь 40×40 сажень, приравниваемая «четверти сѣву» и, слѣдовательно, составляющая $\frac{1}{4}$ десятины. 12 такихъ четвертей доброй земли, 14 четвертей средней и 16 четв. худой составляютъ выть. Такого размѣра выти, какъ мы знаемъ, давно уже установились въ дворцовомъ хозяйствѣ. Замѣтимъ далѣе, что сошная книга принимаетъ десятину въ 80×30=2400 кв. саж. ²⁾

¹⁾ Въ рк. Арх. И. Д. листы перепутаны: послѣ 49 должны идти 61, 56, 54, 55 и 53-й, съ послѣдняго и начинается трактатъ «о земляномъ верстаніи» и занимаетъ далѣе л. л. 53, 57, 50—52, 58—60. Въ обоихъ текстахъ Врем. XVII трактатъ этотъ также приложенъ къ концу стр. 55—62, 84—90. Текстъ геодезическаго руководства прерывается здѣсь на четвертой строчкѣ (отъ словъ «а въ соху добрыя земля» до сл.: «надобе веревцику держати 3 верви вытнхъ» стр. 55—6, 84—5); затѣмъ въ спискѣ 1709 г. идетъ непрерывный текстъ, а въ спискѣ 1629 есть еще вставка (стр. 56—7: отъ сл. «въ десятинѣ 80 сажень» до сл. «а коли тебѣ приведется»).

²⁾ Десятина въ 80×30=2400 кв. саж. встрѣтилась намъ въ грамотахъ 1544 г. (Арх. Ю. Волокол. у. № 2492 — на дворцовой землѣ) и 1552 г. (ib. Переясл. Загѣсск. № 8886).

тогда какъ наше землемѣрное руководство — въ $80 \times 40 = 3200$ кв. саж. Последняго размѣра десятины намъ не приходилось встрѣчать въ источникахъ XVI в.; но въ болѣе позднее время она встрѣчается и извѣстна какъ «хозяйственная» и специально *дворцовая* десятина ¹⁾. Припомнимъ, что по заглавію перваго сошнаго руководства въ немъ содержалось «землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей», т. е. такъ называлось, вѣроятно, первоначально наше геодезическое руководство. Такимъ образомъ, всѣ эти признаки указываютъ на дворцовое хозяйство, какъ на первоначальную сферу примѣненія «землянаго верстанія».

Другое обстоятельство, выдѣляющее «земляное верстаніе» изъ состава сошнаго руководства, заключается въ томъ, что, между тѣмъ какъ всѣ остальные статьи сошной книги возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ, оно одно является съ самаго начала совершенно готовымъ. Самая эта законченность текста въ связи съ значительной трудностью сюжета и спутанностью текстовъ наводитъ на предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ не вполне туземнаго происхожденія. Все, что мы знаемъ о византійскихъ геодезическихъ приемахъ и руководствахъ, способно только подтвердить наше предположеніе.

«Буди же вѣдомо (выше: вѣдомо буди и сіе): преже возми вервь 40 сажень вдоль и поперекъ, и по землѣ протени: то есть четверть сѣву»; такъ начинается трактатъ о земляномъ верстаніи. Форма обращенія къ землемѣру и самыя слова этого обращенія можно не разъ встрѣтить въ византійскихъ руководствахъ: «Ἰστέον καὶ τοῦτο», «γίνωσκέτω», γίνωσκει καὶ τοῦτο» ²⁾. «Вервь» (σχοίνιον, сокаръ) составляетъ необходимое орудіе и византійскихъ землемѣровъ; длина ея точно опредѣляется въ руководствахъ. «Когда хочешь измѣрять землю перваго качества, то употребляй веревку въ 10 оргій (= сажень)» ³⁾. Это предполагаетъ веревки инаго размѣра для другихъ качествъ земли (византійскія руководства различаютъ три качества); въ самихъ руководствахъ упоминается веревка въ 12 оргій для кочковатыхъ и каменистыхъ мѣстностей ⁴⁾. «Ты дол-

¹⁾ Бутковъ. Рус. стар. мѣры въ Ж. М. Ви. Д. 1844, ноябрь 292. А. С. Лаппо-Данилевскій напрасно называетъ эту десятину «круглой» — терминъ, который имѣетъ совсѣмъ иное значеніе (стр. 222, прим. 1).

²⁾ Ф. И. Успенскій. Византійскіе землемѣры въ Трудахъ Одесск. арх. съѣзда, т. II, стр. 299, 287.

³⁾ Ibid. 282.

⁴⁾ Ibid. 279.

жень сдѣлать вервь или сокаръ, говоритъ византійское руководство, въ десять сажень и такимъ образомъ измѣрять мѣсто, подлежащее измѣренію: ибо сокаръ для пахотной земли долженъ имѣть десять сажень; а для луговъ и пустошей — двѣнадцать. И при десятисаженной веревкѣ площадь модія будетъ имѣть только двѣсти сажень, а при двѣнадцатисаженной — 288» ¹⁾. Съ такимъ различіемъ надо сопоставить правило нашего руководства: «надобно веревкику держати три веревки вытныхъ: одна на добрую землю, другая на середнюю, и третія на худую землю; и по землямъ смотря мѣрять: какова земля, такова и вервь мѣрйти». Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, чтобы это правило примѣнялось на практикѣ; выти разныхъ качествъ, повидимому, мѣрились той же 40-саженной веревкой, только разнымъ ихъ количествомъ. Если такъ, то весьма возможно, что предписаніе нашего сошнаго руководства осталось чисто бумажной мѣрой; а этимъ самымъ подтвердилось бы его вопліѣ книжное, чуждое русской дѣйствительности происхожденіе.

Переходимъ къ единицѣ измѣряемой площади. Византійское и наше руководство принимаютъ извѣстную площадь посѣва за единицу: у насъ веревка вдоль и веревка поперекъ даютъ «четверть сѣву»; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Византіи десятисаженный сокаръ въ квадратѣ давалъ модій, «такъ какъ на обѣзвѣ такой площади требовался модій жита въ 40 литровъ» ²⁾. Гульчъ дѣлаетъ предположеніе, что эта земельная площадь и была древней (еги-

¹⁾ Heronis alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquiae, ed. *Hultsch* (Weidm. 1874), гл. 4, 12—14 (ср. его же *Metrologicorum scriptorum reliquiae I*, 189—190): μετὰ τοῦτο ὀφείλεις ποιῆσαι σχοινίον ἤγρουν σωκάριον δεκάργυιον καὶ οὕτως μετρεῖν ὃν μέλλεις τόπον· τὸ γὰρ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργυῖας ὀφείλει ἔχειν, τοῦ δὲ λιβαδίου καὶ τῶν περιορισμῶν ἱβ'. καὶ μετὰ μὲν τοῦ δεκάργυίου σχοινίου ἔχει ὁ τόπος τοῦ модίου ὀργυῖας διακοσίας μόνας, μετὰ δὲ τοῦ δωδεκάργυίου ἔχει ὀργυῖας σωή. См. также *Hultsch*, *Metrol. scr. rel. II*, 136 (excerpta et *Isidoro*): peticas autem juxta loca vel crassitudinem terrarum, prout provincialibus placuit, videmus esse dispositas, quasdam decempedas, quibusdam duos additos pedes, aliquas vero quindecim vel X et VII pedum diffinitas, ita dumtaxat, ut crassioribus terris minores mensuras, sterilioribus majores tribuisent, prout modiorum numerus incremento frugum unicuique loco sufficeret.

²⁾ Успенскій, *ibid.* 298. Собственно низшей (тоже квадратной) единицей площади посѣва была одна литра: пять сажень, вдоль и поперекъ. См. у Герона, гл. 4, 15: Χρή δὲ γινώσκειν καὶ τοῦτο, ὅτι ὁ σπόριμος модιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα· μία δὲ ἐκάστη λίτρα σπείρει γῆν ὀργυῖων πέντε. Πλάτος γὰρ καὶ μήκος ὀργυῖων πέντε ποιοῦσι λίτραν μίαν и т. д. Такихъ 40 литровъ даютъ 200 квадратныхъ сажень.

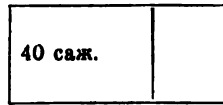
петской и греческой) квадратной единицей земельного измѣренія; важно отмѣтить его же замѣчаніе, что десятисаженная веревка, употреблявшаяся при измѣреніи этой единицы, могла дать поводъ и къ названію послѣдней «десятиною мѣроу», какъ толкуеть схолиастъ старинное греческое слово *ἄλινα*, сближаемое Гульчемъ съ бетическимъ *асина* и сопоставляемое съ египетскимъ *амма* (евр. *амма* ¹⁾). Сопоставленіе съ нашей «десятиной» напрашивается само собою; но безъ дальнѣйшихъ справокъ мы не рѣшаемся останавливаться на этомъ сопоставленіи; если тутъ и было заимствование, то во всякомъ случаѣ оно должно относиться къ гораздо болѣе давней порѣ, чѣмъ та, о которой идетъ рѣчь теперь. Въ позднѣйшее время обычный греческій модій представлялъ удвоенную площадь древней *аммы*, передѣланную, какъ догадывается Гульчъ, по образцу римскаго югера ²⁾: тѣ же 40 литровъ жита высѣвались не на 100, а на 200 кв. саж., или на площадь въ двѣ веревки (десятисаженныхъ) въ длину и одну веревку въ ширину. Аналогичную *этому* модію, но въ 16 разъ бѣльшую геометрическую фигуру представляла наша десятина въ 3200 кв. саж., состоявшая тоже изъ двухъ (сорокасаженныхъ) веревокъ въ длину и одной въ ширину. Разница въ величинѣ веревки, у насъ вчетверо болѣе чѣмъ въ Византіи, и въ площади квадратной единицы, болѣе въ $4 \times 4 = 16$ разъ, должна, конечно, объясняться различіемъ въ степени плодородія почвы и интенсивности земледѣльческой культуры.

Послѣ опредѣленія единицы линейной и квадратной мѣры задача нашего и византійскихъ руководствъ одинаково состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить квадратное содержаніе даннаго участка въ саженяхъ и затѣмъ выразить его въ единицахъ площади по сѣва — модіевъ и четвертей. Оба выполняютъ задачу на частныхъ примѣрахъ. Въ напечатанныхъ *Θ. И. Успенскимъ* руководствахъ эти примѣры слишкомъ просты; напротивъ, въ геометрическихъ руководствахъ *Герона* и *Педіасима* они гораздо подробнѣе нашего сошнаго руководства и имѣютъ болѣе геометрической, чѣмъ геодезической характеръ. Сравнивая съ послѣдними примѣры рус-

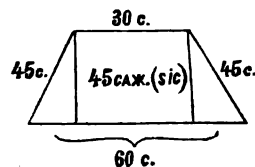
¹⁾ *Metrol. scr. reliquiae. I, prolegomena, 27 — 29: hoc σχοινίον δεκαόργυιον ipsum antiquum amma esse videtur.*

²⁾ *Ibid. 39 — 40: iam vero recordemur etiam antiquum amma agrestem mensuram fuisse, quae denas orgyias in longitudinem et latitudinem, omnino igitur centum quadratas orgyias haberet. Modius igitur ducentarum orgyiarum nihil nisi duplex est amma. Quae si reputamus, cuinam latere potest jugeri similitudine Romanos hanc mensuram effecisse, quae duplo longior esset, quam latior.*

скаго руководства, мы приходимъ къ приключенію, что наше руководство, вмѣсто правильнаго и систематическаго перехода отъ простыхъ геометрическихъ фигуръ къ сложнымъ, ограничивается нѣсколькими отрывочными случаями, хотя въ общемъ и сохраняющими постепенность греческихъ руководствъ. Подробный разборъ этихъ случаевъ представляетъ большія затрудненія въ виду испорченности русскаго текста и еще большей испорченности прилагаемыхъ къ нему чертежей: очевидно, что переписывавшіе то и другое совершенно не понимали смысла переписываемаго, и несомнѣнно, что въ подобной передачѣ наше геодезическое руководство теряло всякое практическое значеніе. За исключеніемъ одного случая, для меня непонятнаго ¹⁾, рѣчь идетъ, какъ полагаю, о слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: 1) измѣреніе *прямоугольника* (τετράγωνον ὀρθογώνιον). Греческій текстъ выдѣляетъ въ особый случай измѣреніе основнаго десятисаженнаго *квадрата* земельной площади (10×10 оргій = $\frac{1}{2}$ модія); у насъ же этотъ случай введенъ въ измѣреніе прямоугольника; для этого взять прямоугольникъ, ширина котораго равняется нашей сорокасаженной веревкѣ, а длина — ровно веревкѣ съ третью. Греческое руководство, переходя отъ квадрата къ прямоугольнику, не ограничивается такимъ частнымъ случаемъ, въ которомъ оставшуюся часть можно выразить въ частяхъ цѣлой «четверти сѣву» (или модія); 40 саж. $19\frac{1}{3}$ с. оно прямо раздробляетъ веревки и сажени въ сажени, множить всю длину на ширину и затѣмъ полученное количество кв. сажень превращаетъ въ модіи и литры. Далѣе, опуская все, что касается измѣренія треугольниковъ, наше руководство переходитъ къ 2) измѣренію *равносторонней трапеціи* (τραπεζίον ἰσοπλευρον), которая однако, даже въ лучшихъ текстахъ, безнадежно смѣшана съ прямоугольной (ὀρθογώνιον), такъ какъ полусумма сторонъ $\frac{30+60}{2} = 45$ умножается не на высоту (которая равнялась бы въ данной трапеціи 42, 4), а на сторону (или полусумму равныхъ сторонъ = 45 саж.). Чертежъ долженъ быть:

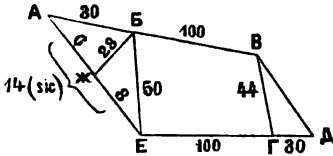

Слѣдуетъ далѣе 3) «Поле четвероугольно съ тремя великими мысы» или, по смыслу примѣра *неправильный четырехугольникъ*. Для измѣренія фигура дѣлится на «четыреугольную серединку» и на три треугольных «наво-

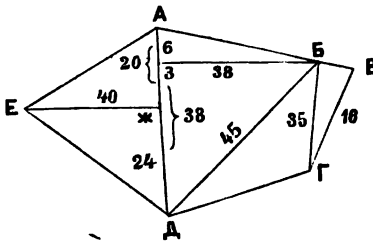
¹⁾ «Если придется поле мѣрить четвероугольное на четыре мѣста».

лока»; затѣмъ «середка» фиктивно принимается за трапецію и измѣряется (какъ въ предъидущемъ случаѣ) произведеніемъ полусуммъ противоположныхъ сторонъ; а въ каждомъ изъ трехъ треугольниковъ одна сторона принимается за высоту и умножается на половину другой. По размѣрамъ, даннымъ въ руководствѣ, никакого построенія нельзя сдѣлать; но по существу дѣла построение должно быть приблизительно слѣдующее:

Четыреугольникъ БВГЕ измѣряется $100 \times \frac{50+44}{2}$; треугольникъ АБЖ — 30×3 ; БЖЕ — 14×8 ; БГД — 44×15 .

4-й случай, приводимый въ нашемъ руководствѣ, относится къ измѣренію пятиугольнаго «поля». Для измѣренія оно дѣлится на треугольники, площадь которыхъ вычисляется по предъидущему (построение при данныхъ размѣрахъ тоже невозможно):

Треугольникъ АБЗ = 38×3 саж.; БВГ = 35×8 ; БГД = $45 \times 17\frac{1}{2}$; БДЗ = 38×19 ; ЕЖД = 40×12 ; АЕЖ = 40×10 . Первый и три послѣднія измѣренія, конечно, правильны, если ЕЖ и БЗ — перпендикулярны къ АД.

Итакъ, наше руководство весьма произвольно обращается съ геометрией: оно, какъ мы видѣли, умножаетъ полусуммы противоположныхъ сторонъ неправильнаго четырехугольника, чтобъ получить его площадь; а чтобъ получить площадь треугольника, прямо множить одну сторону на половину другой. Въ извѣстныхъ намъ греческихъ текстахъ не встрѣчаемъ подобныхъ неточностей; но по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ изъ нихъ, напр. у Педіасима, можно найти аналогичныя упрощенія ¹⁾; а въ одномъ латинскомъ отрывкѣ *de jugeribus metiundis* встрѣчаемся съ совершенно тождественными практическими приемами ²⁾. «Если поле будетъ равностороннимъ треугольникомъ, по 60 веревокъ въ каждой сторонѣ,

¹⁾ Die Geometrie des Pediasimus, Programm v. Dr. G. Friedlein, 1866, Ansbach, стр. 36—39. Ср. Успенскій, о. с. 280.

²⁾ Die Schriften der römischen Feldmesser, hrgb. und. erläut. v. Blume Lachmann Rudorff Berl. 1848, I, 354 — 356.

умножаю одну сторону на половину другой...»; «если будетъ неровное поле, такъ что одна сторона будетъ имѣть 40 веревокъ, а другая (противоположная; см. рисунокъ у Блюме) 30, третья 20, а четвертая 6, — складываю 40 и 30, будетъ 70: дѣлю пополамъ — будетъ половина 35. Опять складываю 20 и 6, будетъ 26: дѣлю поровну, будетъ 13. Умножаю прежде раздѣленную сторону 35 на 13, получается 355 веревокъ» etc. ¹⁾ Въ виду такого совпаденія необходимо отмѣтить, что эти землемѣрные задачи вообще и нашъ отрывокъ въ частности издатели считаютъ заимствованными съ греческихъ текстовъ ²⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при болѣе тщательныхъ поискахъ встрѣтятся тексты, еще болѣе близкіе къ нашему «земляному верстанію».

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о происхожденіи нашего геодезическаго руководства опять поднимается вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги. А. С. Лаппо-Данилевскій очень осторожно отнесся къ этому вопросу. «Нельзя же сходство непременно объяснять заимствованіемъ», говоритъ онъ по этому поводу (180, прим. 1). Однако же и А. С. Лаппо-Данилевскій соглашается, что «Византія могла ознакомить русскихъ людей съ метрологіей и основными правилами геометріи» (179). Относительно метрологіи это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію послѣ работъ Прозоровскаго; относительно геометрическихъ и геодезическихъ пріемовъ, это, вѣроятно, окончательно выяснится при дальнѣйшемъ изученіи. Но заимствованіе, какъ намъ кажется, можно слѣдить и дальше: не только въ единствѣ пріемовъ, но и въ единствѣ той цѣли, которой они должны были служить, — мы говоримъ о цѣли податнаго обложенія. Не будемъ здѣсь останавли-

¹⁾ Ager si fuerit trigonus isopleurus, habens tria latera, per quae sexagenas perticas habent, duco unum latus per alterius lateris medietatem, id est LX per XXX: fiunt perticae ∞ DCCC, quae faciunt jugera VI, tabula una...

Ager si fuerit inaequalis, ita ut habeat in latere uno perticas XL et in alio XXX et in alio XX et in alio VI, conjungo XL et XXX: fiunt LXX. divido in aequa: fit una pars XXXV. rursus jungo VI cum XX: fiunt XXVI. divido aequaliter: fiunt XIII. Duco latus quod divisi prius, id est XXXV per XIII: fiunt perticae CCCLV, quae faciunt jugerum unum tabulas II, perticas XXIII.

²⁾ Röm. Feldmesser II B. (1852), 478: vergleicht man die Trümmer des Heron mit der lateinischen Feldmessersammlung, so ergibt sich, dass die eigentliche Gromatik eine rein nationale Wissenschaft blieb, die reine und angewandte Mathematik dagegen den Griechen entlehnt wurde und zwar theils dem Euklid, theils dem Heron, auf dessen γεωμετρούμενα namentlich die Messaufgaben... pp. 354—356... offenbar zurückergehen, wenn sie auch nicht gerades Weges aus der uns vorliegenden griechischen Redaction übersetzt sind.

ваться на любопытной во всякомъ случаѣ параллели между зевгратнымъ, войдатнымъ и актимоннымъ (пѣшимъ) надѣлами византійскаго кадастра, и плугомъ, сохой, однокольцемъ и пѣпцемъ нашей *старой* сошной системы; пусть тутъ заимствование остается пока не болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ простая аналогія. Но наша *новая* сошная система, основанная на различіи земель по тремъ качествамъ и на податномъ уравненіи платежныхъ участковъ по количеству — обратно пропорціонально ихъ качеству, — не находится-ли въ несомнѣнной связи съ фискальными приемами византійскаго кадастра ¹⁾? При простомъ сопоставленіи отдѣльныхъ сходныхъ чертъ русской и византійской системы становится вѣроятнымъ, что сходство идетъ въ данномъ случаѣ далѣе простой аналогіи ²⁾. Но до сихъ поръ оставался совершенно неяснымъ вопросъ о времени заимствования. Для сошной системы, сходство которой съ византійской мы только что отмѣтили, мы считаемъ теперь время ея появленія достаточно разъясненнымъ; къ сожалѣнію, относительно времени составленія геодезическаго руководства, византійское происхожденіе котораго намъ представляется несомнѣннымъ, трудно утверждать что-либо положительное. Тѣмъ съ большимъ интересомъ мы остановимся теперь на разборѣ одного весьма важнаго документа, въ которомъ византійскія реминисценціи, какъ намъ кажется, идутъ объ руку съ предположеніями о реформѣ русской системы; суть послѣдней заключается по этимъ предположеніямъ въ новыхъ приемахъ измѣренія участковъ, а цѣлью ея ставится усовершенствованіе податной и служилой организаціи; словомъ, документъ нашъ соединяетъ какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ тѣ задачи, которыя должна была поставить себѣ реформа 1550-хъ годовъ и, понятый такимъ образомъ, бросаетъ новый свѣтъ на ея исторію.

Къ сожалѣнію, документъ этотъ, напечатанный въ приложе-

¹⁾ Любопытно также, что нашъ старинный счетъ долями половины и трети, несомнѣнно, практиковался въ Византіи; объ этомъ можно заключать по одному мѣсту въ біографіи Василя Македонянина (у продолж. Теофана), гдѣ говорится о злоупотребленіяхъ, возможныхъ при «существующей системѣ, принятой въ податныхъ спискахъ, — выражать требуемое количество не буквами, выраженными и ясными числами, а ради сокращенія — долями чиселъ и частями половины и частями шестой и двѣнадцатой доли». Цит. у Ф. И. Успенскаго, св. 303.

²⁾ На это обстоятельство было указано впервые, если не ошибаемся, въ одной изъ прекрасныхъ статей В. Г. Васильевскаго. Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, августъ, стр. 361.

ни II, извѣстенъ мнѣ пока въ единственномъ спискѣ XVII столѣтія, и только его содержаніе и, можетъ быть, языкъ, который онъ изложенъ, даютъ возможность отнести его къ этому именно моменту русской финансовой исторіи, — къ подготовкѣ реформы 1550-хъ годовъ. Прежде всего, изложу его содержаніе, въ подлинникѣ переданное довольно запутанно. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ земельные споры, несправедливости и взятки писцовъ и мѣрщиковъ происходятъ отъ той причины, что измѣреніе производится четвертями. Онъ предлагаетъ ввести болѣе крупную земельную мѣру — именно квадратную версту или, выражаясь его терминами, «четверогранное поприще». Квадратная верста есть площадь въ 1000 сажень вдоль и поперекъ; сажень авторъ принимаетъ длиной въ двѣ (распростертыя) мужскія руки. И это «поприще» и эта (трехлокотная = двухаршинная = маховая) сажень суть древнія мѣры, хотя отношеніе между ними опредѣляется въ одномъ документѣ конца XV и начала XVI в. не въ 1000, а въ 750 сажень въ верстѣ ¹⁾. Считая поприще въ 1000 сажень вдоль и поперекъ, получимъ квадратную площадь въ 1.000.000 саж., или, считая по 1200 сажень въ четверти посѣва (а не 1600, какъ въ геодезическомъ руководствѣ), — 833 ¹/₂ четверти въ трехъ поляхъ; въ одномъ полѣ «раздѣленія ради житнаго» получится 277 ³/₄ четверти. Такая площадь можетъ вмѣстить «20 ратаевъ полныхъ жребіевъ», считая каждый жребій «по 12 ¹/₂ чети въ каждомъ полѣ»: всего будетъ 250 четвертей; остальные 27 ³/₄ четверти можно скинуть въ счетъ надѣльнаго лѣса и сѣна. Такое четырехгранное поприще въ 250 четвертей и 20 полныхъ крестьянскихъ надѣловъ авторъ предлагаетъ взять за единицу военнаго участка, даваемого правительствомъ «боярамъ и воинамъ». Какъ видимъ, и по существу дѣла и по самой терминологіи мы имѣемъ здѣсь дѣло съ точнымъ воспроизведеніемъ византійскаго стратіотскаго участка, слагавшагося изъ извѣстной суммы «полныхъ» зевгаратныхъ крестьянскихъ надѣловъ или изъ пропорціональнаго количества неполныхъ ²⁾. Величина полного участка опредѣлена здѣсь въ размѣрѣ обычной владѣльческой *смити* доброй земли.

¹⁾ Бутковъ. Объясненіе русскихъ старинныхъ мѣръ въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1844, ноябрь, 260 — 261 (прим. 1). Авторъ указываетъ одинъ списокъ статьи «о широтѣ и долготѣ земли» составляющей приписку къ печатному сербскому молитвеннику; мы можемъ указать другой списокъ съ несомнѣнными сербизмами въ Библ. Моск. Дух. Акад.

²⁾ Успенскій. Труды Од. съѣзда II, 334 — 336. Здѣсь авторъ, повидимому, окончательно отказывается отъ неудачной мысли искать спеціальной

Установивъ единицу измѣренія, авторъ предлагаетъ дагѣ рассчитать, сколько поприщъ вдоль и поперекъ слѣдуетъ отвести на опредѣленный служилый окладъ, выраженный въ доляхъ принятой единицы. Какъ видно изъ таблицы, за низшій размѣръ оклада принято 10 полныхъ надѣловъ.

Окладъ	Число поприщъ		Излишекъ за сѣно и лѣсъ въ полѣ.
	вдоль	поперекъ	
1000 четей	2	2	111 четей
750 "	2	1 $\frac{1}{2}$	83 "
500 "	2	1	55 "
375 "	1 $\frac{1}{2}$	1	41 $\frac{1}{2}$ "
250 "	1	1	27 $\frac{3}{4}$ "
125 "	1	1 $\frac{1}{2}$	14 "

Дагѣ опредѣляются права и обязанности, которыя авторъ предлагаетъ соединить съ проектируемой единицей. Служилый человекъ имѣетъ право брать съ своихъ «ратаевъ» «пятую часть жить» — и этимъ долженъ удовольствоваться: «симъ убо доволенъ будетъ»; авторъ горячо доказываетъ, что онъ не долженъ брать съ крестьянъ *деньгами*: «того ради ихъ видимъ муками томимы; сѣи бо сребра не созидаютъ». При урожаѣ самъ—пять съ поприща служилый человекъ получить 250 четвертей ржи и яри вдвое. Обязанности «воина» заключаются въ томъ, чтобъ съ полнаго участка являться на войну самому и съ нимъ слугѣ въ броняхъ; такимъ образомъ, каждые 10 надѣловъ будутъ содержать *одно* военного человека. Итакъ, 10 надѣловъ составляютъ минимумъ дѣлаго военного участка ¹⁾. Необходимо сопоставить это предложеніе автора съ извѣстнымъ дополнительнымъ къ Судебнику указомъ, по которому велѣно было «съ отчинъ и съ помѣстій уложенную службу учинити со 100 четвертей добрыя угодія земли — чело-

связи зевгарата съ свободной крестьянской общиной и войдата съ помѣстнымъ землевладѣніемъ (см. его Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, II, стр. 311 и слѣд. 1885, VI, 86 и слѣд.) Размѣръ полнаго участка въ Византіи равнялся 4 — 5 литрамъ или *шести* полнымъ надѣламъ. См. В. Г. Васильевскаго. Мат. по ист. виз. госуд. Ж. М. Н. Просв. 1879, III, 174, 194. Ѳ. И. Успенскаго. Слѣды писц. кв. Ж. М. Н. Пр. 1885, VII, 50. Труды Од. съѣзда, 336. Полный участокъ нашего автора состоитъ изъ *десяти* надѣловъ (см. въ текстѣ; по другому расчету у Успенскаго размѣръ стратіотскаго участка получается тоже 8 — 10 надѣловъ. Ж. М. 1885, VII, 50).

¹⁾ О связи помѣщичьихъ правъ и военныхъ обязанностей византійскаго пронара см. Ѳ. И. Успенскаго: значеніе виз. и Ю. Слав. пронаи въ Сборн. статей по славяновѣдѣнію, стр. 24—25.

вѣка на конѣ въ dospѣхѣ въ полномъ»¹⁾. По нашему проекту одинъ человекъ пришелся бы съ 125 четвертей (10 надѣловъ по 12¹/₂ чевт.). Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что, повидимому, дополнительная статья осталась чисто бумажной мѣрой, не примѣнявшейся на практикѣ».

Затѣмъ, авторъ настаиваетъ на томъ, чтобъ служилые люди для удобства мобилизаціи не жили въ деревняхъ, а получали бы хлѣбъ, сѣно и дрова съ своихъ крестьянъ въ городахъ. Вся эта картина предполагаемыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, свѣжесть идеи объ условности владѣнія, какъ «царскаго даенія» (ср. *дворск.*) объ ограниченности власти «бояръ и воиновъ» надъ своими «ратаями» показываетъ намъ, что дѣло идетъ не о XVII вѣкѣ. Предложеніе измѣрять не четвертями, а болѣе крупной единицей, не имѣло бы, дагѣе, смысла *послѣ* введенія новыхъ сохъ; напротивъ, самое введеніе сохъ крупнаго размѣра можетъ представляться вызваннымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, разсмотрѣннымъ предложеніемъ. Если мы вспомнимъ, что только что указанная дополнительная статья къ Судебнику, повидимому, тоже стоитъ въ связи съ тѣмъ же проектомъ, и прибавимъ еще, что третья часть первой редакціи сошной книги при сравненіи оказывается дословно сходной съ расчетомъ величины одного поля въ четырехъугольномъ поприщѣ (см. приложение II), — то, кажется, трудно будетъ не согласиться, что нашъ памятникъ долженъ быть причисленъ къ подготовительнымъ матеріаламъ для обширныхъ реформъ 1550-хъ годовъ.

Кто былъ его авторомъ? Объ этомъ трудно сказать, что-либо определенное: нельзя только не отмѣтить, что языкъ автора мало походитъ на канцелярскій и болѣе на книжно-церковный. Это обстоятельство въ связи съ терминами, имъ употребляемыми, а также его вѣроятное знакомство съ византійской проніей заставляютъ предположить въ авторѣ лицо духовное югославянскаго происхожденія. Конечно это предположеніе остается пока простой догадкой, требующей дальнѣйшихъ справокъ и сопоставленій.

Мы оканчиваемъ здѣсь замѣчанія и дополненія по поводу тѣхъ отдѣловъ работы А. С. Лаппо-Данилевскаго, гдѣ ему приходится выходить изъ предѣловъ XVII в. То, что остается еще сказать относительно этого періода по поводу центральной администраціи, мы предпочитаемъ отложить до разбора соотвѣтствующаго отдѣла въ финансовой организаціи XVII в.

¹⁾ Судебникъ Татищева 2 изд. 141; Никон. лѣт. VII, 261.

II. XVII-е столѣтіе. 1. Податные классы.

Обширная первая глава изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго посвящена изученію «податныхъ классовъ» населенія Московскаго государства (44—179). Въ свою очередь глава эта распадается на два отдѣла: 1) распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія и 2) тяглое населеніе Московскаго государства въ XVII в.

Зная, что авторъ не задается изученіемъ количественныхъ отношеній въ финансовой исторіи XVII в., мы уже не можемъ ожидать въ первомъ отдѣлѣ прямаго отвѣта на поставленный вопросъ: сравненія податныхъ тягостей, ложившихся на разные классы населенія. Авторъ ограничиваетъ свою задачу въ этомъ отдѣлѣ группировкой данныхъ о податныхъ льготахъ, которыми пользовались разные части населенія. Сперва разсматриваются, именно, льготы сословнаго характера: податныя привилегіи служилаго класса (сюда причисляются и привилегіи гражданской службы—казенной и земской, также службы гостей, гостиной и суконной сотенъ 44—54), класса несвободныхъ (и дворцовыхъ слугъ—54—57), духовенства (57—66), затѣмъ льготы личнаго характера: по особымъ заслугамъ или съ цѣлью временнаго облегченія плательщиковъ (66—69). Последнія страницы (70—76) болѣе отвѣчаютъ заглавію отдѣла, но за то нѣсколько нарушаютъ его цѣльность: здѣсь идетъ рѣчь именно объ участіи разныхъ классовъ въ платежѣ лавочнаго оброка и чрезвычайныхъ процентныхъ сборовъ.

Изображеніе податныхъ привилегій служилаго сословія вышло у автора не совсѣмъ отчетливымъ. Причиной этого слѣдуетъ, кажется, считать то обстоятельство, что авторъ черезчуръ сжузилъ сферу изученія этихъ привилегій. Онъ слѣдитъ ихъ, по скольку онѣ проявляются въ личной свободѣ отъ податей служилаго чело-вѣка, въ свободѣ отъ податей его собственной усадьбы и его барской запашки. «Первоначально», по его мнѣнію, барская запашка облагалась наравнѣ съ крестьянской. Когда она перестала облагаться, изъ изложенія автора не видно; но съ конца 20-хъ годовъ XVII в., «со времени введенія подворной подати» — «дворъ служилаго чело-вѣка... освобождался отъ уплаты податей, которыя прежде вимались съ его пашни» (45). Все это построеніе совершенно гипотетическое; реформа 1620-хъ годовъ вовсе не была, какъ увидимъ, введеніемъ подворной подати и ничего не измѣнила въ податныхъ привилегіяхъ служилаго чело-вѣка; дворъ его былъ «бѣлымъ» и

равнше, а барская запашка (производимая крестьянскими руками) врядъ-ли противопологалась когда либо крестьянской въ податномъ отношеніи. Игнорируя послѣднее обстоятельство, авторъ въ недоумѣніи останавливается передъ такими фактами, какъ платежъ мелкими помѣщиками, не имѣвшими крестьянъ, податей съ собственной запашки (52—3). «Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, эти служилые люди, первоначально свободные отъ податей, вдругъ стали тяглыми?» Но прежде всего надо спросить автора: какимъ образомъ ему извѣстно, что они, какъ владѣльцы земли, первоначально были свободны?

Затрудненіе заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что податныхъ привилегій служилаго человѣка нельзя характеризовать, не говоря о податномъ положеніи его помѣстья и вотчины. Авторъ, очевидно, не хотѣлъ касаться этого предмета здѣсь, такъ какъ тогда пришлось бы говорить о «тяглохъ населеніи» служилыхъ земель, о которомъ, по плану автора, рѣчь должна идти только въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Въ оглавленіи мы находимъ еще рубрику: «постепенное ограниченіе податныхъ привилегій служилаго класса». При указанномъ самоограниченіи автора рѣчь идетъ, конечно, не объ уменьшеніи служилыхъ привилегій въ собственной сферѣ ихъ сословной дѣятельности; авторъ приводитъ здѣсь лишь нѣкоторые факты, касающіеся ограниченій ихъ правъ на посадѣ, т. е. по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ. Подобное послѣднему замѣчаніе необходимо сдѣлать и относительно изображенія авторомъ податныхъ привилегій гостей и людей гостиной и суконной сотенъ. Авторъ слѣдитъ въ рядѣ фактовъ за выходомъ ихъ изъ тѣхъ корпорацій, откуда они переводятся въ свое званіе; оказывается дѣйствительно, что съ «черными людьми» своихъ прежнихъ тяглыхъ союзовъ они податей не платятъ; но изъ собственныхъ цитатъ автора видно, что за то они платятъ вмѣстѣ съ новой «своей братьей», — т. е. просто переходятъ изъ одной тяглой группы въ другую; и это не только «во второй половинѣ XVII в.» (стр. 50) но и въ первой (стр. 48, прим. 3). Впечатлѣнія «постепенности, съ которой ограничивались податныя привилегіи этого класса», изъ собранныхъ авторомъ данныхъ и здѣсь не получается (49—50).

Изображеніе податнаго состоянія несвободныхъ и полусвободныхъ слоевъ населенія также разбито между этимъ и слѣдующимъ отдѣломъ (54 и 152—3). Излагая податныя льготы дворцовыхъ ремесленниковъ, авторъ объясняетъ ихъ, съ одной стороны, служилымъ,

съ другой, несвободнымъ первоначально характеромъ дворцовой службы; послѣднее объясненіе основано на извѣстной уже намъ теоріи холопскаго происхожденія людей дворцовой службы, и мы довольствуемся первымъ. Переходя къ податнымъ привилегіямъ духовенства, авторъ отступаетъ отъ своего плана—говорить только о нетягломъ населеніи и на этотъ разъ касается крестьянскаго населенія духовныхъ земель. Не смотря на эту невольную уступку, здѣсь однакоже особенно чувствуется неполнота изображенія, принимающаго въ главу о «распредѣленіи податнаго бремени» только тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ объ освобожденіи отъ податнаго бремени. Послѣ ряда данныхъ, приведенныхъ относительно монастырскихъ льготъ на стр. 58—64, мы дѣйствительно чувствуемъ потребность вмѣстѣ съ авторомъ замѣтить «не всѣ монастыри успѣвали освободиться отъ податнаго бремени!» Не дагѣ какъ на слѣдующей страницѣ (65) авторъ излагаетъ челобитную 1684 г.; оказывается, что монастыри «платили не только наравнѣ съ вотчинниками и помѣщиками, но и съ великой прибавкой». Авторъ приписываетъ этотъ результатъ «ограниченію прежнихъ привилегій»; но мы припоминаемъ размѣры монастырской сохи, которые, конечно, не меньше свидѣтельствуютъ о «распредѣленіи податнаго бремени», чѣмъ тарханныя грамоты, и спрашиваемъ: развѣ когда-нибудь прежде монастыри платили меньше или даже столько же, какъ вотчинники и помѣщики?

Второй отдѣлъ первой главы, трактующій о «тягломъ населеніи», въ свою очередь подраздѣляется на четыре части: въ первой говорится о «крестьянской общинѣ» (76—112), во второй о «посадской» (112—132), въ третьей о «вліяніи правительства на составъ тяглою общины» (132—164), въ четвертой о борьбѣ посадскаго и крестьянскаго тяглаго населенія (164—179).

Мы уже рассматривали взгляды автора на происхожденіе тяглою общины и на ея разновидности на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Россіи (76—92). Намъ остается здѣсь отмѣтить любопытныя страницы о внутренней финансовой организаціи владѣльческой общины (92—96) и черезчуръ, къ сожалѣнію, краткія данныя объ устройствѣ одноворческихъ населеній (97). Покончивъ на этомъ съ организаціей податныхъ группъ, авторъ переходитъ къ изученію ихъ составныхъ элементовъ. Въ составѣ тяглою общины онъ различаетъ крестьянъ и бобылей; на послѣднихъ онъ останавливается подробнѣе и сообщаетъ немало важныхъ свѣдѣній, уясняющихъ ихъ хозяйственное и податное положеніе (100—104). Особо затѣмъ гово-

рять авторъ о половникахъ, относительно которыхъ полагаетъ, что «было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглою общины, такъ какъ, повидимому, не тянули тягла». Этотъ выводъ автора показанъ «маловѣроятнымъ» М. А. Дьякову (его рец. стр. 375); мы думаемъ однако, что авторъ правъ. Половникъ, рядившійся на короткій срокъ, чаще всего на одинъ трехпольный сѣвооборотъ, со своею «снастью», былъ случайнымъ гостемъ на владѣльческой землѣ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ, кромѣ срока своей порядной. Если онъ и попадагъ въ писцовую книгу, то писался въ ней «въ особой статьѣ», а не «со крестьяны вмѣстѣ», «и платитъ велѣнно» было съ половничьихъ дворовъ «особо» ¹⁾. Это и понятно, такъ какъ вступая въ договоръ, половникъ вовсе не обязывался, подобно крестьянину, «всякіе великаго государя подати платитъ съ сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врьдъ, по сотной писцовой книгѣ»; онъ не обязывался также своего участка «впустѣ безъ жилья не покинуть», т. е. пріискать на свое мѣсто новаго нанимателя ²⁾. Даже тогда, когда онъ садился на *тмлюю* землю, онъ оставался тѣмъ же «наемнымъ человѣкомъ», который «пашетъ по уговору»; естественно, что онъ зналъ только своего хозяина, а послѣдній, въ качествѣ владѣльца тяглаго участка, «платилъ дань и оброкъ, всякіе разметы» уже «мимо половника» ³⁾. Правъ авторъ и въ томъ, что въ концѣ XVII в. половники несутъ тягло на ряду съ крестьянствомъ; иногда такіе половники прямо даже носятъ названіе «черныхъ тяглыхъ половниковъ» и сами подраздѣляются на «крестьянъ и бобылей» ⁴⁾. Мы только не рѣшаемся утверждать вслѣдъ за авторомъ, что этой переменѣ въ податномъ положеніи соответствовала переменна въ хозяйственномъ положеніи половника, состоявшая въ «превращеніи его отношеній къ землевладѣльцу въ подневольныя» и вообще въ сближеніи половничества съ крестьянствомъ. Какъ видно и изъ того же только что вышедшаго XII тома Р. И. Библ. («Акты Холмогорской и Устюжской епархіи»), условія половническихъ порядныхъ остаются въ концѣ XVII в. совершенно тѣми же, какими были въ концѣ XVI в.; да иначе и быть не могло, такъ какъ сенатъ еще при Петрѣ Великомъ, вопреки желанію владѣльцевъ «чтобъ тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками», подтвер-

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XII, 1195—6.

²⁾ Ibid. 458.

³⁾ Ibid. 141.

⁴⁾ Ibid. 510, 512.

дѣлѣ старинное право половниковъ — опредѣлять «записями», «кто къ кому и на сколько лѣтъ пойдетъ въ половничество»¹⁾; и еще указомъ 31 декабря 1827 г. содержаніе этихъ «записей» было опредѣлено совершенно согласно съ содержаніемъ древнихъ порядныхъ, какъ срочный договоръ (отъ 6 до 20 лѣтъ), по которому половникъ исполняетъ всѣ земледѣльческія работы съ своими орудіями и скотомъ («пахать мнѣ половнику на своихъ половничьихъ конехъ; снасть всякая, которая въ пашнѣ понадобится, наша половничья, а сѣмена — казенныя» или «ватаманскія») и получаетъ готовый дворъ, но чинить его самъ («прирядъ») ²⁾.

Разсмотрѣвъ составные элементы тяглої общины, авторъ говоритъ въ заключеніе объ измѣненіяхъ, вызывавшихся въ ея составѣ какъ переходомъ ея членовъ изъ одного разряда въ другой, такъ и вступленіемъ новыхъ членовъ и выходомъ старыхъ (106—112). Особенно останавливается авторъ на условіяхъ вступленія новыхъ членовъ, рассматриваетъ содержаніе порядныхъ и поручныхъ и составъ поручителей (108—111).

По тому же самому плану изучаетъ авторъ далѣе «посадскую общину». И здѣсь, какъ въ сельской общинѣ, онъ отмѣчаетъ три типа городского населенія, соотвѣтствующіе сѣверу, центру и югу Россіи: сѣверно-русскій городъ, по его мнѣнію, есть торгово-промышленный и административный центръ, тѣсно связанный со своею областью; южный — военное поселеніе, «оторванное отъ уѣзда»; центральный — занимаетъ середину и характеризуется «довольно рѣзкимъ различіемъ между городскимъ и сельскимъ хозяйствомъ» (112—115). За исключеніемъ «оторванности отъ уѣзда» южного города, съ этой характеристикой можно вполне согласиться.

Далѣе авторъ рассматриваетъ посадъ со стороны его общественной организаціи и приходитъ къ заключенію, что «внѣ тяглыхъ интересовъ общинная связь между членами посадской общины была довольно слаба». Онъ отмѣчаетъ, впрочемъ, факты совмѣстнаго владѣнія общей городской землей, угодьями и даже промышленными заведеніями (118—119), собираетъ свѣдѣнія о передѣлахъ пашенной городской земли, но совершенно основательно предполагаетъ

1) Указы Петра Великаго, изд. 1777 г., стр. 997, слѣд.; перепечатано у Максимовича, Указ. зак. IV, 525—6; приговоръ состоялся 11 января 1725 г.; опубликованъ уже при Екатеринѣ I, 22 февраля 1725 г. и подъ этимъ числомъ, безъ мотивировки, напечатанъ въ П. С. З. № 4661.

2) Второе П. С. З. II. № 1675 Ср. описаніе положенія половниковъ у Гакстаузена, Etudes, chap. VIII (245—256).

«вліяніе тягла на такое явленіе» (107); вполне соглашаемся и съ его замѣчаніями объ отсутствіи передѣловъ собственно городскихъ участковъ (116).

Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣленіе посада на болѣе мелкіе союзы (120—122), авторъ переходитъ къ составнымъ элементамъ посадской общины, рассматриваетъ въ частности самостоятельныхъ тяглецовъ (122), посадскихъ бобылей (123—4), «не входившихъ, по его мнѣнію, въ посадскія тяглыя живущія чети», затѣмъ останавливается на дѣленіи самыхъ тяглецовъ на разряды «лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей». «Это дѣленіе, говоритъ А. С. Лаппо-Данилевскій, основано было на различіи въ ихъ хозяйственномъ положеніи, т. е. въ большей или меньшей населенности двора того или другаго разряда и въ размѣрахъ животовъ его хозяина». Мы согласны съ первымъ и послѣднимъ признакомъ, но не думаемъ, чтобы принимался въ расчетъ второй: если большая населенность лучшихъ дворовъ и констатируется статистикой ихъ населенія, то только въ общемъ и цѣломъ, тогда какъ группировка по разрядамъ должна была производиться по признаку легко отличимому относительно каждаго отдѣльнаго двора. Такимъ внѣшнимъ признакомъ должно было служить скорѣе всего количество оклада, съ котораго платилъ каждый дворъ; а самъ этотъ окладъ опредѣлялся на дворъ при мірскомъ разрубѣ по животамъ и промысламъ, т. е. сообразно имущественному состоянію хозяина ¹⁾. Такимъ образомъ мало сказать, что «всѣ эти разряды были дѣленіями не только мѣстными, общинными, но и финансовыми» (126);—конечно, «хозяйственное положеніе разныхъ лицъ вырабатывалось мѣстной жизнью», но группировка всѣхъ этихъ лицъ, съ ихъ постоянно различными имуществами, въ три большія группы лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей *только* и была вызвана фискальными цѣлями, такъ что самое дѣленіе, какъ мы его знаемъ въ это время, было *исключительно* финансовымъ дѣленіемъ, въ значительной степени случайнымъ, искусственнымъ и колеблющимся.

Естественно, что переходъ изъ разряда въ разрядъ «совершался безъ всякихъ затрудненій». Принятіе новыхъ членовъ въ посадъ, напротивъ, по мнѣнію автора, встрѣчало затрудненія со стороны общины, такъ какъ вступленіе новаго плательщика влекло за собой болѣе риска (въ случаѣ его ухода), чѣмъ выгодъ для общины.

¹⁾ Ср. у меня Гос. Хоз., стр. 16, примѣч. и у самого А. С. Лаппо-Данилевскаго, стр. 125.

Врядъ-ли однако можно принять это мнѣніе автора: нужно вспомнить только, что въ посадѣ XVII в. значительное число тяглыхъ дворовъ постоянно пустовало, и община платила за эту пустоту: новый плательщикъ не былъ лишнимъ тягломъ, а только пополнялъ союзъ прежнихъ, связанныхъ круговой порукой. Повидимому, высказанный авторомъ взглядъ имѣетъ специальной цѣлью объяснить приводимые имъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что «порука (по новыхъ тяглецахъ) иногда совершалась по приказу мѣстной администраціи», слѣдовательно, какъ бы противъ воли общины; но кажется, что для такого «приказа» могли существовать и другія, болѣе внѣшнія или случайныя причины.

Авторъ подробно изучаетъ дагѣ составъ поручителей (128—9), поводы къ порукѣ (130), содержаніе поручныхъ записей (131). Случаями выхода изъ общины заканчивается разборъ измѣненій въ ея составѣ (131—2).

Третья часть разсматриваемаго отдѣла озаглавлена «вліяніе правительства на составъ тяглой общины». Авторъ разсматриваетъ здѣсь часть тѣхъ же явленій, о которыхъ говорилъ въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ: именно, измѣненіе состава тяглой общины вслѣдствіе вступленія новыхъ и выхода старыхъ членовъ. Но на этотъ разъ тѣ и другія измѣненія разсматриваются съ точки зрѣнія правительственнаго вліянія. Въ самой первой фразѣ этому вліянію придается характеръ нѣкотораго антагонизма съ общинной самостоятельностью; «развитіе (общинной самостоятельности) ограничено было вліяніемъ правительства, которое не могло согласить его съ интересами казны» (133). Но выше авторъ признаетъ, что самостоятельность тяглой общины и была главнымъ образомъ связана съ предоставленными или точнѣе навязанными ей фискальными функціями, т. е. значить не только не противорѣчила интересамъ казны, но именно этими только интересами и поддерживалась. Въ частности, по отношенію къ поступленію новыхъ лицъ въ общину, авторъ находитъ, что «все болѣе и болѣе развивавшееся право (правительства) зачислять въ ея составъ новыя лица по собственному усмотрѣнію..... сильно подрывало значеніе общины въ этомъ отношеніи» (135). Ни откуда не видно, однакоже, во 1-хъ, чтобы это право дѣйствительно «все болѣе и болѣе развивалось», во 2-хъ, чтобы оно становилось въ разрѣзъ съ интересами общины.

Какъ самый яркій результатъ вліянія правительства на составъ тяглой общины, авторъ разсматриваетъ затѣмъ прикрѣпленіе. По-

добно Энгельману ¹⁾, онъ ставитъ его въ связь съ переписями; менѣе отчетливо, но все-таки проведено у него и то различіе, по которому перепись 1590-хъ годовъ, не будучи источникомъ крѣпости, сдѣлалась ея юридическимъ доказательствомъ, тогда какъ перепись 1646 г. «повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія всего тяглаго населенія къ мѣсту жительства», т. е. сама по себѣ была источникомъ прикрѣпленія.

Авторъ рассматриваетъ, такимъ образомъ, прикрѣпленіе, какъ фискальную мѣру, имѣвшую цѣлью установить «по возможности постоянный уровень платежныхъ силъ данной мѣстности» (135) что, однако, достигнуто было и помимо прикрѣпленія организаціей тяглыхъ союзовъ, связанныхъ репартиціонной системой и взаимнымъ поручительствомъ членовъ общины. Съ этой точки зрѣнія авторъ говоритъ и о «прикрѣпленіи» посадскихъ людей и даже о прикрѣпленіи, хотя неполномъ, черносошныхъ крестьянъ поморскихъ городовъ (137). Принявъ такой широкій смыслъ термина, — съ авторомъ вполне можно согласиться; но мы не знаемъ, что мы выигрываемъ, называя прикрѣпленіемъ вообще тяглую организацію населенія и лишая, такимъ образомъ, терминъ того специфическаго признака, который онъ имѣетъ въ приложеніи къ населенію *владѣльческимъ* земель.

Изложивъ большею частію уже извѣстныя свѣдѣнія о ходѣ прикрѣпленія посадскаго и крестьянскаго населенія (138—142), авторъ переходитъ затѣмъ къ тѣмъ смягченіямъ законодательства о бѣглыхъ, которыя дѣлались для бѣглецовъ, попавшихъ въ даточные люди, въ дворцовыя волости; къ условіямъ свободнаго передвиженія «пришлыхъ» рабочихъ и промышленныхъ людей (143—5). Далѣе рассматриваются другіе «способы избѣгнуть правительственнаго оклада», кромѣ бѣгства: прежде всего, переходъ въ разряды несамостоятельнаго хозяйственно населенія. Возможность такихъ переходовъ дастъ автору случай остановиться на самыхъ этихъ разрядахъ, къ которымъ онъ относитъ кабалныхъ холоповъ, дворниковъ, захребетниковъ, закладчиковъ и сосѣдей. Къ первымъ тремъ разрядамъ принадлежали, по его выраженію, «лица болѣе или менѣе несвободныя» (150). Неопредѣленности этого выраженія соответствуетъ и нѣкоторая неопредѣленность представленія автора о размѣрахъ ихъ «несвободы». Такъ авторъ подраздѣляетъ кабалныхъ холоповъ на дѣловыхъ и задворныхъ людей, оговариваясь при

¹⁾ Die Leibeigenschaft in Russland.

этомъ, что это—дѣленіе «не столько по юридическому, сколько по экономическому положенію» (147). Последнее замѣчаніе справедливо въ бѣгѣ широкой степени, чѣмъ думаетъ авторъ: дѣйствительно, обѣ группы не только порознь, но и вмѣстѣ—чисто экономическія и — по крайней мѣрѣ послѣдняя не только не состоятъ изъ кабалныхъ холоповъ спеціально, но даже и не изъ однихъ холоповъ вообще. Переписныя книги второй половины вѣка, когда и развились эти группы, рядомъ съ задворными и дѣловыми людьми, служащими по служилой кабалѣ¹⁾, знаютъ и «купленныхъ» и «положныхъ» холоповъ²⁾, и холоповъ — «старинныхъ», «приданныхъ» и по женитьбѣ на крѣпостныхъ дѣвкахъ³⁾, наконецъ, холоповъ по запискѣ въ приказѣ⁴⁾ или съѣзжей избѣ; но рядомъ съ ними сплошь да рядомъ въ составѣ задворныхъ людей встрѣчаются не холопы, а крестьяне, крѣпкіе по старымъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ⁵⁾. Авторъ самъ нечаянно указалъ на послѣдній элементъ въ составѣ задворныхъ людей, упомянувъ о полученіи ими участка по «судной записи». Форма договора, обозначаемая этимъ именемъ, вообще слишкомъ мало обратила на себя вниманія нашихъ историковъ-юристовъ. Еще недавно незнакомство съ ней ввело въ нѣкоторыя недоразумѣнія проф. Сергѣевича (Юрид. Древности). Судная запись есть въ сущности старая крестьянская порядная, но съ замѣной прежней крестьянской «подмоги» «судой» и съ превращеніемъ временныхъ отношеній порядной въ постоянныя, — сообразно характеру времени, когда явилась эта форма. Правда, проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что «суда» есть не подмога, а заемъ и, какъ таковой, не подлежитъ внесенію въ порядную (стр. 202); судную запись онъ, повидимому, и склоненъ считать простой долговой распиской, «ростовой» или «заемной кабалой» (ср. стр. 203 съ стр. 250—51), независимой отъ порядной. Но это обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что образцы судныхъ записей остались неизвѣстны проф. Сергѣевичу. «Заемъ есть процентный долгъ, кото-

¹⁾ Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составл. И. Е. Замысловскимъ въ Лѣтоп. Зан. Арх. Ком., вып. VIII, стр. 134, пр. 6; 143, пр. 7; 144, пр. 9; 153, пр. 1 и 7; 164—5, пр. 1; 231, пр. 2.

²⁾ Ibid. 136, прим. 2; 139, пр. 1; 143, пр. 1 и 2; 144, пр. 3 и 4; 145, пр. 1; 152, пр. 2; 157, пр. 8; 222, пр. 1.

³⁾ Ibid. 116, пр. 3; 136 пр. 2; 140, пр. 7; 141, пр. 1; 142, пр. 7; 143, пр. 7; 152, пр. 2; 153, пр. 1; 157, пр. 8; 158, пр. 9; 176; пр. 4.

⁴⁾ Ibid. 141, пр. 7; 142, пр. 7; 143, пр. 1; 156; пр. 6.

⁵⁾ Ibid. 140, пр. 5; 142, пр. 3 и 6; 152, пр. 2 и 6; 154, пр. 1; 157, пр. 4; 158, пр. 9.

рый погашается уплатой полученнаго займа капитала», говоритъ совершенно основательно проф. Сергѣевичъ. *Ссуда* же не есть процентный (ростовой) долгъ и не погашается уплатой, представляя этой своей чертой несомнѣнное сходство съ безпроцентнымъ займомъ служилой кабалы, по которой даже *запрещалось* уплачивать. Полемизируя съ проф. Ключевскимъ, проф. Сергѣевичъ старался доказать, что между крестьянской порядной и холопской служилой кабалой не было ничего средняго (Юрид. Др. 259 и слѣд.); между тѣмъ эту середину и занимаетъ игнорируемая проф. Сергѣевичемъ ссудная запись. Собственно самъ проф. Сергѣевичъ знаетъ и показываетъ, что послѣ крестьянскаго прикрѣпленія порядныя нѣсколько измѣнили свое содержаніе; именно, въ нихъ вошло условіе, по которому порядившійся не имѣетъ права уходить (248—249). Къ сожалѣнію, онъ не отмѣтилъ еще одного документа А. Юр. (№ 203, II), въ которомъ это условіе выражено особенно ярко и прямо поставлено въ связь съ ссудой; названный документъ и есть ссудная запись, хотя и напечатанная издателями подъ названіемъ порядной «Се язъ N. N. взялъ есмь я на ссуду. . . . пять рублевъ на лошадь и на коровы и на иную мелкую скотину и на всякую домовую посуду. . . ; и съ той мнѣ ссудою никуда не сходять и ни за кого не заложиться и крѣпостей никому никакихъ на себя не давать, *потому что я крѣпокъ по сей ссудной записи* за Тихвинскимъ монастыремъ. А будетъ я. . . . съ той ссудою. . . . сбѣгу. . . , — имѣ. . . . меня. . . . по сей ссудной записи взять вольно, гдѣ они меня сыщутъ» (1678 г. ¹).

Итакъ, ссудная запись есть приспособленная къ новому положенію крестьянства (но, конечно, не устанавливавшая этого положенія) *крестьянская* порядная. Лицо, давшее на себя ссудную запись, не было холопомъ, и «несвободнымъ» было лишь настолько, насколько вообще было «несвободно» тогдашнее крестьянство.

Далѣе А. С. Лаппо-Данилевскій останавливается на положеніи «дворниковъ», которое совершенно основательно ставитъ въ связь съ условіями «жилой записи» (147—9), и захребетниковъ (150); на «закладчикахъ» и «сосѣдяхъ», соединяемыхъ въ одну группу, очевидно, по ихъ большей хозяйственной самостоятельности (150—51); на слѣдующей страницѣ, однако, онъ принимаетъ уже другую группировку по податному положенію: захребетники, сосѣди и дворники,

¹ Ср. ссудныя записи въ собр. Бѣляева въ Рум. муз. Опис. Лебедева стр. 79.

какъ подлежавшіе мірской раскладкѣ, противопологаются здѣсь задворнымъ людямъ и закладчикамъ, которыхъ, по зависимости ихъ отъ бѣломѣстцевъ, «не удавалось вовлечь въ мірскую раскладку» (152). Задворные люди, смѣшаннаго состава которыхъ авторъ, какъ мы видѣли, не замѣчаетъ, постоянно носятъ здѣсь не существующее въ источникахъ названіе «задворныхъ холоповъ»¹⁾. И податную исторію ихъ авторъ старается построить на противоположеніи ихъ крестьянамъ въ началѣ и сближеніи съ ними въ концѣ вѣка; но самъ же указываетъ, что «уже въ началѣ XVII в. подати платили тѣ и другіе»²⁾. Сборъ пятинныхъ денегъ 1662—3 г. «съ людей разныхъ землевладѣльцевъ» не относится къ податной исторіи ни задворныхъ людей, ни въ частности холоповъ, документъ говоритъ о людяхъ, *которые торчуютъ*, т. е. о прикащикахъ землевладѣльцевъ завѣдующихъ ихъ коммерческими операціями. Привлеченіе задворныхъ и дѣловыхъ людей къ податямъ, въ качествѣ цѣлыхъ отдѣловъ крестьянскаго класса, становится несомнѣннымъ только съ 1678 г., и трудно сомнѣваться въ томъ, что ихъ появленіе въ качествѣ плательщиковъ связано съ составленіемъ переписныхъ книгъ этого года; на этомъ фактѣ, также какъ и на причинахъ быстрого роста этихъ элементовъ въ составѣ крестьянства къ концу XVII в., слѣдовало бы остановиться подробнѣе.

1) Терминологія до нѣкоторой степени освященная употребленіемъ ея такимъ специалистомъ, какъ В. О. Ключевскій. Проф. Ключевскій также думаетъ, что «задворное холопство во второй половинѣ XVII в. изъ хозяйственнаго состоянія нѣкоторыхъ кабалныхъ людей» превратилось «въ особый юридическій видъ крѣпостной зависимости»; сообразно съ этимъ онъ полагаетъ, что «это холопство укрѣплялось... особою *задворною* ссудною записью» и что «задворная крѣпость сама по себѣ служила достаточнымъ средствомъ прикрѣпленія». По нашимъ представленіямъ, однако, и къ концу XVII в. задворные люди не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія; мы въ текстѣ старались показать противъ Сергѣевича, что ссудная запись есть приспособленіе къ новому несвободному состоянію крестьянства — старой крестьянской порядной; но съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы существовала особая отъ крестьянской «задворная ссудная запись», специально установленная «задворное холопство». Юридическое сближеніе свободныхъ и несвободныхъ состояній въ предѣлахъ XVII в. идетъ, по нашему представленію, во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ соглашается допустить проф. Сергѣевичъ, но, вѣроятно, оно не идетъ такъ далеко, какъ полагалъ проф. Ключевскій. Р. Мысль, 1886, X, Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. Ср. Госуд. Хозяйство Россіи, стр. 642—643.

2) Фактъ, указанный въ прим. 2, стр. 153, не можетъ свидѣтельствовать о сравнительности дворовыхъ холоповъ и задворныхъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, потому что о первыхъ здѣсь ничего не говорится.

«Закладничество», т. е. залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ обломѣстцу. На борьбу тяглой общины и правительства противъ такихъ переходовъ и останавливается авторъ на стр. 154—157. Затѣмъ разсматривается переходъ тяглыхъ людей въ священство (158), въ служилое сословіе (158—60), какъ средство избѣгнуть тягла; въ заключеніе авторъ подробно изображаетъ процедуру правительственнаго «сыска», имѣвшаго цѣлью вернуть тяглой общинѣ покинувшихъ ее членовъ (161—4).

Четвертая часть втораго отдѣла изучаетъ «борьбу тяглыхъ интересовъ городского и сельскаго населенія». Можно безусловно согласиться съ авторомъ, что первое условіе этой борьбы заключается въ «обособленіи хозяйственныхъ выгодъ и сословныхъ правъ городского и сельскаго населенія» (165), другими словами, въ различіи хозяйственнаго и правоваго положенія жителей города и деревни. Но едва-ли правъ авторъ, полагая, что это обособленіе совершилось въ предѣлахъ XVII столѣтія. «Въ первой половинѣ XVII в. городъ еще мало выдѣлялся изъ уѣзда въ какомъ бы то ни было отношеніи», говоритъ онъ; «конечно, промышленность и торговля были *болѣе значительно* развиты на посадѣ и *почти совершенно отсутствовали въ уѣздѣ*, . . . но все же можно сказать, что посадскій челобѣтъ, часто находившійся въ сношеніяхъ съ уѣздомъ, далеко не оторванный отъ почвы, въ первой половинѣ XVII в. еще во многомъ напоминалъ своимъ хозяйствомъ простаго крестьянина, землепашца» (165—6). Мы видимъ, какъ сомнительность вывода чувствуется, очевидно, самимъ авторомъ и отражается на самой редакціи фразы. Дѣйствительно, авторъ самъ хорошо знаетъ, что «уже въ первой половинѣ XVII в. встрѣчаются указанія . . . на довольно рѣзкое различіе между посадомъ и уѣздомъ»; важность этихъ указаній отнюдь не уменьшается вслѣдствіе того, что авторъ въ интересахъ своего общаго взгляда объявляетъ ихъ «едва-ли вполнѣ достоверными» (169).

Какъ бы то ни было, много или мало отличается городъ отъ села въ началѣ XVII в.; а priori естественно предположить, что къ концу вѣка разница эта стала еще значительнѣе. Дѣйствительно, авторъ говоритъ дагѣе объ извѣстныхъ законодательныхъ мѣрахъ, «впервые проведенныхъ ясную и рѣзкую черту между городомъ и уѣздомъ въ *юридическомъ* отношеніи» къ серединѣ столѣтія. При этомъ онъ сообщаетъ любопытный фактъ, что, благодаря мѣ-

рамъ, принятымъ Уложеніемъ къ возвращенію старыхъ тяглицовъ, въ первые три года возвращено было въ посадское тягло до 10.095 дворовъ и 21.036 человекъ торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей (очевидно, главнымъ образомъ, изъ сосѣднихъ съ посадомъ владѣльческихъ слободъ); вѣроятно, и значительное количество крестьянъ должны были оставить торговлю. Городъ отъ этого не становился, конечно, менѣе сельскимъ или болѣе торговымъ; мѣнялся не характеръ занятій его жителей, а ихъ составъ.

Другой признакъ возрастанія «особенностей городского и сельского хозяйства» съ теченіемъ столѣтія авторъ видитъ въ переводѣ уплаты стрѣльцкаго хлѣба съ посадовъ на деньги въ концѣ XVII в. Какъ увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, доводъ этотъ вытекаетъ изъ неяснаго представленія автора объ исторіи стрѣльцкой подати.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ главному предмету этого отдѣла: къ борьбѣ городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ союзовъ. Наиболее распространенный видъ такой борьбы — борьба изъ-за отдѣльных тяглицовъ, переходившихъ изъ одной общины въ другую, принимаемыхъ одной и требуемыхъ обратно другой, — по частямъ уже разсматривался въ другихъ отдѣлахъ; здѣсь авторъ останавливается на другомъ видѣ борьбы, именно на столкновеніяхъ городской и уѣздной тяглой общины изъ-за общей раскладки и взиманія податей. Городская и уѣздная община соединялась для общаго обложенія только въ черныхъ волостяхъ сѣвера; такимъ образомъ, и борьба этого рода есть явленіе мѣстное; тѣмъ не менѣе она очень любопытна и до сихъ поръ, сколько помнится, не была отмѣчена въ нашей литературѣ. Весьма интересенъ также и результатъ этой борьбы, указываемый авторомъ: появленіе всеуѣздной податной организаціи, независимой отъ посадской избы (173—6).

2. Податная система.

Особаго отдѣла, посвященнаго податной системѣ XVII в., въ изслѣдованіи А. С. Лаппо-Данилевскаго мы не находимъ. До нѣкоторой степени его замѣняютъ отдѣлы II и III Введенія (18—43), гдѣ трактуется о «попыткахъ упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII в.» и о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.» Говоря объ отдѣльныхъ налогахъ только попутно, по поводу специальныхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ этихъ отдѣлахъ, авторъ не имѣетъ возможности остановиться на исторіи и характеристикѣ даже самыхъ важныхъ податей XVII в.;

отсюда является нѣкоторая неясность и во впечатлѣніи читателя и въ представленіяхъ самого автора въ теченіе всего остальнаго изложенія.

Прежде всего, авторъ не ставитъ прямо и не даетъ опредѣленнаго отвѣта на необходимый вопросъ: что стало съ податями XVI в.? На отдѣльныя новыя явленія въ сферѣ податной системы онъ указываетъ въ разныхъ мѣстахъ и этимъ самымъ какъ бы заставляетъ предполагать, что то, о чемъ онъ не говоритъ, осталось по-старому. Старыя названія податей, дѣйствительно, существуютъ по-прежнему, и оклады ихъ остаются старые, и, однакоже, всѣ эти подати вмѣстѣ составляютъ въ XVII в. самую ничтожную часть государственныхъ поступлений, сливаются въ одну группу «данныхъ денегъ» и представляютъ какой-то анахронизмъ въ финансовой системѣ XVII в., а въ мѣстностяхъ, впервые заселенныхъ въ XVII в., и вовсе отсутствуютъ ¹⁾). Была, очевидно, помимо частныхъ перемѣнъ какая-то общая причина, которая сразу уничтожила финансовое значеніе старой податной системы и обрекла ее на медленное умираніе, нисколько не затронувъ при этомъ ни существованія, ни даже размѣровъ отдѣльныхъ, входившихъ въ ея составъ податей.

Такой общей причиной было, какъ можно догадываться, сильное паденіе покупательной стоимости денегъ, въ связи съ одновременнымъ увеличеніемъ необходимыхъ расходовъ на военныя нужды въ смутное время и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. В. О. Ключевскій, изучая исторію русскаго рубля, констатировалъ страшное повышение цѣнъ на хлѣбъ за это время и одновременное уменьшеніе рыночной стоимости рубля до $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ прежняго размѣра ²⁾). Такимъ образомъ, доходы казны упали какъ разъ въ то время, когда требовалось особенное ихъ увеличеніе. Въ результатѣ должны были появиться или новыя оклады старыхъ налоговъ или новыя налоги. Правительство, привыкшее искать на спеціальныя нужды и спеціальныхъ средствъ удовлетворенія, прибѣгнуло къ послѣднимъ.

Особенно отчетливо можно наблюдать процессъ перехода отъ старыхъ къ новымъ налогамъ въ исторіи ямской подати. Старая ямская подать продолжаетъ взиматься и въ XVII в. по-прежнему окладу—10 р. съ сохи, или, считая въ сохѣ 800 четвертей, по $2\frac{1}{2}$

¹⁾ Гос. Хоз. 23, 6—7.

²⁾ Русскій рубль, 48—51, 72.

деньги съ чети; по отпискамъ Гарелинскаго собранія можно прослѣдить, какъ въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются «по старымъ книгамъ» вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены¹⁾. Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ «московскимъ и другихъ городовъ охотникамъ на жалованье» въ огромномъ сравнительно съ прежнимъ размѣрѣ. Представляемъ таблицу колебаній этого новаго ямскаго оклада въ теченіе XVII в.²⁾

1616	съ сохи	280.
1617	»	» 350.
1618	»	» 800, съ чети 1 руб. — коп.
1619	»	» 800, » » 1 » — »
1620	»	» 800, » » 1 » — »
1621	»	» 584, » » — » 7 $\frac{1}{2}$ »
1622	»	» 468, » » — » 58 $\frac{1}{2}$ »
1625	»	» 468, » » — » 58 $\frac{1}{2}$ »
1628	»	» 468, » » — » 58 $\frac{1}{2}$ »
1629	»	» 468, » » — » 58 $\frac{1}{2}$ »
1630	»	» 400, » » — » 50 »
1631	»	» 400, » » — » 50 »
1632	»	» 400, » » — » 50 »
1633	»	» 400, » » — » 50 »
1636	»	» (534) » » — » 66 $\frac{3}{4}$ »
1637	»	» (534) » » — » 66 $\frac{3}{4}$ »
1640	»	» (534) » » — » 66 $\frac{3}{4}$ »
1644	»	» (784) » » — » 98 »

¹⁾ Рум. муз. Гарелинск. отписки, грамота 1607 г., марта 27: Костромскіе губные старосты взяли съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ въ десять рублей съ сохи 3 алт. 2 деньги. Тамъ же въ отпискахъ Ростовск. уѣзда помѣстья Костюриныхъ ямскія деньги взимаются постоянно въ этомъ размѣрѣ (2 $\frac{1}{2}$ деньги съ чети); въ послѣдній разъ въ отпискѣ 1677 г. «по старымъ книгамъ» (т. е. 1620-хъ годовъ).

²⁾ Таблица составлена по отпискамъ Гарелинскаго собранія, которыя, къ сожалѣнію, нельзя цитировать порознь, такъ какъ онѣ не заномерованы. Въ 1636 г. отписка отмѣчаетъ, что окладъ назначенъ «по новымъ писцовымъ книгамъ». Съ 1680 г. берется по 10 денегъ съ двора «по новымъ переписнымъ книгамъ»: это соединенные оклады ямскихъ съ полаяничными. Большая часть Гарелинскихъ отписокъ относится къ посаду Шуѣ и къ помѣстью Марьи Костюриной и ея сыновей Михаила и Тихомира. Для 1618 — 1622 г. ср. также А. А. Э. III, №№ 116, 121. См. также Гос. хоз., стр. 8, прим. 1. Цифры въ скобкахъ прибавлены по расчету.

1646 съ сохи (784) съ чети — руб. 98 коп.

1647 до 1680 г. въ этомъ размѣрѣ.

Послѣ появленія новой подати «охотникамъ на жалованье», старая ямская подать получаетъ названіе *мамыл* ямскихъ — въ отличіе отъ большихъ. Таково происхожденіе этихъ названій, которыя авторъ ведетъ, какъ мы видѣли, отъ княжескаго и татарскаго яма предыдущихъ столѣтій.

Совершенно параллельныя явленія съ исторіей ямской подати представляетъ другая важнѣйшая подать XVII в., стрѣлцкая. Эта подать обратила на себя нѣсколько болѣе вниманіе автора, чѣмъ ямская; но и ея исторія осталась отчасти невыясненной, отчасти невѣрно представленной въ изложеніи автора. Прежде всего, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, остается неразъясненнымъ ея происхожденіе. Изъ слишкомъ общаго выраженія автора по этому поводу (на стр. 10) видно, что происхожденіе ея онъ во всякомъ случаѣ возводитъ къ XVI вѣку. Но мы не нашли тамъ стрѣлцкой подати, а нашли только ея предшественницу «пищальныя деньги». Подобно малымъ ямскимъ, и пищальныя продолжаютъ взиматься въ XVII в., часто съ ними вмѣстѣ, до уничтоженія тѣхъ и другихъ въ 1679 году. Но помимо нихъ вновь появляется въ одно время со сборомъ «на жалованье ямскимъ охотникамъ московскимъ и другихъ городовъ» другой сборъ «на жалованье казакамъ и стрѣльцамъ московскимъ и другихъ городовъ». Первые извѣстія о немъ мы находимъ въ 1615—1616 гг.; окладъ его, подобно большимъ ямскимъ, постоянно колеблется; таблицу этимъ колебаніямъ по документамъ Устюж. и Новгор. четей мы представили въ своей работѣ (стр. 55—7). Важнѣйшая особенность стрѣлцкой подати сравнительно съ ямской заключается въ томъ, что, въ видѣ постоянного денежнаго налога, она взимается исключительно съ нѣкоторыхъ посадовъ и уѣздовъ сѣверной Россіи, а также съ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанскаго дворца¹⁾; въ другихъ мѣстностяхъ

¹⁾ Въ рк. Публ. Библ. Q, XVII, 87 мы нашли интересныя свѣдѣнія о сферѣ распространенія стрѣлцкой подати. Здѣсь читаемъ (л. 64):

«а въ Стрѣлцкомъ приказѣ вѣдомы стрѣлцкимъ сборомъ 92 города (sic: 4а)

Дворцовыхъ селъ — 31 городъ

Приказу Казанскаго Дворца и съ государевыми дворцовыми селы — 8 городовъ.

Новгородскіе чети вѣдомы 11 городовъ.

Устюжской чети вѣдомы — 5 городовъ:

она не приобрѣла значенія постоянной денежной подати, взиалась хлѣбомъ и только въ нѣкоторые годы, по особымъ указамъ правительства (или челобитьямъ плательщиковъ), замѣнялась денежными взносами по казенной таксѣ. Изъ приложенной таблицы ¹⁾ легко

А сошнаго письма, которые города вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ:

Приказу Казанскаго Дворца и Новгородскіе чети и Устюжскія въ городѣхъ и дворцовыхъ селѣхъ и на Волгѣ 45.000 сохъ и 414 чети.

Далѣе помѣщенъ расчетъ государева жалованья сотнику, пятидесятнику, десятнику, стрѣльцу; переводъ юфти хлѣба «по цѣнѣ прошлыхъ лѣтъ» по 63 $\frac{1}{2}$ коп. (выше л. 61: «присылаютъ изъ Дворца за четверть ржи за четь оса по 1 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. за юфть»), затѣмъ (л. 74—80) расчетъ величины стрѣлцовой подати: съ помѣстной вотчинной (800 ч.) и монастырской (600) сохи по 900 рублей, а съ четверти — помѣстной и вотчинной 1 р. 12 $\frac{1}{2}$ коп. ($\frac{1}{100}$), а монастырской 1 р. 50 к. ($\frac{1}{600}$); съ дворцовой сохи (800 четей) — 228 руб., съ четверти — 28 $\frac{1}{2}$ коп.

Время рукописи опредѣляется, кромѣ характера вѣдомства Стрѣлцкаго приказа (см. выше, стр. 000) также выпиской изъ указа писцамъ московскаго уѣзда 1680 г. (188 г.) на л. 80 об. и подписью владѣльца (л. 30—42): сіе землѣріе стольника князя Матвѣя Михайловича Гагарина; писалъ своею рукою (т. е. подпись)». Кн. М. М. Гагаринъ былъ стольникомъ въ 1686—1692 годахъ. Любопытно, что помѣстный окладъ 112 $\frac{1}{2}$ коп. существовалъ до 1661 года (см. слѣд. прим.); и дворцовый окладъ 228 р. съ сохи есть старый окладъ до 1660 г. (Гос. Хоз. 57). И цѣна юфти приведена для конца XVII в. черезчуръ архаическая. Очевидно, *содержаніе* рукописи относится къ болѣе раннему времени.

¹⁾ Составлена на основаніи Гарелинскихъ отписокъ въ уплатѣ хлѣбной и денежной подати съ помѣстья Костюриныхъ и съ посада Шум. Въ графѣ хлѣбныхъ взносовъ приведено количество хлѣба въ четвертяхъ и ея доляхъ (осмина = $\frac{1}{8}$; четверть = $\frac{1}{4}$); въ графѣ денежныхъ взносовъ — размѣръ взноса съ *живущей четверти* (въ копѣйкахъ).

	<i>Помѣстье.</i>		<i>Посадъ.</i>	
	Хлѣбный	денежный	Хлѣбный	денежный
		взносъ.		взносъ.
1628	—	10	—	—
1629	—	10	—	10
1630	—	10	—	—
1631	—	10	—	—
1632—3	—	10	—	—
1635	$\frac{1}{8}$	—	—	—
1636	—	—	$\frac{1}{8}$	—
1637	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1638	—	—	—	70
1639	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1640	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1642	—	—	—	84
1646	—	—	—	84

видѣть, однако, что годы взиманія стрѣлцкой подати хлѣбомъ или деньгами чередовались цѣлыми рядами: въ нашихъ двухъ примѣрахъ подать взималась деньгами въ 1628—33 годахъ; хлѣбомъ въ

	<i>Помѣстье.</i>		<i>Посадъ.</i>	
	Хлѣбный	денежный взносъ.	Хлѣбный	денежный взносъ.
1647	—	82	—	84
1648	—	82	—	—
1650	—	—	—	84
1652	—	82	—	—
1655	—	112 ¹ / ₂	—	—
1658	—	112 ¹ / ₂	—	—
1659	—	—	—	112 ¹ / ₂
1660	—	112 ¹ / ₂	—	112 ¹ / ₂
1662	—	—	⁷ / ₈	—
1663	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1664—5	—	—	1 ³ / ₄	—
1666—7	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1668, 1670	—	—	1 ³ / ₄	—
1671	—	—	—	84
1673	4 ¹ / ₂	—	—	—
1675	—	—	—	350
1676—77	4 ¹ / ₂	—	—	350
1678—79	—	—	—	350
1680—81	—	—	— съ двора	150
1682—88 съ двора	¹ / ₈	—	»	180

При 1673 г. Отписка сама упоминаетъ о томъ, что кромѣ хлѣба «старого» собирается еще «прибавочный», очевидно, по указу 1672 г. Самый этотъ указъ (А. А. Э. IV, 189) показываетъ слѣдующіе старые и новые хлѣбные оклады: 1) для дворцовыхъ селъ: стар. $\frac{3}{16}$, прибавочн. $\frac{127}{32}$, итого $2\frac{9}{32}$ (sic вм. $2\frac{1}{32}$). 2) для патриаршихъ, архіерейск. и монастырскихъ — стар. $2\frac{1}{8}$, прибав. $\frac{127}{32}$, итого $4\frac{17}{32}$; 3) для помѣстныхъ и вотчинныхъ, что вѣдомы въ Стрѣл. пр. и приказѣ Казанск. дворца—стар. $\frac{1}{4}$, приб. $\frac{127}{32}$ итого $3\frac{9}{32}$ чети ржи, овса тожь. Если перевести окладъ 3 р. 50 к. (1675—79) на количество дворовъ, которое оказалось въ Шуѣ по переписнымъ книгамъ 1678 г. (208 двора; раньше Шуя платила съ 25 живущихъ четвертей), что придется на дворъ $48\frac{1}{10}$ коп.; итакъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, введеніе подворной подати сводилось къ очень значительному повышенію стрѣлцкой (съ $48\frac{1}{10}$ коп. до 1 р. 50 к.). Окладъ 1 р. 30 к. есть «новый гостинъ окладъ», установленный въ 1681 году. Въ послѣднемъ окладѣ (измѣняющемся по городамъ) стрѣлцкая подать перешла отъ четей къ ратушѣ. Хлѣбный окладъ 1682—88 равнялся $\frac{1}{8}$, кажется, только въ замосковныхъ городахъ, въ заюцкихъ онъ былъ выше = $\frac{3}{16}$, а въ заводскихъ—ниже = $\frac{1}{16}$; въ 1688 г. вездѣ уравнивъ до $\frac{3}{16}$ (А. А. Э. IV, № 299). Въ то же время уравнины до высшаго размѣра хлѣбные оклады дворцовыхъ и монастырскихъ земель, колебавшіеся съ 1680 г. по тѣмъ же

1635—7; въ 1640-хъ и 50-хъ годахъ опять деньгами, въ 1660-хъ опять хлѣбомъ, и только съ 1670-хъ годовъ посадъ регулярно платитъ деньгами, а помѣстье—хлѣбомъ. Хлѣбный окладъ постепенно повышался и дошелъ съ четверика (ржи, овса тожъ) до $4\frac{1}{2}$ четвертей; сообразно этому повышалась и денежная стоимость оклада. Переводъ на деньги совершался, разумѣется, по довольно высокимъ цѣнамъ, — въ 1628 — 33 гг. по 10 коп. за четверикъ ржи и четверикъ овса, т. е. 80 коп. за «юфть» (четверть ржи и четверть овса). Въ первые годы расчетъ стрѣлцаго платежа за хлѣбъ съ *живущей чети* сдѣланъ былъ, вѣроятно, по соотвѣтствію съ денежнымъ окладомъ сѣверной стрѣлцкой подати, падавшимъ на *соху*: если принимать 800 четвертей въ сохѣ, то окладъ въ 10 коп. съ чети даетъ 80 руб. на соху; окладъ въ четверикъ ржи, овса тожъ, — будетъ соотвѣтствовать 100 юфтямъ въ сохѣ, т. е. тому именно количеству, которое собиралось и съ сѣверной сохи въ первые годы учрежденія стрѣлцкой подати, но переводилось тамъ на деньги по нѣсколько болѣе высокой цѣнѣ — 90 коп. и 1 р. за юфть, такъ что и денежный окладъ равнялся не 80, а 90 и 100 р. (Гос. хоз. 56). Но начавшись съ этого очевиднаго тожества, исторія окладовъ сѣверной «стрѣлцкой» подати и денежнаго сбора «за стрѣлцкій хлѣбъ» надолго разошлась, какъ можно убѣдиться изъ сравненія приведенной здѣсь таблицы съ таблицей въ Гос. хоз., стр. 57; если только можно, впрочемъ, сравнивать двѣ столь различныя окладныя единицы, какъ соха и живущая четверть, давно уже переставшая быть дѣйствительной четью пашни.

А. С. Лаппо-Данилевскій не видитъ указаннаго различія между стрѣлцкими деньгами и деньгами за стрѣлцкій хлѣбъ. Сопоставляя поэтому въ таблицѣ окладовъ стрѣлцкой подати (стр. 534) данныя, относящіяся къ обоимъ видамъ налога, онъ лишается возможности уловить какое бы то ни было однообразіе въ движеніи этихъ окладовъ. Между тѣмъ изъ шести цитатъ, касающихся въ этой таблицѣ мѣстностей, находящихся внѣ территоріи сѣверной стрѣлцкой подати, — въ четырехъ сами цитируемые документы указываютъ, что денежный сборъ составляетъ замѣну хлѣбнаго (Арзамасъ, Кашира, Суздаль и «понизовые города», подъ которыми,

областямъ: *дворцовыхъ* въ зоцкихъ $\frac{5}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковнхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{1}{4}$, въ заволжскихъ $\frac{3}{16}$; *монастырск.*, *патріари.* и *архіерейск.*: въ зоцкихъ $\frac{7}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковнхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{3}{8}$, въ заволжскихъ — $\frac{5}{16}$ (всѣ размѣры выведены по А. А. Э. IV, № 299).

по справкѣ съ источниками, слѣдуетъ разумѣть тотъ же Арзамасъ). Впрочемъ, и при этомъ смѣшеніи разнохарактерныхъ данныхъ, повышение стрѣleckаго оклада представилось бы болѣе равномернымъ, если бы авторъ поставилъ противъ «Суздаля» 1634 г. не ошибочную цифру 480, а просто 80, какъ вытекаетъ изъ документа, и если бы онъ не перевелъ въ послѣднихъ трехъ случаяхъ (1644, 1652 и 1672 годы) платежъ съ живущей чети на соху, отожествивъ живущую четъ въ этомъ случаѣ съ четью пашни: при этомъ получились небывалые оклады стрѣleckихъ денегъ въ 672 и 1600 руб. на соху ¹⁾).

Не менѣе важно другое послѣдствіе смѣшенія указанныхъ двухъ видовъ стрѣleckой подати. Это смѣшеніе помѣшало автору выяснить надлежащимъ образомъ реформу стрѣleckой подати въ концѣ XVII столѣтія. Смыслъ реформы, по его изложенію, заключался въ замѣнѣ стрѣleckаго хлѣба, взимаемаго съ посадскихъ людей, денежными платежами; для объясненія реформы онъ напоминаетъ, что «совторой половины XVII в. городское населеніе стало замѣтно отдѣляться отъ сельскаго» и поэтому особенно затруднялось платить хлѣбомъ. Не раздѣляя мнѣній автора о быстрой эволюціи городскаго сословія въ промежутокъ времени отъ первой до второй половины XVII в., мы не можемъ предполагать и того, чтобы это неудобство хлѣбнаго платежа почувствовалось городскими жителями только къ концу вѣка и чтобъ именно оно вызвало реформу 1672 г. Не зная о томъ, что въ цѣлой области Россіи, притомъ съ собственной точки зрѣнія автора — наиболѣе сельской, стрѣleckая подать была денежной съ самаго начала столѣтія, какъ для посадовъ, такъ и для уѣздовъ, авторъ не подозреваетъ, что переводъ на деньги, въ которомъ онъ видитъ сущность реформы, былъ въ ней наименѣе новой чертой. Чтобы выяснить смыслъ реформы 1672 г., надо начать не съ нея самой, а съ болѣе ранняго момента въ исторіи стрѣleckой подати: съ того момента, когда послѣ ряда предыдущихъ повышеній, доведшихъ окладъ подати съ 95 р. до 228 р., и этотъ послѣдній окладъ былъ обезцѣненъ вслѣдствіе паденія курса мѣдныхъ денегъ. Правительство воспѣшило тогда перевести съверную стрѣleckую подать на *хлѣбную*, а когда населеніе отказалось платить ее ²⁾, перевело ее *вновь* на деньги по новому

¹⁾ Мы не можемъ также догадаться, какъ выведена цифра 70, 72 по Арзамасу 1630 г.

²⁾ На стр. 407 авторъ приводитъ одинъ случай этого отказа, но какъ частный эпизодъ, не подозревая смысла отказа. См. Госуд. хоз., стр. 81.

курсу (одновременно съ отъѣвной мѣдныхъ денегъ въ 1663 г.), причѣмъ получился новый денежный окладъ 822 р. 31 коп. Это повышеніе оклада вызвало такіе огромные недоборы, что волей-неволей пришлось, послѣ десятилѣтняго опыта, сдѣлать плательщикамъ нѣкоторое облегченіе. Но въ то же время предстояло не только не уменьшать, а еще увеличить поступления стрѣлцкой подати, чтобы покрыть расходъ на новое увеличеніе стрѣлцкаго войска. Указъ 1672 г. достигалъ обѣихъ цѣлей тремя путями: во 1-хъ, онъ понижалъ нѣсколько денежный окладъ сѣверной стрѣлцкой подати, во 2-хъ, онъ повышалъ хлѣбный окладъ ея въ уѣздахъ остальной Россіи и въ 3-хъ, въ городахъ остальной Россіи онъ замѣнялъ окончательно стрѣлцкій хлѣбъ денежнымъ налогомъ по одинаковой цѣнѣ съ сѣверомъ по 2 р. за юфть ¹⁾). Только послѣдняя черта реформы 1672 г. замѣчена авторомъ, и изъ нея сдѣланы два невѣрныхъ вывода: 1) что стрѣлцкая подать вообще только въ это время стала регулярнымъ денежнымъ налогомъ; 2) что переводъ ея на деньги вызванъ развитіемъ русскаго города XVII в., ослабленіемъ его сельскаго характера ²⁾). Считаю, такимъ образомъ, новымъ въ этомъ указѣ какъ разъ то, что давно не было новостью, авторъ не замѣчаетъ, кромѣ указанныхъ выше, еще одного дѣйствительнаго нововведенія, весьма важнаго для исторіи финансовой администраціи: съ этого момента сборъ реформированной подати перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе стрѣлцкаго приказа и такимъ образомъ нанесенъ былъ первый тяжелый ударъ старой организаціи четей (авторъ полагаетъ, что уже въ 1660-хъ годахъ стрѣлцкія деньги со всего государства поступали въ Стрѣлцкій приказъ, стр. 479).

¹⁾ На сѣверѣ съ 1663 г. уплачивалась цѣна 350 юфтей съ сохи (т. е. $\frac{7}{16}$ четверти съ чети); въ другихъ же мѣстностяхъ, судя по отпискамъ Гарелина, — хлѣбомъ по $\frac{3}{4}$ четверти съ *живущей* чети (т. е. приравнивая живущую четь чети пашни, — съ сохи по 1400 юфтей); при переводѣ на деньги по двухрублевой цѣнѣ и получился на сѣверѣ окладъ 700 р. съ сохи, на югѣ — 2800 съ (предполагаемой) сохи и по 3 р. 50 к. съ живущей чети, — т. е. вчетверо болѣе. Этотъ расчетъ наглядно показываетъ, что и въ платежномъ отношеніи къ концу вѣка живущая четь уже не равнялась чети пашни, какъ мы видѣли въ началѣ вѣка.

²⁾ Указъ 1672 г. (А. А. Э. № 189) дѣйствительно говоритъ о неудобствахъ для городовъ хлѣбнаго платежа («для того, что они люди торговые и непашенные»); но онъ говоритъ также, что «никогда воеводы въ городѣхъ хлѣба съ посадскихъ людей не собираютъ, а собираютъ деньгами», т. е. прямо отодвигаетъ въ прошлое фактъ этого несоотвѣтствія и не можетъ свидѣтельствовать о его усиленіи къ концу вѣка.

Значеніе слѣдующей реформы 1679—81 гг. очень хорошо выяснено авторомъ, какъ попытка объединенія разнообразныхъ податей въ одинъ поразрядный городской налогъ. Мы считали бы только нужнымъ указать на связь реформы съ переписью 1678 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть ея первоначально временный характеръ, до составленія новыхъ писцовыхъ, какъ извѣстно, неудавшихся. Затѣмъ мы указывали (Гос. хоз. 85—6) на то, что пересмотръ въ 1681 г. оклада стрѣлцкой подати, только что установленной въ 1679 г., не былъ вызванъ челобитными, а, напротивъ, челобитныя были вызваны правительствомъ, послѣ того какъ было уже рѣшено предварительно произвести этотъ пересмотръ; мѣры 1679 и 1681 г. неразрывно связаны одна съ другой, и, конечно, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, рискованно отдѣлять ихъ фразой, что «попытка эта (1679) едва не окончилась такой же неудачей, какъ и предшествовавшая (т. е. соляной налогъ 1646 г.)». Наконецъ, невозможно согласиться съ авторомъ, что вслѣдствіе реформы 1679 г. «стрѣлцкій приказъ превратился на время въ главное финансовое учрежденіе всего государства»; онъ дѣйствительно расширилъ свои финансовыя полномочія, хотя, какъ мы только что говорили, не съ 1679, а уже съ 1672 г.; но и со всѣмъ тѣмъ его окладной доходъ (въ 150 тыс. руб. съ 1679 и въ 100 тыс. съ 1681 г.) составлялъ едва десятую часть всѣхъ окладныхъ поступленій государства, былъ ниже дохода многихъ другихъ финансовыхъ приказовъ и не удовлетворялъ даже собственнымъ его потребностямъ; а съ 1683 г. онъ потерялъ опять и сборъ стрѣлцкихъ денегъ, возвращенный въ чети и оставшійся тамъ до учрежденія петровской ратуши ¹⁾).

Изученіе другихъ податей интересуетъ автора лишь постольку, поскольку онъ находитъ въ нихъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ» — посредствомъ ихъ объединенія. Въ отдѣлѣ, посвященъ это заглавіе, онъ разсматриваетъ, кромѣ стрѣлцкой подати, еще «оброкъ», какъ подать, замѣняющую тягло въ видахъ облегченія плательщиковъ, и попытку единого солянаго налога 1646 г. Указанное свойство «оброка» ему удается разъяснить многочисленными данными; весьма интересно также наблюденіе автора, что сфера примѣненія «оброка» особенно расширилась (временно), вслѣдствіе разоренія, произведеннаго смутнымъ временемъ. Разсматривать этотъ видъ оброка, какъ одну изъ «попытокъ упроще-

¹⁾ См. Гос. хоз., стр. 88—89, 125—126.

нія системы прямыхъ налоговъ», мы, однако, не рѣшились бы въ виду соображенія, высказаннаго самимъ авторомъ: «оброкъ вызванъ былъ не теоретическими соображеніями въ пользу единаго налога, а скорѣе временными потребностями» (26); онъ былъ, прибавимъ мы, невольнымъ компромиссомъ между административнымъ безсильемъ правительства и бѣдностью плательщика; въ томъ и другомъ смыслѣ онъ являлся однимъ изъ признаковъ довольно примитивнаго финансоваго и соціальнаго строя.

Два другія явленія, введенныя въ этотъ отдѣлъ, несомнѣнно къ нему относятся, хотя другъ съ другомъ имѣютъ мало общаго. Попытка единаго солянаго налога, всеобщаго и равномернаго, долженствовавшего замѣнить всѣ остальные (1646 г.), была чистой теоретической фантазіей, всего болѣе характерной для ея авторовъ и для тогдашняго настроенія правительства; появленіе же единой городской подати (единой, конечно, весьма относительно) было отвѣтомъ на возрастающую потребность единаго военного налога, который поглотилъ рядъ исторически сложившихся, и, какъ мы видѣли, совершенно устарѣвшихъ налоговъ XVI столѣтія, и былъ дѣйствительно, крупнымъ шагомъ впередъ въ исторіи нашего финансоваго строя. Все же мы не жальи бы о соединеніи двухъ столь противоположныхъ опытовъ реформы въ одну рубрику, если бы эта рубрика не освободила автора отъ необходимости написать особую главу о прямыхъ налогахъ въ XVII ст.

Послѣ разобраннаго отдѣла, мы находимъ, правда, еще отдѣлъ, посвященный прямымъ налогамъ XVII в., именно, о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.». Но здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, мы находимъ обработку матеріала XVII в. съ точки зрѣнія, взятой извнѣ. Авторъ доказываетъ, и конечно, очень убѣдительно, что XVII вѣкъ имѣлъ такъ же мало понятія о нашихъ современныхъ основаніяхъ податной терминологіи и классификаціи, какъ онъ имѣлъ мало понятія о нашемъ идеалѣ единаго налога. Дѣйствительно, «терминологія прямыхъ налоговъ въ XVII в. . . неудовлетворительна»; «въ основу классификаціи налоговъ въ XVII в. не положено было одного какого нибудь принципа» (30); подраздѣленіе окладныхъ сборовъ затруднялось отсутствіемъ теоретическаго пониманія различія между прямыми и косвенными налогами — пониманія, приведеннаго, правда, и современныхъ теоретиковъ не къ «пониманію» этого различія, а къ отрицанію самаго различія; «правительство въ то время не обращало вниманія на податной источникъ (т. е. на дѣйствительную

часть народнаго дохода, на которую падалъ тотъ или другой видъ налога); — хотя и въ наше время рѣшеніе этого вопроса — о рациональномъ налогѣ, не допускающемъ сложений и переложений, — далеко еще нельзя считать добытымъ даже соединенными усилиями людей науки и практики. Какъ бы то ни было, все это до такой степени вѣрно, что мы только желали бы, чтобы самъ авторъ не старался отыскать въ финансовой системѣ XVII в. того, чего, по его словамъ, въ ней совсѣмъ не было: не пробовагъ бы выражать подати XVII в. въ терминахъ современной финансовой системы и классифицировать ихъ на основаніи ихъ предполагаемаго источника. Между тѣмъ въ концѣ отдѣла мы встрѣчаемъ, какъ окончательный выводъ, рядъ слѣдующихъ параллелей: «данныя деньги и спеціальныя налоги (т. е. стрѣлецкія, ямскія и полонянничныя) представляли не что иное, какъ поземельный или подомово-поземельный налогъ (подворную подать); оброчныя — поземельную ренту, выплачиваемую частными лицами казнѣ и смѣшиваемую съ поземельнымъ и промысловымъ налогомъ; а чрезвычайныя сборы приближались къ общей имущественной подати, смѣшанной съ подоходнымъ налогомъ; всѣ эти подати падали не на производство, а скорѣе на распредѣленіе народнаго богатства». Очевидно, предлагаемая здѣсь классификація соотвѣтствуетъ тройному способу обложенія XVII в.: подъ первую категорію подведены налоги, взимаемые съ сохи, живущей четверти и двора, т. е. репартиціонныя; подъ вторую — вытекавшіе изъ личнаго контракта съ казною, и подъ третью — процентныя сборы съ имущества (пятая, десятая, пятнадцатая денга). Однако же если мы замѣтимъ, что оброкъ, опредѣляемый контрактомъ, вовсе не подходитъ подъ понятіе налога и есть скорѣе доходъ съ государственныхъ имуществъ, и что процентныя сборы даже въ первой половинѣ вѣка не всегда удавалось основывать на особой имущественной оцѣнкѣ плательщиковъ, а во второй половинѣ они взимались большею частію по разъ опредѣленному окладу, не измѣнявшемуся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, — то должны будемъ заключить, что *вся* наша податная система XVII в. основывалась на репартиціонномъ началѣ. Оброкъ по соглашенію — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно получалъ характеръ, близкій къ промысловому налогу; процентный сборъ иногда, — но значительно рѣже — дѣйствительно подходитъ къ имущественной подати; вотъ, кажется, все, что можно сказать о финансовыхъ явленіяхъ, выходявшихъ изъ рамокъ репартиціонной системы. Внутри этой системы мы замѣчаемъ, однако, нѣкоторое движеніе въ тече-

ніе вѣка: уже въ началѣ вѣка рядомъ съ сохой становится живущая четверть, затѣмъ обѣ единицы смѣняются дворомъ и на него мало по малу переводятся всѣ старыя сошныя и четвертныя подати. Таково самое крупное явленіе въ сферѣ податной системы. Какой смыслъ имѣли эти перемены? Этотъ вопросъ долженъ найти разрѣшеніе въ слѣдующемъ отдѣлѣ: объ организаціи репартиціоннаго механизма. Прежде чѣмъ перейти къ этому отдѣлу, мы должны остановиться здѣсь же на главѣ IV-й, озаглавленной не совсѣмъ удачно — «особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей» — и содержащей обзоръ личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ. Глава эта, богатая данными, не вызываетъ особыхъ замѣчаній, и мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ ея содержанія. Авторъ касается прежде всего повинностей служилыхъ ремесленниковъ (363—4), затѣмъ останавливается подробнѣе на ямской повинности (365 — 77): говоритъ здѣсь объ устройствѣ ямовъ, наймѣ ямскихъ охотниковъ, обязанностяхъ ямщиковъ и населенія по отношенію къ ямской службѣ. Далѣе онъ переходитъ къ описанію порядка отбыванія повинности городского и острожного дѣла (377—389) и кончаетъ обстоятельнымъ изображеніемъ ратной повинности: поставки даточныхъ, мѣръ противъ ихъ побѣговъ, сбора даточныхъ лошадей и военныхъ припасовъ. Общее заключеніе объ организаціи ратной повинности состоитъ изъ перечисленія ея «теоретическихъ недостатковъ»; такими авторъ считаетъ, напр., что «даточные люди собирались въ неопредѣленные промежутки времени, — въ военное время чуть не ежегодно, въ другихъ случаяхъ черезъ нѣсколько лѣтъ»; «податная единица то увеличивалась, то уменьшалась; наконецъ, и время сбора даточныхъ людей и продолжительность службы мѣнялись сообразно потребностямъ минуты» (398 — 99). Авторъ какъ бы обвиняетъ правительство XVII в., что оно брало у населенія не болѣе, чѣмъ было нужно. Формулируя такія черезчуръ общія положенія, авторъ не остановился на одномъ вопросѣ, изученіе котораго могло бы привести, какъ мы думаемъ, къ менѣе очевиднымъ, но за то болѣе интереснымъ выводамъ: именно, при всей этой неопредѣленности — не произошло-ли въ теченіе вѣка какихъ-либо постоянныхъ измѣненій въ способахъ призыва и организаціи даточныхъ? Думаемъ, что съ точки зрѣнія «теоретическихъ» требованій того «милитаризма», развитіе котораго въ XVII в. играетъ такую важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора, отвѣтъ былъ бы менѣе пессимистиченъ. Къ числу «теоретическихъ недостатковъ» отбыванія ратной повин-

ности, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесено то обстоятельство, что «при сборахъ не принималось во вниманіе состояніе мѣстныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, отнималось одинаковое количество рукъ у населенія, среди котораго трудъ не всюду имѣлъ одно и то же значеніе». Такъ какъ распредѣленіе ратной повинности между отдѣльными хозяйствами предоставлено было тѣмъ же таглымъ группамъ, которыя разверстывали между собой налоги, то нѣтъ сомнѣнія, что хозяйственные различія и разницы въ размѣрахъ семьи принимались во вниманіе; мы имѣемъ, впрочемъ, относительно этого и прямыя указанія ¹⁾).

Въ отдѣлѣ о «натуральныхъ сборахъ» авторъ собралъ свѣдѣнія о поставкѣ стрѣлцакаго хлѣба (402—8). О недоразумѣніяхъ, вызванныхъ смѣшеніемъ стрѣлцакаго хлѣба и денегъ за стрѣлцкій хлѣбъ съ стрѣлцкою податью, мы уже говорили выше; здѣсь недоразумѣнія эти продолжаютъ путать изложеніе (403, 405, 407). Переходя дагѣе къ «хлѣбнымъ запасамъ» (408—12), авторъ полагаетъ, что они «взимались лишь въ военное время»; вѣроятно, этимъ онъ хочетъ противопоставить ихъ стрѣлцкому хлѣбу. Замѣтимъ однако, что полное разграниченіе ихъ не удалось автору, и въ этотъ параграфъ проникли нѣкоторыя данныя, относящіяся не къ «хлѣбнымъ запасамъ», а къ стрѣлцкому хлѣбу ²⁾. Особенно важно отмѣтить это смѣшеніе по отношенію къ «польнымъ» городамъ разряднаго вѣдомства, т. е. по всей южной окраинѣ, за предѣлами старыхъ рязанскихъ, украинныхъ и заочкихъ городовъ: исторія хлѣбной подати въ этой мѣстности для насъ не совсѣмъ еще ясна, но, кажется можно утверждать, что хлѣбные запасы стали здѣсь во второй половинѣ XVII в. регулярной податью, параллельной съ стрѣлцкимъ хлѣбомъ ³⁾).

Послѣ небольшого параграфа о «сибирскихъ отпускахъ» (412—414), авторъ особенно долго останавливается на «ясакѣ» (416—41). Единственное замѣчаніе, которое мы здѣсь можемъ сдѣлать автору,

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 53, прим. 1.

²⁾ А. А. Э. III, 72, 93.

³⁾ Иногда она, или независимый отъ нея стрѣлцкій хлѣбъ, и называется здѣсь этимъ именемъ, но чаще всего «четвериковымъ» хлѣбомъ: въ этомъ размѣрѣ (1/4, чети) поборъ называется «юлымъ» на 1664 г. (у автора ошибочно 1652, стр. 409, прим. 3) въ размѣрѣ «полу-осминнаго» (1/8) онъ взимался въ 1661 г.: П. С. З. № № 346 и 352; Н. Н. Оглоблинъ въ Обзор. ист. геогр. матер.—Опис. док. и бум. Арх. Ю. IV, 281; Воронеж. акты Второва I. 192. Воронеж. акты Вейнберга I, стр. 90, 96—7.

касается чрезмѣрной идеализаціи правительственныхъ отношеній къ ясачнымъ инородцамъ. «Въ отношеніяхъ своихъ къ инородческимъ племенамъ Сибири Московское правительство обнаруживало глубокій политическій смыслъ. Оно понимало, что при незначительномъ количествѣ военныхъ силъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, нечего было и думать о насильственномъ покореніи Сибири, о завоеваніи новыхъ земель. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью пріучить инородческія племена къ повиновенію; оно старалось прельстить ихъ сперва внѣшнимъ блескомъ, а затѣмъ и внутреннимъ содержаніемъ европейской цивилизаціи, но взамѣнъ этого требовало отъ нихъ выполненія извѣстныхъ податныхъ обязанностей, которыя приносили существенныя выгоды казнѣ царской» (424—5). Трудно повѣрить, чтобы эта идиллія во вкусъ Карамзина, построенная на нѣкоторыхъ мягкихъ выраженіяхъ воеводскихъ наказовъ, могла имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительному процессу покоренія Сибири, въ которомъ чисто римская послѣдовательность сочеталась съ жестокостью конквистадоровъ эпохи открытій. Въ 1555 г. Едигеровы послы въ Москвѣ насчитывали въ сибирской землѣ до 30,700 людей. Въ началѣ XVII в. по цифрамъ, сообщеннымъ г. Буцинскимъ (Населеніе Сибири, гл. 2) на той же площади не оставалось и 4-хъ тысячъ. Таковы были ближайшіе результаты русскаго завоеванія для *покоряемаго* населенія. Но и отношеніямъ къ *покореннымъ* характеристика автора не совсѣмъ соответствуетъ. Авторъ и самъ, конечно, знаетъ и излагаетъ всевозможныя воеводскія злоупотребленія, въ которыхъ каждый новый воевода обязывался торжественно обвинить своего предшественника въ официальной и заранѣе ему предписанной вступительной рѣчи къ инородцамъ. На сколько достигало цѣли правительственное воздѣйствіе на воеводъ, необходимое, конечно, прежде всего и въ собственныхъ интересахъ правительства, покажетъ дальнѣйшее изученіе рукописныхъ матеріаловъ Сибирскаго приказа; то, что недавно извлекъ изъ нихъ Буцинскій, представляетъ дѣло, во всякомъ случаѣ, въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ можно заключить по изложенію автора.

3. *Механизмъ податнаго обложенія и раскладки.*

Этому предмету посвящена вся вторая глава изслѣдованія, одна изъ самыхъ обширныхъ и, несомнѣнно, наиболѣе оригинальныхъ въ трудѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Изученію окладныхъ и рас-

кладочныхъ единицъ XVII в. предпослано изслѣдованіе о правительственныхъ документахъ, устанавливавшихъ окладъ: о «народныхъ переписяхъ» (179—219). По скольку авторъ касается въ этомъ отдѣлѣ предыдущихъ вѣковъ, мы уже разсматривали его взгляды въ первой половинѣ рецензіи. Въ предѣлахъ XVII в. несомнѣнная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ первый точно различилъ типы писцоваго матеріала XVII в., писцовыя и переписныя книги, и указалъ главнѣйшіе моменты, когда тѣ и другія составлялись по всей Россіи: именно, 1620-е и 1680-е годы для писцовыхъ и 1646—48 и 1676—78 для переписныхъ книгъ. Недостатки же этого отдѣла сводятся къ тому, что авторъ не далъ достаточно детальной мотивировки составленія тѣхъ и другихъ въ указанные имъ годы и не поставилъ эти общія переписи въ связь съ специальными задачами и потребностями правительства въ каждый изъ названныхъ моментовъ. Нѣкоторыя указанія этого рода, впрочемъ, сдѣланы авторомъ, но большею частію указаны не финансовыя причины; въ случаѣ же приведенія финансовыхъ мотивовъ, какъ разъ съ наблюденіями автора приходится не соглашаться. Сюда относится соображеніе (стр. 183, прим. 1), что «писцовыя книги конца 20-хъ годовъ, можетъ-быть, отчасти вызваны были введеніемъ *подворной подати*». Мы увидимъ далѣе, что подъ «подворной податью» авторъ напрасно разумѣетъ здѣсь подать съ «живущей четверти»; но и введеніемъ живущей четверти писцовыя книги 1620-хъ годовъ не могли быть вызваны, такъ какъ эта окладная единица была введена въ своемъ новомъ смыслѣ уже во время производства переписи.

Другое замѣчаніе автора, что «перепись 40-хъ годовъ составлена въ виду правительственнаго оклада, падавшаго на живущую четверть» (186), скорѣе могло бы быть отнесено къ писцовымъ 20-хъ годовъ, а предыдущее, наоборотъ, — къ этимъ переписнымъ 40-хъ годовъ: такъ какъ послѣднія, дѣйствительно, имѣли въ виду подворную подать. Упомянувъ про эти два мнѣнія автора, мы уже отиѣтили этимъ самый существенный недостатокъ его характеристики писцовыхъ и переписныхъ книгъ: не смотря на самое обстоятельное описаніе различій между тѣми и другими (186—190), авторъ, какъ намъ кажется, не уловилъ основной фискальной причины ихъ разницы, — именно не замѣтилъ того обстоятельства, что писцовыя книги предназначались для раскладки податей *по сохамъ*, а переписныя — для раскладки ихъ *по дворамъ*. Онъ до такой степени увѣренъ, что переписныя книги служили также для сошной

раскладки, что, не находя въ нихъ перевода на сошное письмо, считаетъ нужнымъ дать этому, по его мнѣнію, пробѣлу — особое предположительное объясненіе: онъ думаетъ (201), что послѣ составления писцовыхъ 1620-хъ годовъ — при составленіи переписныхъ 1640-хъ годовъ съ писцовъ была, «вѣроятно», снята обязанность подводить эти итоги и возложена на центральную администрацію, о чемъ есть и прямое указаніе относительно *писцовыхъ* (а не переписныхъ) 1680-хъ годовъ. Это смѣшеніе задачъ переписныхъ книгъ съ писцовыми составляетъ одну изъ коренныхъ ошибокъ автора и во многихъ случаяхъ затруднило ему, какъ увидимъ, пониманіе явленій финансовой исторіи XVII в.

Кромѣ характеристики типовъ писцоваго матеріала, отдѣлъ о переписяхъ содержитъ еще очень подробное изображеніе всѣхъ стадій переписи, къ которому мы не можемъ ничего добавить (193—213). Замѣтимъ только, что отвлеченныя рубрики, въ которыхъ вращается это изображеніе, нѣсколько обезличиваютъ употребленный въ дѣло матеріалъ: основной мыслью изложенія остается и здѣсь сравненіе условій переписи XVII в. съ рациональными условіями статистики населенія; авторъ показываетъ, что переписи XVII в. не удовлетворяли современнымъ требованіями періодичности, повсемѣстности и единовременности (192, 205), не сопровождалась научнымъ анализомъ почвы и оцѣнкой хозяйства (206); «поэтому нѣтъ возможности считать писцовыя книги такимъ же точнымъ источникомъ свѣдѣній, коковы современныя статистическія данныя». Съ этимъ вполне можно согласиться, съ той, впрочемъ, оговоркой, что сужденіе о достовѣрности «современныхъ статистическихъ данныхъ» не можетъ быть столь же суммарнымъ, какъ сужденіе о писцовомъ матеріалѣ XVII в. Достовѣрность первыхъ зависитъ отъ безконечно разнообразныхъ цѣлей и средствъ ихъ собиранія; достовѣрность вторыхъ провѣрялась ежедневной фискальной практикой, въ которой были заинтересованы обѣ стороны: показанія ихъ были, въ буквальномъ смыслѣ, «живыми цифрами». Правильнѣе поэтому было бы сравнивать писцовый матеріалъ XVII в. не съ современной статистикой вообще, а съ оффиціальной регистрацией современныхъ финансовыхъ учреждений.

Считая писцовый матеріалъ не вполне достовѣрнымъ источникомъ уже по самому способу его составленія, авторъ останавливается затѣмъ на разсмотрѣніи тѣхъ причинъ недостовѣрности (207—13), которыя вытекаютъ изъ невѣжества или недобросовѣстности писцовъ. Несомнѣнно, что указываемыя авторомъ причины и во-

обще приемы регистраціи XVII в. давали возможность значительному количеству населенія уклоняться отъ внесенія въ податные списки. Но рядомъ съ этими причинами, понижавшими итоги переписей сравнительно съ дѣйствительностью—существовали еще другаго рода причины, поднимавшія, напротивъ, цифры переписей *выше* численности наличнаго населенія. Дѣло въ томъ, что правительство, строго наблюдавшее за тѣмъ, чтобы *приростъ* платежныхъ силъ области немедленно регистрировался воеводой, почти всегда игнорировало *убыль* этихъ силъ сравнительно съ состояніемъ ихъ, записаннымъ въ писцовой или переписной книгѣ. Въ результатѣ устанавливался совершенно условный счетъ платежныхъ единицъ, при которомъ наличное населеніе постоянно платило «навальное сошное письмо» или вносило подати «за пустые дворы». Авторъ, конечно, правъ, что въ самый моментъ составленія переписи полученное ею количество населенія «слѣдуетъ считать за минимумъ того, что должно было бы быть» (214). Но можно думать, что часто уже вскорѣ послѣ ея окончанія этотъ минимумъ превращался въ максимумъ и оставался такимъ до слѣдующей переписи ¹⁾.

Переходимъ къ слѣдующему отдѣлу, посвященному изученію *окладныхъ* единицъ, т. е. сохи, выти, живущей четверти и двора (219—262). Разъясняя различія въ величинѣ сохъ, авторъ останавливается на вопросѣ, чѣмъ опредѣлялось качество земель въ XVII в., и приходитъ къ заключенію, что дѣленіе земель на добрыя, среднія и худыя вызывалось не столько различіемъ въ составѣ и качествахъ почвы, сколько степенью доходности извѣстнаго участка и притомъ по сравненію лишь съ ближайшими мѣстностями, такъ что одна и та же по качеству земля въ одной мѣстности могла считаться доброй, а въ другой оказаться худой (222—5). Обращаясь затѣмъ въ величинѣ сохъ разныхъ сословій ²⁾, авторъ отмѣчаетъ, что пропорціи сохи доброй, средней и худой земли — иныя относительно каждаго сословія: въ помѣстныхъ земляхъ соха худой земли въ $1\frac{1}{2}$ раза больше доброй, въ черныхъ — въ $1\frac{2}{3}$, въ монастырскихъ въ $1\frac{1}{2}$ раза. Для объясненія такой разницы авторъ предлагаетъ весьма остроумную догадку, что правительство руководилось при этомъ дѣйствительной разницей въ колебаніяхъ доходности земель разныхъ

¹⁾ Забѣтимъ кстати, что выраженіе «послѣ писцовъ» (200) значитъ, всего вѣроятнѣе, — послѣ предыдущей переписи.

²⁾ Черная соха — добр. 500, сред. 600, худой 700 четв., монастырская — 600—700—800; помѣстная и дворцовая—800—1000—1200.

сословіи: наибольшая доходность отличалась отъ наименьшей сильнѣе въ помѣстныхъ земляхъ, чѣмъ въ черныхъ, сильнѣе въ черныхъ, чѣмъ въ монастырскихъ; авторъ напоминаетъ при этомъ, что «помѣстья и вотчины лежали главнымъ образомъ въ средней и южной полосѣ, черныя земли — въ сѣверной, а монастыри частью въ средней, частью въ пустынныхъ мѣстахъ сѣверной» (227). Мы не рѣшаемся, однако, присоединиться къ этой догадкѣ; подобный расчетъ кажется намъ заразъ и слишкомъ тонкимъ, потому что принимаетъ въ соображеніе разницу въ колебаніяхъ доходности на $\frac{1}{10}$ и на $\frac{1}{15}$, — и слишкомъ грубымъ, такъ какъ основанъ на слишкомъ общемъ и даже нѣсколько проблематичномъ сопоставленіи разныхъ предѣловъ колебанія доходности земель въ разныхъ полосахъ Россіи — съ черезчуръ схематичнымъ распредѣленіемъ по разнымъ полосамъ земель разныхъ сословіи. Ни эта тонкость, ни эта грубость не были во вкусѣ Московскаго правительства, такъ какъ для первой оно было слишкомъ мало склонно къ теоретизированію, а для второй слишкомъ практично. Выше мы высказали предположеніе, что, понижая разницу сохъ монастырскихъ, съ 600—750—900 (какъ слѣдовало бы по пропорціи одобряванія помѣстной сохи) на 600—700—800, правительство просто хотѣло еще болѣе увеличить тяжесть монастырскаго обложенія, т. е. проводило дальше тотъ же принципъ, по которому уменьшило вообще размѣры монастырскаго сохи, Могло оказать тутъ влияніе и удобство употребленія круглыхъ чиселъ — 500—600—700—800.

Переходя отъ сохи къ «выти», авторъ принимаетъ взглядъ Бѣляева, справедливо отмѣтившаго частно-хозяйственное значеніе выти и болѣе непосредственное отношеніе ея къ плательщику, чѣмъ большой московской сохи. Но авторъ, по нашему мнѣнію, не справился съ вопросомъ объ отношеніи выти къ сохѣ, что, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, его незнакомствомъ съ порядками XVI в. До середины XVI в., какъ мы говорили выше, соха и выть были двумя параллельными единицами, отчасти и примѣнявшимися на разныхъ категоріяхъ земель: выть на дворцовыхъ, соха — на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ. При этомъ, собственно говоря, только послѣдняя (т. е. соха) была настоящей податной окладной единицей, выть же представляла чисто-хозяйственное дѣленіе, — жеребій, надѣлъ, выдѣленный хозяиномъ и обложенный хозяйскимъ *оброкомъ*; правда, что будучи таковой по своему происхожденію, она могла однако употребляться и для цѣлей собственно-правительственнаго обложенія. Дагѣ, выть уже въ пер-

вой половинѣ XVI в. оказалась довольно устойчивой единицей, представлявшей въ большинствѣ случаевъ ту же величину, какъ и въ XVII в.: 12—14—16 четвертей доброй, средней и худой земли. Слѣдовательно, размѣры выти уже въ то время вовсе не колеблются такъ, какъ предполагалъ Бѣляевъ и, вѣроятно, подъ его вліяніемъ А. С. Лаппо-Данилевскій ¹⁾. Соха, напротивъ, какъ мы нашли выше, колебалась до тѣхъ поръ, пока уложеніе 1551 года не сообщило ей точно опредѣленной величины. Послѣ такого опредѣленія, сохѣ и выти вовсе не надо было приравливаться другъ къ другу; ихъ отношеніе было опредѣлено простымъ арифметическимъ расчетомъ, записаннымъ, какъ мы видѣли, во вторую редакцію сошнаго руководства XVI в. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія автора о «противорѣчїи другъ другу» сошнаго и вытнаго счета, о «шаткости» «самыхъ основныхъ принциповъ податной системы XVII столѣтія», основанной на совмѣщеніи этихъ двухъ будто-бы несомвѣстимыхъ счетовъ, о томъ, какъ «и въ первой половинѣ XVII в. размѣры выти продолжали измѣняться подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, тогда какъ соха стала приобретать характеръ «постоянной величины»; наконецъ, «о превращеніи вытей въ однообразныя единицы» «уже въ началѣ правленія царя Михаила» — всѣ эти соображенія падаютъ сами собой (229—30). На сѣверѣ московская выть, точно, столкнулась, но не съ сохой, а съ новгородской *сошкой*; на послѣднюю, дѣйствительно, приходилось самое разнообразное количество вытей ²⁾: но только это вовсе не значитъ, что «превращеніе выти въ постоянную поземельную мѣру повлекло за собой образованіе неравномѣрныхъ сохъ, не соответствовавшихъ однообразной московской сохѣ»; сошка существовала раньше, чѣмъ стали измѣрять ее вытью; примѣненіе выти на сѣверѣ только должно было вытѣснить старинную сошку, чѣмъ, какъ извѣстно автору, дѣло и кончилось. Неясность представленія автора объ этомъ процессѣ обнаруживается въ слѣдую-

¹⁾ Необходимо, впрочемъ, прибавить что *фактически* небольшія колебанія выти должны были существовать въ силу причинъ какъ агрономическихъ, такъ и народохозяйственныхъ. Будучи хозяйственнымъ надѣломъ крестьянской семьи, а не официально фиксированной податной единицей, выть должна была сообразоваться какъ съ топографическими условіями земельного участка, такъ и съ наличными рабочими силами семьи. Выше (стр. 51) мы приводили примѣръ, въ которомъ монастырскія власти прямо разрѣшаютъ увеличить или уменьшить норму надѣла въ зависимости отъ количества рабочей силы.

²⁾ Лаппо-Данилевскій, стр. 231, примѣч. и Гос. Хоз., 19, прим. 4.

щей фразѣ: «размѣры сошки едва-ли были постоянными (навѣрное, не были), тѣмъ болѣе (?), что съ опредѣленіемъ величины выти сошка *стала* постоянно видовзмѣняться, что и послужило причиною ея отиѣны». Если размѣры сошки ранѣе не были постоянными, то какъ можно говорить, что она *стала* колебаться только послѣ опредѣленія величины выти?

А. С. Лаппо-Данилевскій переходитъ затѣмъ къ объясненію «одобриванія» (233—38). Объясненіе это выходитъ у него нѣсколько туманнымъ по той причинѣ, что онъ суживаетъ сферу объясненія, ограничиваясь примѣненіемъ одобриванія къ помѣстнымъ окладамъ; такимъ образомъ, общее значеніе и основной смыслъ одобриванья стусшевываются въ его изложеніи. Авторъ полагаетъ даже, что «одобриваніе и наддача вызваны были потребностями помѣстной системы и первоначально, какъ кажется, примѣнялись, главнымъ образомъ, къ помѣстьямъ» (236). Такимъ образомъ, онъ не замѣчаетъ, что самое различеніе размѣровъ сохъ разныхъ качествъ земли уже было однимъ изъ примѣненій одобриванія, и притомъ самымъ важнымъ въ финансовомъ отношеніи. Различеніе это онъ принимаетъ, какъ существующій фактъ; «цѣлесообразность» же операціи одобриванія ищетъ въ другомъ примѣненіи его — къ измѣренію служилыхъ окладовъ. Но и въ этой специальной области употребленія одобриванія онъ сводитъ объясненіе на одинъ еще болѣе специальный случай. Въ общемъ своемъ значеніи и здѣсь одобриваніе было, какъ вездѣ, счетной операціей, имѣвшей цѣлю установить справедливое соотвѣтствіе между землями разныхъ качествъ. Всякій служилый участокъ низшаго сорта земли долженъ быть выраженъ въ единицахъ высшаго сорта, и въ этомъ послѣднемъ выраженіи идетъ въ счетъ служилаго оклада, на который имѣетъ право служилый человекъ. Какъ извѣстно, очень рѣдко служилый человекъ владѣлъ въ дѣйствительности полнымъ размѣромъ своего оклада; но право его на полученіе полнаго оклада тѣмъ не менѣе существуетъ и при удобномъ случаѣ можетъ быть осуществлено, напр. если умретъ какой-нибудь родственникъ и освободится его участокъ, если откроются свободныя земли въ соудствѣ, что особенно часто бывало при межеваніи. Авторъ и беретъ для объясненія одобриванія послѣдній случай: реальную прирѣзку новаго количества земли къ старому. Но и этотъ случай онъ специализируетъ еще болѣе: онъ ставитъ условіемъ, чтобы послѣ наддачи фиктивный размѣръ участка оставался тотъ же, какимъ былъ въ дѣйствительности до наддачи, т. е., напр., чтобы къ

133 четв. *средней* земли прибавить такое количество, которое вмѣстѣ съ старымъ участкомъ равнялось бы 133 же четвертямъ *доброй* земли. Нужно признать, что такой специальный случай былъ довольно типичнымъ въ практикѣ Московскаго государства: дѣло въ томъ, что служилыя дачи въ окладъ отводились, повидимому, иногда безъ справки съ качествомъ земли отводимаго участка, т. е. безъ различенія качества земли отдѣлялось извѣстное количество четвертей, предполагая, что земля добрая. Въ такихъ случаяхъ писцу предстояло встрѣтиться съ жалобами служилаго человѣка на неравномѣрность его дачи съ дачами лучшей земли; писцовыя инструкции давали обыкновенно разрѣшеніе въ такихъ случаяхъ произвести одобриваніе, и *иногда* — произвести его именно по примѣру, приведенному авторомъ, т. е. одобрить землю въ размѣрахъ стараго участка.

Такъ бывало, если возлѣ находились свободныя «примѣрные» земли. Но какъ дѣлалось, если примѣрныхъ земель не оказывалось? Мы знаемъ, что одобрить можно было и безъ всякой прирѣзки, просто уравнивъ наличный участокъ *меньшему* количеству земли лучшаго сорта. Но это было невыгодно для правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ уменьшалась доля оклада, дѣйствительно выданная служилому человѣку, и увеличивалась доля, которую слѣдовало добавить. Естественно, поэтому, что въ такомъ случаѣ правительство предпочитало оставить земли неодобренными, т. е. продолжать игнорировать качество земли. Въ 1630 г. былъ представленъ государю докладъ о пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ писцоваго наказа 1627 г. Въ докладѣ между прочимъ указывались оба различныя нами выше способы одобриванія: «а только тѣ земли одобрить, и за ними изъ дачъ земли *убудеть*, а *иные* земли одобрятца изъ *примѣрныхъ* земель». Въ отвѣтъ на этотъ докладъ послѣдовало приговоръ 19 марта 138 г., въ которомъ принять былъ только второй способъ одобриванія — посредствомъ прирѣзки, а первый — посредствомъ вычета — отвергнуть: «у которыхъ людей въ ихъ дачахъ примѣрные земли не будетъ, и за тѣми людьми указали тѣ ихъ помѣстныя земли писать противъ ихъ дачъ, не одобривая землю, потому что одобрить земли не изъ чего; — а *изъ дачъ земли не убавить*»¹⁾. Этотъ принципъ принять былъ, слѣдовательно, съ 1630 г.; онъ перешелъ и въ Уложеніе (XVI, 48). Но ни раньше, въ

¹⁾ В. Н. Сторожевъ. Указная книга Помѣстнаго приказа. М. 1889 стр. 98—9.

обложеніи — площадь двора никакого значенія не имѣеть¹⁾. Это и естественно, такъ какъ при сошной раскладкѣ посадское населеніе разверстывало между собой платежи не по размѣрамъ двора, а по животамъ и промысламъ.

Связывая дворовую мѣру именно съ сошной раскладкой и считая послѣднюю упраздненной со времени введенія подворной подати, авторъ просто примѣняетъ къ данному случаю свое общее представленіе о финансовой роли сошнаго письма и подворной подати. Сошное письмо для него есть орудіе взиманія «поземельнаго налога», и опредѣленіе платежной силы двора величиной его площади есть примѣненіе того-же «поземельнаго счета» (238). Для автора а priori ясно, что то и другое должно было пасть одновременно. Причины этого паденія онъ также конструируетъ а priori съ помощью извѣстной уже намъ мысли о развитіи русскихъ городовъ изъ селъ. «Исключительный характеръ сошнаго письма не допускалъ возможности исполнѣ удовлетворительнаго его примѣненія къ промышленному и торговому населенію. Сошное письмо выросло на земледѣльческой почвѣ. Правильное его примѣненіе обусловлено было исключительно зависимостью экономическаго благосостоянія тяглица отъ размѣровъ обрабатываемой имъ пашни. Вотъ почему, когда опредѣляющимъ началомъ такого благосостоянія въ нѣкоторыхъ классахъ населенія сталъ не только земельный участокъ, но и размѣры его промышленной дѣятельности или торговыхъ оборотовъ, сошное письмо оказалось недостаточнымъ. Въ примѣненіи къ посадѣ оно въ сущности превратилось въ своего рода подворную подать» (243). Въ этой аргументаціи мы не понимаемъ самаго главнаго: въ чемъ именно состоялъ тотъ «исключительный характеръ» сошнаго письма, который дѣлалъ невозможнымъ «примѣненіе его къ промышленному и торговому населенію»? Самъ авторъ признаетъ же въ концѣ этой цитаты, что сошное письмо уже приспособилось къ

¹⁾ Арх. М. Юст. Писцов. книга Рязани, № 399; при сопоставленіи дворовыхъ площадей съ количествомъ денежнаго оклада, въ который положены нѣкоторые плательщики, получаемъ, напр., слѣдующія цифры:

площадь двора	176	кв. саж.	(22 × 8)	окладъ	10 к.
»	»	232	»	»	1 р. 20 »
»	»	264	»	»	6 »
»	»	275 ¹ / ₂	»	»	9 »
»	»	348	»	»	9 »
»	»	368	»	»	30 »
»	»	960	»	»	4 »

особому положенію города; въ сущности, разъ уже соха стала фиктивной единицей, въ сошномъ письмѣ ничего и не оставалось специфически земледѣльческаго; въ окладномъ отношеніи совершенно безразлично было, состоитъ-ли соха изъ опредѣленнаго количества дворовъ или четвертей пашни; въ томъ и другомъ случаѣ соха представляла для правительства репартиціонный принципъ — и ничего кромѣ него. Но допустимъ на минуту, что «соха» все еще сохраняетъ какую-то связь съ земледѣліемъ; допустимъ, что въ городѣ ея паденіе вызвано именно ростомъ торгово-промышленнаго класса; въ такомъ случаѣ, чѣмъ объяснить появленіе подворной подати въ *уездѣ*, гдѣ населеніе, разумѣется, не переставало быть земледѣльческимъ? А вѣдь именно эту *всеобщую* подворную подать, а не специально городскую, предстоитъ объяснить историку прямаго обложенія.

Авторъ чувствуетъ, конечно, и самъ недостаточность своей мотивировки и необходимость другихъ объясненій паденія сошнаго письма; онъ находитъ ихъ, во первыхъ, въ «неудобствѣ примѣненія сошнаго письма ко все болѣе расширявшейся территоріи государства и къ возрастающему количеству обработанныхъ пашень, требовавшихъ измѣренія». Какія именно части территоріи здѣсь разумѣются, почему правительство затруднялось измѣрять новыя пашни и затруднялось-ли оно вообще этимъ, — все это остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе чего и объясненіе не достигаетъ цѣли, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго реальнаго содержанія. Столь же неудачнымъ кажется намъ и другое объясненіе перехода отъ сошнаго письма къ подворной подати, именно, ссылка на «упадокъ земледѣлія», какъ результатъ смутнаго времени. По мнѣнію автора «удѣлѣвшіе землевладѣльцы имѣли очень небольшое количество паханной земли» (243); это «малое количество обработанной пашни доводило взимаемая съ нея подати до незначительныхъ размѣровъ»; между тѣмъ «подворная подать сразу могла повысить размѣры государственныхъ доходовъ», не отягощая пашни, «съ которой уже не приходилось платить большинство податей»; такимъ образомъ и произошла «реформа, въ силу которой съ конца 20-хъ годовъ сошное письмо стало замѣняться дворовымъ числомъ» (244—5). Объясненіе это бьетъ мимо цѣли уже по той причинѣ, что, какъ сейчасъ увидимъ, сошное письмо вовсе не стало замѣняться «дворовымъ числомъ» въ концѣ 20-хъ годовъ. Мы увидимъ, напротивъ, что дѣйствительная реформа этого времени вызвана была именно увеличеніемъ запашки. Но если-бы даже и дѣйстви-

тельно подворная подать была введена именно въ этотъ моментъ, не совсѣмъ понятно, что могло отъ этого выиграть правительство? Пустьъли отъ обстоятельствъ смутнаго времени, конечно, не однѣ пашни, а вмѣстѣ съ ними и дворы, и мы не знаемъ, какимъ образомъ, проигравъ въ количествѣ обложенной пашни, правительство могло выиграть въ количествѣ облагаемыхъ дворовъ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ. Облегчить положеніе плательщиковъ можно было только уменьшеніемъ податей, а не измѣненіемъ въ способѣ ихъ взиманія съ тѣхъ же плательщиковъ; между тѣмъ мы видѣли не уменьшеніе, а огромный ростъ податей послѣ смутнаго времени. Какимъ образомъ простая переменна окладной единицы могла заразъ и увеличить доходы казны и облегчить положеніе земледѣльческаго класса, — для насъ совсѣмъ непонятно. Но что же произошло въ дѣйствительности въ концѣ 20-хъ годовъ?

Обстоятельствомъ, смутившимъ А. С. Лаппо-Данилевскаго было, кромѣ его общей идеи о древнемъ «поземельномъ налогѣ», долженствовавшемъ смѣниться подворнымъ, — открытіе имъ въ переписи 1620-хъ годовъ новой окладной единицы, «живущей четверти». Открытіе это есть въ значительной степени заслуга А. С. Лаппо-Данилевскаго¹⁾ и представляется намъ однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ его работы. Довольно естественно, что этимъ открытіемъ авторъ поспѣшилъ воспользоваться для доказательства своей любимой мысли. Дѣло въ томъ, что когда перепись уже была начата, правительство распорядилось класть въ сошное письмо на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ — по извѣстному количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ на «живущую» или «платежную» четверть пашни. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній установилась и опредѣленная цифра тѣхъ и другихъ дворовъ, приходившаяся въ разныхъ мѣстностяхъ и на разныхъ категоріяхъ земель на «живущую четъ» сошнаго письма. Такова сущность факта, впервые описаннаго авторомъ и, несомнѣнно, въ высшей степени важнаго. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ авторъ взялъ живущую четверть, какъ готовое явленіе, и не обратилъ надлежащаго вниманія на ея происхожденіе. Не выяснивъ происхожденія живущей четверти, авторъ не имѣлъ возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ и ея финансовой роли и ея отношеній къ сошному письму и подворной подати. Въ своей

¹⁾ См. впрочемъ В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отиѣна хозяйства. Р. Мысль. 1886, X, стр. 13.

работѣ (17—22) мы старались сдѣлать соотвѣтствующія поправки и доказать, что 1) живущая четверть произошла изъ сошнаго письма и была однимъ изъ способовъ его примѣненія; 2) что она не была введена повсемѣстно и рядомъ съ нею сохранялось сошное письмо въ прежнемъ видѣ до самаго конца столѣтій; 3) что она не имѣла ничего общаго съ подворной податью и введеніемъ послѣдней уничтожалась въ той же степени, какъ и сошное письмо. Здѣсь мы воспользуемся случаемъ для дальнѣйшаго развитія тѣхъ же положеній.

Прежде всего, въ моментъ реформы 1630—31 гг. живущая четверть, какъ платежная единица, вовсе не была какой-либо новостью. Мы указывали прежде на то обстоятельство, что въ концѣ XVI в. служилое населеніе окраинъ платило не съ полнаго размѣра своихъ помѣстьевъ, а только съ *живущихъ* четвертей распаханной пашни, оставляя въ сторонѣ перелогъ и дикое поле. Обычное количество распаханной пашни было, дѣйствительно, такъ ничтожно въ этихъ мѣстностяхъ, что его *нельзя было выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи*, употребительныхъ при сошномъ счетѣ. $\frac{1}{32}$ сохи въ 800 четвертей равнялась 25 четв. пашни; $\frac{1}{24}$ —33 $\frac{1}{2}$ четв.; а паханной пашни у этихъ помѣщиковъ было всего отъ одной до четырехъ четвертей. Такъ какъ они платили только съ этихъ 1—4 четв., то для нихъ уже надобно было сдѣлать и раздробительный расчетъ платежей, подобный тому, который мы приводили выше по грамотѣ 1607 г.¹⁾ При разореніи смутнаго времени на положеніи окраинъ оказались и центральныя мѣстности въ виду запустѣнія земель не только служилаго класса, но и духовенства, и дворцовыхъ, пришлось и здѣсь различать «живущее» отъ «пустаго» и разрѣшать—послѣ спеціальнаго «дозора»—платежи съ одного «живущаго». Въ результатѣ такихъ разрѣшеній, случай, когда помѣщики и вотчинники владѣли *многими землями*, (а платили за нихъ) *за малая четви*, долженъ былъ сдѣлаться весьма обыкновеннымъ и въ центрѣ Россіи²⁾. Но условія, при которыхъ даны были эти льготы, мѣнялись; окраины переставали быть окраинами, разоренное населеніе центра до нѣкоторой степени оправилось отъ опу-

¹⁾ Рум. муз. отписка Гарелина, 7115, марта 27: Костромской губ. старосты взяла съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ — въ 10 рублей съ сохи — 3 алтына 2 деньги, да корму въ 40 алтынъ 16 ден. съ сохи — 3 денѣги.

²⁾ См. Сторожева, Указная кн. Пом. прик. 56—8, гдѣ это владѣніе «многими землями за малая четверти» прямо поставлено въ связь съ «новыми дозорными» и въ противоположность съ «старыми писцовыми книгами».

стошеній смутной эпохи къ тому времени, когда вернулся изъ польскаго плѣна патр. Филаретъ и задумалъ новую перепись. Чтобы понять, какъ могла явиться у правительства мысль о реформѣ, достаточно заглянуть въ результаты этой переписи: выберемъ нѣсколько случаевъ изъ тѣхъ образчиковъ переписи, которые были представлены правительству раньше того времени, когда оно рѣшилось на эту реформу:

Кашинскій у. писцовая 1628—9 г.; итогъ: «папши паханой и гѣсу пашеннаго середнѣ земли 3.085 $\frac{1}{2}$ чети, и изъ того числа въ живущемъ 1 $\frac{3}{4}$ чети». *Воронежск. у.* 1629: за четырьмя монастыри на посадѣ и въ уѣздѣ монастырскихъ 63 дв., а людей въ нихъ прикащиковъ и монастырскихъ всякихъ работниковъ и дѣтенышевъ 83 челов.; крестьянскихъ 31 дв., людей въ нихъ 53 челов., бобыльскихъ 46 дворовъ, людей 59 челов. Папши паханой и перелогомъ и дикаго поля 1360 четв. въ полѣ. И изъ того числа въ живущемъ 8 $\frac{11}{16}$ чети ¹⁾).

Записанныя въ платежъ живущія чети составляли, какъ видимъ, уже слишкомъ большое несоотвѣтствіе съ общимъ количествомъ владѣемой земли, и ничтожность ихъ количества рѣзко противорѣчила значительной цифрѣ рабочихъ дворовъ, поселенныхъ на этой землѣ. Если правительство не хотѣло вернуться къ прежнему обложенію *полною* сошнаго письма, что было бы, вѣроятно, уже слишкомъ рѣзкимъ отягощеніемъ плательщиковъ и слишкомъ крутымъ переворотомъ въ ихъ положеніи; если оно не могло, дагѣе, отдѣлить дѣйствительно обработанной земли отъ несомнѣнно пустой, можетъ-быть, по недостатку точныхъ данныхъ, — то оставался, въ самомъ дѣлѣ, единственный способъ опредѣлить платежную способность каждаго владѣнія: количествомъ поселенныхъ въ его предѣлахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. По особому, свойственному Московскому государству консерватизму, Московское правительство оставило старое названіе «живущей четверти папши», но приравняло ее опредѣленному количеству дворовъ и, такимъ образомъ, получило новую окладную единицу, столь же мало похожую на прежнюю, какъ мало походила «соха», опредѣленная извѣстнымъ количествомъ четвертей, — на старую соху — единицу рабочей силы.

¹⁾ Арх. М. Юст. Кашин. у. писцов. № 178, л. 590 и Воронежск. писцов. книги, издан. Воронежск. губерн. стат. ком. Воронежъ 1891, стр. 281. Количество такихъ примѣровъ можно увеличить по желанію.

Размѣры новой единицы опредѣляются прямыми правительственными распоряженіями 1630 и 1631 г., напечатанными В. Н. Сторожевымъ въ изданіи «Указной книги Помѣстнаго приказа» А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ ихъ въ приложеніи (стр. 530—31). Въ текстѣ же онъ опредѣляетъ размѣры живущей четверти на основаніи самихъ писцовыхъ (248—55). Слѣдовало бы при этомъ точнѣе раздѣлить матеріалъ, представляемый писцовыми книгами законченными до распоряженій 1630—31 г., отъ писцовыхъ, имѣвшихъ уже эти распоряженія въ виду и цитировавшихъ даже его иногда въ началѣ своего текста; есть наконецъ и промежуточный типъ писцовыхъ, составленныхъ, повидимому, раньше указовъ, но оставившихъ пробѣлы для внесенія перевода на живущія четверти и внесшихъ этотъ переводъ позднѣе ¹⁾). Естественно, что въ писцовыхъ, законченныхъ ранѣе, врядъ-ли можно искать соотвѣтствія между количествомъ дворовъ и живущихъ четвертей. Между тѣмъ авторъ не дѣлаетъ этой предварительной сортировки матеріала (ср. 252, прим. 1 и стр. 533). Несмотря на это, главные выводы его основаны на такомъ значительномъ количествѣ данныхъ, что они, кажется, не пострадаютъ нисколько отъ дальнѣйшаго пересмотра матеріала. Сюда именно относятся его заключенія, что количество дворовъ живущей четверти колебалось 1) въ связи съ хозяйственнымъ состояніемъ дворовъ, 2) въ зависимости отъ техническихъ пріемовъ четвертнаго счета (251—2): послѣднія колебанія выражались въ счетѣ дворовъ десятими и двадцатыми долями четверти, или осьмиными, шестнадцатыми, судя по тому, какъ удобнѣе было для полученія обычныхъ дробей старинной сошной ариметики. Но не всѣ колебанія размѣровъ живущей четверти удастся автору объяснить такимъ образомъ, и онъ самъ признаетъ, что «встрѣчаются случаи, едва-ли поддающіеся классификаціи». Значительная часть такихъ случаевъ, кажется, можетъ быть отнесена на долю болѣе ранняго матеріала (до 1630—31 г.); но и въ матеріалѣ послѣ 1631 г. не мало встрѣчается колебаній, и для насъ непонятныхъ.

Другое наше положеніе, — что живущая четверть не была введена повсемѣстно, собственно говоря, вполне признаетъ и самъ авторъ. «Къ чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ, замѣчаетъ онъ, счетъ живущими четвертями, повидимому, не примѣнялся» (250, прим. 1). Къ дворцовымъ селамъ онъ, положимъ, примѣнялся, но къ чернымъ волостямъ не примѣнялся навѣрное, и, такимъ об-

¹⁾ Сюда напр. относится Арх. М. Юст. Костр. у., кн. 132 года, №№ 209 и 210.

разомъ, весь сѣверъ Россіи остался при старомъ сошномъ письмѣ: послѣднее обстоятельство авторъ, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно игнорируетъ.

Наконецъ, что особенно важно для нашей цѣли, платежъ съ живущей чети не былъ подворной податью, вопреки постоянному утверженію автора. Живущая четъ разсматривалась какъ примѣненіе того же сошнаго письма, какъ $\frac{1}{800}$ сохи; въ этомъ мы могли неоднократно убѣдиться при переводѣ окладовъ старыхъ и вновь возникавшихъ податей съ сохи на живущую четверть¹⁾. Болѣе мелкая, чѣмъ соха, эта окладная единица была особенно удобна въ приложеніи къ мелкимъ размѣрамъ владѣльческаго участка; затѣмъ, приравненная извѣстному количеству дворовъ, она давала владѣльческой землѣ огромное податное преимущество передъ ьерной: съ одной четверти, т. е. съ полудесятины — черносошный крестьянинъ русскаго сѣвера долженъ былъ платить столько же, сколько землевладѣлецъ остальной Россіи платилъ съ 7—10 крестьянскихъ дворовъ, т. е. считая обычный крестьянскій надѣлъ (выть) въ 6 десятинъ доброй земли — съ 42—60 десятинъ (въ одномъ погѣ). Позднѣе, какъ мы видѣли, эта неравномѣрность была нѣсколько сглажена при дальнѣйшихъ повышеніяхъ податныхъ окладовъ; но все же разница продолжала оставаться огромной. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что даже увеличивъ податныя тягости землевладѣльцевъ сравнительно съ предъидущимъ временемъ, живущая четверть всетаки сохранила для нихъ крайне привилегированное положеніе въ «распредѣленіи податнаго бремени». Эти наблюденія выясняютъ, слѣдовательно, и формальное тожество и огромное реальное различіе между обложеніемъ по сохамъ и по живущимъ четвертямъ; они дѣлаютъ понятнымъ почему одна и та же подать представляется страшной тяжестью при взиманіи ея съ сохи (на сѣверѣ) и не вызываетъ ропота при взиманіи съ живущей четверти. Эти же замѣчанія выясняютъ и первостепенную финансовую роль сѣвера и завѣдовавшихъ имъ четей (новгородской и устюжской).

Не замѣтивъ происхожденія живущей четверти изъ сошнаго письма и тѣснѣйшей связи ея съ послѣднимъ, А. С. Лаппо-Данплевскій чрезвычайно затруднилъ себѣ пониманіе финансовой исторіи XVII в. Прежде всего дальнѣйшая судьба самого сошнаго письма сдѣлалась для него весьма неясной. Онъ, конечно, долженъ былъ признать тотъ фактъ, что «хотя къ концу 30-хъ годовъ XVII в. сошное письмо стало *мало-по-малу* замѣняться подворной податью,

¹⁾ См. выше, стр. 109—110, 111—112, прим. 1, 114, 135.

однако оно не вполне утратило свое значеніе въ позднѣйшее время (240). Но въ чемъ состояла эта позднѣйшая роль сошнаго письма, авторъ сказать не можетъ. Онъ старается, правда, уловить ее на трехъ частныхъ случаяхъ, но заключеніе, сдѣланное имъ изъ первыхъ двухъ, не идетъ дальше самыхъ этихъ случаевъ и даже непонятно помимо нихъ; третій же случай приводитъ его къ невѣрному выводу, что иногда «сошное письмо продолжало употребляться въ виду большаго его соотвѣтствія съ *характеромъ* даннаго налога»: именно, стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ продолжалъ взыматься съ сошнаго письма даже въ 70-хъ годахъ XVII в., а при переводѣ его на деньги и самыя деньги взымались съ живущей чети пашни, напр. въ поморскихъ и вятскихъ городахъ до 1679 г.». Эти утвержденія основаны на указанныхъ уже нами недоразумѣніяхъ автора по поводу исторіи стрѣлецкой подати: «стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ» какъ разъ собирался съ тѣхъ мѣстностей, которыя не сохранили сошнаго письма въ чистомъ видѣ, а платили съ «живущей четверти» (именно здѣсь напрасно употребляемой авторомъ какъ синонимъ сошнаго письма); а съ сошнаго письма въ старомъ его видѣ какъ разъ платился не стрѣлецкій хлѣбъ, а старая *денежная* стрѣлецкая подать. Отмѣтивъ ранѣе самъ, что «живущая четверть» не проникала въ черныя волости, авторъ уже изъ этого одного могъ бы вывести заключеніе, что тамъ,— т. е. на всемъ сѣверо-востокѣ, сохранилось старое сошное письмо; по документамъ видно, что оно употреблялось тамъ до самаго конца столѣтія и не только для платежа стрѣлецкой подати, но и для всѣхъ остальныхъ репартиціонныхъ налоговъ. Не подозреваетъ авторъ и того, что совершенно такую же роль играла и живущая четверть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣнила старое сошное письмо: т. е. и съ нея платились *все* подати старой репартиціонной системы. Послѣ того, что мы говорили выше о переводѣ всѣхъ старыхъ окладовъ съ сохи на живущую четверть (по расчету $\frac{1}{800}$), уже само собой ясно, что съ сохи и съ живущей четверти не могли взыматься разные налоги, и не было никакой нужды сохранять въ одномъ и томъ же мѣстѣ обѣ единицы, когда вторая съ финансовой точки зрѣнія была только инымъ выраженіемъ первой. Такъ какъ, слѣдовательно, съ обѣихъ, несомнѣнно, взымались однѣ и тѣ же подати, то естественно, авторъ ставитъ себя въ очень затруднительное положеніе, полагая, что та и другая служили «для различнаго рода налоговъ и повинностей», и пытается опредѣлить, для какихъ именно. «Важнѣйшіе виды прямыхъ налоговъ, говоритъ онъ,

какъ-то: данныя, полонянничныя, ямскія, стрѣлецкія деньги и деньги ратнымъ людямъ на жалованье уже взиались въ это время съ новой податной единицы, введенной въ употребленіе до конца 30-хъ годовъ, — съ *живущей четверти и двора*» (241). Въ такомъ случаѣ съ сошнаго письма не взиалось ничего, такъ какъ тутъ перечислены всѣ подати, подлежащія прежде сошной раскладкѣ. На дѣлѣ всѣ тѣ изъ перечисленныхъ податей, которыя платились съ «живущей четверти», платились и съ сошнаго письма въ другихъ мѣстностяхъ; единственная же подать, платившаяся съ двора (деньги ратнымъ людямъ на жалованье), не платилась ни съ сохи, ни съ живущей четверти. Авторъ провелъ границу не тамъ, гдѣ она шла въ дѣйствительности: отдѣливъ живущую четверть рѣзкою чертою отъ сошнаго письма, съ которымъ она была въ финансовомъ отношеніи тождественна, онъ, напротивъ, слилъ ее съ дворомъ, — т. е. съ окладной единицей существенно различнаго характера. Эта единица, — дворъ, дѣйствительно, употреблялась для иныхъ налоговъ, чѣмъ соха и живущая четверть: съ нея стали собираться новые экстренные сборы — «новоприбылыя тягла», тогда какъ всѣ старыя продолжали взыматься по прежнему съ сошнаго письма — или въ старомъ видѣ цѣлой сохи или въ раздробленномъ видѣ — живущей четверти. Въ теченіе вѣка на новую единицу — дворъ переводятся затѣмъ и всѣ старыя налоги, и только съ ихъ переводомъ въ концѣ столѣтія роль сошнаго письма оказывается окончательно сыгранной. До тѣхъ же поръ, до перевода на дворъ полонянничныхъ въ 1649 г., стрѣлецкихъ и ямскихъ въ 1679 г. и до уничтоженія «данныхъ» въ томъ же 1679 г., сошное письмо и живущая четверть продолжаютъ служить по-старому основаніемъ податной раскладки и взиманія, и большею частію даже въ томъ самомъ количествѣ, какое установлено еще писцовыми книгами 1620-хъ и 1630-хъ годовъ. Такъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ помѣстье Костириныхъ платило въ первыя десятилѣтія XVII в. съ $2\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей; послѣ приравненія живущей четверти опредѣленному количеству дворовъ, въ данномъ случаѣ съ 1638—9 г., въ этомъ помѣстьѣ оказалось $1\frac{1}{4}$ четверти и съ этого числа идутъ всѣ обычные платежи (по отпискамъ) вплоть до 1677 г., т. е. до составленія новой переписи, послужившей основаніемъ для окончательнаго введенія подворной подати. Точно также Шуя платитъ до 1636 г. съ $15\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей, а съ 1637 г. устанавливается новое количество платежныхъ единицъ — 25 четей и остается въ употребленіи до 1679 года. Съ этихъ поръ Костирины платятъ съ 18 дворовъ, а Шуя съ 203 дворовъ по

новой переписи ¹⁾. Этому обстоятельству, т. е. сохраненію практическаго значенія писцовыхъ книгъ 1620-хъ и 1630-хъ годовъ въ теченіе столѣтія, мы обязаны въ значительной степени и сохраненіемъ большаго числа ихъ до нашего времени. Но въ концѣ столѣтія, въ тотъ самый моментъ, когда сошное письмо теряло практическое значеніе, его роль (т. е. и сохи и живущей четверти) до такой степени мало считалась устарѣвшей, что задумано было составленіе новыхъ писцовыхъ (1680-хъ годовъ), и самый переводъ старыхъ податей на дворъ первоначально долженъ былъ имѣть характеръ временной мѣры ²⁾.

Полагая, что введеніе живущей четверти было рѣшительнымъ шагомъ къ упраздненію сошнаго письма, и считая платежъ съ живущей четверти — подворной податью, авторъ, естественно, сосредоточилъ все свое вниманіе на концѣ 20-хъ годовъ XVII ст. Послѣдствіемъ этого было то, что дѣйствительный процессъ вытѣсненія сошнаго письма и живущей четверти настоящей подворной податью, процессъ, начавшійся только послѣ введенія живущей четверти, въ значительной степени ускользнулъ отъ вниманія автора; а по этой причинѣ и основной смыслъ постепеннаго роста подворнаго обложенія остался, какъ мы думаемъ, непонятнымъ.

Желанной цѣлью правительства при введеніи подворной подати было, по мнѣнію автора, увеличеніе поступлений и поднятіе земледѣлія (259, ср. 244). Первое необходимо признать даже а priori, такъ какъ увеличеніе поступлений составляло (прежде еще болѣе, чѣмъ теперь) цѣль всякой крупной финансовой операціи. Разница между нами и авторомъ заключается тутъ лишь въ томъ, что онъ считаетъ непосредственной причиной реформы — уменьшеніе количества запашки во время смуты (выше стр. 135), а мы — увеличеніе этого количества — на окраинахъ съ конца XVI в., а въ центрѣ — въ ближайшіе годы послѣ смутнаго времени. Фактъ такого увеличенія лучше всего засвидѣтельствованъ самимъ авторомъ: въ приложеніи X онъ приводитъ рядъ цифръ, показывающихъ значительный ростъ земледѣльческой культуры съ 1615 до 1628 года. Правда, эти данныя представляются ему въ текстѣ, какъ *слѣдствіе* реформы (259); въ приложеніи онъ выражается нѣсколько сдержаннѣе: «это развитіе (количества запашекъ) нельзя, конечно, всецѣло приписывать введенію подворной подати (живущей четверти); но,

¹⁾ Ср. относительно Устюжской четверти таблицу на стр. 92. Гос. Хоз.

²⁾ См. Гос. Хоз., 85.

быть можетъ, оно совершалось не безъ его вліянія» (542). Трудно понять, однако, какъ могла оказать въ 1615—1628 гг. вліяніе реформа, которая только введена была въ 1630—31 г.: здѣсь, какъ и при вычисленіи размѣровъ живущей четверти, авторъ какъ бы игнорируетъ законодательныя распоряженія, приведенныя имъ (съ таблицей В. Н. Сторожева) въ приложеніи VIII; кажется, впрочемъ и въ этомъ приложеніи указы 1630 и 1631 гг. не представляются ему *новыми* распоряженіями; но тогда, къ какому же именно моменту приурочиваетъ онъ «введеніе подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ»?

Итакъ, поднятiе земледѣлія и увеличеніе запасекъ не было «желанной цѣлю» реформы 1630—31 гг., а, наоборотъ, ея причиной. И во всякомъ случаѣ все, что говорится и авторомъ и нами для объясненія *этой* реформы, не имѣетъ еще никакого отношенія къ объясненію введенія подворной подати. Вслѣдъ за приведенными наблюденіями, авторъ дѣлаетъ, правда, еще одно, весьма важное, и, какъ мы думаемъ, совершенно вѣрное: «подворная подать, по этому наблюденію, способствовала повышенію средней населенности тяглаго двора» (259). Такъ какъ живущая четверть тоже измѣрялась послѣ реформы 1631 г., опредѣленнымъ количествомъ дворовъ, то, конечно, владѣльцу было выгодно не отводить новыхъ дворовъ и сосредоточивать рабочее населеніе въ наименьшемъ количествѣ ихъ, увеличивая этимъ самымъ ихъ населенность.

Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, введеніе живущей четверти могло имѣть, и, вѣроятно, имѣло одинаковое вліяніе съ подворной податью. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ *послѣдствій* подворной подати, а не съ ея причинами. Такъ какъ все, что говорится авторомъ о *причинахъ* послѣдней, относится собственно не къ ней, а къ живущей четверти, то мотивировку введенія *подворной* подати приходится считать отсутствующей. Между тѣмъ, эта мотивировка выясняется до нѣкоторой степени изъ самыхъ случаевъ примѣненія подворной подати. Съ сошнаго письма и живущей четверти, какъ мы уже знаемъ, взымались всѣ *обычныя* подати. Напротивъ, дворъ является единицей обложенія для экстренныхъ сборовъ, преимущественно военнаго характера. Первымъ повсемѣстнымъ сборомъ этого рода, сколько мы знаемъ былъ «подымный сборъ» 1638 и 1639 гг. (Гос. Хоз. 67—8). Уже прямо для цѣлей подворнаго обложенія предпринята была, какъ думаемъ, и перепись 1646—48 г.; она и послужила немедленно по окончаніи для новаго экстреннаго сбора и для перевода на дворъ

одной изъ постоянныхъ податей — полонянничныхъ денегъ¹⁾. Выгоды подворнаго обложенія вытекали изъ того обстоятельства, что дворовая перепись привлекала къ обложенію новые разряды плательщиковъ, которые при сошномъ письмѣ писцовыхъ книгъ оказывались «въ избыли». Его неудобства состояли въ томъ, что при новой перепискѣ выкидывались изъ счета и изъ платежа пустые дворы, за жителей которыхъ платила по писцовымъ книгамъ та тяглая группа, къ которой они принадлежали. За то взиманіе подворной подати, какъ налога съ менѣ репартиціоннымъ характеромъ, было болѣе доступно непосредственному контролю администраціи и могло быть изъято изъ вѣдѣнія автономной областной раскладочной организаціи. Такимъ образомъ, при налогахъ *старыхъ*, гдѣ важно было сохранить прежнее количество плательщиковъ, игнорируя ихъ убыль, и заставляя платить за убыльшихъ — ихъ сочленовъ (по старому окладу), — при налогахъ *обычныхъ*, гдѣ не было нужды въ немедленномъ поступленіи сбора и гдѣ можно было предоставить взиманіе обычному ходу, — выгоднѣе было сохранить старое сошное и четвертное обложеніе. Напротивъ, при «новоприбылыхъ тяглахъ», гдѣ и количество платежа и количество плательщиковъ впервые опредѣлялось, — при экстренныхъ сборахъ на спеціальныя нужды, гдѣ нужна была точность и своевременность поступленій, выгоднѣе было прибѣгнуть къ новой окладной единицѣ. Эти соображенія должны объяснить и сохраненіе стараго сошнаго письма и появленіе подворной подати.

Мы только-что приписали послѣдней менѣ репартиціонный характеръ, чѣмъ сошному письму. Въ этомъ случаѣ мы опять сталкиваемся съ рѣзко противоположнымъ мнѣніемъ автора. «Въ равножѣрномъ окладѣ (дворовой подати), говоритъ онъ, гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямаго обложенія» (505). Въ виду такого столкновенія мнѣній, обратимся къ экспертизѣ специалистовъ и воспользуемся для этой цѣли книгой, которой пользовался и самъ А. С. Лаппо-Данилевскій и которая оказала значительное вліяніе не только на его общіе взгляды, но даже на его оцѣнку явленій русской финансовой исторіи. «Налоги раскладочные (репартиціонные), говоритъ В. А. Лебедевъ²⁾ — тѣ, которые опредѣляются въ общемъ итогѣ, а количество ихъ

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 72—73.

²⁾ Финансовое право, I, 2, 464. Ср. И. И. Янжула. Основныя начала финансов. науки, 266.

(окладъ), приходящееся на каждаго плательщика, опредѣляется раскладкою, дѣлаемою или особыми выборными комиссіями или самими обществами плательщиковъ. Оклады здѣсь, слѣдовательно, *не одинаковы*, а измѣняются съ измѣненіемъ числа плательщиковъ и числа податныхъ единицъ; неподвижною или мало-подвижною остается лишь общая сумма налога. Въ налогахъ окладныхъ (квотативныхъ), наоборотъ, законъ опредѣляетъ прямо окладъ лица или податной единицы, и сложениемъ этихъ частныхъ окладовъ получается уже общая сумма налога». Прилагая это опредѣленіе къ сошному и подворному обложенію, мы находимъ: 1) что назначеніе известной суммы на соху предполагаетъ дальнѣйшую раскладку ея между плательщиками, притомъ связанными круговой порукой, при которой измѣненіе количества плательщиковъ не вліяетъ на измѣненіе платимаго ими количества налога. 2) Что назначеніе известной суммы на дворъ *само по себѣ* не предполагаетъ дальнѣйшей раскладки и составляетъ опредѣленный *quotum* на каждаго плательщика. Такимъ образомъ, *по идее* дворовая подать есть квотативная, въ противоположность раскладочной сошной. Не смотря на это, квотативной ее считать нельзя, такъ какъ въ *своемъ осуществленіи* она превращается въ ту же репартиціонную: известная сумма дворовъ тяглой группы складывается, и вычисляется соответствующее количество подворной подати; затѣмъ, это общее количество распределяется вновь между дворами уже по обычному раскладочному принципу — по животамъ и промысламъ. Мы не будемъ приводить позднѣйшихъ примѣровъ, когда такой характеръ дворовой подати становится несомнѣннымъ. Но и въ самомъ началѣ, когда количество дворовъ спеціально высчитывается для известнаго сбора, равенство платежей ихъ остается фиктивнымъ. Мы упоминали выше про сборъ 1638 г., какъ про первый известный намъ примѣръ дворовой подати. При Устюжскомъ соборѣ было девять дворовъ церковнослужителей; съ нихъ слѣдовало по 2 р. съ двора — 18 руб. На дѣль они платять эти 18 р. вовсе не равными долями, а «по церковному доходу»: протопопъ — 3 р. 27 коп.; протодьяконъ съ ключаремъ — 2 р. 46 коп.; четыре попа и два дьякона — по 64 коп. съ двора ¹⁾. Такимъ образомъ, квотативный характеръ подворной подати не сохранился при самомъ ея появленіи. Но отсюда далеко еще до утвержденія, что подворная подать, *какъ равномерная*, была крайнимъ проявленіемъ репартиціоннаго принципа. Представляя

¹⁾ Р. Ист. Библ. XII, 206.

раскладку общинѣ, репартиціонный принципъ именно уничтожалъ всякую возможность равноѣрности, и введеніе равноѣрнаго оклада для каждаго двора нельзя не считать ослабленіемъ репартиціоннаго принципа.

Между тѣмъ это представленіе о какой-то связи репартиціоннаго принципа съ равноѣрностью обложенія играетъ важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора. «Правительство, какъ извѣстно, равноѣрно окладывало всякаго налогоплательщика. . . . Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностей въ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно большее количество нерѣдко весьма мелкихъ территориальныхъ единицъ» (504). «Постепенное установленіе репартиціонной системы находилось въ связи съ усиленіемъ централизаціи и поглощеніемъ лица государствомъ. Индивидуальныя особенности каждаго налогоплательщика не принимались во вниманіе; онѣ сглаживались подъ могучимъ вліяніемъ общихъ государственныхъ потребностей» (281—82). «Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ. . . вызывалъ образованіе репартиціонной системы». Въ этихъ мѣстахъ заключается, съ точки зрѣнія автора, самый главный выводъ всей его книги. Съ нашей точки зрѣнія, мы не можемъ не замѣтить, что формулировка этого вывода существенно пострадала отъ только-что указаннаго терминологическаго недоразумѣнія. Что такое репартиціонная система и какая можетъ быть связь ея съ усиленіемъ государственной власти и развитіемъ централизаціи? Репартиціонная система не только не вызывается силой государственной власти, но, напротивъ, предполагаетъ ея безсиліе: безсиліе органовъ финансовой администраціи въ дѣлѣ обложенія и раскладки, или, еще болѣе, — полное отсутствіе этихъ органовъ. Не имѣя своихъ собственныхъ органовъ, правительство организуетъ областное населеніе въ тяглыя группы, передаетъ имъ поневолѣ часть своихъ функцій, связываетъ ихъ обязательной круговой порукой, и такимъ образомъ является — съ очень давнихъ поръ въ Россіи — репартиціонная система. Съ развитіемъ государственности всѣ элементы этой системы должны постепенно оказаться лишними. Самое это развитіе государственности есть фактъ безспорный, и его признаки изображены авторомъ совершенно вѣрно; правъ авторъ и въ томъ, что въ организаціи прямаго обложенія одно изъ самыхъ главныхъ проявленій усиленія

государственности есть подворная подать, приближающая правительство къ плательщику; но и подворная подать и другіе указываемые авторомъ признаки свидѣтельствуютъ не объ «установленіи репартиціонной системы», а объ ея «упадкѣ». Замѣнивъ «установленіе» и «образованіе репартиціонной системы» — «упадкомъ репартиціонной системы» во всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ цитированныхъ фразъ, мы могли бы вполне согласиться съ выводомъ автора.

Покончивъ съ механизмомъ обложенія, мы прямо переходимъ къ механизму раскладки, такъ какъ промежуточный отдѣлъ о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ» удобнѣе будетъ рассмотреть вмѣстѣ съ главой о центральной администраціи. Начало слѣдующаго отдѣла, посвященное составу областной финансовой администраціи, тоже можно соединить съ относящимся къ тому же предмету содержаніемъ главы «о взиманіи податей».

Податная раскладка обычныхъ сборовъ предоставлена была всецѣло мѣстнымъ тяглымъ группамъ; естественно, что наиболѣе характерной и наиболѣе удобной для наблюденія является она въ черныхъ волостяхъ, какъ группахъ наиболѣе обширныхъ. Съ черныхъ волостей и начинается А. С. Лаппо-Данилевскій изученіе процесса мірской раскладки (290—97). Впервые онъ различаетъ въ этомъ процессѣ — операциі «развода» и «разруба». Разводъ есть «предварительный актъ мѣстной раскладки», «обнимавшей иногда цѣлую землю, чаще ограничивавшейся однимъ уѣздомъ». Послѣ развода платежей между податными группами уѣзда, волостямъ, производился дальнѣйшій «разрубъ» или «разметъ» внутри каждой отдѣльной группы — ея выборными властями. Иногда основаніемъ разруба служили размѣры участка, принадлежавшаго плательщику: въ такомъ случаѣ доля cadaго опредѣлялась измѣреніемъ участка — «вервленіемъ», результаты котораго заносились въ веревныя книги. Иногда же доля платежа cadaго опредѣлялась не извѣстнымъ количествомъ веревокъ, а условной цыфрой денегъ, колебавшейся пропорціонально животамъ и промысламъ плательщиковъ. Изложеніе послѣднаго приѣма раскладки вышло у автора нѣсколько сбивчиво, вслѣдствіе двухъ причинъ. Во первыхъ, одновременно съ объясненіемъ этого приѣма онъ хотѣлъ объяснить и «денежный счетъ» книгъ сошнаго письма т. е. то приравненіе долей сохи извѣстнымъ количествамъ денегъ, съ помощью котораго, какъ мы видѣли ранѣе, сложеніе дробей замѣнялось сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. Конечно, между этимъ «денежнымъ счетомъ» и выраженіемъ платежныхъ окладовъ отдѣль-

ныхъ плательщиковъ въ условной цыфрѣ денегъ не было ничего общаго. Можно бы было думать, что въ «денежномъ счетѣ» доли сохи выражались величиной какой-нибудь платимой съ нихъ подати; но авторъ, высказавъ это предположеніе, совершенно основательно находитъ «болѣе вѣроятнымъ», что выбираемая для денежнаго счета цыфра денегъ опредѣлялись «простыми удобствами въ соотвѣтствіи цѣлыхъ частей данной величины съ дробными дѣлениями сошнаго письма». Объ этомъ удобствѣ говорятъ и сами сошныя книги ¹⁾. Напротивъ, выраженіе податнаго оклада извѣстнымъ числомъ денегъ очень часто основывалось на дѣйствительномъ разложеніи какой-нибудь подати, обыкновенно «дани»; отсюда и очень употребительный терминъ «данный окладъ», уплата «по данному окладу».

Другая причина неясности изложенія автора заключается въ томъ, что онъ недостаточно отчетливо изложилъ роль денежнаго оклада въ процессѣ разруба. Денежный окладъ, разъ опредѣленный, становился общимъ основаніемъ разверстки всѣхъ налоговъ; разрубить каждый изъ нихъ между отдѣльными плательщиками пропорціонально установленному количеству денежнаго оклада было уже дѣломъ простаго ариметическаго расчета. Авторъ очень хорошо это знаетъ (294), но не принимаетъ во вниманіе при своемъ изображеніи разруба; поэтому у него, напр., оказывается, что «подати не всегда разрубались ежегодно. Встрѣчаются указанія на то, что мірская раскладка могла производиться черезъ два, три года». Очевидно, уплата податей не могла стоять два, три года подъ рядъ; дѣло идетъ не о разрубѣ податей, а именно о составленіи новаго «мірскаго окладнаго списка» или «окладныхъ книгъ», составлявшихся, конечно, періодически, какъ и «веревныя книги». Смѣшивая эту предварительную операцію составленія списка съ дѣйствительной раскладкой текущихъ платежей по списку уже составленному, авторъ считаетъ мірскую раскладку «неопредѣленной и сложной операціей, производившейся отдѣльно и одновременно для каждой подати» (297); говорить о «путаницѣ» и «несовершенствѣ» мірской раскладки и т. д.; все это имѣло бы смыслъ, если бы дѣйствительно каждую подать приходилось распредѣлять на дворъ съизнова; но

¹⁾ Ср. напр. Рум. муз. Ундольск. № 833, л. 58: «держиси денежнаго счету: познаешъ, которая доля съ которою слагается. . . ; а соху или выть *не кледи въ рубль*» (такъ какъ, очевидно, въ этой цыфрѣ нѣтъ производителя—3): разотчи соху или выть въ 20 алт. (т. е. 120 денегъ=2. 2. 2. 3. 5.), — сведешъ и малыя крохи. . . . деньгами противъ денегъ».

разъ всё эти частныя распредѣленія зависѣли отъ основныхъ, заранѣе условленныхъ и записанныхъ въ «книги» пропорцій, — конечно, онѣ не могли вызывать ни затрудненій, ни путаницы. Авторъ, по видимому, и отсутствіе точной регламентаціи мірской раскладки склоненъ считать ея несовершенствомъ: т. е. отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ разверстки, разверстку одной и той же подати въ нѣсколько приѣмовъ и въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ другими податями: но все это вызывалось, очевидно, мѣстнымъ удобствомъ для самихъ плательщиковъ и дѣлало мірскую раскладку только болѣе гибкой и практичной.

«Веревныя книги» и «окладной списокъ» служили строго-репартиціонной системѣ; но существовалъ въ черныхъ волостяхъ еще третій способъ раскладки, при которомъ репартиціонный характеръ подати въ значительной степени утрачивался, и который слѣдовательно, соотвѣтствовалъ по значенію подворной подати. Именно, иногда правительство, какъ бы соединяя разводъ и разрубъ въ одинъ актъ, прямо дѣлило соху на болѣе мелкія единицы, *выти*, внутри которыхъ разрубъ, если и имѣлъ мѣсто, приобретагь существенно иной характеръ и не могъ обезпечить, во всякомъ случаѣ, пропорціональности обложенія между отдѣльными вытими¹⁾. Естественно, что такой «сошный разводъ», сводившійся къ сошной «развиткѣ» всего чаще сопровождался неудобствами и злоупотребленіями. Въмѣсто того, чтобы по «данному окладу облагаться въ сваль», плательщики распредѣлялись «въ мелкія выти — дворами», причемъ болѣе зажиточныя группы, конечно «передъ средними и молодшими жили въ великой льготѣ», платя съ ними одинаково, а не пропорціонально своимъ животамъ²⁾. Любопытно, что и употреблялся этотъ способъ обложенія въ черныхъ волостяхъ приблизительно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ подворная подать въ остальныхъ частяхъ Россіи — именно для экстренныхъ сборовъ и повинностей³⁾. Указываемый типъ раскладки, не отмѣченный авторомъ, былъ уже замѣченъ Чичеринымъ⁴⁾; самъ А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ одинъ случай такого «вытнаго развода» (стр.

¹⁾ Само собою разумѣется, что слово «выть» имѣетъ здѣсь общій смыслъ (доля) и не имѣетъ ничего общаго съ употребленіемъ термина «выть», какъ частновладѣльческаго надѣла.

²⁾ А. А. Э. IV, № 6.

³⁾ А. А. Э. III, № 145.

⁴⁾ Обл. учр. 537.

294—5, прим. 2), но считаетъ его повидимому, обыкновеннымъ разрубомъ.

Слѣдующія страницы (298—306) относятся скорѣе къ исторіи податныхъ классовъ и податной администраціи, чѣмъ къ механизму мірской раскладки. Минуя ихъ, переходимъ къ изображенію податной раскладки на посадѣ. «Мірская раскладка на посадѣ, какъ замѣчаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, въ значительной мѣрѣ напоминала такую же раскладку въ уѣздѣ» (314). Разницы вызывались, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что объектомъ обложенія вмѣсто земли былъ здѣсь дворъ, а источникомъ обложенія—вмѣсто земледѣльческой торгово-промышленная дѣятельность. Сообразно этимъ различіямъ, авторъ внимательно изучаетъ условія, при которыхъ посадскій дворъ подлежалъ обложенію (306—308), рассматриваетъ примѣненіе «денежнаго платежа» (терминъ, какъ мы видѣли, невѣрно употребляемый авторомъ) къ посадскому разрубу (309—310) и затѣмъ останавливается на раскладкѣ специально свойственнаго посаду «лавочнаго оброка» (310—311). «Такъ какъ оброкъ, говоритъ авторъ, первоначально взымался съ государевой земли и падалъ *равномѣрнымъ окладомъ* на всѣ лавки, то онъ и раскладывался торговыми людьми *соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго*» (рѣчь идетъ о концѣ XVI в.¹). Мы не совсѣмъ понимаемъ это «такъ какъ»; равномѣрный окладъ здѣсь, конечно, имѣлъ только счетное значеніе: послѣ раскладки «соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго», онъ превращался въ пропорціональный. Всего чаще однако эти пропорціональные размѣры лавочнаго оброка указываются и самими писцовыми XVI в., т. е. фиксируются самимъ правительствомъ, вѣроятно, безъ мірской раскладки²). Такимъ образомъ, замѣчаніе А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «уже въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ равномѣрный оброкъ на лавки смѣняется пропорціональнымъ» (310), является черезчуръ запоздалымъ. Очевидно, уже въ XVI в. лавочный оброкъ имѣлъ характеръ промысловаго налога и не подлежалъ въ большинствѣ случаевъ мірской раскладкѣ; будучи результатомъ частнаго соглашенія прави-

¹) Кроме цитаты автора, см. еще Калачова Писц. книги, I, 2, 840, 843, (дворцовыя села). Н. Д. Чечулинъ. Города Моск. госуд. 66, 167, 265, 280.

²) Н. Д. Чечулинъ, 84, 87, 88, 99, 104, 128, 132—33, 148—пустыя лавки отдаются на оброкъ псковскими дьяками «т. е. чиновниками государевыми», какъ замѣчаетъ совершенно справедливо г. Чечулинъ, 180—81, 194, 209—лавка пустая, отдають ее въ наемъ изъ амбарщины таможенки на государя, 219, 223, 241, 250—51, 266.

тельственаго чиновника (дьякъ и таможникъ въ приведенныхъ примѣрахъ) съ нанимателемъ торговаго помѣщенія, онъ не подходилъ подъ понятіе тягла: посадскіе тяглецы, за исключеніемъ, вѣроятно, случаевъ, когда имъ предоставлено было самимъ верстаться лавочнымъ оброкомъ, не отвѣчали за уплату оброка круговой поручкой, не платили за пустыя лавки и не распоряжались отдачей ихъ новымъ нанимателямъ.

Слѣдующія страницы разсматриваемаго отдѣла (311—317) опять не имѣютъ ближайшаго отношенія къ механизму мірской раскладки, и мы можемъ перейти къ обзору мнѣній автора относительно финансовой администраціи.

4. Финансовая администрація.

а. Областная.

Въ этомъ отдѣлѣ своей работы А. С. Лаппо-Данилевскій имѣлъ такихъ предшественниковъ, какъ Чичеринъ и Градовскій; печатный матеріалъ онъ долженъ былъ найти здѣсь въ значительной степени исчерпаннымъ, а рукописный по отношенію именно къ этому отдѣлу не обѣщаетъ особенно богатой добавочной жатвы. Не вина автора, поэтому, если самое старательное накопленіе матеріала все-таки не дало ему возможности представить здѣсь какіе-либо крупныя новыя выводы. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ М. А. Дьяконовымъ, что и въ этой области авторъ «не ограничился простымъ сводомъ добытыхъ выводовъ», а «освѣжилъ ихъ новымъ матеріаломъ», отчасти дополняющимъ, отчасти и исправляющимъ наши старыя свѣдѣнія. Въ частности, авторъ изучаетъ составъ и дѣятельность выборныхъ органовъ мѣстнаго финансоваго управленія по раскладкѣ (283—290, 303—306) и взиманію податей (318—337), затѣмъ разсматриваетъ дѣятельность по раскладкѣ (315—317) и взиманію (337—351) правительственныхъ органовъ—воеводъ и приказныхъ людей. Въ особомъ отдѣлѣ разсматривается дѣятельность тѣхъ и другихъ по доставкѣ податей, а также случаи доставленія податей въ Москву помимо органовъ областной администраціи—самими плательщиками (351—361). Общій выводъ изъ сгруппированныхъ данныхъ получился у автора отрицательный: онъ отмѣчаетъ случайность и неопредѣленность въ составѣ, организаціи и дѣятельности органовъ выборнаго самоуправления (336—37), въ предѣлахъ воеводской компетенціи (350—51), въ движеніи податныхъ суммъ изъ областныхъ учреждений въ

центральныя (361). Рѣшаемся думать, однако, что эта случайность и неопредѣленность есть до нѣкоторой степени послѣдствіе того приема автора, о которомъ мы говорили въ началѣ рецензіи и который особенно ярко проявляется въ этомъ отдѣлѣ книги. Авторъ здѣсь накопилъ весьма значительную массу единичныхъ фактовъ; но не занялся ихъ предварительной критикой, отдѣленіемъ въ нихъ индивидуальныхъ чертъ отъ общихъ, и ограничился простымъ сопоставленіемъ ихъ. Характеръ изложенія, получившагося при такомъ сопоставленіи, можно видѣть изъ слѣдующаго небольшого примѣра: «Центромъ, куда стекались сборы съ данной волости, служила, вѣроятно, волостная земская изба, а можетъ-быть, и приходская церковь. Было, однако, и специальное выраженіе для означенія такого центра. Староста «клягъ» деньги, полученные имъ за наемъ общинной земли, — всея братъ «на столецъ». Во владѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря была земля Оглоблина, которая тянула къ «стольцѣ къ Загѣсью всѣми потугами» (322). Ни одинъ изъ сопоставленныхъ здѣсь фактовъ не подлежитъ, конечно, критикѣ. Критиковать можно было бы ихъ сопоставленіе, если бы авторъ обязывалъ себя этимъ сопоставленіемъ къ извѣстному выводу. Но вывода здѣсь тоже нѣтъ, по крайней-мѣрѣ непосредственнаго. Однако же это и не простое изложеніе фактовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы узнали бы, въ какихъ случаяхъ центромъ поступленій бывала приходская церковь, узнали бы также, что «столецъ» упоминается въ грамотѣ XVI в. и не можетъ быть съ помощью простаго «однако» ни сопоставленъ, ни противуполагаемъ волостной избѣ. Въ томъ видѣ, какъ изложены эти факты въ приведенномъ отрывкѣ, — они потеряли свой индивидуальный смыслъ и не приобрѣли общаго: авторъ, вѣроятно, хочетъ сказать 'этимъ сопоставленіемъ, — какъ онъ прямо говоритъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, — что никакого постояннаго центра поступленій въ волости не было, но едва-ли не вѣрнѣе будетъ заключить, что никакого вывода изъ столь отрывочныхъ сопоставленій сдѣлано быть не можетъ. Накопленный авторомъ матеріалъ, несомнѣнно, можетъ пригодиться для послѣдующихъ изслѣдователей, подъ условіемъ возстановленія фактовъ въ ихъ цѣлости по цитируемымъ авторомъ источникамъ; но пока этотъ матеріалъ не употребленъ ни для какого построения, критикѣ здѣсь нечего дѣлать. Можно только еще разъ напомнить, что хаосъ въ матеріалѣ не даетъ права заключать о хаосѣ въ жизни, какъ часто бываетъ склоненъ дѣлать А. С. Лаппо-Данилевскій.

b. Центральная.

И эта часть изложенія страдаетъ, хотя въ меньшей степени, только-что указаннымъ недостаткомъ. Авторъ продолжаетъ держаться того же мнѣнія объ общей неопредѣленности, хаотичности, безформенности старой русской административной системы. Въ области, гдѣ, конечно, только и можно было представить *общее оти-саміе* безчисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, эта неопредѣленность, какъ мы видѣли, явилась результатомъ не совсѣмъ осторожнаго сопоставленія отдѣльныхъ чертъ, свойственныхъ каждому изъ этихъ случаевъ въ отдѣльности. При изслѣдованіи центрального административнаго механизма задача значительно упрощается: изслѣдователь имѣетъ передъ собою одинъ индивидуальный фактъ, и выводы должны основываться на его вѣрномъ изображеніи. Состояніе матеріала здѣсь также нѣсколько иное, чѣмъ въ сферѣ областной администраціи. Не говоря уже о болѣе мелкихъ дѣленіяхъ, о дѣятельности съѣзжей избы XVII в., мы можемъ судить въ огромномъ большинствѣ случаевъ только по входящимъ, отчасти по исходящимъ бумагамъ, т. е. по частнымъ, болѣе или менѣе единичнымъ случаямъ. Московскій финансовый приказъ, кромѣ текущей переписки, сохранилъ намъ и свою канцелярскую регистратуру, по которой съ гораздо большимъ удобствомъ и полнотой мы можемъ изучать ежедневный нормальный ходъ административнаго механизма. Вѣроятно, по случайнымъ причинамъ, отъ которыхъ не застрахованъ никакой изслѣдователь при современномъ состояніи архивовъ, авторъ на эту регистратуру, такъ наз. *книги* приказовъ, обратилъ наименѣе вниманія, занявшись главнымъ образомъ изученіемъ болѣе труднаго, сложнаго и менѣе благодарнаго для данной цѣли матеріала *столбцовъ*. Такимъ образомъ, часто ему пришлось заключать о дѣятельности приказа косвеннымъ образомъ послѣ хлопотливаго и все-таки далеко неполнаго подбора фактовъ, — тамъ, гдѣ регистратура приказа давала прямой и вполне ясный, опредѣленный отвѣтъ.

Не смотря, однако, на прежнее представленіе о хаотичности московской администраціи, не смотря на эту ошибку въ выборѣ матеріала, изложеніе послѣдней, пятой, главы, посвященной центральной администраціи, отличается несравненно большимъ единствомъ, чѣмъ отдѣлы объ областной администраціи. Единство это даетъ изложенію классификація приказовъ по ихъ происхожденію и характеру, предложенная Градовскимъ и примѣненная А. С. Лаппо-

Данилевскимъ къ исторіи финансовыхъ приказовъ. По классификаціи Градовскаго, первыми явились въ исторіи московской администраціи приказы дворцоваго характера, затѣмъ, послѣ расширенія территоріи Московскаго государства, приказы территориальные и, наконецъ, съ развитіемъ правильной государственной организаціи, приказы систематическіе, распредѣлившіе между собой спеціальныя отрасли дѣятельности. Въ этой общей формулировкѣ можно вполне согласиться съ классификаціей Градовскаго; она становится спорной только въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, которыхъ здѣсь не будемъ касаться. Вѣрная въ общемъ, она, несомнѣнно, останется вѣрной и въ приложеніи къ исторіи финансовой администраціи: мы сами старались указать въ нашей работѣ эпоху безраздѣльнаго господства «дворца» въ финансовомъ управленіи; опредѣлить моментъ выдѣленія изъ него финансовыхъ округовъ, отданныхъ въ управленіе новымъ приказамъ территориальнаго характера — четаемъ; — прослѣдить, наконецъ, процессъ спеціализаціи и систематизаціи финансоваго управленія въ XVII в.

А. С. Лаппо-Данилевскій ставитъ классификацію Градовскаго въ спеціальную связь съ «распредѣленіемъ поступлений» между различными приказами. Соотвѣтственно тремъ стадіямъ развитія учреждений, онъ старается установить три «принципа» распредѣленія поступлений: принципъ вотчинный, территориально-сословный и принципъ систематизаціи поступлений. Такъ какъ потребность систематизаціи и есть, другими словами, потребность болѣе правильнаго распредѣленія поступлений, то, конечно, появленіе систематическихъ приказовъ надо считать появленіемъ новаго принципа распредѣленія поступлений. Старымъ по отношенію къ нему принципомъ будетъ, — опять-таки совершенно справедливо, принципъ территориальный, т. е. поступленіе всѣхъ податей съ извѣстной области въ то учрежденіе, которому эта область подвѣдомственна. Конечно, термины стараго и новаго имѣютъ здѣсь вполне относительный смыслъ: распредѣленіе спеціальныхъ сборовъ по спеціальнымъ приказамъ является въ свою очередь старымъ принципомъ сравнительно съ принципомъ единства кассы, осуществленнаго до извѣстной степени камеръ-коллегіей, а территориальный принципъ обновляется послѣ уничтоженія территориальныхъ приказовъ съ объединеніемъ сборовъ въ губерніи. Вполнѣ неудачное положеніе занимаетъ только «вотчинный принципъ» по отношенію къ дворцовой финансовой администраціи. Для автора установленіе этого принципа есть, конечно, лишь дальнѣйшій выводъ изъ извѣстнаго намъ

взглядъ, что дворцовое хозяйство представляло древнѣйшій типъ хозяйства государственнаго. Перечисливъ учрежденія, сформировавшіяся для завѣдыванія различными отдѣлами дворцоваго хозяйства—ловчій, сокольничій, конюшенный приказы, казенный дворъ, приказъ Большаго Дворца (слѣдовало бы прибавить также мастерскія и Оружейную палату), авторъ замѣчаетъ, что они «представляли довольно обширную группу учреждений, которая въ финансовомъ отношеніи завѣдывала значительнымъ количествомъ земель;» «такое финансовое значеніе дворцовыхъ учреждений, прибавляетъ онъ, обнаруживаетъ вліяніе вотчиннаго принципа на распредѣленіе поступленій между центральными учреждениями: среди приказовъ съ государственнымъ характеромъ все еще продолжали служить финансовыми центрами учрежденія, которыя вели свое происхожденіе отъ великокняжеской царни, птични, конюшни, погреба, поварской и кладовой» (452—53).

Это заключеніе, прежде всего, производитъ то впечатлѣніе, что вся группа названныхъ приказовъ сохранила въ XVII в. видную финансовую роль. На дѣлѣ, какъ хорошо извѣстно автору, финансовое значеніе имѣлъ одинъ Большой Дворецъ. Далѣе, читатель долженъ подумать, что доходы Большаго Дворца поступали въ него именно по *вотчинному* принципу, и авторъ прямо говоритъ, что въ дворцовыхъ земляхъ великій князь собиралъ доходъ «какъ частный хозяинъ». Въ дѣйствительности, оцять-таки ему хорошо извѣстно, что и съ дворцовыхъ земель Большой Дворецъ получалъ «кромѣ частно-хозяйственныхъ сборовъ» и «прямые налоги» и «завѣдывалъ отправленіемъ повинностей, имѣвшихъ государственный характеръ». (446). Вопреки этимъ фактамъ, авторъ продолжаетъ проводить свою тенденцію — искать для доходовъ Большаго Дворца частно-хозяйственнаго происхожденія; и благодаря только этой предвзятой идеѣ, ему приходится встрѣтить рядъ затрудненій, рѣшаемыхъ въ духѣ той же основной идеи. Такъ, находя въ составѣ дворцоваго вѣдомства города и слободы, онъ объясняетъ ихъ присутствіе здѣсь тѣмъ, что города разрослись изъ дворцовыхъ селъ, а слободы «были первоначально заселены княжескими холопами». Въ виду большаго количества городовъ, вѣдавшихся Большимъ Дворцомъ (36 по Флетчеру), онъ высказываетъ однако и дополнительное предположеніе, что «другіе города могли поступить въ зависимость отъ Большаго Дворца во время приобрѣтенія и покоренія московскимъ великимъ княземъ другихъ областей и княженій». Однако и съ этимъ предположеніемъ трудно

согласиться: 36 городовъ царской «вотчины» Флетчера слѣдуетъ скорѣе сопоставить съ извѣстнымъ спискомъ городовъ, взятыхъ въ опричнину (44 названія, но въ томъ числѣ многія волости и пригороды) ¹⁾. Причина приписки ихъ къ вѣдомству Большого Дворца совершенно ясна: это — расширившіяся потребности государева обихода: «а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государскій обиходъ, и *иные* города и волости *имати*» ²⁾. Приписка городовъ къ Большому Дворцу при учрежденіи опричнины составила переворотъ въ значеніи этого учрежденія. До нея Большой Дворецъ уже потому не былъ исключительно вѣдомствомъ дворцоваго хозяйства, что ему подчинялись въ финансовомъ отношеніи и всѣ остальные земли; въ него вносились изстари и всѣ государственныя подати. Вскорѣ послѣ учрежденія опричнины долженъ былъ начаться тотъ процессъ выдѣленія финансовыхъ вѣдомствъ, который мы старались прослѣдить въ своей работѣ и который повелъ въ концѣ концовъ къ сокращенію компетенціи Большого Дворца до предѣловъ дворцоваго вѣдомства. Но ни раньше, ни послѣ этого, поступленія Большого Дворца не ограничивались дворцовыми сборами, а распространялись также и на государственныя подати, и трудно было бы объяснить съ точки зрѣнія автора, когда поступленія послѣдняго рода шли въ Большой Дворецъ именно по «вотчинному принципу». Государственныя подати не сдѣлались же, конечно, государственными только тогда, когда вмѣсто Большого Дворца стали поступать въ чети? Иначе пришлось бы считать частно-хозяйственными тѣ изъ нихъ, которыя и послѣ этого момента сохранились въ дворцовомъ вѣдомствѣ: именно, подати съ большей части монастырскихъ земель. Самъ авторъ, разумѣется, признаетъ, что эти доходы великій князь (напомнимъ, что по мысли автора рѣчь идетъ о древнѣйшей epochѣ) «могъ получать лишь какъ государь» (449). Вслѣдъ за Милютинымъ и Горчаковымъ авторъ выводитъ подчиненіе этихъ земель Большому Дворцу изъ древнѣйшей подсудности монастырей по жалованнымъ грамотамъ дворецкому; «подсудность дворецкому естественнымъ образомъ повлекла за собой и финансовую подвѣдомственность». Но подчиненіе это только устанавливало прямую связь монастыря съ центральнымъ учрежденіемъ, великокняжескимъ «дворцомъ», московскимъ или удѣльнымъ, и освобождало

¹⁾ См. Р. Ист. Сб. III, 256, Алекс. Невск. лѣтопись.

²⁾ Ibid. 256.

плательщика отъ сношеній съ представителями древнѣйшей областной администраціи, данщикомъ и городovýmъ прикащикомъ (или нѣсколько позднѣе, намѣстникомъ и волостелемъ); косвенно же, черезъ областныхъ чиновниковъ, подчинялись Дворцу и всѣ остальные плательщики.

Итакъ, если «вотчинный принципъ» означаетъ у автора «частнохозяйственный принципъ», то никогда подати не поступали въ Дворецъ исключительно — или даже хотъ бы преимущественно — по вотчинному принципу. Если же термину «вотчины» и придавать значеніе дворцоваго вѣдомства, то Большой Дворецъ сталъ «вотчиной» только послѣ стуженія своей первоначальной компетенціи и одновременно сдѣлался настоящимъ *территориальнымъ* приказомъ. Въ этомъ смыслѣ между нимъ и другими территориальными приказами, къ которымъ теперь переходимъ, нѣтъ связи преемства, а скорѣе связь одновременнаго происхожденія путемъ дифференціаціи первоначально единаго княжескаго управленія.

Автору (вслѣдъ за Градовскимъ) появленіе территориальныхъ приказовъ представляется не въ видѣ дифференціаціи или внутренняго роста центральныхъ учреждений, а въ видѣ, такъ сказать, ихъ механическаго нарастанія. Происхожденіе этого втораго ряда финансовыхъ учреждений объясняется именно какъ Градовскимъ, такъ и А. С. Лаппо-Данилевскимъ, какъ результатъ перенесенія въ Москву мѣстныхъ областныхъ правительствъ послѣ подчиненія соотвѣтственныхъ областей. Съ большей послѣдовательностью, хотя и съ меньшей осторожностью, чѣмъ его предшественникъ, А. С. Лаппо-Данилевскій старался разрѣшить нѣкоторые вопросы, естественно вытекающіе изъ этой теоріи. Если, дѣйствительно, чети суть перенесенныя въ Москву правительства древнихъ княжествъ, то гдѣ же слѣды этого въ ихъ территориальномъ составѣ? А. С. Лаппо-Данилевскій находитъ, что Владимірской чети «подвѣдомственны были обломки бывшаго Владимірскаго княженія», но рядомъ съ этимъ «нѣсколько городовъ, частью приобрѣтенныхъ московскими великими князьями отъ великаго Новгорода и Рязани, частью вошедшихъ въ предѣлы территоріи Московскаго государства при покореніи Тверскаго великаго княженія и переходѣ къ великому князю московскому князей Бѣлевскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ» (456). Не говоря о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ этого перечня (Бѣлевъ и Новосиль входили въ Галицкую четъ, а Одоевъ въ Костромскую, см. прилож. XI у автора), о томъ что ни тверскіе, ни рязанскіе, ни

новгородскіе города не вошли цѣликомъ въ одну Владимірскую четь, а разбились между всѣми, — что разумѣетъ авторъ подъ «бывшимъ Владимірскимъ княженіемъ»? Владѣнія которой изъ княжескихъ линій, пошедшихъ отъ Всеволода III и побывавшихъ на владимірскомъ столѣ, надо считать территоріей княжества Владимірскаго? Врядъ-ли авторъ найдетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, который примирилъ бы насъ съ теоріей происхожденія Владимірской чети, хотя бы изъ «обломковъ» Владимірскаго великаго княженія. Авторъ продолжаетъ: «въ предѣлахъ области, подлежащей вѣдомству Костромской четверти, еще видны слѣды Костромскаго, Переяславскаго и Серпуховскаго княженій; рядомъ съ ними встрѣчаются, однако, немногіе города изъ другихъ областей». Мы, вообще говоря, очень мало знаемъ о составѣ названныхъ княженій; но предположимъ, что пригороды Костромы XVII в. (Буй, Кадый, Любимъ, Судиславль) существовали уже во времена Костромскаго удѣльнаго княженія, присоединимъ къ Переяславскому княжеству Нерехту ¹⁾ и сочтемъ въ составѣ Серпуховскаго княжества Малоярославецъ ²⁾. Такимъ образомъ, въ трехъ княжествахъ мы получимъ девять городовъ (считая между ними 4 пригорода), вошедшихъ въ составъ Костромской чети, а всего въ ней числятся 22 (къ списку автора 545 стр. надо прибавить Серпуховъ); остальные 13 разбросаны на огромномъ пространствѣ (на западѣ Торопецъ, на югѣ Козельскъ, Лихвинъ и Одоевъ, на востокѣ Кадомъ); два изъ нихъ смѣло могли бы фигурировать въ качествѣ «обломковъ» еще двухъ княжествъ, Ярославскаго и Муромскаго. Правда, города ярославскихъ удѣловъ разбросаны по другимъ округамъ; но вѣдь и изъ Серпуховскаго княжества не вошли многіе города: Боровскъ вѣдался въ Владимірской чети, Перемышль — въ Большомъ Дворцѣ, — не говоря о другихъ городахъ, менѣе прочно связанныхъ съ серпуховскимъ княженіемъ.

И такихъ, какъ видимъ, довольно сомнительныхъ слѣдовъ авторъ не рѣшается искать въ другихъ четяхъ; между городами Устюжской четверти, и по его мнѣнію, «трудно прослѣдить территориальную связь»; что касается Галицкой чети, къ ней «присоединены были города, не имѣвшие между собой ничего общаго въ территориальномъ отношеніи».

Намъ кажется, что рядъ такихъ отвѣтовъ составляетъ со сто-

¹⁾ Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1891. II, 3 и 261.

²⁾ Экземплярскій, II, 296.

роны автора косвенное признаніе въ неудачѣ дать надлежащія подтвержденія защищаемой имъ теоріи. Если такъ мало сходства между территориями четей и территориями древнихъ княженій и если авторъ все-таки стоитъ на мысли объ ихъ внутренней связи, естественно является цѣлый рядъ вопросовъ: какія измѣненія должны были совершиться съ администраціей княженій, чтобы послѣдняя превратилась въ администрацію четей? Когда всѣ эти перемѣны, по мнѣнію автора, оставившія слѣды, по нашему же мнѣнію, не оставившія никакихъ слѣдовъ старыхъ дѣлений, — когда онѣ успѣли совершиться, въ силу какихъ обстоятельствъ? Градовскій отвѣчалъ на послѣдніе вопросы, что Москвѣ было невыгодно удерживать границы старыхъ княженій, и она перераспредѣлила города. Вѣроятно, отголосокъ того же аргумента слѣдуетъ видѣть въ словахъ автора, что «ближайшія сосѣднія къ Москвѣ древнія княженія» — «стояли слишкомъ близко къ Москвѣ для того, чтобы по покореніи своемъ не подчиниться, хотя бы отчасти, влиянію московской централизаціи, которая не благопріятствовала областной самостоятельности». Повидимому, авторъ не замѣчаетъ, что ставитъ этотъ аргументъ въ опасное сосѣдство съ другимъ, который его уничтожаетъ. Новгородскій приказъ и Казанскій дворецъ — вѣдомства окраинъ, «выработавшихъ два самостоятельныхъ типа цивилизаціи» и, слѣдовательно, отличавшихся наибольшей областной самостоятельностью; именно, въ силу этого, по мнѣнію автора, они сохранили непрерывность своей старой территоріи. Итакъ, въ случаяхъ совершенной безопасности отъ какаго-бы то ни было сепаратизма — Москва не благопріятствовала областной самостоятельности, а въ случаяхъ наибольшей опасности она ея не боялась? Не естественнѣе-ли будетъ заключить, что эта самостоятельность осталась тамъ, гдѣ была, и не сохранилась тамъ, гдѣ ея не было?

Перемѣны, которыя предстоитъ объяснить, чтобы понять превращеніе княженій въ чети, не ограничиваются, однако, перетасовкой *территорій*. Если чети суть бывшія княженія, необходимо показать еще, какимъ образомъ онѣ сдѣлались учреждениями чисто финансовыми. Развивая идеи Градовскаго, авторъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ (454). Все *нетяглое* населеніе старыхъ княженій было стянуто къ Москвѣ, поставлено въ непосредственныя отношенія къ московскому управленію. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи областной чети осталось только *тяглое* населеніе; этимъ самымъ она «утеряла» свой территоріальный характеръ и «полу-

чила значеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія». Весьма остроумное и стройное объясненіе это прежде всего однако разрушается тѣмъ фактомъ, что чети никогда не получали сословнаго характера, какъ утверждаетъ вслѣдъ за Градовскимъ А. С. Лаппо-Данилевскій; будучи учреждениями финансовыми, онѣ вѣдали всѣ классы въ финансовомъ отношеніи; населеніе нетяглое было таковымъ только въ смыслѣ *личной* свободы отъ податей, а не въ смыслѣ свободы своихъ уѣздныхъ владѣній, и самъ авторъ признаетъ, что «служилый человекъ находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ областной чети... на столько, на сколько являлся владѣльцемъ (тяглою) земли». Конечно, тамъ, гдѣ населеніе было сплошь тяглымъ, на сѣверѣ, вѣдомство чети (Новгородской, Устюжской) получало болѣе цѣльный характеръ; но и по отношенію къ болѣе пестрому населенію центра, гдѣ четь даже въ финансовомъ отношеніи конкурировала съ другими приказами (Большимъ Приходомъ, Новой четью, Ямскимъ приказомъ), она все-таки не приобрѣла характера сословнаго.

Предполагаемая перемѣны въ характерѣ вѣдомства четей авторъ пытается привести въ непосредственную связь съ измѣненіемъ ихъ территоріальнаго состава. Упомянувъ о томъ, что четь «въ XVII в. утратила» свой старый характеръ, стала сословной и приобрѣла финансовое значеніе, — онъ непосредственно за этимъ прибавляетъ: «такое значеніе сглаживало прежнее территоріальное дѣленіе, сперва опредѣлявшее предѣлы вѣдомства областной чети, тѣмъ болѣе, что это значеніе уже успѣло ослабѣть подъ вліяніемъ сословныхъ ограниченій» (454). Довольно неопредѣленный смыслъ этой фразы, кажется, получаетъ нѣкоторое разъясненіе въ слѣдующей: «Тогда-то подвѣдомственность города (съ уѣздомъ) стала опредѣляться не только его принадлежностью къ извѣстной области, но и *размѣрами* и *свойствами* получаемыхъ съ него доходовъ». Итакъ, перераспределеніе городовъ между четями произошло подъ вліяніемъ размѣровъ и свойствъ доходовъ отдѣльныхъ городовъ? Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ къ «размѣрамъ» доходовъ отдѣльныхъ городовъ и къ связи ихъ съ распределеніемъ городовъ между четями авторъ еще разъ возвращается (465 — 67). Онъ задается уже прямо на этотъ разъ вопросомъ, не распределѣлись-ли города между четями такъ, чтобы уравнивать доходы разныхъ четей. Но такъ какъ достаточно самыхъ общихъ свѣдѣній о финансовыхъ оборотахъ четей, чтобы заключить, что никакого равенства въ доходахъ четей не существовало, то и авторъ не колеблется

отвѣтитъ на свой вопросъ отрицательно: разница въ доходахъ разныхъ городовъ «не только не уравнивала, но увеличивала различіе въ размѣрахъ доходовъ, поступавшихъ въ разные четверти» (465—67). Такимъ образомъ, по собственному заключенію автора, размѣры дохода извѣстнаго города на отнесеніе его къ той или другой чети никакого вліянія не имѣли. Что касается «свойства» доходовъ того или другаго города, къ этому вопросу авторъ болѣе не возвращается, и мы не знаемъ, что онъ о немъ думаетъ. Конечно свойства доходовъ могли быть въ разныхъ городахъ и уѣздахъ различны: въ городѣ болѣе промышленномъ мы найдемъ болѣе большой процентъ поступления таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, въ сѣверномъ уѣздѣ — стрѣлецкую подать, на сѣверо-востокѣ — сибирскіе отпуски, на инородческомъ юговостокѣ — ясакъ, медовый оброкъ; но всѣ эти мѣстныя особенности, несомнѣнно, не играли никакой роли въ распредѣленіи городовъ по четямъ. Такимъ образомъ, ни наблюденія надъ территоріальнымъ составомъ четей, ни гипотеза о развитіи ихъ сословно-финансоваго характера изъ первоначальнаго территоріально-административнаго, ни предположенія о всевозможныхъ причинахъ, политическихъ и финансовыхъ, могшихъ оказать вліяніе на перераспредѣленіе городовъ между четями, не даютъ достаточнаго матеріала для обоснованія теоріи происхожденія ихъ изъ областныхъ правительствъ.

Перехода къ изображенію авторомъ четей XVII ст., мы встрѣтимся съ тѣмъ же недостаткомъ, о которомъ говорили выше. Авторъ дѣлаетъ заключенія объ установленномъ порядкѣ по единичнымъ случаямъ, подборъ которыхъ всегда будетъ неполонъ, сколько бы авторъ ни накоплялъ ихъ, и пользоваться которыми нѣтъ надобности при существованіи болѣе надежныхъ источниковъ. Такъ, чтобъ отвѣтить на вопросъ, какія именно подати уплачивались въ чети, авторъ подбираетъ рядъ свидѣтельствъ о взносѣ той или другой подати и затѣмъ перечисляетъ эти свидѣтельства относительно каждой чети отдѣльно; единственное обобщеніе, которое онъ при этомъ себѣ дозволяетъ, состоитъ въ замѣчаніи, что «съ городовъ, вѣдаемыхъ въ той или другой чети, поступали самыя разнообразныя подати». Между тѣмъ знакомство съ приходными книгами четей избавило бы его отъ необходимости клеить картину изъ кусочковъ, рискуя оставить ее неполной и даже остаться въ невѣдѣніи, на сколько она полна или неполна, — тогда какъ есть совершенно полныя и многочисленныя свѣдѣнія о цѣломъ. Кое какія данныя этого рода нашлись и въ «столбцахъ»,

болѣе извѣстныхъ автору; но онѣ опять-таки были поняты авторомъ, какъ единичные случаи, и индивидуальное въ нихъ не отдѣлено отъ общаго. Такой характеръ носить пересказъ содержанія двухъ приходныхъ книгъ Устюжской четверти 1672 г. и Владимірской 1670 г., на стр. 459.

Не выяснивъ, такимъ образомъ, степени полноты, однообразія и устойчивости финансовыхъ поступленийъ четей, авторъ, естественно, не могъ дать вѣрной характеристики ихъ финансоваго значенія. Какъ самый составъ поступленийъ, такъ и распредѣленіе поступленийъ между четами кажется ему болѣе неопредѣленнымъ и колеблющимся, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Развивая свой взглядъ на эту неопредѣленность, онъ тщательно отмѣчаетъ всѣ случаи колебаній въ территориальномъ составѣ четей. Такихъ случаевъ набирается при самомъ обстоятельномъ изученіи, какому подвергъ свой матеріалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, десять за цѣлый вѣкъ ¹⁾. Ко-

¹⁾ Стр. 443: «подати съ г. Боровска... должны были поступить въ ту четь, какую государь укажетъ». По справкѣ съ источникомъ, указаннымъ у автора (Арх. М. Ю. дозорн. кн. Боровска, кн. 399, л. 368) оказывается, что дѣло идетъ объ *оброкѣ* съ *одною* монастыря; оброкъ этотъ велѣно вносить «въ который приказъ государь укажетъ»; самый же Боровскъ въ это время, какъ и всегда, принадлежалъ къ Владимірской чети; и на самой этой дозорной находимъ надпись (л. 344): «съ книги въ Володимерской чети—положилъ подьячій NN». Въ прилож. XI (стр. 550). Боровскъ тоже помѣщенъ въ спискѣ переходящихъ городовъ, и тоже по недоразумѣнію: онъ смѣшанъ здѣсь съ Боровой, принадлежащей къ Великокоросійскому приказу. Другой примѣръ (стр. 467), переходъ Соломенской волости (железные заводы Винюса, Акема, Марселеса) изъ одного учрежденія въ другое, тоже къ дѣлу не относится. Какъ дворцовая, она вѣдалась Бол. Дворцомъ, затѣмъ, по мнѣнію автора, перешла въ вѣдомство Оружейной палаты, отсюда въ Пушкарскій, Посольскій и, наконецъ «снова стала платить подати» въ Бол. Дворецъ. Изъ документовъ, на которые ссылается авторъ, видно (Доп. къ А. И. V, № 77), что Бол. Дворецъ *все это время* считалъ Соломенскую волость «противъ иныхъ дворцовыхъ селъ» (стр. 400) — остающейся въ своемъ финансовомъ вѣдомствѣ. Переходъ въ Оруж. палату вообще не былъ переходомъ въ другое вѣдомство; въ Пушкарскій эта волость перешла (всего на 2½ мѣсяца) именно въ тотъ моментъ, когда была «взята на государя»; наконецъ, и подчиненіе Посольскому приказу, вполне естественное, такъ какъ Марселесъ былъ иностранецъ, не устраняло подчиненія Бол. Дворцу. Итакъ, этотъ случай скорѣе всего доказываетъ именно устойчивость территориальныхъ вѣдомствъ XVII в. Несомнѣнны переходы: Бѣлоозера изъ Галицкой, Дмитрова изъ Устюжской и Большихъ и Малыхъ Солей — изъ Костромской чети — въ Большой Дворецъ; Мосальска (у автора ошибочно: Мещовска), Карачева и Орла — въ Разрядъ. Подвѣдомственность Вязьмы и Касимова (кромѣ Устюжской чети и Казанскаго Дворца) — Посольскому приказу, и Олонца, кромѣ Новгородской чети, Большому Дворцу (ср. стр. 472) могла быть еще *одновременной*.

нечно, въ составѣ губерній нашего вѣка можно было бы насчитать такихъ измѣненій во много разъ больше, но никто не будетъ выводить отсюда заключенія о неустойчивости и неопредѣленности ихъ территоріальнаго состава. Такимъ образомъ, мы совершенно согласны съ окончательнымъ выводомъ автора, что «не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія такимъ колебаніямъ;... большинство городовъ до эпохи преобразованій оставалось въ вѣдомствѣ одной и той же четверти» (468).

Переходя къ *расходамъ* четеѣ, авторъ очень хорошо разъясняетъ значеніе ихъ какъ центральныхъ кассъ, изъ которыхъ денежная наличность распредѣлялась по ассигновкамъ на спеціальныя нужды (461—65). Въ другомъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ нѣкоторую случайность этихъ ассигновокъ, т. е. неустановленность источниковъ, изъ которыхъ покрывались одни и тѣ же расходы (443). Слѣдовало бы, однако, въ послѣднемъ случаѣ сдѣлать различіе между разными категоріями расходовъ. Для удовлетворенія нѣкоторыхъ изъ нихъ существовали, какъ мы знаемъ, спеціальныя подати: стрѣleckія, ямскія, полонянничныя, конскія деньги: является вопросъ, — употреблялись ли онѣ дѣйствительно на свое прямое назначеніе? Авторъ знаетъ случаи такого употребленія, но трактуетъ ихъ, по своему обыкновенію, какъ единичныя, и выводитъ изъ нихъ очень нерѣшительное заключеніе, что «извѣстная часть сборовъ *могла*... выдаваться изъ... четеѣ... въ... учрежденія, завѣдывавшія расходами на тотъ родъ государственныхъ потребностей, которыя удовлетворялись спеціально для этого назначенными сборами» (464). При болѣе опредѣленномъ представленіи о финансовой компетенціи четеѣ, авторъ могъ бы выразиться рѣшительнѣе: этого рода подати и сбиралось четеями для передачи въ спеціальныя учрежденія; иногда передавались частями, иногда съ прибавкой другихъ сборовъ, но во всякомъ случаѣ въ общемъ достигали своего назначенія¹⁾. Среди остальныхъ расходовъ надо также отличать производимые на мѣстѣ отъ производимыхъ въ Москвѣ, окладные отъ неокладныхъ; по отношенію къ каждой изъ этихъ категорій степень устойчивости ассигновокъ окажется различною. Доказательства въ изобиліи можно найти въ тѣхъ же приходо-расходныхъ книгахъ и въ смѣтныхъ спискахъ четеѣ.

Мы уже говорили выше, что Большой Дворецъ, послѣ своего сокращенія до предѣловъ дворцоваго вѣдомства, былъ, въ сущно-

¹⁾ Ср. Гос. Хоз. 73, прим. 1.

сти, такимъ же территоріально-финансовымъ приказомъ, какъ и чети. Еще Градовскій замѣтилъ, что «территоріальный принципъ» применялся также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было непосредственно обезпечить содержаніе какой-нибудь отрасли администраціи¹⁾; въ этихъ случаяхъ и нефинансовые приказы получали свою финансовую территорію, т. е. извѣстное количество городовъ, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ распоряженіе. А. С. Лаппо-Данилевскій по справедливости считаетъ нужнымъ подробнѣе остановиться въ ряду такихъ приказовъ на Разрядѣ. Въ своей работѣ (Гос. Хоз. § 22) мы старались выяснитъ, какъ сложилось территоріальное вѣдомство Разряднаго приказа: мы пришли къ заключенію, что оно явилось послѣ выдѣленія четей, т. е. не ранѣе послѣдней трети XVI в.; что до устройства Бѣлгородской черты оно состояло изъ такъ называемыхъ «польныхъ» городовъ, которые послѣ организаціи черты (1636—1650) раздѣлились на города въ чертѣ, на чертѣ и за чертой; затѣмъ, подъ влияніемъ войнъ за Малороссію, внутри этого вѣдомства сложились (въ 1663—5) военные округа Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка. А. С. Лаппо-Данилевскій въ разныхъ мѣстахъ своей книги также высказываетъ наблюденія, параллельныя нашимъ (268, 439, прим. 3, 469—471); но, строя эти наблюденія на единичныхъ и отрывочныхъ данныхъ, онъ не чувствуетъ себя на достаточно твердой почвѣ и въ общихъ своихъ выводахъ колеблется, подчиняясь, въ сущности, принятымъ въ литературѣ воззрѣніямъ. Не зная времени происхожденія территорій Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка и времени появленія столовъ Разряднаго приказа, онъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Загоскина о неопредѣленности территоріальнаго состава этихъ полковъ и вслѣдъ за нимъ свободно говоритъ о Бѣлгородскомъ, Сѣвскомъ и даже Кіевскомъ столахъ задолго до того времени, когда они дѣйствительно появились²⁾. Мы должны, впрочемъ, оговориться, что

¹⁾ Мѣст. Упр., 235.

²⁾ Увѣренность автора въ довольно раннемъ существованіи этихъ столовъ отразилась въ неосторожномъ цитированіи матеріала въ прим. 5, стр. 470; такъ онъ цитируетъ несуществующую «книгу приходную... по Сѣвскому столу» 1670 г.; въ подлинникѣ этотъ документъ называется книгой приходной «всѣмъ разряднымъ доходамъ»; тутъ рядомъ съ городами Сѣвскаго полка нахлѣмъ и города Бѣлгородскаго полка и Заокіе, а о «столахъ», какъ и слѣдуетъ ожидать, ничего не говорится. Двѣ другія ссылки не могли быть проверены по документамъ, такъ какъ оказались невѣрными; но не можетъ быть сомнѣнія, что и въ этихъ случаяхъ терминъ «Бѣлгородскій столъ» не прочтенъ

въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, противопоставляемъ мнѣнію автора наши собственные выводы, опубликованные уже послѣ выхода въ свѣтъ его диссертаци.

Въ изображеніи слѣдующаго, третьяго, момента исторіи финансовыхъ учреждений авторъ продолжаетъ—и на этотъ разъ воистинѣ основательно—слѣдовать Градовскому. «Значеніе четверти (вѣрнѣе сказать вообще: территоріально-финансовыхъ приказовъ) въ приказной системѣ Московскаго государства стало падать, когда явились попытки систематическаго распредѣленія поступленій по центральнымъ учреждениямъ» (473). Но мы опять не можемъ присоединиться къ мысли Градовскаго, усвоиваемой авторомъ въ ближайшей слѣдующей фразѣ: «эта систематизація стала обнаруживаться, повидимому, на почвѣ сословныхъ разграниченій». Въ доказательство этой мысли авторъ приводитъ прежде всего Большую Казну, въ которой были вѣдомы, по словамъ Котошихина «многихъ городовъ торговые люди»; но въ примѣчаніи самъ онъ выписываетъ и другую половину свидѣтельства Котошихина—что въ Большой Казнѣ собираютъ съ этихъ городовъ также и «съ крестьянъ и съ бобылей тягло, и подати, и откупы и иные поборы», т. е. всѣ подати съ тяглаго населенія извѣстныхъ городовъ, приписанныхъ къ приказу: какъ видимъ, Большая Казна, по составу своихъ плательщиковъ, не отличается отъ другихъ территоріально-финансовыхъ приказовъ. Впрочемъ, мы должны прибавить, что и намъ, какъ и автору, не удалось опредѣлить территоріальнаго вѣдомства Большой Казны; и общій характеръ ея поступленій представляется намъ на столько неяснымъ, что мы не рѣшаемся вѣрится свидѣтельству Котошихина. Въ концѣ вѣка Большая Казна уже совершенно яснымъ образомъ сосредоточиваетъ въ себѣ дѣйствительно спеціальныя поступленія,—но не спеціально съ городского сословія: въ нее поступаютъ косвенные сборы, которые, конечно, собираются преимущественно въ городахъ и преимущественно людьми городского класса, но во всякомъ случаѣ не могутъ быть названы сословными. Напомнимъ также, что косвенные сборы взимаются въ то же время и въ другихъ территоріальныхъ приказахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спеціально, именно въ Большомъ Приходѣ (таможенные) и Новой четверти (кабакіе); но авторъ не связываетъ этой спеціализаціи съ выдѣленіемъ городского

авторомъ въ документахъ, а введенъ имъ самимъ. О времени происхожденія столовъ Разр. приказа, см. Госуд. Хоз. 298, пр. 1; 336—337, прим. 3; 350; прим. 1.

сословія ¹⁾. Былъ, дѣйствительно, моментъ, когда косвенные сборы и вѣдомство городского сословія слились въ одномъ учрежденіи — Петровской Ратушѣ; но и тогда не поступления специализировались «на почвѣ сословныхъ разграниченій», а скорѣе наоборотъ, сословное разграниченіе явилось послѣдствіемъ специализаціи поступленій.

Второй примѣръ, приводимый авторомъ вслѣдъ за Градовскимъ, въ доказательство той же мысли о сословномъ происхожденіи специальныхъ финансовыхъ приказовъ, есть Монастырскій приказъ. Конечно, Монастырскій приказъ есть сословный, точно также какъ и приказъ Большаго Дворца, съ которымъ онъ былъ связанъ съ начала вѣка по 1648 г. и вновь съ 1677 по 1701 г. Но ни тотъ, ни другой не суть специальные финансовые приказы того типа, который долженъ былъ «подорвать значеніе областныхъ приказовъ» ²⁾. Вѣдая извѣстную территорію и получая съ нея всѣ государственныя подати, они отличаются отъ областныхъ приказовъ только тѣмъ, что съ подвѣдомственныхъ имъ земель на ряду съ общегосударственными налогами собираются также и владѣльческіе доходы; но, конечно, этого рода специализація не имѣетъ ничего общаго съ «систематическимъ распредѣленіемъ поступленій»; оба приказа явились вмѣстѣ съ другими территоріально-финансовыми приказами, и если просуществовали дольше ихъ, то отнюдь не въ силу новаго принципа систематизаціи поступленій, а вопреки ему, такъ какъ для полнаго его осуществленія они являлись препятствіемъ.

Итакъ, систематизація поступленій не имѣла ничего общаго съ «сословными разграниченіями», а сословныя разграниченія нисколько не соотвѣтствовали систематизаціи поступленій. Таковъ, въ сущности, выводъ и самого автора: «сословныя различія, говоритъ онъ послѣ приведенія разобранныхъ двухъ примѣровъ, не могли служить надежною основою для распредѣленія поступленій;... болѣе естественнымъ принципомъ распредѣленія поступленій могли послужить различія въ характерѣ податей» (475), — единственныя, о которыхъ только и можетъ идти рѣчь въ разсматриваемомъ отдѣлѣ.

¹⁾ Градовскій въ этомъ случаѣ осторожниѣе говоритъ о «сосредоточеніи организаціи городскихъ классовъ въ нѣсколько приказовъ, число которыхъ постепенно сокращалось». Мѣстн. Упр. 233.

²⁾ Градо вскій, 233.

Переходя къ систематизаціи приказовъ по характеру поступлений, авторъ совершенно основательно указываетъ на выдѣленіе въ особые приказы, Большой Приходъ и Новую четъ, косвенныхъ поступлений. Мы можемъ добавить, что и въ данномъ случаѣ выдѣленіе происходило въ предѣлахъ извѣстной территоріи, но за то на этой территоріи оба приказа дѣйствительно вступили въ сильную конкуренцію съ вѣдомствомъ четей; этой конкуренціей объясняется меньшее финансовое значеніе центральныхъ четей, Владимирской, Костромской и Галицкой ¹⁾).

Остается, однако, разъяснить, какъ давно появилась эта спеціализація косвенныхъ сборовъ: по нѣкоторымъ признакамъ она сопровождала уже самое образованіе четей, и въ такомъ случаѣ придется признать, что по крайней-мѣрѣ три названныя чети появились на свѣтъ уже значительно «подорванными» въ своемъ финансовомъ значеніи.

Авторъ переходитъ далѣе къ спеціализаціи поступлений ямскихъ, полонянничныхъ и стрѣleckихъ денегъ. Недостаточно отчетливое представленіе объ исторіи этихъ податей отзывается и здѣсь довольно многочисленными недоразумѣніями. «Въ первой четверти XVII в., говоритъ авторъ, ямскія деньги поступали въ Большой Приходъ, подобно полонянничнымъ, но затѣмъ стали собираться въ Ямскомъ приказѣ... Впрочемъ, едва-ли возможно вполне точно опредѣлить, когда Ямской приказъ замѣнилъ въ этомъ отношеніи Большой Приходъ, и замѣнилъ-ли онъ его вполне. Есть указанія, что съ одного и того же поселенія, напр. съ г. Шуи, ямскія деньги взиmались попеременно, то въ то, то въ другое изъ этихъ учреждений». Основное недоразумѣніе этихъ замѣчаній заключается въ томъ, что авторъ не различаетъ здѣсь большихъ и малыхъ ямскихъ. Послѣднія собирались въ XVII в. въ Большомъ Приходѣ — по традиціи XVI в., въ концѣ котораго Большой Приходъ былъ главнымъ финансовымъ учрежденіемъ, выдѣлившимся изъ Дворца и подчинявшимъ себѣ чети. Ранѣе этого выдѣленія ямскія деньги поступали и прямо во Дворецъ ²⁾. Изъ Большаго Прихода получали ихъ и Ямской приказъ въ 1610—1613 г. ³⁾. Когда же въ 1616—17 г. появилась новая ямская подать, то взиманіе ея съ самаго начала

¹⁾ Гос. Хоз. 308: списокъ городовъ, косвенные сборы которыхъ вѣдались Новой Четью и Большимъ Приходомъ.

²⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. Пошех. у. № 9703.

³⁾ А. И. II, № 355.

передано было прямо Ямскому приказу. Это различіе въ поступленіи большихъ и малыхъ ямскихъ, собственно, извѣстно и самому автору (стр. 15); и тѣмъ страннѣе, что забывъ о немъ здѣсь (на стр. 477), онъ утверждаетъ, что «тѣ же деньги» (въ тѣ же годы) собирались съ Шуи и въ Ямской приказъ и въ Большой Приходъ; между-тѣмъ Гарелинскія отписки, изъ которыхъ онъ извлекъ этотъ выводъ, не даютъ никакого повода къ смѣшенію: малыя ямскія, частію прямо такъ названныя въ нихъ, частію легко отличимыя по размѣру своего оклада и по соединенію съ пищальными деньгами, постоянно поступаютъ здѣсь въ Большой Приходъ, а большія ямскія — въ Ямской приказъ.

По отношенію къ полоняничнымъ деньгамъ, у автора нѣтъ прямыхъ ошибокъ, но есть обычная неопредѣленность: авторъ сопоставляетъ единичные случаи, не сводя ихъ къ общему порядку и къ общимъ основаніямъ. «Въ началѣ XVII вѣка полоняничныя деньги поступали въ Большой Приходъ (приводится грамота 1582 г. и 1610—13), затѣмъ въ Посольскій приказъ... Вскорѣ затѣмъ (послѣ 1678 г.) встрѣчаются извѣстія о поступленіи полоняничныхъ денегъ вмѣстѣ съ ямскими въ Ямской приказъ. Полоняничныя деньги, какъ извѣстно, далеко не всегда поступали прямо въ Посольскій приказъ,... а переводились сюда... изъ четей. Впрочемъ, есть прямыя указанія на выдачу отписей въ приѣмъ полоняничныхъ денегъ (вмѣстѣ съ ямскими) изъ Ямскаго приказа въ 1680 и слѣдующихъ годахъ» (478). Всѣ эти свѣдѣнія не даютъ намъ точнаго понятія объ исторіи поступленія полоняничныхъ денегъ, и не столько потому, что онѣ довольно хаотично изложены, сколько потому, что авторъ не знаетъ общихъ основаній совершающихся перемѣнъ. Большой Приходъ собиралъ полоняничныя до сформированія четей. затѣмъ ихъ взиманіе перешло къ послѣднимъ (и вообще къ территориально-финансовымъ приказамъ), и уже собранныя здѣсь полоняничныя деньги передавались для соответствующаго расхода Посольскому приказу. Реформа 1679 г. слила полоняничныя съ ямскими въ одинъ общій окладъ — 5—10 коп. съ двора и передала взиманіе ихъ Ямскому приказу¹⁾: вотъ почему автору съ 1680 г. «встрѣчались извѣстія» о ихъ уплатѣ въ Ямской приказъ.

То же впечатлѣніе случайности, несоответствующее дѣйстви- тельному положенію дѣла, оставляютъ и сообщенія автора о поступленіи стрѣleckихъ денегъ. Авторъ очень хорошо знаетъ, что

¹⁾ Гос. Хоз. 8.

«стрѣleckія деньги поступали главнымъ образомъ въ четверти и отсюда переводились въ приказъ Стрѣleckій» (479). Но онъ ограничиваетъ дѣйствіе этого правила «первой половиной XVII в.» и затѣмъ въ предѣлахъ этой половины приводитъ рядъ исключеній: когда стрѣleckія деньги шли «прямо въ Стрѣleckій приказъ». Изъ четырехъ приведенныхъ случаевъ, въ одномъ ¹⁾ ничего не говорится о поступленіи въ Стрѣleckій приказъ: подать собирается для мѣстнаго расхода и тратится на мѣстѣ. Три другіе случая относятся къ мѣстностямъ (Бѣлоозеро, Кашира — у автора опечатка: Кашинъ — и Суздаль), гдѣ стрѣleckая подать не была регулярнымъ денежнымъ налогомъ: въ двухъ случаяхъ прямо и говорится въ источникахъ, что она берется за хлѣбъ ²⁾

Такимъ образомъ приведенныя мѣста не представляютъ отклоненія отъ дѣйствующаго порядка поступленія стрѣleckой подати, Что касается второй половины XVII в., авторъ думаетъ, что уже «въ 1660-хъ годахъ въ Стрѣleckій приказъ поступали стрѣleckія деньги, взимаемыя со всего государства». etc. На сколько мы знаемъ, въ 1660-хъ годахъ ровно ничего не измѣнилось въ дѣйствовавшемъ порядкѣ: приведенное сообщеніе автора есть перефразировка свидѣтельства Котошихина (VII, § 5); но Котошихинъ не говоритъ, чтобы эти стрѣleckія деньги поступали непосредственно въ Стрѣleckій приказъ; напротивъ, онъ сопоставляетъ ихъ сборъ со сборомъ полонянничныхъ, которыя уже несомнѣнно поступали въ то время въ областные приказы и только оттуда направлялись въ Посольскій. Авторъ приводитъ и другіе случаи: но въ одномъ изъ нихъ ³⁾ говорится не о поступленіи стрѣleckихъ денегъ въ Стрѣleckій приказъ, а о расходѣ ихъ изъ Стрѣleckаго приказа въ Смоленскъ; другіе относятся къ тому времени, когда стрѣleckія деньги дѣйствительно стали поступать въ Стрѣleckій приказъ, т. е. послѣ реформы 1672 г. Полагая, что это случилось уже въ 1660-хъ годахъ, авторъ не замѣчаетъ момента дѣйствительной перемѣны (1672 г.); не знаетъ онъ и о возвращеніи сбора стрѣleckихъ денегъ въ чети въ 1683 г.; между-тѣмъ въ исторіи четей это возвращеніе было важнымъ фактомъ, такъ какъ оживило ихъ и дало имъ возможность просуществовать до петровскаго времени.

Изученіе процесса систематизаціи финансовыхъ учреждений

¹⁾ Доп. къ А. И. II, 17.

²⁾ А. Ю. № 216, XVII и А. И. III, 132.

³⁾ Доп. къ А. И. V. № 60, I.

авторъ заканчиваетъ обзоромъ случаевъ сліянія разныхъ приказовъ (483—89); факты подобраны очень полно; указаны и мотивы такого сліянія: личное благоволеніе царя къ извѣстнымъ лицамъ, военныя и дипломатическія соображенія, потребность увеличить доходы извѣстнаго учрежденія. Въ результатѣ этого обзора авторъ приходитъ къ выводу, что «соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ однимъ управленіемъ было слишкомъ случайнымъ и непостояннымъ для того, чтобы повести къ образованію одного общаго финансоваго центра» (489, 488). Распоряженія о такихъ соединеніяхъ «нигдѣ нерѣдко лишь кратковременное значеніе, отмѣнялись вскорѣ послѣ своего появленія и не только не придавали стройности приказной системѣ, но иногда запутывали ее еще болѣе». Такимъ образомъ, въ массѣ сопоставленныхъ случаевъ авторъ не видитъ никакого общаго теченія. Онъ отмѣчаетъ только «слабые зародыши новаго начала въ объединеніи приказовъ, видные въ сліяніи не разнородныхъ, а однородныхъ учреждений въ болѣе сложныя группы» (488). Но это самое опредѣленіе «новаго начала» показываетъ намъ, что авторъ не вполне оцѣнилъ значеніе сліянія приказовъ въ процессѣ преобразованія финансовыхъ учреждений XVII в. Смыслъ этого процесса долженъ былъ заключаться не въ сліяніи «однородныхъ» учреждений (въ сущности, всѣ финансовыя учрежденія XVII в. были однородны — территоріальны), а въ изучаемой самимъ авторомъ систематизаціи поступленій въ спеціальныхъ приказахъ и въ параллельномъ разрушеніи приказовъ территоріальныхъ. Сліяніе послѣднихъ въ общія группы къ концу вѣка свидѣтельствуетъ не объ осуществленіи въ нихъ новаго начала, а о паденіи стараго, о постепенной атрофіи старыхъ учреждений. Этой исторіи постепеннаго разрушенія старыхъ областныхъ приказовъ мы совсѣмъ не находимъ у автора; а только такая исторія и могла бы показать степень успѣха «новаго начала» къ концу столѣтія. Все, что можетъ сказать объ этомъ авторъ, сводится къ заключенію, что «самое распредѣленіе дѣлъ между приказами, завѣдывавшими спеціальными вѣтвями управленія, не успѣло выработаться, а отсюда происходили тѣ значительныя колебанія и въ распредѣленіи выше указанныхъ поступленій по такимъ учрежденіямъ» (482—3). «Колебанія» эти, какъ мы видѣли выше, оказались гораздо менѣе значительными, чѣмъ полагаютъ авторъ; такимъ образомъ, и ходъ финансовой спеціализаціи и концентраціи приказнаго финансоваго управленія подвинулся къ концу вѣка въ дѣйствительности несравненно далѣе, чѣмъ склоненъ онъ заключать.

«Успѣшному развитію этихъ зачатковъ, говоритъ онъ въ концѣ концовъ, *помышляя* рядъ тяжелыхъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра». Нашъ выводъ былъ бы совершенно противоположенъ: мы думаемъ, что успѣшному и окончательному развитію этихъ зачатковъ *болѣе всего содѣйствовала* рядъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра. Не будемъ возвращаться къ фактамъ, подтверждающимъ такой выводъ, такъ какъ мы имѣли случай подробнѣе говорить объ этомъ въ нашей работѣ.

Авторъ заканчиваетъ главу, а вмѣстѣ съ ней и изслѣдованіе свѣдѣніями о контрольныхъ учрежденіяхъ XVII в. и характеристикой приказныхъ людей и нравовъ. Совершенно основательно онъ видитъ зачатки государственнаго контроля въ специальныхъ ревизіонныхъ комиссіяхъ и въ приказѣ счетныхъ дѣлъ (490—92). Добавимъ только, что, по нашему представленію, приказъ Счетныхъ дѣлъ также не былъ постояннымъ учрежденіемъ, а такой же специальной комиссіей, контролировавшей раздачу полковаго жалованья во время войнъ за Малороссію (1654—66), хотя исполнявшей кромѣ того и другія ревизіонныя порученія ¹⁾.

Въ этой связи съ контрольной дѣятельностью XVII в. всего удобнѣе разсмотрѣть и отдѣлъ о финансовой отчетности, о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ», — присоединенный авторомъ ко второй главѣ «о раскладкѣ податей» (262—82). Авторъ начинаетъ отдѣлъ съ характеристики смѣтнаго списка (отчета за истекшій годъ) и окладной росписи (бюджетнаго проекта на слѣдующій годъ); затѣмъ переходитъ къ изображенію отчетности воеводъ передъ центральнымъ управленіемъ (264—71): здѣсь онъ особенно останавливается на тѣхъ «зачаткахъ мѣстной централизаціи», которые выражались въ появленіи мѣстныхъ финансовыхъ центровъ, вѣдавшихъ финансовую отчетность *не по одному городу*, а по цѣлой области; совершенно основательно онъ отмѣчаетъ здѣсь и то обстоятельство, что централизація финансового управленія развивалась (въ областяхъ) подъ вліяніемъ военной организаціи (267). Далѣе авторъ переходитъ къ весьма важному вопросу о существованіи общихъ государственныхъ росписей (272—79). Здѣсь онъ указываетъ прежде всего на рядъ сводныхъ финансово-статистическихъ работъ, предпринимавшихся съ спе-

¹⁾ Госуд. хоз. 112.

ціальной цѣлю,—и менно, чтобы опредѣлить общее количество дворовъ при назначеніи экстренной подворной подати. Конечно, «указаніями», хотя бы и «косвенными», «на возможность существованія общей государственной росписи», эти факты служить не могутъ. Далѣе авторъ собираетъ прямыя свидѣтельства о существованіи государственныхъ росписей. Первое изъ нихъ относится къ 1619 г., когда «предположено было сосчитать всѣ наличныя суммы, которыя сохранились въ городахъ послѣ разоренія». Какъ видно уже изъ этихъ словъ, въ 1619 г. предпринята была также частная финансово-статистическая работа съ специальной цѣлю опредѣлить количество свободныхъ остатковъ городскихъ поступленій, какимъ могла располагать центральная администрація. Гораздо важнѣе указаніе на «годовую большую смѣту» 1623—24 г.: это первое несомнѣнное указаніе на существованіе общаго бюджета. Мы не сомнѣваемся, что это извѣстіе слѣдуетъ сопоставить съ тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ мы находимъ отчетность отдѣльныхъ приказовъ за это время; по всему видно, что съ 1620-хъ годовъ произошла реформа приказнаго дѣлопроизводства, заведены формы прихода-расходныхъ книгъ, смѣтныхъ списковъ и другихъ документовъ; весьма вѣроятнымъ кажется намъ, что въ ряду этихъ нововведеній и сводная «годовая большая смѣта» заняла свое постоянное мѣсто въ приказной регистратурѣ. Къ сожалѣнію, тѣ же соображенія, — именно общій *habitus* сохранившагося приказнаго производства — приводятъ насъ къ заключенію, что заведенный порядокъ продержался недолго: съ сороковыхъ годовъ мы уже не встрѣчаемъ въ сохранившихся документахъ прежней полноты и отчетливости, а въ 1650-хъ и 1660-хъ гг. находимъ полное разстройство стараго порядка и не замѣчаемъ, чтобы сложился новый. Если эти впечатлѣнія, получаемыя при изученіи регистратуры сохранившихся приказовъ, не случайны, то можно опасаться, что и упоминаніе о годовой смѣтѣ 1624 г. не свидѣтельствуетъ о непрерывномъ составленіи бюджетныхъ росписей за болѣе позднее время. А. С. Лаппо-Данилевскій нашелъ указаніе, что въ 1646 г. велѣно было составлять въ четьяхъ смѣтные списки для сведенія ихъ въ одну общую вѣдомость; но такъ какъ мы не знаемъ, было-ли послано одновременно распоряженіе объ этомъ и въ другія учрежденія, то и не можемъ пока заключать, что имѣлось въ виду составленіе общей росписи. Впрочемъ, судя по общему настроенію новаго правительства въ это время, очень вѣроятно, что именно тогда почувствовалась опять надобность въ годовой смѣтѣ для

предполагавшихся реформъ: припомнимъ, что среди этихъ реформъ проектировалась введеніе одинаго налога, долженствовавшаго своими размѣрами замѣнить всѣ другіе; подобный расчетъ, хотя бы совершенно приблизительный, нельзя было, конечно, сдѣлать безъ государственной росписи. Какъ бы то ни было, — была-ли составлена въ этомъ году государственная роспись или ее постигла таже судьба, какъ и единый налогъ, — послѣ этого времени мы опять ничего не знаемъ о бюджетныхъ росписяхъ вплоть до 1680 г., бюджетную роспись котораго намъ посчастливилось найти въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Авторъ считаетъ возможнымъ изъ существованія этой росписи заключить, что «съ 1680-хъ годовъ такія росписи несомнѣнно существовали» (274). Къ сожалѣнію, и этого мы не рѣшаемся пока утверждать, такъ какъ подозрѣваемъ, что роспись 1680 г. составлена специально въ виду обширныхъ финансовыхъ реформъ этого года. Впрочемъ, этотъ вопросъ, — была-ли роспись 1680 г. единовременной мѣрой или же она только случайно сохранилась изъ ряда подобныхъ ей, — можетъ быть рѣшенъ только дальнѣйшимъ изученіемъ. Пока намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что составленіе регулярныхъ росписей началось только съ 1701, съ учрежденія Ближней канцеляріи (хотя и тогда вновь прервалось съ 1710) ¹⁾.

Мы не будемъ останавливаться на «заключеніи» автора, слишкомъ краткомъ (501 — 507) и не прибавляющемъ новыхъ чертъ къ тѣмъ общимъ выводамъ, которые мы рассмотрѣли въ соответственныхъ мѣстахъ рецензіи.

Переходя къ общему сужденію о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго, мы прежде всего должны подчеркнуть наше личное положеніе относительно изслѣдованія автора. Значительная часть нашихъ возраженій противъ защищаемыхъ имъ взглядовъ сдѣлана съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ противоположныхъ или вообще несогласныхъ воззрѣній, еще не успѣвшихъ сдѣлаться въ свою очередь предметомъ специальной критики, а отчасти и впервые высказываемыхъ въ этой рецензіи. Критика слишкомъ часто переходитъ въ полемику въ представляемомъ нами разборѣ, чтобы мы могли претендовать на роль безпристрастнаго судьи: мы пред-

¹⁾ Роспись 1680 г. и таблицы по росписямъ Ближней канцеляріи см. въ приложеніяхъ къ Госуд. хоз.

ставляемъ лишь одну изъ сторонъ и охотно признаемъ, что окончательный приговоръ по поводу обсуждавшихся здѣсь спорныхъ пунктовъ принадлежитъ третьимъ лицамъ.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ личный элементъ нашихъ сужденій, мы въ главномъ совершенно присоединяемся къ общему мнѣнію специальной критики о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Существенное содержаніе печатныхъ отзывовъ передано нами во введеніи къ рецензiи; заканчивая ее, мы прибавимъ, что и сами имѣли случай представить одинъ изъ такихъ отзывовъ, не разошедшійся съ общимъ мнѣніемъ критики. Позволимъ себѣ воспользоваться нѣкоторыми мѣстами этого отзыва для сужденія о достоинствахъ изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго; нѣкоторыя замѣчанія о ея недостаткахъ прибавимъ къ этому отзыву на основаніи настоящей рецензiи.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени. Выборъ темы показываетъ, что авторъ находится въ курсѣ очередныхъ вопросовъ русской исторической науки. Исторія русскаго государственнаго хозяйства есть вопросъ столько-же важный, сколько и почти вовсе не затронутый изученіемъ до настоящаго времени.

Небольшое количество болѣе значительныхъ работъ, которыя можно было бы назвать въ этой области, во первыхъ, преслѣдуютъ преимущественно специально техническія задачи, во вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Не смотря на это, было бы невѣрнымъ утверждать, что авторъ не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними должны были считаться всѣ наиболѣе крупныя работы по исторiи учреждений, которой наиболѣе интересовались лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей за послѣднее тридцатилѣтіе. Такіе выдающіеся историки-юристы, какъ Чичеринъ, Градовскій, подготовили путь къ работѣ и русской финансовой исторiи; слѣдуетъ признать, что ихъ работы, — особенно послѣдняго, — значительно повліяли какъ на постановку темы, такъ и на общія точки зрѣнія разбираемаго изслѣдованія. Но г. Лаппо-Данилевскій избралъ вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси центральнымъ предметомъ изученія и изучалъ финансовую исторію Россіи въ связи съ ея *общей* государственной жизнью: въ этомъ заключается особенность

его темы по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально-финансоваго характера.

Къ разработкѣ этой темы А. С. Лаппо-Данилевскій приступилъ съ весьма солидною подготовкой. Какъ видно изъ его книги, онъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы; затѣмъ онъ обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Но что особенно важно при подобной темѣ и что даетъ автору особенное преимущество передъ его предшественниками — это обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Цѣлыя отдѣлы, — и самые цѣнные, — только и могли быть разработаны на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, авторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если не смотря на это, результаты работы не всегда вышли наилучшими, то причинъ мы должны искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія. Въ самомъ выборѣ архивнаго матеріала онъ не всегда былъ счастливъ: не всегда попадалъ на тотъ именно матеріалъ, который могъ поставить его на наилучшій для его темы наблюдательный пунктъ. Въ большей степени отвѣтственнымъ является авторъ за тѣ выводы, которые онъ часто позволялъ себѣ дѣлать изъ этой сравнительной неполноты своего матеріала: отъ случайности свѣдѣній онъ слишкомъ часто дѣлалъ заключенія о случайности самыхъ явленій XVII в. Склонность къ заключеніямъ такого рода является, впрочемъ, у автора и помимо неполноты матеріала, какъ послѣдствіе его общихъ точекъ зрѣнія, слишкомъ далекихъ отъ конкретныхъ явленій XVII вѣка. Потребность отыскивать общій смыслъ въ изучаемыхъ имъ деталяхъ явленій составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ изслѣдованія автора; но, къ сожалѣнію, его общія точки зрѣнія не всегда стоятъ въ органической связи съ детальнымъ изслѣдованіемъ; не вытекая непосредственно изъ матеріала, онѣ иногда даже препятствуютъ автору внимательно наблюдать свой матеріалъ въ его ближайшей обстановкѣ; взятые отдѣльно отъ этой обстановки и лишеныя своего временнаго и мѣстнаго значенія, наблюдаемые факты часто получаютъ въ изложеніи автора

болѣ отрывочный и случайный характеръ, чѣмъ они имѣютъ въ контекстѣ, въ цитируемыхъ имъ источникахъ.

Наконецъ, и въ окончательной стадіи работы, въ построении самаго изложенія, можно указать нѣкоторые недостатки; мы говорили выше о несовсѣмъ удачномъ планѣ книги, лишившемъ автора возможности самостоятельно трактовать важнѣйшіе отдѣлы его темы и подчинившемъ изложеніе второстепенному классификаціонному признаку, который притомъ не могъ быть вполне выдержанъ. Мы не будемъ прибавлять къ этому перечню недостатковъ тѣ взгляды автора на самый предметъ, съ которыми высказали выше свое несогласіе: это значило бы предупреждать результатъ дальнѣйшихъ преній по намѣченнымъ спорнымъ пунктамъ.

Не смотря на указанные недостатки, главнымъ образомъ методическаго свойства, изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго имъ матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ *) книгъ XV—XVI в.

Списокъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи монастырскихъ грамотъ Коллегіи Экономіи, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и расположенныхъ по уѣздамъ, съ одной общей нумераціей. Простая ссылка на № подразумѣваетъ именно этотъ источникъ. Другіе источники указаны въ соответствующихъ мѣстахъ **). Звѣздочка означаетъ, что сохранился, въ выпискѣ или въ цѣломъ, и самый текстъ книги.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
6970—7001	Бѣжецк. верхъ	Писцы кн. Андрея Вас. (Большаго) Углицкаго: 1) Митя Демидовъ, 2) Исакъ Дубровинъ — писалъ весь Бѣж. в. 3) Жит. Исаковъ сынъ Дубровина	Өед. Чех. I, 70.
6973	Костромской.	Костромскія книги Михайлова (Борисовича) письма Волынскаго	Өед. Ч. I, 36; Бѣл. л. 309; А. Ю. № 8.
6990	Нижегородск.	*Книги ключа Новгорода Нижняго письма Ө. Киселева	Бѣл. л. 294 об.
ок. 6993	Бѣлозерскій.	«Какъ Бѣлоозеро досталось в. князю, писцы писали Ө. Алабышъ да Вас. Далматовъ»	Өед. Ч. I, 24. А. Ю. № 5.
между 6996—7009 6998 ***)	Галицкій.	«Писали Галичъ писцы Вас. Башина да Верещага»	Р. Ист. Сборн. V, 16, 17.
	Бѣлозерскій.	Въ Бѣлозерѣ писцы в. князя Мих. Дм. Шапкинь, Ив. Голова Семеновъ и Захаръ Микулинъ	Ө. Чех. I, 9.
до 7000	Владимірскій.	Ихъ же судебныя разбирательства. . . Книги письма Алексѣя Полуехтова . . .	А. Ю. №№ 3, 5, 6. Бѣл. л. 249 об.

*) Межевыя и приправочныя исключены изъ списка.

***) Өед. Чех. = Акты относящіяся до гражданской расправы древней Россіи, Өедотова Чеховскаго т. I, 1860 г. Кіевъ. Бѣл. = Сборникъ Бѣляева № 1620 въ Румянц. музеѣ. А. Ю. = Акты Юридическіе. А. А. Э. = Акты Археогр. Экспедиціи. А. И. = Акты историческіе. Доп. = Дополненія къ А. И. Калач. = Писцовыя книги Моск. госуд. XVI в., изд. Геогр. Обществомъ подъ ред. Калачова. Арх. = Арх. Юстиціи, писцовыя.

****) Годъ опредѣляется грамотой кн. Ив. Андр. 6943 + 55.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7000	Тверскія владѣнія.	«Князь в. Ив. В. послалъ тверскіе земли писати по московски въ сохи: а писалъ Тверь — кн. Ѡ. Алабышъ (ср. Калач. I, 2, 50), а Старицу писалъ — Борисъ Кутузовъ, а Зубцовъ да Опоки — Дм. Пѣшковъ, а Клинь — Петръ Лобанъ Заболоцкой, а Холмъ и Новой городокъ — Андр. Карамышевъ, а Кашинь — Вас. Карамышевъ	П. С. Р. Л. VIII, 228; Никон. л. VI, 130.
»	Звенигородск.	Письмо кн. Вас. Големина	Бѣл. л. 25—28.
»	Переясл. Захвѣскій.	Писецъ кн. Вас. Ив. Големина	№ 8825; А. А. Э. I, № 143.
»	Новгородъ.	Писцовыя книги, не дошедшія до насъ.	Неволинъ, пятинны, 11.
7001—7011	Бѣж. верхъ.	Писали весь Бѣжецкій верхъ вел. кн. писцы Вас. Башина да Ал. Вокшеринъ	
7004	Новгородъ, Обонежская пятнина.	*Книги писцовыя Юрья Сабурова	Невол., пятинны, 12.
»	Деревская пятнина.	*Книги писцовыя Прокофья Скуратова и Петра Волка Борисова	Невол. пятинны 12, и прил. VIII, Новг. писц. книги, томы I и II.
до 7006	Галицкий.	Книги данныя Данила Ивановича (родоначальникъ Давиловыхъ Барх. кн. II, 156)	Бѣл. л. 329 об.
7006	Юрьева Польскаго. Коломенскій.	*Книги письма Констант. Григор. Заболоцкаго. Онъ же судить въ Коломенской у.	Бѣл. л. 196. Ів. л. 126; Акты Бѣл. въ Рум. муз. № 19.
7006—7007	Новгородъ, Шелон. пят.	*Книги письма Матв. Ив. Вакуева	Новгор. писц. кн. т. IV, 1—232 и Арх. кн. 705, л. 1—57, кн. 706, л. 1—36.
7007	Московский.	*Писецъ кн. В. Големина описалъ с. Пушкино и деревни	Бѣл. л. 48.
»	Владимірскій.	*Книги Владимира города и уѣзда, письма Петра Григ. Заболоцкаго	Ів. л. 199 слѣд., л. 257 об.
7008	Каширскій.	Книги письма кн. Давида Давидовича Хромаго (и ссылка на предыдущія книги времени в. кн. Ив. Вас., «не вѣдаемъ, который писецъ тѣ книги писалъ»)	Өед. Ч. 100, 96.
»	Новгородъ, Вотская пятнина.	*Книги письма Дм. Вас. Китаева и Никиты Губы Семенова с. Молокова.	Новг. писц. кн. т. III и Врем. Общ. II, и Др. Р. т. XI и XII, Неволинъ, пятинны прилож. I.
7009	Ростовскій.	*Книги ростовскія письма Вас. Мих. с. Чертенка Заболоцкаго да Дм. Давид. Загряжскаго	Бѣл. л. 9—15.
	Дмитровскій.	Онъ же судить въ Дмитров. у.	Бѣл. акты, № 20.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7009	Ярославскій.	Судебное разбирательство Ярославскихъ писцовъ Ян. Дмитр. Морозова и товар. его Ив. Тучка Вас. с. Долматова.....	Вахромѣевъ, княж. и царск. грам. Яр. губ., 6—8.
7010	Костромскій.	* Письмо Григ. Ром. Застолбскаго въ Костром. станахъ и волостяхъ. ...	Бѣл. л. 195 слѣд., л. 809, 817.
7011	Вологодскій.	* Книги Вологодскія письма Ѳ. Ѳ. Лепягина	А. Ю. № 8.
7012	Бѣлозерскій.	Его же судебное разбирательство	Бѣл. л. 208 слѣд. А. Ю. № 9.
до 7018	Пошехонскій.	Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ товарищами судить въ апрѣлѣ..	А. Ю. № 11.
7018	Бѣлозерскій.	Писецъ Пошехонье Яковъ Кочергинъ. Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ тов. судить	Бѣл. л. 876, 895. Оед. Чех. I, 14.
»	Новгородъ, Шелон. пят.	* Списокъ съ писцовой книги дворцовыхъ земель въ Сумерск. погостѣ, письма и мѣры Обрѣска Ив. Микитина	Арх. кн. 705, л. 57 об. 706, л. 271—274.
7017	Бѣжец. верхъ.	Писали весь Бѣж. в. писцы кн. Семена Ив-ча, Ив. Даниловичъ да Третьякъ Лызловъ (дворцовый дьякъ)	Оед. Ч. I, 70.
7019	Владимірскій.	Ихъ судебное разбирательство.....	Ib. 21—22.
»	Бѣлоозеро и Пошехонье.	* Книги гор. Владиміра посада письма дьяка Некраса Ив. Володимірова с. Харямова да дворцоваго дьяка Ѳ. Ходыки	Бѣл. л. 196.
»	Бѣлоозеро и Пошехонье.	Писали писцы Бѣлоозеро и Череповец и на Шекснѣ ѣзы (писецъ Бѣлозерскій и Пошехонскій) Ив. Микучиъ Заболотцкой да дьякъ Андр. Карламовъ	Бѣл. л. 876, 874, 887. № № 754, 755, А. Ю. № 15; Оед. Ч. I, № 24, № 55, № 65.
»	Балахонск. и Арзамас. у.	Они же судять въ апрѣлѣ.....	Оед. Ч. 68, 209; Арх. Мин. Юст. Арзам. уѣз. № 282.
7021—26*)	Рязанск. у.	Писецъ Иванъ Захарычъ (Овинова) да Суморокъ Путятинъ	Пискаревъ, грам. Рязан. края, 18—19.
7023	Малоярославскій.	* Письмо Кирѣя Львова	№ 7697.
»	Новгородъ, Шелон. пят.	* Писцовыя книги письма дьяка Вас. Тетерина и дворцоваго Звяги Софюнова	Доп. I, № 118.
7027	Старицкій.	Книги письма кн. Дмитрія Волконскаго.	С. Г. Гр. и Д. I, 527.
»	Верейскій.	Верейскія книги письма Григор. Мѣшка Вазуева съ тов.	Ibid. I, 530.
7028	Переяславск.	* Письмо Вас. Григ. Морозова и Посника Сатина въ уѣздѣ и посадѣ ...	Бѣл. л. 29.

*) Хронологія опредѣляется тѣмъ, что это было при дворецкомъ Василии Андреевичѣ (Челяднинѣ).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7028	Нерехотскій.	Письмо Григ. Сем. Плещеева въ Нерехтѣ	Ib. x. 196.
»	Новаго Горо- дища.	Книги письма кн. Вас. Ростовскаго Го- лубаго, станы Нов. гор.	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Московскій.	Книги письма кн. Андр. Ростовскаго въ М. у. и Замосковскихъ волостей.	Ib. 580, 581.
7032	Новгородъ, Шелонская пятна.	Списокъ съ писцовой книги дворцо- выхъ волостей и тяглыхъ деревенъ письма и мѣры Григ. Никифоровича Волосатаго	Арх. кн. 706, x. 161— 248.
7034	Старицкій.	Книги письма дворецкаго Ив. Ив. Ко- льцова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7037	Владимірскій.	Книги (межевыя?) письма Дм. Ив. Во- лынскаго	№ 1791.
7038	Новаго горо- дища.	Книги письма Вас. Полукарпова Ро- мѣйкова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Холмской вол.	Его же книги	Ib.
»	Гороховской волости.	Въ окт. и ноябрѣ Пестрикъ Осютинъ и подьячій Карпъ Игнатьевъ разъ- ѣзжаютъ межи между дворцовыми и монаст. деревнями (ср. 7048 г.)...	Бѣл. Акты. №№ 48 и 49.
7039	Старицкій.	Книги письма Жука Прокофьева да Меньшаго Федорова дворцов. сель ..	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7040	Переяславля- Загѣскаго.	Переяславскіе писцы И. Ф. Хидырщи- ковъ и Вас. Юр. Безобразовъ учи- нили межу (октябрь)	№ 8836.
7041	Балахонскій (Нижегород- скій?).	Книги Мих. Жедринскаго да Карпа подьячаго	Фед. Ч. I, 214.
»	Галицкій.	Книги Семенова письма Соловцова....	№ 5346. Фед. Ч. I, 89; Сборн. Тр. мон. № 582, Сол. Га- лицкая, 85.
7042	Галицкій.	Писецъ Сем. Гр. Соловцовъ разъѣз- жаетъ межи	№ 3348; Бѣл. акты, № 56.
7043	Бѣжецкій.	Андрей Сем. с. Карауловъ и подьячій Як. Сем. Щелкаловъ разъѣхали межи	№ 1176.
»	Переясл. - Ря- занскаго.	Писцы Ив. Дм. Бобровъ да Ярець Андр. с. Нарманскаго дали на об- рокъ бортовой ужожей	№ 9822.
»	Старицкій.	Книги письма Меньшаго Федорова да Копыта Григорьева, дворц. села ...	С. Г. Г. I, 527.
7044	Звенигородск.	* Письмо Василя Петровича	Бѣл. x. 25.
7045	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы И. Д. Бобровъ и Зах. Андр. Посникъ (Сатинъ, да Ив. Мих. с. Колтырь Раковъ) разводятъ межи въ июнѣ и июлѣ	№№ 4684, 4685; Бѣл. x. 17, 18, 20, 22, 21.
»	Углицкій.	* Книги письма Сем. Бутурлина въ го- родск. стану, вотчина Тр. монаст. ...	Калач. I, 234.
7046	Звенигородск.	* Книги письма Ив. Дм. Боброва да Зах. Андр. Посника Сатина, да Ив. Мих. с. Колтыри Ракова	№ 4686.
»	Дмитровскій.	* Дмитровскія книги письма Ал. Сем. Улина Слизнева съ тов. (дек.)	№№ 3764, 3765, 3767.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7046	Бѣжецкій.	Его же судебныя разбирательства въ 7056—57 г.	№№1214, 1215, 1221, 1222.
7047	Вологодскій.	Писцы Дм. Козловъ с. Милославскій съ тов. разъѣзжаютъ межи (сент. — ноябрь).....	№№1183, 1184, 1186.
»	Новгородъ.	Писцы Ром. Игн. Образцовъ съ тов. писали въ волости Ташѣ.....	№ 11,801 (Сузд. у.)
»	Вотская пята.	Писцовыя книги Инши Бугакова.....	Неволикъ, пят. 13.
»	Шелонская п.	*Писцовая книга Григор. Собакниа съ тов.	Невол. ів. и Новг. писц. кн. IV, 237—522 (безъ имени писца).
до 7048 (въ 7038?)	Владимірскій.	Книги писцовъ Андр. Языкова и Пестрика Осютина, писали однѣ дворовыя села, а не большое письмо ..	Өед. Чех. I, 91—92.
7048	Владимірскій.	Владимірскіе писцы Ром. Игн. Образцовъ (и Сем. Данил. с. Батюшкова) съ тов. учинили межу ..	№ 1793.
»	Тверской.	*Книги письма Ив. П. Заболоцкаго и Мих. Ив. Усова-Татищева.....	Калач. I, 2, 40—140.
»	Московскій.	Андр. Ив. Писемскій и Никита Ѳеод. Евлашковъ разъѣзжаютъ межи въ Хотунской волости ..	Бѣл. Акты № 68.
7049	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Тим. Андр. с. Карамышевъ и Никита Козловъ с. Милославскаго съ тов. дали льготу.....	А. И. I, № 295.
»	Романовскій и Пошехонск.	Писцы романовскіе и пошехонскіе Андр. Сем. Карауловъ и Никита Ив. с. Переяславцевъ развели межу....	Өед. Ч. I, 116.
»	Бѣлозерскій.	Писцы Бѣлозерскіе Ѳ. Ѳ. Хидырщиковъ и Григ. Лукинъ (Клементьевъ) съ тов. судятъ и разъѣзжаютъ межу (юль—осень) ..	№ 780; Ѳ. Ч. I,
»	Тверской и Клинскій.	Тверской и Клинскій писецъ Ив. Петр. Заболоцкій съ тов. разъѣхалъ межу.	№ 10.267 (Рузск. у.)
»	Бѣжецкій в.	Большіе писцы Рычко Ив. Плещеевъ, Вас. Карачаровъ да Григ. Татищевъ съ тов.	Өед. Ч. I, 185; А. Ю. № 156.
»	Кашинскій.	Большіе кашинскіе писцы кн. Дм. Дашковъ и Третьякъ Карачаровъ ..	Ө. Чех. I, 184, 188, 190.
7050	Каширскій.	Дописывали Кашир. у. писцы В. И. Бреховъ да Ив. Гр. с. Головинна съ товар.	Ө. Чех. I, 95—105.
»	Пошехонскій.	*Пошехонскія книги письма Андр. Сем. Караулова да Ник. Ив. с. Переяславцева.....	№ 9681.
»	Костромской.	Костромскіе писцы Поярокъ Ильичъ Квашнинъ и Бор. Алр. Слупининъ отдають дворъ монастырю (22 ноября).....	№ 5005.
»	Владимірскій.	Писецъ Ром. Игн. Образцовъ съ тов. дали льготу и развели межи (окт. — февраль).....	№ 1794 и Ѳ. Ч. I, 92.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7051	Можайскій.	*Книги письма Алр. Сем. Упина Слизнева	№ 7613.
»	Замосковныя волости.	Онъ же разѣхалъ межи (іюнь—сент.). Книги письма Ром. Дашкова и Ф. Одашева, Замосковн. Вохонской волости.	№№ 7611, 7612.
7052	Переясл. За-донскаго.	*Книги письма Ив. Ф. Хидырщикова съ товар.	А. А. Э. I, № 256.
»	Бѣлозерскій	*Книги Бѣлозерскія письма («большихъ писцовъ») Ф. Ф. Хидырщикова (и Гр. Лук. Клементьева) съ товар.	№№ 8850, 8851.
»	Владимірскій.	*Книги Владимірскія письма Ром. Игн. Образцова съ товар.	№№ 790, 857, Ф. Ч. I, 116; А. И. I, № 168.
»	Верейскій.	*Новыя книги Верейскія письма Степ. Ф. Сабурова съ товар.	№№ 1796, 1797, ср. С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Вышегородск.	*Новыя книги Вышегородскія письма Ст. Ф. Пильмова Сабурова съ товар.	№ 2835, С. Г. Г. Д. I, 530.
»	Волоколамск.	*Писцовыя книги письма В. И. Брехова да Ив. Гр. с. Головинина да Дм. Гр. с. Ковѣзина (село в. князя)	№ 2336.
7052	Вологодскій.	*Книги Вологодскаго писца Тим. Андр. Карамышева (да Микиты Козлова с. Милославскаго) съ тов.	№ 2432.
»	Суздальскій.	*Писцовыя книги письма Степана Отяева	№ 2585, 2586; Ф. Ч. I, 117; А. Ю. № 168; А. И. I, стр. 310.
до 7053	Вятскій.	Упоминаются «большіе писцы» на Вяткѣ и дополнительное послѣ нихъ письмо въ верхнемъ Слободскомъ городкѣ подъяч. Хомяка	№ 11,828; Ф. Ч. I, 242, А. И. I, №№ 167, 177, 148.
7053	Костромской.	*Книги Костромскія новаго писца Поярка Ильича Квашина съ тов. .	А. А. Э. I, № 210.
»	Новгородъ.	*Пустые двory писали: Деревская и Бѣжецкая пятина — А. Ф. Бабкинъ и подъяч. Нечай Игнатьевъ; Шелонская — Никита Владыкинъ и подъяч. Богданъ Рукавокъ; Вотская и Обонежская — Гаврило Мурановъ и подъяч. Ив. Алексѣевъ; также Бурундай Вас. с. Харламова и подъяч. Ушакъ Тухинскій	М 5007.
7055	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Годунова	А. А. Э. I, стр. 185.
7059	Московскій.	Книги письма писцовъ Ф. Старкова съ товар.	№ 9829.
»	Московскій.	Книги письма Андр. Лодыгина (и Ив. Челищева) съ тов.	№ 7164.
»	?	Книги письма Ив. Слизнева, с. Липки .	№№ 7164. 7160.
»	Двинскій.	Двинскіе писцы Ив. Петр. Заболондой да Дм. Ив. Темиревъ съ тов. даютъ на оброкъ земли.	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Новгородъ, Вотская пят.	Писцовыя книги Ф. Терпигорева съ товар.	А. Ю. №№ 169, 170.
»	Шелонская п.	*Списокъ съ писцовой книги госуд. оброчныхъ земель письма и мѣры	А. А. Э. I, 389.

Годъ.	Уѣздъ.	Название книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7059—61	Шелонская п.	Ив. Гр. Бѣлеутова и Алексѣя Жеребцова съ тов. *Книги письма Алексѣя Жеребцова (другихъ погостовъ)	Арх. кн. 706, л. 36 об. — 56. Новг. писц. кн. IV, 529—584. Ср. Неволинь, пят., 14. № 7164.
7060	Московскій.	Книги письма Услюма Данилова съ тов.	№ 12,306.
»	Тульскій.	Книги тульскихъ писцовъ письма Мещанина Морозова съ тов.	
»	Рязанскій.	Книги рязанскихъ писцовъ Григ. Сем. с. Плещеева да Кипр. Ив. с. Дедевшина (да подъяч. Ф. Кошова съ тов.)	
»	Валжскій.	Книги письма Ив. Гр. Заболоцкаго съ товар.	Сб. Муханова, 2 изд. 590.
7061	Рязанскій.	*Книги рязанскихъ двуретныхъ писцовъ письма кн. Ф. Сем. Мезецкаго да Третьяка Мих. с. Дубровина съ товар.	А. А. Э. I, № 283.
»	Старицкій.	Книги дворцовыхъ селъ дьяка Савлука Иванова	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 92.
»	Бѣлозерскій.	Книги письма кн. Ив. Звенигородскаго да Плохаго Цвиленева	С. Г. Г. и Д. I, 527. А. И. I, № 163, стр. 305, 311.
7062	Балахонскій.	Письмо Прокоша Цвиленева	№ 369.
»	Двинскій.	*Двинскія книги письма Ив. П. Заболоцкаго съ товар.	№ 4125.
»	Попехонскій.	Попехонскіе писцы Ф. И. Чулковъ да дьякъ Ф. Фатьяновъ судять и разводять между (авг.)	№ 9683; ср. Ф. Ч. I, № 65.
»	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Вас. Годунова (выше 7055)	№ 9831.
» *)	Тверской.	*Писцовыя книги Тверск. у. (какихъ писцовъ?)	Калачевъ, I, 2, 141—290.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма кн. Юр. Мецеракаго и Леонтия Макурова .	Бѣл. Акты, № 102.
до 7063	Ржева Пустая.	Писцы И. Колычовъ съ тов.; послѣ нихъ другіе писцы Истома Корцова съ тов.	Доп. I, № 59.
7063	Кашинскій.	*Книги описи и мѣры Кашинскаго городского прикащика Ив. Вражскаго и подъячаго Мити Мякишева	№ 835.
»	Попехонскій.	Мѣновная съ доклада попехонскихъ писцовъ Ф. И. Чулкова и дьяка Ф. Фатьянова	№№ 9684 и 9703.
»	Рузскій.	Опись и мѣра русскаго городского прикащика Ив. Власьева	№ 10,292.
»	Владимірскій.	*Писцовыя книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣва	Фед. Ч. I, 282—284.
»	?	Книги письма кн. Андр. Бабичева съ тов., село Ламна	С. Г. Г. и Д. I, 530.
до 7064	Ярославскій.	*Книги письма и мѣры Дан. Григ. Фомина	А. Ю. № 104.
7064	Замосков. волость.	Книги письма Вас. Замыцкаго да дьяка Савлука Иванова, замосковной волости Раменейца	С. Г. Г. и Д. I, 531.

*) Основаніе по которымъ онѣ отнесены къ 7062, см. выше стр. 57 (и ниже, поправки).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7064	?	Книги письма дьяка Ляпука Ковѣзина, села Дубакина.....	Ibid.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Дворцовыхъ селъ Владимірскихъ и Суздальскихъ писцы Андр. Вас. Лодыгинъ и Вас. Мих. Гирѣвъ судять	Общ. Ч. I, № 67.
»	Русскій (Стар.)	Русскіе писцы Юр. Манасѣвичъ и Ив. Тверитиновъ.....	Доп. I, № 112.
7064—70	Каргопольскій	*Платежница и сотнымъ выписи съ Каргопольскихъ и Турчаевскихъ писцовыхъ книгъ Никиты Яхонтова съ товаръ.....	Арх. Мин. Ин. Дѣл., по Каргополю кн. № 1; Восток. Рум. муз. № 51, стр. 79; А. И. IV, № 24.
7065	Старицкій.	Книги письма Василія Замыцкаго и Савлука Иванова,—дворцовыхъ селъ.	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Дана сотная съ Пошехонскихъ книгъ письма Ѳ. И. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатянова на волость Бѣлозер. у...	А. Ю. № 228; А. И. I, № 164.
»	Мещевскій.	Книги Мещескихъ писцовъ, письма Ѳ. Плещеева съ тов.....	А. И. I, № 180.
»	Псковскій.	«Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды и земли мѣрять».....	П. С. Р. Л. IV, 309.
7066	Переяславскій	*Книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣва.....	№ 8905.
»	Солгалицкой.	Писецъ Григор. Слизневъ писалъ у Соли Галицкой посадъ и околородную волость.....	А. А. Э. II, стр. 177.
7067	Звенигородск.	*Звенигородскія книги письма и мѣры кн. Ив. (Янова-) Ростовскаго съ тов.	№ 4701; С. Г. Г. I, 590; Калач. I, 1, 688 слѣд.
»	Переяславля-Загѣсской.	Опись и мѣра Ив. Михнова и подьяч. Василка Пѣнкина.....	№ 8908.
»	Псковскій.	*Писцовыя книги Захарія Плещеева и Алексѣя Старого съ товаръ.....	Доп. I, № 224; Восток. Рум. муз. № 55.
7068	Костромской.	*Книги Костромскія письма кн. Андр. Дм. Дашкова да Андр. Вас. Безносова съ тов.....	№ 5087; А. А. Э. I, № 304.
»	Плесской волости.	Опись и мѣра губныхъ старостъ Тим. Мовянинова и Ахм. Бунина.....	№ 1814.
»	Нижегородск.	Писцовыя книги письма Ѳ. Невѣжина, Русина Шишкина и Грибана Дмитріева.....	Бѣл. л. 409.
»	Нижегородск.	Писцы Петръ Туровъ да Нематой Тишковъ.....	№ 1814 (Влад. у.); Бѣл. л. 96.
»	Вологодскій.	Книги вологодскихъ писцовъ Як. Кузьмина да Ив. Таратина съ тов.....	№ 2604.
»	?	Книги кн. Юр. Мещерскаго (ср. 7062 г.), с. Ламна.....	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы Дав. Ив. Слизневъ и Дятель Григ. с. Машкова..	Калач. I, 1, 703.
» *)	Балахна и Гороховецъ.	*Писали гор. Балахну и Гороховецъ кн. Юр. (Григ.) Мещерскій и Молчанъ (Игн.) Ростовчикъ.....	Общ. Ч. I, 214, 208—209.

*) Годъ и отчество писцовъ поставлены по списку съ писцовой выписи, находящемуся въ собственности частнаго владѣльца.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7069	Коломенскій.	* Коломенскія книги письма кн. Андр. Ив. Елецкаго съ тов.	Бѣл. Акты, № 117, 126.
»	Бѣлозерскій.	* Книги бѣлозерскихъ дворцовыхъ писцовъ письма Ильи Плещеева да Суторы Безсонова съ товар.	№ 885, 823, 819 (7072 г.) 814.
»	Нижегородск. и Араамас.	Нижегородскіе писцы Григ. Никит. Сукинъ и Неклюдь Дѣвочникъ, даютъ на оброкъ р. Пьяну въ Араам. у. . .	№ 232.
»	Нижегородск.	* Нижегородскіе писцы Григ. Заболоцкій да Микита Казариновъ	№ 1814 (Влад. у.).
»	Попехонскій.	* Книги попехонскихъ писцовъ Андр. Игнат. Яхонтова да Ив. Мих. с. Тарутина (дворцовыхъ селъ)	№ 9693, 9703.
до 7070	Муромскій.	Книги муромскихъ писцовъ Григор. Яхонтова и Вас. Карачарова съ товар., «а лѣта въ книгахъ не написано»	№ 7745.
7070	Костромской.	* Книги костромскихъ писцовъ письма Вас. Ив. Наумова да Иная Ив. Ордынцова съ тов.	№№ 5043—46, 5048—49.
»	Бѣлозерскій.	Книги черныхъ волостей письма Юр. Морозова съ товар.	№ 818.
»	Переясл. Загѣтскій.	Книги писцовъ переяславскихъ кн. Ив. Ромодановскаго да Ив. Бобринцева Пушкина	Бѣл. л. 276 об., Фел. Ч. I, 207, Рум. муз. Востоковъ № 52.
»	Балахонскій.	Нижегородскіе писцы Гр. Ив. Заболоцкій, Ѳ. Гр. Давыдовъ да Третьякъ Мих. с. Дубровина судятъ и разъѣзжаютъ межъ	№ 2594, 2597, Фел. Ч. I, 117.
»	Вологодскій.	Половины Вол. у. писцы Лопата Прокофьевъ Хитрого и подьяч. Макс. Трифановъ учинили межъ	№ 2602.
»	Вологодскій.	Книги письма Ив. Курчова да подьяч. Ширяя Александрова	№ 3808. Бѣл. Акты №№ 120, 121; С. Г. Г. и Д. I, 526.
»	Дмитровскій.	* Дмитровскія книги письма кн. Ив. Андр. Звенигородскаго да Дм. Мих. Пивова съ тов.	№№ 8926—27, 8929—32; А. А. Э. I, № 261.
7071	Переясл. Загѣтскій.	* Книги переяславскія письма кн. И. Б. Ромодановскаго да И. И. Пушкина (май—ноябрь)	№ 4147.
»	Двинскій.	* Книги двинянъ Якимъ Романова да Никиты Путятина	Калач. I, 2, 438—442.
»	Полоцкаго погѣта.	* Книги письма 1) Никиты Тургенева и Алфер. Засѣцкаго. 2) Сем. Ав. Бортенева и Русина Тим. Мопнина. 3) Конст. Пуляева съ тов. 4) Пв. Львова съ тов. 5) Ив. Кикина съ тов. 6) Ав. Хитрово и Ѳ. Безобразова	Арх. кн. 710, 711, 740, 770.
7071—73	Новгородъ, Шелонская Вотская и Обонежск. п.	* Писцовыя (и переписныя) книги поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и мѣры (переписи) Григ. Вольтскаго и Вас. Тараканова (и Ѳ. Калитина) съ тов.	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7072	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Бѣлозерскій и пошехонскій писецъ Юр. Ѳ. Морозовъ, да подьячій Лютикъ Ивановъ разъѣхали между	№ 815.
»	Вышегородск.	Вышегородскія писцовыя книги письма Ив. Старкова	№ 2343 (Вер. у.)
»	Муромскій.	* Муромскія вотчинныя книги письма Дм. Андр. Бутурлина да Ив. Мих. с. Тарутина съ тов.	№ 7748.
»	Стародуба Рязополовскаго.	Книги Юр. Образцова села Сарыева...	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073	Нижегородск.	* Писцовыя книги письма Григ. Заболотцаго, а дописываль ихъ кн. Осифъ Дм. Мосальской съ тов.	Бѣл. Сборн. № 1621, л. 96 об.
»	Стародуба Рязополовскаго.	Книги письма подьячаго Макс. Трифонова.	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073—75	Свѣяжскій.	* «Были въ Свѣяжску первые писцы околы. Никита Вас. Борисова да Дм. Андр. с. Кикина съ тов.»; ихъ книги письма и межеванья	№№ 11,459—11,461; Арх. кн. № 492, копія № 848.
7074—76	Казанскій.	* Ихъ же книги письма и мѣры гор. Казани	Арх. кн. № 152, копія №№ 648, л. 1—175 и 646, л. 1—208.
7074	Муромскій.	Писцовая сотня Мур. посада Дмитр. Андр. Бутурлина съ тов.	А. Ю. № 229.
7074	села Алексина	Книги письма кн. Дм. Болховскаго да подьяч. Третьячка Шарапова	С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Тулскій.	Писцы кн. Мих. Ростовскій и Дм. Пыжовъ вымѣнили землю монастырю.	№ 12,308.
»	Бѣлозерскій.	Книги описи Бѣлозерскихъ губныхъ старость Меншова Лихарева и Як. Гнѣвашова (монаст. и черн. земель).	№ 818.
7075	Верейскій.	Книги дворцовыхъ селъ Вас. Опашина съ тов.	№ 2,344.
»	Суздальскій и Стародубск.	Книги стародубскаго писца Ѳ. И. Бутурлина, да подьяч. Исачка Кузьмина с. Тухмачева	№ 11,830.
»	Новгорода; пятинна?	Писцовыя книги (пожень) Григ. Волынскаго и Ѳ. Калитива, да подьячихъ Никиф. Семенова и Третьяка Григорче (см. 7071—73 гг.)	Неволинъ, пятинны 16—17.
до 7076	Двинскій.	(Давныя книги) письма Як. Ив. Сабурова и (оброчныя) письма Никиты Григ. Яхонтова	А. Ю. № 85.
7076	Рузскій.	* Рузскія книги письма и мѣры кн. Мих. Литвинова Мосальскаго *)	№ 4701.
»	Муромскій.	Муромскія писцовыя книги письма Мих. Ив. Калачова да Дм. Андр. Бутурлина съ тав.	№ 7748.
»	Переясл. Рязанскаго.	* Писцы Ив. Юр. Траханиотовъ	№ 9828.
»	Казанскій.	* Списокъ съ писцовой книги пом. и вотч. земель по дорогамъ Нагайской,	Арх. кн. 152, л. 103 об. — 133; Копія

*) Въ документѣ 206 года онѣ же приправочныя: № 10,824; Калачовъ I, 1; 657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7076	Ламшевскій.	Чувашской, Арской, Аладкой, и Атызской письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов..... *Списокъ съ писц. книги города и посада, письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов.	кн. 643 л. 175 об. —237 и кн. 646, л. 208—277. Арх. кн. 643; л. 501—508 и кн. 646, л. 479—484.
7077	Пермскій.	Писцы Ив. Яхонтовъ съ тов. писали Пермь Великую	А. И. I, № 207.
»	Русскій.	*Книги русскихъ писцовъ Григ. Степ. Пильмова да Андр. Ник. Сабурова съ тов. *)	№ 10,326.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Валовые писцы во Владимірѣ и Суздальѣ, кн. Гр. Вас. Звенигородскій и Ив. Огаревъ	Фед. Чех. I, 281—235.
7078	Полоцкаго по-вѣта.	*Книги письма и мѣры Ив. Гр. Анничкова и подъяч. Ф. Стожкова.....	Калач. I, 2, 462—540.
7079	Юрьева-Польскаго.	*Писцовыя книги описи и досмотру Ф. Бѣгичева съ товар.	№ 14,580.
»	Новгородъ, Шелонская пятнина.	Писцовыя книги Сем. Феоф. Нагого и кн. Ив. Андомскаго съ тов. (Еныша Муравьева)	Невол. пят. 14.
»	Деревская п.	Дозорныя книги Бражника Хвостова ..	Невол. пят. 16.
7080	Епифанскій.	*Книги письма и мѣры кн. Ив. В. Масальскаго и Григ. Бор. Ярцева съ тов.	Калач. I, 2, 1582—95.
»	Веневскій.	*Книги письма и мѣры кн. И. В. Масальскаго, Григ. Бор. Ярцева, подъячаго Юр. Артемьева и Шастака Федорова	Калач. I, 2, 1537—81.
»	Владимірскій.	*Книги письма и дозору Шерапа Бортенева.....	№ 1889; А. А. Э. I, № 290.
»	Владимірскій.	*Владимірскія писцовыя книги письма Ив. Зловидова съ товар.	Фед. Ч. I, 294.
»	Полоцкаго по-вѣта.	*Волостей Нещерды, Озерницъ, и Усвята письмо и мѣра Ив. Тим. Мясоѣдова и подъяч. И. И. Стоянова....	Калач. I, 2, 540—566.
7081	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Ратоя Суринова с. Окиннеева да подъячаго Юр. Ортемьева	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 35—42.
»	Новгородъ, Шелонская пятнина.	*Списокъ съ писцов. книги государевыхъ земель въ Паозерьѣ и 4-хъ погостахъ письма и мѣры Образца Баракова и подъячаго Быка Михайлова.....	Арх. кн. 706, л. 56—102.
7082	Муромскій.	*Муромскіе писцы Мих. Ив. Шишеловъ и Богд. Григорьевъ дали сотную ..	А. Ю. № 229.
»	Углицкій.	*Книги письма и дозору Вас. Старога, Город. стама, вотчинъ Тр. мош.	Калач. I, 2, 84.
»	Бѣжец. верхъ.	*Книги письма и дозору Матв. Могутова (и подъячаго Зиновья Федуова).	№ 1801; А. А. Э. I, № 304; А. И. II, стр. 71.

*) Въ 102 г. приправочныя. Калачовъ I, 1; 657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7082	Владимірскій.	Книги письма и дозора Меншаго Росточина (Тучка Ратцова) и подъяч. Ив. Окинѣева	№ 1854.
»	Московскій.	*Списокъ съ писцов. книги неизвѣстныхъ писцовъ	Калач. I, 1, 1—39.
7082—88	Двинскій.	*Писцовыя поморскія книги письма и дозору Вас. Третьякова с. Агалина да подъячаго Степ. Федорова (Соболева)	№ 4183, А. А. Э. I, № 810.
»	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Андр. Ѳ. с. Скрибина да подъяч. Зиновья Ѳеддова	Пискаревъ, 42—45. Неволитъ, пятинны, 14.
7084	Новгородъ, Шелонская пятина.	Писцовыя книги Влад. Безобразова и Вешняка Мшокина	
7085—86	Московскій.	*Книга письма и отдѣлу (помѣст. и вотч. земель) Андр. Молчанова.	Калач. I, 1, 89—53.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма и мѣры Дан. Петр. Житова и Ѳ. Камынина	Калач. I, 1, 291—608; Бѣл. Акты, № 159.
до 7086	Бѣлозерскій.	Книги письма и дозору Дм. Росточина и подъяч. Гр. Чиркова	№№ 856, 857.
7086	Двинскій.	(Данныя) книги Вас. Гагина	А. А. Э. № 299.
7086	Нижегородск.	Книги Петра Бурунова	Бѣл., л. 409.
»	Суздальскій.	Сузд. писцовыя книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго и Вас. Агалина	Ѳед. Чех. I, 242. Ивановъ, обзор. пом. правъ, 136.
7086	Серпейскій.	Книги Серпейскихъ писцовъ Григ. Пушкина съ товар.	
7086—87	Владимірскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстномъ приказѣ до московскаго разоренья	Ѳед. Чех. I, 291, 294.
»	Каширскій.	*Книга письма и мѣры кн. Ив. Дан. Гагарина и Аѳ. Ив. Исакова съ тов.	Калач. I, 2, 1299—1537.
7087	Костромскій.	Книги Ив. Курова да Пятаго Тумскаго съ тов. (вотчина кн. Палецкихъ)	А. А. Э. I, № 304.
»	Соликамской.	*Книга сошнаго письма гор. Камскаго посаду и уѣзду письма и мѣръ писца Ив. Игн. Яхонтова да подъяч. Третьяка Карпова	Кар. IX, прим. 816; Восток. Рум. № 303.
7088	Тверской.	*Книга вотчинъ Симеона Бекбулатовича письма и мѣры П. Свѣчина и дьяка Богд. Забротова	Калач. I, 2, 291—403.
7089	Бѣлозерскій.	Бѣлозерскія дозорныя книги письма и дозору кн. Сем. Дан. Жижемскаго, Елмзар. Григ. Старово да подъячаго Тишины Васильева (села Протасьева).	№ 857.
7090	Новгородъ Бѣжецкая пятина.	*Книги письма и мѣры пом. и вотч. земель Михайл. погоста Дм. Замыцкаго	Арх. кн. № 585.
»	Деревская.	*Книги письма и мѣры пом. монаст. и порожж. земель Дм. Андр. Замыцкаго и подъячаго Третьяка Моѳева	Арх. кн. 959—960; 713—714; 723; копія 802, 715—16, 718, 723. Невол., пятинны, прил. IX.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7090	Шелонская.	*Книги письма (пом., мон. и прк. земель) Леонтыя Аксакова и подьяч. Алексѣя Малахова	Арх. кн. 957; копін 8543 — 44, 712—18. Невол. прил. III.
7090—91	Вотская.	*Книги письма и дозору (пом., мон. и прк. земель) Самс. Григ. Дмитріева (потомъ Елизар. Григ. Старова), и подьяч. Семейки Киселева.....	Арх. кн. 958; копін 301 и 719; Невол. прил. II и Временникъ О. И. и Др. VI.
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (пом., мон. и порозж.) кн. Вас. Андр. Звенигородскаго и подьяч. Игнатъя Сергѣева .	Арх. кн. 961, 962 и копін 720, 722, 8546. Невол. прил. XI.
7091	Обонежская.	*Книги письма и дозора (пом., мон. и церкви, земель) Андр. Вас. Плещеева и подьяч. Семейки Кузьмина.	Арх. кн. 963, 965 и копін 724 — 726, 8546, 8550. Невол. 15 и прил. V и VI; А. А. Э. III, № 88, 267.
»	Деревская.	*Писцовыя книги Кузьмы Карцова и и Ѡ. Шихмарева.....	Неволинъ прил. X. Арх.?
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (и дозора) пом., прк. и пуст. земель Ѡ. Мих. Ласкирева и подьяч. Ильи Иванова.....	Арх. кн. 964, 755, копін 5,578, 729, 790, 793 и 784. Невол., пр. XII.
»	Ржевы Пустой	Пусторжевскія книги письма и дозору Игн. Зубова съ тов.....	А. И. П, № 347.
7092	Шелонская п. и Обонежск.	*Книга (дворцов. зем.) Порхов. у. письма и мѣры к. В. Звенигородскаго и Елизаря Старова (и въ Обонежской Невол. 15)	Арх. кн. 785, л. 1—95 и копін 705, л. 150—156.
»	Суздальскій.	Суздальскія книги письма и мѣры Луки Новосильцева съ тов.	С. Г. Г. и Д. III, стр. 225; А. И. I, № 218.
7092—93	Владимірскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстн. пр. до московскаго разоренья	Бед. Чех. I, 294.
7092—106	Московский.	*Дозорныя книги неизвѣстныхъ писц. .	Калач. I, 1, 53—95.
7093	Шелонская п.	*Книга (пом. церк. и мон. земель) Порхов. у. письма и мѣры Григ. Бундова и Ждана Алабухина	Арх. кн. 967, копія 819, Неволинъ, прил. IV.
»	Арзамасскій.	*Книги письма и мѣры Арзамасск. писцовъ Игн. Изубова и подьячихъ Безсона Пахирева и Рахманика Воронова	№ 293, 294, 298.
»	Вологодскій.	Вологодскихъ государевыхъ сель писцы Никиф. Вас. Траханіотовъ да дьякъ Дан. Гравороновъ, да Ив. Федоровъ.	№ 2618.
»	Вологодскій.	Писецъ кн. Аѳ. Вяземскій и подьячій Гриша Васильевъ	№ 2622.
»	Бѣлозерскій.	*Книга Ѡедосына городка письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова съ тов.	Калач. I, 2, 411—417.
»	Бѣлозерскій.	*Взвая книга письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова.....	А. Ю. № 236.
»	Бѣлозерскій.	*Бѣлозерскія писцовыя книги письма и дозору кн. Ѡ. Жироваго-Засѣкина.	А. И. I, № 217.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7093	Пошехонскій.	*Книги писцовыя Пошехон. у. письма Ив. Ресина съ товар.	№ 9708.
»	Рязанскій.	Книги писца Сем. Плещеева (отдача на оброкъ)	№ 9831.
»	Тульскій, Дѣдиковскій Пловскій и Соловскій.	*Тульскіе, Дѣдиковскіе, Пловскіе и Соловскіе писцы Конст. Андр. Наумовъ, Вас. Владыкинъ, подьячій Третьякъ... вѣевъ (сгнило) да Посникъ Невзорова дали межевую выпись	№ 12,808.
»	Суздальскій.	Писецъ кн. Дм. Мих. Барятинскій судягъ (апрѣль)	Фед. Чех. I, 230—285.
»	Владимірскій.	Книги окладныя (церковн. и патриарш.) дозору Григ. Болтина	Фед. Ч. I, 293.
»	Мещовскій.	Мещовскія книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго съ товар. ...	Ивановъ, Обзор. пом. правъ, 136.
»	Солигалицкій.	Соли Галицкія книги письма и дозору Юр. Нелединскаго съ тов.	А. А. Э. II, стр. 177.
»	Великолудцкій.	*Списокъ съ писцов. книгъ письма и дозора кн. Дм. Елецкаго	Арх. кн. 244.
»	Пригороды Пскова.	*Списки съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Вороначѣ, Выборѣ, Гдовѣ, Дубковѣ, Изборскѣ, Кобыльѣ (здѣсь вмѣстѣ съ Григ. Ив. Мѣщаниновымъ—Морозовымъ) и Островѣ	Арх. кн. № 827.
7093—94	Московскій.	*Книги письма и мѣры Тим. Андр. Хлопова съ тов.	Калач. I, 1, 96—277.
»	Новгородъ, Обошежская пятина.	Писцы Леонтій Аксаковъ и Ае. Жеребятичевъ	Невол. пятинъ, 17.
7093—95	Псковъ и его пригороды.	*Книги письма и мѣры Григ. Ив. Мѣщанинова — Морозова и Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Псковѣ, Вельѣ, Владимирцѣ, Вревѣ, Вышгородѣ, Красномъ, Опочкѣ и Себежѣ	Арх. кн. №№ 855, 850, 831; ср. Рум. Вост. № 54.
7094	Московскій.	Письмо Елизарья Сабурова (монахъ вотчинъ?)	Калач. I, 1, 278.
»	Сольвычегод.	Сольвычегодскія писцовыя книги письма Ае. Ив. Вельяминова и дьяка Ив. Григорьева	А. А. Э. I, № 848.
»	Тамъ же?	Писцовыя книги Глотовы слободки (возлѣ Выми, Сысолы и Вычегды) писцовъ Ив. Огарева и подьяч. Филиппа Юрьева	А. А. Э. I, № 850.
7095	Медынскій.	*Книга (платежная пом. и вотч. земель) письма и мѣры Дм. Андр. Замыцкаго, Болсенка Никитина Верещагина и подьяч. Сенки Кузьмина. ...	Калач. I, 2, 832—852.
»	Двинскій.	Пріѣхалъ писать двинскихъ жителей кн. Вас. Андр. Звенигородскій (и Бор. Мезецкій) и въ 96 и въ 97 г. писать на Двинѣ	Вивл. XVIII. 15; А. И. III, № 95. Невол. соч. VI, 462.
»	Гороховецкій.	*Книги письма и мѣры Мих. Ив. Ши-	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7095	Деревская п.	шелова и подъяч. Богд. Булата (вотчины Сузд.-Евфим. монастыря)	Бѣл. Акты, № 181.
7696	Нижегородск.	Писцовыя книги Тимоф. Замыцкаго и дьяка Як. Кочергина	Невол. пятинъ, 18.
7096	Старицкій.	*Писцовая книга письма и дозора (госуд. дворцовыхъ, бортовыхъ, оброчн. и посопн. селъ) Вас. Феод. Борисова и подъячаго Третьяка Аврамова ...	Арх. кн. 7514; Бѣл., л. 410. А. А. Э. III, № 832.
»	Новоторжскій.	Книги (троицкихъ вотчинъ) письма и мѣры Елизар. Старого да дьяка Сем. Собаки Васильева	Калач. I, 2, 405—410.
»	Двинскій.	Новоторжскія книги письма и мѣры Андр. Клобукова и подъяч. Печая Сорочнева	А. А. Э. I, № 344; III, № 832.
7096—97	Тульскій.	Писцовыя и дозорныя книги кн. Бор. Мезецкаго и подъяч. Рахманина Воронова	А. И. III, № 96.
»	Дѣдловскій.	*Книга письма и мѣры тульскихъ писцовъ Ив. Жеребцова (и дьяка Ив. Мѣшаева) съ товар.	Калач. I, 2, 1073—1260.
7097	Новгородъ, Обонежская пятнина.	*Книга письма и мѣры Ив. Ал. Жеребцова и Тим. Ив. Хлопова, дьяка Ив. Мѣшаева и подъяч. Казарина Приклонскаго	Калач. I, 2, 1261—1299.
7098	Веневскій.	Писцы Вас. Волинскій съ тов. (окончивъ письмо?) съѣхали къ Москвѣ.	Невол. пят. 17.
7099	Курмышскій.	*Веневскія (межевыя) книги письма и мѣры Остафья Мих. Пушкина да подъяч. Ал. Малахова	№ 12,310.
»	Тульскій и Дѣдловскій.	Книги письма и дозору Сем. Горышкина и подъяч. Вас. Спиридонова	Бѣл. л. 412 об.
7101	Сольгалицкій.	Книги (писцовыя и межевыя) тульского и дѣдловскаго писца Ив. Ал. Жеребцова	№№ 12,311—312.
»	Костромской.	*Книга (троицк. вотчинъ) письма и мѣры Третьяка Григ. Вельяминова и подъяч. Казарина Феодорова	Калач. I, 1, 920—924.
»	Ярославскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 892—919.
»	Ростовскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 9—23.
»	Звенигородск.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Мешаго Григ. Волинскаго и подъяч. Посника Степанова	Арх. кн. 541.
»	Дмитровскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Калач. I, 1, 660—730.
»	Переясл.-Залѣсскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 73 1—786.
7101—102	Владимірскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Мих. Ив. Вельяминова и подъяч. Ив. Князева	Ів. 810—850.
»	Суздальскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Як. Петра Вельяминова и подъяч. Ф. Андреева	Ів. 787—809.
		*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ...	Ів. 857—872.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7101—102	Юрьева Польскаго.	*Книга (пр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 851—856.
»	Муромскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 878—892.
7102	Углицкій и Понехонскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры П. Григ. Совина и подьяч. П. Микулина ..	Калач. I, 2, 24—85, 86.
»	Бѣлозерскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Гб. 418—490.
»	Старицкій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Ае. Ѡ. Загряжского да подьячаго Ждана Степанова ..	Гб. 404—
»	Русскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Кал. I, 1, 655—659.
»	Московскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Луки Новосильцева и подьяч. Ал. Шапилова ..	Кал. I, 1, 277—290.
»	Коломенскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 606—611:
»	Боровск., Оболенскій, Ярославскій, Серпейскій, Верейскій, Новосильск.	*Книги (тр. вотч.) письма и мѣры Артемья Колтовскаго да подьячаго Шестака Потапова ..	№ 608 (Боров. у.).
»	Углицкій.	Въ Угличъ посланъ писецъ кн. Дм. Бѣльскій ..	Карамз. X, прим. 485.
7102	Костромской.	Въ Костромскую область посланы писцы кн. Ѡ. Кривоборскій и Ае. Зиновьевъ ..	Ibid.
»	Дерзавская п.	*Списокъ съ писцовой и межевой кн. земель тр. монаст. въ 2-хъ погостахъ, письма и межеванья Вас. Пыжова и подьяч. Ждана Медвѣдова .	Арх. кн. 803.
»	Бѣжацк. п.	*Дозорная книга пом. вотч. мон. и церковн. земель въ нѣкоторыхъ погостахъ письма и дозора Воина Ивановича Завалишина и подьяч. Ждана Зиновьева ..	Арх. кн. 972.
7102—173	Вяземскій.	*Книги письма и мѣры Вас. Волынскаго съ товар.	Калач. I, 2, 567—881:
7103	Орловскій.	*Книги письма и мѣры Дементья Яковлева да подьяч. Леонтя Сафонова .	Кал. I, 2, 853—1073.
7108—105	Рязанскій.	*Списокъ съ платежной книги города и (пом. и вотч. зем.) околгороднаго стана письма и мѣры (рязанскаго писца) Третьяка Григор. Вельяминова съ тов.	Арх. кн. 891, л. 1—180.
»	Пронскій.	*Списокъ съ платежной книги города и Каменск. стана тѣхъ же писцовъ..	Арх. кн. 896, л. 181—808.
»	Зарайскій.	*Списокъ съ плат. кн. гор. Николы Зарайскаго и 2-хъ становъ письма и мѣры Вас. Як. Волынскаго, Ив. Ае. Нащокина, подьячихъ Второго Ильина и Алексѣя Малахова ..	Гб. л. 505—612.
»	(Рязанскій).	*Списокъ съ плат. кн. 8-хъ другихъ становъ тѣхъ же писцовъ ..	Гб. л. 618—776.
7108	Дерзавская п.	*Дозорныя книги (помѣстн. земель)	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7103	Шелонская.	письма и дозора подьячихъ Ждана Медвѣдева и Ив. Витовтова	Арх. кн. 974.
до 7104.	Важскій.	*Дозорная книга (помѣстн. земель) письма и дозора подьячихъ Суботы Никифорова, Степ. Собакина и Кузьмы Вяскаго	Арх. кн. 973, копія 738.
7104	Шелонская п.	Писецъ кн. Бор. Петр. Засѣкинъ *Дозорныя книги (пом. земель) письма и дозора подьячихъ Субботы Никифорова и Кузьмы Вяскаго	Арх. кн. 705, л. 245—256; кн. 973 л. 444—558; копія кн. 738, л. 216—277.
»	Деревская п.	Дозорная книга (помѣстныхъ земель) письма и дозора Ив. Неѣлова и подьяч. Ив. Галахтіонова	Кн. 974, л. 324—384.
7104—105	Вотская п. Углицкій.	Дозорныя книги подьяч. Ае. Михайлова. Углицкія книги письма и мѣры кн. Дм. Бѣльскаго *)	Невол. пятинны, 17. № 12,872.
7104—106	Можайскій и Верейскій.	*Можайскія и Верейскія писцовыя книги письма и мѣры Вл. Ѳ. Загряжскаго да подьячихъ Дѣя Чететова и Леонты Сафонова	Кал. I, 1, 612—154; Арх. кн. № 7621 (Мож. у.).
7106	Бѣлозерскій.	*Писцовая книга ямскихъ дворовъ на Словинскомъ волочкѣ письма и мѣры Никиты Ив. Беклемишева и подьячаго Никиты Власова	Арх. кн. 265, л. 380—385.
»	Новгородъ, пятинна?	*Книга письма, мѣры и межеванія госуд. Голинскихъ покосовъ подьячаго Кузьмы Ѳомина	Арх. кн. 740, л. 108—148.
»	Новгородъ, пятинна?	*Книга переписная и межевая государевыхъ Мстинскихъ поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и межеванія подьяч. Севрники Жданскаго	Арх. кн. 741; копія 742.
»	Обонежская и Водская.	*Дозорная и межевая оброчныхъ поженъ и сѣн. покосовъ въ 4-хъ погостахъ письма и мѣры подьяч. Ефима Нечаева	Арх. кн. 739, л. 1—18.
»	Шелонская.	*Писцовая и межевая обр. Заверяжскихъ сѣн. покосовъ письма, мѣры и межеванія подьячихъ Вас. Кононова и Никиты Ларионова	Арх. кн. 740, л. 1—89.
»	Рязанскій.	*Книги письма и мѣры рязанскаго писца Третьяка Григ. Вельяминова съ товар. (ср. выше 7103—105)	№№ 9833—9835.
»	Пронскій.	*Списокъ съ писцов. книги города, околороднаго и Каменск. стана, письма и мѣры тѣхъ же писцовъ	Арх. кн. 354.
7108	Казанскій.	Дозорная и межевая книга дворцовыхъ селъ по Арской дорогѣ, письма, дозора и межеванія, Никиты Обухова.	Кн. 153, л. 1898—1469.
»	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Вас. Як. Кузьминъ и Своятинъ Ѳеод. Русосовъ, да подьячіе Як. Демидовъ и Ив. Антоновъ дали память разсылщику	А. Ю. № 385

*) Посланы позже составленія въ Угличъ, какъ «приправочныя».

Указатель по уѣздамъ.

1. Алексинъ. 7074. 2. Арзамасъ. 7019, 7069, 93. 3. Балахна 7019, 41, 62, 68, 70. 4. Боровскъ. 7102. 5. Бѣжецк. верхъ. 6970—7001, 7001—7011, 7017, 43, 46, 49, 82. 6. Бѣлоозеро ок. 6993, 6998, 7012, 13, 19, 49, 52, 61, 65, 69, 70, 72, 74, до 86, 89, 93, 102, 106. 7. Вага. 7060, до 7104. 8. Великія Луки. 7098. 9. Веневъ. 7080, 93. 10. Верея. 7027, 52, 75, 102, 104—106. 11. Владиміръ. до 7000, 7007, 19, 37, до 48, 48, 50, 52, 63, 64, 77, 80, 82, 86—87, 92—93, 93, 101—102. 12. Вологда. 7011, 47, 49, 52, 68, 70, 93, 108. 13. Волоколамскъ. 7052. 14. Вышгородъ. 7052, 72. 15. Вязьма. 7102—103. 16. Вятка, до 7053. 17. Галичъ. 6996—7009, до 7006, 41, 42. 18. Гороховская волость. 7038. 19. Гороховецъ. 7068, 95. 20. Двина. 7059, 62, 71, до 76, 82 — 83, 86, 95, 96. 21. Дмитровъ. 7009, 7046, 70, 101. 22. С. Дубаино. 7064. 23. Дѣдлово. 7093, 96 — 97, 99. 24. Епифанъ. 7080. 25. Замосковныя волости. 7051, 7064. 26. Зарайскъ. 7103—105. 27. Звенигородъ. 7000, 44, 45, 46, 67, 68, 101. 28. Зубцовъ. 7000.	29. Казань. 7074—76, 76, 108. 30. Каргополь. 7064—70. 31. Кашинь. 7000, 49, 63. 32. Кашира. 7008, 50, 86 — 87. 33. Клинь. 7000, 49. 34. Коломна. 7006, 62, 69, 85—86, 102. 35. Кострома. 6973, 7010, 50, 53, 68, 70, 87, 101, 102. 36. Курмышъ. 7099. 37. Лаишевъ. 7076. 38. С. Ламна. 7063, 68. 39. Малоярославецъ. 7023, 102. 40. Медынь. 7095. 41. Мещовскъ. 7065, 93. 42. Можайскъ. 7051, 104 — 106. 43. Москва. 7007, 28, 48, 59, 60, 82, 85—86, 92—106, 93—94, 94, 102. 44. Муромъ, до 7070, 72, 74, 76, 82, 101 — 102. 45. Нерехта. 7028. 46. Нижній Новгородъ. 6990, 7068, 69, 86, 96. 47. Новгородъ. 7000, 7053, 75, 106. Пятны: Бѣжецкая 7090, 91, 102 (ср. Бѣж. верхъ). Вотская. 7008, 7047, 59, 71 — 73, 90 — 91, 104, 106. Деревская. 7004, 79, 90, 91, 95, 102, 103, 104. Обоженская. 7004, 7071 — 73, 91, 92, 93 — 94. Шехонская. 7006—7, 13, 23, 32, 47, 59 — 61, 71 — 73, 79, 81, 84, 90, 92, 93, 103, 104, 106. 48. Новое городище 7028, 38.

194 ОТЧЕТЪ О ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГР. УВАРОВА.

49. Новосиль. 7102.
50. Оболенскъ. 7102.
51. Орелъ. 7103.
52. Переясл. Залѣсск. 7000, 28, 40, 52, 66, 67, 70, 71, 101.
53. Переяславль Рязанскій (= Рязань) 7021 — 26, 43, 55, 60, 61, 62, 76, 81, 83, 93, 103 — 105, 106.
54. Пермь. 7077.
55. Плесская волость. 7068.
56. Плова. 7093.
57. Полоцкій повѣтъ. 7071, 78, 80.
58. Пошехонье, до 7013, 7019, 49, 50, 62, 63, 65, 69, 72, 93, 102.
59. Пронскъ. 7103 — 105, 106.
60. Псковъ. 7065, 67, 93 — 95.
61. Псковскіе пригороды 7093, 93 — 95.
62. Ржева пустая, до 7063, 91.
63. Романовъ. 7049.
64. Ростовъ. 7009, 101.
65. Руза. 7063, 76, 77, 102.
66. Руза (старая). 7064.
67. Рязань, см. Переяславль Рязанскій.
68. Свіязскъ. 7073 — 75.
69. Серпейскъ. 7086, 102.
70. Солова. 7093.
71. Соль вычегодская. 7094.
72. Соль галицкая. 7066, 93, 101.
73. Соль камская. 7087.
74. Старица. 7000, 27, 34, 39, 43, 61, 65, 96, 102.
75. Стародубъ Ряполовскій. 7073, 75.
76. Суздаль. 7052, 64, 75, 77, 86, 92, 93, 101 — 102.
77. Тверь. 7000, 48, 49, 62, 88.
78. Торжокъ. 7096.
79. Тула. 7060, 74, 93, 96 — 97, 99.
80. Угличъ. 7045, 82, 102, 104 — 105.
81. Холмъ. 7000, 7038.
82. Юрьевъ Польскій. 7006, 79, 101 — 102.
83. Ярославль. 7009, до 7064, 101.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Проектъ введенія новой землемѣрной единицы „поприща“ для финансовыхъ и военныхъ цѣлей.

Имп. Публ. Библ. Ц, XVII, № 66, (библ. гр. Ф. А. Толстаго, II, 168),
лл. 198—204 1).

Сне дѣло паки о земномъ вѣстаніи. Се убо всякаго мятежа в земныя умалитца, писарема умаленіе, зборы прѣтану², мзды неправенныя блѣча³ца, о еже землемѣрители и писарію³) четвертію мѣряще и ратаемъ многиа скорбемъ о о⁴яденія приносяще. О семъ убо тако до⁴гои² разумѣт¹: скоро²т¹ ради мѣрныя і вра²ды и тяжёме² ихъ — мѣрит¹ и о²дѣля² поприщм¹.

Вѣмы убо искѣсь мѣры и счетованія к сѣянію подробну, яко убо множе²ку³) обоку рѣку сяженія⁴) едино в долготѣ и тако² вопреки има² в себѣ ржаныхъ семе² сѣянія — тысячныя и двоесотныя жребіи единныя че²т¹ 5); десять² сажене¹ в до²готу і в преки си² же ребе¹ стома² — вторыи надеся² жребе¹ четверт¹. Едина бо осмина, аще мѣроу че²верогранна — одинака і в до²готу і в преки —, имать ке саженей ра²но обою; аще хоцещи тѣ же осмину вопреки во едину саже², в до²готу бѣдетъ шѣт¹сотъ сажень, но одинако¹ в сеи же до²готнѣ¹ не ро²няетъ два²ца²т²м² пят¹ саже² пере² четверогра²ною мѣроу — два²цать четвертаго жере²я осмины⁶).

1) Интерпункція принадлежитъ намъ.

2) Писаріе?

3) Мужеску, см. ниже.

4) Сяженіе?

5) Т. е. квадратная (двуухаршинная?) сажень составляетъ $\frac{1}{1200}$ одной четверти ржанаго сѣва; или четверть равняется 1200 кв. саж. (а десятина 2400).

6) Именно: $25 \times 25 = 625$ кв. саж.; а $1 \times 600 = 600$ кв. сажень; не хватаетъ 25 саж. или (считая осмину $= \frac{1}{2}$ четверти въ 600 сажень) $\frac{1}{24}$ части осмины.

Четверогра^{но} поприще — в до^{готу} і в преки по шбѣма ко^{нца} ма^{жеск} обою рѣкѣ саже^т тысяща — иматъ в себѣ ржаны^х семе^н сѣянiя осмьсотъ тридесять три четверт' с третьо; в три^х поля ра^{дѣ}ленiя ради житнаго — поприщи таково нариче^{ца} двѣст' семьдесятъ осмь че^рверте' без по^у осмины в поле а ^{двѣ} поля^х потом^ъ ¹). Се ^{шбо} поприще удо^б есть дат' за двѣстѣ и пя^десятъ четверте' в поле а ^ш дву потом^ъжъ, понеже двадесять осмь че^рверте' без по^у осмины излишняго коем^ъждо полю: излишняя же та за сѣно и за лѣ до^{тои}т' дат', аще бѣде^т зе^мли чистые сеи лепши. І току мѣроу землемѣрите^{ни} писанiе скорѣе поспѣють че^рвертныи мѣры — въ десятирицу: ким' днѣм' нѣв гра^д описа сочт', тем' днѣм' во^{могу}т' десять градо^в описоватися; понеже че^рвертинная мѣра в част' мѣшкотна, — сия поприщѣм' около всѣх^х вдрѣгъ огради^т. Сего ради о земляхъ и тяжа не иматъ быт': аще бо хто хоше^т прекривити и ^{шбо} мѣра всего обличитъ, яко излишняя чужая хотяще во^{ит}т'; у кого жъ о^{ят}ь, такожъ мѣра обличитъ, яко обиде^т есть.

Тако ^{шбо} удобно е^{тъ} прѣмъ повелѣваті зе^млемѣріе учрежат' поприщѣм', а нѣв че^рвертым'. Аще убо самъ царь во ^{сѣх}х своихъ градѣх^х елико вхоше^т себѣ по^{ри}щи своя ради требы прiят', і аще буде^т гдѣ в до^{готу} і в преки че^рвероуго^{но} по шбѣма кон^{ца}ма десять по^{ри}щѣ, — тѣ есть по сем^у счетованію два^{дц}тъ тысящъ семь со^т пять че^рверте' в поле, а в дву полях^х по толицѣх^х мѣрѣх^х ²), — и повелитъ на себя жи^{тны}х^х плодовъ на лѣта пятую чѣть о^дели^т, а Бгѣ дастъ, аще в зе^мли зерно роди^т пять зере^н ржи, — дватцать тысящъ і пять тысящъ чег^да яри того вдвое, — і в тѣх^х ³) градѣх^х поселику і во едино лѣто бѣдетъ двѣ тысящи тысящъ и пять сотъ четвертей ржи ⁴), да яри того вдвое; есть бо что и^с сего продат' на собраніе сре^{бра}, а ни единъ ратой не бѣде^т слезенъ и мѣче^н в недоста^тцѣх^х, еже имат' ^ш ни^х з земли хлѣ^б,

¹) Этотъ расчетъ буквально перешелъ въ книгу сошнаго письма первой редакціи: «и толко будетъ въдолъ верста, а поперег верстаж, итого въ ней будетъ 417 десятинь без трети (1.000.000: 2400 = 416²/₃); а толко положить тѣ десятины въ три поля, итого будетъ въ полѣ по 139 десятинь бес получети и пол-пол-пол-третника: а четвертныи пашни во всѣхъ трехъ поляхъ будетъ 833 чети с третникомъ, а въ полѣ иметца по 278 чети без четверика и бес пол-пол-третника.

²) Слѣдовало бы: двадцать семь тысящъ пятьсотъ четвертей, см. ниже.

³) Чтеніе возстановленное.

⁴) Т. е. 25.000 × 100 = 2.500.000: двѣ тысящи пятьсотъ тысящъ.

съ лесо³ же звѣрїе и ме¹, с рѣк же рыбѣ и боброве; аще ли гдѣ лѣсъ в поли²ца¹) есть, — медвенїи и звѣрїиныя о³роки оставяют³: поне² ъже хлѣбо² дадятъ с того пятаю чѣть.

Тако ъбо дѣтои² и бояромъ і во³намъ даят³ поприщым³, а не че²вертым³ комѣждо по его достои²ству. Аще ъбо есть отъ бояръ соверше², комѣ тысяща че²верте³ достои²тъ прїят³, семѣ убо въ до²готу два по²рища, і в преки² два² поприща че²верогра²но по ѡбоима концама ѡдо³ есть даяти по сему счетованїю — за тысящѣ чет³ в поле, а ²дву потомѣ² — по толїи³ же мѣре; кромѣ того² емѣ ѡбде² за сѣно и за лѣ по сту и по аї че² в поле. Аще ¹мни сею комѣ о² воево¹ достои² — се²мь сотѣ пятьдесять че²верте³ прїяти, — семѣ ъбо в до²готу два по²рища, а в преки по²тора по²рища по ѡбѣма ко²нцама удо³ есть даят³ по сему счетованїю — за ѡн че² в поле, а ²дву поляхъ по то³ же мѣре, кромѣ того еже емѣ ѡбде² за сѣно и за лѣ — по ѡсмидеся² и по три че² в поле. Аще ¹же кому воинѣ достои² прїяти пять сотѣ че² семѣ убо в до²готу два поприща, а ²преки едино поприще по ѡбѣма ко²нцама ѡдо³ есть даят³ по се²у счетованїю — за ѡ²) че² в поле, а ²дву поляхъ потомѣ² мѣре того ³), кромѣ того еже ѡбде² за сѣно и за лѣ по пятидеся² по пяти че² в поле. Аще ¹ко²у дѣтои² прїят³ четьреста два²ца² і пя² че², семѣ убо в до²готу по²тора по²рища, а впреки едино по²рище по ѡбѣма ко²нцама удо³ есть даяти по сему счетованїю за ѡ. без два²ца² че² в поле, а ²дву поляхъ потомѣ² мѣрѣ, кромѣ того еже е²у будетъ за сѣно и за лѣ по ѡма. че² с осминою в поле. Аще¹ же ко²у достои²тъ прїят³ по²третья ста че²верте³, семѣ убо в до²готу і в преки четьрогранно по²рища по ѡбѣма ко²нцама ѡдо³ есть даат³ по сему счетованїю за по² третья ста че² в поле, а ²дву поляхъ потолице² мѣре, кромѣ того еже е²у ѡбде² за сѣно и за лѣ по ѡн. че² бе² полу осмины в поле. Аще ли же ко²у достои²тъ прїят³ сто дватцатъ пять че², семѣ убо в долготу по²рище, а в преки по²поприща по ѡбѣма ко²нцама удо³ есть даяти по семѣ счетованїю — за рѣ че² в поле, а ²дву поляхъ по толице² мѣре, кромѣ сего е² емѣ будетъ за сѣно и за лѣ по ді че² в поле. Аще ли гдѣ будетъ поприще поприщѣ земля неро²но есть: бо тако и людїе сѣтъ во единоѡб²ствїи, сїирѣчь равес²ствѣ, имѣ² же нѣкоя о²стоянїя ме²ду себя, сущїи равно; — по члѣкѣ убо ра²смотря³ і по²рища ра²дѣля³: лѣчшимъ лѣчшая.

1) Т. е. будетъ спаленъ, сожженъ подъ пашню?

2) Очевидно, вмѣсто ѡ.

3) Очевидно, лишнее слово.

Приемля же землю бояри^н или воевода или воинъ имать свои^я ратае^н дово^лство по свое^{му} достои^нствѣ. Аще бо пятую часть жить^я 1) взимая, семе^н же не ^даетъ ратае^н, — аще же бл^гговоли^т Б^гъ, в зе^мли едино зерня сотвори^т пя^т зерн^ъ, — и ком^бждо убо вдано есть поприще едино, се^б во^зметъ ѿ своихъ ратае^н пятые ч^атъ полтретья ста че^т ржи, да яри того вдвое; симъ убо доволенъ б^оде^т: не достои^н бо ником^бждо бояро^м и воеводамъ і воин^а, своя ратая им^ѣще, с ниже сере^бро имать. Аще бо кто пре^д инымъ вои^н вел^ѣнъ есть, то по достоянію его бо^лши вдано есть земли ем^б, тако и ратае^н свои^я бо^лши стяжу^т пре^д инымъ, овою вдвое, овою втрое, инѣже в се^меро и восмеро. Аще^ж ком^бждо на по^требу ѿдо^б б^оде^т сере^бро има^т, кин^ждо излишня своя и се бе^зпошлинно продае^т гра^дцкимъ жителе^м, елицы хл^ѣбы к^ѣпуютъ, и симъ — на потребу свою серебро притяжи^т. Како ѿбо у ратае^н сере^бра хот^ѣтъ? — и того ради и^х яко^ж видимъ м^ѣкамъ томимы: си^и бо серебра не созидають, на 2) хл^ѣбъ назидаютъ; сего 3) у нихъ подобаетъ хл^ѣбъ прин^иматъ по иосифа прекр^аного ѿставу, пятую часть, тако^ж і с^ѣна и дро^ва достои^н прин^има^т пятую часть.

Проти^в же ра^нны^х и^сходитъ тако: иже имать црская даяніа въ содержаніе земли въ до^готу і вопреки четверогранно поприще, сем^б подобаетъ быт^и само^{му} и с нимъ служ^бъ во ^бран^ѣ; а прочимъ по том^ѣ ж^е счетованіа 4): на толице убо м^ѣре земли .к. ратае^н по^нныхъ жребіевъ по ви че^т с осминою во всякомъ поле, кром^ѣ с^ѣна и г^лсу; сего ради десять едино 5) на десять того к воинству сподобя^т. Аще ли цр^ь в^охоще^т, дабы воинству 6) проти^в ратны^х во единъ д^нь собирався, подо^бно есть ем^б вс^ѣмъ во едино^м м^ѣсте повел^ѣтъ, дабы не жити 7) во град^ѣ, яко да ѿставленое свое повел^ѣтъ привозити к себ^ѣ ратае^н и приемлю^т хл^ѣбъ и с^ѣно и дрова у ратае^н свои^я, сами^ж жите^лств^ютъ во град^ѣхъ сего ра^и, ако едина грамота о вои^нствѣ приде^т к нимъ и единого ч^ѣсу вси, слышавше, усрамя^тся др^ѣт^ь о^т др^ѣга о^тл^ѣчатися, но едином^ѣлено і въ единъ д^нь град^ѣт^ь вси на поручную имъ службу.

1) Жить.

2) Но?

3) Пропущено: «ради»?

4) Счетованію.

5) Едина?

6) Воинство.

7) «Дабы жити» или «дабы не жити въ сел^ѣхъ»; ср. ниже.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Общая оцѣнка книги А. С. Лаппо-Данилевскаго въ печатныхъ отзывахъ 20 — 21.

Выборъ темы 21 — 24. Распредѣленіе матеріала 24 — 26. Приемы изложенія 26 — 27.

I. *Время предшествующее XVII вѣку.* 27 — 95.

1. Податная система 27 — 43.

Общая схема 27—28. Налоги выводимые изъ отношеній дворцоваго хозяйства (оброкъ; дьячьи и подьячьи пошрины; намѣстничьи и волостелины кормы) 28 — 32. Налоги выводимые изъ потребностей государственной защиты (стрѣлецкія, пицальныя, емчужныя деньги, на городовое и засѣчное дѣло, городовое дѣло и посопная повинность) 33 — 36. Налоги выводимые изъ татарскаго завоеванія (дань, ея роль въ исторіи финансовой организаціи; ямъ какъ повинность и какъ налогъ; помояничныя деньги; процентные сборы) 36 — 43.

2. Волостная финансовая организація. 43 — 53.

Общая схема 43 — 44. Терминъ «община» въ употребленіи автора 44 — 45. Волость (—марка?) русскаго сѣвера. 45 — 48. Владѣльческая община центра 48 — 50. Появленіе въ ней хозяйственной организаціи 50 — 51. Положеніе черныхъ волостей въ центрѣ 52 — 53.

3. Техника податнаго обложенія. 54 — 95.

а. *Окладная единица (соха)* 54 — 71.

Смѣна значеній «сохи» по мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго 54. Соха, какъ единица рабочей силы; ея выраженіе въ колеблющейся площади пашни (соха новгородская и московская; ошибочныя опредѣленія ихъ размѣровъ у Бѣляева) 55 — 58. Соха, какъ опредѣленнаго размѣра площадь посѣва (отсутствіе связи между происхожденіемъ ея и происхожденіемъ десятиннаго измѣренія). 58 — 59. Два типа сотныхъ выписей XVI в. 60. Колебанія размѣра сохи въ первомъ типѣ; вѣроятность измѣренія ея въ это время рабочей силой; отношеніе ея къ древней сохѣ. 61 — 64. Установленіе размѣровъ сохи въ сотныхъ выписяхъ втораго типа; наддача

и одобряваніе сохъ низшихъ сортовъ земель. 64 — 66. Размѣръ сохъ разныхъ сословій. 67 — 68. Выводъ о фиксированіи размѣровъ сохи въ началѣ второй половины XVI в. 69. Подтвержденіе этого вывода исторіей составленія писцовыхъ книгъ XVI в. 69 — 71.

в. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»)*
71—95.

Списки книгъ сошнаго письма 72 — 74. Первая редакція сошнаго руководства («парево уложеніе помѣстнымъ землямъ» и двѣ другія части) 75 — 79. Его пробѣлы и восполненіе ихъ (вытнаго счета и одобряванія) во второй редакціи сошнаго руководства 79 — 88. Разверстки податей во 2-й редакціи. 84. Геодезическое руководство книги сошнаго письма и его вѣроятное происхожденіе 85 — 91. Вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги 91 — 92. Проектъ введенія новой землемѣрной единицы 93 — 95.

II. *XVII-е столѣтіе.* 96—175.

1. Податные классы 96 — 108.

Содержаніе первой главы книги А. С. Лаппо-Данилевскаго 96. Податныя привилегіи сословій изображены только по отношенію къ личному, а не къ владѣльческому и не къ корпоративному положенію дворянства, купечества и духовенства 96 — 98. Составъ сельской тяглой общины; положеніе половниковъ 98 — 100. Посадская тяглая община; ея подраздѣленія; вступленіе новыхъ тяглецовъ 100 — 102. Вліяніе правительства на составъ тяглой общины (прикрѣпленіе, дѣловые и задворные люди, ссудная запись) 102 — 107. Борьба городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ интересовъ (дифференціація города и села въ XVII в. по взгляду автора) 107 — 108.

2. Податная система 108 — 122.

Судьба податей XVI в. въ XVII-мъ столѣтіи. 108 — 109. Старая и новая ямская подать. 109 — 111. Исторія стрѣлцкой подати (старыя пищальные и новыя стрѣлцкія деньги; различіе денежной подати и денегъ за стрѣлцкій хлѣбъ, таблица уплатъ хлѣбомъ и за хлѣбъ; первоначальное тожество обонихъ видовъ стрѣлцкой подати. Смѣшеніе ихъ у автора. Смыслъ реформы 1672 г. Реформа 1679 — 1681 гг.) 111 — 117. Оброкъ, соляной налогъ 1646 г.; городская подать 1679 — 81 г., какъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ. 117 — 118. «Терминологія и классификація прямыхъ налоговъ въ XVII в.» съ точки зрѣнія терминологіи и классификаціи современной финансовой науки. 118 — 120. Глава IV-я о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ (воинская повинность, хлѣбные запасы какъ регулярная подать на югъ, ясакъ) 120—122.

3. Механизмъ податнаго обложенія и раскладки. 122—147.

Народныя переписи XVII в.: писцовыя и переписныя книги: смѣшеніе у автора ихъ назначенія (для сошной и подворной раскладки) 122 — 124. Сравненіе переписей XVII в. съ «современными статистическими данными» по отношенію къ рациональности ихъ составленія и ихъ достовѣрности 124 — 125. Соха и ея размѣръ по качеству земли и по сословіямъ. 125—126.

Быть и ея отношеніе къ сохѣ 126 — 128. Объясненіе одоброванія сведено къ одному спеціальному случаю его примѣненія, выходящему, притомъ, изъ сферы податныхъ отношеній (наддача и одоброваніе служилого оклада) 128 — 130. Измѣреніе площади двора служить-ли для сошной, или для подворной раскладки? 130 — 132. Причины паденія сошнаго письма по автору (развитіе городовъ, увеличеніе распаханной территоріи и упадокъ земледѣлія) 132 — 134. Дѣйствительный смыслъ реформы 1680—31 г. (Живущая четверть и ея происхожденіе; ея первоначальный смыслъ и причина перевода ея на извѣстное количество дворовъ) 134 — 136. Колебанія размѣровъ живущей четверти. 137. Ошибочное противоположеніе живущей четверти сошному письму и ошибочное сближеніе ея съ подворной податью (Дальнѣйшая судьба сошнаго письма. Оно служило для раскладки тѣхъ же податей, какъ живущая четверть, но въ разныхъ мѣстностяхъ. Подворная раскладка служила для другихъ податей, чѣмъ соха и живущая четверть: именно, для новыхъ экстренныхъ сборовъ). 138 — 141. Смѣшная живущую четверть съ подворной раскладкой, авторъ объясняетъ происхожденіе подворной подати причинами, которыя могутъ относиться только къ происхожденію живущей четверти. 141 — 142. Дѣйствительныя причины введенія подворной подати и одновременнаго сохраненіе сошной и четвертной раскладки 142 — 143. Менѣе репартиционный характеръ подворной подати. 143 — 144. Терминологическое недоразумѣніе въ главномъ выводѣ автора 145 — 146. Мірская раскладка податей въ черныхъ волостяхъ (разводъ и разрубъ; орудія разруба: веревныя книги и окладной списокъ: смѣшеніе послѣдняго съ «денежнымъ счетомъ» сошныхъ книгъ и невыясненность роли его въ процессѣ разруба. Разытка, какъ особый типъ раскладки) 146 — 149. Посадская раскладка. Лавочный оброкъ: его назначеніе съ помощью и безъ помощи мірской раскладки. 149 — 150.

4. Финансовая администрація 150 — 175.

а. Областная. 150 — 151.

Общій характеръ сопоставленныхъ данныхъ и выводовъ изъ ихъ сопоставленія. 150 — 151.

б. Центральная. 152—175.

Особыя условія изученія центральной системы. 152. Три стадіи развитія центральныхъ учреждений по Градовскому; сопоставленіе ихъ у автора съ тремя «принципами распредѣленія поступлений». 153. Неудобство этого сопоставленія по отношенію къ первому, «вотчинному» принципу. (Изъ дворцовыхъ приказовъ одинъ Большой Дворецъ имѣетъ важное финансовое значеніе. Но это значеніе основывается не на «вотчинномъ» характерѣ его поступлений. До середины XVI в. Дворецъ есть единственное центральное финансовое учрежденіе и вѣдаетъ всѣ налоги, поскольку они вѣдаются вообще центральной администраціей. Во второй половинѣ XVI в., съ выдѣленіемъ территориально-финансовыхъ приказовъ, Большой Дворецъ самъ становится территориально-финансовымъ приказомъ) 154 — 156. Территориальный принципъ поступлений. Вопросъ о происхожденіи четей (связь ихъ территорій съ территоріями

древнихъ княжествъ. Предполагаемая перемѣны, превратившія областныя управленія въ московскія чети) 156 — 160. Неполнота характеристики четей XVII столѣтія. 160 — 161. Устойчивость ихъ территорій 161 — 162. Расходы четей 162. Финансовое вѣдомство Разряда. 163 — 164. Принципъ систематизаціи поступленій. Систематизація сословнаго характера: Большая казна, Монастырскій приказъ. 164 — 165. Систематизація по характеру податей: косвенныхъ сборовъ, ямскихъ, полонянничныхъ и стрѣleckихъ. Недоразумѣнія въ исторіи поступленія этихъ податей. 166 — 168. Случаи слиянія разныхъ приказовъ и общій выводъ объ успѣхахъ систематизаціи къ концу XVII в. 169 — 170. Контрольныя учрежденія XVII в. Отчетность и бюджетъ: вопросъ о существованіи государственныхъ росписей (годовыя смѣты 1620-хъ годовъ, вѣроятное существованіе росписи 1646 г., роспись 1680 г.) 170 — 172.

Общее заключеніе. 172 — 175.

Приложеніе I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ XV — XVI в. 176 — 192.

Указатель по уѣздамъ. 193 — 194.

Приложеніе II.

Проектъ введенія новой земельной единицы «поприца» для финансовыхъ и военныхъ цѣлей. 195 — 198.

Оглавленіе. 199 — 201.

Поправки. 202.

ПОПРАВКИ.

На стр. 57 вмѣсто 1555 слѣдуетъ читать 1554 годъ
вмѣсто 1551 » » » 1550 »

На стр. 138. При переводѣ дворовъ на десятины мы упустили изъ вида, что далеко не всякій дворъ сидѣлъ на полной выти.

II.

ВЛАСТЬ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО КОНЦА XVI ВѢКА М. ДЪЯКОНОВА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1889 Г.

Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскаго.

Г. Дьяконовъ задачею своего труда ставитъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти Московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла познакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ позаимствовала.

Но такой работы авторъ, по его признанію, не счелъ возможнымъ принять на себя, такъ какъ онъ не обладаетъ для этого спеціальною подготовкою византиниста; авторъ желаетъ своимъ трудомъ дать только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ.

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представ-

ляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученою критикою. Во второй главѣ представляется сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка.

Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой — объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти Московскихъ государей.

По отношенію къ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ третьей и четвертой главамъ, авторъ ограничиваетъ свою роль такъ же преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти Московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, по сознанію самого автора, не измѣняетъ существеннаго содержанія этихъ выводовъ.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторыя изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI в. изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ. Пятая глава озаглавлена «Политическіе взгляды московскаго правительства», шестая — «Московскіе государи и ихъ слуги».

Не смотря на то, что всѣ вопросы, поднимаемые авторомъ, подвергались ученой критикѣ во многихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русской церкви, словесности и права, нельзя не признать, что г. Дьяконовъ, приступая вновь къ повѣркѣ сдѣланныхъ до него выводовъ, на основаніи всѣхъ доступныхъ ему первоначальныхъ источниковъ, предпринялъ полезное для науки дѣло, которое исполнилъ съ успѣхомъ. Ученыя достоинства этого труда будутъ указаны мною при разборѣ его по отдѣльнымъ главамъ.

Первую главу своего изслѣдованія, которая носитъ названіе «Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси», г. Дьяконовъ начинаетъ положеніемъ, что принятіе христіанства поставило Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи, съ этого времени провозвѣстникомъ новыхъ взглядовъ на обществен-

ныя отношенія является духовенство, высшіе представители котораго принимали участіе при обсужденіи всѣхъ важныхъ случаевъ государственной жизни. Чтобы оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства, по мнѣнію автора, необходимо имѣть въ виду, что русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. Авторъ указываетъ основанія этого подчиненія. Вслѣдствіе церковнаго подчиненія византійскому патріарху Русь стала въ зависимость и отъ императоровъ, которые считали себя единственными представителями міровой имперіи. Практическимъ выраженіемъ власти патріарха было избраніе и постановленіе имъ высшихъ представителей русской іерархіи, глава которой, митрополитъ, былъ намѣстникомъ патріарха съ правами послѣдняго.

Для упроченія этой зависимости патріарху было выгодно имѣть своими представителями на Руси лицъ греческой національности; поэтому митрополиты-греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на русскую митрополію происходило въ Константинополѣ; митрополиты изъ русскихъ допускались патріархами только какъ особое исключеніе. Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ Константинополя чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому патріархи постоянно отклоняли попытки на Руси къ раздѣленію митрополіи; въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. патріархатомъ было указано на необходимость единого церковнаго главы надъ Русью въ виду раздѣленія Руси на отдѣльныя княжества, для которыхъ единый митрополитъ долженъ быть общою связью въ интересахъ мира между подчиненными одному духовному вождю.

Въ Константинополѣ были озабочены и вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ, что видно, напримѣръ, изъ посланія патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому, изъ настоятельныхъ грамотъ и соборныхъ опредѣленій о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ.

Послушаніе митрополиту не ограничивалось сферою церковнаго управленія, оно требовалось и въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ этой сферѣ. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя, подчиняясь только патріарху и собору.

Эта тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи

о зависимости русских князей отъ Византійскихъ императоровъ. Византійскій императоръ былъ главою церковнаго управления, поэтому онъ оказывалъ вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ митрополіи константинопольскаго патриарха: «русскій митрополитъ поставляется только съ согласія императора, вѣдомству императора подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ, императору принадлежить и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви.

Политической зависимости Руси отъ Византійской имперіи не существовало, но идея о ней, возникшая у грековъ, получила нѣкоторое выраженіе даже въ официальныхъ сферахъ древней Руси.

Уже въ началѣ IX вѣка патриархъ Фотій говорилъ о Руссахъ, что они поставили себя въ чинѣ подданныхъ и друзей имперіи; въ XII вѣкѣ императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего васала; въ XIV вѣкѣ русскій великій князь носилъ названіе стольника Византійскаго императора; въ половинѣ этого вѣка императоры продолжали включать въ свой титулъ званіе царей русскихъ. Католическій западъ также раздѣлялъ воззрѣніе о политическомъ подчиненіи Руси Византійскому императору: въ XII вѣкѣ германскій императоръ жалуется Византійскому императору на русскихъ, которые обидѣли германскихъ подданныхъ.

Еще до крещенія Руси Византія заключала съ нею договоры въ которыхъ встрѣчается условіе о помощи Руссовъ имперіи противъ враговъ ея; со времени принятія христіанства Русью, отъ конца X вѣка до конца XI в. въ Византіи постоянно былъ отрядъ русскаго войска, принимавшій участіе въ войнахъ имперіи. Это, по мнѣнію автора, могло быть послѣдствіемъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями, подобно тому, какъ Сербія обязывалась выставять въ помощь Византіи опредѣленное число воиновъ. Но, говоритъ авторъ, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. И позднѣе въ XIV и XV вѣкахъ Византійскіе императоры называли русскихъ князей своими сродниками и братьями.

Византійскія теоріи отразились и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Вел. кн. Симеонъ Іоанновичъ въ письмѣ своемъ къ императору Іоанну Кантакузѣну признавалъ царство Ромеевъ и великую церковь источникомъ благочестія и училищемъ законодательства и

освященія. Съ этимъ согласовалось признаніе въ древней Руси градскихъ-законовъ столь же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви. Императора вел. кн. Симеонъ Иоанновичъ называлъ «самодержцемъ всея вселенныя».

Но сохраненію этихъ отношеній между русскими князьями и императорами помѣшали политическія столкновенія между ними, которыя начались уже давно, а въ XIV вѣкѣ возникли болѣе серьезныя столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій. Московское правительство заподозрило Византійскаго императора и церковь въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Вел. кн. Василій Дмитріевичъ не позволилъ митрополиту Киприану поминать имя царя въ диптикахъ, говоря: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ». По этому поводу патріархъ Антоній отправилъ великому князю посланіе, въ которомъ высказываетъ идею о всемірной монархіи и вселенской церкви, объясняя и то, что невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ государей опредѣлены совершенно ясно. При Витовтѣ начались неудовольствія противъ Константинополя и въ Западной Россіи. Послѣ отказа въ Константинополѣ поставить въ митрополиты кандидата Витовта Θεодосія, соборъ западно-русскихъ епископовъ самостоятельно поставилъ митрополитомъ своего избранника и въ оправданіе этой мѣры объяснилъ въ окружномъ посланіи, что отдѣленіе послѣдовало отъ Константинополя, а не отъ церкви, вслѣдствіе насилванія царева на церковь божію. Представился и въ Москвѣ серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ, когда въ Москву явился митрополитъ Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополію рязанскій епископъ Іона. Въ Москвѣ не желали, чтобы Исидоръ отправлялся на соборъ въ Ферару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей, а когда, по возвращеніи Исидора съ собора, оказалось, что онъ поработилъ русскую церковь подъ римскую, онъ былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Московскимъ соборомъ былъ поставленъ митрополитомъ Іона и только черезъ два года послѣ этого великій князь отправилъ императору оправдательное посланіе, въ которомъ старыя традиціи Византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно, когда императоръ подпи-

салъ актъ объ униі. Въ Москвѣ пришли къ убѣжденію, что царградская церковь отступила отъ православія. Паденіе Константинополя только ускорило подготовлявшійся разрывъ и послужило для русскихъ публицистовъ подтвержденіемъ для обоснованія новой теоріи о Московскомъ царствѣ.

Самъ авторъ первую главу своего изслѣдованія называетъ компилятивнымъ очеркомъ, но въ этой главѣ уже замѣтны всѣ тѣ ученія достоинства изслѣдованія г. Дьяконова, которыми отличаются и послѣдующія главы. Авторъ постоянно держится на твердой почвѣ историческихъ данныхъ, не позволяя себѣ никакихъ бездоказательныхъ положеній и выводовъ; онъ вполне ориентированъ въ литературѣ по каждому поднимаемому имъ вопросу и не ограничивается только повтореніемъ сказаннаго прежде него, а самостоятельно повѣряетъ прежде сдѣланные выводы тщательнымъ изученіемъ первоначальныхъ источниковъ; если данный памятникъ извѣстенъ не по одной редакціи, авторъ пользуется всѣми редакціями памятника. Изложеніе его отличается полною стройностью и строгою послѣдовательностью; нельзя не указать и изящной простоты и точности изложенія.

Вторую главу, которая носитъ названіе «Политическія темы древнерусской письменности», авторъ начинаетъ объясненіемъ что роль духовенства и книжниковъ въ періодъ времени до возвышенія Москвы нельзя ограничивать только дѣятельностью представителей церкви въ качествѣ миротворцевъ и посредниковъ между князьями, какъ думаютъ многіе. Авторъ доказываетъ, что духовенство и книжники помимо непосредственнаго вмѣшательства въ княжескія междоусобія давали и практическіе совѣты для устраненія зла. Эти совѣты были заимствованы изъ практической жизни, они указываютъ на существовавшее правовое міросозерцаніе. Начало старѣйшинства было вполне естественнымъ регуляторомъ отношеній между князьями; въ защиту его выступали наши книжники, для которыхъ благодарною темой въ этомъ смыслѣ послужила смерть Бориса и Глѣба. Слагатель сказанія о святыхъ страстотерпцахъ, Іаковъ Мнихъ, и авторъ чтенія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отиѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ. Несторъ указаніемъ на святыхъ братьевъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру; этою же цѣлью руководствовался и неизвѣстный авторъ «слова о князьяхъ».

Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было еще дру-

гое начало, находившееся въ близкомъ соотвѣтствіи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распредѣленія волостей, это — соблюденіе «чюжего предѣла», явившееся какъ-бы корективомъ къ началу старѣйшинства. Лѣтописецъ и Θεодосій Печерскій возмущены изгнаніемъ Изяслава изъ Кіева Святославомъ. По этому поводу г. Дьяконовъ говоритъ, что житіе Θεодосія не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ закона, противъ котораго возстаетъ Θεодосій: нарушеніе ли старѣйшинства или же неприкосновенности чужаго предѣла. Я думаю, что этотъ вопросъ рѣшается словами житія, которое говоритъ, что Θεодосій обличалъ Святослава за его несправедливый поступокъ «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отпа си, брата старѣйшаго прогнавша». Изъ этихъ словъ очевидно, что вина Святослава была въ нарушеніи законнаго права старѣйшинства. Но далѣе авторъ справедливо замѣчаетъ, что оба указанныя начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а признавались совмѣстными.

Политическая проповѣдь духовенства не остановилась на этихъ началахъ, вслѣдъ за введеніемъ христіанства началась пропаганда на Руси христіанской идеи о богоустановленности власти. Авторъ замѣчаетъ, что эту идею трудно было примирить съ порядками дѣйствительной жизни, въ которой господствовала путаница началъ относительно преемства столовъ. Авторъ говоритъ, что начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей, начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, «ряда». Я долженъ остановиться на словахъ автора: «начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей». Я не считаю возможнымъ говорить о правѣ добыванія волостей, какъ-бы конкурирующимъ съ правомъ старшинства; добываніе волостей съ нарушеніемъ права старшинства было не правомъ, а только фактомъ, насиліемъ, нарушеніемъ права. По моему мнѣнію, вполне правильно и опредѣлительно объясняетъ поднятый вопросъ г. Владимірскаго-Буданова: «Кромѣ наслѣдства и избранія нѣтъ другихъ правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія княжеской власти. Добываніе стола и договоръ между князьями не могутъ быть признаны таковыми. Добываніе (узурпація силою) нуждается въ оправданіи или правомъ наслѣдства или правомъ избранія. Договоры между князьями утверждаютъ лишь одинъ изъ вышеуказанныхъ титуловъ преемства. Если князья договариваются между собою о захватѣ волости третьяго князя безъ всякихъ осно-

ваній, то такой договоръ есть лишь одно изъ средствъ незаконной узурпаціи (добыванія)»¹⁾).

Проповѣдь о божественномъ поставленіи властей сопровождалась другою о почитаніи властей, идея о богоустановленности власти усиливалась еще идеей объ ея обоготвореніи. Между примѣрами пропаганды послѣдней идеи авторъ приводитъ изъ одного поученія слова апостола Павла: «князи и вся судья земскія слуги божія суть». Но эти апостольскія слова не указываютъ на обоготвореніе власти. Справедливо авторъ замѣчаетъ, что мнѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для Руси начала XIII вѣка является слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ, но, не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду.

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды этого вывода. Второй выводъ, что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Это ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля. Наши книжники приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна», на оборотъ, неправедныхъ князей Богъ даетъ за грѣхи. Такимъ образомъ достоинства поставленнаго князя обусловливались нравственными достоинствами земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи этой идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправною точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ; сюда относятся вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, которые были у насъ извѣстны въ нѣсколькихъ переводахъ.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особенной отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ; духовенство обращалось къ князьямъ съ назиданіями объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Наши книжники указывали возможность и отвѣтственности князей въ этой жизни, на землѣ. Книжники учили: «Аще бо князи правдивы бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенія земли, аще ли зли и лукави бываютъ,

¹⁾ «Обзоръ исторіи русскаго права» 1888 г., стр. 39.

то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли».

Въ связи съ этимъ ученіемъ книжника стоитъ народная пословица: «Народъ согрѣшитъ, царь умолитъ, а царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ»¹⁾.

Приводя эту пословицу и какъ-бы указывая этимъ на устную словесность, памятники которой являются историческими источниками, я долженъ объяснить, что обзорѣніе памятниковъ народной устной словесности не входитъ въ кругъ задачъ г. Дьяконова, который опредѣленно ставитъ своею задачей: сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древней русской письменности до половины XV вѣка. Да и самое тщательное изученіе памятниковъ народной устной словесности не представило бы значительнаго матеріала для изученія поднимаемыхъ г. Дьяковымъ вопросовъ, особенно въ виду того, что народныя воззрѣнія и идеалы этихъ памятниковъ трудно приурочиваются къ опредѣленнымъ эпохамъ, такъ какъ въ теченіе долгой жизни даннаго памятника народной словесности къ нему постепенно прибавляются новыя черты, которыя затемняютъ и измѣняютъ первоначальный смыслъ памятника.

О личноиъ наказаніи несправедному князю книжники не говорятъ, они предпочитаютъ останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей, на которыхъ Богъ милость свою показываетъ. Бѣдствія же родной земли тѣ-же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей.

Г. Дьяконовъ постоянно сопоставляетъ идеи книжниковъ съ фактами дѣйствительной жизни, но не дѣлаетъ этого по отношенію къ вопросу объ отвѣтственности князей, между тѣмъ практика разбираемаго времени представляетъ много примѣровъ отвѣтственности князей передъ народомъ, которому принадлежало право не только избранія князей, но и изгнанія ихъ. Такъ было не въ одномъ Новгородѣ, но и въ другихъ русскихъ земляхъ; новгородская же летопись представляетъ подъ 1136 г. цѣлый рядъ обвиненій, предъявленныхъ противъ князя Всеволода, котораго новгородцы задумали изгнать и лишили свободы, посадивши его съ женою, съ дѣтьми и съ тещею въ епископскій дворъ, до прихода но-

¹⁾ «Русскіе въ своихъ пословицахъ» И. Снегирева. 1892 г., кн. II 56; «Пословицы русскаго народа». Сборникъ Даля въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1861, кн. II, 246.

ваго князя. Всеволода новгородцы обвиняли въ томъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, хотѣлъ княжить въ Переяславлѣ, оставилъ предводительствуемый имъ полкъ прежде всѣхъ ¹⁾).

Въ заключеніи второй главы авторъ останавливается на призваніи князей быть блюстителями чистоты правосвѣрія; къ этому представители нашего духовенства призывали русскихъ князей, по примѣру Византійскихъ императоровъ, которые были такими блюстителями. Среди русскихъ князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи, но такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами, то проповѣдь о княжеской обязанности блюсти чистоту православія не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Резюмируя изложеніе второй главы своего изслѣдованія, авторъ говоритъ, что въ своей политической пропагандѣ духовенство раскрывало преимущественно истины евангельскаго и апостольскаго ученія, но заимствовало изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Многія изъ политическихъ темъ сначала находили на Руси еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но постоянно повторяемая, онѣ безспорно подготавливали умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ. Благодаря этому, проведеніе новыхъ теорій въ русскую жизнь со второй половины XV вѣка значительно облегчается.

Вторая глава разбираемаго изслѣдованія отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая; къ этому должно прибавить объ отношеніяхъ автора во второй главѣ къ двумъ первоначальнымъ источникамъ.

Важнѣйшимъ источникомъ для второй главы представляются русскія лѣтописи, подробное изученіе которыхъ авторъ доказываетъ сопоставленіемъ лѣтописныхъ указаній объ одномъ и томъ же фактѣ изъ разныхъ лѣтописей. Затѣмъ первоначальными источниками для этой главы были и нѣкоторыя неизданныя въ свѣтъ рукописи. Обращеніе автора къ этимъ источникамъ указываетъ, что онъ, посвящая себя вновь изученію тѣхъ же вопросовъ, которыми прежде него занимались многіе ученые, захотѣлъ идти дагѣе ихъ, озабочился отысканіемъ новыхъ средствъ къ объясненію давно подня-

¹⁾ Новг. лѣтопись по синод. списку изд. 1881 г., стр. 128, 129. Вопросъ о послѣдствіяхъ розни между князьями и вѣчемъ подробнѣе другихъ нашихъ историковъ разбираетъ г. Сергѣевичъ. См. «Лекціи по исторіи Русск. права». Изд. 1890 г., стр. 174—178.

тыхъ вопросовъ и не побоялся необходимаго для этого труда. Изученіе новыхъ источниковъ не осталось дѣломъ бесплоднымъ, а дало автору возможность внести полезный вкладъ въ русскую историческую науку.

Третья глава посвящается разбору политическихъ слѣдствій для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

Самымъ ревностнымъ защитникомъ изначальной старины противъ ереси Исидора, по свидѣтельству современниковъ, начиная съ митрополита Іоны, былъ вел. кн. Василій Васильевичъ. Онъ явился въ новой роли блюстителя православія, которое возсіяло въ его державѣ особеннымъ блескомъ. Присоединеніе императора Константина Палеолога къ уніи, а затѣмъ паденіе Константинополя, дало дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя. Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра, а благочестіе грековъ послѣ Флорентійской уніи подвергалъ сомнѣнію самъ митрополитъ московскій; оно оказывается ниже высокаго православія русскаго. Между тѣмъ, по словамъ митрополита Іоны, престолъ московскаго княженія сталъ «православнымъ великимъ самодержавствомъ», а вел. кн. Василій Васильевичъ — «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ, великимъ государемъ, царемъ русскимъ». Но царскій титулъ пока еще не становится общепотребительнымъ, и, по мнѣнію нашихъ публицистовъ, великій князь только по великому смиренію не зовется царемъ. Паденіе Византійской имперіи объяснялось какъ послѣдствіе отступленія отъ православной вѣры. Эту мысль первый высказалъ митрополитъ Іона. Эти двѣ идеи о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя велѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха послужили исходными пунктами для построенія теорій о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Въ Византіи рано возникли и были распространены разныя мистическія предсказанія о судьбѣ Константинополя, наши книжники заимствовали нѣкоторыя изъ этихъ предсказаній и передѣлывали ихъ, согласуясь со вкусомъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что родъ русскихъ (*ζαῖνον γένος*) побѣдитъ всего Исмаила и овладѣетъ Седмисолымъ. Этотъ родъ русскихъ у нашихъ публицистовъ превратился въ родъ русскій. Авторы повѣстей о паденіи Царьграда указываютъ, что за гибелью православныхъ царствъ Русь остается единственною представительницею православнаго міра, и предвѣщаютъ, что Руси предстоитъ

избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ. Дальнѣйшему развитію этихъ положеній препятствовали два обстоятельства: тяготившее надъ Русью татарское иго и господствовавшее въ то время убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра.

Слѣдствіемъ брака вел. кн. Іоанна Васильевича съ племянницей послѣдняго греческаго царя были измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія; по настоянію царицы великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе татарскаго ига.

Позорное иго было наконецъ свергнуто, не оправдалсь и ожиданія кончины міра въ 1492 г., по истеченіи 7000 лѣтъ существованія міра. Митрополитъ Зосима во вновь составленной пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ высказываетъ мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы Византійской имперіи, а старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филофей въ своихъ посланіяхъ указываетъ на московскую церковь Успенія Богородицы, какъ на представительницу престола вселенской церкви; московскаго государя онъ признаетъ царемъ христіанъ во всей поднебесной; онъ говоритъ: «два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Эта теорія въ послѣдующее время получила государственное значеніе. Русская публицистическая литература озабочилась оправдать эту теорію, явился цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религиозно-политическое значеніе Руси. «Всѣ эти попытки», говоритъ авторъ, «были столь же фиктивными и отличались такимъ же мистицизмомъ, какъ и самая теорія о Москвѣ — третьемъ Римѣ. Но по выводамъ, какіе были изъ нихъ дѣлаемы политической практикою того времени, эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полнаго вниманія и для исторіи русскаго государственнаго права».

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Той-же цѣли—возвысить церковный авторитетъ Руси—служила и «Повѣсть о бѣломъ клубукѣ», которая объясняетъ, какъ эмблема высшей церковной власти — бѣлый клубукъ — передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. На Русь мало-по-малу начинаетъ перетягиваться и

святѣя православнога міра: новгородское «Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы» повѣствуетъ, что эта икона прибыла изъ Константинополя, предваривши побѣду поганыхъ и просвящая руссiйское царство; таково-же сказаніе о Спасовой иконѣ, писанной царемъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ. Наконецъ цѣлый рядъ угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ богоизбраніе Руси.

Къ этимъ прекрасно составленнымъ г. Дьяконовымъ очеркамъ, объясняющимъ теоретическое значеніе обогащенія Руси святѣяными, я прибавлю объясненіе того пути, которымъ многія святѣяныи, бывшія драгоцѣннымъ достояніемъ разныхъ русскихъ городовъ, сосредоточились въ Москвѣ. Это совершилось по волѣ московскихъ государей, которые, обирая шапки у удѣльныхъ князей, обогащались не только лучшими людьми и деньгами, но и предметами, особенно драгоцѣнными въ церковно-религіозномъ отношеніи; при этомъ московскіе князья дѣйствовали вопреки интересамъ другихъ русскихъ земель, которыя были бессильны отстоять свои права на свое драгоцѣнное достояніе. Вспомнимъ, напримѣръ, исторію перенесенія Владимірской иконы въ Москву. Это перенесеніе было рѣшено на совѣтѣ вел. кн. Василя Дмитріевича съ своими братьями и съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ виду приближенія къ Москвѣ Тамерлана, когда единственною надеждою на спасеніе представлялось заступничество Богородицы. Лѣтописное сказаніе о перенесеніи иконы передаетъ, что икону проводилъ изъ Владиміра весь народъ со слезами, «не могуще отлучитися такового утѣшенія и заступленія и скорые помощи и надежи» ¹⁾).

Параллельно тому, какъ созидался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, готовилась почва и для ея политическаго представительства. Тѣсная связь одного съ другимъ выражалась уже въ тенденціозной обработкѣ преданія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, который будто-бы на кіевскихъ горахъ поставилъ крестъ, а потомъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Новгородъ, водрузилъ свой жезлъ. Степенная книга комментируетъ, что апостолъ Андрей «образоваше божественнымъ крестомъ въ русѣйи земли священное чиноначаліе; жезломъ же прообрази въ Руси самодержавное царское ски-фетроправленіе». Повѣсть о Мономаховомъ вѣнциѣ рассказываетъ о присылкѣ изъ Греціи въ Русь царственныхъ рега-

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 66.

лій. Не смотря на анахронизмы и прямыя несообразности, это сказаніе получило официальный характеръ: на него ссылались въ официальныхъ документахъ. Московскіе книжники дополняли это сказаніе разными генеалогическими справками.

О принятіи великимъ княземъ Іоанномъ III византійскаго герба авторъ не говоритъ, очевидно, на томъ основаніи, что этотъ фактъ не былъ темою для теорій нашихъ духовныхъ публицистовъ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ авторомъ свидѣтельствамъ письменныхъ памятниковъ о наслѣдованіи Москвою царственного значенія отъ Византіи, я укажу, что народное сознаніе объ этомъ выразилось и въ пѣснѣ, которая заставляеть царя Іоанна Васильевича сказать про себя:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ ¹⁾.

Но другая пѣсня обосновываетъ начало Московскаго царства покореніемъ Казанскаго царства, говоритъ, что великій князь московскій ослѣпилъ казанскаго царя Симеона:

Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И наслѣлъ въ Московское царство ²⁾.

И само московское правительство между основаніями принятія московскимъ государемъ царскаго титула указываетъ на завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго; объ этомъ говоритъ г. Дьяковъ въ пятой главѣ своего изслѣдованія.

Гордое національное чувство ревностныхъ патріотовъ не удовольствовалося фикціей перенесенія славы греческаго царства на російскаго царя; придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи не случайно явились обладателями новаго царства — Третьяго Рима — и не по милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія отъ царской крови. Въ Степенной книгѣ говорится о происхожденіи Рюрика отъ Пруса,

¹⁾ Пѣсни, собр. Рыбниковымъ. I, 383.

²⁾ Древн. Росс. Стихотв., собр. Киршею Данилов., 3 изд., 1878 г., стр. 196.

брата императора Августа. Г. Дьяконовъ говоритъ, что источники этой легенды предстоитъ еще объяснить. И эта легенда проникла въ официальные сферы, занесена въ государевъ родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка.

«Такъ», говоритъ авторъ, «была основана теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построения, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени».

Далѣе авторъ разсматриваетъ отношенія къ Москвѣ западно-католическаго и восточно-православнаго міра, которыя могли вліять на созданіе нашими публицистами ихъ фикцій.

Римская курія желала объединить всю Европу подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. Отсюда стремленіе папъ добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы, за унію папы обѣщали московскому государю королевскій титулъ и пріобрѣтеніе Константинополя; но московское правительство оставляло безъ отвѣта предложенія папской куріи, или отзывалось на нихъ въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Въ виду этого авторъ сомнѣвается въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теоріи о русскомъ царствѣ. Исходный моментъ этой теоріи — охрана православія — былъ прямо противоположенъ основнымъ стремленіямъ западно-католической политики.

Послѣ паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правительствомъ со стороны патріарховъ, митрополитовъ и монастырей о денежныхъ вспомошествованіяхъ и о заступничествѣ за православіе передъ турецкимъ султаномъ и даже объ освобожденіи отъ ига невѣрныхъ. Въ просительныхъ посланіяхъ прилагаются къ московскимъ государямъ титулы византійскихъ императоровъ и воздаются московскимъ государямъ формальные почести, принадлежавшія императорамъ. Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Іоаннъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ и получилъ на это подтвердительную соборную грамоту, а патріархъ назвалъ государя «царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана». Восточное духовенство, отмѣтивъ духовное преемство русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, указало московской политикѣ и вытекающія отсюда

практическія задачи: обязанность православнаго царя избавить угнетенныхъ христіанъ отъ агарянскаго плѣненія. Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній авторъ указываетъ и на то, что нѣкоторые мелкіе владѣтельные князья, бывшіе прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ византійской имперіи, искали покровительства у московскаго государя, къ которому выражали желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи.

Подтверженіемъ сказаннаго по отношенію къ второй главѣ о достоинствахъ исслѣдованія г. Дьяконова въ третьей главѣ представляется обзоръ разныхъ редакцій многихъ памятниковъ древне-русской письменности.

Четвертая глава посвящена теоріи власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, вырабатывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ началомъ для обѣихъ теорій была охрана правовѣрія. Ересь жидовствующихъ представила поводъ оправдать политическое значеніе государственной власти принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси. Такъ поняли обязанности государя новгородскій архіепископъ Геннадій и волоцкій игуменъ Іосифъ. Оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Іосифъ по этому поводу высказываетъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Г. Дьяконовъ указываетъ, что Іосифъ говоритъ о верховной власти различно, смотря по обстоятельствамъ. Первоначально обстоятельства не благопріятствовали пропагандѣ идей Іосифа объ еретикахъ: вел. кн. Іоаннъ III и современные Іосифу митрополиты не относились съ такою ревностью къ преслѣдованію еретиковъ, но соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ примирили Іосифа съ Іоанномъ III, а въ его наслѣдникѣ Іосифъ встрѣтилъ себѣ дѣятельную поддержку. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., Іосифъ, доказывая необходимость поклоненія и служенія царю, дѣлаетъ оговорку относительно нечестиваго царя, предписываетъ отказывать въ послушаніи такому царю. Такимъ образомъ является революціонное ученіе, по которому поклоненіе и служеніе царю зависѣли отъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ царя. Послѣ измѣнившихся на пользу Іосифа обстоятельствъ, онъ проводитъ другую теорію, по которой цари оказываются не только слугами Божиими, избранными Богомъ, но они сами боги, подобные людямъ только есте-

ствомъ, властію-же уподобляющіеся самому Богу; вмѣстѣ съ этимъ устанавливалось и понятіе о неограниченности власти. Соотвѣтственно своей теоріи Іосифъ разрѣшилъ и вопросы объ отношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ: въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть принадлежитъ государю, Московскій государь — «всѣя Русскія земли государемъ государь».

Іосифъ стоитъ во главѣ школы и партіи, которую противники Іосифа прозвали его именемъ. Ближайшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Іосифа былъ митрополитъ Даниилъ, отъ котораго до насъ дошло особое слово, посвященное вопросу о значеніи власти; изъ ссылокъ въ немъ на священное писаніе видно, что почитаніе властей основывается не только на страхѣ, но также на чести и совѣсти, но авторъ отдаетъ преимущественное значеніе страху. Къ школѣ Іосифа принадлежалъ анонимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василию» и новгородскій архіепископъ Θεодосій, который въ посланіяхъ къ великому князю не разъ возвращается къ темъ о высотѣ царскаго сана. Самое выдающееся мѣсто въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митрополитъ Макарій. Онъ въ посланіи къ Василию Іоанновичу и Ивану Грозному также не разъ указывалъ на высоту царскаго сана и лежащихъ на немъ обязанностей согласно съ духомъ іосифлянской доктрины. Г. Дьяконовъ предполагаетъ, что Макарію принадлежатъ переработка чина вѣнчанія на царство и составленіе вошедшаго въ чинъ поученія митрополита нововѣнчанному царю, въ которомъ о высотѣ царскаго достоинства говорится словами одного изъ поученій Іосифа; этимъ Макарій придалъ оффиціальныи характеръ доктринѣ теоретическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣнчанія, а особенно поученіе сохранялись очень долгое время безъ всякихъ измѣненій. Инокъ Зиновій въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ ереси Θεодосія Косаго, который всѣ государственныя и церковныя власти считалъ явленіемъ развращеннаго человѣческаго преданія, указывалъ основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія; доказывая авторитетность божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя; царское достоинство, по мнѣнію Зиновія, выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній. Приводимое въ сочиненіяхъ древне-русскихъ публицистовъ апостольское наставленіе учить покоряться властямъ не только за страхъ, но и за совѣсть, но іосифляне придавали исключительное значеніе страху наказанія

въ дѣлѣ устроенія государственнаго и церковнаго порядка; тотъ-же смыслъ выводится и изъ слова Зиновія.

Но иосифлянская политическая доктрина, какъ замѣчаетъ г. Дьяконовъ, нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ. Г. Дьяконовъ представилъ и историческій очеркъ этихъ отношеній древней Руси. По мнѣнію автора, исторія этихъ отношеній характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному; главною причиною этого была экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства, этому содѣйствовали и культурныя традиціи Византіи. Установленная новелой Юстиніана раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству «яко же святительская честь», — вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. На эту заповѣдь Юстиніана ссылаются публицисты-книжники, но толковали ее различно: ею оправдывалось вмѣшательство князя въ церковныя споры и право государя казнить еретиковъ; она открывала путь и къ вмѣшательству церковнаго авторитета въ государственную жизнь. Такимъ образомъ эта заповѣдь о совмѣстности двухъ началъ могла привести къ преобладанію одного начала надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣйствительной жизни.

Среди духовенства довольно рано замѣчается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Авторъ говоритъ, что это стремленіе проявляется прежде всего относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собою дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи; но ничего подобнаго не замѣчается при вмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла чисто церковныя, напр., о поставленіи на церковно-іерархическія должности.

Нельзя, вмѣстѣ съ авторомъ, судебныя привилегіи духовенства въ древней Руси характеризовать дѣлами совершенно свѣтскими; можно говорить только о чрезмѣрномъ расширеніи церковно-судебной компетенціи. Это расширеніе совершилось путемъ подчиненія церковному суду всѣхъ дѣлъ, имѣвшихъ какую-нибудь связь съ установленіемъ брачнаго союза, какъ церковнаго учрежденія, освященнаго таинствомъ. Кромѣ дѣлъ, относившихся къ установленію и расторженію брака, которыя по существу своему подлежали церковному суду, послѣднему были подчинены и всѣ гражданскія и

уголовныя дѣла, имѣвшія отношеніе къ брачному союзу: преступленія противъ установленныхъ закономъ отношеній между супругами, родителями и дѣтьми, въ связи съ семейнымъ союзомъ и дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ. Далѣе расширеніе церковнаго суда совершилось подчиненіемъ ему чиновъ клира, не только по нарушеніямъ ими церковной дисциплины, но и по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; наконецъ къ лицамъ церковнаго вѣдомства, подлежащимъ по всѣмъ дѣламъ церковному суду, причислялись и всѣ многочисленныя разряды лицъ, которыя были подъ покровительствомъ церкви, получали отъ нея содержаніе или жили на церковной землѣ. И финансовыя привилегіи духовенства нельзя назвать дѣлами совершенно свѣтскими, такъ какъ для исполненія церковью ея прямыхъ задачъ необходимо требуются извѣстныя имущественныя средства; общественное значеніе матеріальныхъ средствъ церкви выражалось въ слѣдующемъ каноническомъ положеніи: «церковное богатство — достояніе нищихъ»¹⁾.

Въ доказательство возвышенія свѣтскаго авторитета надъ духовнымъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что вопреки каноническому праву князя присвоили себѣ право не только избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры, но и удалять епископовъ; князья приобрѣли вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Въ дополненіе къ сказанному г. Дьяконовымъ, который поставилъ своею задачею представить развитіе только княжеской власти, прибавлю, что въ дѣйствительной жизни княжеское право дѣйствовало и въ данномъ отношеніи совмѣстно съ правомъ народа: сознаніе о такомъ совмѣстномъ правѣ выражено и древними лѣтописцами. Авторъ одной лѣтописи говоритъ подъ 1185 г.: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь въскочетъ и людь»²⁾; другой лѣтописецъ сообщаетъ, что, когда изъ Кіева былъ присланъ епископомъ въ Ростовъ Никола Гречинъ, суздальскій князь послалъ сказать въ Кіевъ великому князю и митрополиту: «не избраша сего людь землѣ нагнѣ»³⁾ Участіе новгородцевъ въ избраніи своихъ духовныхъ владыкъ хорошо извѣстно.

Когда русская церковь получила автокефальность, а государь всея Руси сталъ «царемъ православью», преобладаніе государствен-

¹⁾ Ст. А. С. Павлова «Земское направленіе русск. духовн. письменности въ XVI в.» въ Правосл. Собесѣдн. 1863, июль стр. 369.

²⁾ Лавр., изд. 1872 г., стр. 371.

³⁾ Ипатская, изд. 1871 г., стр. 425.

наго авторитета надъ церковнымъ было вполне упрочено: митрополитъ становится въ подчиненное отношеніе къ государю всея Руси. Выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависитъ отъ государя, московскіе государи иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства, епископы ставились «и по повелѣнью государя», государь явился и высшею инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаѣ пререканій съ митрополитомъ или съ епископомъ дѣло представлялось государю, который давалъ дальнѣйшее направленіе дѣлу. Іосифъ Волоцкій объясняетъ, что государю Богъ передалъ судъ и милость, «церковное и монастырское», а неизвѣстный авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его даже истиннымъ «наставникомъ» православной вѣры. На этомъ титулѣ московскаго государя справедливо останавливаетъ свое вниманіе проф. Сергѣевичъ, указывая, что государь разсматривается даже какъ истый наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви ¹⁾.

Далѣе г. Дьяконовъ обращается къ обратной сторонѣ разбираемаго вопроса, указываетъ на стремленіе духовенства поставить духовную власть выше свѣтской. Древнерусской письменности еще до XV вѣка не были чужды попытки поставить авторитетъ церкви выше государства. Митрополиты учили, что великій князь и всѣ люди должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благоповиновеніе и послушаніе, такъ какъ честь, воздаваемая святителю, переходитъ на самого Бога, «его же есть намѣстникъ святитель». Митрополитъ Петръ поучалъ, что іерей, совершая святую литургію, честиѣ царя.

Наряду съ этимъ въ древнерусскую литературу проникали и идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за вѣру предъ властями, послѣдняя обязанность получила даже оффиціальное значеніе, будучи внесена въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ. Но домосковская Русь бѣдна примѣрами противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства; наоборотъ существуютъ указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и ослабленія княжеской власти.

Первое энергическое противодѣйствіе духовенства московскому правительству совершилось по поводу вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществѣхъ. Въ тоже время появляется и нѣсколько

¹⁾ «Лекціи по ист. русск. права», изд. 1890 г., стр. 246.

анонимныхъ статей, написанныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти. Авторъ одного слова, направленаго противъ отымающихъ отъ церквей, пользуясь латинскими источниками, развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго, принадлежавшихъ пастырямъ церкви; мірскую власть, исходящую отъ власти божественной, какъ и власть духовная, авторъ ставитъ ниже послѣдней, отсюда выводится, что духовная власть не должна уступать свѣтской даже до пролитія крови. Эта католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ сказанія о бѣломъ клобукѣ и о вѣнѣ Константина; она оказываетъ вліяніе даже на такихъ писателей, которые, казалось-бы, всего менѣе могли ей подчиниться, напр. на митрополита Макарія. Максимъ грекъ вопреки русской дѣйствительности указываетъ, что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и угверждаетъ».... Убо большіе есть священство царства земскаго». Католическая догма о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью, перенесенная на Русь іосифлянами, примирялась съ теоріей теократическаго абсолютизма тѣхъ же іосифлянъ. Послѣдняя теорія признавалась подъ условіемъ исполненія правительствомъ требованій поборниковъ православія; іосифляне постоянно проводили мысль, что государи должны слушать представителей духовенства.

Очеркъ исторіи отношеній между авторитетами свѣтскимъ и духовнымъ и вмѣстѣ съ этимъ четвертую главу своего изслѣдованія авторъ оканчиваетъ заявленіемъ, что въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало іосифлянскимъ идеаламъ и что этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

Я не признаю возможнымъ согласиться съ этимъ заявленіемъ г. Дьяконова. XVI вѣкъ представляетъ много явленій, которыя далеко не соотвѣтствуютъ идеаламъ іосифлянъ. Вторая половина царствованія Ивана Грознаго вполнѣ отличается въ этомъ отношеніи отъ первой. Въ 1551 г. царь предложилъ церковному собору на разсмотрѣніе и утвержденіе Судебникъ и уставныя грамоты; сверхъ того царь призывалъ духовенство и къ обсужденію цѣлаго ряда задуманныхъ новыхъ мѣръ для государственнаго устройства, какъ это свидѣтельствуетъ напечатанная г. Ждановымъ статья изъ такъ называемой Волоколамской рукописи ¹⁾; на этомъ соборѣ царь говорилъ

¹⁾ «Матеріалы для ист. стогл. собора» И. Жданова въ Ж. М. Н. Просв. 1876, часть 186.

духовенству: «аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ вашему согласію, вы о семъ не умолкните; аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякаго страха»¹⁾. А въ 1564 г. въ посланіи своемъ къ Курбскому царь приводитъ свидѣтельства изъ священной ветхо-завѣтной исторіи о пагубныхъ послѣдствіяхъ управленія государствомъ духовными лицами²⁾. Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Васильевича представители духовенства были поставлены въ невозможность протестовать даже противъ прямыхъ нарушеній самимъ царемъ каноническихъ постановленій о бракѣ, когда царь, послѣ четвертаго брака, разрѣшеннаго ему съ наложеніемъ епитиміи, женился еще три раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти. Въ царствованіе Ивана Грознаго послѣдовали законодательныя мѣры, направленныя противъ увеличенія церковныхъ имуществъ, защищать которыя отъ секуляризаціи составляло важнѣйшую задачу іосифлянъ. Въ 1573 г., по государеву приказу, освященный соборъ и бояре приговорили впредь не давать вотчинъ въ богатые монастыри³⁾, а въ 1580 г. митрополитъ уложилъ съ царемъ, съ царевичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ: впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ монастырямъ не давать; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать; вотчины, находившіяся въ закладѣ за архіереями и монастырями, и вотчины, данныя и купленныя изъ княженецкихъ, взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ⁴⁾. Очевидно, что эти постановленія появились по волѣ царя, противъ котораго духовенство не могло возражать въ то время, когда церковный авторитетъ былъ совершенно подавленъ царскимъ самовластіемъ. Полное безсиліе представителей духовенства предъ царскою властью доказывается и судьбою права печалованія въ XVI вѣкѣ. На правѣ печалованія, принадлежавшемъ духовенству, г. Дьяконовъ не останавливается, а между тѣмъ исторія этого права въ XVI вѣкѣ ярко освѣщаетъ отношенія церковнаго авторитета къ свѣтскому. За свои печалованія пострадали митрополитъ Варлаамъ при вел. кн. Василии Ивановичѣ и митроп. Филиппъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; преемникомъ Варлаама былъ Даниилъ, про котораго говорилъ Иванъ Берсень Максиму

¹⁾ Стоглавъ, изд. Казанск. духовн. акад., стр. 42.

²⁾ Сказанія, кн. Курбскаго. 3 изд., 1868 г., 150.

³⁾ А. Ист. I, № 154, XIX.

⁴⁾ С. Г. Грамотъ и Дог. I, № 200.

Греку: «а не печалуется ни о комъ, прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатяхъ и печаловались государю о всѣхъ людехъ»¹⁾. Курбскій говорилъ о современныхъ ему святителяхъ: «вмѣсто заступленія, нѣкои отъ нихъ потаковники и кровемъ нашимъ наострители явишася»²⁾. Сказаннаго довольно въ доказательство невозможности согласиться съ положеніемъ г. Дьяконова, что въ XVI вѣкѣ общее направленіе государственной политики устраняло возможность столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитета.

Пятая глава носитъ названіе «Политическіе взгляды московскаго правительства». Авторъ начинаетъ эту главу указаніемъ на стремленіе великихъ князей московскихъ къ примысламъ. Съ увеличеніемъ владѣній великаго князя соединялось понятіе о повышеніи имени, чести его. Между тѣмъ вмѣстѣ съ новымъ представленіемъ о Русскомъ православномъ царствѣ измѣнилось воззрѣніе и на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно духовные писатели, царемъ и самодержцемъ, такъ же называетъ его оффиціально митрополитъ, самъ Иванъ III въ сношеніяхъ съ мелкими государствами называетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси». Честь имени Василія III возвышалась родствомъ по матери съ византійскими императорами. Василій III гораздо чаще сравнительно съ Иваномъ III пользовался царскимъ титуломъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и употреблялъ этотъ титулъ въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ. Иванъ IV торжественно вѣнчался на царство. Этотъ царь былъ горячимъ поборникомъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи властямъ; существовою своею обязанностью онъ считалъ охрану православія; почти дословно онъ повторялъ мнѣніе іосифлянъ о высотѣ царскаго достоинства; онъ воспринялъ и ученіе о великой отвѣтственности представителя власти предъ Богомъ за собственныя прегрѣшенія и за грѣхи своихъ подданныхъ.

Сознаніе царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, что за его грѣхи посланы свыше бѣдствія на Русскую землю, выражается въ молитвѣ царя предъ взятіемъ Казани, находящейся въ хронографѣ начала XVII вѣка и появившейся въ печати во время составленія мною разбора настоящаго изслѣдованія³⁾. Въ этой молитвѣ

1) А. Э. А. I, № 172.

2) «Сказанія кн. Курбскаго», 3 изд., 1868 г., 254.

3) Чтенія въ Общ. любит. духовн. просв. 1890 г., Ноябрь—Декабрь.

царь говорить предъ Господомъ: «Мене жь еси яко добра пастыря избралъ стаду своему; — и азъ согрѣшихъ: мене погуби прежде, а не овцы моя! Да за чтожь погибають? токмо грѣховъ моихъ ради».

Далѣе авторъ указываетъ на энергическія старанія московскаго правительства о признаніи за московскимъ государемъ царскаго титула со стороны всѣхъ другихъ государствъ. Особенно важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія. Московское правительство указывало польско-литовскому правительству на слѣдующія основанія принятія московскимъ государемъ царскаго титула: вѣнчаніе на царство Владиміра Св., легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ, завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, происхождение русскихъ государей отъ императора Августа. Но польско-литовское правительство не признавало серьезнаго значенія этихъ основаній.

Московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся къ повышенію своей чести сравнительно съ другими государями и особенно боятся унизить себя. Для сравнительной оцѣнки чести представителей власти принимались въ основаніе давность царственной династіи и высота власти государя. Иванъ III былъ горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и выразилъ это новгородцамъ, а на предложеніе цесарскаго посла выхлопотать у царя корольскій титулъ для московскаго великаго князя послѣдній отвѣчалъ: «Мы Божіею милостію государи на своей землѣ значага, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, а поставленія ни отъ кого не хотимъ». Политическое честолюбіе московскихъ государей до крайности изоцряло братство ихъ съ византійскими царями, поэтому московскіе государи отклонялись отъ названія братьями другихъ государей. При Иванѣ Грозномъ возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ. Это было, какъ говоритъ авторъ, своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ, съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ; приводятъ «случаи», по которымъ московскому царю усвоится лучшая честь. Во всѣхъ счетахъ съ

Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенціозность московскаго царя, который не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія. Московскіе государи относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прироженцевъ».

Кромѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами, государствами: по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался важнѣе государства; государь своею родословною честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно. Личная честь государя зависѣла и отъ государственнаго устройства. Московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью; при этомъ признавалось, что только государь наслѣдственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ; затѣмъ вотчинный государь признавался крѣпче посаженнаго, который будто бы не могъ обладать и достаточными полномочіями для добраго устройенія своей земли. Выводомъ изъ всего царскаго мѣстничества было признаніе, что московскій царь по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще-же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало.

Въ заключеніе пятой главы авторъ указываетъ, что реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонировало съ субъективнымъ представленіемъ официальныхъ сферъ царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда при заключеніи перемирія съ Баторіемъ, Грозный для «покоя крестьянскаго» не велѣлъ писать себя царемъ. Излюбенныя фикціи приносились въ жертву соображеніямъ выгоды. Иванъ Грозный, называвшій себя самодержцемъ по Божію изволенію, а не по хотѣнію многоятежнаго человѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую корону по избранію великаго множества народа. Особенно нетерпимый къ ограниченнымъ формамъ правленія Иванъ Грозный обѣщалъ литовской радѣ, въ случаѣ избранія его государемъ въ Литву, не уничтожать вольностей пановъ рады, всего рыцарства и всей земли литовской, но прибавить радѣ всякихъ чиновъ и чести.

Настоящее изложеніе содержанія пятой главы показываетъ, что

она представляет преимущественно исторію титула московскихъ государей. Особеннымъ достоинствомъ этой главы должно признать самостоятельное и оригинальное изложеніе по первоначальнымъ источникамъ дипломатическихъ счетовъ московскаго царя о своей чести съ другими государями; авторъ къ разбору этихъ счетовъ прилагаетъ правила мѣстничества московскихъ служилыхъ людей. На исторіи титула московскихъ государей во внутреннихъ сношеніяхъ авторъ мало останавливается, между тѣмъ эта исторія представляетъ важныя данныя для характеристики постепеннаго измѣненія существа велико-княжеской власти. Авторъ не указываетъ различія наименованій «господинъ» и «государь»¹⁾, а это различіе въ древней Руси очень хорошо понималось: новгородцы не хотѣли назвать своего господина, московскаго великаго князя, государемъ; по отношенію къ младшимъ князьямъ великій князь московскій долго не называлъ себя государемъ. Для характеристики власти московскихъ государей должно было бы остановиться и на названіяхъ себя разными лицами, при обращеніи ихъ къ государю. Постепенно, сначала люди незнатные, впослѣдствіи князья и бояре, обращаясь къ московскимъ государямъ, называли себя холопами и личными именами въ уменьшительной формѣ, а позднѣе и въ уничижительной. «Государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, былъ не мыслимъ безъ холопа, такъ какъ и холопъ не былъ бы понятенъ безъ государя»²⁾.

Шестая и послѣдняя глава называется «Московскіе государи и ихъ слуги». Эту главу авторъ начинаетъ указаніемъ, что Сѣверо-восточная Русь унаслѣдовала отъ Руси Кіевской форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю, междукняжескіе договоры обезпечивали за боярами и вольными слугами право свободнаго отъѣзда. Но это право, говоритъ авторъ, являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси; оно противорѣчило стремленію князей соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ и затруднить для князей и бояръ пріобрѣтеніе земли въ другомъ удѣлѣ. Современная русская письменность не могла не замѣтить такого несоотвѣтствующаго общимъ условіямъ жизни явленія, какъ свобода отъѣзда. Древне-русскіе книжники обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины

¹⁾ См. объ этомъ, напр., въ началѣ первой главы сочиненія И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ русск. царей», 2 изд. 1872 г.

²⁾ Ibid., стр. 7.

къ князю, они указывали на злыхъ совѣтчиковъ, какъ на причину княжескихъ распрей, обличали вѣроломство и клятвопреступленія княжескихъ слугъ. Возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальныхъ и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой идеи о почитаніи властей. Духовно-публицистическая литература коснулась и вопроса о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ, которая противорѣчила обязанности быть покорнымъ своему князю. Въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ отъѣзжающій отъ своего князя уподобляется Іудѣ.

Въ связи съ этой литературой авторъ указываетъ на статью, встрѣчающуюся въ кормчихъ, которая опредѣляетъ казнь тому, кто укорить царя или князя: причетникъ за это извергается, а «люжанинъ» отлучается отъ церкви. Важно и любопытно то, какъ объясняетъ авторъ, что церковь облагаетъ чисто церковнымъ наказаніемъ за дѣяніе совершенно свѣтскаго характера — укоръ князю. Это постановленіе должно было оказать вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Но владѣтельные князья не могли открыто стать на сторонѣ этого новаго ученія по соображеніямъ политическимъ; они должны были признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и вольными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны каждому князю, по скольку онѣ содѣйствовали притоку къ князю служилыхъ людей изъ другихъ княжествъ; съ другой стороны для князей было невыгодно терять наличныя служебныя силы. Московское правительство сумѣло воспользоваться выгодами вольной службы и устранить невыгодныя стороны ея: когда право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, оно дѣйствовало путемъ политики, которая соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ. Авторъ приводитъ примѣры этой политической практики, которая показываетъ, что отъѣздъ изъ Москвы считался измѣною, за отъѣздъ наказывали какъ за измѣну. Не отрицая дѣйствительно практиковавшагося московскими великими князьями насилія противъ права отъѣзда, я не могу признать доказательными указываемые авторомъ примѣры этому.

Великій князь Симеонъ конфисковалъ имущество своего боярина Алексѣя Петровича и обязалъ своихъ братьевъ не принимать на службу этого боярина и его дѣтей за то, что онъ «вшелъ къ нему (великому князю) въ коромолу». Авторъ, заявляя, что неизвестно въ чемъ состояла эта крамола и, указывая на неопредѣ-

ленность термина «крамола», предполагаетъ: не состояла ли крамола только въ отъѣздѣ отъ великаго князя. Въ доказательство неопредѣленности термина крамола авторъ ссылается на проф. Сергѣевича ¹⁾, который говоритъ, что это слово употреблялось не въ одномъ только смыслѣ мятежа, въ указѣ 1582 г. оно имѣетъ смыслъ ябеды, а крамольникомъ этотъ указъ называетъ того, кто жетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла уже рѣшенные и пр. Но въ дѣйствительности этотъ указъ ²⁾ различаетъ ябеду отъ крамолы, ябедниковъ отъ крамольниковъ; подъ послѣдними, по буквальному смыслу указа, должно разумѣть тѣхъ, кто обвиняетъ кого-нибудь въ крамолѣ и не докажетъ этого; въ такомъ же смыслѣ крамольниковъ, упоминаемыхъ въ этомъ указѣ, разумѣетъ и г. Дмитріевъ ³⁾, который отличаетъ крамольниковъ отъ ябедниковъ и составщиковъ, смѣшиваемыхъ г. Сергѣевичемъ. Такимъ образомъ крамола имѣетъ значеніе опредѣленнаго государственнаго преступленія — измѣны, мятежа, но путемъ неправды и насилія можно было подвести подъ понятіе о крамолѣ и такое дѣяніе, которое въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ этому преступленію. Въ виду признанія братьями великаго князя какого то дѣянія Алексѣя Петровича противъ великаго князя крамолою ⁴⁾, трудно согласиться съ авторомъ, что подъ этимъ дѣяніемъ должно разумѣть только правомѣрный для боярина отъѣздъ его отъ великаго князя.

Затѣмъ авторъ приводитъ случай отъѣзда изъ Москвы въ Тверь Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина, села которыхъ были конфискованы вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ; впослѣдствіи Вельяминовъ и Некоматъ были казнены великимъ княземъ. Авторъ говоритъ, что великій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ право, отнявши у отъѣхавшихъ села. Авторъ старается объяснить, что вина Вельяминова состояла только въ томъ, что онъ отъѣхалъ изъ Москвы, не получивши должности московскаго тысяцкаго, которую занималъ его отецъ. Такой выводъ авторъ дѣлаетъ на томъ основаніи, что лѣтописецъ по поводу казни Вельяминова говоритъ о непокорности властямъ и о

¹⁾ «Опыты изслѣд. обычн. права» въ Наблюдателѣ 1882 г., кн. 2, стр. 226, 227.

²⁾ А. Ист. I, № 154, XX.; «Христом. по ист. русск. права» Владимірск. — Буданова, вып. 3, стр. 38 — 40.

³⁾ Исторія судебн. инстанцій, стр. 169.

⁴⁾ С. Г. Гр. и Д. I, № 28.

томъ, что «никтоже о себѣ честь приѣмлетъ, но званый отъ Бога». Но лѣтописецъ еще прежде говоритъ, что Вельяминовъ и Некомать отъѣхали «со многю лжею и льстивыми словесы».

Далѣе авторъ указываетъ, что политикѣ московскаго правительства подражали и мелкія княжескія правительства. За отъѣздъ наказывалъ и Новгородъ. Въ доказательство послѣдняго г. Дьяконовъ приводитъ замѣчаніе лѣтописца, что новгородцы, опасаясь великаго князя, не молвили ни единого слова бывшему у нихъ на службѣ князю Шуйскому, когда онъ объявилъ новгородцамъ о своемъ переходѣ на службу къ великому князю, и ходатайство Ивана III передъ Новгородомъ о безнаказанности новгородцевъ, перешедшихъ въ Москву на службу. Ограничиваясь этими частными случаями, авторъ не указываетъ основнаго различія послѣдствій отъѣзда отъ князей и изъ Новгорода, состоявшаго въ томъ, что отъѣздъ отъ князей не сопровождался отнятіемъ вотчинъ, находившихся во владѣніи оставленнаго князя, а бояре и вольные слуги, отъѣзжавшіе изъ Новгорода, лишались своихъ земель, которыя переходили во владѣніе Великаго Новгорода ¹⁾).

Московское правительство для привлеченія къ себѣ новыхъ служилыхъ силъ прибѣгало не только къ поощрительнымъ мѣрамъ, къ богатымъ наградамъ, но постоянными притѣсненіями бояръ и слугъ сосѣднихъ княженій заставляло притѣсняемыхъ искать себѣ спасенія въ переходѣ на службу въ Москву.

Начиная съ Ивана III предпринимаются особыя мѣры противъ «отказа»: съ заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать изъ Москвы брали записи о неотъѣздѣ. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка возникаетъ и специальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы: кто отъѣзжалъ въ удѣлъ, тому не давали счета въ его родѣ съ бывшими съ нимъ въ версту.

Но право свободнаго отъѣзда признавалось договорными грамотами великаго князя съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка; только съ этого времени встрѣчаются попытки ограничить права удѣльныхъ князей относительно приѣма отъѣзжавшихъ изъ Москвы: братьевъ великаго князя обязали не отзывать людей отъ великаго князя и не принимать отъѣзжавшихъ на лихо великаго князя. Въ половинѣ XVI вѣка съ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича взята была крестоцѣловальная запись въ пользу царевича

¹⁾ С. Г. Гр. и Д., I, № 28.

Димитрія о непринятіи кого-либо на службу безъ дозволенія царевища.

Но въ половинѣ XVI вѣка уже не было ни одного удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыя силы изъ Москвы; оставалась только Литва, куда могли укрываться всѣ недовольные Москвою. Въ договорахъ между Москвою и Литвою встрѣчается условіе о непринятіи отѣхавшихъ служебныхъ князей съ вотчинами; о свободномъ переходѣ вольныхъ слугъ упоминается только въ одномъ договорѣ Твери съ Литвою. Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI в. литовское правительство принимаетъ мѣры противъ отѣзда своихъ служилыхъ людей. Оно издаетъ законъ объ отобраніи на господаря имѣній отѣхавшихъ и стремится внести въ договоры съ Москвою условія о выдачѣ отѣздчиковъ или по крайней мѣрѣ о наказаніи ихъ въ Москвѣ, но московское правительство не соглашается на принятіе такихъ условій. Москва, напротивъ, даже вопреки нормамъ договорнаго права, принимаетъ литовскихъ служилыхъ князей съ вотчинами, оправдываясь тѣмъ, что принимаемые были потомками старинныхъ московскихъ слугъ, или что они терпѣли въ Литвѣ притѣсненія въ своемъ православномъ вѣроисповѣданіи. Какъ объясняетъ авторъ, для Москвы было выгодно признать право свободнаго перехода, потому что въ то время было болѣе пріѣзда изъ Литвы, чѣмъ отѣзда изъ Москвы въ Литву. Этимъ авторъ объясняетъ и слова Ивана III о существовавшемъ будто-бы прежде, при немъ и при его предкахъ, свободномъ переходѣ служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно. Это заявленіе Ивана III литовскому правительству г. Дьяконовъ считаетъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ какъ о такой свободѣ перехода не упоминается въ договорахъ между Москвою и Литвою. По мнѣнію автора, это заявленіе Ивана III послѣдовало только изъ желанія великаго князя распространить на Литву выгодный для Москвы порядокъ свободы перехода. Но для отрицанія существованія этого права перехода недостаточно только отсутствія прямыхъ постановленій объ этомъ правѣ въ московско-литовскихъ договорахъ, такъ какъ умалчиваемое нельзя признавать запрещаемымъ. Тѣмъ болѣе, что какъ указываетъ и самъ авторъ, въ московско-литовскихъ договорахъ встрѣчается прямое запрещеніе перехода только служилыхъ князей съ вотчинами, что было распространеніемъ по отношенію къ Литвѣ того правила, которое соблюдалось и при переходѣ служилыхъ князей изъ одного собственно русскаго княженія въ другое; наконецъ

указываемый авторомъ литовско-тверской договоръ, устанавлившій свободу перехода всѣхъ служилыхъ людей, приводитъ къ возможности предполагать существованіе такого же порядка и въ отношеніяхъ между Москвою и Литвою. Профессоръ Сергѣевичъ въ новомъ своемъ ученомъ трудѣ, появившемся въ свѣтъ послѣ изслѣдованія г. Дьяконова, основываясь на словахъ вел. кн. Литовскаго Казимира, признаетъ существованіе отъѣзда изъ Литвы въ Москву и обратно, но безъ сохраненія правъ на вотчины ¹⁾.

Когда при Иванѣ Грозномъ увеличился отъѣздъ изъ Москвы въ Литву, взгляды московскаго и литовскаго правительствъ измѣнились. Московское правительство желало выдачи отъѣздчиковъ, но этого уже не желало литовское правительство, которое и не настаивало, какъ прежде, на необходимости казнить отъѣздчиковъ. Кромѣ усиленія общихъ наказаній за отъѣздъ царь Иванъ Васильевичъ усилилъ и специальное наказаніе за это, имѣвшее важное значеніе въ мѣстническихъ счетахъ. Каждый отъѣхавшій считался измѣнникомъ, но московское и литовское правительства не только не отказывались принимать обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, но иногда обѣщали возвратившемуся не понижать его чести и даже прибавить къ ней.

На этомъ авторъ останавливается въ разборѣ отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ и переходитъ къ исторіи отношеній московскихъ государей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ. Представленная авторомъ исторія постепенныхъ мѣръ ограниченія права отъѣзда свободныхъ слугъ требуетъ нѣкоторыхъ дополненій, напримѣръ указанія на особые ограниченія права отъѣзда служилыхъ князей и по примѣру ихъ нѣкоторыхъ бояръ и боярскихъ дѣтей, которымъ запрещалось переходить съ вотчинами. Г. Дьяконовъ ничего не говоритъ и объ отъѣздѣ вольныхъ слугъ отъ князей къ архіереямъ, существовавшемъ до 1551 г., когда на церковномъ соборѣ было уничтожено право свободного перехода бояръ отъ царя къ митрополитамъ ²⁾. Слѣдовало бы указать и на послѣдовавшее послѣ уничтоженія права отъѣзда закрѣпощеніе служилыхъ людей путемъ пожалованія имъ земель подъ условіемъ обязательной службы. Затѣмъ должно замѣтить, что исторію отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ нельзя,

¹⁾ Русск. Юридич. Древности, стр. 317.

²⁾ Стоглавъ, изд. Каз. дух. акад. стр. 322, 323; А. И. I, № 155, стр. 279, 280; Каптерева «Свѣтскіе архіер. чиновники въ древн. Руси».

какъ это дѣлаетъ г. Дьяконовъ, ограничивать только правомъ отъѣзда, необходимо было остановиться и на признаваемомъ за собою боярами правѣ совѣта, слѣдовало говорить и о мѣстничествѣ, по скольку оно представляется особенно долго принадлежавшимъ московскимъ служилымъ людямъ правомъ, свидѣтельствующимъ о прежнихъ вполнѣ свободныхъ отношеніяхъ служилыхъ людей къ своимъ князьямъ.

Исторію отношеній московскихъ великихъ князей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ авторъ начинаетъ указаніемъ на то, что московскіе князья унаслѣдовали изъ старины обычай надѣлять удѣлами всѣхъ своихъ сыновей. Хотя московскіе князья рано сознали неудобство этого порядка для цѣлей объединенія, но не были въ силахъ отступить отъ укоренившагося обычая. Съ теченіемъ времени, какъ показываетъ сравненіе древнѣйшихъ междукняжескихъ договоровъ съ позднѣйшими, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось; но даже договоръ между вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ и братомъ его Юріемъ признаетъ за удѣльнымъ княземъ очень широкія права. Таковы были нормы права, но московское правительство сумѣло уничтожить ихъ силу въ дѣйствительной жизни путемъ политики, которая такъ же какъ и политика московскихъ государей по отношенію къ ихъ слугамъ соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ.

Авторъ говоритъ, что примѣненіе этой политики въ между княжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Я не могу согласиться съ этимъ положеніемъ автора, такъ какъ не могу признать неопредѣленности указываемыхъ авторомъ выраженій договоровъ, предполагая, что смыслъ этихъ выраженій хорошо понимался на практикѣ; иначе трудно было бы объяснить необходимость постоянного повторенія этихъ выраженій, что замѣчается по отношенію ко всѣмъ указываемымъ авторомъ выраженіямъ, исключая одного: «служить безъ ослушанія, по згадцѣ». Затѣмъ кажущаяся неопредѣленность нѣкоторыхъ выраженій легко объясняется сопоставленіемъ ихъ съ другими ясно выраженными нормами договоровъ. Наконецъ должно замѣтить, что признаваемая авторомъ совершенно неопредѣленною обязанность удѣльныхъ князей по отношенію къ великому князю: «добра хотѣти великому князю во всемъ, вездѣ, безъ хитрости», по точному смыслу договоровъ, представляется обязанностью и для великаго князя по отношенію къ удѣльнымъ. Говоря о междукняжескихъ договорахъ не должно забывать, что

въ дополненіе и объясненіе договорныхъ условій служило обычное право, на основаніи котораго издавна установились отношенія младшихъ князей къ старшему.

Г. Дьяконовъ представляетъ рядъ примѣровъ насильственной политики московскихъ государей по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, своимъ ближайшимъ родичамъ. По этимъ примѣрамъ я долженъ дать объясненія, подобныя тѣмъ, какія представлены мною по примѣрамъ, приводимымъ авторомъ въ доказательство насилія московскихъ государей надъ вольными слугами, такъ какъ авторъ преувеличиваетъ значеніе насильственности нѣкоторыхъ мѣръ великихъ князей московскихъ противъ удѣльныхъ князей. Но, возражая противъ этихъ примѣровъ, я не отрицаю насильственной политики московскихъ великихъ князей по отношенію къ удѣльнымъ, такъ какъ эта насильственность хорошо доказывается другими примѣрами.

Авторъ указываетъ какъ на неправое и насильственное дѣло вел. кн. Василія Васильевича на то, что великій князь пошелъ на можайскаго князя Ивана Андреевича послѣ троекратнаго подтвержденія своего договора съ нимъ. Такимъ образомъ великій князь представляется нарушителемъ договора. Но уже лѣтописецъ объясняетъ, что великій князь пошелъ противъ кн. Ивана «за его неисправленіе»; г. Дьяконовъ указываетъ на это лѣтописное свидѣтельство, но не придаетъ ему значенія, такъ какъ оно отличается неопредѣленностью. О неисправленіяхъ князя Ивана говорить и митрополитъ Іона въ своемъ посланіи смоленскому епископу Мисаилу, но г. Дьяконовъ выводитъ изъ этого посланія только доказательство тому, что междукняжескіе договоры толковали совсѣмъ не по буквальному смыслу. Такой взглядъ авторъ подтверждаетъ словами митрополита о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому и о пожалованіи московскимъ великимъ княземъ удѣльнаго его же вотчиною, между тѣмъ какъ такое пожалованіе примѣнялось въ дѣйствительности только къ служилымъ князьямъ. Но митрополитъ въ своемъ посланіи вспоминаетъ шкоту можайскаго князя надъ великимъ княземъ и говоритъ, что великій князь, «оставя все свое и не поминая его къ себѣ ничего зла», пожаловалъ его, привелъ къ крестному цѣлованію и пожаловалъ ему вотчину. Эти слова митрополита должно понимать въ томъ смыслѣ, что великій князь не хотѣлъ мстить князю Ивану, простилъ его, не пошелъ на него войною и оставилъ ему его вотчину. Правильность такого пониманія словъ митрополита о пожалованіи вели-

кимъ княземъ удѣльному вотчины представится вѣдъ всякаго сомнѣнія, если мы обратимся къ договору, заключенному кн. Дмитриемъ Шемякою и тѣмъ же кн. Иваномъ можайскимъ съ младшимъ братомъ послѣдняго Михаиломъ Андреевичемъ и съ кн. Василиемъ Ярославичемъ. Первые два князя цѣловали крестъ остальнымъ двумъ на томъ, чтобы первымъ двумъ бить челомъ великому князю «а князю великому насъ свою братью молодшую жаловати, въ любовь и докончаніе принять и пожаловати ему насъ нашими вотчинами» ¹⁾. Нельзя придавать значенія и указанію г. Дьяконова на то, что великій князь, не смотря на трехкратное подтвержденіе своего договора съ можайскимъ княземъ, пошелъ на него, безъ всякой новой вины со стороны послѣдняго. Посланіе митрополита указываетъ на новое неисправленіе кн. Ивана, послѣдовавшее послѣ заключенія договоровъ: кн. Иванъ не хотѣлъ помогать великому князю противъ татаръ при двукратномъ нашествіи ихъ на Русскую землю. Это было прямымъ нарушеніемъ со стороны кн. Ивана договоровъ, по которымъ онъ обязывался идти безъ ослушанія, куда пошлетъ его великій князь ²⁾.

Нельзя согласиться и съ толкованіемъ г. Дьяконова договора между великими князьями московскимъ и тверскимъ, по которому великій князь тверской обязывается не принимать къ себѣ отступившихъ отъ великаго князя московскаго кн. Ивана можайскаго и сына Дмитрія Шемяки Ивана, или который другой братъ ему сгрубить. Г. Дьяконовъ говоритъ, что подъ понятіе сгрубить можно подвести всякій непріятный поступокъ, что въ данномъ словѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей, значить, великіе князья на отступленіе удѣльныхъ князей отъ союза съ Москвою смотрѣли какъ на отъѣздъ своихъ слугъ. Не соглашаясь съ объясненіями и выводомъ г. Дьяконова, я долженъ указать, что въ силу исторически сложившихся условій, опредѣлявшихъ отношенія между князьями, отступленіе одного князя отъ другаго было нарушеніемъ договора, заключавшагося на вѣки, и обыкновенно сопровождалось переходомъ къ врагамъ прежняго союзника и открытіемъ противъ него враждебныхъ дѣйствій; ни одинъ князь не могъ стоять вѣдъ опредѣленныхъ отношеній къ другимъ князьямъ, а эти отношенія были или союзныя, на основаніи договоровъ, которые устанавливали опредѣленные

¹⁾ С. Г. Гр. и Д., I, № 67

²⁾ Ibid. № 66 и 69.

взаимныя обязанности, или враждебныя. Особенно исторія враждебныхъ отношеній можайскаго кн. Ивана къ великому князю московскому хорошо объясняетъ, что значило отступленіе отъ существовавшихъ прежде союза и договоровъ.

Свидѣтельству Степенной книги о томъ, что со времени Василя Васильевича упразднилась всякая крамола и младшіе князья пребывали въ послушаніи къ старѣйшимъ, г. Дьяконовъ придаетъ тотъ смыслъ, что съ этого времени суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ. Но въ дѣйствительности въ это время всѣ владѣтельные князья пользовались полною самостоятельностью по управленію своими княжествами, а взаимныя отношенія между всѣми князьями опредѣлялись договорами, какъ это было изстаря. Нарушенія же договоровъ, соединяемыя съ насиліями одного князя противъ другого, также бывали изстари со стороны великихъ князей противъ удѣльныхъ и на оборотъ. Въ виду этого желающій ставить полноту суверенитета князей въ зависимость отъ неприкосновенности ихъ для насилій съ чьей-либо стороны долженъ отказать отъ признанія существованія когда-либо на Руси этого суверенитета. Вышеприведенное свидѣтельство Степенной книги должно понимать въ смыслѣ указанія на временное прекращеніе княжескихъ крамолъ.

Въ разборѣ г. Дьяконовымъ отношеній вел. кн. Ивана III къ удѣльнымъ князьямъ встрѣчаются также объясненія и выводы, не соответствующіе точному смыслу источниковъ. Въ доказательство насилія Ивана III надъ роднымъ братомъ его Андреемъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что великій князь, послѣ своихъ клятвенныхъ увѣреній удѣльному князю о неимѣннѣи противъ него враждебныхъ замысловъ, сложилъ крестное дѣлованіе къ нему за то, что удѣльный князь не послалъ своего воеводы противъ татаръ. Но неисполненіе послѣдней обязанности со стороны удѣльнаго князя было прямымъ нарушеніемъ договора и давало великому князю право сложить свое крестное дѣлованіе къ неисполнившему условіе договора. Для характеристики взглядовъ правящихъ классовъ на отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю г. Дьяконовъ приводитъ тотъ фактъ, что когда удѣльный малолѣтній князь Иванъ Борисовичъ заболѣлъ и велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ, бояре удѣльнаго князя Ивана воспротивились ему и возвѣстили объ этомъ державному вел. кн. Ивану III, который согласился на отъѣздъ малолѣтняго князя въ монастырь, но въ виду юности князя не приказалъ по-

стригать его въ монахи. Въ этомъ фактѣ г. Дьяконовъ видитъ какъ-бы подчиненіе боярской думы удѣльнаго князя великому князю. Но этотъ фактъ по точному смыслу договора великаго князя Ивана III съ братомъ его Борисомъ Васильевичемъ, отцомъ малолѣтняго князя Ивана, объясняется иначе. Великій князь обязывался Борису Васильевичу въ случаѣ смерти послѣдняго печаловаться надъ его княгиней и дѣтьми¹⁾. Слѣдовательно въ указанномъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса о личной судьбѣ малолѣтняго князя, было необходимо обратиться къ великому князю, какъ къ опекуну малолѣтняго князя.

Далѣе авторъ указываетъ, что политика московскихъ объединителей въ отношеніи къ владѣтельнымъ князьямъ находила полную поддержку со стороны публицистовъ того времени (Иосифъ Волоцкій).

Первая попытка поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю на новыхъ началахъ выразилась въ правленіе бояръ при малолѣтнемъ Иванѣ IV взятіемъ одностороннихъ записей съ братьевъ великаго князя, къ которымъ сами бояре за великаго князя не цѣловали креста. Рассказывая объ этомъ, авторъ доказываетъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала митрополиту Даниилу, а не боярамъ, какъ обыкновенно доселѣ объясняли. Указывая, что братъ вел. кн. Ивана IV Андрей называлъ себя холопомъ великаго государя и просилъ великаго князя о пожалованіи его, какъ Богъ на сердце государю положить, г. Дьяконовъ слѣдующими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе: «удѣльные князья сами признали указанное имъ мѣсто въ ряду слугъ московскихъ государей».

Четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей, а послѣднія двѣ главы, указываютъ нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ, изъ новыхъ политическихъ ученій, и представляютъ дополненіе къ главной темѣ настоящаго изслѣдованія «о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей». Авторъ, исполняя свою задачу имѣлъ право остановиться на четвертой главѣ и тогда бы его изслѣдованіе представлялось цѣлымъ и окончательнымъ, присоединеніе же двухъ дополнительныхъ главъ, которыя указываютъ «нѣкоторыя», какъ выражается авторъ, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаетъ изслѣдованію видъ

¹⁾ С. Г. Гр. и Дог., I. № 123, 124.

неоконченности, приводя къ вполне естественному ожиданію, что за указаніемъ измѣненія отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ, будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ. Затѣмъ перемѣна отношеній московскихъ государей къ ихъ свободнымъ слугамъ и къ младшимъ владѣтельнымъ князьямъ московскаго великаго княженія приводитъ къ вопросу, на сколько эта перемѣна является московскою особенностью и не замѣчается ли того же и въ другихъ великихъ княженіяхъ (Рязанск., Тв.). Еслибы послѣдній вопросъ получилъ положительное рѣшеніе, то потребовалось бы дать объясненія причинъ возвышенія великокняжеской власти и въ другихъ великихъ княженіяхъ, для которыхъ неприложимы тѣ, указанныя авторомъ, основанія, которыя такъ высоко поставили самодержавіе московскихъ государей. Далѣе слѣдовало бы указать на сколько причины, возвысившія власть великихъ князей не московскихъ, дѣйствовали въ московскомъ государствѣ совмѣстно съ указанными авторомъ новыми вліяніями. По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, нельзя не имѣть въ виду того важнаго фактора, на который авторъ не обратилъ вниманія, какъ было уже указано почтеннымъ рецензентомъ изслѣдованія г. Дьяконова К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этимъ факторомъ является то, что московскимъ государствомъ начинается осуществленіе стараго чаянія русскаго народа—единства Русской земли ¹⁾. Подобное же говоритъ и И. Е. Забѣлинъ, который признаетъ, что развитіе московскаго единоедержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди жить за одинъ послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. «Въ лицѣ царя, говоритъ г. Забѣлинъ, русскій человѣкъ освободился отъ политическаго угнетенія, не только отъ татарскаго угнетенія, но и отъ угнетенія домашняго со стороны независимыхъ другъ отъ друга и раздѣльныхъ княжествъ и областей, которыя всячески старались обездолить другъ друга» ²⁾. Наконецъ, историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Славатинскій говоритъ, «что усиливать значеніе татарщины для раз-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1889, декабрь, стр. 401.

²⁾ Ст. И. Е. Забѣлина «Взглядъ на развитіе моск. единоедержавія», въ «Историч. Вѣстн.» 1881 г., т. IV, стр. 778, 779, 781.

витія московскаго единоподержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ — органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа. Великіе князья и цари московскіе поняли стихійныя стремленія и упованія народныхъ массъ — слиться въ единое политическое и національное цѣлое и реализировали эти стихійныя стремленія и упованія»¹⁾. Но, указывая на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, мы должны оговориться, что было бы несправедливо умалять достоинства этого изслѣдованія на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но разборъ которыхъ самъ авторъ не ставитъ себѣ задачей и оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи. Поэтому, оставляя всѣ возможныя, желаемыя и болѣе или менѣе важныя дополненія къ разбираемому изслѣдованію, я долженъ дать свое мнѣніе по вопросу о присужденіи преміи г. Дьяконову на основаніи § 6 «Положенія о наградахъ графа Уварова». Какъ выше было указано, нельзя не признать существовавшей до появленія труда г. Дьяконова потребности въ разборѣ и повѣркѣ на основаніи первоначальныхъ источниковъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ по вопросамъ, поднимаемымъ г. Дьяконовымъ. Авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной науки. Исполненіемъ этой задачи представляется ученый трудъ, соответствующій требованіямъ науки и критики и способствующій къ познанію избраннаго авторомъ предмета, на сколько это возможно при существующихъ для того источникахъ. Авторъ, какъ было также указано, воспользовался кромѣ всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по даннымъ вопросамъ, новыми, рукописными. Отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ. Авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ. Возможности такой общей оцѣнки отношенія автора къ ис-

¹⁾ Система Русск. Государств. права, ч. I, 1886, стр. 40, 47, 48.

точникамъ не могутъ противорѣчить, какъ немногія исключенія, вышеуказанные невѣрные выводы изъ источниковъ, особенно замѣчаемые въ послѣдней главѣ. Ученое изслѣдованіе «Власть московскихъ государей» указываетъ, что въ лицѣ автора его наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать новыхъ существенныхъ вкладовъ въ нашу науку.

Въ силу всего высказаннаго я прихожу къ твердому убѣжденію въ необходимости признать изслѣдованіе г. Дьяконова вполне достойнымъ меньшей награды графа Уварова.

III.

„ИЗЪ ИСТОРИИ УГРИИ И СЛАВЯНСТВА ВЪ XII ВѢКѢ“. КОНСТАНТИНА ГРОТА. ВАРШАВА, 1889.

Рецензія академика В. Гр. Васильевскаго.

Сочиненіе представляет томъ въ 424 страницы текста и LX страницъ приложений, посвященныхъ обзорѣннѣ источниковъ и извлеченіямъ изъ нихъ. Сверхъ того есть предисловіе, генеалогическая таблица и указатель.

Авторъ, одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ: *«Моравія и Мадьяры»* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи Мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ, въ старинной Панноніи — въ началѣ X вѣка. Минувъ два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ серединѣ XII вѣка, избравъ задачею своей новой работы изученіе 32-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что таковой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторію Угрии; но напрасно было бы упрекать за это ученаго, ко-

торый можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ это г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византійскихъ, славянскихъ и въ частности русскихъ отношеній.

Когда она открывается, на тронѣ находится король, двойными династическими узами связанный со славянствомъ. Сербъ по матери, руководимый и опекаемый съ начала ея братомъ, своимъ дядею, баномъ Бѣлушемъ, король Гейза вступилъ въ брачный союзъ съ русскою княжною Мономахова дома. Евфросинія Мстиславовна, сдѣлавшись королевою и отличаясь умомъ и энергією, приобрѣла и долго сохраняла при мужѣ и дѣтяхъ вліяніе на политическія дѣла. Соотвѣтственно съ сербскими кровными связями угорское правительство принимаетъ участіе въ освободительномъ движеніи Сербовъ, которое было направлено противъ тягостнаго византійскаго господства, и въ которомъ заключался зародышъ будущей самостоятельности и величія Сербіи при Неманичахъ; родоначальники этой фамиліи уже находятся на сценѣ. Именно на сербской почвѣ проявилось открытое столкновеніе между уграми и греками. Византійскій императоръ, воинственный и дѣятельный Мануилъ Комнинъ, предпринималъ два похода для усмиренія непокорныхъ сербскихъ жупановъ; ему приходилось встрѣчаться на южной сторонѣ Дуная съ угорскими вспомогательными отрядами, въ личномъ единоборствѣ съ однимъ изъ мадьярскихъ вождей онъ подвергалъ опасности собственную жизнь и получилъ рану отъ удара копьемъ въ лице. — Соотвѣтственно свойству съ Мономаховичами Угріи принимаетъ участіе въ достопамятной борьбѣ Изяслава Мстиславича изъ за обладанія кievскимъ великокняжескимъ престоломъ противъ Юрія Долгорукаго и Владимирка Галицкаго Король Гейза посылалъ вспомогательныя войска и самъ лично сядился на коня для содѣйствія своему шурина. Онъ находился на берегахъ рѣки Сана въ Галиціи, когда получилъ извѣстіе о готовящемся вторженіи съ юга въ угорскіе предѣлы византійской рати подъ предводительствомъ самого императора. Помимо Сербіи Мануилъ вступался за галицкаго князя, котораго признавалъ своимъ союзникомъ и вассаломъ. Здѣсь общезвѣстныя событія русской исторіи получаютъ особо интересное освѣщеніе съ точки зрѣнія ихъ связи съ византійскою и общеевропейскою исторією. Европа была тогда раздѣлена на два враждебныхъ лагеря; противополож-

ность между ними явно обрисовалась со времени второго крестового похода в связи с его antecedентами и послѣдствіями. Составилась обширная коалиція, направленная противъ византійскаго императора и германскаго короля Конрада, состоявшаго съ нимъ въ родствѣ и политической дружбѣ; во главѣ коалиціи стоялъ южно-норманскій король Рожеръ, къ ней пристали угорскій король и французскій, она имѣла и другія развѣтвленія, а косвенно захватывала и Русь, не только южную, но и сѣверную. Изяславъ является чрезъ посредство Угрии союзникомъ Рожера, а Владимирко Галицкій — не только союзникомъ Мануила, но и его вассаломъ: таково, по крайней мѣрѣ, было византійское воззрѣніе, какъ мы сейчасъ указали. — Борьба, начавшаяся въ Сербіи, переносится въ угорскіе предѣлы въ область рѣки Савы и на сѣверъ отъ Дуная. Мануилъ совершаетъ рядъ походовъ противъ короля Гейзы; здѣсь, между прочимъ, выступаетъ на сцену, какъ орудіе византійской политики, но въ качествѣ военнаго вождя давній претендентъ на угорскую корону, сынъ бывшаго короля Коломана — Борисъ, мать котораго, дочь Мономаха, умерла въ Кіевѣ, отвергнутая мужемъ. — По смерти Гейзы вмѣшательство Византіи въ дѣла угорскаго государства становится еще болѣе настоятельнымъ. Бориса болѣе не было — онъ погибъ отъ руки половецкой въ одной изъ дунайскихъ экспедицій; Мануилъ поддерживаетъ другихъ претендентовъ на престолъ, занятыи Стефаномъ III Гейзичемъ; это были братья умершаго Гейзы, по старымъ началамъ престолонаслѣдія должествовавшіе имѣть преимущество предъ племянникомъ. Мануилъ стремился теперь къ обращенію Угрии въ вассальное государство, подчиненное его верховной власти; онъ достигъ осязательныхъ успѣховъ, возстановивъ непосредственную власть Византіи въ славянской области между Савою и Дунаемъ (Срѣмъ), а что еще важнѣе — отобравъ отъ Угрии Далмацію. При его вторженіяхъ на другую сторону Дуная обнаруживается существованіе мѣстныхъ симпатій среди славянскаго населенія, проявляющихся въ формахъ церковной обрядности. Претенденты также находятъ сочувствующую себѣ партію среди свѣтскихъ и духовныхъ угорскихъ магнатовъ. Борьба сохраняетъ свои широкія развѣтвленія вовнѣ. За нею наблюдаетъ германо-романскій императоръ Фридрихъ Барбаросса, отвлекаемый отъ прямаго военнаго вмѣшательства только заботами о Ломбардской лигѣ. Чешскій король Владиславъ, побуждаемый къ тому Евфросиніей Мстиславовной, матерью короля, является на берегахъ Тиссы въ качествѣ союзника Стефана Гейзича; онъ одер-

жалъ верхъ надъ Мануиломъ въ военномъ отношеніи, но долженъ былъ преклониться предъ авторитетомъ и дипломатическимъ искусствомъ византійскаго государя, такъ что изъ врага превратился въ доброжелательнаго посредника и друга. Соперники греческій и угорскій запекиваютъ въ русскихъ князьяхъ, стараясь склонить ихъ каждый на свою сторону; сношенія Ярослава Галицкаго съ Мануиломъ, отмѣченныя въ русской лѣтописи, здѣсь находятъ свое объясненіе. Отъ исхода борьбы между Византією и Угрією прямо зависитъ судьба Сербіи, правители которой, и между ними великій жупанъ Нѣманя, постоянно обнаруживаютъ наклонность искать себѣ опоры въ угорскомъ королѣ, даже обращаются къ покровительству Фридриха Барбароссы; при первомъ удобномъ случаѣ они получаютъ за то надлежащее возмездіе со стороны византійскаго государя, который, впрочемъ, лишая власти виновное лице, не уничтожаетъ правъ рода и только замѣняетъ одного брата другимъ. — Изложеніе событій въ книгѣ К. Я. Грота заканчивается тѣмъ, что на угорскій престолъ возводится Мануиломъ королевичъ (сынъ Гейзы), выросшій и воспитанный въ Константинополѣ, считавшійся нѣкоторое время женихомъ Мануиловой дочери и наслѣдникомъ византійскаго престола, называемый въ угорскихъ хроникахъ *Бѣлоу Грекомъ* (Bela Graecus). Оставался вопросъ, въ какой степени византійскій ставленникъ, получившій въ супружество все-таки племянницу императора, оправдаетъ расчеты своего покровителя и предполагаемыя надежды православнаго населенія въ угорскомъ королевствѣ. Но хотя авторъ книги и понималъ, что изложеніе царствованія Бѣлы дало бы его труду бѣольшую полноту и цѣльность, рельефнѣе выставило бы его руководящую мысль, онъ долженъ былъ отказаться отъ первоначальнаго плана въ виду его обширности.

Изъ представленнаго нами сжатаго обзорѣнія событій, изучаемыхъ въ книгѣ г. Грота, понятно, почему обзорѣваемое время обыкновенно считается и называется эпохою преобладающаго византійскаго вліянія у историковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Нашъ авторъ дѣлаетъ на этотъ счетъ оговорку, которая составляетъ весьма существенную сторону его общаго взгляда на смыслъ изучаемыхъ имъ явленій. Оговорка заключается въ томъ, что вліяніе было только внѣшнее, имѣло видъ завоевательнаго натиска, что побѣды Мануила вовсе не сопровождались какими-либо положительными и культурными результатами, не остановили успѣховъ латинства, водворившагося въ Угріи хотя позднѣе восточнаго православія, но давно взявшаго надъ нимъ верхъ. Византія ничего не про-

тивопоставила такимъ явленіямъ, какъ усиленная нѣмецкая колонизація въ Трансильваніи, которая относится къ первому періоду правленія Гейзы, хотя, по соображеніямъ г. Грота, и не къ начальнымъ его годамъ, какъ думали другіе (вопросъ подробно изслѣдуется въ первой главѣ сочиненія), ничего не противопоставила вліянію и авторитету, приобретенному въ Угріи сосѣднимъ нѣмецкимъ княземъ церкви, Зальцбургскимъ епископомъ, и вообще оживленному и энергичному воздѣйствію римской церкви. Эти вѣскія замѣчанія должны быть признаны вообще справедливыми, хотя они и даютъ поводъ пожалѣть, что авторъ въ своей книгѣ ограничился почти исключительно внѣшнею политическою исторіею, оставляя въ сторонѣ вопросы внутренняго — соціальнаго, политическаго и церковнаго быта. Безъ подробной провѣрки на этой почвѣ общее заявленіе, если оно утверждаетъ отсутствіе всякаго византійскаго вліянія, представляется недостаточно обоснованнымъ. Съ другой стороны К. Я. Гротъ заходитъ въ своемъ обличеніи византійской немощи нѣсколько за предѣлы справедливости, когда высказываетъ такую мысль, что *агрессивная* политика императора Мануила, вызывая отпоръ и реакцію, содѣйствовала напротивъ укрѣпленію и торжеству латинства и папства. Такое соображеніе сомнительно уже потому, что фактически нападающею стороною — по крайней мѣрѣ въ правленіе Гейзы — была Угрія, а не Мануилъ. Чтобы провести свой тезисъ объ агрессивной политикѣ Византіи, г. Гротъ долженъ былъ предполагать, что Мануилъ съ самаго начала правленія задавался самыми широкими планами по отношенію Венгріи, мечталъ о полномъ ея подчиненіи еще ранѣе ея союза съ Рожеромъ и столкновенія въ Сербіи, и что съ другой стороны въ Угріи были такіе проникательные политики, отъ которыхъ не скрылись затаенныя стремленія и мечты византійскаго императора. То и другое неправдоподобно и не соотвѣтствуетъ природѣ вещей и дѣйствительному ходу дѣлъ.

Въ очень ясныхъ и даже слишкомъ отчетливыхъ чертахъ рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сѣры, особой народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то есть полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнической политикѣ того или другаго короля. Хотя объ этой партіи и много говорится на разныхъ страницахъ сочиненія, но мы должны признаться, что

какъ составъ, такъ и органическія связи ея съ народными массами остались для насъ неясными и проблематичными — можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не далъ намъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. Наконецъ недостаткомъ не только изложенія, но и метода нужно считать особаго рода ложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетическими соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ — даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ. Авторъ хорошо дѣлаетъ, что онъ предупреждаетъ самъ читателя, когда онъ начинаетъ такимъ образомъ резонировать; если это не спасаетъ книгу отъ многихъ излишнихъ длиннотъ, то во всякомъ случаѣ устраняетъ возможность недо-разумѣнія.

Вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться, предоставляя себѣ право возражать на основаніи фактовъ, имъ же установленныхъ. Авторъ стремился къ достиженію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ племенъ русскаго и румынскаго, то г. Гротъ попутно занимается вопросами исторической географіи, даже не вынося такихъ экскурсовъ изъ рамокъ основнаго текста. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ. Обзорѣнію ихъ посвящено пространное приложение, гдѣ притомъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. При крайней скудости собственно угорскихъ источниковъ нужно быть благодарнымъ автору изслѣдованія за то, что онъ извлекъ изъ забвенія нѣмецкую хронику Генриха Мюгельнскаго, содержащую въ себѣ остатки угорскаго историческаго преданія за данный періодъ. За однимъ не особенно важнымъ исключеніемъ ничто, относящееся къ изслѣдуемой эпохѣ, не ускользнуло отъ вниманія нашего ученаго. Его критическое отношеніе къ византійскимъ источникамъ Киннаму

и Никитѣ Хоніату можно признать совершенно правильнымъ. Пропускъ, на который мы сейчасъ намекнули, касается тоже византійской литературы—отрывковъ изъ стихотвореній придворнаго поэта Продрома, помѣщенныхъ въ французскомъ изданіи Историковъ крестовыхъ походовъ. Но они появились недавно, никто другой ими еще не пользовался, и славистъ могъ напасть на нихъ развѣ только случайно; при томъ онъ почерпнулъ бы здѣсь развѣ двѣ-три черты, для дополненія и исправленія подробностей въ исторіи первыхъ дѣйствій Мануила въ Сербіи. Наконецъ, если русскія извѣстія были весьма полезны для изслѣдователя въ исполненіи его основной задачи, то съ другой стороны сопоставленіемъ ихъ съ венгерскими и особенно византійскими источниками онъ разъяснилъ много частныхъ вопросовъ въ политической жизни Руси, какъ это уже и признано ученою критикою.

Принимая во вниманіе общія достоинства книги и близкое отношеніе ея содержанія къ славянской и русской исторіи, рецензентъ считаетъ справедливымъ присудить автору малую Уваровскую премію.

IV.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ПО СТАРИННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

МАТВѢЯ СОКОЛОВА. ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. МОСКВА 1888.

Рецензія академика Н. В. Ягича.

Послѣ удачнаго начала, положеннаго Ѳ. И. Буслаевымъ сравнительному изученію древнерусской литературы, самый видный успѣхъ имѣли разысканія его учениковъ и преемниковъ въ области такъ-называемой апокрифической литературы. Заслуги русскихъ ученыхъ Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина, покойнаго Н. И. Костомарова и др., изданія которыхъ по этой части всѣмъ хорошо извѣстны, вызвали охоту къ изслѣдованіямъ подобнаго рода у южныхъ славянъ, у сербовъ и хорватовъ. Какой богатый матеріалъ для памятниковъ отреченной литературы собранъ въ издаваемыхъ Южнославянскою академіей «Старинахъ» — знаютъ всѣ слѣдующіе за этою отраслю славяновѣднія.

Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изданіе текстовъ апокрифовъ уже не обогащалось въ Россіи новыми пріобрѣтеніями столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самого ихъ содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію памятниковъ народнаго творчества приняли какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляютъ чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва-ли нужно упоминать, что передовымъ представителемъ является здѣсь нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную начитанность по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его служатъ для всѣхъ современныхъ изслѣдова-

телей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія.

Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области примкнулъ въ послѣднее время авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на Уваровскую премію, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу новыми, очень важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковнославянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Русью. Но сочиненіе г. Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ самъ по себѣ уже достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается и научное изслѣдованіе предмета, содержащагося въ напечатанныхъ памятникахъ.

Поговоримъ о томъ и другомъ отдѣльно.

I.

Что касается новыхъ текстовъ, сдѣлавшихся благодаря усердію автора достояніемъ науки, то заслугу его мы должны ставить тѣмъ выше, что условія, при которыхъ совершилось это приобрѣтеніе, не принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ. Г. Соколову пришлось не только посѣтить Бѣлградъ и ознакомиться тутъ съ различными собраніями рукописей въ публичныхъ библіотекахъ и учрежденіяхъ, но также постараться проникнуть въ частныя собранія и расположить къ себѣ владѣльцевъ ихъ на столько, что они не затруднились дозволить ему воспользоваться ихъ частною собственностью на пользу науки. Случай шелъ ему на руку. Оказалось, что драгоценная рукопись, на которой остановилось его вниманіе, принадлежала какъ разъ одному изъ тамошнихъ ученыхъ, душевно преданному интересамъ славянской науки и относящемуся съ большимъ сочувствіемъ къ представителямъ науки русской.

Рѣчь идетъ о извѣстномъ професорѣ Бѣлградской великой школы Панѣ С. Сречковичѣ. Онъ разрѣшилъ автору воспользоваться его рукописью, сдѣлать изъ нея выписки, однимъ словомъ, употребить ее въ пользу науки. Вотъ главный источникъ напечатанныхъ г. Соколовымъ матеріаловъ. Авторъ списалъ не все содержаніе рукописи, да и изъ списаннаго имъ не все попало въ первый выпускъ его труда. Кромѣ общаго обзорѣнія, распространяющагося о содержаніи сборника (подъ № I, на стр. 5—22), въ этотъ выпускъ вошли только четыре текста изъ рукописи г. Сречковича, именно: подъ № II—Молитвы Сисинія и другихъ отъ трясавиць и различныхъ болѣзней (на стр. 22—50); подъ № III—Сказаніе о пятницахъ (на стр. 51—57); подъ № IV—Сказаніе о 12 апостолахъ (на стр. 58—72) и подъ № V—Сводъ апокрифическихъ текстовъ попа Іереміи (на стр. 73—107), съ ученымъ поясненіемъ этого свода (на стр. 108—211). Кромѣ того, авторомъ списаны еще другія статьи того же сборника, которыя, конечно, войдутъ въ слѣдующіе выпуски его матеріаловъ. Кое-что издано изъ того же сборника уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Вл. Качановскимъ въ загребскихъ «Старинахъ». Часть текстовъ напечатана оттуда же недавно самимъ г. Сречковичемъ въ Бѣлградѣ, въ пятомъ выпускѣ «Споменника» Сербской академіи подъ заглавіемъ «Сборникъ попа Драгоља». Наконецъ, и пишущій эти строки могъ воспользоваться, благодаря любезности професора Сречковича, его драгоцѣнною рукописью и приготовить изъ нея для изданія часть текстовъ, по наведеннымъ справкамъ, не списанныхъ г. Соколовымъ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ все содержаніе этой драгоцѣнной рукописи сдѣлается доступнымъ для изслѣдователей древнеславянской письменности.

Оцѣняя достоинство изданія проф. Соколова, я долженъ прежде всего сказать, что оно не даромъ производитъ впечатлѣніе очень добросовѣстнаго труда; оно на дѣлѣ вышло очень удовлетворительно и вполне оправдываетъ надежды, которыя могли быть возлагаемы на автора, судя по его прежнимъ научнымъ работамъ. Я имѣлъ возможность провѣрить напечатанные имъ тексты буква въ букву по подлиннику, доставленному мнѣ на нѣкоторое время въ Вѣну. Я исполнилъ эту задачу съ цѣлью, конечно, оказать услугу наукѣ и убѣдился въ томъ, что авторъ списалъ и напечаталъ свои тексты очень внимательно, прочтя почти вездѣ какъ слѣдовало, не смотря на очень плохое состояніе ру-

копись въ нынѣшнемъ ея видѣ. Какъ уже замѣчено у автора на стр. 6, она сильно почернѣла отъ копоти и отъ пыли засалилась на столько, что первыхъ листовъ совсѣмъ нельзя прочесть, да и прочіе нерѣдко представляютъ трудно читаемыя мѣста (отдѣльныя слова и цѣлыя строки).

Если я, отдавъ должную справедливость автору за его добросовѣстно исполненный трудъ издателя, все же отмѣчу здѣсь немало поправокъ текста, то прошу не считать это придирчивостью съ моей стороны, а объяснять желаніемъ оказать услугу хорошему изданію и сдѣлать его еще лучше. Я знаю изъ многолѣтняго собственнаго опыта, что безъ описокъ съ нашей и безъ опечатокъ со стороны наборщиковъ, корректоровъ и т. д. дѣло не обходится; принимаю также въ соображеніе обусловленную обстоятельствомъ спѣшность работы и разныя другія неудобства. Въ виду всего этого я вполнѣ извиняю нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ изданіе текста у проф. Соколова.

Описаніе рукописи сдѣлано вѣрно и содержаніе указано точно. Къ этой части изданія (на стр. 5 — 22) я могу прибавить только слѣдующія мелочи:

На страницѣ 8 въ строкѣ 4 вмѣсто сѣго григоріа въ подлинникѣ написано сѣго глиторіа, въ строкѣ же 6 пропущено слово гѣ, читать надо: вдѣже лежа гѣ; въ строкѣ 7 напрасно прибавлено sic къ слову оуслышохоу, въ подлинникѣ написано вѣрно оуслышахоу; въ строкѣ 18 выписка невѣрно помѣчена л. 13, на дѣлѣ читается на л. 14 об.; въ строкѣ 22 въ рукописи написано, какъ и слѣдовало ожидать, ѿ конъ земле вмѣсто опечатки земли; въ строкѣ 24 вмѣсто чѣсть я прочелъ честь.

На страницѣ 11 въ строкѣ 15 вмѣсто ѡ .vi. петь(цѣхъ), что было бы также грамматически неправильно, читается въ рукописи вѣрно: ѡ .vi. петькоу; въ строкѣ 19 читай оуне к (вмѣсто ксть).

На страницѣ 12 въ строкѣ 2 опечатку молчаніе надо конечно исправить въ мльчание, а въ строкѣ 3 непонятное для автора слово ветъна становится понятнымъ, если прочесть какъ въ подлинникѣ написано: сетъна з'ла кобъ.

На страницѣ 13 въ строкѣ 2 надо текстъ исправить и пополнить слѣдующимъ образомъ: в. оугатани .:· ѡко кныгы оугатанію имоуть .:· извѣно и т. д.; въ строкѣ 22 читай: слово максимово; строка 26: багрентъхъ, строка 28: свѣтцасе.

На страницѣ 15 въ строкѣ 13 исказы надо исправить въ исказанъ; въ строкѣ 15 надо читать ѡ коузъ; въ строкѣ 17 послѣ

главы ѿ оучещихъ пропущена глава: ѿ сси жизни; въ строкѣ 18 надо читать ѿ кдыной мысли, а вмѣсто дш̄внѣи я прочелъ дш̄иннѣи; въ строкѣ 19: ѿ дивволѣ, въ строкѣ 20: ѿ грѣшныхъ, въ строкѣ 23: вшьстви, и: ѿ стыни ѿтчи, въ строкѣ 24: ѿ ноужѣи, въ строкѣ 25: ѿ скврннѣи. Послѣ строки 28 надо прибавить какъ особую главу: л. 154 Иѿана синаискаго ѿ по-слоушани.

На страницѣ 16 въ строкѣ 2 въ подлинникѣ написано вечик, по видимому съ пропускомъ слога ли, загадочное на первый взглядъ слово становится такимъ образомъ понятнымъ: дадимъ ве(ли)чикъ бѣу; въ строкѣ 8 надо читать помысльшоу, такъ лучше и по синтаксису; въ строкѣ 26: сего (вм. того) прѣмоужрактъ; въ строкѣ 28: прибѣгаемъ и въ послѣдней строкѣ ликъствоук вм. опечатки мекъствоук.

На страницѣ 17 въ строкѣ 2 читать надо позорателе вмѣсто напечатаннаго позорователе; въ строкѣ 3: скврннѣно, скомъраха; въ строкѣ 6: не тчию; въ строкѣ 15: Иѿана.

Послѣ общаго обзорѣнія рукописи авторъ останавливается на отдѣльныхъ выбранныхъ имъ текстахъ. Они напечатаны, какъ говорится, строка въ строку, буква въ букву. Эта палеографическая акуратность оправдывается сравнительною древностью рукописи. Въ древнесербской письменности, не избылующей памятниками, сохранившимися въ древнихъ подлинникахъ, она можетъ быть дѣйствительно причислена къ довольно древнимъ памятникамъ; не смотря на то, я отнесъ бы нашъ сборникъ не къ XIII в., а скорѣе къ началу XIV столѣтія. По нѣкоторымъ довольно вѣскимъ признакамъ я позволю себѣ высказать догадку, что сборникъ македонскаго происхожденія, т. е. по крайней мѣрѣ подлинникъ нѣкоторыхъ статей, попавшихъ въ этотъ сборникъ, переведенъ впервые на ц.-славянскій языкъ гдѣ-то въ Македоніи. Я иду еще дальше и утверждаю, что нашъ сборникъ представляетъ лишь списокъ съ болѣе древняго текста или, можетъ быть, вѣрнѣе сказать — сводъ нѣсколькихъ болѣе древнихъ подлинниковъ. Итакъ, въ концѣ концовъ можно сказать, что большая часть текстовъ этого сборника могла быть переведена съ греческаго на ц.-славянскій языкъ по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, если даже не въ XII столѣтіи. Авторъ не вдается, къ сожалѣнію, въ подробности такого рода, хотя онѣ не должны бы быть ему чужды. Что вообще объ особенностяхъ языка этого сборника не упомянуто ни словомъ, этого я никакъ не могъ бы поставить автору въ заслугу.

Но перейдемъ къ самимъ текстамъ.

Подъ № II напечатаны молитвы Сисинія и другихъ, числомъ 13. Къ сожалѣнію, рукопись въ этой части не вездѣ удобочитаема; въ разныхъ мѣстахъ остались пробѣлы, которыхъ никто цѣликомъ не восполнить, пока счастливый случай не откроетъ паралельныхъ текстовъ въ другихъ рукописяхъ. Можно однако и нѣкоторыя мѣста исправить при хорошемъ освѣщеніи и смытіи пыли, что мною и сдѣлано. Предложу здѣсь поправки, полученныя мною упомянутымъ способомъ.

Въ молитвѣ 1-й, на страницахъ 26—31, я читаю такъ: въ стихѣ (или строкѣ) подлинника 3: кто воинъ бы́ яко^{тм} стѣи; это даетъ хорошее начало разсказа; въ стихѣ 7 я могъ прочесть измаиль-томъ; въ стихахъ 22—23 я читаю: и выкладъши браш'на, что хорошо совпадаетъ съ греческимъ подлинникомъ; въ стихѣ 25 подлинникъ даетъ грамматически вѣрное чтеніе: .в. ѡтрокивици; въ стихѣ 30: выи | доу; въ стихѣ 36: и мене же ради (буква е выше м); въ стихѣ 37: ѡна, въ стихѣ 39: стѣи, въ стихѣ 51: нъ да ти се кльноу, въ стихѣ 54: тѣ, въ стихѣ 58: свокмоу имена; въ стихѣ 61 я читаю званш, въ стихѣ 67: твари творить, въ стихѣ 71: имам', въ стихѣ 86: бжѣи имѣ. да не приходи | ть, въ стихѣ 89: горещими (вм. два раза невѣрно напечатаннаго горещима), въ стихѣ 92 надо возстановить звательный падежъ: стѣи сисине, въ стихѣ 97: изьблюва, въ стихѣ 100: дав'шюмоу, въ стихѣ 102: твоимѣ.

Въ молитвѣ 2-й, на стр. 31 — 34, я могу исправить слѣдующее: въ стихѣ 3 читай: оучени | кы, въ стихѣ 18: братиѣ, въ стихѣ 29: летеща, въ стихѣ 30: рекоше, стихи или строки 31—32 надо читать такъ: гѣ ти к корѣниѣ тоу и връшиѣ, въ стихѣ 47: свое.

Къ молитвѣ 3-й, на стр. 34—35, прибавлю слѣдующее: въ стихахъ 22—23 надо читать: въ крови моки, въ стихѣ 27: оусѣдъ на конь свои, въ стихѣ 36: живи к, въ стихѣ 39: кмѣ, въ стихѣ 44: стѣи, въ стихѣ 45: бѣжю, въ стихѣ 46: пьприць, въ стихѣ 49: имѣ.

Въ молитвѣ 4-й, на стр. 36—39, надо исправить слѣдующее: въ стихѣ 3: имоущо, въ стихахъ 23 — 24 я читаю такъ: идохъ тамо помоучити се, въ стихѣ 40: вѣщице, въ стихѣ 49: .г., въ стихѣ 50: сисин', въ стихѣ 51: стѣимъ.

Въ молитвѣ 5-й, на стр. 40 — 42, надо читать такъ: въ стихѣ 6: ѡ смр'ти, въ стихѣ 42: ѡдъ днѣшняго днѣ.

Въ молитвѣ 6-й, на стр. 42 — 43, въ стихѣ 3 я читаю: потре- (се)тсе, въ стихѣ 4: подвизаше (се).

Въ молитвѣ 7-й, на стр. 43—44, отмѣчу слѣдующее: въ стихѣ 5: стѡу, въ стихѣ 13: ан҃глы, въ стихѣ 24: глигорикм'.

Въ молитвѣ 8-й надо соединить въ одно слово въ стихѣ 13: вѣноутръиюдоу и вѣнеиюдоу, въ стихѣ 15 вм. мѣзга вѣротно надо читать мозга, но я не разбираю всѣхъ буквъ; точно такъ въ стихѣ 18 зѣмлк написано для меня не разборчиво.

Въ молитвѣ 9-й, на стр. 45—46, могу исправить по подлиннику слѣдующее: въ стихахъ 4—5: лазаревѣмъ, въ стихѣ 13: дѣи нечѣстивими, въ стихахъ 15—17 читаю такъ: тѣмъ же вы мѣи | мѣ апѣи гѣи дароуйте | рабоу свокмоу семоу. имѣ; въ стихѣ 21: по заповѣдемъ.

Въ молитвѣ 10-й, на стр. 46—47, въ стихахъ 21—22: вѣскр' | сени из мрътвыхъ. зак | лиаю, въ стихѣ 39: прѣдѣсто | гати, въ стихахъ 43—44: троубномъ шгньным' и кго ради.

Въ молитвѣ 12-й, на стр. 48—49, отмѣчу слѣдующія поправки: въ стихахъ 14—15: ѿ седѣмъ небсѣи чю кга (сербизмъ) самъ їс на прѣстолѣ сѣде, въ стихѣ 20: з'ло, въ стихѣ 22: мѣстоу, въ стихахъ 23—24: не оухопай зѣмик хѣхлата члѣвка везана ногоу, нь оухопи клѣна свезана ногоу.

Въ молитвѣ 13-й, на стр. 49—50, я могу восполнить пробѣлъ въ стихѣ 3: творишь. вѣпикъ бо.

Подъ № III, на страницахъ 51—57, авторъ напечаталъ текстъ сказанія о 12-ти пятницахъ. И здѣсь оказались нѣкоторыя не-исправности, на которыя считаю нужнымъ указать. Кромѣ отмѣченной уже описки ѡ. в. петьцѣхъ, исправленной по рукописи въ ѡ. в. петькоу, въ самомъ заглавіи слѣдовало прочесть не леоперикво, какъ напечатано у автора, а леопарикво. Это чтеніе подтверждается повтореніемъ слова въ той же формѣ въ строкѣ 10 текста, гдѣ и авторомъ вѣрно напечатано лешпарик, и на страницѣ 52, въ строкѣ 2: лешпарию, въ строкѣ 10: лешпарик, а въ строкѣ 22: лешфарик. Стало быть, рукопись послѣдовательна въ передачѣ слова. Поэтому слѣдовало и автору озаглавить статью или такъ, какъ требуетъ греческій подлинникъ: «Обрѣтеніе Елевое-ріево», или же придерживаться формы нашего сборника: «Обрѣтеніе Леопаріево»; tertium non datur. Прибавлю еще слѣдующія поправки: на страницѣ 53, въ строкѣ 1: На западной, лаоура; въ строкѣ 2: прѣхѣ, ѡвы; въ строкѣ 3: побивахоу се. На страницѣ 54, въ строкѣ 4: оупрѣлъ ме кси, въ строкѣ 9: рекъ, въ строкѣ 18: слышала, въ строкѣ 19: како ѣ (читать надо нѣ). На страницѣ 55, въ строкѣ 8: съшьствикмъ, въ строкѣ 13 вм. ч надо читать

число 2. На страницѣ 56, въ строкѣ 4: прѣдъ петровѣмъ днемъ, въ строкѣ 10: въ ѡстрово. На страницѣ 57, въ строкѣ 2: петъкъ, въ строкѣ 4: кднуоуци.

Подъ № IV напечатанъ текстъ не совсѣмъ точно озаглавленнаго «Откровенія святымъ апостоламъ», на стр. 68—72. Въ текстѣ оказалось нѣсколько неточностей и маленькихъ пропусковъ; вотъ какъ надо исправить: на страницѣ 68, въ строкѣ 2: помысльшо комоужо, въ строкѣ 15: имоуть грѣхъ кѣлико и пѣска морскаго и да альчеть; вмѣсто подающе въ той же строкѣ надо читать подак; въ строкѣ 16 въ концѣ: анѣли бжѣи. На страницѣ 69, въ строкѣ 2: к ѡ вѣрѣ, въ строкѣ 8: ксть звѣзда, въ строкѣ 9: такоже, въ строкѣ 11: нарече и положи въ начетъкъ стѡую нелю, въ строкѣ 12: добрѣк, въ строкѣ 13: донъдеже.. иже ѡбрѣщоутъ се, въ строкѣ 17: чѣто ксть, въ строкѣ 18: сиі. На страницѣ 70, въ строкѣ 1: целоующима, въ строкѣ 4: целоующи, въ строкѣ 7: неприязниныхъ, въ строкѣ 8: вѣзрадоуютъ, въ строкѣ 11: кѣто, въ строкѣ 12: пришьдъ да комъкантъ, въ строкѣ 13: альчемоу^{мо} въ, въ строкѣ 18: ѡвещавъ, въ строкѣ 20: ѡсоужень, въ строкѣ 21: пламенноую, въ строкѣ 24: всѣмъ, въ строкѣ 27: смртѣи, въ строкѣ 28: ѡлоучить, въ строкѣ 30: втоую, ѡлтарь. На страницѣ 71, въ строкахъ 1—2: подающе комоу, въ строкѣ 2: и передъ ангели надо вычеркнуть, въ строкѣ 4: кст' богъ, въ строкѣ 6: истинны, кзекл', въ строкѣ 7: дондеже, боудут', въ строкѣ 9: чѣтете, въ строкѣ 13: телеса, въ строкѣ 14: боудете и ѡ чрѣви изѣдени боудете, въ строкѣ 17: нь (вм. но), въ строкѣ 18: ѡпоущениа, въ строкѣ 19: прьковъниі, въ строкѣ 20: ѡвѣтъ, страшны, ѡ людехъ, въ строкѣ 21: поноужѣни, въ строкѣ 22: ком'каник, въ строкѣ 24: недѣлю (замѣчательное доказательство, что въ подлинникѣ родительный надежъ ед. числа на среднеболгарскій ладъ былъ написанъ: недѣлж или недѣлж), въ строкѣ 32: сѣдете на прѣстола славнѣмъ своѣмъ и вы сѣдете на. На страницѣ 72, въ строкѣ 6 послѣ слова врьтоломѣи надо вычеркнуть и, въ строкѣ 15: бездѣнахъ. азъ створи хъ кдинь. азъ богъ, въ строкѣ 18: въ началѣ, передъ словомъ владыкоу надо прибавить: помѣю вы. мне имѣите ба̄ и; въ той же строкѣ: оупванте, въ строкѣ 21: вѣчноую, въ строкѣ 22: кромѣш'ната, въ строкѣ 25: хранещимъ, въ строкѣ 26: цртвик.

Подъ № V излагается исторія свода о крестномъ древѣ, приписываемаго попу Іереміи; текстъ напечатанъ на стр. 84—107. И здѣсь

я долженъ отмѣтить нѣкоторые маленькіе пропуски и предложить мои поправки: на стр. 85, въ строкѣ 4 послѣ слова то҃га надо прибавить еще: бѣ на землю. ꙗко соуди тои кѣтъ. тогда моиси прѣрчьствова все глѣ ꙗже слыша Ѡ анг҃ла; въ строкѣ 16: и скова, въ строкѣ 17: рѣ. На страницѣ 86, въ строкѣ 1: помѣоуи, въ строкѣ 2: невѣдоуще (е на щ), въ строкѣ 3: хотещаго, въ строкѣ 10: бѣгага, въ строкѣ 11: ѡ немь, въ строкѣ 13 послѣ слова иудова надо прибавить: и Ѡ двѣ марки изидеть и боудеть Ѡ колѣна дѣидова, въ строкѣ 16: и семоу, въ строкѣ 19: посѣкоут'. На страницѣ 87, въ строкѣ 3: мѣще, въ строкѣ 6: то҃га ѡбрѣте, въ строкѣ 7: брси, въ строкѣ 8: рѣше, въ строкѣ 12: мер'роу, въ строкѣ 13: кон'ча. На страницѣ 89, въ строкѣ 1: моиси, въ строкахъ 3—4: старѣишины, въ строкѣ 5: глѣ, въ строкѣ 9: слышавъше же. На страницѣ 90, въ строкѣ 2 описка подлинника показавше предполагаетъ, какъ кажется, чтеніе показавше; въ строкѣ 12: створоу, въ строкѣ 18: стлѣни, како высина, въ строкѣ 23: ѡбразы. На страницѣ 91, въ строкѣ 7: цр'ковныи, въ строкѣ 14: пѣсцѣ, движеще се, въ строкѣ 22: кмоу. На страницѣ 92, въ строкѣ 5 надо читать оба раза: ѡстани се, въ строкѣ 9 послѣ дрѣва пропущены слова: застоупленію. ѡстани се дрѣва; въ строкѣ 15: нь (вм. но), въ строкѣ 17: ѡсоуженію, въ строкѣ 18: то҃га, крым'читамь, въ строкѣ 19: дрѣва, всакіе. На страницѣ 93, въ строкѣ 1: ѡброучі, въ строкѣ 2: потврѣжахоу, въ строкѣ 3 послѣ ꙗко надо вычеркнуть и, въ строкѣ 7: влѣкоуще, въ строкѣ 11: свитиѣ, въ строкѣ 18: пришьдь. На страницѣ 94, въ строкѣ 11: друогъ, въ строкѣ 14: соломонь .Ѡ. лѣ .Б., въ строкѣ 16: и вънезапвоу. На страницѣ 95, въ строкѣ 3 я читаю избикни ꙗго ради, въ строкѣ 12 въ подлинникѣ премоу рау, въ строкѣ 17: крстѣмь. На страницѣ 96, въ строкѣ 11: сѣи и погребоуть, въ строкѣ 12: ч'то, въ строкѣ 13: погрести, въ строкѣ 16: погребеник. На страницѣ 97, въ строкѣ 1: авьгостово, въ строкѣ 5: работавъ, въ строкѣ 7: друогу страну, тоуне, въ строкѣ 9: дасть (вм. давъ), въ строкѣ 12: прѣдь, въ строкѣ 18: гѣ ѡра, въ строкѣ 19: селевьки, въ строкѣ 21: цр'квь. На страницѣ 98, въ строкѣ 1: въ .Ѡ. чѣ. въ цр'квь, въ строкѣ 4: ненадѣятисе, въ строкѣ 5: истекъши, въ строкѣ 7: смысльшю, соущихъ. На страницѣ 99, въ строкѣ 1 послѣ покть надо вычеркнуть ть, въ строкѣ 6: не дающе даны, въ строкѣ 7: цр'ю, въ строкѣ 18: злѣчь ꙗ на. На страницѣ 100, въ строкѣ 8: ч'то, въ строкѣ 12: привести, въ

строкъ 13: ѡбрѣтохъ, въ строкъ 15: ісѣва, въ строкъ 19: снѣсѣ. На страницѣ 101, въ строкъ 3: рече провь, въ строкъ 9: селевьки, въ строкъ 10: ча̃, въ строкъ 11: крѣпько. На страницѣ 102, въ строкъ 3: мртвык, въ строкъ 5: пришѣ хъ и сѣсетъ и, въ строкъ 7: оуброусь, ѡбразь, въ строкъ 10: тоже, въ строкъ 13: печаль, въ строкъ 14: соуть же имена... мар'кель. На страницѣ 103, въ строкъ 1: си сего, въ строкъ 7: оучить люи, въ строкъ 16: паки, въ строкъ 17: Ѡвещавшаго. На страницѣ 104, въ строкъ 1: изьгнаше, въ строкъ 4: вѣроу кше. На страницѣ 105, въ строкъ 1: ѡ лоука авгаровь, слышавъше (хотя ошибочно), въ строкъ 7: положі, въ строкъ 8: паки, въ строкъ 10: пюдѣк. На страницѣ 106, въ строкъ 10: Ѡ цр̄кве, въ строкъ 13: ксьмь, въ строкъ 16: доселе. На страницѣ 107, въ строкъ 6: х̃а ба̃, ѡ великок; въ строкъ 7: бѣгаи земли. повелѣвъ вса бѣгаи растити земли; въ строкъ 8: краснаи, въ строкъ 9: прішьствию, въ строкъ 10 послѣ вѣко̃ надо вычеркнуть і, въ строкъ 15: хлѣвиницоу, въ строкъ 16: подвигнѣм' се, въ строкъ 17: хъ бо вѣка намъ ксть.

Я останавливался въ этомъ перечнѣ отступленій печатнаго текста отъ подлинника нарочно на самыхъ даже незначительныхъ мелочахъ, потому что мы пока слишкомъ мало знаемъ характеръ и языка и правописанія памятниковъ южнославянскихъ этого времени и этой мѣстности. Моими поправками текстъ освобождается отъ нѣкоторыхъ грамматическихъ неправильностей, которыя сильно смущали. Нѣкоторыми другими восстанавливается то смыслъ, то большее сходство съ параллельными текстами. Вообще нужно замѣтить, что рукопись, по которой здѣсь напечатаны эти тексты, написана довольно небрежно и представляетъ не мало затрудненій желающему вникнуть въ смыслъ текста. Поэтому авторъ поступилъ очень благоразумно, снабдивъ текстъ подстрочными разночтеніями изъ другихъ рукописей. Жаль только, что онъ ограничился механическимъ сопоставленіемъ разночтеній, не указавъ нигдѣ поправки, вытекающихъ изъ нихъ. Очень часто ошибки подлинника на столько очевидны, что достаточно въ примѣчаніяхъ словомъ указать на нихъ и такимъ образомъ облегчить читателю пониманіе текста. Не вижу достаточной причины, почему все это опущено. По моему, не надо было соблюдать безсмысленное употребленіе знаковъ препинанія самого подлинника, которымъ чтеніе текста только затрудняется. Это уже лишнее усердіе, не приносящее никакой пользы ни наукѣ, ни читателю. Въ сущности,

дѣло въ томъ, какъ понимать текстъ и какой придать смыслъ отдѣльнымъ мѣстамъ, вызывающимъ недоумѣнія. Въ такихъ случаяхъ издатель не только въ правѣ, но, по моему, даже обязанъ употребить всѣ средства, которыя ведутъ къ цѣли. На примѣръ возьмемъ во 2-ой молитвѣ Сисиніевой въ строкѣ 8 слово лѣтвица. Авторъ оставилъ это слово безъ вниманія, не смотря на то, что уже паралель, приводимая имъ же изъ текста у Хыждеу и точно также текстъ молитвы синайскаго Евхологія (изд. Гейтлера, на стр. 81, въ строкѣ 23), наводятъ на мысль, что и здѣсь лѣтвица слѣдуетъ исправить въ вылица. Или въ молитвѣ 5-й, въ строкѣ 13 напечатано точно по рукописи въ гадени, но что значить здѣсь въ гадени? Обыкновенное значеніе на этомъ мѣстѣ не годится: рядомъ съ пустынею и распутиемъ не можетъ быть рѣчи о ѣдѣ. Мы видимъ въ той же молитвѣ нѣсколько разъ по двѣ пары выраженій: «нечистый духъ» и «злая болѣзнь» — одна пара, «ни въ пустыни ни въ ѣдени» — другая пара, «ни на распутии ни на морѣ» — третья пара. Обратимъ ли при этомъ вниманіе на то, что въ третьей парѣ словъ «распутіе» изображаетъ сушу, а «море» водяной путь, то не трудно догадаться, что въ «гадени» кроется слово «адреник», т. е. вмѣсто «въ гадени» надо исправить «въ адреник».

Невыдержанность критическихъ пріемовъ въ особенности замѣтна тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько паралельныхъ текстовъ, какъ напр. подъ № III, въ сказаніи о 12 пятницахъ, и подъ № V, въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ дрѣвѣ. Относительно послѣдняго текста авторъ справедливо замѣчаетъ, что вторичное изданіе памятника по списку сравнительно очень исправному (?) и самому древнему (?) важно для установленія текста. Вполнѣ согласенъ. Но если это такъ, то отчего издателемъ не сдѣлано ровно ничего для этого установленія? Вѣдь приведеніемъ разночтеній дѣло еще не заканчивается. Можно было бы ожидать въ примѣчаніяхъ по крайней мѣрѣ хоть коротенькаго указанія на тѣ варианты, которымъ авторъ даетъ предпочтеніе. Если бъ онъ задался хотя бы этою довольно скромною цѣлью, мнѣ сдается, уже эта попытка убѣдила бы его въ томъ, что изданный имъ текстъ такъ же мало можетъ быть названъ «очень исправнымъ», какъ и всѣ прочіе; еще же менѣе правильно говорить о немъ, какъ о самомъ древнемъ, потому что берлинскій сборникъ по времени написанія уже никакъ не уступаетъ бѣлградскому сборнику.

II.

Что касается историко-литературнаго разбора напечатанныхъ здѣсь текстовъ, авторъ очутился въ удобномъ, но для него лично не совсѣмъ выгодномъ положеніи. Большая часть этихъ предметовъ была уже раньше его подвергнута всестороннему обсужденію академикомъ А. Н. Веселовскимъ. Къ богатымъ соображеніямъ и сопоставленіямъ послѣдняго трудно подыскивать дальнѣйшія паралели и дополненія. Такъ вышло на дѣлѣ относительно текстовъ, напечатанныхъ подъ №№ II, III и V; только напечатанное подъ № IV «Откровеніе» оказывается предметомъ доселѣ не изслѣдованнымъ, потому что этотъ апокрифъ нынѣ впервые сдѣлался извѣстнымъ. Впрочемъ, нѣкоторыя составныя части его затронуты тоже въ изслѣдованіяхъ А. Н. Веселовскаго о «средѣ», «пятницѣ» и «недѣлѣ». При такихъ условіяхъ нашему автору надо было отыскивать тѣ стороны подлежащихъ обсужденію вопросовъ, которыя у предыдущаго изслѣдователя или совсѣмъ не затронуты, или объяснены не вполне удовлетворительно, или же, не соглашаясь съ нимъ, завязать полемику. Послѣднимъ приемомъ нашъ авторъ воспользовался въ своихъ замѣчаніяхъ на текстъ, изданный подъ № V. Первымъ же надо было вооружиться при разборѣ №№ II и III, но тутъ авторъ былъ затрудненъ скудостью средствъ, бывшихъ у него въ распоряженіи. О молитвахъ «отъ трясавицъ» все существенное собрано уже покойнымъ профессоромъ Мансветовымъ и А. Н. Веселовскимъ. Прибавить можно было развѣ только одно, и это было бы конечно самое важное: найти вполне подходящіе греческіе тексты. Но такое счастье не далось г. Соколову. Да и въ объясненіи славянскаго текста, помимо этой находки, можно было бы ожидать отъ автора хоть нѣсколькихъ новыхъ соображеній. Послѣ изслѣдованія А. Н. Веселовскаго остались преимущественно пробѣлы въ толкованіи именъ, не то греческихъ, не то славянскихъ. А. Н. Веселовскій, сдѣлавъ нѣсколько сопоставленій, замѣчаетъ (Розыск. V—X, стр. 51) слѣдующее: «объясненія нѣкоторыхъ другихъ именъ можно ожидать отъ дальнѣйшаго изслѣдованія нашей статьи». Вотъ прямое указаніе нашему автору, въ чемъ ему слѣдовало продолжать работу; но онъ не сдѣлалъ этого. Его примѣчанія скорѣе общаго литературно-историческаго свойства, чѣмъ попытки войти въ подробности. Какъ я себѣ представляю эти подробности, вотъ два-три примѣра: въ молитвѣ 1-ой, въ строкѣ 60, на страницѣ 29, встрѣчается какъ третье

название дiавола: змиа. По мнѣнію г. Соколова, это передача греческаго *χαμροδράκωνα*, но въ греческомъ текстѣ это имя приводится только подъ конецъ перечня, между тѣмъ какъ въ румынской редакціи текста точно подъ № 3 упоминается слово ахоха. Не есть ли это слово испорченное греческое *ὄχια*, что значить родъ змѣи? Пятое имя въ 1-ой молитвѣ въ славянскомъ текстѣ названо звани (такъ я прочелъ то, что напечатано званги), въ румынской же редакціи какъ разъ въ томъ же мѣстѣ отмѣчено имя лекта. Не переводъ ли звани греческаго причастія *λεχτός*? Впрочемъ мнѣ кажется, что Лекта скорѣе будетъ греческое название *Ἄλχητό*, только славянскій переводчикъ не понялъ слова. Въ 4-ой молитвѣ опять попадаютъ различныя имена, еще не объясненныя тѣмъ, что сказано въ общихъ словахъ: они отличаются отъ греческихъ и другихъ извѣстныхъ текстовъ. Мнѣ кажутся по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ названій довольно понятными. Напримѣръ, писоурини будетъ, должно быть, имя греческое, образованное вѣроятно изъ *ὀπίσω* (*πίσω*) и *οὐρά* (стало быть, «позади-хвостъ»). Название климени вѣроятно среднегреческое *κλαίμενη* или *κλαίμενη*, т. е. плачевная, слезы причиняющая, сказано же о ней: «азъ творю дѣти въ ноци плакатисе». Название «спириноса» можетъ быть въ связи съ глаголомъ *σπείρω* и *νόσος* (сѣять болѣзнь) или же съ глаголомъ *πυρώνω* (*inflammare*) потому что въ 1-ой молитвѣ сказано о «вѣщицѣ», что она «огненный духъ». Въ названіи 4-ой молитвы «авериа» слышится откликъ слова, встрѣчающагося въ молитвѣ, напечатанной проф. Качановскимъ: вара, а въ селевиа отзывъ румынскаго «свевела», но я не умѣю пока объяснить ни то, ни другое. Впрочемъ, самъ проф. М. Соколовъ восполнилъ нѣкоторые пробѣлы этой части своего труда превосходною статью, напечатанною въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюнь 1889 г. подъ заглавіемъ: «Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками».

Замѣчу еще, что никакъ нельзя согласиться съ поправкою, предлагаемою авторомъ на стр. 28 въ примѣчаніи, будто слѣдуетъ исправить молитва моя въ молитва твоа. Точно такъ въ молитвѣ 4-ой, по моему, невѣрно сочетаніе ¹⁾ словъ: и юность женамъ прохожю; напротивъ, слова юность женамъ относятся къ

¹⁾ Это невѣрное сочетаніе повторяется также въ вышеупомянутой статьѣ объ амулетахъ, на стр. 352, 355.

предыдущему: азъ доубик ис корѣне иземлю и юность же-нама, глаголь же прохождю принадлежитъ къ послѣдующимъ словамъ: прохождю яко медвѣдица и яко голоубица и яко змиа и яко кокошь, т. е. она (вѣщица) превращается въ такіа-то животныя. Сопоставленія относительно медвѣдя, на которыя авторъ ссылается, сюда не относятся.

И къ объясненіямъ о 12-ти пятницахъ незья было послѣ А. Н. Веселовскаго прибавить ничего важнаго. Но если не относительно содержанія, то касательно формы не лишнимъ было бы сказать кое-что для болѣе точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между славянскими текстами. Остановимся хоть бы на формѣ имени Леопарій, встрѣчающейся единственно въ этой рукописи. Я нахожу въ передачѣ греческаго φ (вм. ө) черезъ и признакъ одного изъ западныхъ говоровъ, произносящихъ, какъ извѣстно, Стефанъ какъ Стіепан, Стипан, Филиппъ какъ Пилип, Трифонъ какъ Трипун и т. д. Какъ далеко заходила полоса такого произношенія на востокъ, я не могу опредѣлить, но кажется, что она простиралась вдоль Адриатическаго моря довольно далеко на югъ.

У меня давно, еще въ бытность мою професоромъ въ Одессѣ, списанъ изъ рукописи подъ № 36, изъ собранія Григоровичевыхъ рукописей, отрывокъ того же сказанія, который привожу здѣсь цѣлкомъ, потому, что онъ, примыкая къ этой редакціи сказанія, все-же кое въ чемъ отстываетъ и отъ парижской, и отъ бѣлградской рукописей.

Сказаніе ѿ обрѣтенія елефтер... о ѿ. -тихъ петцѣхъ.

Въ странѣ западни и въ градѣ нѣкоемъ бѣ множество жидовѣ, сърѣвнѣ же велѣ имѣхоу съ хрѣтіаны, ѿвѣ на тръжниціи², ѿвѣ же въ градѣ, и оубивахъ се. При Карминѣ црѣ бы съборъ и рѣше къ хрѣтіанѣ жидове докѣлѣ ѿ намъ тръпѣти злобы сѣ и зрѣти оубивающихъ се междусѣбноу ратію чѣдомъ вашимъ же и нашимъ; Нѣ подобаетъ изъобрѣсти вамъ единого философа, намъ же другаго, даа ѿже аще прѣпритъ, томъ да вѣроумь. Оугодна же сѣа быше хрѣтіанѣ. Жидове же избраше себѣ моужа именовемъ Тарасѣа, хрѣтіане же избраше себѣ моужа бѣобогазнѣва, именовемъ Лефтерѣа. И съходѣща се въ единому храминуу прѣприрахъ се. Егда же бы третіе сънѣти се имъ поведе съ собою жидовинь сѣа своего, именѣ Малѣха. Егда же вынѣдоше въ книжныя глѣбины, всевѣдѣцъ бѣ поможе Елефтерѣ и прѣпре кого въ словесе² своихъ. Рече же жидовинь съ гнѣвомъ вамъ яко прѣпреа ме еси и истиннь ѿ бѣ пѣ вѣра ваша.

Законодавцоу Μωϋσεϋ сѣнь яви се, вам же истина яви се, ὡ δέβι бѣе рожен се χς... Дальше у меня нѣтъ, да кажется вообще, только этотъ отрывокъ остался.

Подъ № IV приводится съ нѣкоторыми пояснительными замѣтками текстъ, озаглавленный въ рукописи «Откровеніе», стало быть ἀποκάλυψις. Это заглавіе оставлено за текстомъ и у нашего издателя, хотя на дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого откровенія апокалиптического характера, а скорѣе это вопросы 12-ти апостоловъ и отвѣты «Господни» поучительнаго свойства. Паралельнаго славянскаго текста пока не отыскано. Г. Соколовъ не могъ указать и на подходящий греческій текстъ. Мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Въ нѣмецкомъ журналѣ Jahrbücher für protestantische Theologie за 1886 годъ читаемъ отчетъ нѣмецкаго пастора Филиппа Мейера, бывшаго тогда въ Смирнѣ, о различныхъ разсмотрѣнныхъ имъ греческихъ рукописяхъ востока: «Nachrichten über einige bisher unbenutzte, theils auch unbekannte griechische Handschriften zur biblisch-apokryphen Litteratur». Между прочими рукописями упоминается codex Patmensis № 379, очень поздняя рукопись XVI вѣка, въ которой, подъ заглавіемъ Διήγησις καὶ διδασκαλίη τῶν ἀγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς, содержится очевидно источникъ, прямой ли или косвенный (это пока не такъ важно) нашего «Откровенія». Въ доказательство сообщу содержаніе этого греческаго апокрифа въ томъ видѣ, какъ оно передается въ упомянутой статьѣ пастора Мейера: Послѣ вознесенія Господня собрались 12 апостоловъ въ Иосафатовой долині, и послѣ сорокадневнаго поста привидѣлась имъ ἑξέτασις слѣдующаго содержанія: Въ пятницу, τῇ ἡμέρᾳ τῆς παρασκευῆς, по всей вѣроятности передъ пасхою, предсталъ передъ ними въ ореолѣ ангелъ Господень и сталъ благословлять ихъ за то, что они выдержали сорокадневный постъ. Петръ, первый изъ апостоловъ, обращается къ ангелу съ просьбою сообщить ему, какого вознагражденія они могутъ ожидать за свой постъ, чтобы объ этомъ передать и другимъ, дошедшимъ до познанія славы Христовой. Ему отвѣчаютъ: кто сорокъ дней постился и въ это время молился Богу и творилъ богоугодныя дѣла, тому будутъ прощены всѣ грѣхи; сорокъ ангеловъ сотрутъ рукописаніе грѣховъ его. Потомъ выступаетъ апостолъ Павелъ и спрашиваетъ: какое покаяніе церковь должна назначить πόρνοις, ἀρσενοχοίταις, μοίχοις καὶ κτηνοβάταις. И ему отвѣчаютъ точно, сколько времени какіе грѣшники должны быть отлучены отъ церкви. Апостолъ Андрей, смѣнившій апостола Павла, узналъ въ ангелѣ Господа и

просилъ его явиться имъ безъ преображенія. Тогда Господь предсталъ передъ ними τέλειος. Андрей желаетъ быть наученъ въ томъ, какую силу имѣютъ предъ Господомъ отдѣльные дни недѣли. Въ отвѣтъ, данномъ ему, выставляются среда и пятница какъ постные дни, воскресенье же должно быть празднуемо съ девятаго часу субботы; всякія дѣла и производство суда должны быть прекращены въ этотъ день. Іаковъ желаетъ узнать подробнѣе о постѣ по средамъ и пятницамъ. Отвѣтъ гласитъ, что *δικαία παρασκευή* и *δικαία τετράδι* выйдутъ въ небесахъ на встрѣчу тому, кто въ тѣ дни усердно постился. Такому выйдутъ на встрѣчу также *ἡ χορηγία* съ седмию ангелами-лученосцами и представятъ его остальнымъ ангеламъ. Впрочемъ по средамъ-де надо поститься ради предательства, которое потерпѣлъ Христосъ въ этотъ день, а по пятницамъ ради дня смерти Господней. Тогда выступаетъ Тома съ желаніемъ узнать, какое наказаніе должно постигнуть священника, покинувшаго церковь по дурнымъ причинамъ. Ему отвѣчаютъ очень подробно. На этомъ греческій текстъ прерывается.

Не трудно усмотрѣть въ этомъ греческомъ апокрифѣ источникъ славянскаго текста, не смотря на то, что греческій раньше прерывается, чѣмъ славянскій. Но уже изъ краткаго изложенія содержанія, приводимаго Ф. Мейеромъ, видно, что ходъ разсказа въ славянскомъ текстѣ пострадалъ отъ пропусковъ или сокращеній. Такъ, изъ нашего текста не видно, когда собственно «бысть на нихъ оужась», потому что послѣ сорока дней поста упоминаются опять какіе-то .к. (20) дѣи и «днии мнози» и тогда только «ста прѣдъ ними ангель господень». Первый вопросъ апостола Петра выраженъ въ славянскомъ текстѣ сбивчиво, не сказано прямо, что апостолъ желаетъ узнать. И въ отвѣтъ ангела Господня не упоминается о прощеніи грѣховъ; о «потираниіи рукописанія» сказано такъ неопредѣленно, что я и не понялъ бы смысла этихъ словъ безъ помощи извлеченія, сдѣланнаго нѣмецкимъ ученымъ изъ греческой рукописи. Апостола Павла, выступающаго въ греческомъ текстѣ послѣ апостола Петра, въ славянскомъ сказаніи вовсе нѣтъ, и конечно, нѣтъ также тѣхъ вопросовъ, которые вложены ему въ уста Андрей, смѣнившій въ славянскомъ сказаніи апостола Петра, узнаетъ дѣйствительно Господа и по славянской редакціи, но о просьбѣ его, чтобы Христосъ предсталъ передъ ними τέλειος, не сказано ничего. Въ отвѣтъ Господа разсказывается приблизительно тоже, что въ греческой редакціи, но о чествованіи недѣли подробнѣе рѣчь идетъ потомъ; равно о запрещеніи судопроизводства въ воскресные дни

передается въ славянской редакціи дальше подъ поученіемъ, вызваннымъ апостоломъ Ѳомою. Разсказъ о вопросѣ Іакова и объ отвѣтѣ Господнемъ приблизительно совпадаетъ съ греческимъ текстомъ, судя по словамъ Ф. Мейера, хотя о семи ангелахъ съ лампадами у насъ не упоминается. Извлеченіе изъ греческаго текста о томъ, что сказано апостолу Ѳомѣ, столь коротко у Ф. Мейера, что нельзя судить о совпаденіи съ нимъ нашего славянскаго текста. Но замѣчательно во всякомъ случаѣ, что у насъ послѣ Ѳомы выступаетъ еще апостолъ Вареоломей, тогда какъ въ греческомъ текстѣ о немъ не упоминается вовсе.

III.

Центръ сочиненія проф. Соколова — въ его литературно-критическомъ разборѣ сказанія о крестномъ древѣ по той редакціи, которая присвоивается попу Іереміи. Такъ какъ этимъ вопросомъ уже раньше занимались разные ученые, преимущественно и подробнѣе всѣхъ академикъ А. Н. Веселовскій, то здѣсь автору представилась возможность отнестись критически къ нѣкоторымъ результатамъ предыдущихъ изслѣдованій и въ замѣнъ ихъ выставить свои особые взгляды. Этому критическому разбору, рядомъ съ подробнымъ анализомъ отдѣльныхъ частей свода, посвящена почти половина сочиненія (стр. 108—211). Отмѣтимъ прежде всего, какіе выводы прежнихъ изслѣдователей принимаетъ авторъ безъ возраженій. Какъ извѣстно, имя Іереміи, какъ автора этой апокрифической компіляціи, нашлось до сихъ поръ только въ одномъ рукописномъ текстѣ, принадлежность же именно этой компіляціи попу Іереміи впервые угадана мною, даже раньше открытія, сдѣланнаго покойнымъ Андреемъ Поповымъ. Проф. Соколовъ противъ этого сопоставленія не возражаетъ, и ему кажется, что «напечатанная... компіляція апокрифовъ, встрѣчающаяся обыкновенно съ заглавіемъ «Слово о честномъ (крестномъ) дрѣвѣ», *можетъ* быть произведеніемъ пресвитера Іереміи, которому она приписывается какъ въ спискахъ (собственно говоря, только въ одномъ спискѣ, замѣчу я), такъ и въ постороннихъ свидѣтельствахъ, именно въ индексѣ ложныхъ книгъ и въ посланіи Іерусалимскаго мниха Аѳанасія къ Панку» (стр. 141—142). Дальше и онъ не прочь вѣрить, что «компіляція Іереміи дошла до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ знали ее авторъ замѣтки въ индексѣ и мнѣхъ Аѳанасій, объявившіе ее лживыми баснями» (ibid.).

Но на этомъ общее согласіе прекращается. Дальнѣйшіе выводы г. Соколова противорѣчатъ взглядамъ, высказаннымъ когда-то мною и потомъ чаще А. Н. Веселовскимъ. У насъ не разъ повторялось, что «слово о крестномъ древѣ» — плодъ литературной дѣятельности богомильской. Впрочемъ тутъ я долженъ оговориться. Проф. Соколовъ напрасно приписываетъ мнѣ заслугу перваго отождествленія попа Іереміи съ попомъ Богомиломъ (на стр. 113). Оно принадлежитъ знаменитому Шафарику, написавшему въ 1853 году въ своихъ «*Památkach hlaholského písemnictví*» на стр. LX слѣдующія слова: «*Bohomil a Jeremias jest jedna a táž osoba, nosící, obučejem onoho věku, a zvláště Patarepův, dvoje jméno, jedno domácí čili slovanské, druhé řádové čili církevní*». Оно повторялось дѣйствительно потомъ и мною, и Рачкимъ, и другими. Но изучая подробнѣе этотъ предметъ, я давно уже убѣдился, что наши умозаключенія далеко не такъ прочны, какъ мнѣ казалось прежде. У меня хранится, къ счастью, документальное свидѣтельство о томъ, что я еще въ 188³/₂ году, читая въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи по исторіи литературы у южныхъ славянъ, не раздѣлялъ моихъ прежнихъ взглядовъ. Литографированныя лекціи моего тогдашняго курса, составленныя очень тщательно подъ редакцію моего тогдашняго ученика, князя Шаховскаго (онѣ изданы подъ заглавіемъ «Исторія литературы у южныхъ славянъ»), говорятъ объ этомъ предметѣ на стр. 59—65 довольно обширно. Я позволю себѣ для выясненія моего отношенія къ труду проф. Соколова, изданному лѣтъ шесть спустя послѣ моихъ лекцій, перепечатать здѣсь изъ литографированнаго экземпляра только слѣдующія мѣста:

«Дѣло въ томъ, что Богомилъ ни въ одномъ древнемъ памятникѣ не является дѣятелемъ литературнымъ, а таковымъ является прежде всего попъ болгарскій Іеремія. Приписывая богомиламъ главную дѣятельность по распространенію отреченныхъ книгъ и находя нѣкоторое сходство въ сюжетахъ проповѣдей богомильскихъ и сочиненій Іереміи, и Шафарикъ (*Památka hlaholsk. písemn.* 60) и Рачкій (*Rad. VIII, 95*) отождествляли эти двѣ личности, при чемъ послѣдній полагаетъ, что Іеремія принялъ названіе Богомилъ, сдѣлавшись реформаторомъ; съ этимъ взглядомъ согласны также Голубинскій, Иречекъ и другіе. Но, кажется, надо по нѣкоторымъ соображеніямъ отъ него отказаться. Главное тутъ именно умолчаніе объ авторствѣ Богомила всѣхъ старѣйшихъ источниковъ. Такъ, не говоря о Козьмѣ, въ синодикѣ Бориса (1210 г.),

читаемъ только анаеема на «попа Богомила, иже при Петрѣ цари блъгарстѣмъ въспріемшаго манихейскжж сіж ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣявшаго». Въ сборникѣ синод. библ. XVI в. (Опис. II. 3. 641) мы, правда, находимъ слова «творци быша еретическимъ книгамъ в' болгарской земли попь Еремѣи да попь Богомилъ», но это свидѣтельство позднее, да притомъ же оно какъ разъ различаетъ Богомила и Іеремію. Такъ же сомнительно и то мѣсто, которое найдено Срезневскимъ въ какомъ-то сборникѣ XV в. Новгородской Софійской бібліотеки, въ статьѣ о ересяхъ: «а еже о еретическихъ книгахъ Богѣмила попа, то блядство его злохытростно въ словѣ семь извѣщено потрошно», но далѣе тамъ о богомилской ереси ничего нѣтъ, а это упоминаніе книгъ можетъ быть только плодъ соображеній переписчика».

«Одинъ изъ важныхъ аргументовъ Рачкаго состоитъ въ томъ, что ему кажется возможнымъ приписать Богомилу такое произведеніе, которое по другимъ указаніямъ надо отнести къ сочиненіямъ Іереміи. Именно въ «Правилахъ русскаго перевода», пам. XVI в., говорится о «попѣ Богомилѣ иже блажняшеса о крестѣ христовѣ» (Rad, X, 239). Совершенно вѣрно, что и Іереміи приписывается сочиненіе о «крестѣ», но тамъ скорѣе прославляется крестъ этотъ, а между тѣмъ тутъ въ «правилахъ» далѣе читается (совсѣмъ согласно съ Козмою пресвитеромъ, даже дословно): «Богумилъ иже о крестѣ господни сице глаголетъ како са ему кланати, жидове бо на немъ сына божіа распаша». См. Іоаннъ Эксархъ, стр. 100. Разница на столько велика, что Іеремію нельзя даже считать непременно и принадлежащимъ къ богомилской ереси».

Кто сопоставитъ съ этимъ моимъ разсужденіемъ аргументацію проф. Соколова (на стр. 108—128), легко увидитъ, что я еще въ 1882 году излагалъ почти то же самое, что у проф. Соколова высказано въ слѣдующихъ двухъ выводахъ (на стр. 142):

«3. Анализъ содержанія Слова, сдѣланный Аѳанасіемъ и дополненный нами, приводитъ къ убѣжденію, что въ Словѣ Іереміи нѣтъ ничего богомилскаго.

«4. Пресвитеръ Іеремія не можетъ быть отождествляемъ съ попомъ Богомилломъ, распространителемъ ереси въ Болгаріи: для этого нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ».

Приведу еще изъ моихъ лекцій относительно словъ мниха Аѳанасія, направленныхъ противъ Панка, слѣдующій отзывъ: «Тутъ Іеремія, какъ видно, называется не проклятымъ Богомилломъ, а пресвитеромъ; Панко, повторяющій вслѣдъ за нимъ разсказъ о дрѣвѣ,

вовсе не спорить противъ поклоненія ему, а также расхочется съ богомилами и въ другихъ отношеніяхъ» (стр. 65).

Какъ видно, я раздѣлялъ еще въ 1882 году взгляды, подробно и съ большою убѣдительною изложенные въ сочиненіи проф. Соколова, какъ по отношенію Іереміи къ Богомилу, такъ и по отношенію апокрифической компиляціи къ наукѣ богомильской. Относясь такимъ образомъ вполне сочувственно къ его аргументаціи, укажу только на нѣкоторыя частности. Мнѣ кажется вполне удовлетворительно объясненнымъ (на стр. 110) заглавіе апокрифа въ рукописи бѣлградской, какъ «Слово и похваленіе Александрово». Точно такъ убѣдительно доказана (на стр. 117—119) зависимость замѣтки въ «Правилахъ русскаго перевода» отъ бесѣды Козмы пресвитера, на что указано мною еще въ лекціяхъ 1882 г. Но не убѣдилъ меня авторъ въ томъ, что онъ даже Панка старается освободить отъ принадлежности къ богомильской ереси. Едва-ли это вѣрно, по крайней мѣрѣ мнѣ представляется теперь этотъ вопросъ въ нѣсколько другомъ видѣ. Если Панко считалъ вино за причину перваго преступленія отца Адама, то это слишкомъ живо напоминаетъ требованіе богомильской ереси воздерживаться отъ вина, — нужды нѣтъ, что дальше сказано о снятіи съ него опалы благословеніемъ Христа. Точно также я не могу согласиться съ толкованіемъ автора, предложеннымъ въ примѣчаніи 1-омъ на страницѣ 120. Если Аванасій не подозрѣвалъ Панка въ превратномъ взглядѣ на бракъ и брачную жизнь, едва-ли нужно было ему высказывать такія общія мѣста, какъ: «законъ телесныи велить бракоу красною быти» или «не яко что странно ествомъ лише прочіи дѣла пріимши». Нѣтъ, Аванасій, по моему, не усматривалъ въ Панкѣ «человѣка, признававшего законный бракъ».

Но спрашивается: не разрушается ли моя и моего въ этомъ пунктѣ единомысленника гипотеза, по которой апокрифическій сводъ Іереміи не былъ а priori дѣломъ богомильской ереси, уже тѣмъ, что я настаиваю на принадлежности Панка къ богомильству? Я думаю: нѣтъ. Панко могъ быть приверженцемъ богомильской науки и въ то же время увлекаться чтеніемъ апокрифическихъ текстовъ, не вышедшихъ непосредственно изъ богомильской школы, но обращавшихъ на себя вниманіе и богомиловъ, потому что эти тексты затрогивали вопросы или очень близкіе и рассказывали вещи, для нихъ очень любопытныя. При этомъ не надо забывать, что богомилы могли читать апокрифическій рассказъ о крестномъ древѣ и толковать его по своему. Развѣ не послужило различное

толкованіе Священнаго Писанія поводомъ для многочисленныхъ ересей? Мнѣ кажется, авторъ упустилъ это изъ виду, когда черезъ-чуръ усердно сталъ защищать Панка отъ всякаго сообщничества съ богомилствомъ. Не во всѣхъ текстахъ, вращающихся въ средѣ той или другой секты, должна непременно заключаться вся суть ихъ религіознаго ученія. Читая въ извѣстномъ сводѣ, передающемъ цѣлую поэму о происхожденіи крестнаго древа, что оно произошло отъ древа Моисеева, Панко могъ и Моисея понимать по своему, т. е. именно въ этомъ дѣлѣ Моисей могъ быть, на его взглядъ, согласно богомилскому ученію, только орудіемъ коварнаго діавола.

Не соглашаясь въ этомъ принципиальномъ взглядѣ съ авторомъ, я конечно не принимаю всѣхъ пунктовъ его аргументаціи противъ богомилства нашего апокрифическаго свода. Я не считаю, какъ уже выше сказано, его богомилскимъ по происхожденію, но не нахожу въ немъ ничего антибогомилскаго въ томъ смыслѣ, чтобы этотъ текстъ не могъ найти большаго распространенія между богомилами. Такъ напримѣръ, я не вижу причины толковать эпизоды нашей апокрифической компіляціи о іерействѣ Христа и о томъ, какъ онъ плугомъ оралъ (на стр. 125—126), въ смыслѣ антибогомилскомъ, какъ нѣчто противорѣчащее богомилскому ученію. Это были въ глазахъ богомиловъ, допускавшихъ тоже священниковъ только не въ смыслѣ пышной византійской іерархіи, эпизоды такого невиннаго свойства, что могли даже очень имъ полюбовиться: они очень хорошо подходили къ ихъ демократическому устройству церковной жизни.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, подробное изложеніе которыхъ было бы здѣсь не кстати, явствуетъ моя точка зрѣнія по пятому пункту автора, гласящему на страницѣ 142 такъ: Посланіе мниха Аванасія, излагающее мнѣнія Панка, не можетъ служить основаніемъ для предположенія, что слово Іереми есть христіанская переработка богомилскаго сочиненія. Въ этомъ я согласенъ съ авторомъ, но сказалъ бы скорѣе на оборотъ: христіанское, но апокрифическое сочиненіе, источники котораго для насъ еще не вполне выяснились, получило очень рано примѣненіе въ литературѣ богомилской. Вообще (продолжаетъ авторъ) нѣтъ основаній предполагать, что богомилы были распространителями крестныхъ легендъ, которыя потомъ перерабатывались бы христіанами. И съ этимъ я согласенъ относительно послѣдней части, но отрицать живое участіе богомиловъ въ распространеніи многихъ апокри-

фовъ, подходившихъ болѣе или менѣе близко къ ихъ ученію, это, по моему, противорѣчитъ фактическимъ даннымъ южнославянскій исторіи литературы. Если у богомиловъ (такъ заканчиваетъ авторъ) и были крестныя легенды, то онѣ представляли собою приспособленіе къ ихъ ученію готовыхъ уже христіанскихъ легендъ. Съ этимъ я согласенъ, если подъ приспособленіемъ авторъ не подразумѣваетъ существенныхъ передѣлокъ, которыхъ существованіе по крайней мѣрѣ не доказано до сихъ поръ.

Наконецъ, авторъ задался очень не легкою задачею отвѣтить на вопросъ, какъ сложилась компіляція Іереміи о крестномъ древѣ. Этому анализу посвящена послѣдняя часть сочиненія (стр. 143—211). Хотя я не могу сказать, чтобы главное соображеніе автора, по которому слово Іереміино почерпнуло свой матеріалъ изъ пален, произвело на меня впечатлѣніе убѣдительности, все-же указаніе этой паралели между иными эпизодами слова и палеєю не должно считаться пропащимъ трудомъ. Я не могъ, правда, убѣдиться въ томъ, что Іеремія заимствовала отдѣльные эпизоды своей компіляціи прямо изъ пален (вѣдь паралельныхъ мѣстъ очень не много), но извѣстной, мнѣ пока неясной, связи слова съ палеєю я все-таки не смѣю отрицать. Мнѣ кажется только, что авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе «буквальнаго сходства» даже тамъ, гдѣ оно дѣйствительно замѣчается. По моему, сходство содержанія, если оно не доходить до несомнѣнной зависимости даже въ выраженіяхъ и оборотахъ, не можетъ еще доказывать подчиненіе одного памятника другому. Въ большинствѣ случаевъ, приводимыхъ у автора въ видѣ паралели между словомъ и палеєю, сходство формальное ограничивается общими выраженіями или же такими простыми предложеніями, гдѣ сходство можетъ быть объяснено даже переводомъ съ греческаго источника въ двухъ пріемахъ, независимыхъ другъ отъ друга. Такое впечатлѣніе производитъ на меня паралель между словомъ и палеєю въ эпизодѣ о чудѣ въ Меррѣ. Рассказъ въ словѣ дѣйствительно короче, чѣмъ въ палѣѣ, но я все-таки не рѣшился бы истолковывать очевидную связь между ними въ смыслѣ заимствованія слова изъ пален, потому что мыслимы предположенія и другого рода. Точно такъ, въ эпизодѣ о мѣдномъ змѣѣ сходство, правда, существуетъ, но можно ли утверждать, что слово несомнѣнно заимствовало свой текстъ изъ пален? Не думаю. Вѣдь и самъ авторъ не удовлетворялся однимъ сопоставленіемъ съ палеєю и привлекъ къ сравненію еще одно мѣсто изъ слова Григорія о крестѣ честномъ (на стр. 149). Самое замѣчательное совпаденіе

между словомъ и палеєю обнаруживается въ разсказѣ о повелѣніи Давида сыну Соломону построить храмъ по указанному образцу. Тутъ дѣйствительно не можетъ быть сомнѣнія даже въ формальной зависимости обоихъ текстовъ, не скажу — другъ отъ друга, но по крайней мѣрѣ отъ одного общаго для обоихъ источника. Бѣда только въ томъ, что приводимый паралельный текстъ палейный принадлежитъ очень позднему времени, и пока еще не извѣстно, существуетъ ли этотъ эпизодъ также въ богѣ древнихъ спискахъ толковой палеи? Только о коломенскомъ спискѣ могу навѣрное сказать, что тутъ его нѣтъ, хотя разсказъ доведенъ въ немъ до смерти Давида и царствованія Соломонова.

Эпизодамъ о разбойникѣ Амвросіи и Есромѣ нѣтъ источниковъ, на сколько знаемъ, въ палеѣ. Точно такъ для эпизода о посѣченіи древа и доставленія его въ Іерусалимъ самъ авторъ прибѣгаетъ за объясненіемъ къ посторонней помощи, т. е. къ сказаніямъ о крестномъ древѣ, озаглавленнымъ именами Григорія и Северіана, но вопросъ отъ этого не выигрываетъ, а только еще болѣе осложняется.

Мы стоимъ по видимому все еще передъ трудно рѣшимымъ вопросомъ, въ которомъ можетъ быть играла нѣкоторую роль также палея, чѣмъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало сказано, потому что и происхожденіе этого памятника пока покрыто еще мракомъ загадочности.

Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія разысканія въ области апокрифической литературы греческой помогутъ разсвѣять и этотъ мракъ. Счастливый случай можетъ разъяснить намъ вопросъ, кто такой былъ Іеремія, и принадлежалъ ли онъ первоначально къ греческой или къ болгарской литературѣ? Если къ послѣдней, какъ втихомолку почти всѣми изслѣдователями предполагается, въ такомъ случаѣ онъ могъ быть компиляторомъ извѣстнаго намъ свода не только изъ греческихъ источниковъ, но и изъ готовыхъ уже славянскихъ переводовъ. Но мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ сводъ цѣликомъ переведенъ на славянскій языкъ съ греческаго. Я ставлю его въ извѣстномъ смыслѣ рядомъ съ южнославянскою (сербскою) редакціей Александрія.

Всѣ качества сочиненія проф. Соколова — богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ каждаго изъ нихъ, а въ особенности остроумныя соображенія насчетъ апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ, — представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною

изъ премій, находящихся въ распоряженіи Императорской Академіи Наукъ.

Вѣна, 1 мая 1891 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Послѣ того, какъ отзывъ мой о книгѣ проф. Соколова былъ уже отправленъ въ Академію, случайное обстоятельство дало мнѣ возможность получить греческій текстъ указаннаго выше апокрифа: «Разсказъ и поученіе двѣнадцати апостоловъ». Проф. Р. Липсіусъ въ Іенѣ, къ которому я обращался по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, упомянувъ при этомъ только вскользь и о нашемъ пробѣлѣ, обрадовалъ меня извѣстіемъ, что копія съ греческой рукописи, о которой была рѣчь выше, находится въ его рукахъ, и выразилъ готовность уступить ее мнѣ для пользованія. Приношу искреннѣйшую благодарность знаменитому ученому за эту любезность, а текстъ печатаю по доставленному мнѣ списку въ этомъ приложеніи.

Διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς.

Διήγησις καὶ διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς. Εὐλόγησον πάτερ.

Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις μετὰ τὸ ἀναστῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ ἐμφανεσθῆναι αὐτὸν τοῖς ἁγίοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις, εἶτα καὶ ἀναληφθῆναι εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν, κατήλθον οἱ μαθηταὶ οἱ δώδεκα ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωσαφάτ καὶ ἐνεδυμᾶτο ἕκαστος ἐξ αὐτῶν περὶ τῶν ἀπίστων ἀνθρώπων καὶ ἐκάστου τῶν πταισμάτων οἷς πταίουσιν οἱ ἄνθρωποι, πῶς ἄρα γίνονται καὶ ἵνα γινώσκωνται τί μέλλουσιν ἐργάσασθαι ἵνα συγχωρηθῶσιν ἀπὸ τῶν πταισμάτων αὐτῶν. καὶ ποιήσαντες ἡμέρας τεσσαράκοντα ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωσαφάτ, νηστεύοντες καὶ προσευχόμενοι, ἐγένετο αὐτοῖς ἑκστασις ἡμέρας δέκα. καὶ μετὰ ταῦτα φῶς ἔλαμψεν αὐτοῖς τῇ ἡμέρᾳ τῆς παρασκευῆς καὶ ἔστη κατ' ἐνώπιον αὐτῶν ἄγγελος Κυρίου καὶ λέγει αὐτοῖς· θαρσεῖτε οἱ πολλὰ κοπίασάντες τὰς (ב' ρυκ. ταῖς) τεσσαράκοντα ἡμέρας ταύτας ἐν νηστείαις καὶ προσευχαῖς καὶ χαρμοκοιτίαις· καὶ χαίρετε ὅτι ἀποδώσει ὑμῖν ὁ θεός

τὸν μισθὸν ὑμῶν τῶν κεκοπιακόντων ἐν ταύταις ταῖς ἀγίαις ἡμέραις. Ἀναστάς δὲ ὁ Πέτρος ὡς πρῶτος τῶν ἀποστόλων πρὸς τὴν θεωρίαν, ἀπελογήσατο· Κύριε, θεωρῶ τὸ πρόσωπόν σου ὡς τὸ πρόσωπον τοῦ διδασκάλου μου, τοῦ ἀναληφθέντος ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἐξαστράπτοντα (sic), καὶ φόβος ἡμᾶς περιέσχε σφόδρα. νῦν δὲ ἐρωτῶ ὁ δούλος σου περὶ τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν. ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἄγγελος εἶπεν· λάλησον ῥῆμα πιστόν. λέγει ὁ Πέτρος· ἀποκάλυψόν μοι, Κύριε, τί ἐστὶν ὁ μισθὸς τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν ἕως τὸ πάσχα, ἵνα κἀγὼ ἀναγγείλω τοῖς γινώσκουσιν τὴν δόξαν τοῦ Χριστοῦ. λέγει ὁ ἄγγελος· ὁ μισθὸς τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν πολὺς ἐστὶν τοῖς νηστεύουσιν αὐτάς εἰλικρινῶς καὶ ἀμέμπτως, τὰς εὐχαριστίας τῷ θεῷ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἀναπέμποντες (sic). οἱ δὲ προσκαρτεροῦντες ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἐν προσευχαίᾳ καὶ νηστείαις καὶ δεήσεσι, λέγει ὁ Δαβὶδ· μακάριοι οἱ ἐξερευνῶντες τὰ μαρτύρια αὐτοῦ, ἐν ὅλῃ καρδίᾳ ἐκζητήσουσιν αὐτόν. εἰ δὲ ἔχει τις ἁμαρτίαν πλήθους πολλοῦ καὶ νηστεύσει τὴν ἀγίαν καὶ μεγάλην τεσσαρακοστήν εἰλικρινῶς, μεταδούς τοῖς πτωχοῖς τὴν καθημερινὴν τροφήν καὶ περιβόλαια ἐνδύων γυμνοὺς καὶ ἀπόρους εἰς πορισμὸν ποριζόμενος, μακαρίζουσιν αὐτὸν πᾶσαι ἀγίων χορεῖαι καὶ ἀγγέλων ἀριθμὸς τεσσαράκοντα ἴστανται ἀπέναντι, ἐξαλείφοντες τὸ χειρόγραφον τῶν ἁμαρτιῶν αὐτοῦ.

Προσελθὼν δὲ καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος ἐπερωτᾷ περὶ τῶν πόρνων καὶ ἀρσενοκοίτων. καὶ λέγει ὁ ἄγγελος· ὁ πόρνος οὐκ ἔχει τι ἀπολογίαν δοῦναι, ὅτι ὁ πύρινος ποταμὸς ἑαυτὸν ἀναμένει· ὁμοίως δὲ καὶ τὸν ἀρσενοκοίτην τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον ἐνδέχεται καὶ ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος. ἐὰν δὲ καὶ μετανοήσωσιν καὶ ἀπέχωνται ἀπὸ τὰς (sic) ἀσελγείας αὐτῶν καὶ ἀνομίας· ὁ μὲν ἀρσενοκοίτης ἔτη ἰβ' καὶ δέχεται αὐτὸν ἡ ἐκκλησία τοῦ θεοῦ, ὁ πόρνος ἔτη τρία, ὁ δὲ μοιχὸς ἔτη ὀκτώ, ὁ δὲ κτηνοβάτης ἔτη ἑννέα, ὁ φονεὺς ἔτη δώδεκα, ὁ κλέπτης ἡμέρας τεσσαράκοντα, ὁ ὀμνῶν ἀδίκως χρόνον ἑνα, ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι ἡ βλασφημία ἡμέρας τεσσαράκοντα. ἡ διγαμία ἔτη ἑπτὰ. καὶ οὐ παρέρχονται τοὺς χρόνους ἀπλῶς οἱ πάντες, ἀλλὰ νήφοντες καὶ ἐγρηγοροῦντες ἐν προσευχαίᾳ καὶ νηστείαις καὶ ἐλεημοσύναις, καθὼς ὑμᾶς ἅπαντας ἔχει διδάξει ὁ γνήσιος ὑμῶν πατὴρ καὶ πνευματικὸς. καὶ ἐὰν οὕτως διαπραξώμεθα, κληρονόμοι γενόμεθα καὶ βασιλείας οὐρανῶν. εἰ δὲ ἐπιμένουσιν οὗτοι πάντες ἐν ταῖς ἀσελγείαις αὐτῶν, αὐαὶ αὐτοῖς ἔσται.

Ὅμοιως δὲ καὶ Ἀνδρέας λέγει· Κύριε, γνωρίζω, ὅτι σὺ εἶ ὁ διδάσκαλος, καὶ γὰρ ἡ λαλιά σου μνηνεύει ὅτι σὺ εἶ ὁ Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος· καὶ ἐν σχήματι δούλου ἐφάνης τοῖς δούλοις σου περᾶσαι ἡμᾶς. καὶ νῦν, Κύριε, γινώσκω, ὅτι σὺ εἶ μετὰ τῶν δούλων σου· ὁρῶ γὰρ κυκλοῦντα σὲ δυνάμεις ἐν ποικίλαις μορφαῖς, καὶ ζῶα ἄγρια ἐξαπτέρυγα μετὰ φόβου βοοῦν· δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη. ἀκούσας δὲ ταῦτα

ὁ σωτῆρ, ἐμφανίσθη αὐτῷ τέλειος. καὶ εἶπεν Ἀνδρέας· Κύριε, δεῖξον μοι τῶν ἐπτὰ ἡμερῶν τῆς ἐβδομάδος ἐν ποιά δόξῃ παρίστανται σοι; ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Κύριος λέγει αὐτῷ Ἀνδρέα, ὡσπερ ἀστὴρ ἀστέρος διαφέρει, οὕτω καὶ ἡ πρώτη ἡμέρα διαφέρει ἐν δόξῃ· πρώτη δὲ ἐστὶν ἡμέρα, ἐν ἣ ὁ πατὴρ ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ μείζων πάντων εὐρέδῃ. διὰ τοῦτο καὶ Κυριακὴν αὐτὴν ἐκάλεσεν. ἔπειτα δὲ ἐποίησε τοὺς δύο φωστῆρας τοὺς μεγάλους εἰς διακόσμησιν τῆς ἡμέρας καὶ νυκτός· τὸν μὲν ἕνα ἐκάλεσεν ἥλιον, καὶ ἔστιν ἐπ' ἐξουσίαν τῆς ἡμέρας, τὸν δὲ ἄλλον σελήνην εἰς ἐξουσίαν τῆς νυκτός. τῇ τετάρτῃ ἡμέρᾳ ἐποίησεν ἔργον δικαιοσύνης καὶ νηστείας. τῇ ἑ-τῇ τὴν διαχώρεσιν γῆς τε καὶ ὕδατος. τῇ ἕκτῃ ἡμέρᾳ ἔπλασε τὸν ἄνθρωπον, τὰ κτήνη, τὰ ἔρπετά, τοὺς ἰχθύας καὶ ὅσα ἐν τοῖς ὕδασι. καὶ τῇ ἑβδόμῃ κατέπαυσεν ἀπὸ παντός ἔργου, ἤγουν τὸ σάββατον, καὶ ἔστησεν κεφάλαιον τῶν ζ' ἡμερῶν τὴν ἁγίαν Κυριακὴν. διὰ τοῦτο μακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὁ μετὰ εἰλικρινοῦς καρδίας νηστεύων καὶ προσευχόμενος τετράδην καὶ παρασκευὴν, καὶ τρισμακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ὅστις τὴν ἁγίαν Κυριακὴν φυλάττων ἀπὸ ὥρας ἐνάτης τοῦ σαββάτου καὶ μὴ ἐργαζόμενος ἐν αὐτῇ. καὶ αὐαὶ τῷ λαμβάνοντι δικαστὴν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ.

Προσελθὼν δὲ ὁ Ἰάκωβος ἐπηρώτησεν τὸν Κύριον λέγων· Κύριε, τί ἐστὶν ὁ μισθός τῆς τετράδης καὶ παρασκευῆς ὁ νηστεύων (sic); εἶπεν ὁ Κύριος· μακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὁ περιπατῶν ἐν αὐταῖς ἐν νηστείαις καὶ προσευχαῖς, ὅτι ὅταν ἔλθῃ ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἐκ τοῦ σώματος, προσπαπντᾶ αὐτῷ ἡ δικαία παρασκευὴ καὶ ἡ δικαία τετράδῃ λέγοντες· χαίροις ψυχὴ δικαία, ἡ πολλὰ κοπιᾶσα ἐπὶ τῆς γῆς· νῦν δὲ, εὐφραίνου καὶ ἀγάλλου καὶ χαίρου καὶ κατάμενε ἐν τῷ τόπῳ σου. ἔρχεται δὲ καὶ ἡ Κυριακὴ μετὰ ἐπτὰ ἁγίων ἀγγέλων λαμπροφώρων, καὶ ἀσπάζονται αὐτὴν, λέγουσα τοῖς ἀγγέλοις· ἴδετε ψυχὴν δικαίαν, ἴδετε ψυχὴν νηστευτικὴν, ἴδετε ψυχὴν ἡ φυλάξασα τὸ κατ' εἰκόνα αὐτῆς, ἴδετε ψυχὴν ἣτις μώλωπα οὐκ ἔχει, ἀλλὰ καλῶς ἠγωνίσασα ἐπὶ τῆς γῆς. διὰ τοῦ(το) χαίρουσιν ἐπ' αὐτὴν οἱ ἄγγελοι καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν. οὗτος ὁ μισθός ἐστὶν ὁ (τῶν) τὴν τετράδην καὶ τὴν παρασκευὴν νηστευόντων, ὅτι ἡ μὲν τετράδῃ τετίμηται διὰ τὴν προσδόσιν, ἡ δὲ παρασκευὴ διὰ τὴν σταύρωσιν, ἡ δὲ Κυριακὴ διὰ τὴν ἁγίαν ἀνάστασιν. καὶ μακάριοι οἱ φυλάσσοντες αὐτάς ἀπὸ παντός ἔργου πονηροῦ καὶ πάσης ἀκαθαρσίας. ἐὰν δὲ μὴ ἀκούσωσι καὶ μὴ φυλάξουσιν ταῦτα, ἀποστελῶ αὐτοῖς μάχαιραν καὶ λιμὸν καὶ αἰχμαλωσίαν, καὶ αὐαὶ αὐτοῖς ἔσται αὐαὶ δὲ τοῖς κοινωνοῦσιν τῶν ἀχράντων μυστηρίων τὴν ἡμέραν τῆς ἁγίας Κυριακῆς μετὰ καθαρᾶς συνειδήσεως.

Προσελθὼν δὲ ὁ Θωμαῆς ἐπερώτα τὸν Κύριον λέγων· διδάσκαλε, οἱ φυλάξαντες ταῦτα, τί ἔσται ὁ μισθός αὐτῶν; ὁ σωτῆρ εἶπεν· μετὰ ἀγγέλων

ἀγάγονται εἰς αἰῶνας αἰῶνος. ἀποκριθεὶς ὁ Θεοῦ ἐπέρωτα τὸν Κύριον. Κύριε, ἐὰν ἱερεὺς ἀφήσῃ τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ ἕνεκεν πραγματίας αὐτοῦ καὶ αἰσχροκερδίας ἢ αἰσχροκερδίας (sic) ἢ αἰσχρολογίας, τί ἐστὶν ἡ κόλασις αὐτοῦ; ὁ σωτὴρ λέγει· ἐὰν ἐπιμένῃ καὶ οὐκ ἐπιστρέψῃ, καταδικάζεται ὡς ὁ πόρνος εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον. εἰ δὲ μετανόησῃ καὶ ἐπιστρέψῃ, εὐλογεῖται ὑπὸ τοῦ ἀρχιερέως καὶ καθίσταται πάλιν εἰς τὴν ἑαυτοῦ τάξιν (reliqua desunt).

V.

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Г. ЧЕЧУЛИНА: „ГОРОДА МОСКОВСКАГО ГОСУ- ДАРСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ“,

составленный профессоромъ В. О. Ключевскимъ.

Книга г. Чечулина представляет двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй въ его матеріалѣ. По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, его трудъ можно назвать изслѣдованіемъ о социальномъ экономическомъ положеніи городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Основнымъ источникомъ служили автору писцовыя книги. Социально-экономическое положеніе городского населенія едва-ли не наименѣе изученный вопросъ въ исторіи древнерусскаго города, и потому задача автора сама по себѣ, независимо отъ постановки, какая дана ей въ книгѣ, можетъ быть признана очень удачною, какъ рассчитанная на восполненіе замѣтнаго пробѣла въ русской исторической литературѣ. Писцовыя книги, принимая этотъ терминъ въ общемъ родовомъ значеніи, можно причислить къ наименѣе разработаннымъ источникамъ нашей исторіи. По характеру своему онѣ требуютъ особыхъ приемовъ изученія и отъ удачнаго выбора этихъ приемовъ существенно зависитъ успѣхъ разрѣшенія вопросовъ, на которые даютъ отвѣтъ писцовыя книги. Между тѣмъ въ изученіи этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приемы, хотя мы и имѣемъ такіе удачные опыты обработки отдѣльныхъ вопросовъ по писцовымъ книгамъ, какъ извѣстные труды гг. Перетятковича и Соколовскаго. Потому, слѣдя за любопытными данными, извлекаемыми г. Чечулинымъ изъ этого источника, невольно присматриваешься и къ тому, какъ онъ это дѣлаетъ; его методика не останется безъ вліянія на дальнѣйшую разработку

писцовыхъ книгъ. Самъ авторъ такъ ставитъ и такъ разрѣшаетъ свою задачу, что методологическій интересъ его труда выдвигается даже на первый планъ. Такъ какъ авторъ подвергаетъ матеріалъ, заключающійся въ писцовыхъ книгахъ, подробному разбору, группируетъ, сопоставляетъ и истолковываетъ ихъ данныя, заставляя и читателя присутствовать при этой работѣ, то его изслѣдованіе о городахъ по писцовымъ книгамъ можно назвать и изслѣдованіемъ о писцовыхъ книгахъ, насколько онѣ касаются городовъ. Потому всего удобнѣе начать разсмотрѣніе книги г. Чечулина съ постановки его задачи и съ приемовъ ея разрѣшенія.

Постановка задачи у автора тѣсно связана съ источниками его изслѣдованія. Онъ нашелъ 44 особыхъ описанія 39 городовъ въ книгахъ писцовыхъ и другихъ родственныхъ имъ по содержанію и назначенію документахъ, опредѣляющихъ платежныя средства населенія Московскаго государства XVI вѣка, въ книгахъ платежныхъ и приправочныхъ, сотныхъ выписяхъ и т. п. Сверхъ того въ разметномъ спискѣ 1545—1546 гг. есть краткія свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ городахъ Новгородской области и между прочимъ въ Порховѣ, Старой Русѣ и самомъ Новгородѣ, особыхъ описаній которыхъ не найдено. Большая часть этого матеріала (27 описей изъ 44) извлечена авторомъ изъ неизданныхъ рукописей Публичной библіотеки въ Петербургѣ и изъ московскихъ архивовъ министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи. Значительное большинство описаній (34 изъ 44) относится ко второй половинѣ XVI вѣка. Наибольшее число городовъ, описанія которыхъ нашелъ авторъ, принадлежало областямъ Новгорода и Пскова (22 изъ 39); изъ остальныхъ городовъ одинъ (Торопецъ) находился на сѣверозападной окраинѣ государства, 5 въ центральныхъ областяхъ, 3 на юго-восточной окраинѣ и 8 на южной. Авторъ замѣчаетъ, что не дошло описанія ни одного города сѣверовосточной полосы, областей Двинской и Камской (стр. 22). Въ этомъ замѣчаніи есть какое-нибудь недоразумѣніе. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія совѣтникъ пермской казенной палаты В. Берхъ нашелъ въ соликамскомъ магистратѣ писцовыя книги Соликамска и Чердыни съ ихъ уѣздами, составленныя писцомъ Яхонтовымъ въ 1579 г., и въ своей книгѣ *Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ* (Спб. 1821) привелъ любопытныя извлеченія изъ этихъ книгъ. Кромѣ того копію съ этихъ книгъ Берхъ послалъ тогдашнему любителю отечественныхъ древностей гр. Румянцеву и эта копія вошла въ составъ собранія рукописей Румянцевскаго музея и отмѣчена Востоковымъ въ его опи-

саніи (№ 308). Можно пожалѣть, что авторъ не воспользовался этими книгами, если имѣлъ къ тому возможность.

Авторъ тѣсно связалъ свое изслѣдованіе съ довольно однообразнымъ матеріаломъ, предпринявъ изученіе городовъ по писцовымъ книгамъ. Такая связь наложила на изслѣдователя двойное стѣсненіе: съ одной стороны, онъ разсматривалъ состояніе городовъ только въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ писцовыя книги, а съ другой,— и въ писцовыхъ книгахъ онъ разбиралъ только части, описывающія состояніе городовъ. Авторъ не взялъ ни цѣльнаго предмета, ни цѣльнаго источника, и потому избранный имъ источникъ стѣснялъ его взглядъ на предметъ изслѣдованія, а предметъ затруднялъ его отношеніе къ источнику. Отсюда вышли два ряда неудобствъ, съ которыми пришлось бороться автору и которыя онъ одолевалъ не съ одинаковымъ успѣхомъ: одни изъ нихъ вытекали изъ отношенія автора къ основному источнику другія изъ отношенія этого источника къ предмету изслѣдованія.

Во-первыхъ, тѣмъ, что авторъ положилъ въ основу своего труда только отдѣлы писцовыхъ книгъ о городахъ, можно объяснить отсутствіе въ его изслѣдованіи обстоятельнаго критическаго разбора его источника въ полномъ составѣ. Можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что въ XVI в. еще не было выработано общаго плана писцовыхъ книгъ и не успѣли установиться ихъ виды (стр. 24 и 25). Но и помимо этого писцовыя книги возбуждаютъ много вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для того, чтобы правильно пользоваться этимъ источникомъ. Писцовое дѣло въ древней Руси было довольно сложной операціей, имѣвшей свою технику, свои приемы, обычаи и задачи, даже свои погрѣшности. Вслѣдствіе того не всѣ данныя, сообщаемыя писцовыми книгами, имѣютъ одинаковую цѣну для изслѣдователя. Рано, можетъ быть еще со временъ Степана Бородатаго, знаменитаго московскаго писца и публициста XV в. на писцовыя книги котораго не разъ ссылаются документы послѣдующаго времени, древнерусскій писецъ началъ вносить въ свои описи условные знаки, термины, формулы. Важно знать, отражались ли въ этихъ условныхъ приемахъ какія-либо дѣйствительныя, житейскія отношенія, или они служили только техническими удобствами для писца. Еще важнѣе разъяснить, какими способами и какія данныя добывалъ писецъ и какую цѣну придавалъ онъ разнымъ категоріямъ данныхъ, что онъ разслѣдовалъ самъ, что узнавалъ отъ отвѣтственныхъ мѣстныхъ показателей, окладчиковъ и т. п., что наконецъ заимствовалъ изъ прежнихъ описей. Вообще не мало-

важный для изслѣдователя вопросъ — степень участія личнаго усмотрѣнія писца въ пріемахъ и составѣ описи, особенно въ установленіи единицъ и размѣровъ податнаго обложенія; не рѣшивъ этого вопроса, можно принять капризъ писца за бытовую норму. Личныя соображенія писца несомнѣнно находили себѣ извѣстный просторъ и среди точныхъ указаній писцоваго наказа; иначе были бы непонятны жалобы тяглыхъ людей на то, что писецъ обложилъ ихъ слишкомъ тяжело. Иногда это личное усмотрѣніе, неизбѣжное въ такомъ дѣлѣ, какъ будто даже граничило съ злоупотребленіемъ. Здѣсь можно припомнить мѣсто изъ письма къ кн. В. В. Голицыну его управляющаго Боева, гдѣ послѣдній увѣдомляетъ князя, что его сыну по милости одного радѣтеля писецъ отмежевалъ земли на 450 четей, «а сказываютъ, что будетъ по его межеванью и на 1000 четвертей». Вообще писцовыя книги задаютъ очень много дѣла исторической критикѣ и ожидать приступа къ нему въ книгѣ г. Чечулина было тѣмъ естественнѣе, что онъ положилъ начало этой работѣ въ статьѣ о переписяхъ въ Россіи до конца XVI в. и имѣлъ образцовое руководство въ извѣстной статьѣ Неволіна объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи. Притомъ критика писцовыхъ книгъ предохранила бы автора отъ нѣкоторыхъ напрасныхъ усилій и указала бы ему, какіе вопросы можно рѣшить по нимъ и какихъ нельзя. Писцовая книга — очень хорошій историческій свидѣтель, который можетъ много и правдиво разсказать; но ее надобно спрашивать только о томъ, о чемъ она можетъ разсказать; иначе ея показанія не разъяснятъ, а запутаютъ дѣло. Не разъ авторъ съ своей обычной добросовѣстностью усиливается объяснить какой-нибудь темный или своеобразный терминъ либо неясное показаніе писцовой книги; но такъ какъ онъ ищетъ объясненія въ этой же книгѣ, которая его не даетъ, то онъ, какъ въ уравненіи съ двумя неизвѣстными, дѣлаетъ разныя предположенія, которыя однако обыкновенно разрѣшаются тѣмъ окончательнымъ выводомъ, что положительно утверждать этого нельзя, что прямыхъ указаній для рѣшенія этого нѣтъ и т. п. (см. наприм. стр. 61, 71, 232).

Съ отсутствіемъ критики писцовыхъ книгъ тѣсно связаны по своему происхожденію нѣкоторыя, такъ сказать, техническія недостатки или пробѣлы въ обработкѣ матеріала, какой черпалъ авторъ изъ писцовыхъ книгъ. Его книга при бѣгломъ просмотрѣ можетъ показаться сводомъ сыраго матеріала, простымъ пересказомъ городскихъ описей. Но такое впечатлѣніе далеко не будетъ соответствовать настоящей научной цѣнѣ разсматриваемаго сочиненія. Оно

потребовало отъ автора большой черновой работы, которая осталась малозамѣтной для читателя, въ большинствѣ случаевъ не нашедши себѣ мѣста даже въ примѣчаніяхъ. Приходилось группировать разнообразный статистическій матеріалъ, бороться съ неполнотою данныхъ и пополнять пробѣлы источника, провѣрять итоги писцовъ и выводить свои, высчитывать процентныя отношенія, составлять перечни, возстановлять смыслъ терминовъ и отношеній, уже непонятныхъ современному читателю. Кто знакомъ съ своеобразными и часто своеобразными приемами древнерусскихъ писцовъ и съ неисправнымъ видомъ, въ какомъ дошли до насъ многія писцовыя книги особенно XVI вѣка, тотъ пойметъ всю тяжесть и оцѣнить значеніе такихъ предварительныхъ черновыхъ работъ. Жаль, только, что авторъ не вездѣ доводилъ до конца эти работы. Онъ разбиралъ и обобщалъ преимущественно статистическія данныя писцовыхъ книгъ, касающіяся населенности городовъ, раздѣленія городского населенія по классамъ и занятіямъ, состоянія торговли и промышленности, видовъ и количества торгово-промышленныхъ заведеній, размѣровъ повинностей и т. п. Чтобы сдѣлать для читателя возможнымъ и удобнымъ общее обозрѣніе этихъ данныхъ, необходимы таблицы, которыхъ не находимъ въ изслѣдованіи, и точные итоги, которые не вездѣ выведены. Читателю приходится самому составлять тѣ и другіе, продолжая работу автора, чтобы не потерять значительной части результатовъ ея изученія. Въ этихъ таблицахъ должны быть сведены данныя, составляющія существенное содержаніе писцовыхъ книгъ, и составъ самыхъ таблицъ долженъ быть соображенъ съ цѣльнымъ составомъ писцовыхъ книгъ, слѣдовательно основанъ на изученіи послѣднихъ въ полномъ ихъ объемѣ. Безъ этихъ приспособленій нѣкоторые выводы автора, особенно его вычисленія, могутъ вызвать недоумѣніе ¹⁾. Точно также

¹⁾ Ограничимся немногими примѣрами. Опредѣляя развитіе ремеслъ въ новгородскихъ пригородахъ, авторъ по книгѣ 1500 г. насчитываетъ въ Ивановгородѣ ремесленниковъ 39 чел. или 23% общаго числа населенія города (стр. 51). Но выше въ описаніи этого города (стр. 38) общее число его населенія не было выведено. По перечню автора мы считаемъ 201 чел.; но 39 не составитъ 23% этой суммы. Вѣроятно, авторъ принялъ въ расчетъ только 169 торговыхъ людей и казаковъ, отбросивъ почему-то 4 купцовъ, 1 попа и 27 дворниковъ. Въ Орѣшкѣ авторъ считаетъ только двухъ указанныхъ въ книгѣ ремесленниковъ, пастуха и скомороха. Положимъ, что другихъ и не было. Общій итогъ людей и здѣсь не выведенъ (стр. 37). По частнымъ итогамъ автора тяглыхъ и нетяглыхъ выходитъ 261. Но 2 не составитъ полного 1% этой суммы, какъ выводитъ авторъ. Впрочемъ и частные итоги не совсѣмъ ясны. Авторъ счи-

не выяснено достаточно отношеніе автора къ нѣкоторымъ особенностямъ писцовыхъ книгъ, затрудняющимъ ихъ изученіе. Такъ итоги въ нихъ нерѣдко расходятся съ перечнями; это происходило отъ разныхъ причинъ, которыя необходимо выяснять въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы рѣшить, принять ли итогъ, или перечень за основаніе разсчета. Авторъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно вводитъ въ изслѣдованіе свои итоги даже тогда, когда признаетъ итогъ источника вѣрнымъ и слѣдовательно свой невѣрнымъ (стр. 60, прим. 2). Въ итоги обывателей дворовъ писцовыя книги XVI в. вводятъ только поименованныхъ въ перечняхъ главъ семействъ, отвѣтственныхъ за дворовыя тягла, обыкновенно не упоминая о дѣтяхъ и младшихъ родственникахъ этихъ главъ. Но иногда онѣ ставятъ при имени главнаго обывателя двора глухое указаніе и на младшихъ членовъ его семьи: «дворъ Якова съ дѣтьми» и т. п. Авторъ усвоилъ себѣ правило принимать здѣсь «возможный *minimum*», предполагать по двое дѣтей или братьевъ и считать въ упомянутомъ примѣрномъ дворѣ Якова «не менѣе» 3 человекъ (стр. 35, прим. 1). Но такихъ количествъ съ оговоркой «не менѣе» нельзя ввести въ точный итогъ, а изъ итоговъ, такъ составленныхъ, мало что можно вывести, не говоря уже о томъ, что нѣтъ видимой нужды въ такомъ приемѣ и сами писцы не вводили такихъ глухихъ отмѣтокъ въ свои итоги.

Большее вниманіе къ техникѣ писцоваго дѣла, вѣроятно, удержало бы автора и отъ другаго сомнительнаго приема, имѣющаго болѣе важное значеніе. Авторъ призналъ необходимымъ найти способъ хотя приблизительно высчитывать по даннымъ писцовыхъ книгъ полное число жителей извѣстнаго города. Писцовыя книги XVI в. показываютъ только число дворовъ, обозначая въ каждомъ одного или нѣсколько взрослыхъ представителей, главъ семействъ. Можно было бы высчитать среднее число людей на дворъ по переписнымъ книгамъ XVII в., въ которыхъ перечислялось все мужское населеніе дворовъ. Но авторъ справедливо полагаетъ, что численный составъ двора въ XVII в. могъ измѣниться сравнительно съ

таетъ въ Орѣшкѣ 245 тяглыхъ людей въ 174 дворахъ; мы по книгѣ 1500 г. не могли насчитать болѣе 235 чел. въ 169 дворахъ. Въ описаніи г. Орѣшка мы замѣтили нѣсколько и другихъ сомнительныхъ дворъ. Или, напримѣръ, изъ отношенія 77 къ 297 по сотной г. Каргополя авторъ выводитъ 27,3% ремесленниковъ вмѣсто 25,9%. Можетъ быть, здѣсь есть опечатки? Самое свойство изслѣдуемыхъ авторомъ данныхъ требовало особой осмотрительности какъ въ ихъ обработкѣ, такъ и въ корректурѣ книги.

XVI в. Въ виду этого авторъ выводитъ такой способъ вычисленія (27—31). Если въ теченіе одного вѣка могъ измѣниться численный составъ двора, то измѣненіе численнаго отношенія взрослыхъ къ дѣтямъ не могло итти такъ быстро. По переписнымъ книгамъ 8 городовъ (1677 г. съ книгой одной слободы г. Москвы 1684 г.) онъ разсчиталъ, что на 1000 взрослыхъ мужчинъ, считая таковыми всѣхъ, имѣющихъ 15 лѣтъ или болѣе, приходилось 633 чел. дѣтей мужскаго пола, т. е. имѣвшихъ не болѣе 14 лѣтъ. Такъ какъ число женщинъ вообще близко къ числу мужчинъ, то для полученія полнаго числа населенія, представляемаго тысячей взрослыхъ мужчинъ, цифру 1633 надобно удвоить; иначе говоря, для опредѣленія населенности города слѣдуетъ показанное въ его дворахъ число взрослыхъ мужчинъ умножить на 3,266. Этому способу нельзя отказать въ остроуміи; но въ документахъ встрѣчаются указанія, какъ будто колеблющія основанія разсчета, на которомъ онъ построенъ. Тяглые дворы въ древней Руси по размѣрамъ падавшихъ на нихъ повинностей раздѣлялись на три разряда, на *лучшіе*, *средніе* и *молодшіе*. Авторъ безъ труда замѣтилъ, что въ писцовыхъ перечняхъ на дворъ лучшей обыкновенно приходилось людей, т. е. взрослыхъ мужчинъ, болѣе чѣмъ на средній, а на средній болѣе чѣмъ на молодой (стр. 46). Отъ чего это происходило? Численный составъ семей, т. е. ходъ народненія и вымирания едва-ли могъ обуславливаться фискальной классификаціей дворовъ. Въ объясненіе этого авторъ приводитъ такія соображенія, точнѣе говоря, предположенія. Въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 47) онъ говоритъ, что означенное дѣленіе дворовъ на разряды основывалось не на денежныхъ податяхъ, а на тяглѣ, на количествѣ натуральныхъ повинностей. Это не совсѣмъ ясно: въ составъ тягла входили и денежные подати вмѣстѣ съ натуральными повинностями. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 242) читаемъ, что при распредѣленіи тяглыхъ людей на означенные разряды главное вниманіе было обращено не на промыселъ, а вѣроятно на тяглую способность, т. е. прежде всего на составъ семьи. Наконецъ въ своей статьѣ «Начало въ Россіи переписей», замѣчая, что въ нѣкоторыхъ книгахъ XVI в. чаще чѣмъ въ другихъ встрѣчаются дворы «съ не однимъ мужчиной», авторъ объясняетъ это особенностью расселенія въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ эти книги относятся (стр. 20). Эти различныя объясненія нуждаются въ повѣркѣ. Авторъ въ своемъ разсчетѣ причислилъ къ взрослымъ и 15-лѣтнихъ, потому что съ нихъ «уже начинали брать подати», причемъ онъ ссылается на одну уставную грамоту Соловецкаго

монастыря (стр. 30). Но въ этой грамотѣ говорится только объ участіи 15-лѣтнихъ въ платежѣ нѣкоторыхъ поголовныхъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ, а не общихъ государственныхъ податей. Участіе въ государственномъ тягѣ вообще зависѣло не отъ одного возраста; больше значила здѣсь наличность торгово-промышленнаго капитала или земледѣльческаго инвентаря. Въ древнерусскихъ подворныхъ описяхъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, можно встрѣтить такіе случаи, что въ иномъ дворѣ при одномъ *письменномъ*, т. е. записанномъ въ писцовую книгу тягломъ домохозяинѣ состоитъ нѣсколько неписьменныхъ и нѣтяглыхъ, хотя и взрослыхъ сыновей, братьевъ или племянниковъ, а въ другомъ дворѣ у домохозяина только и есть одинъ взрослый сынъ или братъ и однако оба они *записаны* во дворѣ, т. е. несутъ тягло. Это значитъ, что въ первомъ дворѣ при обиліи рабочихъ рукъ капитала или инвентаря доставало только на одно тягло, а во второмъ обиліе хозяйственныхъ средствъ позволяло положить тягло на все наличное количество рабочихъ силъ. Правительство предписывало тяглымъ обществамъ въ государевыхъ податяхъ верстаться самимъ «по животомъ и по промысломъ», а не по наличному составу семей, назначая съ своей стороны только извѣстныя суммы податей на окладныя единицы, высшей изъ которыхъ была *соха*. Эта разверстка вмѣстѣ съ распредѣленіемъ дворовъ по разрядамъ основывалась въ городѣ на размѣрѣ капиталовъ или на доходности промысловаго труда. Въ каждомъ разрядѣ одинаковая сумма податей падала на неодинаковое число дворовъ, въ высшемъ на меньшее чѣмъ въ среднемъ, въ среднемъ на меньшее чѣмъ въ низшемъ. Писцы не мѣшались въ эту разверстку и иногда держались своихъ расчетовъ, ей не соответствовавшихъ, выводили, напримѣръ, средній платежъ на дворъ безъ различія разрядовъ, какъ это сдѣлано съ пищальными деньгами въ приводимомъ у автора итогѣ писцовой книги г. Вязьмы; но изъ книгъ Устюжны видно, что эта подать взималась не въ одинаковомъ размѣрѣ съ дворовъ разныхъ разрядовъ (стр. 77 и 78, прим. 2). При послѣдовательномъ проведеніи основанія разверстки и на дворы одного разряда не могли падать одинаковые оклады, если они значительно разнились между собою животами и промыслами. При этомъ принимался въ расчетъ и численный составъ двора, если умноженіе взрослыхъ работниковъ въ семьѣ расширяло обороты двороваго капитала или промысла. Соразмѣрно съ этимъ расширеніемъ мѣръ могъ возвыситься и окладъ такого двора, записавъ въ тягло на подмогу домохозяину его подростаго сына или

брата и соразмѣрно съ этимъ возвышеніемъ понизивъ окладъ другаго двора того же разряда, гдѣ условія были менѣе благопріятны. Понятно, что дворовъ, способныхъ выдержать возвышенные оклады при умноженіи рабочихъ силъ, оказывалось сравнительно съ числомъ всѣхъ дворовъ разряда больше среди лучшихъ, чѣмъ среди среднихъ и т. д. Значить, писцовыя книги обозначали большее среднее число людей на лучшей дворъ не потому, что эти дворы были многолюднѣе, а потому, что люди ихъ были тяглоспособнѣе. Отсюда видно, почему можно сомнѣваться, чтобы приемъ автора приводилъ къ цѣли — приблизительному опредѣленію всего населенія города по числу поименованныхъ въ писцовой книгѣ людей. Во-первыхъ, по его разсчету на тысячу взрослыхъ мужчинъ возрастомъ въ 15 лѣтъ и выше приходилось 633 чел. дѣтей мужскаго пола въ 14 лѣтъ и ниже и потому онъ для опредѣленія всего числа жителей мужскаго пола въ городѣ на cadaго поименованнаго въ книгѣ мужчину клалъ по 0,633 чел. дѣтей; но въ писцовыхъ книгахъ XVI в. поименовывались не всѣ взрослые, начиная съ 15 лѣтъ, а только тяглоспособные изъ взрослыхъ. Во-вторыхъ, разсчетъ автора былъ бы вѣренъ, если бы классификація дворовъ дѣйствительно основывалась на «составѣ семей», какъ онъ предполагаетъ, если бы въ первый разрядъ зачислялись многосемейные, а люди съ малыми семьями въ остальные разряды; но податная система XVI в. не поддерживаетъ этого предположенія. Такимъ образомъ въ положеніи автора, что при классификаціи дворовъ главнѣйшее вниманіе обращали на *тяглую способность* двора, т. е. прежде всего на *составъ его семьи*, можно принять только первую половину, потому что не видно, чтобы тяглоспособность двора условливалась прежде всего семейнымъ его составомъ¹⁾. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ книги самъ авторъ съ достаточной убѣдительностію показываетъ, что писцовыя книги, считая главнымъ образомъ дворы, а не людей, въ описаніи дворовъ не даютъ полнаго числа взрослыхъ мужчинъ и

¹⁾ Въ поясненіе того, какъ мало зависѣла податная классификація тяглыхъ городскихъ дворовъ отъ состава семей, приведемъ одну мелкую черту изъ документа XVII вѣка, когда городское тягло сохраняло свой прежній строй, какой оно имѣло въ XVI в. По писцовой книгѣ 1687 г. въ г. Гороховцѣ на посадѣ значилось тяглыхъ дворовъ средней статьи 12, людей въ нихъ тожь, а у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ 21, молодыхъ дворовъ 7, людей въ нихъ столько же, а у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 104. Значить, на средней дворъ приходилось менѣе чѣмъ по 3 чел. мужскаго пола, а на молодой почти по 16 чел., т. е. почти въ шесть разъ больше. *Владимірск. Губерн. Вѣд.* 1865 г. №№ 29—31.

«почти вовсе не заботятся сообщить точныя цифровыя данныя о людяхъ» (стр. 236). Этимъ замѣчаніемъ авторъ если не разрушаетъ своего способа вычислять населенность городовъ, то сильно колеблетъ его основаніе.

Недоразумѣніе, думаемъ, произошло отъ того, что авторъ не сразу установилъ свой взглядъ на значеніе людей, поименовываемыхъ писцовыми книгами въ перечняхъ тяглыхъ дворовъ. Въ началѣ своего труда, при изложеніи рассмотрѣннаго выше способа, онъ видѣлъ въ этихъ писцовыхъ представителяхъ дворовъ просто взрослыхъ мужчинъ и смотря по тому, сколько людскихъ именъ обозначала книга при извѣстномъ дворѣ, различалъ дворы «съ однимъ взрослымъ мужчиной» и «не съ однимъ взрослымъ мужчиной» (стр. 28). Но при дальнѣйшемъ развитіи изслѣдованія онъ замѣтилъ (стр. 236), что писцовыя книги не даютъ полнаго числа взрослыхъ мужчинъ въ описаніи дворовъ, что въ иномъ дворѣ могли быть взрослые мужчины и кромѣ поименованныхъ въ книгѣ, но значенія этихъ послѣднихъ онъ не опредѣлилъ съ достаточной полнотой. Это можно считать причиной и другаго расчета, подобнаго изложенному. Колеблясь въ объясненіи поразряднаго дѣленія дворовъ, авторъ вообще расположенъ придавать ему очень мало значенія. Онъ не находитъ «никакихъ указаній» на какое-либо различіе въ экономическомъ положеніи людей этихъ разрядовъ, даже на различіе оброка (стр. 47). Однако если одинаковые посешные оклады податей вимались съ меньшаго числа лучшихъ дворовъ, съ большаго середнихъ и еще съ большаго молодшихъ, это уже есть кой-какое указаніе при тогдашней связи тягла съ хозяйственнымъ положеніемъ тяглецовъ. Противъ этого указанія авторъ ставитъ такой расчетъ (стр. 283—4). По книгѣ г. Зарайска въ соху положено лучшихъ дворовъ 80, середнихъ 100, молодшихъ 120; но людей письменныхъ, т. е. тяглыхъ приходилось по расчету автора на 80 лучшихъ дворовъ 128 чел., на 100 середнихъ 144, на 120 молодшихъ 150. Въ этомъ посешномъ распредѣленіи авторъ подставляетъ цифры людей вмѣсто цифръ дворовъ и, рассчитавъ посешныя повинности по людямъ, а не по дворамъ, находитъ, что на отдѣльнаго человѣка въ каждомъ разрядѣ при такомъ расчетѣ придется почти одинаковая доля повинностей, такъ какъ хотя на каждый лучший дворъ падала большая доля посешнаго оклада, чѣмъ на средній, зато и людей приходилось на первый больше чѣмъ на послѣдній; таково же было отношеніе и середнихъ дворовъ къ молодымъ. Отсюда авторъ выводитъ «очень любопытное заключе-

ніе», что въ XVI в. въ *каждой мѣстности* тяглые люди (всѣхъ трехъ разрядовъ) платили почти что поровну и что «уже тогда пососпныя повинности если еще не совершенно соответствовали подушной подати, то уже очень приблизились къ ней». Заключение выведено изъ разложенія повинностей по людямъ. Но вѣдь это только предположеніе автора, будто «разложеніе повинностей по дворамъ есть, *очевидно*, искусственное и въ дѣйствительности, въ жизни, *конечно*, переходившее въ разложеніе по людямъ». Значить, свое положеніе авторъ выводитъ изъ своего же предположенія. Это положеніе, не столько историческое, сколько діалектическое, еще поддерживается нѣсколько симметричными числами дворовъ и людей зарайской книги. Но отъ наблюденія, что такъ случилось въ Зарайскѣ, еще далеко до вывода, что такъ было «въ каждой мѣстности», особенно когда и авторъ знаетъ, какъ трудно приложить этотъ выводъ, на примѣръ, къ Свижску, гдѣ на дворъ каждаго разряда приходилось ровно по одному письменному человѣку, или къ Устюжнѣ, гдѣ на середній дворъ приходилось по одному человѣку, а на молодшій почти по 2: здѣсь при зарайской пропорціи середнихъ и молодшихъ дворовъ въ сохѣ среднему человѣку пришлось бы платить почти въ $2\frac{1}{2}$ раза больше молодшаго. Въ пососпной разверсткѣ какъ цифры дворовъ и людей разныхъ разрядовъ, такъ и самыя пропорціи по мѣстнымъ условіямъ были очень разнообразны, и авторъ это знаетъ (стр. 178). Впрочемъ онъ какъ будто самъ не предвидѣлъ своего вывода, столь общаго и рѣшительнаго, характеризующаго всю податную систему XVI вѣка, хотя и основаннаго на данныхъ одного г. Зарайска послѣднихъ лѣтъ этого вѣка: страницей выше, приступая къ своему вычисленію съ цифрами зарайской книги, онъ думалъ воспользоваться ея данными только «для единичнаго случая, не распространяя получаемыхъ выводовъ и на всѣ другіе подобные случаи». Собственно не было и надобности подставлять цифры людей подъ цифры дворовъ: въ дѣйствительности, въ жизни, какъ выражается авторъ, повинности раскладывались не по людямъ и даже не по дворамъ, а по животамъ и промысламъ. Дворъ служилъ при окладѣ и раскладкѣ только счетной единицей, посредствомъ которой финансовое управленіе вычисляло суммы податей, приходившіяся на тяглое общество, а это послѣднее разверстывало ихъ между плательщиками по ихъ тяглоспособности. Въ городѣ 20 лучшихъ тяглыхъ дворовъ; въ соху такихъ положено 80; ямскихъ и приметныхъ денегъ указано съ сохи по 20 р.; слѣдовательно съ 20 лучшихъ дво-

ровъ города доведется взять ямскихъ и приметныхъ 5 р. Но сколько придется съ каждаго двора по его животамъ и промысламъ, — это уже дѣло мірской разверстки. Значить, казенный расчетъ по дворахъ надобно отличать отъ мірской разверстки по животамъ и промысламъ. Но если даже принять расчетъ автора, посопная система повинностей XVI в. все-таки будетъ очень далека отъ подушной подати, потому что первая считала только взрослыхъ работниковъ, положенныхъ въ тягло, а вторая падала на каждую мужскую душу податнаго состоянія. При ясномъ понятіи о томъ, что такое былъ тяглый человекъ въ древней Руси и какія условія создавали это положеніе, не возможно ни отождествлять, ни даже сближать тогдашнюю податную систему съ подушной.

Въ мысли о маломъ значеніи поразряднаго дѣленія городскихъ тяглыхъ дворовъ автора поддерживаютъ между прочимъ замѣченные имъ въ нѣкоторыхъ городахъ случаи, когда молодшіе платили больше среднихъ и даже лучшихъ. Такъ въ Казани и Свѣяжскѣ нѣкоторые молодшіе торговые люди платили оброка съ занимаемыхъ ими торговыхъ помѣщеній, лавокъ и т. п. больше нѣкоторыхъ среднихъ и лучшихъ (стр. 241). Но полавочное обложеніе — совсѣмъ особое дѣло, отличное отъ подворнаго, на которомъ основывалось поразрядное дѣленіе дворовъ. Не всѣ тяглые дворовладѣльцы въ городѣ занимали въ немъ торговыя помѣщенія и не всѣ, занимавшіе такія помѣщенія, были дворовладѣльцами въ городѣ и даже тяглыми людьми. Потому этотъ оброкъ и разверстывался только между владѣльцами такихъ помѣщеній отдѣльно отъ общихъ посопныхъ повинностей. Тульская книга въ приведенномъ у автора мѣстѣ (стр. 242, прим. 1) прямо говоритъ, что оброкъ съ лавокъ разводятъ торговые люди «межь себя сами, смотря по человекѣ и по товару». Въ древней Руси раздѣляли даже такія близкія другъ къ другу основанія обложенія, какъ животы и промыслы: упомянутая выше соловецкая уставная грамота предписываетъ торговыя таможенные деньги платить «по торгомъ и по головамъ, а не по животомъ: кто болши торгуеть, тотъ болши и даетъ».

Критическій разборъ писцовыхъ книгъ предупредилъ бы сомнительные расчеты и выводы, подобные указаннымъ. Онъ помогъ бы также лучше разобраться въ историческомъ матеріалѣ, представляемомъ этими книгами, выдѣливъ изъ него черты, которыхъ сами эти книги касаются мимоходомъ, не давая ничего или давая слишкомъ мало для ихъ объясненія. Чтобы установить правильное отношеніе къ такимъ мимоходомъ брошеннымъ отмѣт-

камъ, изслѣдователю писцовыхъ книгъ надобно выяснитъ, какого рода эти отмѣтки, приемы ли это писца, входившіе въ составъ техники писцоваго дѣла, или же бытовья черты, въ которыхъ отразились дѣйствительныя людскія отношенія и положенія, хотя и не входившія въ предѣлы прямой задачи писца. Замѣтки перваго рода важны только для критики писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника. Черты втораго рода надобно или разслѣдовать, но не по писцовымъ только книгамъ, или совсѣмъ обходить, чтобы не загромождать изслѣдованія предположеніями и недоумѣніями. При разборѣ историко-статистическихъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами, автору часто приходилось встрѣчаться съ такими побочными вопросами, и онъ не разъ сознается въ затрудненіи, въ какое они его ставили (см. напримѣръ стр. 151, прим. 1). Но его отношеніе къ такимъ вопросамъ колеблется. Иногда онъ прямо и основательно уклоняется отъ ихъ рѣшенія, но иногда ставить вопросъ тамъ, гдѣ собственно нечего рѣшать, и даетъ рѣшеніе тамъ, гдѣ безопаснѣе было бы и не ставить вопроса. Такъ, замѣчая, что въ писцовыхъ книгахъ нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ, Казани и Свіяжска, служилые люди, служившіе въ этихъ городахъ, носятъ только одно званіе *дѣтей боярскихъ*, а въ книгахъ другихъ городовъ называются *дворянами* и *дѣтьми боярскими*, авторъ прибавляетъ, что для него не совершенно ясно такое различіе; по его мнѣнію, должно допустить, что была какая-то причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ служилые люди бывали въ это время всегда только дѣти боярскіе и никогда дворяне, что ему не извѣстно ничего, что могло бы разъяснить этотъ вопросъ (стр. 210 и 267). Но здѣсь по всей вѣроятности и нѣтъ никакого вопроса. Дворяне — это тѣ же дѣти боярскіе, только повыше чиномъ. Въ спискахъ служилыхъ людей XVI в. (десятиныхъ), гдѣ соблюдалась точная служебная терминологія служилыхъ людей, дворяне, составлявшіе второй снизу чинъ провинціального дворянства, назывались дѣтьми боярскими *дворовыми*, а дѣти боярскіе перваго низшаго чина — *городовыми*; слово *дворяне* для обозначенія дѣтей боярскихъ дворовыхъ около половины XVI в. только еще входило въ употребленіе и не успѣло въ немъ утвердиться. Нѣкоторыя писцовыя книги говорятъ только о дѣтяхъ боярскихъ или потому, что употребляютъ родовое званіе провинціальныхъ служилыхъ людей безъ различія чиновныхъ видовъ, или потому, что служилые люди, о которыхъ онѣ говорятъ, всѣ были дѣти боярскіе городовые; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и по спискамъ не было дво-

ровыхъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ какъ бы для разъясненія этой смущающей его терминологіи указываетъ на документы, въ которыхъ замѣчается различіе дворянъ первой и второй статьи, хотя тоже «не довольно ясное» для него (стр. 213, прим. 2). Но дѣленіе на статьи — совсѣмъ особая классификація служилыхъ людей, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ чиновной: на статьи подраздѣлялись служилые люди по помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ и такихъ статей въ иныхъ чинахъ бывало гораздо больше двухъ, смотря по категоріямъ окладовъ.

Примѣромъ недоразумѣнія другаго рода, въ какое можетъ ввести попытка объяснять факты съ помощью одного источника, достаточно ихъ не объясняющаго, служитъ объясненіе различія между приборной и неприборной службой, сдѣланное авторомъ по писцовымъ книгамъ Казани и Свияжска (стр. 220—222). Это объясненіе основано на разныхъ оборотахъ рѣчи, какими обозначаются въ названныхъ книгахъ владѣльцы городскихъ дворовъ: объ однихъ говорится въ дворовыхъ перечняхъ «дворъ такого-то», а о другихъ «во дворѣ такой-то». Первымъ способомъ обозначаются дворы дѣтей боярскихъ, стрѣleckихъ командировъ, духовныхъ лицъ, когда ихъ дворы находятся среди дворовъ людей другихъ званій, а вторымъ дворы тяглыхъ людей, приборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ, пушкарей и другихъ подобныхъ имъ служилыхъ людей, когда они живутъ отдѣльными слободами, а также духовныхъ, живущихъ на церковной землѣ. По мнѣнію автора, первый оборотъ означаетъ владѣніе на полномъ правѣ частной собственности, а второй владѣніе на правѣ общинномъ, а потому и существенный признакъ, отличавшій службу приборную отъ неприборной, состоялъ въ томъ, что приборные составляли между собою общину. Едва-ли, однако, авторъ думалъ, что и духовныя лица, имѣвшія дворы на церковной землѣ и отмѣченныя въ книгѣ вторымъ оборотомъ рѣчи, владѣли дворами также на общинномъ правѣ, составляли между собою общину; это было бы довольно рѣдкое явленіе, если бы его можно было доказать. Потомъ не ясно, одни ли дворы считаетъ авторъ предметомъ общиннаго владѣнія. Далѣе, авторъ приводитъ изъ писцовой книги мѣсто, которое трудно согласовать съ мнѣніемъ, что приборные служилые люди, подобно чернымъ тяглымъ, владѣли городскими дворами на общинномъ правѣ. Это мѣсто приведено много выше страницъ о приборной службѣ (стр. 205, прим. 1) по другому поводу, но пригодилось бы и на этихъ страницахъ. Въ Казани была слобода приборныхъ стрѣльцовъ, которыхъ

потомъ перевели въ Астрахань. Покидаемые дворы раскупили у хозяевъ не только другіе приборные же стрѣльцы, оставшіеся въ Казани, но и неприборные дѣти боярскіе и даже тяглые посадскіе, и всѣ эти столь различные по состоянію люди повидимому покупали стрѣleckіе дворы на одинаковомъ правѣ; еще до перевода стрѣльцовъ въ ихъ слободѣ были «посадскія мѣста», на которыхъ жили не только посадскіе люди, но и дѣти боярскіе, и протѣхъ и другихъ, какъ про дѣтей боярскихъ, такъ и про посадскихъ людей книга одинаково говоритъ, что они жили на тѣхъ мѣстахъ въ *своихъ дворахъ*, какъ будто принадлежавшихъ тѣмъ и другимъ на одинаковомъ правѣ. Данными самой книги какъ будто выясняется, что *дворы* тяглыхъ и служилыхъ людей, какъ приборныхъ, такъ и неприборныхъ, одинаково принадлежали владѣльцамъ на правѣ частной собственности и потому продавались и покупались по частнымъ «полюбовнымъ» сдѣлкамъ независимо отъ какой-либо общины, на что прямо указываетъ и писцовая книга (стр. 212); но *мѣста* подъ этими дворами находились не въ одинаковомъ юридическомъ отношеніи къ владѣльцамъ этихъ дворовъ: одни были *бѣлыми* и вмѣстѣ съ дворами составляли частную собственность дворовладѣльцевъ, а другія—*черными* тяглыя, т. е. государственныя, находившіяся только въ личномъ или общинномъ пользованіи владѣльцевъ, или хотя и бѣлыя, но не принадлежавшія владѣльцамъ дворовъ, которые на нихъ стояли. Можетъ быть, только это и значить объясняемые авторомъ обороты рѣчи писца. Поэтому дворы нетяглыхъ и не составлявшихъ общины духовныхъ лицъ на церковной землѣ обозначались въ писцовой книгѣ формулой «во дворѣ такой-то». Поэтому же нетяглые духовные и служилые люди, имѣвшіе дворы на городской тяглой землѣ, тянули всякое тягло съ тяглыми городскими людьми, на что прямо указываетъ приведенное авторомъ мѣсто изъ разметнаго списка по Новгородской области (стр. 119, прим. 1). Значить, разбираемыми авторомъ формулами въ перечнѣ дворовъ если и отмѣчалось что-либо, то не существованіе или отсутствіе общиннаго устройства дворовладѣльцевъ, какъ утверждаетъ авторъ, а развѣ только ихъ юридическое отношеніе къ землѣ, на которой стояли ихъ дворы. Мы ничего не говоримъ здѣсь противъ общиннаго устройства городовъ XVI вѣка, а хотимъ только сказать, что выводъ автора, будто «формулою описанія *во дворѣ такой-то* отмѣчалось существованіе у такихъ-то людей общиннаго устройства», далеко не соизмѣримъ съ своимъ основаніемъ и ничего не прибавляетъ къ доказательствамъ общиннаго устройства. Вообще

въ писцовой книгѣ, не имѣвшей въ виду юридическихъ опредѣленій, особенно въ такой ея подробности, какъ манера перечислять дворы, трудно искать надежной и притомъ единственной опоры для какихъ-либо юридическихъ выводовъ, особенно такихъ серьезныхъ, какіе дѣлаетъ авторъ ¹⁾). Такъ и значеніе приборной и приборной службы разъясняется не писцовыми книгами и «существеннаго» признака, отличавшаго одну службу отъ другой, надобно искать не въ общинномъ землевладѣніи, потому что хозяйственное устройство разныхъ видовъ приборной службы было довольно разнообразно. Приборные люди жили не въ однихъ городахъ и даже въ городахъ не всегда селились общинными слободами, получали земли и на помѣстномъ правѣ подобно неприборнымъ служилымъ людямъ «по отечеству», могли наконецъ и вовсе не имѣть ни земли, ни дворовъ. Самъ авторъ находитъ въ Казани и Свияжскѣ нѣсколько бездворныхъ стрѣльцовъ (стр. 203 и 207), и однако они составляли одно цѣлое со стрѣльцами-дворовладѣльцами не потому, что входили въ составъ поземельной или подворной общины, а потому, что числились въ составѣ одной военной части, сотни или приказа, т. е. стрѣлецкой роты или баталіона. Вообще устройство приборной службы было довольно сложно и разсмотрѣть ея отличительныя черты сквозь писцовыя книги очень трудно.

Доселѣ мы говорили о постановкѣ задачи и о приемахъ ея рѣшенія въ изслѣдованіи г. Чечулина. Выскажемъ нѣсколько замѣчаній о самомъ ея рѣшеніи.

Какъ постановка задачи тѣсно связана авторомъ съ однимъ источникомъ, такъ и ея рѣшеніе во многомъ зависѣло отъ ея постановки. Авторъ предпринялъ изученіе состоянія городовъ съ тѣхъ сторонъ, которыхъ касаются писцовыя книги, и для этого разсмотрѣлъ писцовыя книги только въ тѣхъ частяхъ, которыя описываютъ состояніе городовъ. Но какъ такая постановка затруднила

¹⁾ Онъ на себѣ самомъ испыталъ неудобство такой опоры. Ямщики обыкновенно жили слободами и обозначались въ писцовыхъ книгахъ только жильцами «во дворахъ», а не собственниками ихъ. Такъ они описаны и въ писцовой книгѣ Казани. Но въ книгѣ Свияжска они обозначены, какъ собственники дворовъ, выраженіемъ «дворъ такого-то», и автору пришлось дѣлать новое предположеніе о какомъ-то особомъ устройствѣ ихъ слободы. По его словамъ (стр. 222), формула «во дворѣ такой-то» безъ всякихъ исключеній всегда прилагается при описаніи дворовъ черныхъ тяглыхъ людей, а на стр. 233 оказались исключенія. Притомъ въ книгахъ другихъ городовъ эти формулы имѣютъ другое значеніе (см. наприм. стр. 50).

автору критическій разборъ источника, такъ она же помѣшала ему соразмѣрить съ источникомъ границы своей задачи. Въ предисловіи и введеніи онъ ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить составъ городского населенія, его занятія и повинности, мѣстныя особенности городовъ, — словомъ, изучить положеніе городовъ, какъ «крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ», «факторовъ общественной жизни» (стр. III, 9 и 32). Въ состояніи ли писцовыя книги XVI вѣка, сколько ихъ сохранилось, дать отвѣты на разнообразные вопросы, входящіе въ составъ такой сложной и широкой задачи? Самъ авторъ считаетъ отношеніе своего источника къ задачѣ «вполнѣ благопріятнымъ»: во введеніи онъ помѣстилъ списокъ городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. и въ этомъ списокѣ обозначилъ 220 именъ; изъ этого числа о 41 городѣ, т. е. почти о *пятой* части всѣхъ существовавшихъ тогда городовъ, авторъ нашелъ свѣдѣнія въ своемъ источникѣ ¹⁾. Посредствомъ особаго расчета онъ дѣлаетъ это отношеніе еще болѣе благопріятнымъ: онъ исключаетъ изъ списка города сѣверовосточные (въ областяхъ Двинской и Камской), описанія которыхъ не найдены авторомъ, «вмѣстѣ съ городами, только что основанными или недолго находившимися во власти Московскаго правительства», и тогда оказывается, что имѣются свѣдѣнія о 41 городѣ изъ 170 приблизительно, т. е. почти о *четвертой* части всѣхъ городовъ (стр. 21 и 22). Не смотря на этотъ расчетъ,

¹⁾ Въ списокѣ поименовано собственно 42 города, описанія которыхъ нашелъ авторъ; но объ одномъ изъ нихъ Олонцѣ замѣчено въ книгѣ, что по его описанію 1556 г. онъ на городъ не похожъ и городомъ не названъ (стр. 19, прим. 3); авторъ и не пользовался этимъ описаніемъ въ своемъ изслѣдованіи. Вообще соображенія, которыми руководился авторъ при составленіи списка, не вполнѣ ясны. Онъ изучалъ и помѣщалъ въ списокѣ только поселенія, носившія въ XVI в. названіе городовъ; но между ними встрѣчаемъ въ списокѣ и нѣкоторыя посады. Въ списокъ занесены многія селенія, которыя въ духовныхъ грамотахъ Ивана III и Ивана Грознаго названы городами или городками, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, Деманъ, Курскъ на Ловати, Хотунъ, Стародубъ Рыполовскій, въ XVI в. превратились въ городища, погосты или села; но другія селенія, упомянутыя въ тѣхъ же документахъ и подъ тѣми же званіями, какъ Кременскъ, Опаковъ, Старая Рязань, Шерна, почему-то въ списокъ не попали (Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 390 и 396. Доп. къ А. И. I, стр. 386, 380 и 379). Вообще этотъ списокъ нуждается въ пересмотрѣ и пополненіи, хотя по задачѣ изслѣдованія онъ не имѣетъ особенно важнаго значенія въ книгѣ г. Чечулина. Такъ не видно, почему авторъ принимаетъ Мезецкъ и Мѣшовскъ за два города, а не за разныя названія одного города.

едва-ли впрочемъ представляющей дѣйствительную выгоду для изслѣдованія, авторъ не могъ не чувствовать значительнаго пробѣла, образуемаго въ его трудѣ отсутствіемъ городовъ сѣверовосточной полосы, которые «навѣрно отличались во многомъ отъ городовъ другихъ областей» между прочимъ тѣмъ, какъ думаетъ авторъ, что «тутъ вовсе не было опасности неприятельскаго нападенія». Последняго никакъ нельзя сказать, зная, о какихъ опасностяхъ рассказываютъ памятники, описывающіе положеніе Камскаго и Поморскаго края въ XVI вѣкѣ¹⁾.

Но при указанной постановкѣ задачи въ книгѣ г. Чечулина остались бы замѣтные пробѣлы, если бы сохранились писцовыя описи всѣхъ городовъ его списка и онъ воспользовался всѣми этими описями. Писцовыя книги имѣли преимущественно фискальную цѣль — привести въ извѣстность податныя силы и средства народа; потому въ нихъ на первомъ планѣ экономическія положенія и отношенія, люди, которые могли платить, капиталы и обороты, которые могли быть предметомъ податнаго обложенія. Но такими положеніями и отношеніями далеко не ограничивалось значеніе города, какъ культурнаго центра. Далѣе, значеніе города, какъ такого центра, какъ фактора общественной жизни, не ограничивалось и населеніемъ, постоянно въ немъ жившимъ, простиралось далеко за его черту. Въ этомъ значеніи онъ служилъ средоточіемъ для значительнаго округа, уѣзда, связаннаго съ нимъ разнообразными интересами хозяйственными, административными и другими. Но авторъ неоднократно и съ нѣкоторой настойчивостью заявляетъ, что онъ не имѣлъ возможности подробно разобрать и книги уѣздовъ изучаемыхъ имъ городовъ (стр. 11, 45, 267). Ограничившись изученіемъ писцовыхъ описей городовъ, авторъ принужденъ былъ обойти цѣлый рядъ отношеній, въ которыхъ стоялъ городъ, какъ факторъ общественной жизни, именно отношеній, въ которыхъ выражалась его связь съ уѣздомъ. Такъ авторъ не выясняетъ въ своемъ изслѣдованіи значенія уѣзднаго города, какъ узла отношеній, которыя связывали въ сословную корпо-

1) Чтобы повяты неожиданность этого соображенія автора, достаточно припомнить хотя бы по *Сибирской Летописи*, изданной Спасскимъ, нападенія черемисъ, вотяковъ и другихъ уральскихъ инородцевъ на русскія поселенія Камскаго края во второй половинѣ XVI в. О положеніи Поморскаго сѣвера говорятъ мѣры правительства для защиты его отъ шведскихъ нападеній и жалобы Соловецкаго монастыря въ челобитныхъ царямъ, что то мѣсто у крайное, прилегли близко нѣмецкія земли и въ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ отъ нѣмецкихъ людей живутъ осады частыя и т. п.

рацію разсыпанныхъ по его уѣзду помѣщиковъ и вотчинниковъ, городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, служившихъ по этому городу; только въ заключительномъ общемъ очеркѣ положенія городовъ авторъ посвятилъ нѣсколько строкъ изложенію обязанностей этихъ служилыхъ людей по отношенію къ городу, изложенію неполному, нерѣшительному и неточному (стр. 332—333). Наконецъ самъ авторъ повидимому признаетъ, что обозначенныя имъ границы задачи шире дѣйствительнаго плана его сочиненія. Въ понятіе о городѣ, какъ факторѣ общественной жизни, казалось бы, могутъ и даже должны входить и юридическія отношенія его жителей. Но авторъ въ предисловіи оговаривается, что «вопросовъ о юридическихъ правахъ городскихъ жителей, объ отношеніяхъ къ городамъ и горожанамъ правительства и т. п. онъ почти совершенно не затрогивалъ», какъ уже разработанныхъ въ нашей литературѣ; но независимо отъ этого и писцовыя книги дають мало матеріала для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Можно указать и еще одинъ пробѣлъ, восполнять который самъ авторъ нашелъ ненужнымъ и который по существу его задачи все-таки остается пробѣломъ въ его трудѣ. Онъ призналъ возможнымъ «изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя тогда (въ XVI в.) носили названіе городовъ и только ихъ». Конечно, возможно и такое изученіе. Но опредѣляя границы своей задачи, авторъ сказалъ, что его «главной цѣлью будетъ воспроизведеніе со всею возможной подробностью тѣхъ условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель». Условія жизни въ городѣ, какъ культурномъ центрѣ, были прежде всего сложнѣе сравнительно съ сельской жизнью и эта сложность отражалась на самомъ составѣ города. Городъ XVI в. въ цѣльномъ своемъ составѣ состоялъ изъ *города* въ смыслѣ центральнаго укрѣпленія, кремля, изъ *посады* и *слободы*. Но эти виды поселеній, служа составными частями города, существовали и раздѣльно: были города безъ посадовъ, посады безъ городовъ; были, наконецъ, слободы, разсѣянныя среди селъ и деревень, вдали отъ городовъ и посадовъ. Каждый изъ этихъ видовъ отличался своими бытовыми условіями и интересами, изъ совокупности которыхъ и слагалась жизнь города. Не во всѣхъ городахъ эти условія и интересы соединялись въ одинаковой степени полноты; зато въ пныхъ поселеніяхъ, не носившихъ званія городовъ, но съ посадскимъ характеромъ, нѣкоторыя изъ этихъ условій получали усиленное развитіе. Не говоря о *рядкахъ* въ Новгородской области, сюда можно отнести нѣкоторыя отдѣльныя слободы и поселенія, особенно при

большихъ монастыряхъ, такъ и называвшіяся *посадами*; обыватели рядковъ также назывались *посадскими людьми*. Условія городской жизни едва-ли будутъ воспроизведены «со всею возможною подробностью», если въ ихъ изображеніи будутъ опущены черты социально-экономическаго склада такихъ посадскихъ поселеній. Почему бы, напримѣръ, *посаду* Березовцу въ Деревской пятинѣ съ его церковью и монастыремъ, съ 6 дворами на церковной и монастырской землѣ и съ 46 дворами рыболововъ не имѣть мѣста среди такихъ городовъ, какъ Копорье съ его 8 дворами въ городѣ, изъ коихъ одинъ пустъ, и съ 15 дворами на посадѣ (*Новы. Писц. книги*, I, 640)? Изученіе новгородскихъ пригородовъ по книгамъ 1500 г. привело автора къ выводу, что ремесленная дѣятельность въ нихъ была тогда развита весьма слабо и нѣсколько усилилась къ половинѣ XVI вѣка, такъ что количество ремесленниковъ поднялось среднимъ числомъ до 16% всего городского населенія, сколько можно судить о томъ по даннымъ объ Орѣшкѣ, Ладогѣ, Корелѣ и Каргополѣ, приведеннымъ въ книгѣ автора (стр. 51 и 52). Что было причиной такого слабого развитія ремесла въ этихъ пригородахъ — общая ли слабость его развитія въ области, или близость большихъ промышленныхъ центровъ Новгорода и Пскова, какъ предполагаетъ авторъ, или наконецъ то, что ремесленная дѣятельность не сосредоточивалась въ однихъ городахъ, но была разсѣяна и по другимъ селеніямъ? Можетъ быть, какой-нибудь отвѣтъ на эти вопросы дало бы изученіе посадовъ, подобныхъ Тихвинскому, какъ онъ описанъ въ писцовой книгѣ 1583 года, спустя 23 года по основаніи самаго монастыря, при которомъ онъ возникъ ¹⁾. Здѣсь ремесло развито сравнительно очень сильно: многіе торговые люди занимаются и ремеслами; независимо отъ того однихъ портныхъ и сапожниковъ, которыхъ въ новгородскихъ пригородахъ не насчитывалось и 2%, здѣсь показано 22 двора изъ 146 всѣхъ дворовъ на посадѣ, т. е. 15%. Такимъ образомъ Тихвинъ посадъ оказывается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ больше городомъ, чѣмъ многіе тогдашніе города, и во всѣхъ отношеніяхъ былъ имъ больше, чѣмъ занесенный авторомъ въ списокъ городовъ Деманъ, гдѣ по книгѣ конца XV в. на городищѣ (города ужъ не было) и на посадѣ значилось всего 6 дворовъ и ни одного двора посадскаго человѣка (*Новгор. Писц. книги*, II, 499). Тихвинъ посадъ тѣмъ удобнѣ могъ бы за-

¹⁾ Писц. кн. Моск. Арх. Мин. Юст. № 965. Напечатана съ сокращеніями во *Временникъ* Общ. Ист. и Др. Р. кн. 6; о посадѣ стр. 65.

нять мѣсто даже въ списокѣ городовъ, что городомъ для него служилъ укрѣпленный монастырь. Изученіе составныхъ элементовъ города въ ихъ раздѣльномъ существованіи помогло бы уясненію и той «бытовой единицы», которая изъ нихъ составлялась. Если авторъ нашелъ нужнымъ подробно описать псковскіе пригороды, признавая, что эти пригороды, имѣвшіе преимущественно значеніе укрѣпленій, по занятіямъ своихъ жителей гораздо ближе къ селамъ, чѣмъ къ городамъ въ нашемъ смыслѣ слова (стр. 114), то не было бы отступленіемъ отъ программы описаніе поселеній, по занятіямъ жителей ближе стоявшихъ къ городамъ, хотя и не бывшихъ укрѣпленными: авторъ изслѣдуетъ города не въ стратегическомъ, а въ социальномъ-экономическомъ отношеніи.

Вслѣдствіе указанныхъ пробѣловъ при чтеніи книги г. Чечулина замѣчается двойное несоотвѣтствіе его основнаго источника, писцовыхъ описей городовъ, поставленной имъ задачѣ: этотъ источникъ не соотвѣтствуетъ ей ни по содержанію, потому что далеко не захватываетъ всѣхъ отношеній, дѣйствовавшихъ въ чертѣ города, какъ культурнаго центра, ни по объему, потому что не касается городского округа, тяготѣвшаго къ этому центру. Это несоотвѣтствіе создавало автору двоякаго рода затрудненія: съ одной стороны, расширяя свое изслѣдованіе въ мѣру своей главной цѣли, возможно подробнаго воспроизведенія условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель, авторъ задавалъ писцовымъ книгамъ вопросы, на которые онѣ не могутъ отвѣчать, и ихъ молчаніе пытался восполнить собственными догадками, а съ другой — принужденъ былъ обходить вопросы, для рѣшенія которыхъ стоило бы только расширить изученіе писцовыхъ книгъ, не довольствуясь описями городовъ. Ограничимся немногими примѣрами того и другаго рода затрудненій.

По писцовой книгѣ 1566—68 г. авторъ нашелъ въ Казани тѣ 10 семей опальныхъ псковичей, которыхъ по лѣтописи переселили туда въ 1555 г. (стр. 245). Авторъ однако рѣшительно утверждаетъ, что «толкованіе этой мѣры, какъ какой-то опалы, должно быть оставлено, какъ невѣрное». Но это не толкованіе, а прямое и ясное свидѣтельство источника, лѣтописи, которая говоритъ, что въ Казань свели 10 семей именно «опальныхъ» псковичей. Авторъ, напротивъ, считаетъ «очевиднымъ», что при этомъ переселеніи правительство имѣло въ виду развитіе сношеній Казани съ Псковомъ, развитіе торговли между ними. Для чего понадобилось правительству развитіе сношеній Казани именно съ Псковомъ и какъ

могли содѣйствовать этому переселенныя въ Казань 10 семей псковичей, авторъ не объясняетъ; но вся очевидность его догадки держится только на томъ, что въ Казани эти переселенцы поставлены были въ привилегированное положеніе. Но вѣдь они по книгѣ *юсти*, т. е. по самому званію своему привилегированные люди, пользовавшіеся нѣкоторыми и очень важными правами людей служилыхъ, а ни изъ чего не видно, чтобы при переселеніи они лишены были правъ состоянія¹⁾. Наклонность если не поправлять, то пополнять источникъ догадками обнаруживается у автора и въ другомъ случаѣ. Въ описи псковскихъ пригородовъ 1585—1587 гг. нивы и огороды обозначаются въ большинствѣ случаевъ именами двухъ владѣльцевъ, настоящаго и бывшаго. Это наводитъ автора на мысль «о постоянной мобилизаціи земельныхъ участковъ», которая могла существовать «несомнѣнно прежде всего при общинномъ землевладѣніи», и единственно возможнымъ объясненіемъ явленія кажется автору предположеніе передѣловъ. Это предположеніе даетъ ему основаніе думать, что внутренніе порядки общиннаго землевладѣнія въ XVI в. «нужно представлять себѣ нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно ихъ представляютъ». Авторъ припоминаетъ извѣстные шуйскіе акты XVII в. о передѣлѣ городской земли и прибавляетъ, что «до сихъ поръ не было извѣстно указаній на передѣлы въ XVI вѣкѣ». Автору кажется «совершенно естественнымъ, что въ актахъ не отразились передѣлы въ такихъ ничтожныхъ поселкахъ, какими были деревни и села въ XVI вѣкѣ; но, продолжаетъ онъ, столь же естественно, что мы *встрѣтили ихъ*, какъ только обратились къ изученію положенія большихъ поселеній, но съ совершенно сельскимъ характеромъ (стр. 116—118)». Прежде всего позволительно напомнить автору, что онъ и въ описи псковскихъ пригородовъ не *встрѣтилъ ихъ*, т. е. передѣловъ, а только ихъ *предположилъ*. Потомъ, въ XVI в. въ Новгородской и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства многія села и даже деревни были не ничтожные поселки, а значительныя поселенія въ нѣсколько десятковъ дворовъ, во всякомъ случаѣ многочисленнѣе боль-

¹⁾ Примѣръ подобнаго отношенія автора къ источнику встрѣчаемъ еще на стр. 290. Передавая извѣстіе писцовой книги г. Венева, что осадный голова «писалъ ко государю» о стрѣльцахъ (Писц. книги Моск. Гос. II, 1540), авторъ находитъ это выраженіе «очевидно» неточнымъ: «голова писалъ, конечно, въ какой-нибудь приказъ». Ничего неточнаго здѣсь нѣтъ: мѣстные начальники въ сношеніяхъ съ центральнымъ правительствомъ обыкновенно писали на государево имя.

шинства псковскихъ пригородовъ 1585 г., особенно если сравнивать численность только тяглаго населенія, котораго собственно и касается вопросъ о передѣлахъ; однако въ извѣстныхъ намъ актахъ такихъ селъ и деревень XVI в. передѣлы точно также «не отразились». Авторъ признается, что «другаго объясненія кромѣ предположенія какихъ-то передѣловъ» онъ не могъ пріискать. Но можно было бы и не пріискивать объясненія помощью предположенія, когда такого объясненія не даетъ источникъ, или по крайней мѣрѣ поискать въ источникѣ провѣрки для предположенія, а источникъ, который навелъ автора на догадку о передѣлахъ, давалъ ему средство и провѣрить эту догадку. Если смѣна большинства владѣльцевъ нивъ и огородовъ въ псковскихъ пригородахъ происходила отъ передѣловъ, то настоящіе владѣльцы однихъ огородовъ и нивъ должны значиться въ описи бывшими владѣльцами другихъ и наоборотъ. Изъ книги автора не видно, такъ ли это было или нѣтъ. Если такъ, то опись даетъ очевидное указаніе на передѣлы и указаніе въ высшей степени важное. Если же настоящіе владѣльцы однихъ нивъ и огородовъ не являются по описи бывшими владѣльцами другихъ въ томъ же пригородѣ, это значитъ, что мы встрѣчаемъ въ описи не передѣлы, а просто исчезновеніе однихъ владѣльцевъ и замѣну ихъ другими. Беремъ для провѣрки писцовую книгу г. Изборска, которой пользовался авторъ ¹⁾. Здѣсь перечислены 32 оброчныя нивы, всѣ съ обозначеніемъ прежнихъ владѣльцевъ и всѣ кромѣ одной съ обозначеніемъ настоящихъ: оказывается, что *ни одинъ* прежній владѣлецъ какой-либо нивы не обозначенъ въ описи настоящимъ владѣльцемъ другой нивы и наоборотъ; прежніе и настоящіе владѣльцы — это два совершенно различныхъ ряда владѣльцевъ, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно ни одного общаго имени. Это, очевидно, не передѣлы, а полная смѣна владѣльцевъ. Печерскій монастырь, прежде не владѣвшій въ Изборскѣ ни одною нивою, теперь является здѣсь владѣльцемъ почти трети всего количества нивъ, именно десяти. Такую же смѣну замѣчаемъ въ описаніи 17 оброчныхъ поженъ и 22 огородовъ. Любопытно, что нѣкоторые изъ настоящихъ владѣльцевъ нивъ являются и настоящими владѣльцами поженъ и огородовъ, а лица, прежде владѣвшія поженями или огородными мѣстами, значатся и въ числѣ бывшихъ владѣльцевъ нивъ. Къ этому надобно прибавить, что сама писцовая книга псковскихъ пригородовъ 1585—1587 гг.

¹⁾ Въ М. Арх. М. Ю. № 355, л. 657 и сл.

даетъ указаніе, достаточно объясняющее такой переверотъ въ ихъ землевладѣніи и устраняющее надобность въ какой-либо догадкѣ для его объясненія: эти пригороды описаны вскорѣ послѣ войны, когда они испытали нашествіе Баторія и по основанному на описи расчету автора потеряли 92% своего прежняго тяглаго населенія (стр. 110).

Писцовыя книги городовъ XVI в. не ставятъ вопроса о переѣлахъ городскихъ земель, потому что это касалось внутреннихъ отношеній городского общества, въ которыя финансовое управленіе не вмѣшивалось. Если бы авторъ не возбудилъ этого вопроса, въ его книгѣ не образовалось бы замѣтнаго пробѣла. Но есть черты городского быта, которыя въ городскихъ описяхъ XVI в. какъ бы подчеркиваются, но не объясняются. Обойти ихъ нельзя, не жертвуя полнотою изображенія предмета; но для объясненія ихъ необходимо изученіе писцовыхъ книгъ въ полномъ ихъ составѣ и даже при содѣйствіи другихъ источниковъ. Недостаточность источника, которымъ преимущественно пользовался авторъ, нерѣдко мѣшала ему объяснить такія черты съ надлежащей полнотою. Такъ онъ останавливается на терминахъ *шабры*, *сусѣди* и *подсусѣдники*, сопоставляетъ для ихъ объясненія показанія писцовыхъ книгъ, обращается и къ нѣкоторымъ другимъ памятникамъ; но читатель не видитъ, какія отношенія выражались этими терминами, чѣмъ отличались *шабры* отъ *сосѣдей*, а *сосѣди* отъ *подсосѣдниковъ*, не видитъ даже, различаетъ ли авторъ *сосѣдство общественное*, на примѣръ по улицѣ, и *домашнее* — по хозяйству (стр. 63—65, 152 и 324). Точно также авторъ не опредѣляетъ достаточно отчетливо хозяйственно-юридическаго отношенія, которое въ новгородскихъ и псковскихъ писцовыхъ книгахъ выражалось словомъ *поземь*. «Сопоставленіе нѣсколькихъ мѣстъ, читаемъ у автора, даетъ основаніе считать, что словами «позему даетъ» и «найму платитъ» выражаются совершенно одни и тѣ же отношенія, т. е. что этимъ указывается плата отдѣльному юридическому лицу за пользованіе землею, ему принадлежавшею» (стр. 147). Если даже согласиться, что *поземь* и *наемъ* означали одно и то же, остается неяснымъ, называлась ли *поземомъ* плата за *всякое* пользованіе землей и притомъ одной ли землей и почему авторъ думаетъ, что такъ называлась плата за землю именно *юридическимъ* лицамъ, когда *поземщики* бывали, на примѣръ, у *земцевъ*, лицъ физическихъ. Писцовыя книги названныхъ областей, городскія и уѣздныя, даютъ не мало указаній для разъясненія этихъ вопросовъ. Можно отмѣтить еще одну

подробность, наглядно указывающую на необходимость для полноты изображенія городского быта изучать писцовыя книги въ цѣльномъ ихъ составѣ, не ограничиваясь описями городовъ. Описывая по книгѣ 1500 г. населеніе г. Корелы, авторъ вводитъ въ итогъ тяглыхъ людей этого города и земцевъ, которые имѣли только дворы въ городѣ, а сами жили по своимъ деревнямъ въ уѣздѣ, и дворниковъ, жившихъ въ ихъ городскихъ дворахъ, потому что эти дворники «съ городчаны въ оброкъ тянутъ» (стр. 35). Но въ деревнѣ Сандолакшѣ Кирьяжскаго погоста Корельскаго уѣзда жили въ 16 дворахъ еще 24 земца, о которыхъ книга 1500 г. также замѣчаетъ, что они «тянутъ съ городчаны во всѣ потуги въ городокъ Корелу» (*Времен. Общ. Ист. и Др.* Р. XII, 139). Не извѣстно, слѣдуетъ ли причислять къ тяглуму обществу г. Корелы этихъ земцевъ, о которыхъ авторъ вовсе не упоминаетъ.

Несоразмѣрность основнаго источника съ границами поставленной авторомъ задачи заставляла его обходить и болѣе крупныя вопросы. Таковъ вопросъ о *земцахъ* или *своеземцахъ* Новгородской и Псковской области. Не говоря уже о своеобразности и нѣкоторой загадочности этого класса, самая численность его въ новгородскихъ пригородахъ побуждала изслѣдователя пристально въ него всмотрѣться. Такъ въ г. Ямѣ на 332 чел. всѣхъ поименованныхъ въ книгѣ 1500 г. обывателей по счету автора своеземцевъ значилось 213 чел., т. е. около $\frac{2}{3}$ ¹⁾. Притомъ земцы, какъ городскіе обыватели, находились въ особыхъ условіяхъ, а «воспроизведеніе со всею возможною подробностью условій жизни» городского жителя авторъ поставилъ себѣ «главною цѣлью». Между тѣмъ авторъ, оговорившись, что объ этихъ земцахъ мы имѣемъ вообще «очень мало свѣдѣній», ограничивается указаніемъ мнѣній о нихъ нѣкоторыхъ ученыхъ и немногими собственными наблюденіями, которыя приводятъ его къ нерѣшительному заключенію, что «земцы были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми» и что къ концу XVI в. они *несомненно* исчезли (стр. 43). Такъ для читателя исчезла въ книгѣ г. Чечулина одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей городовъ названныхъ областей,

¹⁾ Въ счетѣ дворовъ своеземцевъ здѣсь у автора, вѣроятно по корректурному недосмотру, слагаемыя (30, 2, 47, 3, 59 и 8) не сходятся съ суммой 146, которая согласна съ источникомъ (стр. 36 и сл.).

и это произошло отъ того, что земцы, образуя въ началѣ XVI в. замѣтный класъ въ составѣ населенія тамошнихъ городовъ, служили вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ наиболѣе видныхъ связей этихъ городовъ съ ихъ округами, а потому ихъ значеніе не объясняется въ достаточной степени писцовыми книгами однихъ городовъ. Не для того, чтобы пополнить изслѣдованіе г. Чечулина, а единственно съ цѣлью показать, что о земцахъ сохранилось очень не мало свѣдѣній, мы позволяемъ себѣ высказать нѣсколько наблюдений и соображеній объ этомъ любопытномъ класѣ.

Новгородскія писцовыя книги конца XV в. сберегли много первобытныхъ особенностей хозяйственнаго и юридическаго положенія этого класа, которыхъ не успѣла стереть Москва въ 20—30 лѣтъ своего владычества. Многіе своеземцы имѣли дворы въ томъ же городѣ, въ уѣздѣ котораго владѣли землею, рѣже въ городахъ другихъ уѣздовъ. Одни изъ нихъ сами жили въ своихъ городскихъ дворахъ, сдавая земли крестьянамъ или обрабатывая ихъ своими людьми, т. е. холопами; другіе жили въ своихъ деревняхъ, сдавая городскіе дворы дворникамъ, которые за нихъ отбывали городское тягло съ этихъ дворовъ. Слѣдующій расчетъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земецкаго землевладѣнія. Къ сѣверу отъ Новгорода въ 30 погостахъ уѣздовъ Новгородскаго, Ладожскаго и Орѣховскаго мы насчитали по книгѣ 1500 г. 388 своеземцевъ, на земляхъ которыхъ находилось 636 дворовъ земецкихъ и крестьянскихъ и засѣвалось около 2400 коробей или десятинъ ржи. Если существовали и два другихъ поля одинаковаго размѣра съ озимымъ, то на дворъ приходилось пашни около 11 десятинъ, а на cadaго земца около 18 десятинъ. Вообще это мелкіе землевладѣльцы, очень похожіе на своихъ крестьянъ-половниковъ: они часто сами пахутъ свои земли и ихъ участки вообще не больше крестьянскихъ. Встрѣчаются рѣдкія исключенія: у троихъ Офромѣвыхъ 58 десятинъ ржаной пашни, что при трехъ поляхъ представляетъ запашку въ 174 десятины; въ имѣніи 16 крестьянскихъ дворовъ. Это очень порядочное помѣстье городского дворянина XVI в. въ любой центральной области государства. Въ Новгородскомъ уѣздѣ земцамъ принадлежало немного болѣе 7% всѣхъ описанныхъ въ книгѣ земель.

Новгородскія писцовыя книги даютъ много цѣнныхъ указаній на хозяйственное положеніе земцевъ, на которомъ мы не останавливаемся. Онѣ также не оставляютъ ничего сомнительнаго и въ юридическомъ характерѣ земецкаго землевладѣнія. Земцы рѣдко

владѣютъ землею въ одиночку; чаще сидятъ они родственными гнѣздами; впрочемъ иногда повидимому соединялись во владѣніи и совѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію люди. Очевидно, это землевладѣльческія товарищества, связанные договоромъ, часто еще и родствомъ. Встрѣчаемъ имѣніе въ 5 деревень съ 28 десятинами ржаного посѣва, принадлежавшее 13 совладѣльцамъ, кажется, все родственникамъ; все это имѣніе снято крестьянами. Иныя деревни состоятъ изъ дворовъ однихъ земцевъ-совладѣльцевъ, которые иногда пахутъ совмѣстно; но иногда даже родные братья имѣютъ особые жеребьи въ общей деревнѣ или особыя деревни. Въ одной деревнѣ жили въ 6 дворахъ 7 совладѣльцевъ и сѣяли вмѣстѣ 25 коробей ржи; имъ принадлежало еще 6 деревень, которыя снимали у нихъ крестьяне, засѣвавшіе 54 десят. ржи. Несомнѣнно, что земцы—полные собственники своихъ земель: они продаютъ и закладываютъ ихъ, даютъ въ приданое, выкупаютъ; даже женщины, сестры и вдовы, являются владѣльцами и совладѣльцами такихъ земель. Есть и прямое указаніе на вотчинный характеръ земецкаго землевладѣнія: лѣтопись рассказываетъ, что на третій годъ послѣ подчиненія Пскова московскій государь взялъ съ него въ смоленскій походъ 1000 пищальниковъ и псковскихъ земцевъ; «тогда еще, прибавляетъ она о послѣднихъ, не сведены быша съ своихъ вотчинъ»¹⁾.

Гораздо труднѣе объяснить, какъ возникло землевладѣніе земцевъ. Нѣкоторыя указанія однако приводятъ къ мысли, что первоначально это были не сельскіе обыватели, пріобрѣтавшіе дворы въ городѣ, а именно горожане, пріобрѣтавшіе земли въ уѣздѣ. Среди нихъ встрѣчаемъ поповичей, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ, также городскихъ ремесленниковъ или людей, родственники которыхъ входили въ составъ промышленнаго населенія города. Въ Новгородскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ земли, о владѣльцахъ которыхъ писцовая книга замѣчаетъ, что это земцы съ такой-то улицы Новгорода. Сохранилось нѣсколько десятковъ грамотъ Соловецкаго монастыря XV и XVI в., данныхъ, вкладныхъ и купчихъ на земли и угодья, пріобрѣтенныя монастыремъ отъ обитателей Новгородской земли преимущественно въ Поморьѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ восходятъ еще ко временамъ независимости Новгорода²⁾. Земли,

¹⁾ Новгор. Писц. книги, изд. Археогр. Ком., ч. III, и Времен. Общ. Ист. и Др. Р. XI, въ разн. мѣст. II. Собр. Р. Лѣт. IV, 289.

²⁾ Рукоп. Сол. мон. въ библиотекѣ Казанск. Дух. Акад. № 18.

которыя прибрѣталъ монастырь, разсѣяны были по бѣломорскому побережью среди обширныхъ владѣній *корельскихъ дѣтей*, принадлежавшихъ къ пяти родамъ, и ихъ мѣстоположеніе обозначается въ грамотахъ выраженіями «промежу пяти родовъ корельскихъ дѣтей» или «куды вся пять родовъ владѣютъ» и т. п. Изъ числа этихъ родовъ были Ровкульцы или Рокульскій родъ. Среди своеземцевъ г. Корелы по книгѣ 1500 г. встрѣчаемъ цѣлое гнѣздо богатыхъ землевладѣльцевъ Рокульскихъ. Эти корельскія дѣти напоминаютъ тѣхъ «молодыхъ людей» или «молодцовъ» новгородскихъ, о промышленныхъ походахъ которыхъ говорятъ новгородскія лѣтописи XIV и XV в. Дружины подобныхъ молодцовъ изъ г. Корелы когда-то въ XV в. или раньше заняли обширныя пространства по Бѣломорью и образовали 5 родственныхъ землевладѣльческихъ товариществъ, которыя нѣкоторое время и подъ московской властью носили названіе пяти родовъ корельскихъ дѣтей. Родственно-товарищескій, *сябренный* способъ прибрѣтенія и владѣнія долго и послѣ оставался одной изъ особенностей земецкаго землевладѣнія, отличавшей его отъ новгородскаго боярскаго землевладѣнія. Каждый членъ такого товарищества располагалъ своимъ участкомъ, какъ личной собственностью. Въ одной грамотѣ изъ указаннаго сборника читаемъ, что посадникъ Дмитрій Васильевичъ купилъ у принадлежавшей къ роду Рокульскихъ Ховри Кукоевой ея «отцину и дѣдину на морѣ на Выгу» и по другимъ рѣкамъ Бѣломорья, «а продала она Ховра посаднику отцину свою Рокульскаго роду». Понятно, что путемъ отчужденія участковъ первоначальный составъ родственнаго товарищества разрушался, принимая въ себя чужеродцевъ; товарищество прибрѣтателей распадалось посредствомъ раздѣла совмѣстно прибрѣтенной земли на отдѣльные участки. Но нѣкоторая юридическая связь оставалась и при разстройствѣ родственной цѣльности и землевладѣльческой солидарности товарищества. Изъ одной статьи Псковской Судной грамоты видно, что въ случаѣ спора объ участкѣ сябренной земли, прибрѣтенномъ по купчей грамотѣ, всѣ сябры становились на судъ для отвѣта и клали передъ судьями грамоты на свои земли. Есть указанія и на другія связи. Въ 1470-хъ годахъ «корельскія дѣти», собравъ свои родовыя отряды и получивъ помощь отъ новгородцевъ, ходили ратью въ Каяскую землю (Финляндію), мстя за какую-то обиду, нанесенную имъ каянцами. Память объ этомъ походѣ сохранилась въ одной вкладной грамотѣ Соловецкаго монастыря, изъ которой узнаемъ, что предводитель рати нѣкто Федоръ Ивановичъ и новгородцы и

дѣти корельскія Вымольцы и Тиврульцы (два рода изъ упомянутыхъ пяти) и вся рать каянская, ходившая на Юю рѣку «за обѣду дѣтей корельскихъ», по окончаніи похода пожертвовали на Соловки колоколъ. О томъ, какъ совершались земельныя приобрѣтенія земецкими товариществами, сохранилось любопытное извѣстіе въ повѣсти о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, составленной въ началѣ XVII вѣка, но по болѣе древнимъ источникамъ. Мѣсто, гдѣ потомъ возникъ монастырь, было пустынно и покрыто лѣсомъ, куда обыватели Изборска и другихъ ближнихъ поселеній ходили для звѣринаго промысла. Около 1470 г. «ту землю и лѣсъ взяша въ слободу у всѣхъ псковичъ съ вѣча люди земцы градскіе и сельскіе... сіе же мѣсто около пещеры абіе дастся въ жребій нѣкоему человѣку Ив. Дементіеву, той же Иванъ постави деревню въ подгоріи». Изъ дальнѣйшаго разсказа повѣсти узнаемъ, что этотъ Ив. Дементьевъ, участникъ земецкаго товарищества, раздѣлившаго приобрѣтенную пустыню на участки между своими членами, былъ городской земець, который и послѣ разсказаннаго продолжалъ жить въ г. Псковѣ и когда около его деревни въ горѣ построена была пещерная церковь Успенія, далъ «отъ своей деревни удѣломъ земли Преч. Богородицѣ на память себѣ» отъ той церкви «на поприще». Участокъ, доставшійся Дементьеву, былъ, очевидно, полной собственностью вкладчика. Такимъ образомъ первоначальнымъ юридическимъ источникомъ земецкаго землевладѣнія въ областяхъ вольныхъ городовъ можно признать правительственную раздачу незанятыхъ казенныхъ земель («въ слободу», на льготныхъ условіяхъ въ собственность землевладѣльческимъ товариществамъ, составившимся изъ горожанъ и сельчанъ съ цѣлью разработки такихъ земель. Другіе способы приобрѣтенія земецкихъ вотчинъ, вскользь упоминаемые писцовыми книгами конца XV вѣка, куплю, мѣну и т. п. надобно считать уже вторичными, позднѣйшими источниками этого землевладѣнія.

Но едва-ли не самый трудный вопросъ въ исторіи земцевъ — ихъ судьба подъ московской властью. Не осталось прямыхъ указаній на государственныя повинности, какія падали на земецкое землевладѣніе во времена вольности Новгорода и Пскова. Во всякомъ случаѣ съ паденіемъ обоихъ городовъ ихъ земцы въ этомъ отношеніи должны были подчиниться московскимъ порядкамъ. Но по этимъ порядкамъ недвижимыя имущества земцевъ подлежали двумъ категоріямъ повинностей: какъ городскіе дворовладѣльцы, они должны были тянуть городское подворное тягло; какъ на сельскихъ

вотчинниковъ, на нихъ падала ратная служба. Повидимому, и во времена вольности земцы, какъ городскіе обыватели, по своимъ правамъ и обязанностямъ ничѣмъ не отличались отъ другихъ горожанъ-дворовладѣльцевъ. Въ такомъ же отношеніи къ городу оставила ихъ и Москва: по книгамъ московскихъ писцовъ они жили на тяглыхъ городскихъ мѣстахъ, тянули въ оброкъ и во всѣ поуги съ городчанами и подобно имъ дѣлились по размѣрамъ тягла на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ. Словомъ, земцы, какъ городскіе обыватели, не составляли особаго класса въ юридическомъ смыслѣ слова, а отличались отъ прочихъ горожанъ только имущественнымъ положеніемъ: тяглый горожанинъ, приобрѣтавшій землю въ уѣздѣ, становился земцемъ, но не переставалъ быть тяглымъ горожаниномъ. Самыя эти званія мѣшались въ книгахъ: одни и тѣ же люди въ перечнѣ городскихъ дворовъ называются своеземцами, а въ описаніи земецкихъ вотчинъ въ уѣздѣ городскими людьми, а ихъ вотчины «своеземцевыми и купецкими землями».

Не такъ легко было устроить землевладѣльческое положеніе земцевъ. Здѣсь московское правительство затрудняли самое разнообразіе и непривычныя для него способы земецкаго землевладѣнія. Оно было и единоличное и коллективное, и раздѣльное и совмѣстное; земцы и сами пахали, и обрабатывали земли своими людьми, и сдавали ихъ крестьянамъ, и снимали изъ оброка чужія земли. Московскому взгляду, уже привыкавшему къ точной раздѣльности социальныхъ категорій, земець долженъ былъ представляться путаницей общественныхъ состояній, беспорядочнымъ смѣшеніемъ посадскаго горожанина, служилаго землевладѣльца и оброчнаго крестьянина. Въ писцовыхъ книгахъ и другихъ памятникахъ удѣляли слѣды той разборки, посредствомъ которой Москва старалась раздѣлить столь спутанныя отношенія и подогнать ихъ подъ свои мѣрки. Руководясь наиболѣе очевидными признаками, однихъ земцевъ, жившихъ въ своихъ деревняхъ и по землевладѣльческой обстановкѣ похожихъ на служилыхъ московскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, верстали въ ратную службу, другихъ менѣе состоятельныхъ приписывали къ крестьянскимъ обществамъ. Не ясно только положеніе земцевъ, которые, владѣя значительными вотчинами въ уѣздѣ, жили своими дворами и промышляли въ городѣ. Ихъ несомнѣнно оставили на городскомъ тягѣ; но нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы городское тягло освобождало ихъ отъ ратной службы съ ихъ вотчинъ. Такую сортировку облегчало московскимъ писцамъ то, что нѣкоторые земцы, владѣвшіе мелкими дере-

веньками, снимали участки у сосѣднихъ помѣщиковъ и сами ихъ пахали, даже селились въ помѣщичьихъ деревняхъ наряду съ крестьянами и принимали на себя крестьянскія повинности ¹⁾). Въ одномъ актѣ вскрывается такой ходъ дѣла. Въ 1555 г. черные крестьяне двухъ становъ Пусторжевскаго уѣзда жаловались, что нѣкоторыми деревнями и починками, приписанными писцомъ къ ихъ волостямъ въ тягло, владѣютъ земцы и ямщики и тягла съ ними не тянутъ. Правительство отвѣчало, что если тѣ деревни и починки писецъ дѣйствительно записалъ въ одинъ разрядъ съ черными деревнями, они должны тянуть тягло вмѣстѣ съ послѣдними по книгамъ, а если они записаны за земцами и ямщиками отдѣльно, не въ числѣ черныхъ деревень, или даны владѣльцамъ въ помѣстье, эти владѣльцы должны и тягло съ нихъ тянуть отдѣльно. Но и въ первомъ случаѣ не предписывается отобрать земли у земцевъ; слѣдовательно они въ этомъ случаѣ должны были принять на себя крестьянское тягло, а во второмъ остаться вотчинниками или помѣщиками и нести соотвѣтственныя повинности. И писцовыя книги XVI в. указываютъ на отдѣльные случаи приписки земецкихъ деревень къ дворцовымъ волостямъ въ крестьянское тягло и даже на цѣлыя сельскія общества земцевъ, которые прямо и называются крестьянами ²⁾). Здѣсь земцы оставались земгвладѣльцами, только на другомъ правѣ, изъ вотчинниковъ превращались въ тяглыхъ владѣльцевъ казенной земли. Поземельное тягло было однимъ изъ юридическихъ признаковъ, что владѣемая тяглымъ человекомъ пахотная земля съ принадлежащими къ ней угодьями составляетъ собственность казны. Другимъ такимъ признакомъ, отличавшимъ преимущественно отдѣльныя угодья, служилъ казенный оброкъ. Если собственникъ угодья не несъ съ него ратной повинности, оно облагалось оброкомъ и переставало быть вотчиной владѣльца. Уцѣлѣлъ документъ, въ которомъ описанъ повидимому случай примѣненія такого московскаго порядка къ новгородскому землевладѣнью. Въ одной лѣтописи читаемъ краткое извѣстie, что въ 1536 г. присланъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ конюхъ государевъ Бунда съ дьякомъ отписать у всѣхъ новгородскихъ околгородскихъ монастырей и городскихъ церквей пожни и отдать ихъ «въ бразгу, что которая пожня стоитъ, тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ». Сохранилась отписная книга съ подробнымъ перечнемъ по-

¹⁾ *Временникъ*, XII, 64. Новг. Писц. кн. III, 73 и 75.

²⁾ Доп. къ А. И. I, № 57. Новг. Писц. кн. IV, 507.

женъ, отписанныхъ у церквей и монастырей по этому распоряженію московскаго правительства ¹⁾. Изъ словъ лѣтописи и изъ этой отписной книги видно, что предположено было не фактическое отобрание сѣнныхъ покосовъ у церковныхъ владѣльцевъ, а измѣненіе ихъ юридическаго отношенія къ владѣемымъ ими угодьямъ: пожни были «пооброченены на вел. князя» и отданы въ «оброкъ» за немногими исключеніями прежнимъ владѣльцамъ, монастырскія игумена — съ братіей, церковныя притчамъ церквей; «та пожня, по обычному выраженію документа, дана тое-же церкви попу съ товарищи на весь причетъ церковный». Это значитъ, что право собственности церквей и монастырей на отписанныя пожни замѣнено было правомъ пользованія по найму у казны, которая стала собственницей этихъ угодій. Но эта операція не ограничилась монастырскими и церковными пожнями. Въ томъ же документѣ помѣщенъ перечень еще нѣсколькихъ десятковъ поженъ, которыя въ томъ же 1536 г. писалъ и мѣтилъ Бунда съ товарищами и оброчилъ на вел. князя. Эти пожни «косили монастыри и церковные люди и земцы и черные люди безъ найму», и онѣ теперь также отдавались въ оброкъ большею частью прежнимъ владѣльцамъ. При этомъ владѣльцы духовные и свѣтскіе клали передъ комиссіей крѣпости, по которымъ они владѣли пожнями, «грамоты старыя за свинчатными печатми», купчія своихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и свои собственныя духовныя, закладныя кабалы: очевидно, отписанныя пожни принадлежали владѣльцамъ на правѣ собственности. Впрочемъ предъявленіе такихъ актовъ не было непрежѣннымъ условіемъ обратнаго полученія пожни въ оброчное содержаніе прежнимъ владѣльцемъ: пожня возвращалась ему и при отсутствіи крѣпости, по факту владѣнія; только при столкновеніи фактическаго владѣльца съ претендентомъ по крѣпости пожня отдавалась послѣднему. Большинство владѣльцевъ отписныхъ поженъ — горожане изъ разныхъ концовъ и улицъ Новгорода, торговые и ремесленные *черные*, тяглые люди; земцы, отличаясь отъ нихъ званіемъ, ничѣмъ не отличаются ни въ происхожденіи, ни въ условіяхъ какъ прежняго вотчиннаго, такъ и новаго оброчнаго владѣнія пожнями. Изъ всего этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что эти земцы по своимъ положеннымъ въ оброкъ пожнямъ вступали въ разрядъ черныхъ тяглыхъ людей или, точнѣе, ихъ пожни были положены въ оброкъ по ихъ эконо-

¹⁾ П. С. Лѣт. VI, 299. Писц. книга въ Моск. Арх. Мин. Юст. № 707, л. 1 и сл.

мической и соціальной близости, какъ мелкихъ владѣльцевъ, къ чернымъ тяглымъ людямъ, и во-вторыхъ, эта перемѣно въ ихъ юридическомъ положеніи произошла отъ замѣны мѣстныхъ новгородскихъ источниковъ права новыми московскими: въ отписной книгѣ 1536 г. прямо сказано, что отписывали пожни у тѣхъ монастырей и церквей, «у которыхъ грамотъ великаго князя жалованныхъ нѣтъ и въ писцовыхъ книгахъ имъ не написано», хотя у нихъ и были на тѣ пожни грамоты старыя отъ временъ новгородской вольности. Новыя условія владѣнія могли быть не подѣ силу многимъ владѣльцамъ, и въ отписной книгѣ встрѣчаемъ характерное извѣстіе объ одномъ земцѣ, который положилъ передъ комиссіей духовную грамоту на свою пожню «да пожни ступился», отказался владѣть ею, и она отдана была въ оброкъ другому. Особымъ образомъ поступили съ значительными земецкими вотчинами, принадлежавшими многимъ совмѣстнымъ владѣльцамъ, изъ коихъ каждый однако не былъ въ состояніи отбывать службу съ своей доли въ полномъ размѣрѣ: совладѣльцевъ, напримѣръ братьевъ, заставляли служить «по годома перемѣняяся», или, пользуясь владѣльческой солидарностью сябровъ, одного изъ товарищей записывали въ службу, а другимъ указывали ему «подмогать» и въ случаѣ безпотомственной смерти такихъ помощниковъ ихъ доли вотчины отдавали взамѣнъ подмоги тому, кто служилъ за нихъ ¹⁾. Такъ одни изъ земцевъ стали тяглыми, а другіе служилыми людьми, и послѣдніе по разряднымъ книгамъ уже съ конца XV в. отбывали ратную службу съ своихъ вотчинъ наравнѣ съ городовыми дѣтьми боярскими, испомѣщенными въ Новгородской области. Но и у служилыхъ земцевъ вотчинное право и самыя вотчины уходили изъ рукъ по разнымъ причинамъ, прежде всего политическимъ. Торжество московской власти въ Новгородѣ и Псковѣ сопровождалось, какъ извѣстно, обширной экспроприаціей мѣстнаго землевладѣнія: боярь и другихъ крупныхъ вотчинниковъ, какъ опасныхъ людей для Москвы, массами переселяли во внутреннія области, отписывая ихъ отчины на государя. Земецкое землевладѣніе также сильно пострадало при этомъ: новгородскія писцовыя книги конца XV в. въ перечняхъ земель, отобранныхъ на государя и розданныхъ московскимъ помѣщикамъ, называютъ множество земцевъ рядомъ съ бывшими новгородскими боярами. Переходъ земецкихъ вотчинъ въ казну продолжался и въ XVI вѣкѣ: о многихъ земляхъ, которыми еще въ концѣ XV в. вла-

¹⁾ Новг. Писц. кн. IV, 539, 547 и 552.

дѣли земцы, писцовыя книги второй половины XVI в. кратко замѣчаютъ: «были деревни своеземцевы, а нынѣча за государемъ». Потомъ надобно предположить въ XVI в. какую-либо мѣру или рядъ мѣръ, превратившихъ вотчины многихъ земцевъ въ ихъ же помѣстья. Такое предположеніе вызывается сравнительнымъ изученіемъ земецкаго землевладѣнія по писцовымъ книгамъ конца XV и конца XVI в. Такъ книга Вотской пятины 1582 года, перечисляя порожнія земли въ Климецкомъ и другихъ погостахъ, называетъ ихъ помѣстьями тѣхъ самыхъ земцевъ или дѣтей тѣхъ земцевъ, которые по книгѣ 1500 г. владѣли ими, какъ вотчинами. Объяснить это превращеніе тѣмъ труднѣе, что оно не было общей мѣрой, лишившей всѣхъ земцевъ права вотчиннаго владѣнія, и указанія на вотчины земцевъ встрѣчаемъ въ писцовыхъ книгахъ, хотя и не часто, до конца XVI в. ¹⁾

Такимъ образомъ въ продолженіе XVI в. классъ земцевъ распался. Городскіе тяглые земцы во всѣхъ сѣверныхъ такъ-называвшихся *поморскихъ* городахъ удержали за собою право вотчиннаго землевладѣнія въ уѣздѣ; но и съ этихъ вотчинъ они тянули тягло и въ XVII в. рядомъ указовъ такимъ тяглымъ землевладѣльцамъ изъ горожанъ запрещено было отчуждать свои деревенскіе участки нетяглымъ людямъ. Земцы, приписанные къ сельскимъ обществамъ, потонули въ крестьянствѣ; но служилые земцы и въ первыя десятилѣтія XVII в. еще не слились съ дворянами и дѣтьми боярскими не смотря на свое сходство съ ними въ правахъ и обязанностяхъ. Ихъ верстали помѣстьями совершенно такъ же, какъ и дѣтей боярскихъ, инымъ назначали оклады даже крупнѣе чѣмъ инымъ изъ послѣднихъ; они мѣнялись помѣстьями съ дѣтьми боярскими, несли одинаковыя съ ними службы, подобно имъ могли имѣть вотчины, входили въ составъ мѣстныхъ служилыхъ корпорацій; писцовыя книги и десятины въ своихъ перечняхъ и итогахъ считали ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими; въ просторѣчій ихъ прямо такъ и называли. При всемъ томъ земцы сохраняли свое особое званіе, не участвовали въ чиновномъ движеніи дѣтей боярскихъ; при одинаковыхъ съ послѣдними обязанностяхъ ихъ служба заключала въ себѣ нѣкоторыя особенности, по кото-

¹⁾ Ср. Новг. Писц. кн. III, 75 и сл. и рукописную писц. кн. Вотской пят. 1582 г. въ М. Арх. Мин. Юст. № 958, л. 8 и сл. Слѣды земецкихъ вотчинъ въ Новг. Писц. кн. IV, 547, въ рукоп. писц. книгахъ того же архива № 967, л. 368, № 968, л. 532 и сл.

рымъ она носила спеціальное названіе *земной службы*; «земцкія земли» составляли какъ бы особый видъ служилаго землевладѣнія, описывались въ писцовыхъ книгахъ отдѣльно отъ другихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и ихъ старались не мѣшать съ послѣдними, удерживая постоянно въ рукахъ земцевъ¹⁾.

Теперь можно нѣсколько исправить взглядъ автора на земцевъ. Прежде всего надобно различать земцевъ разныхъ эпохъ. Во времена независимости вольныхъ городовъ это были большею частью мелкіе землевладѣльцы-собственники преимущественно изъ горожанъ. Подъ московской властью значительная часть ихъ слилась съ сельскими или городскими обществами и званіе земцевъ удержалось по крайней мѣрѣ до половины XVII в. только за тѣми изъ нихъ, которые несли ратную службу. Эти послѣдніе составляли особый разрядъ служилыхъ землевладѣльцевъ *туземною* происхожденія среди переселенныхъ изъ другихъ областей дворянъ и дѣтей боярскихъ, не входили въ ихъ чиновную іерархію, хотя раздѣляли ихъ права и обязанности. Значитъ, о земцахъ мы имѣемъ не «очень мало свѣдѣній», какъ думаетъ авторъ, и на основаніи этихъ свѣдѣній можемъ сказать, что земцы отличались отъ дѣтей боярскихъ, хотя и не стояли ниже ихъ, и были не «какими-то», а обыкновенными областными или городскими служилыми людьми, служившими съ вотчинъ и помѣстій, и не «исчезли» къ концу XVI в.

Изложивъ замѣчанія объ отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, выскажемъ о ней общее сужденіе. Мы вполне согласны съ убѣжденіемъ автора въ возможности полезнаго изслѣдованія, перерабатывающаго только данныя писцовыхъ книгъ о городахъ XVI в. При этомъ надобно лишь избѣгнуть указанной самимъ авторомъ опасности поставить свое изслѣдованіе въ излишнюю зависимость отъ одного источника. Для автора эта опасность заключалась въ трудности установить отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ

¹⁾ Десятни въ М. Арх. М. Ю. №№ 131 и 140 въ разн. мѣст. *Времен. Общ. И. и Др.* Р. VI, 21. Доп. къ А. И. I, №№ 140 и 52, VI. Корпоративная связь новгородскихъ земцевъ съ мѣстными дворянами и дѣтьми боярскими видна изъ того, что имъ по верстанью указывали «служить съ пятиною вмѣстѣ» и что они бывали городскими прикащиками, которыхъ обыкновенно выбирало все общество дворянъ и дѣтей боярскихъ округа. Десятня № 123, л. 29, 31 и 38. Слово *земцы* извѣстно было и въ другихъ областяхъ кромѣ Новгорода и Пскова. Въ Тамбовскомъ краю по актамъ XVII в. такъ назывались и крестьяне и полковые казаки въ смыслѣ совмѣстныхъ владѣльцевъ земли или угодій и притомъ съ значеніемъ туземцевъ-старожиловъ. И. Николаева, Матер. относящ. къ ист. Тамб. края (Тамбовъ. 1884).

писцовыми книгами городовъ, но не рѣшаемымъ ихъ указаніями. Чтобы устранить это затрудненіе, нужно было помощію критическаго изученія источника соразмѣрить постановку задачи со средствами, какія можно почерпнуть изъ него для ея рѣшенія. Мы для того и остановились такъ долго на спорныхъ или сомнительныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, чтобы яснѣе показать связь ихъ съ постановкой, какую авторъ далъ своей задачѣ. Поставивъ себѣ цѣлью разяснить положеніе городовъ, какъ культурныхъ центровъ, воспроизвести со всею возможной подробностью условія жизни городского жителя, трудно уже найти такую сторону городской жизни, обойти которую позволяла бы задача, такъ широко и неясно опредѣленная. Надобно было разсмотрѣть жизнь города во всей полнотѣ ея интересовъ и отношеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ касаются писцовыя книги городовъ, а писцовыя книги далеко не разясняютъ всего, чего касаются, и не представляютъ достаточно данныхъ для столь сложнаго и многосторонняго изображенія предмета. Описывая церкви, древнерусскіе писцы пересчитывали и книги, въ нихъ находившіяся; но точному опредѣленію «тогдашняго уровня умственнаго развитія и знанія» едва-ли много поможетъ то, что въ церквахъ нѣкоторыхъ городовъ авторъ насчиталъ по описаніямъ не менѣе 2000 книгъ (стр. 312). Побуждаемый широкими требованіями задачи, авторъ и ставилъ вопросы, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не нашлось достаточно средствъ ни въ самомъ источникѣ, ни въ распоряженіи автора. Между тѣмъ среди опредѣленной задачи, какія находимъ у автора въ предисловіи и введеніи, есть одно, наиболѣе соответствующее и свойству его основнаго источника, и самому плану его труда. «Наше изслѣдованіе, пишетъ авторъ (стр. 12), есть главнымъ образомъ собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами». Въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы онъ обѣщаетъ разобрать весьма подробно, другіе по недостатку свѣдѣній менѣе подробно, а третьихъ,—можно было бы прибавить,—и вовсе не касаться, какъ не входящихъ въ составъ задачи, такъ поставленной. Положительные результаты, которыхъ добился авторъ и которые придаютъ научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ именно на эту задачу. Перечислимъ теперь эти результаты. Они тѣсно связаны съ планомъ изслѣдованія.

Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя

объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ писцовыхъ книгъ XVI в. далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые ими города полосами по направленію съ сѣверо-запада къ юговостоку. Авторъ разсматриваетъ сначала новгородскіе пригороды и г. Торопецъ вмѣстѣ съ Устюжной, потомъ пригороды псковскіе, торгъ и промысловыя заведенія г. Пскова, дагѣе города ближайшіе къ Москвѣ и наконецъ города по южной и юго-восточной окраинѣ государства. Неожиданныя сочетанія въ этой группировкѣ въ родѣ того, что Муромъ оказался въ группѣ городовъ ближайшихъ къ Москвѣ, а города, какъ Зарайскъ, Тула, Рязань, ближе лежащіе къ Москвѣ, отнесены къ крайней группѣ, не повредили перспективѣ изслѣдованія. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, авторъ не только тщательно выбиралъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдилъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, и старался объяснить происхожденіе этихъ различій. Такъ помощью подробныхъ, иногда микроскопическихъ наблюденій постепенно обозначились въ изслѣдованіи г. Чечулина мѣстные типы городовъ. Итоги отдѣльныхъ наблюденій надъ социальнымъ составомъ, экономическимъ положеніемъ и мѣстными особенностями городовъ сведены въ заключительной главѣ сочиненія, представляющей общій очеркъ положенія городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Этотъ очеркъ и намъ послужитъ основаніемъ при перечисленіи главныхъ выводовъ, къ какимъ пришелъ авторъ.

И въ этомъ очеркѣ повторены многія сомнительныя положенія, высказанныя авторомъ въ предыдущихъ главахъ, нѣкоторыя даже усилены. Такъ авторъ повторяетъ свое предположеніе о передѣлахъ городской земли; только предположеніе здѣсь является уже доказаннымъ выводомъ, «естественнымъ и несомнѣннымъ» фактомъ, даже распространяется и на лавки (стр. 322 и 336). На основаніи описей только двухъ городовъ Можайска и Коломны авторъ рѣшительно утверждаетъ, что къ концу XVI в. «въ центральныхъ городахъ черныхъ посадскихъ людей почти уже не было», хотя по цифрамъ самого автора, приведеннымъ выше, въ своемъ мѣстѣ его книги, выходитъ, что въ Можайскѣ въ самомъ концѣ XVI в. тяг-

лыхъ посадскихъ людей считалось не менѣе 35% всего обозначеннаго въ описи населенія города ¹⁾. Но отдѣльныя положенія такого рода не закрываютъ крупныхъ результатовъ разсматриваемаго труда. Цѣннымъ дѣломъ надобно признать прежде всего самое собраніе писцовыхъ данныхъ о городахъ, которымъ значительно пополняется и провѣряется существующее представленіе о предметѣ. Это представленіе отличается нѣсколько отвлеченнымъ, схематическимъ характеромъ, что объясняется свойствомъ памятниковъ, на которыхъ оно основано, преимущественно актовъ законодательныхъ и распорядительныхъ, указывающихъ больше норму, чѣмъ практику отношеній. Имѣя дѣло съ мало тронутыми и большою частью неизданными памятниками, авторъ, по его словамъ, считалъ необходимымъ «представить читателю по возможности весь матеріалъ, всѣ цифры и данныя», которыя служили ему для того или другаго вывода (стр. IV). Этотъ обильный статистическій матеріалъ, хотя и разбѣянный въ текстѣ изслѣдованія, облегчая читателю возможность провѣрять и даже расширять выводы автора, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ много конкретныхъ подробностей, изображающихъ дѣйствительное положеніе русскаго города въ XVI в. Цѣлесообразная группировка этого матеріала у автора помогаетъ читателю довольно отчетливо представить себѣ сравнительную населенность городовъ, степень сложности ихъ общественнаго состава, наличность хозяйственныхъ средствъ и напряженность торгово-промышленнаго оборота. Притомъ авторъ не ограничивается сборомъ и группировкой писцовыхъ данныхъ, но по возможности разбираетъ и объясняетъ ихъ. Онъ вѣрно отмѣтилъ особенность своего источника, сказавъ (стр. 10), что «въ писцовыхъ книгахъ во многихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, въ итогахъ, въ разныхъ опредѣленіяхъ, встрѣчающихся при одномъ и томъ же собственномъ имени, раскрываются иногда очень важныя данныя для рѣшенія разныхъ вопросовъ». Если авторъ не всегда удачно рѣшалъ такіе вопросы, то онъ подобралъ въ писцовыхъ книгахъ и сопоставилъ много любопытныхъ указаній, облегчающихъ ихъ рѣшеніе. Таковы собранныя имъ и частью объясненныя данныя о городскомъ дво-

¹⁾ Именно 204 чел. изъ 570 (стр. 313, 157 и 158). Къ сожалѣнію, здѣсь приходится еще разъ указать на неисправность корректуры у автора именно въ цифрахъ, составляющихъ главный интересъ его книги. По одной и той же описи въ Можайскѣ показано дворовъ посадскихъ людей (на стр. 157) 116 и 85, а на стр. 173—205, въ Коломнѣ на стр. 156—11½ и 22, а на стр. 173—32½ дв.

ровладѣніи и землевладѣніи, о городскихъ обывателяхъ, жившихъ въ чужихъ дворахъ, о значеніи дворниковъ въ осадныхъ городскихъ дворахъ (стр. 270 и сл.), о выходахъ изъ состояніи тяглыхъ посадскихъ людей (стр. 285) и мн. др. Вообще благодаря вниманію, съ какимъ авторъ вчитывался въ изучаемые памятники и старался отмѣчать въ нихъ всякую даже мелкую черту, любопытную въ какомъ-либо отношеніи, онъ успѣшно выполнилъ одну часть своей задачи, объяснилъ составъ и занятія городского населенія, не нашедши въ своемъ источникѣ средствъ для выполнения другой части, опредѣленія культурнаго значенія города. Особенно цѣннымъ результатомъ труда г. Чечулина надобно признать указаніе особенностей, какими отличались города разныхъ полось (стр. 343—349). Въ этомъ отношеніи авторъ дѣлитъ ихъ на три группы: города сѣверозападные, центральные и города по южной и юговосточной окраинѣ. Достаточно отмѣтить главныя отличительныя черты, указанные авторомъ, чтобы оцѣнить значеніе этой группировки. Въ сѣверозападныхъ городахъ, собственно только въ пригородахъ Новгорода и Пскова, авторъ отмѣчаетъ однообразный, почти исключительно тяглый посадскій составъ населенія, его усидчивость и опредѣленность общественныхъ отношеній, преобладаніе земледѣлія въ хозяйственномъ быту. Напротивъ города центральные отличались болѣею пестротою соціального состава, пониженіемъ процента тяглаго посадскаго населенія, значительнымъ количествомъ лично-зависимыхъ людей, подвижностью населенія, выражавшеюся въ усиленномъ бѣгствѣ отсюда посадскихъ людей, и вмѣстѣ большимъ развитіемъ ремесленной дѣятельности на счетъ хлѣбопашества. Въ городахъ по южной и юговосточной окраинѣ, имѣвшихъ преимущественно значеніе крѣпостей, замѣтны усиленіе и даже преобладаніе военнаго элемента въ составѣ населенія, то же господство ремесла и торговли надъ земледѣліемъ, ту же бродячесть сборнаго населенія, неустановленность общественныхъ отношеній. Эти выводы не потеряютъ своей цѣны, если даже нѣкоторыя изъ нихъ будутъ исправлены дальнѣйшимъ изученіемъ. Во всякомъ случаѣ благодаря имъ уже нельзя покрывать одной характеристикой всѣ города Московскаго государства, какъ иногда дѣлали прежде. Потому авторъ имѣлъ право указаніе этихъ мѣстныхъ различій считать главнымъ результатомъ своего труда (стр. 312).

Сочиненіе г. Чечулина — добросовѣстный трудъ, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ трудностями этого источника и большой

черновой работы надъ нимъ, дающій читателю немало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ выводовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе. Думаемъ, что эти качества изслѣдованія, несмотря на нѣкоторое несоотвѣтствіе его задачи средствамъ и на признаки нѣсколько поспѣшнаго его изданія, дадутъ достаточное основаніе удостоить книгу г. Чечулина искомой имъ преміи.

VI.

И. М. Каманинъ, Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.). (Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Коммиссією для разбора древнихъ актовъ, состоящею при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Часть V, томъ II. Кіевъ. 1890).

Рецензія академика **К. С. Веселовскаго.**

Во второмъ томѣ пятой части Архива Юго-Западной Россіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1890 году, напечатаны г. Каманинымъ въ подлинникѣ, на сколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія Юго-Западнаго края въ 1765—1791 годахъ, извлеченныя авторомъ изъ актовыхъ книгъ Кіевского Центральнаго Архива. Эти переписи, занимающія 729 страницъ, съ приложеннымъ къ нимъ полнымъ и подробнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся (въ 316 страницъ), составляютъ историческій документъ несомнѣнной важности для изученія быта того края за сто лѣтъ предъ симъ, и въ особенности для разъясненія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ того спеціальнаго населенія, до котораго эти переписи относились. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе И. М. Каманина, помѣщенное передъ переписями, въ началѣ перваго тома, и занимающее 239 страницъ. Этотъ самостоятельный и по своевременности своего появленія замѣчательный историческій трудъ вполне относится къ числу такихъ, которые подходятъ подъ условія Уваровскаго конкурса.

При выборѣ темы для своего изслѣдованія авторъ руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что приложение статистическихъ дан-

ныхъ къ рѣшенію вопросовъ объ экономическомъ вліяніи одной народности или сословія на бытъ остальнаго населенія въ государствѣ является важнѣйшимъ условіемъ и обезпеченіемъ правильности рѣшенія такихъ вопросовъ; а подобное приложеніе представляется особенно не только полезнымъ, но даже необходимымъ, когда рѣчь заходитъ о евреяхъ, надъ которыми тяготѣетъ многовѣковое обвиненіе въ эксплуатаціи народной массы. Такое обвиненіе слышится не только въ нашемъ отечествѣ, но и у другихъ сосѣднихъ народовъ, и заявляется не только въ наше время, но доносится до насъ и изъ отдаленной древности. Отъ жалобъ на такую эксплуатацію не свободна и старая Польша, гостепріимно принявшая нѣкогда въ свои предѣлы евреевъ и долго оказывавшая имъ покровительство и поддержку. Единственнымъ средствомъ провѣрки справедливости такихъ жалобъ можетъ служить, по весьма вѣрному замѣчанію автора, старательное и правильное изученіе статистическихъ данныхъ и сопоставленіе ихъ съ данными о состояніи культуры въ государствѣ.

Статистическія изслѣдованія о евреяхъ въ Польшѣ представляютъ собою важный научный интересъ не только по отношенію къ судьбамъ нашего Юго-Западнаго края, но еще въ особенности потому, что евреи пользовались сравнительно большею свободою въ Рѣчи Посполитой, со времени своего поселенія тамъ (въ VIII—X в.) и до окончательнаго раздѣла Польши въ концѣ прошлаго столѣтія, т. е. въ теченіе почти восьми или десяти столѣтій,—такую свободою, при которой они имѣли право и возможность выбора между профессіями. Съ этою цѣлью г. Каманинъ и напечаталъ въ изданіи, о которомъ идетъ рѣчь, статистическія данныя, извлеченныя имъ изъ актовыхъ книгъ Кіевского Центральнаго Архива, и если они, по сознанію автора, не уясняютъ причинъ, приведшихъ еврейскую народность въ то положеніе, въ какомъ застаютъ ее переписи XVIII столѣтія, то представляютъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для заключеній о характерѣ и степени вліянія евреевъ на экономическій бытъ страны.

Избирая для своего изслѣдованія періодъ времени съ 1765 по 1791 годъ, г. Каманинъ былъ руководимъ полнотою и обиліемъ матеріала, найденнаго имъ въ актовыхъ книгахъ сказаннаго архива, и дающаго основанія для болѣе точныхъ и опредѣленныхъ выводовъ; къ тому же этотъ періодъ интересенъ еще и потому, что въ немъ отразились результаты всей предшествовавшей исторіи польско-еврейскихъ отношеній, именно къ тому времени, когда за-

кончилось бытіе Рѣчи Посполитой, и край поступилъ подъ власть Россіи.

Изложенію выводовъ изъ собранныхъ имъ статистическихъ матеріаловъ авторъ предпослалъ историческій обзоръ еврейскихъ переписей въ польскомъ государствѣ, съ цѣлью показать какъ постепенно развивались и совершенствовались приемы и способы статистической регистраціи, а равно объяснить причины и условія, вызывавшія потребность въ переписяхъ и обуславливавшія большую или меньшую ихъ успѣшность.

Первая въ Польшѣ перепись евреевъ относится къ 1549 году когда король Сигизмундъ-Августъ въ первый разъ обложилъ ихъ поголовною податью по одному злоту съ души, безъ различія пола и возраста, и возложилъ на сборщика этого налога обязанность составленія и переписи. Какъ мало она была надежна, можно заключать изъ того, что по ней оказалось въ Польшѣ и Литвѣ всего лишь 16,589 евреевъ обоого пола, тогда какъ до того времени число ихъ полагалось не менѣе 200,000 душъ. Позже, королевскіе универсалы о податяхъ 1551 и 1563 г. не измѣняютъ способа переписей, а съ 1564 по 1575 г., умалчивая о переписяхъ, оставляютъ безъ измѣненія количество еврейскихъ податей и только въ универсалѣ 1577 г. повторено опять, что исчисленіе евреевъ должно производиться самимъ сборщикомъ подати и скрѣпляется его присягою.

Нѣкоторое улучшеніе въ еврейскихъ переписяхъ было введено въ 1578 Стефаномъ Баторіемъ, который къ участию въ составленіи этихъ переписей, кромѣ сборщика податей, его помощника и еврейскихъ старшинъ, привлекъ и членовъ воеводскаго управленія или иного суда, которому подчинялись евреи въ городахъ. Но болѣе значительный шагъ къ упорядоченію этой регистраціи сдѣланъ лишь съ 1588 года, когда производство переписей возложено на суды въ городахъ и на владѣльцевъ имѣній и ихъ управителей въ селахъ; магистраты и владѣльцы должны были удостовѣрять присягою точность цифръ, доставляемыхъ имъ сборщикомъ податей, и подлежали за неправильность своихъ показаній штрафу въ 200 польскихъ злотыхъ. Каждый изъ евреевъ долженъ былъ лично явиться въ магистратъ для внесенія себя и своей семьи въ перепись. Такой способъ переписей долженъ былъ представлять больше, сравнительно съ прежними, ручательства въ точности доставляемыхъ ими цифръ, такъ какъ теперь къ участию въ составленіи переписи привлекались не одни должностныя лица по обязанности, но и все во-

обще мѣстное дворянство; участіе же въ этомъ случаѣ шляхты уже потому должно было обезпечивать достовѣрность цифръ, что она сама нерѣдко поручала своимъ депутатамъ ходатайствовать на сеймѣ объ обложеніи евреевъ податью, а это вызывало конечно необходимость точнаго опредѣленія числа евреевъ, утаивать которое поэтому шляхта не имѣла повода. Но судить о результатахъ этого способа регистраціи мы, къ сожалѣнію, не можемъ, такъ какъ намъ неизвѣстны полученныя ею цифры евреевъ, оказавшихся по этой переписи въ Польшѣ и Литвѣ.

Универсалами 1589 и 1590 г. производство переписей какъ будто совсѣмъ приостановлено, такъ какъ въ эти годы налогъ съ евреевъ былъ опредѣленъ въ общей валовой суммѣ, безъ отношенія къ числу душъ этого населенія. Хотя съ 1591 г. переписи возобновляются, но ведутся не по тому сравнительно улучшенному способу, какой указанъ былъ въ универсалѣ 1588 года, а по прежнему способу, установленному Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 г., т. е. съ участіемъ только воеводскихъ и магистратскихъ судовъ, вмѣстѣ съ кагалными старшинами. Установленный такимъ образомъ порядокъ переписей остается затѣмъ безъ всякаго измѣненія въ теченіе слѣдующихъ 175 лѣтъ, т. е. до 1764 года. Учрежденіе въ этомъ году скарбовой экономической комисіи было важною мѣрою къ поднятію благосостоянія страны: на обязанность этой комисіи было возложено — изученіе государства въ экономическомъ отношеніи, руководство и направленіе торгово-промышленной дѣятельности, опредѣленіе количества и взиманіе всякаго рода налоговъ, и какъ средство для исполненія всѣхъ этихъ задачъ — собраніе всѣхъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній. Въ томъ же году, для упорядоченія налога съ евреевъ, предписано было произвести имъ перепись, въ порядкѣ болѣе прежняго обезпечивавшемъ правильность ея производства: главный надзоръ и руководство переписью поручались комисарамъ, которые назначались сеймомъ; исполненіе же переписи возлагалось на кагалныхъ старшинъ, совмѣстно съ владѣльцами городовъ и мѣстечекъ и ихъ управляющими; владѣльцы обязывались лично посѣщать всѣ жилища евреевъ, и провѣрять дѣйствительное число ихъ; показанія подтверждались присягою какъ старшинъ на заповѣдяхъ, такъ и помѣщиковъ, и вручались комисарамъ, которые, по провѣркѣ ихъ и по подведеніи итоговъ и приведеніи собранныхъ свѣдѣній въ систематическій порядокъ, представляли одинъ экземпляръ ближайшему скарбовому писарю, а другой вносили въ актовыя книги. Затѣмъ Скарбовая

комисія повѣряла перепись черезъ своихъ люстраторовъ и объ обнаруженныхъ ошибкахъ представляла Скарбовому суду, который могъ штрафовать виновныхъ денежною пенею въ 2,000 злотыхъ или двухнедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Наконецъ важнымъ средствомъ, которымъ обезпечивалась точность переписи, было вознагражденіе, которое получали комисары за свой трудъ, по 1,000 п. злотыхъ, что по тогдашней цѣнности монеты было значительною суммою. — Такимъ образомъ перепись 1764 и слѣдующихъ годовъ, по болѣе правильному способу ихъ производства, представляются, сравнительно съ прежними переписями, заслуживающими гораздо болѣе довѣрія. Онѣ производились періодически черезъ непродолжительныя промежутки времени (5 или 10 лѣтъ); всегда оканчивались въ короткій срокъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; въ производствѣ ихъ принимало участіе большое число лицъ, и наконецъ выводы ихъ подтверждаются историко-географическими и политико-экономическими данными, которыми г. Каманинъ подкрѣпилъ свое изслѣдованіе. Точность переписей 80-хъ годовъ прошлаго вѣка подтверждается еще и тѣмъ, что христіане вообще, безъ различія общественнаго ихъ положенія, имѣли право обнаруживать укрывающихся евреевъ и въ значительной степени дѣйствительно пользовались этимъ правомъ на всемъ пространствѣ Юго-Западнаго края.

Такимъ образомъ, заключаетъ г. Каманинъ свой историческій обзоръ, въ Польшѣ встрѣчаемъ мы два типа еврейскихъ переписей: однѣ производились исключительно должностными лицами судебно-административнаго вѣдомства, въ другихъ участвовало все шляхетское сословіе; этотъ второй типъ, отличавшійся болѣе большими преимуществами, съ 1764 года еще болѣе совершенствуется вслѣдствіе учрежденія Скарбовой комисіи, этого спеціальнаго статистико-экономическаго и контролирующаго учрежденія.

Довѣріе, внушаемое такимъ образомъ еврейскими переписями, бывшими въ Польшѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, послужило г. Каманину побужденіемъ — заняться ихъ разработкою: Онъ разыскалъ въ актовыхъ книгахъ Кіевского Центральнаго архива и напечаталъ въ изданіи Кіевской Комисіи для разбора древнихъ актовъ: перепись 1764—1765 года, обнимающую собою всѣ повѣты четырехъ воеводствъ Юго-Западнаго края: Кіевскаго, Волинскаго, Подольскаго и Брацлавскаго; отъ бывшей 10 лѣтъ спустя переписи 1775 то, что отъ нея сохранилось, а именно повѣтовъ Кіевскаго, Житомирскаго, Каменецкаго, Брацлавскаго и Вин-

ническаго; перепись 1778 также не полную, но обнимающую отчасти такую мѣстность, именно Волынь, для которой не оказалось цифръ въ предшествовавшей переписи; и наконецъ то, что уцѣлѣло въ актовыхъ книгахъ отъ переписей 1784 и 1787 годовъ. Съ этого послѣдняго года, строгое веденіе переписей и внесеніе ихъ въ актовыя книги прекращаются, и до насъ дошли только переписи частей того или другаго воеводства и лишь рѣдко полныя переписи цѣлаго какого нибудь повѣта за извѣстный годъ, такъ что автору удалось добыть лишь отрывочныя переписи 1789, 1790 и 1791 годовъ.

Получивъ такимъ образомъ статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ за тридцатилѣтіе 1764—1791, авторъ подвергъ ихъ подробному и внимательному разбору и сумѣлъ извлечь изъ нихъ интересныя и поучительныя выводы, дающіе фактическое основаніе для сужденія объ экономическомъ бытѣ евреевъ въ то время въ краѣ, и о вліяніи ихъ на христіанское населеніе. Обширное изслѣдованіе г. Каманина привело его къ слѣдующимъ заключеніямъ и положеніямъ:

1) Статистическія данныя о евреяхъ въ Рѣчи Посполитой, въ концѣ прошлаго столѣтія, важны для разъясненія того результата, къ которому привели отношенія польскаго общества къ еврейскому вопросу за все время политическаго существованія Польши.

2) До 1765 года веденіе еврейскихъ переписей не было точно установлено; онѣ производились непослѣдовательно и неправильно періодически; собраніе же статистическихъ данныхъ о евреяхъ возлагалось на администрацію; общество привлекалось къ содѣйствію очень рѣдко; въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. переписи и совершенно прекращаются; но съ 1764 г. собраніе статистическихъ данныхъ получаетъ правильную организацію, вслѣдствіе учрежденія особаго органа (Скарбовой комисіи), назначенія особыхъ лицъ для этого дѣла и привлеченія къ участию всѣхъ сословій въ государствѣ.

3) Переписи 1765—1791 г. застаютъ евреевъ съ незначительными ограниченіями въ правѣ выбора мѣста поселенія, владѣнія населенными имѣніями, аренды государственныхъ доходовъ и въ торговлѣ, но съ широкими правами для занятій ремеслами и земледѣліемъ посредствомъ арендованія доходныхъ статей въ имѣніяхъ частныхъ лицъ, а также винокурениемъ и шинкарствомъ.

4) Перепись 1765 г., произведенная въ мирный періодъ политической жизни государства, представляетъ картину расселенія евреевъ наканунѣ важныхъ политическихъ и экономическихъ

событій, какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ Россіи, круто измѣнившихся потомъ прежній порядокъ жизни, и указываетъ какъ должны были разселиться евреи въ Юго-Западномъ краѣ и въ предшествовавшіе вѣка, когда дѣйствовали тѣ же условія, при которыхъ произведена была перепись 1765 г. Изъ этой переписи видно, что наибольшее число евреевъ было на Волини и въ Подоліи, и меньшее въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ: городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ вездѣ въ краѣ, но всего сильнѣе на Волини и въ Подоліи. Такое разселеніе евреевъ зависѣло отъ степени политической безопасности мѣстности и соотвѣтствовало состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей.

5) Переписи 1775—1778 г., произведенныя послѣ опустошительныхъ войнъ, народныхъ движеній и эпидемій, послѣ перваго раздѣла Польши и приобрѣтеній Россіи на югѣ, обнаруживаютъ сильное уменьшеніе еврейскаго населенія особенно на Волини и въ Подоліи, и не столь значительное въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ, т. е. еврейское населеніе устремляется болѣе на югъ и востокъ и при этомъ, въ большей части повѣтовъ, переходитъ изъ городовъ въ села. Такое измѣненіе въ разселеніи евреевъ зависѣло отъ увеличившейся безопасности южныхъ степей, а слѣдовательно и восточной границы, вслѣдствіе чего открылись новыя мѣста для поселенія и для арендаторства евреевъ; оно совпадаетъ съ передвиженіемъ центровъ торгово-промышленной дѣятельности съ запада на югъ и востокъ, съ сокращеніемъ внѣшней торговли на прусско-австрійской границѣ, съ упадкомъ городовъ и съ увеличеніемъ крестьянскихъ повинностей въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ.

6) Перепись 1784 г., произведенная въ періодъ мира и реформъ, показываетъ увеличеніе еврейскаго населенія въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ болѣе значительное, чѣмъ въ западныхъ и сѣверныхъ; относительное число евреевъ въ городахъ и селеніяхъ колеблется: въ однихъ повѣтахъ увеличивается городское, въ другихъ — сельское еврейское населеніе. Цифры этой переписи совпадаютъ съ развитіемъ торгово-промышленнаго и колонизаціоннаго значенія южныхъ рѣкъ и степей, съ мѣрами Польскаго правительства, направленными къ поднятію торговли и промышленности въ краѣ, съ поднимающимся значеніемъ городовъ, и съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ въ то время.

7) Перепись 1787, произведенная при тѣхъ же благопріятныхъ внутри и внѣ государства условіяхъ, указываетъ на движеніе ев-

реевъ на Волынь и въ Подолію и на слабое лишь увеличеніе ихъ числа въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ; городское населеніе въ большей части повѣтовъ начинаетъ преобладать надъ сельскимъ; это явленіе было очевидно въ зависимости отъ развитія торговли и промышленности, и поднятія значенія Дубенскихъ контрактовъ на Волыни и городского сословія вообще.

8) Переписи 1789—1791, произведенныя наканунѣ важныхъ и рѣшительныхъ событій, даютъ въ результатѣ увеличеніе еврейскаго населенія въ южныхъ повѣтахъ, и преимущественно въ городахъ.

9) При всѣхъ указанныхъ выше передвиженіяхъ евреевъ, число ихъ всегда пропорціонально количеству христіанскаго населенія. Число евреевъ въ юго-западномъ краѣ составляло $\frac{1}{9}$ часть всего еврейскаго населенія въ государствѣ, и было гораздо значительнѣе числа ихъ въ сѣверо-западныхъ воеводствахъ.

10) Исключительную професію евреевъ въ селеніяхъ составляли шинкарство и арендаторство.

11) Для характеристики распредѣленія городского еврейскаго населенія г. Каманинъ указываетъ на данныя по г. Житомиру, изъ которыхъ оказывается: бѣлая скученность евреевъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ; бѣлое стремленіе ихъ къ поселенію въ торговой части города; число христіанъ только въ 3 раза превосходитъ число евреевъ; христіанское населеніе живетъ менѣе скученно: у евреевъ число мужчинъ равно числу женщинъ, у христіанъ число мужчинъ больше числа женщинъ; число рождающихся и вообще дѣтей больше чѣмъ у христіанъ, а поэтому естественный ростъ этого населенія совершается быстрѣе. Въ городахъ главныя професіи у евреевъ — торговля и шинкарство, а у христіанъ земледѣліе и вообще всякаго рода тяжелый трудъ.

По этимъ главнымъ выводамъ можно судить о томъ, какой несомнѣнный научный интересъ представляетъ собою изслѣдованіе г. Каманина и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ фактами, полезными для основательнаго обсужденія такъ называемаго еврейскаго вопроса. Поучительность добытыхъ авторомъ статистическихъ данныхъ обнаружится еще болѣе, если сравнить ихъ съ такими же данными болѣе близкаго къ намъ времени. Такъ, между прочимъ, не лишень значенія тотъ фактъ, что все еврейское населеніе нынѣшняго Юго-Западнаго края въ 1765 году составляло по выводамъ г. Каманина 131,782 души обоого пола, т. е., въ общемъ счетѣ, не болѣе $4\frac{0}{9}$ всего населенія; тогда какъ съ небольшимъ черезъ

100 лѣтъ, въ 1881 г., по свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета ¹⁾, оно достигло цифры 1,048,235 душъ, или болѣе 16% всего населенія края.

Обращаясь къ вопросу, вытекающему изъ факта представленія труда г. Каманина на соисканіе награды графа Уварова, я считаю своимъ долгомъ заявить, что изслѣдованіе автора, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, столь нелегкими архивными разысканіями автора, вполне заслуживаетъ, если не большой, то во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ *меньшей* Уваровской награды. Оно составляетъ существенный вкладъ въ русскую науку, и обращаетъ на себя вниманіе не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ своими разносторонними и учеными комментаріями сдѣлалъ краснорѣчивыми сухія статистическія данныя, разъяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и вполне современнаго вопроса — еврейскаго.

¹⁾ Статист. Времен. Россійск. Имперіи. Серія III, выпускъ 2, стр. 49.

VII.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ ЗА ПОСЛѢДНІЯ 30 ЛѢТЪ (1858—1888 ГГ.), И. ЧИСТОВИЧА. СПБ. 1889.

Рецензія профессора, протоіерея М. И. Горчакова.

Сочиненіе г. Чистовича—безъ предисловія, въ которомъ обыкновенно объясняются цѣль и задача сочиненія. Начинается оно краткимъ обозначеніемъ плана построенія. Планъ опредѣляется хронологіею и важнѣйшими событіями въ жизни Академіи, совершившимися за время, о которомъ говорится въ книгѣ. Въ теченіе этого времени С.-Петербургская Духовная Академія совершала свою жизнь и дѣятельность подъ дѣйствіемъ трехъ, преемственно сѣнявшихся, уставовъ.

Соотвѣтственно тому, что въ теченіе 30-ти лѣтъ Академія жила и дѣйствовала подъ вліяніемъ трехъ уставовъ, судьба ея въ книгѣ г. Чистовича изображается въ *трехъ* отдѣлахъ. Въ *первомъ* отдѣлѣ (стр. 1—107) книги описывается состояніе Академіи за время (1858—1869 гг.), въ которое она находилась подъ дѣйствіемъ устава 1814 г.; во *второмъ* (стр. 108—195) изображаются ходъ преобразованія Академіи по уставу 1869 г. и состояніе ея въ 15-ти-лѣтній періодъ (1869—1884 гг.) дѣйствія въ ней этого устава; въ *третьемъ* отдѣлѣ (стр. 196—228), имѣющемъ заглавіе: «Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 г.», сообщаются свѣдѣнія о перемѣнахъ и состояніи Академіи за четыре года ея новѣйшей жизни (1884—1888 гг.).

Въ каждомъ изъ трехъ указанныхъ отдѣловъ, по параграфамъ и рубрикамъ, излагаются событія, имѣющія общее значеніе въ жизни С.-Петербургской Духовной Академіи въ періодъ времени, описываемый авторомъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ,—показываются отличительныя особенности въ ея устройствѣ за то же

время, перечисляются переменны и особенности въ строѣ ея управленія и учебной части, въ распредѣленіи каедръ и въ личномъ составѣ преподавателей съ указаніемъ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, — сообщаются свѣдѣнія о студентахъ, а именно: о порядкѣ приѣма ихъ въ Академію, о ходѣ, порядкѣ и предметахъ ихъ занятій, о производствѣ имъ экзаменовъ, о способахъ ихъ содержанія, приобрѣтеніи ими ученыхъ степеней и о назначеніи ихъ на мѣста. Сверхъ того, въ первомъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ, которыми Академія располагала до 1869 г. для содержанія преподавателей и студентовъ, о состоявшемъ при Академіи цензурномъ комитетѣ и объ академической библіотекѣ; а въ третьемъ — о библіотекѣ, церковно-исторической коллекціи и о торжественныхъ, бывшихъ въ Академіи, собраніяхъ. Въ концѣ книги помѣщенъ «Именный списокъ студентовъ» двадцати трехъ курсовъ Академіи (1853—1888 гг.) съ краткимъ указаніемъ ихъ судьбы въ жизни и печатныхъ трудовъ, ими изданныхъ. — Таково содержаніе и построение разсматриваемой книги.

Сочиненіе г. Чистовича, по отличительнымъ своимъ особенностямъ во внѣшнемъ построеніи, во внутреннемъ содержаніи и въ приѣмахъ изложенія, есть *историко-статистическое описаніе С.-Петербургской Духовной Академіи за время отъ 1856 до 1889 года*. Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе г. Чистовича обладаетъ тѣми общими качествами, которыя свойственны этому роду литературныхъ произведеній, хорошо составленныхъ: определенностію содержанія, ясностію изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ сообщаемыхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностію повѣствованій, обдуманностію въ порядкѣ ихъ расположенія и осмотрительною осторожностію въ ихъ передачѣ.

Сверхъ общихъ качествъ историко-статистическаго описанія, книга г. Чистовича отличается еще особенностями, которыя объясняются отношеніями автора къ предмету, составляющему ея содержаніе. — Авторъ ея — воспитанникъ Академіи (1847—1851 гг.); болѣе 20-ти лѣтъ былъ преподавателемъ въ ней и, по оставленіи профессорской каедры въ 1873 г., избранъ почетнымъ ея членомъ ¹⁾. Такимъ образомъ значительная часть жизни и судьба автора соединены были съ жизнью Академіи. Въ продолженіе много-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ заимствуются нами изъ его сочиненій объ Академіи.

лѣтняго своего союза съ Академію г. Чистовичъ относился къ ней, между прочимъ, какъ къ *объекту своего изученія и своихъ наблюденій*. По окончаніи курса, опредѣленный 23 сентября 1851 года бакалавромъ Академіи по кафедрѣ русской исторіи, И. А. Чистовичъ немедленно занялся собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ для исторіи своей alma mater. Онъ *первый* избралъ С.-Петербургскую Духовную Академію предметомъ историческаго изслѣдованія. Изученію Академіи онъ посвятилъ первые свои ученые труды, молодыя силы и лучшіе годы своей ученой и учебной дѣятельности. Плодомъ этого изученія была «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи», изданная г. Чистовичемъ въ 1857-мъ году (С.-Петербургъ), въ свое время оцѣненная Императорскою Академію Наукъ и увѣнчанная, по отзыву академика Н. Г. Устрялова, Демидовскою премією (см. «Отчетъ о 27-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ»). По изданіи «Исторіи», авторъ продолжалъ, на ряду съ другими своими трудами, изученіе Академіи. Отъ времени до времени онъ дополнялъ сообщенныя имъ въ «Исторіи» свѣдѣнія о прошлой жизни Академіи обнаруженіемъ статей, до нея касающихся. Имъ напечатаны статьи: въ 1859 году — «Историческая записка объ Академіи», изданная въ брошюрѣ «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Духовной Академіи со времени ея преобразования въ 1808 году»; въ 1860 году — «Амвросій Подобѣдовъ» (въ «Странникѣ»); въ 1871 г. — «Въ память графа М. М. Сперанскаго» («Христіанское чтеніе»); въ 1872 г. — «Феофилакта, архіепископа рязанскаго, опроверженіе примѣчаній на книгу: Эстетическія разсужденія» (въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей»); въ 1885 году — «Судьба нѣкоторыхъ воспитанниковъ С.-Петербургской Духовной Академіи»; въ 1888 г. — «Біографическій списокъ студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи перваго курса» (также начальствующихъ, профессоровъ и преподавателей первыхъ лѣтъ Академіи послѣ ея преобразования въ 1808 г.) и др. Труды своими, посвященными изслѣдованію исторіи Академіи, проф. Чистовичъ приобрѣлъ, по справедливости, право на названіе *историка С.-Петербургской Духовной Академіи*. Занимаясь изслѣдованіемъ исторической судьбы Академіи и состоя въ ней профессоромъ и дѣятельнымъ членомъ, И. А. Чистовичъ, по самому своему положенію, не могъ не наблюдать за текущею ея жизнію, поставляя ее въ связь съ предшествующею ея судьбою. Онъ былъ очевидцемъ, свидѣтелемъ и соучастникомъ событій и происшествій, совершавшихся въ Академіи во время его службы въ ней. Собирая матеріалы для исторіи Ака-

деи и записывать текуція въ ней происшествія стало, кажется, современемъ для г. Чистовича любимымъ дѣломъ и привычкою. Мы увѣрены, что онъ велъ, а можетъ быть и теперь еще ведетъ мемуары объ Академіи. Онъ сталъ *историкомъ-наблюдателемъ С.-Петербургской Духовной Академіи*. Прошло 30 лѣтъ послѣ изданія имъ «Исторіи»; Академія въ этотъ періодъ времени испытала нѣсколько перемѣнъ и пережила немало событій, — и историкъ-наблюдатель ея жизни, дѣятельности и состоянія издаетъ описаніе судьбы ея за это время. Такъ надобно объяснять происхожденіе сочиненія г. Чистовича подъ заглавіемъ: «С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ».

Вслѣдствіе указанныхъ отношеній г. Чистовича къ Академіи, новоизданная имъ о ней книга отличается нижеслѣдующими особенностями:

1) Она составлена послѣ предварительнаго многолѣтняго изученія ея авторомъ всей предшествующей тому времени, которое въ ней описано, исторіи Академіи;

2) Она есть результатъ непосредственныхъ наблюденій историка за состояніемъ Академіи въ новѣйшее время и содержитъ въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ, происшествіяхъ, перемѣнахъ и лицахъ, бывшихъ въ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія, составленное современникомъ и свидѣтелемъ-очевидцемъ ихъ и участникомъ въ жизни Академіи;

и 3) Она есть непосредственное продолженіе изданной ея авторомъ въ 1857-мъ году «Исторіи Академіи». — «Исторія» Академіи въ изложеніи происшествій и свѣдѣній, до нея касающихся, *доведена* авторомъ *до 1856 года* ¹⁾. Новоизданная же объ Академіи книга г. Чистовича *начинается* изложеніемъ событій *съ 1856 года* ²⁾, сообщаетъ о всѣхъ происшедшихъ въ Академіи *съ 1857-мъ году* ³⁾

¹⁾ Такъ, напримѣръ, списокъ студентовъ, приложенный къ «Исторіи», заканчивается XXI-мъ курсомъ, вышедшимъ изъ Академіи въ 1855 году. Во всей «Исторіи» мы не замѣтили ни одного факта, отмѣченнаго 1857 годомъ.

²⁾ Изложеніе «важнѣйшихъ событій въ жизни Академіи и перемѣнъ въ составѣ начальствующихъ лицъ съ 1858 до 1888 года» авторъ (стр. 1) начинаетъ такъ: «С.-Петербургскимъ митрополитомъ *съ 1856 году* назначенъ былъ казанскій митрополитъ Григорій». Въ именномъ списокѣ студентовъ, помещенномъ въ концѣ розсматриваемой книги, первое мѣсто занимаютъ студенты XXII курса, учившіеся въ Академіи въ *съ 1856 г.* и вышедшіе изъ нея *съ 1857-мъ году*.

³⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ въ книгѣ: знаменитый ректоръ Ака-

перемѣнахъ въ составѣ начальствующихъ лицъ, преподавателей и студентовъ и содержитъ описаніе ея состоянія за всѣ послѣдующія 30 лѣтъ. По сему авторъ книги не совсѣмъ точно и, по видимому, лишь для круглоты счета обозначилъ въ ея заглавіи время, за которое описывается въ ней Академія, *съ 30 лѣтъ* (1858—1888 гг.); тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ книгѣ обозрѣвается состояніе Академіи за 32 года (1856—1888).

Разсматриваемая нами книга г. Чистовича, составляя продолженіе изданной имъ въ 1857 году «Исторіи» Академіи, представляется, однакоже, читателю особымъ, отдѣльнымъ отъ нея, сочиненіемъ. Содержаніе новой книги посвящено обозрѣнію состоянія Академіи за такой, довольно продолжительный, періодъ времени, который не могъ входить въ содержаніе прежняго труда автора. Между изданіемъ того и другаго сочиненія г. Чистовича прошло болѣе 30-ти лѣтъ. Въ новоизданной книгѣ авторъ нигдѣ не ссылается на свою «Исторію» и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о ней, — такъ что читателю новой книги г. Чистовича можетъ остаться совершенно неизвѣстною «Исторія» Академіи, если онъ не знаетъ о существованіи ея изъ другихъ источниковъ. Авторъ новоизданной книги такъ искусно излагаетъ въ ней судьбу и жизнь Академіи за послѣднія три десятилѣтія, что ему вовсе не оказалось надобности обращаться къ повторенію того, что изложено имъ въ преждеизданной «Исторіи». Въ изложеніи перваго отдѣла книги предлагается изображеніе состоянія Академіи за время отъ 1856 до 1869 года, въ которое она существовала подъ дѣйствіемъ устава 1814 года; въ то же время этотъ отдѣлъ книги служитъ вводною частію къ изображенію описаннаго въ другихъ двухъ отдѣлахъ состоянія Академіи въ послѣдующіе годы. Новоизданная г. Чистовичемъ книга значительно различается отъ его «Исторіи» и источниками, изъ которыхъ онъ почерпалъ матеріалы и свѣдѣнія для составленія того и другаго труда. При со-

деміи, преосв. Макарій «въ маѣ 1857 года назначенъ былъ на епархіальную кафедру въ Тамбовъ; 12 мая совершилъ онъ въ послѣдній разъ литургію въ академической церкви и произнесъ рѣчь» (стр. 2); инспекторъ Академіи, архимандритъ Кирилъ «въ 1857 году 13 октября посвященъ былъ въ санъ епископа съ наименованіемъ мелитопольскимъ» (стр. 5); въ томъ же году ректоромъ Академіи назначенъ былъ архимандритъ Теофанъ (стр. 4); равно назначенный 15 сентября 1857 года бакалавромъ архимандритъ Викторія Любимовъ опредѣленъ 13 ноября того же года инспекторомъ Академіи (стр. 5). См. также стр. 58, 59, 60, 63, 81 и др.

ставленіи «Исторіи» авторъ въ отношеніи къ бѣльшей части ея со- держанія пользовался исключительно письменными матеріалами, которые онъ отыскивалъ въ архивахъ Академіи, Александро-Нев- скаго монастыря, св. Синода и духовно-учебнаго управленія, — и лишь въ отношеніи къ нѣсколькимъ годамъ жизни Академіи (1847—1851 гг.) располагалъ отчасти и личными своими наблюде- ніями. При составленіи же книги «С.-Петербургская Духовная Ака- демія», авторъ по преимуществу располагалъ свѣдѣніями и мате- ріалами, собранными имъ по личнымъ наблюденіямъ. Правда и здѣсь, и для этого сочиненія, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дѣла Академіи и печатныя свѣдѣнія (онъ ссылается на «Мнѣнія и отзывы московскаго митрополита Филарета» и на другія печатныя изданія); но онъ пользовался этими источниками или для провѣрки и дополненія своихъ личныхъ наблюденій, или для сообщенія сво- имъ наблюденіямъ возможно бѣльшей достовѣрности въ глазахъ читателя книги. Такимъ образомъ разсматриваемая книга г. Чис- товича представляетъ, въ соотвѣтствіе § 8 Положенія о награ- дахъ графа Уварова, «самостоятельное», особое отъ прежде издан- ной имъ «Исторіи» Академіи, сочиненіе, излагающее «отдѣльный предметъ, какъ самостоятельное цѣлое». Къ отличительнымъ осо- бенностямъ книги г. Чистовича принадлежитъ весьма сочув- ственная черта въ отношеніяхъ автора къ предмету его сочиненія, невольна располагающая читателя и къ книгѣ, и къ автору. Это— любовь автора къ учрежденію, въ которомъ онъ получилъ высшее образованіе, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни и службы и которое служить предметомъ изученія, изслѣдованія и литературныхъ трудовъ въ теченіе всей его жизни. Черта эта дѣ- лаетъ честь и автору, и учрежденію, которому онъ посвятилъ свои труды. Благодаря любви къ Академіи, г. Чистовичъ съ неустан- нымъ усердіемъ, настойчиво и прилежно, въ теченіе бѣльшей части своей жизни, собираетъ и изучаетъ матеріалы и свѣдѣнія о ней и издаетъ ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Любви г. Чистовича къ своей alma mater обязана своимъ происхожденіемъ и рассматри- ваемая книга, не смотря на то, что составленіе ея, какъ увидимъ ниже, было сопряжено не съ малыми затрудненіями. Въ книгѣ съ любовью собраны и расположены въ порядкѣ многочисленныя свѣ- дѣнія какъ объ Академіи, такъ о дѣятеляхъ и питомцахъ ея. Бла- годаря той же любви, г. Чистовичъ является не только первымъ, но до сихъ поръ и *единственнымъ* историкомъ С.-Петербургской Духовной Академіи: доселѣ нѣтъ еще ни одного лица, которое бы

столько сдѣлало въ печати для ознакомленія общества съ исторіею и состояніемъ Академіи, какъ г. Чистовичъ. Благодаря любви его къ Академіи, мы имѣемъ теперь полную (въ хронологическомъ смыслѣ) исторію ея, доведенную до нашихъ дней: мы не знаемъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, которое бы имѣло такую исторію и которое бы служило предметомъ столь постояннаго и неослабнаго изученія воспитаннаго имъ лица. Авторъ книги въ ея заглавіи обозначаетъ, что имъ изображено состояніе Академіи за послѣднія 30 лѣтъ. Но мы увѣрены, что авторъ, такъ долго и много, и съ такою любовію трудившійся надъ ея изученіемъ и обладающій такими знаніями и матеріалами о ней, какихъ никто не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, не оставитъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и впредь своихъ трудовъ для выясненія исторіи, состоянія, положенія, значенія и задачъ своей alma mater.

При изображеніи состоянія и жизни С.-Петербургской Духовной Академіи за послѣднія десятилѣтія, г. Чистовичъ долженъ былъ встрѣтить не мало затрудненій, а при написаніи многихъ страницъ своей книги испытывать, по всей вѣроятности, и внутреннюю борьбу. Авторъ книги былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ описываемыхъ имъ въ книгѣ событій, перемѣнъ и происшествій въ жизни Академіи и лицъ, въ ней дѣйствовавшихъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ Академіею переживалъ происшествія въ ней, перемѣны и ея состояніе. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ соучастниковъ въ ея дѣятельности. Онъ участвовалъ, какъ видно изъ самой его книги, въ составленіи разныхъ проектовъ, мнѣній и заключеній, выходившихъ изъ среды академической корпораціи на разсмотрѣніе высшаго начальства. Онъ былъ членомъ нѣсколькихъ комиссій и комитетовъ, обсуждавшихъ дѣла, предложенія и проекты, относящіеся до Академіи. Вмѣстѣ съ другими членами академической корпораціи онъ принималъ участіе въ приведеніи въ дѣйствіе новыхъ узаконеній и мѣръ правительства касательно Академіи. Безъ сомнѣнія, при совѣщаніяхъ многихъ соучастниковъ въ академическихъ дѣлахъ подавались разныя мнѣнія, высказывались разныя воззрѣнія и убѣжденія, происходили споры, быть можетъ, бывали разногласія и пререканія. Авторъ книги, ученымъ образомъ изучившій исторію Академіи, конечно, держался опредѣленныхъ воззрѣній при обсужденіи тѣхъ или другихъ проектовъ, мѣръ и распоряженій. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ не въ одинаковыхъ же отношеніяхъ находился всегда и со всѣми лицами, съ которыми ему приходилось дѣйствовать и служить въ Академіи, обсуждать

академическія дѣла и составлять о нихъ предположенія. Едва ли можно думать, что авторъ безучастно и однообразно оти осился ко всѣмъ участникамъ жизни и дѣятельности въ Академіи, ко всѣмъ происшествіямъ и порядкамъ въ ней, къ сослуживцамъ и начальствующимъ ея. Едва ли можно сомнѣваться, что и соучастники автора книги въ жизни и дѣятельности Академіи состояли не въ одинаковыхъ къ нему отношеніяхъ, — и это, конечно, было ему не безъизвѣстно. При указанныхъ условіяхъ, полагаемъ, автору было крайне трудно при повѣствованіи о томъ или другомъ событіи или происшествіи, имѣвшемъ значеніе въ Академіи, при описаніи той или другой перемѣны, въ ней происходившей, при составленіи очерка жизни и дѣятельности того или другого лица, дѣйствовавшего въ Академіи, удержаться отъ выраженія личныхъ воззрѣній и убѣжденій. Но авторъ книги *съ замѣчательною выдержанностію старался описывать* въ своей книгѣ событія, происшествія и перемѣны въ Академіи и *говоритъ о лицахъ, дѣйствовавшихъ въ отношеніяхъ къ ней, фактически и объективно*. Въ ббльшей части книги, почти во всей книгѣ, онъ и удержался въ положеніи историка-наблюдателя, избѣгающаго выражать свои личныя воззрѣнія на излагаемыя событія и факты и изображающаго состояніе Академіи *объективно*. Но объективность автора носитъ на себѣ черты особаго рода сдержанности, осторожности, такъ сказать — *официальности*. По видимому, въ глазахъ автора книги официальное воззрѣніе и сообщеніе относительно происшествій и лицъ есть въ то же время и объективно. Официальная объективность автора выдерживается имъ въ изображеніи описываемыхъ въ книгѣ *лицъ, событий, происшествій и перемѣнъ*, относящихся къ Академіи.

Авторъ желалъ собрать въ своей книгѣ, по видимому, возможно ббльшее количество фактовъ и свѣдѣній о принадлежавшихъ и относившихся къ Академіи въ описываемый имъ періодъ времени *лицамъ* — начальствовавшихъ, ректорахъ, инспекторахъ, профессорахъ, преподавателяхъ, о всѣхъ студентахъ, бібліотекаряхъ и секретаряхъ. Въ книгѣ г. Чистовича говорится не менѣе, какъ о *тысячъ четырехъ стазъ* (1400) лицахъ! Кажется, онъ не забылъ и не обошелъ никого изъ принадлежавшихъ къ Академіи въ теченіе того времени, которое описывается въ его книгѣ, лицъ. Говоря о дѣятеляхъ въ Академіи этого времени — начальникахъ, ректорахъ, инспекторахъ и преподавателяхъ, г. Чистовичъ даетъ краткую фактическую біографію cadaго изъ нихъ, указываетъ область его

дѣятельности и перечисляетъ литературные и ученые его труды. Авторъ книги въ особенности заботился, кажется, о томъ, чтобы въ ней данъ былъ полный библиографическій указатель печатныхъ трудовъ дѣятелей Академіи и бывшихъ ея студентовъ. Но, конечно, ему не удалось отмѣтить всѣхъ сочиненій не только бывшихъ студентовъ Академіи, но и бывшихъ ея начальниковъ и преподавателей ¹⁾. Въ составленіи біографій авторъ книги весьма остороженъ: онъ ббльшею частію довольствуется приведеніемъ фактовъ и, за немногими исключеніями ²⁾, избѣгаетъ произносить свои сужденія о лицахъ, въ особенности живыхъ доселѣ. Если же онъ и выражаетъ сужденія о нѣкоторыхъ изъ живыхъ доселѣ дѣятелей Академіи, то не рѣшается высказывать ихъ отъ себя и своими словами, а приводитъ отзывы или официальныхъ лицъ (стр. 5 въ прим., стр. 60 и 61 прим., стр. 131, 144), или цѣлой корпораціи (стр. 19—21; стр. 24 прим.). Вслѣдствіе осторожности г. Чистовича давать отзывы о дѣятеляхъ въ Академіи происходитъ то, что многія характерныя и типичныя лица, о которыхъ говорится въ книгѣ, какъ, напримѣръ, преосвященные Кириллъ и Теофанъ, Викторинъ и Нектарій и др., остаются для читателя книги неосвѣщенными.

При изложеніи *событій*, которыя имѣли значеніе въ жизни Академіи и о которыхъ были въ свое время и нынѣ могутъ быть разныя мнѣнія, г. Чистовичъ, стараясь быть объективнымъ повѣствователемъ, держится официальныхъ воззрѣній времени и утверждается на отзывахъ и свидѣтельствахъ авторитетныхъ по официальному своему положенію лицъ. Къ сожалѣнію, такіе отзывы и свидѣтельства приводятся имъ иногда безъ надлежащей провѣрки, и потому имъ допущены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги невѣрности. Такъ авторъ говоритъ въ своей книгѣ (стр. 7—9) о вліяніи на происшествія въ Академіи «появленія въ 1857 и 1858 гг. въ печати статей *враждебныхъ* духовенству и духовнымъ училищамъ». Въ доказательство враждебныхъ отношеній печати того

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ книгѣ г. Чистовича не упоминаются печатные труды такого писателя, какъ бывший ректоръ Академіи, преосв. Теофанъ—(замѣчательныя его проповѣди, произнесенныя имъ въ бытность его ректоромъ и печатавшіяся въ «Христіанскомъ чтеніи», «Письма о христіанской жизни» и др.), также проф. О. Надежина (многія статьи въ «Христ. чт.» за 1860—1864 гг.) и др.

²⁾ Исключенія эти весьма рѣдки и допущены лишь въ отношеніи къ нѣкоторымъ скончавшимся (см. стр. 14 объ архимандритѣ Асигкритѣ; стр. 145 о проф. Осининѣ, и др.) лицамъ.

времени по духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ онъ приводитъ отзывы о томъ московскаго митрополита Филарета и ссылки его на нѣкоторыя статьи, появившіяся въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. «Въ 1857 году 27 декабря московскій митрополитъ Филаретъ, сообщаетъ г. Чистовичъ (стр. 8), писалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому: «Смущаютъ насъ не разъ вѣстями то о журналѣ, то о книгѣ, въ которыхъ *будетъ* укоризненно и насмѣшливо изображаемо духовенство, подобно какъ въ извѣстныхъ «Губернскихъ очеркахъ». И то, что въ свѣтскихъ книгахъ свѣтскихъ чиновниковъ и разнаго рода людей выставляютъ порочными и безразсудными, и при томъ сверхъ вѣроятія, очень вредно; несравненно вреднѣе *будетъ*, если такъ же поступать *будутъ* съ духовенствомъ». Но г. Чистовичъ, приводя выписанныя слова преосвященнаго митрополита, по видимому, не замѣтилъ, что преосвященнаго «смущаютъ» еще не появившіяся въ то время, какъ онъ писалъ приведенныя слова, а имѣющія появиться въ будущемъ времени книги и журналы, въ которыхъ духовенство *будетъ* укоризненно и насмѣшливо изображаемо, подобно какъ «въ извѣстныхъ Губернскихъ очеркахъ». Преосвященный упоминаетъ здѣсь о появившихся въ то время, по его словамъ, «извѣстныхъ Губернскихъ очеркахъ» Салтыкова, какъ будто въ нихъ духовенство изображается укоризненно и насмѣшливо. Мы, предъ составленіемъ настоящей рецензіи, просмотрѣли всѣ три томика «Губернскихъ очерковъ», изданные въ 1857 г. (М.), и не нашли въ нихъ ни одной страницы, на которой православное русское духовенство описывалось бы въ укоризненномъ и насмѣшливомъ тонѣ. — Вслѣдъ за приведенными словами преосв. митрополита Филарета г. Чистовичъ пишетъ: «Особенно рѣзкія статьи о духовенствѣ печатались въ «Земледѣльческой Газетѣ», въ которой подъ предлогомъ радѣнія объ образованіи народа, сообщалось, что священники не могутъ быть полезны на этомъ поприщѣ, потому что и образованіе получаютъ одностороннее и ограниченное, и не имѣютъ свѣтскихъ манеръ, и не сходятся съ свѣтскими въ образѣ жизни и наконецъ не имѣютъ доброй нравственности (1857 г. № 39)». — При провѣркѣ нами высказаннаго г. Чистовичемъ о «рѣзкихъ статьяхъ», мы просмотрѣли процитированный имъ 39-й № Земледѣльческой Газеты и нашли въ немъ статью Вл. Критскаго подъ заглавіемъ: «О распространеніи грамотности между крестьянами и о средствахъ къ тому». Въ статьѣ авторъ, разъясняя необходимость распространенія между крестьянами гра-

мотности и учрежденія для нихъ земледѣльческихъ училищъ, задается между прочимъ, вопросомъ: кто бы могъ быть учителями, вполне подходящими для начальныхъ и земледѣльческихъ училищъ? и, спросивъ: «священники?», — отвѣчаетъ: «они, по моему мнѣнію, еще меньше помѣщиковъ воспитаніемъ приспособлены къ тому, чтобы быть руководителями крестьянъ въ *дѣлѣ агрономіи*. При томъ, сельскіе священники, ббльшею частію, приобрѣтаютъ въ заведеніяхъ такое одностороннее воспитаніе, познанія многихъ такъ ограничены, что врядъ ли они съ пользою въ состояніи подвизаться на *этомъ* поприщѣ. Разумѣется, они, при добромъ желаніи, могутъ приносить огромную пользу тѣмъ, что, обучая крестьянскихъ дѣтей грамотѣ по руководствамъ, нарочно для того составленнымъ, подготавливали бы ихъ къ поступленію въ земледѣльческія школы; а внушеніемъ христіанскихъ истинъ и добродѣтелей развивая сердца ихъ и направляя ко всему доброму, давая имъ, такъ сказать, основное общечеловѣческое образованіе, содѣлывали бы изъ нихъ кроткихъ, послушныхъ и восприимчивыхъ учениковъ, которые, возмужавъ и довершивъ образованіе свое въ земледѣльческихъ школахъ, стали бы истинными и полезными виновниками общаго благосостоянія» (стр. 308). «Пусть священники искренно займутся обученіемъ малолѣтнихъ прихожанъ своихъ грамотѣ; пусть, обративъ все свое вниманіе на нравственное воспитаніе своихъ питомцевъ, подготавливаютъ ихъ къ поступленію въ уѣздныя земледѣльческія школы» (стр. 309). Вотъ все, что сказано въ указанномъ г. Чистовичемъ № Земледѣльческой Газеты о духовенствѣ и объ отношеніи его къ народному образованію. Очевидно, г. Чистовичъ сослался на 39 № газеты въ доказательство враждебныхъ отношеній печати въ 1857 г. къ духовенству съ чужихъ словъ, стоя на той точки зрѣнія на этотъ предметъ, на которой держались въ то время начальственные лица духовнаго вѣдомства.— Приводя же въ доказательство той же мысли о враждебности печати къ духовенству выдержку изъ «Мнѣнія преосв. митрополита Филарета по поводу напечатанной въ № 10 «Журнала Землевлдѣльцевъ» за мѣсяць сентябрь, 1858, въ отд. VII, статьи, оскорбительной для всего духовенства», г. Чистовичъ невѣрно указываетъ въ своей книгѣ, что статья помѣщена въ № 27-мъ этого журнала. Наконецъ, г. Чистовичъ въ доказательство своей мысли говоритъ: «А. Забѣлинъ напечаталъ въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ: «Исторія жизни и воспитанія одного подъячаго, описанная имъ самимъ» (Русскій Педагог.

Вѣстн. 1858, №№ 4—5). «Духовныя школы описаны въ этой статьѣ въ мрачными чертами» (стр. 9). Очень хорошо мы припоминаемъ, что упоминаемая статья Педагогическаго Вѣстника, издававшася бывшимъ професоромъ Педагогическаго Института Н. А. Вышнеградскимъ ¹⁾, въ свое время обратила на себя вниманіе, возбудила разнорѣчивыя толки въ духовенствѣ и вызвала полемику о состояніи духовныхъ низшихъ и среднихъ училищъ. Но слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что въ статьѣ ни разу не сказано, что въ ней описываются *духовныя* училища. Между тѣмъ, читатели ея не сомнѣвались, что она говоритъ именно о нихъ. Значить, она изображала духовныя училища и семинаріи въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были извѣстны въ то время въ обществѣ, только не чрезъ печать. Далѣе, — школы, описанныя въ статьѣ, изображаются не исключительно «мрачными чертами», — но въ ней выводятся и свѣтлыя личности начальниковъ и учителей (№ 4, стр. 261—262, и № 5). Цѣль статьи состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе общества на описываемыя въ ней школы, требующія настоятельнаго исправленія. Затѣмъ, авторъ статьи обозначенъ подъ нею буквами А. З . . . ѣ. Но г. Чистовичу онъ сталъ извѣстенъ съ полнымъ именемъ и фамиліею, которыми и называется въ его книгѣ. Изъ этой же книги видно (стр. 96, прим.), что авторъ статьи вмѣстѣ съ г. Чистовичемъ участвовалъ въ комитетѣ 1869 года, «учрежденномъ подъ предѣдательствомъ знаменитаго преосвященнаго Макарія, для представленія св. Синоду соображеній о необходимыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ Уставѣ духовной цензуры»; значить, г. Забѣлинъ извѣстенъ г. Чистовичу и лично. Полагаемъ, что первый не безызвѣстенъ второму и своею педагогическою публицистическою и литературною дѣятельностію, равно службою по духовному вѣдомству и по министерству народнаго просвѣщенія. Во всѣхъ видахъ своей службы и дѣятельности г. Забѣлинъ, какъ намъ лично извѣстно, не только никогда не былъ лицомъ враждебнымъ въ отношеніи къ духовенству, къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію, и къ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ, которымъ онъ обязанъ своимъ начальнымъ и среднимъ образованіемъ ²⁾; но и въ печати, и при

¹⁾ Н. А. Вышнеградскій получилъ среднее образованіе въ Тверской духовной семинаріи, а высшее въ Педагогическомъ институтѣ и въ заграничныхъ университетахъ.

²⁾ А. И. Забѣлинъ обучался въ Кашинскомъ духовномъ училищѣ и въ Тверской духовной семинаріи и былъ, по семинаріи, товарищемъ Н. А. Вышне-

случаяхъ официально старался выяснять, что въ русскомъ духовенствѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ имѣются жизненные силы, достаточныя, при надлежащемъ руководствѣ, не только для собственнаго преуспѣянія, но и для широкаго вліянія на народную жизнь въ духѣ нравственныхъ христіанскихъ началъ¹⁾. Такимъ образомъ находимое г. Чистовичемъ доказательство враждебныхъ отношеній печати 1857 и 1858 гг. къ духовнымъ училищамъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Забѣлина едва-ли можно назвать состоятельнымъ. Намъ кажется, что не только всѣ доказательства, приведенныя г. Чистовичемъ въ его книгѣ, касательно враждебныхъ отношеній печати указанныхъ годовъ къ духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ, недостаточны, но и самая мысль его о существованіи таковыхъ отношеній едва-ли можетъ быть признана вѣрною. Публицистическая литература конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ относительно духовно-учебныхъ заведеній принесла имъ несомнѣнную и многостороннюю пользу. Правда, появленіе первыхъ публицистическихъ статей о недостаткахъ этихъ заведеній было крайне непріятно встрѣчено многими начальствовавшими лицами въ духовномъ вѣдомствѣ; но статьи эти и писались и издавались, большею частію, лицами, вышедшими изъ тѣхъ же заведеній, оправдывались горячимъ и искреннимъ желаніемъ авторовъ и издателей блага имъ и сознаніемъ крайней необходимости въ ихъ реформѣ и улучшеніи, читались и перечитывались въ духовенствѣ, учащими и учащимися въ нихъ, и въ концѣ концовъ разъяснили и доказали необходимость улучшенія и реформъ, которыя и были произведены въ 60-хъ же годахъ и о которыхъ говорится во вто-

градскому; высшее же образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ.

¹⁾ Такъ А. И. Забѣлинъ, служившій въ разныхъ учительскихъ семинаріяхъ (Молодченской, Тамбовской) директоромъ и бывшій главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края, всегда держался убѣжденія и разъяснял и въ средѣ педагоговъ, и печатно, что достаточный, надежный и верѣдко уже подготовленный контингентъ народныхъ учителей имѣется для Россіи въ наличномъ православномъ духовенствѣ и что стремленіе — создать новый классъ учившагося въ школахъ пролетаріата въ видѣ народныхъ учителей изъ крестьянъ и мѣщанъ, чрезъ обученіе ихъ послѣ курса трехкласснаго начальнаго училища въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ, несогласно съ здравомъ политикою государства, не имѣетъ для себя разумныхъ основаній, не принесетъ народу надлежащей пользы и есть плодъ недоразумѣній (см. его статьи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., февраль, и «Правдивое слово объ учительскихъ семинаріяхъ» въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», № 39, 1890 г.).

ромъ отдѣлѣ самой книги г. Чистовича подѣ общимъ заглавіемъ: «Преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ 1867—1869 гг.». Если г. Чистовичъ упомянутыя публицистическія статьи называетъ «враждебными» духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ, то онъ держится здѣсь употреблявшагося въ то время между официальными лицами термина и, вѣроятно, внесъ его въ свою книгу изъ своихъ замѣтокъ или мемуаровъ, записанныхъ въ 1857—1858 гг. Между тѣмъ, говоря о тѣхъ же самыхъ статьяхъ лично отъ себя, онъ на стр. 8 своей книги значительно смягчаетъ рѣзкость этого термина совершенно справедливыми словами: «въ смутныхъ движеніяхъ времени было не столько враждебнаго по отношенію къ вѣрѣ и церковному благоустройству, сколько увлеченій и преувеличенныхъ указаній на существующіе недостатки въ духовенствѣ».

Весьма осторожнымъ и официальнымъ языкомъ выражается г. Чистовичъ о нѣкоторыхъ *происшествіяхъ*, бывшихъ въ Академіи между студентами въ 1858 г. На стр. 9-й онъ говоритъ: «Ректоръ Академіи, опасаясь, что эти (публицистическія) статьи вредно повліяютъ на студентовъ, и имѣя уже поводъ къ этому опасенію въ возникшемъ *неблагопріятномъ движеніи* между студентами въ сентябрѣ 1858 г., сообщилъ свои опасенія митрополиту Григорію»... Это же «неблагопріятное движеніе между студентами» разумѣетъ г. Чистовичъ, когда на стр. 6-й пишетъ: «Оберъ-прокуроръ св. Синода, графъ А. П. Толстой, сообщивъ Московскому митрополиту *объ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ необходимою замѣну* архимандрита Викторина (инспектора) другимъ лицомъ, просилъ указать кандидата на его мѣсто». На стр. 74 *объ этихъ обстоятельствахъ* г. Чистовичъ такъ сообщаетъ: «Въ октябрѣ 1858 г. нѣкоторые студенты низшаго отдѣленія, замѣченные инспекціею въ нарушеніи дисциплинарныхъ правилъ, оказали упорство въ подчиненіи требованіямъ порядка и занесли жалобу на инспектора. Митрополитъ Григорій личнымъ вліаніемъ прекратилъ безпорядокъ, но 6-тъ главныхъ виновниковъ уволены были изъ Академіи въ епархіальное вѣдомство, съ предоставленіемъ имъ, впрочемъ, преимущественнаго права предъ студентами семинарій на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ». Сообщенію г. Чистовича «о неблагопріятномъ движеніи между студентами» С.-Петербургской Духовной Академіи въ сентябрѣ 1858 г., изложенному въ приведенныхъ изъ его книги выдержкахъ, позволяемъ себѣ въ качествѣ очевидца-свидѣтеля и соучастника въ проис-

шестью противопоставить нашъ разсказъ о «движеніи», разсказъ, достовѣрность котораго можетъ быть подтверждена всѣми дожившими до сего дня сотоварищами. Архимандритъ Викторинъ Любимовъ, о которомъ въ книгѣ г. Чистовича говорится на стр. 5—6, 13 ноября 1857 года опредѣленный инспекторомъ Академіи, дозволялъ себѣ выходки рѣзкаго и неделикатнаго обращенія со студентами, по традиціямъ въ Академіи нетерпимаго ¹⁾. Онъ не заслужилъ между студентами и репутаціи умнаго и ученаго человѣка и преподавателя. Онъ написалъ въ 1858 г. сочиненіе: «Истинный другъ духовнаго юноши. Практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ» и отпечаталъ его въ Христіанскомъ чтеніи и особою брошюрою. Одинъ изъ студентовъ ²⁾ помѣстилъ въ «Современникъ» насмѣшливую рецензію на «сочиненіе» о. Викторина. Послѣ этой рецензіи отношенія между о. инспекторомъ и студентами не только не поправились, но обострились. Въ сентябрѣ 1858 года о. инспекторъ, во время ужина студентовъ, въ присутствіи всего ихъ собранія, съ обращеніемъ на «ты» и съ громкимъ произнесеніемъ неделикатныхъ, пожалуй — ругательныхъ словъ, выгналъ изъ столовой одного изъ студентовъ младшаго (XXIV) курса (Н. М. Р—го, нынѣ умершаго) за то, что онъ имѣлъ длинные волосы, оставшіеся неостриженными послѣ замѣчанія инспектора. Этотъ случай вынудилъ студентовъ младшаго (XXIV) курса составить и подать ректору Академіи, арх. Теофану, коллективную жалобу (изъ 59 человѣкъ не подписали ее лишь 4) на неблагородное обращеніе съ ними инспектора. Жалоба была составлена въ почтительныхъ выраженіяхъ. Ректоръ принялъ жалобу; справедливость ея была подтверждена студентами старшаго (XXIII) курса. Затѣмъ, ректоръ предложилъ ее на обсужденіе конференціи и представилъ митрополиту. Въ конференціи большинство голосовъ составилось не въ пользу инспектора; митрополитъ также не одобрилъ обращеніе его со студентами. Пресвященный митрополитъ глубокой старецъ, пользовавшійся извѣстностію архипастыря ученаго (онъ былъ докторъ богословія), правдиваго и добраго, самъ

¹⁾ Въ С.-Петербургской Академіи обращеніе профессоровъ, преподавателей и начальниковъ со студентами всегда отличалось благородствомъ, вѣжливостію и достоинствомъ, — что производило сильныя и благотѣльныя впечатлѣнія на вновь поступающихъ въ Академію семинаристовъ.

²⁾ Авторъ этой рецензіи А. В. Стефановскій, нынѣ уже умершій; помѣщенію статьи въ журналѣ содѣйствовалъ М. А. Антоновичъ. Оба — студенты XXIII курса Академіи.

являлся въ Академію для внушеній студентамъ и поручилъ ректору развить эти внушенія. Студентамъ внушалось: они должны быть скромны и осторожны въ подачѣ коллективныхъ жалобъ. Хотя въ данномъ случаѣ поданная ими жалоба и найдена справедливою и хотя, вслѣдствіе ея, неправильности обращенія съ ними будутъ устранены; но подобнаго рода случаи не всегда могутъ оканчиваться благополучно. Студенты, и по взаимному соглашенію, и вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ внушеній, во все время «происшествія» держали себя въ строгомъ порядкѣ и не подавали повода обвинять ихъ въ отступленіяхъ отъ дисциплины. Инспекторъ архим. Викторинъ вскорѣ былъ перемѣщенъ въ Костромскую семинарію ректоромъ; на его мѣсто назначенъ былъ другой. Не долго послѣ этого оставался ректоромъ и архимандритъ Теофанъ¹⁾.

Документально официальнымъ повѣствователемъ является г. Чистовичъ и въ изложеніи *перемѣнъ*, произведенныхъ въ Академіи уставами Духовныхъ Академій, изданныхъ въ 1869 и 1884 гг. Авторъ разбираемой книги участвовалъ въ Комитетѣ при св. Синодѣ по составленію проекта устава Духовныхъ Академій 1869 года и, по порученію Комитета, написалъ объяснительную къ проекту записку, нѣсколько измѣненную при окончательной ея редакціи. Извлеченіе изъ этой записки вошло во «всеподданѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. Синода, графа Д. Толстаго, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1869 г.» (стр. 126—133). Авторъ разсматриваемой книги воспользовался своею объяснительною запискою и отчетомъ оберъ-прокурора за 1869 годъ для изложенія въ книгѣ своей содержанія устава Академіи 1869 г. и для изображенія вводимыхъ имъ перемѣнъ въ строѣ разныхъ частей Академій. (Сличн указанныя страницы устава и страницы книги 114—118). Ни въ объяснительной запискѣ, ни въ «отчетѣ», ни въ книгѣ г. Чистовича не сдѣлано никакихъ указаній на достоинства и преимуще-

¹⁾ Въ концѣ учебнаго года (въ іюнѣ 1859 г.), по предложенію новаго инспектора, архимандрита Епифанія (о которомъ въ книгѣ г. Чистовича говорится на стр. 6—7), было исключено *четыре* (а не 6) нашихъ товарищей. Епифаній происходилъ изъ поляковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и, по наблюденіямъ студентовъ, держался правилъ іезуитскихъ. Въ свое время мы предполагали, что исключеніе товарищей, хотя и «съ предоставленіемъ имъ преимущественнаго права», послѣдовало въ наказаніе всему курсу; вѣрность этого предположенія подтверждается теперь въ книгѣ г. Чистовича. Но исключенные отнюдь не были «главными виновниками» движенія, — каковыхъ вовсе и не было.

ства новаго устава Академій по сравненію съ академическимъ уставомъ 1814 г. и съ порядками, существовавшими въ Академіяхъ во время, предшествовавшее реформѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія устава 1869 г. найдено было нужнымъ въ высшихъ сферахъ церковнаго управленія пересмотрѣть его и замѣнить новымъ. Къ пересмотру академическаго устава 1869 года не былъ призванъ авторъ разсматриваемой книги. Пересмотрѣнный проектъ устава высочайше утвержденъ 20 апрѣля 1884 г. О ходѣ пересмотра и составленіи проекта устава 1884 г., о содержаніи его и объ отличительныхъ особенностяхъ административнаго строя Академіи по его началамъ довольно подробно изложено во «всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1884 г. (Спб., 1886, стр. 7—13). Составитель разсматриваемой книги воспользовался этимъ отчетомъ для изложенія въ ней «пересмотра и измѣненія академическаго устава въ 1884 г.» (стр. 196—200), безъ всякихъ прибавленій съ своей стороны, сужденій и сравненій академическихъ уставовъ 1869 и 1884 гг. Какъ въ «отчетѣ», такъ и въ книгѣ г. Чистовича повѣствованіе о пересмотрѣ академическаго устава начинается словами: «Со времени введенія въ дѣйствіе устава Духовныхъ Академій (исполнилось 15 лѣтъ. Въ виду того, что въ теченіе этого періода времени) ¹⁾ обнаружались на опытѣ *нѣкоторыя несовершенства* сего устава. Вслѣдствіе сего поручено было ректорамъ Духовныхъ Академій, по совѣщанію съ преподавателями, представить соображенія объ измѣненіяхъ въ организаціи сихъ духовно-учебныхъ заведеній» и т. д. Какія именно несовершенства академическаго устава 1869 г. оказались на опытѣ, — ни въ «отчетѣ», ни въ книгѣ г. Чистовича не объяснено. И здѣсь, въ предметѣ столь существенномъ и важномъ для Духовныхъ Академій, г. Чистовичъ остался вѣренъ своей осторожности — не выражать своихъ личныхъ воззрѣній. А жаль.

Послѣ указанія особенностей сочиненія г. Чистовича и внимательнаго знакомства съ нимъ, намъ представляется (и отъ многихъ читателей его книги намъ приходилось выслушивать) вопросъ: почему бы г. Чистовичу, извѣстному писателю и ученому, такъ изучившему и знающему исторію С.-Петербургской Духовной Академіи и ея состояніе въ новѣйшее время, какъ никто ее не изучалъ и едва-ли кто знаетъ, и несомнѣнно проникнутому любовію къ ней

¹⁾ Слова въ () находятся только въ «отчетѣ».

не изложить историческаго развитія ея и современнаго ея положенія по своимъ личнымъ научнымъ воззрѣніямъ, отъ выраженія которыхъ онъ, по видимому, не безъ усилій воздерживался въ своей книгѣ. Приходится выслушивать отъ читателей книги, что нѣкоторыя лица, событія, происшествія и перемѣны, описываемыя въ ней, оставлены безъ желательнаго освѣщенія. Въ книгѣ ищутъ разъясненій—какъ развивалось, измѣнялось и усовершалось въ Академіи преподаваніе наукъ въ методахъ, въ объемѣ и въ направленіяхъ,—какой изъ трехъ уставовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ жила Академія, наиболѣе соотвѣтственъ ея цѣлямъ и задачамъ,—почему, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ и причинъ и недостатковъ уставовъ, цѣли и задачи Академіи или не достигались вполне или могли бы достигаться въ большей степени при дѣйствіи того или другаго устава,—или почему одинъ уставъ смѣнялся другимъ,—соотвѣтствуетъ ли положеніе и состояніе Академіи въ данное время (т. е. въ тотъ или другой историческій моментъ, который описывается въ книгѣ)—по закону и въ дѣйствительности—тому значенію, какое Академія должна имѣть въ русской церкви и русскомъ государствѣ, въ системѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ православномъ русскомъ духовенствѣ и обществѣ, въ строѣ общаго народнаго образованія и просвѣщенія, въ сравненіи съ другими высшими учебными заведеніями—спеціальными и университетами, также въ сравненіи съ богословскими учебными заведеніями христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ Россіи и въ другихъ странахъ находящимися,—и какой идеалъ православной русской Духовной Академіи представляется автору книги, бывшему профессору Академіи и ея историкъ-наблюдателю, и на сколько этотъ идеалъ осуществляется въ нашемъ законодательствѣ, въ дѣйствительности и въ сознаніи корпораціи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи и высшихъ должностныхъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ книгѣ г. Чистовича читатель не находитъ разрѣшенія и разъясненія перечисленныхъ нами вопросовъ и предметовъ. Скажутъ, быть можетъ, что предъявляемыя къ книгѣ г. Чистовича требованія слишкомъ широки и чрезъ-чуръ строги. Но мы *обязаны*, въ качествѣ рецензента, на основаніи § 6 Положенія о наградахъ графа Уварова, предъявить къ книгѣ г. Чистовича перечисленные нами «требованія», которыя можно и должно назвать «современными». Кромѣ того, рецензентъ, мнѣ думается, долженъ указать и выяснить тѣ основанія, на которыхъ онъ стоитъ при разборѣ сочиненія и даетъ о немъ критическій отзывъ. Въ предъ-

явленныхъ нами отъ лица читателей ожиданіяхъ и требованіяхъ отъ книги г. Чистовича выражается та точка зрѣнія, съ которой мы ее разбирали и разбираемъ.

Въ виду заявленныхъ нами къ книгѣ г. Чистовича требований, справедливость и безпристрастіе заставляютъ насъ высказать что, съ одной стороны, есть обстоятельства, извиняющія ея автора въ томъ, что она не удовлетворяетъ всѣмъ ожиданіямъ и требованіямъ отъ нея читателей, а съ другой — ожиданія и требованія читателей имѣютъ свои справедливыя основанія. Объяснимъ, по возможности, и тѣ и другія.

Позволимъ себѣ сначала принять на себя положеніе защитника нашего бывшаго професора, которому мы многимъ обязаны въ своемъ образованіи, не отступая, однакожь, отъ указаній правды. *Amicus Plato, magis veritas.*

Прежде всего жаль, что г. Чистовичъ не предпослалъ своей книгѣ предисловія, въ которомъ онъ могъ бы объяснить цѣль и задачу своего сочиненія. Рецензенту самому приходится выяснять ихъ на основаніи содержанія и направленія книги. Оказывается что г. Чистовичъ вовсе не задавался представить въ своей книгѣ критическую исторію Академіи и дать этой исторіи такъ сказать теоретическія основы. Рецензентъ обязанъ давать оцѣнку сочиненія и съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ его авторъ. Если же г. Чистовичъ не имѣлъ своею цѣлю разрѣшать тѣ вопросы, разъясненія которыхъ ожидаютъ читатели его книги, то не слѣдуетъ и винить автора за то, что въ ней нѣтъ желаемого разъясненія.— Затѣмъ, въ виду публицистической литературы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ вообще и объ Академіяхъ въ частности, развивавшейся въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и появляющейся изрѣдка и въ послѣдніе годы (см. напр. «Вѣстникъ Европы», январь 1891 г., ст. Г. З. Елисеева, «Изъ далекаго прошлаго двухъ академій», стр. 282 сл.), — литературы, въ которой выражались чрезвычайно разнообразныя сужденія объ означенныхъ заведеніяхъ, г. Чистовичъ желалъ изобразить въ своей книгѣ состояніе Академіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ систематическомъ подборѣ фактовъ и въ формѣ историко-статистическаго описанія. Излагая содержаніе своей книги, авторъ, какъ намъ кажется, какъ бы говоритъ читателямъ: смотрите, какова С.-Петербургская Академія въ теченіи 30-ти послѣднихъ лѣтъ, и судите о ней по фактамъ, какъ хотите. Она сама за себя говоритъ фактами, — и только одними фактами. Рѣшайте на основаніи этихъ фактовъ: можно ли ее осуждать...

Стремленіемъ автора излагать одни факты объясняется и то, почему онъ въ своей книгѣ является иногда черезъ-чуръ официально объективенъ. — Онъ, по видимому, такъ любитъ свою Академію и такъ увѣренъ, что Академія сдѣлала все возможное для нея, по условіямъ ея положенія, что ему кажется—будто и требовать отъ нея большаго нѣтъ основаній. Далѣе, — время, за которое описывается состояніе Академіи въ книгѣ г. Чистовича, весьма близко къ намъ. Составленіе критической исторіи Академіи за послѣдніе годы ея существованія едва-ли и возможно, по крайней мѣрѣ — для г. Чистовича ¹⁾. Большая часть дѣятелей Академіи находится

¹⁾ Для иллюстраціи этой мысли представимъ примѣръ. Желательно, на-примѣръ, найти въ книгѣ г. Чистовича очеркъ развитія преподаванія въ Академіи философіи. Несомнѣнно, что исторія этого развитія за время, которое описывается въ его книгѣ, извѣстна г. Чистовичу ближе, чѣмъ кому бы то ни было. Будучи студентомъ, г. Чистовичъ слушалъ философію у профессоровъ А. А. Фишера и В. Н. Карпова. Фишеръ держался началъ философіи Декарта и Вольфа. Философскія воззрѣнія Карпова образовались изъ началъ философіи Платона, неоплатониковъ и св. отцовъ церкви, своеобразно имъ развитыхъ и соединенныхъ. Въ 1853 г. г. Чистовичъ былъ переведенъ съ кафедръ исторіи на кафедру психологіи и философіи (метафизики, въ которой излагались аналогія и ученіе объ абсолютномъ). Онъ ввелъ новыя начала въ академическое преподаваніе психологіи по Гербарту и Бенеке. Встрѣча идеалистическихъ воззрѣній проф. Карпова съ началами «Опытной психологіи» (т. е. основанной на наблюденіяхъ и опытѣ, реалистической) И. А. Чистовича возбуждала, оживляла и развивала мысль и сознаніе студентовъ по весьма многимъ вопросамъ. Разногласія того и другаго профессора выражались довольно открыто и отражались, между прочимъ, на отиѣткахъ ихъ на сочиненіяхъ студентовъ: г. Чистовичъ, напр. ставилъ на сочиненіяхъ одного студента въ 1856 и 1857 г., при 10-ти балльной системѣ, 10 и 12-, а проф. Карповъ сочиненія того же студента оцѣнивалъ чуть ли не въ 1. Или еще: въ 1860 г. одинъ студентъ, получившій на сочиненіяхъ хорошія отиѣтки отъ г. Чистовича, получилъ на одномъ своемъ сочиненіи отъ г. Карпова неодобрительный балъ, — а одинъ изъ товарищей его, послѣдователь идей Карпова, получилъ отъ него на сочиненіи на ту же тему 10; первый напечаталъ выдержки изъ сочиненія втораго въ юристическомъ, издававшемся тогда, журналѣ, «Искра», какъ образчикъ странной философіи, — за это онъ долженъ былъ выйти изъ Академіи и теперь, кажется, имѣетъ въ службѣ чинъ д. с. совѣтника.—Лекціи г. Чистовича по психологіи обратили на себя особое вниманіе ректоровъ. Преосв. Макарій, посѣщая въ 1856 и 1857 гг. лекціи г. Чистовича, въ присутствіи студентовъ дѣлалъ ему возраженія и замѣчанія въ томъ смыслѣ, что профессору академіи слѣдуетъ съ особенною осторожностію замѣнять уставившіяся понятія новыми. Архим. Теофанъ, разсматривая въ концѣ 1857 г. литографированныя записки г. Чистовича, сданныя студентамъ для приготовленія къ экзамену, сдѣлалъ на нихъ множество замѣчаній; въ замѣчаніяхъ

въ живыхъ; живутъ и здравствуютъ лица, весьма близкія въ разныхъ отношеніяхъ и къ умершимъ дѣятелямъ. Сужденія и оцѣнка дѣятелей Академіи, равно событій, происшествій и перемѣнъ, въ ней происходившихъ, могли бы показаться для читателей основанными не на научныхъ основаніяхъ, а имѣющими лишь публицистическое значеніе. — могли возбудить полемику между авторомъ книги и другими лицами ¹⁾ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались бы въ противорѣчій съ официальными документами, быть можетъ, еще не подлежащими критикѣ. — Таковы обстоятельства, которыя, какъ представляется намъ, могутъ служить къ оправданію г. Чистовича въ томъ, что въ его книгѣ нѣтъ ожидаемаго читателями разъясненія нѣкоторыхъ предметовъ, до С.-Петербургской Академіи и духовныхъ академій вообще касающихся.

Но предъявленные нами выше требованія къ книгѣ г. Чистовича и ожиданія отъ нея читателей имѣютъ и свои вѣскія основанія.

Въ Россіи существуетъ цѣлая, сложная, исторически развившаяся по условіямъ народной, государственной и церковной жизни и необходимо долженствующая существовать система духовно-учебныхъ заведеній своеобразнаго типа. Въ составъ этой системы входятъ въ настоящее время 4 духовныя академіи, 55 дух. семинарій, духовныхъ училищъ 183, женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и епархіальныхъ женскихъ училищъ 53 ²⁾). Въ этихъ учи-

противопоставлялись мнѣніямъ профессора или изреченія св. отцевъ, или собственныя воззрѣнія ректора, — а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было прямо написано: «*худо!*». — Въ 1859 г. г. Чистовичу вмѣсто психологіи и метафизики было поручено читать исторію философіи до Канта, а психологію и новѣйшую философію съ Канта — проф. Карпову. — Могъ ли г. Чистовичъ рассказавное нами вкратцѣ сообщать въ своей книгѣ? ... Конечно, нѣтъ.

¹⁾ Мы видѣли выше, что сужденія г. Чистовича о «враждебныхъ отношеніяхъ печати 1857 и 1858 гг. къ духовенству» могутъ быть опровергаемы. Нѣтъ сомнѣнія, что сужденія г. Чистовича и о другихъ предметахъ и о лицахъ могли вызвать опроверженія и полемику.

²⁾ Къ нимъ присоединялись въ разные времена, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и теперь присоединены, русскія школы, причетническіе классы, начальныя училища (для нагляднаго съ методами начальнаго обученія ознакомленія учащихся въ семинаріяхъ педагогикѣ) и такъ называемыя «приходскія» училища. Многія возраженія, которыя дѣлались въ публицистической литературѣ и отчасти теперь слышатся, противъ существованія особой, отдѣльной отъ общихъ въ государствѣ учебныхъ заведеній, системы духовныхъ училищъ, отчасти отпали въ отношеніи къ системѣ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній вслѣдствіе новѣйшихъ ихъ реформъ, отчасти невѣрно прилагаются къ

лицахъ ежегодно обучается болѣе 60,000 ч. Духовно-учебныя заведенія приносили въ исторіи и теперь приносятъ несомнѣнную пользу въ отношеніи къ распространенію просвѣщенія въ народѣ. Въ современномъ строѣ русской церкви система этихъ заведеній является необходимымъ институтомъ. Но публицистическая литература о духовно-учебныхъ заведеніяхъ¹⁾ и производившіяся въ новѣйшее время реформы ихъ возбудили въ обществѣ и духовенствѣ множество вопросовъ о задачахъ, постановкѣ, отношеніяхъ и особенности существованія этихъ заведеній. Многіе изъ этихъ вопросовъ разрѣшались и въ литературѣ, и въ средѣ лицъ, призывавшихся къ составленію проектовъ реформъ, и въ законодательствѣ различно. Разрѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ весьма важныхъ, въ самомъ законодательствѣ (въ уставахъ) оказывается неустойчивымъ: въ короткій періодъ времени два раза передѣлывались уставы духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Въ публицистической литературѣ высказываются разныя мнѣнія объ уставахъ академій 1869 и 1884 гг. При существованіи разнорѣчій о весьма существенныхъ сторонахъ системы духовно-учебныхъ заведеній, наше общество, духовенство и сами эти заведенія имѣютъ нужду въ *ученомъ* и всестороннемъ изслѣдованіи и принципиальномъ разрѣшеніи многихъ вопросовъ относительно духовно-учебныхъ заведеній вообще и духовныхъ академій въ частности. Въ академіяхъ, семинаріяхъ и даже училищахъ должны сознаться и достигаться идеальныя ихъ задачи. Сознавая необходимость имѣть ученое изслѣдованіе о нашихъ академіяхъ, читатели сочиненія г. Чистовича, содержаніе котораго специально посвящено изображенію состоянія Академіи за періодъ реформъ, и ищутъ въ его книгѣ научныхъ, твердо установленныхъ основаній, на которыхъ слѣдуетъ стоять при оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ того или другаго устава духовныхъ академій.

Кромѣ публицистической литературы о духовно-учебныхъ за-

нимъ, отчасти могутъ устраняться основательными объясненіями и соображеніями. Такъ упреки въ сословности нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеній нынѣ уже не имѣютъ силы: всѣ эти заведенія открыты нынѣ для лицъ всякаго званія.

¹⁾ Публицистическія статьи о нихъ помѣщались и въ свѣтскихъ и духовныхъ журналахъ (въ Православномъ обозрѣніи, Трудахъ Кіевской Д. Академіи и др.). За границую явилось въ 1862 г. обширное сочиненіе бывшаго профессора С.-Петербургской Дух. Академіи Ростиславова. «Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи», т. I и II.

веденіяхъ, существуетъ о нихъ еще литература историческая, и довольно значительная. Есть особыя монографіи объ отдѣльныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ — академіяхъ и нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Нѣкоторыя изъ таковыхъ монографій отличаются высокими достоинствами по богатству собранныхъ матеріаловъ, по отчетливости изложенія и по формамъ построенія¹⁾. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ печаталось весьма много статей и свѣдѣній о тѣхъ или другихъ семинаріяхъ и училищахъ²⁾. Имѣются два весьма хорошія историческія сочиненія о духовныхъ училищахъ въ Россіи вообще: одно — «Состояніе духовныхъ училищъ при Екатеринѣ II» — неизвѣстнаго автора, печатавшееся въ Рязанскихъ еп. вѣдомостяхъ по частямъ за 1878—1880 гг., — другое — «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.», принадлежащее профессору Казанской д. академіи П. В. Знаменскому. Большая часть сочиненій по исторіи духовно-учебныхъ заведеній излагаетъ состояніе ихъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Но есть нѣсколько и такихъ, въ которыхъ представленъ очеркъ состоянія нѣкоторыхъ изъ семинарій и въ текущемъ столѣтіи до новѣйшаго времени³⁾; а «Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства, 1809—1884». (СПб. 1885), сочиненіе А. Надеждина, по своимъ достоинствамъ, вполне

¹⁾ Имѣются сочиненія: Макарія Булгакова, Исторія Кіевской Академіи, Спб. 1843; Смирнова, Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи, М. 1855; *ею-же* Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, М. 1867; Аскоченскаго, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, Кіевъ, 1866; С. Голубева, Исторія Кіевской духовной Академіи, Кіевъ, 1886; Благовѣщенскаго, исторія старой Казанской Академіи (1797—1818 гг.), Казань, 1876 (моя замѣтка о ней въ Сборникѣ государственныхъ знаній, Т. V, 1876 г. въ отдѣлѣ критики, стр. 13); Геронима, Исторія пермской семинаріи, Пермь; Надеждина, Исторія владимірской д. семинаріи, Владиміръ на К., 1875 (моя замѣтка о ней въ V Т. Сборн. госуд. зн.); Благовѣщенскаго, Исторія Казанской дух. семинаріи; Агнцева, Исторія рязанской д. семинаріи, Рязань 1889; Колосова, Исторія тверской дух. семинаріи, Тверь, 1889. Есть исторіи семинарій нижегородской, псковской и другихъ, помѣщенные въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

²⁾ См. цитаты въ соч. Знаменскаго «Духовныя школы въ Россіи», Каз. 1881.

³⁾ Московская духовная семинарія 1814—1889. (Краткій историческій очеркъ Н. Кедрова. М. 1889). — «Краткій очеркъ исторіи тверской семинаріи» послѣ 1814 г. въ книгѣ г. Ва. Колосова «Исторія тверской духовной семинаріи», Тверь, 1889 г., стр. 318—360. «Историческая записка о состояніи тверской дух. семинаріи» Н. П. Розанова, Тверь, 1882, и др.

оправдываетъ свое названіе. — Правда, литература по исторіи духовно-учебныхъ заведеній не можетъ быть еще названа полною и богатою. Но и въ наличномъ количествѣ ея произведеній собрано и имѣется столько историческихъ матеріаловъ, что, на основаніи ихъ, при помощи научныхъ приемовъ, можно съ основательностію прійти къ разъясненію и разрѣшенію общихъ, выше поставленныхъ, вопросовъ относительно духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Дополненіемъ къ матеріаламъ, собраннымъ въ исторической литературѣ объ этихъ заведеніяхъ, могутъ и должны служить для научной разработки вопросовъ официальныя изданія, имѣющія своимъ содержаніемъ тѣ же заведенія. — Въ виду публицистической и исторической литературы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ виду имѣющихся въ печатныхъ официальныхъ о нихъ изданіяхъ матеріаловъ, читатели книги г. Чистовича, воплѣвъ оцѣнивающіе ея достоинства и пользу, заявляютъ къ ней такія требованія, которымъ не удовлетворяетъ наличная историческая литература, но для удовлетворенія которыхъ имѣются достаточныя матеріалы.

Мы высказали выше, что русское общество нуждается въ настоящее время въ ученомъ и всестороннемъ изслѣдованіи русскихъ духовно-учебныхъ заведеній ¹⁾. По нашему мнѣнію, состояніе нашей литературы о нихъ — публицистической, исторической и официальной, равно и положеніе самихъ заведеній таково, что всякій писатель о нихъ обязательно долженъ ясно представлять себѣ задачи и цѣль, постановку и идеалъ того учебнаго заведенія, о которомъ онъ пишетъ, и отношенія его къ другимъ заведеніямъ, входящимъ въ составъ всей системы. Историческаго матеріала для выясненія задачъ и цѣлей, которымъ должны служить наши академіи, семинаріи и разныя училища духовныя, и того, что они должны быть по своему существу (въ идеалѣ), имѣется въ печати достаточно. И мы, для оправданія этихъ требованій, которыя предъявляются нами

¹⁾ Въ такомъ изслѣдованіи могли бы быть разъяснены слѣдующія стороны предмета: I) Идея, существо, причины существованія и составъ института духовно-учебныхъ заведеній; II) Историческое развитіе его; III) Современный строй и состояніе ихъ; IV) Соотвѣтствіе состоявія института и частей его въ данному видѣ и въ данное время его идеѣ; V) Сравнительное сопоставленіе института духовно-учебныхъ заведеній православныхъ съ учрежденіями, подготовляющими духовныхъ лицъ въ заграничныхъ прав. церквахъ и въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы и Америки; VI) Соотношеніе духовно-учебныхъ заведеній съ общими государственными учебными и учеными учрежденіями въ Россіи.

къ книгѣ г. Чистовича, позволимъ себѣ представить краткій и историческій очеркъ назначенія и задачъ, которымъ служили и служатъ наши академіи и семинаріи, съ цѣлю — вывести изъ исторіи указанія — что должны быть наши духовныя академіи, семинаріи и училища по своему существу, какъ духовно-учебныя заведенія, и какія задачи они должны преслѣдовать, соотвѣтственно ихъ назначенію и положенію въ церкви и въ общей системѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Въ XVII вѣкѣ были учреждены въ русской церкви, въ качествѣ церковныхъ установленій, двѣ академіи — Петромогилянская въ Кіевѣ и Славяно-Греко-Латинская въ Москвѣ ¹⁾, для утвержденія и развитія наукъ и для приготовленія учителей. При Петрѣ I было сознано: «когда нѣсть свѣта ученію, нельзя быть доброму церкви поведенію» ²⁾. Въ «Духовномъ Регламентѣ» разъяснено, что въ каждой епархіи должна быть академія, въ которой, кромѣ общеобразовательныхъ наукъ (грамматики, ариѳметики съ геометрией, логики, риторики, физики, метафизики и политики Пуффендорфа, языковъ греческаго и латинскаго, исторіи и географіи), должна преподаваться и *богословія*, для приготовленія кандидатовъ во священство ³⁾. «Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно (т. е. одинаково необходимо) *бъти при академіи, или въ началъ и безъ академіи семинаріумъ* для ученія и воспитанія дѣтей» ⁴⁾. Въ заключеніе правилъ объ устройствѣ семинарій, Регламентъ замѣчаетъ: «можно впредь будетъ больше придумать, или отъ иноземныхъ лучшихъ семинаріовъ информации проискать». То есть, Регламентомъ узаконяется усовершенствованіе проектируемыхъ имъ духовныхъ училищъ — академій и семинарій ⁵⁾. При Петрѣ началась систематическая организація духовно-учебныхъ заведеній. Новгородскій митрополитъ Іовъ, еще до указація Регла-

¹⁾ Въ грамотѣ царя Федора Алексѣевича, заготовленной для объявленія учрежденія Академіи, говорится: «благоволилъ въ... Москвѣ при монастырѣ... Спаса въ Китаѣ на *взмаше* юныхъ *свободныхъ* ученій мудрости, и *собранія общаю ради* отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ *благонисныхъ* *дидаскаловъ*, *изошренія* разумовъ, храмы *чиномъ* академіи устроить». (Исторія Россійской іерархіи, ч. I, стр. 520. М. 1807).

²⁾ Дух. Регл. изд. М. 1866, стр. 45.

³⁾ Стр. 49—58.

⁴⁾ Стр. 59.

⁵⁾ Стр. 65.

мента, создалъ цѣлую систему училищъ, съ раздѣленіемъ ихъ на три разряда, а именно: семинарію (главную въ Новгородѣ), низшія (въ городахъ семинаріи) и начальныя (приходскія) училища. Въ семинаріи учителями были приглашенные митрополитомъ ученые (между прочимъ братья Лихуды); семинарія давала кандидатовъ во священство и въ учителя низшихъ семинарій и училищъ, а низшія училища и семинаріи доставляли учениковъ въ центральную семинарію, выдѣляя изъ нихъ кандидатовъ въ учителя начальныхъ училищъ и въ церковники. При преемникахъ Петра, особенно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в., св. Синодъ настойчиво предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ заводить, содержать и усовершенствовать въ ихъ епархіяхъ семинаріи и школы. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ второй четверти столѣтія и существовали семинарія и училища въ городахъ. Семинаріи учреждались по образцу Кіевской Академіи. Даже Московская Славяно-Греко-Латинская Академія преобразовалась въ XVIII в. по типу Кіевской. Въ семинаріяхъ были классы: фора или инфоматорія, инфима, грамматина, синтаксима, риторика, философія и богословія. Учителя и начальники для семинарій обыкновенно доставались въ первой половинѣ столѣтія изъ Кіевской и Московской Академій. Со второй половины XVIII в. успѣхи развитія нѣкоторыхъ семинарій достигли такой степени, что лучшие семинаристы, по окончаніи курса, опредѣлялись, особенно принявшіе монашество, учителями въ низшіе классы семинарій, въ которыхъ они получили свое образованіе, и затѣмъ, по мѣрѣ открытія учительскихъ вакансій въ высшихъ классахъ, постепенно повышались по классамъ и доходили до назначенія ихъ въ префекты, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и учителями философіи, и въ ректоры, которые были учителями въ богословіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка, особенно при Екатеринѣ II, семинарія съ указаннымъ устройствомъ существовали уже во всѣхъ епархіяхъ, а въ иныхъ, сверхъ семинарій, и училища (съ низшими классами семинарій). Образованіе, получавшееся въ семинаріяхъ XVIII вѣка — въ классахъ риторики и философіи, считалось въ государственныхъ учрежденіяхъ XVIII в. на столько достаточнымъ, что семинаристы этихъ классовъ вызывались, для изученія специальныхъ наукъ, въ «московскіе гошпитали», въ университетъ при Академіи Наукъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (для подготовки въ переводчики на разные языки), въ комиссію для учрежденія народныхъ училищъ (къ подготовленію въ учителя), въ распоряженіе правительственныхъ учрежденій къ отправленію въ загра-

ничные университеты ¹⁾ и т. п. Вызовы семинаристовъ къ спеціальнымъ занятіямъ, по распоряженіямъ государственной власти, иногда производились въ такомъ количествѣ, что цѣлыя классы нѣкоторыхъ духовныхъ училищъ оказывались пустыми или въ нихъ оставались только одни «дрождіе» ²⁾. Назначенные правительствомъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ требовались спеціальныя знанія, семинаристы обыкновенно оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды и, впоследствии, получали извѣстность на поприщахъ ихъ спеціальной службы. Очень многіе семинаристы XVIII вѣка сдѣлались извѣстными учеными своего времени ³⁾. Въ самыхъ семинаріяхъ, не смотря на выходъ изъ нихъ воспитанниковъ въ свѣтскія вѣдомства, всегда оставалось на столько учебныхъ силъ, что начальники и учителя въ нихъ назначались изъ лицъ, въ нихъ же получавшихъ образованіе и подготовку. На начальникахъ и учителяхъ, сверхъ преподаванія, лежали обязанности: составленіе учебныхъ руководствъ, исполненіе начальственныхъ порученій ученыхъ и требующихъ просвѣщенія и знаній, управленіе учебными заведеніями, проповѣданіе и т. п. Изъ духовныхъ академій и семинарій вышли всѣ іерархи русской церкви второй половины XVIII вѣка, изъ которыхъ многіе пользовались справедливою извѣстностію лицъ образованныхъ, просвѣщенныхъ и ученыхъ. При открытіи «Россійской Академіи» въ 1783 г. въ составъ ея членовъ вошли и затѣмъ избирались многія духовныя лица — архіереи, архимандриты, протоіереи и священники ⁴⁾. О дѣятельности духовныхъ лицъ въ этой академіи достопочтенный историкъ ея такъ отзывается: «наиболѣе усердными тружениками, принимавшими самое полное и постоянное

¹⁾ См. «Исторію Спб. Дух. Академіи» Чистовича. Спб., 1857, стр. 54—68; 161; «Исторію Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад.» Смирнова, М., 1855; стр. 68 слѣд., 227—243.

²⁾ Такъ жаловался ректоръ Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад. въ 1736 г. «Исторія», стр. 244.

³⁾ См. «Исторію Россійской Академіи» академика М. И. Сухомлинова, вып. I, II и III.

⁴⁾ См. «Исторію» М. И. Сухомлинова, вып. I, стр. 16—19, 58—343. На стр. 258 «Исторія» говорится: «Духовныя лица, избранныя по предложенію митрополита С.-Петербургскаго въ академическомъ засѣданіи 28 окт. 1783 г., были слѣдующія: протоіерей Красовскій и священники Сидоровскій, Покорскій, Григорьевъ и Шаевъ. Трое изъ нихъ воспитывались въ *Костромской семинаріи* и начали свое педагогическое поприще въ Костромѣ, два другіе — питомцы *Александро-Невской семинаріи*.

участіе въ научныхъ работахъ Россійской Академіи, были лица изъ бѣлаго духовенства. Они принадлежали къ числу самыхъ исправныхъ посѣтителей академическихъ засѣданій, дѣятельно занимались собираніемъ и объясненіемъ матеріаловъ для словаря въ его полномъ объемѣ и трудились надъ составленіемъ русской грамматики¹⁾. По справедливости слѣдуетъ сказать, что воспитанники духовныхъ академій и семинарій XVIII вѣка составляли «рабочую силу» въ распространеніи и утверженіи просвѣщенія въ отечествѣ въ теченіе всего вѣка: русская наука и просвѣщеніе XVIII в. вынесены «на плечахъ поповичей». Несмотря на то, что семинаріи и академіи (по строю одинаковыя съ семинаріями) обнаруживали силы въ распространеніи просвѣщенія и находили въ средѣ своихъ питомцевъ учебный для себя персоналъ, въ царствованіе Екатерины II въ средѣ іерарховъ русской церкви и государственнымъ правительствомъ было сознано, что для возвышенія богословскихъ знаній въ Россіи, для прогреса богословской науки, для приобрѣтенія постоянного, неизсякаемаго источника способовъ къ улучшенію духовнаго просвѣщенія и для подготовленія достойнѣйшихъ учителей и руководителей семинарій необходимо особое учрежденіе, высшее, чѣмъ семинаріи и существовавшія академіи. Составлялись предположенія и дѣлались опыты при Екатеринѣ II относительно основанія и открытія такого учрежденія. Посылались во время Екатерины нѣкоторые изъ наиболѣе даровитыхъ семинаристовъ въ заграничныя университеты для довершенія образованія; назначались нѣкоторые изъ нихъ къ слушанію лекцій въ Московскомъ университетѣ; предполагалось открыть при этомъ университетѣ богословскій факультетъ или основать Московскій духовный университетъ... Въ 1788 г. Александро-Невская семинарія была преобразована въ *Главную* семинарію; въ числѣ даровитѣйшихъ ея питомцевъ, вызванныхъ изъ разныхъ семинарій, былъ М. М. Сперанскій (1789—1795 гг.), поступившій въ нее изъ Владимірской семинаріи. По окончаніи въ Главной семинаріи курса, онъ оставленъ былъ въ ней учителемъ высшаго краснорѣчія и математики. Главная семинарія, переименованная въ Александро-Невскую Академію, должна была послужить образцомъ устройства Академій Кіевской, Московской и проектированной къ учреженію Казанской. Составленіе проектовъ продолжалось при Павлѣ I и Александрѣ I. При составленіи ихъ выяснились недостатки суще-

¹⁾ Тамъ же, стр. 257.

ствующихъ учебныхъ заведеній. Недостатки эти состояли: въ отсутствіи высшаго единого руководства и надзора въ отношеніи къ нимъ, въ неимѣннн общаго устава, въ недостаткѣ ученыхъ и преподавателей въ академіяхъ и семинаріяхъ, въ разнообразіи курсовъ, въ преобладаніи схоластики въ обученіи, въ полной зависимости ихъ отъ личныхъ усмотрѣній епархіальныхъ архіереевъ, въ матеріальной бѣдности и т. п. Въ ноябрѣ 1807 г. учрежденъ былъ Комитетъ для преобразованія и усовершенія духовныхъ училищъ; въ іюнѣ 1808 г. Комитетомъ представленъ государю на утвержденіе «докладъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ» съ «начертаніемъ правилъ объ образованіи сихъ училищъ». Въ «начертаніи» изложенъ планъ новой организаціи духовно-учебныхъ заведеній. Планъ составленъ просвѣщеннѣйшими людьми времени, при содѣйствіи гениальнаго М. М. Сперанскаго. Докладъ былъ государемъ утвержденъ. Комитетъ объ усовершеніи училищъ переименованъ въ постоянную «Комиссію духовныхъ училищъ». На нее возложено осуществленіе и проведеніе плана въ жизни. Согласно «начертанію правилъ» выработанъ былъ и Высочайше утвержденъ въ 1814 г. Уставъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Въ «начертаніи» и «уставѣ» духовно-учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда: академіи, семинаріи, училища уѣздныя и приходскія. Каждому разряду изъ этихъ учебныхъ заведеній ясно указаны были цѣли и задачи, которыхъ они должны были достигать. «Троякій есть предметъ установленія духовныхъ академій: 1) образованіе духовнаго юношества къ высшимъ должностямъ, 2) распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ и 3) управленіе духовныхъ училищъ, имъ подчиненныхъ». Къ составу и существу первой задачи академій отнесено, между прочимъ, приготовленіе достойныхъ и усердныхъ профессоровъ для семинарій и академій¹⁾; по сему академіи по уставу 1814 г. имѣли назначеніе — быть *профессорскимъ институтомъ*. По второй задачѣ, академіи — *ученныя учрежденія*. Управленіе академіями духовныхъ училищъ и семинарій должно было, по уставу 1814 г., направляться къ *возвышенію* и усовершенствованію сихъ учреждений, между прочимъ, въ *учебной части*. Задачею семинаріямъ поставлено въ уставѣ образованіе духовнаго юношества къ *священнослужительскимъ* и *учительскимъ* должностямъ. Въ первыя времена послѣ реформы духовныхъ училищъ въ 1808 г., С.-Петербургская Академія, какъ и прочія, ясно

¹⁾ Уст. Ак., гл. 3, § 41.

сознавала свои цѣли и задачи, прямо направляла свою дѣятельность къ указаннымъ цѣлямъ и дѣйствовала въ достиженіи ихъ весьма успѣшно ¹⁾. И въ послѣдующія времена она стремилась выполнять возложенныя на нее задачи. Но исполненіе задачъ академіями, какъ и семинаріями, зависитъ весьма много отъ характера управленія ими. Со времени реформы 1808 г. духовно-учебныя заведенія состояли въ завѣдываніи Комиссіи духовныхъ училищъ. Составленная изъ просвѣщеннѣйшихъ людей времени, она ревностно старалась приводить созданный ею планъ организациі учебныхъ заведеній въ исполненіе. По мѣрѣ осуществленія организаторской дѣятельности комиссіи, выступала и административная ея дѣятельность по отношенію къ преобразованнымъ учрежденіямъ; а въ административной дѣятельности получали особенное значеніе свѣтскій членъ ея, оберъ-прокуроръ св. Синода, завѣдывавшій канцеляріею ея, и правитель дѣлъ. Значеніе этихъ лицъ стало быстро усиливаться съ 1819 года. Комиссія не успѣла еще провести къ концу свою организаторскую дѣятельность, особенно въ отношеніи къ семинаріямъ, какъ она встрѣтилась съ преобладающимъ значеніемъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія оберъ-прокурора, въ 1824 г., по упраздненіи Министерства духовныхъ дѣлъ, облеченнаго властію министра. Усиленіе значенія оберъ-прокурора и правителя дѣлъ Комиссіи достигло того, что въ 1839 году Комиссія, безъ вѣдома ея членовъ, была упразднена, а на ея развалинахъ учреждено Духовно-учебное управленіе при св. Синодѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ оберъ-прокурора: канцелярія Комиссіи и переименована была въ Управленіе.—Со времени усиленія въ управленіи духовно-учебными заведеніями оберъ-прокурора св. Синода узаконенія уставовъ 1814 г. стали ослабѣвать и замѣняться распоряженіями и предписаніями съ начала Комиссіи духовныхъ училищъ, а затѣмъ Духовно-учебнаго управленія. Въ теченіе 40-хъ и 50-хъ годовъ накопилось такое множество распоряженій и предписаній, что уставы 1814 г. считались дѣйствующими узаконеніями лишь номинально. Духовно-учебное управленіе, имѣвшее характеръ исключительно административнаго бюрократическаго установленія, преслѣдовало исключительно административныя цѣли ²⁾. Во время

¹⁾ Подробное изображеніе дѣятельности Академіи см. въ «Исторіи» ея г. Чистовича, стр. 180—332.

²⁾ Преосв. Иннокентій Борисовъ въ 1839 г. предсказывалъ въ письмѣ къ рязанскому архіеп. Гаврилу: «Дух.-учебное управленіе есть новый status in

господства свѣтской администраціи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ученой дѣятельности академій и ихъ членовъ не придавалось почти никакого значенія, поддержки не оказывалось, а нерѣдко поставлялись и преграды; ректорами и инспекторами назначались лица не столько по уваженію къ ихъ ученой дѣятельности и свойствамъ учености, сколько по вниманію къ ихъ искусству — подчиняться административнымъ указаніямъ отъ начальства; должности ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и преподавателей сдѣлались ступенями движенія монашествующихъ лицъ по іерархически-административнымъ степенямъ; профессора и преподаватели назначались по распоряженіямъ администраціи, безъ всякаго вниманія о подготовкѣ ихъ къ преподаванію опредѣленныхъ предметовъ; бывали нерѣдко случаи, что профессора, состоявшіе на кафедрѣ извѣстной науки нѣсколько лѣтъ, освоившіеся съ наукою и оказавшіе успѣхи въ ея разработкѣ, неожиданно, по распоряженію власти, безъ согласія ихъ самихъ, переводились на другія кафедры. Къ тому же, матеріальное содержаніе преподавателей, отчасти вслѣдствіе замѣны серебряной монеты асигнаціями, стало почти нищенскимъ (ординарные профессора академій получали по 858 р. въ годъ, экстраординарные и бакалавры по 429 р., — а профессора третъекласныхъ семинарій — по 276 р.). Вслѣдствіе крайне невыгоднаго положенія преподавательской службы въ академіяхъ и семинаріяхъ, вновь назначенныя на эту службу лица стремились уйти съ нея и замѣнить ее болѣе обеспеченною. Бакалавры С.-Петербургской Академіи мѣнялись чуть не ежегодно. Но и при указанныхъ условіяхъ въ академіяхъ и семинаріяхъ еще поддерживались и развивались научные интересы. Были труженики, посвящавшіе всю свою жизнь служенію академіи или семинаріи. Были въ ней и даровитые люди¹⁾. Недостатки всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній сознавались. Съ конца 50-хъ годовъ открылась публицистическая о нихъ литература. Она разъяснила необходимость ихъ

statu. Это, желвакъ на тѣлѣ, который стянетъ въ себя всѣ соки и заставитъ исхудать все тѣло». (Чт. въ общ. ист. и древн. росс. 1869, кн. 1 стр. 77).

¹⁾ Подъ вліяніемъ такихъ преподавателей семинаристы готовились къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, по окончаніи курса которыхъ дѣлались преподавателями въ нихъ. «Между преподавателями всѣхъ нашихъ университетовъ и С.-Петербургской Медицинской Академіи до 60-хъ годовъ значительное число составляли бывшіе семинаристы». («Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ 1850—1855 гг.» Люборскаго въ Историческомъ Вѣстникѣ, августъ 1891 г., стр. 374).

реформы. Въ теченіе 1860—1866 гг. существовали комитеты, собирались мнѣнія и составлялись записки и проекты относительно преобразованія и будущаго устройства духовныхъ училищъ и семинарій¹⁾. Между прочимъ, заслуживаетъ особаго вниманія проектъ комитета 1862 г., бывшаго подъ предсѣдательствомъ архіепископа Дмитрія Муретова. Комитетъ, признавъ, что «съ спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ въ семинаріяхъ, какъ необходимое къ нему, должно соединиться общее», постановилъ: изъ 12-ти лѣтняго курса первыя 8 лѣтъ назначить на преподаваніе общее, «приблизительно въ размѣрѣ гимназическомъ, но съ характеромъ духовныхъ заведеній»; остальные же 4 года посвятить предметамъ богословскимъ. Начала этого проекта поддерживались и защищались членами комитетовъ и послѣдующаго времени. Согласно съ этимъ проектомъ, если-бы онъ былъ обращенъ въ законъ, духовныя училища и первые классы семинарій равнялись бы среднеобразовательному учебному заведенію (каковы—гимназія, реальное училище),— а высшіе классы семинарій, въ которыхъ преподаются богословскія науки, равнялись бы спеціальному или высшему учебному заведенію и составляли бы богословскій факультетъ. Такая постановка курсовъ въ семинаріи соотвѣтствуетъ существу дѣла и совершенно правильна.— Въ дальнѣйшей разработкѣ проекта устава число лѣтъ для общаго образованія въ семинаріяхъ понижено до 7 л., а для спеціально-богословскаго до 3 л. Въ этомъ видѣ приготовленіе нашихъ кандидатовъ въ священство было бы совершенно уравнено съ приготовленіемъ кандидатовъ въ пастыри и ксендзы въ Германіи. Продолжительному проектированію преобразованій положенъ былъ конецъ 14 мая 1867 г. Высочайше утвержденнымъ уставомъ семинарій и духовныхъ училищъ, благодаря энергіи оберъ-прокурора графа Д. А. Толстова и Всемилоствѣйшимъ щедротамъ Монарха, повелѣвшаго ассигновать на духовно-учебныя заведенія изъ государственной казны ежегодно по 1.500.000 р.

По уставу 1867 г., учебная часть семинарій поставлена въ отношеніи къ богословскимъ наукамъ значительно лучше прежняго. Въ русскихъ семинаріяхъ читаются не только всѣ богословскія науки, какія читаются и на богословскихъ факультетахъ въ германскихъ университетахъ, но нѣкоторыя другія, которыя не признаются въ Германіи особыми и самостоятельными. Препода-

¹⁾ См. «Исторію С.-Петербургской дух. семинаріи», А. Надежина, стр. 532—561.

ваніе большей части изъ нихъ сосредоточено главнымъ образомъ въ высшихъ двухъ классахъ, а преподаваніе нѣкоторыхъ начинается въ классахъ общеобразовательнаго курса¹⁾. Не смотря на то, что высшіе классы семинаріи, по специальности преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, должны быть поставлены въ уровень съ высшими спеціальными учебными заведениями, новый уставъ удержалъ духовныя семинаріи въ положеніи среднихъ учебныхъ заведеній и открылъ только имъ возможность, чрезъ замѣщеніе каедръ по выбору корпораціею преподавателей, къ дальнѣйшему возвышенію. Мысль Регламента, что въ епархіи должна быть академія, а при академіи — семинаріумъ, мысль, развитая въ большей степени въ уставѣ семинарій 1814 г., по которому предполагалось, что въ семинаріяхъ преподаватели будутъ доктора и магистры и что они, какъ профессора, возвысятъ богословскіе классы на степень высшихъ учебныхъ заведеній, получила въ уставѣ семинарій 1867 г. нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, но не проведена до конца. — Въ 1869 г. явился новый уставъ и академіи. Новый уставъ академіи начертанъ *согласно* указаніямъ опыта, выясниваемаго неудовлетворительныя стороны въ бытѣ академіи, и соотвѣтственно какъ современнымъ потребностямъ духовнаго просвѣщенія, такъ и *новому строю среднихъ духовно-учебныхъ заведеній*. Въ немъ духовнымъ академіямъ указана *менше сложная* (къ сожалѣнію!) и *разнообразная*, въ сравненіи съ прежнимъ уставомъ, *задача, которую онѣ* должны выполнять. Въ замѣнъ прежней задачи — образовывать духовное юношество къ высшимъ должностямъ, готовить наставниковъ для семинарій по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ и управлять духовными училищами, академіи, по новому уставу, должны имѣть свою цѣлю *доставленіе высшаго богословскаго образованія*²⁾ для просвѣщеннаго служенія церкви, *приготовленіе преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній*³⁾. Съ новою постановкою цѣли духовныхъ акаде-

1) Какъ напр. священное писаніе.

2) Слово *высшее* противоположно *низшее*. Въ данномъ случаѣ академіямъ противопоставляются семинаріи. Если въ академіяхъ дается *высшее* богословское образованіе, то, по смыслу приведенныхъ въ текстѣ словъ, семинаріи даютъ *низшее* богословское образованіе. Но этотъ смыслъ противорѣчитъ постановкѣ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ: въ нихъ должны преподаваться, по уставу, богословскія науки, какъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведенияхъ или какъ въ богословскихъ факультетахъ.

3) Отчетъ оберъ-прокурора за 1869 г., стр. 125.

мій, измѣненъ строй ихъ въ отношеніи административной и особенно учебной части.

Преподаваніе наукъ въ академіи специализовано по отдѣленіямъ; слушатели или студенты могли усовершенать свои богословскія знанія, приобрѣтенныя въ семинаріяхъ, по особымъ специальнымъ наукамъ и основательнымъ изученіемъ ихъ приготавливать себя въ преподаватели этихъ наукъ въ семинаріяхъ.

Професорами и доцентами академіи могли быть лишь такія лица, которыя заявили себя учеными трудами. Новый уставъ поставилъ академіи въ отношеніи учебной части совершенно одинаково съ университетами. И это принесло величайшія выгоды духовнымъ академіямъ: изученіе богословскихъ наукъ возвысилось; ученые труды и ученая дѣятельность получили оцѣнку; неизвѣстные прежде труженики на поприщѣ богословской науки, приниженыя предъ административными чинами, приобрѣли уваженіе; богословская литература оживилась, возвысилась и обогатилась учеными произведеніями; диспуты въ академіяхъ по приобрѣтенію ученыхъ степеней получили общественное значеніе, — они распространяли и увеличивали богословскія знанія въ публикѣ, возвышали въ ней уваженіе къ академіямъ и къ лицамъ, занимающимся богословскою наукою, возбуждали въ студентахъ ревность къ занятіямъ и къ приобрѣтенію ученыхъ степеней и т. п. Академіи, благодаря новому уставу, съ честію доказали, что онѣ стоятъ въ научномъ отношеніи отнюдь не ниже университетовъ. Къ сожалѣнію, традиціи о значеніи высшей администраціи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ сохранились въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Выборы преподавателей и начальниковъ въ академіяхъ и семинаріяхъ корпораціями учебного персонала стали казаться ограничительною для высшей власти силою. Подуло новое вѣяніе. Изъ редакціи «Русскаго Вѣстника» стали писать, что «негѣпная конституція», внесенная въ строй университетовъ уставомъ 1863 года, проникла даже въ уставъ духовныхъ академій 1869 года. «Посему, писалось въ этомъ журналѣ въ 1884 г.¹⁾, въ 1881 году уставъ духовныхъ академій подвергся радикальному пересмотру. Бѣсъ 1863 года изъ нихъ изгнанъ, и ихъ администрація приведена къ здоровымъ нормамъ». «Слова: совѣтъ, правленіе, ректоръ остаются прежнія, но понятія, обозначаемаыя ими, измѣнены. Академіями управляло безличное и безотвѣтственное большинство совѣта», но

¹⁾ Августъ, въ «Соврем. Лѣтописи».

никогда, скажемъ отъ себя, въ ущербъ законному и справедливому вліянію власти. Передѣланный въ 1881 г., по словамъ Русскаго Вѣстника, радикально уставъ дух. академій былъ Высочайше утвержденъ въ 1884 г. Въ этомъ же году изданъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ, измѣненный въ томъ же направленіи, въ какомъ и уставъ академій. — Изъ перемѣнъ въ строю учебной части академій для нашей цѣли отмѣтимъ, что специализація богословскихъ наукъ для изученія студентами отмѣнена; поэтому студенты, поступившіе изъ семинарій, въ которыхъ они слушаютъ курсы всѣхъ богословскихъ наукъ, обязываются слушать въ академіяхъ повторительные курсы тѣхъ же наукъ ¹⁾, а не пріучаются къ самостоятельнымъ и специальнымъ изслѣдованіямъ и работамъ подъ руководствомъ профессоровъ-специалистовъ. — Главная же особенность уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1884 г. заключается въ томъ, что ими открывается для администраціи возможность достиженія въ академіяхъ и семинаріяхъ административныхъ цѣлей предпочтительно предъ учеными и учебными. — Можетъ повториться въ исторіи академій и семинарій то же, что было при гр. Протасовѣ ²⁾.

Уставами 1869 и 1884 гг. задачи академій сѣужены, цѣль указана имъ «въ доставленіи высшаго богословскаго образованія» ³⁾, значеніе ихъ въ качествѣ ученаго установленія понижено, за ними признается лишь «учебное» значеніе, связь ихъ съ «ученымъ» духовенствомъ порвана. Равно и духовныя семинаріи уставами 1867

¹⁾ Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ еще до реформы 1867 г. лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ «нисколько не уступали академическимъ» (Исторія Спб. сем. Надежина, стр. 445).

²⁾ См. тамъ-же стр. 338—342. Повтореніе уже и начинается: вводится въ курсы семинаріи медицина. Въ одной *официальной* печатной запискѣ, въ которой доказывается необходимость возстановленія въ русской церкви древнихъ десятильниковъ или уѣздныхъ управителей (прежнихъ десятинь, говорится: «необходимо взять во вниманіе, что понятіемъ о приходскомъ пастырѣ не требуется (хотя не отвергается) то образованіе, во всей его широтѣ, которое нынѣшніе кандидаты священства получаютъ въ духовныхъ семинаріяхъ: для удовлетворенія нуждъ церкви отъ православнаго приходскаго пастыря безусловно требуется *только* благоговѣйная, *благочестивая жизнь и книжность*; то образованіе, которое получаютъ кандидаты въ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, необходимо не для церкви, а для государства». («Церковное управленіе въ предѣлахъ уѣзда», Спб. Син. тип. 1890, стр. 52—53).

³⁾ Что понимали составители уставовъ подъ «нижнимъ богословскимъ образованіемъ», не извѣстно.

и 1884 г. понижены противъ того значенія, какое имъ предъуказывалось уставомъ 1814 на основаніи заслугъ ихъ предшествующаго времени: новыми уставами семинаріи признаются исключительно въ смыслѣ «*учебно-воспитательныхъ* заведеній для приготвленія юношества къ служенію православной церкви» (§ 1),—и задача ихъ также суждена. По уставу отъ 1814 г., предметъ установленія дух. семинарій есть *образованіе* духовнаго юношества къ священно-служительскимъ и *учительскимъ* должностямъ.

Но, благодаря публицистической и исторической литературѣ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ новѣйшее время значительно разившейся, а равно и производившимся реформамъ этихъ заведеній, значеніе, цѣли и задачи ихъ вообще и cadaго разряда изъ нихъ въ частности представляются сознанію духовенства и дѣятелей въ самыхъ заведеніяхъ въ большемъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, свѣтѣ и съ большею ясностію. Идеалы этихъ заведеній выражались и въ литературѣ, и въ обществѣ и даже въ официальныхъ учрежденіяхъ¹⁾. Соотвѣтствующія истинному значенію академій и семинарій — задачи и цѣли ихъ отчасти, какъ бы противъ воли составителей уставовъ, выражаются и въ самыхъ уставахъ. Въ уставахъ академій 1869 и 1884 гг. есть цѣлая глава, состоящая изъ трехъ §§ подъ заглавіемъ «О содѣйствіи совершенствованію и распространенію богословскихъ знаній». Въ ней говорится: каждой академіи предоставляется, съ разрѣшенія св. Синода, предлагать къ рѣшенію задачи, предметомъ которыхъ должны быть новые вопросы, относящіеся къ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и выдавать за рѣшеніе сихъ задачъ преміи²⁾. Равнымъ образомъ академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать ученые общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богословскихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и бого-

¹⁾ Въ комитетахъ о преобразованіи духовныхъ учебныхъ заведеній выражали и защищали ихъ такія лица, какъ преосвященные Дмитрій, Филаретъ и Михаиль, бывшіе ректора Киевской дух. Академіи.

²⁾ Но откуда академіи возьмутъ капиталы для выдачи премій?

словскою ученостію и т. п.¹⁾). Уставы обществъ утверждаются св. Синодомъ. — И въ уставахъ семинарій 1867 и 1884 гг. есть §§, изъ которыхъ нельзя не вывести заключенія, что духовныя семинаріи, помимо того, что онѣ — общеобразовательныя заведенія, не уступающія соотвѣтственнымъ среднимъ учрежденіямъ другихъ вѣдомствъ²⁾, являются спеціальными учебными заведеніями, — богословскими факультетами, долженствующими занимать положеніе, равное съ другими высшими спеціальными учебными заведеніями. Въ главѣ «О обученіи въ семинаріяхъ» новѣйшихъ уставовъ семинарій говорится: «въ семинаріяхъ преподаются какъ науки богословскія, такъ и предметы общаго образованія». Изъ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ положены къ преподаванію: «изъясненіе св. писанія ветхаго и новаго завѣта и библейская исторія, исторія церкви вообще и россійской въ отдѣльности, исторія и обличеніе русскаго раскола, богословіе: основное, догматическое, сравнительное и нравственное, практическое пастырское руководство, гомилетика и литургика». Возьмите Verzeichniss преподаванія наукъ какого угодно богословскаго факультета германскихъ, швейцарскихъ и англійскихъ университетовъ, — сравните обзоръ преподаванія въ нихъ съ тѣмъ, что уставами семинарій положено въ нашихъ семинаріяхъ читать и читается, — и вы найдете, что составъ богословскихъ наукъ въ нашихъ семинаріяхъ ничуть не меньше того, что преподается въ богословскихъ факультетахъ заграничныхъ университетовъ. И преподавательскія силы въ нашихъ семинаріяхъ существуютъ: дайте имъ средства, положеніе и возможность образовываться, развиваться и усовершенствоваться, при содѣйствіи духовныхъ академій³⁾.

¹⁾ Задача, выраженная въ приведенномъ § устава, и должна быть, по нашему, главною для академіи; но для достиженія ея необходимы матеріальныя средства, добыть которыя духовныя академіи не могутъ.

²⁾ Въ духовныхъ семинаріяхъ преподаются не только есъ учебныя предметы, которые преподаются и въ гимназіяхъ, но и такіе, какъ логика, психологія и обзоръ философскихъ воззрѣній, имѣющіе въ общемъ образованіи весьма важное значеніе.

³⁾ Мнѣ посчастливилось въ 1862—64 гг. ознакомиться съ нѣсколькими богословскими факультетами университетовъ германскихъ и швейцарскихъ. Наши семинаріи были бы въ состояніи не уступать имъ, если бы высшіи спеціальнымъ класамъ ихъ дать организацію, соотвѣтствующую ихъ назначенію и существу. Между наличными преподавателями нашихъ семинарій есть не мало извѣстныхъ сочинителей, издавшихъ изслѣдованія, учебники, сочиненія. Напр. въ 1890 г. преподавателемъ Воронежской семинаріи Н. Голубковскимъ изданъ трудъ «Блаженный Θεодоритъ», М. Т. I и II, составленіе котораго доставило бы извѣстность автору и въ Германіи.

При организаціи богословскихъ классовъ нашихъ семинарій нужно исходить не изъ созерцанія административныхъ цѣлей и задачъ— «воспитать смиренныхъ пастырей церкви», а изъ положенія нашего Спасителя: «ищите *прежде всего* царствія Божія и *правды* его, и вся приложатся вамъ» (Матѣ. V). — Уставы семинарій 1867 и 1884 г. отняли отъ этихъ заведеній задачу, возлагавшуюся на нихъ уставомъ 1814 г.,—а именно: «образование духовнаго юношества къ *учительскимъ* должностямъ». Между тѣмъ, въ практикѣ начальство старается о томъ, чтобы семинаристы были учителями. Очевидно несоотвѣтствіе между законодательствомъ и практикою. Значить — въ уставахъ есть недостатокъ.

На основаніи пониманія нами вкратцѣ изложеннаго историческаго развитія цѣлей и задачъ, къ которымъ наши духовныя академіи и семинаріи предназначались и стремились, равно и значенія этихъ учреждений въ строѣ русской православной церкви и русской народной жизни и въ системѣ учебныхъ заведеній въ Россіи,—а также сравнительнаго сопоставленія этого значенія съ значеніемъ заграничныхъ и русскихъ иновѣрныхъ однородныхъ учебныхъ заведеній, мы позволяемъ себѣ высказать положенія о существѣ и задачахъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Академія есть учено-образовательное учрежденіе. Какъ *ученое* установленіе, она должна имѣть своими задачами: изслѣдованія и изысканія въ области богословскихъ наукъ, отысканіе способовъ къ возвышенію богословскихъ знаній, изданіе и разработку памятниковъ, которые служатъ предметомъ богословскихъ знаній, сосредоточеніе ученыхъ силъ, посвященныхъ богословскимъ наукамъ,— и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ,— и поощреніе богословской учености въ духовенствѣ и обществѣ ¹⁾. Какъ учено-образовательное учрежденіе, она есть *институтъ* для приготовленія и усовершенствованія *профессоровъ* богословскихъ и философскихъ наукъ для академій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній.

Семинарія — есть учебно-воспитательное заведеніе для приготовленія юношества къ священнослужительскимъ и учительскимъ должностямъ, посредствомъ предоставленія ему *общеобразовательнаго*

¹⁾ Почтенные труды многихъ лицъ изъ духовенства пропадаютъ безслѣдно, за неимѣніемъ учрежденія, къ которому бы они могли обращаться для ихъ изданія. Немногіе могутъ передать свои труды Академіи Наукъ такъ, какъ завѣщали ей свои труды преосв. Іосифъ и Порфирій . . . Говорятъ, что Павскій и Сидонскій до конца своей жизни занимались составленіемъ сочиненій,—а гдѣ они? —

просвѣщенія и *спеціальною* для одной его части — *богословскою*, а для другой — *педагогическою*. Поступающіе изъ духовныхъ училищъ (4 класса ихъ равны 4-мъ первымъ классамъ гимназій) и соответствующихъ имъ заведеній проходятъ курсъ I класса семинаріи и, послѣ экзамена, по различію способностей, призванія и знаній, съ ихъ согласія, раздѣляются на два разряда: одни идутъ въ педагогическое отдѣленіе (въ которомъ должны преподаваться — словесность, географія, арифметика, отечественная исторія, естественныя науки, пѣніе и педагогика съ дидактикою) на два года ¹⁾; другіе продолжаютъ общеобразовательный курсъ (исторія русской литературы, математика, языки древніе и новые, исторія общая и русская, физика и космографія, философія — логика, психологія, исторія философій) и затѣмъ поступаютъ въ спеціальныя богословскіе классы, курсъ которыхъ долженъ быть не менѣе 3-хъ лѣтъ. По окончаніи богословскаго курса, способнѣйшіе приготавливаются при самой семинаріи къ спеціальному изученію опредѣленнаго разряда богословскихъ наукъ и для усовершенствованія въ этихъ именно наукахъ посылаются въ академіи на два и не болѣе, какъ на три года. Преподаватели семинарій изъ магистровъ должны имѣть отличіе отъ кандидатовъ по титуламъ (професоры) ²⁾ и окладамъ. Семинаріямъ, въ которыхъ число преподавателей-магистровъ не менѣе 4—5, предоставляется право возводить достойныхъ въ степень кандидата послѣ экзамена и по отпечатаніи кандидатскаго сочиненія, а гдѣ число професоровъ (магистровъ) не менѣе 8—10, и въ степень магистровъ.

1) Въ какой степени духовно-учебныя заведенія обладаютъ учебными силами, можно видѣть изъ того, что Р. церковь, исключительно своими матеріальными и учебными средствами, въ теченіе какихъ либо 20—25 лѣтъ (1861—1886) учредила болѣе 40 епархіальныхъ женскихъ училищъ, скоро сравнявшихся въ своемъ строю и въ программахъ преподаванія съ институтами. Въ настоящее время всѣ женскія училища духовнаго (всѣхъ ихъ 53) вѣдомства даютъ ежегодно не менѣе 1000 дѣвицъ, способныхъ быть учительницами. — Параллельно съ епархіальными женскими училищами могли бы существовать классы духовныхъ училищъ и семинарій съ педагогическимъ отдѣленіемъ въ послѣднихъ. Педагогическія отдѣленія семинарій, если бы они были учреждены, вездѣ могли бы выпускать въ годъ до 1500 лицъ, способныхъ быть учителями. Но подготовленіе учителей не должно быть монополіею духовныхъ семинарій.

2) Въ настоящее время многіе магистры въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ пользуются титуломъ и окладами професоровъ. Почему же преподаватели семинарій изъ магистровъ лишены всякихъ преимуществъ предъ кандидатами? —

Духовныя училища — общеобразовательныя заведенія для приготовления учащихся въ нихъ къ поступленію въ духовныя семинаріи.

Формулированныя нами идеальныя воззрѣнія на задачи и существо духовныхъ академій, семинарій и училищъ не вымышлены нами, но въ общихъ чертахъ сознаются многими лицами. Мы надѣемся, что подобныя высказаннымъ нами идеалы хранятся и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и, по силамъ каждаго учрежденія, осуществляются въ дѣйствительности ¹⁾. С.-Петербургская Духов-

¹⁾ Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ полученной нами въ то время, когда переписывалась нами наша рецензія, апрѣльской книжкѣ «Православнаго обозрѣнія» выражаются о задачахъ духовныхъ академій воззрѣнія, подобныя высказаннымъ нами. Въ статьѣ «Формы устройства православной церкви», професоръ Московской дух. Академіи Н. А. Заозерскій, упомянувъ, что «уставомъ 1884 г. цѣль академіи сужена до минимума, академія низведена до учебно-воспитательнаго богословскаго учрежденія, до духовной школы, хотя и высшей» (стр. 757), спрашиваетъ: «Почему въ настоящее время духовная академія не можетъ заботиться о распространеніи и поощреніи учености въ духовенствѣ, объ усовершенствованіи преподаванія въ среднихъ и низшихъ духовныхъ школахъ, если она въ началѣ настоящаго столѣтія, по сознанію первыхъ основателей ея, могла и должна была заботиться о семъ? Почему въ настоящее она не можетъ и не должна преслѣдовать и этихъ задачъ, когда все прошлое академіи и настоящее неопровержимыми фактами говоритъ, что она въ лицѣ професоровъ своихъ, по крайней мѣрѣ лучшихъ, осуществляла и осуществляетъ и эти задачи, даже и безъ правительственной поддержки, официально не призываясь къ тому?... Затѣмъ, професоръ отвѣчаетъ: академія, «и по духу устава», имѣетъ задачу усовершенствовать и распространять богословскія знанія», — она «въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо должна быть не только высшею богословскою школою, но именно *академіею богословскихъ наукъ*», — это есть «задача, предъуказанная ей съ самаго основанія уставомъ 1809 года» (стр. 768). «Русская духовная Академія, говоритъ г. Заозерскій на стр. 760, есть и должна быть въ настоящее время органомъ строго-православной богословской науки не для одной Россіи, но и для всего православнаго востока и даже для единоплеменныхъ Россіи западныхъ славянъ». «Академія въ настоящее время ходомъ событій предназначена къ распространенію богословскаго знанія солидными изданіями и изслѣдованіями даже далеко за предѣлами отечества» (стр. 760). Въ самомъ дѣлѣ, — прибавимъ отъ себя, — русская церковь не имѣетъ доселѣ такихъ своихъ изданій, какъ Библія 70 толковниковъ на греческомъ языкѣ, Библія на еврейскомъ языкѣ, — у насъ нѣтъ печатныхъ изданій главныхъ славянскихъ списковъ Кормчей книги, безъ которыхъ невозможно составленіе исторіи этого памятника церковнаго права въ Россіи, — неизданы многочисленныя памятники русской церковной письменности, безъ которыхъ немислимо изученіе церковнаго проповѣдничества, исторіи церковныхъ чинослѣдованій и т. д. и т. д. Въ русской церкви

ная Академія, которой посвящено содержаніе разбираемаго нами сочиненія, пользуясь особымъ, въ сравненіи съ другими академіями, положеніемъ въ столицѣ, состоя въ соотношеніяхъ съ разными высшими учебными заведеніями и находясь на глазахъ высшаго правительства, стоитъ во главѣ всей системы духовно-учебныхъ заведеній, цѣлое столѣтіе идетъ впереди другихъ духовныхъ академій, всегда предваряла ихъ въ своемъ переустройствѣ и служила опытомъ и образцомъ для ихъ реформъ. Посему, мы уповаемъ, она всегда хранить память о завѣщанныхъ ей исторіею задачахъ и идеалахъ, помнить историческое свое призваніе и по силамъ стремится къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыхъ она должна достигать согласно съ своимъ назначеніемъ въ русской церкви и положеніемъ въ общей системѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Изложивъ наши взгляды на исторію, цѣли, задачи и существенное значеніе духовно-учебныхъ заведеній, служившія основаніями, на которыхъ мы составляли довольно подробный разборъ сочиненія г. Чистовича, мы приходимъ къ нижеслѣдующему заключенію объ его достоинствахъ, пользѣ и недочетахъ.

Сочиненіе г. Чистовича относится къ исторической литературѣ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, *третье* изображаетъ состояніе (за одну часть труда г. Чистовичъ въ прежніе годы получилъ уже премію) С.-Петербургской Духовной Академіи въ новѣйшее время въ теченіе 32 лѣтъ (1856—1888 гг.), представляетъ историко-статистическое описаніе этой Академіи за указанное время съ значительною полнотою, фактически, объективно и ясно, написано съ любовью къ учрежденію, послѣ предварительнаго изученія всей предшествовавшей его исторіи, составлено самостоятельно и въ видѣ особаго, отдѣльнаго отъ прежде изданной авторомъ «Исторіи» той же Академіи, труда, — доводитъ исторію ея до нашихъ дней,

и въ государствѣ нѣтъ доселѣ установленія, на которомъ бы лежала обязанность и забота объ изданіи упомянутыхъ памятниковъ и которое бы обладало хотя малыми средствами для этого. Частнымъ лицамъ изданіе ихъ — не подъ силу. Необходима систематическая организація изданія потребныхъ и капитальныхъ для науки источниковъ. Проф. Заозерскій предлагаетъ, для выполненія лежащей на духовныхъ академіяхъ задачи — усовершенствованія богословскихъ знаний въ Россіи и въ православной церкви, возстановитъ въ академіяхъ конференцію, передать ей въ исключительное вѣдѣніе періодическое изданіе «учено-богословское», «которое должно быть органомъ богословской науки, а не выразителемъ и слугою такъ называемаго общественнаго мнѣнія хотя бы и относительно религіозныхъ матерій», и «для изданія трудовъ академіи образовать прочный и постоянный фондъ» (стр. 759—760).

можетъ приносить несомнѣнную пользу тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ надобность или желаютъ ознакомиться съ состояніемъ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія ея существованія, можетъ послужить примѣромъ и пособіемъ для составленія историко-статистическихъ описаній другихъ духовно-учебныхъ заведеній — академій и семинарій за новѣйшее время, описаній, необходимыхъ и, по крайней мѣрѣ, весьма полезныхъ для выясненія ихъ исторіи и дѣятельности, содержитъ очень много свѣдѣній и указаній о лицахъ, принадлежавшихъ Академіи за описываемый періодъ, и объ ихъ печатныхъ трудахъ, и чрезъ то можетъ быть пособіемъ (библиографическимъ) къ знакомству съ богословскою литературою новѣйшаго времени и со степенью участія въ ней дѣятелей и питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Но разсмотрѣнное нами сочиненіе возбуждаетъ въ читателяхъ увѣренность, что авторъ обладаетъ несравненно бѣльшимъ запасомъ знаній и возрѣвнѣй для изображенія предмета, чѣмъ сколько онъ представилъ таковыхъ въ книгѣ, и потому располагаетъ читателей къ требованіямъ и ожиданіямъ отъ автора продолженія изслѣдованій о томъ же предметѣ. Посему я, пользуясь предоставленнымъ мнѣ § 12 Положенія о наградахъ графа Уварова, считаю долгомъ выразить свое мнѣніе автору разобраннаго нами сочиненія «С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ» (1858—1888 гг.) слѣдуетъ присудить *половинную* Уваровскую премію сколько въ награду за представленный имъ на соисканіе преміи трудъ, столько же и въ поощреніе его къ продолженію изслѣдованій о С.-Петербургской Духовной Академіи, которымъ онъ въ теченіе своей жизни посвящаетъ свои авторскія способности съ любовію, заслуживающею глубокаго уваженія и признательности лицъ, сознающихъ необходимость разработки исторіи духовно-учебныхъ русскихъ заведеній.

ПО ВОПРОСУ

ОВЪ ИСТОЧНИКАХЪ ХРОНИКИ

ГЕОРГІЯ МОНАХА (АМАРТОЛА).

(IV КНИГА ХРОНИКИ).

С. ШЕСТАНОВЪ.

Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 20 мая 1892 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книшеля, въ Ригѣ.

Цена 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья посвящена разбору четвертой книги хроники Георгія монаха (Амартола) и является послѣднею частью моего изслѣдованія: О происхожденіи и составѣ хроники. Разборъ первыхъ двухъ книгъ уже напечатанъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета 1891 г. (кн. 2, 3, 5), а разборъ третьей будетъ напечатанъ тамъ-же въ нынѣшнемъ году.

Изъ многихъ недостатковъ своей работы наиболѣе существеннымъ я считаю тотъ, что мною не сдѣлано нигдѣ попытки выдѣленія позднѣйшихъ элементовъ въ самомъ текстѣ хроники и что, говоря о Георгіи и его лѣтописи, я имѣю въ виду текстъ изданія Муральта. Но при отсутствіи критическаго аппарата (примѣчанія у Муральта даютъ его очень мало) я не рѣшился распространить свое изслѣдованіе въ этомъ направленіи.

Думаю, однако, что собранный мною матеріалъ не лишень значенія и въ томъ видѣ, какъ я его предлагаю, и прежде всего для давно ожидаемаго новаго изданія хроники Георгія по списку болѣе первоначальной и исправной редакціи, чѣмъ синодальный московскій.

С. Шестаковъ.

Казань, 1892 г., 1-го января.

Въ началѣ IV-й книги лѣтописецъ перечисляетъ мѣропріятія Константина В. въ пользу христіанства и противъ язычества. Его сообщенія совпадаютъ отчасти съ Теофаномъ: G. p. 389, 8—9 = Theoph. p. 24, 1—3 (cf. p. 16, 13—14) ed. de Boog., G. 9—10 = Th. p. 16, 18—19, G. 12—14, 17—18 = Th. p. 16, 15—16, p. 24, 4—5, p. 16, 17—20, отчасти съ отрывками церковно-историческаго компендія у Сгамер'а (Anecd. Paris. Vol. II): G. p. 389, 14—16 = Ἐκλογαὶ ἀπὸ τ. ἐκκλ. ἱστ. p. 91, 28—30, G. p. 390, 2—4 = Ἐκλ. p. 91, 30—33, причѣмъ однако въ текстъ Георгія вкралась не относящаяся сюда замѣтка объ іудеяхъ¹⁾. Такимъ образомъ можно думать, что лѣтописецъ или слилъ вмѣстѣ два источника свои, или же воспользовался однимъ церковно-историческимъ, такъ какъ сходства съ Теофаномъ объяснимы зависимостью и этого лѣтописца отъ источника, общаго съ Георгіемъ. Недостающее у Теофана и въ отрывкахъ Сгамер'а сообщеніе о возвратѣ христіанъ изъ ссылки

1) У Теофана постановленіе противъ іудеевъ относится ко времени Констанція II и Константа, срв. p. 86, 5—6, также у Сгамер'а p. 95, 8—9. Подобр. изъ царствованія Констанція II въ царствованіе Константина В. перенесена въ текстъ Георгія замѣтка G. p. 403, 17—19.

Г. р. 389, 6—7 можно восполнить по Сократу Н. Escl. 1. I, с. 2, р. 37 С ed. Migne или Созомену Н. Е. 1. I, с. 8, р. 876 D (cf. Nic. Call. Н. Е. 1. VII, с. 30, р. 1276 A). У Георгія оно происходитъ, слѣдовательно, изъ церковно-историческаго компендія. Согласно съ этимъ своимъ источникомъ онъ считаетъ также число лѣтъ царствованія Константина В. Г. р. 389, 6 cf. Стамег., р. 93, 30—31 годъ, въ то время какъ Теофанъ даетъ 31 годъ 10 мѣсяцевъ или круглымъ числомъ 32 года. Въ источникахъ не находимъ подтвержденія тому свидѣтельству Георгія, чтобы вмѣстѣ съ постомъ по пятницамъ былъ установленъ Константиномъ и постъ τῆς τετράδος — Г. 14. Но такъ какъ и въ отрывкѣ Крамера р. 91, 28—29 и у Льва Грамматика (р. 293, 27 Стамег) упоминается почитаніе только пятницы и воскресенья, то слова текста Георгія синодальной рукописи: καὶ τετράδα слѣдуетъ, быть можетъ, считать позднѣйшею вставкою.

Въ генеалогической замѣткѣ Г. р. 390, 5—13 прежде всего слѣдуетъ отмѣтить имя матери трехъ сыновей Константина В.: Константина, Константа и Констанція. По Георгію это была дочь Діоклитіана Максимиана. Но о такомъ бракѣ Константина мы болѣе ничего не знаемъ. Правда, происхождение трехъ выше-названныхъ сыновей его отъ Фаусты, дочери Максиміана Геркулія, подвержено сомнѣнію (срв. Schiller. Gesch. d. röm. Kaiserz. В. II, S. 234), однако источники наши не даютъ другого имени ихъ матери. Георгій не называетъ здѣсь еще одного сына Константина — Криспа¹⁾, котораго впрочемъ упоминаетъ раньше р. 384, и дочь Елену, срв. р. 428, 8—9.

1) У Зосимы Криспъ называется сыномъ наложницы Минервины I. II, с. 20, р. 85, 7—8 ed. Voisp. Онъ погибаетъ по подозрѣнію въ связи его съ махихой Фаустой с. 29, р. 94, 11 sqq., которая вскорѣ затѣмъ сама погибаетъ насильственною смертію. Въ обоихъ случаяхъ Зосима обвиняетъ Константина. Въ то время какъ Георгій (р. 384, 10—13 со ссылкой: δι καὶ φασί κτλ.) и Зонара (App. 1. XIII, с. 2, Vol. III, р. 179, ed. Dindorf.) передаютъ фактъ убійства Константиномъ и сына и жены, церковные историки считаютъ казнь сына въ той связи, въ какой Зосима ставитъ ее съ принятіемъ императоромъ христіанства, вымысломъ враговъ христіанства (cf. Sozom. Н. Е. 1. I, с. 5 =

Въ перечисленіи дѣтей Констанція Хлора отъ Теодоры у нашего лѣтописца можно предполагать то же отождествленіе Далмація съ Аннибалліаномъ¹⁾, какое находимъ у Теофана и Никифора Каллиста (срв. Jeer. Zur Gesch. Constantin d. Gross. Hist. u. Philol. Aufss. E. Curtius gewidmet. 1884. S. 90); хотя Георгій и не даетъ этого втораго имени, но называетъ только двухъ сыновей Констанція. Источникомъ 17 главы VII книги Никифора Каллиста, а также сходныхъ съ Теофаномъ или Свидою слѣдующихъ главъ, Jeer предполагаетъ Іоанна Антиохійскаго. Онъ основываетъ свою догадку на нѣкоторыхъ совпаденіяхъ у Никифора и Теофана съ Евтропіемъ, которымъ, какъ извѣстно, Іоаннъ много пользуется, и со Свидою. Но что касается послѣдняго, мнѣніе Bernhardy о широкомъ пользованіи лексикографа Іоанномъ въ замѣткахъ по церковной исторіи значительно поколеблено de Voog'омъ (Hermes. V. XX, V. XXI). Относительно Евтропія тоже можно усомниться, чтобы сходство съ нимъ говорило въ пользу предположенія Jeer'а. Дѣло въ томъ, что у Теофана, Зонары и Никифора въ царствованіи Діоклитіана и Максиміана

Nic. Call. H. E. I. VII, c. 35, p. 1288). Зонара представляетъ главною виновницею смерти Криспа мачиху, а смерть Фаусты считаетъ достойнымъ возмездіемъ за ея клеветы на пасынка, срв. также у Георгія р. 384 и въ примѣчаніи Муралята р. 428 со ссылкой на хронографовъ Ирода и Ипполита и со собственнымъ позднѣйшему византизму колоритомъ въ обрисовкѣ печали Константина.

Зонара называетъ Криспа, согласно съ Зосимой, сыномъ рабыни, но другихъ трехъ сыновей Константина В., которыхъ Зосима производитъ *οὐκ ἀπὸ Φαύστας... ἀλλ' ἐξ ἄλλης, ἣ μοιχείας ἐπαυγλῶν μέμφιν ἀπέχτησεν*, scil. ὁ Κωνσταντῖνος (с. 39, p. 105, 10 sqq.), считаетъ, вмѣстѣ съ Еленой, дѣтьми Фаусты. Такъ и Теофанъ.

1) Въ Chronicon Pasch. у Констанція Хлора три сына отъ Теодоры: Далмацій, Констанцій и Аннибалліанъ (р. 516, 16 sqq.). У Далмація старшаго (цензора р. 531, 17) сынъ Далмацій (ὁ νεός), которому Константинъ В. далъ титулъ цезаря. Напротивъ у Зосимы I. II, с. 39 титулъ этотъ данъ старшему Далмацію. У позднѣйшихъ авторовъ у Констанція только два сына (срв. Теофанъ, Георгій, Никифоръ Каллистъ). Въ римскихъ источникахъ (Aug. Victor. Epit. с. 41, 20, Аноуп. Valesii. Amm. Marc. ed. Gardth. Vol. II, p. 289) Аннибалліанъ—братъ Далмація младшаго, съ тѣмъ же титуломъ (rex, cf. Аноуп. Valesii l. с.), какъ Аннибалліанъ Chronici Pasch. р. 532, 1.

Геркулія и въ исторіи дома Константина В. вполне ясно обнаруживается такой источникъ, изъ котораго Евтропій даетъ лишь краткое извлеченіе¹⁾.

Мы не въ состояніи опредѣлить источникъ генеалогической замѣтки Георгія по недостатку данныхъ.

1) Въ узкихъ рамкахъ примѣчанія невозможно конечно исчерпать вопросъ объ отношеніи названныхъ въ текстѣ греческихъ авторовъ къ тѣмъ не дошедшимъ до насъ источникамъ, на которые указываетъ С. Wagener. *Philologus*. В. 45 (1886), S. 509—551, и другіе цитуемые имъ изслѣдователи. Изъ римскихъ историковъ пользуются этими источниками Аврелій Викторъ, Фестъ, Апопушис Valesii. Въ подтвержденіе высказаннаго въ текстѣ сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько сопоставленій: Текстъ, совпадающій у Евтропія (I. IX, с. 24) съ Фестомъ (Wagener. S. 543 f.), соответствуетъ Теофану р. 11, 1 sqq. ed. Bonn., при чемъ текстъ Теофана представляетъ почти точный переводъ. Зонара даетъ тотъ же рассказъ въ сокращеніи, несмотря на то общій источникъ проявляется въ сходствѣ отдѣльныхъ выраженій. Хотя и Зонара и Теофанъ опускаютъ рассказъ о гибели Севера, посланнаго Галеріемъ въ Римъ противъ Максенція, котораго войско провозгласило августомъ (Eutrop. I. X, с. 2, 4, на греческомъ, кромѣ перевода Пэанія, срв. у Іоанна Антиохійскаго fr. 169 С. Müller. *Fr. H. Gr.* Vol. IV, p. 602), срв. Wagener. S. 548, но, вполне согласно съ Евтропіемъ, сообщаютъ о попыткѣ Геркулія, при вѣсти объ этомъ событіи, вернуться на престолъ и козняхъ его сыну и Константину (Eutrop. с. 2, 3 cf. Theoph. р. 15, 1 sqq., Zonar. р. 166, 17 sqq.). Здѣсь Зонара полнѣе Теофана. Тотъ же источникъ находимъ у Зосимы. Напримѣръ въ царствованіи Константина В. приведенныя нами въ одномъ изъ предшествующихъ примѣчаній мѣста изъ Зосимы о происхожденіи Криспа и о гибели его и Фаусты вполне сходны съ эпитомой С. Аврелія Виктора, с. XLI, 4, 11, 12. Разсматривая внимательно сообщеніе Виктора о смерти Криспа и Фаусты сравнительно съ Зосимой и Зонарой, мы увидимъ, что Зосима, вѣроятно съ намѣреніемъ, опускаетъ одну подробность своего источника — внушенія Фаусты мужу, о которыхъ упоминаетъ Викторъ (Fausta conjuge, ut putant, suggerente) и которыя, конечно, согласно Георгію р. 384, 10 и Зонарѣ, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ клеветы на пасынка въ преступной любви. За-то Зосима сохраняетъ (вмѣстѣ съ Викторомъ) другую подробность, о которой умалчиваютъ Георгій съ Зонарою, — упреки Елены сыну. Подобныя взаимныя дополненія, при сходствѣ текстовъ, прямо указываютъ на общій источникъ, изъ котораго поименованные авторы дѣлаютъ разныя извлеченія. Аврелій Викторъ (с. 41) упоминаетъ о постройкѣ моста черезъ Дунай, о коронѣ и драгоценныхъ камняхъ, украсившихъ императорскую одежду (13, 14), срв. Theoph. р. 41, 16 sqq. = Rasch. р. 527, 16 sq., Georg. р. 390 not. Muralt. У Кедрина находимъ прозвище Константина, сообщаемое Викторомъ (cf. Aug. Vict. ed. cur. Arntzen. not. ad l.) с. 41, 16. О расточительности Константина Aug. Vict. с. 41, 17 cf. Zosim. I. II, с. 32, с. 33, Zonar. I. XIII, с. 4, р. 187, 10 sqq. У Анонима замѣтка о подавленіи возстанія Калоцера на Кипрѣ р. 289 cf. Theoph. р. 43, 11—15.

За извлеченіемъ изъ Житія св. Сильвестра G. p. 390, 15—398, 17 у Георгія слѣдуетъ разсказъ объ основаніи Константинополя и постройкахъ въ новой столицѣ G. p. 398, 19—401, 7.

G. p. 398, 19—399, 3=Theoph. p. 23, 23—26, G. p. 399, 9—12=Io. Mal. p. 319, 23—320, 3 (21 Βύζας, ὁ τ. Θράκης βασιλεύς)¹⁾, G. p. 399, 13—16=Th. p. 23, 27—30, G. p. 400, 1—7=Mal. p. 320, 6, 4, p. 321, 6, 320, 9—12. Дальнѣйшій разсказъ о трудностяхъ перевозки колонны связанъ съ опроверженіемъ того мнѣнія, что она состояла не изъ цѣльнаго камня (14—17). Это опроверженіе объясняется религіознымъ значеніемъ памятника, подъ коимъ хранились святыни G. p. 400, 10—12, cf. Nic. Call. H. E. l. VII, c. 49, p. 1325 D. G. p. 400, 18—401, 2=Theoph. p. 23, 30—24, 1=Cramer, p. 92, 33—34, G. p. 401, 2—5 καὶ μέγεθος=Cramer, p. 94, 24—25, гдѣ впрочемъ основаніе св. Софіи упоминается въ царствованіи не Константина В., а Констанція II, cf. Socrat. H. Eccl. l. II, c. 43, p. 356 A²⁾. Въ Pasch. и у Зонары (Chon. Pasch. p. 529, 15) къ 11 мая отнесена церемонія ἐγκαινίων самого города Константинополя (Zonar. l. XIII, c. 3, p. 180).

Отрывокъ G. p. 401, 8—11 сходится отчасти съ Малаюю, p. 317, 17—19³⁾. G. p. 401, 12—402, 12=Alex. Monach. (Λόγος εἰς τ. εὐρεσιν τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ. Migne. Patrol. Ser. gr. T. LXXXVII), p. 4057 B—C (cf. Gram. p. 91, 19—25, Theoph. p. 19, 25—20, 7)⁴⁾.

1) Что касается G. p. 399, 8—9, источникъ этого отрывка указать трудно. Въ хронологіи и въ раздѣлѣ между цезарями нѣтъ согласія съ другими источниками.

2) Теофанъ примиряетъ разногласіе между Георгіемъ и Сократомъ. Отнесши постройку св. Софіи къ Константину В. p. 34, 11 sq. Bonn., онъ поправляется p. 55, 13 ὑπὸ μὲν Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου θεμελιωθεῖσα, ὑπὸ δὲ Κωνσταντίου πληρωθεῖσα καὶ ἐγκαινισθεῖσα.

3) Константинъ не успѣлъ привести въ исполненіе свои замыслы относительно похода въ Персію. Смерть предупредила его, срв. R. Festi. Breviar. c. 26, Exc. Vales. p. 289, 8 sq., Eutrop. l. X, c. 8, 2 (Paeap. κατὰ Περσῶν), Zonar. l. XIII, c. 4, p. 186, 28 sqq.

4) По поводу этихъ сообщеній о побѣдѣ Константина надъ Лициніемъ позволяемъ себѣ высказать догадку о предполагаемомъ источникѣ, общемъ

G. p. 402, 13—16 въ гораздо болѣе подробномъ изложеніи находимъ ниже, G. p. 402, 16—403, 1 = Theoph. p. 27, 10—14, G. p. 403, 4—8 по тексту болѣе всего приближается къ Θεодориту, церковная исторія коего, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго анализа хроники, была однимъ изъ главныхъ ея источниковъ. Не смотря на сходство текста Ἐκλογῶν ἀπὸ τ. ἐκκλ. ἱστ., независимость отъ эпитомы на этотъ разъ несомнѣнна.

Theod. H. Eccl. p. 398: Τὰς γὰρ διὰ βίου τὴν παρθενίαν ἀσχοῦσας συναγείρασα πάσας καὶ ἐπὶ στιβάδων πολλῶν κατακλίναςα, αὐτὴ θεραπαινίδος ἔργον ἐ-	Georg. Τὰς γὰρ διὰ βίου τὴν παρθενίαν ἀσχοῦσας συναγείρασα πάσας καὶ ἐπὶ στιβάδων πολλῶν κατακλίναςα, αὐτὴ τακλίνουσα, αὐτὴ δι' ἑαυτῆς καθυπουργεῖ,	Gram. p. 92, 26: Ἑλένη... τὰς... ἱεράς παρθένουσ πρὸς ἐστίασιν συγκαλοῦσα δι' ἑαυτῆς, ὡς θεράπαινα, ταῖς τραπέζαις διηκόνει, ὕδωρ ταῖς χερσίν
---	---	---

для греческихъ и римскихъ авторовъ, перечисленныхъ въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, — догадку, пока слабо обоснованную, но могущую, какъ намъ кажется, подтвердиться при болѣе полномъ и всестороннемъ сопоставленіи источниковъ нашихъ. Этотъ предполагаемый источникъ стоитъ въ близкой связи съ анонимнымъ продолженіемъ Діона Кассія, если не тождественъ съ нимъ.

Еще Schmidt (W. A. Schmidt. Ueber die Quellen d. Zonaras. Zonar. ed. Dindorf. Vol. VI, p. 50 sq.) высказываетъ предположеніе, что значительная часть XII книги Зонары почерпнута у продолжателя Діона. Въ анализѣ III книги (Учен. Зап. Каз. Унив. 1892 г. № 1, № 3) хроники мы слѣдуемъ тому же предположенію относительно Георгія. Въ цитованныхъ въ текстѣ разсказахъ о пораженіи Лицінія Криспъ не упоминается, какъ соучастникъ побѣды Константина. Напротивъ, у Никифора Каллиста (I. VII, с. 45, p. 1316 B) въ сообщеніи о томъ же плѣненіи Лицінія въ Хризополи, о которомъ говоритъ Теофанъ p. 28, 5 ed. Bonn., Криспъ названъ спасительнымъ оружіемъ Константина. Анонимный продолжатель Діона тоже упоминаетъ fr. 14, 2 (C. Müller. Fr. H. Gr. V. IV, p. 199) о частыхъ пораженіяхъ Лицінія въ числѣ подвиговъ (ἀνδραγαθία) Криспа, cf. Zonar. Anp. p. 179, 12 ὅς καὶ παρὰ τῷ πρὸς Λικίνιον πόλεμῳ πολλάκις ἤριστους (неправильна ссылка C. Müller'a въ примѣчаніи на Зосима; также Евсевій H. Eccl. говоритъ о побѣдѣ надъ Лицініемъ лишь въ общихъ выраженіяхъ). Гомеровскіе стихи въ устахъ Лицінія у продолжателя Діона вполне сходятся съ изреченіемъ ему оракула у Созомена H. Eccl. I. I, с. 7, p. 876 A = Niceph. Call. p. 1316 A. Въ слѣдующемъ фрагментѣ анонима 1 § соотвѣтствуетъ Zonar. I. XIII, с. 3, p. 179, 31, а во 2 § прозвище Траяна Βοτάνη τοίχου, срв. Aug. Vict. Epit. с. 41 herba parietaria.

πλήρου διακονούσα και ὄψα παρατιθείσα, κύ- ἐπιχέουσα και τρυβλία
 ὄψα παρατιθείσα και λικας ὀρέγουσα και πλύνουσα και ποτήρια
 κύλικας ὀρέγουσα... και ὕδωρ ταῖς χερσίν αὐ- και πάντα, ὅσα δοῦ-
 ὕδωρ ταῖς ἐκεινῶν χερ- τῶν ἐπιχέουσα θερα- λον ποιεῖν ἐπιτρέπον-
 σὶν ἐπιχέουσα. παίνης ἔργον ἐπλήρου. ται.

G. p. 403, 8—12 cf. Theodor. p. 397 (цитруемъ Θεодорита по изданію діакона Евгенія въ Галле. Т. III): τοῦ βασιλέως ἡ μήτηρ... τὴν τῆς εὐσεβείας αὐτῷ προσενεγκοῦσα τροφήν, p. 398: πλείστα τῷ παιδί περὶ τῆς εὐσεβοῦς πολιτείας ἐντειλαμένη. G. p. 403, 13—16 = Theoph. p. 24, 10, 15, 18—20. Дальнѣйшія сообщенія G. 17—19, какъ уже было упомянуто, перенесены изъ царствованія Констанція II = Theoph. p. 37, 32—34 (var. lect. G. γ', Theoph. β'), p. 38, 12 sq. G. p. 404, 1—9 происходятъ изъ неизвѣстнаго источника, G. p. 404, 15—405, 18 = Theod. Hist. Eccl. l. I, c. 6, p. 379: δημοσίοις ὄνοις — πρυτανεῦσαι ποδῶν, p. 380: συνεληλυθῶτων δὲ πάντων — τοὺς ἐπισκόπους αἰτήσας и ниже: οὗτος τοῖς ἀνθεσι τῶν ἐγκωμίων — προσενήνοχε λόγους, с. 10, p. 388: τοὺς δὲ συνεληλυθότας — τῷ φιλήματι τὴν εὐλογίαν πιστεύων. G. p. 405, 20—406, 17 взято изъ другого источника. Вообще въ исторіи соборовъ Георгій обнаруживаетъ знакомство со спеціальными источниками. Такъ онъ сообщаетъ двѣ грамоты императора Юстиніана V-му вселенскому собору (Γράμμα τοῦ βασιλέως p. 529, 16 и ὁ βασιλικὸς τύπος p. 532, 8 cf. Acta conciliorum. 1714. Vol. III, p. 282 A sqq., p. 328 A sqq.). G. p. 406, 18—408, 11 = Rufin. H. Eccl. l. I, c. 3, c. 4 (Patrol. curs. Migne. Ser. lat. Vol. XXI), p. 469 B—470 C. Сравнивая передачу эпизода на соборѣ у Георгія съ текстомъ Руфина и съ Созоменомъ H. Eccl. l. I, c. 18, p. 916 A—C, мы убѣдимся, что нашъ лѣтописецъ пользуется Руфиномъ независимо отъ послѣдняго ¹⁾:

1) Въ сущности намъ не къ чему прибѣгать и къ сопоставленію текстовъ въ доказательство независимости Георгія отъ Созомена или Сократа и для опроверженія мнѣнія de Voog'a (Hermet. В. XXI, S. 14), будто-бы нашъ лѣто-

Rufin. Etenim cum pro studio religiosi Imperatoris, ex omni terra sacerdotes Dei coissent... philosophi quoque et dialectici valde nobiles.

G. πρὸς γὰρ τὸ παράδοξον τοῦ βασιλικῆς διατάγματος καὶ φιλόσοφοι καὶ ῥήτορες ἐν τῇ συνόδῳ παρῆσαν διαληκτικῆς ἐμπειρότατοι.

Уже изъ этого вступленія, если сопоставимъ его съ началомъ 18 главы I книги Созомена, ясно, гдѣ источникъ Георгія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эпизода, не смотря на все сходство въ подробностяхъ, также обнаруживается бѣльшая близость Георгія къ Руфину, чѣмъ Созомену (cf. Nicerph. Call. l. VIII, с. 15, р. 64). Однако ни у одного изъ церковныхъ историковъ неизвѣстный старецъ, одержавшій побѣду надъ языческимъ философомъ, не отождествляется со Спиридономъ Тримифунскимъ, какъ у Георгія р. 407, 4 sq., хотя они говорятъ объ этомъ епископѣ въ особыхъ главахъ. Быть можетъ потому въ текстѣ хроники слѣдуетъ видѣть позднѣйшую вставку и послѣ: ἀνθρωπὸς τις ἐκ τῶν ἀγίων читать непосредственно: ἀπλούστατος δὲ τὴν φύσιν.

Сообщеніе о Пафнутіи G. р. 408, 9—13 составлено по двумъ источникамъ: началу 4-й главы Руфина и Ἐκλογαὶ ἀπὸ τ. ἐκκλ. ἱστ. Cramer, р. 92, 12—15.

Ruf. Fuit praeterea in illo Concilio et Pafnutius, homo Dei, Episcopus ex Aegypti partibus, Confessor ex illis, quos Maximianus, dexteris oculis effossis, et

Georg. Παρῆν δὲ τῆνικαῦτα καὶ ὁ θεῖος Παφνούτιος, ἀνὴρ Αἰγύπτιος καὶ θαυματουργὸς καὶ ὁμολογητῆς, οὗ τὸν δεξιὸν ὀφθαλμὸν Μαξιμιανὸς ἐξώρυξεν, ὃς καὶ

писецъ пользовался не переводомъ на греческій Руфина, а греческой основой (Vorlage) его труда. Георгій заимствуетъ у Руфина, между прочимъ, то мѣсто, которое относится къ личнымъ обстоятельствамъ жизни церковнаго историка, извѣстнымъ намъ не изъ одной церковной исторіи его, но и изъ другихъ его сочиненій — Georg. р. 455, 21 sqq. cf. Ruf. l. II, с. 4, р. 511 C. Fontanini. Vita Ruf. с. II, 2, 3, р. 88 sqq. Что касается Сократа и Созомена, то, за исключеніемъ глухой ссылки р. 277, и въ текстѣ Муральта опущенной ссылки на Созомена р. 457, 27 cf. Theoph. (de Boor) р. 64, 14, у Георгія нѣтъ признаковъ заимствованій изъ этихъ авторовъ.

sinistro poplite succiso, per metalla damnaverat.

Срам. Τῆς συνόδου θελούσης κανονίσαι, ὥστε κληρικόν μὴ συνέρχεσθαι πρὸς γάμον γυναικί, ἦν πρὸ τοῦ κλήρου ἠγάγετο, Παφνούτιος ὡς βαρὺν τὸν λόγον ἀνέτρεψεν, καὶ συμπαθέστερον κανόνα ἐτύπωσε, καίπερ γυναικὸς μὴ ἐλθῶν εἰς πείραν τὸ σύνολον.

τῆς συνόδου κανονίσαι θελούσης, ὥστε κληρικόν μὴ συνέρχεσθαι τῇ πρὸς γάμον αὐτοῦ γυναικί, ὡς βαρὺν τὸν λόγον ἀνέτρεψεν.

Глава: Περί τοῦ μὴ κατακρίνειν ἱερέα (cf. Zonar. l. XIII, c. 4, p. 186, 11—23) = Theodoret. (c. 10), p. 388.

Разсказъ объ обрѣтеніи св. Креста G. p. 410, 1—411, 27, повторяющійся почти одинаковыми словами у всѣхъ церковныхъ историковъ, у Георгія приближается по тексту болѣе всего къ Александру Монаху, p. 4061 A — 4064 B (cf. Theoph. p. 23, 14—17, 19—22, p. 25, 28—27, 9). G. p. 410, 23 (Theoph. p. 26, 2) Ἀφροδίτης (Alex. τῆς ἀκαθάρτου δαίμονος ὁ ναὸς καὶ τὸ ἄγαλμα) добавлено по другому мѣсту источника — p. 4045 C οἱ εἰδωλολάτραι ὠκοδόμησαν ἐκεῖσε ναὸν τῷ ἀγάλματι τῆς ἀκαθάρτου δαίμονος Ἀφροδίτης. G. p. 410, 26 καὶ τὸν χοῦν πόρρω που ἀπορρίφῃναι (Theoph. p. 26, 5)—слова, недостающія въ полной редакціи Слова Александра, восполняются по сокращенной (cf. annot. ad l.). (Чтение Александра: θανούση, при G. p. 411, 8 ἀσθενούση, очевидно испорченное). G. p. 412, 1—413, 16 = Alex. Mon. p. 4064 D ἐκέλευσε τῷ ἐπισκόπῳ—4065 D ἐπὶ τὴν Ἀλεξάνδρειαν (годъ царствованія упомянуть p. 4068 A ἦν δὲ τριακοστὸν τοῦτο ἔτος τῆς βασιλείας αὐτοῦ), cf. Theoph. p. 31, 13—22, 30—p. 32, 4. G. p. 413, 17—20 = Alex. Mon. p. 4072 A Τὴν δὲ σεβάσιμον ἡμέραν—τῇ ἰδ' τοῦ Σεπτημβρίου μηνός.

G. p. 414, 15—19 cf. Rufin. l. I, c. 11, p. 484. Но дальнѣйшій разсказъ происходитъ изъ другого источника.

G. p. 415, 10—12—о ссылкѣ св. Аванасія Константиномъ

cf. Socr. l. I, с. 35, Sozom. l. II, с. 28, Theodor. l. I, с. 29. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ не отказъ принять Арія, какъ у Георгія, а происки арианъ служатъ главною причиною ссылки.

Послѣ длиннаго отступленія моралистическаго характера по поводу проступка императора Константина въ отношеніи св. Аѳанасія, Георгій останавливается на гоненіяхъ, которыя претерпѣвалъ св. отецъ въ царствованія: Констанціи, Юліана и Валента, опережая такимъ образомъ порядокъ лѣтописнаго повѣствованія. При Констанціи св. Аѳанасій дважды долженъ былъ спастись бѣгствомъ, срв. Socr. l. II, с. 17, с. 26. Эпизодъ G. p. 421, 3—422, 5 = Pallad. Hist. Laus. с. 135 *Περὶ παρθένου τῆς ὑποδεξαμένης τὸν μακάριον Ἀθανάσιον* (Bibl. Vett. Patr. Vol. II, p. 1039 sq.). G. p. 422, 6—423, 15 происходитъ изъ подобнаго же источника, который отчасти виденъ и у церковныхъ историковъ, cf. Socrat. l. III, с. 14, p. 416, Nicéph. l. X, с. 19, p. 492, Rufin. l. I, с. 34, p. 502 B (cf. G. p. 422, 13 sqq.), Cramer., p. 95 sq. У нихъ находимъ также извлеченіе изъ апологіи св. Аѳанасія G. p. 423—425, cf. Socrat. l. III, с. 8, p. 396 sqq., Nic. Call. l. X, с. 16. Въ хроникѣ Георгія оно могло войти черезъ церковно-историческій компендіи.

Въ эпизодѣ G. p. 426, 1—10, послѣ отступленія о св. Аѳанасіи, мы возвращаемся къ царствованію Константина В. и къ Никейскому собору (въ текстѣ Георгія вм. *Κωνσταντίου* слѣдуетъ читать *Κωνσταντίνου*), cf. Cramer., p. 92, 2—11, Theoph. p. 23, 7—14. Не смотря на сходство всѣхъ трехъ текстовъ, сопоставленіе показываетъ независимость Георгія отъ Теофана. Приводимъ вторую часть отрывка:

Theoph. Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος θεῖος μὲν ἦν ἀνήρ, λόγων δὲ ἄπειρος. εἶπε δὲ τῷ διαλεκτικῷ φιλοσόφῳ γλωσσαλοῦντι· ἐπιτάττω σοι ἐν

Стам. Λόγων δὲ ἄπειρος ὢν ὁ Ἀλέξανδρος, τὰ δὲ ἄλλα θεῖος, ἐν τῇ ὥρᾳ τῆς διαλέξεως εἶπεν τῷ διαλεκτικῷ φιλοσόφῳ· ἐν

G. Λόγων δὲ ἄπειρος ὁ Ἀλέξανδρος, ἄλλα θεῖος ὢν, ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς διαλέξεως εἶπε τῷ διαλεκτικῷ φιλοσόφῳ· ἐν ὀνόματι

ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ	ὀνόματι Ἰησοῦ Χρισ-	Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ
τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ σιω-	τοῦ τοῦ θεοῦ ἐπιτάττω	θεοῦ μου ἐπιτάττω
πᾶν καὶ μὴ φθέγγεσ-	σοι σιωπᾶν καὶ μὴ	σοι σιωπᾶν καὶ μὴ
θαι· ἅμα δὲ τῷ λόγῳ	φθέγγεσθαι· ἅμα δὲ	φθέγγεσθαι. Ἄμα δὲ
ἐφιμώθη καὶ γέγονεν	τῷ λόγῳ ἐφιμώθη καὶ	τῷ λόγῳ ἐφιμώθη καὶ
ἄλαλος.	ἔμεινεν ἄλαλος.	διέμεινεν ἄλαλος.

G. p. 426, 14—427, 6 cf. *Apophthegm. patrum* (Migne. *Patrol. Ser. gr. T. LXV*), p. 86 B: Ποτὲ ὁ ἀββᾶς Ἀντώνιος ἐδέξατο Κωνσταντίου (I. Κωνσταντίνου cf. *Geogr., Cramer.*, p. 92, 1) τοῦ βασιλέως γράμματα—ἀββᾶς Ἀντώνιος.

G. p. 428, 3—429, 4. Въ замѣткѣ о смерти Константина В. довольно ясно виденъ первоначальный источникъ, cf. *Exc. Valesii*, p. 289: in suburbano Constantinopolitano villa publica iuxta Nicomediam disposita... obiit, cf. *Eutrop. l. X, c. 8. Cramer.*, p. 93, 30 sq. *Theoph. p. 33, 17 sq.* Но изъ другого источника происходитъ указаніе числа лѣтъ царствованія Константина въ Римѣ и въ Константинополѣ G. p. 428, 3—4, имѣющее связь съ хронологіей G. p. 399, 3. Въ перечисленіи наслѣдниковъ Константина В. G. p. 428, 7 Константинъ неправильно названъ младшимъ (ὁ νεώτερος едва-ли можетъ значить то же, что ὁ νέος—Константинъ младшій въ отличіе отъ отца), но въ виду G. p. 399, 5, гдѣ Константинъ—самый старшій, слѣдуетъ вѣроятно читать: Κώνσταν, Κώνσταντῖνον καὶ Κωνστάντιον τὸν νεώτερον. Относительно Елены, дочери Константина В., срв. генеалогическую таблицу у Теофана. Въ распредѣленіи владѣній между преемниками Константина В. Георгій не указываетъ точнѣе владѣній старшихъ двухъ сыновей, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ, что они царствовали на Западѣ, въ то время какъ Констанцій на Востокѣ; онъ не называетъ въ числѣ преемниковъ ни Далмація, ни Аннибалліана, хотя по другому источнику и упоминаетъ младшаго Далмація p. 399, 6, p. 412, 22. Въ весьма общихъ и неточныхъ выраженіяхъ говоритъ Георгій о гибели Константина и Константа. О смерти перваго Теофанъ сообщаетъ (p. 35,

30—32), что онъ былъ убитъ воинами Константа, cf. Socrates, p. 94, 10—12 (гдѣ вм. Κωνσταντίου надо читать Κώνσταντος), cf. Eutrop. l. X, c. 9, 1—2. Георгій же (p. 429, 3 l. Κωνσταντῖνον pro Κωνστάντιον) называетъ его прямо убійцею своего брата. Также убійство Константа народомъ лишь очень неточно можетъ выражать дѣйствительную гибель его жертвою заговора (Zos. c. 42).

G. p. 429, 5—430, 3 cf. Theoph. p. 17, 28—18, 8.

Послѣ богословскаго отступленія о Св. Троицѣ Георгій переходитъ (p. 436) къ царствованію одного Констанція. G. p. 436, 18—437, 16 происходитъ изъ источника, въ которомъ подверглось дальнѣйшему развитію содержаніе церковныхъ исторій. Въ то время какъ въ церковныхъ исторіяхъ Александръ имѣетъ дѣло съ партіей Евсевія Никомидскаго (οἱ περὶ Εὐσέβιον), у Георгія съ нимъ бесѣдуетъ самъ императоръ. Молитва Александра ночью передъ св. жертвенникомъ по общему содержанію сходна съ тою, которую находимъ у Θεодорита (Н. Eccl. l. I, c. 13, p. 393 sq.), но въ подробностяхъ также разнится отъ нея, а такъ какъ мы знаемъ, насколько близко передаетъ Георгій текстъ своихъ источниковъ, то и въ данномъ случаѣ мы должны предполагать у него особый отъ Θεодорита источникъ. По всей вѣроятности неизвѣстный источникъ Георгія принадлежалъ къ агиографической литературѣ. Въ подобной литературѣ легко допускаются такія отступленія отъ историческаго преданія, какъ въ данномъ случаѣ замѣна τῶν περὶ Εὐσέβιον императоромъ, и рассказъ часто принимаетъ ту форму діалога, какъ здѣсь бесѣда Александра съ Констанціемъ. Смерть Арія одинаково описывается у всѣхъ церковныхъ историковъ, cf. Socr. l. I, c. 38, Sozom. l. II, c. 29, Theod. l. c. по общему источнику, Руфину l. I, c. 13 (Nic. Call. l. VIII, c. 51).

G. p. 473, 17—22 cf. Theoph. p. 35, 34—p. 36, 4, Sozom. Н. Eccl. l. V, c. 2, p. 1213 sq. G. p. 437, 23—438, 11 представляетъ извлеченіе изъ Θεодорита отъ слова: κατῆλθε до слова: τὸν ἄθλιον = Theod. Н. Eccl. l. III, c. 1, p. 452, ...τῶν βασιλι-

κῶν ἐπεθύμησε σκήπτρων. οὐ δὴ ἕνεκα τὴν Ἑλλάδα περινοστῶν μάν-
 τεις ἐπέζητει καὶ χρησμολόγους, εἰ τεύξεται τοῦ ποδομένου — καὶ
 ἡ τῆς βασιλείας ἐπιθυμία τῆς εὐσεβείας ἐγύμνωσε τὸν τρισάδλιον.
 Начальные слова разсказа срв. Theoph. p. 36, 4 sq. Изъ Тео-
 фана, p. 46, 18 sq. могли также быть введены въ текстъ, вообще
 происходящій изъ Θεодорита, слова: αἵμασι γὰρ μισαροῖς ἀπολου-
 σάμενον τὸ δεῖον βάπτισμα—G. p. 438, 9. G. p. 438, 13—15 Геор-
 гій впадаетъ въ ошибку, говоря, что и Юліанъ отправился въ
 походъ въ Персію вмѣстѣ съ Констанціемъ, cf. Mal. p. 325, 12
 sq. и о смерти Констанція Mal. p. 326, 7—12. Дальнѣйшія бо-
 лѣе или менѣе краткія сообщенія Георгія по церковной исторіи
 p. 438, 15—439, 11 проистекають вѣроятно всѣ изъ церковно-
 исторической эпитомы. Нѣкоторыя изъ нихъ мы находимъ и въ
 дошедшихъ до насъ сборникахъ извлеченій изъ нея: G. p. 438,
 17—18 = Ἐκλογαὶ ἀπὸ τ. ἐκκλ. ἱστ. Θεοδώρου ἀναγνώστου (Migne.
 Patrol. Ser. gr. T. LXXXVI), p. 212—213: ἐπὶ αὐτοῦ (scil. Κων-
 σταντίου) εἰσῆλθον ἐν Κωνσταντινουπόλει τὰ λείψανα τῶν ἀγίων
 ἀποστόλων Τιμωθέου μὲν... Ἄνδρέα δὲ καὶ Λουκᾶ, G. p. 439, 1—
 5 = Cramer, p. 95, 1—5, Sozom. I. III, c. 16 (у Θεοφана со-
 всѣмъ въ другомъ мѣстѣ p. 62, 32—63, 3), G. p. 439, 8—
 11 = Cramer, p. 95, 17—19. G. p. 439, 13—440, 28 = Theodor.
 H. Eccl. I. IV, c. 10, p. 476—478, G. p. 441, 1—443, 2 cf.
 Alex. Monach. p. 4068 D—4069 D. Но цитата изъ Кирилла
 Иерусалимскаго приводится Георгіемъ независимо отъ Александра,
 у котораго она значительно сокращена, срв. также Sozom. I. IV,
 c. 5. G. p. 443, 5—15 составлено частью по Θεοфану, частью
 по Малагѣ. Въ оксфордскомъ текстѣ Малагы не сохранилось
 никакихъ признаковъ обычнаго у него описанія наружности им-
 ператора Юліана. Но такое описаніе находимъ у Георгія, Льва
 Грамматика, Кедрина и славянскій переводъ Малагы, сдѣланный
 съ греческаго текста редакціи болѣе полной, чѣмъ редакція окс-
 фордской рукописи¹⁾, доказываетъ, что ихъ источникомъ былъ

1) Славянскій переводъ во многихъ мѣстахъ сходится съ болѣе исправной
 и полной редакціей Малагы, какою пользовались Пасхальная хроника, Θεοφанъ

Малала. Въ московскомъ синодальномъ спискѣ эллинскаго хронографа № 280, л. 258 (срв. № 86, л. 339) текстъ Malal. p. 326;

и Кедринъ. Приводимъ нѣкоторые примѣры по архивной рукописи эллинскаго хронографа, отмѣчая въ славянскомъ текстѣ скобками пробѣлы и пропуски оксфордскаго текста Малалы:

Mal. ed. Вонп. p. 72, 5 vqq., арх. сп. л. 37 обор.: дрѣжа оубо прѣво афинѣиско. лѣтъ Υ и ζ и $\bar{\kappa}$ (потомже дрѣжаа книѣ. ѿ) вта^м лѣта тѣхъ книѣ законъ положи въ афинѣхъ прѣвѣе краконъ именовъ. Gelzer (S. Jul. African. B. II, S. 370) справедливо видѣлъ у Кедрина p. 145, 17 болѣе полный текстъ Малалы. Mal. p. 82, 3 vqq. арх. сп. л. 39. и прозва своего прѣтва оучастие себе властное (ахеию въ свое имѣ. также и законъ своего прѣтва оучастие прозва) законски въ нареченіе своего имени. и прѣтвова законъ, cf. Cedr. Mal. p. 154, 2 vqq. Cedr. p. 239, 19 vqq. арх. сп. л. 301 послѣ словъ: φυγαῖν ἐπὶ τ. Ἴ. χόραν Кедринъ и славянскій переводъ дополняютъ: (блѣгочестнаго прѣства крѣосува бѣмса). Mal. p. 158, 1 vqq. арх. сп. л. 302 съ зоровавелми (старѣишиною ихъ не въскотѣша иудѣи съ зоровавелми) изогити токмо двѣ хороугви (ти погы) моужь и женъ и дѣтти числомъ десѣтъ темъ точию. И осташа же въ прѣсѣхъ своею волею (хорѣговию ѡ ти погыкъ) и оубомшаса инѣхъ мзыккъ иже бѣвхѣ иврѣтъ (людскы земля), cf. Cedr. p. 242, 17 vqq. Mal. p. 159, 20 vqq. арх. сп. л. 302 об. три же дѣи пребывши оу него спѣццю емѣ (и оукрѣпившица, gr. Mal. ἐυερθεῖσα, Cedr. ἰσχύσασα) главою емоу Ѡсѣче и ноцию (по обычаю имже прихѣжаше къ нему по обычаю) подгѣгорах.... cf. Cedr. p. 244, 3 vq. Mal. p. 163, 11 vq. слав.: и рече къ неи (братъ твои оуби ма) и казавъ си мзвъ и мѣсто и (рече къ неи) бѣжи, cf. Cedr. p. 246, 10 vqq. Mal. p. 163, 17 арх. сп. л. 305 обор. каарфагенъ (скажемъ африскымъ мзыккомъ неаполгъ), cf. Cedr. p. 246, 15. Mal. p. 173, 4 слав.: сътвори (киркисии еже есть) подроумие (л. 307), cf. Cedr. p. 258, 11 vq. Mal. p. 173, 9. Въ слав., послѣ словъ: чтоуть ѡ симъ съставы, читаемъ: (роумѣхъ бо не чтѣтъ четырехъ тѣхъ съставъ развѣ единого праздника), cf. Chron. Pasch. p. 206, 4—5. Mal. p. 175, 3 vqq. нача играти (инии мнози начаша наоунамаи прѣвое нача играти), cf. Pasch. p. 207, 18 vqq.

Приведемъ еще примѣры изъ позднѣйшей части хронографіи Малалы, на славянскомъ сохраняющейся лишь въ синодальныхъ спискахъ эллинскаго хронографа. Mal. p. 369, 19 κτήτωρ, Pasch. p. 595, 8 vq. κτήτωρ.... καὶ οἰκήτωρ, слав. № 280, л. 270 обор. (насилъникъ).... и здатель. Mal. p. 371, 25 cf. Pasch. p. 597, 6, слав. л. 271 штроковицю краснѣ (и богатъ). Mal. p. 372, 3 vqq. cf. Pasch. p. 597, 16 vqq., л. 271 обор. гонение сътвори велико на держашамъ (вѣру) — не имѣти имъ нигдѣ же прѣкы (ни соборища). Mal. p. 376, 17 vq. cf. Pasch. p. 599, 14, л. 273 (дѣ) ноабра. Mal. p. 382, 6, у Теофана p. 193, 21, л. 274 обор. въ полатѣмъ колѣхки; л. 276 обор. въходяща емѣ къолхнемъ, срв. Theoph. p. 197, 19, у Малалы въ бонскомъ изданіи p. 387, 13. διὰ τῶν πολυπίτων. Mal. p. 382, 9 послѣ Ἑλλησπόντου въ Pasch. p. 603, 16—18 читаемъ, какъ въ славянскомъ л. 275 (сѣма же бѣ ублачалса въ баграницю прѣсксю акы кесарь. раздѣливше все имѣние ерматѣво). Mal. p. 384, 8 Φόρμου, 7, 18 τριάκοντα. Pasch. p. 604, 18 Φόρμου, 17, p. 605, 7 τρία, л. 275 обор. Формомъ, 7 лѣтъ, трети лѣты. Mal. p. 385, 1 ὁ ἔχρονος αὐτοῦ Ἀλάριχος. Pasch. p. 605, 12 Ἀταλλάριχος, № 280, л. 276 атаала-

15 sqq. читается такъ: въ оупатию мамертиа и неоунта иже прѣвова лѣѣ бѣ. бѣже низмен широкыми прѣсми лѣпъ доброносъ ѡчима. бѣже друогъ и сврѣстникъ ливанию славномуу философѣ антиѡхинскомуу. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь текстъ не какого либо иного автора изъ вошедшихъ въ составъ эллинскаго хронографа, а именно Малалы, но только болѣе полный, чѣмъ греческій, дошедшій до насъ.

Правда, изъ описанія славянскаго текста только одинъ эпитетъ совпадаетъ съ описаніемъ греческихъ лѣтописцевъ, пользовавшихся Малалюу, но мы знаемъ, какъ многочисленны бываютъ въ описаніяхъ этого лѣтописца эпитеты императоровъ. Греческіе авторы дѣлаютъ изъ нихъ одинъ выборъ, славянскій переводчикъ — другой. Такимъ образомъ вполне понятна незначительность сходства между греческими и славянскими текстами ¹⁾.

рих. Mal. p. 385, 47 τὸ δεύτερον αὐτῆς πάθος (μὴνὶ ἑρπεταίῳ σептемβρίῳ кв' Rasch. p. 605, 17), № 280, л. 276 второе то мѣа септабра. Къ различеніямъ Rasch. p. 613, 16 'Ονίνου, Mal. p. 413, 9 Νόμου, Theoph. ed. Bonn. p. 259, 16 'Ομοῦ, № 280, л. 278 обор. даеть: иванна. Mal. p. 413, 18 sqq. Rasch. p. 614, 5—6. Theoph. p. 260, 4 sq. № 280 сапози же его бѣша Ѧ своа емоу страны (черъвени). Mal. p. 414, 9 sq. Rasch. p. 614, 19. Theoph. p. 260, 14, № 280, л. 279 изыти отъ (скырныи) эл. вѣры—и прелести бѣсовьскыа (неправедныа). Mal. p. 415, 20. Rasch. p. 616, 7. слав. и пакы вскорѣ бысть любы дани дѣла (и миръ). Обращають на себя вниманіе еще особенно два различенія: 1) Mal. p. 362, 5—6 καὶ ἐπέμφθη εἰς τὴν Φρυγίαν ἐπίσκοπος γενόμενος εἰς τὸ λεγόμενον Κουτάσιον (также ниже: τὸ δὲ Κουτάσιον πόλις κтл.), Rasch. p. 588, 15 καὶ ἐπεμφεν αὐτὸν ἐπίσκοπον εἰς Σιύρην τῆς Ἀσίας. слав. л. 268. и пустиша и въ асию еѣпа и поставиша и въ градѣ нзмѣрнѣ (и ниже: градъ есть людескымъ епархымъ), 2) Mal. p. 427, 5 Γιλδέριχ καὶ Κήρυκον καὶ Εἰρηναῖον, слав. л. 283 обор. и стратилаты ѣ (велизариа) и кирика и принемъ (пендакинскаго), Rasch. p. 618, 5 καὶ στρατηλάτας τρεῖς Βηλίσάριον καὶ Κήρυκον καὶ Εἰρηναῖον τὸν Πενταδίας, но у Теофана—третье разногласіе въ именахъ посланныхъ на помощь къ Лавамъ полководцевъ р. 267, 19 Βελίσάριον καὶ Κήρυκον καὶ Πέτρον. Но во всякомъ случаѣ чтеніе славянскаго текста Βελίσάριον противъ чтенія оксѣ. Малалы Γιλδέριχ подкрѣпляется двумя другими греческими текстами. Срв. еще Учен. Зап. Каз. Ун. 1890, кн. V.

1) А. Н. Поповъ (Обзоръ хронографовъ русск. ред. Вып. I) говоритъ, что описанія наружностей разныхъ историческихъ личностей, главнымъ образомъ царствующихъ особъ, существенно отличаютъ славянскій списокъ Малалы отъ греческаго (срв. описаніе Юліана, Обзоръ, стр. 46, Іовіана, стр. 47, Θεοδοσία младшаго, стр. 50, Зинова, стр. 53 и патриція Леонтіа, стр. 54). Но такіа описанія характеризуютъ хронографію Малалы вообще и если въ оксѣрдской

G. p. 443, 15—18 = Theodor. p. 454: ἀναδαρρήσαντες γὰρ οἱ τῆ τῶν εἰδώλων πλάνη δεδουλωμένοι — ἐπετέλουν, и ниже: πληγὰς αὐτοῖς ἀνηκέστους ἐπέφερον. G. p. 443, 19—444, 3 = Gramer, p. 96, 32—97, 3, Theoph. p. 52, 7—10. G. p. 444, 4—14 = Theod. p. 455: ὅποια δὲ οἱ τῆ τῶν εἰδώλων ἀπάτη προσδεδμεμένοι κατ' ἐκεῖνον ἐτόλμησαν τὸν καιρὸν — ἐγὼ δὲ ὀλίγα ἐκ πολλῶν διηγῆσομαι (въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Coisl. 305 есть ссылка на Θεοδωριτα, cf. Muralt. Prolegg. p. XVIII: Ἡμεῖς δὲ ἐκ πατρὸς, φησί, Θεοδωρήτου αὐθις διδασκόμεθα). Ἐν Ἀσκαλῶνι μὲν γὰρ καὶ Γάζῃ — πυρὶ παρέδωκαν τὰ ὄστᾶ καὶ τὴν κόνιν ἐσχέδασαν. При этомъ G. p. 444, 10—11 обобщается сообщение Θεοδωριτα о диаконѣ Кириллѣ (...οἱ δυσώνυμοι сὺ μόνον αὐτὸν ἀνεῖλον, ἀλλὰ καὶ τὴν γαστέρα τεμόντες τοῦ ἥπατος ἀπεγέυσαντο). G. p. 444, 16—445, 3 = Gramer, p. 96, 7—16. Theoph. p. 49, 9—19. Здѣсь опять независимость Георгія отъ Θεοφана очевидна:

<p>Theoph. Ἐν Καισα- ρεία τῆ Φιλίππου τῆ νῦν Πανεάδι, ὅθεν κα- τήγετο ἡ αἰμόρροῦσα, ἀνδριάς ἵστατο πρὸ τοῦ οἴκου αὐτῆς τοῦ Κυρίου, ὃν ἐθνικῶ ἔδει εὐχαρι- στήριον ἀνέστησεν. τοῦ- τον κατενεχθῆναι προ- σέταξεν ὁ δυσσεβῆς Ἰουλιανός· ὁ καὶ γέγο-</p>	<p>G. Ἐν δὲ Καισα- ρεία τῆ Φιλίππου τῆ νῦν Πανεάδι ἀνδριάς ἦν τοῦ Κυρίου, ὃν ἡ αἰμόρρους εὐχαριστή- ριον πρὸ τοῦ οἴκου αὐ- τῆς ἔστησεν· βοτάνη κτλ. ὃνπερ ἀνδριάντα Ἰουλιανός ὁ ἀσεβῆς καταγαγεῖν πρὸς ἐμ-</p>	<p>Gram. Ἐν Καισα- ρεία τῆ Φιλίππου τῆ νῦν Πανεάδι ἀνδριάς ἦν τοῦ Κυρίου, ὃν ἡ αἰ- μόρρους εὐχαριστήριον ἐθνικῶ τι ἐδει πρὸ τοῦ ἰδίου οἴκου ἀνέ- στησεν. τοῦτον κατ- επαγεῖν Ἰουλιανός ἐπέ- τρεψεν Ἐλλῆσιν, ὅπερ καὶ πραξάντων, πρὸς</p>
---	--	--

рукописи они не сохранились въ указанныхъ мѣстахъ, то это только подтверждаетъ достаточно установленный уже изданиемъ эскуріальскихъ фрагментовъ фактъ неполноты оксфордской редакціи хронографіи (срв. нашу статью Іоаннῆς риторъ и проч. въ вышеуказанной книгѣ Учен. Зап. Каз. Унив.). Хотя не въ полномъ видѣ, описанія названныхъ лицъ, проистекающія изъ первоначальнаго Малагы, сохранились у Кедрина (р. 581, 22—Юліана, Θεοδοσία младшаго—р. 586—587, Зинона—р. 615, 16), а Леонтія почти вполнѣ въ эскуріальскомъ текстѣ, изданномъ Мошмен'омъ (Негмес. В. VI), срв. нашу статью, стр. 104.

νεν κατ' ἐμπαιγμὸν δῆ- ρῆναιπροστάξας, ἴδιον ἐμπαιγμὸν δῆθεν συ-
 θεν συράντων Ἑλλήνων ἀντ' ἐκείνου ξόανον ράντων, ἴδιον ἀντ' ἐκεί-
 τὸν ἀνδριάντα καὶ ἀντ' ἴδρυσε. νου ἔστησεν Ἰουλιανὸς
 αὐτοῦ ξόανον ὀνόματι ξόανον.
 Ἰουλιανοῦ στησάντων.

G. p. 445, 4—15 = Theodor. (cap. 11). p. 460 Ἰουλιανὸς δὲ
 παρρησιαίτερον, μᾶλλον δὲ ἀναιδέστερον κατὰ τῆς εὐσεβείας ὠπλί-
 ζετο.... καὶ τὰς ἐν Δάφνῃ πηγὰς ταῖς μυσαραῖς θυσίαις ἐμόλυνεν —
 p. 461 ἀνακρίνοντες διὰ τὴν συνείδεσιν. G. p. 445, 15—22 =
 Theodor. (c. 12), p. 462 ὁ δὲ τύραννος καὶ ἕτερον κατὰ τῆς εὐσε-
 βείας μηχανήμα ἐξεῦρε — εἶτα τὸ χρυσίον παρὰ τῆς αὐτοῦ κομί-
 σασθαι δεξιᾶς. G. p. 445, 23—24 = Theophan. p. 49, 5—6. (καὶ
 οὕτω — πάντας — слова самого Георгія). G. p. 445, 26—446,
 2 = Theodor. (cap. 44). Τίνα κατὰ τῶν Χριστιανῶν ἐνομοθέτησεν
 (i. e. ὁ Ἰουλιανός), p. 456 καὶ πρῶτον μὲν ἀπηγόρευσε τῶν Γαλι-
 λαίων τοὺς παῖδας — ἀναδέχονται πόλεμον.... μετὰ τοῦτον ἕτερον
 τέθεικε νόμον τοὺς Γαλιλαίους κελεύων τῆς στρατείας ἐξελαύνεσθαι.
 У Георгія обратный порядокъ постановленій Юліана противъ
 христіанъ. G. p. 446, 3—447, 3 цитата изъ Сηηλιτευτικῶυ про-
 тивъ Юліана, происходящая изъ Ὁδηγοῦ Анастасія (срв. Учен.
 Зап. Каз. унив. 1891 г., кн. V, стр. 24). G. p. 447, 4—448,
 2 = Theodor. (c. 15), p. 464 καὶ τοὺς Ἰουδαίους καθ' αὐτῶν καθ-
 ὠπλισε — μυριάδες πολλαί.... ἐξαπίνης ἀνεμοὶ βίαιοι — τὴν καρδίαν
 ἐσκλήρυνεν. G. p. 448, 3—9 = Theodor. (c. 16), p. 465 Ἐπειδὴ
 δὲ Πέρσαι — τῶν δ' ἐγὼ ἡγεμονεύσω θοῦρος πολεμὸκλονος Ἄρης.
 G. p. 448, 10 καὶ πολλὰ — 13 ἐπαγγειλάμενος = Theoph. p. 52,
 30—31. G. p. 448, 13—14 διαβάς — χώραν = Theodor. cap.
 20, p. 467. Последующій рассказъ Георгія не согласуется вполне
 ни съ версіей Малалы p. 331, гдѣ къ Юліану приходятъ
 два перса-перебѣжчика, которые, въ угоду своему владыкѣ,
 изуродовали себя, чтобы обмануть Юліана, ни съ версіей Созо-
 мена Н. Escl. l. VI, c. 1, у котораго персъ не бѣжалъ, какъ у
 Георгія, а подвергся пыткѣ и сознался въ своемъ обманѣ. Сож-

женіе кораблей у Созомена — рѣшеніе самого Юліана, независимое отъ обѣщаній перебѣжчика, который берется только вывести войско Юліана къ границамъ его владѣній, въ то время какъ у Георгія онъ обѣщается черезъ такой же промежутокъ времени (три — четыре дня) передать Юліану Вавилонъ¹⁾. Въ описаніи лишеній войска Юліана, претерпѣваемыхъ имъ въ той пустынѣ, куда его завелъ перебѣжчикъ, текстъ Георгія довольно близко подходитъ къ Малагѣ. По всей вѣроятности у нашего лѣтописца мы имѣемъ позднѣйшую, довольно свободную обработку разсказа о походѣ Юліана въ Персію. G. p. 448, 22—449, 4, за исключеніемъ словъ: ἐξ ἀφανοῦς γὰρ ἀκόντιον—εἰς τὴν πλευρὰν διαδραμόν εισέδου (срв. Socr. I. III, с. 21, p. 433, A ἐξ ἀφανοῦς δὲ ἀκόντιον — διὰ βραχίονος διαδραμόν, εἰς τὴν πλευρὰν εισέδου) = Theodor. (с. 20), p. 467.... οἱ στρατιῶται.... πλανώμενοι.... εὗρον ἐξαπίνης κείμενον τὸν κατὰ τοῦ πεποιηκότος λυττήσαντα, p. 467 τὸν μέντοι τὴν δικαίαν ἐκείνην ἐπενεγκόντα πληγὴν οὐδεὶς ἔγνω μέχρι καὶ τήμερον—νερίκηκας Γαλιλαῖε. Дальнѣйшее происходитъ изъ посторонняго источника. Изъ Θεодорита проистекаютъ слова p. 449, 13—14 Μετὰ ταῦτα—μαγγανίαι = Theod. p. 467 (с. 21): μετὰ δὲ τὴν σφαγὴν αἱ τῆς ἐκείνου γοητείας ἐφωράθησαν μαγγανεῖαι; G. p. 450, 5—17 = Theod. p. 467 Κάραὶ γὰρ πόλις — 468 διὰ τοῦ ἥπατος ἔγνω, (с. 22) Ἐν Ἀντιοχείᾳ — σωματῶν ἀνάπλευα νεκρῶν, G. p. 451, 4—5 срв. Theod. τοιαῦτα γὰρ τῶν δυσωνύμων θεῶν τὰ μαθήματα.

Такимъ образомъ въ царствованіи Юліана главнымъ источникомъ Георгія служитъ церковная исторія Θεодорита. Georg. p. 451, 18—452, 12 = Rufin. H. Eccl. I. II, с. 1, p. 507 В—508 В.

1) У Зонары два перса обѣщаютъ провести Юліана во внутреннія области Персіи и легкое завоеваніе ея. Какъ у Георгія, у Зонары Юліанъ сжигаетъ корабли по убѣжденію этихъ персовъ, чтобы враги не могли воспользоваться ими. Zonar. I. XIII, с. 18, p. 214.

Rufin. Post Juliani necem tandem civile nobis Ioviniani reparatur imperium. Is namque sub uno eodemque tempore imperator et confessor et male illati exstitit depulsor erroris. etc.

G. Μετά τὴν Ἰουλιανοῦ σφαγὴν μόλις ποτὲ πρῶτον ἡμῖν τὸ βασιλεῖον τὸ Ἰοβιανοῦ ἀνενεώθη. οὗτος γὰρ ἐν ἐνὶ καὶ τῷ αὐτῷ καιρῷ βασιλεὺς καὶ ὁμολογητὴς καὶ τῆς κακῶς ἐπενεχθείσης πλάνης ὠθητὴς ἐπεφάνθη. κτλ.

Вполнѣ очевидно, что мы имѣемъ у Георгія самый точный переводъ латинскаго текста Руфина. Въ числѣ лѣтъ, на которыя заключаетъ Iovianъ миръ съ персами, Георгій согласуется также съ Руфиномъ (29 л.), у Θεοφана и Θεοдорита — 30 л. (Theoph. p. 53, 29, Theod. I. IV, с. 2, p. 469). Но замѣтка объ уступкѣ персамъ Нисибиса G. p. 452, 13—14 происходитъ уже изъ Θεοφана, p. 53, 31—33. Также въ слѣдующемъ сообщеніи G. p. 452, 15—19 нашъ лѣтописецъ на этотъ разъ предпочитаетъ Θεοφана p. 54, 2—5 Θεοдориту.

Theod. πρῶτον ἐγράψε νόμον καὶ τοὺς ἐπισκόπους ἐπανελεθεῖν ἐκ τῆς ἐξορίας διαγορευόντα, καὶ.... ἐπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Ἀθανάσιον, ἐκεῖνον τὸν τούτων πρόμαχον τῶν δογμάτων, γραφῆναι αὐτῷ παρακαλῶν τὴν ἀκριβῆ περὶ τῶν θείων διδασκαλίαν. ὁ δὲ.... ἀντέγραψε τὴν ἐν Νικαίᾳ ἐκτεθεισάν πίστιν φυλάττειν παρακαλῶν.

G. Τοὺς ἐν ἐξορίᾳ ἐπισκόπους πάντας ἀνεκαλέσατο. τῷ δὲ μεγάλῳ Ἀθανασίῳ ἀπέστειλε τῆς ἀμωμήτου πίστεως αὐτῷ ἐγγράφως, σημᾶναι τὴν ἀκρίβειαν, ὅπερ καὶ πέπραχεν Ἀθανάσιος, καὶ γέγραφεν Ἰοβιανῷ ἐπιστολὴν πλήρη ὀρθοδοξίας.

Theoph. Τοὺς δὲ ἐν ἐξορίᾳ ἐπισκόπους ἀνεκαλέσατο καὶ τῷ ἱερῷ Ἀθανασίῳ ἐγράψε τῆς ἀμωμήτου πίστεως ἐγγράφως σημᾶναι αὐτῷ ἀκρίβειαν. ὅπερ καὶ πέπραχε, πάσης ὀρθοδοξίας Ἰοβιανῷ ἐπιστολὴν γράψας.

Сообщеніе о смерти Іовіана G. p. 452, 20—23 происходитъ изъ неизвѣстнаго источника. Теофанъ p. 54, 19—21 не сообщаетъ, чтобы онъ умеръ отъ отравы (Sozom. l. VI, с. 6 ἡ ἀφειδέστερον, ὡς τινες λέγουσιν, δειπνήσας, p. 1308 A, Aug. Vict. с. 45, 4 crudelitate stomachi tectorio novi operis gravatus repente interiit). Георгій называетъ Дадастаны городомъ Галатіи (Созомень и Викторъ¹⁾), какъ у Теофана, — Виенини, Теодоритъ с. 4, p. 472 ἐν Δαδαστάνη, κώμη δὲ αὐτῆ Βιθυνῶν καὶ Γαλατῶν ἐν μεθόριφ χειμένη, τοῦδε τοῦ βίου τὸ τέλος ἐδέξατο). Зонара упоминаетъ двѣ версіи сообщеній о смерти Іовіана (l. XIII, с. 14, p. 217) — одну ту же, что Георгій, другую соответствующую одной изъ версій Созомена. (Zonar. p. 217, 25—30, cf. Sozom. ἡ ὑπὸ τῆς ὀδμῆς κτά.).

Georg. p. 452, 24—453, 3 = Ioann. Antioch. fr. 178, 4 (Exc. Salm.). C. Müller. Fr. h. gr. IV, p. 605, G. p. 453, 4 cf. Theoph. p. 53, 24—25.

G. p. 453, 6—7 = Mal. p. 337, 12—13 (Βιθυνίας восполняется по Pasch. p. 555, 19). G. p. 453, 7—454, 2 = Rufin. l. II, с. 2, p. 508 C—509 A.

Rufin. qui pro fide nostra a Juliano militia fuerat expulsus. Sed complevit in illo Dominus quod promisit, plus etiam quam centupla in praesenti saeculo restituens ei. Nam quia militiam pro Christo reliquerat, recepit imperium.

G. ὅστις ὑπὲρ τῆς ἡμετέρας πίστεως παρὰ Ιουλιανοῦ ἐτύγχανε τῆς στρατιᾶς ἐκβληθεὶς. ἀλλ' ἐπλήρωσεν ἐν αὐτῶ ὁ θεός, ὅπερ ὑπέσχετο, ὑπὲρ τὰ ἑκατονταπλασίονα ἐν τῶ παρόντι αἰῶνι ἀποδεδωκῶς αὐτῶ· ἐπειδὴ γὰρ ὑπὲρ τῆς πίστεως τὴν στρατιάν καταλέλοιπε, καὶ τὴν βασιλείαν ἐδέξατο.

Въ дальнѣйшемъ у Георгія находимъ двѣ вставки изъ другого источника: p. 453, 13—14 μετὰ λ' ἡμέρας τῆς ἑαυτοῦ ἀναγορεύσεως, что, можетъ быть, составляетъ выводъ изъ дати

1) Также Зосима называетъ городъ Виенини, Дадастаны, l. III, с. 35.

Малалы, срв. Pasch. p. 555, 19 πρό ἐ καλανδῶν μαρτίων, p. 556, 8 πρό δ̄ καλανδῶν ἀπριλίων, и 15—16 εἰσελθῶν γάρ ἐν Κωνσταντινουπόλει μεταπεμφάμενος αὐτὸν ἐκ Παιωνίας πόλεως Κιβαλῆς — ἐκεῖθεν γάρ ὤρμητο, cf. Aug. Vict. Epit. c. XLV, 2 (hujus pater Gratianus mediocri stirpe ortus apud Cibalas), Zosim. I. III, c. 36, p. 173, 17 sq. ὃς ἐκ μὲν Κιβάλεως ὤρμητο (πόλις δὲ αὕτη Παιωνική), Zonag. c. 15, p. 219, 2. Вставка Георгія происходитъ, вѣроятно, изъ болѣе полнаго текста Малалы, тѣмъ оксфордскій. Можетъ быть, впрочемъ, источникомъ былъ у Георгія церковно-историческій компендіѣ, черезъ который онъ могъ заимствовать данное сообщеніе у Сократа Н. Eccl. I. IV, c. 1, p. 464 A (у котораго читаемъ также согласно съ Георгіемъ p. 464 B: προσλαμβάνει τὸν ἀδελφὸν Οὐάλεντα κοινωνόν τῆς βασιλείας μετὰ λ̄ ἡμέρας τῆς αὐτοῦ ἀναγορεύσεως). G. p. 454, 3—8=Theoph. p. 58, 28—32; G. p. 254, 9—12=Theoph. p. 63, 20—23; G. p. 454, 13—16=Theoph. p. 63, 24—28, Gram. p. 97, 47, но сравненіе текстовъ (ἐφη и ὀψοποιῶν Θεοφана и Георгія при ὀψοποιούντων и ἐφησεν у Крамера) показываетъ, что и здѣсь Георгіѣ слѣдуетъ Θεοфану. Но въ слѣдующемъ отрывкѣ нашъ лѣтописецъ G. p. 454, 17—21 слѣдуетъ повидимому (cf. Theoph. p. 61, 21—23) церковно-историческому источнику, срв. Theodor. I. IV, c. 28, p. 499: Τὸ γὰρ τῶν Γότθων ἔθνος παρακινήσας εἰς πόλεμον — οὐχ ὅσιον ἐπαμύνειν ἀνδρὶ πολεμοῦντι Θεῷ. Затѣмъ Георгіѣ дѣлаетъ длинное извлеченіе изъ Руфина G. p. 454, 22—457, 7 = Rufin. I. II, c. 3, c. 4, p. 510 A—513 C. Мы уже имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ, что Георгіѣ списываетъ здѣсь между прочимъ у Руфина и тѣ слова G. p. 455, 21—23, на основаніи которыхъ Migault считалъ лѣтописца монахомъ нитрійской пустыни — предположеніе, отвергнутое Hirsch'емъ, не могшимъ тѣмъ не менѣе назвать источникъ Георгія (срв. Учен. Зап. Каз. Унив. 1891, кн. II, стр. 125 сл.). Текстъ Георгія представляетъ большею частью такой же точный переводъ Руфина, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ слѣдующемъ рассказѣ изъ источника, особаго отъ церковныхъ

исторій, происходитъ сообщеніе о самой личности Моавіи (Μαυίας). У Руфина (I. II, с. 6), Сократа (I. IV, с. 36), Созомена (I VI, с. 38) и Θεοδωριτα это имя, извѣстное намъ, какъ мужское (срв. напр. С. Müller. Fr. H. Gr. Vol. IV, p. 179: τὸν υἱὸν Καΐσου, Μαυίας δὲ ἰκαλεῖτο; также Георгій p. 614, G. p. 615, 7 изъ Θεοφана), является именемъ женщины, сарадинской царицы. Если такимъ образомъ G. p. 457, 9—12 заимствовано изъ особаго источника, то въ дальнѣйшемъ изложеніи рассказъ Георгія опять близко подходитъ къ Руфину (с. 6).

G. (ὥστε καὶ τὸν στρατὸν ἐκ-
 τρίψαι) σφοδρωτάτῳ πολέμῳ καὶ
 πόλεις πολλὰς ἐν Παλαιστίνῃ καὶ
 Ἀραβίᾳ πορθησαί. Παρακληθεὶς
 οὖν εἰρήνην ποιήσασθαι, οὐκ ἄλ-
 λως, ἔφη, τοῦτο γενήσεται, εἰ μὴ
 Μωϋσῆς τις τῷ ὀνόματι μοναχὸς
 τῷ ἔδνει αὐτοῦ χειροτονηθῆ ἐπί-
 σκοπος, ὃς ἐν τῇ Ῥώμῃ τοῖς γειτ-
 νιάζουσιν τοῖς μέρεσιν αὐτῆς δι-
 άγων ταῖς ἀρεταῖς καὶ τοῖς θαύμα-
 σιν ἐξήστραψεν κτλ.

Ruf... vehementi bello Pa-
 laestini et Arabici limitis or-
 pida atque urbes quater, vici-
 nasque simul vastare provin-
 cias coepit.... orata pacem, non
 aliter se amplexuram promittit,
 nisi Moyses quidam nomine,
 monachus gentis suae ordinare-
 tur episcopus. Qui in eremo
 partibus suis propinqua vitam
 solitariam ducens meritis et
 virtutibus ac signis quae facie-
 bat Deus per illum magnifice
 innotuerat etc.

Текстъ источника позволяеть исправить здѣсь одно изъ грубѣйшихъ извращеній первоначальнаго текста хроники позднѣйшими переписчиками: ἐν τῇ Ῥώμῃ τοῖς γειτνιαζούσιν τοῖς μέρεσιν αὐτῆς I. ἐν τῇ ἐρήμῳ τῇ γειτνιαζούσῃ τοῖς μέρεσιν αὐτοῦ 1).

1) Мы можемъ указать еще два примѣра появленія собственнаго имени въ результатѣ произвольнаго исправленія текста переписчиками: въ оксфордской рукописи Маламы p. 282, 19 ἐν Προκονήσῳ, Geogr. p. 348, 18 ἐν προκόνῳ (cf. Eutrop. I. VIII, с. 10, 8) и Geogr. p. 657, 1 τὸ περὶ τοὺς ὑπηρετουμένους Ἰταλιώτας καὶ θηριώδεις τοῦ τρόπου, Niceph. Crol. Antirrh. III adv. Copronym. (Patrol. T. C), p. 505 A τὸ περὶ τοὺς ὑπηρετουμένους ἰταμόν καὶ θηριώδεις τοῦ τρόπου.

Въ послѣднихъ словахъ разсказа о Моавіи G. p. 457, 27—458, 2 *ιστορει* — *περιτέμνονται*, вслѣдствіе пробѣла текста, монаху Моисею приписывается авторская дѣятельность. У Теофана, съ текстомъ котораго, несмотря на различіе въ опредѣленіи пола Мавіи, вполне сходится и G. p. 457, 9—12, читаемъ p. 64, 14 *ιστορει δὲ πολλὰ περὶ τοῦ ἔθνους ὁ Σωζόμενος κτλ.* Интерпункція G. p. 458, 2—4 неправильна у Муральта. Словомъ *περιτέμνονται* оканчивается заимствованная у Теофана ссылка на Созомена и слова: *ἐν Ἐδέσση κτλ.* относятся уже къ слѣдующему эпизоду G. p. 458, 2 *ἐν Ἐδέσση*—459, 4 = Rufin. c. 5, p. 513 C—514 C: *Edessa namque Mesopotamiae urbs fidelium populorum est Thomae Apostoli reliquiis decorata. Ubi cum per se imperator populos vidisset Ecclesiis ejectos etc.* Изложеніе того же эпизода у Сократа (H. Escl. l. IV, c. 18), Созомена (H. Escl. l. VI, c. 18) и Теодорита (H. Escl. l. IV, c. 15) далеко не такъ близко къ Руфину, какъ изложеніе Георгія.

G. p. 459, 5, 7—9 = Rufin. c. 13, p. 522 B; G. 5 *οὐ πόλεμοι*—7 *ἰστράφησαν* = Rufin. p. 522 C (далеко не такъ близко къ Руфину Теофанъ p. 64, 34—65, 3).

G. p. 459, 10—11 = Cramer p. 97, 11—13. G. p. 459, 12—16 = Theoph. p. 65, 11—14 = Cramer p. 97, 13—18 (въ данномъ случаѣ трудно опредѣлить, пользовался ли лѣтописецъ Теофаномъ или компендіемъ, хотя, въ виду бѣльшей близости къ тексту *Ἐκλογῶν* предшествующаго текста, вѣроятнѣе послѣднее). G. p. 459, 20—22¹⁾ = Cramer p. 97, 19—20 (текстъ Теофана не такъ сходенъ). G. p. 459, 24—26 = Rufin. c. 9, p. 521 A.

Rufin. Valentinianus, fide religionis illaesus, veteri Romani imperii censura rempublicam gubernabat.

G. Οὐαλεντινιανός δὲ ὁ μέγας τῇ πίστει καὶ τῇ εὐσεβείᾳ τέλειος καὶ ἀκέραιος τῇ παλαιᾷ τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας αὐθεντία τὴν πολιτείαν ἐκυβέρνα καλῶς.

1) Ни въ *Ἐκλογαί*, ни у Теофана не находимъ опредѣленія мѣста гибели Валента, но срв. Socrat. l. IV, c. 88. Sozom. l. VI, c. 40.

G. p. 459, 26—460, 4 = Theoph. p. 61, 7—11.

G. p. 460, 6—22 = Rufin. c. 11, p. 521 B—522 A. Но въ текстъ Руфина здѣсь введена вставка изъ другого источника. G. 12 ἀνὴρ ἀξίεπαινος—16 Οὐαλεντινιανοῦ (cf. Paulini Ambros. vita. Teuffel, Gesch. d. röm. L. S. 1024. Schiller, Gesch. d. röm. Kaiserz. B. 2, S. 415), касающаяся служебной карьеры Амвросія до возведенія его въ санъ епископа Миланскаго.

G. p. 460, 23—461, 2 = Theodoret. H. Eccl. I. IV, c. 6 Ταῦτα μαθὼν ὁ βασιλεὺς — ἀπέφηνας (срв. Theoph. p. 60, 23—34). G. p. 461, 3—4 cf. Theoph. p. 60, 27—28. G. p. 461, 5—8 = Rufin. c. 12, p. 522 B, G. p. 8—16 = Theoph. p. 61, 27—62, 2. G. p. 461, 19—25 = Rufin. c. 12, p. 522 B (окончаніе главы, начало коей списано Георгіемъ p. 461, 5—8).

Источникъ дальнѣйшаго изложенія Георгія царствованія Граціана и Валентиніана обнаруживается изъ сопоставленія отрывка о тираннѣ Максимѣ G. p. 462, 5—8 съ текстомъ Іоанна Антиохійскаго fr. 186 (de insid.), § 2 (C. Müller, p. 608).

Io. Antioch. Αἰτία δὲ τῆς κατὰ Грациανοῦ κινήσεως τῷ Μαξιμῷ γέγονεν ἤδε. Οὗτος Θεοδοσίῳ τῷ βασιλεῖ κατὰ τὴν Βρεττανίαν συστρατεύσάμενος ἐν τοῖς Οὐαλεντος χρόνοις, δυσανασχετῶν, ὅτι Θεοδοσίος ἀπὸ Грациανοῦ βασιλείας ἠξιώθη, αὐτὸς δὲ οὐδὲ εἰς ἀρχὴν ἐντιμὸν ἔτυχε προελθῶν, ἤγειρε τοὺς ἐν Βρεττανίᾳ στρατιώτας εἰς τὸ κατὰ τοῦ βασιλέως ἔχθος καὶ ἀνηγορεύθη παρ' αὐτῶν βασιλεὺς. § 3. Τοῦ τοίνυν Грациανοῦ κατὰ τὸν εἰρημένον τρόπον ἀναιρεθέντος....

Georg. Μάξιμος δὲ τις Βρετανὸς δυσανασχετῶν, ὅτι Θεοδοσίος ὑπὸ Грациανοῦ βασιλείας ἠξιώται, ὡς μηδεμιᾶς τυχῶν τιμῆς, διήγειρε τοὺς ἐν Βρεττανίᾳ ἀντᾶραι Грациανῷ, ὄντινα καὶ ἀνεῖλε.

Въ виду такого сходства текста мы предполагаемъ, что

источникомъ текста Георгія р. 462, 1—12, которому нѣтъ точнаго соотвѣтствія ни въ церковныхъ исторіяхъ, ни у Теофана, былъ Іоаннъ Антиохійскій. Ниже Георгій сообщаетъ о назначеніи Θεодосія сопрavitелемъ и о смерти Граціана (срв. *Socrat.* l. V, с. 11, у Георгія по Руфину) по церковно-историческому источнику.

Изъ Іоанна Антиохійскаго или же изъ первоначальной хронографіи Малалы происходитъ, вѣроятно, описаніе землетрясенія у Георгія, р. 462, 12—463, 13, гораздо болѣе подробное, чѣмъ у Теофана р. 56, 10—21. G. р. 463, 17—465, 7 представляетъ нѣкоторыя сходства съ изложеніемъ исторіи возвышенія Θεодосія у Θεодорита и потому съ такъ называемой *Historia miscella*, авторъ коей Ландольфъ пользовался латинскимъ переводомъ *Historiae tripertitae* (срв. отмѣтки на поляхъ изданія Ландольфа при Евтропій въ *Monum. Germ. historica. Auctor. antiquiss.* Т. II. rec. et adnot. Н. Droysen), но другія подробности заставляютъ предполагать у Георгія особый источникъ. Этотъ источникъ отличается характеромъ панегирика Θεодосію, побѣдителю ереси и язычества.

G. р. 465, 8—466, 7, 467, 6—13 = *Rufin.* с. XIV (со словъ: *adsciscit Theodosium*), с. XV, с. XVI, с. XVII, р. 523 В—525 А, р. 525 А. Сюда вставлено изъ источника очевидно позднѣйшаго происхожденія, влагающаго въ уста Θεодосія наставленія Валентиніану въ правой вѣрѣ, — G. р. 466, 11—467, 5.

Послѣ извлеченія изъ Житія св. Арсенія, наставника сыновей Θεодосія В., G. р. 473, 3—10 = *Theoph.* р. 68, 7—13, р. 69, 4—7, G. р. 473, 11—20 заимствовано, вѣроятно, изъ церковно-историческаго компендія, срв. *Sozomen.* l. VII, с. 5, р. 1425 А, гдѣ находимъ оба толкованія названія церкви, приводимыя Георгіемъ (у Сократа l. V, с. 7, р. 573 В ихъ нѣтъ). Но Созоменъ не отмѣчаетъ дѣятельности эконома Маркіана, котораго Георгій упоминаетъ еще разъ р. 512, 2—5; также Сократъ говоритъ объ увеличеніи церкви позднѣйшими императо-

рамаи вообще. G. p. 473, 21—25 = Theoph. p. 69, 7—10; G. p. 474, 1—4 = Theoph. p. 69, 10—13¹⁾. G. p. 475, 3—19 = Theodoret. H. Eccl. l. V, c. 16, p. 516 (...ἀφίκετο μὲν ὁ θαυμασίος Ἀμφιλόχιος... ἀντιβोलῶν τοὺς τῶν Ἀρειανῶν—οὕτω συνεις ὁ βασιλεὺς... νόμον εὐδὺς ἔγραψε τοὺς τῶν αἰρετικῶν συλλόγους κωλύοντα). По словамъ Монфокона, въ описаніи списка Коаленева № 305, послѣ словъ: ὁ μισόκαλος δαίμων читается: ὡς φησι Θεοδώρητος; подобную же ссылку мы видѣли въ томъ же спискѣ хроники въ царствованіи Юліана. G. p. 475, 20—479, 3 = Theodor. c. 17, p. 516—517. Но въ началѣ разсказа нѣсколько словъ прибавлено изъ Малалы, p. 347, 16—19.

<p>Georg. p. 475, 21 Ἀπὸ γὰρ Κωνσταντι- νουπόλεως ἐξελθὼν ὁ βασιλεὺς ἐπὶ Ῥώμην τὴν ὁδοιπορίαν ἐποιεῖ- το. ἐν δὲ τῇ Θεσσα- λονίκῃ γενόμενος κα- τὰ πάροδον καὶ τῶν στρατιωτῶν αὐτοῦ πα- ραταξάντων τῇ πόλει διὰ μιτᾶτα ἐστασίασαν οἱ Θεσσαλονικεῖς καὶ τὸν βασιλέα μὲν ὕβρι- σαν, τινὰς δὲ τῶν ἀρ- χόντων αὐτοῦ ἐλιθοβό- λησαν. Ὁ δὲ ὑπὸ τῶν ἀγγελθέντων ἐξαφθεις καὶ μὴ ἐνεγκῶν τοῦ θυμοῦ τὴν Ῥώμην, τῷ</p>	<p>Theod. Θεσσαλο- νίκη πόλις ἐστὶ μεγί- στη... καὶ... τὸν ὕπαρ- χον ἡγούμενον ἔχει. ἐν ταύτῃ στάσεως γε- νομένης τινὸς κατε- λεύσθησαν ἀρχόντων τινές. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξαφθεις ὑπὸ ἀγγελ- θέντων οὐκ ἤνεγκε τοῦ θυμοῦ τὴν ὀρμὴν οὐδὲ τῷ χαλινῷ τοῦ λογισ- μοῦ τὴν τούτου Ῥώμην ἐκώλυσεν, ἀλλὰ τούτῳ τὴν ψῆφον ἐξενεγκεῖν τῆς τιμωρίας ἐπέτρεψε. ταύτην τὴν ἐξουσίαν ἐκεῖνος λαβὼν οἷα δὲ αὐτονόμος τε καὶ τύ-</p>	<p>Malal. Ὁ δὲ Θεο- δόσιος βασιλεὺς ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως ἐξελθὼν ἐπὶ Ῥώμην εἰσῆλθεν ἐν Θεσσαλο- νίκη πόλει καὶ τοῦ ὄντος μετ' αὐτοῦ στρα- τιωτικοῦ πλήθους διὰ μιτᾶτα ταραξάντος τὴν πόλιν ἐστασίασαν καὶ ὕβρισαν τὸν βασι- λέα οἱ Θεσσαλονικεῖς.</p>
---	--	--

1) Изъ неизвѣстнаго намъ источника происходитъ замѣтка объ удаленіи Григорія Назіанза, съ епископскою кафедрой и его смерти—G. p. 474, 5—9; о второмъ вселенскомъ соборѣ Георгіи сообщаетъ болѣе Θεοφана по специальному источнику.

ὑπάρχω τῆς πόλεως ραννος ἄδικα ξίφη—
 ἐκείνης τὴν ψῆφον τῆς ἐγύμνωσε καὶ τοὺς
 τιμωρίας ἐξενεγκεῖν ἀθώους κατέκτεινεν.
 ἐπέτρεψεν, δε ταύτην ἑπτὰ γὰρ ὡς φασιάνθη-
 ἐξουσίαν λαβῶν οἷα ρέδησαν χιλιάδες.
 δὲ αὐτονόμος καὶ τύ-
 ραννος ἄδικα ξίφη—
 ἐγύμνωσε καὶ τοὺς
 ἀθώους — κατέκτεινε
 χιλιάδας ζ'.

Любопытно здѣсь наблюдать, какъ риторическій слогъ церковнаго историка вводитъ въ заблужденіе позднѣйшаго лѣтописца. У Θεодорита олицетворяется θυμός императора, Георгіѣ относитъ τούτω къ упоминаемому выше ипарху города¹⁾. Затѣмъ ἀγγελεθέντων у Георгіа, сообщающаго, согласно Малалѣ, что Θεодосіѣ самъ былъ въ городѣ во время бунта и подвергся оскорбленію, является неумѣстнымъ.

G. p. 479, 3—5 cf. Sozom. H. Eccl. l. VII, c. 25, p. 1496 B, cf. Cramer p. 98, 18—19, Theoph. p. 73, 5—6.

G. p. 479, 8—12, 15—20 по содержанию соответствуетъ Θεодориту с. 19, но, такъ какъ текстъ Георгіа недостаточно близокъ къ нему, то надо предполагать между ними нѣкоторый промежуточный источникъ. G. p. 479, 13—14 = Theoph. p. 72, 14—17. G. p. 480, 25—28 = Theoph. p. 69, 30—32, cf. Sozom. l. VII, c. 10, p. 1441 A. G. p. 480, 29—481, 1 cf. Sozom. l. V, c. 22, p. 637 A. Сократъ не упоминаетъ однако другаго произведенія Иліодора, называемаго Георгіемъ. G. p. 481, 3—5 = Ἐκλ. Θεοδ. Ἀναγν. Ἀπὸ τοῦ β' βιβλ. Migne. Vol. LXXXVI, p. 213 A. G. p. 481, 6—18 cf. Sozomen. l. VII, c. 21, Cramer

1) По Θεοфану ипархъ самъ былъ убитъ, p. 113, 14 ed. Bonn. Созоменъ называетъ его по имени, но не такъ, какъ Θεοфанъ, опредѣляетъ его самъ. Θεοфанъ слѣдовалъ церковно-историческому компендію, p. 98, 6—8. Смертью ипарха (τοῦ ἡγουμένου τότε τῶν παρ' Ἰλλυρίοις στρατιωτῶν) и былъ вызванъ особенно гнѣвъ императора.

р. 97, 31—98, 5. G. р. 481, 19—482, 6 = Theoph. р. 71, 7—20. G. р. 482, 8—483, 12 = Rufin. H. Eccl. I. II, с. 23, р. 532—533 A, р. 530 ABC. G. р. 483, 13—20 = Theoph. р. 73, 7—14. G. р. 485, 1—27 = Rufin. с. 26, р. 535 A—C. G. р. 485, 27—486, 4 = Rufin. с. 30 (s. fin.), р. 538 A. G. р. 486, 5—17 = Rufin. с. 31, с. 32, р. 538 B—C. Подробности о жизни затворника Иоанна сообщаются также Палладиемъ Hist. Laus. с. 43 (Migne. Patrol. curs. Ser. gr. T. XXXIV, р. 1107 sqq.) вполне сходно съ Георгіемъ; но ни здѣсь, ни у церковныхъ историковъ (срв. Bolland. Acta Sanctt. Vol. III, Februar. р. 676) не приписывается Иоанну того участія въ побѣдѣ Θεодосія надъ Евгеніемъ, о которомъ говоритъ Георгій р. 487 sq. Напротивъ, Софроній Иерусалимскій (Βίος καὶ πολιτεία καὶ μαρτύριον τῶν ἁγίων Κύρου καὶ Ἰωάννου. Migne. Patrol. T. LXXXVII, р. 3685—3687) совершенно ту же роль въ побѣдѣ Θεодосія надъ Евгеніемъ приписываетъ нѣкоему Сенуфію (Σενούφιος). G. р. 488, 24—489, 5 cf. Theoph. р. 74, 11—19. G. р. 489, 9—12 = Theoph. р. 77, 24—25. G. р. 489, 13 = Theoph. р. 80, 5. G. р. 489, 16—19 = Cramer р. 98, 26—28, cf. Theoph. р. 75, 19—20, 24—26 (сравненіе текстовъ показываетъ, что здѣсь Георгій воспользовался церковно-исторической эпитомой). G. р. 489, 20 = Cramer р. 98, 28—29. G. р. 489, 21—22 = Dialogus de vita Chrysost. Palladii (Bibl. Vett. Patr. cura Andr. Gallandii presbyteri. 1772. Vol. VIII), р. 272 C ὁ Θεόφιλος.... ἔστι γὰρ δεινὸς ἐκ τῆς φανεραῆς ὄψεως ἀφανὲς τοῦ ἀνθρώπου βούλευμα καὶ γνῶμην συνιδεῖν. G. р. 489, 23 = Cramer р. 98, 29—30 (Theoph. р. 75, 20—21). G. р. 489, 24—25 = Theoph. р. 75, 21—22 (Исидоръ—ξεινοδόχος Ἀλεξανδρείας срв. Dialog. с. VI, р. 274 D). G. р. 490, 3—8 = Theoph. р. 75, 26—32. G. р. 490, 9—491, 2 = Dialog. с. V, р. 271 A—272 A. (G. р. 490, 12—15 соединено изъ соответствующаго мѣста діалога: περιτυχῶν γέροντι Σύρφ.... ἀπομιμῆται τὴν σκληραγωγίαν χρονίσας παρ' αὐτῶν δις δύο ἔτη и Theoph. р. 75, 33—34). G. р. 491, 3—19 происходитъ изъ другого источника. G. р. 493, 10—21 = Theoph. р. 78,

16—26. G. p. 493, 21—29 = Theoph. p. 78, 30—79, 4, 12—14. G. p. 494, 10—15 = Theoph. p. 78, 9—15. G. p. 494, 16—495, 3 = Theoph. p. 77, 8—18. G. p. 495, 4—7 cf. Sozom. l. VIII, 28, p. 1592 C (но источникъ Георгія отличается большими подробностями; у Sozom. с. 22 названъ *Κουκουσός*, но не определено время пребыванія здѣсь Іоанна, также возрастъ, въ какомъ умеръ Іоаннъ). Письмо папы Иннокентія G. p. 495, 10—18 въ полномъ видѣ находимъ у Никифора Каллиста l. XIII, с. 34, p. 1037 B—1040 A. G. p. 495, 19—20 = Sramer p. 99, 10—12 = Theoph. p. 79, 19—21. G. p. 496, 18—21 = Theoph. p. 79, 24—28. G. p. 21—23 cf. Sozom. l. XIII, с. 15, p. 1556 B—C. G. p. 497, 9—498, 2 = Λεϊμωνάριον Іоанна Мосха ¹⁾, с. 128 (Migne. T. LXXXVII), p. 2992 C—2993 B. Текстъ вполне сходенъ съ текстомъ Мосха.

Замѣтки о перенесеніи мощей пророка Самуила G. p. 498, 5—7 срв. Theod. Lect. Migne, p. 213 B, Chr. Pasch. p. 569, 12—18, p. 570, 26—571, 2³⁾; о набѣгѣ Исавровъ G. p. 498, 3—4 (срв. Mal. p. 363, 15—19) переставлено изъ другого мѣста. G. p. 498, 8 = Mal. p. 349, 5—6.

G. p. 498, 10 sq. cf. Theoph. p. 82; 9. G. 11—12 = Mal. p. 366; 19—21; G. 13—14 = Theoph. p. 102, 10—12; G. p. 15—17 (срв. Pasch. p. 583, 3—4) происходитъ, вѣроятно, изъ болѣе полного текста Малалы, чѣмъ дошедшій до насъ оксфордскій (срв. нашу статью въ Учен. Зап. Каз. Унив. 1890 г., кн. V, гдѣ многія сообщенія Евагрія о постройкахъ въ Антиохіи мы производимъ отъ Малалы); G. 18—19, cf. p. 360, 8, Theoph. p. 88, 31—32. G. p. 498, 20—499, 5 срв. Mal. p. 363, 20—364, 2, p. 363, 9—10, Theoph. p. 93, 5—6 (въ вышеупомянутой статьѣ стр. 121 сл.), срв. Euag. l. III, с. 17. G. p. 499,

1) Другія заимствованія Георгія изъ Pratum: G. p. 355, 15—356 = сар. 176, p. 3044 B—3045 D; G. p. 573—575 = сар. 195, p. 3077 A—79 D; G. p. 641—42 = сар. 192, p. 3071 A—C.

2) Въ Pasch. мощи помѣщены сначала въ Великой церкви, позже въ его профитагоу. Срв. Theoph. p. 231, 18 упоминается храмъ Самуила ἐν Ἐρζόμῳ, какъ у Георгія.

6—11=Theoph. p. 93, 5—17; G. p. 12—13 вѣрѣе изъ Маллы, такъ какъ онъ сообщаетъ о нихъ p. 369, 10, p. 371, 9 sqq. G. p. 499, 14—16=Theoph. p. 81, 17—19, Cramer. p. 99, 32—34; сопоставленіе текстовъ доказываетъ, что Георгій воспользовался Теофаномъ, а не непосредственно эпистоμѣй.

Г. Ἀττικῶν δὲ πατριάρχωντος Ἰουδαῶν τινα παράλυτον νοθετήσας, εἶτα βαπτίσας, ὑγιῆ παραδόξως ἐκ τῆς κολυμβήθρας ἀνήγαγεν.

Theoph. Τοῦτω τῷ εἶπει Ἀττικὸς ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Ἰουδαῶν τινα παραλυτικὸν νοθετήσας, πείσας τε καὶ βαπτίσας, ὑγιῆ ἐκ τῆς κολυμβήθρας ἀνήγαγεν.

Cram. Ἀττικὸς ὁ ἐπίσκοπος... ἐπὶ αὐτοῦ δὲ Ἰουδαῖος παραλυτικὸς προσελθὼν καὶ βαπτισθεὶς ὑγιῆς ἐκ τῆς κολυμβήθρας ἀνῆλθε.

Сообщенія о третьемъ вселенскомъ соборѣ независимы отъ Теофана. Въ спискѣ патріарховъ G. p. 500, 27—29 опущенъ Максиміанъ (Theoph. p. 91, 10) между Несторіемъ и Прокломъ.

(G. p. 501, 1 cf. p. 502, 10—15; G. p. 2—3 cf. Theoph. p. 86, 22, Cramer p. 100, 20). G. p. 501, 1—3=Theod. Lect. Migne. p. 216 A Ἐπὶ τῆς αὐτοῦ (Θεοδοσίου τοῦ νέου) βασιλείας ἀπετέθησαν τὰ λείψανα τῶν ἁγίων Στεφάνου καὶ Λαυρεντίου... Ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας καὶ Πρόκλου πατριάρχου ἠνέχθη τὸ λείψανον τοῦ Χρυσοστόμου καὶ κατετέθη ἐν τοῖς ἁγίοις Ἀποστόλοις. G. p. 501, 4—16=Mal. p. 364, 3—18. G. p. 501, 17—502, 8 вставка изъ какого нибудь житія или Сборника отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни святыхъ отшельниковъ, вродѣ Λειμωναρίου Ἰωάννα Москва ¹⁾. G. p. 502, 16—504, 7=Mal. p. 353, 7—19, 19—20, p. 354, 4—5, 8—15, p. 355, 7—8, 8—10, 14. G. p. 503, 9—504, 7=Mal. p. 356, 17—358, 5. G. p. 504, 8—9=Theoph. p. 97, 26—29; G. p. 10—12=Theoph. p. 94, 11—15; G. p. 14—23=Theoph. p. 103, 8—16. G. p. 504,

1) G. p. 502, 10—15=Theoph. p. 92, 37—9 3, 5, Cramer. p. 100, 26—30.

24—505, 4=Theoph. p. 106, 25—29. G. p. 505, 5—9=Cramer p. 99, 21—22, 23—26=Theoph. p. 81, 8—12; Γεοργίῳ νόσποльзовался здѣсь эпитомой независимо отъ Θεοφана:

<p>Theoph. Θεοδόσιον δὲ τὸν ἀδελφὸν ἐπαίδευσε σοφωτάτη τυγχάνουσα καὶ θεῖον νοῦν κεκτημένη. τὸν δὲ ἀδελφὸν Θεοδόσιον πρὸ πάντων μὲν εἰς τὴν κατὰ θεὸν εὐσέβειαν. ἔπειτα δὲ καὶ εἰς ἡθὸς καὶ λόγον καὶ βάδισμα καὶ γέλωτα καὶ στολὴν καὶ καθέδραν καὶ στάσιν βασιλικῶς ἐξ-επαίδευσεν.</p>	<p>G. καὶ γὰρ ἦν αὕτη πάσῃ σωφροσύνη κεκοσμημένη. αὕτη γὰρ καὶ τὸν ἀδελφὸν Θεοδόσιον ἐξεπαίδευσεν εἰς πάντα οἶον ἡθὸς τε καὶ λόγον, βάδισμα τε καὶ γέλωτα καὶ ἐνδυμάτων περιβολὴν καὶ σχῆμα καθέδρας καὶ στάσιν. προηγουμένως δὲ τὴν εἰς τὸ θεῖον εὐσέβειαν ἐπιμελῶς αὐτὸν ἐδίδασκεν.</p>	<p>Cram. Ἐπαίδευε καὶ τὸν ἀδελφὸν Θεοδόσιον. σοφωτάτη γὰρ οὔσα καὶ θεῖον νοῦν κεκτημένη, εἰς πάντα δὲ τὸν ἀδελφὸν ἐκαλόνοιζεν, ἡθὸς τε καὶ λόγον καὶ βάδισμα καὶ γέλωτα καὶ ἐνδυμάτων περιβολὴν καὶ σχῆμα καθέδρας καὶ στάσεως βασιλικῶς ἐπαίδευσεν· πρὸ δὲ γε ἀπάντων τὴν εἰς τὸ θεῖον εὐσέβειαν ἐπιμελῶς αὐτὸν ἐδίδασκεν.</p>
--	---	---

G. p. 505, 10—16=Theoph. p. 101, 13—17. G. p. 505, 18—506, 14=Theoph. p. 104, 2—105, 2. G. p. 506, 15—16=Theoph. p. 97, 27—29. G. p. 506, 17, 18=Theod. Lect. p. 165 sq. Μαρκιανός... ἀνηγορεύθη βασιλεὺς... ὃς εὐθύς ἐκέλευσεν ἄρχοντα ἐπὶ δόσει μὴ γίνεσθαι. G. p. 506, 20—21=Theoph. p. 109, 27—30 = Cramer p. 101, 24—25 = Theod. Lect. p. 169 A. Сопоставление текстовъ опять показываетъ независимость Γεοργίῳ отъ Θεοφана:

<p>G. Ἐν δὲ ταῖς γινομέναις ἐν τῷ Κάμπῳ λιταῖς πεζὸς ἐξήρχετο σὺν τῷ πατριάρχῃ Ἀνατολίῳ πολλὰς δωρεὰς τοῖς πένησιν παρεχόμενος.</p>	<p>Theoph. ὅστις ἐν ταῖς λιταῖς τοῦ Κάμπου πεζὸς ἐξῆι πολλὰ τοῖς δεομένοις εὐποιῶν. ὅθεν τοῦτον ὄρων ὁ πατριάρχης Ἀνατόλιος καὶ αὐτὸς ...ἐλιτάνευε ...πεζός.</p>
---	--

Gram. Ἐν ταῖς λιταῖς, ταῖς
 γινομέναις ἐν τῷ Κάμπῳ, πεζὸς
 Μαρκιανὸς ἐξερχόμενος πολλὰς
 τοῖς δεομένοις ὠρεὰς παρεῖχεν...
 Ἀνατόλιον δὲ... ὁ δὲ Μαρκιανὸν
 βλέπων πεζεύοντα καὶ αὐτὸς πε-
 ζεύων ἐλιτάνευεν.

Th. L. Ἐν ταῖς λιταῖς ταῖς
 γενομέναις ἐν τῷ Κάμπῳ πεζὸς
 Μαρκιανὸς ἐξερχόμενος πολλὰς
 τοῖς δεομένοις ὠρεὰς παρεῖχεν
 ...Ἀνατόλιον δὲ... ὁ δὲ Μαρκιανὸν
 βλέπων πεζεύοντα καὶ αὐτὸς πε-
 ζεύων ἐλιτάνευεν.

Текстъ Ἐκλογῶν Крамера тождественъ съ текстомъ Theo-
 дора Чтеца. Къ нему приближается болѣе текстъ Георгія, чѣмъ
 Θεοφана.

Сообщенія Георгія о четвертомъ вселенскомъ соборѣ неза-
 висимы отъ Θεοφана. G. p. 507, 22—27 = Theod. L. p. 205
 A—B, G. p. 508, 1—509, 25 = Theodoret. Φιλοθέος ἱστορία,
 с. 26, p. 633 (по изд. Евгенія)—635, G. p. 510, 17—19 въ
 отрывкахъ церковно-исторической эпитомы не сохранилось.
 G. p. 20—22 = Theod. L. p. 168 C, cf. Theoph. p. 105, 13—
 15, p. 106, 25.

Theoph. p. 106, 25
 Τούτῳ τῷ ἔτει
 Πουλχερία ἡ μακαρία
 καὶ εὐσεβῆς ἐκοιμήθη.
 p. 105, 13—15 ἡ δὲ
 μακαρία Πουλχερία
 πολλὰς μὲν καὶ ἄλλας
 ἀνήγειρε τῷ Χριστῷ
 ἐκκλησίας, ἐξαιρέτως
 δὲ τὴν ἐν Βλαχέρναις
 τῆς πανυμνήτου δεσ-
 ποίνης ἡμῶν θεοτόκου.

G. Τῷ δὲ τρίτῳ
 ἔτει τῆς αὐτοῦ βασι-
 λείας Πουλχερία ἡ εὐ-
 σεβῆς ἐτελεύτησε παρ-
 σθένος, ἣτις ἔκτισε τὸν
 ναὸν τῆς ὑπεραγίας
 θεοτόκου, τὰ Χαλκο-
 πράτεια καὶ τὸν ἐν
 Βλαχέρναις.

Th. L. Πουλχερία
 ἡ εὐσεβῆς ἐτελεύτη-
 σε... ἔκτισε δὲ καὶ εὐ-
 κτηρίους οἴκους Πουλ-
 χερία πολλοὺς τὸν ἐν
 Βλαχέρναις, τὸν Χαλ-
 κοπρατίων κ. τ. λ.

Здѣсь также ясно обнаруживается независимость Георгія
 отъ Θεοφана. Сообщение о смерти Маркіана, какъ раньше о
 смерти Θεοδοσία Младшаго и Аркадія, G. p. 510, 23—24 взято
 у Мазалы p. 368, 17—18 Μαρκιανὸς.... ἐστύφθη τοὺς πόδας αὐ-

τοῦ. καὶ ἐξ αὐτοῦ ἀρροστήσας ἐπὶ μῆνας πέντε καὶ σαπτεὶς ἐτελεύτα, у Θεοφана р. 109, 23 только: τούτω τῷ ἔτει Μαρχιανὸς ὁ βασιλεὺς ἐτελεύτησε.

Въ разобранной нами первой части четвертой книги хроники Георгія рядомъ съ Θεοφаномъ лѣтописецъ въ большихъ размѣрахъ пользуется церковно-историческими трудами Θεодорита и Руфина, а также эпитомою и хронографіею Малалы ¹⁾. Кромѣ того агіографическая литература дала ему много матеріала частью въ цѣлыхъ житіяхъ (св. Сильвестра, св. Арсенія, св. Іоанна Златоуста), частью въ сборникахъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни святыхъ (*Historia Laus. Палладія, Δειμωνάρχιον* Іоанна Мосха и быть можетъ еще подобный источникъ). Изъ особыхъ источниковъ происходятъ сообщенія о вселенскихъ соборахъ и богословскія отступленія.

De Boog въ своемъ изслѣдованіи части лѣтописи Георгія, содержащей царствованія Льва, Зинона и Анастасія (*Histor. Unters. A. Schäfer gewidmet. 1882*), указываетъ въ числѣ его источниковъ: Θεοφана, Малалу и церковно-историческій компендіи. Раздѣляя предположенія de Boog'a объ этомъ послѣднемъ, мы полагаемъ тѣмъ не менѣе, что нельзя отрицать самостоятельнаго пользованія Георгія Θεодоритомъ и Руфиномъ.

Съ царствованіемъ Юстиніана В. прекращаются два источника Георгія: хронографія Малалы и церковно-историческая эпитома, коей послѣдній отрывокъ, заимствуемый Георгіемъ р. 527, 9—10, относится къ этому царствованію. Потому Θεοфанъ становится теперь преобладающимъ и позднѣе почти единственнымъ источникомъ Георгія. Однако еще раньше, въ царствованіяхъ Юстина I и той части царствованія Юстиніана В., которая еще сохранилась въ хронографіи Малалы, нашъ лѣто-

1) Только въ одномъ мѣстѣ констатировали мы заимствованіе изъ Іоанна Антіохійскаго (G. р. 462, 5—8), которое, быть можетъ, не есть непосредственное извлеченіе изъ этого автора. Впрочемъ рассказъ Георгія о сверженіи Фоки также представляетъ большое сходство съ эскуріальскимъ фрагментомъ Іоанна Антіохійскаго (*Hermez. V. VI, S. 366*).

писецъ перестаетъ пользоваться послѣднимъ непосредственно, предпочитая сокращеніе и пересказъ Θεοφана. Въ доказательство сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

<p>Th. p. 171, 29— 32. Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει ἀνεφάνη γυνή τις ἐκ τῆς Κιλικίας γιγαντο- γενής, ὑπερέχουσα τῇ ἡλικίᾳ πάντα ἀνδρω- πον τέλειον πῆχυν ἕνα καὶ πλατεῖα σφόδρα. γυρεύουσα δὲ τὰς πό- λεις ἐλάμβανε κατ' ἐργαστήριον φόλλιν μίαν.</p>	<p>G. p. 525, 11— 15. Καὶ γυνή τις ἀνε- φάνη γιγαντιαία ἐκ Κιλικίας οὔσα, ὑπερέ- χουσα τῇ ἡλικίᾳ ἅπαν- τα ἀνδρωπον πῆχυν ἕνα, καὶ πλατεῖα ἦν σφόδρα ὥστε θαυμά- ζειν τοὺς ὁρῶντας αὐ- τὴν καὶ ἐν τοῖς ἐργα- στηρίοις καὶ οἴκοις αὐ- τῇ ἐδίδδουν ἀνά ὀβολοῦ.</p>	<p>Mal. p. 412, 4—9. Καὶ ἐν αὐτῷ τῷ χρόνῳ ἀνεφάνη γυνή τις ἐκ τῆς χώρας τῆς Κιλι- κίας γιγαντογενής, ὑπερέχουσα τὴν ἡλι- κίαν εἰς μῆκος τε καὶ πλάτος ἀνδρωπον ὑπερ- τέλειον πῆχυν ἕνα. ἣτις προσαιτοῦσα πε- ριῆλθε πᾶσαν τὴν Ῥω- μαίων πολιτείαν. εὐρέ- θη δὲ ἡ αὐτὴ καὶ ἐν Ἄντιοχείᾳ τῇ μεγάλῃ, ἣτις ἐκομίζετο ἀπὸ ἐκάστου ἐργαστηρίου μίαν φόλλιν.</p>
--	---	---

ὑπάρχουσα текста оксфордской рукописи Малалы, при ὑπερέχουσα Θεοφана и Георгія, несомнѣнно испорченное чтеніе. Текстъ Георгія и по сокращенію и по отдѣльнымъ выраженіямъ ближе къ Θεοфану, чѣмъ къ Малалѣ. Нѣкоторыя отступленія текста синодальной рукописи и отъ Θεοφана и отъ Малалы, быть можетъ, слѣдуетъ считать измѣненіемъ его въ позднѣйшей редакціи хроники.

Другой примѣръ:

<p>Theoph. p. 171, 18—27. Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει κατεποντίσθη ὑπὸ θεομηνίας ὑδάτων τοῦ</p>	<p>G. p. 526, 3—9. Ἐπὶ αὐτοῦ Ἔδεσα πό- λις, Σκιρτοῦ ποταμοῦ μέσον αὐτῆς διερχο-</p>	<p>Mal. p. 418, 8— 19. Ἐν αὐτῷ δὲ τῷ χρόνῳ κατεπόθη ὑπὸ θεομηνίας ὑδάτων πο-</p>
---	---	--

ποταμοῦ Ἐδεσα πόλις μεγάλη και περιβόητος, τῆς Ὀσρονηῆς ἐπαρχίας μητρόπολις. ὁ γάρ Σκιρτός ποταμός διὰ μέσου αὐτῆς παρερχόμενος πλοῦτον αὐτῇ πολὺν και τέρψιν παρέχει. τὸ τηνικαῦτα δὲ πλημμυρήσας δίκην θαλάσσης τοὺς οἴκους σὺν τοῖς οἰκοῦσι σύρων ἐπόντιζεν. λόγος δὲ κρατεῖ ἐν αὐτοῖς τοῖς περισθεῖσιν, ὅτι και ἄλλοτε ἐπόρθησε τὴν πόλιν ὁ αὐτός ποταμός, ἀλλ' οὐχ οὕτως. μετὰ δὲ τὸ παῦσαι τὰ ὕδατα εὐρέθη πλάξ λιθίνη ἐν τῇ ὄχθῃ τοῦ ποταμοῦ, γεγραμμένη ἱερογλυφικοῖς γράμμασιν, ἔχουσα οὕτως· Σκιρτός ποταμός σκιρτήσῃ κακὰ σκιρτήματα πολίταις.

μένου και πλοῦτον και τέρψιν αὐτῇ παρερχόμενος, πλημμυρήσας τάυτην σὺν τοῖς συνοίκοις ἐπόντισεν. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι τὰ ὕδατα πλάξ λιθίνη εὐρέθη ἐν τῇ τοῦ ποταμοῦ ὄχθῃ ἱερογλυφικοῖς γράμμασιν ἐγκεκολαμμένη περιέχουσιν οὕτως· Σκιρτός ποταμός σκιρτήσῃ κακὰ σκιρτήματα πόλει και πολίταις.

ταμαίων Ἐδεσα πόλις μεγάλη τῆς Ὀσρονηῆς ἐπαρχίας ἐν ἐσπέρα, τοῦ αὐτοῦ ποταμοῦ κατὰ μέσον τῆς πόλεως παρερχόμενου τοῦ λεγομένου Σκιρτου, αὐτανδροὶ σὺν τοῖς οἴκοις ἀπώλοντο. ἔλεγον δὲ οἱ περισθεῖντες και οἰκοῦντες τὴν αὐτὴν πόλιν, ὅτι και ἐν ἄλλῳ καιρῷ κατέκλυσε τὴν αὐτὴν πόλιν ὁ αὐτός ποταμός, ἀλλ' οὐχ οὕτως ἀπώλεσε... μετὰ δὲ τὸ παυθῆναι τὴν ὀργὴν... εὐρέθη πλάξ λιθίνη μεγάλη, ἐν ἣ ἐπεγέγραπτο ἐν γλυφῇ ταῦτα· Σκιρτός ποταμός σκιρτήσῃ κακὰ σκιρτήματα πολίταις.

О состоянии приведеннаго текста Малалы срв. въ нашей статьѣ: Іоаннъ риторъ. Учен. Зап., стр. 117.

Последній примѣръ приведемъ изъ царствованія Юстиніана В.

Theoph. p. 232, Georg. p. 539, Mal. p. 489, 15—13—16. Τῷ δὲ φεβρουαρίῳ μηνὶ γέγονε θνησις ἀνθρώπων ἀπὸ βουβῶνος, μάλιστα δὲ τοῖς νέοις, ὥστε μὴ ἐπαρκεῖν τοὺς ζῶντας θάπτειν τοὺς τεθνεῶτας, ἐπεκράτησε δὲ ἡ θνησις ἀπὸ μηνὸς φεβρουαρίου ἕως μηνὸς Ἰουλίου.

17—19. Ἐπι μὴν αὐθις ἐπεγένετο θανατικὸν ἐκ νοσήματος τοῦ λεγομένου βουβῶνος μῆνας δ' καὶ οὐχ ἦτον διέφθειρε τοῦ προτέρου θανατικοῦ πασαν τὴν πόλιν καὶ τὰ πόρρω ταύτης.

16, 17—18. Μηνὶ φεβρουαρίῳ... γέγονε θνησις ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπὸ βουβῶνων... ἐπεκράτησε δὲ ἡ αὐτὴ φοβερὰ τοῦ θεοῦ ἀπειλὴ ἐπὶ μῆνας ἕξ.

Только нѣкоторыя сообщенія Малалы, не вошедшія въ хронику Θεοφана, заимствованы Георгіемъ прямо изъ хронографіи.

Царствованіе Юстина I. G. p. 524, 1—2 = Theoph. p. 164, 16, 165, 1, число лѣтъ царствованія p. 164, 24. У Θεοφана Юстинъ—Ἰλλυριὸς τῷ γένει, у Георгія—Θράξ, въ этой подробности онъ слѣдовалъ Малалѣ p. 410, 2. G. p. 524, 4—6 = Theoph. p. 165, 4—7, G. 7—8 = Th. p. 166, 19—21, G. 9—15 = Th. p. 165, 24—28, G. 16—18 = Th. p. 169, 13—16, G. 19—20 = Græg. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τ. ἐκκλ. ιστ. p. 110, 17—19, G. 21—22 cf. Th. p. 166, 6—8 = Mal. p. 411, 11—13, быть можетъ текстъ Георгія представляетъ извлеченіе изъ церковно-историческаго компендія, какъ и предшествующая замѣтка о празднованіи Срѣтенія. G. p. 524, 23—24 о землетрясеніи въ Константинополѣ перенесено, вѣроятно, какъ ниже замѣтка о землетрясеніи въ Помпейуполѣ p. 525, 7—10 изъ царствованія Юстиніана, срв. Mal. p. 488—489, Ἐκλογαὶ p. 113, 31—114, 5, Theoph. p. 216, 17—20. G. p. 524, 24—525, 6 = Theoph. p. 172, 13—18, G. p. 525, 7—10 = Th. p. 216, 17—20, G. 11—15 = Th. p. 171, 29—32, G. 16—20 = Th. p. 173, 1—5, G. 21—22 = Th. p. 173, 16, 18—19, G. p. 525, 23—526, 2 = Th. p. 166, 2—3, G. p. 526, 10—17 пе-

ренесено опять изъ царствованія Юстиніана=Mal. p. 439, 8—440, 13 (въ сокращеніи).

Царствованіе Юстиніана В. G. p. 526, 19—20 cf. Th. p. 173, 15—16, число лѣтъ царствованія срв. p. 216, 29. G. p. 526, 20 cf. Th. p. 217, 17—18, G. 22—24 = Th. p. 216, 23—24. Все это сообщеніе объ освященіи св. Софіи вѣроятно содержалось и въ церковно-историческомъ компендіи, срв. Cramer p. 112, 34—113, 3, p. 114, 26—31. Объ основаніи св. Софіи Констанціемъ Ἐκλογαί p. 94, 24 sqq. G. p. 527, 1—8 = Th. p. 177, 18—19, p. 176, 20—22, p. 177, 24—178, 2—4, 7, G. p. 527, 9—10 = Cramer p. 114, 23—25, G. p. 528, 4—7 = Th. p. 224, 29—33, G. 8—15 = Th. p. 181, 26—27, 31, p. 184, 18—19, p. 185, 3—4, G. p. 538, 2—17 = Mal. p. 482, 5—11, G. 17—19 = Th. p. 226, 11—12, G. p. 538, 20—539, 2 = Th. p. 227, 21—24, p. 228, 2—4, G. p. 539, 2—5 = Th. p. 229, 6—10, G. 6—7 = Th. p. 230, 33—231, 1, G. 8—12 = Th. p. 231, 15—17, 21—23, 34, G. 12—16 = Th. p. 232, 2—6, G. 17—19 = Th. p. 232, 13—16, G. 20—22 = Th. p. 177, 23—25, 31—32, G. p. 539, 22—26 cf. G. p. 527, 5—8, G. p. 540, 1—5 = Th. p. 181, 14—19, G. 5—7 = Th. p. 186, 3—5, G. 7—8 = Th. p. 202, 11—12, G. p. 540, 11—541, 2 = Th. p. 224, 15—27, G. p. 541, 3—8 = Th. p. 225, 5—10, G. 9—14 = Th. p. 177, 11—17. Въ замѣткѣ о постройкѣ моста G. p. 548, 10—12 въ текстѣ Георгія находимъ ссылку на историка Прокопія, которой нѣтъ у Θεοφана p. 234, 15—18. Въ панегирикѣ Юстиніану Прокопія, De aedificiis, p. 315 ed. Bonn., находимъ дѣйствительно сообщеніе о томъ же мостѣ, о которомъ говорятъ Георгій. Изъ словъ Прокопія слѣдуетъ, что мостъ еще только строился¹⁾. Сочиненіе

1) Procop. Βασιλεὺς δὲ Ἰουστινιανὸς γέφυραν αὐτῆ ἐγχεχεῖρηκεν ἐποικοδομεῖσθαι ταυῦν. ἀρξάμενός τε τοῦ ἔργου ἤδη πολλὴν ἐς αὐτὸ διατριβὴν ἔχει. ὅπερ, εὖ οἶδα, ὅτι ὑποτελέσει οὐ πολλῶ ὕστερον, τεκμηριούμενος, ὅτι δὴ αὐτῶ τὰ ἔργα συνεπιλαμβάνεται ὁ θεὸς ἅπαντα. У Θεοφана и Георгія очевидно говорится о мостѣ уже вполне законченномъ, какъ одномъ изъ удивительнѣйшихъ сооружений императора.

Прокопія въ 6-ти книгахъ издано во всякомъ случаѣ при жизни Юстиніана (точнѣйшее опредѣленіе времени, срв. F. Dahn. Procorius v. Caes. S. 38). Но Георгій говоритъ уже о восьми λόγοι сочиненія Прокопія о зданіяхъ и сооруженіяхъ Юстиніана и о мостѣ, повидимому уже готовомъ. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить о позднѣйшей обработкѣ и распространеніи Прокопіемъ своего труда?

G. p. 548, 13—16 = Th. p. 240, 31—241, 5, G. p. 548, 18—549, 1 = Th. p. 189, 18—19, 15—16, p. 196, 14; p. 197, 11—13, p. 213, 19—22, G. p. 549, 11—23 = Th. p. 197, 14—27, G. p. 549, 24—550, 8 = Th. p. 219, 19—20, 22, 26—27, 12—15, p. 221, 30—222, 1. Изъ другого источника происходятъ извѣстія о судьбѣ Велизарія G. p. 549, 2—10, p. 550, 9—11.

Во всемъ остальномъ своемъ лѣтописномъ трудѣ до самаго царствованія Михаила I, за которымъ прерывается хроника Теофана, Георгій, за немногими исключеніями, даетъ извлеченіе изъ болѣе подробнаго и послѣдовательнаго разсказа своего предшественника. Большія отступленія отъ Теофана и прибавки къ нему представляютъ только царствованія Фоки, Ираклія и Льва Исаврійца. Какъ здѣсь онъ воспользовался трудами Никифора Константинопольскаго или нѣкоторымъ общимъ съ нимъ источникомъ и житіями, такъ и для отступленій о Магометѣ, о Св. Землѣ, въ исторіи вселенскихъ соборовъ, въ легендахъ ему пришлось прибѣгнуть къ особымъ источникамъ.

Царствованіе Юстина II. Число лѣтъ царствованія срв. Theoph. p. 241, 19. G. p. 550, 13—14 = Th. p. 241, 26—27, G. 14—16 = Th. p. 242, 10—11, 20—23.

Царствованіе Тиверія. Число лѣтъ срв. Th. p. 249, 14. G. p. 551, 24—553, 12 = Th. p. 249, 22—250, 13. Незначительное разногласіе съ Теофаномъ находимъ здѣсь лишь въ словахъ, которыя восклицаетъ народъ въ ипподромѣ: G. p. 553, 2 Ἀναστασίας Αὐγούστης πολλὰ τὰ ἔτη, Th. Ἀναστασία Αὐγούστα τούβικας (tu vincas), σῶσον, Κύριε, οὗς ἐκέλευσας βασιλεύειν. G. p. 553,

13—14 = Th. p. 251, 16—17, G. p. 553, 15—554, 3 = Th. p. 251, 25—252, 1 (въ сокращеніи).

Царствованіе Маврикія. G. p. 554, 5—7 cf. Th. p. 252, 17, 11, p. 272, 22—23, G. p. 554, 8—11 = Th. p. 253, 26—29, p. 256, 7—9, 22—24, G. 12—17 = Th. p. 261, 14—15, p. 265, 28—266, 2. У Георгія добавленіе къ Теофану—(16—17) *ἀπαρτήσας καὶ τὸ ἐν αὐταῖς (Βλαχέρναις) δημόσιον λουτρόν*. G. p. 554, 18—20 = Th. p. 257, 11, p. 258, 4, 8, G. p. 554, 21—555, 2 = Th. p. 268, 3—4, 16—21, G. p. 555, 3—6 = Th. p. 272, 31—273, 1, G. 7—8 = Th. p. 268, 21—22. У Георгія императоръ возвращается p. 555, 9—10 въ виду зловѣщихъ предзнаменованій, у Теофана вслѣдствіе прибытія персидскихъ и франкскихъ пословъ, кромѣ того одно изъ предзнаменованій G. p. 555, 11—12 находимъ только у Георгія. G. p. 555, 15—25 = Theoph. p. 280, 20—281, 1, но G. p. 556, 1—3, вмѣстѣ съ послѣдующими описаніями крокодила и его умерщвленія выд-рою, опять не находимъ у Теофана. G. p. 556, 19—557, 8 = Th. p. 278, 14—16, 32—34 (причемъ у Георгія *Σχύθαι* и *Σχύθης* при *Χάγανος* и *Ἀβάρεος* Теофана), p. 279, 4—5, 14, p. 279, 28—280, 8, G. p. 557, 9—10 = Th. p. 280, 10—12, G. p. 557, 10—559, 2 = Th. p. 284, 22—286, 14 (въ сокращеніи), G. p. 559, 3—7 = Th. p. 281, 13—18, G. 8—10 = Th. p. 286, 14—17, G. 10—12 = Th. p. 287, 5—7, G. 13—14 = Th. p. 287, 8—9, G. 15—21 = Th. p. 288, 21—29, G. 22—23 = Th. p. 289, 23, G. p. 560, 1—4 = Th. p. 288, 29—289, 2, p. 290, 14—15.

Царствованіе Фоки. G. p. 560, 9—10 = Th. p. 289, 24—25, G. p. 560, 11—561, 3 = Th. p. 289, 27—290, 12, G. p. 561, 6—8 = Th. p. 291, 2—4, G. 11—12 cf. Th. p. 291, 14—16. Но у Теофана жена и дочери Маврикія помѣщены *ἐν οἰκίᾳ ἰδιωτικῇ, ἐπιλεγομένῃ τοῦ Λέντος*, у Георгія заключены въ монастырь, какъ сообщаетъ и Chronicon Pasch., но относительно одной Константины p. 695, 2—3. G. p. 561, 13—18 = Th. p. 291, 17—25, G. 19—22 = Th. p. 295, 7 sqq., G. p. 561,

23—562, 3 = Th. p. 290, 12—16, G. p. 562, 6—8 = Th. p. 296, 5—6, p. 297, 11—12, G. 9—19 = Th. p. 296, 26—297, 4, G. p. 562, 22—563, 2 cf. Theoph. p. 295, 26—296, 1, G. p. 563, 3—7 cf. Theoph. p. 298, 16—18. У Θεοφана, согласно Георгію Писидійскому (Heracliad. Aesopas. II, v. 24 εἶδος τῆς ἀχράντου παρθένου), Ираклій, отправляясь противъ Фоки, беретъ съ собою образъ Богородицы, у Георгія — Нерукотворенный Образъ, который у Θεοφана императоръ беретъ въ походъ въ Персію (Theoph. p. 303, 18—19, 21 = G. p. 567, 13—14) и который раньше его даетъ побѣду надъ Персами Филиппику¹⁾. G. p. 563, 8—10 = Theoph. p. 299, 5—7. Но слѣдующій рассказъ Георгія о захватѣ Фоки Фотиномъ (Фотіемъ) и казни его происходитъ опять не изъ Θεοφана, у котораго находимъ только краткую замѣтку о сожженіи трупа убитаго народомъ тирана. Chronicon Pasch. p. 700—701 говоритъ объ издѣвательствѣ надъ трупомъ подробнѣе. Но ближе всего рассказъ Георгія подходитъ къ изложецію Никифора (Breviarium, p. 5, 1—13 ed. Bonn.) и Иоанна Антиохійскаго во фрагментахъ, изданныхъ Mommsen'омъ (Hermes. V. VI, S. 366). Такъ какъ текстъ Никифора сокращеніе текста Георгія (у него не находимъ: G. p. 563, 14 ἀτίμως ἐκ τοῦ θρόνου ἀναστήσας, 16 καὶ κλοῖα τῶ τραχήλῳ αὐτοῦ περιδείς, 17 καὶ πρῶτον μὲν ἐκέλευσε Ἡράκλειος αὐτοῦ τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας ἐκκοπῆναι, p. 564, 3 ἔπειτα δὲ τὴν κεφαλὴν μαχαίρᾳ τμηθῆναι, 4 κατεσχελετωμένον), то мы считаемъ источникомъ нашего лѣтописца Иоанна Антиохійскаго, заимствование изъ коего мы уже указали у Георгія p. 462. Если въ текстѣ извлеченій изъ Иоанна константинова сборника и не заключается всего текста рассказа о гибели Фоки Георгія, то это легко объяснимо сокращеніемъ первоначальнаго текста Иоанна въ эксцерптахъ. Такимъ образомъ сходство текстовъ Никифора и Георгія въ отдѣльныхъ выраженіяхъ объясняется тѣмъ, что они пользовались общимъ источникомъ, Иоанномъ Антиохійскимъ.

1) Theoph. p. 393, 13—15 ed. Bonn.

Царствованіе Ираклія. Побѣдитель «кровопійцы» (Io. Antioch. fr. 219. С. Müller) Фоки, послѣ коронованія своего вмѣстѣ съ супругою G. p. 564, 7—11 = Theoph. p. 299, 9—13 во дворцовой моельнѣ св. Стефана, у Георгія провозглашается императоромъ въ Великой Церкви всѣмъ народомъ. По Chronicon Pasch. самое коронованіе Ираклія патриархомъ Сергіемъ происходило въ святѣйшей Великой Церкви (p. 701, 11—13). Такимъ образомъ у Георгія обнаруживается соединеніе двухъ версій разныхъ источниковъ о коронованіи Ираклія. О провозглашеніи императоромъ сообщаетъ и Никифоръ p. 5, 22—23 τέλος ὑπὸ τῆς συγχλήτου βουλῆς καὶ τοῦ δήμου Ἡράκλειος βασιλεὺς ἀνακηρύσσεται¹⁾, но ничего не говоритъ о торжественныхъ проходахъ императора отъ Великой Церкви во дворець — G. p. 564, 13—14. Такимъ образомъ здѣсь опять Георгій передаетъ содержаніе нѣкотораго общаго источника независимо отъ Никифора. Тоже самое можно сказать о дальнѣйшемъ изложеніи Георгія. Несмотря на все сходство G. p. 564, 15—565, 6 cf. Niceph. Breviar. p. 4, 17—18 (Κρισπὲ ὑπαρχος τῆς πόλεως p. 4, 10—11), p. 6, 1—2, 7, 21—22, p. 7, 9—11, 19—20, мы замѣчаемъ у нашего лѣтописца нѣкоторыя подробности, въ которыхъ онъ уклоняется отъ Никифора: G. p. 564, 19 ἀνταρσίαν ἐμελέτα κατ' αὐτοῦ, p. 565, 1 τὰ κατ' αὐτοῦ γεγραμμένα κρατῶν ἐπὶ χάριτος. G. p. 565, 7—20 представляетъ незначительное уклоненіе отъ Никифора p. 10, 14—22, p. 12, 18—19, p. 13, 8—16, p. 12, 17—18, 20—21 въ числѣ вельможъ, высланныхъ къ персидскому полководцу для переговоровъ о мирѣ: G. μεγιστάνας ὁ, у Никифора p. 13, 1—3 γ', трое пословъ, которыхъ онъ и называетъ по именамъ. Въ данномъ случаѣ допустимо конечно предположеніе порчи текста Георгія. Слѣдующій рассказъ объ из-

1) Въ Пасхальной хроникѣ это провозглашеніе послѣ коронованія для младшаго Ираклія имѣетъ мѣсто въ ипподромѣ (p. 703, 20 sqq.). И онъ и сестра его коронуются дѣйствительно во дворцовомъ храмѣ Стефана, и уже послѣ этого кубиклуларій Филаретъ несетъ его за отцомъ въ Великую Церковь. Самъ императоръ, безъ сомнѣнія, короновался (согласно Chron. Pasch.) въ этой послѣдней.

мѣнничествѣ Аваровъ, G. p. 565, 23—566, 10, Niceph. p. 14—16, cf. Theophan, p. 301—302, Pasch. p. 712—713, только частью сходится съ Никифоромъ p. 14, 19—20, p. 15, 1, 5—6, 10—11, 21—p. 16, 8, G. p. 566, 1—4 не находятъ соотвѣтствія у Никифора. G. p. 566, 11—17 представляетъ соединеніе отрывковъ изъ Никифора p. 17, 8—10 и Теофана p. 299, 31, p. 300, 20, 30—p. 301, 5:

Nic. αὐθις οὖν ἐπι-
στρατεύει Χοσρόης...
κατὰ Ῥωμαίων, Σάρ-
βαρον ἠγοούμενον τῆς
στρατιάς ἐκπέμψας, ὃς
κατεδήου πᾶσαν τὴν
ἀνατολικὴν χώραν.

Th. Τοῦτω τῷ ἔτει
παρέλαβον οἱ Πέρσαι
Καيسάρειαν τῆς Καπ-
παδοκίας... παρέλα-
βον οἱ Πέρσαι τὴν
Δάμασκον ...παρέλα-
βον οἱ Πέρσαι τὸν Ἰορ-
δάνην καὶ Παλαιστι-
νην—ἐν Περσίδι ἀπή-
γαγον.

Georg. Ὁ δὲ δυσ-
σεβῆς Χοσρόης ἀπο-
στείλας ἕτερον ἄρχον-
τα κατὰ τῶν Ῥωμαίων,
ὀνόματι Σάρβαρον με-
τὰ πλείστης δυνάμεως,
καὶ παρέλαβε τὴν Καπ-
παδοκίαν καὶ τὴν Δά-
μασκον, τὴν Παλαι-
στίνην — ἐν Περσίδι
ἀπήγαγον.

G. p. 566, 18—20 = Theoph. p. 301, 9—16, G. p. 566, 21—567, 5 = Th. p. 302, 30, 32—p. 303, 4. Слѣдующихъ у Георгія словъ императора патриарху G. p. 567, 5—6 нѣтъ ни у Теофана, ни у Никифора. У этихъ двухъ авторовъ не находимъ также эпизода G. p. 567, 7—12, гдѣ императоръ въ Великой Церкви молится въ темной обуви, а Георгій Писидійскій при видѣ его смиренія произноситъ ему ямбы, въ которыхъ даетъ ему надежду окрасить эту темную обувь въ красный цвѣтъ кровью персовъ. Въ стихотворной лѣтописи Георгія Писидійскаго De exredit. Persar. Асг. III, v. 118—122, правда, встрѣчаются стихи, нѣсколько напоминающіе стихи, приводимые Георгіемъ монахомъ, но тамъ они произносятся какимъ-то воиномъ въ лагерѣ въ бесѣдѣ съ товарищемъ о трудахъ и лишеніяхъ, приня- тыхъ на себя Иракліемъ:

G. Pisid. και νῦν μελαμπέδι-
λον ἐκτείνων πόδα

τοῖς μὴ τρέπουσιν ἐστὶν εὐπρε-
πέστερος και τοῖς πενιχροῖς τι-
μιώτερος μένει. βάψαι γὰρ αὐτὸν
τῇ ξένη βαφῇ θέλει ποιῶν ἐρυθρὸν
Περσικῶν ἐξ αἱμάτων.

G. Mon. ὦ βασιλεῦ,
μελαμβαφὲς πέδιλον εἰλίξας
πόδας βάψεις ἐρυθρὸν Περσικῶν ἐξ
αἱμάτων.

Quercius въ предисловіи къ изданнымъ имъ сочиненіямъ Георгія Писидійскаго (Graefat. p. IV—V ed. Bonn.), приводя стихи Георгія монаха по Кедрину, списавшему ихъ у него, находитъ всю сцену, изображаемую у этихъ лѣтописцевъ, исторически достовѣрною, во-первыхъ потому, что стихи въ одинаковой формѣ повторяются у многихъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, во-вторыхъ на томъ основаніи, что при дворѣ византійскихъ императоровъ дѣйствительно существовалъ обычай, чтобы въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ поэты обращались къ нимъ со стихами. Первый доводъ конечно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ позднѣйшіе лѣтописцы списывали другъ у друга. Самая сцена въ Великой Церкви кажется намъ позднѣйшимъ вымысломъ, причѣмъ μέλανα ὑποδήματα произошли изъ самого стиха μελαμπέδιλον ἐκτείνων πόδα.

G. p. 567, 13—16=Theoph. p. 303, 18—19, 21, Nicerph. p. 17, 19—20, p. 18, 21—19, 2.

Theoph. λαβὼν δὲ ὁ βασιλεὺς
ἐν χειρὶ τὴν θεανδρικήν μορφήν,
ἦν χεῖρες οὐκ ἔγραψαν... ἀπήρ-
ξατο τῶν ἀγόνων (=p. 302, 14
ἐκίνησε κατὰ Περσίδος).

Nicerph. και ἀπάρας διὰ τοῦ
Εὐξείνου ἐπειράτο... εἰς τὴν Περ-
σικήν εἰσβαλεῖν ...ἐντεῦθεν ἀπο-
στέλλει δῶρα πρὸς τὸν Τούρκων
κύριον ἐπὶ συμμαχίᾳ τῇ κατὰ

Georg. Λαβὼν οὖν τὴν θεαν-
δρικήν μετὰ χεῖρας ἀχειροποίητον
μορφήν κατὰ Περσῶν ἐστράτευσε.
Και δὴ πλῆθος Τούρκων ἄρας,
ἐξώρμησε κατὰ Περσῶν ἐν δυνά-
μει βαρεία διὰ τοῦ Εὐξείνου πόν-
του.

Περσῶν συγκαλούμενος... εὐθύς
οὖν ἄρχοντα καὶ πλῆθος Τούρκων
τῷ βασιλεῖ παραδίδωσι.

Такимъ образомъ и здѣсь Георгій сливается извлеченія изъ Теофана и Никифора, сильно сокращая текстъ послѣдняго.

G. p. 567, 17—20 = Theoph. p. 301, 21—24, G. p. 567, 21—568, 5 = Niceph. p. 20, 1—3, Th. p. 302, 15—16, 19—20, Nic. p. 20, 10—12. Но при этомъ слова Георгія p. 568, 1—2 *μετὰ γὰρ τὸ αἰχμαλωτῆσαι αὐτοὺς τὴν Θράκην καὶ λαβεῖν οὐ χιλιάδας* повторены изъ предшествующаго p. 566, 8—10 (cf. Niceph. p. 16, 5—9, Th. p. 302, 3—4, гдѣ не ο', а σο' *χιλιάδας*). Подъ той неопредѣленной ни по мѣсту, ни по времени битвою, о которой говоритъ Георгій p. 568, 6—9, въ виду параллельнаго текста вѣнской рукописи хроники (ср. примѣч. у Муральта), слѣдуетъ разумѣть эпизодъ изъ осады Византіи Аварами одновременно съ осадю персидскимъ полководцемъ Сарбаромъ Халкидона, cf. Niceph. p. 20—21, Theoph. p. 316, 17—25 и (наиболѣе подробный рассказъ) *Chron. Pasch.* pp. 716—726¹⁾.

Также неопредѣленно слѣдующее сообщеніе G. p. 568, 10—13 о походѣ персидскаго полководца. Разумѣется или походъ Сарбара, или походъ Разата, cf. Theoph. p. 317—19, Niceph. p. 21—22, вѣроятнѣе послѣдній. Пораженіе персовъ у Георгія преувеличено, cf. Theoph. p. 319, 2, Nic. p. 22, 8. Ни у Никифора, ни у Теофана не обозначено точно числа войска персовъ.

1) Срв. также *Διήγησις ὀφέλιμος, ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας συλλεγεῖσα καὶ ἀνάμνησιν δηλοῦσα τοῦ παραδόξου γενομένου θαύματος, ἣν ἴκα Πέρσαι καὶ βάρβαροι τὴν βασιλίδα ταύτην πολέμῳ περιεκύκλωσαν· οἱ καὶ ἀπώλοντο θείας δίκης πειραθέντες. ἣ δὲ πόλις ἀσινῆς συντηρηθεῖσα πρὸς βραβείαις τῆς Θεοτόκου ἐτησίως ἔκτοτε ἔδει εὐχαριστήριον, Ἀχάδιστον τὴν ἡμέραν κατονομάζουσα.* *Migne. Patrol. curs. Ser. gr. T. CVI, pp. 1335 sqq.* Рассказъ начинается здѣсь съ осады Византіи Аварами. Патриархъ Сергій словами и крестными ходами вокругъ стѣнъ ободряетъ защитниковъ. Защита Божьей Матери, о которой говорятъ и Теофанъ и *Chronicon Pasch.*, здѣсь выдвинута на первый планъ. Въ изложеніи дальнѣйшихъ эпизодовъ въ Повѣсти текстъ иногда совпадаетъ съ изложеніемъ Георгія (срв. G. p. 611—612 и *Διήγ.* p. 1345 В—С).

G. p. 568, 14—19 ближе къ тексту Никифора, чѣмъ Теофана, p. 326—327. Впрочемъ и съ первымъ (p. 20) текстъ Георгія сходится не вполне (G. Ἀπόλαυε τούτων, δι' ὧν Ῥωμαίους καθ' ἡμῶν ἤγαγες, Nic. τούτων ἀπόλαυε, εἰς κατεμάνης καὶ ἄπερ ἡγάπησας καὶ συνήγαγες). G. p. 568, 20—569, 5 = Nicerph. p. 19, 1—7, G. p. 569, 6—10 = Nicerph. p. 24, 3—8, G. 11—14 cf. Nicerph. p. 23, 8—13, Theoph. p. 327, 24—25, G. 15—18 = Theoph. p. 327, 25, Nic. p. 25, 8—10, 15—16.

<p>Theoph. Τῷ δὲ ζ' ἔτει. Nic. λαβῶν τὰ ζωποιαὶ ξύλα πρὸς τὰ Ἱεροσόλυμα ἀφίκετο καὶ Μοδέστῳ τῷ ἀρχιερεῖ... ὑπέδειξεν... ὑψωθέντων δὲ αὐτῶν ἐκείσε. Theoph. εἰρηνεύσας μετὰ χαρᾶς μεγάλης ἐπὶ Κ. Π. ὑέστρεψεν.</p>	<p>G. Τῷ δὲ ζ' ἔτει τὰ ζωποιαὶ ξύλα τοῦ πανσέπτου σταυροῦ ἀναλαβῶν καὶ εἰς Ἱεροσόλυμα παραγενόμενος καὶ ταῦτα ὑψώσας μετὰ χαρᾶς πολλῆς καὶ εἰρήνης ὑπέστρεψεν ἐν Κ. Π.</p>
---	--

У Георгія слѣдуетъ затѣмъ извлеченіе изъ цитуемой имъ хроникѣ βιβλίου τοῦ Ἀλεξανδρέως ἐξηγητοῦ, p. 569, 19—570, 14. Въ нашей пасхальной хроникѣ этого отрывка нѣтъ, но, быть можетъ, нашъ лѣтописецъ пользовался болѣе полной ея редакціей.

G. p. 570, 15—571, 4 = Th. p. 327, 26—328, 10, G. p. 571, 5—7 cf. Th. p. 329, 22, 29—32—p. 330, 2, 5. Описаніе предсмертной болѣзни Ираклія заимствовано у Никифора p. 31, 4—9 = G. p. 571, 8—14. Ни у Никифора, ни у Теофана нѣтъ сообщенія о дарованіи Иракліемъ Магомету земли для поселенія—G. p. 571, 15—18. G. p. 571, 20—22 cf. Th. p. 341, 13—16, G. p. 588, 2—3 = Th. p. 341, 16—17, G. 4—8 = Th. p. 341, 24—27, G. 10—21 = Th. p. 342, 9—20, G. 22—24 = Th. p. 343, 22—23, G. p. 589, 1—5 = Th. p. 345, 8—11, G. 6—8 = Th. p. 345, 16, 28—29, G. 8—24 = Th. p. 346, 1—16, но Теофанъ не упоминаетъ о тяжелой ранѣ, полученной Моавіею, G. p. 590, 1—2 = Th. p. 347, 25—26, G. 2—3 = Th. p. 348, 4—6, G. 4—10 = Th. p. 351, 16—24 cf. p. 347, 8—

12, G. 11—13 cf. Theoph. p. 348, 6—8, p. 351, 25—26, p. 352, 4, 8—9, G. 14—17=Th. p. 351, 28—29, 31, G. 17—19=Th. p. 352, 2—4, G. 20—22=Th. p. 352, 4—6, но Теофанъ не сообщаетъ, чтобы Константинъ былъ встрѣченъ въ столицѣ *Εὐφημούμενος παρὰ πάντων*.

Въ отступленіи о Магометѣ G. p. 591, 6—592, 7=Th. p. 333, 14—334, 10, G. p. 597, 21—24=Th. p. 336, 21—24, G. p. 598, 2—11 cf. Th. p. 337 sq. Въ отступленіи о Св. Землѣ G. p. 599, 28—30=Th. p. 49, 19—23, Cramer. Vol. II, p. 96, 17—20, G. p. 600, 1—4=Th. p. 49, 23—28, Cramer p. 96, 21—27.

Царствованіе Константина Погоната. Вслѣдствіе того, что лѣтописное повѣствованіе прервано длинными отступленіями, G. p. 604, 24 повторяется сказанное раньше G. p. 590 sq. G. p. 604, 25—28 = Theoph. p. 352, 4—7, G. p. 604, 28—605, 2 = Theoph. p. 539, 5 sqq. ed. Bonn.¹⁾ G. p. 606, 6—9 уклоняется отъ Теофана, которому нашъ лѣтописецъ слѣдуетъ въ параллельномъ сообщеніи G. p. 612, 16—23 = Th. p. 352, 14—23. Теофанъ не говоритъ, чтобы братья Константина дѣйствительно злоумышляли противъ него, онъ не говоритъ также о ссылкѣ ихъ, а только объ устраненіи ихъ отъ власти p. 360, 18—19. G. p. 611, 23—612, 12=Nicserph. p. 36, 17—37, 12 cf. Theoph. p. 353, 14—354, 11. Сравненіе текстовъ ясно показываетъ, что Георгій пользуется здѣсь Никифоромъ не черезъ Теофана, а непосредственно.

G. p. 613, 1—9 = Theoph. p. 356, 18—21, p. 358, 11, 15—23, G. 10—14=Th. p. 358, 27—359, 2, 4—5, G. 15—21=Th. p. 359, 5—7, 19—20, G. p. 613, 22—614, 6=Th. p. 354, 8—16, но въ текстѣ Теофана нѣтъ словъ: *οἱ δὲ ὑπὸ τοῦ*

1) Этотъ отрывокъ считается de Voog'омъ позднѣйшею интерполяціею въ текстѣ Теофана и еще въ боннскомъ изданіи стоитъ въ скобкахъ съ отмѣткою въ примѣчаніи: *haec omnia aliunde aperte intrusa om. a.* Но Георгій очевидно уже читалъ эти строки въ своемъ спискѣ Теофана. Такимъ образомъ вставка принадлежитъ къ очень раннимъ.

στρατηγού τῶν Κιβυρραιωτῶν αὐδὶς πολεμηθέντες ἠττήθησαν ἐμπρησθέντων καὶ τῶν πλοίων αὐτῶν ὑπὸ τοῦ ἰδατώδους πυρός, G. p. 614, 7—8=Th. p. 355, 6—7, G. 9—24=Th. p. 355, 10—356, 8, G. p. 615, 1—3=Th. p. 359, 27—28, p. 360, 1—4, G. p. 615, 5—6 cf. Th. p. 360, 19—20, G. p. 615, 7—14=Th. p. 356, 15, p. 360, 27—361, 1, 10—16.

Царствование Юстиниана Ринотмета. G. p. 615, 16 cf. Th. p. 361, 16, G. 16—20=Th. p. 363, 12—16, G. p. 615, 20—616, 2=Th. p. 363, 19—20, G. p. 616, 3=Th. p. 364, 5—6, G. p. 616, 4—5=Th. p. 364, 11, 13—14, G. p. 616, 6—617, 6=Th. p. 365, 30—366, 22, G. p. 617, 7—9=Th. p. 367, 1—2, 10—11, G. 10—11=Th. p. 367, 8—9, G. 12—20=Th. p. 367, 13—22, G. p. 617, 21—618, 10=Th. p. 367, 32—368, 11, G. p. 618, 11—19=Th. p. 368, 18—369, 3, G. p. 618, 20—619, 2=Th. p. 369, 4, 9—14, G. 2—3=Th. p. 369, 22—23, G. 3—10=Th. p. 369, 23—30.

Царствование Леонтія. G. p. 619, 12=Th. p. 369, 33, p. 361, 26 sq., G. p. 619, 13—620, 20=Th. p. 370, 6—9, 12—371, 9.

Царствование Тиверія (II). Въ числѣ лѣтъ у Георгія вѣроятно испорченное чтение, у Теофана p. 361, 27 ἐτη ζ. G. p. 621, 1—2 cf. Th. p. 371, 23—29, G. p. 621, 3—7=Th. p. 372, 6—11, G. p. 621, 7—622, 16=Th. p. 372, 26—373, 6. У Теофана Юстиніанъ бѣжитъ (къ Хазарамъ, въ Фанагорію¹⁾, а оттуда) къ Дунаю, Th. p. 373, 18—22, p. 373, 22—374, 4, у Георгія точнѣе — къ устью Истра (срв. Niseph. p. 45, 8 πρὸς τὸν Ἰστρὸν ποταμόν). О походѣ Юстиніана вмѣстѣ съ болгарскимъ царемъ Th. p. 374, 16—24, p. 375, 1—2 — бѣгство Тиверія.

Второе царствование Юстиніана. G. p. 622, 19=Th. p. 374, 28. Теофанъ не упоминаетъ о награжденіи болгарскаго союзника землю (τὰ λεγόμενα νῦν Ζαγόρια). G. p. 623, 1—24=Th. p.

1) Здѣсь онъ живетъ нѣсколько времени съ Теодорой, сестрой хазарскаго кагана, на которой женился въ Дарасѣ.

375, 2—28, G. p. 624, 1—4 = Th. p. 376, 13—14, 22, 24—29, G. 5—7 = Th. p. 377, 22—23, 30—31, p. 378, 1—3, G. 8—13 = Th. p. 379, 12—14. О Филиппикѣ, его свѣ и ссылкѣ срв. G. p. 621, 3—6. Провозглашеніе Филиппика императоромъ Th. p. 380, 2—3, походъ p. 380, 4. G. p. 624, 15—21 = Th. p. 380, 5—6, 8—10, p. 381, 1—4. Голова Юстиніана по Георгію отослана къ Скивамъ, по Теофану — въ Римъ.

Царствованіе Филиппика. G. p. 624, 23—625, 2 = Th. p. 381, 28—30, G. p. 625, 3—4 = Th. p. 381, 22, G. 5—6 = Th. p. 382, 21, 26—27, G. 7—18 = Th. p. 383, 6—19. Число лѣтъ срв. Theoph. p. 382, 4.

Царствованіе Артемія. G. p. 626, 2—6 = Th. p. 383, 18—19, 29—31, G. 7—8 = Th. p. 383, 20—21, G. 9—15 = Th. p. 383, 31—384, 2, 5—14, G. 16—24 = Th. p. 384, 20—385, 2, 4, G. p. 626, 25—628, 5 = Th. p. 385, 5—386, 18. Число лѣтъ царствованія G. p. 626, 3 cf. Th. p. 386, 14—15.

Царствованіе Θεодосія. G. p. 628, 9—13 = Th. p. 386, 25—387, 2, G. p. 628, 15—21 cf. Th. p. 387, 5—9, p. 390, 8, 14—20, G. p. 628, 22—629, 2 = Th. p. 390, 20—25.

Царствованіе Льва Исаврійца. Легенда объ іудейскомъ происхожденіи иконоборческой ереси G. p. 629, 5—630, 2 въ разныхъ версіяхъ является у Никифора Константинопольскаго Antirrhetic. III adv. Const. Corp. Αἰρεσις ρβ' (Migne. Patr. T. C, p. 528—32) и въ разсказѣ іерусалимскаго монаха Іоанна въ VI книгѣ продолженія Теофана (Theoph. Contin. ed. Bonn. p. 481—84), у Теофана кратко p. 401—402. Но анекдотъ о встрѣчѣ будущаго императора Льва съ іудеями, о клятвѣ, данной имъ юношей—G. p. 630, 3—19, и исполненія ея—G. p. 631, 6—18 находимъ впервые у Георгія. Изъ того же неизвѣстнаго источника происходитъ и очеркъ постепеннаго возвышенія и успѣховъ Льва G. p. 630, 20—631, 5, G. p. 631, 19—22 = Th. p. 399, 28—400, 1, 8—10, G. p. 631, 23—632, 1 cf. Th. p. 406, 25—29.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Георгія мы можемъ указать новый источникъ: *Στεφάνου διακόνου τῆς ἐκκλ. Κ. Π. εἰς τὸν βίον καὶ μαρτύριον τοῦ παμμάχαρος καὶ ὁσίου μάρτυρος Στεφάνου τοῦ Νέου, μαρτυρήσαντος ἐπὶ τοῦ ἀσεβοῦς εἰκονοκαύστου βασιλέως, Κωνσταντίνου τοῦ καὶ Κοπρωνύμου*. Относительно времени написанія этого житія въ немъ самомъ содержатся вполнѣ опредѣленные данныя: р. 1073 С авторъ житія относитъ рожденіе Стефана къ 6222 году отъ сотворенія міра, т. е. къ 713 г. по Р. Хр., р. 1177 D онъ говоритъ: *ἐτελειώθη ὁ ἅγιος ... Στέφανος τῷ πεντηχοστῷ τρίτῳ χρόνῳ τῆς αὐτοῦ ἡλικίας*, слѣд. Стефанъ скончался въ 766 г. Наконецъ р. 1072 С авторъ замѣчаетъ между прочимъ: *καίπερ τεσσαρακοστοῦ δευτέρου ἔτους παραδεδραμηκότος, ἀφ' οὐπερ τὴν διὰ μαρτυρίου ἱεράν τελευτήν ὁ παμμάχαρ ὑπέστη πατὴρ ἡμῶν Στέφανος μέχρι τῆς νυνί*. Слѣдовательно житіе писано въ 808 году.

G. p. 632, 2—633, 20—*Vita s. Steph. iunioris* (Migne. Patrol. T. C.), р. 1084 С—1085 А. Но Георгіи вставляетъ въ это заимствование изъ житія цитату изъ пророка Захаріи и подробности объ отдѣльныхъ иконахъ Иисуса Христа и Божьей Матери, о которыхъ онъ сообщаетъ и въ предшествующемъ изложеніи своей хроники, срв. р. 237, р. 444 (статуя Христа, поставленная кровоточивою), и послѣ—р. 687 sq. За вычетомъ этихъ вставокъ, остальной текстъ вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ житія:

Vita. Γνωὺς δὲ τοῦτο (заявленіе Льва, ὡς οὐ δεῖ προσκυνεῖν τὰς εἰκόνας) ὁ τῆς εὐσεβείας κῆρυξ Γερμανὸς ... δηλοῖ πρὸς αὐτόν· Βασιλεῦ, τοῦ Δεσπότης Χριστοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Θεοῦ σαρκωθέντος ἐκ τῶν ἀχράντων αἱμάτων τῆς ἀγίας Θεοτόκου καὶ τελείου αὐτοῦ καθ' ἡμᾶς ὀφθέντος καὶ περιγραπτοῦ πάσα εἰδωλικὴ λατρεία ἐκποδῶν γέγονε καὶ πᾶν ἄγαλμα

Georg. Ὁ δὲ μέγας Γερμανὸς ταῦτα ἀκούσας ἔφη πρὸς αὐτόν· ἄκουσον ὦ βασιλεῦ· τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ διὰ σαρκὸς ἐπιφανέντος πάσα εἰδωλολατρία ἐκποδῶν γέγονε καὶ πᾶν ἄγαλμα εἰδωλικὸν ἐξεφάνισται κ. τ. λ.

είδωλικόν τῷ πυρί και τῷ σκότει
 παρεπέμφθη. κ. τ. λ.

G. p. 633, 21—29=Theoph. p. 407, 17—24. Но затѣмъ Георгіи слѣдуетъ снова житію: Vita p. 1085 B: Ταῦτα ἀκούσας ὁ παράνομος βασιλεύς και βρύξας ὡς λέων φερωνύμως, ξιφήρεις σατράπας ἀποστείλας ἐν τῷ πατριαρχικῷ οἴκῳ πυγμαῖς και ὄνειδισμοῖς κατενέγκαι τὸν ἅγιον τῶν ἐκεῖσε προσέταξεν cf. G. ὁ δὲ θεόμαχος τύραννος ταῦτα ἀκούσας και ὡς λέων βρύξας αὐτίκα και σφόδρα χαλεπήνας ἀτίμως τὸν δίκαιον ἐξήλασεν εἰδωλολάττην ἀκαλέσας και ταῖς ἰδίαις χερσίν ῥαπίσας τῶν βασιλείων ἐξελαύνει — послѣднія слова представляютъ дальнѣйшее развитіе изображенія ярости иконоборца: императоръ бьетъ патріарха собственноручно.

Изъ неизвѣстнаго источника происходитъ сообщеніе Георгія p. 634, 4—24. Нашъ лѣтописецъ передаетъ его, какъ слухъ (φασί δέ τινες).

G. p. 634, 25—26 = Vita s. Steph. p. 1085 C ἐν τούτοις οὖν ἐξουσιαστικῶς δραξάμενος ὁ τύραννος τῆς αἰρέσεως, G. p. 634, 26—635, 8 = Th. p. 405, 8, p. 408, 32—409, 10. G. p. 635, 9—20 относится къ такимъ же преданіямъ или слухамъ, какъ p. 634, 4—24. G. p. 635, 21—23=Theoph. p. 409, 11—13, G. p. 635, 24—636, 2 cf. Theoph. p. 409, 18—21, G. p. 636, 3—8 = Th. p. 404, 5—6, p. 409, 15—18. Но Теофанъ не говорить о подчиненіи Италіи Франкамъ, а только о томъ, что папа Стефанъ прибѣгъ къ помощи Пипина противъ Лангобардовъ и затѣмъ короновалъ его, p. 402—403. G. p. 636, 9—22=Th. p. 412, 6—21, G. p. 637, 2—10=Th. p. 395, 13—19, G. 11—13=Th. p. 395, 21—24, G. 14—24=Th. p. 396, 8—14, G. p. 637, 23—638, 2 = Th. p. 396, 26, p. 397, 23, 27—30, G. p. 638, 3—10 = Th. p. 399, 6—19, число всѣхъ судовъ Th. p. 395, 25, G. p. 638, 11—20=Th. p. 398, 7, 13, 16, 23—30, G. p. 639, 1—6=Th. p. 400, 18—29, G. p. 639, 7—8 = Th. p. 401, 9—11, G. p. 639, 9—10 = Th. p. 401,

21—22, но текстъ Георгія не вполне сходенъ съ Θεοφаномъ, G. 14—18=Th. p. 409, 30—410, 3, G. 19—21=Th. p. 410, 4—6, 13—14, G. p. 640, 1—3 cf. Th. p. 411. Въ числѣ лѣтъ царствованія G. p. 629, 5 — не полное согласіе съ Θεοφаномъ p. 412, 25; чтобы считать 25 л., Георгій долженъ два мѣсяца считать за годъ.

Царствованіе Константина Копровима. Начало составлено по двумъ житіямъ: св. Стефана Младшаго и Эпитафію Никитѣ, написанному ученикомъ его Θεοстириктомъ (Bolland. Acta SS. April. 1—10. Synax. p. XXIII sqq., срв. Учен. Зап. Каз. Унив. 1891. Кн. 2, стр. 124 сл.):

Ἐπιτάφιος. — εἶτα διαδέχεται τούτου τὴν βασιλείαν ἅμα καὶ τὴν ἀσέβειαν Κωνσταντῖνος οὐίος αὐτοῦ ... ἐξ ἰοβόλου θηρὸς δράκων ψυχοφθόρος, ἐκ δεινοτάτου λέοντος πάρδαλις ποικιλότροπος. Ὑπερέβαλε δὲ οὗτος πολυπλασίως τῇ κακίᾳ τὸν πατέρα. Vita s. Steph. p. 1109 C. Ἐντεῦθεν οὖν λοιπὸν ὁ τῆς πονηρίας πατήρ, καὶ τῆς κακίας εὐρετῆς διάβολος (Λέων)... εὐρῶν ὄργανον τῆς οἰκειᾶς ἀξίον ἐργασίας, ἀνδρα γοητικαῖς ἐπιφθαις πολλὰ τερατουργεῖν νομιζόμενον... τὸ ἐκείνου μιᾶρὸν γέννημα Κωνσταντῖνον φημί.—Ἐπιτάφιος.—καὶ τοὺς ἀγίους μάρτυρας τὸ ὅσον εἰς ἑαυτὸν ἠτίμωσεν παραγυεῖλας μὴ λέγεσθαι ἄγιον... τὰ δὲ τούτων λείψανα πάντῃ ἐξουδένωσε καὶ εἰς οὐδὲν ἐλογίζετο ... καὶ ταύτης (τῆς Θεοτόκου) τὸ σεβάσ-

G. Κωνσταντῖνος ... ἐκ δεινοτάτου λέοντος φανεῖς ποικιλότροπος πάρδαλις, «ἐκ σπέρματος ὄφειων ἀσπίς δεινὴ ἐξελεύσεται καὶ ὄφεις πετάμεναι», φησὶν ὁ προφήτης, οἷος αὐτὸς γέγονεν ὁ ἐκ Δὰν ἀντίχριστος. Οὗτος τὴν πατρίαν βασιλείαν τε καὶ δυσσέβειαν ἐκδεξάμενος, πλεῖον καὶ μᾶλλον ἐκ τῆς τοῦ θεοῦ καὶ τῆς θεομήτορος καὶ πάντων τῶν ἁγίων διάστατο. κἀντεῦθεν λοιπὸν μαγείαις καὶ δαιμόνων ἐπικλήσεσι καὶ ἄλλοις πονηροῖς ἐπιτηδεύμασι χαίρων καὶ σχολάζων ἐξαίρετον ὄργανον καὶ λίαν ἐπιτήδειον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ καὶ διδασκάλου γέγονε διάβολου. Καὶ γὰρ εἰς τούτῃ ἀπόνοιαν καὶ παραπληξίαν ἐξώκειλεν ὡς καὶ θεσμόν καθολικὸν ἐπὶ λαοῦ ἐκδέσθαι, μὴ λέγεσθαι τίνα τῶν θεραπόντων

μιον ὄνομα κατὰ πολλοὺς τοὺς τρόπους ἐσπούδαζεν ἐξεῶσαι τῆς Ἐκκλησίας, τὰς δὲ πρεσβείας αὐτῆς, δι' ἧς ὁ κόσμος συνίσταται, οὐδὲ ὀνομάζεσθαι ἤθελεν, λέγων μὴ δύνασθαι βοηθεῖν τινι αὐτῇ. ἐπειρᾶτο δὲ βεβαιοῦν τὸν λόγον αὐτοῦ καὶ ἀπὸ παραδείγματος. λαβὼν γὰρ ποτε βαλάντιον μετὰ χειρᾶς πλήρες χρυσίου καὶ ὑποδεικνύων αὐτὸ τοῖς παρατυγχάνουσιν, ἤρετο· τίνας ἐστὶν ἄξιον; τῶν δὲ πολλοῦ εἰπόντων, κενώσας τὸ χρυσίον, πάλιν ἤρετο, νῦν τίνας; τῶν δὲ εἰπόντων οὐδενός, ἔφη ὁ ἄθλιος· οὕτω καὶ ἡ Θεοτόκος (οὐ γὰρ ἁγίαν ἠξίου εἰπεῖν ὁ ἀνάξιος), ὅτ' ἂν εἶχεν τὸν Χριστὸν ἐν ἑαυτῇ, τετιμημένη ὑπῆρχεν, ἀφ' οὗ δὲ τοῦτον ἀπεκύησεν, οὐδὲν διαφέρουσα ἦν τῶν λοιπῶν. φεῦ τῆς βλασφημίας κ. τ. λ.

τοῦ Κυρίου τὸ παράπαν ἅγιον, ἀλλὰ καὶ τὰ λείψανα τούτων εὐρισκόμενα διαπτύεσθαι... καὶ μὴδὲ πρεσβείαν αὐτῶν ἐξαιτεῖν οὐδὲν γὰρ ἰσχύουσιν· εἶτα προσθεῖς ὁ ἀνόσιος καὶ παμβέβηλος λέγει, μὴδὲ τὴν Μαρίας ἐπικαλεῖσθαι τις πρεσβείαν οὐ γὰρ δύναται τι¹⁾, μὴδὲ θεοτόκον αὐτῇ ὀνομάζεσθαι. καὶ δὴ λαβὼν ἐν χειρὶ βαλάντιον πλήρες χρυσίου καὶ ὑποδείξας αὐτὸ πᾶσιν, ἤρετο. τίνας ἐστὶν ἄξιον; τῶν δὲ πολλοῦ εἰπόντων, κενώσας τὸ χρυσίον, πάλιν ἤρετο· τίνας ἐστὶν ἄξιον; καὶ λέγουσιν· οὐδενός. Οὕτως, ἔφη, καὶ ἡ Μαρία (οὐ γὰρ θεοτόκον ὁ ἄθλιος ἠξίου λέγειν), ἕως μὲν εἶχεν τὸν Χριστὸν ἐν ἑαυτῇ, τετιμημένη ἦν, ἀφ' οὗ δὲ τοῦτον ἀπέτεκεν, οὐδὲν τῶν λοιπῶν γυναικῶν διενήνοχεν. ὦ τῆς βλασφημίας κ. τ. λ.

G. p. 644. 14—21 заимствовано изъ житія св. Стефана:

Vita. Ὁ δὲ φερώνυμος δράκων καὶ τυραννώδης βασιλεὺς, ὁ πᾶσαν Ἑλληνικὴν σπουδὴν μουσικῶν ἐκτελῶν, τὸ κατ' ἐκεῖνο

G. τὴν παρ' Ἑλλησι τιμωμένην Ἀφροδίτην καὶ τὸν Διόνυσον ἐδρήσκειεν ὁ νέος Ἰουλιανός (cf. Vita p. 1181 A καὶ σε... νέον

1) Cf. Theoph. p. 489, 19—22 πανταχοῦ, μὲν τὰς πρεσβείας τῆς ἁγίας παρθένου καὶ θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἐγγράφως ὡς ἀνωφελεῖς καὶ ἀγράφως ἀποκηρύττων. Такъ и Георгіѣ говоритъ о θεσμός καθολικός.

καιροῦ Βρουμάλιον ἤτοι ἑορτὴν δαιμωνιώδη ἐξετέλει Διόνυσον και Βρουμμον εὐφημῶν εἰς τὴν αὐτὴν τελετὴν ὡς τῶν σπερμάτων και τοῦ οἴνου γενεσιουργούς.... πέραν τοῦ ἄστεος ... ἔνθα ἦν ὁ σεπτὸς ναὸς τῆς ἀγίας και καλλινίκου μάρτυρος Μαύρας, ὄνπερ ὁ μισάγιος ἕως ἐδάφους κατασκάψας φονευτήριον ἐποίησε και Μαῦραν τὸν τόπον ὠνόμασεν, ἔνθα και τὰς πρὸς τοὺς δαίμονας συνθήκας ἐποιεῖτο. Και μαρτυρεῖ τὸ εἰς θυσίαν δοθὲν τοῦ Σουφλαμίου παιδάριον.

Ἰουλιανὸν ἀποκηρύττει) και ἀνθρωποθυσίας αὐτοῖς ἀνέφερε πέραν τῆς πόλεως, ἔνθα τῆς ἀγίας Μαύρας τῆς μάρτυρος ἦν ὁ ναὸς, ὄνπερ ὁ μισάγιος ἐκδαφῆσας και φονευτήριον ποιήσας Μαῦραν ὠνόμασε τὸν τόπον, ἐν ᾧ και τὰς πρὸς τοὺς δαίμονας τελετὰς νύκτωρ ποιούμενος παῖδας κατέσφαττε. και μαρτυρεῖ τὸ πρὸς θυσίαν σφαγισθὲν τοῦ Σουφλαμίου παιδάριον κ. τ. λ.

G. p. 644, 22—25 = Theoph. p. 413, 28—414, 2, G. p. 644, 25—646, 26 (p. 647, 3—4) = Th. p. 414, 18—21, 25—28, p. 414, 33—415, 3, 7—12, 18—22, p. 415, 24—30, p. 417, 27—28, 30—32, p. 419, 7—12, 19—21, о взятіи судовъ 16—17, о голодѣ 25—27, p. 419, 30—420, 1, 4—17, 20—23, 26, p. 420, 27—421, 2, G. p. 646, 27—647, 2 = Th. p. 408, 2, 7—9, G. p. 647, 5—15 = Th. p. 423, 5—15, p. 423, 4—5, G. p. 647, 16—647, 23 = Th. p. 423, 19—424, 1, G. p. 648, 1—3 = Th. p. 427, 25—27, G. 7—9 = Th. p. 422, 11—13, p. 427, 14—16, G. 10—14 = Th. p. 422, 14—18, p. 429, 19—22 (также p. 429, 22—23 cf. G. p. 648, 10), G. 15—16 = Th. p. 426, 15—16, G. 17—18 cf. Th. p. 427, 19, 29—31. Слѣдующее описаніе собора во Влахернской церкви противъ иконопочитанія — G. p. 648, 18—649, 6, котораго нѣтъ у Θεοφана, также взято изъ житія св. Стефана Μλ. p. 1120 D—1121 B. Изъ того же источника проистекаетъ отрывокъ, приводимый Mai изъ неизданной хроники Ιοανна Συγγιλλіησкаго по Ватик. списку (Migne. Nicenph. Spol. Antirrhet. III adv.

Const. Corp. p. 531 sq. annot.¹⁾. Изъ неизвѣстнаго источника происходитъ отрывокъ G. p. 649, 7—13. G. p. 649, 27—650, 19 cf. Theoph. p. 441 sq. (но у Теофана нѣтъ G. p. 650, 2—4), предшествующія слова G. p. 649, 24—26 cf. Vita s. Steph. p. 1112 C: Ὁ τῆς ἀναξιώτητος ὁ ἀσπίδοφόρος ἱεροθέτης καὶ ὁ πολέμοις ἐσχολακῶς ἱερούργος. G. p. 650, 26—27 = Th. p. 440, 12—13, G. p. 651, 1—3 = Th. p. 442, 19—22, G. 4—5 = Th. p. 417, 15—19, G. 8—20 = Th. p. 436, 28—437, 7, 9—11, но G. 14—17—вставка изъ Vita s. Steph. p. 1112 D—1113 A:

Vita. καὶ ἦν ἰδεῖν κατὰ πᾶσαν χώραν καὶ πόλιν θρηῆνον ἐπὶ θρηῆνον καὶ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ παρὰ τῶν εὐσεβοῦντων, ἱερὰ πατούμενα καὶ σκεύη μεταποιοῦμενα, ἐκκλησίας τε ἀνορυσσομένας καὶ τῇ σποδιᾷ κεχρισμένας ὡς ἱεράς εἰκόνας ἐχούσας.—

G. Mon. καὶ ἦν ἰδεῖν κατὰ πᾶσαν πόλιν θρηῆνον ἐπὶ θρηῆνον καὶ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ παρὰ τῶν εὐσεβοῦντων, παρὰ δὲ τῶν ἀσεβοῦντων ἱερὰ πατούμενα καὶ σκεύη μεταποιοῦμενα, ἐκκλησίας τε ἀνορυσσομένας καὶ θείας εἰκόνας πατούμενας.—

G. p. 651, 22—25=Th. p. 437, 20—24. Но о послѣдующей побѣдѣ Теофанъ не упоминаетъ. G. p. 652, 3—653, 2 = Th. p. 434, 6—435, 4, G. p. 653, 6—10=Th. p. 435, 6—7, G. 12—20=Th. p. 426, 16—26. G. p. 653, 21 sqq. представляютъ повтореніе сказаннаго раньше p. 651, 21 sqq. G. p. 654, 3—12=Th. p. 446, 4—5, p. 439, 28—440, 6, G. 13—15=Th. p. 443, 31—444, 2, 5—6, G. 16—19=Th. p. 444, 16—25, G. p. 654, 20—655, 9 = Th. p. 447, 10—26, G. p. 655, 9—656, 5=Th. p. 448, 4—21, 24. Число лѣтъ царствованія G. p. 643, 3=Th. p. 448, 22.

1) Maï приводятъ еще одно извлеченіе изъ Antirrheticus Никифора, совпадающее у Иоанна Сицилійскаго съ Георгіемъ, p. 504 sq. (въ примѣчаніи къ тому же Antirrheticus III). Изъ рукописей Иоанна Сицилійскаго, относимаго историками литературы къ тому же времени, какъ Георгій монахъ (Schoell.), извѣстна еще вѣнская съ продолженіемъ до 1222 года.

Царствованіе Льва IV. G. p. 658, 27 (происхожденіе Льва) срв. Theoph. p. 426, 15—16, G. p. 658, 27—659, 30 = Th. p. 449, 11—450, 19 (въ сокращеніи), G. p. 660, 1—4 = Th. p. 451, 23—27, словъ: ἐκεῖ γὰρ ἦν ἕδος τοὺς βασιλεῖς δέχεσθαι τὰ λάφυρα у Θεοфана нѣтъ, G. 5—22 = Th. p. 453, 5—30 (въ сокращеніи).

Царствованіе Константина VI и Ирины. G. p. 661, 17—21 cf. Th. p. 455, 8—12, G. p. 661, 22—662, 7 cf. Th. p. 454, 12—25, G. p. 662, 8—13 = Th. p. 455, 12—16. О мощахъ Евфиміи у Θεοфана сказано ранѣе cf. Th. p. 439, 28—440, 6. G. p. 662, 21—23 = Th. p. 455, 19—22, G. p. 662, 25—663, 4 = Th. p. 463, 21—26, у Θεοфана нѣтъ при имени Маріи обозначенія ея родства съ Филаретомъ—G. τοῦ Φιλάρητου ἐγγόνην, G. p. 663, 5—7 = Th. p. 456, 3—5, G. 8—15 = Th. p. 456, 10—11, 15—22, G. 16—18 = Th. p. 456, 25—457, 2, G. p. 663, 19—23 = G. p. 457, 7—11, G. p. 663, 24—664, 25 = Th. p. 457, 14—458, 4, G. p. 664, 25—27 = Th. p. 460, 23—24, G. p. 664, 28—665, 9 = Th. p. 461, 12—24, p. 462, 2—3, G. p. 665, 10—12 = Th. p. 462, 11—12, 15—17, G. p. 665, 13—17 = 462, 27—30. При всѣхъ этихъ сходствахъ слѣдуетъ отмѣтить однако, что у Θεοфана болѣе выдвигается впередъ Ирина, чѣмъ у Георгія (напр. Th. p. 457, 7—11, p. 462, 11 sqq.).

Царствованіе одного Константина. G. p. 666, 10—25 = Th. p. 464, 10—19, p. 465, 1—11 (въ сокращеніи), G. p. 666, 26—667, 4 = Th. p. 465, 32—466, 10, 15, G. p. 667, 5—17 = G. p. 466, 19—467, 4 (въ сокращеніи), G. 17—23 = Th. p. 467, 4—6. Изъ двухъ походовъ императора: Theoph. p. 467, 9—11 и 29—32 по Θεοфану ни одинъ не былъ удаченъ, императоръ даже самъ ἠττήται σφοδρῶς, напротивъ G. p. 667, 24—25 онъ одерживаетъ побѣду. Несогласно съ Θεοфаномъ и сообщеніе p. 667, 26—668, 2, что императоръ взялъ подъ Тарсомъ много плѣнныхъ (Арабовъ), по Θεοфану онъ возвратился κενός. G. p. 668, 3—11 = Th. p. 467, 19—29, 24—27, G.

12—19 = Th. p. 468, 8—14, G. 20—24 = Th. p. 469, 8—9, 12—15, G. p. 668, 25—669, 2 = Th. p. 469, 23—26, G. p. 669, 3—4 = Th. p. 470, 2—3, G. p. 669, 5—17 = Th. p. 470, 24—471, 5. У Теофана не упоминается о родствѣ Теоодоты съ Теодоромъ — G. p. 669, 7—9.

G. p. 669, 23—670, 2 = Th. p. 470, 10—21, G. p. 669, 18—22, p. 670, 3—20 cf. Th. p. 471, 9—472, 22, p. 468, 19—21. По Теофану императоръ отправился въ Октябрѣ вмѣстѣ съ матерью въ Прузу. Съ рожденіемъ сына онъ поспѣшилъ вернуться въ столицу, оставивъ мать въ Прузѣ. Ирина воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы лестью, подарками и общаніями привлечь на свою сторону военачальниковъ. Въ Мартѣ императоръ отправился въ походъ противъ арабовъ. Заговорщики, опасаясь, чтобы военные успѣхи не возвратили ему потерянной популярности, обманули его, распространивъ слухъ, что арабы бѣжали, и по возвращеніи умертвили его. О самомъ убійствѣ у Георгія рассказывается согласно съ Теофаномъ, но въ изложеніи предшествующихъ событій онъ отъ него уклоняется.

Царствованіе одной Ирины. G. p. 671; 1—2 cf. Th. p. 473, 11—15, 17—18 (Георгій говоритъ объ ἀνδράδελφοι Ирины = (у Теофана) о сыновьяхъ Константина V). У Теофана нѣтъ извѣстія, сообщаемого G. p. 671, 3—5, вмѣсто того онъ говоритъ объ ослѣпленіи сыновей Константина Копронима Th. p. 474, 5. G. p. 671, 5—9 = Th. p. 474, 6—8, 11, о болѣзни императрицы Th. p. 474, 12. G. p. 671, 10—15 = Th. p. 474, 14—15, 25—27, 28—29. Но у Георгія Азій стремился къ власти самъ (εἰς ἑαυτὸν τὸ κράτος μετεχειρίζετο), у Теофана онъ ищетъ ее p. 475, 21 для своего брата. G. p. 671, 16—672, 6 = Th. p. 476, 4—24. Но Теофанъ не упоминаетъ, что Никифоръ коронованъ Тарасіемъ. G. p. 672, 11—12 = Th. p. 476, 25—27, G. p. 672, 13—673, 11 = Th. p. 477, 19—478, 28 (въ сокращеніи), G. p. 673, 12—15 = Th. p. 479, 4—9. У Теофана не упоминается о томъ, чтобы для розыска сокровищъ Никифоръ взялъ сына Ирины Константина — G. p. 673, 16. G. p.

673, 16—18 у Θεοφана нѣтъ. G. p. 673, 19—674, 7 = Th. p. 479, 10—11, 15—19, 22—30, въ текстѣ Θεοφана нѣтъ словъ: ἐν τῷ Καταβόλιω—G. p. 674, 5. G. 674, 7—8 = Th. p. 480, 16—18. Но у Θεοφана Никифоръ приказалъ совершить убійство и потомъ притворился, будто оно совершилось безъ его вѣдома; у Георгія Никифоръ вполнѣ оправдывается, какъ нимало непричастный къ убійству. G. p. 675, 17—20 = Th. p. 480, 7—9. G. p. 675, 20—23 у Θεοφана нѣтъ. G. p. 675, 25—676, 2 = Th. p. 481, 15—16, 20—21, G. p. 676, 2—8 = Th. p. 484, 19—27, G. 9—25 = Th. p. 490, 11, 26—30 (слова Крума у Георгія не сходны съ Θεοφаномъ), p. 491, 1, 4—5, 17—18, 20—22, p. 491, 25—26. О корыстолюбіи Никифора срв. у Θεοφана p. 488, 9—12, 491, 29—30, 489, 26—27, особенно p. 486, 11—487, 19 (p. 488, 1 онъ называется παμφάγος).

Царствованіе Ставракія. G. p. 677, 17—18 = Th. p. 492, 3—4, 14, G. p. 677, 23—25 = Th. p. 492, 25—27, p. 493, 2, G. p. 678, 1—5 = Th. p. 493, 20—24, p. 494, 5. Монастырь, куда удалилась жена Ставракія и гдѣ онъ былъ погребенъ, у Θεοφана названъ τὰ Ἐβραϊκά p. 494, 7, у Георгія очевидно названіе испорчено всл. смѣшенія съ именемъ императора. Несогласно съ Θεοφаномъ число лѣтъ царствованія Ставракія G. p. 677, 16 cf. Theoph. p. 495, 18.

Царствованіе Михаила I. G. p. 678, 10—14 = Th. p. 493, 30—35, G. 15—19 = Th. p. 494, 1—3, 26—29, G. 20—22 = Th. p. 497, 16—18, 28—30, G. 23—25 = Th. p. 499, 31—500, 1, G. p. 678, 25—679, 1 = 500, 24, 501, 29—502, 2, 23 sqq.

Еще въ началѣ царствованія Льва V заимствовано Георгіемъ изъ хроники Θεοφана описаніе небснаго явленія, которое у этого послѣдняго предвѣщаетъ завоеваніе арабами Месемвріи, а у нашего лѣтописца толкуется уже, какъ предзнаменованіе возстанія Θомы, G. p. 681, 3—6 = Theoph. p. 499, 6—8. G. p. 680, 7—27 по Hirsch'у, Byz. Stud. S. 21, представляетъ уже

добавленіе изъ Теофана р. 503, 5—25 позднѣйшей редакціи хроники Георгія, также G. р. 679, 15—16 = Theoph. р. 502, 20—21.

Но въ самомъ началѣ царствованія Льва V хроника Теофана прерывается и съ этихъ поръ Георгій дѣлается самостоятельнымъ лѣтописцемъ, хотя и здѣсь, какъ указали Hirsch и Regel, онъ воспользовался нѣкоторыми источниками.

ОТЧЕТЪ

ПО

ГЛАВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

ЗА 1891 ГОДЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Директоромъ Г. И. Вильдомъ.

Читанъ въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 26 августа 1892 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Книмеля, въ Ригѣ.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Цѣна 85 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
ВВЕДЕНИЕ	1
I. Канцелярія и административная часть	2
II. Механическая мастерская и инструменты	5
III. Библиотека и архивъ	8
IV. Изданія. Обработка наблюдений. Справки	9
V. Осмотръ метеорологическихъ станцій. Упражненія наблюдателей. Посѣщенія	15
VI. Физическія изслѣдованія	17
VII. Отдѣленіе метеорологическихъ наблюдений	30
А. Метеорологическія наблюденія въ С.-Петербургѣ	31
В. Повѣрка метеорологическихъ инструментовъ	32
VIII. Отдѣленіе станцій 2-го разряда	35
IX. Отдѣленіе станцій 3-го разряда	52
X. Отдѣленіе морской метеорологіи и телеграфныхъ сообщений о погодѣ А. Отдѣлъ телеграфныхъ сообщений о погодѣ, штормовыхъ пре- достереженій и предсказаній погоды вообще	62
В. Отдѣлъ морской метеорологіи	73
С. Предостереженія для желѣзныхъ дорогъ	75
XI. Филиальная Обсерваторія въ Павловскѣ	82
XII. Тифлисская, Екатеринбургская и Иркутская Обсерваторіи	87
1. Тифлисская Физическая Обсерваторія	88
2. Екатеринбургская метеорологическая и магнитная Обсерва- торія	92
3. Отчетъ Иркутской метеорологической и магнитной Обсерва- торіи за 1890 годъ	99
4. Отчетъ Иркутской Обсерваторіи за 1891 годъ	106
Заключеніе	112

ВВЕДЕНИЕ.

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17-го декабря 1890 года, при Главной Физической Обсерваторіи учреждена съ 1-го января 1891 года новая должность *архивариуса* и *библіотекаря*; кромѣ того нѣсколько увеличенъ хозяйственный кредитъ Обсерваторіи на содержаніе новыхъ зданій.

Далѣе, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го декабря 1890 года, было назначено въ 1891 году 3,162 рубля на *ремонтъ въ Екатеринбургской Обсерваторіи* и 19,485 рублей на постройку дома при *Иркутской Обсерваторіи*.

Согласно представленію Императорской Академіи Наукъ былъ значительно увеличенъ, съ Высочайшаго соизволенія отъ 4-го и 12-го марта 1891 года, кредитъ на *содержаніе метеорологическихъ станцій* и были учреждены должности *двухъ телеграфистовъ* при Отдѣленіи бюлетеней.

Г. Министръ Путей Сообщенія А. Я. Гюббенетъ исходатайствовалъ для Главной Физической Обсерваторіи, съ Высочайшаго соизволенія отъ 24-го іюня 1891 года, согласіе на ежегодный кредитъ въ размѣрѣ 4,000 рублей, пока только на три года: 1891—93 гг.; этотъ кредитъ предназначается на окончательную организацію начатой съ успѣхомъ, уже зимою 1890—91 года, службы *предостереженій*, посылаемыхъ *железнымъ дорогамъ* о значительныхъ измѣненіяхъ въ состояніи атмосферы

вообще и особенно о сильныхъ вѣтрахъ, иногда сопровождаемыхъ снѣжными заносами, а также и на дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи, съ цѣлью улучшить эти предостереженія.

Окончательное рѣшеніе вопроса объ устройствѣ упомянутаго во введеніи къ отчету за послѣдній годъ, особаго *Отдѣленія для изданія еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ бюлетеней* нѣсколько отсрочилось вслѣдствіе необходимаго одновременно кредита для новыхъ построекъ при Главной Физической Обсерваторіи, такъ что Высочайшее соизволеніе на кредитъ, нужный для построекъ въ 1892 году, какъ и на ежегодный кредитъ на содержаніе новаго Отдѣленія съ 1-го іюля 1892 года, послѣдовало лишь 18-го ноября 1891 года. Г. Министръ Финансовъ И. А. Вышнеградскій исходатайствовалъ эти средства въ интересахъ администраціи и сельскаго хозяйства.

Мы должны поэтому съ благодарностью признать, какъ много правительство дѣлаетъ для нашей науки и для практическаго примѣненія ея на пользу страны; но все же всѣ ея старанія несравнимы съ тѣми жертвами, которыя приносились разными лицами изъ всѣхъ слоевъ общества, производившихъ безвозмездно наблюденія; не соотвѣтствуютъ также къ сожалѣнію сильному расширенію работы Главной Физической Обсерваторіи, благодаря все увеличивающемуся числу метеорологическихъ станцій въ Имперіи и вслѣдствіе требованій практическихъ примѣненій наблюденій для разныхъ отраслей администраціи, техники, сельскаго хозяйства и для публики вообще. Въ этомъ легче всего убѣдиться, сравнивъ данныя этого отчета съ данными прежнихъ лѣтъ.

I. Канцелярія и административная часть.

Дѣлопроизводство въ теченіе всего года велось подъ непосредственнымъ надзоромъ ученаго секретаря, кандидата математики г. Керсновскаго.

Подъ его руководствомъ въ канцеляріи работали въ теченіе всего года: г. Зимиховъ, которому поручено веденіе дѣлъ по перепискѣ съ метеорологическихкими станціями 2-го разряда и по веденію официальныхъ журналовъ; приче́мъ въ перепискѣ официальныхъ бумагъ ему помогалъ г. Прокофьевъ, который кромѣ того занимался разсылкою подписчикамъ ежедневнаго Метеорологическаго Бюлетеня. Затѣмъ гг. Циферманъ и Виспольскій заносили входящія и исходящія бумаги въ соотвѣтствующіе журналы; они же отправляли книги и инструменты, а также разсылали Метеорологическій Бюлетень лицамъ, учреждениямъ и метеорологическимъ станціямъ, которыя получали его бесплатно; имъ помогалъ при этомъ, въ особенности при упаковкѣ посылокъ, *канцелярскій служитель*. Изъ всѣхъ этихъ лицъ одинъ только г. Зимиховъ пользовался въ августѣ двухнедѣльнымъ отпускомъ.

Складъ изданій Обсерваторіи подлежалъ, какъ и прежде, вѣдѣнію канцеляріи.

Въ теченіе года въ канцелярію поступило:

39045 входящихъ бумагъ, бюлетеней, газетъ, изъ которыхъ
4307 официальныхъ бумагъ.

Изъ канцеляріи было отправлено:

82989 исходящихъ бумагъ, посылокъ, бюлетеней, изъ которыхъ
5125 официальныхъ.

Въ это число включены: ежедневная разсылка 196 экземпляровъ Метеорологическаго Бюлетеня (въ томъ числѣ 148 — казеннымъ учреждениямъ, ученымъ, наблюдателямъ и проч. бесплатно и 48 — подписчикамъ) и входящая и исходящая корреспонденція станцій 3-го разряда. Но сюда не вошли 230 ежедневныхъ метеорологическихкихъ депешъ, получаемыхъ Обсерваторією, и 25 телеграмъ, посылаемыхъ ею также ежедневно; эти депеши проходятъ не чрезъ канцелярію, а непосредственно чрезъ соотвѣтствующее Отдѣленіе.

Въ теченіе года чрезъ канцелярію прошло 1010 печатныхъ

листовъ корректуры и канцелярія исполнила 231 заказъ у разныхъ поставщиковъ.

Смотрителемъ Обсерваторіи состоялъ весь годъ, попрежнему, г. Пернъ. Въ его непосредственномъ вѣдѣніи находилось 12 служителей: 1 швейцаръ, 1 служитель при канцелярії, 1 служитель при Отдѣленіяхъ, 3 разсылныхъ, 1 служитель при наблюденіяхъ, 4 дворника и зимою 1 истопникъ. Смотритель, по прежнему, слѣдилъ за работами этихъ служителей по содержанию въ чистотѣ зданій, двора, смежныхъ улицъ, по отопленію зданій и проч.; на немъ же лежала обязанность снабжать Обсерваторію водою, льдомъ, топливомъ, освѣтительными матеріалами, затѣмъ различнымъ матеріаломъ, требуемымъ Отдѣленіями, механическою мастерскою и лабораторіею; по прежнему онъ же принималъ и отправлялъ на почту, на желѣзныя дороги и въ конторы транспортированія кладей, посылки съ книгами, инструментами и проч.

На смотрителя же былъ возложенъ непосредственный надзоръ за произведенными въ теченіе отчетнаго года ремонтными работами, изъ которыхъ упомянемъ о слѣдующихъ.

Вновь построена послѣдняя часть деревяннаго забора вдоль канала, такъ что теперь на долгое время не предстоитъ ремонта въ этомъ родѣ. Пришлось построить открытый сарай для защиты дровъ отъ дождя и снѣга, такъ какъ въ послѣдніе годы вслѣдствіе новыхъ пристроекъ увеличилась потребность въ топливѣ. Старая входная дверь въ главное зданіе была замѣнена новою. Наконецъ одна изъ нашихъ воздушныхъ печей требовала капитальнаго ремонта, а потому она была замѣнена, по совѣту г. Марфельда, архитектора Академіи, печью новою лучшей системы.

Къ концу года *электрическое освѣщеніе* было введено также въ комнатахъ для метеорологическихъ наблюденій и для повѣрки станціонныхъ инструментовъ въ старой магнитной обсерваторіи, отстоящей отъ главнаго зданія на 20 сажень (40 метровъ); для этой цѣли она была соединена съ проводникомъ освѣщенія въ главномъ зданіи при помощи двойнаго провода на шестахъ и изо-

ляторахъ (причемъ одна изъ проволокъ кромѣ того снабжена изолирующею оболочкою). Это настоятельно требовалось для лучшаго выполнения наблюдений въ короткіе и темные зимніе дни. Въ 1889 году, когда электрическое освѣщеніе было введено лишь въ нѣкоторыхъ комнатахъ, весь расходъ на свѣтильный газъ (на освѣщеніе и на газомоторъ) составлялъ 650 рублей; въ этомъ же отчетномъ году послѣ повсемѣстнаго введенія электрическаго освѣщенія расходъ этотъ уменьшился до 421 рубля, не смотря на то, что дальнѣйшее увеличеніе числа служащихъ въ Отдѣленіяхъ увеличило и запросъ на освѣщеніе.

Конечно, при этомъ работа механика, завѣдующаго электрическимъ освѣщеніемъ, увеличилась, но это увеличеніе расхода во всякомъ случаѣ не столь велико, какъ вышеупомянутое сбереженіе.

II. Механическая мастерская и инструменты.

Подъ надзоромъ механика Обсерваторіи г. Фрейберга въ этомъ году въ мастерской занимались г. Доморощевъ преимущественно болѣе точными работами, г. Дитрихсъ — текущими дѣлами и электрическимъ освѣщеніемъ; болѣе же грубыя работы исполнялъ до своего ухода въ іюнѣ мѣсяцѣ г. Прагстъ, который былъ рабочимъ мастерской. На мѣсто между тѣмъ умершаго г. Прагста 20-го октября былъ приглашенъ г. Креско.

Главныя работы механической мастерской въ отчетномъ году заключались въ окончаніи новаго *магнитнаго походнаго теодолита* малыхъ размѣровъ въ первоначальномъ видѣ, въ улучшеніи и отчасти переустройствѣ *старою нормальнаго барометра* и въ изготовленіи *новаго*; затѣмъ въ устройствѣ и установкѣ особаго *ртутнаго манометра* (передѣланнаго изъ сифоннаго барометра) для давленій до 400 мм. къ прибору для испытанія гипсотермометровъ. Мастерская далѣе изготовила *апаратъ для провѣрки волосняныхъ гигрометровъ* при различныхъ степеняхъ влажности, устроила *часовой механизмъ* для приведенія въ дѣйствіе *вентилятора* при помощи падающей гири, составила *приборъ для*

поправки термометровъ до — 75° при помощи жидкой серной кислоты и дополнила и отчасти измѣнила систему дѣйствія и регулированія *электрическаго освѣщенія*. Для этой цѣли былъ приготовленъ приборъ для измѣненія направленія тока къ батареѣ Гагена изъ аккумуляторовъ и приобрѣтенъ для быстрого заряженія ея обыкновенный *газовый двигатель* Отто изъ Дейтца въ 5 лошадиныхъ силъ и рассчитанная на эту силу *динамо-машина съ параллельнымъ соединеніемъ* магнитовъ изъ механическаго завода «Эрликонъ» (Цюрихъ). Желая привести новую динамо-машину въ параллельное дѣйствіе со старою машиною Шпикера, приводимую до сихъ поръ въ движеніе двойнымъ газовымъ двигателемъ въ 3 лошадины силы, послѣдняя была у насъ обращена также въ *динамо-машину съ параллельнымъ соединеніемъ* магнитовъ изъ компаундъ-машинны посредствомъ новой обмотки электромагнита; потомъ вся эта система была такимъ образомъ передѣлана для параллельнаго употребленія обѣихъ батарей изъ аккумуляторовъ. Въ то же время во всѣ проводы были введены *свинцовые предохранители* электрическаго общества въ Берлинѣ (Allgemeine Electricitäts-Gesellschaft) и для контроля общаго употребленія былъ приобрѣтенъ амперографъ братьевъ Ришаръ въ Парижѣ и былъ введенъ въ главную цѣпь. Благодаря этимъ улучшениямъ, наше электрическое освѣщеніе не только дѣйствовало безъ всякихъ измѣненій и остановокъ, но и на будущее время оно обезпечено по возможности отъ перерывовъ, благодаря двойнымъ двигателямъ, двойнымъ динамо-машинамъ и двойнымъ аккумуляторамъ.

Упомянутый въ послѣднемъ отчетѣ *электромоторъ* устроенъ для приведенія въ движеніе большаго станка въ помѣщеніи вдали отъ газоваго двигателя.

Далѣе на крышѣ башни съ анемометромъ Фрейберга отъ соотвѣтствующаго анемографа, какъ съ высшей точкой, былъ соединенъ *громоотводъ*, вмѣсто прежняго, который находился ниже.

Наша мастерская не мало также времени употребила на *сохраненіе* и *починку* инструментовъ, по которымъ ведутся наблю-

денія не только въ Главной Физической Обсерваторіи, но и на всѣхъ метеорологическихъ станціяхъ 2-го разряда (числомъ свыше 400) и 3-го разряда (свыше 800). Кроме того механикъ Фрейбергъ, какъ и прежде, доставилъ въ отчетномъ году, подъ моимъ надзоромъ, установленнымъ порядкомъ слѣдующіе *новые инструменты для метеорологическихъ станцій*:

На средства Обсерваторіи.	На средства другихъ учрежденій и частныхъ лицъ.
47	145 термометровъ.
27	68 минимумъ-термометровъ.
1	44 максимумъ-термометра.
25	52 волосныхъ гигрометра.
15	36 термометрическихъ клѣтокъ.
15	44 пары большихъ дождемѣровъ.
83	100 паръ малыхъ дождемѣровъ.
8	28 ртутныхъ барометровъ.
13	36 анероидовъ.
28	55 малыхъ флюгеровъ.
—	2 анемометра.
1	5 солнечныхъ часовъ.
—	3 вѣсовыхъ эвапораметра.
—	1 гипсотермометръ.

Изъ запаса Обсерваторіи былъ выданъ одинъ камертонъ реальному училищу въ Тюмени.

Въ теченіе отчетнаго года число инструментовъ, принадлежащихъ Обсерваторіи, увеличилось слѣдующими: вышеупомянутымъ *магнитнымъ походнымъ теодолитомъ*, *новымъ нормальнымъ барометромъ* и принадлежащимъ къ нему *ртутнымъ насосомъ* Тёплера-Гагена, *двумя волосными гигрометрами* Ришара въ Парижѣ, однимъ *барографомъ* и однимъ *термографомъ* Устери-Рейнахера въ Цюрихѣ, *квадратнымъ электрометромъ* Эдельмана въ Мюнхенѣ, *воздушнымъ насосомъ* и *регуляторомъ давленія* при приборѣ для провѣрки гипсотермометровъ и *ариемометромъ* Одера.

Сверхъ упомянутого прибора для измѣненія направленія тока, *динамо-машины № 2 завода «Эрликонтъ», газоваго двигателя Янто № 14407 въ 5 лошадиныхъ силъ, для нашей мастерской* приобрѣтено еще нѣсколько *реостатовъ и замыкателей тока.*

III. Библіотека и архивъ.

Въ этомъ году въ *библіотеку* поступило 1028 нумеровъ, изъ нихъ получено въ обмѣнъ 936 и куплено 92.

Въ читальной комнатѣ были выставлены для чтенія 157 русскихъ и иностранныхъ журналовъ.

Въ концѣ отчетнаго года была предпринята, какъ и прежде, ревизія библіотеки.

Въ *архивѣ* поступили записи самопишущихъ приборовъ и ихъ обработка и таблицы специальныхъ наблюдений Главной Физической Обсерваторіи за 1890 годъ, а также матеріалъ о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ за 1888 и 1889 годы.

Главному Гидрографическому Управленію были выданы изъ архива принадлежащіе ему 110 журналовъ наблюдений на судахъ и маякахъ.

Изъ архива были выданы на время служащимъ въ Обсерваторіи при ихъ работахъ: таблицъ за 438 лѣтъ, синоптическихъ картъ за 11 лѣтъ, 6 томовъ, 2 тетради и 1 томъ мелкихъ изданій.

Международная полярная комиссія постановила въ своемъ послѣднемъ засѣданіи 3-го сентября 1891 года въ Мюнхенѣ, чтобы, съ разрѣшенія Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, архивъ означенной международной полярной комиссії, состоящей изъ извѣстнаго числа экземпляровъ изданій ея, оставался, какъ и до сихъ поръ, въ архивѣ Главной Физической Обсерваторіи, какъ мѣстѣ его управленія.

Завѣдываніе архивомъ рѣшено было предложить той-же Академіи съ тѣмъ, чтобы съ ея разрѣшенія каждому, желаю-

щему съ научною цѣлью воспользоваться матеріаломъ этого архива, печатанныя сочиненія его выдавались или на время, или въ подарокъ; что же касается единичныхъ экземпляровъ и рукописей, то ими можно пользоваться только въ копіяхъ, снимаемыхъ на счетъ просителя, или же не вынося ихъ изъ стѣнъ Обсерваторіи. Императорская Академія Наукъ въ своемъ засѣданіи 23-го октября 1891 года согласилась на то, чтобы означенный архивъ постоянно оставался при Главной Физической Обсерваторіи и приняла на себя завѣдываніе имъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

На вновь учрежденную должность *библіотекаря и архиваріуса* былъ избранъ съ 1-го февраля кандидатъ математики г. Гласекъ, но занималъ ее лишь до 30-го сентября, когда его мѣсто, по моему желанію, занялъ старшій наблюдатель г. Фридрихсъ, на мѣсто котораго въ свою очередь поступилъ г. Гласекъ.

IV. Изданія. Обработка наблюденій. Справки.

Въ обмѣнъ за доставляемыя Обсерваторіи изданія или наблюденія, ею разосланы въ отчетномъ году слишкомъ 400 учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ внутри Имперіи и за границу:

1. Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1889 годъ, часть II.
2. Тоже за 1890 годъ, часть I.
3. Метеорологическій Сборникъ на нѣмецкомъ языкѣ, томъ XIV, подъ заглавіемъ: *Repertorium für Meteorologie, Bd. XIV*. Тотъ же томъ, изданный на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Метеорологическій Сборникъ, томъ II*.

Сверхъ того разосланы соответствующимъ станціямъ въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Лѣтописей:

1. Годовые выводы изъ наблюденій станцій 2-го разряда за 1889 годъ.
2. Наблюденія надъ атмосферными осадками за 1890 годъ.
3. Наблюденія надъ грозами за 1890 годъ.

Метеорологическій Бюлетень высылался ежедневно въ числѣ 148 экземпляровъ безвозмездно внутри Имперіи и за границу, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, куда онъ отправлялся еженедѣльно. Сверхъ того 47 экземпляровъ этого Бюлетеня рассылались подъ бандеролью ежедневно *подписчикамъ* внутри Имперіи и *одинъ* экземпляръ за границу.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предшествующемъ, вслѣдствіе увеличенія числа наблюдательныхъ пунктовъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія средствъ всѣ вычислители были заняты исключительно вычисленіемъ получаемыхъ со станцій наблюденій; поэтому дальнѣйшая обработка наблюденій, изданныхъ въ Лѣтописяхъ и хранящихся необнародованными въ архивѣ Обсерваторіи, производилась лишь въ ограниченномъ размѣрѣ.

Основываясь на непосредственныхъ ежечасныхъ наблюденіяхъ въ Павловской Обсерваторіи въ 1888 году, организованныхъ тогда мною, я самъ представилъ трудъ *о вліяніи установки термометровъ на ихъ показанія при опредѣленіи температуры воздуха*. Г. Бергъ воспользовался сильно увеличившимся матеріаломъ дождевѣрныхъ станцій, чтобы изслѣдовать за періодъ 1886—1890 года для болѣе 500 станцій европейской Россіи вопросъ *о повторяемости и географическомъ распредѣленіи ливней*. Подобно тому, какъ г. Лейстъ въ прошломъ году обработалъ вопросъ о температурѣ почвы въ Павловскѣ, г. Гласекъ теперь воспользовался 17-ти-лѣтними наблюденіями при Главной Физической Обсерваторіи съ 1873 года, чтобы изслѣдовать *температуру почвы* въ С.-Петербургѣ и притомъ гораздо основательнѣе, чѣмъ я могъ это сдѣлать въ 1878 году (Repert. für Meteorologie, Bd. VI, № 4), имѣя въ своемъ распоряженіи наблюденія лишь за 5 лѣтъ и притомъ еще не столь хорошія. Г. Лейстъ представилъ нѣсколько замѣчаній *о вліяніи темпе-*

ратуры столба ртути у некоторыхъ максимумъ-термометровъ и смоченныхъ термометровъ психрометра. Наконецъ въ декабрѣ были представлены еще слѣдующія работы: г. профессоръ О. Хвольсонъ — большое критическое изслѣдованіе *о современномъ состояніи актинометрии*, для чего онъ произвелъ лѣтомъ въ Павловской обсерваторіи рядъ изслѣдованій, г. Абельсъ — *объ измѣреніи толщины снежнаго покрова зимою 1890—1891 года* въ Екатеринбургѣ и наконецъ г. Лейстъ — *вычисленіе среднихъ значеній температуры изъ наблюденій въ сроки: 8 ч. утра, 2 ч. дня и 8 ч. вечера*; эта статья явилась слѣдствіемъ вопроса, возбужденнаго въ международномъ метеорологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ. Всѣ эти труды помѣщены въ Метеорологическомъ Сборникѣ и на нѣмецкомъ языкѣ въ *Repertorium für Meteorologie*.

Слѣдующія лица и учрежденія, въ отвѣтъ на запросы, получили въ отчетномъ году изъ Главной Физической Обсерваторіи *сводныя о погодѣ*:

Судебный слѣдователь въ Томскѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Томскѣ отъ 20-го сентября по 19-е октября 1889 года.

Г. Сназинъ во Владимірскомъ — о магнитномъ склоненіи въ Тверской губерніи въ 1891 году.

Директоръ маяковъ Бѣлаго моря въ Архангельскѣ — годовыя и мѣсячныя среднія наблюденій въ Архангельскѣ въ 1890 году.

Правленіе Гвардейской Артиллерійской Бригады — о температурѣ въ октябрѣ 1888 года въ С.-Петербургѣ.

Инженеръ Скворцовъ — о направленіи и силѣ вѣтра въ Варшавѣ въ 1889 году.

Начальникъ С.-Петербургской Гавани — о направленіи и силѣ вѣтра и магнитномъ склоненіи въ С.-Петербургѣ въ 1890 г.

Министерство Государственныхъ Имуществъ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ С.-Петербургѣ за октябрь и ноябрь 1889 года.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — объ атмосферномъ давленіи въ Пекинѣ, Барнаулѣ и Кашгарѣ за время съ 1-го января по 30-е ноября 1890 года.

Г. Симановскій въ С.-Петербургѣ — годовыя и мѣсячныя среднія температуры въ С.-Петербургѣ за время съ 1880 по 1889 годъ.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — о температурѣ въ Кашгарѣ за мѣсяцы съ января по іюль 1890 года.

Судебный слѣдователь въ Валкѣ — о состояніи погоды въ Валкѣ 26-го и 27-го февраля 1891 года.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — объ атмосферномъ давленіи на всѣхъ станціяхъ Восточной Сибири за 15-е октября 1889 г.

Судебный слѣдователь въ Валкѣ — о температурѣ въ Валкѣ за время отъ 15-го декабря 1889 по 5-е января 1890 г.

Судебный слѣдователь въ С.-Петербургѣ — о состояніи погоды въ С.-Петербургѣ 30-го августа 1890 года.

Г. Симановскій въ С.-Петербургѣ — о температурѣ въ С.-Петербургѣ за мѣсяцы отъ января по апрѣль и отъ сентября по декабрь 1890 года.

Г. Михаловецъ въ Баку — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Баку за годы отъ 1877 по 1889.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — объ атмосферномъ давленіи и температурѣ въ Вѣрномъ за мѣсяцы съ іюля по октябрь 1890 года.

Г. К. Рабо въ Парижѣ — объ атмосферномъ давленіи и температурѣ въ Березовѣ и Усть-Цыльмѣ за мѣсяцы іюль и августъ 1890 года.

Докторъ Груздевъ въ С.-Петербургѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Казани, Вольскѣ, Саратовѣ, Самарѣ и Астрахани за мѣсяцы съ іюля по августъ 1890 года.

Инженеръ Штукенбергъ въ С.-Петербургѣ — о магнитномъ склоненіи въ Восточной Сибири въ 1890 году.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — о темпе-

ратурѣ и атмосферномъ давленіи въ Оренбургѣ за мѣсяцы іюнь и іюль 1890 года.

Правленіе Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Кіевѣ — объ осадкахъ и влажности въ Янушполѣ, Михневѣ, Житомирѣ, Пинскѣ, Василевичахъ, Здолбуновѣ, Волковинцахъ, Уманѣ и Коростышевѣ отъ 6-го до 9-го февраля 1890 года.

Г. Гауеръ въ С.-Петербургѣ — объ атмосферномъ давленіи въ С.-Петербургѣ за мѣсяцы отъ января по май 1891 года.

Г. Шмидтъ въ С.-Петербургѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Лѣсномъ и Шлюсельбургѣ за мѣсяцы съ января по мартъ 1891 года.

Адвокатъ Де-Антонини въ Одессѣ — о силѣ и направленіи вѣтра въ Айтодорѣ и Херсонесѣ 14-го декабря 1888 года.

Редакція «*Русскаго Календаря*» о вскрытіи и замерзаніи Невы въ 1890 году.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — о температурѣ и атмосферномъ давленіи на 43 метеорологическихъ станціяхъ въ Сибири за 4-е и 5-е декабря 1890 года.

Инженеръ Лебедевъ въ С.-Петербургѣ — объ атмосферномъ давленіи въ С.-Петербургѣ 9-го іюля 1891 года.

Г. Трувело въ Мёдонѣ близъ Парижа — о магнитныхъ наблюденіяхъ въ Павловскѣ 17-го іюня 1891 года.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — объ осадкахъ и температурѣ въ С.-Петербургѣ за время отъ 1-го іюня 1877 до 1-го іюня 1878 года.

Судебный стѣдователь въ С.-Петербургѣ — о температурѣ, силѣ и направленіи вѣтра въ С.-Петербургѣ за 9-е іюня 1891 года.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — годовыя и мѣсячныя среднія атмосфернаго давленія для 23 станцій въ Сибири въ 1890 году.

Генераль Величко въ С.-Петербургѣ — ежечасныя значенія силы и направленія вѣтра въ С.-Петербургѣ за 21-е іюня 1891 года.

Рѣчная Полиція въ С.-Петербургѣ — о высотѣ воды въ Невѣ въ С.-Петербургѣ 7-го іюня 1891 года.

Г. Штольценбургъ въ Славянскѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Курской губерніи въ 1889 году.

Г. Ковалевскій въ Петергофѣ — о магнитныхъ элементахъ въ Павловскѣ, Екатеринбургѣ и Иркутскѣ въ 1890 году.

Рѣчная Полиція въ С.-Петербургѣ — о высотѣ воды въ Невѣ у С.-Петербурга за 26-е іюня, 3-е и 9-е августа 1891 года.

Г. Генри Лансдель въ Blackheath (Англія) — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Кашгарѣ въ 1888 году.

Судебный слѣдователь въ Демьянскѣ — о минимумѣ температуры въ С.-Петербургѣ и Полюновновѣ за 3-е сентября 1890 г.

Правленіе Вышневолоцкаго округа Путей Сообщенія — о температурѣ въ Новгородѣ и Боровичахъ за 25-е февраля 1888 и за 11-е по 25-е октября 1890 года.

Инженеръ Комаровъ въ С.-Петербургѣ — объ осадкахъ въ Тифлисі, Гудаурѣ и Горы за 1888 годъ.

Г. Крицкій въ С.-Петербургѣ — о влажности въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Симферополѣ за 1889 годъ.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — о высотѣ воды въ Невѣ у С.-Петербурга съ 22-го до 30-го сентября 1891 года.

Комиссія электрическаго освѣщенія въ Императорской Медицинской Академіи — о высотѣ воды въ Невѣ у С.-Петербурга съ 3-го до 6-го сентября и 12-го октября 1891 года.

Инженеръ Митте въ С.-Петербургѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Маломъ-Узенѣ, Саратовѣ и Самарѣ за время съ 1870 до 1890 года.

Генераль-маіоръ А. Тилло въ С.-Петербургѣ — о магнитныхъ элементахъ въ Павловскѣ 30-го октября 1891 года.

Генераль-маіоръ Жилинскій въ С.-Петербургѣ — объ испареніи въ юго-восточной части европейской Россіи въ 1890 году.

Топографъ Ивановъ въ С.-Петербургѣ — о наблюденіяхъ въ Буюкъ-Дере съ іюня до августа 1891 года.

Професоръ Столѣтовъ въ Москвѣ — о магнитныхъ элементахъ въ Павловскѣ 1-го января 1891 года.

Адвокатъ Герке въ С.-Петербургѣ — объ атмосферныхъ осадкахъ въ Шлиссельбургскомъ округѣ за зиму 1889—1890 года.

Инженеръ Лебедевъ въ С.-Петербургѣ — о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Вологдѣ, Шенкурскѣ, Каргополѣ, Вытегрѣ, Вознесенѣ и Тотмѣ за май и іюнь 1891 года.

Судебный слѣдователь въ С.-Петербургѣ — о температурѣ и атмосферныхъ осадкахъ въ С.-Петербургѣ съ 13-го до 25-го ноября 1891 года.

Судебный слѣдователь въ Гапсагѣ — о направленіи и силѣ вѣтра въ Дагерортѣ, Фильзандѣ и Пакерортѣ съ 14-го октября до 2-го ноября 1891 года.

Докторъ Г. Радде изъ Тифлиса, временно въ С.-Петербургѣ — о температурѣ, влажности, атмосферныхъ осадкахъ и вѣтрахъ для ряда пунктовъ въ Индіи и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ странахъ за 1890 годъ.

Всѣ эти справки выдавались завѣдующими отдѣленіями, къ которымъ они относились, причемъ исполненіе ихъ въ случаѣ большаго объема поручалось лицамъ, или нарочно для того при-
ставленнымъ, или за особую плату.

V. Осмотръ метеорологическихъ станцій. Упражненіе наблюдателей. Посѣщенія.

Такъ какъ въ этомъ году желѣзныя дороги предоставили намъ для осмотра метеорологическихъ станцій даровые билеты, то инспекторъ г. Шенрокъ могъ чаще отправляться въ командировки для устройства и посѣщенія станцій. Потому онъ въ этомъ году произвелъ слѣдующіе осмотры.

Съ 3-го по 28-е февраля г. Шенрокъ посѣтилъ слѣдующія 8 станцій западнаго края Имперіи: Бусаны (Заполье), Псковъ, Вильну, Бердовичи, Пинскъ, Василевичи, Мозырь и Новозыбковъ.

Съ 6-го апрѣля по 4-е іюня онъ осмотрѣлъ слѣдующія 24 станціи въ средней и южной Россіи: Рязань, Козловъ, Бобровъ, Воронежъ, Сагуны, Шептуховку, Ростовъ на Дону, Перебойный Островъ, Таганрогъ, Маргаритовку, Веселый Поселокъ, Тихорѣцкую, Новороссійскъ (2 станціи), Александровка-Покровское, Лозовую, Поныри, Казачье, Богородицкое, Тимъ, Богодухово, Орель (2 станціи) и Полюновку.

5-го и потомъ еще разъ 11-го сентября онъ посѣтилъ станцію въ Шлиссельбургѣ.

Наконецъ за время отъ 9-го по 19-е декабря онъ устроилъ 3 новыя станціи въ Корсовкѣ, Игналинѣ и Ковно и перевелъ метеорологическую станцію въ Вильно изъ мѣстной школы на желѣзнодорожную станцію, такъ какъ первая недостаточно хорошо дѣйствовала.

О всѣхъ этихъ путешествіяхъ г. Шенрокъ представилъ подробные отчеты.

Отъ директора Иркутской Обсерваторіи г. Штеллинга поступилъ подробный отчетъ его большого путешествія съ цѣлью осмотра станцій въ 1890 году. Вслѣдствіе путешествія его, продолжавшагося болѣе 8½ мѣсяцевъ, и послѣдовавшей затѣмъ продолжительной болѣзни его произошли неизбѣжныя остановки въ работахъ Иркутской Обсерваторіи, такъ что служащимъ въ этой обсерваторіи не было возможности предпринимать въ отчетномъ году дальнѣйшія инспекціи по Восточной Сибири. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, Императорская Академія Наукъ даже разрѣшила выдать этой обсерваторіи изъ кредита Главной Физической Обсерваторіи 500 рублей на содержаніе метеорологическихъ станцій въ 1891 году, чтобы ускорить запоздавшія вычисленія наблюденій.

Директоръ Абельсъ свачала перемѣстилъ въ апрѣль станцію на горѣ Благодать, а потомъ произвелъ съ 21-го іюля

по 20-е сентября, по моему желанію, большую и трудную инспекцію въ Западной Сибири и посѣтилъ слѣдующія 12 станцій: Тюмень, Петропавловскъ, Омскъ, Павлодаръ, Ямышевскій Поселокъ, Семипалатинскъ, Барнаулъ, Томскъ, Нарымъ, Сургутъ, Самаровское Село и Тобольскъ.

По распоряженію директора Тифлисской Обсерваторіи г. Мильберга, помощникъ его г. АссаФрей осмотрѣлъ съ 3-го по 31-е октября метеорологическія станціи въ Батумѣ, Поті, Сухумѣ и Сочи, а старшій наблюдатель г. Вознесенскій съ 10-го мая по 10-е іюля осмотрѣлъ станціи въ Гудаурѣ, Коби, Владикавказѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ, Хуторкѣ, Ставрополѣ, Ладожской Станицѣ и на минеральныхъ водахъ въ Псекупѣ и устроилъ одну новую станцію при Михайловской пустынѣ.

Такимъ образомъ въ отчетномъ году всего осмотрѣно 66 станцій въ разныхъ частяхъ Имперіи.

Въ свободное время г. Шенрокъ принималъ участіе въ физическихъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ будетъ подробнѣе сказано въ слѣдующей главѣ, и продолжалъ работу, начатую въ свое время г. Вознесенскимъ, объ *облачности въ Россіи*.

Накопецъ г. Шенрокъ практически обучалъ станціонныхъ наблюдателей, пріѣзжавшихъ для этой цѣли въ Петербургъ, производству наблюденій; кромѣ того онъ часто показывалъ инструменты и вообще устройство Главной Физической Обсерваторіи интересовавшимся этимъ посѣтителемъ.

Съ 4-го іюля по 4-е августа г. Шенрокъ получилъ для отдыха отпускъ.

VI. Физическія изслѣдованія.

Относительно спеціальныхъ физическихъ изслѣдованій все остается и въ отчетномъ году въ томъ же состояніи, какъ и въ предшествовавшемъ. По недостатку личнаго состава и вслѣдствіе большаго накопленія дѣлъ такія изслѣдованія могли произ-

водится лишь случайно, на досугъ отъ другихъ обязательныхъ работъ.

Меры и измѣренія. Гг. А. Шенрокъ и В. Фридрихсъ окончили повѣрку дѣлений шкалы для новаго нормальнаго барометра, начатую ими въ прошломъ году. Кромѣ опредѣленія длины всего метра, сравненіемъ его при посредствѣ нашего нормальнаго метра съ новымъ международнымъ метромъ, были опредѣлены также всѣ дециметры и сантиметры отъ 50 до 150 миллиметровъ и отъ 750 до 850, которые преимущественно могутъ имѣть значеніе при барометрическихъ наблюденіяхъ. Средняя надежность этихъ опредѣленій среднимъ числомъ изъ данныхъ обоихъ наблюдателей равняется для всѣхъ этихъ частей $\pm 0,0002$ мм. (наибольшее отклоненіе равнялось 0,0007 мм.), и такъ какъ отклоненіе сантиметровъ отъ ихъ истиннаго значенія не превышаетъ 0,006 мм., то казались совершенно излишнимъ повѣрять каждый отдѣльный миллиметръ, такъ какъ для этого метра требовалась точность только въ $\pm 0,005$ мм. Подробности будутъ показаны при описаніи новаго нормальнаго барометра.

Измѣренія атмосфернаго давленія. Прежде всего я поручилъ произвести нѣкоторыя улучшенія въ старомъ нормальномъ барометрѣ (№ I). Такъ какъ наблюденія съ нимъ у различныхъ наблюдателей сопровождались большими субъективными разностями и вообще ошибками, происходящими очевидно отъ неясности изображенія поверхности ртути барометра въ микроскопъ при небольшомъ измѣненіи освѣщенія его, то я рѣшился замѣнить наверху черные, а внизу бѣлые экраны для освѣщенія, бывшіе до сихъ поръ за трубками барометра черными стеклянными остріями на оси трубокъ такъ, чтобъ ихъ можно было доводить до близкаго соприкосновенія съ поверхностью ртути. Какъ я уже въ 1873 году показалъ въ моемъ изслѣдованіи объ опредѣленіи атмосфернаго давленія, на стр. 24 (Repert. für Meteorologie, Bd. III, № I), середина между остриемъ и его изображеніемъ въ плоской части поверхности ртутнаго мениска даетъ совершенно точно истинное положеніе ея, и это вспомогательное

средство можетъ служить, какъ я указалъ въ томъ же изслѣдованіи, на стр. 28 подъ буквою *h*, также признакомъ вѣрнаго употребленія освѣщенія при помощи экрановъ. Желая ввести въ употребленіе наведеніе на острія, я заказалъ у выдувальщика стекла Мюллера новую барометрическую трубку тѣхъ же размѣровъ и устройства, какъ и прежняя, только съ тою разницею, что у новой трубки въ верхнемъ закрытомъ цилиндрическомъ сосудѣ впаены къ стѣнкѣ 3 черныхъ стеклянныхъ острія, которыя выступаютъ до оси трубки, потомъ загнуты вертикально внизъ и оканчиваются острымъ концомъ (который однако подъ микроскопомъ кажется полушаріемъ меньшаго радіуса). Одно изъ указанныхъ острій находится въ срединѣ, другія вблизи верхняго и нижняго концовъ широкаго цилиндра, который внизу переходитъ въ узкую соединительную трубку (см. изображеніе нормальнаго барометра въ указанномъ мѣстѣ). Въ соответствующемъ открытомъ стеклянномъ цилиндрѣ внизу выступаетъ стеклянное остріе для наведенія на находящуюся тамъ поверхность ртути; это остріе прикрѣплено къ желѣзному стержню, который можно двигать вверхъ и внизъ. Новая трубка была наполнена ртутью при помощи аппарата Вейнгольда, причемъ особенное вниманіе было обращено на полное разряженіе ея, на сухость и чистоту ртути, и затѣмъ была вставлена въ инструментъ. Такъ какъ теперь при наблюденіи поверхность ртути въ закрытомъ колѣнѣ надо подымать каждый разъ приблизительно до одного изъ трехъ острій, то прежнее устройство для поднятія и опусканія ртути въ барометрѣ теперь уже не можетъ быть примѣнено, такъ какъ оно производилось при помощи сообщающагося сосуда, который просто ставился на болѣе высокую или болѣе низкую подставку и закрѣплялся краномъ, когда приблизительно достигалось нужное положеніе. Теперь вмѣсто прежняго приспособленія устроена широкая трубка, которая сообщается съ сосудомъ барометра при помощи каучуковой трубы, и можетъ быть поставлена наблюдателемъ выше или ниже у микроскоповъ при помощи зубчатого колеса и стержня. Освѣщеніе шкалы барометра дости-

гается помощью электрической лампочки накаливанія съ силою въ 5 свѣчей (100 вольтъ); эта лампочка прикрѣплена къ оправѣ микроскопа; она служитъ въ то же время для освѣщенія шкалы термометра, далѣе она же освѣщаетъ барабанъ микрометра при помощи неподвижно установленнаго съ боку зеркала, а также стекляныя острія надъ поверхностью ртути, въ то время, какъ другое неподвижное зеркало, установленное позади стеклянной трубки, отражаетъ сзади свѣтъ, проходящій съ боку, на острія, и направляетъ его далѣе въ микроскопъ. При помощи замыкателя тока на стѣнѣ лампочка накаливается только на тотъ промежутокъ времени, который нуженъ для наведенія и отсчета, такъ что съ этой стороны исключается всякое замѣтное нагрѣваніе прибора. Этотъ способъ освѣщенія имѣетъ потому еще особенное значеніе, что мы можемъ наблюдать по этому инструменту, какъ уже прежде упомянуто, только позднюю ночью, когда на улицахъ, окружающихъ Обсерваторію, почти совсѣмъ прекращается ѣзда, и когда въ самой Обсерваторіи водворилась полная тишина.

Со времени этихъ измѣненій не получалось уже никакихъ субъективныхъ разницъ и другихъ неточностей, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ возможной точности этихъ измѣреній, равной $\pm 0,005$ мм.

Новый нормальный барометръ (№ II), изготовленный у насъ въ концѣ 1891 года, отличается существенно отъ прежняго въ слѣдующемъ. Чтобы устранить, съ одной стороны, сомнѣнія относительно неправильнаго преломленія лучей въ стѣнкахъ трубки барометра и чтобы, съ другой стороны, можно было измѣреніе разности уровней ртути въ обоихъ колѣнахъ производить по методу, данной М. Тизеномъ при помощи шкалы, установленнаго позади трубки, уровни ртути помѣщены здѣсь въ двухъ стекляныхъ четырехугольныхъ бутылкахъ съ горлышками внизу и вверху, стѣнки которыхъ отколоты съ двухъ противоположныхъ сторонъ; на эти гладко отшлифованные края были прикрѣплены замазкой толстыя стекляныя пластинки Штейнгейля въ Мюнхенѣ съ взаимно параллельными поверх-

ностями въ 4 мм. толщины. Нижнія горлышки обѣихъ бутылокъ связаны между собой стеклянной трубкой, вшлифованной въ нихъ своими концами и имѣющей форму U, отъ которой снизу идетъ еще одна трубка къ вертикальной стеклянной трубѣ. Въ ней находится цилиндрической стеклянный сосудъ, который можно двигать внизъ и вверхъ при помощи зубчатого стержня и колеса; такъ какъ этотъ сосудъ наверху закрытъ стекляннымъ краномъ и внизу имѣетъ лишь небольшое отверстіе, то при помощи его можно ртуть перегнать въ верхнее колѣно барометра и навести на неподвижное стеклянное остріе. Если же открыть кранъ верхняго конца означеннаго сосуда, то можно впустить въ него больше или меньше ртути и такимъ образомъ облегчить регулированіе поверхности ртути при необыкновенно высокихъ или низкихъ положеніяхъ барометра. Такъ какъ наполненіе ртутью такъ устроенной и составленной барометрической трубки обыкновеннымъ способомъ представляется невозможнымъ даже при слабомъ нагрѣваніи, то верхнее горлышко верхней бутылки сначала было соединено съ шарообразнымъ сосудомъ, содержащимъ крѣпкую фосфорную кислоту, при помощи вшлифованной и прикрѣпленной замазкой стеклянной трубки, и потомъ при помощи оловянной трубки, прикрѣпленной къ этому сосуду замазкой, съ Тѣплеръ-Гагенскимъ ртутнымъ насосомъ; я это также сдѣлалъ раньше и въ Павловскѣ при его нормальномъ барометрѣ (см. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1887 и 1888 годы, стр. 22 и 33). Когда воздухъ выкаченъ, тогда при помощи этого насоса легко опредѣлить извѣстнымъ способомъ съ точностью меньше чѣмъ 0,001 мм. давленіе оставшагося въ пустомъ пространствѣ сухого воздуха.

При штативѣ трубы устроено такое приспособленіе, что шкалу можно карданически привѣсить по желанію или около трубы для измѣреній, аналогичныхъ съ измѣреніями по барометру № I, или же непосредственно сзади трубы, почти въ соприкосновеніи съ задними взаимно параллельными пластинками, которыми закрѣплена труба.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе измѣреній, произведенныхъ до сихъ поръ по обѣимъ нормальнымъ барометрамъ, я пока могу только указать на слѣдующій предварительный результатъ ихъ: производилось ли измѣреніе посредствомъ острій и ихъ изображеній у барометра № II, или посредствомъ помѣщенія шкалы позади сосуда и измѣренія тогда разстоянія его дѣленій и ихъ изображеній въ ртути съ точностью до 0,01 мм., всегда получалась та же высота барометра, послѣ примѣненія всѣхъ необходимыхъ поправокъ.

Уже въ февралѣ былъ перевезенъ изъ Павловска въ С.-Петербургъ барометръ 1-го класса фортинской конструкціи Адіа въ Лондонѣ № 1492, раздѣленный на англійскіе дюймы съ трубкой въ 14 мм. ширины, чтобы сравнить его вмѣстѣ съ контрольнымъ барометромъ Фуса № 149 (раздѣленнымъ на миллиметры съ трубкой въ 13 мм. ширины) непосредственно съ нормальнымъ барометромъ № I. По нимъ хотѣли вполнѣ привести къ нормальному барометру также и барометры 1-го класса: Фуса № 165 (въ миллиметрахъ) и Броунинга № 44 (въ англійскихъ дюймахъ), оба съ трубкою въ 11 мм. ширины. Какъ барометръ Адіа № 1492, такъ и Броунинга № 44 были вычищены до ихъ употребленія, снова наполнены ртутью, а острія изъ слоновой кости, служащія для установки нижняго уровня ртути, были тщательно отточены по возможности равномерно. Поэтому ихъ новыя поправки вообще уже не сравнимы съ прежде найденными. Результаты этихъ вывѣрокъ слѣдующіе (причемъ я нахожу нужнымъ замѣтить, что съ 1-го октября уже введено было у нормального барометра № I наведеніе при помощи острій):

Непосредственныя сравненія съ нормальнымъ барометромъ:

1891 годъ.	Контрольный барометръ Фуса № 149.	Число измѣреній.	Наблюдатель.
20 января	Абсолютн. поправка = $-0,02 \pm 0,02$ мм.	10	Фридрихсъ и Шенрокъ.
30 "	$0,04 \pm 0,01$ "	10	Фридрихсъ и Шенрокъ.
22 октября	$0,00 \pm 0,02$ "	5	Гласекъ.
12 ноября	$0,01 \pm 0,03$ "	6	Шенрокъ.

Средняя = $0,01 \pm 0,02$ мм.

1891 годъ.	Барометръ Адіэ № 1492.	Число измѣреній.	Наблюдатель.
27 февраля	Абсолютн. поправка = $-0,02 \pm 0,05$ мм.	10	Фридрихсъ и Гласекъ.
17 марта	$-0,02 \pm 0,01$ »	5	Фридрихсъ.
7 октября	$0,05 \pm 0,02$ »	5	Шенрокъ.
9 »	$0,05 \pm 0,03$ »	5	Гласекъ.
11 »	$0,09 \pm 0,03$ »	5	»
15 »	$0,07 \pm 0,03$ »	5	»
19 »	$0,02 \pm 0,02$ »	5	Шенрокъ.
Средняя изъ 5 послѣдн. величинъ = $0,05 \pm 0,02$ мм.			

При тѣхъ сравненіяхъ, при которыхъ показаны два наблюдателя, они оба отсчитывали одновременно, одинъ по нормальному барометру, другой по обыкновенному. Такъ какъ къ отсчетамъ по нормальному барометру уже примѣнены всѣ прежде найденныя мною поправки, какъ-то погрѣшности дѣленія шкалы, напряженіе въ пустомъ пространствѣ, разность уровней обоихъ барометровъ и т. д. (см. въ указ. мѣстѣ), то вышеозначенныя среднія величины дѣйствительно представляютъ абсолютныя поправки для обоихъ барометровъ. При наблюденіяхъ съ 1-го октября, т. е. произведенныхъ уже съ новой трубкой, напряженіе въ пустомъ пространствѣ принималось равнымъ нулю. На основаніи моихъ измѣреній въ началѣ 1892 года по методѣ Араго это послѣднее предположеніе дѣйствительно оправдывается съ точностью до 0,005 мм.

Вышеупомянутыя поправки относятся къ произведенной въ 1870 году провѣркѣ шкалы барометра и къ данной на основаніи ея въ указ. мѣстѣ стр. 32 и слѣд. абсолютной поправкѣ этой шкалы, согласно съ абсолютной поправкой, принимавшейся тогда для нашего нормальнаго метра. Новѣйшія и болѣе точныя сравненія послѣдняго съ международнымъ нормальнымъ метромъ, или съ старымъ, почти тождественнымъ съ первымъ, метромъ архивовъ, дали (см. годовой отчетъ за 1887 и 1888 годы, стр. 76, прилож. I b.) немного меньшую величину нормальнаго метра; поэтому и къ прежнимъ и къ вышеприведеннымъ измѣреніямъ съ нормальнымъ барометромъ надо придать еще поправку круглымъ

числомъ въ — 0,01 мм. *Значитъ относительно истиннаго метра абсолютныя поправки будутъ слѣдующія:*

Фуса № 149 = 0,00 мм.

Адиз № 1402 = 0,04 »

Сравненіе различныхъ барометровъ 1-го класса между собой дало слѣдующія среднія величины:

1891 года.	Адиз № 1492—Фусъ № 149	Число измѣрен.	Наблюдатель.
Мартъ—апрѣль ...	— 0,02 ± 0,03 мм.	10	Фридрихсъ.
» » ...	— 0,04 ± 0,04 »	10	Гласекъ.
Августъ—сентябрь	— 0,05 ± 0,02 »	10	Шенрокъ.
Средн. разн. = — 0,04 ± 0,02 мм.			
Фусъ № 149—Фусъ № 165			
Февраль	0,00 ± 0,02 мм.	10	Фридрихсъ и Шенрокъ.
Брунингъ № 44—Фусъ № 165			
Октябрь—ноябрь ..	— 0,17 ± 0,04 мм.	10	Шенрокъ.
» » ..	— 0,16 ± 0,02 »	8	Гласекъ.
Адиз № 1492—Фусъ № 165			
Ноябрь	— 0,09 ± 0,03 мм.	9	»
»	— 0,06 ± 0,05 »	10	Шенрокъ.
Фусъ № 149—Брунингъ № 44			
»	0,17 ± 0,03 мм.	9	Гласекъ.
Ноябрь—декабрь ..	0,07 ± 0,04 »	8	Шенрокъ.

Изъ этого мы видимъ, что при непосредственномъ сравненіи обоихъ барометровъ Фусъ № 149 и Адиз № 1492 получаются тѣ же разности, какъ и при провѣркѣ обоихъ по нормальному барометру.

Изъ сравненій барометра Фуса № 165 и Адиз № 1492, принимая во вниманіе выше найденную абсолютную поправку послѣдняго, получается въ среднемъ слѣдующая *абсолютная поправка:*

Барометръ Фуса № 165 = — 0,04 мм.

Далѣе изъ сравненій барометра Брунинга № 44 съ барометромъ Фуса № 149 получается въ среднемъ слѣдующая *абсолютная поправка:*

Барометръ Брунинга № 44 = 0,12 мм.

Желаннымъ подтвержденіемъ относительной вѣрности этихъ абсолютныхъ поправокъ является то обстоятельство, что непосредственное сравненіе барометра Фуса № 165 и Броунинга № 44 въ октябрѣ и ноябрѣ дало между ними разность совершенно равную той, какая слѣдуетъ изъ только что приведенныхъ провѣрокъ по обоимъ другимъ барометрамъ.

Измѣреніе температуры. Осенью 1889 года я свезъ нашу нормальный спиртной термометръ, № 6666 Бодена въ Парижѣ, въ Bureau international des poids et mesures въ Севрѣ для сравненія его при температурахъ до -75° съ водороднымъ термометромъ, на показаніяхъ котораго международный комитетъ мѣръ и вѣсовъ основалъ международную температурную шкалу. Послѣ того я привезъ этотъ термометръ обратно въ С.-Петербургъ осенью 1891 года. Кромѣ того Обсерваторія приобрѣла отъ Тоннело въ Парижѣ еще одинъ нормальный Толуень-термометръ № 4932 изъ твердаго стекла, который тоже былъ тщательно провѣренъ при температурахъ до -75° по водородному термометру въ Bureau international des poids et mesures.

Г. Гласекъ сравнилъ эти термометры съ употребляемымъ у насъ раньше нормальнымъ спиртнымъ термометромъ Гейслера въ Боннѣ, на первое время при температурахъ до -60° , посредствомъ уже вышеупомянутаго прибора, изготовленнаго Дюкрете въ Парижѣ по Кальете (Cuyogène); а въ 1888 году (см. годовой отчетъ за 1887 и 1888 годы, стр. 59 и 60) г. Дубинскій произвелъ сравненіе нашихъ нормальныхъ ртутныхъ термометровъ съ ртутными термометрами № 4494 и № 4495, тоже провѣренными въ Bureau international des poids et mesures по водородному термометру. Эти сравненія дали намъ возможность представить довольно точное отношеніе всѣхъ показаній температуры, произведенныхъ до сихъ поръ по провѣренными въ Главной Физической Обсерваторіи термометрамъ, къ международной температурной шкалѣ (раздѣленнаго на $\frac{1}{100}^{\circ}$ водороднаго термометра). Поэтому поправки, придаваемыя по отношенію къ этой послѣдней температурной шкалѣ къ прежнимъ по-

казаніямъ температуры, произведеннымъ по ртутнымъ термометрамъ, начиная по меньшей мѣрѣ съ температуръ отъ -20° , должны быть отличены отъ поправокъ, придаваемыхъ къ показаніямъ по спиртному термометру.

Показанія температуры по термометрамъ, провѣреннымъ въ Главной Физической Обсерваторіи съ 1-го января 1877 года по 31-ое декабря 1891 года.

Для ртутныхъ термометровъ:		Для спиртныхъ термометровъ:	
температура.	приведеніе къ водород. терм.	температура.	приведеніе къ водород. терм.
40°	—0,16	20°	—0,1
35	—0,16	15	—0,1
30	—0,15	10	—0,1
25	—0,14	5	0,0
20	—0,12	0	0,0
15	—0,9	— 5	0,0
10	—0,7	—10	0,0
5	—0,4	—15	0,0
0	0,0	—20	0,0
— 5	—0,3	—25	—0,3
—10	—0,2	—30	—0,6
—15	0,0	—35	—0,8
—20	+0,1	—40	—1,1
—25	+0,6	—45	—1,4
—30	+0,7	—50	—1,6
—35	+0,14	—55	—1,8
—40	+0,25	—60	—2,0 ¹⁾

¹⁾ Такъ какъ всѣ наши спиртные термометры повѣрены по нашему ртутному термометру до -20° , то въ предѣлахъ отъ 40° до -20° , какъ видно, величина приведенія у обоихъ термометровъ одна и та же. Для температуръ ниже -20° къ показаніямъ нашего спиртнаго термометра придавалась до самыхъ низкихъ температуръ постоянная опредѣленная поправка, выведенная для этихъ температуръ по ртутному термометру. Разница вышеуказанныхъ величинъ приведенія у обоихъ термометровъ, для температуръ ниже -20° , за-

Если же температурныя показанія основаны на термометрахъ, провѣренныхъ въ Главной Физической Обсерваториѣ до 1-го января 1877 года, то къ *вышеприведеннымъ величинамъ* (см. годовой отчетъ Главной Физической Обсерваториѣ за 1875 и 1876 годы, стр. 22) для приведенія къ показаніямъ по водородному термометру *надо алгебраически придать еще слѣдующія поправки:*

Для термометровъ провѣренныхъ

съ 1-го января по 31-ое декабря 1876 года: до 1-го января 1876 года:

температура.	поправка.	поправка.
40°	—0,10	—0,16
35	—0,09	—0,14
30	—0,08	—0,12
25	—0,07	—0,10
20	—0,06	—0,08
15	—0,05	—0,05
10	—0,04	—0,03
5	—0,02	—0,01
0	0,00	0,00
— 5	—0,06	—0,06
—10	—0,11	—0,11
—15	—0,18	—0,18
—20	—0,22	—0,22
—25	—0,26	—0,26
—30	—0,35	—0,35

Начиная съ 1-го января 1892 года, поправки всѣхъ термометровъ, провѣренныхъ въ Главной Физической Обсерваториѣ,

висятъ такимъ образомъ преимущественно отъ разницы въ расширеніи ртути и спирта при этихъ температурахъ. Подробности объ этомъ мы найдемъ въ замѣткѣ г. Гласека въ III томѣ Метеорологическаго сборника. Въмѣстѣ съ тѣмъ эти поправки для спиртнаго термометра даны для температуръ ниже — 20° въ предположеніи, что его капиллярныя трубки и для температуръ ниже этой вѣрно калиброваны. Такъ какъ это, вообще говоря, имѣетъ мѣсто лишь при немногихъ случаяхъ, то и приведенныя поправки, которыя придаются потомъ, слѣдуетъ считать лишь приближенными.

будутъ отнесены къ водородному термометру, и съ того же дня всѣ данныя о температурѣ въ Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи будутъ также выражены въ дѣленіяхъ этой международной шкалы — водороднаго термометра, раздѣленнаго на сотыя доли градуса. Кромѣ того съ этого же времени будутъ вывѣрены, по крайней мѣрѣ до -40° , всѣ термометры, насколько это нужно въ зависимости отъ ихъ назначенія. Чтобы сдѣлать возможною вывѣрку спиртныхъ термометровъ ниже этой температуры, т. е. до -70° , необходимо измѣнить форму, которую они имѣли до сихъ поръ.

Теперь мы можемъ сказать, что благодаря новымъ изслѣдованіямъ и улучшеніямъ нашихъ нормального барометра и нормального термометра, работы Главной Физической Обсерваторіи въ этомъ направленіи могутъ на долгое время считаться законченными.

Работы надъ магнитными измѣреніями. Въ отчетѣ за 1869 годъ, на стр. 39 и слѣдующихъ, я уже говорилъ о *вариационномъ индукціонномъ инклинаторѣ* идеи В. Вебера (см. «Resultate des magnetischen Vereins» за 1841 годъ, стр. 98 и прим. стр. 99), заказанномъ Г. Купферомъ въ 1842 году для Главной Физической Обсерваторіи Мейерштейну въ Геттингенѣ. Этотъ инклинаторъ очевидно никогда не устанавливался въ С.-Петербургской Обсерваторіи, гдѣ я нашелъ его поврежденнымъ въ одномъ изъ шкаповъ. Благодаря прекраснымъ результатамъ, достигнутымъ мною въ 1890 году при абсолютныхъ измѣреніяхъ наклоненія этимъ индукціоннымъ инклинаторомъ, мнѣ казалось желательнымъ подвергнуть его болѣе точной провѣркѣ. Для этой цѣли я взялся за это въ маѣ мѣсяцѣ отчетнаго года, поручилъ механику Фрейбергу подвергнуть этотъ инструментъ основательной починкѣ и чисткѣ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ повѣрилъ прежде всего правильность его хода.

Вмѣсто регулятора професора Ганзена, описаннаго въ «Resultate des magnetischen Vereins», на стр. 99 и слѣдующихъ, г. Мейерштейнъ устроилъ простой регуляторъ-маят-

никъ безъ вѣтреницы, который однако, къ сожалѣнiю, не смотря на все старанiе при опытахъ постоянно больше мѣшалъ ходу часоваго механизма, чѣмъ его регулировалъ. Наконецъ пришлось вовсе устранить этотъ регуляторъ и испытать, нельзя ли сдѣлать достаточно равномернымъ ходъ часоваго механизма только благодаря моменту инерцiи тяжелаго вращающагося мѣднаго цилиндра (въ 20 килограмовъ) и благодаря индукцiи.

Для этой цѣли инструментъ былъ окончательно установленъ въ центральномъ залѣ Обсерваторiи на гранитномъ столбѣ, и укрѣпленъ магнитъ, висящiй на двухъ нитяхъ. Ось вращенiя мѣднаго цилиндра лежала горизонтально въ магнитномъ меридiанѣ и къ часовому механизму надо было тогда привѣсить гирию въ 52 килограмма, чтобы цилиндръ вращался съ необходимою скоростью въ три оборота въ секунду, въ чемъ можно было убѣдиться по тому, что секундная, минутная и часовая стрѣлки циферблата при часовомъ механизмѣ должны точно слѣдовать ходу обыкновенныхъ часовъ. Чтобы привести магнитъ при этой нормальной скорости снова въ магнитный меридiанъ, надо было повернуть головку крученiя на уголъ въ $53^{\circ} 33'$ при длинѣ нитей подвѣса $l = 1104$ мм., при верхнемъ разстоянiи нитей въ 15 мм. и нижнемъ въ 22 мм. и наконецъ при массѣ магнита и его подвѣса въ 320000 мгр.

Опытъ показалъ, что въ этомъ специальномъ случаѣ ускоренiе въ ходѣ часоваго механизма на одну секунду въ одну минуту обуславливаетъ измѣненiе упомянутаго угла крученiя или отклоненiе магнита въ $4'$. Чтобы такимъ образомъ неровность въ ходѣ часоваго механизма не производила влiянiя на положенiе магнита, превышающаго $0,1$, она должна равняться не болѣе $\pm 0,025$ секунды въ минуту или $\pm 1,5$ секунды въ часъ.

Съ другой стороны чувствительность настоящаго прибора приближенно выражается при помощи формулы:

$$V - V_0 = V_0 \cotg z_0 \operatorname{tg} \varphi,$$

если φ обозначаетъ измѣненiе угла крученiя z_0 , соответствующи-

шаго V_0 , при чемъ это измѣненіе соотвѣтствуетъ измѣненію $V - V_0$ въ вертикальномъ напряженіи. Такъ какъ въ пастоящее время въ С.-Петербургѣ $V_0 = 4,70$ мм. мгр. сек., а z_0 нашего прибора равно $53^\circ 33'$, то слѣдовательно отклоненію магнита въ $1'$ соотвѣтствовало бы измѣненіе въ вертикальномъ напряженіи въ 0,001 мм. мгр. сек. Эта чувствительность была бы, значить, вполне достаточна; между тѣмъ при нашихъ опытахъ съ этимъ приборомъ было положительно невозможно получить нужную равномерность хода часоваго механизма даже на одинъ часъ, не говоря уже о болѣе продолжительномъ времени. Послѣ совѣщанія съ специалистами въ конструкціи регуляторовъ часовыхъ механизмовъ мы пришли къ убѣжденію, что едва-ли можно удовлетворить этому требованію на продолжительное время, если даже и устроить у этого аппарата регуляторъ. А потому кажется, что эта весьма остроумная сама по себѣ метода наблюденія измѣненій вертикальнаго напряженія или наклоненія пока врядъ-ли можетъ быть практически примѣнена къ дѣлу.

ВІІ. Отдѣленіе метеорологическихъ наблюденій.

Отдѣленіемъ метеорологическихъ наблюденій въ С.-Петербургѣ и повѣркою метеорологическихъ инструментовъ завѣдывалъ до 1-го октября г. Фридрихсъ, а потомъ до конца года г. кандидатъ математики С. Гласекъ. Въ качествѣ младшихъ наблюдателей работали: г. Гласекъ до 1-го февраля, г. Г. Эйхфусъ до 1-го іюля, г. Сигинъ съ 1-го февраля по 9-е октября, г. Бейеръ съ 1-го іюля до 10-го августа и отъ 9-го октября до 1-го ноября, г. Корвинъ-Коссаковскій съ 10-го августа до конца года и г. Траге съ 1-го ноября до конца года.

Изъ служащихъ въ этомъ отдѣленіи г. Сигинъ по болѣзни былъ въ отпуску съ 26—30 марта; г. Эйхфусъ получилъ отпущъ съ 7-го по 14-е мая. Во время отсутствія этихъ обоихъ наблюдателей наблюденія производились гг. Семенниковымъ или Гласекомъ.

Въ теченіе отчетнаго года въ отдѣленіи временно упражнялись въ производствѣ наблюденій и ихъ вычисленій гг. Пашинскій, проф. Броуновъ, Денисьевскій, Кудасевичъ, Лесневскій, Ефимовъ, Калламельтъ, Ганзенъ, братья Корвинъ-Коссаковскіе, Савиновъ, Виспольскій, Тимофѣвъ, Гагедорнъ и Траге.

А. Метеорологическія наблюденія въ С.-Петербургѣ.

Метеорологическія наблюденія и обработка ихъ производились въ отчетномъ году вообще въ такомъ же объемѣ, какъ и въ предшествовавшіе годы.

Кромѣ пріобрѣтенныхъ въ прошломъ году самопишущихъ приборовъ барографа и термографа Рейнахера (последній былъ снабженъ новой пластинкой изъ серебра и платины и дѣйствовалъ до конца октября удовлетворительно, послѣ чего надо было починить часовой механизмъ), отдѣленіе обогатилось пріобрѣтеніемъ волосянаго гигрографа и термографа Ришара. Первый изъ этихъ приборовъ былъ уже въ срединѣ марта установленъ въ нормальной будкѣ около психрометрической кѣтки, второй же лишь въ срединѣ ноября былъ перенесенъ изъ термометрической кѣтки Стевенсона, гдѣ онъ до того времени стоялъ, въ нормальную будку и установленъ тамъ около волосянаго гигрографа. Для этой цѣли прикрѣплены налѣво отъ психрометрической кѣтки три шины изъ угловаго желѣза, на которыхъ оба прибора были вполне прочно установлены. У всѣхъ самопишущихъ приборовъ производились, посредствомъ легкаго сотрясенія его, помѣтки времени въ 3 срока наблюденій; для термографа, волоснаго гигрографа и барографа опредѣлены въ промежутокъ времени съ марта до ноября ихъ постоянныя величины изъ сравненій съ соотвѣтствующими срочными наблюденіями.

Въ концѣ ноября въ наблюдательномъ отдѣленіи введено электрическое освѣщеніе, причемъ и шкапъ для барометровъ былъ передѣланъ и снабженъ электрическими лампами между зад-

ней стѣнкой его и стѣной комнаты. Въ этомъ промежуткѣ, шириною въ 0,3 м., можно двигать лампочки взадъ и впередъ при помощи проволоки. Въ заднюю стѣнку шкапа, вверху и внизу, вставлены маленькія окна изъ молочнаго стекла, такъ что въ барометрахъ, висящихъ передъ ними, уровень ртути освѣщается сзади. Для отчета температуры и барометрической шкалы служитъ ручная электрическая лампа для освѣщенія спереди. Кромѣ того приобрѣтенъ новый барометрическій шкапъ, немного меньшихъ размѣровъ, но устроенный такъ же, въ которомъ помѣщены болѣе точные барометры, какъ напр. контрольный барометръ Вильда-Фуса № 285. Оба манометра, одинъ отъ прибора для испытанія гипсотермометровъ, другой отъ прибора для испытанія анероидовъ, тоже помѣщены въ обоихъ шкапахъ и соединены съ соотвѣтствующими приборами посредствомъ металлическихъ трубокъ. Станціонные барометры подвѣшены на той же высотѣ, какъ и прежде, въ первомъ изъ упомянутыхъ шкаповъ.

В. Повѣрка метеорологическихъ инструментовъ.

Въ отчетномъ году въ отдѣленіи провѣрены по нормальнымъ приборамъ Обсерваторіи слѣдующіе приборы:

- 343 станціонныхъ термометра.
- 113 минимумъ-термометровъ.
- 31 максимумъ-термометръ.
- 72 волосныхъ гигрометра.
- 13 медицинскихъ термометровъ.
- 47 ртутныхъ термометровъ.
- 143 анероида.
- 131 большихъ дождейра.
- 366 малыхъ дождейровъ.
- 221 измѣрительныхъ стакановъ къ дождейру.
- 10 анемометровъ.
- 10 солнечныхъ часовъ.
- 12 гипсотермометровъ.

- 12 ареометровъ.
- 1 хронометръ.
- 3 уровня.
- 1 термографъ.
- 2 актинометра.
- 10 эвапораметровъ.

Въ показанное число станціонныхъ термометровъ включены, кромѣ психрометрическихъ термометровъ, также термометры на поверхности земли, термометры для опредѣленія температуры почвы и термометры *attachés* при барометрахъ.

Приборъ для повѣрки термометровъ при болѣе высокиихъ температурахъ усовершенствованъ тѣмъ, что къ сообщающемуся сосуду, служащему для нагрѣванія воды, придѣлана воронка съ краномъ, чрезъ которую можно вливать въ сосудъ во время дѣйствія прибора горячую воду для быстрого повышенія температуры, которую потомъ остается только поддерживать на той же высотѣ помощью подставленной подъ сосудъ газовой горѣлки. Кромѣ того было придѣлено одно горлышко для термометра для показанія температуры воды въ упомянутомъ сосудѣ. Прямо надъ повѣрочнымъ приборомъ на потолкѣ была подвѣшена электрическая лампа, которая помѣщается между повѣряемыми термометрами и, почти достигая крышки сосуда, освѣщаетъ термометры сзади.

Повѣрка термометровъ при низкихъ температурахъ, которая до сихъ поръ производилась лишь до -40° С., можетъ теперь распространиться до температуры -60° и ниже. Для этого служить выше упомянутый приборъ Дюкрете въ Парижѣ, въ которомъ посредствомъ жидкой углекислоты температура доводится до -75° . Жидкая углекислота находится въ массивной желѣзной бутылкѣ, соединенной съ приборомъ посредствомъ мѣдной трубки малаго внутренняго діаметра; изъ этой бутылки углекислота переводится при помощи цѣлесообразно придѣланныхъ крановъ въ приборъ, гдѣ, проходя чрезъ

змѣеобразно изогнутую трубку, расширяется и наконецъ выходитъ въ видѣ газа чрезъ резиновую трубу наружу. Вслѣдствіе происходящаго отъ этого охлажденія алкоголь, находящійся въ приборѣ и окруженный упомянутой винтообразной трубкой, понемногу охлаждается до упомянутой низкой температуры. Повѣряемые термометры погружаются въ алкоголь, сосудъ котораго тщательно защищенъ обитымъ ящикомъ отъ нагрѣванія извнѣ.

Приборъ для повѣрки anerоидовъ при различныхъ давленіяхъ тоже снабженъ подвижной электрической лампой, для удобнаго освѣщенія его во всякое время дня. Та-же лампа служитъ и для освѣщенія барографа Вильда-Гаслера. Кромѣ того приборѣнъ шкапъ для храненія и отсчета anerоидовъ при обыкновенномъ давленіи, который тоже былъ снабженъ двумя цѣлесообразно придѣланными электрическими лампами.

Для испытанія волосныхъ гигрометровъ изготовленъ стеклянный ящикъ, огражденный отъ доступа наружнаго воздуха посредствомъ наполненнаго масломъ желоба въ его нижней части. Въ этотъ ящикъ, въ которомъ умѣщаются 10 волосныхъ гигрометровъ, ставятъ въ особу для того предназначенныхъ стеклянныхъ сосудахъ сѣрно-кислый гидратъ различной концентраціи (по методѣ Реньо) для полученія желаемой влажности.

Лимниграфъ снабженъ отдѣльной электрической лампой.

Приборъ для испытанія гипсотермометровъ усовершенствованъ тѣмъ, что его кипятивникъ окруженъ цилиндромъ изъ желтой мѣди, подбитымъ асбестовой папкой, чтобы препятствовать передачѣ теплоты наружу. Выступающіе концы гипсотермометровъ покрываются стекляннымъ ящикомъ, въ которомъ можно повѣсить маленькій термометръ *attaché*, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность точнѣе опредѣлять погрѣшность выступающей нити. Такъ какъ этотъ стеклянный ящикъ четырехъугольный и сдѣланъ изъ зеркальнаго стекла, то его стѣнки не мѣшаютъ точно отсчитывать положеніе нити.

VIII. Отдѣленіе станцій 2-го разряда.

Гг. Бергманъ и Каминскій руководили въ отчетномъ году работами по собиранію, контролированію и вычисленію получаемыхъ со станцій 2-го разряда наблюденій, равно какъ и по печатанію II-й части Лѣтописей за 1890 годъ. Работа между ними была распредѣлена такъ же, какъ и въ 1890 году: г. Каминскій завѣдывалъ обработкою наблюденій за 1891 годъ и вель относящуюся къ нимъ переписку, а г. Бергманъ продолжалъ руководить начатыми въ прошломъ году работами по обработкѣ наблюденій за 1890 годъ и по изданію II-й части Лѣтописей за означенный годъ. Въ теченіе всего года въ Отдѣленіи работало среднимъ числомъ 9 вычислителей, а именно: 4 занимались обработкою текущаго 1891 года, и 5 прошлаго 1890 года. Въ числѣ этихъ 9 вычислителей считаются и добровольцы. Каждый изъ добровольцевъ, да и вообще каждый вновь поступающій вычислитель посвящалъ по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ на изученіе составленія и вычисленія мѣсячныхъ таблицъ, такъ что въ теченіе этого времени онъ могъ приносить своею работою мало пользы. Въ теченіе всего отчетнаго года работали въ Отдѣленіи въ качествѣ платныхъ вычислителей: гг. Тисфельдъ, Красильниковъ, Давель, Останевичъ и Смирновъ. Часть отчетнаго года работали въ Отдѣленіи, частью за плату, частью въ качествѣ добровольцевъ, еще слѣдующія лица:

Въ качествѣ добровольцевъ.	Въ качествѣ платныхъ вычислителей.
Г. Нейманъ. —	Съ 1 янв. до 15 ноябр.
» Семенниковъ. —	Съ 1 янв. до 21 мая.
» Сигинъ, съ 1 до 4 января. —	—
» Небришовскій, съ 1 до 4 января. —	—
» Пашинскій, съ 7 до 26 февраля и съ 22 до 31 марта.	Съ 1 апр. до 31 дек.

Въ качествѣ доброво- вольцевъ.	Въ качествѣ платныхъ вычислителей.
Г. Денисьевскій, съ 16 марта до 4 мая.	—
» Кудасевичъ, съ 16 до 27 марта.	—
» Лесневскій, съ 1 апрѣля до 1 мая.	Съ 1 мая до 31 дек.
» Ефимовъ, съ 29 апрѣля до 7 июня.	—
» Марковъ, съ 18 до 21 мая.	—
» Калламелтъ, съ 24 мая до 8 июня.	—
» Ундриць, съ 3 до 11 июня.	—
» Ганзенъ, съ 6 июня до 1 іюля.	Съ 1 іюля до 31 дек.
» Корвинъ-Коссаковскій старш., съ 11 іюня до 1 іюля.	Съ 1 до 20 іюля.
» Скворцовъ, съ 17 до 22 іюня.	—
» Тимофеевъ, съ 12 іюля до 1 авг.	Съ 1 до 20 августа.
» Корвинъ-Коссаковскій младш., съ 20 іюля до 1 августа.	Съ 1 авг. до 31 дек.
» Рукавишниковъ, съ 10 сент. до 1 окт.	Съ 1 окт. до 31 дек.
» Мицкевичъ, съ 16 сент. до 1 окт.	Съ 1 окт. до 31 дек.
» Коршеніовскій, съ 16 до 20 сент.	—
» Гагедорнъ, съ 28 до 30 сентября.	—
» Годманъ. —	Съ 25 ноябр. до 23 дек.

Изъ этихъ лицъ переведены въ другія отдѣленія слѣдующіе:

1. Въ Отдѣленіе телеграфныхъ сообщений о погодѣ — Небришовскій, Нейманъ и Годманъ.
2. Въ Отдѣленіе метеорологическихъ наблюдений — Сигинъ и Корвинъ-Коссаковскій старшій.
3. Въ Отдѣленіе станцій 3-го разряда — Кудасевичъ.

Изъ платныхъ вычислителей оставили Обсерваторію: Семенниковъ и Тимофеевъ, а изъ добровольцевъ: Денисьевскій, Ефимовъ, Марковъ, Калламелтъ, Ундриць, Скворцовъ, Коршеніовскій и Гагедорнъ.

Двое изъ вычислителей, гг. Нейманъ и Красильниковъ, занимались съ 1-го января до 15-го ноября также и въ Отдѣленіи телеграфныхъ сообщений о погодѣ, а именно: каждый день одинъ

изъ нихъ 3 или 4 часа своего рабочаго времени посвящалъ въ названномъ отдѣленіи на черченіе картъ, издаваемыхъ въ Бюлетенѣ. Г. Останевичъ посвящалъ въ теченіе отчетнаго года только половину своего рабочаго времени занятіямъ въ Отдѣленіи станцій 2-го разряда, такъ какъ онъ, кромѣ того, занималъ мѣсто телеграфиста въ Отдѣленіи бюлетеней.

Лѣтомъ физикъ г. Каминскій и вычислитель г. Давель пользовались каждый 2-хъ-мѣсячнымъ отпускомъ. По болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ пропустили всего отъ одной до 1½ недѣли: гг. Давель, Смирновъ, Останевичъ и Мицкевичъ.

Работа отдѣленія въ отчетномъ году состояла въ слѣдующемъ: получено и разсмотрѣно 5092 мѣсячныя таблицы, или книжки съ подлинными записями наблюденій, изъ которыхъ 3923 журнала относятся къ 1891 году, 1116 — къ 1890 году и 53 къ прежнимъ годамъ (до 1890 года), (причемъ таблицы сравнивались одна съ другою, или, когда казалось нужнымъ, провѣрялись по синоптическимъ картамъ). Затѣмъ вычислено 985 мѣсячныхъ таблицъ по книжкамъ-подлинникамъ (530 за 1891 годъ и 455 за 1890 годъ). Проконтролировано и отчасти пересчитано 2760 ежемѣсячныхъ таблицъ (843 за 1891 годъ и 1917 за 1890 годъ). Вычислено и проконтролировано 366 ежемѣсячныхъ и годовыхъ выводовъ, помѣщенныхъ во II-й части Лѣтописей 1890 года (изъ нихъ 253 относились къ полнымъ годамъ, 85 къ неполнымъ, 20 къ наблюденіямъ лишь надъ вѣтромъ у маяковъ и 8 къ наблюденіямъ надъ уровнемъ воды на Валаамѣ). Кромѣ того была прочитана корректура 280 полулистовъ числовыхъ таблицъ Лѣтописей за 1890 годъ. Написано (въ первой половинѣ отчетнаго года и переписано) 535 писемъ, изъ которыхъ 350 относились къ 1891 году и 185 — къ 1890 году. Сверхъ того отдѣленіе выдавало, по запросамъ нѣкоторыхъ учреждений и частныхъ лицъ въ Главной Физической Обсерваторіи, просимыя справки на основаніи имѣющихся наблюденій.

Въ декабрѣ 1891 года появилась II-я часть Лѣтописей за

1890 годъ. Въ этомъ изданіи помѣщены отчасти полностью, отчасти лишь въ выводахъ наблюденія 335 станцій за 1890 годъ; затѣмъ выводы изъ наблюденій, произведенныхъ на 20 маякахъ надъ вѣтромъ, и наблюденія надъ уровнемъ воды на Валаамѣ за 8 лѣтъ; кромѣ того 8 выводовъ изъ наблюденій, присланныхъ за прежніе годы (ранѣе 1890 года). Изъ всѣхъ 432 станцій, доставившихъ намъ за 1890 годъ наблюденія, въ Лѣтописяхъ за этотъ годъ не помѣщены лишь тѣ изъ нихъ, записи которыхъ вслѣдствіе большихъ пробѣловъ или ненадежности, а также вслѣдствіе неисправности инструментовъ оказались непригодными къ печати.

Г. Бергманъ окончилъ свой каталогъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи съ 1725 до 1889 года. Кромѣ текущихъ работъ въ Отдѣленіи станцій 2-го разряда, г. Бергманъ завѣдывалъ архивомъ до 16-го января 1891 года, когда онъ передалъ его бібліотекарю г. Гласеку.

Г. Каминскій продолжалъ въ свое свободное время изслѣдованіе надъ *влажностью воздуха въ Россіи* за время съ 1871 до 1890 года, начатое имъ въ прошломъ году.

Изъ станцій, перечисленныхъ по губерніямъ во введеніи къ Лѣтописямъ за 1890 годъ (II-я часть), 26 прекратили свое дѣйствіе въ 1891 году, по крайней мѣрѣ въ качествѣ станцій 2-го разряда, а именно:

а) Станціи, наблюденія которыхъ помѣщены въ Лѣтописяхъ за 1890 годъ (II-я часть).

1. Шмайзенъ, Курляндск. губ.	7. Хоба-Туби, Тавричesk. губ.
2. Орловъ, Вятск. губ.	8. Тара, Тобольск. губ.
3. Самара (гидром. ст.), Самар. г.	9. Канскъ, Енисейск. губ.
4. Житомиръ, Волынк. губ.	10. Сырьяновскій-Рудя., Том. г.
5. Высокое, Черниговск. губ.	11. Троицкосавскъ, Забайк. обл.
6. Шайтанка, Екатерин. губ.	12. Пони, Тифлисс. губ.

б) Станціи, наблюденія которыхъ не помѣщены въ Лѣтописяхъ за 1890 годъ (II-я часть).

1. Ижма, Архангельск. губ.	8. Сандомірѣ, Радомск. губ.
2. Кехта, Архангельск. губ.	9. Слуцкѣ, Минск. губ.
3. Петропавловское, Новгород. г.	10. Россошное, Орловск. губ.
4. Малмыжѣ, Вятск. губ.	11. Плисковѣ, Кіевск. губ.
5. Юкseeво, Пермск. губ.	12. Федоровка, Полтавск. губ.
6. Пимьялѣ, Казанск. губ.	13. Николаевка, Харьковск. губ.
7. Введенское, Оренбургск. г.	14. Сухановская, Херсонск. губ.

103 станціи 2-го разряда начали наблюдать въ 1891 году, по крайней мѣрѣ доставили свои первые мѣсячные журналы за 1891 годъ въ Главную Физическую Обсерваторію къ марту 1892 года. Изъ этихъ новыхъ станцій 42 принадлежатъ къ станціямъ 2-го разряда I-го класса, т. е. присылаютъ наблюденія надъ всѣми или почти всѣми метеорологическими элементами по надежнымъ инструментамъ, остальные же 61 причисляются къ станціямъ 2-го разряда 2-го класса, такъ какъ доставляютъ болѣе или менѣе неполный матеріалъ. Въ нижеприведенномъ спискѣ станцій послѣднія 61 станція отличены отъ первыхъ 42 мелкимъ шрифтомъ и особой нумераціей, причемъ всѣ 103 новыя станціи раздѣлены на отдѣльныя группы, смотря по учрежденіямъ, которыми онѣ основаны или снабжены инструментами. Изъ этихъ новыхъ станцій въ свое время были снабжены инструментами:

14 станцій на счетъ *Главной Физической Обсерваторіи*, а именно:

1. Ношувльская, Вологодск. губ.	2. Татеево, Смоленск. губ.
3. Климовичи, Могилевск. губ.	4. Черниговѣ, Черниговск. губ.
5. Игнатьевка, Екатеринославск. губ.	6. Усть-Медвѣдицкая, обл. Войска Донск.
7. Константиновская, обл. Войска Донск.	8. Барбо-Кристо, Таврическ. губ.
9. Павлодарѣ, Семипалатинск. обл.	10. Семипалатинскѣ, Семипалатинской обл.
11. Киренскѣ, Иркутск. губ.	12. Петропавловскѣ (Камчатка), Приморск. обл.
1. Старица, Тверск. губ.	2. Большой-Токмакѣ, Таврическ. губ.

1 станція на счетъ *Министерства Путей Сообщенія*, а именно:

13. Новороссійскъ (гавань), Черноморск. окр.

42 станціи на счетъ *Жельзно-дорожныхъ Управлений*, а именно:

14. Бѣжецкъ, Тверск. губ. 15. Кинешма, Костромск. губ.
16. Кизель, Пермск. губ. 17. Рославль, Смоленск. губ. 18.
Зомбковице, Петраковск. губ. 19. Холинь, Люблинск. губ.
20. Минскъ, Минск. губ. 21. Мозырь-Коленковичи, Минск.
губ. 22. Рязань, Рязанск. губ. 23. Новозыбковъ, Черни-
говской губ. 24. Поныря, Курск. губ. 25. Коренево, Кур-
ской губ. 26. Лозовая, Екатеринославск. губ. 27. Ахтуба,
Астраханск. губ. 28. Тихорѣцкая, Кубанск. обл.

3. Абдулино, Уфимск. губ. 4. Златоустъ II, Уфимск. губ. 5. Миньярь,
Уфимск. губ. 6. Прага, Варшавск. губ. 7. Ивангородъ, Сѣдлец. губ.
8. Люблинъ II, Люблинск. губ. 9. Брестъ-Литовскъ II, Гродненск. губ.
10. Елецъ II, Орловск. губ. 11. Ковель, Волинск. губ. 12. Киверцы, Во-
лынской губ. 13. Шепетовка, Волинск. губ. 14. Крыжополь, Подольск.
губ. 15. Бѣлая Церковь, Кіевск. губ. 16. Казатинъ, Кіевск. губ. 17. Лю-
ботинъ, Харьковск. губ. 18. Екатериновка, Саратовск. губ. 19. Волжская,
Саратовск. губ. 20. Корнешты, Бессарабск. губ. 21. Переваль, Бессараб-
ской губ. 22. Байрамча, Бессарабск. губ. 23. Трояновъ-Валь, Бессараб-
ской губ. 24. Захаровка, Херсонск. губ. 25. Ново-Украинка, Херсонск.
губ. 26. Бирзула, Херсонск. губ. 27. Раздѣльная, Херсонск. губ. 28. Урю-
пинская II, обл. Войска Донск. 29. Донская, обл. Войска Донск.

8 станцій на счетъ *школъ и высшихъ учебныхъ заведеній*, а
именно:

29. Порѣцкое (учительская семинарія), Симбирск. губ. 30.
Симбирскъ (кадетскій корпусъ), Симбирск. губ. 31. Харь-
ковъ (технологическій институтъ), Харьковск. губ. 32. Са-
ратовъ (реальное училище), Саратовск. губ.

30. Кокшенга, Вологодск. губ. 31. Левинская, Вологодск. губ. 32. Соко-
лово, Тамбовск. губ. 33. Каменка, Подольск. губ.

5 станцій на счетъ *земскихъ и городскихъ управлений*, а
именно:

33. Брусово, Полтавск. губ. 34. Карловка, Полтавск. губ.
35. Ялта II, Таврическ. губ.

34. Кугультъ, Ставропольск. губ. 35. Прасковья, Ставропольск. губ.

33 станціи на счетъ частныхъ лицъ, а именно:

36. Красноуфимскъ, Пермск. губ. 37. Витебскъ II (Ново-Королево), Витебск. губ. 38. Иваново-Вознесенскъ, Владимирской губ. 39. Гремячка, Рязанск. губ. 40. Алексѣевская, Кіевск. губ. 41. Усть-Кутское, Иркутск. губ. 42. Никольское, Приморск. обл.

36. Великій Устюгъ, Вологодск. губ. 37. Шуйское, Вологодск. губ. 38. Гатчино, С.-Петербургск. губ. 39. Привольное, Костромск. губ. 40. Мотовилихинскій Заводъ, Пермск. губ. 41. Артинскій Заводъ, Пермск. губ. 42. Ивье, Виленск. губ. 43. Щербино, Смоленск. губ. 44. Марково, Владимирской губ. 45. Притыка, Минск. губ. 46. Передѣлъ, Калужск. губ. 47. Гниловоды, Орловск. губ. 48. Данковъ, Рязанск. губ. 49. Трофимовщина, Пензенской губ. 50. Дмитріевскій Хуторъ, Самарск. губ. 51. Валуйка, Самарской губ. 52. Жерево, Кіевск. губ. 53. Андреевка, Кіевск. губ. 54. Колыбелька, Воронежск. губ. 55. Велико-Анадольскъ, Екатеринославск. губ. 56. Новониколаевская, обл. Войска Донск. 57. Старый-Крымъ, Таврической губ. 58. Ивановскій Заводъ, Енисейск. губ. 59. Спасско-Преображенскій Приискъ, Енисейск. губ. 60. Усть-Каменогорскъ, Семипалатинской обл. 61. Бичурское, Забайкальск. обл.

Такъ какъ изъ числа 432 станцій 2-го разряда, дѣйствовавшихъ въ 1890 году (см. часть II-я Лѣтописей за 1890 годъ), 26 станцій прекратили свое дѣйствіе еще до начала 1891 года, а съ другой стороны въ теченіе отчетнаго года начаты такія же наблюденія въ 103 пунктахъ, то оказывается, что въ 1891 году дѣйствовали въ итогѣ 509 станцій 2-го разряда. Изъ числа этихъ станцій въ отчетномъ году содержались, или уже раньше снабжены инструментами:

128 станц.	Главн. Физич. Обсерватор.	вмѣсто 115 въ прошл. г.	6 прекр.	14 приб.
75 »	Морскимъ Министерствъ.	»	75 »	» — » — »
12 »	Министерствъ. Гос. Имущ.	»	13 »	» » 1 » — »
7 »	Министер. Путей Сообщ.	»	7 »	» » 1 » 1 »
5 »	Военнымъ Министерствъ.	»	5 »	» » — » — »
56 »	Жел.-дор. Управленіями	»	14 »	» » — » 42 »
24 »	при поср. Тѣл. Обсерв.	»	25 »	» » 1 » — »
78 »	школ. и высш. учебн. зав.	»	73 »	» » 3 » 8 »
18 »	земск. и городск. управлен.	»	15 »	» » 2 » 5 »
111 »	частными лицами	»	90 »	» » 12 » 33 »

509 станцій всего,

вмѣсто 432 въ прошл. г. 26 прекр. 103 приб.

Въ отчетномъ году изъ всѣхъ этихъ 509 станцій 358 счита-

лись станціями 2-го разряда 1-го класса, такъ какъ онѣ присылали наблюденія надъ всѣми или почти всѣми метеорологическими элементами по надежнымъ инструментамъ, остальные же 151 станція — станціями 2-го разряда 2-го класса, такъ какъ онѣ доставляли болѣе или менѣе неполный матеріалъ. Въ слѣдующемъ списокѣ мы приводимъ всѣ 509 станцій, причемъ отличаемъ станціи, принадлежащія къ каждой изъ этихъ двухъ группъ разнымъ шрифтомъ и разной нумераціей, какъ и при описаніи новыхъ станцій. Въ этомъ списокѣ отдѣльныя станціи распределены по губерніямъ съ сѣвера на югъ и при одинаковой широтѣ съ запада на востокъ. Только для Финляндіи и для Туркестана не приведены отдѣльныя губерніи.

Архангельская губернія. 1. Териберка, 2. Кола, 3. Мезень, 4. Зимняя Золотица, 5. Усть-Цыльма, 6. Соловецкій монастырь, 7. Кемь, 8. Пинега, 9. Архангельскъ, 10. Онега, 11. Шенкурскъ.

1. Малыя-Кармакулы (на Новой Землѣ), 2. Святонось, 3. Орловъ, 4. Моржовъ, 5. Сосновъ, 6. Жижгинъ, 7. Мудьюгъ, 8. Жужмуй.

Финляндія. 12. Валаамъ.

9. Марьяниеми, 10. Ульькокала, 11. Танкаръ, 12. Шельгрудъ, 13. Себшеръ, 14. Шельшеръ, 15. Меркетъ, 16. Седершеръ, 17. Гогландъ, 18. Гангэ (маякъ), 19. Гангэ (городъ), 20. Утэ, 21. Богшеръ.

Олонечная губернія. 13. Паданы, 14. Повѣнецъ, 15. Вершинина, 16. Петрозаводскъ, 17. Каргополь, 18. Вознесенье, 19. Вытегра.

Вологодская губернія. 20. Троицко-Печерское, 21. Яренскъ, 22. Усть-Сысольскъ, 23. Ношувская, 24. Тотьма, 25. Никольскъ, 26. Вологда.

22. Сольвычегодскъ, 23. Великій-Устюгъ, 24. Межадоръ, 25. Кокшенга, 26. Лойма, 27. Левинская, 28. Шуйское.

Эстляндская губернія. 27. Нарвскій маякъ, 28. Ревель, 29. Пакерортъ, 30. Дагерортъ.

29. Верхній-Сурупъ, 30. Катериненталь.

Лифляндская губернія. 31. Перновъ, 32. Дерптъ, 33. Динамюнде, 34. Рига.

31. Фильзандъ, 32. Церель, 33. Рижскій маякъ.

Нурландская губернія. 35. Виндава, 36. Гольдингенъ, 37. Митава, 38. Либява.

С.-Петербургская губернія. 39. Сермакса, 40. Новая-Ладога, 41. Кронштадтъ, 42. Шлиссельбургъ, 43. С.-Петербургъ (Главная Физическая Обсерваторія), 44. С.-Петербургъ (Лѣсной Институтъ), 45. Павловскъ, 46. Бусаны.
34. Ропша, 35. Гатчина.

Псковская губернія. 47. Псковъ, 48. Великіе-Луки.

Новгородская губернія. 49. Польшовка.

36. Романцево, 37. Нелазское.

Тверская губернія. 50. Бѣжецкъ, 51. Вышній-Волочекъ, 52. Тверь. 38. Единово, 39. Старица.

Ярославская губернія. 53. Вахтино.

40. Козмодемьянское, 41. Новое, 42. Харитоново.

Костромская губернія. 54. Солигаличъ, 55. Рождественское, 56. Кострома, 57. Тоншаево, 58. Кинешма.

43. Высоково, 44. Парфентьевъ, 45. Привольное, 46. Клевцово.

Вятская губернія. 59. Слободской, 60. Вятка, 61. Дебессы, 62. Уржумъ, 63. Елабуга.

47. Царевосанчурскъ.

Пермская губернія. 64. Чердынь, 65. Богословскъ, 66. Соликамскъ, 67. Кизель, 68. Верхотурье, 69. Бисеръ, 70. Благодать, 71. Чусовская, 72. Пермь, 73. Нижне-Тагильскъ, 74. Ирбитъ, 75. Висимо-Шайтанскъ, 76. Ножовка, 77. Екатеринбургъ, 78. Ревда, 79. Красноуфимскъ, 80. Рождественское.

48. Мотовилихинскій Заводъ, 49. Артинскій Заводъ, 50. Шадринскъ.

Въ Новенской губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиі станцій 2-го разряда.

Въ Сувалкской губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиі станцій 2-го разряда.

Виленская губернія. 81. Вильна, 82. Молодечно.

51. Ивье.

Витебская губернія. 83. Витебскъ I, 84. Витебскъ II (Ново-Королево).

Смоленская губернія. 85. Татево, 86. Смоленскъ, 87. Разсажа, 88. Рославль.

52. Щербино.

Московская губернія. 89. Никольское-Горюшки, 90. Москва (Петровская Академія), 91. Москва (Константиновскій Институтъ), 92. Михайловское.

Владимірская губернія. 93. Иваново-Вознесенскъ, 94. Бараново, 95. Муромъ I, 96. Муромъ II, 97. Гусевская.
53. Черныцы, 54. Марково.

Нижегородская губернія. 98. Нижній-Новгородъ, 99. Лукояновъ.

Казанская губернія. 100. Козьмодемьянскъ, 101. Казань (Университетъ), 102. Казань (Земледѣльческое Училище).
55. Чебоксары.

Уфимская губернія. 103. Златоустъ I, 104. Уфа.
56. Абдулино, 57. Златоустъ II, 58. Миньярь.

Оренбургская губернія. 105. Куртамышъ, 106. Троицкъ, 107. Оренбургъ.

Плоцкая губернія.
59. Млава.

Варшавская губернія. 108. Ловичъ, 109. Орышевъ, 110. Варшава.
60. Прага.

Въ Калишской губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиіи станцій 2-го разряда.

Петроковская губернія. 111. Зомбковице.

Радомская губернія. 112. Радомъ.

Въ Кѣлецкой губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиіи станцій 2-го разряда.

Въ Ломжинской губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиіи станцій 2-го разряда.

Сѣдлецкая губернія.
61. Ивангородъ.

Люблинская губернія. 113. Новая-Александрія, 114. Люблинъ (Гимназія), 115. Холмъ.
62. Люблинъ (жел.-дор. станція).

Гродненская губернія. 116. Друскеники, 117. Бердовичи, 118. Брестъ-Литовскъ (Военный госпиталь).
63. Бѣлостокъ, 64. Старосельцы, 65. Брестъ-Литовскъ (жел.-дор. станц.).

Минская губернія. 119. Минскъ, 120. Надвѣманъ, 121. Василевичи, 122. Мозырь-Коленковичи, 123. Пинскъ.

66. Феликсовъ, 67. Притыка.

Могилевская губернія. 124. Горки, 125. Могилевъ, 126. Климовичи.

Калужская губернія. 127. Калуга, 128. Гремячево.

68. Передѣлъ, 69. Похожаево.

Орловская губернія. 129. Брянскъ, 130. Орель (городъ), 131. Орель (древесный питомникъ), 132. Богодухово, 133. Ливны.

70. Орево, 71. Елецъ (Гимназія), 72. Елецъ (жел.-дор. станція), 73. Гниловоды.

Въ Тульской губерніи въ 1891 году не было въ дѣйствиіи станцій 2-го разряда.

Рязанская губернія. 134. Рязань, 135. Гулынки, 136. Скопинъ, 137. Гремячка.

74. Данковъ.

Тамбовская губернія. 138. Елатьма, 139. Земетчино, 140. Козловъ, 141. Тамбовъ.

75. Соколово, 76. Липецкъ, 77. Грязи, 78. Бурнакъ, 79. Борисоглѣбскъ.

Пензенская губернія. 142. Пенза.

80. Трофимовщина, 81. Нижній-Домовъ.

Симбирская губернія. 143. Порѣцкое, 144. Симбирскъ, 145. Сызрань.

82. Алатырь.

Самарская губернія. 146. Полибино, 147. Самара (Реальное Училище), 148. Бузудукъ, 149. Малый Узень.

83. Дмитриевскій Хуторъ, 84. Валуйка.

Волынская губернія. 150. Здолбуново.

85. Ковель, 86. Киверцы, 87. Шепетовка.

Подольская губернія. 151. Волковинцы, 152. Жмеринка.

88. Крыжополь, 89. Каменка.

Кіевская губернія. 153. Кіевъ, 154. Коростышевъ, 155. Алексѣевская, 156. Златополь, 157. Умань.

90. Жерево, 91. Андреевка, 92. Игнатовка, 93. Бѣлая-Церковь, 94. Казатинъ, 95. Таганча.

Черниговская губернія. 158. Суражъ, 159. Новозыбковъ, 160. Черниговъ, 161. Красный-Колядинъ.

96. Новгородъ-Сѣверскъ, 97. Нѣжинъ.

Полтавская губернія. 162. Ромны, 163. Сребное, 164. Згуровка,

165. Цѣпки, 166. Семеновка, 167. Полтава, 168. Брусово, 169. Карловка, 170. Кустолово, 171. Кременчугъ.
98. Бербеницы, 99. Безсалы.
- Нурская губернія.** 172. Поныри, 173. Курскъ, 174. Тимъ, 175. Коренево, 176. Богородицкое, 177. Переверзовка, 178. Казачье.
- Харьковская губернія.** 179. Гуты, 180. Харьковъ (Дергачи), 181. Харьковъ (Технологическій Институтъ).
100. Люботинъ.
- Воронежская губернія.** 182. Калиновскій Хуторъ, 183. Сагуны.
101. Воронежъ, 102. Острогожскъ, 103. Колыбелька.
- Саратовская губернія.** 184. Полянки, 185. Сердобскъ, 186. Вольскъ, 187. Пады, 188. Николаевское, 189. Саратовъ (Гимназія), 190. Саратовъ (Реальное Училище), 191. Камышинъ, 192. Царицынъ.
104. Березовка, 105. Екатериновка, 106. Волжская.
- Бессарабская губернія.** 193. Сороки, 194. Телешевъ, 195. Кишиневъ, 196. Днѣстровскій-Знакъ, 197. Измаилъ.
107. Корнешты, 108. Перевалъ, 109. Байрамча, 110. Трояновъ-Вагъ.
- Херсонская губернія.** 198. Ратьковка, 199. Елизаветградъ, 200. Ананьевъ, 201. Курисово-Покровское, 202. Николаевъ, 203. Херсонъ, 204. Очаковъ, 205. Одесса.
111. Захаровка, 112. Ново-Украинка, 113. Кривой-Рогъ, 114. Бирзула, 115. Раздѣльная, 116. Одесскій маякъ.
- Екатеринославская губернія.** 206. Лозовая, 207. Луганъ, 208. Каменскій-Рудникъ, 209. Екатеринославъ, 210. Александровка-Покровское, 211. Игнатьевка.
117. Велико-Анодольскъ.
- Область Войска Донскаго.** 212. Урюпинская (Реальн. уч.), 213. Усть-Медвѣдицкая, 214. Шептуховка, 215. Константиновская, 216. Перебойный-Островъ, 217. Ростовъ на Дону, 218. Таганрогъ, 219. Маргаритовка, 220. Веселый-Поселокъ.
118. Урюпинская (жел.-дор. станція), 119. Филоново, 120. Арчеда, 121. Донская, 122. Новониколаевская.
- Астраханская губернія.** 221. Ахтуба, 222. Астрахань, 223. Боаста.
- Таврическая губернія.** 224. Мелитополь, 225. Бердянскъ (маякъ), 226. Геническъ, 227. Тарханкутъ, 228. Керчь, 229. Сим-

Ферополь, 230. Севастополь, 231. Магарачь, 232. Ялта I, 233. Ялта II, 234. Барбо-Кристо, 235. Айтодоръ.

123. Большой-Токмакъ, 124. Бердянскъ (городъ), 125. Тендрово, 126. Би-рючь, 127. Еникале, 128. Евпаторія, 129. Кызъ-Ауль, 130. Старый-Крымъ, 131. Херсонесъ.

Тобольская губернія. 236. Обдорскъ, 237. Березовъ, 238. Сургутъ, 239. Тобольскъ, 240. Тюмень, 241. Старо-Сядоровка.

Енисейская губернія. 242. Туруханскъ, 243. Енисейскъ, 244. Красноярскъ, 245. Минусинскъ, 246. Усинское.

132. Ивановскій зав., 133. Спасско-Преображенскій принскъ.

Якутская область. 247. Верхоянскъ, 248. Мархинское, 249. Якутскъ, 250. Олекминскъ, 251. Благовѣщенскій Принскъ. 134. Средне-Колымскъ.

Уральская область. 252. Уральское Лѣсничество, 253. Уральскъ (Реальное Училище), 254. Уральскъ (Войсковая больница), 255. Уильское, 256. Гурьевъ.

Тургайская область. 257. Уркачь, 258. Иргизъ.

Акмолинская область. 259. Омскъ, 260. Петропавловскъ, 261. Акмолинскъ.

Семипалатинская область. 262. Павлодаръ, 263. Семипалатинскъ, 264. Зайсанскій-Постъ.

135. Усть-Каменногорскъ.

Семипрѣченская область. 265. Копаль, 266. Борохудзиръ, 267. Джаркентъ, 268. Вѣрный, 269. Пржевальскъ, 270. Нарынское.

Томская губернія. 271. Нарымъ, 272. Томскъ, 273. Кавинскъ, 274. Барнаулъ.

Иркутская губернія. 275. Баншиково, 276. Киренскъ, 277. Усть-Кутское, 278. Николаевскій Заводъ, 279. Иркутскій Заводъ (Усолье), 280. Иркутскъ, 281. Тунка.

136. Нижнеудинскъ.

Забайкальская область. 282. Чита, 283. Верхнеудинскъ, 284. Нерчинскій Заводъ, 285. Петровскій Заводъ, 286. Селенгинскъ.

137. Князе-Урульга, 138. Бичурское.

Амурская область. 287. Албазинъ, 288. Софійскій Принскъ, 289. Благовѣщенскъ, 290. Екатерино-Никольскъ.

- Приморская область.** 291. Кушка (Гижигинскъ), 292. Охотскъ, 293. Аянъ, 294. Николаевскъ на Амурѣ, 295. Петропавловскъ (Камчатка), 296. Корсаковская (Александровка), 297. Рыковское, 298. Хабаровка, 299. Корсаковскій-Постъ, 300. Камень-Рыболовъ, 301. Никольское, 302. Гавань Св. Ольги, 303. Владивостокъ, 304. Новокіевское. 139. Казакевичева, 140. Атамановское.
- Кубанская область.** 305. Тихорѣцкая, 306. Ладожская-Станица, 307. Хуторокъ. 141. Ейскъ.
- Ставропольская губернія.** 308. Ставрополь. 142. Медвѣжье, 143. Безопасное, 144. Кугульъ, 145. Урожайное, 146. Прасковья, 147. Ачикулакъ.
- Черноморскій округъ.** 309. Новороссійскъ (гавань), 310. Новороссійскъ (Городское Училище), 311. Даховскій Посадъ (Сочи). 148. Дообъ, 149. Кодошъ.
- Терская область.** 312. Желѣзноводскъ, 313. Пятигорскъ, 314. Эссентуки, 315. Чеченъ, 316. Кисловодскъ, 317. Владикавказъ.
- Нутамская губернія.** 318. Сухумъ, 319. Кутаисъ, 320. Поты, 321. Батумъ.
- Тифлисская губернія.** 322. Коби, 323. Гудауръ, 324. Гори, 325. Боржомъ, 326. Абастуманъ, 327. Тифлисъ.
- Дагестанская область.** 328. Петровскъ, 329. Темиръ-Ханъ-Шура, 330. Дербентъ.
- Нарская область.** 331. Карсъ, 332. Ольты.
- Эриванская губернія.** 333. Баяндуръ, 334. Новобаязетъ, 335. Эриванъ.
- Елизаветпольская губернія.** 336. Елисаветполь, 337. Шуша.
- Бакинская губернія.** 338. Баку, 339. Ленкоранъ.
- Заяспійская область.** 340. Александровскій фортъ, 341. Красноводскъ, 342. Узунъ-Ада, 343. Кизиль-Арватъ, 344. Байрамъ-Али, 345. Мервъ, 346. Султанъ-Бендъ.
- Туркестанъ.** 150. Маргеланъ, 151. Иркештамъ.

За предѣлами Имперіи. 347. Буюкъ-Дере (близъ Константинополя) и 348. Трапезондъ въ Турціи, 349. Тегеранъ (Зергенде) въ Персіи, 350. Бухара въ Бухарѣ, 351. Урга, 352. Удавъ, 353. Пекинъ и 354. Кашгаръ въ Китаѣ, 355. Юенсанъ, 356. Сеуль, 357. Чемульпо и 350. Фусанъ въ Корей.

Въ приведенный списокъ вошли 6 станцій, а именно: Малыя-Кармакулы, Святоносъ, Молодечно, Липецкъ, Кашгаръ и Сеуль, которыя къ марту 1892 года не доставили еще въ Главную Физическую Обсерваторію своихъ наблюденій за 1891 годъ; но изъ переписки съ этими станціями видно, что онѣ продолжали дѣйствовать и въ 1891 году. Затѣмъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, можно ожидать, что, подобно вышеупомянутымъ 6 мѣстамъ, будутъ высланы Обсерваторіи еще до окончанія печатанія Лѣтописей за 1891 годъ, не полученные пока, наблюденія съ болѣе или менѣе большого числа новыхъ станцій, которыя вѣроятно существовали уже въ 1891 году, наравнѣ съ 103 новыми пунктами наблюденія, существованіе которыхъ уже сдѣлалось извѣстнымъ благодаря высылкѣ ими своихъ первыхъ наблюденій.

Въ Европейской Россіи, не говоря о нѣкоторыхъ трудно доступныхъ и почти необитаемыхъ мѣстностяхъ, вовсе не существовало станцій 2-го разряда также въ 8 губерніяхъ Финляндіи (исключая прибрежныхъ станцій) и въ 6 другихъ губерніяхъ (Ковенской, Сувалкской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской и Тульской). Въ Азіатской Россіи, въ областяхъ сравнительно болѣе населенныхъ, ощутительно отсутствіе станцій въ особенности въ Туркестанѣ, гдѣ кромѣ двухъ неполныхъ станцій нѣтъ ни одной полной станціи, входящей въ сѣть Главной Физической Обсерваторіи. Эти пробѣлы, которые въ Ковенской губерніи пополнились тремя вновь устроенными станціями въ январѣ 1892 года, пополняются отчасти тремя независимо отъ Главной Физической Обсерваторіи организованными сѣтями станцій 2-го разряда въ Россійской Имперіи, а именно финляндскою сѣтью наблюденій,

сѣтью наблюдений въ западныхъ губерніяхъ и туркестанскою сѣтью; потому мы дальше скажемъ вкратцѣ о дѣятельности этихъ сѣтей. О весьма обширной сѣти юго-западной Россіи, устроенной профессоромъ Классовскимъ въ Одессѣ, здѣсь нѣтъ надобности упоминать, такъ какъ принадлежавшія ему 5 станцій 2-го разряда 1-го класса подчинены съ 1890 года Главной Физической Обсерваторіи. Къ этой сѣти принадлежитъ еще болѣе или менѣе большое число станцій 2-го разряда 2-го класса, наблюдения которыхъ или вовсе не издаются, или издаются лишь въ выдержкахъ, большую же часть станцій этой сѣти составляютъ станціи дождемѣрныя и грозовыя. Точно также мы здѣсь умалчиваемъ о сѣти въ Остзейскихъ губерніяхъ съ Дерптомъ, какъ центромъ этой сѣти, такъ какъ въ эту сѣть входятъ исключительно дождемѣрныя станціи.

Финляндская сеть наблюдений. Кромѣ уже упомянутыхъ 14 прибрежныхъ станцій, которыя, какъ и въ прежніе годы, посылали въ отчетномъ году Главной Физической обсерваторіи свои мѣсячныя книжки наблюдений, Финляндіи принадлежатъ еще другія станціи, которыя подчинены Гельсингфорской обсерваторіи. Изданіе наблюдений этихъ послѣднихъ заканчивается концомъ 1880 года; благодаря стараніямъ д-ра Е. Бизе, директора Гельсингфорской обсерваторіи, приняты мѣры къ возобновенію изданія наблюдений въ ближайшемъ будущемъ. Вмѣстѣ съ возобновленіемъ изданія наблюдений, произведенныхъ въ самой Гельсингфорской обсерваторіи, которыя также не издавались уже съ 1883 года, г. Бизе сдѣлалъ уже первые шаги, чтобы наблюдения 1890 года могли быть изданы въ ноябрѣ 1891 года. Судя по депешамъ о состояніи погоды, получаемымъ Главною Физическою Обсерваторіею, и послѣднимъ изданіямъ наблюдений Финляндскихъ станцій (1880 годъ), общее число станцій 2-го разряда въ Финляндіи достигаетъ 36, если считать также 14 вышеупомянутыхъ станцій.

Сеть наблюдений въ западныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, организованная въ 1886 году, содержится на средства Вар-

шавскаго Отдѣленія Общества Промышленности и Торговли и подчинена центральной станціи, устроенной при Варшавскомъ Музеѣ промышленности и земледѣлія. Наблюденія этихъ станцій печатаются въ Физиографическихъ Запискахъ, издаваемыхъ на польскомъ языкѣ (Pamiętnik Fizyograficzny). За 1889 годомъ изданій этихъ наблюденій, о которыхъ была рѣчь уже въ прошлогоднемъ отчетѣ 1890 года, еще не послѣдовало до марта 1892 года. Въ 1889 году сѣтъ наблюденій въ западныхъ губерніяхъ состояла изъ 31 метеорологической станціи 2-го разряда.

Туркестанская сѣтъ наблюденій. Послѣ изданія наблюденій 13 станцій этой сѣти за 1885 и 1886 годы до сихъ поръ не продолжалось изданіе за слѣдующіе года Ташкентской Обсерваторіи, центрального пункта этой сѣти, такъ что не извѣстно дѣлались ли тамъ вообще съ тѣхъ поръ наблюденія или нѣтъ.

Въ знакъ признательности за заслуги на научномъ поприщѣ, оказанныя наблюдателями веденіемъ наблюденій въ объемѣ станцій 2-го разряда въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ безвозмездно, Академія Наукъ, по моему представленію, утвердила весною 1891 года слѣдующихъ лицъ корреспондентами Главной Физической Обсерваторіи:

Главнаго врача, статскаго совѣтника

Н. П. Андреева	въ Архангельскѣ.
Помѣщика А. С. Балабанова	» Казачьемъ.
Врача В. Витевскаго	» Усть-Цылымъ.
Г-на Н. Ѳ. Вышневецкаго	» Енисейскѣ.
Учителя Е. А. Вознесенскаго	» Вологдѣ.
Главнаго фельдшера М. О. Киршева	» Тарѣ.
Учителя А. И. Колмовскаго	» Муромѣ.
Учителя И. В. Кулакова	» Вологдѣ.
Полковника Н. П. Левицкаго	» Острогжскѣ.
Начальника телеграфн. станц. К. М.	
Мартинсона	» Николаевскѣ на Амурѣ.

Смотрителя гавани Ф. Мерселя. . . въ Чемульпо.
 Заѣдывающ. училищемъ И. І. Око-
 рокова. » Земетчинѣ.
 Учителя П. А. Ососкова » Самарѣ.
 Учителя Н. М. Офицера » Тотыѣ.
 Агента русскаго общ. торг. и море-
 плаванія С. С. Серафимова. . » Трапезондѣ.
 Потомственнаго почетнаго гражда-
 нина А. И. Толкачева » Полюновкѣ.
 Учителя Г. Я. Яворскаго » Ловичѣ.

IX. Отдѣленіе станцій 3-го разряда.

Отдѣленіе станцій 3-го разряда находилось въ теченіе всего отчетнаго года въ непосредственномъ вѣдѣніи физика, кандидата Э. Берга, который въ теченіе одного мѣсяца (отъ 6-го іюня по 6-е іюля) находился въ отпуску.

Помощникомъ его состоялъ г. А. Гарнакъ.

Сверхъ того въ Отдѣленіи занимались: г. Кудасевичъ съ 1-го апрѣля до конца мая и г. Сырейщиковъ съ 18-го іюля.

Научная дѣятельность Отдѣленія состояла въ критическомъ разсмотрѣніи, вычисленіи, контролѣ и собираніи получаемаго со станцій матеріала, въ перепискѣ съ наблюдателями относительно производства наблюденій и въ обработкѣ и изданіи наблюденій надъ атмосферными осадками, грозами, а также и наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ и вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ.

На ряду съ этими текущими работами въ Отдѣленіи производились, по мѣрѣ возможности, также и спеціальныя научныя изслѣдованія.

Въ *административномъ* отношеніи Отдѣленіе заботилось о поддержаніи въ дѣйствиіи и о дальнѣйшемъ развитіи сѣти наблюденій, а также о снабженіи всѣхъ станцій принадлежностями, необходимыми для правильнаго производства наблю-

деній (дождемѣрами, бланками для записыванія наблюденій, конвертами и проч.); оно вело далѣе переписку относительно устройства новыхъ станцій или передачи уже дѣйствующихъ въ случаѣ переменъ наблюдателя; на немъ же лежала обязанность разсылки изданій Отдѣленія и веденія надлежащихъ журналовъ, почтовыхъ книгъ, каталога станцій и составленія карты станцій.

Въ состояннн станціонной сѣти въ отчетномъ году произошло значительное расширеніе, такъ какъ съ одной стороны Обсерваторія располагала ббльшими средствами для этой цѣли, съ другой стороны правленія желѣзныхъ дорогъ основали на линіяхъ цѣлый рядъ станцій 3-го разряда.

Станціи, снабженныя дождемѣрами на средства Главной Физической Обсерваторіи, открывались большею частью слѣдующимъ образомъ: Обсерваторія обращалась къ тѣмъ корреспондентамъ Департамента Сельскаго Хозяйства, въ мѣстахъ жительства которыхъ было бы особенно желательно имѣть станцію 3-го разряда; такъ пополнялись болѣе замѣтные пробѣлы въ сѣти дѣйствующихъ станцій.

Въ теченіе отчетнаго года слѣдующія станціи снабжены 80 парами малыхъ дождемѣровъ на средства Главной Физической Обсерваторіи:

1. Аянъ.	12. Рутцау.
2. Ковернино.	13. Волово.
3. Курскъ.	14. Кокпекты.
4. Верхмень.	15. Липовка.
5. Слободской.	16. Христорожественское.
6. Старица.	17. Благовѣщенскъ.
7. Калмыковъ.	18. Великій Устюгъ.
8. Данковъ.	19. Лальскъ.
9. Межадоръ.	20. Ишимъ.
10. Грязновское.	21. Базарный Карабулакъ.
11. Козлово.	22. Троицкій приискъ.

23. Эмильчинъ.	52. Пудожская Гора.
24. Тепловка.	53. Челмужи.
25. Верба.	54. Повондене.
26. Дивенка.	55. Заячье-Ростовское.
27. Ястребино.	56. Красноборскъ.
28. Свислочъ.	57. Микуличи.
29. Рубежное.	58. Березники.
30. Бѣлавино.	59. Воскресенское.
31. Алешня.	60. Высоковское.
32. Бѣлково.	61. Григорово.
33. Погорѣльское.	62. Патракѣевское.
34. Селезни.	63. Елгань.
35. Стегневская.	64. Кайгородское.
36. Вишневъ.	65. Георгіевское.
37. Тяплого.	66. Шаулиха.
38. Рохлино-Богословское.	67. Вылибская.
39. Меленки.	68. Котельничъ.
40. Орловъ.	69. Козьмодемьяновское.
41. Ковернино.	70. Сосновка.
42. Юнки.	71. Борки.
43. Слонимъ.	72. Нолинскъ.
44. Чорешты.	73. Пиленекъ.
45. Большая Черниговка.	74. Краснокутскъ.
46. Овиновщино.	75. Соколово.
47. Бадоги.	76. Исады.
48. Шашурино.	77. Неплюево.
49. Мценскъ.	78. Городище.
50. Вильи Гори.	79. Подболотье.
51. Миргородъ.	80. Буинскъ.

На средства частныхъ лицъ было приобрѣтено чрезъ посредство Обсерваторіи всего 76 паръ малыхъ дождемѣровъ, а именно чрезъ различныя правленія желѣзныхъ дорогъ 58, чрезъ Козловскую уѣздную земскую управу 15 и чрезъ частныхъ лицъ 3.

Число дождемѣрныхъ станцій на Кавказѣ значительно увеличилось при посредствѣ Тифлисской Физической Обсерваторіи; точно также по предложенію Екатеринбургской магнитно-метеорологической Обсерваторіи мѣстное Уральское Общество Любителей Естествознанія устроило отдѣльную сѣть дождемѣрныхъ станцій въ Пермской губерніи. Болѣе подробныя данныя объ этихъ станціяхъ можно найти въ отчетахъ о дѣятельности вышеупомянутыхъ Обсерваторій, въ главѣ XII настоящаго отчета.

Съ помощью дождемѣровъ, возвращенныхъ съ закрытыхъ станцій, устроены слѣдующія новыя станціи:

1. Промзино.	7. Марково.
2. Гниловоды.	8. Наслѣдницкая.
3. Шипели.	9. Большой Вьясь.
4. Палкино.	10. Перемышль.
5. Александрополь.	11. Рутки.
6. Куршаны.	12. Эркетеневская.

Сверхъ 23 станцій, снабженныхъ инструментами на частныя средства, въ отчетномъ году слѣдуетъ считать закрывшимися кромѣ того 41 станцію, получившихъ дождемѣры изъ Обсерваторіи, такъ какъ онѣ прекратили свои наблюденія и не отвѣтили на запросы Обсерваторіи. Эти станціи слѣдующія:

1. Антушево.	11. Акимовка.
2. Модна.	12. Кусары.
3. Ивановское.	13. Динабургъ.
4. Сюмси.	14. Невель.
5. Новоалександровскъ.	15. Владиміръ-Волинскъ.
6. Чистополь.	16. Ковель.
7. Острогъ.	17. Ожиговцы.
8. Вапнярка.	18. Уржумъ.
9. Березовка.	19. Усть Малая Терновка.
10. Енотаевскъ.	20. Тараща.

21. Безпечна.	32. Торопецъ.
22. Пучежъ.	33. Раненбургъ.
23. Рыльскъ.	34. Борисоглѣбовка.
24. Прохтовичи.	35. Марьевка.
25. Латыголичи.	36. Сызрань.
26. Серпуховъ.	37. Дубки.
27. Тихвинъ.	38. Змievъ.
28. Савинское.	39. Кролевецъ.
29. Чермазскій заводъ.	40. Холиъ.
30. Сары.	41. Карачинское.
31. Ягодино.	

Въ слѣдующихъ пунктахъ, въ которыхъ добровольные наблюдатели предлагали Обсерваторіи производить въ отчетномъ году метеорологическія наблюденія, могли быть устроены лишь грозовыя станціи или станціи для наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ:

1. Михайловское.	12. Урей.
2. Чусовской заводъ.	13. Сидоровская.
3. Ковалево.	14. Бугурусланъ.
4. Семеновъ.	15. Нижній-Новгородъ.
5. Комаргородъ.	16. Сыльвинскій заводъ.
6. Ардатовъ.	17. Нижній-Ломовъ.
7. Александровское.	18. Митава.
8. Кондинское.	19. Смѣла.
9. Усть-Важское.	20. Ягодное.
10. Гузовъ.	21. Бѣлоусово.
11. Шимановъ.	22. Ромоданово.

Наконецъ слѣдуетъ еще замѣтить, что по желѣзнымъ дорогамъ былъ устроенъ цѣлый рядъ станцій специально для наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ, мятелями и вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ. Число ихъ достигаетъ приблизительно 200.

Въ отчетномъ году Отдѣленіемъ получено всего:

Наблюденій надъ осадками.....	съ 752 станц. 3-го разряда.
» » грозами.....	» 958 » 2-го и 3-го разр.
» » снѣжнымъ покровомъ (а также вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ).....	» 1160 » » » » »

Эти станціи распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Дождетѣрн. станцій.	Грозов. станц.	Станц. для набл. надъ снѣжн. покр.
Въ Европейск. Россіи..	615	794	1017
На Кавказѣ.....	64	74	71
Въ Азіатской Россіи...	73	90	72

Дѣятельность Отдѣленія въ *научномъ* и *административномъ* отношеніяхъ была главнымъ образомъ направлена, какъ и въ предшествовавшіе годы, на исполненіе текущихъ работъ.

Слѣдующія данныя позволяютъ составить себѣ понятіе объ объемѣ переписки и получаемыхъ наблюденій:

Число входящихъ пакетовъ.....	9084
Въ томъ числѣ входящихъ официальныхъ бумагъ...	1888
» » » наблюденій надъ осадками (ежемесячныхъ таблицъ).....	7157
» » » наблюденій надъ снѣжн. покровомъ ..	5053
» » » » » отдѣльн. грозами ...	14084
Число отправленныхъ пакетовъ.....	4152
Въ томъ числѣ исходящихъ официальныхъ бумагъ. . .	1424 ¹⁾ .

Сверхъ веденія переписки, ежемѣсячныхъ вычисленій, контроля и размѣщенія таблицъ наблюденій, въ началѣ отчетнаго года было приступлено къ составленію и вычисленію *выводовъ* изъ

¹⁾ Такъ какъ въ отчетномъ году не было разослано всѣмъ станціямъ официального циркуляра, то число исходящихъ официальныхъ бумагъ кажется меньше, чѣмъ въ прошломъ году; но въ дѣйствительности переписка со станціями значительно возрасла въ сравненіи съ прошлымъ годомъ.

наблюдений надъ осадками и грозами за 1890 годъ. Затѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ было начато печатаніе тѣхъ и другихъ выводовъ и окончено въ маѣ.

Въ іюнѣ были разосланы наблюдателямъ какъ выводы изъ тѣхъ и другихъ наблюдений, такъ и выводы изъ наблюдений надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ за 1889 годъ, изданные г. Рыкачевымъ.

Въ августѣ предпринята обработка *наблюдений надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ 1890 году*, которыя были введены осенью 1890 г. на всѣхъ метеорологическихъ станціяхъ Обсерваторіи на основаніи новой инструкціи, а къ концу октября закончено составленіе и вычисленіе выводовъ изъ этихъ наблюдений.

Въ началѣ октября начата обработка *наблюдений надъ снѣжнымъ покровомъ за зиму 1890—91 года*; эти наблюденія производились на основаніи новой инструкціи на всѣхъ станціяхъ 2-го и 3-го разрядовъ, а также на специальныхъ станціяхъ, организованныхъ по желѣзнодорожнымъ линіямъ, для наблюдений надъ снѣжнымъ покровомъ, мятелями и проч. Для этой цѣли въ видѣ особой помощи былъ приглашенъ кандидатъ матем. г. Е. Гейнцъ, который посвящалъ приблизительно 3 часа въ день на эту работу. Для того, чтобы можно было легче сравнивать между собой и критически разбирать наблюденія отдѣльныхъ станцій, было необходимо заготовить для отдѣльныхъ мѣсяцевъ таблицы, въ которыя заносились ежедневныя измѣренія снѣжнаго покрова на всѣхъ станціяхъ, расположенныхъ по губерніямъ. Такъ какъ полученный матеріалъ былъ весьма обширенъ и такъ какъ Отдѣленіе было очень занято другими текущими дѣлами, то заготовка упомянутыхъ таблицъ подвигалась лишь постепенно тѣмъ болѣе, что у каждой отдѣльной станціи надо было принять во вниманіе способъ измѣренія покрова и мѣстныя условія (защищенное ли мѣсто, или открытое и проч.), свѣденія о которыхъ были присланы въ видѣ особыхъ описаній станцій. Особенно же затруднялась обработка матеріала тѣмъ, что во многихъ случаяхъ наблюдатели не придерживались вполне предписаній инструкціи или, лучше сказать,

не всегда вѣрно ее понимали, что было причиной частыхъ недоразумѣній, которыя устранялись или при помощи сравненія со смежными станціями или письменными запросами; но все же въ весьма многихъ случаяхъ такія наблюденія приходилось совсѣмъ исключать изъ обработки. При этомъ однако не надо упускать изъ виду того, что эти наблюденія производились въ первый разъ и что вполне цѣлесообразное производство наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ представляетъ на практикѣ дѣйствительно серьезныя затрудненія. Поэтому казалось нужнымъ, на основаніи опытныхъ данныхъ, приобретенныхъ при обработкѣ наблюденій, съ одной стороны ближе разъяснить и точнѣе опредѣлить отдѣльные пункты изданной осенью 1890 года инструкціи, чтобы тѣмъ поднять на будущее время достоинство наблюденій, съ другой стороны составить примѣръ заполненнаго бланка наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ согласно инструкціи, подобно тому, какъ это уже раньше было сдѣлано для наблюденій надъ осадками и грозами и оказалось дѣйствительно весьма полезнымъ.

Эта *дополнительная инструкція*, а также и примѣры для мѣсяцевъ ноября и апрѣля были выработаны и напечатаны къ концу 1891 года и разосланы въ началѣ 1892 года.

Кромѣ этихъ особыхъ работъ, въ ноябрѣ приступлено было къ обработкѣ *наблюденій надъ грозами за 1891 годъ* и *наблюденій надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ въ 1891 году*.

Что касается до специальныхъ трудовъ, заключающихся въ научной обработкѣ накопляющагося въ Отдѣленіи матеріала, то слѣдуетъ упомянуть, что въ началѣ отчетнаго года вышла изъ печати работа г. Э. Берга: *О наблюденіяхъ надъ снѣжнымъ покровомъ въ Европейской Россіи за первую половину 1890 года*¹⁾. На русскомъ языкѣ эта работа²⁾ вышла въ іюнѣ 1891 года.

Кромѣ того г. Бергъ закончилъ свое подробное изслѣдованіе о *повторяемости и географическомъ распредѣленіи ливней въ*

1) Repertorium für Meteorologie, Bd. XIV, № 5.

2) Записки Имп. Академіи Наукъ, Т. LXVI, № 9.

Европейской Россіи въ пятилѣтіе 1886—1890 и. ¹⁾); эта работа была представлена Академіи Наукъ въ маѣ 1891 года, а въ сентябрѣ вышла въ печати.

Начатая въ 1889 году кандидатомъ Тидебодемъ обработка *наблюдений надъ грозами въ 1887 году* была снова предпринята и продолжена кандидатомъ Бейеромъ осенью отчетнаго года.

Наконецъ остается еще указать на то, что для Департамента Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ съ мая составлялись каждый мѣсяцъ таблицы наблюдений надъ осадками съ ежедневными данными для Европейской Россіи и Кавказа; составленіемъ и вычисленіемъ этихъ таблицъ за особое вознагражденіе занимались сначала г. Савиновъ, а потомъ г. Гейнцъ.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю своею обязанностью высказать отъ имени Обсерваторіи живѣйшую благодарность всѣмъ наблюдателямъ, оказавшимъ своею полезною дѣятельностью существенную помощь при развитіи и изслѣдованіи этой специальной отрасли метеорологіи, и поименовать тѣхъ изъ наблюдателей, которые за ихъ особыя заслуги, весною 1890 года, утверждены, по моему представленію, Академіею Наукъ въ званіи корреспондентовъ Главной Физической Обсерваторіи:

Г. Г. Г. Алянаки	въ Акташѣ.
» Н. М. Пушковъ	» Алатырѣ.
» С. И. Алмазовъ	» Александровъ-Гаѣ.
» П. И. Левицкій	» Алексѣевскомъ.
» Н. А. Касіановъ	» Алчедарахъ.
» А. И. Чечотъ	» Андреевѣ.
» В. Е. Боковъ	» Грезновскомъ.
» А. Н. Ливановъ	» Балахнѣ.
» И. К. фонъ-Магнусъ	» Бандуровкѣ.
» В. А. Колусовскій	» Богуславѣ.

¹⁾ Repertorium für Meteorologie, Bd. XIV, № 10.

Г. А. Н. Лебедевъ	въ Сукинѣ.
» А. М. Снигиревъ	» Бѣломъ Колодезѣ.
» А. И. Титовъ	» Бѣляевѣ.
» Н. Б. Дехіо	» Везенбергѣ.
» П. Т. Гаринъ	» Верхне-Троицкомъ.
» С. С. Масленниковъ	» Глѣбовѣ.
» Г. А. Вороновъ	» Григорьевѣ.
» А. П. Бинковскій	» Грунѣ.
» И. Г. Демченко	» Демченкѣ.
» С. М. Хлонъ	» Зеньковѣ.
» Д. И. Комарецкій	» Иркѣевѣ.
» М. Г. Порватовъ	» Ичалкахъ.
» И. Ѳ. Добротворскій	» Какинѣ.
» Н. М. Чередѣевъ	» Калязинѣ.
» В. К. Скулскій	» Каховкѣ.
» Д. О. Екимовъ	» Кишлавѣ.
» А. И. Сычевъ	» Кобелякахъ.
» С. Г. Будзилевичъ	» Константиновкѣ.
» А. В. Жуковъ	» Купянскѣ.
» О. Н. Половниковъ	» Леонидовск. винокур. зав.
» М. Ѳ. Борышкевичъ	» Летичевѣ.
» В. М. Самознаевъ	» Лугѣ.
» В. Н. Свѣнцицкій	» Лѣтцѣ.
» В. И. Филатовъ	» Мещерскомъ.
» М. А. Галперинъ	» Мостовомъ.
» Н. Д. Поповъ	» Мосѣевѣ.
» К. И. Трипольскій	» Анастасьевкѣ.
» К. М. Чарновскій	» Начѣ.
» К. Л. Литвиненко	» Новой Басанѣ.
» А. С. Бялынецкій-Бирюля	» Новомъ Королевѣ.
» М. М. Марковъ	» Новочеркасскѣ.
» В. И. Рышковъ	» Озернѣ.
» В. А. Михаловскій	» Павловскѣ.
» Н. С. Баташевъ	» Похожаевѣ.

- Г. Г. В. Башинскій въ Тарановкѣ.
 » Д. Н. Хмыровъ » Рославлѣ.
 » П. И. Счастливецъ » Сейтлерѣ.
 » Е. И. Сомосскій » Семеновѣ.
 » А. М. Смирновъ » Сорокахъ.
 » П. М. Сочинскій » Софіевкѣ.
 » Г. В. Яблочниковъ » Сутягиномъ Ключѣ.
 » О. Ф. Арканниковъ » Темрюкѣ.
 » К. И. Садковскій » Туркахъ.
 » П. А. Алферьевъ » Удѣ.
 » В. А. Жиряевъ » Унжѣ.
 » Л. И. Войновъ » Усть-Ижорѣ.
 » Н. И. Звѣревъ » Черемховѣ.
 » П. А. Жуковскій » Чигиринѣ.
 » М. Г. Визгинъ » Шадринскѣ.
 » И. И. Шеверни » Шаповаловкѣ.
 » К. С. Лещенко » Шереметкѣ.
 » И. А. Тихоміровъ » Ярославлѣ.
 » М. В. Покровскій » Θεодосіи.
 » Э. Грасманъ » Нейбилскенгофѣ.

Х. Отдѣленіе морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій.

Это Отдѣленіе находится въ непосредственномъ завѣдываніи моего помощника, полковника М. А. Рыкачева, который пользовался отпускомъ отъ 21-го мая по 21-е іюня.

А. Отдѣлъ телеграфныхъ сообщеній о погодѣ, штормовыхъ предостереженій и предсказаній погоды.

Въ развитіи дѣятельности этого отдѣла въ отчетномъ году мы можемъ въ особенности отмѣтить окончательную организацію службы предостереженій о сильныхъ вѣтрахъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, и въ концѣ года расширеніе свѣдѣній, получаемыхъ

путемъ телеграфа, какъ предварительную мѣру къ расширенію Бюлетеня, послѣдовавшему 1-го января 1892 года; подробности о томъ и другомъ мы даемъ ниже на своемъ мѣстѣ.

Въ теченіе отчетнаго года въ отдѣлѣ, по прежнему, какъ въ будніе, такъ и въ воскресные и праздничные дни, дежурили по очереди два физика: кандидаты физико-математическаго факультета Б. И. Срезневскій и Б. А. Керсновскій. Сверхъ того, съ 21-го мая, сначала знакомился съ дѣломъ, а потомъ и работалъ въ отдѣлѣ кандидатъ физико-математическаго факультета С. И. Савиновъ, командированный въ Обсерваторію Московскимъ университетомъ; съ 21-го іюня по 20-е августа, съ 7-го октября по 1-е декабря и съ 23-го до 30-го декабря онъ исполнялъ обязанности физика.

Дежурный физикъ сначала года находился на службѣ съ 9 ч. утра до 3 ч. пополудни и съ 5½ ч. до 8½ ч. вечера, а съ марта мѣсяца отъ 9 ч. до 3½ ч. и съ 6 ч. до 8½ ч.; эта перемѣна была вызвана большимъ скопленіемъ работъ въ послѣдній часъ утренней службы.

Физики при помощи трехъ адъюнктовъ (г-жи Тумашевой и г. Неандера въ теченіе всего года, г. Небржидовскаго до ноября и гг. Пѣсляка и Оста въ декабрѣ) составляли Метеорологическій Бюлетень, изготовляли синоптическія карты, дѣлали штормовыя предостереженія и предсказанія погоды и занимались изслѣдованіемъ путей циклоновъ.

Сверхъ упомянутыхъ лицъ, до 20-го ноября въ отдѣлѣ работали:

1) Въ качествѣ чертежника ежедневно въ будніе и праздничные дни по 3 часа, вычислитель изъ Отдѣленія станцій 2-го разряда (поочереды г. Нейманъ и г. Красильниковъ), изготовлявшій, подъ надзоромъ дежурнаго физика, карты, печатаемыя въ Бюлетенѣ.

2) Въ качествѣ вычислителя г. Бейеръ, занимавшійся ежедневно въ будніе дни по 6 часовъ пополненіемъ синоптическихъ картъ, вычисленіями для работы завѣдывающаго отдѣленіемъ о

типахъ путей циклоновъ въ Европѣ, и кромѣ того, какъ будетъ ниже подробнѣе упомянуто, отчасти дѣлами по сношенію съ желѣзнодорожными станціями и по организаціи службы предостереженій при нихъ.

Съ 20-го ноября взамѣнъ этихъ двухъ лицъ въ отдѣлѣ работали ежедневно по 6 часовъ въ будніе дни г. Нейманъ, а въ праздники онъ же, поочередно съ г. Красильниковымъ, приходилъ работать по 3 часа для черченія картъ въ Бюлетенѣ.

Изъ этихъ лицъ Б. И. Срезневскій пользовался отпускомъ съ 21-го іюня до 21-го іюля, и былъ боленъ съ 7-го октября до 1-го декабря; Б. А. Керсновскій находился въ отпуску съ 24-го іюля до 21-го августа и съ 23-го до 30-го декабря.

Наконецъ, кромѣ г. Савинова, въ теченіе отчетнаго года, въ отдѣлѣ знакомились съ дѣломъ въ качествѣ кандидатовъ на должность адъюнкта или лишь для ознакомленія съ работами отдѣла слѣдующія лица: гг. Пѣслякъ, Остъ и Годманъ.

Къ концу 1890 года Отдѣленіе получало 152 утреннихъ телеграммы, заключавшихъ въ себѣ за немногими исключеніями, кромѣ утреннихъ наблюденій еще наблюденія, произведенныя наканунѣ вечеромъ; изъ упомянутаго числа 96 телеграммъ получалось изъ русскихъ станцій и 56 изъ заграничныхъ.

Къ числу русскихъ станцій въ теченіе отчетнаго года прибавились:

19-го января	Чердынь.
4-го марта	Царицынъ.
1-го апрѣля	Лозовая.
16-го »	Вологда.
19-го мая	Ирбитъ.
24-го октября	Новозыбковъ.
31-го »	Кызъ-Ауль.
17-го декабря	Усть-Сысольскъ.

Изъ-за границы стали приходить утреннія телеграммы:

съ 6-го сентября	изъ Патраса.
» 6-го »	» Триполиса (Греція).
» 15-го октября	» Софіи.

Всего же въ теченіе отчетнаго года прибавилось 8 русскихъ и 3 заграничныхъ станціи.

Сверхъ того съ 19-го іюня до 19-го сентября получались наблюденія изъ Христіанзунда, въ 2 ч. дня.

Убыли въ теченіе года:

- Съ 4-го апрѣля Камышинъ (замѣненный съ 4-го марта Царицынымъ).
- » 9-го іюля Брянскъ (за смертью наблюдателя).
- » 14-го августа Синопъ (по неизвѣстной причинѣ).
- » 12-го октября Яренскъ (за закрытіемъ станціи).
- » 15-го декабря Вильна (временно, по случаю перенесенія станціи на новое мѣсто).
- » 20-го » Повѣнецъ (за закрытіемъ станціи).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что къ концу 1891 года Отдѣленіе получало утреннія телеграммы изъ 157 станціи, въ томъ числѣ изъ 98 русскихъ и 59 заграничныхъ.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ прибавившихся станціи слѣдующія присылаютъ, сверхъ утреннихъ депешъ, еще депеши съ наблюденіями въ 1 ч. дня: Чердынь, Царицынъ, Новозыбовъ, Усть-Сысольскъ. Полный списокъ станціи, доставлявшихъ намъ ежедневныя телеграммы, съ указаніемъ для русскихъ станціи высотъ барометра надъ уровнемъ моря, помѣщенъ въ приложеніи къ Бюлетеню въ началѣ 1892 года.

Продолжительные перерывы въ высылкѣ телеграмъ были: изъ Нижняго съ 7-го іюня до 20-го августа; изъ Тобольска, въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы, получалось лишь по нѣскольку депешъ въ мѣсяцъ. Неисправно также получались депеши изъ Аенинъ и въ особенности изъ Смирны, Патраса и Триполиса. Съ 20-го декабря Отдѣленіе получаетъ по телеграфу наблюденія за 1 ч. дня со всѣхъ русскихъ станціи, которыя ей вообще посылаютъ депеши, а именно съ этого числа тѣ станціи, которыя до того времени не сообщали наблюдений за 1 ч. дня особыми депешами въ тотъ же день, помѣщаютъ эти наблюденія въ утренней

дешѣ слѣдующаго дня. Утреннія телеграммы увеличены сверхъ того данными о наименьшей температурѣ воздуха и наименьшей температуры почвы за истекшую ночь, а также о высотѣ снѣжнаго покрова или о состояніи моря. Эти данныя, однако, помѣщаются въ Бюлетенѣ только съ 1-го января 1892 года.

Въ теченіе 1891 года Бюлетенъ издавался въ той же формѣ, въ какой онъ началъ выходить съ 1-го (13-го) мая 1889 года (см. отчетъ за 1889 года). По мѣрѣ прибыванія новыхъ станцій, составъ станцій въ Бюлетенѣ нѣсколько измѣнился.

Въ концѣ 1891 года въ Бюлетенѣ печатались утреннія и вечернія наблюденія слѣдующихъ 77 русскихъ станцій:

Улеаборгъ*.	Великіе-Луки*.
Куопіо.	Вышній-Волочекъ.
Таммерфорсъ.	Кострома.
Ганге*.	Москва*.
Гельсингфорсъ*.	Новозыбковъ*.
Сердоболь.	Козловъ*.
Архангельскъ*.	Пенза.
Петрозаводскъ.	Нижній-Новгородъ.
Каргополь*.	Казань*.
Тотьма*.	Вятка.
Усть-Сысольскъ.	Пермь.
Сермакса*.	Екатеринбургъ.
С.-Петербургъ*.	Уфа.
Ревель*.	Оренбургъ*.
Перновъ*.	Уральскъ.
Дерптъ.	Гурьевъ.
Рига.	Астрахань*.
Виindaва.	Царицынъ*.
Либава*.	Урюпинская.
Варшава*.	Харьковъ.
Пинскъ*.	Кіевъ.
Смоленскъ*.	Елисаветградъ*.

Кишиневъ.	Баку.
Одесса*.	Ленкорань*.
Николаевъ*.	Красноводскъ*.
Тарханкутъ.	Кизыль-Арватъ*.
Севастополь*.	Ташкентъ.
Керчь*.	Тобольскъ.
Ростовъ на Дону*.	Омскъ.
Новороссійскъ*.	Барнаулъ.
Сочи.	Томскъ.
Батумъ*.	Иркутскъ.
Трапезондъ.	Чита.
Ставрополь*.	Нерчинскъ.
Пятигорскъ.	Благовѣщенскъ.
Владикавказъ.	Николаевскъ.
Тифлисъ.	Сахалинъ.
Эриванъ*.	Владивостокъ.
Петровскъ*.	

Въ этомъ спискѣ звѣздочками (*) обозначены тѣ 35 станцій, которыхъ наблюденія печатались не только для 7 ч. утра и 9 ч. вечера, но еще и за 1 ч. дня. Такія послѣ-полуденныя наблюденія печатались еще для тѣхъ же 21 заграничной станціи, которыя упомянуты въ прошлогоднемъ отчетѣ.

Опоздавшія депеши русскихъ станцій, не попавшія въ соотвѣтственные дни въ Бюлетень, печатались по прежнему въ ежемѣсячномъ прибавленіи къ Бюлетеню.

Въ началѣ года Обсерваторія посылала ежедневно 23 телеграммы бесплатно и 1 оплаченную, съ наблюденіями важнѣйшихъ станцій или съ обзоромъ погоды.

Въ октябрѣ къ этимъ депешамъ прибавилась еще одна, въ Софію, съ предсказаніями погоды для юго-восточной Европы.

Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года Обсерваторія отправляла *ежедневно 25 такихъ телеграммъ*, изъ нихъ 12 внутри Имперіи и 13 за границу.

Разсылка Бюлетеня подписчикамъ производится, какъ и прежде, Главною Физическою Обсерваторією, подписка же принимается въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ.

Штормовыя предостереженія въ отчетномъ году, не считая С.-Петербурга, посылались какъ и въ прошломъ году 13 станціямъ, расположеннымъ на Балтійскомъ морѣ и смежныхъ озерахъ. На Черномъ морѣ число такихъ станцій увеличилось двумя, а именно: штормовыя предостереженія начали высылаться въ Николаевъ съ половины апрѣля и въ Новороссійскъ съ мая мѣсяца, послѣ того какъ на этихъ станціяхъ были поставлены мачты и изготовлены штормовые сигналы. Слѣдовательно въ настоящее время на Черное и Азовское моря штормовыя предостереженія посылаются 12 станціямъ, включая въ число ихъ и Ростовъ на Дону; изъ нихъ Поти и Батумъ по прежнему получаютъ по большей части лишь извѣщенія объ ожидаемыхъ буряхъ въ районѣ Керчь — Новороссійскъ.

Такимъ образомъ къ концу 1891 года число всѣхъ станцій, получающихъ штормовыя предостереженія (не считая С.-Петербурга) было 25 (вмѣсто 23 въ 1890 году).

Въ С.-Петербургѣ подъемъ штормовыхъ сигналовъ былъ временно приостановленъ съ половины мая до половины сентября, вслѣдствіе фундаментальнаго ремонта сигнальной мачты при передачѣ ея Биржевымъ Комитетомъ въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Порта.

Для сужденія о надежности штормовыхъ предостереженій мы придерживались того же способа оцѣнки удачи и неудачи сигналовъ, который былъ примѣняемъ въ предшествующіе годы (см. отчетъ за 1885 и 1886 годы).

Результаты этой оцѣнки даны въ слѣдующихъ таблицахъ, составленныхъ отдѣльно для Балтійскаго моря со смежными озерами и для Чернаго и Азовскаго морей.

Штормовыя предостереженія въ Балтійскомъ морѣ и смежныхъ озерахъ въ 1891 году.

Группы.	Станціи, принятыя во вниманіе при контролѣ.	Нормы бури.	Удачныхъ.	Отчасти удачныхъ.	Опоздавшихъ.	Неудачныхъ.	Непредупр. бурь.
I	Либава	6)	20	9	—	7	5
	Виндава	7)					
II	Рижскій маякъ	7)	26	6	3	4	5
	Динамюнде	6)					
	Перновъ	6)					
III	Пакерортъ	6)	25	5	1	10	3
	Катериненталь	10)					
	Ревель	6)					
IV	Утѣ	8)	20	7	4	10	7
	Верхній Сурупъ	9)					
	Ганге	7)					
	Гельсингфорсъ	7)					
	Седершеръ	8)					
V	Кронштадтъ	5	20	5	—	6	3
VI	С.-Петербургъ	4	4	4	—	1	—
VII	Шлиссельбургъ	6)	13	—	—	—	1
	Новая Ладога	6)					
	Сермакса	6)					
VIII	Петрозаводскъ	6)	13	4	7	4	—
	Повѣнецъ	6)					
	Вознесенье	6)					
	Сумма		141	40	15	42	24

**Штормовыя предостереженія въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ
въ 1891 году.**

Группы.	Станціи, принятыя во вниманіе при контролѣ.	Нормы буря.	Удачныхъ.	Отчасти удачныхъ.	Опоздав- шихъ.	Неудач- ныхъ.	Непредупр. бурь.
I	Одесскій маякъ	7	11	2	3	7	13
	Очаковъ	6					
	Тендровскій маякъ . .	7					
	Двѣстровскій знакъ .	8					
	Николаевъ	6					
II	Тарханкутск. маякъ .	6	13	3	3	5	1
	Севастополь	6					
	Евпаторія	7					
	Херсонесскій маякъ .	7					
	Айтодорскій маякъ . .	6					
	Ялта	3					
III	Керчь	4	15	2	4	5	9
	Еникальскій маякъ . .	8					
	Кызъ-Аульск. маякъ .	8					
	Новороссійскъ	6					
IV	Таганрогъ	6	22	7	6	6	3
V	Ростовъ на Дону . . .	4	26	6	4	4	5
	Сумма		87	20	20	27	31

Въ общей совокупности для всѣхъ раіоновъ получаемъ:

	Для Балт. моря.	Для Черн. моря.
Число удачныхъ	59%	56%
» отчасти удачныхъ .	17	13
» опоздавшихъ	6	13
» неудачныхъ	18	18

Непредупрежденные бури, превышающія норму бури на 1 балл, составляютъ:

для Балтійскаго моря 13%
 » Чернаго и Азовскаго морей . . . 23%.

Соединяя сигналы удачныя вмѣстѣ съ отчасти удачными, получаемъ, что число удачныхъ составляетъ въ 1891 году:

для Балтійскаго моря 76%
 » Чернаго и Азовскаго морей . . . 69%.

Меньшая надежность нашихъ штормовыхъ предостереженій въ сравненіи съ прошлыми годами и увеличеніе % непредупрежденныхъ бурь въ 1891 году вынудили меня подробнѣе разсмотрѣть причины этихъ явленій.

Это изслѣдованіе дѣйствительно указало на нѣкоторыя пробѣлы въ нашей организаціи; устранивъ ихъ при помощи соотвѣтствующихъ мѣропріятій, мы можемъ надѣяться достигнуть въ этомъ отношеніи улучшенія въ будущемъ.

Относительно предсказаній сильныхъ вѣтровъ и снѣжныхъ заносовъ, посылавшихся желѣзнодорожнымъ линіямъ, мы скажемъ ниже въ связи съ другими мѣропріятіями въ этомъ направленіи.

Что касается предсказаній погоды, помѣщаемыхъ въ Бюлетенѣ, то съ 1892 года будетъ вѣденъ регулярный контроль удачи ихъ.

Совмѣстно съ текущими работами, адъюнкты Отдѣла занимались пополненіемъ синоптическихъ картъ наблюденіями наиболѣе надежныхъ и важныхъ станцій изъ числа тѣхъ, которыя не доставляютъ намъ телеграмъ.

Пополненіе картъ 1888 года закончено въ апрѣлѣ нанесеніемъ вечернихъ наблюденій русскихъ станцій и наблюденій нѣсколькихъ иностранныхъ станцій. Изобары были заново переречены на вечернихъ и полуденныхъ картахъ.

Пополненіе картъ 1889 года въ отчетномъ году исполнено во всѣхъ частяхъ.

Подготовка къ нанесенію на карты наблюденій 1890 года, а именно приведеніе барометровъ къ уровню моря и выписка другихъ элементовъ въ журналы была исполнена на половину.

Нанесеніе утреннихъ и вечернихъ наблюденій 14 Скандинавскихъ станцій на карты помощью Bulletin du Nord выполнено за 18 мѣсяцевъ, именно доведено до ноября 1891 года.

Синоптическія карты 1891 года пополнены вырѣзками изъ газетъ, содержащими данныя о погодѣ за соотвѣтственные дни.

Вычислены или провѣрены высоты станцій въ Царицынѣ и Лозовой. Вычислены таблицы приведеній барометра къ уровню моря для Жмеринки, Екатеринослава, Черновица, Ирбита, Новозыбкова, Полтавы, Лозовой, Царицына и Софіи.

Таблицы ежедневныхъ нормальныхъ температуръ были заново вычислены для Царицына, Батума, Урюпинской и Яренска.

Внимательное разсмотрѣніе картъ было соединено съ контролемъ наносимыхъ наблюденій и привело къ открытію нѣсколькихъ систематическихъ погрѣшностей въ приведеніи барометра къ уровню моря (Кишиневъ, Львовъ, Куопіо, Новозыбковъ, Вятка, Чердынь); такимъ же образомъ обнаружались инструментальная погрѣшность барометра въ Севастополѣ и ошибки въ осадкахъ, сообщавшихся изъ станцій: Урюпинской, Ганге, Царацына и проч.

Въ теченіе отчетнаго года завѣдывающій отдѣленіемъ М. А. Рыкачевъ продолжалъ свой трудъ по сводкѣ результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Обсерваторіи относительно путей циклоновъ, начиная съ 1872 года.

Физикъ Отдѣленія Б. И. Срезневскій разработалъ случаи сильныхъ колебаній барометра въ 1887 году въ связи съ задачами предсказанія погоды, имѣя въ виду главнымъ образомъ предсказанія снѣжныхъ бурь для внутренней Россіи. Б. А. Керновскій продолжалъ свою работу по составленію таблицъ сильныхъ осадковъ въ Европейской Россіи въ связи съ циклонами.

В. Отдѣлъ Морской Метеорологіи.

Въ теченіе отчетнаго года, главнымъ образомъ на средства этого отдѣла, обрабатывались, подъ руководствомъ гг. Бергмана и Каминскаго, въ отдѣленіи станцій 2-го разряда наблюденія приморскихъ метеорологическихъ станцій. Послѣднее отдѣленіе вело съ наблюдателями переписку, контролировало и готовило наблюденія къ печати въ Лѣтописяхъ Обсерваторіи. Въ теченіе отчетнаго года, частью-же ужъ и въ теченіе 1890 года (но только наблюденія поступили въ Обсерваторію послѣ изданія послѣдняго отчета) къ приморскимъ метеорологическимъ станціямъ, поименованнымъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, прибавилось 5 новыхъ, а именно: Ялта II, Новороссійскъ (гавань), Кушка (Гижигинскъ), Аянъ и Петропавловскъ (въ Камчаткѣ), и кромѣ того прежде не считанная станція Даховскій-Посадъ (Сочи), всего значить прибавилось 6 станцій; закрылась станція въ Синопѣ. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года общее число приморскихъ метеорологическихъ станцій составляло 100, изъ которыхъ, какъ и въ прошломъ году, лишь 75 содержатся на средства Морскаго Министерства. Но еще до истеченія 1891 года число послѣднихъ станцій возросло до 79, такъ какъ Главное Гидрографическое Управленіе обезпечило дальнѣйшее существованіе станцій, основанныхъ въ свое время Главною Физическою Обсерваторіею на собственныя средства по побережью Тихаго Океана, а именно: Кушка, Охотскъ, Аянъ и Петропавловскъ, тѣмъ, что назначило наблюдателямъ этихъ станцій годовое жалованье въ вознагражденіе за ихъ труды. Въ теченіе отчетнаго года изъ числа всѣхъ 100 приморскихъ станцій 64 принадлежали къ станціямъ 2-го разряда 1-го класса, т. е. производили наблюденія надъ всѣми или почти всѣми метеорологическими явленіями по надежнымъ инструментамъ, остальные же 36 станцій 2-го разряда 2-го класса присылали болѣе или менѣе неполный матеріалъ. Ниже мы приводимъ изъ полнаго списка всѣхъ станцій 2-го разряда, перечисленныхъ въ этомъ годовомъ

отчетѣ въ другомъ мѣстѣ, всѣ 100 станцій, о которыхъ идетъ рѣчь. При этомъ мы переименовываемъ эти станціи, распредѣляя ихъ по морямъ и различая обѣ группы (1 и 2 классъ) различнымъ шрифтомъ и особой нумераціей. Обозначая звѣздочкой (*) тѣ приморскія станціи, которыя не содержатся Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ или Морскимъ Министерствомъ — всего ихъ 21 — мы приводимъ здѣсь списокъ всѣхъ приморскихъ станцій:

Ледовитый океанъ, Карское и Бѣлое море. 1. Териберка, 2. Кола, 3. Мезень, 4. Зимняя Золотица, 5. Соловецкій монастырь, 6. Кемь, 7. Архангельскъ, 8. *Онега.

1. *Малыя-Кармакулы, 2. Святоносъ, 3. Орловъ, 4. Моржовъ, 5. Сосновъ, 6. Жижгинъ, 7. Мудьюгъ, 8. Жужмуй.

Балтійское море. 9. Нарвскій маякъ, 10. Ревель, 11. Пакерортъ, 12. Дагерортъ, 13. *Перновъ, 14. *Динаминдъ, 15. *Рига, 16. Виндава, 17. *Либава, 18. Кронштадтъ.

9. Марьяніеми, 10. Улькокала, 11. Танкаръ, 12. Шельгрудъ, 13. Себшеръ, 14. Шельшеръ, 15. Меркетъ, 16. Седершеръ, 17. Гогландъ, 18. Гангъ (маякъ), 19. *Гангъ (городъ), 20. Утз, 21. Богшеръ, 22. Верхній Сурупъ, 23. Катериненталь, 24. Фильзандъ, 25. Церель, 26. Рижскій маякъ.

Черное и Азовское моря. 19. Днѣстровскій Звякъ, 20. Николаевъ, 21. *Херсонъ, 22. Очаковъ, 23. *Одесса, 24. *Перебойный Островъ, 25. *Ростовъ на Дону, 26. Таганрогъ, 27. *Маргаритовка, 28. Бердянскъ (маякъ), 29. Геническъ, 30. Тарханкутъ, 31. Керчь, 32. Севастополь, 33. *Ялта I, 34. *Ялта II, 35. Айтодоръ, 36. *Новороссійскъ (гавань), 37. Новороссійскъ (городское училище), 38. *Даховскій Посадъ, 39. Сухумъ, 40. Поты, 41. Батумъ, 42. *Буюкъ-Дерэ, 43. Трапезунтъ.

27. Одесскій маякъ, 28. *Бердянскъ (городъ), 29. Тендровъ, 30. Бирючь, 31. Эникале, 32. Евпаторія, 33. Кызъ-Ауль, 34. Херсонесъ, 35. Дообъ, 36. Кодошъ.

Каспійское море. 44. Гурьевъ, 45. Астрахань, 46. *Боаста, 47. Чечень, 48. Петровскъ, 49. Дербентъ, 50. Баку, 51. Ленкорань, 52. Фортъ Александровскій, 53. Красноводскъ, 54. *Узунъ-Ада.

Тихій океанъ. 55. Кушка (Гижигинскъ), 56. Охотскъ, 57. Аянъ, 58. Николаевскъ на Амурѣ, 59. Петропавловскъ (Камчатка), 60. *Корсаковская (Александровская), 61. Корсаковский постъ, 62. Гавань Св. Ольги, 63. Владивостокъ, 64. Новокіевское.

Наблюденія этихъ 64 приморскихъ станцій изданы въ Лѣтописяхъ за 1890 годъ отчасти полностью, отчасти же въ видѣ выводовъ. Что касается до остальныхъ приморскихъ станцій, которыя принадлежать къ категоріи станцій 2-го разряда 2-го класса, то при изданіи наблюденій ихъ мы ограничились лишь 20-ью выводами наблюденій надъ вѣтрами во II части Лѣтописей за 1890 годъ и 18-ью выводами наблюденій надъ осадками въ I части ихъ.

Судовыя метеорологическія наблюденія, а также и наблюденія надъ высотой и температурою воды и надъ состояніемъ моря, въ отчетномъ году, какъ и въ предшествующіе годы, собирались не Главною Физическою Обсерваторіей, а Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ, чтобъ ихъ потомъ публиковать въ соотвѣтствующихъ изданіяхъ этого учрежденія.

С. Служба предостереженій для желѣзныхъ дорогъ.

Въ прошломъ отчетѣ было уже упомянуто объ организаціи при Главной Физической Обсерваторіи службы предостереженій съ цѣлью предостерегать желѣзныя дороги о такихъ атмосферныхъ явленіяхъ, которыя могутъ быть причиной нарушенія правильного движенія поѣздовъ. Относительно первыхъ попытокъ и устройства этихъ предостереженій у насъ въ 1890 году было уже сдѣлано нѣсколько замѣтокъ въ прошломъ отчетѣ на стр. 49, 50, а также 63 и 64. Благодаря средствамъ, асигнованнымъ пока на 3 года для этой цѣли, по ходатайству г. Министра Путей Сообщенія, какъ уже упомянуто въ введеніи, выдача предостереженій могла быть въ отчетномъ году продолжена и вообще вся служба развита и опредѣленнѣе организована.

Въ теченіе отчетнаго года были получены со всѣхъ желѣзныхъ дорогъ испрошенные въ свое время описанія топографическихъ условій линій съ указаніямъ мѣстъ, особенно подверженныхъ снѣжнымъ заносамъ, и съ другими подробностями.

Точно также до конца отчетнаго года были основаны на средства желѣзныхъ дорогъ по линіямъ всѣ тѣ станціи 2-го и 3-го разряда, а также и станціи для наблюденія надъ снѣжнымъ покровомъ, которыя казались Главной Физической Обсерваторіи наиболѣе желательными для расширенія своей сѣти наблюдательныхъ пунктовъ въ видахъ лучшей организаціи предостереженій. Ниже мы приводимъ списокъ станцій, основанныхъ такимъ образомъ на средства управленій желѣзныхъ дорогъ до конца 1891 года.

Станціи 2-го разряда.

Устроены:	на станціяхъ:	Число станцій.
Варшавско - Вѣнской ж. д. . .	Влоцлавскъ и Зомбковицы. . .	2
Владикавказской » » . . .	Тихорѣцкъ.	1
Грязе-Царицынской » » . . .	Царицынъ и Иловля.	2
Закаспійской » » . . .	Кизыль-Арватъ, Узунъ-Ада и Мервъ.	3
Курско-Кіевской » » . . .	Коренево.	1
Лозово-Севастопольск. » » . . .	Лозовая	1
Московско-Брестской » » . . .	Минскъ, Вязьма и Борисовъ .	3
Московско-Курской » » . . .	Поныри.	1
Моск.-Яросл.-Волог. » » . . .	Ростовъ	1
Николаевской » » . . .	Веребье	1
Оренбургской » » . . .	Бузулукъ	1
Орлово-Витебской » » . . .	Рославль.	1
Полѣскими » » . . .	Новозыбковъ и Мозырь-Коленковичи	2
Привислянской » » . . .	Холмъ	1
Рыбьяско-Бологовск. » » . . .	Бѣжецкъ.	1
Рязано-Козловской » » . . .	Козловъ и Рязань.	2

Устроены:	на станціяхъ:	Число станцій.
С.-Петербург.-Варш. ж. д. . .	Корсовка, Ковно и Игнашино.	3
Уральской » » . . .	Чусовская, Бисерь и Кизель.	3
Харьково-Николаевск. » » . . .	Кременчугъ, Тростянецъ и Долинская.	3
Шуйско-Ивановской » » . . .	Кинешма.	1
Юго-Западными » » . . .	Старосельцы, Жмеринка и Здолбуново	3
Баскунчакской » » . . .	Ахтуба.	1
Новоторжской » » . . .	Ржевъ	1
	<hr/>	
	Всего . . .	39

Число станцій 3-го разряда и станцій для наблюденія надъ снѣжнымъ покровомъ.

	Станціи 3-го разр.	Станц. для набл. надъ снѣжн. покр.
На Варшаво - Тереспольской ж. д. . .	—	7
» Владикавказской » » . .	—	5
» Грязе-Царицынской » » . .	2	5
» Динабурго-Витебской » » . .	2	4
» Донецкой » » . .	4	5
» Екатерининской » » . .	—	9
» Закаспійской » » . .	4	—
» Ивангородо-Домбровской » » . .	—	5
» Козл.-Воронеж.-Ростовск. » » . .	3	10
» Козлово-Саратовской » » . .	2	5
» Курско-Кіевской » » . .	—	—
» Курско-Харьково-Азовск. » » . .	4	9
» Либаво-Роменской » » . .	—	14
» Ливенской » » . .	—	1
» Лодзинской » » . .	—	2
» Лозово-Севастопольской » » . .	1	5
» Митавской » » . .	—	3
» Московско-Брестской » » . .	—	10

		Станціи 3-го разр.	Станц. для набл. надъ сѣтк. покр.
На Московско-Курской	ж. д. . .	—	7
» Московско-Нижегородск.	» » . .	3	5
» Московско-Рязанской	» » . .	4	—
» Моск.-Яросл.-Вологодск.	» » . .	5	—
» Муромской	» » . .	—	1
» Новгородской	» » . .	2	2
» Новоторж. и Ржево-Вяз.	» » . .	1	—
» Оренбургской	» » . .	—	5
» Орлово-Грязской	» » . .	—	6
» Орлово-Витебской	» » . .	—	6
» Полѣскихъ	» » . .	—	9
» Привислянкой	» » . .	2	2
» Псково-Рижской	» » . .	2	2
» Риго-Динабургской	» » . .	—	3
» Риго-Тукумской	» » . .	1	4
» Рыбинско-Бологовской	» » . .	2	3
» Рязанско-Козловской	» » . .	1	5
» Самаро-Златоустской	» » . .	5	2
» С.-Петерб.-Варшавской	» » . .	—	11
» Сызрано-Вяземской	» » . .	—	10
» Уральской	» » . .	—	11
» Фастовской	» » . .	—	4
» Харьково-Николаевской	» » . .	6	7
» Шуйско-Ивановской	» » . .	—	2
» Юго-Западныхъ	» » . .	9	11
Всего . .		65	218

Впрочемъ изъ этихъ 65 станцій 3-го разряда только лишь 40 дѣйствовали уже въ 1891 году.

Послѣ того какъ уже была устроена передача предостереженій непосредственно управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, оказалось цѣлесообразнымъ подраздѣлить всю территорію Европейской Россіи на 19 отдѣльныхъ районовъ, заключающихъ въ

себѣ извѣстную группу желѣзныхъ дорогъ. Карта съ этими районами была представлена на одобреніе г. директору Департамента желѣзныхъ дорогъ и г. предсѣдателю Временнаго Управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которые вообще ее одобрили и предложили лишь нѣкоторыя, несущественныя измѣненія въ ней. Пользуясь такимъ раздѣленіемъ на округа, Отдѣленіе штормовыхъ предостереженій извѣщало отдѣльныя управленія желѣзныхъ дорогъ объ ожидаемыхъ внезапныхъ и сильныхъ измѣненіяхъ погоды въ данномъ районѣ. Данныя зимою 1890—91 предостереженія представляютъ, такъ сказать, первую попытку въ этомъ дѣлѣ.

Въ мартѣ отчетнаго года Обсерваторія пригласила управленія желѣзныхъ дорогъ высказаться безъ всякихъ стѣсненій о достоинствѣ полученныхъ предостереженій, и указать на желательныя улучшенія въ этомъ дѣлѣ. Въ отвѣтъ на это Обсерваторія очень скоро получила отъ большинства управленій дорогъ болѣе или менѣе опредѣленные отзывы.

Составленіе всѣхъ данныхъ, относящихся къ сдѣланнымъ зимою 1890—91 года предостереженіямъ я поручилъ физику Отдѣленія бюлетеней г. Б. А. Керсновскому. Послѣдній отдалъ мнѣ въ сентябрѣ 1891 года объ этомъ отчетъ, послѣ чего я представилъ его г. Министру Путей Сообщенія. Къ сожалѣнію, печатаніе этого отчета затянулось по независящимъ отъ насъ причинамъ, такъ что отдѣльные оттиски его могли быть разсланы интересующимся этимъ вопросомъ лицамъ лишь въ началѣ 1892 года. Этотъ отчетъ содержитъ выдержки изъ отвѣтовъ управленій желѣзныхъ дорогъ на вышеупомянутый циркулярный запросъ Обсерваторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденія метеорологическихъ станцій, лежащихъ близъ желѣзной дороги, за день посланнаго предостереженія изъ Обсерваторіи и за два слѣдующіе дня. Посланное каждой отдѣльной станціи предостереженіе было провѣрено на основаніи этихъ данныхъ. Изъ названнаго отчета видно, что изъ 36 управленій дорогъ, которыя отвѣтили на запросъ Обсерваторіи, 23 высказались безусловно

въ пользу предостереженій уже въ ихъ настоящемъ видѣ, 3 управленія высказались напротивъ не въ пользу ихъ и 10 не высказали никакого опредѣленнаго мнѣнія, такъ какъ они считаютъ сдѣланные попытки еще недостаточными, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Изъ только-что упомянутыхъ 10 желѣзныхъ дорогъ 3 получили лишь по одному предостереженію и потому, конечно, не могли дать никакого опредѣленнаго отзыва.

Изъ сопоставленія метеорологическихъ наблюденій и изъ провѣрки предостереженій по нимъ получился слѣдующій результатъ:

Изъ 328 предостереженій, которыя были сдѣланы въ теченіе зимы 1890—91, оказались:

удачными	189	или	58%
опоздавшими . . .	77		23
неудачными . . .	50		15
сомнительными. .	12		4
	<u>328</u>		<u>100</u>

Слѣдовательно 81—83% предостереженій, хотя бы отчасти и опоздавшихъ, оказались удачными и только 15—17% неудачными, что, вообще говоря, близко соотвѣтствуетъ мнѣніямъ, высказаннымъ управленіями желѣзныхъ дорогъ.

При провѣркѣ предостереженій оказалось, что точный контроль и обстоятельное изслѣдованіе снѣжныхъ заносовъ возможно лишь при подробныхъ наблюденіяхъ по желѣзнодорожнымъ линиямъ послѣ полученія предостереженія въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются на морскихъ станціяхъ относительно бурь. Вслѣдствіе этого еще до наступленія зимы 1891—92 была выработана общая инструкция о предостереженіяхъ и подробное указаніе, какъ заполнять контрольными наблюденіями предназначенные для того бланки. Такія наблюденія должны производиться послѣ полученія предостереженія по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ желѣзнодорожной дистанціи. Инструкция была сообщена Министерствомъ Путей Сообщенія для руководства управленіямъ же-

лѣзныхъ дорогъ, а Обсерваторія снабдила желѣзныя дороги необходимымъ запасомъ бланковъ для занесенія наблюдений.

Чтобы имѣть болѣе полный матеріалъ наблюдений, Обсерваторія нашла цѣлесообразнымъ поручить эти наблюдения и такимъ станціямъ 2-го разряда, которыя хотя и не находятся на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и не основаны управленіемъ дороги, однако расположены въ городахъ съ желѣзнодорожною станціею. Для этой цѣли упомянутая инструкция требуетъ отъ управленій желѣзныхъ дорогъ доставлять такимъ станціямъ по телеграфу копію съ полученнаго предостереженія, чтобы и тамъ производились правильныя дополнителныя наблюдения. Метеорологическія станціи пользуются при этомъ правомъ распространять дальше полученное отъ Обсерваторіи предсказаніе.

Въ настоящее время Обсерваторія получаетъ отъ большинства желѣзныхъ дорогъ и прилежащихъ станцій 2-го разряда наблюдения послѣ полученія предостереженія или послѣ непредвиденной бури или снѣжнаго заноса.

Обработка этихъ наблюдений и провѣрка предостереженій на основаніи ихъ поручена физику Отдѣленія штормовыхъ предостереженій Б. А. Керсновскому, который ведетъ также переписку относительно устройства метеорологическихъ наблюдений на желѣзныхъ дорогахъ.

Такъ какъ предостереженія для желѣзныхъ дорогъ дѣлаются почти исключительно зимою, то кажется болѣе цѣлесообразнымъ избрать для обработки и провѣрки ихъ, какъ замкнутый періодъ, не текущій годъ, какъ это дѣлается при штормовыхъ предостереженіяхъ, а зиму отъ одного лѣта до другого. А потому слѣдующія обработки предостереженій обнимутъ собою зиму 1891—92 года и т. д., и вслѣдствіе этого рѣчь о нихъ будетъ лишь въ слѣдующемъ отчетѣ.

XI. Филиальная Обсерваторія въ Павловскѣ.

Какъ раньше, такъ и въ этомъ году Э. Лейстъ, завѣдующій Павловскою Обсерваторіей, руководилъ непосредственно всѣми нормальными работами ея, причемъ въ теченіе всего года ему помогали старшій наблюдатель канд. В. Дубинскій. Подъ ихъ надзоромъ работали, также весь годъ, въ качествѣ младшихъ наблюдателей, А. Бергштрессеръ и И. Шукевичъ, а К. Годманъ лишь до 1-го декабря, когда онъ по своему собственному желанію былъ переведенъ въ Главную Физическую Обсерваторію, причемъ на его мѣсто оттуда поступилъ А. Бейеръ. Въ должности механика состоялъ въ теченіе всего года К. Рорданцъ, а въ должности смотрителя г. Летбергъ.

Библиотека Обсерваторіи увеличилась покупкой и обмѣномъ книгъ на 386 номеровъ.

Если не считать *инструментовъ*, перевезенныхъ изъ Главной Физической Обсерваторіи, приращеніе *инструментовъ* Павловской Обсерваторіи состояло въ слѣдующемъ: термографъ и волосяной гигрографъ бр. Рижаръ въ Парижѣ, три аккумулятора Яблочкова въ С.-Петербургѣ, 1 ампериметръ Шукерта, фотофоры и электрическія лампочки Труве въ Парижѣ, 7 различныхъ реостатовъ, изготовленныхъ въ мастерской Обсерваторіи, и нѣсколько замыкателей и приборовъ для измѣненія направленія тока, батарея для электрометра, состоящая изъ 200 элементовъ Даніеля.

Такъ какъ котель парового двигателя Лиліенталя испортился, то въ концѣ года былъ приобрѣтенъ *керасиновый двигатель* съ $1\frac{1}{2}$ лошадиныхъ силы Лампензипена и Комп. въ С.-Петербургѣ, чтобы избѣжать продолжительнаго перерыва дѣйствія динамомашины и водяного насоса, въ случаѣ если бы паровой двигатель пришлось чинить болѣе продолжительное время. Въ отчетномъ году перегорѣли проволоки только у 20 лампочекъ накаливанія, служившихъ для освѣщенія подземнаго магнитнаго па-

вильона, что составляет приблизительно расходъ въ 30 рублей. Продолжительность горенія этихъ лампочекъ колеблется между 30 и 2690 часами. Расходъ на коксъ для упомянутаго парового двигателя, приводящаго въ движеніе водяной насосъ и динамомашину, составляетъ 150 рублей въ годъ.

Изъ ремонтныхъ работъ зданій Обсерваторіи обратимъ вниманіе прежде всего на ремонтъ крышъ, лѣстницъ обоихъ главныхъ зданій, обѣихъ будокъ миръ, на *деревянную обшивку* крестообразной залы деревяннаго магнитнаго павильона (вмѣсто до сихъ поръ бывшей папочной). Большихъ расходовъ также стоилъ въ отчетномъ году настоятельно необходимый капитальный ремонтъ забора изъ частокола, окружающаго нашъ участокъ.

Кромѣ отправки собственныхъ 397 писемъ и пакетовъ, не малаго труда стоила служащимъ Обсерваторіи разсылка по почтѣ 709 пакетовъ, переведенныхъ туда изъ Главной Физической Обсерваторіи, чтобы раздѣлить сдаваемые ею на почту посылки.

Нормальныя научныя занятія Обсерваторіи, какъ видно изъ наблюдений, которыя печатаются въ I-ой части Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи, велись въ отчетномъ году безъ особыхъ измѣненій.

Изъ экстренныхъ работъ и переменъ въ наблюдательныхъ инструментахъ укажемъ на слѣдующія: измѣненъ *электрометръ* для измѣренія воздушнаго электричества, для болѣ легкой жюстировки его и для болѣ удобнаго возобновленія въ немъ сѣрной кислоты; вмѣстѣ съ этимъ *крупче установленъ* принадлежащій сюда фотографическій самопишущій приборъ съ отчетной зрительной трубой и шкалой на стѣнной полкѣ изъ мрамора и желѣза; *электрическое освѣщеніе распространено* и на этотъ приборъ, а также и на отсчеты по шкаламъ и термометрамъ въ подземномъ павильонѣ; кромѣ того обыкновенные гальваническіе элементы, употребляемые до сихъ поръ для электрическихъ самопишущихъ приборовъ и для звонковъ, замѣнены *аккумуляторами*. Оба *анеморафа* были основательно вычищены и правильнѣе установлены, причемъ снова опредѣлены ихъ по-

стоянныя. Для магнитнаго однопитнаго теодолита для измѣренія горизонтальнаго напряженія и. Лейста и Дубинскій снова опредѣлили всѣ постоянныя величины, а именно: моментъ инерціи обоихъ магнитовъ качанія, ихъ коэффициенты температуры и индукціи, и постоянныя величины при наблюденіяхъ надъ отклоненіемъ. Это опредѣленіе дало, въ границахъ погрѣшностей наблюденій, тѣ же результаты, какъ и первыя опредѣленія этихъ постоянныхъ величинъ. Въ концѣ года я ввелъ значительное улучшеніе при измѣреніяхъ по *индукціонному инклинатору*, поводомъ къ чему послужило сообщеніе д-ра М. Ф. Эдельмана. Послѣдній мнѣ сообщилъ, что по его опытамъ объективъ зрительной трубы при отсчетахъ шкалы очень выгодно можетъ быть замѣненъ употребленіемъ у магнита вогнутаго зеркала вмѣсто плоскаго, потому что такимъ образомъ, при одинаковомъ увеличеніи, изображеніе шкалы въ окулярѣ трубы получается гораздо яснѣе. Это мнѣ показалось особенно важнымъ для отсчета шкалы у мультипликатора нашего новаго индукціоннаго инклинатора; и въ самомъ дѣлѣ, при этомъ способѣ наблюденія мы получали болѣе свѣтлыя изображенія, чѣмъ прежде, даже когда шкала находилась на разстояніи вдвое большемъ, чѣмъ прежде; такимъ образомъ уже съ этой стороны чувствительность прибора сдѣлалась вдвое больше, и можетъ быть еще увеличена употребленіемъ стеклянныхъ шкалъ, раздѣленныхъ на полумиллиметры, которыя теперь приготовлены.

Лѣтомъ отчетнаго года профессоръ О. Д. Хвольсонъ началъ въ Павловской Обсерваторіи *актинометрическія изслѣдованія*, при которыхъ служащіе при Обсерваторіи и особенно механикъ оказывали ему большую помощь.

Небольшое изслѣдованіе о *температурныхъ коэффициентахъ магнитовъ изъ булатной стали*, начатое мною въ Павловскѣ лѣтомъ 1890 года, приведено было нѣкоторыми дополнительными наблюденіями г. Лейста весною 1891 года къ предварительному окончанію. Поводомъ къ этому послужили относящіяся сюда замѣчанія д-ра П. Мюллера, въ его статьѣ о *горизонтальномъ напряженіи земнаго магнетизма въ Ека-*

теринбургской Обсерваторіи (Метеорологическій Сборникъ, томъ II, № 3, стр. 16 и 17, сентябрь 1890), по которымъ можно было заключить, что магниты старыхъ варіаціонныхъ инструментовъ Купфера сдѣланы изъ *булатной стали*, которые я давно тщетно разыскивалъ. Въ Главной Физической Обсерваторіи я нашелъ 5 такихъ (4-фунтовыхъ) магнитовъ, изъ которыхъ два, при моихъ первыхъ опытахъ въ Павловскѣ, дали дѣйствительно малые коэффициенты температуры (0,00013 и 0,00056) съ обратными знаками — убавленіе магнетизма при пониженіи температуры, но съ значительными разницями коэффициентовъ при нагрѣваніи и охлажденіи, — между тѣмъ какъ два другіе магнита дали обыкновенные результаты (коэффициенты ихъ равны 0,00024 и 0,00043). Разительные результаты далъ пятый магнитъ, который до опытовъ былъ вновь намагниченъ, причеъ однако его магнитный моментъ увеличился очень незначительно. При охлажденіи температурный коэффициентъ равнялся 0,00100 обратно, т. е. магнетизмъ убывалъ, тогда какъ послѣдующія постепенныя нагрѣванія отъ 0 до 34° нормально все уменьшали магнетизмъ съ коэффициентомъ 0,00260 при 1°, между тѣмъ какъ послѣдовавшее потомъ охлажденіе увеличило магнетизмъ опять-таки нормально съ коэффициентомъ 0,00040. Этотъ магнитъ обладалъ удѣльнымъ магнитнымъ моментомъ въ 10⁵.3,19 на 1 грамъ, а оба предыдущіе, также нормально дѣйствующіе магнита имѣли удѣльнаго магнетизма 10⁵.2,46 и 10⁵.1,88, между тѣмъ какъ оба ненормальные магнита обладали только 10⁵.1,39 и 10⁵.1,56 удѣльнаго магнетизма. Чтобы посмотрѣть, какъ температура дѣйствуетъ на эти магниты при болѣе сильномъ намагничиваніи, я снова намагнитилъ ихъ въ солиноидѣ, причеъ магнитный моментъ каждаго увеличился больше, чѣмъ вдвое. Послѣ двадцатикратнаго измѣненія температуры отъ 0° до 20° одинъ изъ магнитовъ обнаруживалъ при изслѣдованіи нормальное состояніе, между тѣмъ какъ другой давалъ уменьшеніе магнетизма и при увеличеніи, и при уменьшеніи температуры. Послѣ того какъ оба магнита въ теченіе трехъ

зимнихъ мѣсяцевъ пролежали на печи, гдѣ температура большею частью доходила до 40°, а потомъ хранились одинъ мѣсяцъ въ комнатѣ, температура которой въ среднемъ равнялась 15° Ц., причемъ ихъ магнетизмъ уменьшился на $\frac{1}{20}$ своей величины, первый обнаружилъ по опытамъ г. Лейста все еще нормальное состояніе, другой же принялъ приблизительно снова свои прежнія ненормальныя свойства, т. е. показывалъ сильное ослабленіе магнетизма при падающей температурѣ и усиленіе, хотя, впрочемъ, сравнительно небольшое, при увеличивающейся температурѣ. Отсюда съ большою вѣроятностью кажется, что по крайней мѣрѣ три изъ этихъ магнитовъ дѣйствительно сделаны изъ булатной стали и въ самомъ дѣлѣ обладаютъ небольшими и даже обратными температурными коэффициентами. Это особенное свойство магнитовъ изъ этой стали, какъ видно изъ предыдущаго, обнаруживается у нихъ лишь при слабомъ намагничиваніи, да и тогда коэффициенты для нагреванія и охлажденія сильно отличаются другъ отъ друга, такъ что магнетизмъ кажется малоустойчивымъ. Это вѣроятно и была причина, почему Купферъ опять пересталъ, ничего не говоря, употреблять эту сталь при своихъ позднѣйшихъ магнитныхъ приборахъ.

Наконецъ мнѣ остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ опытахъ съ аспираціоннымъ психрометромъ Ассмана въ его новѣйшей формѣ; эти опыты начались осенью 1890 года и окончились послѣднимъ лѣтомъ. По большей части они были произведены гг. Лейстомъ и Дубинскимъ и только отчасти мною; изъ сравненія съ показаніями моей установки термометровъ при употребленіи вентиляторовъ, дающихъ отъ 2 до 5 метровъ въ секунду скорости вѣтра вокругъ шариковъ термометра, оказалось, что этотъ инструментъ въ этой своей новой формѣ и при скорости вѣтра, достигаемой новымъ вентиляторомъ, по крайней мѣрѣ въ 5 метровъ въ секунду (вмѣсто 1 метра въ секунду въ прежнемъ приборѣ), даетъ дѣйствительно вѣрныя показанія температуры даже при полномъ солнечномъ освѣщеніи, а также надежныя показанія влажности, если только при вычисленіи ея въ пси-

хрометрической формулѣ употреблять опредѣленные изъ опытовъ г. Зворыкина постоянныя для вышеупомянутой скорости вѣтра.

Кромѣ профессора О. Д. Хвольсона (какъ выше упомянуто) въ отчетномъ году занимались въ Обсерваторіи еще слѣдующія лица:

Г. д-ръ Золандеръ изъ университета въ Упсалѣ сравнивалъ свои магнитные инструменты съ нашими соответственными нормальными инструментами съ 1-го до 12-го іюня.

Г. П. Броунъ профессоръ Кіевскаго университета, упражнялся въ метеорологическихъ и особенно магнитныхъ наблюденіяхъ съ 13-го іюня по 8-е сентября.

Г. кандидатъ математики С.-Петербургскаго университета Роддъ опредѣлялъ постоянныя своихъ магнитныхъ инструментовъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по нѣскольку дней въ іюль и октябрѣ.

Гг. инженеры Афанасьевъ и Кизловъ, Константиновскаго Межеваго Института въ Москвѣ, изучали метеорологическія и магнитныя наблюденія съ 12-го до 26-го августа.

Въ апрѣлѣ Обсерваторію посѣтилъ профессоръ Дерптскаго университета А. А. фонъ-Эттингенъ, а въ іюль Обсерваторія была показываема 29 учителямъ и 12 ученикамъ послѣдняго класса семинаріи учительскою конференціею, засѣдавшею въ Павловскѣ.

ХII. Тифлисская, Екатеринбургская и Иркутская Обсерваторіи.

Тифлисская Физическая Обсерваторія и магнитныя и метеорологическія Обсерваторіи въ Екатеринбургѣ и Иркутскѣ въ теченіе отчетнаго года по прежнему выполняли всѣ лежащія на нихъ постоянныя работы. Директоры этихъ учрежденій доставили мнѣ для представленія въ Императорскую Академію Наукъ отчеты какъ объ этихъ, такъ и объ экстренныхъ ученыхъ

работахъ. Доставленъ и запоздавшій отчетъ Иркутской Обсерваторіи за 1890 годъ. Изъ этихъ отчетовъ приведу слѣдующія данныя.

1. Физическая Обсерваторія въ Тифлисъ.

Г. Рейхертъ оставилъ Обсерваторію въ октябрѣ, а на его мѣсто поступилъ г. Валлингъ.

Директоръ Обсерваторіи И. Г. Мильбергъ пользовался 2-хъ мѣсячнымъ отпускомъ съ 15-го іюля по 15-ое сентября.

Число входящихъ бумагъ и пакетовъ въ отчетномъ году было 1908, исходящихъ — 1595.

Число инструментовъ увеличилось на 63 подъ 5-ю номерами; между ними находятся 20 паръ малыхъ дождемѣровъ съ измѣрительными стаканами и одинъ омбро- и атмографъ, устроенный по Вильду Гаслеромъ въ Бернѣ.

Купленные книги занесены въ шнуrowыя книги подъ 8-ю номерами (12 томовъ), полученные же въ обмѣнъ подъ 161-мъ номеромъ (225 томовъ).

Въ механической мастерской Обсерваторіи, кромѣ текущихъ небольшихъ исправленій инструментовъ Обсерваторіи и станцій, изготовлено еще 20 дождемѣровъ, 3 флюгера, 3 волосныхъ гигрометра, одна психрометрическая клѣтка, стеклянныя шкалы для магнитныхъ инструментовъ и для самопишущихъ приборовъ.

Изъ ремонтныхъ работъ зданій упомянемъ капитальный ремонтъ пришедшаго въ ветхость деревяннаго павильона для абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній. Квартира механика потребовала также основательнаго ремонта.

Въ теченіе отчетнаго года были окончены и разсланы слѣдующія изданія:

1. Метеорологическія наблюденія въ Тифлисъ за 1890 годъ.
2. Магнитныя наблюденія въ Тифлисъ за 1890 годъ.
3. Наблюденія надъ температурою почвы произведенныя въ Тифлисской Обсерваторіи за 1884 и 1885 годы.

Метеорологическія и магнитныя варіаціонныя наблюденія производились вообще въ томъ же объемѣ, какъ и въ прошломъ году. На ряду съ ежечасными наблюденіями продолжались и метеорологическія наблюденія въ 3 срока въ день, въ открытой станціонной будкѣ съ вентиляціей. Далѣе, кромѣ 4-хъ абсолютныхъ измѣреній по прежнимъ инструментамъ, производимыхъ ежемѣсячно, дѣлались еще особыя измѣренія горизонтальнаго напряженія съ новыми, болѣе сильными магнитами и нѣсколько повѣрочныхъ измѣреній со 2-мъ приборомъ съ отклоненіемъ свободной стрѣлки съ сѣвера и съ юга.

Изъ магнитныхъ варіаціонныхъ наблюденій за промежутокъ времени съ 1880—1885 года выведенъ суточный ходъ по нормальнымъ суткамъ, установленнымъ Главною Физической Обсерваторіей. Работа эта пока прекращена, такъ какъ у г. Мюллера въ его статьѣ, относящейся сюда, нѣкоторые дни являются нормальными, которые у насъ однако считались ненормальными.

Показанія гелиографа, которыя прибавились съ прошлаго года, правильно обрабатывались.

Къ концу года былъ установленъ вновь пріобрѣтенный самопишущій приборъ для осадковъ и испареній. Еще до окончанія года возможно было произвести всѣ жюстировки его, такъ что съ 1-го января 1892 года приборъ дѣйствуетъ непрерывно и записи его обрабатываются.

Такимъ же образомъ, какъ и въ прошлые годы, постоянныя величины и поправки инструментовъ провѣрены при помощи новыхъ опредѣленій или сравненій.

Въ отчетномъ году состоялись двѣ, уже прежде упомянутыя поѣздки для осмотра метеорологическихъ станцій. Первую предпринялъ г. Ассафрей въ октябрѣ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, вторую г. Вознесенскій въ маѣ и іюнѣ на сѣверную окраину Кавказа.

Число метеорологическихъ станцій, принадлежащихъ къ Тифлисской Обсерваторіи, къ концу года было 26, а именно:

Абастуманъ.	Коби.
Баяндуръ.	Кутансъ.
Боржомъ.	Михайловская пустыня.
Хуторокъ.	Ладожская.
Эриванъ.	Ново-Баязетъ.
Эссентуки.	Ольты.
Гори.	Пятигорскъ.
Горячій Ключъ.	Сочи.
Гудауръ.	Сухумъ (въ городѣ).
Елисаветполь.	Суша.
Желѣзноводскъ.	Ставрополь.
Карсъ.	Темиръ-Ханъ-Шура.
Кисловодскъ.	Владикавказъ.

Изъ этихъ станцій снабжена въ отчетномъ году инструментами на счетъ Тифлисской Обсерваторіи Михайловская пустынь близъ Майкопа.

Станція при городскомъ училищѣ въ Сухумѣ устроена благодаря пожертвованію частнаго лица, г. Юркевича.

Хотя станція въ Горячемъ-Ключѣ существовала уже и въ прежніе годы, но только въ этомъ году наблюденія ея велись по инструкціи и годны для обработки.

Въ теченіе отчетнаго года число станцій 3-го разряда значительно увеличилось, такъ что къ началу новаго года насчитывалось 38 дождемѣрныхъ станцій, которыя снабжены дождемѣрами исключительно на средства Тифлисской Обсерваторіи. Изъ этихъ станцій 26 устроено въ теченіе отчетнаго года. Этому расширенію главнымъ образомъ способствовало просвѣщенное содѣйствіе попечителя Кавказскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника г. Яновскаго, который посовѣтовалъ сельскимъ учителямъ заняться этими наблюденіями и сумѣлъ возбудить въ нихъ интересъ къ дѣлу.

Основанныя на средства Тифлисской Обсерваторіи дождемѣрныя станціи на Кавказѣ слѣдующія:

1. Абинская.	21. Лайлаши.
2. Ахалкалаки.	22. Моздокъ.
3. Агджабеды.	23. Нахичевань.
4. Александерсгильфъ.	24. Налчикъ.
5. Басаргечаръ.	25. Нижній-Анзовъ.
6. Башнурашенъ.	26. Ново-Сенаки.
7. Баталпашинскъ.	27. Нуха.
8. Бордусъ.	28. Олоръ.
9. Дешлагаръ.	29. Они.
-10. Джелалъ-Оглы.	30. Ордубадъ.
11. Джагры.	31. Озургеты.
12. Джеватъ.	32. Прохладная.
13. Душетъ.	33. Сарыкамышъ.
14. Геокчай.	34. Сальянъ.
15. Грозное.	35. Шемаха.
16. Казахъ.	36. Славянка.
17. Казы-Кумухъ.	37. Учкуханъ.
18. Кабардинская.	38. Вознесенская.
19. Кардоникская.	39. Брюховецкая.
20. Кизляръ.	

Изъ этихъ станцій съ августа отчетнаго года прекратилась основанная въ прошломъ году дождемѣрная станція *Самьянз*, и до сихъ поръ не нашелся еще преемникъ для продолженія наблюдений.

Обсерваторію выданы слѣдующія справки:

1) Среднія метеорологическихъ элементовъ за 1891 г. старшимъ врачамъ: 1-го сапернаго баталіона, 1-го, 2-го и 3-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, старшему врачу Мингрельскаго полка, старшему врачу Кавказской артилерійской бригады.

2) Помощнику уполномоченнаго Министра Государственныхъ Имуществъ, г. Бернатскому въ Баку, — о температурѣ, вѣтрѣ и объ осадкахъ въ Карской области за 5 лѣтъ.

3) Г. Самойленко среднія метеорологическихъ элементовъ для Елисаветполя съ 1887—1889 года.

4) Акцизному управленію въ Тифлисъ о крайнихъ предѣлахъ давленія воздуха въ Баку и въ Батумѣ съ 1887—1889 года.

5) Агроному г. Тиранову о температурѣ въ Кутаисѣ за 1870 годъ.

6) Тифлисской городской больницѣ ежедневно среднія температуры Тифлиса за февраль 1891 года.

7) Военному топографу г. Пастухову, свѣдѣнія о температурѣ, вѣтрѣ и облачности въ Батумѣ, Пятигорскѣ и Тифлисъ съ 8-го по 13-е августа 1889 года.

8) Драгоману нѣмецкаго консульства объ осадкахъ въ Тифлисъ съ 1881 по 1888 годъ.

9) Управляющему химической лабораторіей Медицинскаго Управленія въ Тифлисъ, неоднократныя свѣдѣнія о давленіи воздуха.

10) Тифлисской станціи для разведенія шелковичныхъ червей о температурѣ въ Тифлисъ.

11) Горному инженеру, г. Комарову, свѣдѣнія объ осадкахъ въ Тифлисъ, Гори и Гудаурѣ.

12) Г. Кишеру о метеорологическихъ элементахъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

13) Д-ру Францову свѣдѣнія о температурѣ, вѣтрѣ и объ осадкахъ въ Тифлисъ съ 6-го іюня до 24-го августа 1891 года.

14) Агроному г. Таратынову свѣдѣнія о температурѣ и объ осадкахъ въ Баку, Елисаветполѣ и Кутаисѣ съ 1880—1890 года.

15) Г. Мерцбахеру свѣдѣнія о температурѣ и давленіи воздуха въ Эссентукахъ, Гудаурѣ, Кутаисѣ; вычисленіе высотъ по его наблюденіямъ при поднятіи на вершины Эльбруса, Казбека и др. въ главной цѣпи кавказскихъ горъ.

2. Метеорологическая и магнитная Обсерваторія въ Екатеринбургѣ.

Въ личномъ составѣ Обсерваторіи въ этомъ году не произошло никакихъ перемѣнъ. Такимъ образомъ онъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: директора г. Г. Абельса, его помощника г.

П. Мюллера и наблюдателей гг. Ф. Голенева, А. Коровина, А. Мазейна, В. Морозова и Н. Изможерова. Всѣ эти лица состоятъ на коронной службѣ.

Изъ служащихъ только г. Абельсъ находился нѣкоторое время въ отъѣздѣ; во-первыхъ онъ совершилъ поѣздку въ Кушву съ 26-го (14-го) по 28-е (16-е) апрѣля, чтобы распорядиться, согласно данному ему порученію, о переводѣ метеорологической станціи съ горы Благодать на гору Малая Благодатка, такъ какъ станція не могла оставаться на прежнемъ мѣстѣ вслѣдствіе начатыхъ возлѣ нея рудокопныхъ работъ. Во-вторыхъ онъ предпринялъ вышеупомянутое болѣе продолжительное путешествіе для осмотра метеорологическихъ станцій въ Западной Сибири. Это путешествіе продолжалось съ 21-го іюля до 20-го сентября.

Въ отчетномъ году были произведены значительные ремонты зданій Обсерваторіи благодаря суммѣ въ 3162 рубля 16 коп., выданной какъ для этой цѣли, такъ и на устройство громоотвода и на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ необходимыхъ инструментовъ.

Ремонтныя работы начались 19-го мая, послѣ того какъ назначенный Пермской казенной палатой, согласно постановленіямъ закона, торгъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ и г. Абельсъ получилъ разрѣшеніе произвести работы хозяйственнымъ способомъ. Исключая окраски и нѣкоторыхъ небольшихъ работъ, ремонтъ былъ оконченъ къ отъѣзду г. Абельса въ Сибирь. Изъ трехъ зданій Обсерваторіи у двухъ были перекрыты крыши; всѣ зданія были проконопачены съ внѣшней стороны, обшиты досками и окрашены масляной краской. Кромѣ того оказалось необходимымъ перестлать и выкрасить всѣ полы и вообще отдѣлать всѣ комнаты. Пришлось также передѣлать большую часть печей и кромѣ того произвести еще нѣкоторыя небольшія работы. Городской архитекторъ И. Дутель былъ приглашенъ быть помощникомъ при перестройкахъ.

Очень понятно, что эти ремонтныя работы сильно повліяли

на научную дѣятельность Обсерваторіи въ теченіе лѣта, такъ какъ постоянно приходилось присматривать за рабочими, въ особенности когда они работали вблизи приборовъ, какъ напр. магнитометровъ, которые нельзя сдвигать съ своихъ мѣстъ; кромѣ того нѣсколько разъ приходилось переносить инвентарь Обсерваторіи, чтобы очищать комнаты для ремонтныхъ работъ. Не смотря на все это однако удалось избѣгнуть пропусковъ въ регулярныхъ наблюденіяхъ.

Установку громоотвода пришлось отложить до будущаго года вслѣдствіе упомянутой поѣздки г. Абельса и нѣкоторыхъ представившихся затрудненій.

Изъ упомянутой суммы были приобрѣтены слѣдующіе инструменты:

1) Актинометръ, т. е. термометръ съ закопченнымъ шарикомъ, заключенный въ безвоздушномъ стеклянномъ колпакѣ, для измѣренія напряженія солнечныхъ лучей.

2) Небольшой, отлично сдѣланный астрономическій походный теодолитъ Макса Гильдебранта въ Фрейбергѣ (Саксонія).

3) Динамо-машина для намагничиванія электромагнита, которымъ намагничиваются магнитныя стрѣлки.

4) Карманный хронометръ. Впрочемъ эти часы, заказанные въ С.-Петербургѣ у Эриксона въ іюнѣ 1890 года, еще не готовы.

Кромѣ того изъ обыкновенной штатной суммы Обсерваторіи приобрѣтено 4 инструмента, внесенныхъ подъ 3 номерами, за 40 руб. и 5 малыхъ шкаповъ за 30 руб.

Библіотека Обсерваторіи увеличилась 32 книгами и журналами, приобрѣтенными за 143 руб. 78 коп.; они внесены въ каталогъ подъ 21 номеромъ; сверхъ того Обсерваторія получила въ даръ 55 томовъ, записанныхъ подъ 51 номеромъ. Всего въ обсерваторской библіотекѣ числилось къ 1-му январю 1892 года 1274 тома, брошюры и карты.

Дѣлопроизводство велъ, какъ и прежде, директоръ при помощи наблюдателя Ф. Голенева; всего въ канцелярію Обсер-

ваторіи поступило 429 входящихъ номеровъ, и отправлено 1370 исходящихъ номеровъ; между послѣдними находилось 548 официальныхъ бумагъ. Въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, гдѣ число исходящихъ номеровъ равнялось 403, корреспонденція Обсерваторіи значительно увеличилась. Причина этого увеличенія заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ новомъ предпріятіи.

Съ цѣлью увеличить сѣть станцій на Уралѣ г. Абельсъ осенью 1890 года сообщилъ Уральскому Обществу Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ, что осадки на Уралѣ еще слишкомъ мало изслѣдованы, тогда какъ свѣдѣнія о нихъ во многихъ отношеніяхъ имѣютъ большое значеніе, и просилъ Общество принять участіе въ основаніи станцій 3-го разряда. Вслѣдствіе этого при Обществѣ образовалась метеорологическая коммиссія, въ которой наряду съ другими лицами участвовалъ и г. Мюллеръ, а предсѣдателемъ былъ избранъ г. Абельсъ. По представленію коммиссіи, г. Министръ Финансовъ, съ Высочайшаго соизволенія, назначилъ Обществу для этой цѣли 500 руб., и весною 1891 года началось устройство станцій въ Пермской губерніи. Всего въ теченіе года образовалось 74 новыхъ пункта наблюденій, изъ которыхъ 40 снабжены дождемѣрами. Вмѣстѣ со станціями, уже раньше существовавшими въ губерніи, оказалось для измѣренія осадковъ всего 68 пунктовъ. Кромѣ этихъ измѣреній производились еще наблюденія надъ грозами, зимою измѣренія высоты снѣжнаго покрова и еще нѣкоторыя другія наблюденія. Эти пункты наблюденій включены въ вышеупомянутое число. Инструкціей при наблюденіяхъ служили вообще инструкціи Главной Физической Обсерваторіи.

Обработка получаемыхъ наблюденій сосредоточивалась въ Обсерваторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и переписка со станціями главнымъ образомъ падала на это учрежденіе.

Начиная съ марта 1891 года ежемѣсячно издавался выводъ, составляемый изъ этихъ наблюденій надъ осадками и высотой

снѣжнаго покрова въ Пермской губерніи, съ приложеніемъ карты, на которой распредѣленіе ихъ было изображаемо графически.

Изъ станцій 2-го разряда въ Обсерваторіи, какъ и прежде, регулярно контролировались наблюденія станцій Бисера и Чусовской, къ которымъ осенью еще присоединилась вновь устроенная станція Кизель; копіи таблицъ наблюденій этихъ станцій посылались управленію Уральской желѣзной дороги, которымъ были устроены эти станціи, и Главной Физической Обсерваторіи.

Барометръ станціи Кизель наполненъ Обсерваторією и отправленъ при случаѣ на мѣсто своего назначенія. Когда сломался барометръ станціи Верхотурье, съ нимъ поступили такъ же.

Что касается дальнѣйшей научной дѣятельности Обсерваторіи, то подробный отчетъ о регулярныхъ наблюденіяхъ этого учрежденія будетъ напечатанъ, вмѣстѣ съ мѣсячными выводами наблюденій, въ Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи.

Кромѣ того производились еще слѣдующія наблюденія и работы.

Высота снѣжнаго покрова измѣрялась, какъ и въ прошломъ году, по 4-мъ рейкамъ, установленнымъ въ разныхъ мѣстахъ. Двѣ изъ этихъ рейекъ находились въ мѣстахъ, болѣе или менѣе защищенныхъ отъ вѣтра, третья показывала высоту снѣжнаго покрова на открытой равнинѣ и послѣдняя наконецъ установлена на мѣстѣ, открытомъ для западныхъ вѣтровъ, которые здѣсь преобладаютъ. Эти наблюденія ежемѣсячно посылались въ Главную Физическую Обсерваторію.

Г. Абельсъ продолжалъ начатыя имъ въ прошломъ году измѣренія плотности снѣга и сообщилъ результаты, полученные имъ зимою 1890—91 года въ особой запискѣ «Измѣренія плотности снѣга зимою 1890—91 года въ Екатеринбургѣ», изданной въ Метеорологическомъ Сборникѣ, томъ III, № 2. Г. Абельсъ составилъ извлеченіе изъ этой работы съ нѣкоторыми прибавками и для русскаго метеорологическаго журнала.

Свои измѣренія, которыя нигдѣ не производятся съ такой полнотью, г. Абельсъ продолжалъ и слѣдующую зиму.

Затѣмъ продолжались начатыя въ прошломъ году ежечасныя наблюденія надъ температурою на поверхности снѣга. Данныя этихъ наблюденій зимою 1890—91 года г. Мюллеръ употребилъ для работы, въ которой онъ разсматриваетъ вопросъ, происходитъ ли на поверхности снѣжнаго покрова преимущественно испареніе или же сгущеніе находящейся въ воздухѣ влажности. Въ результатъ получилось только въ 27% всѣхъ наблюденій сгущеніе водяныхъ паровъ, и эти случаи приходились безъ исключенія на ночные часы. Эта работа будетъ напечатана въ III томѣ Метеорологическаго Сборника.

Методъ изслѣдованія при этой работѣ состоялъ въ томъ, что изъ температуры и относительной влажности воздуха опредѣлялась точка росы и сравнивалась съ температурой, наблюденной на поверхности снѣга, причемъ сгущеніе водяныхъ паровъ принималось тогда, когда температура снѣга оказывалась ниже точки росы. Чтобы получить непосредственныя наблюденія сгущенія и образованія инея на снѣгѣ, г. Мюллеръ помѣстилъ слѣдующую зиму вблизи термометра, лежащаго на снѣгѣ, деревянную дощечку съ прорѣзами, на которой были прикрѣплены нѣсколько металлическихъ полосъ. Садящійся на эту дощечку иней вытирался ежечасно наблюдателями и такимъ образомъ точно опредѣлялась продолжительность образованія инея. Эти наблюденія г. Мюллеръ намѣренъ обработать въ будущемъ году.

Чтобы изслѣдовать зависимость теплопроводности снѣга отъ его плотности, г. Абельсъ поставилъ въ февралѣ 1891 года въ снѣгъ двѣ пары термометровъ на глубинѣ 5 и 10 сантиметровъ, — одну пару въ плотный снѣгъ, а другую — въ возможно рыхлый, измѣренной плотности — и потомъ эти инструменты считывались каждый часъ, какъ и термометръ, лежащій на поверхности. Результаты этихъ наблюденій г. Абельсъ намѣренъ сообщить въ особой работѣ вмѣстѣ съ подобными же наблюденіями въ слѣдующую зиму.

Далѣ, къ концу года было начато, по порученію г. Абельса, вычисленіе суточного періода метеорологическихъ элементовъ въ среднемъ за 5 лѣтъ, такъ какъ 1891 годомъ оканчивается начатая въ 1887 году новая серія ежечасныхъ наблюденій. При этой работѣ суточный періодъ пасмурныхъ и ясныхъ дней будетъ составляться кромѣ того особо. За обработку наблюденій надъ направлениемъ и силою вѣтра взялся г. Мюллеръ.

Наконецъ Обсерваторію выданы слѣдующія справки другимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ:

1) Ветеринарному врачу Камышловскаго уѣзда, г. Носилу — мѣсячныя среднія температуры за 1888 годъ.

2) Медицинскому отдѣлу Пермской Губернской Управы — мѣсячныя среднія температуры и количества осадковъ за періодъ отъ 1887 до 1889 года.

3) Военскому начальнику Екатеринбурга — выводы метеорологическихъ наблюденій за 1888—90 годъ и списокъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ.

4) Пермскому статистическому комитету — выводы изъ наблюденій въ Екатеринбургѣ, Бисерѣ и Чусовской, для помѣщенія ихъ въ календарѣ, издаваемомъ комитетомъ.

5) Г. д-ру Г. Гелману въ Берлинѣ — данныя о суточномъ періодѣ повторяемости осадковъ въ Екатеринбургѣ въ 1887—1890 годъ.

6) Г. Ушкову — метеорологическія наблюденія за тѣ 10 дней съ апрѣля до іюня, когда производилась проба стрѣльбы.

7) По желанію городского врача опредѣлена влажность въ новой пристройкѣ пансіона при женской гимназіи.

8) Земскому врачу Н. Русскихъ дана оцѣнка медицинскихъ термометровъ, купленныхъ земствомъ.

9) Для родильнаго пріюта повѣренъ термометръ.

10) Часовымъ мастерамъ гг. Шварте и Лемке предоставлено, по прежнему, повѣрять ихъ часы по часамъ Обсерваторіи.

Наконецъ извлеченія изъ наблюдений Обсерваторіи печатались, по прежнему, въ видѣ еженедѣльныхъ таблицъ въ двухъ Екатеринбургскихъ газетахъ.

3. Отчетъ Иркутской магнитной и метеорологической Обсерваторіи за 1890 годъ.

А. Административная и матеріальная часть.

Директоръ Иркутской Обсерваторіи Э. В. Штеллингъ отсутствовалъ съ 20-го апрѣля до конца года, такъ какъ онъ былъ откомандированъ въ Амурскую и Приморскую области; въ его отсутствіе Обсерваторіею завѣдывалъ его помощникъ Р. Розенталь, который исполнялъ всѣ его обязанности вполнѣ удовлетворительно. Въ качествѣ наблюдателей въ теченіе всего года служили при Обсерваторіи К. Бреденфельдъ и Д. Косовичъ и г-жа Е. Бреденфельдъ; вакантное съ сентября прошлаго года мѣсто наблюдателя было занято съ 15-го февраля г-жею М. Михневичъ, а на мѣсто выступившаго въ апрѣлѣ наблюдателя В. Липгартъ поступила г-жа А. Сибирякова, которая уже раньше занималась въ Обсерваторіи.

Число инструментовъ и вообще инвентарь Обсерваторіи не увеличились въ теченіе отчетнаго года, по недостатку на то средствъ.

Библіотека Обсерваторіи увеличилась на 205 книгъ и брошюръ, изъ которыхъ 200 получены въ даръ и только 5 книгъ куплено за 11 рублей. Значительнымъ приращеніемъ подаренныхъ книгъ Обсерваторія частью обязана тому обстоятельству, что Главная Физическая Обсерваторія уступила ей 50 отдѣльныхъ оттисковъ выводовъ изъ наблюдений Иркутской Обсерваторіи, которые Обсерваторія могла разослать другимъ лицамъ и учрежденіямъ, получая въ обмѣнъ ихъ изданія.

По официальнымъ журналамъ поступило въ теченіе года 510 входящихъ нумеровъ и отправлено 472 нумера.

В. Метеорологическія и магнитныя наблюденія Обсерваторіи.

Ежечасныя метеорологическія и магнитныя наблюденія производились въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, какъ и въ предшествующіе годы. Относительно производства и обработки наблюденій, употребляемыхъ инструментовъ и ихъ поправокъ, я ссылаюсь на введеніе къ наблюденіямъ въ Лѣтописяхъ за 1890 годъ, а здѣсь приведу только перемены, происшедшія въ теченіе отчетнаго года.

Съ 1-го января 1890 года наблюденія надъ давленіемъ воздуха производились по сифонному барометру Фуса № 225 вмѣсто употреблявшагося до тѣхъ поръ сифоннаго барометра Фуса № 247. Такъ какъ поправка новаго барометра № 225 опредѣлена посредствомъ ежемѣсячныхъ правильныхъ сравненій съ контрольнымъ барометромъ Туреттини № 5, то наши наблюденія надъ давленіемъ воздуха относятся, какъ и до сихъ поръ, къ этому инструменту, поправка котораго относительно нормальнаго барометра Главной Физической Обсерваторіи извѣстна и принимается въ расчетъ.

Съ 1-го декабря при Обсерваторіи производятся въ трехъ различныхъ пунктахъ ежедневно въ 7 часовъ утра измѣренія надъ толщиною снѣжнаго покрова.

Для абсолютныхъ опредѣленій горизонтальнаго напряженія служилъ съ 1-го января 1890 года новый магнитный однопитный теодолитъ, изготовленный для Иркутской Обсерваторіи механикомъ Дерингомъ по указаніямъ академика Г. И. Вильда. Между показаніями новаго теодолита Деринга и показаніями употреблявшагося до сихъ поръ малаго теодолита Брауера № 38 получилось изъ многочисленныхъ сравненій въ Иркутской Обсерваторіи слѣдующее отношеніе:

$$\text{Теод. Дерингъ-Брауеръ № 38} \left\{ \begin{array}{l} \text{Магн. } \bullet = + 0,0004 \\ \text{Магн. } \bullet \bullet = + 0,0011 \end{array} \right\} = + 0,00075.$$

Къ горизонтальнымъ напряженіямъ по теодолиту Брауера № 38 въ 1887, 1888 и 1889 годахъ придавалась поправка $+0,0014$ mgr. мм. сек.; для теодолита Деринга г. Р. Розенталя опредѣлили въ 1889 году слѣдующую поправку относительно теодолита Фрейберга, который въ настоящее время считается нормальнымъ инструментомъ Павловской Обсерваторіи:

$$\begin{array}{r} \text{Поправка для магнита } \bullet = \pm 0,0000 \\ \text{» для магнита } \bullet\bullet = - 0,0006 \\ \hline \text{Средняя} = - 0,0003. \end{array}$$

Такъ какъ въ 1890 году эта поправка теодолита Деринга постоянно придавалась къ найденнымъ горизонтальнымъ напряженіямъ, то съ 1889 на 1890 годъ въ горизонтальныхъ напряженіяхъ образовался скачекъ въ $(-0,0003 - 0,0014 + 0,00075) 0,00095$ mgr. мм. сек. Чтобы было возможно непосредственно сравнивать величины горизонтальнаго напряженія, изданныя въ 1887, 1888 и 1889 годахъ, съ горизонтальными напряженіями, выведенными за 1890 годъ, слѣдуетъ уменьшить первыя на $0,00095$ mgr. мм. сек.; соответственно этому надо для прежнихъ годовъ вычесть изъ вертикальныхъ напряженій $0,00095 \times \operatorname{tang} i = 0,0026$ и изъ полныхъ напряженій $0,00095 : \cos i = 0,0028$.

С. Устройство и осмотръ метеорологическихъ станцій въ Восточной Сибири.

Главная Физическая Обсерваторія доставила въ теченіе отчетнаго года инструменты для 6-ти полныхъ станцій 2-го разряда въ Восточной Сибири; этими инструментами снабжены 5 новыхъ станцій, которыя уже начали дѣйствовать, а именно: *Чита, Албазинъ, Гижига, Анадырь* и *Екатерино-Никольскъ*; 6-я серія была предназначена для Петровскаго Завода, гдѣ уже раньше производились наблюденія, но по неповѣреннымъ инструментамъ.

Въ *Петропавловскъ* и *Хабаровкѣ* устроены новыя станціи

2-го разряда, причѣмъ частью были употреблены инструменты, присланные туда Главною Физической Обсерваторіею въ прежніе годы. Кромѣ того Главная Физическая Обсерваторія дополнила инструменты другихъ станцій и снабдила между прочимъ станцію въ *Благовѣщенскъ* и *Камень-Рыболовъ* ртутными барометрами.

Главное Гидрографическое Управление назначило средства для снабженія инструментами одной станціи 2-го разряда въ *Охотскъ*, которая уже начала дѣйствовать въ отчетномъ году; кромѣ того, на счетъ этого Управления дополнены инструменты станцій въ *Корсаковскомъ* постѣ и *Новокіевскомъ*¹⁾.

Иркутскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ А. Д. Горемыкинъ назначилъ средства для устройства метеорологической станціи въ *Омолотъ*. Инструменты, заказанные при посредствѣ Главной Физической Обсерваторіи, уже прибыли въ Иркутскъ, но устройство этой станціи приостановилось по случаю отъѣзда наблюдателя, котораго имѣли въ виду.

Горный инженеръ г. Боголюбскій посредствомъ сбора доставилъ средства для устройства станцій 3-го разряда въ *Красномъ-Ярѣ* и еще въ одномъ пунктѣ, еще не окончательно опредѣленномъ; заказанные инструменты уже прибыли въ Иркутскъ и вскорѣ будутъ доставлены на мѣсто ихъ назначенія.

Инструменты, приобретѣнные уже въ прошломъ году на средства В. Зимина, доставлены соловарнѣ въ *Усть-Кутъ*; но къ сожалѣнію горный инженеръ г. Левицкій еще не началъ тамъ производить наблюденія.

Въ *Аянѣ* устроена станція 3-го разряда.

Станція 3-го разряда въ *Усинскомъ*, снабженная инструментами въ прошломъ году, начала производить наблюденія съ 1-го

¹⁾ Кромѣ того Главное Гидрографическое Управление приобрѣло инструменты для проектированныхъ станцій на *Крыльонѣ* и при *Константиновскомъ* постѣ; эти инструменты будутъ сохраняться въ управленіи маяковъ въ *Владивостокѣ*, пока вопросъ объ устройствѣ этихъ станцій не будетъ окончательно рѣшенъ.

августа 1890 года; Главная Физическая Обсерваторія увеличила число инструментовъ этой станціи малымъ флюгеромъ.

Въ *Тумкѣ* съ ноября снова стали производиться наблюденія, пріостановившіяся въ маѣ.

Станціи для измѣренія осадковъ были устроены въ отчетномъ году въ *Грановскомъ* и въ *Никольскѣ*¹⁾; кромѣ того къ концу года опять начались наблюденія надъ осадками на станціи въ *Бирюстѣ*. При *Вознесенскомъ Заводѣ* опять начали производить измѣренія осадковъ, но уже къ концу года измѣренія эти окончательно прекратились.

Восточно-Сибирское Отдѣленіе Географическаго Общества опять предоставило въ распоряженіе Иркутской Обсерваторіи 10 паръ малыхъ дождемѣровъ, которые однако еще не могли быть распределены въ теченіе отчетнаго года.

Въ отчетномъ году директоръ Обсерваторіи былъ командированъ для осмотра станцій въ Амурской и Приморской областяхъ. Такъ какъ средства Иркутской Обсерваторіи оказались недостаточными для совершенія такого дальняго путешествія, то Главная Физическая Обсерваторія не только предоставила для этой цѣли свои собственныя суммы, назначенныя для путешествій, но исходатайствовала и поддержку со стороны генералъ-губернатора Амурской области. Во время этого путешествія г. Штеллингъ осмотрѣлъ слѣдующія станціи: Читу, Благовѣщенскъ, Хабаровку, Камень-Рыболовъ, Никольскъ, Владивостокъ, Ново-Кіевское, Александровку, Рыковское, Корсаковскій-Постъ, Петропавловскъ, Гижигу, Охотскъ, Николаевскъ, Екатерино-Никольскъ, Албазинъ и Верхнеудинскъ. Данныя относительно состоянія осмотрѣнныхъ станцій и относительно поправокъ инструментовъ онъ изложилъ директору Главной Физической Обсерваторіи въ особомъ отчетѣ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что сѣтъ станцій восточной Сибири

¹⁾ Въ Никольскѣ горный инженеръ г. Ивановъ, которому передали дождемѣры, устроилъ на свой счетъ небольшую метеорологическую станцію, о которой сообщено въ отчетѣ путешествія г. Штеллинга.

значительно развилась въ отчетномъ году. Эти успѣхи являются слѣдствіемъ прежде всего непрерывной поддержки со стороны Главной Физической Обсерваторіи и Главнаго Гидрографическаго Управленія, а также генералъ-губернаторовъ Иркутска и Хабаровки; съ другой стороны работы и путешествія, связанныя съ этимъ развитіемъ сѣти, сильно повліяли на значительное расширеніе дѣятельности Иркутской Обсерваторіи. Теперь на опытѣ пришлось убѣдиться, что Иркутская Обсерваторія при настоящемъ составѣ служащихъ не можетъ заботиться объ устройствѣ и осмотрѣ метеорологическихъ станцій въ обширной области восточной Сибири, не пренебрегая при этомъ другими обязанностями; а потому было бы весьма желательно въ интересѣ дѣла устроить для метеорологическихъ станцій отдаленной Амурской и Приморской области особое центральное учрежденіе.

Д. Особья работы и справки.

Путешествіе г. Штеллинга для осмотра станцій въ Амурской и Приморской областяхъ дало ему случай произвести магнитныя измѣренія на нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ онъ могъ пробыть болѣе продолжительное время; на слѣдующихъ пунктахъ ему удалось произвести болѣе или менѣе полныя абсолютныя наблюденія надъ элементами земнаго магнетизма: въ Читѣ, Александровкѣ, Корсаковскомъ-Постѣ, Петропавловскѣ, Тигилѣ, Охотскѣ, Аянѣ и Хабаровкѣ. Иркутская Обсерваторія не обладаетъ къ сожалѣнію инструментами, которые во время путешествій можно было бы употребить для опредѣленія времени, азимутовъ и измѣренія наклоненія, такъ что г. Штеллингъ былъ вынужденъ взять на время для этого астрономическій и магнитный универсальный инструментъ Брауера № 51 у Восточно-Сибирскаго Отдѣленія Географическаго Общества; однако транспортъ этого большого и довольно тяжелаго инструмента связанъ со многими неудобствами и очень дорого стоитъ. Если бы Иркутская Обсерваторія получила въ свое распоряженіе небольшой удобный астрономиче-

скій универсальный инструментъ и удобный инклинометръ, то можно было бы при всѣхъ поѣздкахъ для осмотра метеорологическихъ станцій дѣлать на болѣе важныхъ пунктахъ абсолютныя магнитныя измѣренія и такимъ образомъ собрался бы безъ особыхъ затратъ богатый материалъ для изслѣдованія земнаго магнетизма въ восточной Сибири.

Г. Р. Розенталь обработалъ барометрическiя наблюденiя экспедицiи г. Потанина и опредѣлилъ на основанiи ихъ высоты надъ уровнемъ моря 330 пунктовъ Китая; результаты этого вычисления г. Розенталь уже передалъ г. Потанину для изданiя ихъ въ его отчетѣ о путешествiи. Обработку другихъ метеорологическихъ наблюденiй экспедицiи г. Потанина въ Китаѣ г. Розенталь до сихъ поръ не могъ окончить.

Изъ другихъ работъ и данныхъ справокъ упомянемъ слѣдующiя:

1) Г. М. Васильевъ получилъ необходимыя данныя и вспомогательныя средства для обработки барометрическихъ измѣренiй высотъ, сдѣланныхъ полковникомъ Волошиновымъ.

2) Для генералъ-губернатора генер.-лейтенанта А. Д. Горемыкина былъ наполненъ и вывѣренъ барометръ Паррота № 14.

3) Для геолога В. Обручева были вывѣрены 2 анероида.

4) Для техника г. Перетолчина были испытаны: 1 анероидъ и 2 термометра.

5) Былъ вывѣренъ карманный анероидъ врача г. Пономарева.

6) Для полковника Н. Бобыря испытанъ 1 анероидъ и 2 термометра.

7) Для г. Мульке были вывѣрены 3 анероида.

8) Военный госпиталь получилъ копию съ срочныхъ наблюденiй Обсерваторiи за октябрь и декабрь 1889 года.

9) Инспекторъ Медицинской Управы получилъ свѣдѣнiя о количествѣ воды Ангары и одного изъ ея притоковъ.

10) Губернская Управа получила данныя о длинѣ дня въ Иркутскѣ съ мая по октябрь.

11) Гг. А. Слежинскій въ Иркутскѣ, Ф. Лебедевъ въ Тункѣ и Л. Булановъ въ Минусинскѣ получили выводы изъ наблюдений Иркутской Обсерваторіи за 1889 годъ.

12) Въ мѣстной губернской газетѣ печатались еженедѣльные бюлетени наблюдений Обсерваторіи.

4. Отчетъ Иркутской магнитной и метеорологической Обсерваторіи за 1891 годъ.

А. Административная и матеріальная часть.

Въ началѣ отчетнаго года директоръ Обсерваторіи Э. В. Штеллингъ вернулся изъ своего путешествія для осмотра станцій въ Амурской и Приморской областяхъ въ Иркутскъ и вступилъ 10-го января снова въ завѣдываніе Обсерваторіею. Съ 18-го февраля до 20-го марта и потомъ съ 8-го до 27-го ноября онъ по болѣзни не могъ управлять дѣлами Обсерваторіи и текущія дѣла велись въ это время его помощникомъ Р. Розенталемъ.

Въ отчетномъ году можно было почти совершенно избѣгнуть мѣшающихъ дѣлу переменъ въ составѣ служащихъ, и въ теченіе всего года наблюдателями были: г. К. Бреденфельдъ, г-жа Е. Бреденфельдъ, г-жа М. Михневичъ и г-жа А. Сибирякова; на мѣсто оставившаго Обсерваторію въ сентябрѣ г. Д. Косовича приглашена была г-жа Т. Малиновская.

Весною приступлено было къ постройкѣ дома для служащихъ въ Обсерваторіи, и только позднею осенью домъ былъ оконченъ и покрытъ крышей, но не отдѣланъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ окруженъ заборомъ участокъ Обсерваторіи, который до сихъ поръ стоялъ совершенно открытымъ и незащищеннымъ; до постройки забора произошло нѣсколько кражъ быстро одна за другой¹⁾, такъ что пришлось поставить

¹⁾ Были похищены слѣдующіе инструменты, которые не были снова получены: термометры на поверхности земли: Главной Физической Обсерваторіи №№ 446*, 493* и 529*, максимумъ-термометры: Главной Физической Обсерваторіи №№ 12, 98 и 98 и минимумъ-термометры: Главной Физической Обсерваторіи №№ 742 и 1124.

постоянныхъ сторожей для охраны инструментовъ, находящихся въ открытомъ мѣстѣ.

Въ главномъ зданіи Обсерваторіи, гдѣ до сихъ поръ вообще не производилось ремонтныхъ работъ, надо было весною перестлатъ и отчасти возобновить полы; послѣ окончанія этой работы были заново выкрашены какъ полы, такъ и внутреннія стѣны.

Черезъ посредство мастерской Главной Физической Обсерваторіи были приобрѣтены 6 термометровъ въ замѣнъ вышеупомянутыхъ украденныхъ инструментовъ.

За недостаткомъ средствъ пришлось отказаться отъ покупки другихъ инструментовъ, мебели и орудій, не смотря на то, что они очень нужны.

Библіотека Обсерваторіи увеличилась на 139 книгъ и брошюръ, изъ которыхъ 12 книгъ были приобрѣтены за 67 рублей, а 127 остальныхъ получены въ даръ.

По официальнымъ журналамъ въ текущемъ году было получено 450 входящихъ нумеровъ и отправлено 434 исходящихъ.

В. Метеорологическія и магнитныя наблюденія Обсерваторіи.

Ежечасныя метеорологическія и магнитныя наблюденія продолжались въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, какъ и въ предъидущіе годы; данныя о производствѣ и обработкѣ наблюденій, объ инструментахъ, бывшихъ въ употребленіи, ихъ поправкахъ напечатаны въ введеніи къ наблюденіямъ за 1891 годъ. Въ отчетномъ году не произошло, вообще говоря, никакихъ важныхъ измѣненій въ инструментахъ и въ методахъ наблюденій.

Вышеупомянутыя ремонтныя работы въ главномъ зданіи Обсерваторіи были причиной разныхъ перемѣнъ и колебаній въ магнитныхъ варіаціонныхъ инструментахъ.

Такъ какъ Иркутская Обсерваторія обладаетъ двумя однопитными и двумя двупитными магнитометрами, и такъ какъ отсчеты только одного изъ двухъ магнитометровъ каждый разъ оказывались негодными, смотря по тому, вблизи котораго происходили ра-

боты, то можно было представить все же непрерывный и надежный рядъ наблюдений измѣненій склоненія и горизонтальнаго напряженія. Отсчеты же по Лойдовымъ вѣсамъ пришлось совершенно отбросить за время отъ 21-го по 30-е апрѣля, такъ какъ данныя за это время часто были невѣрны и не разъ происходили значительныя измѣненія въ нормальномъ положеніи; такъ какъ Обсерваторія не имѣетъ запаснаго инструмента для наблюдений измѣненій вертикальнаго напряженія, то наблюдения этого элемента въ апрѣлѣ остались съ пропусками.

С. Измѣненія въ составѣ метеорологическихъ станцій въ Восточной Сибири.

Осенью отчетнаго года горный инженеръ А. Левицкій установилъ инструменты при солончарнѣ въ *Усть-Кумь* (Киренскомъ уѣздѣ) и началъ производить тамъ наблюдения; издержки на установку инструментовъ заплатилъ директоръ банка В. Зиминъ; на его же счетъ были приобретены инструменты для этой станціи.

Серія инструментовъ, приобретенныхъ на деньги, собранныя горнымъ инженеромъ Боголюбскимъ, была отправлена въ *Красный Яр* (Забайкальской области), гдѣ владѣлецъ Воскресенскаго винокуреннаго завода Д. Буйвидъ изъявилъ согласіе устроить метеорологическую станцію и руководить ею.

Не смотря на неоднократные запросы, Обсерваторія до сихъ поръ не имѣетъ свѣдѣній о дѣятельности этой станціи.

Въ *Олекминскѣ* удалось найти новаго наблюдателя въ лицѣ Е. Дзбановскаго; неожиданныя затрудненія, явившіяся при приемѣ станціи Е. Дзбановскимъ, были устранены благодаря распоряженію генераль-губернатора генераль-лейтенанта А. Д. Горемыкина.

Метеорологическая станція при иркутской солончарнѣ въ *Усолъ* прекратила свои дѣйствія за отъѣздомъ наблюдателя г. Маккавѣева. Старанія о сохраненіи этой станціи имѣли успѣхъ въ томъ смыслѣ, что по распоряженію начальника Горнаго Упра-

вленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Л. А. Карпинскаго, инструменты г. Маккавѣева были куплены у него на казенный счетъ, но до сихъ поръ не нашелся подходящій наблюдатель среди служащихъ новаго управленія фабрики.

Осенью метеорологическая станція въ *Баншиковъ*, гдѣ Н. Дмитріевъ уже давно хотѣлъ прекратить наблюденія, переведена въ *Киренскъ* въ прогимназію.

Завѣдываніе станціей и производство наблюденій принялъ на себя учитель гимназіи Г. К. Кулешъ.

Въ *Петровскомъ Заводѣ* временно прекратились наблюденія за отъѣздомъ наблюдателя д-ра Кирилова; но ученый лѣсничій И. П. Будковъ выразилъ согласіе принять на себя завѣдываніе станціей и приступилъ лѣтомъ къ производству наблюденій.

Въ *Средне-Колымскѣ* вмѣсто прежняго наблюдателя г. Лядова, который уѣхалъ отсюда, производство наблюденій принялъ на себя М. Сосновскій; первый получилъ отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣленія Географическаго Общества единовременное вознагражденіе въ размѣрѣ 100 рублей.

Слѣдующія станціи были снабжены дождемѣрами, которые были предоставлены въ распоряженіе директору Обсерваторіи Отдѣленіемъ Географическаго Общества:

Наблюдатель.

Усть-Иля (Забайкальская область) А. В. Помогаевъ.

Радде (Амурская область) начальникъ телегр. конт.

Э. Кронгельмъ.

Больше-Улуйское (Ачинскій уѣздъ) . . священникъ С. Масленниковъ.

Тесинское (Минусинскій уѣздъ) И. Д. Кречетовичъ.

Нижне-Колымскъ (Якутск. область)¹⁾ . Капзьянъ.

Верхне-Колымскъ (Якутск. область)¹⁾ . Поляковъ.

¹⁾ Устройство станцій въ Нижне-Колымскѣ и Верхне-Колымскѣ приняла на себя впослѣдствіи Главная Физическая Обсерваторія и послала уже въ Иркутскъ, въ замѣнъ отосланныхъ Иркутскою Обсерваторіей, 2 пары малыхъ дождемѣровъ.

Относительно дождемѣрныхъ станцій, устроенныхъ раньше, замѣтимъ слѣдующее. Въ *Вирюсть* вмѣсто уѣхавшаго наблюдателя М. Евдокимова началъ наблюдать учитель Н. А. Ивановъ; въ Шимкахъ священникъ М. Колыловъ прекратилъ наблюдёнія надъ температурой¹⁾, но согласился продолжать наблюдёнія надъ осадками; станція въ Нижне-Удинскѣ получила отъ Главной Физической Обсерваторіи новый измѣрительный стаканъ.

Д. Особья работы и справки.

1) Г. Штеллингъ обработалъ въ отчетномъ году произведенныя имъ, какъ упомянуто въ прошломъ отчетѣ, абсолютныя магнитныя наблюдёнія, произведенныя въ Амурской и Приморской областяхъ въ 1890 году и представилъ объ этомъ статью для помѣщенія ея въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

2) Г. Штеллингъ обработалъ продолжавшіяся до апрѣля 1890 года наблюдёнія надъ высотой уровня рѣки Ангары за время 1888—1890 годовъ и результаты этой обработки помѣстилъ въ изданіи Восточно-Сибирскаго Отдѣленія Географическаго Общества²⁾.

3) Канцеляріи Иркутскаго генералъ-губернатора былъ данъ отзывъ о работѣ Л. Буланова: «Матеріалы для изслѣдованія климата Минусинска»; въ связи съ этимъ была установлена программа, по которой Л. Булановъ долженъ былъ обработать обзорніе климата Енисейской губерніи, для чего изъ библіотеки Обсерваторіи были даны на время нѣкоторые источники. Г. Л. Булановъ уже началъ эту работу, которая ему поручена статистическимъ отдѣломъ канцеляріи генералъ-губернатора на средства этого отдѣла.

1) Оба термометра: ртутный № 3 и спиртный № 382, употреблявшіеся до сихъ поръ въ Шимкахъ, были переданы станціи въ Тункѣ.

2) Эд. Штеллингъ, О колебаніяхъ уровня рѣки Ангары у г. Иркутска въ 1888—1890 годахъ. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Т. XXIII.

4) Въ Отдѣленіе Географическаго Общества была представлена памятная записка о необходимости новой нивелировки между Нижне-Удинскомъ и Байкальскимъ озеромъ, такъ какъ на этомъ пространствѣ обнаружались большія разницы между результатами желѣзнодорожной нивелировки и данными сибирской нивелировки, да и вообще послѣдняя нивелировка между станціей Кимелтей и Байкаломъ менѣе надежна, чѣмъ между другими пунктами. Выполненіе этой нивелировки было однако на время отсрочено за недостаткомъ средствъ.

5) Полковникъ Н. П. Бобырь получилъ копию съ наблюденій надъ давленіемъ воздуха въ Иркутскѣ за время съ 13-го іюля по 1-е сентября 1890 года.

6) Санитарный врачъ М. И. Писаревъ и военный врачъ Ивановъ получили извлеченія изъ метеорологическихъ наблюденій Иркутской Обсерваторіи за 1890 годъ.

7) Военному судебному слѣдователю 2-го округа сообщены свѣдѣнія о погодѣ въ Иркутскѣ за время съ 2-го октября по 4-е декабря 1891 года.

8) Для геолога В. А. Обручева были вывѣрены два анероида.

9) Для Г. Мультке были испытаны 2 анероида.

10) и 11) Для И. Вагнера и Перетолчина было вывѣрено по одному анероиду.

12) Для генераль-губернатора А. Д. Горемыкина былъ исправленъ и вывѣренъ барометръ Паррота.

13) Для Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества были вывѣрены два термометра.

14) Для губернской газеты составлялись еженедѣльные бюлети метеорологическихъ наблюденій въ Иркутскѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Съ 26-го августа до 2-го сентября 1891 года въ Мюнхенѣ засѣдала международная конференція представителей метеорологическихъ службъ всѣхъ странъ, приглашеніе на которую было еще 1-го ноября 1890 года разослано Р. Г. Скоттомъ въ Лондонѣ и мною по порученію прежняго международного метеорологическаго комитета, о чемъ я упомянулъ въ концѣ прошлагодняго отчета.

Этою конференціею была рассмотрѣна и приведена въ исполненіе програма, состоящая изъ 59 вопросовъ на 8-ми полныхъ собраніяхъ и на 3-хъ собраніяхъ подкомиссіи, разсматривавшей вопросы земнаго магнетизма. Всего собралось 31 участникъ въ этой конференціи изъ представителей метеорологическихъ службъ слѣдующихъ странъ: Бразиліи, Болгаріи, Даніи, Германіи, Финляндіи, Франціи, Великобританіи, Голландіи, Австріи, Норвегіи, Квинсландъ (Австралія), Руменіи, Россіи, Швеціи, Швейцаріи, Испаніи, Венгріи, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Ссылаясь на подробные отчеты преній этой конференціи, изданные на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, я ограничусь здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ рѣшеній ея.

Сравненіе метеорологическихъ данныхъ разныхъ странъ до сихъ поръ еще даетъ не вполне надежные результаты, такъ какъ нормальные инструменты, на которыхъ основаны поправки инструментовъ въ каждой странѣ, недостаточно согласуются между собой. Особенно это замѣтно для барометровъ и термометровъ. Чтобы проще и дешевле всего помочь этому неудобству, конференція посовѣтовала сравнить между собой нормальные барометры сосѣднихъ странъ, включая при этомъ по воз-

возможности часто нормальный барометръ международного бюро вѣсовъ и мѣръ въ Севрѣ (Bureau international des poids et mesures), который потомъ долженъ служить основаніемъ для абсолютныхъ поправокъ всѣхъ другихъ нормальныхъ барометровъ. Что касается нормальныхъ термометровъ, то ихъ данныя отличаются между собой преимущественно при температурахъ ниже нуля и особенно ниже -40° , гдѣ надо пользоваться спиртными термометрами. Только газовой термометръ (водородный) можетъ дать годныя и одинаковыя показанія такихъ низкихъ температуръ, и такъ какъ международный комитетъ мѣръ и вѣсовъ по просьбѣ международного метеорологическаго комитета уже произвелъ въ своемъ бюро въ Севрѣ сравненіе нормальнаго спиртнаго термометра съ водороднымъ термометромъ при температурахъ ниже 0° до -70° , то конференція постановила ввести въ метеорологіи показаніе температуръ по водородному термометру и пригласила метеорологовъ распорядиться такъ, чтобы это нововведеніе сдѣлалось повсемѣстнымъ не позже 1901 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предложено сравнить нормальные анемометры разныхъ метеорологическихъ учреждений между собой, но конференція нашла, что достаточно потребовать, чтобы впредь пользоваться лишь такими анемометрами, которые испытаны по извѣстнымъ методамъ, употребляемымъ въ разныхъ странахъ, такъ какъ разницы, которыя могутъ произойти отъ различныхъ методовъ и приборовъ для испытанія, гораздо меньше, чѣмъ неизбѣжныя разницы, происходящія отъ установки анемометровъ, а для этого конференціи казалось невозможнымъ установить общія правила.

При современномъ состояніи науки конференція нашла невозможнымъ не только предложить опредѣленный методъ *актинометрическихъ наблюдений*, но и установить общую формулу для *опредѣленія влажности воздуха при помощи психрометра*. А потому желательно, въ виду важности этихъ обоихъ метеорологическихъ элементовъ, чтобы были произведены новыя изслѣдованія для достиженія точнаго и удобнаго опредѣленія ихъ.

Кромѣ количества дождя и снѣга, важнымъ элементомъ для опредѣленія климата извѣстной мѣстности является также *число дней съ осадками*. Лучшій методъ опредѣленія такого дня состоитъ въ томъ, чтобы установить нѣкоторое минимальное количество дождя или снѣга, которое должно выпасть, чтобы данный день считался днемъ съ осадками. Такъ какъ это наименьшее количество было различно въ разныхъ странахъ, то невозможно было сравнивать данныя этого элемента разныхъ странъ между собою. Для устраненія этого неудобства конференція на будущее время постановила принять повсемѣстно за предѣлъ 0,1 миллиметра; это количество принимается за наименьшее у насъ въ Россіи уже нѣсколько лѣтъ.

Извѣстно, что приблизительно въ продолженіе 10 лѣтъ мы имѣемъ простой *инструментъ для опредѣленія продолжительности инсоляции*. Такъ какъ эти инструменты съ тѣхъ поръ значительно улучшены и сдѣлались дешевле, то конференція могла предложить ввести ихъ вездѣ въ сѣть метеорологическихъ наблюдений. Эти инструменты представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень полезное дополненіе къ непосредственнымъ наблюдениямъ облачности, важность которыхъ признается съ нѣкотораго времени все болѣе и болѣе.

Особенно *формы облаковъ* сдѣлались въ послѣднее время предметомъ подробнаго изслѣдованія въ разныхъ странахъ. Съ тѣмъ чтобы установить новую класификацію, которая могла бы давать непосредственно показанія не только объ образованіи облаковъ, но и о ихъ высотѣ. Гг. Аберкромби и Гильдебрандсонъ особенно занимались этимъ вопросомъ и издали свои статьи объ этомъ, такъ что конференція, чтобы сдѣлать шагъ впередъ въ этомъ направленіи, предложила вездѣ принять *класификацію облаковъ* гг. Аберкромби и Гильдебрандсона.

Чтобы облегчить введеніе ея въ правильную службу метеорологическихъ станцій всѣхъ странъ, была избрана коммиссія, которой было поручено приготовить дешевыя хромофотографированныя изображенія облаковъ по этой класификаціи. Чтобы

въ будущемъ развить еще болѣе наши свѣдѣнія о *высотѣ разныхъ формъ облаковъ и ихъ движеніи*, конференція пригласила кромѣ того представителей метеорологическихъ службъ ввести наблюденія этихъ обоихъ элементовъ на извѣстныхъ станціяхъ ихъ сѣтей.

Обыкновенный способъ выражать давленіе воздуха помощью высоты ртутнаго столба въ барометрѣ содержитъ одинъ элементъ, измѣняющійся съ переменной мѣста, а именно тяжесть, что препятствуетъ непосредственному сравненію этихъ данныхъ. Особенно на синоптическихъ картахъ, обнимающихъ сравнительно большое пространство, эта разниа въ тяжести служитъ поводомъ замѣтныхъ неточностей изобаръ, такъ что обыкновенно приходилось принимать это обстоятельство во вниманіе по крайней мѣрѣ для изображенія средняго или нормальнаго давленія воздуха помощью изобаръ, приведеніемъ предварительно высотъ барометра къ одной и той же нормальной тяжести, а именно къ тяжести на 45° широты и на уровнѣ моря.

Конференція нашла, что было бы хорошо постоянно принимать во вниманіе это *приведеніе къ нормальной тяжести*, подобно тому, какъ высота барометрическаго столба приводится къ нормальной температурѣ 0° , и сообразно съ этимъ она предложила всѣмъ метеорологамъ какъ можно скорѣе ввести это приведеніе въ правильную службу, но во всякомъ случаѣ не позже 1901 года.

Такъ какъ есть нѣсколько странъ, гдѣ еще не введена или введена не вполне *международная форма изданій наблюденій станцій втораго разряда*, принятая международнымъ метеорологическимъ конгрессомъ въ Римѣ въ 1879 году, то конференція постановила снова настоять на томъ, чтобы эта форма была принята повсемѣстно въ виду той большой пользы, которую принесло уже это однообразіе изученію общаго состоянія погоды и климатическимъ изслѣдованіямъ.

Конференція нашла далѣе цѣлесообразнымъ утвердить правила, предложенныя въ свое время г. Ганомъ международному

комитету относительно *изданія наблюдений путешественниковъ и отдаленныхъ станцій*. Она также заявила, что *международныя метеорологическія таблицы*, изданныя подъ покровительствомъ того же комитета, вполне соответствуютъ желанію, которое высказалъ въ этомъ отношеніи конгрессъ въ Римѣ; потому она предлагаетъ употреблять ихъ вездѣ при всѣхъ приведеніяхъ наблюдений и выражаетъ гг. Маскару и Вильду свою благодарность за ихъ трудъ вычисленія и изданія этихъ таблицъ.

Международный метеорологическій конгрессъ въ Римѣ выразилъ желаніе, чтобы былъ выработанъ и изданъ *общій каталогъ метеорологическихъ статей и сочиненій*, а также *разныхъ серийъ метеорологическихъ наблюдений всѣхъ странъ*.

Конференція въ Мюнхенѣ могла констатировать фактъ, что первое изъ этихъ обоехъ желаній вполне удовлетворено благодаря изданію метеорологической библіографіи Центральнымъ Бюро погоды Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и она выражаетъ свою искреннюю благодарность генералу Грили (Chief Signal Officer) и настоящему директору Бюро погоды въ Вашингтонѣ, г. Гаррингтону.

На предложеніе вышеупомянутой подкомиссіи конференція предлагаетъ: 1) чтобы магнитные инструменты, употребляемые въ разныхъ странахъ для абсолютныхъ наблюдений, были сравнены между собой и чтобы результаты этихъ сравненій были изданы; 2) чтобы для шкалы варіаціонныхъ инструментовъ принять тѣ значенія, которыя предложилъ въ свое время г. Вильдъ и которыя были приняты магнитнымъ комитетомъ Британской Ассоціаціи и чтобы, согласно рѣшенію международной полярной конференціи въ Вѣнѣ, принимать вездѣ, при обмѣниваемыхъ графическихъ изображеніяхъ магнитныхъ возмущеній, за значеніе одного часа длину въ 15^{мм} абсциссы временъ; 3) наконецъ конференція поручаетъ своему бюро просить суперъ-интендента Coast-Survey Соединенныхъ Штатовъ, чтобы открыть постоянную магнитную станцію съ самопишущими приборами на мысѣ *Баровъ*, около настоящей метеорологической станціи.

Наконецъ конференція постановила образовать новый международный метеорологическій комитетъ со слѣдующими задачами и полномочіями:

1) Комитетъ долженъ издать протоколы на трехъ языкахъ, а именно: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ.

2) Комитетъ долженъ вообще слѣдить за исполненіемъ постановленій конференціи и особенное вниманіе обратить на рѣшеніе объ устройствѣ станцій для наблюденія высоты и направленія облаковъ.

3) Комитету поручается заняться вопросомъ, предложеннымъ гг. Гаррингтономъ и Вильдомъ, а именно развить и издать тѣ метеорологическія наблюденія, которыя полезны сельскому хозяйству, такъ что онъ могъ бы представить отчетъ объ этомъ слѣдующей конференціи.

4) Комитету поручается изслѣдовать вопросъ объ учрежденіи международного метеорологическаго бюро при помощи соглашенія между различными государствами.

5) Комитетъ долженъ въ свое время созвать новый международный конгрессъ.

Комитетъ долженъ состоять изъ 17-ти членовъ, изъ которыхъ не болѣе двухъ могутъ принадлежать одной и той же странѣ. 14-ть членовъ избираются сейчасъ же конференціей, а три остальные должны быть назначены послѣ самимъ комитетомъ. Въ случаѣ смерти или выбытія одного изъ членовъ комитетъ избираетъ самъ замѣстителей выбывшихъ. Онъ самъ устраиваетъ свое бюро и распредѣляетъ работы между членами.

Конференція избрала членами этого комитета слѣдующихъ лицъ:

- Г. фонъ Безольдъ Берлинъ.
- » Бильвиллеръ Цюрихъ.
- » фонъ Брито-Капелло. Лиссабонъ.
- » Ганъ Вѣна.

- Г. Гаррингтонъ Вашингтонъ.
 » Гепитесь Бухарестъ. .
 » Гильдебрандсонъ . . . Упсала.
 » Лангъ Мюнхенъ.
 » Маскаръ Парижъ.
 » Монъ Христіанія.
 » Скоттъ Лондонъ.
 » Снелленъ Утрехтъ.
 » Тачини Римъ.
 » Вильдъ С.-Петербургъ.

Этотъ комитетъ тотчасъ организовался, избравъ г. Вильда своимъ президентомъ, а г. Скотта — секретаремъ; они приняли эти обязанности на себя, получивъ согласіе своего начальства.

Чтобы не оставить вопроса о будущемъ конгрессѣ совершенно неопредѣленнымъ, конференція выразила желаніе, чтобы по истеченіи 5-ти лѣтъ собрался новый конгрессъ въ Парижѣ и чтобы комитетъ уже самъ рѣшилъ быть ли этому собранію официальнымъ, или нѣтъ.

2-го сентября метеорологическая конференція закончила свои засѣданія, а 3-го сентября собралась также въ Мюнхенѣ *международная полярная комиссія*, многіе члены которой принимали также участіе въ первой конференціи. Главная цѣль этой второй конференціи состояла въ заключеніи дѣятельности этой комиссіи. И дѣйствительно, благодаря моимъ письменнымъ подготовленіямъ, комиссія нашла возможнымъ закончить свою дѣятельность въ одномъ засѣданіи, принявъ слѣдующія рѣшенія. На основаніи формальныхъ объясненій, данныхъ мною, какъ президентомъ комиссіи, было опредѣлено, что еще неоконченныя изданія международныхъ полярныхъ станцій появятся во всякомъ случаѣ въ теченіе 1892 года, а именно изданіе датской станціи Годтабъ и русской — Сагастырь по крайней мѣрѣ въ концѣ 1892 года, а наблюденія голландскихъ станцій въ Карскомъ морѣ, а также 3-й томъ наблюденій финляндской полярной станціи Зоданкюлэ уже

въ началѣ 1892 года. Вслѣдствіе чего комиссія нашла, что теперь она можетъ заняться вопросомъ объ общей обработкѣ всѣхъ наблюдений. Совѣщанія объ этомъ привели къ избранію двухъ исполнительныхъ комитетовъ, состоящихъ каждый изъ 3 членовъ; одинъ изъ нихъ долженъ взять на себя метеорологическія работы, а другой — магнитныя изслѣдованія.

Послѣ того комиссія единогласно высказала убѣжденіе, что теперь слѣдуетъ энергично предпринять метеорологическія и магнитныя изслѣдованія южнаго полярнаго пояса, и выразила надежду, что экспедиціи на южный полярный поясъ, которыя теперь готовятся, будутъ заниматься этими вопросами въ интересахъ науки.

Архивъ международной полярной комиссіи, состоящей изъ 13—16 экземпляровъ изданій всѣхъ полярныхъ экспедицій въ продолженіе 1882—83 года и кромѣ того изъ рукописныхъ копій, какъ и единичныхъ экземпляровъ одновременныхъ наблюдений другихъ станцій, хранится въ настоящее время здѣсь въ особомъ шкафу архива Главной Физической Обсерваторіи. На мой запросъ, гдѣ останется этотъ архивъ на будущее время послѣ окончанія дѣятельности комиссіи, и какое сдѣлать изъ него употребленіе, комиссія постановила слѣдующее. Архивъ полярной комиссіи останется, если возможно, въ Главной Физической Обсерваторіи, и комиссія поручаетъ своему президенту выразить просьбу Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ принять на себя управленіе этимъ архивомъ. Архивъ долженъ представляться такимъ лицамъ, которыя захотятъ воспользоваться матеріаломъ его для научныхъ работъ. Печатные томы могутъ одождаться на время; если же имѣется нѣсколько экземпляровъ какой либо книги, то она можетъ отдаваться ученымъ въ полную собственность; рукописи же не должны выдаваться изъ Главной Физической Обсерваторіи и могутъ такимъ образомъ быть сообщены въ другія мѣста лишь въ копіяхъ, которыя снимаются на счетъ просителя.

Въ концѣ послѣдняго засѣданія комиссіи конференція вы-

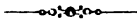
сказала свою благодарность Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ за ея большую и щедрую поддержку работамъ комиссіи, выразившуюся въ томъ, что она издавала сообщенія комиссіи, и поручила своему президенту передать эту благодарность. При этомъ случаѣ я высказалъ надежду, что Академія безъ сомнѣнія согласится издать въ этихъ сообщеніяхъ также протоколы этого послѣдняго засѣданія и заключить эти сообщенія оглавленіемъ.

Академія дѣйствительно согласилась на это изданіе, такъ что заключительная тетрадь сообщеній международной полярной комиссіи могла быть разослана уже въ декабрѣ 1891 года.

Такимъ образомъ закончилось международное предпріятіе, равно важное какъ для метеорологіи, такъ и для земнаго магнетизма, на сколько дѣло касается общей работы, и теперь представляется отдѣльнымъ изслѣдователямъ примѣнить собранный такимъ образомъ богатый матеріалъ къ научнымъ изслѣдованіямъ во всѣхъ направленіяхъ и указать и характеризовать подобнымъ предпріятіямъ въ будущемъ тѣ пробѣлы, которые могутъ быть заполнены новыми наблюденіями.

При разсмотрѣніи вопросовъ о земномъ магнетизмѣ въ метеорологической конференціи не разъ выражалась мысль о международномъ соглашеніи относительно методовъ и изданій *магнитныхъ измѣреній страны*, какъ оно предполагается въ настоящее время во многихъ государствахъ Европы и даже отчасти уже примѣняется на практикѣ, хотя до сихъ поръ въ этомъ направленіи не принималось никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній. Весною отчетнаго года я уже указалъ въ сообщеніи Академіи на то, что желательно было бы предпринять такое измѣреніе для Россійской Имперіи, и обратилъ ея вниманіе на то, что въ настоящее время нѣтъ больше препятствій для успѣшнаго выполненія магнитной съемки страны, послѣ того какъ Магнитная Обсерваторія въ Павловскѣ понемногу обзавелась надежными и точными нормальными инструментами для абсолютныхъ измѣреній всѣхъ элементовъ, которыя могутъ служить для сравненія и исходнымъ пунктомъ,

и послѣ того, какъ, благодаря постояннымъ записямъ самопишущихъ инструментовъ или ежечаснымъ наблюденіямъ всѣхъ элементовъ въ магнитныхъ обсерваторіяхъ въ Павловскѣ, Тифлисѣ, Екатеринбургѣ и Иркутскѣ, явилась возможность лучшаго приведенія отдѣльныхъ наблюденій во время путешествій въ разныхъ частяхъ страны къ сравнимымъ среднимъ величинамъ или къ извѣстнымъ эпохамъ времени.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАСЪДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
19 ОКТЯБРЯ 1892 ГОДА.

ОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ. Чтеніе К. Н. Бестужева-Рюмина.

ПАМЯТИ П. А. ПЛЕТНЕВА. Чтеніе Л. Н. Майкова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1892 года.

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 года вице-президентомъ Академіи, предсѣдательствующемъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.

На соисканіе Пушкинскихъ премій въ настоящемъ году представлены были: собраніе повѣстей въ прозѣ, три сборника стихотвореній и два стихотворные перевода драматическихъ произведеній. Такъ какъ два изъ помянутыхъ сборниковъ стихотвореній, какъ не напечатанные, не удовлетворяли одному изъ правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, то они были возвращены авторамъ.

Разсмотрѣніе двухъ изъ остальныхъ трудовъ приняли на себя члены Отдѣленія: А. Н. Веселовскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; затѣмъ къ участию въ оцѣнкѣ поступившихъ на премію произведеній приглашены были: Я. П. Полонскій и профессоръ Московскаго университета Н. И. Стороженко.

По полученіи въ установленный срокъ рецензій отъ названныхъ лицъ, образована была, согласно съ правилами, коммиссія, въ которую сверхъ дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія приглашены были члены-корреспонденты Академіи: гр. А. А. Голицевъ-Кутузовъ, А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій.

По прочтеніи въ этой коммисіи представленныхъ рецензентами критическихъ разборовъ и по внимательномъ обсужденіи ихъ произведена была баллотировка, вслѣдствіе которой коммиссія нашла справедливымъ присудить поощрительную пушкинскую премію въ 300 руб. Л. И. Поливанову за его стихотворный переводъ трагедіи Расина «Гевелія». О немъ профессоръ Стороженко далъ слѣдующій отзывъ:

**ГОВОЛІА (АТНАЛІЕ), ТРАГЕДІА РАСИНА, ПЕРЕВОДЪ СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО РАЗМЪРОМЪ ПОДЛИННИКА ЛЬВА ПОЛИ-
ВАНОВА. МОСКВА 1892.**

Г. Поливановъ извѣстенъ въ русской литературѣ, кромѣ своихъ многочисленныхъ пособій по русскому языку, превосходнымъ школьнымъ изданіемъ Пушкина и обширной монографіей о Жуковскомъ. Въ настоящемъ своемъ трудѣ, представленномъ на премію имени Пушкина, г. Поливановъ выступаетъ въ новой роли стихотворнаго переводчика одной изъ самыхъ знаменитыхъ трагедій Расина. Большой поклонникъ французской ложно-классической трагедіи, глубоко убѣжденный въ ея выдающихся художественныхъ достоинствахъ и высокомъ нравственномъ значеніи, г. Поливановъ задумалъ дать русской публикѣ переводы лучшихъ образцовъ этой трагедіи. Онъ началъ съ Аталіи Расина, за которой вскорѣ послѣдуютъ переводы нѣкоторыхъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера.

Давно миновало то время, когда французская трагедія XVII и XVIII в. считалась идеаломъ драматическаго искусства, когда она возбуждала шумные восторги на всѣхъ сценахъ Европы и массу подражаній на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Теперь на нее смотрятъ, какъ на отжившій типъ драмы, который, будучи продуктомъ извѣстныхъ литературныхъ и соціальныхъ условий, далъ все, что могъ дать, и, отпраздновавъ свою годину славы и успѣховъ, отошелъ въ область исторіи литературы. Только изрѣдка какой-нибудь выдающійся артистъ или артистка дѣлаютъ попытку возобновить то ту, то другую трагедію Корнеля или Расина (относительно Вольтера такихъ попытокъ, сколько намъ извѣстно, даже не дѣлается), но это искусственное оживленіе длится недолго: пьеса смотрится не столько ради ея самой, сколько ради игры артистовъ, играющихъ въ ней главные роли, и предусмотрительно снимается съ репертуара, лишь только любимый публикой артистъ или артистка по какимъ бы то ни было

обстоятельствамъ перестаютъ выступать въ ней. Г. Поливановъ находитъ такое отношеніе къ цѣлой поэтической школѣ крайне несправедливымъ. «Французская трагедія—говоритъ онъ въ предисловіи—заключаетъ въ себѣ достаточно элементовъ красоты и поэтической правды, чтобы наше время не имѣло права высокомерно отворачиваться отъ нея. Недаромъ Пушкинъ, понимавшій какъ нельзя лучше ея ложные приемы, высказалъ, что наряду съ Кальдерономъ и Шекспиромъ «Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосыгаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ». Идеи, одушевлявшія французскихъ классиковъ, заключаютъ въ себѣ многое, что будетъ навсегда составлять украшеніе человѣка, какъ существа нравственнаго. Отражая переходящія идеи времени, французская трагедія вмѣстѣ съ нимъ блестятъ истинами общечеловѣческими и вѣчными.... Стараясь быть, насколько умѣла, вѣрною природѣ, она стремилась облагораживать человѣческую душу.... Не нужно забывать, что въ нее вложили свою душу лучшіе люди времени, примыкавшіе къ современному обществу лишь отчасти и соединявшіе въ себѣ силы высокой цивилизаціи. Въ этомъ разгадка того могучаго вліянія, которое она оказала почти на всѣ страны Европы... Не отрицая справедливости общеизвѣстныхъ упрековъ французской трагедіи, я думаю, что останавливаться только на этихъ упрекахъ и повторять ихъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ этихъ трагедіяхъ—пора бы и перестать. Не пора-ли русскому читателю взглянуть болѣе безпристрастно на одно изъ высокихъ явленій европейской поэзіи?» Г. Поливановъ былъ бы совершенно правъ, если бы охлажденіе къ французской трагедіи было результатомъ несправедливости или предразсудка. На самомъ дѣлѣ вопросъ стоитъ нѣсколько иначе. Тѣ побужденія, которыя нѣкогда заставляли Лессинга быть слишкомъ строгимъ къ французской трагедіи, давно не существуютъ въ самой Германіи. Ничто не мѣшаетъ намъ признать, что французская трагедія заключаетъ въ себѣ много истинной поэзіи, что она удовлетворяетъ неуми-

рающей потребности идеализма, которой по-своему удовлетворяют и другія поэтическія формы, но современная критика находитъ, что всего этого недостаточно. Воспитанная на произведеніяхъ Шекспира, Шиллера и др. критика считаетъ себя вправѣ предъявить къ драмѣ другія требованія. Она отправляется отъ того положенія, что трагедія есть не только поэтическое, но и драматическое произведеніе, что драма, какъ особый родъ поэзіи, преслѣдуетъ свои собственныя цѣли и имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя средства для достиженія этихъ цѣлей. Пьеса можетъ быть хороша какъ поэтическое произведеніе, можетъ быть написана прекраснымъ стихомъ, богата возвышенными идеями и благородными чувствами, и при всемъ томъ лишена драматическихъ характеровъ, драматическаго движенія и даже скучна на сценѣ. Самъ г. Поливановъ, защищая французскую трагедію, защищаетъ ее не какъ драму, а какъ поэтическое произведеніе вообще. Распространяясь объ универсальности ея мотивовъ и о благотворномъ нравственномъ воздѣйствіи ея на публику, онъ не говоритъ ни слова объ ея чисто-драматическихъ достоинствахъ. Правда, онъ ссылается на авторитетное мнѣніе Пушкина, но эта ссылка оказывается обоюдоострой, ибо хотя Пушкинъ и восхищается Корнелемъ и Расиномъ, но это восхищеніе имѣло у него чисто платоническій характеръ и не оказало ни малѣйшаго вліянія на его собственную драматическую дѣятельность. Задумавъ историческую трагедію изъ эпохи Бориса Годунова, Пушкинъ беретъ себѣ за образецъ не французскихъ трагиковъ, а Шекспира и высказываетъ твердую увѣренность, что «нашему театру приличны народныя законы Шекспировой драмы, а не свѣтскій обычай трагедій Расина». Предпочтеніе это объясняется тѣмъ, что только у Шекспира онъ нашелъ правду въ изображеніи характеровъ и драматическихъ положеній и настоящій драматическій діалогъ — достоинства которыя онъ считалъ истинными законами трагедіи ¹⁾. Отъ

¹⁾ ... Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations La vraisemblance des

зоркаго взгляда нашего поэта, конечно, не ускользнуло, что большинство характеровъ у Корнеля и Расина скорѣе профили, чѣмъ фязіономіи, что они освѣщены только съ одной стороны, со стороны обуревающей ихъ страсти, тогда какъ у Шекспира передъ нами выступаетъ весь человѣкъ, во всей сложности своей психической жизни, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ въ своей трагедіи, по его собственному выраженію «подражалъ Шекспиру въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ». Равнымъ образомъ чуткую художественную натуру Пушкина не могла не поразить фальшь расиновскаго діалога, которую онъ объяснялъ тѣмъ, что придворный поэтъ считалъ себя менѣе образованнымъ, чѣмъ слушавшая его публика и что вслѣдствіе этого онъ «не могъ предаваться вольно и смѣло своимъ вымысламъ, но старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію. Отсюда робкая чопорность и смѣшная надутость и привычка впадать въ уста людямъ высшаго состоянія странный нечеловѣческій способъ изъясненія. У Расина напримѣръ Неронъ не скажетъ просто: *je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux je vous verrai, madame*» ¹⁾. Положимъ, что нашъ поэтъ ошибался, объясняя утонченный стиль Расина тѣмъ, что французскій драматургъ считалъ себя по образованію ниже своей придворной аудиторіи, но тѣмъ не менѣе искусственность драматической дикціи Расина указана Пушкинымъ съ замѣчательной пронипательностью и силой. Дѣйствительно, эпоха Людовика XIV въ связи съ предписаніями ложно-классической теоріи драмы оказала весьма пагубное вліяніе на драматическій талантъ Расина. Не чувствуя себя въ силахъ бороться съ господствующимъ теченіемъ и увлечь публику за собой, какъ это сдѣлалъ его предшественникъ Корнель своимъ Сидомъ, Расинъ, по своей

situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. (Изъ письма Пушкина по поводу Бориса Годунова).

¹⁾ См. набросокъ Пушкина о драмѣ, помѣщенный въ полномъ собраніи его сочиненій.

мягкой природѣ мало способный къ борьбѣ, предпочелъ идти по торной дорогѣ успѣха, заранѣе обеспеченнаго тому, кто умѣлъ лучше приноровиться ко вкусамъ придворной среды и ея державнаго повелителя. Вліяніемъ ложно-классической теоріи объясняются съ одной стороны хоры, соблюденіе единствъ и стройность плана въ трагедіяхъ Расина, простотой своей постройки напоминающихъ греческія трагедіи, съ другой отсутствіе сложной интриги, скудость драматическаго движенія и эффектныхъ сценъ. Вліяніемъ придворныхъ нравовъ объясняется отсутствіе художественной правды въ расиновскихъ характерахъ и индивидуальности въ ихъ діалогахъ, которые всѣ на одинъ ладъ и болѣе походятъ на ораторскія тирады, чѣмъ на драматическіе діалоги. Замѣчательно, что это отсутствіе художественной и исторической правды въ характерахъ, созданныхъ Расиномъ, бросалось въ глаза даже его современникамъ. Сегрѣ (Segrais) рассказываетъ, что когда онъ сидѣлъ на представленіи Баязета рядомъ съ Корнелемъ, то послѣдній шепнулъ ему на ухо, что во всей пьесѣ Расина нѣтъ ни одного лица, которое обладало бы чувствами, свойственными изображаемой эпохѣ, что, не смотря на свою турецкую одежду, всѣ они говорятъ и чувствуютъ, какъ настоящіе французы. Сказанное о Баязетѣ примѣняется въ большей или меньшей степени и къ остальнымъ трагедіямъ Расина. Критики исторической школы, цѣнящіе художественныя произведенія постольку, поскольку въ нихъ отражается современная жизнь, какъ, напримѣръ, Тэнъ въ своемъ блестящемъ этюдѣ о Расинѣ, восхищаются этимъ свойствомъ его произведений и увѣряютъ, что правдивое отраженіе современной жизни въ трагедіяхъ Расина даетъ имъ особое право на вниманіе историка, что этимъ свойствомъ обуславливается ихъ высокое культурное значеніе, ибо рисуя античныхъ героевъ, Расинъ въ сущности рисовалъ придворныхъ Людовика XIV. Но культурное значеніе трагедій Расина не можетъ искупить собою ихъ художественную фальшь, которая прорывается на каждомъ шагу, главнымъ образомъ, въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ и благодаря ко-

торой эти послѣднія не могутъ произвести иллюзіи въ зрителяхъ. Несмотря на то, что герои трагедій Расина берутся изъ разныхъ народностей и эпохъ, всѣ они говорятъ одинаково изящнымъ и утонченнымъ языкомъ двора и салоновъ. Даже буря страсти, бушующая въ ихъ сердцахъ, ничѣмъ не выражается въ ихъ рѣчахъ, всегда полныхъ достоинства, выдержки и изящества. Самъ Расинъ въ предисловіи къ Береникѣ считаетъ характеристической чертой своего стиля изящество выраженія (*l'élégance de l'expression*). Реформа трагедіи, произведенная Расиномъ, не состояла только въ углубленіи психологическаго анализа, замѣнѣ героическаго паэоса — паэосомъ любовнымъ и героическими характеровъ Корнеля — античными селадонами на сладкомъ соусѣ (*à la sauce douce*), какъ выразился Перрѣ (*Perrault*), но и въ томъ, что онъ систематически избѣгалъ простыхъ и тривиальныхъ выраженій и заставлялъ своихъ героевъ говорить изящнымъ и благороднымъ языкомъ, который ложно-классическая теорія считала необходимой принадлежностью трагедіи. Раздѣляя взгляды этой теоріи, Расинъ, въ качествѣ придворнаго поэта, не могъ допустить, чтобы выступавшія въ его пьесахъ особы царственнаго происхожденія могли унижать свое достоинство не только некрасивымъ поступкомъ, но даже неизящнымъ выраженіемъ. Вотъ почему свирѣпый и развратный Неронъ говорить съ Юліей какъ самый галантный кавалеръ; грозный восточный Митридатъ воркуетъ съ Монимой какъ Селадонъ въ Астреѣ Оноре д'Юрфѣ и, оставляя ее, извиняется тѣмъ, что ему нужно передъ походомъ *tenter la complaisance* своихъ солдатъ; Ифигенія, въ виду угрожающей ей смерти, не обнаруживаетъ естественнаго страха, потому что страхъ унижилъ бы ея царственное достоинство, и обращается съ Агамемнономъ не какъ съ отцомъ, а какъ съ монархомъ, которому она всегда сочтетъ за счастье принести въ жертву собственную жизнь; Федра, дочь Миноса и Пазифаи, внучка бога Солнца, выражаетъ Ипполиту свои чувства такъ цѣломудренно и стыдливо, какъ выражала ихъ быть можетъ Лавальеръ самому Людовику

XIV ¹⁾. Такъ какъ царственное достоинство Федры не дозволяло придворному драматургу приписать ей планъ оклеветать Ипполита передъ отцомъ, то Расинъ приписалъ этотъ планъ ея кормилицѣ, женщинѣ низменнаго происхожденія, которой, по мнѣнію поэта, были болѣе свойственны низкія наклонности ²⁾. Подобныхъ примѣровъ нарушенія художественной правды въ поступкахъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ можно бы привести гораздо больше, но и приведенныхъ, полагаемъ, достаточно, чтобъ видѣть, до какой степени художественная совѣсть французскаго трагика была стѣснена соображеніями, имѣющими очень мало общаго съ искусствомъ. Находясь съ одной стороны подъ вліяніемъ господствовавшей ложно-классической теоріи, съ другой — подъ гнетомъ своего придворнаго положенія, Расинъ не могъ дать полнаго простора ни своей наблюдательности, ни своей фантазіи и принужденъ былъ двигаться въ заранѣе установленныхъ рамкахъ. Если мы прибавимъ къ этому скудость драматическаго движенія, отсутствіе типичности въ характерахъ, чуждые современной драмѣ хоры и безцвѣтныя роли наперсниковъ, то легко поймемъ, почему къ трагедіямъ Расина особенно охладѣли въ наше время, когда вопросы происхожденія имѣютъ очень мало значенія въ самой жизни, когда въ драматическихъ произведеніяхъ наиболѣе цѣнятся драматическое движеніе, сценичность, художественная правда характеровъ и естественность драматическаго діалога.

Трагедія Расина, избранная г. Поливановымъ, для пере-

¹⁾ Здѣсь кстати вспомнить драгоцѣнныя слова, сказанныя о Расинѣ Леесингомъ въ его Драматургіи: «Пусть настоящія королевы говорятъ сколько имъ угодно утонченнымъ и аффектированнымъ языкомъ, но королевы, созданныя поэтомъ, должны говорить языкомъ естественнымъ, ибо нѣтъ ничево достойнѣе человѣка какъ природа и правда».

²⁾ «J'ai cru — говоритъ Расинъ въ предисловіи къ Федрѣ — que la calomnie avait quelque chose de trop bas et de trop noir pour la mettre dans la bouche d'une princesse, qui a d'ailleurs des sentiments si nobles et si vertueux. Cette bassesse m'a paru plus convenable à une nourrice, qui pouvait avoir des inclinations plus serviles et qui néanmoins n'entreprend cette fausse accusation que pour sauver la vie et l'honneur de sa maltresse».

вода на русскій языкъ, считается, какъ извѣстно, перломъ его драматическаго творчества. Обладая нѣкоторыми выдающимися достоинствами, она въ то же время свободна отъ многихъ недостатковъ, пестрящихъ собой трагедіи Расина; она построена по прекрасно составленному плану; дикція ея естественна; библейскій колоритъ строго выдержанъ отъ начала до конца; характеры, хотя и схваченные съ одной только стороны, очерчены смѣлой и вѣрной кистью, но при всемъ томъ разсматриваемая, какъ произведеніе драматическое, предназначенное для представленія на сценѣ, Аталія имѣетъ гораздо менѣе шансовъ на успѣхъ въ наше время, чѣмъ Андромаха или Митридатъ, не говоря уже о Федрѣ. Это объясняется тѣмъ, что драматическаго движенія въ ней мало; герои больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ, а эффектныхъ въ сценическомъ отношеніи сценъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ развѣ сцены вѣнчанія Іоаса на царство. По своему внутреннему характеру Аталія скорѣе напоминаетъ собою мистерию, чѣмъ драму; дѣйствіе въ ней болѣе опредѣляется Божиимъ промысломъ, чѣмъ развивается изъ характеровъ героевъ по законамъ драматической логики. Въ первомъ актѣ Іодай молится, чтобы Богъ смутилъ злые замыслы Аталіи, навелъ на ея разумъ ослѣпленіе. И молитва его услышана: во всѣхъ остальныхъ актахъ Аталія дѣйствуетъ такъ, какъ это нужно Іодаю для выполненія своихъ замысловъ, а въ послѣднемъ ослѣпленіе ея доходитъ до поразительной степени, ибо вмѣсто того, чтобы велѣть привести къ себѣ Іоаса, она, по совѣту Авенира, входитъ въ Соломоновъ храмъ съ небольшою свитой и, разумѣется погибаетъ подъ ударами левитовъ, восклицая: «Виновникъ Ты всему, немилосердый Богъ!» Заключеніе драмы еще болѣе чудесно. Достаточно было левитамъ затрубить въ трубы и возвѣстить народу о воцареніи Іоаса, чтобы все войско Аталіи побросало оружіе и обратилось въ бѣгство, чудо, котораго даже нѣтъ въ Библии и которое Расинъ прибавилъ отъ себя. Обращаясь къ характеру героини, замѣтимъ, что паоось мести, одушевляющій библейскую царицу, которая истребляетъ своихъ собственныхъ внуковъ,

чтобъ отомстить роду Давидову за истребленіе своихъ родителей и братьевъ, совершенно непонятенъ современному зрителю, которому нужно доказывать съ Библіей въ рукахъ, что подобныя чудовища могли существовать. Поэтому мы думаемъ, что всякая попытка поставить Аталію на сцену почти навѣрное осуждена на безплодіе, тѣмъ болѣе, что и для актрисы, играющей роль героини, роль эта не представляется особенно благодарной. (Въ первомъ, третьемъ и четвертомъ актѣ Аталія совсѣмъ не дѣйствуетъ). Но если разсматривать Аталію не какъ драму, но какъ поэтическое произведеніе вообще, то нужно сознаться, что она отличается многими выдающимися поэтическими достоинствами, что хоры ея исполнены высокаго лиризма, что самый стихъ ея, звучный, точный и изящный, не даромъ приводитъ въ восторгъ поклонниковъ поэтической формы.

Задумавъ дать русской публикѣ переводъ Аталіи размѣромъ подлинника, г. Поливановъ отнесся къ своей задачѣ съ рѣдкой добросовѣстностью. Онъ предпослалъ пьесѣ переводъ извѣстной статьи Фагè о Расинѣ и его обстоятельный разборъ Аталіи, перевелъ въ сокращеніи отзывы объ Аталіи С. Бѣва, Дешанеля и Лотгейзена и статью новѣйшаго издателя произведеній Расина Поля Менара, излагающую судьбу Аталіи на французской сценѣ и въ критикѣ ¹⁾, и въ заключеніе далъ намъ собственное обширное изслѣдованіе о русскомъ александрійскомъ стихѣ, гдѣ прослѣдилъ исторію этого стиха отъ Тредьяковскаго до Майкова и Полонскаго. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ переводчика, что содержаніе французскихъ классическихъ трагедій до такой степени неразрывно связано съ формой александрійскаго стиха, что ихъ нужно переводить только этимъ стихомъ, мы очень сожалѣемъ, что г. Поливановъ не взялъ вопроса шире и не выяснилъ, насколько александрійскій стихъ вообще

¹⁾ Изъ изданія Менара (въ коллекціи *Les Grands Écrivains de la France*) г. Поливановъ заимствовалъ подстрочныя примѣчанія, въ значительной степени помогающія уразумѣть текстъ и разъясняющія способъ работы Расина.

пригоденъ для драматическихъ произведеній. Шиллеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гѣте прекрасно показалъ, что александрійскій стихъ по своей строго-правильной куплетной формѣ долженъ былъ сильно стѣснять фантазію поэта, что благодаря ему драматическая дикція французской трагедіи много потеряла своей простоты и естественности, будучи уложена въ это прокрустово ложе ¹⁾. Усвоивъ себѣ александрійскій стихъ, французскіе трагики связали себя, такъ сказать, по рукамъ и ногамъ; въ ихъ пьесахъ не форма должна была принаравляться къ содержанію, а содержаніе къ формѣ; вслѣдствіе этого самый діалогъ сдѣлался условнѣе, искусствениѣе, сталъ производить меньше иллюзіи въ зрителѣ, которому трудно было представить, чтобъ человекъ въ минуту страсти, владѣющей всѣмъ существомъ его, могъ думать о томъ, чтобы раздѣлить каждый стихъ на двѣ равныя части цезурой и заключить свою рѣчь эффектнымъ двустипіемъ. Правда, поэты придумали выходъ изъ этого затрудненія, допустивъ такъ называемое *Enjambement*, т. е. перенесеніе неоконченнаго предложенія изъ одного стиха въ начало слѣдующаго, но самъ г. Поливановъ говорилъ, что въ классическомъ стихѣ XVII в. употребленіе *enjambement* было стѣснено до крайнихъ предѣловъ.

Въ своемъ переводѣ трагедіи Расина, г. Поливановъ руководился, по его собственнымъ словамъ, слѣдующими основаніями: «переводъ долженъ быть близокъ къ подлиннику настолько, насколько это возможно въ рѣчованномъ переводѣ. При этомъ желательно сохранять не только мысли подлинника и его образы, но и движеніе рѣчи (теченіе періода, перехода къ отрывистой рѣчи, параллелизмъ двустипій). Такъ какъ Расинъ писалъ свою библейскую трагедію, во многихъ мѣстахъ намѣренно приближаясь къ языку Библии, то русскій переводчикъ долженъ въ надлежащей мѣрѣ отразить въ языкѣ русскаго перевода этихъ мѣстъ языкъ Библии славянской». Въ общемъ переводчикъ

¹⁾ Отрывокъ изъ этого письма приведенъ между прочимъ въ книгѣ Робера *La Poétique de Racine*. Paris 1891, p. 327.

сдержалъ свое слово. Переводъ его за немногими исключеніями весьма близокъ къ подлиннику, сдѣланъ хорошимъ стихомъ и весьма удачно воспроизводитъ поэтическую манеру и библейскій колоритъ подлинника. Если иногда плавный, сильный и благоухающій поэзіей стихъ Расина утрачиваетъ свой букетъ въ русской передачѣ, то нельзя строго винить за это начинающаго переводчика. Нужно имѣть талантъ Пушкина или Лермонтова, чтобы успѣшно состязаться съ такимъ виртуозомъ формы, какъ Расинъ. Но отдавая должную справедливость стараніямъ переводчика, много и съ любовью трудившагося надъ своимъ дѣломъ, считаемъ долгомъ отмѣтить въ его переводѣ всѣ тѣ мѣста, которыя по нашему мнѣнію не удались ему.

Въ первомъ актѣ (сцена I), не будучи въ состояніи справиться съ рѣимой, переводчикъ вынужденъ былъ два стиха подлинника:

Du milieu de mon peuple exterminer les crimes
Et vous viendrez alors m'immoler mes victimes.

перевести по русски четырьмя стихами:

Немедля изъ среды народа моего
Исторгните то зло, которое его
Жестoko недугомъ тлетворнымъ заражаетъ:
Тогда на алтарѣ пусть жертва Мнѣ пылаеть (стр. 6).

Въ слѣдующей сценѣ того же акта вмѣсто двухъ стиховъ подлинника:

Montrons ce jeune roi, que vos mains ont sauvé
Sous l'aile du Seigneur dans le temple élevé.

мы находимъ въ переводѣ цѣлыхъ пять стиховъ (стр. 11), чѣмъ конечно нарушается лапидарная краткость Расиновой дикціи. Въ той же сценѣ на вопросъ Іосавефъ, знаетъ-ли Іоась свое настоящее имя? Іодай отвѣчаетъ:

Il ne répond encore qu'au nom d'Eliacin

Въ русскомъ переводѣ этотъ отвѣтъ не совсѣмъ ясенъ:

Доселѣ узнавалъ себя онъ въ Элякимѣ (стр. 11).

Въ той же сценѣ Іодасъ говоритъ женѣ съ упрекомъ:

Déjà votre foi s'affaiblit?

Этотъ упрекъ въ недостаткѣ вѣры, такъ характерный въ устахъ первосвященника, переводчикъ почему-то замѣнилъ упрекомъ въ недостаткѣ надежды:

Ужели дрогнула *надежда* у тебя? (стр. 12).

Въ первой сценѣ второго акта встрѣчаются въ словахъ Захарія два довольно неуклюжіе стиха:

Отецъ мой *воздвигалъ кровавыми руками*

Утробы мирныхъ жертвъ, дымившихся предъ нами (стр. 21).

Въ томъ же актѣ (сцена VII) читаемъ:

Cet âge est innocent. Son ingénuité

N'altère point encore la simple vérité.

т. е. это невинный возрастъ. Его наивность еще не научилась искажать простую истину. Г. Поливановъ перевелъ эти два стиха весьма неточно:

Невинны дѣти, да. *Но это не мѣшаетъ:*

Простыя истины себя имъ открываютъ (стр. 31).

Въ той же сценѣ слова юнаго Іоаса, что, стоя у алтаря, онъ слушаетъ, какъ хоръ своими пѣснями прославляетъ безконечное величіе Бога:

J'entends chanter de Dieu les grandeurs infinies

переданы по русски въ довольно неясной формѣ:

Иль безконечныхъ Силъ хваленію внимать (стр. 34).

Здѣсь замѣна Бога какими-то безконечными силами неудачна.

Въ пѣсняхъ хора, заключающихъ этотъ актъ, одной изъ пѣсенъ приданъ тотъ смыслъ, который она не имѣетъ въ подлинникѣ:

Que vous sert—disent-ils—cette vertu sauvage?
De tant de plaisirs si doux
Pourquoi fuyez vous l'usage?
Votre Dieu ne fait rien pour vous.

Т. е. что пользы въ вашей суровой добродѣтели? Зачѣмъ избѣгаете вы сладкихъ утѣхъ жизни? Вѣдь вашъ Богъ все равно ничего не дѣлаетъ для васъ.

Въ переводѣ г. Поливанова приведенное мѣсто читается такъ:

Рекутъ: «къ чему вся доблесть эта?
Зачѣмъ чуждаетесь вы насъ
И всѣхъ отградъ живого свѣта?
Что Богъ вамъ даровалъ для васъ? (стр. 41).

Въ третьемъ актѣ (сц. III) слѣдуетъ отмѣтить два неловкихъ стиха, которые, по нашему мнѣнью, неудобно произнести со сцены:

Но вотъ — подкидышь-ли, показанный ей, тотъ
Въ душѣ ей произвелъ такой переворотъ (стр. 44).

Въ VIII сценѣ того же акта невѣрно переведенъ одинъ стихъ въ рѣчи Саломеѣ. Бесѣдуя съ хоромъ юныхъ дѣвъ, напуганныхъ звономъ оружія и тщетно старающихся угадать, къ чему это всѣ вооружаются, Саломеѣ увѣряетъ ихъ, что это дѣлается по слову самого Бога:

Le Seigneur a daigné parler,
Mais ce qu'à son prophète il vient de révéler
Qui pourra nous le faire entendre?

Т. е. кто возвѣститъ намъ тайну, открытую Имъ пророку?

Г. Поливановъ переводить это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

Господень гласъ намъ здѣсь вѣщалъ,
Но тайны, что *пророкъ его разоблачалъ*,
Кѣмъ могутъ быть для насъ открыты? (стр. 59).

Благодаря невѣрному переводу второго стиха, третій стихъ является у г. Поливанова совершенно излишнимъ, ибо если пророкъ разоблачилъ тайну, открытую ему Богомъ, то нечего спрашивать, кѣмъ можетъ быть открыта для насъ эта тайна?

Въ той же сценѣ въ отвѣтѣ хора мы наталкиваемся на такой стихъ:

Гласъ обѣта! страхъ угрозъ! *тайны тучи!*

Такъ какъ въ подлинникѣ стоитъ о *ténébreux mystère!* о мрачная тайна! то очевидно, что *тайны тучи* явились сюда только для того, чтобъ служить римою для выраженія *знѣвъ мучій*.

Тщательнѣе другихъ переведенъ г. Поливановымъ четвертый актъ; здѣсь мы могли отыскать только одно мѣсто (въ сценѣ IV, въ рѣчи Іодая), которое передано неточно. Вмѣсто того, чтобъ сказать: чьи души погружены въ такой позорный сонъ? (*lâche sommeil*), переводчикъ употребляетъ выраженіе:

И чьи же души такъ *усылены отравой?* (стр. 66).

Въ пятомъ актѣ (сц. II) въ разговорѣ Іодая съ Авениромъ г. Поливановъ неудачно замѣнилъ энергическое выраженіе Авенира, что его жизнь должна была бы давно прекратиться отъ скорби пережить своихъ царей, довольно тусклымъ стихомъ:

Въ тоскѣ по сѣмени царей моей отчизны (стр. 77)

Нельзя также не протестовать энергически противъ слѣдующаго неудачнаго стиха въ словахъ Аталіи Іодаю:

Измѣнникъ! на него обманъ пусть *вранетъ* твой! (стр. 84),

тогда какъ въ подлинникѣ угроза Аталіи звучитъ весьма сильно и красиво:

Ta fourbe à cet enfant, traître, sera funeste!

т. е. Измѣнникъ! твои плутни будутъ гибельны для этого ребенка.

Вмѣсто того, чтобъ сказать, что волею Божьей мы окружены со всѣхъ сторонъ, г. Поливановъ употребляетъ довольно низменное и неловкое выраженіе:

Ужь мы со всѣхъ сторонъ во власти Провидѣнья (стр. 84).

Къ недостаткамъ перевода г. Поливанова нужно отнести употребленіе (впрочемъ довольно рѣдкое) тривиальныхъ и простонародныхъ выраженій въ родѣ слѣдующихъ: И за родителей *исправно* отомстил; *посмѣвается* твердынѣ мѣдныхъ вратъ; до слуха я царей *добраться* пожелагъ и т. п. Подобныя выраженія неумѣстны въ произведеніи, написанномъ въ строгомъ и даже нѣсколько торжественномъ стилѣ, и Расинъ тщательно избѣгалъ ихъ.

Мы отиѣтили всѣ бросившіеся намъ въ глаза промахи и неловкости въ переводѣ Аталіи. Если принять въ расчетъ требованіе рѣзкости и трудность справляться съ французскими александринами, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что эти сравнительно немногочисленныя погрѣшности съ избыткомъ вознаграждаются положительными достоинствами перевода г. Поливанова. Чтобъ нагляднѣе судить объ этихъ достоинствахъ — приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ перевода Аталіи, которые намъ показались особенно удачными. Вотъ, на примѣръ, пѣснь хора изъ перваго акта, переводъ которой представляетъ не малыя трудности, ибо рѣзкости въ ней отличаются большимъ разнообразіемъ.

Его величія исполнено творенье:

Преклонимся жъ предъ Нимъ и будемъ призывать!

Владычество Его старѣй временъ рожденья,

Его-ль не прославлять?

Голосъ (одинъ).

Враговъ его велѣнье
 Не можетъ воспретить народу пѣть хваленья:
 Не станетъ онъ молчать!
 День возвѣщаетъ дню хвалу Его правленья;
 Величія Его исполнено творенье:
 Его-ль не воспѣвать?

Хоръ (повторяетъ).

Величія Его исполнено творенье:
 Его-ль не воспѣвать?

Голосъ (одинъ).

Цвѣты Онъ красками живыми украшаетъ,
 Растить плоды полей,
 И имъ распредѣляетъ
 Прохладу ночи Онъ и теплый воздухъ дней.

Приведемъ еще отрывокъ изъ сна Аталіи, изъ котораго видно, какъ хорошо усвоилъ себѣ переводчикъ александрійскій стихъ:

...Средь ужаса ночной глубокой тишины
 Вдругъ мать Іезавель глазамъ моимъ предстала:
 Какъ въ свой послѣдній день красой одеждъ сіяла;
 Лицо хранило блескъ и притираний тѣхъ,
 Которыми она старалась скрыть успѣхъ
 Неумолимыхъ лѣтъ надъ рѣдкой красотой...
 И стала говорить Іезавель со мною.
 «Вострепещи, о дочь, достойная меня!
 «О дочь несчастная, тебя жалѣю я, —
 «Сказала душу мнѣ всю холодомъ обвѣявъ:
 «Сразить тебя, сразить Богъ грозный Іудеевъ!»
 За этимъ—надо мной склоняться стала мать.
 Простерла руки я, чтобъ тѣнь ея обнять...

И что же нахожу? Лишь мерзкое смѣшенье
 Распавшихся костей и членовъ въ смрадномъ тлѣнѣ,
 Влачащихся въ грязи кровавыхъ лоскутковъ,
 И тѣла мертваго растерзанныхъ кусковъ.
 Ихъ пожирали псы, зубами разрывая,
 И грызлись изъ-за нихъ другъ съ другомъ въ бой вступаая и т. д.

Хотя мы далеко не раздѣляемъ восторженнаго удивленія переводчика къ Аталіи Расина, но готовы признать, что она отличается выдающимися поэтическими красотоми, а какъ одинъ изъ самыхъ типическихъ продуктовъ нѣкогда славной поэтической школы, оказавшей громадное вліяніе на европейскую литературу, безспорно заслуживаетъ перевода на русскій языкъ. Но кромѣ значенія литературнаго, переводъ Аталіи, сдѣланный г. Поливановымъ, имѣетъ значеніе педагогическое и можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для преподавателей русской литературы, когда имъ приходится дѣлать характеристику французской ложноклассической трагедіи. На основаніи всего вышесказаннаго и принимая въ расчетъ большія трудности при переводѣ трагедіи Расина размѣромъ подлинника, трудности въ большинствѣ случаевъ счастливо побѣжденные переводчикомъ, считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Поливанова пушкинской преміей.

Отдѣленіе, выразивъ искреннюю благодарность литераторамъ, столь радушно изъявившимъ готовность раздѣлить труды Академіи въ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ сочиненій, положило выдать золотыя пушкинскія медали Я. П. Полонскому и профессору Н. И. Стороженко.

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени рожденія двухъ изъ покойныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности,—князя П. А. Вяземскаго и П. А. Плетнева, родившихся: первый 12 іюля, а второй 10 августа 1792 года. Отдѣленіе, желая почтить память этихъ двухъ заслуженныхъ

писателей, опредѣлило посвятить чествованію ихъ часть сегоднешняго засѣданія, что представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что оба они были друзьями виновника нашихъ ежегодныхъ собраній 19-го октября.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Чтеніе ординарнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина.

«Я никогда и не думалъ сдѣлаться писателемъ: я писалъ, потому что писалось, потому что во мнѣ искрилось нѣчто такое, что требовало улетучиванія, просилось на волю и наружу». Этими словами характеризуетъ кн. Вяземскій свою дѣятельность, и надо признаться, что его характеристика очень удачна: не даромъ Гоголь называлъ его произведенія импровизаціями. Этотъ личный характеръ литературной дѣятельности кн. Вяземскаго придаетъ ей особое значеніе въ исторіи русской общественности: она является отраженіемъ цѣлой эпохи со всѣми ея характерными сторонами. Эпоха, въ которую выросъ и возмужалъ кн. Вяземскій и преданіямъ которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь — первая тридцать лѣтъ настоящаго столѣтія. Тогда еще живы были преданія и славы Екатерининскихъ побѣдъ, и блестящей литературы ея времени, и утонченности французскихъ салоновъ; сама эта эпоха озарилась славою XII года и въ литературѣ выразилась Карамзинимъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ съ одной стороны, съ другой отиѣтилась въ исторіи преобразованіями начала царствованія Александра и «вольнoлюбивыми мечтами» первой четверти вѣка. Высшимъ умственнымъ интересомъ жили тогда люди аристократическаго круга; къ этому кругу причислялись и важнѣйшіе изъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, принадлежавшіе къ нему или по своему рожденію или по положенію общественному. Изъ этого круга, а не изъ университетовъ или журнальныхъ кружковъ, выходили тогда и новыя идеи. Многіе изъ литераторовъ тогдашнихъ были

и журналистами (Карамзинъ, Жуковскій, самъ Вяземскій), но журналъ былъ для нихъ средствомъ передачи своихъ мыслей. Кругъ этотъ конечно не былъ многочисленъ, ибо образованныхъ людей было все-таки не много, но онъ не былъ и исключителенъ: сынъ мелкаго чиновника, Крыловъ, находилъ мѣсто не только въ аристократическихъ гостинныхъ, но и въ царскихъ палатахъ; многіе изъ членовъ его были въ близкихъ отношеніяхъ къ Погдину, сыну вольноотпущенника; кн. Вяземскій создалъ «Московскій Телеграфъ» съ купцомъ Полевымъ; Пушкинъ защищалъ этого самаго Полеваго противъ насмѣшекъ надъ его водочнымъ заводомъ, поднятыхъ совсѣмъ не аристократами. Разрывъ кн. Вяземскаго съ Полевымъ произошелъ вслѣдствіе нападеній Полеваго на литературныя преданія, дорогія первому. Та же причина положила преграду между представителями литературныхъ мнѣній двадцатыхъ годовъ и Бѣлинскимъ. Кн. Вяземскій являлся ревностнымъ поборникомъ преданій старой русской литературы и образованности своихъ молодыхъ лѣтъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ сужденіемъ объ этихъ преданіяхъ, на основаніи позднѣйшихъ взглядовъ. Онъ умѣлъ наслаждаться не только Державиннымъ и Фонвизиннымъ, но и Петровымъ; умѣлъ находить хорошія стороны и въ Сумароковѣ; еще строже относился онъ къ какому-либо порицанію Карамзина и Дмитріева. Его защита Дмитріева заставила еще Пушкина заподозрить, что онъ недостаточно цѣнитъ Крылова; но въ этомъ отношеніи Пушкинъ ошибался: юбилейная пѣснь Крылову, до которой не дожилъ Пушкинъ, вполне оправдываетъ Вяземскаго. Въ Дмитріевѣ Вяземскій цѣнилъ его старосвѣтскую вѣжливость, что по-французски называется *urbanité*, слово по-русски непереводимое; цѣнилъ его остроуміе, и въ томъ и въ другомъ случаѣ Вяземскій былъ настоящимъ оцѣнщикомъ: остроуміе и свѣтская любезность слышатся постоянно во всѣхъ его произведеніяхъ. Защитникъ литературныхъ и общественныхъ преданій, Вяземскій нисколько не былъ врагомъ движенія впередъ: издавна онъ желалъ освобожденія крестьянъ и привѣт-

ствовавь совершившійся фактъ; всю свою жизнь онъ стоялъ за смягченіе цензуры; онъ только желалъ справедливости къ прошедшему и жалѣлъ о томъ, что привлекательныя его стороны нерѣдко отходятъ въ область преданія вмѣстѣ съ его слабыми сторонами. Онъ ясно понималъ значеніе развитія. Вотъ, что говорилъ онъ въ 1862 г.:

Слѣдами путь свой обознача,
 Эпоха каждая жила:
 У каждой были цѣль, задача,
 Грѣхи и добрыя дѣла.

и дагѣе:

Вся жизнь въ приливѣ и отливѣ,
 Посѣвъ и жатва чередой
 Смѣняются на Божьей нивѣ
 Подъ человѣческой рукой.

Кн. Вяземскій могъ бы спокойно подписаться подъ стихотвореніемъ Баратынскаго: «Предразсудокъ», гдѣ читаемъ:

Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменный,
 Не узнавъ его лица,
 Нашей правды современной
 Дряхлоглѣтняго отца.

Вотъ источникъ того горестнаго чувства, съ которымъ онъ смотрѣлъ на разстояніе, отдѣляющее въ русской жизни одно поколѣніе отъ другого, разстояніе, не существующее у другихъ цивилизованныхъ народовъ, болѣе ревностно хранящихъ преданія. Это чувство особенно сильно сказалось въ его извѣстныхъ стихахъ:

Нашъ міръ — имъ храмъ опустошенный,
 Имъ баснословье — наша быль,
 И тѣ, что пепель намъ священный —
 Для нихъ одна нѣмая пыль.

Дѣйствительно, Карамзина давно уже почти не читають, хотя некѣмъ и нечѣмъ замѣнить его; Языковъ и Баратынскій забыты; Жуковскій и Батюшковъ мало извѣстны; едва было не вычеркнули изъ обихода и Пушкина. Вотъ почему Вяземскій постоянно старался указать на связь настоящаго съ прошедшимъ. Такъ возникшей въ 60-хъ годахъ обличительной литературы онъ указывалъ на предшественниковъ ея въ сатирическихъ писателяхъ, начиная съ Кантемира.

Въ своей автобіографіи кн. Вяземскій говоритъ: «Вести жизнь въ литературу и литературу въ жизнь казалось мнѣ всегда привлекательною и желанною задачей». Его литературная дѣятельность является осуществленіемъ этого желанія: его очерки представляютъ живые эскизы лицъ и отношеній, какъ бы фотографію жизни; его стихотворенія по большей части выраженіе различныхъ его настроеній и отраженіе событій его жизни; съ другой стороны его критическіе опыты, его полемика и его эпиграммы и «Замѣтки», полемическія статьи въ стихахъ, какъ бы вводятъ литературу въ жизнь. Poleмика занимаетъ видное мѣсто въ жизни и дѣятельности кн. Вяземскаго: она начинается его эпиграммами на кн. Шаховскаго и статьями «Журнальнаго Сыщика»¹⁾ (и даже равѣе), а оканчивается «Замѣтками» и статьями противъ Бѣлинскаго, обличительной литературы и т. д. Въ своей полемикѣ кн. Вяземскій блестятъ остроуміемъ, поражаетъ знакомствомъ съ различными литературами; но не эта дѣятельность, занимавшая такъ много мѣста въ его жизни, обезпечиваетъ за нимъ прочное положеніе въ исторіи русской литературы. Болѣе значенія имѣють его этюды людей и общества прошедшаго времени. Обладая значительной наблюдательностію, тонкимъ остроуміемъ, обширною начитанностію, способностію схватить мысль, кн. Вяземскій самыми обстоятельствами своей жизни поставленъ былъ въ благоприятныя условія для той дѣятельности, которая тѣсно соединяется съ его именемъ. Принадлежа по рожденію къ аристократическому обществу, онъ получилъ доступъ во всѣ дома московскихъ, пе-

¹⁾ Псевдонимъ кн. Вяземскаго въ «Московскомъ Телеграфѣ».

тербургскихъ, варшавскихъ аристократовъ; а впоследствии и въ царскіе чертоги и въ аристократическіе круги западной Европы. Имѣя случай лично наблюдать жизнь этого круга, онъ получилъ возможность изъ разсказовъ узнавать событія, предшествовавшія его рожденію. Но не только свѣтская жизнь занимала молодость кн. Вяземскаго: онъ родился въ домѣ интеллигентномъ: отецъ его былъ человѣкъ умный и образованный; его домашній кругъ составляли люди, преданные умственнымъ интересамъ или по крайней мѣрѣ не чуждые имъ. Еще въ дни своего дѣтства Вяземскій зналъ Нелединскаго, Карамзина, гр. Ростопчина, Дмитріева и др. Рано лишившись отца, онъ остался подъ попеченіемъ Карамзина, что, разумѣется, могло быть только плодотворнымъ для его развитія. Учился онъ частію дома, частію въ іезуитскомъ пансіонѣ; но не эти учебныя занятія, — хотя въ пансіонѣ онъ научился довольно по-латыни и хотя всю жизнь защищалъ свое іезуитское воспитаніе, — дали ему ту умственную подготовку, которая такъ окрасила его литературную дѣятельность. Подготовкою ему послужило обширное чтеніе, начатое еще въ избранной библіотекѣ отца и продолжавшееся всю жизнь. Иногда слишкомъ большое значеніе придается школѣ; но когда вступишь въ жизнь замѣчательныхъ людей, тогда видишь, какъ много въ развитіи каждаго изъ нихъ значитъ обстановка и собственное чтеніе. Обученіе можетъ дать только больше или меньше орудій для дальнѣйшаго развитія. Карамзинъ, кн. Вяземскій, Пушкинъ свидѣлствуютъ своимъ развитіемъ о томъ, какъ много значитъ самообразование. Школьные годы каждаго изъ нихъ были непродолжительны и развитіе каждаго зависѣло болѣе всего отъ чтенія. Чтеніе при соответствующей интеллигентной обстановкѣ дало и кн. Вяземскому возможность оставить по себѣ прочную память въ исторіи русской литературы. Важнѣйшею заслугою кн. Вяземскаго русской литературѣ являются его разсказы о прошломъ. Издатель его «Записной книжки» заявляетъ: «Многому изъ этихъ записныхъ книжекъ еще не наступило время для обнародованія, и это *многое* послужитъ со временемъ однимъ изъ важнѣйшихъ

источниковъ не только для біографіи кн. Вяземскаго, но и для исторіи русскаго общества и русскаго просвѣщенія». Несмотря однако на такую неполноту изданія, несмотря на то, что письма кн. Вяземскаго, которыя такъ высоко цѣнили Жуковскій, тоже еще не обнаружены, и то, что у насъ въ рукахъ, даетъ обильный матеріалъ историку русской общественности. Общество, которое рисуется намъ кн. Вяземскій, жило весело и беззаботно, но не забывало и умственныхъ интересовъ, а когда нужно было, высказывало патріотическое одушевленіе: оно дало и вождей и воиновъ «священной памяти двѣнадцатаго года», оно «блѣднѣло», по слову Пушкина, при «обидномъ словѣ Тильзитъ». Это общество не было однообразнымъ, люди его составлявшіе, носили оригинальную фізіономію; но все это уживалось вмѣстѣ, все единилось общими правилами общежитія. Любопытно, что это общество, офрануженное своимъ образованіемъ, оставалось въ глубинѣ души русскимъ. Были конечно и у этого общества недостатки и притомъ большіе; кн. Вяземскій старается не разъ показать, что Грибоѣдовъ былъ слишкомъ одностороненъ, что Фамусовъ, Скалозубъ, Загорецкій — явленія исключительныя, могли существовать только «въ закоулкахъ Москвы». Такого явленія нельзя считать полной правдой: лица «Горя отъ ума» — лица живыя. Доказательствомъ можетъ служить то, что современники указывали, основательно ли или неосновательно, на ихъ прототипы; стало быть Грибоѣдовъ вѣрно попалъ. Многіе изъ его показаній подтверждаетъ самъ Вяземскій; напр. указываетъ на то, что театраль Поздняковъ изображенъ въ разсказѣ Чацкаго о «Зефирахъ и амурахъ, распроданныхъ поодиночно»; тѣмъ не менѣе однако «Горе отъ ума» не полная картина общества 20-хъ годовъ: чего и нельзя требовать отъ комедіи. Несмотря на то, что въ разсказахъ кн. Вяземскаго свѣтъ преобладаетъ надъ тѣнями, его изображенія стараго времени все-таки большая заслуга передъ исторіей, которая можетъ смѣло опереться на его картины общества и портреты лицъ, конечно критически оцѣнивъ ихъ. На портреты онъ большой мастеръ: вспо-

мнимъ очерки Дмитріева, Ростопчина, Нелединскаго, кн. Козловскаго и множества другихъ. Необыкновенное остроуміе, умѣніе схватить въ немногихъ чертахъ весь характеръ человѣка, оригинальный языкъ придаютъ особую прелесть небрежнымъ, какъ бы набросаннымъ портретамъ кн. Вяземскаго. Тѣмъ же качествомъ отличается большое, можетъ быть единственное обработанное сочиненіе кн. Вяземскаго: «Фонвизинъ». Кн. Вяземскій, подобно французскимъ историкамъ литературы, считаетъ необходимымъ пояснять исторію литературы исторіей общества. Вслѣдствіе такого воззрѣнія его «Фонвизинъ» не только біографія литератора и оцѣнка его дѣятельности, но и картина общества его времени. Гоголь, увлеченный такимъ блистательнымъ образчикомъ историческаго таланта, считалъ возможнымъ для автора написать исторію Екатерины; но исторія потребуетъ еще многого другого: изображенія военныхъ дѣйствій, дипломатическихъ переговоровъ, внутреннихъ преобразованій, экономическихъ отношеній и т. п. Самъ авторъ находилъ исполненіе такого желанія Гоголя для себя невозможнымъ. Упомянемъ еще одинъ трудъ кн. Вяземскаго: «Lettres d'un vétéran russe», цѣлью котораго было разъяснить европейской публикѣ истинный смыслъ войны 1853—55 года. Цѣль конечно не была достигнута, но авторъ представилъ образецъ благородной политической полемики. Замѣчательно, что сближаясь въ этомъ трудѣ, какъ и во многомъ другомъ, съ славянофилами, авторъ отстраняется отъ нихъ, ибо мысль о самостоятельномъ умственномъ развитіи его пугаетъ. И въ этомъ онъ остается вѣренъ преданіямъ своей молодости. Замѣчательны также писанные имъ въ эту тяжкую пору стихотворенія, въ которыхъ столько патріотическаго воодушевленія, столько сердечной скорби. Одно изъ нихъ, писанное въ Женевѣ, кончается характерическими стихами:

Ни блескъ долинъ, ни Леманъ синій
Не въ силахъ скорби обмануть:
Тѣнь Севастопольской твердыни.
Ложится саваномъ на грудь.

Оканчивая свой бѣглый очеркъ замѣчательной личности кн. Вяземскаго, не можемъ не повторить превосходной надписи къ его портрету, принадлежащей Пушкину:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА.

Чтеніе ординарнаго академика Л. Н. Майкова.

10-го августа текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Петра Александровича Плетнева. Онъ принадлежалъ къ составу втораго отдѣленія Академіи Наукъ со времени его образованія въ 1841 году и скончался 29-го декабря 1865 года. Почтить его память въ день присужденія Пушкинскихъ премій тѣмъ умѣстнѣе, что дѣятельность Плетнева относится главнымъ образомъ къ тому блестящему періоду нашей литературы, который освященъ именемъ великаго русскаго поэта.

Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ образованіе сперва въ Тверской семинаріи, а потомъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Служебная дѣятельность его была исключительно педагогическая: онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ женскихъ институтахъ и кадетскихъ корпусахъ и профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ преподавалъ тѣ же предметы Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу и другимъ особамъ Царскаго дома. На литературное поприще онъ выступилъ стихотворными опытами, а затѣмъ обратился къ трудамъ по литературной критикѣ и исторіи новой русскаго словесности.

Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій: онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями. Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хоро-

шимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ приобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня», говорилъ онъ, — «не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ», писалъ ему Гоголь, — «много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете вѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпнитъ очи большинства».

Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружественною простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству. Онъ зналъ Карамзина въ послѣдніе годы его жизни; онъ пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Крылова и князя Вяземскаго, а къ Гнѣдичу, Дельвигу и Баратынскому находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Жуковскому, Пушкину и Гоголю онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, всегда готовымъ на одолженіе и помощь. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина прекрасно выражено то, чего всѣ близкіе къ Плетневу люди не могли не признавать въ немъ —

души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.

Тургеневъ находилъ нѣсколько неяснымъ значеніе второго изъ приведенныхъ стиховъ, но онъ же прибавлялъ, что стихъ этотъ «въ самой своей неясности вѣрно характеризуетъ то вѣчто неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ». Подъ *святою мечтою* очевидно нужно разумѣть то идеальное созерцаніе жизни, ту вѣру въ человечество и въ будущее, которыя были присущи Плетневу. Эту высокую черту его нравственнаго характера справедливо указалъ одинъ изъ его немногихъ друзей, понинѣ здравствующій. «Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія», говоритъ тотъ же почтенный другъ Плетнева, — «облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое было главною цѣлью его жизни». Столь же вѣрный идеалу добра и истины, какъ любви къ прекрасному, Плетневъ выработалъ себѣ характеръ, въ которомъ благодушіе не исключало твердости и независимости. «Ни для какихъ благъ въ мірѣ» — скажемъ еще словами Я. К. Грота — «онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно».

Цѣльность нравственнаго характера Плетнева объясняетъ многое въ его литературной дѣятельности. Положительныя, отрадныя явленія въ литературѣ всегда больше привлекали его вниманіе, чѣмъ отрицательныя, дурныя. «Братъ Плетневъ, не пиши *добрыхъ* критикъ! будь зубастъ и бойся приторности!» писалъ ему Пушкинъ въ 1825 году, когда Плетневъ еще занимался разборомъ текущихъ явленій словесности. Но Плетневъ былъ не въ состояніи послѣдовать этому совѣту; онъ всегда чуждался полемики, не старался навязывать свои мнѣнія другимъ и не стремился обличать то, чтò считалъ ошибочнымъ въ чужихъ сужденіяхъ. «Вообще», говорилъ онъ, — «я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другого нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь

отрывчато, никогда не доставлять постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое». Поэтому-то еще при жизни Пушкина Плетневъ предпочелъ удалиться съ поля литературной борьбы, послѣ того какъ въ литературѣ обнаружались новыя, мало сочувственныя ему теченія. Правда, послѣ смерти поэта Плетневъ рѣшился продолжать начатый имъ «Современникъ», но журналъ этотъ въ его рукахъ мало принималъ участія въ новомъ литературномъ движеніи.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе рѣдѣлъ прежній кругъ писателей. Года черезъ три по смерти Пушкина пріѣхалъ въ Петербургъ Баратынскій послѣ многолѣтняго отсутствія и посѣтилъ между прочимъ Плетнева, но не засталъ его дома. «Мой добрый, мой милый Плетневъ», рассказывалъ потомъ этотъ неожиданный дорогой гость, — «часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился — ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать *adsoemz*. Не правда ли, что этотъ зовъ — цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я ниѣю независимость и даже болѣе: все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ». Уже въ эту пору умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому, и такимъ остался онъ до конца своей жизни. «Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ», замѣчалъ князь Вяземскій, — «не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда».

Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ этотъ періодъ добровольнаго отчужденія Плетнева отъ новаго движенія былъ для него періодомъ умственнаго застоя. Не отъ новыхъ идей сторонился онъ, а только отъ новыхъ дѣятелей. Самъ по себѣ, онъ съ прежнимъ интересомъ продолжалъ слѣдить за литературой и едва-ли не болѣе прежняго расширилъ кругъ своего чтенія. Нечего и прибавлять, что связи его со старшимъ поколѣніемъ писателей сохранялись въ прежней силѣ. Но всего важнѣе то, что въ эту

позднюю пору своей жизни онъ нашелъ въ себѣ силы для новыхъ трудовъ, которые и составляютъ его лучшее литературное наслѣдіе.

Въ своемъ университетскомъ преподаваніи Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на обзорѣ словесности текущаго вѣка. «Въ чтеніяхъ объ исторіи русской литературы», говорилъ онъ о своихъ лекціяхъ, — «интереснѣйшее начинается съ Державина — не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, что касается до фактовъ». Въ университетскую аудиторію Плетневъ являлся съ томикомъ того или другого изъ русскихъ писателей Екатерининскаго или Александровскаго времени, начиналъ читать изъ него отрывки и сопровождалъ ихъ замѣчаніями эстетическими и историческими, порою даже анекдотическими разсказами. Это былъ живой комментарий къ произведеніямъ новой русской литературы, которыя создавались на глазахъ самого толкователя, или о происхожденіи которыхъ до него дошло свѣжее преданіе. Тотъ же пріемъ разработки литературнаго преданія Плетневъ перенесъ и въ свои сочиненія позднѣйшаго времени. При составленіи отчетовъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ ему не разъ приходилось говорить о писателяхъ старой школы, бывшихъ еще членами Россійской Академіи: характеристики ихъ Плетневъ дѣлалъ большею частью на основаніи своихъ собственныхъ воспоминаній, не преувеличивая заслугъ второстепенныхъ дѣятелей, но и не пренебрегая заботой дать нѣсколько точныхъ свѣдѣній о лицахъ, память о которыхъ могла бы исчезнуть безслѣдно. Смерть Крылова въ 1844 году дала Плетневу поводъ написать большую статью о жизни и сочиненіяхъ знаменитаго баснописца. Биографъ даетъ въ ней ясное и точное понятіе о своеобразной личности Крылова, живыми чертами отгѣняетъ всѣ стороны его сложнаго характера и прекрасно объясняетъ ходъ его развитія изъ общественныхъ условій той среды, въ которой Крылову пришлось жить. Тонкій психологическій анализъ соединяется здѣсь

съ богатствомъ историческихъ и бытовыхъ подробностей и съ вѣрною и отчетливою оцѣнкою произведеній Крылова. Въ томъ осторожномъ, но мѣткомъ выборѣ выраженій, которыми біографъ обозначилъ темныя стороны въ личномъ характерѣ баснописца, Плетневъ показалъ себя большимъ мастеромъ повѣствовательнаго изложенія. По всѣмъ этимъ достоинствамъ его статья должна быть признана однимъ изъ немногихъ образцовыхъ произведеній въ нашей біографической литературѣ.

Вслѣдъ за статьей о Крыловѣ Плетневъ намѣревался написать такіе же очерки о Карамзинѣ и Жуковскомъ. Озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для этихъ трудовъ, онъ искалъ свѣдѣній о юности исторіографа, а Жуковскаго побуждалъ къ составленію своихъ воспоминаній. Но авторъ «Свѣтланы» рѣшительно отказался послѣдовать этому предложенію, а въ семьѣ Карамзина Плетневъ не встрѣтилъ сочувствія своему намѣренію. Отъ исполненія его пришлось отступить, и только по смерти Жуковскаго въ 1852 году Плетневъ имѣлъ возможность составить очеркъ его жизни и сочиненій. Благодушная натура біографа, созвучная, такъ сказать, натурѣ поэта, особенно благопріятствовала успѣшному исполненію этой задачи. Правда, по обстоятельствамъ времени не во власти Плетнева было дать своему очерку необходимую полноту; о многихъ событіяхъ, существенно важныхъ въ жизни Жуковскаго, онъ долженъ былъ ограничиться только намеками. Но даже стѣсненный въ этомъ отношеніи, онъ нашелъ въ своихъ воспоминаніяхъ и перепискѣ драгоцѣнные матеріалы для изображенія личности Жуковскаго и такимъ образомъ могъ намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты для его вѣрной характеристики.

Живя въ воспоминаніяхъ прошлаго и переработывая ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Плетневъ и въ позднѣйшіе годы своей жизни не терялъ изъ виду новыхъ явленій въ области изящной словесности и даже порой высказывалъ о нихъ свое сужденіе въ печати. Одинъ изъ первыхъ онъ повялъ и оцѣнилъ удивительное дарованіе Гоголя и навсегда остался его горячимъ почитателемъ.

Тотъ же критикъ, который въ свои молодые годы восторженно привѣтствовалъ появленіе «Кавказскаго Плѣнника», написалъ въ 1842 году замѣчательный разборъ «Мертвыхъ Душъ» и въ немъ защищалъ право художника изображать въ своихъ созданіяхъ неприкрашенную дѣйствительность жизни. Впослѣдствіи онъ призналъ достоинство талантовъ новаго литературнаго поколѣнія, развившагося уже подъ вліяніемъ Гоголя. «Горькая Судьбина» Писемскаго и «Гроза» Островскаго нашли себѣ въ Плетневѣ сочувственнаго цѣнителя. Выставляя на видъ достоинства этихъ произведеній со стороны воспроизведенія въ нихъ жизни и глубокаго анализа души человѣческой, онъ указывалъ на драмы Писемскаго и Островскаго какъ на произведенія, вполне достойныя академическихъ премій. Произнося это сужденіе, Плетневъ доказалъ, что и въ преклонныхъ лѣтахъ онъ въ полной свѣжести сохранилъ то чувство изящнаго, которое воспиталъ въ себѣ въ молодые годы, когда видѣлъ во всемъ блескѣ разцвѣтъ художественной дѣятельности Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Сужденіе Плетнева какъ бы устанавливало осязательную связь между тѣмъ временемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ русскаго поэтическаго творчества.

Съ своей стороны, и новое литературное поколѣніе всегда съ уваженіемъ относилось къ этому достойному представителю минувшей славной эпохи. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью по своимъ обязанностямъ профессора и ректора университета, Плетневъ любилъ угадывать среди нея будущихъ писателей. Еще на страницахъ своего «Современника» онъ назвалъ имена двухъ даровитыхъ питомцевъ С.-Петербургскаго университета. Одинъ изъ нихъ — знаменитый впослѣдствіи авторъ «Дворянскаго Гнѣзда», другой — поэтъ «Двухъ міровъ». Оба они сохранили въ своихъ сочиненіяхъ свѣтлую память о своемъ почтенномъ наставникѣ. Романистъ рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ и въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его личность. Поэтъ изобразилъ Плетнева въ слѣдующихъ стихахъ:

За стаю орловъ Двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
И прежнихъ звуковъ полнѣ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

ОБЪ ОСАДКАХЪ ВЪ ПАВЛОВСКѢ

И ВЪ ОСОБЕННОСТИ

О ПРОЛИВНЫХЪ ДОЖДЯХЪ

Статья К. Годмана

(Съ таблицою кривыхъ)

Читана въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 26 августа 1892 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 35 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ВАС. ОСТР., 9 Л., 12.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ обширномъ сочиненіи академика Г. И. Вильда «Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи» приведены между прочимъ соотвѣтствующія данныя и для Павловска, но объемъ сочиненія, цѣль котораго состояла въ представленіи распредѣленія осадковъ на всемъ обширномъ пространствѣ Имперіи, не дозволилъ входить въ подробное описаніе особенностей каждаго наблюдательнаго пункта.

Въ виду этого мнѣ казалось небезинтереснымъ, изслѣдовать подробнѣе, не смотря на незначительное число лѣтъ наблюдений, осадки въ г. Павловскѣ, обративъ особое вниманіе на проливные дожди и дожди съ грозами.

Имѣющіяся въ Павловскѣ наблюденія особенно пригодны для изслѣдованія этихъ случаевъ, такъ какъ нынѣ накопился уже почти 14-лѣтній матеріалъ по записямъ электрически регистрирующаго омбро-атмографа Вильда-Гаслера.—Этотъ приборъ дѣйствуетъ въ Павловскѣ съ 1878 г. и отмѣчаетъ, черезъ каждыя 10 минутъ, атмосферные осадки какъ въ жидкомъ, такъ и въ плотномъ видѣ (или-же, смотря по обстоятельствамъ, испареніе).

Въ омбрографѣ имѣется приѣмная чашка, поверхность которой равна 500 кв. см.; она находится на высотѣ 2,7 м. надъ

поверхностью земли. Показанія осадковъ по омбрографу сравниваются съ показаніями двухъ дождемѣровъ обыкновеннаго образца, принятаго на всѣхъ метеорологическихъ станціяхъ въ Россіи; дождемѣры эти установлены вблизи омбрографа на столбахъ, высоту въ 2,5 м.

Подробное описаніе прибора, равно какъ и способъ обработки его показаній, опубликованы ¹⁾ недавно г. директоромъ Г. И. Вильдомъ.

Благодаря непрерывнымъ автоматическимъ записямъ омбрографа, возможно опредѣлить съ большою точностью не только продолжительность выпаденія осадковъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и силу ихъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени. Сила дождя, какъ извѣстно, непостоянна; особенно во время ливней, она мѣняется весьма часто.

Въ нынѣшнемъ изслѣдованіи обработаны записи омбрографа за 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ (съ января 1878 г. по сентябрь 1891 г. включительно) и результаты распределены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Годовой ходъ осадковъ.

- 1) годовой ходъ количества осадковъ.
- 2) » » повторяемости осадковъ.
- 3) » » силы осадковъ.
- 4) измѣняемость осадковъ.

II. Суточный ходъ осадковъ.

- 1) суточный ходъ количества осадковъ.
- 2) » » повторяемости осадковъ.
- 3) » » силы осадковъ.

III. Наибольшія количества осадковъ.

- 1) въ теченіе 24 часовъ.
- 2) » » 1 часа.
- 3) » » 10 минутъ.

IV. Ливни и дожди съ грозами.

1) Г. И. Вильдъ. Омбрографъ и атиографъ. Метеорол. Сборн. Т. I, № 8.

I. Годовой ходъ осадковъ.

Годовой ходъ количества осадковъ въ Павловскѣ опредѣляется изъ приведенныхъ въ слѣдующей таблицѣ количествъ осадковъ за отдѣльные мѣсяцы въ теченіе времени съ 1878 г. до сентября 1891 г., равно какъ и среднихъ величинъ за весь этотъ періодъ. Здѣсь, какъ и вездѣ въ этомъ изслѣдованіи, количества осадковъ выражены въ миллиметрахъ и среднія величины изъ годовыхъ суммъ относятся лишь къ 13 полнымъ годамъ 1878—1890.

Таблица I.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	мм	
1878	27,8	32,0	39,5*	19,1	74,6	40,8	111,5	49,6	49,4	56,4	53,1	46,7	600,6
1879	20,5	40,5	19,1	14,4	35,3	132,4	156,2	69,7	30,7	53,4	43,9	20,9	636,9
1880	25,9	14,6	20,5	12,1	25,1	68,2	107,0	20,3	46,9	101,0	53,9	50,1	545,7
1881	24,7	16,0	36,8	10,5	15,5	51,0	75,0	109,2	10,4	39,7	33,8	19,3	441,9
1882	27,2	30,2	39,2	15,9	51,0	28,9	78,6	51,9	27,3	23,6	44,5	30,0	443,3
1883	32,5	25,0	23,4	30,4	49,1	30,0	119,5	100,9	88,9	67,8	48,1	35,6	650,6
1884	40,7	27,3	6,8	10,2	80,6	68,2	81,3	68,2	28,9	29,3	24,0	43,0	508,5
1885	30,2	36,7	16,5	22,1	60,3	48,8	65,9	41,4	123,2	76,8	33,8	21,9	577,7
1886	35,6	4,9	12,7	16,3	49,2	44,6	59,5	144,6	61,4	11,9	43,9	55,5	540,1
1887	10,7	21,0	21,0	24,1	54,2	57,0	97,6	80,0	78,3	70,4	34,4	43,1	593,6
1888	17,4	15,8	36,3	34,0	38,0	25,9	42,1	53,1	34,6	104,0	40,9	19,4	461,5
1889	21,2	10,3	32,9	32,0	54,6	7,0	79,0	97,8	24,2	18,6	41,4	17,0	436,0
1890	33,0	9,6	27,6	75,3	24,8	42,0	37,2	114,9	39,1	94,1	30,3	12,3	540,1
1891	28,1	23,9	34,2	12,3	51,0	29,5	55,4	81,2	50,9				
Среднее.	26,8	22,0	26,2	23,5	47,4	48,2	83,3	77,3	49,8	57,4	40,5	31,9	534,3

Примѣчаніе. Отмѣченная звѣздочкою (*) мѣсячная сумма осадковъ за мартъ 1878 г. взята по показаніямъ нормального дождемѣра, такъ какъ записи омбрографа были ненадежны въ теченіе нѣсколькихъ дней, вслѣдствіе сильнаго тренія.

Вышеприведенныя среднія величины количествъ осадковъ за отдѣльные мѣсяцы, равно какъ и средняя годовая сумма, согласуются почти вполнѣ съ данными, вычисленными академикомъ Г. И. Вильдомъ ¹⁾ для Павловска за періодъ, обнимающій

1) Г. Вильдъ. «Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи». В Приложеніе къ Метеорологическому Сборнику. С.-Петербургъ 1887 г., стр. 12, 13, табл. А.

5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ въ юлѣ мѣсяцѣ, наименьшее въ февралѣ, при чемъ количества осадковъ во второй половинѣ года далеко превышаютъ количества, наблюдавшіяся въ первой половинѣ года.

Въ нѣкоторые годы наибольшее мѣсячное количество осадковъ приходится послѣ юля мѣсяца, но раньше этого времени не наблюдалось ни разу.

Въ сравненіи съ недалеко лежащимъ С.-Петербургомъ, въ Павловскѣ наблюдается все время большее количество осадковъ, годовой однако ходъ почти одинаковъ въ обоихъ пунктахъ, какъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Павловскъ. 13 лѣтъ 9 мѣсяцевъ.	С.-Петербургъ. 13 лѣтъ 9 мѣсяцевъ.	57 лѣтъ.
Январь.....	26,8 милл.	21,9 милл.	22,3 милл.
Февраль.....	22,0 »	14,6 »	21,6 »
Мартъ.....	26,2 »	22,1 »	22,8 »
Апрѣль.....	23,5 »	26,0 »	22,7 »
Май.....	47,4 »	45,6 »	41,7 »
Юнь.....	48,2 »	45,5 »	47,1 »
Юль.....	83,3 »	83,2 »	66,3 »
Августъ.....	77,3 »	85,8 »	66,2 »
Сентябрь....	49,8 »	52,3 »	50,0 »
Октябрь.....	57,4 »	50,6 »	43,4 »
Ноябрь.....	40,5 »	38,4 »	35,8 »
Декабрь.....	31,9 »	26,0 »	30,6 »
Годъ ...	534,3 »	519,3 »	470,5 »

Изъ этого видно, что согласіе между абсолютными величинами за одинаковые періоды времени гораздо больше, нежели съ соответствующими данными за 57 лѣтъ для С.-Петербурга.

Возвратимся еще къ величинамъ таблицы I, то замѣтимъ, что въ слѣдующіе другъ за другомъ годы не видно какого-либо постояннаго уменьшенія или увеличенія количествъ осадковъ.

Въ рассматриваемые здѣсь 14 лѣтъ наибольшее годовое ко-

личество осадковъ приходится въ 1883 г. и равно 650,6 милл., наименьшее-же количество въ 1889 г. и равно 436,0 мил. — Разница между ними равна 214,6 мил.

Наибольшія мѣсячныя количества осадковъ достигаютъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ 100 мил. Они колеблются между 156,2 мм. (1879 г.) и 78,6 мм. (1882 г.). Среднее мѣсячное наибольшее количество равно 109,0 мм.

Наименьшія мѣсячныя количества осадковъ колеблются между 23,4 мм. (1883 г.) и 4,9 мм. (1886 г.). Среднее мѣсячное наименьшее количество равно 13,0 мм.

Годовой ходъ повторяемости осадковъ въ Павловскѣ получается изъ слѣдующаго сопоставленія числа дней съ осадками въ отдѣльные мѣсяцы.

Число дней съ осадками.

Таблица II.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Сумма.
1878	19	18	17	13	17	14	19	13	14	20	22	27	218
1879	21	24	23	18	12	19	20	18	10	24	19	18	226
1880	17	14	19	12	16	16	21	12	13	26	25	20	211
1881	20	11	18	7	10	12	20	22	13	16	17	18	184
1882	14	17	18	10	11	11	14	16	6	13	22	23	175
1883	13	13	15	9	15	10	22	22	13	17	21	19	189
1884	23	12	6	6	20	18	14	12	7	13	13	22	166
1885	18	10	12	12	15	12	11	11	22	21	20	16	180
1886	21	7	7	7	10	10	14	14	14	5	20	22	151
1887	8	10	11	11	14	16	12	14	19	23	15	23	176
1888	18	12	15	12	18	9	14	17	12	23	19	16	185
1889	14	15	15	11	9	5	18	19	9	10	19	11	155
1890	23	9	18	13	8	12	15	18	10	24	17	8	175
1891	14	11	20	8	19	12	16	20	19	—	—	—	—
Среднее.	17,3	13,1	15,3	10,6	13,9	12,6	16,4	16,3	13,1	18,1	19,2	18,7	183,7

Подъ словомъ «дни съ осадками» надобно понимать лишь такіе дни, когда нормальный дождемѣръ показывалъ высоту осадковъ, равную по крайней мѣрѣ 0,1 мм. и больше, не обра-

шая вниманія на видъ осадковъ (т. е. дождь, снѣгъ, градъ и т. д.), количества-же меньше 0,1 мм. не принимались въ соображеніе. Числа дней съ осадками въ Павловскѣ взяты по годовымъ выводамъ изъ наблюденій ¹⁾.

Число дней съ осадками вовсе не одинаково въ различные годы, оно измѣняется весьма сильно. Итакъ напр. въ 1879 г. наблюдалось 226 дней съ осадками, т. е. 62 процента всѣхъ дней въ году, между тѣмъ какъ въ 1886 году былъ лишь 151 день съ осадками, что составляетъ лишь 41 процентъ.

Въ среднемъ приходится въ годъ 183,7 дней съ осадками или 50% всѣхъ дней въ году.

Абсолютное наибольшее число дней съ осадками, а именно 27 дней или 87%, приходится въ декабрѣ мѣсяцѣ 1878 г., абсолютное наименьшее число дней съ осадками, а именно 5, наблюдалось въ теченіе 14-лѣтняго періода 2 раза: въ октябрѣ 1886 г. и іюнѣ 1889 г. Въ среднемъ наименьшее количество дней съ осадками бываетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, наибольшее-же въ ноябрѣ. Среди теплыхъ мѣсяцевъ іюль и августъ отличаются болѣе большимъ количествомъ дней съ осадками.

Для сравненія числа дней съ осадками въ Павловскѣ съ соотвѣтствующими данными въ С.-Петербургѣ ²⁾ приводимъ слѣдующую таблицу:

	Павловскъ.	С.-Петербургъ.	
	13 ³ / ₄ лѣтъ.	13 ³ / ₄ лѣтъ.	130 лѣтъ.
Январь . .	17,3 дней.	18,1 дней.	13,4 дней.
Февраль .	13,1 »	12,7 »	12,0 »
Мартъ . .	15,3 »	13,4 »	11,6 »
Апрѣль . .	10,6 »	9,9 »	10,6 »
Май . . .	13,9 »	13,5 »	12,1 »
Іюнь . . .	12,6 »	11,2 »	11,4 »

1) Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1878 и слѣд. годы, издаваемые подъ редак. Г. Вильда.

2) Г. Вильдъ. Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи. V приложение къ Метеоролог. Сборнику, стр. 42, 43, табл. D.

	Павловскъ.	С.-Петербургъ.	
	18 ³ / ₄ лѣтъ.	18 ³ / ₄ лѣтъ.	130 лѣтъ.
Юль. . . .	16,4 дней.	15,9 дней.	12,6 дней.
Августъ .	16,3 »	16,6 »	13,8 »
Сентябрь.	13,1 »	13,1 »	12,9 »
Октябрь .	18,1 »	16,5 »	14,8 »
Ноябрь . .	19,2 »	17,8 »	15,9 »
Декабрь .	18,7 »	17,4 »	14,8 »
Годъ . .	184,6 »	174,7 »	155,9 »

Изъ этой таблицы видно, что не только мѣсячныя количества осадковъ, но и число дней съ осадками почти во всѣ мѣсяцы больше, чѣмъ въ С.-Петербургѣ.

Къ такому-же результату пришелъ и г. А. Бергштроссеръ въ своемъ сравненіи климатовъ С.-Петербурга и Павловска на основаніи наблюденій за 1878—1887 годы¹⁾, при чемъ данныя за этотъ періодъ менѣе разнятся между собою, нежели съ данными за 130 лѣтъ для С.-Петербурга.

Годовой ходъ повторяемости осадковъ въ обоихъ пунктахъ почти совершенно одинаковъ. Наибольшая величина приходится въ ноябрѣ мѣсяцѣ, наименьшая-же въ апрѣлѣ.

Годовой ходъ силы осадковъ въ Павловскѣ найдемъ, раздѣливъ данныя таблицы I на соответствующія данныя таблицы II.

Съ перваго взгляда замѣчается въ среднемъ годовомъ ходѣ силы осадковъ особенная правильность съ *одною* наибольшею и *одною* наименьшею величиною, изъ которыхъ первая приходится въ юлѣ мѣсяцѣ, а вторая въ январѣ. Въ первый изъ этихъ мѣсяцевъ на одинъ день съ осадками приходится въ среднемъ 5,08 мм. осадковъ, т. е. въ три раза больше величины, получающейся для каждаго дня съ осадками въ январѣ мѣсяцѣ.

1) А. Бергштроссеръ. Сравненіе климатовъ С.-Петербурга, Павловска и Кронштадта. Мет. Сбор. Т. II.

Таблица III.

Сила осадковъ.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1878	1,5	1,8	2,3	1,5	4,4	2,9	5,9	3,8	3,5	2,8	2,4	1,7	2,82
1879	1,0	1,7	0,8	0,8	2,9	7,0	7,8	3,9	3,1	2,2	2,3	1,2	2,82
1880	1,5	1,0	1,1	1,0	1,6	4,3	5,1	1,7	3,6	3,9	2,2	2,5	2,59
1881	1,2	1,5	2,0	1,5	1,6	4,2	3,8	5,0	0,8	2,5	2,0	1,1	2,40
1882	1,9	1,8	2,2	1,6	4,6	2,6	5,6	3,2	4,6	1,8	2,0	1,3	2,56
1883	2,5	1,9	1,6	3,4	3,3	3,0	5,4	4,6	6,8	4,0	2,3	1,9	3,44
1884	1,8	2,3	1,1	1,7	4,0	3,8	5,8	5,7	4,1	2,3	1,8	2,0	3,06
1885	1,7	3,7	1,4	1,8	4,0	4,1	6,0	3,8	5,6	3,7	1,7	1,4	3,21
1886	1,7	0,7	1,8	2,3	4,9	4,5	4,2	10,3	4,4	2,4	2,2	2,5	3,58
1887	1,3	2,1	1,9	2,2	3,9	3,6	8,1	5,7	4,1	3,1	2,3	1,9	3,37
1888	1,0	1,3	2,4	2,8	2,1	2,9	3,0	3,1	2,9	4,5	2,2	1,2	2,49
1889	1,5	0,7	2,2	2,9	6,1	1,6	4,4	5,1	2,7	1,9	2,2	1,5	2,81
1890	1,4	1,1	1,5	5,8	3,1	3,5	2,5	6,4	3,9	3,9	1,8	1,5	3,09
1891	2,0	2,2	1,7	1,5	2,7	2,5	3,5	4,1	2,7	—	—	—	—
Среднее.	1,55	1,68	1,71	2,22	3,41	3,82	5,08	4,74	3,80	3,17	2,11	1,71	2,91

Въ среднемъ за $13\frac{3}{4}$ г. на каждый день съ осадками въ Павловскѣ приходится высота осадковъ, равная 2,91 мм.

Абсолютная наибольшая величина въ годовомъ ходѣ силы осадковъ, а именно 10,3, приходится въ августѣ 1886 г.; абсолютная наименьшая величина, равная 0,7, наблюдалась въ 1886 и 1889 гг., оба раза въ февралѣ мѣсяцѣ.

По примѣру сдѣланнаго нами раньше сравненія средних мѣсячныхъ количествъ осадковъ и чиселъ дней съ осадками въ Павловскѣ съ соотвѣтствующими данными въ С.-Петербургѣ, приведемъ здѣсь, полноты ради, слѣдующую таблицу для годового хода силы осадковъ.

	Павловскъ. 13 $\frac{3}{4}$ лѣтъ.	С.-Петербургъ 1). 13 $\frac{3}{4}$ лѣтъ.	57 лѣтъ.
Январь . .	1,55	1,21	1,66
Февраль . .	1,68	1,15	1,80
Мартъ . . .	1,71	1,65	1,97

1) Г. Вильдъ. Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи, 1888 г., стр. 62, табл. G.

	Павловскъ.	С.-Петербургъ.	
	18 ³ / ₄ лѣтъ.	18 ³ / ₄ лѣтъ.	7 лѣтъ.
Апрѣль . .	2,22	2,63	2,14
Май	3,41	3,38	3,45
Іюнь	3,82	4,06	4,13
Іюль	5,08	5,23	5,26
Августъ . .	4,74	5,17	4,80
Сентябрь . .	3,80	3,99	3,88
Октябрь . .	3,17	3,07	2,93
Ноябрь . . .	2,11	2,16	2,25
Декабрь . .	1,71	1,49	2,07
Годъ	2,91	2,97	3,02

Въ общемъ годовой ходъ силы осадковъ одинаковъ въ обоихъ пунктахъ; въ обоихъ случаяхъ наибольшая величина приходится въ іюлѣ мѣсяцѣ, при чемъ она въ три или четыре раза больше наименьшей величины въ январѣ или февралѣ. Въ абсолютныхъ величинахъ не видно тоже значительной разности.

Измѣняемость осадковъ. Такъ какъ для вычисленія измѣняемости осадковъ въ Павловскѣ по общепринятому способу (см. напр. нѣсколько разъ упомянутое уже сочиненіе академика Г. И. Вильда, стр. 63 и слѣд.) имѣется слишкомъ мало лѣтъ наблюдений, то для сужденія объ этой измѣняемости мы сопоставили въ слѣдующей таблицѣ лишь наибольшія и наименьшія мѣсячныя величины.

Таблица IV.

Наибольшія и наименьшія мѣсячныя количества осадковъ.

Мѣсяцы.	Годы.	Наибольшее	Наименьшее	Разность.	Среднее мѣсячное количество осадковъ.	Отклоненіе отъ этой величины.
		количество осадковъ.				
		мм	мм	мм	мм	
Январь . .	1884	40,7	—	30,0	26,8	+13,9
	1887	—	10,7			—16,1
Февраль . .	1889	40,5	—	35,6	22,0	+18,5
	1886	—	4,9			—17,1

Мѣсяцы.	Годы.	Наиболь- шее	Наимень- шее	Разность.	Среднее мѣ- сячное коли- чество осад- ковъ.	Отклоненіе отъ этой величины.
		количество осад- ковъ.				
		мм	мм	мм	мм	
Мартъ . .	1878	39,5	—	32,7	26,2	+13,3
	1884	—	6,8			-19,4
Апрѣль . .	1890	75,3	—	65,1	23,5	+51,8
	1884	—	10,2			-13,3
Май	1884	80,6	—	65,1	47,4	+33,2
	1881	—	15,5			-31,9
Іюнь	1879	132,4	—	125,4	48,2	+84,2
	1889	—	7,0			-41,2
Іюль	1879	156,2	—	119,0	83,3	+72,9
	1890	—	37,2			-46,1
Августъ .	1886	144,6	—	124,3	77,3	+67,3
	1880	—	20,3			-57,0
Сентябрь .	1885	123,2	—	112,8	49,8	+73,4
	1881	—	10,4			-39,4
Октябрь .	1888	104,0	—	92,1	57,4	+46,6
	1886	—	11,9			-45,5
Ноябрь . .	1880	53,9	—	29,9	40,5	+13,4
	1884	—	24,0			-16,5
Декабрь .	1886	55,5	—	43,2	31,9	+23,6
	1890	—	12,3			-19,6
Годъ	1883	650,6	—	214,6	534,3	+116,3
	1889	—	436,0			-98,3

Вышеприведенныя цифры ясно доказываютъ, на сколько мѣсячныя количества осадковъ въ одномъ и томъ-же наблюдательномъ пунктѣ могутъ мѣняться съ году на годъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ напр. при среднемъ мѣсячномъ количествѣ осадковъ въ 48,2 мм. въ 1879 г. выпало 132,4 мм. дождя, въ 1889 г. напротивъ того лишь 7,0 мм.; такимъ образомъ обѣ величины разнятся между собою на 125,4 мм.

Наибольшія разности между максимумами и минимумами количествъ осадковъ приходится въ теплые мѣсяцы, наименьшія же разности въ холодную половину года.

Таблица V.

НАИБОЛЬШІЯ И НАИМЕНЬШІЯ ВЕЛИЧИНЫ ПОВТОРЯЕМОСТИ ОСАДКОВЪ.

Мѣсяцы.	Годы.	Наиболь-	Наимень-	Разность.	Средняя мѣ- сячная по- вторяемость.	Отклоненіе отъ оной.
		шее число дней съ осадками.	шее число			
Январь. .	1884, 1890	23	—	15	17	+ 6
	1887	—	8			— 9
Февраль. .	1870	24	—	15	13	+11
	1890	—	9			— 4
Мартъ. . .	1879	23	—	17	15	+ 8
	1884	—	6			— 9
Апрѣль. .	1879	18	—	12	11	+ 7
	1884	—	6			— 5
Май. . . .	1884	20	—	12	14	+ 6
	1890	—	8			— 6
Іюнь . . .	1879	19	—	14	13	+ 6
	1889	—	5			— 8
Іюль . . .	1883	22	—	11	16	+ 6
	1885	—	11			— 5
Августъ. .	1881, 1883	22	—	11	16	+ 6
	1885	—	11			— 5
Сентябрь. .	1885	22	—	16	13	+ 9
	1882	—	6			— 7
Октябрь. .	1880	26	—	21	18	+ 8
	1886	—	5			—13
Ноябрь. . .	1880	25	—	12	19	+ 6
	1884	—	13			— 6
Декабрь. .	1878	27	—	19	19	+ 8
	1890	—	8			—11
Годъ . . .	1879	226	—	75	184	+42
	1886	—	151			—33

Изъ этого видно, что даже мѣсяцы, обыкновенно весьма богатые днями съ осадками, сильно отклоняются въ отдѣльные

годы отъ нормы, напр. въ октябрѣ 1886 г. наблюдалось только 5 дождевыхъ дней, между тѣмъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ приходится среднимъ числомъ 18 такихъ дней. На оборотъ мѣсяцы, въ которые обыкновенно наблюдается лишь незначительное число дней съ осадками, составляютъ въ отдѣльные годы замѣчательныя исключенія. Напр. въ апрѣлѣ 1879 г. дождь падалъ въ теченіе 18 дней, между тѣмъ какъ средняя повторяемость осадковъ за этотъ мѣсяць равна только 10,6.

Таблица VI.

Наибольшая и наименьшая сила осадковъ.

Мѣсяцы.	Годы.	Наибольшая	Наименьшая	Разность.	Средняя мѣсячная сила.	Отклоненіе отъ оной.
		сила осадковъ.				
Январь..	1883	2,5	—	1,5	1,6	+0,9
	1879, 1888	—	1,0			—0,6
Февраль.	1885	3,7	—	3,0	1,7	+2,0
	1886, 1889	—	0,7			—1,0
Мартъ..	1888	2,4	—	1,6	1,7	+0,7
	1879	—	0,8			—0,9
Апрѣль..	1890	5,8	—	5,0	2,2	+3,6
	1879	—	0,8			—1,4
Май....	1889	6,1	—	4,5	3,4	+2,7
	1880, 1881	—	1,6			—1,8
Іюнь....	1879	7,0	—	5,4	3,8	+3,2
	1889	—	1,6			—2,2
Іюль....	1887	8,1	—	5,6	5,1	+3,0
	1890	—	2,5			—2,6
Августъ.	1886	10,3	—	8,6	4,7	+5,6
	1880	—	1,7			—3,0
Сентябрь.	1883	6,8	—	6,0	3,8	+3,0
	1881	—	0,8			—3,0
Октябрь.	1888	4,5	—	2,7	3,2	+1,3
	1882	—	1,8			—1,4

Мѣсяцы.	Годы.	Наиболь- шая	Наимень- шая	Разность.	Средняя мѣсячная сила.	Отклоненіе отъ оной.
		сила осадковъ.				
Ноябрь . .	1878	2,4	—	0,7	2,1	+0,3
	1885	—	1,7			—0,4
Декабрь .	1880, 1886	2,5	—	1,4	1,7	+0,8
	1881	—	1,1			—0,6
Годъ . . .	1886	3,58	—	1,18	2,91	+0,67
	1881	—	2,40			—0,51

Въ тѣ мѣсяцы, когда осадки являются преимущественно въ плотномъ видѣ, т. е. въ формѣ снѣга или крупы, колебанія силы относительно невелики. Напротивъ того въ теплые мѣсяцы съ дождемъ сила отклоняется отъ средней нерѣдко весьма значительно. Между прочимъ за августъ 1886 г. средняя сила осадковъ получилась равною 10,3 мм. для каждаго дня съ осадками, между тѣмъ какъ въ среднемъ за 14 лѣтъ имѣется лишь 4,7 мм.

II. Суточный ходъ осадковъ.

Ежечасныя величины, послужившія для вычисленія *суточного хода количества осадковъ*, взяты по непосредственной работкѣ записей омбрографа Вильда - Гаслера въ томъ видѣ, какъ онѣ опубликованы въ первыхъ частяхъ Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи.

Онѣ приведены до сотыхъ долей миллиметра, которыя легко опредѣлить на глазъ съ достаточною надежностью, вслѣдствіе большой чувствительности прибора.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены для отдѣльныхъ часовъ среднія величины за $13\frac{3}{4}$ г. въ видѣ сотыхъ долей миллиметра, принятыхъ за единицу.

Таблица VII.

Суточный ходъ количества осадковъ.

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1 ^а	28	34	34	41	52	39	73	90	66	112	50	39	55
2	32	37	32	35	47	35	107	55	103	92	49	45	56
3	29	36	33	36	44	70	72	53	102	79	52	45	54
4	36	36	34	41	56	49	81	54	75	69	40	40	51
5	34	49	37	30	51	80	133	100	77	98	47	42	65
6	35	34	37	39	59	60	102	99	86	79	50	51	61
7	33	38	38	37	69	33	114	91	86	62	46	47	58
8	42	34	34	35	63	22	93	88	86	76	74	52	58
9	40	21	35	33	57	23	71	75	80	74	66	51	52
10	36	24	33	25	62	26	53	77	80	88	74	39	51
11	37	24	25	31	56	36	56	92	68	75	65	45	51
12	35	24	33	35	65	96	81	131	55	66	58	47	60
1 ^р	37	27	46	33	69	98	161	154	102	53	57	47	74
2	43	29	33	34	113	81	97	84	84	51	59	42	62
3	37	29	28	31	96	167	153	144	82	75	64	43	80
4	35	34	32	34	66	130	156	212	96	61	53	38	79
5	36	38	29	27	75	123	145	123	56	69	51	40	68
6	42	44	34	31	74	63	193	137	60	78	64	38	72
7	40	42	33	33	99	84	99	99	70	81	56	34	64
8	32	38	38	26	69	75	114	176	58	69	62	36	66
9	38	26	37	37	33	57	126	93	53	73	58	42	56
10	42	30	43	33	37	69	138	106	50	76	49	45	60
11	34	27	38	25	49	51	114	76	47	86	51	41	53
12	32	32	37	29	64	38	147	90	71	111	55	43	62

Въ суточномъ ходѣ количествъ осадковъ за семь холодныхъ мѣсяцевъ, съ октября по апрѣль, не видно никакихъ характеристическихъ особенностей. Колебанія количествъ осадковъ незначительны и въ ходѣ кривой линіи не замѣтно ни выдающейся наибольшей величины, ни опредѣленной наименьшей. Лишь съ мая мѣсяца начинается въ пополуденные часы увеличеніе количествъ осадковъ, которыя въ іюль и августъ, между 3^а и 4^а, 5 р., достигаютъ наибольшей величины; это увеличеніе видно еще и въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Затѣмъ въ лѣтніе мѣсяцы, въ пополуденные часы наблюдается совершенно опредѣленная наименьшая величина количества осадковъ. Эту наименьшую величину можно прослѣдить въ кри-

выхъ линіяхъ за зиму и весну, хотя она тамъ является лишь въ слабой степени.

Второстепенная наименьшая величина осадковъ видна въ лѣтніе мѣсяцы, около времени восхода солнца, второстепенная же наибольшая величина въ ранніе часы утра, вскорѣ послѣ восхода солнца.

Въ большинствѣ мѣсяцевъ видно увеличеніе количества осадковъ между 11^ч вечера и 2^ч утра.

Въ кривой линіи суточного хода количествъ осадковъ за цѣлый годъ выступаютъ снова всѣ особенности лѣтнихъ мѣсяцевъ, но въ болѣе слабомъ, конечно, видѣ.

Большее число лѣтъ наблюденій дало-бы, безъ сомнѣнія, болѣе правильную кривую линію, но и по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи наблюденіямъ за 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ получается приближенное, по крайней мѣрѣ, понятіе о суточномъ ходѣ количества осадковъ.

Въ слѣдующей таблицѣ приведена для опредѣленія *суточного хода повторяемости осадковъ* средняя повторяемость осадковъ за каждый часъ въ отдѣльные мѣсяцы. При этомъ часомъ съ осадками считался часъ, въ теченіе котораго записанное количество осадковъ равнялось не менѣе 0,01 мм. Сверхъ этого приведены среднія суммы часовъ съ осадками, равно какъ и процентное ихъ отношеніе ко всѣмъ часамъ.

Таблица VIII.

Суточный ходъ повторяемости осадковъ.

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Сумма въ годъ.
1 ^ч а.	11	9	8	5	3	3	5	5	4	9	9	12	88
2	10	7	8	5	4	3	5	6	5	8	10	10	81
3	12	8	7	4	4	4	5	6	7	9	10	11	87
4	12	8	8	4	5	4	6	7	8	10	10	11	93
5	13	9	8	4	5	5	5	10	9	10	10	11	99

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Сумма въ годъ.
6 ^ч а.	12	9	8	5	7	5	6	11	9	10	10	12	104
7	12	9	9	5	6	8	5	9	10	10	11	12	101
8	12	10	8	5	4	2	4	5	10	11	12	14	97
9	11	8	7	4	4	2	3	3	7	11	10	12	82
10	11	8	6	4	3	1	3	3	4	10	10	11	74
11	12	8	5	3	3	2	3	4	3	8	11	13	75
12	12	7	5	3	3	3	3	4	3	8	11	13	75
1 ^ч р.	12	7	6	4	3	3	3	4	4	7	12	12	77
2	13	7	6	3	3	3	4	3	3	6	12	13	76
3	10	7	6	3	3	3	4	4	4	7	10	11	72
4	10	7	6	3	3	3	5	4	4	7	10	11	73
5	11	7	5	3	4	3	5	4	4	7	9	10	72
6	11	7	5	3	3	2	5	4	4	8	9	11	72
7	11	6	6	3	4	3	4	4	4	7	11	11	74
8	11	7	7	3	3	3	3	5	4	7	10	11	74
9	10	7	6	3	4	3	4	5	4	7	10	12	75
10	11	9	7	3	4	2	4	5	4	7	10	12	78
11	11	8	6	3	4	3	4	4	4	8	10	12	77
12	11	8	6	4	3	3	4	4	4	9	9	11	76
Сумма.	272	187	159	89	92	71	102	123	126	201	246	279	1947
%	37	28	21	12	12	10	14	17	18	27	34	38	22

При изслѣдованіи повторяемости осадковъ нашъ омбрографъ, вслѣдствіе непрерывныхъ записей самыхъ даже незначительныхъ количествъ осадковъ, оказывается особенно полезнымъ.

Понятно, что, считая часы съ осадками за каждыя отдѣльныя сутки, получается болѣе полный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько другой взглядъ на осадки въ Павловскѣ, нежели принимая въ основаніе прежній способъ опредѣленія помощью вычисленія дней съ осадками, когда количество ихъ равнялось 0,1 мм. и больше.

По таблицѣ II годового хода повторяемости осадковъ наибольшее количество дней съ осадками приходится въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а наименьшее въ апрѣлѣ, между тѣмъ какъ изъ вышеприведеннаго обзора суточного хода въ таблицѣ VIII видно, что наибольшее количество часовъ съ осадками приходится въ декабрѣ мѣсяцѣ и наименьшее въ іюлѣ.

По таблицѣ VIII видно, что повторяемость осадковъ въ теченіе утреннихъ часовъ ни въ одномъ мѣсяцѣ не превышаетя

повторяемостью въ теченіе какого либо другого часа сутокъ. Чаще всего осадки выпадаютъ около времени восхода солнца, лишь въ январѣ мѣсяцѣ наибольшая повторяемость осадковъ является нѣсколькими часами раньше.

Въ прочемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ повторяемость послѣполуденнаго дождя, между 4 и 6 часами, лишь немногимъ меньше повторяемости утренняго дождя.

Всего нагляднѣе суточный ходъ повторяемости осадковъ представляется въ средней годовой кривой линіи. Наибольшая повторяемость приходится къ восходу солнца, затѣмъ она быстро понижается и съ 10 часовъ утра остается почти постоянною въ теченіе всѣхъ сутокъ.

Въ слѣдующей таблицѣ представлень *средній суточный*

Таблица IX.

Суточный ходъ силы осадковъ.

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годовое среднее.
1 ^а .	2,5	3,6	4,2	8,2	17,3	13,0	14,6	18,0	16,5	12,4	5,6	3,2	10,0
2	3,2	5,3	4,0	7,0	11,8	11,7	21,4	9,2	20,6	11,5	4,9	4,5	9,6
3	2,4	4,5	4,7	9,0	11,0	17,5	14,4	8,8	14,6	8,8	5,2	4,1	8,8
4	3,0	4,5	4,2	10,2	11,2	12,2	13,5	7,7	9,4	6,9	4,0	3,6	7,5
5	2,6	5,4	4,6	7,5	10,2	16,0	26,6	10,0	8,6	9,8	4,7	3,8	9,2
6	2,9	3,6	4,6	7,8	8,4	12,0	17,0	9,0	9,2	7,9	5,0	4,2	7,6
7	2,8	4,2	4,2	7,4	11,5	11,0	22,8	10,0	8,6	6,2	4,2	3,9	8,1
8	3,5	3,4	4,2	7,0	15,8	11,0	24,2	17,6	8,6	6,9	6,2	3,7	9,3
9	3,6	2,6	5,0	8,2	14,2	11,5	23,7	25,0	11,4	6,7	6,6	4,2	10,2
10	3,3	3,0	5,5	6,2	20,7	26,0	17,7	25,7	20,0	8,8	7,4	3,5	12,3
11	3,1	3,0	5,0	10,3	18,7	18,0	18,7	23,0	22,7	9,4	5,9	3,5	11,8
12	2,9	3,4	6,6	11,7	21,7	32,0	27,0	32,8	18,3	8,2	5,3	3,6	14,5
1 ^в р.	3,1	3,9	7,7	8,2	23,0	32,7	53,7	38,5	25,5	7,6	4,8	3,9	17,7
2	3,3	4,1	5,5	11,3	37,7	27,0	24,2	28,0	28,0	8,5	4,9	3,2	15,5
3	3,7	4,1	4,7	10,3	32,0	55,7	39,5	36,0	20,5	10,7	6,4	3,9	19,0
4	3,5	4,9	5,3	11,3	22,0	43,3	31,2	53,0	24,0	8,7	5,3	3,5	18,0
5	3,3	5,4	5,8	9,0	18,8	41,0	29,0	30,8	14,0	9,9	5,7	4,0	14,7
6	3,8	6,3	6,8	10,3	24,7	31,5	39,6	34,2	15,0	9,8	7,1	3,5	16,0
7	3,6	7,0	5,5	11,0	24,8	28,0	24,8	24,8	17,5	9,0	5,1	3,1	13,7
8	2,9	4,7	5,4	8,7	23,0	25,0	38,0	35,2	14,5	9,9	6,2	3,3	14,7
9	3,8	3,7	6,2	12,3	8,2	19,0	31,5	18,6	13,2	10,4	5,8	3,5	11,4
10	3,8	3,3	6,1	11,0	9,2	23,0	34,5	21,2	12,5	10,9	4,9	3,8	12,0
11	3,1	3,4	6,3	8,3	12,2	17,0	28,5	19,0	11,8	10,8	5,1	3,4	10,7
12	2,9	4,0	6,2	7,2	21,3	12,7	36,8	22,5	17,8	12,3	6,1	3,9	12,8

ходъ силы осадковъ въ Павловскѣ, полученный, раздѣливъ количества осадковъ на числа часовъ съ осадками.

Какъ въ суточномъ ходѣ количества осадковъ, такъ и въ суточномъ ходѣ силы осадковъ не видно въ теченіе семи мѣсяцевъ, съ октября по апрѣль, ни опредѣленной наибольшей, ни наименьшей величины, напротивъ того сила осадковъ въ означенные мѣсяцы довольно постоянна во всѣ часы сутокъ. Форма кривыхъ линій въ теплые мѣсяцы отъ мая до сентября совершенно другая. Въ эти мѣсяцы сила осадковъ въ послѣполуденные часы между часомъ и пятью достигаетъ наибольшей величины и далеко превышаетъ силу за всѣ остальные часы сутокъ. Это весьма понятно, если принять въ соображеніе, что у насъ почти всѣ дожди съ грозами приходятся въ послѣполуденные часы теплыхъ мѣсяцевъ.

Сила осадковъ самая меньшая около восхода солнца, затѣмъ она съ часу на часъ увеличивается и достигаетъ наибольшей величины въ 3 часа пополудни, послѣ чего она опять начинаетъ уменьшаться до восхода солнца.

Около полуночи во многіе мѣсяцы видно увеличеніе силы.

Въ общемъ кривыя линіи какъ средняго суточного, такъ и средняго годоваго хода силы осадковъ весьма сходны со средними кривыми линіями суточного и годоваго хода температуры воздуха.

Въ заключеніе настоящей главы приводимъ въ слѣдующей таблицѣ суточный ходъ осадковъ въ видѣ среднихъ величинъ за отдѣльные времена года.

Таблица X.

Суточный ходъ осадковъ въ различныя времена года.

Часы.	Количества осадковъ.				Повторяемость осадковъ.				Сила осадковъ.			
	весна.	лѣто.	осень.	зима.	весна.	лѣто.	осень.	зима.	весна.	лѣто.	осень.	зима.
1 ^ч а.	4,2	6,7	7,6	3,4	5	4	7	11	9,90	15,20	11,50	3,10
2	3,8	6,6	8,1	3,8	6	5	8	9	7,60	14,10	12,33	4,33
3	3,8	6,5	7,8	3,7	5	5	9	10	8,23	13,57	9,53	3,67
4	4,4	6,1	6,1	3,7	6	6	9	10	8,53	11,13	6,77	3,70
5	3,9	10,4	7,4	4,2	6	7	10	11	7,43	17,53	7,70	3,93
6	4,5	8,7	7,2	4,0	7	7	10	11	6,93	12,67	7,37	3,57
7	4,8	7,6	6,5	3,9	7	6	10	11	7,70	14,60	6,33	3,63
8	4,4	6,8	7,9	4,3	6	4	11	12	9,00	17,60	7,23	3,53
9	4,2	5,6	7,3	3,7	5	3	9	10	9,13	20,07	8,23	3,47
10	4,0	5,2	8,1	3,3	4	2	8	10	10,80	23,13	12,07	3,27
11	3,7	6,1	7,0	3,5	4	3	7	11	11,33	19,90	12,67	3,20
12	4,4	10,3	6,0	3,5	4	3	7	11	13,33	30,60	10,60	3,30
1 ^ч р.	4,9	13,8	7,1	3,7	4	3	8	10	12,97	41,63	12,63	3,63
2	6,0	8,8	6,5	3,8	4	3	7	11	18,12	26,40	13,80	3,53
3	5,2	15,6	7,4	3,6	4	4	7	9	15,67	43,73	12,53	3,90
4	4,4	16,6	7,0	3,6	4	4	7	9	12,87	42,50	12,67	3,97
5	4,4	13,0	5,9	3,8	4	4	7	9	11,20	33,60	9,87	4,23
6	4,6	13,3	6,7	4,1	4	4	7	10	13,93	35,10	10,63	4,53
7	5,5	9,4	6,9	3,9	4	4	7	9	13,77	25,87	10,53	4,57
8	4,4	12,2	6,3	3,5	4	4	7	10	12,37	32,73	10,20	3,63
9	3,6	9,2	6,1	3,5	4	4	7	10	8,90	23,03	9,80	3,67
10	3,8	10,4	5,8	3,9	5	4	7	11	8,77	26,23	9,43	3,63
11	3,7	8,0	6,1	3,4	5	4	7	10	8,93	21,50	9,23	3,30
12	4,3	9,2	7,9	3,6	4	4	7	10	11,57	24,00	12,07	3,60

III. Наибольшія количества осадковъ въ Павловскѣ.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены наибольшія количества осадковъ, выпавшія въ Павловскѣ въ отдѣльные мѣсяцы, въ теченіе 24 часовъ, т. е. сутокъ.

Таблица XI.

Наибольшія величины количествъ осадковъ въ миллиметрахъ.

Годъ.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1878	5,01	6,40	8,71	4,99	16,84	14,94	18,22	22,02	9,26	12,89	6,98	7,93	22,02
1879	4,27	4,82	2,97	3,79	12,89	31,43	24,52	16,50	7,63	6,25	7,18	3,11	31,43
1880	5,47	3,73	6,14	2,88	7,21	18,21	29,76	6,70	12,55	15,44	6,27	9,81	29,76
1881	5,05	4,08	7,32	3,88	5,19	15,63	13,53	30,80	3,23	16,05	6,81	4,47	30,80
1882	6,47	4,30	8,91	3,61	21,31	8,66	14,47	23,07	19,96	8,29	6,71	5,72	23,07
1883	10,10	6,30	3,81	11,26	10,82	7,98	53,80	28,57	30,42	12,43	12,82	5,04	53,80
1884	5,67	8,21	2,30	4,56	13,77	15,51	27,17	16,09	9,57	5,38	9,08	7,04	27,17
1885	5,93	8,74	4,38	7,35	8,02	18,38	31,06	11,24	20,95	12,77	5,61	3,99	31,06
1886	6,87	1,56	3,56	6,65	24,16	24,26	12,38	31,93	10,01	4,33	8,56	7,54	31,93
1887	2,81	6,43	5,70	8,70	14,89	15,29	34,68	30,52	14,67	10,52	8,82	7,71	34,68
1888	2,67	3,60	10,86	11,04	13,23	8,59	8,67	14,90	8,60	16,63	7,55	4,02	16,63
1889	5,14	2,21	7,62	5,93	9,80	3,00	18,69	43,19	5,28	3,88	9,09	7,52	43,19
1890	5,08	3,56	5,41	14,41	4,90	11,61	6,78	55,28	13,39	15,38	7,01	3,50	55,28
1891	4,48	5,35	5,03	5,60	11,95	8,76	22,99	14,30	10,16	—	—	—	22,99
Средн. наиб. вел.	5,36	4,95	5,91	6,76	12,50	14,45	22,62	24,63	12,55	10,79	7,88	5,95	32,42
Абсол. наиб. вел.	10,10	8,74	10,86	14,41	24,16	31,43	53,80	55,28	30,42	16,63	12,82	9,81	55,28

По вышеприведенной таблицѣ видно, что въ мѣсяцы ноябрь до апрѣля количества осадковъ свыше 10 мм. въ теченіе 24 часовъ весьма рѣдки, а въ февралѣ и декабрѣ въ теченіе почти 14-лѣтняго періода ни разу не наблюдались.

Въ теченіе всѣхъ этихъ мѣсяцевъ колебанія наибольшихъ количествъ въ отдѣльные годы не особенно значительны.

Совершенно другія условія видны въ теплые мѣсяцы съ мая до сентября, въ которые, какъ болѣе богатые дождемъ, чѣмъ первые, замѣчаются болѣе значительныя наибольшія величины. Здѣсь имѣемъ въ отдѣльные годы большія колебанія суточныхъ наибольшихъ величинъ осадковъ, какъ напр.

	Наибольшій суточный максимумъ.	Наименьшій суточный максимумъ.
май	1886 г. = 24,16 мм.	1890 г. = 4,90 мм.
іюнь	1879 » = 31,43 »	1889 » = 3,00 »
іюль	1883 » = 53,80 »	1890 » = 6,78 »
августъ . .	1890 » = 55,28 »	1880 » = 6,70 »
сентябрь . .	1883 » = 30,42 »	1881 » = 3,23 »

Изъ этого видно, что наибольшее количество осадковъ въ теченіе 24 часовъ въ теплые мѣсяцы не есть вовсе величина, которую опредѣлить можно было-бы съ нѣкоторою надежностью. Въ виду этого большое практическое значеніе имѣютъ абсолютныя наибольшія величины суточныхъ количествъ осадковъ въ отдѣльные мѣсяцы, приведенныя въ послѣдней строкѣ вышеприведенной таблицы.

Наибольшее количество дождя, выпавшее въ Павловскѣ за сутки въ теченіе разсматриваемаго здѣсь періода, равно 55,28 мм. и приходится въ августъ 1890 г.

Въ слѣдующей таблицѣ приведено число дней со значительными количествами осадковъ въ Павловскѣ.

Таблица XII.

Число дней съ осадками въ 10 мм. и болѣе.

Мѣсяцы.	1878		1879			1880		1881		1882		1883				1884	
	мм 10—20	мм 20—30	мм 10—20	мм 20—30	мм 30—40	мм 10—20	мм 20—30	мм 10—20	мм 30—40	мм 10—20	мм 20—30	мм 10—20	мм 20—30	мм 30—40	мм 50—60	мм 10—20	мм 20—30
Январь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Февраль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мартъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрѣль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Май	2	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	1	—
Іюнь	2	—	4	—	1	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Іюль	4	—	5	2	—	2	1	1	—	4	—	3	—	—	1	—	—
Августъ	1	1	2	—	—	—	—	3	1	—	—	1	—	—	3	2	—
Сентябрь	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	2	—	1	—	—	—
Октябрь	2	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Ноябрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Декабрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Годъ	11	1	12	2	1	7	1	6	1	5	3	11	1	1	1	5	2

Мѣсяцы.	1885			1886			1887			1888	1889			1890		1891	
	м.м. 10—20	м.м. 20—30	м.м. 30—40	м.м. 10—20	м.м. 20—30	м.м. 30—40	м.м. 10—20	м.м. 20—30	м.м. 30—40	м.м. 10—20	м.м. 10—20	м.м. 20—30	м.м. 40—50	м.м. 10—20	м.м. 30—40	м.м. 10—20	м.м. 20—30
Январь.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Февраль.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мартъ.....	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрѣль.....	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—
Май.....	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
Июнь.....	2	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Июль.....	1	—	1	2	—	—	2	—	—	—	3	—	—	—	—	1	—
Августъ.....	1	—	—	—	3	1	1	—	1	—	—	1	—	1	1	3	—
Сентябрь.....	4	1	—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Октябрь.....	2	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	3	—	—	—
Ноябрь.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Декабрь.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Годъ.....	10	1	1	4	5	1	10	1	2	6	3	1	1	8	1	6	1

Если данныя за отдѣльные годы соединимъ въ 13-лѣтнія суммы, то получимъ слѣдующую таблицу.

Мѣсяцы.	м.м. 10—20	м.м. 20—30	м.м. 30—40	м.м. 40—50	м.м. 50—60	Сумма.
Январь.....	1	—	—	—	—	1
Февраль.....	—	—	—	—	—	—
Мартъ.....	1	—	—	—	—	1
Апрѣль.....	4	—	—	—	—	4
Май.....	10	3	—	—	—	13
Июнь.....	15	1	1	—	—	17
Июль.....	28	7	2	—	1	38
Августъ.....	16	6	3	1	1	27
Сентябрь.....	13	2	1	—	—	16
Октябрь.....	14	—	—	—	—	14
Ноябрь.....	2	—	—	—	—	2
Декабрь.....	—	—	—	—	—	—
Годъ.....	104	19	7	1	2	133

Изъ этого видно, что суточные количества осадковъ отъ 10 до 20 мм. въ Павловскѣ довольно часты, за исключеніемъ зимнихъ мѣсяцевъ съ ноября по апрѣль. Въ среднемъ ежегодно выпадаетъ 7,5 такого рода осадковъ.

Осадки отъ 20 до 30 мм. выпадаютъ уже гораздо рѣже. Въ среднемъ ихъ приходится лишь 1,4 на каждый годъ, при чемъ они выпадаютъ только въ мѣсяцы отъ мая до сентября. Вообще изъ вышеприведеннаго сопоставленія видно, что чѣмъ больше суточные количества выпадающихъ осадковъ, тѣмъ болѣе они концентрируются въ лѣтнихъ мѣсяцахъ.

Наибольшія ежечасныя количества осадковъ сопоставлены въ слѣдующей таблицѣ.

Таблица XIII.

Наибольшія количества осадковъ въ часъ за отдѣльные мѣсяцы.

Годъ.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
1878	0,93	2,01	0,90	1,07	6,70	7,10	5,93	5,24	4,53	2,72	2,62	1,65	7,10
1879	0,78	1,25	1,09	1,14	5,31	14,50	9,53	3,88	4,02	2,56	1,68	1,21	14,50
1880	1,26	0,94	1,31	1,07	1,95	10,85	15,46	6,13	3,62	3,55	1,64	1,44	15,46
1881	0,86	1,74	1,57	0,92	2,68	7,05	9,76	12,74	0,82	2,68	1,99	0,58	12,74
1882	1,30	1,09	2,39	3,12	8,09	3,78	7,26	9,21	14,70	1,71	1,69	1,48	14,70
1883	1,13	1,50	1,08	1,95	4,56	6,73	13,31	6,19	3,74	3,29	3,13	1,62	13,31
1884	1,02	1,39	0,73	1,83	4,41	7,30	19,03	5,82	3,70	1,68	2,88	1,89	19,03
1885	0,85	2,23	0,83	1,60	3,99	10,67	13,73	10,26	7,15	3,49	1,52	0,85	13,73
1886	1,03	0,38	1,84	1,32	4,62	7,97	11,11	16,66	3,51	1,91	2,09	2,43	16,66
1887	0,84	1,41	1,41	1,37	7,44	7,90	27,67	12,56	6,08	3,10	2,05	1,56	27,67
1888	0,77	1,56	3,71	2,23	2,06	1,96	3,35	7,94	4,10	2,65	1,88	1,20	7,94
1889	1,23	0,52	1,10	1,78	3,83	2,94	7,14	6,69	2,07	1,74	1,91	1,44	7,14
1890	1,61	2,23	1,27	2,15	2,30	5,90	3,91	38,45	3,39	2,94	1,78	1,07	38,45
1891	1,01	1,73	1,36	1,39	7,33	5,79	16,70	5,04	5,54	—	—	—	16,70
Средняя.	1,04	1,43	1,47	1,64	4,66	7,17	11,71	10,49	4,78	2,62	2,07	1,42	16,08
Абсол. набол. велич.	1,61	2,23	3,71	3,12	8,09	14,50	27,67	38,45	14,70	3,55	3,13	2,43	38,45

Въ среднихъ величинахъ наибольшихъ часовыхъ количествъ осадковъ виденъ ясно опредѣленный ходъ съ наименьшею величиною въ январѣ и наибольшею въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Въ январѣ средняя наибольшая сила осадковъ равна 1 мм. въ часъ, но даже и эта, сама по себѣ весьма незначительная величина, во многіе годы не наблюдалась ни разу въ теченіе года мѣсяца.

Въ мѣсяцы февраль, мартъ и апрѣль имѣются уже большія максимальныя количества осадковъ въ часъ, чѣмъ въ январѣ, при чемъ они наблюдаются чаще. Въ маѣ мѣсяцѣ замѣтенъ сильный скачекъ. Средняя наибольшая часовая величина равна 4,66 мм. и попадаютъ осадки свыше 8 мм. въ часъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ часовыя наибольшія величины осадковъ въ 10 мм. и больше сравнительно нерѣдки. Въ августѣ мѣсяцѣ онѣ тоже наблюдаются и абсолютная наибольшая величина за 14 лѣтъ, а именно 38,45 мм. въ теченіе одного часа приходится въ августѣ 1890 г.

Въ сентябрѣ 10 мм. осадковъ, какъ наибольшая величина за часъ, наблюдалось лишь въ видѣ исключенія и въ послѣдующіе, холодные мѣсяцы до апрѣля включительно наибольшая величина въ 3,7 мм. въ часъ ни разу не превышена.

IV. Проливные дожди и дожди съ грозами.

О проливныхъ дождяхъ правильно судить можно очевидно лишь на основаніи непрерывныхъ записей омбрографа. Этого рода дожди по повзаніямъ дождемѣровъ, дающихъ лишь суммы выпавшихъ осадковъ, теряютъ нерѣдко вполне свои характеристическія особенности. Часто дождь падаетъ лишь весьма короткое время въ теченіе сильной и скоро протекающей грозы, иногда въ теченіе только нѣсколькихъ минутъ, съ необычайною однако силою. Съ другой стороны случается иногда, что въ теченіе про-

должительнаго дожда средней силы происходитъ одно или нѣскольکو сильныхъ выпаденій воды, подобныхъ разрыву тучи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ по показаніямъ количества выпавшихъ осадковъ въ обыкновенномъ дождемѣрѣ не получается совершенно яснаго понятія о ходѣ дожда.

Въ первомъ случаѣ количество осадковъ, считаемое по дождемѣру за 24 часа, является незначительнымъ и сила дожда будетъ считаться меньшею, чѣмъ это было въ дѣйствительности; во второмъ-же случаѣ средняя сила дожда получится больше дѣйствительной, вслѣдствіе коротко продолжавшихся, но сильныхъ ливней. Этого рода недостатки совершенно устраняются непрерывными записями омбрографа, такъ какъ онъ отмѣчаетъ каждыя 10 минутъ выпавшее количество осадковъ и такимъ образомъ даетъ возможность узнать съ перваго взгляда уменьшеніе или увеличеніе силы осадковъ въ продолженіе всего ихъ выпаданія.

Мы здѣсь будемъ считать проливными дождями лишь такіе осадки, которые, при одинаковой силѣ въ теченіе часа, дали-бы 10 мм. воды, слѣдовательно въ теченіе 10 минутъ не менѣе полторы миллиметра. Этотъ масштабъ окажется не слишкомъ низкимъ, если принять въ соображеніе, что такой дождь, падая въ теченіе сутокъ, далъ бы слой воды высотой въ 240 мм.

Прежде всего посмотримъ, какъ часто такіе сильные дожди падали въ отдѣльные мѣсяцы. Мы изслѣдуемъ здѣсь лишь мѣсяцы съ мая до сентября, такъ какъ, согласно вышесказанному, въ холодные мѣсяцы съ октября до апрѣля у насъ нѣтъ сильныхъ осадковъ.

Количества осадковъ ниже $1\frac{1}{2}$ мм. въ 10 минутный промежутокъ времени не принимались въ соображеніе, согласно вышесказанному.

Повторяемость большихъ количествъ осадковъ (проливныхъ дождей) въ теченіе 10 минутъ.

Таблица XIV.

Годы.	Количество осадковъ въ теченіе 10 минутъ въ миллиметрахъ.										
	мм 1½—2	мм 2—3	мм 3—4	мм 4—5	мм 5—6	мм 6—7	мм 7—8	мм 8—9	мм 9—14	мм 14—20	мм 20—25
1878—1891.	М а й.										
	11	6	5	3	1	1	—	—	—	—	—
	І ю н ь.										
	14	10	7	4	1	2	—	1	—	—	—
	І ю л ь.										
	20	27	9	6	5	1	6	1	1	—	—
А в г у с т ь.											
17	18	9	4	5	2	2	1	—	—	1	
С е н т я б р ь.											
	1	6	4	1	—	—	—	—	—	1	—
Сумма.	63	67	34	18	12	6	8	3	1	1	1

Изъ вышеприведенной таблицы видно, что въ Павловскѣ количества осадковъ до 3 мм. въ теченіе 10 минутъ относительно довольно часты и наблюдались во всѣ годы въ теченіе теплыхъ мѣсяцевъ.

Иногда встрѣчается въ теченіе продолжительнаго, но не особенно сильнаго дождя, неоднократное увеличеніе силы до 2 или 3 мм. въ теченіе 10 минутъ. Повторяемость сильныхъ проливныхъ дождей съ каждымъ миллиметромъ высоты выпадающей воды замѣтно уменьшается. Количества свыше 8 мм. въ теченіе 10 минутъ наблюдались лишь 3 раза въ 14-лѣтній періодъ, количества-же въ 11, 14 и 21 мм. случились лишь по одному разу.

Въ мѣсяцы іюль и августъ повторяемость проливныхъ дождей самая большая. Самая меньшая повторяемость приходится

на сентябрь, но и въ этомъ мѣсяцѣ бываютъ исключительные случаи, какъ напр. 14 мм. воды, выпавшее въ теченіе 10 минутъ 5-го сентября 1882 г.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены подробно числа отдѣльныхъ случаевъ выпаденія сильныхъ дождей.

Таблица XV.

Мѣсяцъ.	Число.	Полная		Наибольшее количество	
		продолжи- тельность	количество	въ теченіе	
		дождя.		1 часа.	10 минутъ.
1878.					
		Чась	мм	мм	мм
Май	26	4	13,85	6,70	4,09 3,67 7,10
Іюнь	23	3	14,64	7,10	3,43 7,10
Іюль	7	5	17,62	5,93	5,00
»	12	8	4,73	3,44	2,81
Августъ	16	10	22,02	5,24	2,76
»	18	3	3,09	2,95	2,17
Сентябрь	3	3	5,03	4,12	3,77
»	27	12	7,04	4,53	2,16
1879.					
Май	15	5	10,57	4,16	1,39 1,17 3,73
»	30	1	5,31	5,31	1,64 4,53
Іюнь	26	10	30,90	14,50	3,60 2,26
Іюль	24/25	23	42,74	9,53; 7,12	1,43
1880.					
Іюнь	6	8	18,14	10,85	3,97 2,32
Іюль	5/6	3	9,63	8,64	4,22 2,98
»	7	4	9,59	5,36	2,97 2,88
»	18/19	11	39,54	15,46; 8,38	2,67*
Августъ	1	3	6,69	6,13	4,36

Мѣсяцъ.	Число.	Полная		Наибольшее количество	
		продолжи- тельность дождя.	количество	въ теченіе	
				1 часа.	10 минутъ.
1881.					
		Часъ	мм	мм	мм
Юнь	9	2	2,40	2,33	2,33
Юль	6	2	7,44	6,62	4,22
»	14	4	8,00	4,45	2,35
»	21	1	9,76	9,76	7,98
Августъ	16/17	12	9,55	4,87	8,24
»	17	2	4,51	3,27	3,27
»	31	5	16,26	12,74	5,18 4,62
1882.					
Май	31	2	8,38	8,09	4,12 1,88
Августъ	6/7	16	23,28	9,21	4,31 1,58
Сентябрь	1	3	5,36	3,67	3,06
»	5	2	19,03	14,70	14,52 3,46
1883.					
Юнь	13	1	6,73	6,73	3,14 3,01
Юль	26	4	9,94	8,28	4,54 1,63
»	30/31	13	54,60	13,31; 12,38	7,44*
Августъ	18	2	6,98	5,99	3,39 2,66
1884.					
Юнь	6	5	7,37	3,32	1,93
»	12/13	3	5,78	3,75	2,05
»	15	1	2,37	2,37	1,77
»	18	2	12,22	7,30	6,26 5,07
»	19	1	2,82	2,82	2,23
»	23	2	6,24	4,04	2,69 7,18
Юль	13	4	24,95	19,03	5,26 4,70
»	27	2	6,76	6,63	5,08
Августъ	22	23	14,74	5,82	2,07
Сентябрь	17	5	7,46	3,70	2,24

Мѣсяцъ.	Число.	Полная		Наибольшее количество	
		продолжи- тельность	количество	въ теченіе	
				1 часа.	10 минутъ.
дождя.					
1885.					
Май	24	Чась	мм	мм	мм
»	27	3	5,65	2,99	2,99
»	27	2	6,68	3,99	2,18
Іюнь	10	1	5,85	5,85	3,52
»	»	3	12,57	10,67	6,97
»	16	2	5,23	4,57	2,89
»	22	1	4,80	4,80	1,97
»	»	1	5,21	5,21	2,16
»	»	»	»	»	1,59
Іюль	1	2	11,03	9,17	7,48
»	22	2	8,24	6,98	1,92
»	24	2	2,59	2,17	3,30
»	»	»	»	»	1,79
»	30	2	16,50	13,73	7,40
»	»	»	»	»	6,29
Августъ	2	3	11,24	10,26	7,23
Сентябрь	14/15	16	10,49	3,73	2,73
»	19	7	15,18	7,15	2,15
»	»	»	»	»	2,98
1886.					
Іюнь	23	2	4,66	3,14	3,14
»	24	10	23,48	7,97	2,09
Іюль	8	1	6,70	6,70	2,61
»	»	»	»	»	1,59
»	9	1	2,77	2,77	2,14
»	»	»	»	»	2,36
»	11	8	9,92	5,13	2,16
»	18	3	5,57	3,09	3,07
»	»	»	»	»	5,61
»	20/21	8	16,82	11,11	3,48
»	»	»	»	»	8,51
Августъ	4	12	31,91	16,66	6,74
»	»	»	»	»	5,32
»	6	5	8,41	7,28	7,28
»	7	3	6,40	4,25	2,92
»	»	»	»	»	2,16
»	»	2	14,73	7,67; 7,06	5,68
»	»	»	»	»	3,32
»	8	2	5,91	5,63	2,73
»	»	»	»	»	2,27
»	10	3	15,07	10,35	2,85
»	»	»	»	»	2,53
»	»	»	»	»	2,12
»	18	3	5,88	3,88	2,40
»	»	»	»	»	1,58

Мѣсяцъ.	Число.	Полная		Наибольшее количество	
		продолжи- тельность дождя.	количество	въ теченіе	
				1 часа.	10 минутъ.
1887.					
Май	19	Часть 1	мм 7,44	мм 7,44	мм 6,45
»	28	6	14,00	4,84; 4,11	2,25
Июнь	22	1	7,90	7,90	4,20
Июль	3	5	34,68	27,67	2,75
»	6	2	11,99	7,83	11,61
»	20	6	14,13	6,85	7,72
Августъ	20	9	16,39	6,06	5,00
»	»	1	12,56	12,56	3,05
Сентябрь	18	4	5,42	4,50	3,47
					3,04
					4,20
					2,31
					1,76
					5,40
					1,62
					2,25
1888.					
Июль	7	3	6,27	3,35	2,77
Августъ	4	9	13,32	7,94	4,48
»	15/16	12	6,89	3,58	3,38
Сентябрь	1	5	6,42	4,10	1,82
					4,10
1889.					
Май	6/7	7	7,85	3,83; 2,69	1,22
»	11	8	5,13	2,17	1,20
»	31	3	21,78	20,09	5,80
Июль	7	2	5,18	4,42	4,92
»	11	8	17,47	6,56; 3,61	3,85
»	19	3	4,98	4,31	2,14
»	25	9	11,70	7,14	2,39
Августъ	5	5	7,93	3,85	2,08
»	15/18	18	51,06	6,89	3,04
					2,86
					2,01
					1,92
					2,82
					2,46
					2,14
					—

Мѣсяць.	Число.	Полная		Наибольшее количество	
		продолжи- тельность дождя.	количество	въ теченіи	
				1 часа.	10 минутъ.
1890.					
		Чась	мм	мм	мм
Май	17	3	4,89	2,72	2,72
»	27	2	2,77	2,30	1,85
Іюнь	1	3	7,19	5,90	4,17
»	14	2	6,71	4,43	1,88
					1,52
Августъ	12	4	9,96	6,89	2,50
					2,15
»	14	7	55,28	38,45	21,54
					6,95
					5,07
					3,46
1891.					
Май	22	2	6,57	6,19	3,62
»	23	1	7,33	7,33	1,90
»	25	6	8,04	3,01	2,84
					1,87
Іюнь	18	1	5,79	5,79	3,67
					1,78
Іюль	11	14	18,07	4,76; 3,14	3,18
					8,43
»	24	5	22,99	16,70	3,78
					4,10
					2,34
Августъ	7	1	5,04	5,04	3,02
»	13	1	5,09	5,00	1,83
»	19	3	3,07	2,70	3,99
					1,76
Сентябрь	2	5	10,16	5,54	3,12
»	5	1	3,25	3,25	1,85
					2,35

Надобно здѣсь упомянуть, что два раза, въ теченіе очень сильнаго дождя, приѣмная чашка омбрографа была сильно переполнена количествомъ выпавшей воды, такъ что указатель съ отмѣчающимъ штифтомъ выходилъ изъ предѣловъ бумажной ленты для записей, вслѣдствіе чего много контактовъ было утеряно.

Въ обоихъ случаяхъ недостатокъ этотъ былъ весьма скоро замѣченъ, при чемъ выливалось такое количество воды, чтобы приборъ могъ опять правильно дѣйствовать. Такимъ образомъ нельзя съ достовѣрностью опредѣлить абсолютно наибольшую силу дождя въ теченіе 10 минутъ. Обѣ эти величины отмѣчены звѣздочкою въ вышеприведенной таблицѣ; онѣ приходятся на 18/19 іюля 1880 г. и 30/31 іюля 1883 г.

Затѣмъ напомнимъ, что въ графѣ предыдущей таблицы, озаглавленной: «наибольшія количества дождя въ теченіе одного часа», приведены данныя, непосредственно взятые изъ обработки показаній омбрографа, опубликованной въ Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи, и относятся такимъ образомъ къ обыкновенно считаемымъ полнымъ часамъ, а именно: 1^а—2^а, 2^а—3^а, 3^а—4^а и т. д., а не къ полнымъ часамъ, считаемымъ напр. съ $\frac{1}{2}$ 1^а до $\frac{1}{2}$ 2^а и т. д.

Такимъ образомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что дождь не всегда падалъ въ теченіе полного часа непрерывно, но все количество воды выпало въ гораздо меньшій промежутокъ времени, иногда даже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Такого рода случаи легко однако замѣтить, внимательно разсматривая таблицу, вслѣдствіе чего бесполезно каждый разъ особо на это указывать. Величины въ графѣ: «наибольшія количества въ теченіе 10 минутъ» взяты непосредственно по оригинальнымъ записямъ омбрографа.

Почти никогда, даже во время дождя, длившагося цѣлые часы, не наблюдались длинные періоды особенно сильнаго дождя. Проливные дожди, съ силою 0,3 мм. въ минуту, продолжались иногда свыше 10 минутъ, а отъ времени до времени падали даже въ теченіе 20 минутъ, но ливни съ силою 0,4 мм. въ минуту и больше не повторялись никогда въ теченіе одного и того-же дождя. Вообще замѣчается, что чѣмъ сильнѣе дождь, тѣмъ короче его продолжительность.

Уже докторъ Г. Гельманъ¹⁾ указываетъ на то, что продолжительность осадковъ обыкновенно неправильно считается и что самые сильные дожди по большей части падаютъ въ теченіе короткаго времени. Если опредѣлимъ продолжительность дождей, во время которыхъ выпадали большія количества осадковъ въ теченіе 10 минутъ, то вышеприведенное положеніе подтвердится и для Павловска. Средняя продолжительность была слѣдующая:

въ маѣ	= 3,5 часовъ	
» іюнѣ.	= 3,3	»
» іюлѣ.	= 5,3	»
» августѣ.	= 6,4	»
» сентябрѣ.	= 5,7	»

въ среднемъ = 5,0 часовъ.

Даже среднюю продолжительность приходится считать слишкомъ высокою, такъ какъ, согласно упомянутому выше, полный часъ принять за единицу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности дождь шелъ въ теченіе болѣе короткаго времени.

Въ заключеніе остается изслѣдовать, какъ часто случались ливни въ сутки, когда въ теченіе 24 часовъ выпадало свыше 10 мм. осадковъ, и сколько разъ они сопровождались грозю.

Отвѣтомъ на первый вопросъ будетъ слѣдующее сопоставленіе:

1) Grösste Niederschlagsmengen in Deutschland, mit besonderer Berücksichtigung Norddeutschlands, von Dr. G. Hellmann, Берлинъ, 1884 г.

Мѣсяцы.	Число дней съ:		Число случаевъ ливней въ сутки съ осадками свыше 10 мм.	Сутки съ большими количествами осадковъ, безъ ливней.
	осадками свыше 10 мм. вообще.	ливнями вообще.		
Январь	1	—	—	1
Февраль	—	—	—	—
Мартъ	1	—	—	1
Апрѣль	4	—	—	4
Май	13	16	6	7
Июнь	17	22	8	9
Июль	38	32	17	21
Августъ	27	28	11	16
Сентябрь	16	11	5	11
Октябрь	14	—	—	14
Ноябрь	2	—	—	2
Декабрь	—	—	—	—
Годъ	133	109	47	86

Изъ этого видно, что большее количество проливныхъ дождей приходится въ сутки, когда количество выпавшихъ осадковъ было меньше 10 мм. Число ихъ такимъ образомъ легко можетъ быть уменьшено или-же, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ливни совершенно ускользнуть отъ вниманія, если при позднѣйшей обработкѣ этого элемента будетъ принято въ соображеніе лишь количество выпавшихъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ осадковъ.

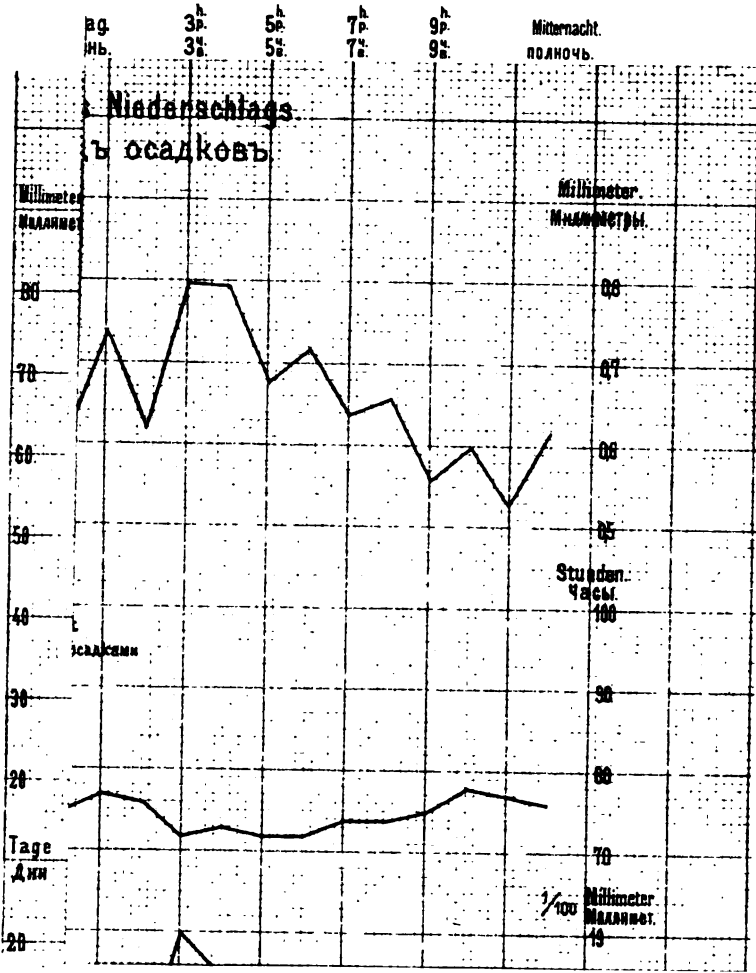
Для сужденія о совмѣстномъ появленіи ливней и грозъ, приводимъ слѣдующую таблицу:

Мѣсяцы.	Ливни.	Грозы.	Оба явленія вмѣстѣ.	Ливни безъ грозъ.	Грозы съ ливнями въ процентахъ.
Май.	16	33	11	5	33%
Іюнь.	22	40	13	9	33
Іюль.	32	75	25	7	33
Августъ. . .	28	41	12	16	29
Сентябрь. . .	11	9	3	8	33
Сумма. . .	109	198	64	45	32%

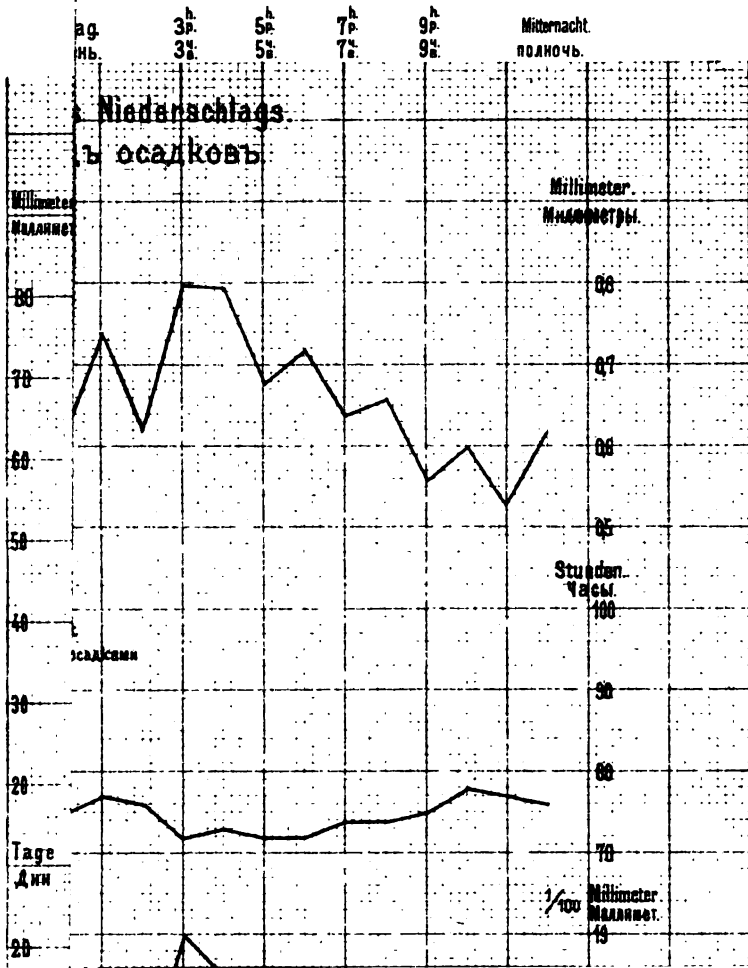
Такимъ образомъ въ среднемъ лишь 32 процента всѣхъ грозъ сопровождались ливнями, въ теченіи которыхъ попадались нѣкоторыя сильныя выпаденія воды, продолжавшіяся 10 минутъ. Замѣчательно, что это отношеніе во всѣ мѣсяцы одинаково, лишь въ августѣ видно незначительное отклоненіе. Во всякомъ случаѣ, согласно этой таблицѣ, ливни въ большинствѣ случаевъ сопровождались грозами.

Примѣчаніе. Величины въ таблицахъ VII и IX, равно какъ и сила осадковъ въ таблицѣ X представляютъ собою тысячныя доли миллиметра, а не сотыя, какъ ошибочно указано. Тоже относится и къ числамъ на правой сторонѣ таблицы кривыхъ.

schlagsverhältnisse von Pawlowsk.
 садкахъ въ Павловскѣ.

schlagsverhältnisse von Pawlowsk.
 садкахъ въ Павловскѣ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 года.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

Въ 1890-мъ году я былъ командированъ въ Амурскую и Приморскую области для осмотра и устройства метеорологическихъ станцій; этимъ случаемъ я воспользовался, чтобы произвести абсолютныя магнитныя опредѣленія въ нѣсколькихъ пунктахъ моего маршрута, гдѣ мнѣ позволяли и время и состояніе погоды. Выборъ пунктовъ наблюденій часто зависялъ отъ разныхъ, совершенно побочныхъ обстоятельствъ, такъ какъ въ моемъ распоряженіи было весьма мало свободнаго времени, которое все посвящалось моей главной задачѣ. Только благодаря любезному содѣйствію командира парохода Добровольнаго флота «Владивостокъ», лейтенанта А. Остолопова, и его офицеровъ мнѣ удалось произвести наблюденія въ устьѣ Тигиля, въ Охотскѣ и въ Аянѣ. Кромѣ помощи при выгрузкѣ и переноскѣ инструментовъ, я обязанъ еще офицерамъ «Владивостока», гг. Траяну, Морозову и Сычеву тѣмъ, что они опредѣляли весьма тщательно время въ названныхъ мѣстахъ. Кромѣ того я вездѣ встрѣтилъ полное содѣйствіе со стороны мѣстнаго начальства и гг. наблюдателей метеорологическихъ станцій; особенно-же я благодаренъ генераль-губернатору Приамурской области, генераль-лейтенанту барону А. Н. Корфу, военному губернатору Приморской области Восточной Сибири генераль-маіору П. Ѳ. Унтербергеру и губернатору Сахалина генераль-маіору В. Кононовичу.

Такъ какъ географическія координаты посѣщенныхъ мною мѣстъ болѣе или менѣе точно извѣстны, то я ограничился, кромѣ специальныхъ магнитныхъ наблюдений, опредѣленіемъ времени и азимутовъ. Я изложу здѣсь сначала результаты этихъ послѣднихъ опредѣленій.

а. Опредѣленія времени и азимутовъ.

Для опредѣленія времени въ Александровкѣ, Петропавловскѣ, Корсаковскомъ Постѣ и Хабаровкѣ я воспользовался астрономическимъ-магнитнымъ универсальнымъ инструментомъ Брауера № 51, построеннымъ по указаніямъ академика Г. И. Вильда. Этотъ инструментъ былъ мнѣ одолженъ Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Географическаго Общества. Для установки этого большого инструмента въ каждомъ мѣстѣ наблюденія вкапывали въ землю на глубину около 1 метра толстые деревянные столбы, которые затѣмъ служили для производства магнитныхъ измѣреній. При опредѣленіи времени инструментъ Брауера № 51 употреблялся какъ пассажныи инструментъ; при помощи его я наблюдалъ прохожденіе чрезъ меридіанъ или вблизи его ¹⁾ многихъ удачно избранныхъ звѣздъ и вывелъ отсюда поправки обоихъ моихъ столовыхъ хронометровъ, изъ которыхъ одинъ, Вирена № 73, идетъ по среднему времени, другой-же, Вирена № 171, одолженный мнѣ Главнымъ Управленіемъ Алтайскаго Горнаго Округа, урегулированъ по звѣздному времени. Опредѣленія времени при устьѣ Тигиля, въ Охотскѣ и въ Аянѣ были произведены, какъ уже сказано, офицерами парохода «Владивостокъ» при помощи хорошаго секстанта; при этомъ мѣстное время при Тигилѣ и въ Охотскѣ было опредѣлено изъ соответствен-

1) Такъ какъ уголъ α между плоскостью прохожденія звѣзды и плоскостью меридіана никогда не превышалъ нѣсколькихъ минутъ, то поправка ds , происшедшая отсюда, достаточно точно опредѣлялась по формулѣ $ds = a \sin \frac{(\delta - \varphi)}{\cos \delta}$.

ныхъ высотъ ¹⁾ солнца до и послѣ его кульминаціи; въ Аянѣ-же пришлось ограничиться опредѣленіемъ времени по абсолютнымъ высотамъ ²⁾ солнца, такъ какъ небо было покрыто тучами. (См. табл. стр. 4).

Изъ этихъ данныхъ видно, что ходъ обоихъ хронометровъ не былъ постояннымъ. Я думаю, что эту неправильность хода слѣдуетъ объяснить, съ одной стороны, тѣмъ, что хронометры помѣщались въ ящикахъ безъ кардановыхъ привѣсовъ, а поэтому участвовали во всѣхъ колебаніяхъ судна; съ другой стороны эти измѣненія хода могли быть лишь кажущимися, происшедшими отъ неправильнаго опредѣленія долготы мѣста ³⁾. Такъ какъ су-

1) Если обозначить чрезъ t время по хронометру во время измѣренія высоты солнца до полудня, а чрезъ t' время въ моментъ, когда солнце послѣ полудня достигаетъ той-же высоты, то время хронометра t_m въ моментъ истиннаго полдня получится по формулѣ

$$t_m = \frac{t + t'}{2} - \frac{\Delta \frac{t'-t}{2} \operatorname{tang} \varphi}{15 \sin \frac{15(t'-t)}{2}} + \frac{\Delta \frac{t'-t}{2} \operatorname{tang} \delta}{15 \operatorname{tang} \frac{15(t'-t)}{2}},$$

гдѣ φ есть широта мѣста, δ — склоненіе солнца въ моментъ мѣстнаго истиннаго полдня и Δ — измѣненіе (+ при возрастающемъ склоненіи) склоненія солнца въ теченіи часа. Изъ 8-ми соответственныхъ высотъ солнца была выведена поправка хронометровъ со среднимъ отклоненіемъ отъ истинной величины на ± 1 секунду.

2) Обозначая чрезъ z зенитное разстояніе центра солнца, уже исправленное на рефракцію и параллаксъ, и положивъ $\varphi - \delta = \zeta$, мы получимъ соответственный часовой уголъ центра солнца t по слѣдующей формулѣ:

$$\sin \frac{t}{2} = \sqrt{\frac{\sin \frac{z+\zeta}{2} \sin \frac{z-\zeta}{2}}{\cos \varphi \cos \delta}}.$$

Изъ часоваго угла солнца и изъ уравненія времени прямо получается среднее мѣстное время въ тотъ моментъ, когда центръ солнца имѣлъ данное зенитное разстояніе. Поправка хронометровъ была опредѣлена изъ 6-ти зенитныхъ разстояній верхняго и нижняго края солнца со среднимъ отклоненіемъ въ ± 2 секунды.

3) Особенно долгота Охотска кажется ненадежною; соответствующія данныя въ каталогѣ Генеральнаго Штаба сильно отличаются отъ данныхъ на новѣйшихъ картахъ Главнаго Гидрографическаго Управленія, откуда взяты вышеизложенныя данныя о долготѣ.

Измъ опредѣленіи времени, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ, я вывелъ слѣдующія поправки хронометровъ:

Имя мѣста.	Широта	В. Долгота		Поправка № 171.		Поправка № 73.	
		отъ Гринвича.	число и ст.	Мѣстное время.	Гринвическ. время.	Мѣстное время.	Гринвическ. время.
Анжидронка.....	60°30'	9°25'28"	18/VII	+2°05'21"	-7°28'07"	+2°45'14"	-6°43'14"
"	18/VIII	+2 05 18	-7 23 10		
Петропавловскъ.....	58 00	10 84 89	8/VIII	+3 11 07	-7 23 82	+3 51 17	-6 43 22
"	9/VIII	+3 11 07	-7 23 82	+3 51 17	-6 43 22
"	10/VIII	+3 11 07	-7 23 82	+3 51 19	-6 43 20
Устьи Чигчан.....	53 01	10 83 15	28/VIII	+3 09 13	-7 24 02	+3 49 41	-6 43 34
Оловскъ.....	50 22	9 32 48	13/IX	+2 09 16	-7 23 85	+2 49 53	-6 42 55
Амвр.....	56 27	9 12 45	17/IX	+1 49 12	-7 23 33	+2 29 43	-6 43 02
Корсакинскій Постъ....	46 39	9 31 01	30/IX	+2 07 39	-7 23 22	+2 48 04	-6 42 57
Хабаровка.....	48 28	9 00 15	6/XI	+1 36 42	-7 23 33	+2 16 24	-6 43 51
"	9/XI	+1 36 38	-7 23 37	+2 16 19	-6 43 56

точный ходъ хронометровъ былъ, вообще говоря, малъ, то вышеприведенныя неправильности его не могли оказать существеннаго вліянія на опредѣленія азимутовъ, которыя производились по большей части непосредственно до или послѣ опредѣленія времени.

Опредѣленія азимутовъ я произвелъ въ Александровкѣ, Петропавловскѣ, Корсаковскомъ Постѣ и Хабаровкѣ по полярной звѣздѣ при помощи универсальнаго инструмента Брауера № 51; въ Аянѣ я также началъ опредѣлять азимуть тѣмъ-же инструментомъ, но такъ какъ небо покрылось густыми тучами, то мнѣ удалось наблюдать полярную звѣзду лишь при одномъ положеніи круга: но коллимаціонная ошибка инструмента была такъ мала, что я при опредѣленіи азимутовъ миръ принялъ во вниманіе также результатъ и этого послѣдняго измѣренія. Въ другихъ названныхъ мѣстахъ каждый рядъ наблюденій состоялъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ наведеній на полярную звѣзду при обоихъ положеніяхъ круга и изъ наведеній на миры до и послѣ означенныхъ наблюденій. Если мнѣ позволяло время и состояніе и погоды, я не ограничивался однимъ наблюденіемъ, но повторялъ опредѣленіе азимутовъ нѣсколько разъ. Вычисленіе азимута a полярной звѣзды производилось по формулѣ

$$\operatorname{tg} a = \frac{-\sin t}{\cos \varphi \cdot \operatorname{tang} \delta - \sin \varphi \cos \delta},$$

гдѣ t означаетъ часовой уголъ полярной звѣзды и δ ея склоненіе во время наблюденія, а φ — географическую широту мѣста наблюденія; къ азимуту, вычисленному по этой формулѣ, алгебраически придавался уголъ между мирой и полярной звѣздой.

При устьѣ Тигиля, въ Охотскѣ и отчасти въ Аянѣ я опредѣлялъ азимуты миръ по солнцу, при чемъ наблюдались по хронометру моменты, когда восточный и западный край солнца проходилъ чрезъ вертикальную нить зрительной трубы малаго теодолита Брауера № 38; наблюденія производились по большей части вблизи перваго вертикала.

Азимуть центра солнца a' вычислялся по слѣдующимъ формуламъ:

$$\operatorname{tang} \frac{1}{2}(a' + x) = \operatorname{cotg} \frac{t}{2} \cdot \cos \frac{\varphi - \delta}{2} : \sin \frac{1}{2}(\varphi + \delta)$$

$$\operatorname{tang} \frac{1}{2}(a' - x) = \operatorname{cotg} \frac{t}{2} \cdot \sin \frac{\varphi - \delta}{2} : \cos \frac{1}{2}(\varphi + \delta),$$

гдѣ φ обозначаетъ широту мѣста, δ склоненіе солнца в t часовой уголъ центра солнца въ моментъ прохожденія его чрезъ вертикальную нить трубы; при вычисленіи наблюденій я принялъ съ достаточнымъ приближеніемъ для t часовой уголъ солнца, который соответствовалъ среднему значенію изъ временъ прохожденія восточнаго и западнаго края солнца чрезъ вертикальную нить зрительной трубы.

Изъ опредѣленій, сдѣланныхъ на разныхъ мѣстахъ, я получилъ слѣдующіе азимуты миръ, которые считались всегда положительными въ сторону отъ сѣвера чрезъ востокъ.

1. Александровна (Сахалингъ).

Деревянный столбъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ на сѣверо-западномъ краѣ селенія Велико-Александровка, недалеко отъ дома, занимаемаго губернаторомъ острова; мирю служила марка на сигнальной мачтѣ, на сѣверо-востокѣ; для нея найденъ слѣдующій азимуть:

13 юля изъ 4 наведеній на полярную звѣзду	51°48'14"
15 » » 4 » » » »	51 48 07
Средній	51°48'10" ± 4".

2. Петропавловскъ.

Мѣсто наблюденія находится на небольшой полянѣ между домомъ уѣздной управы и сѣвернымъ берегомъ залива. Такъ какъ нельзя было найти достаточно толстаго деревяннаго столба, то онъ былъ составленъ изъ трехъ столбовъ, вмѣстѣ вкопанныхъ въ землю. Главною мирю служилъ верхній конецъ находящагося

на сѣверѣ прочно установленнаго гномона, а вспомогательной мирой служилъ шесть флагера метеорологической станціи. Наблюденія дали для этихъ обѣихъ миръ слѣдующіе азимуты:

	Азимуть гномона.	Азимуть флагера.
8 августа изъ 4 наведеній на полярную звѣзду	—0°28'49"	—2°36'39"
9 " " 2 " " " " " " " " " "	—0 28 53	—2 36 43
10 " " 4 " " " " " " " " " "	—0 28 53	—2 36 43
Средній	—0°28'52"±2"	—2°36'42"

3. Устье Тиглия.

Столбъ для наблюденія находился на открытомъ мѣстѣ, къ югу-западу отъ селенія, состоящаго изъ немногихъ домовъ и сараевъ; мирой служилъ вбитый шесть на юго-западѣ и старый деревянный крестъ, для которыхъ я получилъ слѣдующіе азимуты:

	Азимуть шеста.	Азимуть креста.
27 августа изъ наблюденій по солнцу	228°31'38"	209°47'27"
28 " " " " " " " " " " " "	228 31 06	209 46 56
" " " " " " " " " " " "	228 30 48	209 46 45
Средній:	228°31'09"±16" (ЮЗ 48-31'09)	209°47'03"±16" (ЮЗ 29°47'03).

4. Охотскъ.

Столбъ для наблюденій былъ врытъ на открытомъ мѣстѣ на юго-восточномъ краѣ селенія, вблизи строящейся на берегу залива новой церкви. Мирами служили: вбитый на югѣ шесть и марка на древесномъ пнѣ на юго-востокѣ.

	Азимуть шеста.	Азимуть марки.
13 сентября изъ наблюденій по солнцу	181°23'30"	
" " " " " " " " " " " "	181 23 11	
" " " " " " " " " " " "	181 23 41	
" " " " " " " " " " " "	181 23 39	129°46'57"
14 " " " " " " " " " " " "	181 23 45	129 47 09
" " " " " " " " " " " "	181 23 21	129 46 45
Средній:	181°23'31"±10" (ЮЗ 1°23'31")	129°46'57"±8" (ЮВ 50°13'03").

5. Аянь.

Деревянный столбъ былъ поставленъ у подошвы горнаго хребта къ западу отъ церкви; селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ; приблизительно полверсты далѣе къ югу на берегу моря находятся большіе сараи для склада товаровъ. Мирами служили мнѣ: фонарь у дома, занимаемаго уполномоченнымъ фирмы Philip-raeus & Comp., и крестъ на отдаленной горѣ на югѣ.

	Азимуть фонаря.	Азимуть креста.
17 сентября изъ наблюдений по солнцу	184°46'32''	(182°01'07'')
» » » » » »	184 47 00	(182 01 35)
» » » » » поляр- ной звѣзды при одномъ положеніи круга	184 47 25	182 02 00
	Средній: 184°46'59"±18"	182°01'34"
	(ЮЗ 4°46'59")	(ЮЗ 2°01'34").

6. Корсаковскій Постъ.

Деревянный столбъ находился на высокомъ холмѣ вблизи большой пристани, въ разстояніи приблизительно одной версты отъ селенія; вблизи находился фундаментъ каменнаго столба, которой былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лейтенантъ Андреевъ производилъ въ 1887 году астрономическія и магнитныя измѣренія. Мирами служили мнѣ: середина фонаря маяка и фонарный столбъ на сѣверѣ; изъ 4-хъ наведеній инструмента на полярную звѣзду я получилъ 30-го сентября¹⁾ слѣдующіе азимуты этихъ миръ:

Азимуть маяка.	Азимуть фонарнаго столба.
— 34° 08' 36" ± 6"	— 0° 28' 33" ± 6"

1) Изъ наблюдений пассажнымъ инструментомъ у Цефея въ соединеніи съ 5-ю экваторіальными звѣздами и изъ приближеннаго опредѣленія азимута я получилъ 28-го сентября въ среднемъ для азимута фонаря маяка величину: — 34° 08' 40"; но оба эти опредѣленія были не вполне точны.

7. Хабаровка.

Деревянный столбъ для наблюденія находился въ большомъ огородѣ у дома, занимаемаго генераль-губернаторомъ; за миру принялъ я самый высокій крестъ средняго купола собора на юго-востокѣ и нашель слѣдующіе азимуты для него:

6 ноября	изъ 4	наведеній	на полярную	звѣзду	149° 50' 20"
9	»	»	4	»	143 50 11
Средній: 143° 50' 16" ± 6"					
(ЮВ 36° 09' 44").					

б. Опредѣленія склоненій.

Для опредѣленія магнитнаго склоненія я пользовался вездѣ малымъ теодолитомъ Брауера № 38¹⁾. Въ 1885 году я производилъ въ Павловской Обсерваторіи этимъ же теодолитомъ опредѣленія склоненій и вывелъ изъ нихъ для этого теодолита, относительно нормальнаго инструмента обсерваторіи, поправку $+ 0',36 \pm 0',16$. До начала путешествія въ Приморскую область я произвелъ теодолитомъ Брауера № 38 въ Иркутской Обсерваторіи нѣсколько опредѣленій склоненія на деревянномъ столбѣ предъ входомъ въ павильонъ для абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній. За миру при этомъ я принялъ крестъ на Успенской церкви и опредѣлилъ для нея слѣдующій азимуть изъ наблюденія полярной звѣзды: $16^{\circ}47'22'' \pm 12''$. Эти наблюденія склоненій, произведенныя при условіяхъ подобныхъ тѣмъ, какія были во время путешествія, дали слѣдующіе результаты:

Число.	Мѣстное время.	Уголъ между мирой и магнитомъ.	Склоненіе по Брауеру № 38.	Склоненіе по магнитометру.	Поправка для Брауера № 38.
25 апрѣля	2 ^h 40 ^m р. ш.	14°37'41"	-2°09,68	-2°08,80	+0,88
»	» 3 20 »	14 37 43	-2 09,65	-2 09,46	+0,19
29	» 4 30 »	14 37 34	-2 09,80	-2 09,46	+0,34
»	» 5 00 »	14 36 47	-2 10,58	-2 10,30	+0,28
1 мая	2 00 »	14 37 32	-2 09,83	-2 08,80	+1,03
»	» 2 30 »	14 38 01	-2 09,35	-2 08,76	+0,59
Среднее:					$+0,55 \pm 0,28$.

2) Это тотъ-же теодолитъ, которымъ пользовался академикъ Г. Вильдъ при своемъ путешествіи въ Тифлисъ и который онъ описалъ въ «Repertorium für Meteorologie», томъ I.

Къ величинамъ магнитнаго склоненія, опредѣленнымъ во время путешествія, я всегда придавалъ поправку $+ 0',55$.

При магнитныхъ наблюденіяхъ я ставилъ теодолитъ Брауера № 38 на вышеупомянутые деревянные столбы, вкопанные въ землю въ достаточно большомъ разстояніи отъ домовъ и проч., такъ что желѣзныя массы не могли оказать вреднаго вліянія на него; для защиты отъ пыли и вѣтра служила по большей части обыкновенная палатка, безъ желѣзныхъ частей¹⁾.

При каждомъ опредѣленіи склоненія я четыре раза наводилъ трубу на магнитъ, причемъ непосредственно видимый крестъ нитей въ трубѣ приводился въ совпаденіе съ своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ магнита; при первомъ и четвертомъ наведеніи магнитъ висѣлъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи, зеркаломъ кверху; между тѣмъ какъ при обоихъ среднихъ наведеніяхъ магнитъ занималъ обратное положеніе, зеркаломъ книзу; до начала этихъ наблюденій и послѣ конца ихъ труба наводилась на мирю.

Я приложилъ большое вниманіе на устраненіе крученія нити, такъ какъ въ противномъ случаѣ могли-бы произойти замѣтныя ошибки. Когда въ Александровкѣ разорвалась нить магнита, я былъ вынужденъ вдѣть болѣе толстую коконовую нить, которая при полномъ оборотѣ головки крученія отклоняла магнитъ почти на $30'$ изъ направленія магнитнаго меридіана; значить, если ошибка, происходящая отъ крученія нити, не должна превышать $\pm 0',25$, то надо было уничтожить крученіе до $\pm 3^\circ$, и это, кажется, мнѣ удалось достигнуть.

Принимая за наибольшую величину ошибки при опредѣленіи азимутовъ $\pm 0',30$, а за величину ошибки отъ крученія нити $\pm 0',25$ и такую-же величину ошибки, происходящей отъ прочихъ источниковъ ошибокъ при опредѣленіи угла между магнитомъ и мирой, мы

1) Въ Александровкѣ палатка состояла лишь изъ боковыхъ стѣнъ и была сверху совершенно открыта; хотя освѣщеніе было при этомъ очень хорошее, но защита отъ вѣтра и пыли была менѣе удовлетворительна, чѣмъ въ обыкновенныхъ палаткахъ.

получимъ для средней надежности каждаго опредѣленія склоненія величину $\pm 0',46$; мнѣ кажется, что ошибки моихъ опредѣленій склоненія скорѣе меньше, чѣмъ больше этой величины, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я опредѣлялъ азимуты миръ, наблюдая полярную звѣзду.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены наблюденія склоненія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ; данное при каждомъ измѣреніи мѣстное время представляетъ средній выводъ четырехъ моментовъ, когда произведены были вышеупомянутыя четыре наведенія трубы на магнитъ. Въ предпоследнемъ вертикальномъ столбцѣ таблицы даны поправки для приведенія наблюденныхъ склоненій къ средней годовой величинѣ 1890 года, опредѣленныя изъ ежечасныхъ наблюденій Иркутской Обсерваторіи. Эта поправка составляется изъ двухъ частей: 1) изъ разности между средней годовой величиной и тѣмъ значеніемъ склоненія, которое оно имѣло въ Иркутскѣ въ тотъ-же самый физическій моментъ, когда производилось наблюденіе на станціи, и 2) изъ разности въ среднемъ суточномъ ходѣ склоненія въ промежутокъ времени, равномъ разности долготъ Иркутска и мѣста наблюденія, считая отъ момента наблюденія. Эта поправка совершенно правильна лишь при предположеніи, что перемѣны и колебанія, которыя могутъ случиться, произошли на обоихъ мѣстахъ въ одно и то-же время, въ одномъ и томъ-же смыслѣ и на одну и ту-же величину, и что кромѣ того суточный ходъ магнитнаго склоненія на обоихъ мѣстахъ одинъ и тотъ-же: при большомъ разстояніи пунктовъ наблюденія отъ Иркутска, конечно нельзя, ожидать, что условія эти были выполнены, а потому и поправки, выведенныя изъ наблюденій въ Иркутскѣ для наблюденій на станціяхъ, не могутъ считаться очень надежными. Но я предпочелъ все-же лучше примѣнить эти не совсѣмъ надежныя поправки, чѣмъ совершенно пренебречь приведеніемъ отдѣльныхъ опредѣленій къ средней годовой величинѣ; въ нижеслѣдующей таблицѣ даны впрочемъ углы склоненія и непосредственно найденные безъ этой поправки.

Название мѣста.	Мѣсяцъ и число 1890 г.	Мѣстное время.	Уголъ между мировой и магнитомъ.	Наблюденное склонение + 0,65.	Поправка для приведенія къ год. сред. 1890 г.	Исправленное склонение.
Александровка.....	19 юля	11 ^h 50 ^m а. ш.	59°36' 20"	3 7°48,72	- 5,21	3 7°43,5
»	»	1 05 р. ш.	59 34 19	3 7 46,70	- 6,88	3 7 39,8
»	»	5 20 р. ш.	59 30 00	3 7 42,38	- 1,96	3 7 40,4
Среднее: 3 7 41,2						
Петропавловскъ.....	7 августа	0 30 р. ш.	{мира I 0 07 50 } {мира II 1 59 50 }	3 0 37,33	- 1,07	3 0 36,3
»	»	10 20 а. ш.	мира I 0 04 58	3 0 34,38	+ 0,09	3 0 34,5
»	»	11 10 а. ш.	{мира I 0 06 40 } {мира II 2 01 08 }	3 0 36,10	- 0,98	3 0 35,1
»	»	0 10 р. ш.	мира I 0 07 25	3 0 36,88	- 2,38	3 0 34,4
»	»	10 10 а. ш.	{мира I 0 08 41 } {мира II 2 04 00 }	3 0 33,17	+ 0,52	3 0 33,7
»	»	11 10 а. ш.	{мира I 0 06 55 } {мира II 2 01 57 }	3 0 36,23	- 1,26	3 0 35,0
»	»	0 10 р. ш.	{мира I 0 08 25 } {мира II 1 59 15 }	3 0 37,92	- 2,74	3 0 35,2
Среднее: 3 0 34,9						
Устье Тигля.....	»	1 20 р. ш.	мира I 49 47 21	3 1 16,75	- 3,26	3 1 13,5
»	»	3 30 р. ш.	мира I 49 46 25	3 1 15,82	- 2,58	3 1 13,3
»	»	9 50 а. ш.	{мира I 49 48 56 } {мира II 30 59 27 }	3 1 18,14	+ 0,89	3 1 14,0
»	»	2 05 р. ш.	{мира I 49 47 23 } {мира II 31 03 37 }	3 1 16,44	- 5,74	3 1 10,7
Среднее: 3 1 13,9						

Одоевъ.....	17	10 30 а. ш.	мира I 8 49 29	3 7 26,52	+ 0,88	3 7 26,90	3 7 26,9
»	14	9 30 а. ш.	мира I 8 49 29	3 7 26,52	- 0,47	3 7 26,52	3 7 26,0
»	14	3 10 р. ш.	{мира I 8 53 05 мира II 42 43 26}	3 7 30,15	- 5,14	3 7 30,15	3 7 25,0
»	14	3 50 р. ш.	{мира I 8 49 32 мира II 42 47 08}	3 7 26,52	- 4,56	3 7 26,52	3 7 22,0
Среднее: 3 7 24,8							
Аянъ.....	17	10 30 а. ш.	мира I 12 13 22	3 7 26,98	+ 0,88	3 7 26,98	3 7 27,8
»	17	11 00 а. ш.	мира I 12 14 35	3 7 28,15	- 0,02	3 7 28,15	3 7 28,1
»	17	3 20 р. ш.	мира I 12 16 26	3 7 30,00	- 2,71	3 7 30,00	3 7 27,3
»	17	4 00 р. ш.	{мира I 12 16 11 мира II 9 31 04}	3 7 29,90	- 1,42	3 7 29,90	3 7 28,5
Среднее: 3 7 27,9							
Корсаковский Постъ....	29	11 00 а. ш.	{мира I 27 40 25 мира II 5 59 35}	3 6 28,71	- 1,16	3 6 28,71	3 6 27,6
»	29	3 55 р. ш.	{мира I 27 40 42 мира II 5 59 15}	3 6 28,40	- 1,54	3 6 28,40	3 6 26,9
»	29	4 40 р. ш.	{мира I 27 41 41 мира II 5 58 32}	3 6 27,55	- 0,58	3 6 27,55	3 6 27,0
Среднее: 3 6 27,2							
Хабаровка.....	31 октября	10 40 а. ш.	28 24 50	3 7 45,45	+ 0,15	3 7 45,45	3 7 45,6
»	31	11 20 а. ш.	28 28 52	3 7 46,42	- 0,32	3 7 46,42	3 7 46,1
»	31	4 00 р. ш.	28 24 39	3 7 45,68	- 1,85	3 7 45,68	3 7 43,8
Среднее: 3 7 45,2							

с. Опредѣленіе горизонтальнаго напряженія.

Для опредѣленія горизонтальной составляющей земнаго магнетизма я пользовался тѣмъ-же магнитнымъ теодолитомъ Брауера № 38, который также до конца 1889 года служилъ въ Иркутской Обсерваторіи для нормальныхъ абсолютныхъ измѣреній горизонтальнаго напряженія.

Изъ наблюдаемой продолжительности одного качанія T магнита при температурѣ τ и при крученіи Δ° изъ угловъ отклоненія v_1 и v_2 , наблюдаемыхъ при разстояніи E_1 и E_2 отклоняющаго магнита при температурѣ τ_1 и τ_2 , горизонтальное напряженіе H вычисляется по слѣдующимъ формуламъ:

$$H = H_1 - \frac{H_1^2}{2} (v' + v'' \cdot l) + C$$

$$H_1^2 = \frac{2\pi^2 N_0 (1 + 2\tau)}{a \cdot k \cdot T^2}$$

$$a = \frac{E_2^5 (1 + 5m\tau_2) \cdot [1 + \mu (\tau_2 - \tau)] \cdot \sin v_2 - E_1^5 (1 + 5m\tau_1) \cdot [1 + \mu (\tau_1 - \tau)] \cdot \sin v_1}{E_2^2 (1 + 2m\tau_2) - E_1^2 (1 + 2m\tau_1)}$$

$$l = \frac{E_2 \cdot \sin^2 v_2 - E_1 \cdot \sin^2 v_1}{E_2^5 \cdot \sin v_2 - E_1^5 \cdot \sin v_1}$$

$$k = (1 + 0,002778 \cdot \Delta^\circ).$$

Постоянныя теодолита Брауера № 38, входящія въ эти формулы, я опредѣлилъ въ 1885 году въ Главной Физической Обсерваторіи и въ Павловской обсерваторіи и нашелъ для нихъ слѣдующія величины:

$$v' = 0,000620$$

$$v'' = 0,000826$$

$$\mu = 0,000405$$

mm.

$$E_1 = 259,998$$

$$E_2 = 200,006$$

$$N_0 = 4795128.$$

Постоянная поправка C этого теодолита относительно теодолита Брауера № 59, который тогда считался въ Павловской Обсерваторіи за нормальный, равна $+ 0,0014^1)$ гауссовыхъ единицъ. Изъ неоднократныхъ сравненій теодолита Брауера № 38 съ теодолитомъ Деринга²⁾ найдено было въ Иркутской обсерваторіи въ 1889 году слѣдующее отношеніе: Дерингъ — Брауеръ № 38 = $+ 0,00075$; такъ какъ по изслѣдованію г. Р. Розенталя поправка теодолита Деринга относительно теодолита Фрейберга, который теперь считается нормальнымъ инструментомъ въ Павловской Обсерваторіи, въ среднемъ равна $-0,0003$ мгр. мм. ск., то слѣдовательно поправка теодолита Брауера № 38 относительно новаго нормальнаго теодолита Фрейберга равна $+ 0,00045$ гауссовыхъ единицъ. До моего отъѣзда я еще разъ въ апрѣлѣ 1890 года сравнилъ теодолить Брауера № 38 съ теодолитомъ Деринга и получилъ ниже слѣдующіе результаты; чрезъ h' обозначено горизонтальное напряженіе, вычисленное по наблюденіямъ помощью теодолита Брауера № 38, чрезъ h обозначены значенія горизонтальнаго напряженія, полученныя изъ одновременныхъ наблюденій помощью двунитнаго магнитометра; эти послѣднія значенія основаны на абсолютныхъ опредѣленіяхъ теодолитомъ Деринга съ соотвѣт-

1) Эта поправка не только придавалась въ Иркутской обсерваторіи къ измѣренному горизонтальному напряженію, но принималась во вниманіе и при наблюденіяхъ во время моего путешествія въ области Лены. Чтобы привести элементы земнаго магнетизма, опредѣленные тогда въ 1887—89 годахъ, къ новому нормальному инструменту Павловской обсерваторіи, слѣдуетъ придать еще слѣдующія поправки:

- для горизонтальнаго напряженія — 0,0010
- » вертикальнаго напряженія . — 0,0010 $\times \operatorname{tg} i$
- » полнаго напряженія..... — 0,0010 : $\cos i$.

2) Теодолить Деринга построенъ по указаніямъ академика Г. И. Вильда и описанъ имъ въ статьѣ: «Neuer magnetischer Unifilar-Theodolith». (Новый магнитный однонитный теодолить). Mémoires de l'Académie Impériale des sc. de St.-Pétersbourg, VII série, T. XXXVI.

ствующими поправками для приведенія показаній этого послѣдняго къ показаніямъ теодолита Фрейберга.

Наблюденія въ Иркутскѣ съ теодолитомъ Брауера № 38.	h'	M_0	h	$h-h'$
20 апрѣля 1890 г. $T=2,7396 \tau=19^{\circ},7$ $v_1=23^{\circ} 23' 26'' \tau_1=20^{\circ},9$ $v_2=10^{\circ} 19' 10'' \tau_2=20^{\circ},3$	$\Delta=12,2$ 2,0125	3153544	2,0125	$\pm 0,0000$
21 апрѣля $T=2,7389 \tau=18^{\circ},5$ $v_1=23^{\circ} 28' 02'' \tau_1=17^{\circ},5$ $v_2=10^{\circ} 20' 24'' \tau_2=18^{\circ},1$	$\Delta=12,4$ 2,0117	3154766	2,0122	$+0,0005$
24 апрѣля $T=2,7408 \tau=18^{\circ},1$ $v_1=23^{\circ} 28' 09'' \tau_1=18^{\circ},8$ $v_2=10^{\circ} 21' 27'' \tau_2=17^{\circ},4$	$\Delta=12,5$ 2,0080	3155646	2,0086	$+0,0006$
<hr/>				Среднее: $+0,0004 \pm 0,0002$

Получающаяся отсюда постоянная поправка $+0,0004$ мгр. мм. ск. близко согласуется съ прежде найденными результатами; во время моего путешествія я постоянно принималъ ее въ расчетъ при измѣреніи горизонтальныхъ напряженій помощью теодолита Брауера № 38.

Дѣлая во время моего путешествія опредѣленія горизонтальнаго напряженія, я обыкновенно начиналъ ихъ однимъ рядомъ наблюденій надъ качаніями; далѣе я наблюдалъ углы отклоненія въ обоихъ разстояніяхъ отклоняющаго магнита и наконецъ заканчивалъ вторымъ рядомъ наблюденій надъ качаніями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я произвелъ кромѣ того одни только наблюденія надъ качаніями, изъ которыхъ горизонтальное напряженіе вычислялось при помощи полнаго ряда наблюденій магнитнаго момента магнита. Изъ еженедѣльныхъ измѣреній, которыя производились теодолитомъ Брауера № 38 въ Иркутской Обсерваторіи въ періодъ отъ 1887 до 1889 года, видно, что при помощи этого инструмента можно опредѣлить горизонтальное напряженіе съ точностью до $\pm 0,0003$ мгр. мм. ск. Эта точность результата сдѣлалась во время наблюденій при путешествіи значительно меньше и ошибка отдѣльнаго опредѣленія горизонталь-

наго напряженія могла при этомъ достигнуть величины, превосходящей вдвое и даже втрое вышеприведенную величину.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ (см. на стр. 18 и 19) приведены вычисленныя значенія горизонтальнаго напряженія изъ наблюдений во время путешествія, въ Гаусовыхъ единицахъ; рядомъ съ каждымъ отдѣльнымъ значеніемъ напряженія дана поправка с для приведенія его къ средней годовой величинѣ 1890 года; эти поправки вычислялись изъ ежечасныхъ наблюдений, произведенныхъ въ Иркутской Обсерваторіи совершенно такъ же, какъ это дѣлалось для магнитнаго склоненія.

d. Опредѣленія магнитнаго наклоненія.

Опредѣленія наклоненія во время моего путешествія я производилъ помощью инclinатора, который принадлежитъ къ астрономическому магнитному универсальному инструменту Брауера № 59. До моей поѣздки я опредѣлилъ въ Иркутской Обсерваторіи поправки стрѣлокъ I и II этого инструмента путемъ сравненія ихъ показаній съ наблюденіями повѣреннаго инclinатора Довера № 75 (посредствомъ одновременныхъ наблюдений по бифилярю и Лойдовымъ вѣсамъ), причемъ получилъ слѣдующіе результаты:

Стрѣлка I.

1890 г.	Инclinаторъ № 59.	Истинное наклоненіе.	Поправка.
29 апрѣля	марка внизу 70°09' 50"	70°09' 24"	70°05' 45"
29 »	» вверху 70 08 58		
30 »	» внизу 70 12 00		
30 »	» вверху 70 07 28		
			Среднее: — 3' 28".

Стрѣлка II.

29 апрѣля	марка внизу 70°09' 49"	70 08 00	70 05 25
29 »	» вверху 70 06 12		
30 »	» внизу 70 11 44		
30 »	» вверху 70 07 40		
			Среднее: — 3' 00".

Название мѣста.	Число и мѣсяцъ.	Мѣстное время.	Наблюденныя величины.	H	c	H приведенное къ средней годовой 1890 г.
Чуга16 мая	1 ^h 42 ^m р. м.	$T = 2,7010 \tau = 28^{\circ},4$	$\Delta = 11,7$	2,0727	+ 0,0008 2,0780
»17 »	10 12 а. м.	$\varphi_1 = 22^{\circ}42' 48'' \tau_1 = 18^{\circ},0$			
»17 »	10 42 а. м.	$\varphi_2 = 10 01 20 \tau_2 = 18^{\circ},8$			
»17 »	11 21 а. м.	$T = 2,6968 \tau = 19^{\circ},6$	$\Delta = 11,7$	2,0768	- 0,0007 2,0761
Среднее: $H=2,0740; M_0=8156700$						
Александровка19 июля	2 21 р. м.	$T = 2,5560 \tau = 24^{\circ},7$	$\Delta = 31,0$	2,8119	+ 0,0002 2,8121
»19 »	8 26 р. м.	$\varphi_1 = 20^{\circ}12' 24'' \tau_1 = 22^{\circ},9$			
»19 »	8 58 р. м.	$\varphi_2 = 8 57 52 \tau_2 = 28^{\circ},6$			
»19 »	4 55 р. м.	$T = 2,5567 \tau = 24^{\circ},1$		2,8118	+ 0,0010 2,8128
Среднее: $H=2,5124; M_0=8157600$						
Петропавловскъ 7 августа	9 40 а. м.	$T = 2,6084 \tau = 19^{\circ},4$	$\Delta = 84,8$	2,2172	+ 0,0019 2,2191
» 7 »	10 56 а. м.	$\varphi_1 = 21^{\circ}02' 14'' \tau_1 = 21^{\circ},9$			
» 7 »	11 24 а. м.	$\varphi_2 = 9 19 40 \tau_2 = 22^{\circ},8$			
» 7 »	11 54 а. м.	$T = 2,6116 \tau = 24^{\circ},0$		2,2176	+ 0,0005 2,2181
» 9 »	2 40 р. м.	$T = 2,6110 \tau = 26^{\circ},7$	$\Delta = 82,0$	2,2218	- 0,0011 2,2202
» 9 »	8 09 р. м.	$\varphi_1 = 21^{\circ}00' 02'' \tau_1 = 26^{\circ},6$			
» 9 »	8 38 р. м.	$\varphi_2 = 9 18 18 \tau_2 = 26^{\circ},7$			
» 9 »	4 16 р. м.	$T = 2,6129 \tau = 27^{\circ},8$		2,2204	- 0,0017 2,2187
Среднее: $H=2,2190; M_0=8150970$						

Устье Тагилы.....26	»	4 16	р. ш.	$T = 2,7703$	$\tau = 13,0$	$\Delta = 26,1$	1,9642	+ 0,0022	1,9664
»	»	10 57	а. м.	$T = 2,7724$	$\tau = 14,8$				
»	»	11 35	а. м.	$\varphi_1 = 24^{\circ}03'08''$	$\tau_1 = 14,6$				
»	»	0 31	р. м.	$\varphi_2 = 10 35 21$	$\tau_2 = 14,8$				
»	»	1 30	р. м.	$T = 2,7704$	$\tau = 15,0$				
Среднее: $H = 1,9650$; $M_0 = 3148680$									
Охотскъ.....14 сентября	10 34	а. м.	$T = 2,9108$	$\tau = 20,1$	$\Delta = 37,3$	1,7836	+ 0,0024	1,7860	
»	»	11 06	а. м.	$\varphi_1 = 26^{\circ}36'44''$	$\tau_1 = 22,1$				
»	»	11 27	а. м.	$\varphi_2 = 11 37 54$	$\tau_2 = 25,5$				
»	»	0 25	р. м.	$T = 2,9118$	$\tau = 20,8$				
Среднее: $H = 1,7859$; $M_0 = 3149800$									
Аянъ.....17	»	11 48	а. м.	$T = 2,7996$	$\tau = 22,0$	$\Delta = 37,1$	1,9280	+ 0,0015	1,9295
»	»	0 24	р. м.	$\varphi_1 = 24^{\circ}26'22''$	$\tau_1 = 20,5$				
»	»	0 47	р. м.	$\varphi_2 = 10 46 11$	$\tau_2 = 19,2$				
»	»	2 32	р. м.	$T = 2,7950$	$\tau = 16,1$				
Среднее: $H = 1,9294$; $M_0 = 3152940$									
Корсаковский Постъ...29	»	1 32	р. м.	$T = 2,4462$	$\tau = 20,8$	$\Delta = 26,1$	2,5246	- 0,0001	2,5245
»	»	2 04	р. м.	$\varphi_1 = 18^{\circ}25'24''$	$\tau_1 = 21,0$				
»	»	2 36	р. м.	$\varphi_2 = 8 11 59$	$\tau_2 = 20,8$				
»	»	3 08	р. м.	$T = 2,4468$	$\tau = 20,2$				
Среднее: $H = 2,5242$; $M_0 = 3151510$									
Хабаровка.....31 октября	11 57	а. м.	$T = 2,4988$	$\tau = 19,8$	$\Delta = 38,3$	2,4141	+ 0,0018	2,4154	
»	»	2 20	р. м.	$T = 2,4962$	$\tau = 10,2$				
»	»	2 42	р. м.	$\varphi_1 = 19^{\circ}24'12''$	$\tau_1 = 10,8$				
»	»	3 05	р. м.	$\varphi_2 = 8 37 04$	$\tau_2 = 10,1$				
»	»	3 34	р. м.	$T = 2,4964$	$\tau = 9,4$				
Среднее: $H = 2,4151$; $M_0 = 3149430$									

Слѣдующія отсюда среднія поправки стрѣлокъ I и II всегда придавались къ непосредственно наблюдаемому углу наклоенія.

Опредѣленія наклоенія производились въ плоскости магнитнаго меридіана; при этомъ послѣ наблюденія стрѣлки при маркѣ внизу въ 4 обыкновенныхъ положеніяхъ¹⁾ круга и стрѣлки, ее переманичивали и производили подобный-же рядъ наблюденій при маркѣ сверху; отсчетъ производился всегда по обоимъ концамъ стрѣлки. Направленіе магнитнаго меридіана принималось перпендикулярно къ плоскости, въ которой стрѣлка стояла вертикально; направленіе этой плоскости опредѣлялось также изъ наблюденій въ четырехъ главныхъ положеніяхъ круга и стрѣлки.

Нижеслѣдующая таблица (см. на стр. 21) представляетъ углы наклоенія, опредѣленные на разныхъ мѣстахъ; *c* есть поправка для приведенія соответственныхъ наблюденій къ годовому среднему 1890 года; эта поправка была опредѣлена, какъ и раньше для склоненія, изъ ежечасныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Иркутской Обсерваторіи.

е. Результаты наблюденій и сравненіе ихъ съ прежними опредѣленіями.

Для большей наглядности въ нижеслѣдующей таблицѣ сведены окончательные результаты всѣхъ моихъ наблюденій; сверхъ приведенныхъ къ среднимъ 1890 года величинъ магнитнаго склоненія *D*, наклоенія *I* и горизонтальнаго напряженія *H*, я включилъ въ эту-же таблицу соответственныя величины вертикальнаго напряженія *V* и полнаго напряженія *T*, вычисленныя по формуламъ $V = H \tan I$ и $T = \frac{H}{\cos I} = \frac{V}{\sin I}$; эти послѣднія вели-

1) Кругъ В и мѣрка В
 „ 3 „ „ 3
 „ 3 „ „ В
 „ В „ „ 3.

Название мѣста.	Число и мѣсяць.	Мѣстное время.	Число и мѣсяць.	Наблюденное + инструментальная поправка.	С	Наклоненіе, приведенное къ сред. годов. величинѣ 1890 г.
Александровка.....	20 юля	8 ^h 35 ^m — 4 ^h 35 ^m р.ш.	I	64°17'07"	-0,15	64°17,0
»	20 »	4 45 — 5 45 »	II	64 15 10	+0,08	64 16,2
Среднее: 64°16,1						
Петропавловскъ.....	7 августа	4 50 — 5 40 »	I	64 30 32	+0,59	64 31,1
»	7 »	5 45 — 6 30 »	II	64 25 51	+0,67	64 26,5
»	10 »	10 30 — 11 15 а.ш.	I	64 30 50	-1,86	64 29,5
»	10 »	11 25 — 0 15 р.ш.	II	64 29 15	-1,51	64 27,7
Среднее: 64°28,7						
Аянъ.....	18 сентября	{10 30 — 10 55 а.ш.}	I	70 00 46	-1,26	69 59,5
»	18 »	{11 55 — 0 10 р.ш.}	II	69 58 35	-1,15	69 57,4
Среднее: 69°56,5						
Корсаковский Постъ.....	1 октября	1 35 — 2 30 »	II	60 18 19	+0,54	60 18,9
»	1 »	2 45 — 3 35 »	I	60 16 32	+0,79	60 17,3
Среднее: 60°18,1						
Хабаровка.....	1 ноября	10 30 — 11 20 а.ш.	I	63 20 24	+0,17	63 20,6
»	1 »	11 35 — 0 25 р.ш.	II	63 22 36	-0,57	63 22,0
Среднее: 63°21,3						

чины выражены также, какъ и горизонтальныя напряжения, въ Гаусовыхъ единицахъ.

Названіе мѣста.	<i>D</i>	<i>I</i>	<i>H</i>	<i>V</i>	<i>T</i>	
Чита.....	3	—	—	2,0740	—	—
Александровка.....	3	7°41,2	64°16,1	2,3124	4,7980	5,3262
Петропавловскъ.....	3	0 34,9	64 28,7	2,2190	4,6477	5,1503
Устье Тигиля.....	3	1 12,9	—	1,9650	—	—
Охотскъ... ..	3	7 24,8	—	1,7859	—	—
Аянъ.....	3	7 27,9	69 58,5	1,9294	5,2938	5,6344
Корсаковскій Постъ.....	3	6 27,2	60 18,1	2,5242	4,4257	5,0949
Хабаровка.....	3	7 45,2	63 21,3	2,4151	4,8134	5,3853.

Намѣреваясь найти вѣковыя перемѣны въ элементахъ земнаго магнетизма въ Приморской области и сравнить ихъ съ найденными измѣненіями въ области Лены¹⁾, я извлекъ изъ доступныхъ миѣ источниковъ всѣ магнитныя измѣренія, которыя были произведены въ прежніе года въ пунктахъ моихъ наблюденій; для сравненія я присоединилъ сюда величины элементовъ земнаго магнетизма, взятыя мною изъ атласа, обработаннаго директоромъ Неймайеромъ²⁾. Результаты, къ которымъ я пришелъ, сравнивая мои измѣренія съ прежними наблюденіями и съ картами земнаго магнетизма, будутъ изложены ниже для каждаго отдѣльнаго элемента.

1. Склоненіе.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены всѣ извѣстныя миѣ наблюденія склоненій для нашихъ наблюдательныхъ пунктовъ, а также выведенныя изъ нихъ годовыя перемѣны склоненія; послѣдній столбецъ даетъ склоненіе по картѣ изогонъ, составленной Г. Неймайеромъ.

1) Э. Штеллингъ. Магнитныя наблюденія, произведенныя лѣтомъ 1888 г. въ области Лены, и примѣчанія о вѣковыхъ перемѣнахъ тамъ въ элементахъ земнаго магнетизма. Метеорологическій Сборникъ, томъ I, № 4.

2) Atlas des Erdmagnetismus, bearbeitet von Dr. G. Neumayer. Berghaus, Physikalischer Atlas, Abtheilung IV.

Название мѣста.	Наблюдатель.	Годъ.	Наблюд. склоненіе.	Годовое измѣненіе.	Изогоны Неймайера 1835 г.
Петропавловскъ.....	Кукъ 1)	1779	В 6°19'	+ 1,5	В 0°20'
	Сарычевъ 2)	1792	В 6 00		
	Крузенштернъ 1)	1805	В 5 20	3,0	
	Бичи 3)	1825	В 4 18	3,7	
	Лютке 3)	1827	В 3 43	3,8	
	Ерманъ 4)	1829	В 4 04		
	Келетъ 3)	1849	В 2 37		
	Старицкій 2)	1866	В 1 25	4,2	
Штеллингъ	1890	3 0 35	5,0		
Устье Тигиля.....	Ерманъ 4)	1829	В 4 12	5,3	В 0 10
	Штеллингъ	1890	3 1 13		
Охотскъ.....	Сарычевъ 5)	1789	В 0 40	4,5	3 5 50
	Ерманъ 4)	1829	3 2 20		
	Старицкій 2)	1866	3 4 48	4,0	
	Штеллингъ	1890	3 7 25	6,6	
Аянъ.....	Онацевичъ 2)	1875	3 6 58 6)	2,0	3 7
	Штеллингъ	1890	3 7 28		
Корсаковский Постъ.	Майдель 2)	1876	3 5 54	2,4	3 6 20
	Штеллингъ	1890	3 6 27		

1) Ch. Hansteen, Untersuchungen über den Magnetismus der Erde.

2) Онацевичъ, Собраніе наблюденій, произведенныхъ во время Гидрографической командировки въ Восточный Океанъ.

3) E. Sabine, Contributions to Terrestrial Magnetism, № XIII.

4) Ch. Hansteen, und Duc, Resultate magnetischer, astronomischer und meteorologischer Beobachtungen auf einer Reise nach dem östlichen Sibirien in den Jahren 1828—1830.

5) Путешествіе флота капитана Сарычева при географической и астрономической экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса съ 1785 по 1793 г.

6) Опредѣленія склоненія Онацевичемъ произведены съ малымъ азимутнымъ компасомъ и очевидно содержать большія ошибки; по опредѣленію Онацевича въ Корсаковскомъ Постѣ склоненіе равно 7°27' 3., между тѣмъ по болѣе точному опредѣленію Майделя это склоненіе равно лишь 5° 54'; сообразуясь съ этимъ, я исправилъ наблюденное Онацевичемъ въ Аянѣ склоненіе на — 1° 33'.

Название мѣста.	Наблюдатель.	Годъ.	Наблю- склоне- ніе.	Годовое измѣне- ніе.	Изогонъ Неймайера 1885 г.
Александровка	Штеллингъ	1890	3 7° 41'		3 7°
Хабаровка	{ Шарнгорстъ ¹⁾	1874	3 7 09	- 2,2	3 7
	{ Штеллингъ	1890	3 7 45		

Изъ приведенныхъ величинъ видно, что на всѣхъ безъ исключенія мѣстахъ сѣверный конецъ магнитной стрѣлки отклонился къ западу; значить западное склоненіе восточно-азиатской яйцевидной области увеличилось не только по направленію къ С.-З., какъ доказали мои измѣренія въ области Лены въ 1888 году, но значительно возрастало и по направленію къ С.-В. и В.

Ограничиваясь для лучшей сравнимости измѣненіями происшедшими, въ промежутокъ времени отъ 1829 по 1890 годъ, мы найдемъ для сѣверной части восточно-азиатской области съ западнымъ склоненіемъ слѣдующія годовыя отклоненія сѣвернаго конца магнитной стрѣлки къ западу:

Якутскъ	+ 4,2
Олекминскъ	2,5
Витимскъ	0,4
Охотскъ	5,0
Тигиль	5,3
Петропавловскъ . . .	4,6

Отсюда слѣдуетъ, что отклоненіе магнитной стрѣлки на восточной окраинѣ нашей области съ западнымъ склоненіемъ, вообще говоря, проявилось сильнѣе, чѣмъ на его сѣверо-западной сторонѣ, и что склоненіе этой области на востокъ увеличилось на большую величину, чѣмъ на западѣ. Измѣненія положенія магнит-

1) Астрономическія опредѣленія основныхъ пунктовъ въ Сибири съ 1873 по 1876 годъ, произведенныя подп. Шарнгорстомъ и кап. Кульбергомъ. Записки Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба, часть XXXVII.

ной стрѣлки на восточной сторонѣ отличаются еще существенно отъ измѣненій на западной сторонѣ тѣмъ, что магнитная стрѣлка при Охотскомъ морѣ и въ Приморской области на всѣхъ мѣстахъ отклонялась на западъ, между тѣмъ какъ въ области Лены магнитная стрѣлка колебалась въ различныя стороны, смотря по тому было-ли склоненіе восточное, или западное.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что на восточной сторонѣ нашей области произошло общее перемѣщеніе изогонъ на востокъ, между тѣмъ какъ въ области Лены онѣ только тѣснѣе сблизились одна съ другой; въ Приморской области нѣтъ признаковъ существованія пунктовъ съ неизмѣняющимся склоненіемъ, чрезъ область-же Лены очевидно должна проходить линія безъ вѣкового измѣненія.

Наблюденія въ Петропавловскѣ доказали, а измѣренія въ Охотскѣ подтвердили, что отклоненіе магнитной стрѣлки къ западу началось во всякомъ случаѣ еще до конца прошлаго столѣтія¹⁾ и притомъ скорость, съ которою произошло это вѣковое измѣненіе, постоянно и довольно сильно возрастала.

Въ то время, какъ въ Камчаткѣ и на сѣверномъ берегу Охотскаго моря западное склоненіе въ послѣднее время увеличилось въ годъ приблизительно на 5', на Сахалинѣ и въ собственно Приморской области оно увеличилось, какъ кажется, на гораздо меньшую величину.

Что-же касается до карты изогонъ д-ра Г. Неймайера, то взятыя оттуда склоненія вообще довольно хорошо согласуются съ результатами моихъ наблюденій, особенно если принять во вниманіе, что западное склоненіе за періодъ отъ 1885 до 1890 года увеличилось на величину отъ 20' до 25'.

1) Въ августѣ 1787 Лаперузъ опредѣлилъ склоненіе у мыса Крильонъ и получилъ къ В. $1^{\circ} 33'$, и у мыса Анива и получилъ къ В. $1^{\circ} 37'$; отсюда склоненіе нынѣшняго Корсаковскаго Поста было тогда приблизительно къ В. $1^{\circ} 35'$; тогда мы получили-бы за періодъ отъ 1787 по 1890 годовое измѣненіе въ $+4,7'$, которое тогда было-бы даже нѣсколько больше вѣкового измѣненія за тотъ-же періодъ въ Петропавловскѣ.

Самыя большія разницы между картой и моими величинами мы находимъ въ Охотскѣ и на Камчаткѣ, гдѣ склоненія по картѣ получаются на $\frac{1}{2}^\circ$ до 1° дальше на востокъ; въ области Лены мы нашли гораздо большія разницы, доходящія до 5° 1).

2. Горизонтальное напряженіе.

Для горизонтальнаго напряженія прежнихъ лѣтъ я имѣю въ своемъ распоряженіи надежныя опредѣленія только для 4 изъ моихъ пунктовъ 2) наблюдений; изъ нихъ наблюдения въ Петропавловскѣ, Охотскѣ и у устья Тигиля произведены были въ 1829 году Эрманомъ, а въ Читѣ въ 1832 году Фусомъ.

Названіе мѣста.	Горизонтальное напряженіе		Годовое измѣненіе.	Карта Неймайера.	Разница.
	по Эрману и Фусу.	1890.			
Петропавловскъ.....	2,2892	2,2190	— 0,0012	2,21	+ 0,01
Устье Тигиля.....	2,0244	1,9650	— 0,0010	1,90	+ 0,06
Охотскъ.....	1,8850	1,7859	— 0,0015	1,75	+ 0,04
Аянъ.....	—	1,9294	—	1,88	+ 0,05
Корсаковскій Постъ..	—	2,5242	—	2,50	+ 0,02
Александровка.....	—	2,3124	—	2,27	+ 0,04
Хабаровка.....	—	2,4151	—	2,38	+ 0,04
Чита.....	2,1647	2,0740	— 0,0015	2,07	± 0,00.

1) Это замѣчаніе относится собственно до карты изогонъ, изданной въ 1889 г. Гамбургской Обсерваторіей (Deutsche Seewarte, Abth. II); изогоны, изоклины и изодинамы этой карты для области Лены и Приморской области настолько согласуются съ картами въ Физическомъ атласѣ Берггауза, что мы для нашей цѣли считали ихъ равносильными.

2) Кромѣ того К. Шарнгорстъ произвелъ въ 1874 году въ Читѣ и Хабаровкѣ абсолютныя опредѣленія горизонтальнаго напряженія; при вычисленіи наблюдений произошла вѣроятно ошибка или какое-нибудь недоразумѣніе, такъ какъ сообщенныя имъ величины горизонтальнаго напряженія въ Сибири (Хабаровка $H = 1,702$, Чита $H = 1,459$, Иркутскъ $H = 1,422$) очевидно невѣрны.

Отсюда видно, что горизонтальное напряженіе на всѣхъ четырехъ мѣстахъ съ тридцатыхъ годовъ по 1890 годъ уменьшалось среднимъ числомъ въ годъ на 0,0013 мгр. мм. сек.; въ области Лены и у Иркутска также произошло уменьшеніе въ горизонтальномъ напряженіи (въ годъ на 0,0022), такъ что это явленіе распространилось на большую часть Сибири¹⁾.

Линіи одинаковаго магнитнаго горизонтальнаго напряженія на картѣ изодинамъ д-ра Г. Неймайера даютъ для Петропавловска и Читы горизонтальное напряженіе на столько вѣрно, на сколько вообще позволялъ масштабъ карты; для другихъ мѣстъ, посѣщенныхъ мною въ 1890 году, карта даетъ величины приблизительно на 0,04²⁾ мгр. мм. ск. меньше дѣйствительныхъ.

Такъ какъ въ области Лены напротивъ того карта даетъ величины горизонтальнаго напряженія приблизительно на 0,05 Гаусовыхъ единицъ больше, то изодинамы области Лены слѣдовало-бы опустить, а изодинамы Охотскаго моря и Приморской области нѣсколько поднять, такъ что они образовывали бы съ параллельными кругами болѣшій уголъ, чѣмъ на упомянутой картѣ.

3. Наклоненіе.

Для наклоненія я могъ найти измѣренія³⁾ за прежніе годы только на двухъ изъ моихъ пунктовъ наблюденій, изъ которыхъ однако наблюденія въ Петропавловскѣ охватываютъ большой періодъ времени.

1) Въ послѣднее время г. П. Миллеръ констатировалъ фактъ, что и въ Екатеринбургской Обсерваторіи горизонтальное напряженіе во второй половинѣ этого столѣтія уменьшилось; но тамъ годовое уменьшеніе равно лишь 0,0004 мм. мгр. ск. (Метеорологическій Сборникъ, томъ II, № 3).

2) Приведеніе нашихъ наблюденій къ 1885 году увеличило-бы еще нѣсколько разницу, но на весьма незначительную величину.

3) Источники, изъ которыхъ я взялъ эти величины, указаны выше на стр. 23 и 24.

Названіе мѣста.	Наблюдатель.	Годъ	Накло- неніе.	Годовое измѣне- ніе.	Карта изо- клинъ.	Разница.
Петропавловскъ ...	Кукъ	1779	63°05'			
		1804	63 32	+ 1,1		
		1825	64 02	+ 1,2		
		1827	64 07			
		1829	63 49			
		1876	64 14	+ 0,3		
	Штеллингъ	1890	64 29	+ 1,1	64°15'	+ 0°14'
Аянъ.....	Штеллингъ	1890	69 59		70 20	— 0 21
Корсаковский Постъ	Штеллингъ	1890	60 18		60 40	— 0 22
Александровка	Штеллингъ	1890	64 16		65 00	— 0 44
Хабаровка	Шарнгорстъ	1874	63 12	+ 0,6	63 50	— 0 29.
»	Штеллингъ	1890	63 21			

Наблюденія въ Петропавловскѣ показываютъ, что наклоненіе тамъ съ конца прошлаго столѣтія постоянно, хотя и медленно увеличивалось; точно такъ же и наблюденія въ Хабаровкѣ новѣйшаго времени даютъ небольшое увеличеніе угла наклоненія. Такъ какъ подобное явленіе подтверждается Г. Фритше¹⁾ для дороги по почтовому тракту чрезъ всю Сибирь, Ф. Миллеромъ²⁾ у Енисея, Г. Абельсомъ³⁾ у Оби, П. Миллеромъ въ Екатеринбургѣ⁴⁾ и мною въ области Лены, то вѣковое увеличеніе наклоненія, какъ кажется, распространилось на всю Сибирь.

1) H. Fritsche, Geographische, magnetische und hypsometrische Beobachtungen im Jahre 1873. Repertorium für Meteorologie, Bd. IV, № 3.

2) Экспедиція на Нижнюю Тунгузку. Отчетъ Ф. Миллера о результатахъ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій. Извѣстія И. Р. Географическаго Общества. Т. X, № 1.

3) H. Abels, Beobachtungen der Inclination in Sουργut, Obdorsk und Kondinsk. Repertorium für Meteorologie, Bd. XII.

4) P. Müller, Die Beobachtungen der Inclination im Observatorium zu Katharinenburg von 1837—1838. Repertorium für Meteorologie, Bd. XII.

Карта изоклинъ д-ра Г. Неймайера даетъ для Петропавловска слишкомъ малый уголъ отклоненія, подобно тому, какъ для области Лены наклоненіе по этой картѣ получается на величину отъ $\frac{1}{2}^{\circ}$ до $1\frac{3}{4}^{\circ}$ меньше мною наблюденной; между тѣмъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ мы видимъ, что карта даетъ для Приморской области углы наклоненія приблизительно на $\frac{1}{2}^{\circ}$ больше величины, наблюденной мною. Чтобы привести карту въ полное согласіе съ моими измѣреніями, слѣдовало-бы изоклины въ области Лены опустить, а у Охотскаго моря и Приморской области нѣсколько поднять.

Сущестующій матеріалъ для изслѣдованія вѣковыхъ измѣненій въ полномъ напряженіи и въ вертикальномъ напряженіи въ Приморской области къ сожалѣнію совершенно недостаточенъ для какихъ либо выводовъ ¹⁾.

Относительно малой карты полного напряженія Г. Неймайера я могу констатировать полное совпаденіе изодинамъ съ величинами, опредѣленными мною; но масштабъ карты настолько малъ, что полное напряженіе едва-ли можетъ быть опредѣлено съ точностью до $\pm 0,02$ Гауссовыхъ единицъ.

1) Изъ наблюденій Эрмана въ Петропавловскѣ легко было-бы заключить, что съ 1829 года по 1890 полное напряженіе тамъ уменьшалось ежегодно на 0,0006 Гауссовыхъ единицъ, а вертикальное напряженіе на 0,0001; между тѣмъ у насъ получилось въ области Лены очень значительное увеличеніе этого наклоненія.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

Въ послѣднее время не разъ поднимался вопросъ, представляющій не только практическій, но и научный интересъ, а именно, не имѣло-ли начатое осушеніе Пинскихъ болотъ вліянія на количество осадковъ, выпадающихъ въ этой мѣстности и особенно въ болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ ея.

Въ 1874 году по проѣкту генерала Жилинскаго было положено начало канализаціи Пинскихъ болотъ, такъ называемаго Полѣсья, съ цѣлью хотя-бы отчасти осушить ихъ.

Полѣсье занимаетъ пространство въ видѣ треугольника между Брестъ-Литовскомъ, Могилевомъ и Кіевомъ въ 8,000,000 десятимъ, изъ которыхъ 3,000,000 представляютъ изъ себя болота. Это пространство раздѣляется рѣкою Припетью на двѣ области, которыя террасами поднимаются отъ береговъ рѣки. Подъемъ мѣстности однако весьма незначителенъ, такъ что въ разстояніи 150 верстъ отъ Припети, т. е. уже на окраинѣ Полѣсья, болота лежатъ всего только на 24 сажени выше уровня Припети.

За время отъ 1874 до 1890 г. проложено уже 3135 верстъ каналовъ, благодаря чему удалось, какъ сообщаетъ генералъ Жилинскій, болѣе или менѣе осушить 2,240,000 десятинъ.

Тогда поднялся, какъ уже сказано, съ разныхъ сторонъ вопросъ, не произошло-ли вслѣдствіе осушенія болотъ уменьшеніе количества осадковъ, выпадающихъ въ самой области болотъ, а также и въ болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ ихъ, такъ какъ полагали, что можетъ быть условія испаренія измѣнились вслѣдствіе канализаціи Полѣсья.

Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы сравнили годовыя количества атмосферныхъ осадковъ до начала работъ Жилинскаго съ годовыми количествами осадковъ послѣ 1874 года.

Такъ какъ работы начались въ 1874 году, то мы воспользовались для сравненія количествомъ осадковъ за 15 лѣтъ до этого времени и за 15 лѣтъ послѣ него. Изслѣдованіе наше мы распространили на пространство, на сѣверѣ доходящее до 55° сѣв. широты, на востокѣ до Волги, а на югѣ до Чернаго моря; это вѣроятно представляютъ уже крайнія границы, гдѣ еще можно предполагать вліяніе Пинскихъ болотъ.

Матеріаломъ для нашего изслѣдованія послужили намъ наблюденія надъ атмосферными осадками метеорологическихъ станцій Главной Физической Обсерваторіи; до 1882 года эти наблюденія уже собраны въ сочиненіи Г. Вильда¹⁾. Наблюденія же слѣдующихъ лѣтъ взяты непосредственно изъ Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи. Кромѣ того мы воспользовались ради бѣльшей полноты наблюденіями нѣкоторыхъ австрійскихъ станцій.

Такъ какъ годовое количество атмосферныхъ осадковъ представляетъ очень непостоянную величину, то для нашей цѣли невозможно сравнивать между собою количества осадковъ за отдѣльные годы. Для такого сравненія можно пользоваться лишь средними значеніями за нѣсколько лѣтъ. Даже среднія изъ 5 лѣтъ колеблются, какъ мы ниже увидимъ, слишкомъ сильно, чтобы вывести изъ нихъ какое-либо опредѣленное заключеніе.

А потому мы пользовались при нашемъ изслѣдованіи средними значеніями за 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, начиная съ 1861 г., получаютъ три десятилѣтія: первое отъ 1861—1870 г., второе отъ 1871—1880 года, третье отъ 1881—1890 года.

1) «Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи» (Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1888 г.).

Такъ какъ работы въ Полѣсьѣ начались въ 1874 году, то десятилѣтіе 1871—1880 года можно разсматривать какъ переходный періодъ; первое десятилѣтіе 1861—1870 года представляетъ періодъ до начала работъ, тогда какъ послѣднее десятилѣтіе 1881—1890 года является періодомъ, когда должно было-бы обнаружиться вліяніе, если только вообще оно было.

Сравнимъ-же среднія значенія количества годовыхъ осадковъ за первыя и послѣднія 10 лѣтъ между собой, тогда обнаружится, произошло-ли вообще уменьшеніе количества осадковъ и на сколько среднее значеніе десятилѣтія 1881—1890 г. сдѣлалось меньше средняго значенія десятилѣтія 1861—1870 г.

Но и здѣсь надо быть очень осторожнымъ, такъ какъ и десятилѣтнія среднія зависятъ отъ извѣстныхъ общихъ вѣковыхъ колебаній. Предѣлы этихъ колебаній опредѣляются среднею перемѣнчивостью.

Г. академикъ Г. Вильдъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи далъ въ таблицѣ *H* (стр. 64) среднія перемѣнчивости годовыхъ суммъ осадковъ для различныхъ станцій и вывелъ далѣе изъ нихъ вѣроятныя ошибки среднихъ значеній высотъ атмосферныхъ осадковъ за многіе годы. Отсюда можно по извѣстнымъ формуламъ вычислить вѣроятныя ошибки десятилѣтнихъ среднихъ для этихъ станцій.

Если среднія значенія нашихъ вышеприведенныхъ десятилѣтій будутъ отклоняться другъ отъ друга въ предѣлахъ этихъ ошибокъ, то каждое заключеніе, основанное на этихъ отклоненіяхъ, надо будетъ признать ненадежнымъ, такъ какъ, вообще говоря, отклоненія должны быть больше вѣроятныхъ ошибокъ.

Но мы можемъ еще для болѣе полноты нашего изслѣдованія взять изъ сочиненія г. академика Г. Вильда нормальныя величины годовыхъ количествъ осадковъ отдѣльныхъ станцій и сравнить ихъ со средними значеніями нашихъ десятилѣтій. Мы тогда увидимъ, отклоняются-ли вообще и въ какомъ смыслѣ среднія значенія за каждыя 10 лѣтъ отъ нормальныхъ величинъ. Если окажется при этомъ, что эти отклоненія отъ нормальныхъ

величинъ лежать въ предѣлахъ вѣроятныхъ ошибокъ десятилѣтнихъ среднихъ для данныхъ станцій, то изъ этого можно вывести заключеніе, что не произошло замѣтнаго измѣненія въ состояніи атмосферныхъ осадковъ отъ разсматриваемой причины.

Изъ многихъ станцій въ вышеназванномъ пространствѣ мы можемъ воспользоваться, собственно говоря, лишь такими, которыя имѣютъ полный рядъ наблюденій съ 1861 до 1890 года. Къ сожалѣнію мы имѣемъ не много такихъ станцій, такъ что мы видимъ себя вынужденными принять во вниманіе и такія станціи, которыя начали наблюдать лишь съ 1871 года и имѣютъ такимъ образомъ наблюденія за 20 слѣдующихъ лѣтъ, чтобы по крайней мѣрѣ послѣднія два десятилѣтія сравнить съ нормальной высотой.

Съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ австрійскихъ станцій получилось всего 19 станцій, годныхъ для нашей цѣли. Эти станціи распредѣляются довольно равномерно на нашемъ пространствѣ, за исключеніемъ сѣверной части болотъ, гдѣ къ сожалѣнію не оказалось ни одной станціи съ длиннымъ рядомъ наблюденій. Въ слѣдующей таблицѣ I мы даемъ эти станціи съ ихъ координатами и высотой надъ уровнемъ моря въ метрахъ, съ соответствующими нормальными величинами¹⁾ и числомъ лѣтъ, за которыя послѣднія вычислены.

Наблюденія нашихъ станцій, для которыхъ мы образовали пяти- и десятилѣтнія среднія, мы дадимъ въ приложеніи.

Чтобы образовать нормальныя величины трехъ австрійскихъ станцій, мы взяли среднія значенія для этихъ станцій изъ статьи И. Гана, «Die jährliche Periode des Regenfalles in Oesterreich-Ungarn» (Zeitschrift der österreichischen Gesellschaft für Meteorologie XV. Bd. 1880.) («Годовой періодъ атмосферныхъ осадковъ въ Австро-Венгріи») и дополнили эти среднія значенія наблюденіями до 1890 года, такъ какъ они вычислены изъ наблюденій до 1878 года.

1) Такъ какъ въ сочиненіи «Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи» эти нормальныя величины вычислены изъ наблюденій до 1882 года, то мы образовали новыя среднія величины, принявъ во вниманіе наблюденія и 8 слѣдующихъ лѣтъ.

ТАВЛИЦА I.

№	Названія станцій.	Губерніи.	Координаты.		Высота надъ уровнемъ моря въ метрахъ.	Нормальное значеніе.	Число лѣтъ.
			Широта.	Долгота отъ Гринвича.			
1	Варшава.....	Варшавская.....	52° 18'	21° 2'	119	565,2	80
2	Кіевъ.....	Кіевская.....	50 27	30 30	188	540,1	87
3	Москва.....	Московская.....	55 46	37 40	143	530,3	87
4	Николаевъ.....	Херсонская.....	46 58	31 58	19	860,0	38
5	Лугань.....	Екатеринославская.....	48 36	39 20	50	881,0	53
6	Воронежъ.....	Воронежская.....	51 40	39 13	175	567,3	29
7	Львовъ.....	Галиція.....	49 50	24 2	298	685,7	57
8	Краковъ.....	Галиція.....	50 4	19 57	220	637,2	41
9	Тарнополь.....	Галиція.....	49 38	25 36	324	577,2	29
10	Горки.....	Могилевская.....	54 17	30 59	207	500,3	41
11	Одесса.....	Херсонская.....	46 29	30 44	65	413,6	44
12	Гульки.....	Рязанская.....	54 14	40 0	115	467,3	20
13	Телеханы.....	Минская.....	52 29	25 50	160	581,8	19
14	Новая Александрія.....	Люблинская.....	51 25	21 57	144	609,7	19
15	Жыратино.....	Орловская.....	52 32	35 31	280	594,1	20
16	Соловьевка.....	Кіевская.....	50 12	29 33	190	526,2	18
17	Маринская ферма.....	Саратовская.....	51 38	45 27	185	881,6	20
18	Мавдрово.....	Воронежская.....	50 18	38 14	230	508,2	18
19	Пинскъ.....	Минская.....	52 7	26 6	140	584,1	19

Такъ какъ десятилѣтія не всегда были полны, то мы дополняли недостающія значенія чрезъ интерполированіе по наблюденіямъ сосѣднихъ станцій. Если-же и это было невозможно, то въ такихъ случаяхъ, когда не хваталъ лишь одинъ годъ, мы считали среднее значеніе изъ 9 лѣтъ какъ-бы среднимъ изъ 10 лѣтъ.

Ниже мы даемъ нѣкоторыя замѣчанія о такихъ станціяхъ, недостающія наблюденія которыхъ надо было дополнять изъ наблюденій другихъ станцій.

Лугань. Такъ какъ въ 1871 году существовало еще слишкомъ мало дождемѣрныхъ станцій, то недостающія наблюденія станціи за этотъ годъ нельзя было дополнить чрезъ интерполированіе наблюденій смежныхъ станцій; а потому среднее значеніе десятилѣтія 1871—1880 года образовано лишь изъ наблюденій 9 лѣтъ.

Воронежъ. Въ десятилѣтіи 1861—1870 года недостаетъ наблюденій за 1861 годъ, которыя не могли быть дополнены.

Въ 1889 году недостаетъ наблюденій за сентябрь, которыя были дополнены чрезъ интерполированіе наблюденій на станціяхъ Острогожскъ, Задонскъ и Старая Хворостань.

Львовъ (Лембергъ). Въ десятилѣтіи 1871—1880 года недостаетъ наблюденій за 1872 годъ.

Краковъ. Здѣсь недостаетъ наблюденій 1861 г. въ первомъ десятилѣтіи.

Тарнополь. Здѣсь недостаетъ наблюденій 1861, 1870 и 1883 года, такъ что первое и послѣднее десятилѣтіе остались неполными.

Относительно послѣднихъ трехъ австрійскихъ станцій Львовъ, Краковъ и Тарнополь надо еще замѣтить, что до 1870 года въ австрійскихъ лѣтописяхъ («Jahrbücher der K. K. Central-Anstalt für Meteorologie und Erdmagnetismus») количество осадковъ дано въ парижскихъ дюймахъ, переведенныхъ нами въ миллиметры.

Гулынки. Недостающія наблюденія за сентябрь 1888 года дополнены изъ наблюдений Рязани, Скопина и Зарайска.

Телеханы. Недостающія наблюденія 1871 года нельзя было дополнить.

Въ 1873 году недостающія наблюденія двухъ мѣсяцевъ были замѣщены наблюденіями въ Пинскѣ.

Наблюденія за 1886 годъ получились чрезъ интерполированіе наблюдений въ Корощинѣ, Начѣ и Ратно.

Недостающія наблюденія второй половины 1888 года мы дополнили чрезъ интерполированіе наблюдений на станціяхъ Пинскъ и Корощинъ.

Новая Александрія. Недостающія наблюденія слѣдующихъ мѣсяцевъ получены чрезъ интерполированіе: августа 1882 г. по наблюденіямъ станцій Варшава и Бѣлостокъ; сентября, октября, ноября и декабря 1883 г. по наблюденіямъ станцій Варшава и Люблинъ; съ января по май 1884 г. по наблюденіямъ Радома и Люблина.

Горки. Наблюденія этой станціи кажутся намъ не совсѣмъ надежными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы вычислили рядъ среднихъ за нѣсколько лѣтъ изъ наблюдений 7 станцій, лежащихъ вокругъ Горокъ, и сравнили ихъ съ данными соответствующихъ лѣтъ въ Горкахъ. Здѣсь оказалось, что среднія значенія количествъ осадковъ въ окрестности значительно больше, чѣмъ количества, наблюденныя въ Горкахъ.

Чтобы облегчить обзоръ всего матеріала, мы сопоставили въ слѣдующей таблицѣ II среднія значенія за пять и десять лѣтъ, присоединивъ сюда-же и нормальныя величины для каждой станціи.

ТАВЛИЦА II

№	Названія станцій.	Нормальное значение.									
		1861-65.	1866-70.	1861-70.	1871-75.	1876-80.	1871-80.	1881-85.	1886-90.	1881-90.	
1	Варшава.....	565,2	539,6	609,4	669,5	668,6	542,2	555,4	522,9	556,0	539,5
2	Кіевъ.....	540,1	488,6	561,5	535,0	514,8	577,0	545,9	557,9	592,6	575,2
3	Москва.....	530,3	505,2	558,0	581,6	597,8	603,8	600,8	510,7	512,7	511,7
4	Николаевъ.....	360,0	362,2	362,2	327,2	376,4	384,3	380,3	322,1	371,2	346,6
5	Лугань.....	381,0	281,2	378,4	329,8	389,8	467,1	430,1	400,3	429,7	415,0
6	Воронежъ.....	567,3	524,8	521,9	523,2	545,2	637,9	601,6	597,9	481,1	539,5
7	Львовъ.....	685,7	684,3	768,8	716,6	649,2	714,2	685,2	763,4	606,2	684,3
8	Краковъ.....	687,2	687,2	600,1	616,6	695,0	688,8	691,9	671,4	644,6	658,0
9	Тарнополь.....	577,2	544,5	525,6	585,1	579,1	614,7	596,9	619,0	546,4	578,6
10	Горки.....	500,3	—	—	—	466,0	589,1	502,5	441,7	437,9	439,8
11	Одесса.....	418,6	—	360,2	—	387,7	536,1	461,9	436,9	472,8	454,9
12	Луганки.....	467,3	—	—	—	512,5	481,8	496,9	421,6	466,7	444,2
13	Телеханки.....	581,8	—	—	—	556,3	632,9	608,3	571,6	580,3	575,9
14	Новая Александрія.....	609,7	—	—	—	632,9	649,6	642,2	595,3	595,9	595,6
15	Жирятно.....	594,1	—	—	—	601,8	663,8	582,8	559,1	674,3	616,7
16	Солоньевка.....	526,2	—	—	—	—	558,9	—	492,2	581,7	536,9
17	Маринская ферма.....	381,5	—	—	—	—	396,7	—	408,1	340,6	374,4
18	Мандрово.....	508,2	—	—	—	—	488,0	—	515,3	509,3	512,3
19	Пинскъ.....	584,1	—	—	—	—	607,7	—	564,2	576,6	570,4

Изъ этой таблицы видно, что только 9 станцій имѣютъ полный рядъ среднихъ значеній за всѣ три десятилѣтія, а именно:

1. Варшава	4. Николаевъ	7. Львовъ
2. Кіевъ	5. Лугань	8. Краковъ
3. Москва	6. Воронежъ	9. Тарнополь.

Далѣе 6 станцій представляютъ наблюденія лишь за два полныхъ десятилѣтія:

1. Горки	4. Телеханы
2. Одесса	5. Новая Александрія
3. Гулынки	6. Жирятино.

Наконецъ остаются еще 4 станціи, наблюденія которыхъ простираются лишь на одно полное десятилѣтіе:

1. Соловьевка	3. Мандрово
2. Маринская ферма	4. Пинскъ.

Послѣдними мы все-же можемъ воспользоваться, сравнивъ среднія значенія десятилѣтія 1881—1890 года съ нормальнымъ значеніемъ этихъ станцій.

Данныя таблицы II даютъ для пятилѣтнихъ среднихъ значеній дѣйствительно еще слишкомъ переменчивыя величины, такъ что для нашей цѣли изъ нихъ нельзя во всякомъ случаѣ вывести какія-либо заключенія. Потому мы воспользуемся только средними изъ 10 лѣтъ.

Въ слѣдующей таблицѣ III мы даемъ отклоненія этихъ среднихъ значеній отъ нормальныхъ величинъ соответствующихъ станцій; при чемъ въ первыхъ трехъ столбцахъ даны отклоненія нашихъ десятилѣтнихъ среднихъ отъ нормальныхъ величинъ въ десятилѣтіяхъ: 1861—1870, 1871—1880 и 1881—1890, а въ четвертомъ—вѣроятная ошибка десятилѣтняго среднего значенія соответствующихъ станцій; эти величины я вычислилъ изъ данныхъ таблицы K ¹⁾ въ «Осадкахъ Россійской Имперіи».

1) «Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи», стр. 69.

Для этой цѣли я воспользовался формулой:

$$F_1 = F \sqrt{\frac{n}{n_1}}^1,$$

гдѣ n означаетъ число лѣтъ, для которыхъ дана вѣроятная ошибка F въ таблицѣ К, а F_1 — искомую вѣроятную ошибку среднего значенія изъ $n_1 = 10$ лѣтъ.

При этомъ вычисленіи мы ограничиваемся лишь тѣми станціями, которыя въ послѣднемъ десятилѣтіи имѣютъ отрицательное отклоненіе и которыя находятся въ таблицѣ К названнаго сочиненія.

Пятый и послѣдній столбецъ даетъ намъ наконецъ разницы между количествомъ осадковъ въ послѣднемъ десятилѣтіи 1881—1890 и первомъ 1861—1870.

ТАБЛИЦА III

№	Названія станцій.	Отклоненіе отъ нормальной величины въ десятилѣтіи:			Вѣроятная ошибка десятилѣтнаго среднего значенія.	Отклоненіе послѣднаго десятилѣтія отъ перваго.
		1861—1870.	1871—1880.	1881—1890.		
1	Варшава.....	— 1,7	— 9,8	—25,7	27,8	—24,0
2	Кіевъ.....	—15,1	+ 5,8	+35,1	—	+50,2
3	Москва.....	+ 1,8	+70,5	—18,6	19,2	—19,9
4	Николаевъ.....	—32,8	+20,3	—13,4	—	+19,4
5	Лугань.....	—51,2	+49,1	+34,0	—	+85,2
6	Воронежъ.....	—44,1	+34,3	—27,8	25,9	+16,3
7	Львовъ.....	+30,9	— 0,5	— 0,9	—	—31,8
8	Краковъ.....	—20,6	+54,7	+10,8	—	+31,4
9	Тарнополь.....	—42,1	+19,7	+ 1,4	—	+48,5
10	Горки.....	—	+ 2,2	—60,5	14,7	—
11	Одесса.....	—	+48,3	+41,3	—	—
12	Гуляйки.....	—	+29,6	—23,1	—	—
13	Телеханы.....	—	+21,5	— 5,9	—	—
14	Новая Александрія	—	+32,5	—14,1	—	—
15	Жирятино.....	—	—11,3	+22,6	—	—
16	Соловьевка.....	—	—	+10,7	—	—
17	Маринская ферма.	—	—	— 7,1	—	—
18	Мандрово.....	—	—	+ 4,1	—	—
19	Пинскъ.....	—	—	—13,7	—	—

1) Эта формула примѣняется въ томъ-же сочиненіи академика Вильда на стр. 70, но въ другомъ видѣ.

Изъ этой таблицы мы видимъ слѣдующее:

Разсматривая первые три столбца ея, мы видимъ, вообще говоря, въ первомъ десятилѣтїи отрицательное отклоненіе (т. е. слишкомъ мало осадковъ), далѣе во второмъ болѣе или менѣе большое положительное отклоненіе (т. е. слишкомъ много осадковъ) и наконецъ въ послѣднемъ десятилѣтїи снова отрицательное отклоненіе, но меньшее, чѣмъ отклоненіе въ первомъ десятилѣтїи.

Смотря по характеру отклоненій 9 первыхъ станцій въ послѣднемъ десятилѣтїи, эти станціи можно разбить на три группы:

Первая содержитъ такія станціи, уменьшеніе осадковъ которыхъ въ послѣднемъ десятилѣтїи меньше, чѣмъ въ первомъ; сюда принадлежатъ станціи: Николаевъ и Воронежъ.

Вторая группа содержитъ станціи, которыя въ десятилѣтїи 1881 — 1890 имѣютъ слишкомъ много, а въ десятилѣтїи 1861 — 1870 слишкомъ мало осадковъ сравнительно съ нормальной величиной; къ этой группѣ принадлежатъ слѣдующія станціи: Кіевъ, Лугань, Краковъ и Тарнополь.

Послѣдняя группа станцій, къ которой относятся Москва, Варшава и Львовъ, имѣетъ во всѣхъ трехъ десятилѣтїяхъ слишкомъ мало осадковъ и обнаруживаетъ къ тому-же постоянное уменьшеніе количества осадковъ отъ перваго десятилѣтїя къ послѣднему.

Если мы сопоставимъ всѣ отклоненія отъ нормальной величины количества осадковъ въ послѣднемъ десятилѣтїи для всѣхъ 19 станцій, то мы увидимъ, что можно провести отъ запада къ востоку линію, которая раздѣлила-бы всѣ станціи на двѣ группы и при томъ такъ, что станціи съ положительнымъ отклоненіемъ отъ нормальной величины окажутся къ югу отъ этой линіи, а станціи съ отрицательнымъ отклоненіемъ къ сѣверу. Единственное исключеніе представляетъ Николаевъ, который имѣетъ отрицательное отклоненіе, а расположенъ все-же къ югу отъ нашей линіи.

Если-бы эта линія имѣла направленіе перпендикулярное къ

господствующему вѣтру и если-бы господствующій вѣтеръ былъ южный, то указанное распредѣленіе станцій съ отрицательными и положительными отклоненіями можно-бы было объяснить тѣмъ, что въ послѣднемъ десятилѣтіи вслѣдствіе осушенія болотъ приносилось съ Полѣсья на сѣверъ меньше водяныхъ паровъ. Такъ какъ однако господствующіе въ этой мѣстности вѣтры западные, то все предположеніе уничтожается само собой.

Принимая далѣе во вниманіе и четвертый столбецъ нашей таблицы, мы видимъ, что у всѣхъ тѣхъ станцій, которыя имѣютъ отрицательное отклоненіе, величина этого отклоненія лежитъ въ предѣлахъ вѣроятной ошибки, какъ напримѣръ у станцій: Москва и Варшава, или-же это отклоненіе лишь нѣсколько превышаетъ вѣроятную ошибку, какъ у Воронежа. Только станція Горки представляетъ въ этомъ исключеніе, такъ какъ отрицательное отклоненіе этой станціи значительно больше вѣроятной ошибки. Но такъ какъ наблюденія Горокъ представляются, какъ выше указано, сомнительными и даютъ во всякомъ случаѣ слишкомъ малыя значенія количествъ осадковъ, то данныя этой станціи не могутъ имѣть въ нашемъ вопросѣ рѣшающаго значенія.

Изъ пятого столбца нашей таблицы мы наконецъ видимъ, что большая часть станцій обнаруживаетъ увеличеніе количества осадковъ и только три станціи изъ девяти, а именно Варшава, Москва и Львовъ имѣютъ незначительное уменьшеніе осадковъ.

Все это указываетъ намъ на то, что увеличенія и уменьшенія количества осадковъ, которыя мы видимъ у нашихъ станцій, нельзя приписывать разсматриваемой нами причинѣ, т. е. осушенію болотъ, но слѣдуетъ считать явленіемъ, зависящимъ отъ общихъ измѣненій погоды.

До сихъ поръ мы разсматривали только годовыя суммы осадковъ, не изслѣдуя отдѣльно лѣтніе мѣсяцы. Мы поступали такъ потому, что Полѣсье расположено въ области лѣтнихъ дождей, такъ что годовое количество зависитъ преимущественно отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Чтобы однако избѣгнуть всякаго возраженія въ этомъ направленіи, мы распространимъ наше изслѣдованіе для нѣкоторыхъ станцій также и на лѣтніе мѣсяцы отдѣльно, а именно для станцій: Кіевъ, Горки и Воронежъ, такъ какъ Кіевъ обнаруживаетъ наибольшее отклоненіе отъ нормальной величины въ положительномъ смыслѣ, а Горки и Воронежъ наибольшія отклоненія, но въ противоположномъ смыслѣ; къ тому-же Горки представляетъ единственную станцію, отклоненія которой отъ нормальной величины значительно больше, чѣмъ вѣроятная ошибка десятилѣтняго средняго значенія количества осадковъ.

Выборъ этихъ именно станцій оправдывается еще тѣмъ, что онѣ расположены въ совершенно различныхъ направленіяхъ отъ Полѣся.

Чтобы сдѣлать наше изслѣдованіе болѣе нагляднымъ, мы представимъ результаты его и здѣсь также въ двухъ таблицахъ. Первая составлена такимъ-же образомъ, какъ и таблица II, съ тою только разницей, что здѣсь среднія количества осадковъ за 5 и за 10 лѣтъ даны лишь для 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ: май, іюнь, іюль и августъ¹⁾.

ТАБЛИЦА IV.

№	Названія станцій.	Среднія знач. для 4 лѣтн. мѣс.	1861—1865.	1866—1870.	1861—1870.	1871—1875.	1876—1880.	1871—1880.	1881—1885.	1886—1890.	1881—1890.
2	Кіевъ.	243,6	275,3	235,9	255,6	209,6	219,7	214,6	264,8	249,3	257,1
6	Воронежъ.	236,4	220,3	222,1	221,2	197,0	231,5	214,2	258,0	235,9	246,9
10	Горки.	254,4	—	—	—	206,3	261,1	233,7	251,3	231,6	241,4

1) Наблюденія за лѣтніе мѣсяцы этихъ 3-хъ станцій: Кіевъ, Воронежъ и Горки также находятся въ приложеніи.

Среднія значенія для 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, находящіяся въ этой таблицѣ, я вычислилъ, воспользовавшись средними значеніями въ «Осадкахъ»¹⁾ и дополнилъ ихъ наблюденіями 8-ми слѣдующихъ лѣтъ.

Вторая таблица V соотвѣтствуетъ по формѣ таблицѣ III.

Въ первыхъ трехъ столбцахъ мы даемъ отклоненія количества осадковъ отъ ихъ нормальныхъ значеній за четыре лѣтніе мѣсяцы въ десятилѣтіяхъ: 1861—1870, 1871—1880, 1881—1890.

Въ послѣднемъ столбцѣ находятся разности перваго и послѣдняго десятилѣтія.

ТАБЛИЦА V.

№	Названія станцій.	Отклоненіе отъ нормальнаго значенія въ десятилѣтія:			Отклоненіе послѣдняго десятилѣтія отъ перваго.
		1861—1870.	1871—1880.	1881—1890.	
2	Кіевъ.....	+ 12,0	— 29,0	+ 13,5	+ 1,5
6	Воронежъ...	— 15,2	— 22,2	+ 10,5	+ 25,7
10	Горки.....	—	— 20,7	— 13,0	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, что Кіевъ, обнаружившій положительное отклоненіе отъ нормальной величины въ годовой суммѣ послѣдняго десятилѣтія, и здѣсь также даетъ тотъ-же результатъ. Большое отрицательное отклоненіе во второмъ десятилѣтіи у этой станціи не имѣетъ значенія для рѣшенія нашего вопроса, ибо въ періодъ 1871—1880 года работы въ Полѣсѣ едва только начались, а потому это уменьшеніе осадковъ нельзя приписывать вліянію осушенія болотъ.

1) Таблица А, стр. 12.

Что касается до Воронежа, то мы видимъ, что хотя у годовой суммы этой станціи и наблюдалось отрицательное отклоненіе, здѣсь у однихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ получается положительное отклоненіе.

Горки-же и здѣсь также даетъ отрицательное отклоненіе; но это отклоненіе гораздо меньше, чѣмъ отрицательное отклоненіе въ десятилѣтіи 1871—1880, гдѣ не могло еще провозйти замѣтнаго вліянія осушенія болотъ, а потому данныя Горокъ, даже если-бы они были вполнѣ надежны, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ нашемъ вопросѣ.

Изъ послѣдняго столбца нашей таблицы видно, что какъ для Кіева, такъ и для Воронежа получается увеличеніе количества осадковъ отъ перваго десятилѣтія къ послѣднему.

Наконецъ мы изслѣдуемъ еще, превышаетъ-ли отрицательное отклоненіе у Горокъ въ послѣднемъ десятилѣтіи также и лѣтомъ границы вѣроятной ошибки, или нѣтъ. Для этой цѣли мы составили далѣе вѣроятныя ошибки десятилѣтнихъ среднихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ для Горокъ; эти ошибки мы, подобно тому, какъ раньше, вычислили изъ соотвѣтствующихъ многолѣтнихъ среднихъ величинъ таблицы К въ сочиненіи г. академика Вильда (стр. 69).

Вѣроятныя ошибки десятилѣтнихъ мѣсячныхъ среднихъ количества осадковъ:

	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.
	<i>mm</i>	<i>mm</i>	<i>mm</i>	<i>mm</i>
Горки.	7,5	7,9	8,1	6,5.

Очевидно, вѣроятная ошибка суммы количества осадковъ за четыре мѣсяца вмѣстѣ не будетъ соотвѣтствовать среднему значенію этихъ отдѣльныхъ ошибокъ, но будетъ больше этого средняго значенія. Это видно изъ выше упомянутой таблицы К, гдѣ мы находимъ на ряду съ вѣроятной ошибкой годовой суммы также среднее значеніе изъ вѣроятныхъ ошибокъ отдѣльныхъ мѣсячныхъ суммъ. На основаніи этихъ данныхъ видно, что

среднее значеніе вѣроятныхъ ошибокъ всѣхъ мѣсяцевъ гораздо меньше, чѣмъ вѣроятная ошибка года, а потому мы можемъ вывести заключеніе, что точно также среднее значеніе изъ вѣроятныхъ ошибокъ отдѣльныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ меньше, чѣмъ вѣроятная ошибка для всей суммы осадковъ за лѣто.

Потому мы можемъ заключить, что отрицательное отклоненіе суммы осадковъ за лѣто у Горокъ едва-ли будетъ больше, чѣмъ вѣроятная ошибка этой суммы, такъ какъ вѣроятная ошибка отдѣльныхъ мѣсяцевъ только немного меньше, чѣмъ наблюденное отклоненіе.

Значить и при изслѣдованіи однихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ не замѣтно большого уменьшенія количества осадковъ.

Заканчивая этимъ наше изслѣдованіе, мы приходимъ на основаніи его къ заключенію, что начатое осушеніе Полѣсья не имѣло повидимому никакого существеннаго вліянія на количество выпадающихъ осадковъ въ самой разсматриваемой области и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ; по крайней мѣрѣ изъ наблюденій, которыя были въ нашемъ распоряженіи, нельзя доказать существованія такого вліянія.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1. Варшава.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	511,3	1871	674,7	1881	425,3
1862	381,7	1872	589,1	1882	673,7
1863	439,4	1873	573,1	1883	593,6
1864	610,3	1874	443,5	1884	429,9
1865	675,1	1875	562,5	1885	492,0
1861—1865	523,6	1871—1875	568,6	1881—1885	522,9
1866	459,0	1876	577,2	1886	400,8
1867	551,8	1877	490,8	1887	574,4
1868	742,8	1878	542,8	1888	653,5
1869	620,0	1879	573,0	1889	669,9
1870	643,5	1880	527,1	1890	481,6
1866—1870	603,4	1876—1880	542,2	1886—1890	556,0
1861—1870	563,5	1871—1880	555,4	1881—1890	539,5

2. Кіевъ.

1861	504,3	1871	545,3	1881	439,2
1862	330,0	1872	441,4	1882	543,4
1863	332,1	1873	435,2	1883	503,0
1864	529,3	1874	536,6	1884	649,1
1865	747,2	1875	615,3	1885	654,3
1861—1865	483,6	1871—1875	514,8	1881—1885	557,8
1866	482,3	1876	551,5	1886	636,0
1867	606,4	1877	608,9	1887	626,4
1868	423,0	1878	493,4	1888	541,8
1869	579,1	1879	746,7	1889	710,9
1870	711,7	1880	484,6	1890	448,1
1866—1870	561,5	1876—1880	577,0	1886—1890	592,6
1861—1870	525,0	1871—1880	545,9	1881—1890	575,2

3. Москва.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	541,8	1871	579,8	1881	443,4
1862	522,8	1872	648,5	1882	436,2
1863	484,2	1873	570,0	1883	580,0
1864	494,6	1874	618,3	1884	572,5
1865	488,2	1875	572,4	1885	571,5
1861—1865	505,2	1871—1875	597,8	1881—1885	510,7
1866	508,3	1876	658,4	1886	478,7
1867	699,6	1877	606,3	1887	516,6
1868	349,3	1878	611,8	1888	521,9
1869	647,3	1879	566,6	1889	574,4
1870	590,5	1880	575,9	1890	471,9
1866—1870	558,0	1876—1880	608,8	1886—1890	512,7
1861—1870	531,6	1871—1880	600,8	1881—1890	511,7

4. Николаевъ.					
Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	443,8	1871	364,6	1881	389,6
1862	288,6	1872	358,8	1882	321,2
1863	199,7	1873	326,7	1883	256,7
1864	432,4	1874	406,2	1884	341,9
1865	402,2	1875	425,8	1885	301,3
1861—1865	352,2	1871—1875	376,4	1881—1885	322,1
1866	308,1	1876	291,1	1886	351,1
1867	219,7	1877	432,4	1887	498,2
1868	228,5	1878	515,5	1888	292,3
1869	378,4	1879	402,3	1889	385,3
1870	376,4	1880	280,1	1890	329,3
1866—1870	302,2	1876—1880	384,3	1886—1890	371,2
1861—1870	327,2	1871—1880	380,3	1881—1890	346,6

Б. Лугань.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	304,3	1871	—	1881	406,5
1862	276,9	1872	297,2	1882	447,0
1863	223,7	1873	381,8	1883	312,8
1864	301,8	1874	387,1	1884	433,5
1865	299,2	1875	469,0	1885	396,5
1861—1865	281,2	1871—1875	383,8	1881—1885	400,3
1866	243,4	1876	422,2	1886	346,5
1867	385,4	1877	560,5	1887	481,2
1868	382,3	1878	444,9	1888	508,1
1869	403,0	1879	485,5	1889	381,8
1870	477,8	1880	422,5	1890	430,7
1866—1870	378,4	1876—1880	467,1	1886—1890	429,7
1861—1870	329,8	1871—1880	430,1	1881—1890	415,0

6. Воронежъ.					
Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	664,8	1881	766,7
1862	578,3	1872	377,1	1882	447,7
1863	419,3	1873	674,0	1883	537,0
1864	513,6	1874	488,8	1884	593,0
1865	588,2	1875	526,5	1885	644,1
1861—1865	524,8	1871—1875	545,2	1881—1885	597,9
1866	541,8	1876	640,1	1886	591,5
1867	645,0	1877	657,0	1887	541,5
1868	436,8	1878	610,3	1888	469,1
1869	381,5	1879	763,3	1889	387,7
1870	604,4	1880	619,0	1890	415,8
1866—1870	521,9	1876—1880	657,9	1886—1890	481,1
1861—1870	523,2	1871—1880	601,6	1881—1890	539,5

7. ЛЬВОВЪ.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	617,4	1871	759,0	1881	686,0
1862	605,8	1872	—	1882	941,0
1863	552,2	1873	878,0	1883	647,0
1864	935,7	1874	714,5	1884	854,0
1865	611,1	1875	745,2	1885	739,0
1861—1865	664,8	1871—1875	649,2	1881—1885	763,4
1866	678,5	1876	764,7	1886	478,0
1867	974,8	1877	681,8	1887	623,0
1868	664,8	1878	719,7	1888	641,0
1869	737,4	1879	889,0	1889	795,0
1870	789,1	1880	516,0	1890	494,0
1866—1870	768,8	1876—1880	714,2	1886—1890	606,2
1861—1870	716,6	1871—1880	685,2	1881—1890	684,8

8. КРАКОВЪ.

1861	—	1871	698,0	1881	670,0
1862	592,8	1872	982,0	1882	741,0
1863	541,4	1873	592,0	1883	596,0
1864	711,1	1874	605,8	1884	645,0
1865	708,4	1875	647,8	1885	705,0
1861—1865	637,2	1871—1875	695,0	1881—1885	671,4
1866	564,5	1876	685,0	1886	565,0
1867	750,7	1877	724,7	1887	578,0
1868	552,2	1878	719,5	1888	719,0
1869	531,9	1879	812,0	1889	631,0
1870	601,0	1880	508,0	1890	730,0
1866—1870	600,1	1876—1880	688,8	1886—1890	644,6
1861—1870	616,6	1871—1880	691,9	1881—1890	658,0

9. Тарнополь.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	680,0	1881	619,0
1862	481,8	1872	613,0	1882	609,0
1863	484,5	1873	497,0	1883	—
1864	690,3	1874	530,6	1884	664,0
1865	571,4	1875	574,9	1885	584,0
1861—1865	544,5	1871—1875	579,1	1881—1885	619,0
1866	528,8	1876	784,9	1886	497,0
1867	437,6	1877	528,9	1887	573,0
1868	512,8	1878	686,7	1888	444,0
1869	623,3	1879	670,0	1889	708,0
1870	—	1880	453,0	1890	510,0
1866—1870	525,6	1876—1880	614,7	1886—1890	546,4
1861—1870	535,1	1871—1880	596,9	1881—1890	578,6

10. Горки.

1861	—	1871	535,0	1881	411,3
1862	419,3	1872	437,7	1882	444,5
1863	—	1873	522,6	1883	516,8
1864	—	1874	411,2	1884	404,5
1865	—	1875	422,7	1885	431,4
1861—1865	—	1871—1875	466,0	1881—1885	441,7
1866	—	1876	520,7	1886	403,3
1867	—	1877	501,0	1887	475,4
1868	—	1878	451,3	1888	352,4
1869	—	1879	674,3	1889	443,5
1870	—	1880	547,6	1890	515,2
1866—1870	—	1876—1880	539,1	1886—1890	437,9
1861—1870	—	1871—1880	502,5	1881—1890	439,3

11. Одесса.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	382,1	1871	386,4	1881	561,7
1862	—	1872	298,5	1882	449,8
1863	—	1873	289,8	1883	286,2
1864	—	1874	449,0	1884	485,5
1865	—	1875	625,0	1885	401,3
1861—1865	—	1871—1875	387,7	1881—1885	436,9
1866	314,1	1876	489,3	1886	484,4
1867	268,5	1877	567,4	1887	479,5
1868	253,7	1878	577,6	1888	459,8
1869	405,2	1879	583,5	1889	527,1
1870	559,6	1880	462,5	1890	413,4
1866—1870	360,2	1876—1880	536,1	1886—1890	472,8
1861—1870	—	1871—1880	461,9	1881—1890	454,9

12. Гулянки.					
Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	482,6	1881	487,4
1862	—	1872	567,4	1882	434,7
1863	—	1873	568,6	1883	377,0
1864	—	1874	521,6	1884	412,8
1865	—	1875	422,1	1885	446,1
1861—1865	—	1871—1875	512,5	1881—1885	421,6
1866	—	1876	559,6	1886	538,9
1867	—	1877	522,6	1887	481,1
1868	—	1878	443,6	1888	487,9
1869	—	1879	494,0	1889	419,9
1870	—	1880	385,6	1890	405,5
1866—1870	—	1876—1880	481,3	1886—1890	466,7
1861—1870	—	1871—1880	496,9	1881—1890	444,2

13. Телеханы.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	—	1881	507,9
1862	—	1872	660,8	1882	498,0
1863	—	1873	524,5	1883	704,1
1864	—	1874	493,1	1884	494,7
1865	—	1875	647,4	1885	658,5
1861—1865	—	1871—1875	566,8	1881—1885	571,6
1866	—	1876	689,9	1886	480,9
1867	—	1877	603,7	1887	690,7
1868	—	1878	707,3	1888	408,2
1869	—	1879	651,5	1889	691,4
1870	—	1880	512,4	1890	630,1
1861—1865	—	1876—1880	632,9	1886—1890	580,3
1861—1870	—	1871—1880	603,3	1881—1890	575,9

14. Новая Александрія.

1861	—	1871	—	1881	508,4
1862	—	1872	722,1	1882	665,7
1863	—	1873	559,0	1883	668,9
1864	—	1874	480,3	1884	569,8
1865	—	1875	770,2	1885	568,5
1866—1870	—	1871—1875	632,9	1881—1885	595,3
1866	—	1876	710,1	1886	502,2
1867	—	1877	616,7	1887	600,9
1868	—	1878	572,0	1888	671,0
1869	—	1879	740,4	1889	662,8
1870	—	1880	608,8	1890	542,8
1866—1870	—	1876—1880	649,6	1886—1890	595,9
1861—1870	—	1871—1880	642,2	1881—1890	595,6

15. Жирятино.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	398,8	1881	455,3
1862	—	1872	419,2	1882	609,0
1863	—	1873	489,5	1883	604,5
1864	—	1874	533,0	1884	583,5
1865	—	1875	674,4	1885	543,0
1861—1865	—	1871—1875	501,8	1881—1885	559,1
1866	—	1876	689,7	1886	681,1
1867	—	1877	740,1	1887	675,1
1868	—	1878	586,4	1888	617,8
1869	—	1879	719,2	1889	869,6
1870	—	1880	583,6	1890	587,8
1866—1870	—	1876—1880	663,8	1886—1890	674,3
1861—1870	—	1871—1880	582,8	1881—1890	616,7

16. Соловьѣвка.

1861	—	1871	—	1881	435,7
1862	—	1872	—	1882	555,0
1863	—	1873	426,2	1883	471,7
1864	—	1874	453,9	1884	520,4
1865	—	1875	568,0	1885	478,5
1861—1865	—	1871—1875	—	1881—1885	492,2
1866	—	1876	608,2	1886	517,2
1867	—	1877	520,9	1887	694,4
1868	—	1878	591,5	1888	594,2
1869	—	1879	635,5	1889	731,6
1870	—	1880	488,8	1890	490,9
1866—1870	—	1876—1880	558,9	1886—1890	581,7
1861—1870	—	1871—1880	—	1881—1890	586,9

17. Маринская Ферма.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	—	1881	363,0
1862	—	1872	—	1882	327,6
1863	—	1873	359,9	1883	442,8
1864	—	1874	363,0	1884	572,3
1865	—	1875	423,5	1885	334,9
1861—1865	—	1871—1875	—	1881—1885	408,1
1866	—	1876	300,0	1886	475,7
1867	—	1877	421,2	1887	341,2
1868	—	1878	405,9	1888	316,1
1869	—	1879	339,0	1889	290,4
1870	—	1880	521,3	1890	279,8
1866—1870	—	1876—1880	395,7	1886—1890	340,6
1861—1870	—	1871—1880	—	1881—1890	374,4

18. Мандрово.

1861	—	1871	—	1881	660,4
1862	—	1872	—	1882	525,5
1863	—	1873	—	1883	521,2
1864	—	1874	378,6	1884	464,5
1865	—	1875	481,8	1885	404,9
1861—1865	—	1871—1875	—	1881—1885	515,3
1866	—	1876	407,2	1886	425,3
1867	—	1877	522,3	1887	580,8
1868	—	1878	503,4	1888	520,2
1869	—	1879	449,1	1889	468,1
1870	—	1880	557,6	1890	552,1
1866—1870	—	1876—1880	488,0	1886—1890	509,3
1861—1870	—	1871—1880	—	1881—1890	512,3

19. ЦИНСКЪ.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	—	1881	550,4
1862	—	1872	—	1882	485,4
1863	—	1873	528,0	1883	692,2
1864	—	1874	491,7	1884	499,1
1865	—	1875	—	1885	593,7
1861—1865	—	1871—1875	—	1881—1885	564,2
1866	—	1876	645,0	1886	463,9
1867	—	1877	510,2	1887	659,4
1868	—	1878	748,3	1888	410,1
1869	—	1879	648,7	1889	728,8
1870	—	1880	486,4	1890	621,0
1866—1870	—	1876—1880	607,7	1886—1890	576,6
1861—1870	—	1871—1880	—	1881—1890	570,4

**Количества осадковъ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ
на станціяхъ: Кіевъ, Воронежъ и Горки.**

2. Кіевъ.

1861	319,3	1871	216,4	1881	177,2
1862	172,7	1872	239,3	1882	304,3
1863	177,2	1873	178,7	1883	232,7
1864	292,9	1874	162,2	1884	260,9
1865	414,6	1875	251,2	1885	349,2
1861—1865	275,3	1871—1875	209,6	1881—1885	264,8
1866	179,3	1876	223,6	1886	321,5
1867	278,1	1877	183,6	1887	226,0
1868	141,0	1878	190,1	1888	254,0
1869	242,9	1879	287,3	1889	244,1
1870	333,2	1880	213,7	1890	200,7
1866—1870	235,9	1876—1880	219,7	1886—1890	249,3
1861—1870	255,6	1871—1880	214,6	1881—1890	257,1

6. Воронежъ.

Года.	Осадки.	Года.	Осадки.	Года.	Осадки.
1861	—	1871	183,5	1881	385,6
1862	106,8	1872	163,1	1882	169,5
1863	233,6	1873	256,4	1883	203,1
1864	241,6	1874	206,8	1884	243,9
1865	299,2	1875	175,3	1885	237,9
1861—1865	220,3	1871—1875	197,0	1881—1885	258,0
1866	222,7	1876	215,6	1886	372,5
1867	329,1	1877	220,0	1887	227,1
1868	151,9	1878	243,5	1888	237,0
1869	144,9	1879	222,7	1889	139,0
1870	261,8	1880	252,6	1890	203,7
1866—1870	222,1	1876—1880	231,5	1886—1890	235,9
1861—1870	221,2	1871—1880	214,2	1881—1890	246,9

10. Горки.

1861	238,7	1871	198,3	1881	238,7
1862	249,6	1872	207,8	1882	246,6
1863	—	1873	285,9	1883	305,6
1864	340,1	1874	210,1	1884	257,5
1865	—	1875	129,6	1885	203,4
1861—1865	—	1871—1875	206,3	1881—1885	251,3
1866	341,6	1876	202,3	1886	233,3
1867	—	1877	233,4	1887	262,1
1868	120,8	1878	176,0	1888	172,3
1869	411,3	1879	431,6	1889	203,6
1870	—	1880	257,1	1890	276,3
1866—1870	—	1876—1880	261,1	1886—1890	231,6
1861—1870	—	1871—1880	233,7	1881—1890	241,4

